САМЫЕ
НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ
СЮЖЕТЫ
В ФАНТАСТИКЕ

Уильям
ТЕНН

Балдежный критерий

НЕПРИЯТНОСТИ
С ПРИШЕЛЬЦАМИ
ГАРАНТИРОВАНЫ!

Уильям
ТЕНН

Балдежный критерий

Уильям

ТЕНН

Балдежный критерий

Уильям
ТЕНН

БАЛДЕЖНЫЙ КРИТЕРИЙ

Фантастические рассказы

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
Домино
2006

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Уильям

ТЕНН

Балдежный критерий

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
Домино
2006

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
Т 33

William TENN
STORIES

Составитель *А. Жикаренцев*

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Тенн У.
Т 33 Балдежный критерий: Фантастические рассказы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2006. — 1120 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-699-03231-2

Непредсказуемость сюжетных поворотов и концовок, юмор и абсолютная оригинальность принесли Уильяму Тенну славу гения фантастической новел - лы. Он и в самом деле Мастер с большой буквы, признанный во всем мире.

Мы с гордостью представляем читателю полное собрание рассказов У. Тенна, значительная часть которых публикуется впервые, и надеемся, что этот том станет истинным украшением любой библиотеки фантастики.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003
© Перевод. А. Александрова, С. Анисимов, В. Баканов, В. Ватик, С. Гансовский, И. Гурова, П. Ехилевская, Б. Жужунава, И. Зивьева, А. Иорданский, В. Кан, В. Ковалевский, А. Кон, А. Корженевский, М. Ланина, С. Левицкий, Г. Малинова, А. Нефедов, Нора Галь, Р. Облонская, Г. Палагута, М. Пчелинцев, Р. Рыбакова, В. Серебряков, А. Смирнов, С. Трофимов, А. Чапковский, Л. Шабад, Ю. Эстрин, 2003

ISBN 5-699-03231-2

Я, снова я и еще раз я

— А вам не кажется, что вы могли бы все же оторваться от этого комикса и хоть немного послушать, что вам скажут перед величайшим приключением в истории человечества? В конце концов, рисковать-то вы будете своей макаронной шеей.— Раздражение прямо-таки переполняло профессора Раддла до самых жидких седых волос.

Маккарти покатал во рту комок жевательного табака и сжал губы, потом задумчиво уставился на эмалированную раковину в пятнадцати футах от огромного прозрачного ящика, обмотанного проводами, над которым трудился профессор. Неожиданно из его рта вырвалась длинная коричневая струя и звонко ударилась о бронзовый кран над раковиной.

Профессор подскочил. Маккарти улыбнулся.

— Меня кличут не Макаронная Шея,— заметил он, протяжно выговаривая слова.— Моя кликуха — Гусиная Шея. И ваще меня знают и уважают в каждой американской тюряге, даже здесь, в Северной Каролине. «Маккарти Гусиная Шея, десять дней за бродяжничество» — это будет правильно. Или еще: «Маккарти Гусиная Шея, двадцать дней за пьянство и хулиганство» — это тоже правильно. Но Макаронной Шеей меня не обзывали *никогда*.— Он помолчал, вздохнул, и кран над раковиной снова звякнул.— Слухай, папаша, я ж тебя чего просил? Чашку кофе да пожевать, может, чего. А с ентой машиной времени ты сам ко мне прицепился.

— Неужели для вас ничего не значит, что скоро вы окажетесь на сто десять миллионов лет в прошлом — в те времена, когда не существовало даже предков человека?

— Не-а. Мне пофигу.

Бывший глава физического факультета Бриндлхэмского бизнес-колледжа с отвращением скривился и уставился сквозь тол-

стые линзы очков на жилистого бродягу с обветренной физиономией, которому он оказался вынужден доверить труд всей своей жизни. Его голова, словно высеченная из гранита, сидела на поразительно длинной и тощей шее; из худого тела торчали длинные руки и ноги, а одежда ограничивалась выцветшим свитером цвета хаки с облегающим воротником, заплатанными коричневыми вельветовыми штанами и потрепанными, некогда крепкими башмаками. Профессор вздохнул:

— От вас зависит судьба человеческих знаний и прогресса! Когда вы два дня назад поднялись на гору к моей хижине, вы были усталым и голодным. У вас не было даже медяка в кармане...

— Медяк был. Да токо в кармане оказалась дырка. Так что он где-то здесь в комнате и валяется, медяк-то.

— Ну ладно, ладно. Медяк у вас *был*. Я вас впустил, накормил сытным горячим завтраком и предложил заплатить сто долларов за то, чтобы вы отправились на моей машине времени в ее первое путешествие. Неужели вам не кажется...

Дзинь! На сей раз это оказался кран для горячей воды.

— ...что взамен,— голос коротышки-физика поднялся почти до истеричной визгливости,— что взамен вы могли бы обратить хотя бы минимум внимания на факты, которые я пытаюсь в вас вдолбить, чтобы эксперимент завершился успешно? Вы вообще представляете, какие фантастические искажения потока времени может вызвать даже один ваш небрежный поступок?

Маккарти неожиданно поднялся, и журнал комиксов с яркими цветными картинками шлепнулся на пол в мешанину катушек с проводами, измерительных приборов и исписанных формулами бумажек. Он шагнул к профессору, над которым возвышался как минимум на целый фут, и его наниматель нервно стиснул гаечный ключ.

— Послухай, мистер профессор Раддл,— поинтересовался он с мягкой настойчивостью,— ежели ты думаешь, будто я мало знаю, так чо тогда не едешь сам, а?

Коротышка умиротворяюще улыбнулся:

— Ладно, ладно, не надо снова упрямиться, Макаронная Шея...

— Гусиная Шея. Маккарти Гусиная Шея.

— Никогда в жизни не встречал таких раздражительных личностей. Вы еще упрямее профессора Дарвина Уиллингтона Уокера, главы математического факультета Бриндлхэмского бизнес-колледжа. Он утверждал, несмотря на неоспоримые доказательства, которые я ему представил, что машина времени не будет работать. «Великие изобретения,— упрямо талдычил он,—

не произрастают из мелких парадоксов. А путешествия во времени так навсегда и останутся набором мелких и чрезвычайно запутанных парадоксов». В результате колледж отказался выделить средства на практическое подтверждение моих исследований, и мне пришлось перебраться сюда, в Северную Каролину. И продолжать работу на собственные средства.— Профессор сердито нахмурился, вспомнив лишенных воображения математиков и скупердяев.

— Но это не ответ.

Раддл задрал голову. Его лысина, слегка прикрытая редкими пучками растрепанных волос, еле заметно покраснела.

— Ну, дело в том,— пояснил он,— что я представляю большую ценность для общества, поскольку моя статья об интраобратимых позициях еще не завершена. И хотя все указывает на то, что моя машина станет гигантским успехом науки, не исключено, что Уокер прав в отношении некоторых моментов, которые я... э-э... проглядел.

— Выходит, я могу и не вернуться?

— Гм... что-то вроде этого. Но понимаете, никакой опасности нет. Я несколько раз проверял формулы и не обнаружил ни единой ошибки. Существует лишь ничтожная вероятность того, что какая-нибудь мелкая ошибочка вроде кубического корня, вычисленного до недостаточного количества знаков после запятой...

Маккарти кивнул, и в его кивке, подразумевающем: «Именно это я и подозревал», профессор уловил окончательность.

— Коли и раз это так,— заявил он,— то я хочу получить денежки до отправления. Не хочу, понимаешь, рисковать — а вдруг что пойдет не так и ты мне не заплатишь?

Профессор Раддл осторожно взглянул на его лицо и облизнул губы.

— Разумеется, Макаронная Шея,— сказал он.— Само собой!

— Гусиная Шея. Скоко раз тебе надо повторять, что меня зовут Маккарти Гусиная Шея? Да, только чек выпиши на мое настоящее имя.

— И какое оно?

— Что? Ну да, пожалуй, придется сказать. Токо смотри, не проболтайся. Меня зовут...— голос бродяги упал до шепота,— ...Галахэд.

Физик нацарапал последнюю закорючку на листке зеленой бумаги, вырвал его из чековой книжки и протянул Маккарти. Выплатить предъявителю сего Галахэду Маккарти сто долларов ноль-ноль центов. Выписано на «Свекольно-табачный обменный банк» Северной Каролины.

Когда чек перекочевал в нагрудный карман потертого свитера, Раддл взял дорогой малоформатный фотоаппарат и повесил его на шею Маккарти.

— *Он заряжен новой пленкой. Вы уверены, что сможете* справиться с затвором? Надо лишь...

— Да знаю я все, знаю. Умею я эти пимпочки нажимать. А с твоей хреновиной аж два дня возился. Значит, так: мне надобно выйти из машины, пару раз щелкнуть пимпочкой и передвинуть камень.

— И ничего больше! Помните, вы попадете на сто десять миллионов лет в прошлое, и любое ваше действие может оказать непредсказуемое воздействие на настоящее. Вы можете уничтожить все человечество, нечаянно наступив на маленькое мохнатое животное, которое стало его предком. На мой взгляд, небольшое перемещение камня с места на место станет неплохим первым и безопасным экспериментом, но будьте осторожны!

Они подошли к большому прозрачному сооружению, установленному возле одной из стен лаборатории. Сквозь его стены толщиной в фут в одном из углов расплывчато виднелось красное, черное и серебристое оборудование. Из мешанины проводов металлическим пальцем торчал огромный рычаг.

— Вы должны появиться в меловом периоде, в середине эпохи рептилий. Большая часть Северной Америки была в то время затоплена водой, но геологические исследования показывают, что на этом месте был остров.

— Ты уже шестнадцать раз это повторял. Давай показывай, какую хреновину нужно дернуть, и я поеду.

— Хреновину! — взвизгнул возмущенный Раддл, возбужденно приплясывая.— Не смейте дергать никакие хреновины! Вам надо плавно нажать — плавно, вы поняли? — на хронопередачу, этот большой черный рычаг. При этом кварциновая дверь закроется, а машина начнет работать. Прибыв на место, вы поднимете рычаг — опять-таки плавно — и дверь откроется. Машина настроена так, что автоматически вернется на нужное число лет, так что думать вам, к счастью, не придется.

— Для такого коротышки ты слишком много шумишь,— заметил Маккарти, взглянув на профессора сверху вниз.— Держу пари, ты до смерти боишься своей жены.

— Я не женат,— отрезал Раддл.— Я не верю в институт брака. И вообще, нашли когда про это вспоминать... Как только подумаю, что столь упрямому и тупому типу попадет в руки устройство, обладающее безграничными возможностями машины времени... Но я, конечно, слишком ценная личность, чтобы рисковать при испытании первой и еще несовершенной модели.

— Угу,— кивнул Маккарти.— Сущая правда.— Он похлопал по торчащему из кармана кончику чека и забрался в машину.— А я нет.

И он плавно нажал на рычаг хронопередачи.

Дверь закрылась, отрезав последние отчаянные слова профессора Раддла:

— До встречи, Макаронная Шея, и умоляю — будьте *осторожны!*

— Гусиная Шея,— машинально поправил Маккарти. Машина дернулась, и он успел заметить, как за толстыми кварциновыми стенами мелькнули всклокоченные седые волосы Раддла. Ему показалось, что профессор, на лице которого смешались тревога и сомнение, молится.

Сквозь толстые голубоватые облака пробивался поразительно яркий солнечный свет. Машина времени опустилась возле самой воды на пляже, к которому подступали пышные джунгли, и резко замерла. Сквозь полупрозрачные стены Маккарти разглядел огромную зеленую массу хвощей и вьющегося плюща, гигантские папоротники и роскошные пальмы. Джунгли слегка курились испарениями и кишели всевозможной живностью.

— Поднять хреновину *плавно,*— пробормотал Маккарти.

Он вышел через открывшуюся дверь и очутился по щиколотку в воде. Прилив, очевидно, начался, и усеянная солнечными веснушками вода журчала вокруг квадратного основания устройства, доставившего его сюда. Верно, Раддл говорил, что он окажется на острове.

— Кажись, мне повезло, что он не построил свою хибару футов на пятьдесят ниже по склону!

Он побрел к берегу, огибая небольшую колонию сероватокоричневых губок, и решил, что профессору может пригодиться их фотография. Маккарти установил скорость затвора и направил объектив на губки. Потом сфотографировал море и джунгли.

Где-то милях в двух от кромки пышной растительности замелькали огромные кожистые крылья. Маккарти вспомнил картинки, которые ему показывал профессор, и узнал это жуткое существо, похожее на летучую мышь. Птеродактиль, летающая рептилия.

Маккарти несколько раз торопливо щелкнул затвором и нервно попятился к машине времени. Ему не понравился длинный острый клюв, вооруженный зубами не хуже пилы. В джунглях копошилась какая-то зверюга. Летающая рептилия спикировала вниз, словно падший ангел. Из ее разинутой пасти капала слюна.

Убедившись, что гадине сейчас не до него, Маккарти быстро зашагал по пляжу. Неподалеку от кромки джунглей он приметил круглый красноватый камень. Подойдет.

Камень оказался тяжелее, чем он думал. Маккарти навалился на него, кряхтя, ругаясь и обливаясь потом под жарким солнцем. Ноги глубоко увязли в липком суглинке.

Внезапно камень, чавкнув, высвободился из суглинка и перекатился на другой бок, оставив в почве круглую яму. Из нее выскочила многоножка длиной с руку Маккарти и проворно юркнула в подлесок. Из ямы, где сидела многоножка, шибанула тошнотворная вонь. Маккарти решил, что ему здесь не нравится.

Можно и возвращаться.

Прежде чем нажать на рычаг, он бросил последний взгляд на вывороченный красный камень. Нижняя его половина была чуть темнее верхней. Маккарти решил, что честно заработал свою сотню.

— Так вот, значит, что такое работа,— задумчиво пробормотал он.— Ежели подумать, то я, может быть, чегой-то и упустил в жизни.

После щедрого солнца мелового периода лаборатория показалась ему меньше, чем помнилась. Когда Маккарти вылез из машины времени, профессор приблизился, затаив дыхание.

— Ну как? — нетерпеливо спросил он.

Маккарти уставился на макушку Раддла.

— Все путем,— медленно ответил он.— Эй, профессор Раддл, чегой-то тебе взбрело побрить голову-то? Волос там было мало, это верно, но седина тебя хоть как да украшала.

— Побрил голову? Чушь. Я уже много лет как лысый. У меня волосы выпали раньше, чем поседели. И зовут меня Гагглс, а не Раддл — *Гагглс,*— попробуйте это запомнить хотя бы ненадолго. А теперь я хочу заняться камерой.

Перебрасывая через голову ремешок и протягивая камеру, Маккарти поджал губы:

— Ей-ей, я побожиться готов, что у тебя было чуток седых волос. Клянусь. А насчет имени извини, проф,— мы с тобой в таких делах, кажись, никак не договоримся.

Профессор что-то буркнул и направился с камерой в темную комнату, но на полпути замер и втянул голову в плечи. Выход из лаборатории преградила огромная женская фигура.

— Алоизий! — визгливо воскликнула она, и Маккарти показалось, будто ему в ухо ввинчивают штопор.— Алоизий! Я ведь вчера сказала, что если этот бродяга не покинет дом через двадцать четыре часа — и плевать мне на твои эксперименты! — то

ты об этом пожалеешь. Алоизий! У тебя осталось ровно тридцать семь минут!

— Д-да, дорогая,— прошептал Гагглс широченной спине удаляющейся супруги.— Мы... мы почти закончили.

— Кто это? — спросил Маккарти, едва они остались вдвоем.

— Моя жена, разумеется. Вы должны ее помнить — она приготовила нам завтрак, когда вы ко мне пришли.

— Она нам не готовила завтрак. Я его сам себе приготовил. И еще ты говорил, что не женат!

— Теперь и вы говорите глупости, мистер Галлахер. Я женат двадцать семь лет и знаю, что отрицать это бессмысленно. Я не мог такого сказать.

— Меня не Галлахер зовут — я Маккарти. Маккарти Гусиная Шея,— проворчал бродяга.— И ваще, что тут происходит? Ты теперь даже фамилии моей не могешь вспомнить, а уж имя тем более. Имя свое сменил, башку побрил, женился второпях, да еще талдычит, будто какая-то дура-баба стряпала мне завтрак, когда я сам могу сварганить такой...

— Помолчите! — пискнул коротышка-профессор, дергая его за рукав.— Помолчите, мистер Галлахер, или Гусиная Шея, или как вас там зовут. Опишите-ка мне точно, каким было это место до того, как вы отправились в прошлое.

Гусиная Шея принялся рассказывать.

— ...а эта хреновина лежала *поверх* той штуковины, а не под ней,— закончил он.

Профессор задумался.

— И, попав в прошлое, вы всего-навсего передвинули камень?

— Да. Правда, из-под него выскочила чертовски длинная многоножка, тока я ее трогать не стал. Тока камень передвинул, и сразу назад, как ты и велел.

— Да, конечно. Гм-м-м. Наверное, все дело в этом. Та многоножка, что выскочила из-под камня, могла повлиять на все последующие события, и я стал женатым человеком, а не блаженствующим холостяком, а фамилия моя стала не Раддл, а Гагглс. А может, виноват камень. Выходит, столь безобидное действие, как перемещение камня, могло иметь гораздо более веские последствия, чем мне представлялось. Подумать только... Если бы камень не переместили, я остался бы холостяком! Галлахер...

— Маккарти,— устало поправил бродяга.

— А, неважно, называйтесь, как хотите. Слушайте меня: вы сейчас снова сядете в машину времени и передвинете камень на прежнее место. Как только это будет сделано...

— Ежели мне надо ехать снова, башляй еще сотню.

— Ну как вы можете в такой момент говорить о деньгах?

— А какая разница между этим разом и прежним?

— Что значит «какая»? Сейчас я женат, моя работа прервана, а вы тут болтаете о... Ну ладно. Вот деньги.— Профессор выхватил из кармана чековую книжку и торопливо заполнил листок.— Держите. Теперь довольны?

Маккарти уставился на чек:

— А он не такой, как первый. И банк другой — какой-то «Биржи хлопкоробов».

— Это несущественные мелочи,— торопливо пробормотал профессор, заталкивая его в машину времени.— Это же чек, верно? И он столь же хорош, поверьте мне, столь же хорош.

Щелкая переключателями и покручивая колесики настройки, профессор бросил через плечо:

— Запомните, камень надо положить точно на прежнее место. И больше ничего не трогайте и ничего не делайте.

— Знаю, знаю. Эй, проф, а как это вышло, что я помню обо всех изменениях, а ты нет, хоть ты и шибко ученый?

— Это очень просто,— отозвался профессор, проворно отходя подальше от машины.— Когда происходили изменения, вызванные вашими действиями, вы находились в прошлом и внутри машины времени и тем самым оказались как бы изолированными от них, подобно пилоту, которому не причиняет непосредственного вреда бомба, сброшенная им на город. Итак, я настроил машину на возвращение примерно в тот же момент, что и прежде. К сожалению, я пока не могу произвести калибровку хронопередачи с достаточной точностью... А вы помните, как управлять машиной? Если нет, то...

Маккарти вздохнул и нажал на рычаг. Дверь закрылась, оставив по ту сторону кабины объяснения профессора и его потную лысину.

О корпус машины вновь разбивались волны прилива, накатывающего на маленький остров. Маккарти немного помедлил, прежде чем открыть дверь, потому что разглядел неподалеку странный прозрачный объект. Еще одна машина времени — и точно такая, как у него!

— Ну и хрен с ней. Профессор потом все объяснит.

Выйдя, он направился по пляжу в сторону камня. И тут он снова замер — как громом пораженный.

Камень лежал на том самом месте, откуда он его в прошлый раз передвинул. Но его пытался перевернуть *высокий худой человек в свитере с высоким воротником и коричневых вельветовых штанах.*

Маккарти вернул на место отвисшую челюсть.

— Эй! Эй ты, у камня! Не трогай его. Камень нельзя передвигать!

Незнакомец обернулся навстречу подбегающему Маккарти. Такой уродливой рожи Маккарти за всю жизнь не встречал, а шея у этого типа оказалась поразительно длинная и тощая. Тип медленно осмотрел Маккарти с головы до ног, потом сунул руку в карман, вытащил из него замызганный пакетик и откусил немного жевательного табака.

Маккарти тоже сунул руку в карман, извлек точно такой же замызганный пакетик с табаком и тоже откусил кусочек. Оба уставились друг на друга, медленно работая челюстями, затем одновременно сплюнули.

— Что это за чушь ты несешь, будто камень нельзя передвигать? Профессор Раддл велел мне его передвинуть.

— А мне профессор Раддл приказал его не трогать. И профессор Гагглс тоже,— торжествующе добавил Маккарти.

Второй на секунду задумался, работая нижней челюстью, словно кулачковой дробилкой, и еще раз прошелся взглядом по тощей фигуре Маккарти. Потом презрительно сплюнул, вернулся к камню и закряхтел, пытаясь его перевернуть.

Маккарти вздохнул, опустил руку на плечо второго и заставил его обернуться.

— И чего ради ты так упрямишься, приятель? — спросил Маккарти.— Теперь мне придется задать тебе взбучку.

Даже не сменив свой отсутствующий взгляд на выражение хотя бы малейшей враждебности, незнакомец попытался лягнуть его в пах. Маккарти легко увернулся. Старый и дешевый трюк! Он сам десятки раз к нему прибегал. Маккарти попробовал ударить противника в лицо, тот нырнул под кулак, отскочил, но тут же развернулся и полез в драку.

Момент оказался самым подходящим для знаменитой «комбинации Маккарти». Он сделал обманное движение левой рукой, якобы собираясь изо всех сил ударить в живот, и заметил, что противник тоже неуклюже шевелит левой. Маккарти не стал медлить и внезапно провел мощнейший апперкот правой.

БАМ-М-М!

Точно в...

...в яблочко. Маккарти сел и потряс головой, избавляясь от мерцающих огоньков перед глазами и веселого звона в ушах. Да, крепко ему досталось, но...

Но и другому парню тоже!

Он сидел в паре шагов от Маккарти, ошеломленный и печальный.

— Такой упрямой скотины я в жисть не встречал! Ты где выучился моему удару?

— *Твоему* удару?! — Противники вскочили, испепеляя друг друга взглядами.— Слухай, приятель, это *мой* коронный воскресный удар, запатентованный и защищенный авторским правом! Но ежели мы снова станем драться, то ни к чему не придем.

— Верно, не придем. Так что станем делать-то? Мне на тебя начхать, и я готов драться с тобой хоть миллион лет, но мне заплатили, чтобы я передвинул камень, и я его передвину.

— А теперь послухай сюда,— предложил Маккарти, покатав во рту табачную жвачку.— За то, чтобы ты передвинул камень, тебе заплатил профессор Раддл, или Гагглс, или как там его нынче зовут. Ежели я вернусь и получу от него писульку, где будет сказано, что камень двигать не надо, но деньги ты могешь оставить себе, ты обещаешь посидеть спокойно, покуда я не вернусь?

Незнакомец жевал и сплевывал, жевал и сплевывал. Маккарти, который занимался тем же, восхитился безупречной синхронностью их движений. Кстати, и сплевывали они на одинаковое расстояние. Не такой уж он и скверный парень, жаль только, что очень уж упрям! Странно — на шее у него висит точно такой фотоаппарат, какой забрал у него Раддл.

— Ладно. Возвращайся и привези мне евойную писульку. Я подожду здесь.

Незнакомец растянулся на песке. Маккарти развернулся и торопливо направился к машине времени, пока тот не передумал.

Вновь шагнув из машины в лабораторию, он с удовольствием увидел на голове профессора полоску седых волос.

— А ни фига себе, как все запуталось! Ты как от жены-то избавился?

— Жены? Какой еще жены?

— От своей. Сам знаешь — боевой топор, кандалы и ядро, черт в юбке,— пояснил Маккарти.

— Я не женат. Я ведь вам уже говорил, что считаю брак варварским обычаем, совершенно недостойным истинно цивилизованного человека. А теперь хватит болтать и давайте сюда камеру.

— Но разве ты не помнишь,— осторожно прощупал почву Маккарти,— как сам забирал у меня камеру, профессор Раддл?

— Не Раддл, а Рудлс. «У» как в «Гусиной Морде». И как я мог забрать у вас камеру, если вы только что вернулись? Вы жульничаете, Маккарни, а жуликов я не люблю. Прекратите!

Маккарти покачал головой, но не стал поправлять профессора, неправильно произнесшего его имя. Его понемногу начало глодать смутное, но настойчивое сожаление о том, что он забрался на эту карусель.

— Вот что, проф, присядь.— Он упер ладонь в грудь коротышки-профессора и заставил его сесть в кресло.— Нам надобно еще разок потолковать. Сдается мне, до тебя еще не дошло.

Через пятнадцать минут он подвел итог:

— Так что тот тип сказал, что подождет, покуда я вернусь с запиской. Короче, ежели тебе нужна жена, могешь записку не писать, и он камень передвинет. Мне-то в любом случае на это начхать. Я хочу только одного — смотаться отсюда!

Профессор Раддл (Гагглс? Рудлс?) закрыл глаза.

— Боже мой! — выдохнул он.— Женат. На этом... боевом топоре! На этом... черте в юбке! Нет! Маккарти — или Маккарни — слушайте меня! Вы должны вернуться. Я дам вам записку... и еще один чек... Сейчас! — Он выдрал страничку из записной книжки и быстро заполнил ее отчаянными словами. Потом выписал чек.

Маккарти взглянул на него.

— Опять другой банк,— удивленно заметил он.— На сей раз банк трастовой компании «Южный арахис». Надеюсь, все энти разные чеки будут хороши.

— Разумеется,— громко заверил профессор.— Они все будут хороши. Вы отправляйтесь разбираться с этим делом, а когда вернетесь, я все улажу. Передайте тому другому Маккарни, что...

— Маккарти. Эй! Что значит «тому другому Маккарни»? Есть только один Маккарти — во всяком случае один Маккарти Гусиная Шея. Ежели вы послали дюжину других парней сделать ту же работу...

— Я никого не посылал, кроме вас. Неужели вы не поняли, что произошло? Вы отправились в прошлое передвинуть камень. Потом вернулись и, по вашим же словам, обнаружили меня в несколько неприятных обстоятельствах. Вы вернулись в прошлое, чтобы исправить ситуацию, но *примерно* в ту же точку пространства и времени — потому что из-за множества пока неизвестных факторов и неизбежных ошибок первой машины времени это не могла оказаться в точности та точка. Очень хорошо. Вы — назовем вас Вы-1 — встретили Вы-2 в тот момент, когда он собирался передвинуть камень. Вы его остановили. Если бы вы этого не сделали, если бы его не прервали и он передвинул камень, то он стал бы Вы-1. Но поскольку он — вернее вы — этого не сделал, то стал слегка отличаться от вас, превратившись в Вы, который лишь совершил путешествие в прошлое и даже не успел передвинуть камень. В то же время вы, то есть Вы-1, уже совершили два путешествия и при этом успели как передвинуть камень, так и помешать самому себе его передвигать. Это действительно очень просто, разве не так?

Маккарти поскреб подбородок и глубоко вдохнул.

— Да,— ошарашенно протянул он.— Куда как просто! Проще не придумаешь.

Профессор вприпрыжку подбежал к машине и начал готовить ее к очередному путешествию.

— Теперь о том, что произошло со мной. Как только вы — вновь Вы-1 — помешали Вы-2 передвинуть тот камень, вы немедленно повлияли — уже тем, что помешали изменению произойти,— на мою личную ситуацию. Камень не был передвинут, следовательно, я не был женат, не женат сейчас и, будем надеяться, никогда не буду женат. Заодно я перестал быть лысым. Но уже самого факта, что два ваших «я» побывали в прошлом — предположим, вы там убили своим дыханием каких-то микробов или переворошили ногами песок,— оказалось достаточно, чтобы в настоящем произошли изменения, и мое имя теперь (и всегда было!) Рудлс, а ваше...

— Теперь, наверное, Мак-Тэвиш! — гаркнул Маккарти.— Короче, проф, ты кончил возиться со своей машиной?

— Да, все готово.— Профессор задумчиво наморщил лоб.— Единственное, чего я не могу понять, так это куда подевалась камера, которую, как вы сказали, я у вас взял. Ведь если Вы-1 в персонификации Вы-2...

Маккарти от души припечатал профессора ногой в зад и взвыл:

— Я сейчас покончу с этой бредятиной, вернусь и никогда, никогда, *никогда* даже близко не подойду к твоей проклятой хреновине!

Он надавил на рычаг хронопередачи и успел заметить профессора, сидящего среди битого стекла и разбросанных приборов. Пучки его седых волос негодующе стояли дыбом.

На сей раз он материализовался у самой кромки пляжа.

— Каждый раз все ближе и ближе,— пробормотал он, вылезая из машины.— Сейчас отдам ему писульку, а потом...

Потом...

— Сто пинков в зад и фингал под глазом!

Возле красного камня дрались двое. С одинаковыми лицами, одинаково одетые и одинаково сложенные, включая длинные конечности и тощие вытянутые шеи. Каждый словно дрался со своим отражением в зеркале, одинаковые удары наносились одновременно, правая рука парировала удар правой, а левая — левой. На шее у того, что стоял спиной к камню, болтался дорогой малоформатный фотоаппарат; у второго его не было.

Внезапно оба сделали финт левой рукой, безупречно подготавливая то, что сотни судейских чиновников в маленьких городках с проклятиями вспоминали как «комбинацию Маккарти

Гусиная Шея». Оба противника не поддались на уловку, две правые руки одновременно выстрелили вверх и...

Вырубили друг друга.

Они тяжело шлепнулись на задницы в ярде друг от друга и затрясли головами.

— Такой упрямой скотины я в жисть не встречал,— начал один из них.— Ты где...

— ...выучился моему удару? — договорил за него Маккарти, делая шаг вперед. Оба тут же вскочили и уставились на него.

— Эй,— произнес тип с фотоаппаратом,— а ведь вы, парни, близнецы!

— Погодите.— Маккарти шагнул между ними, пока гневные взгляды противников не обернулись новой дракой.— Мы все близнецы. То бишь тройняшки. То бишь... Сядьте. Мне вам надо кое-что сказать.

Все уселись на корточки, с подозрением поглядывая друг на друга.

Четыре порции табака спустя они оказались внутри кольца из темной никотиновой жвачки. Все трое Маккарти тяжело дышали.

— Получается, что я Маккарти-1, потому как я видал все до того места, когда не дал Маккарти-2 вернуться за писулькой, которую Маккарти-3 хотел получить от Раддла.

Маккарти с фотоаппаратом встал, остальные тоже.

— Одного только в толк не возьму,— заявил он.— Почему я Маккарти-3? Сдается мне, что я Маккарти-1, он Маккарти-2 — тут все правильно,— а *ты* Маккарти-3.

— Фиг вам,— возразил Маккарти-2.— Все не так. Я на это так смотрю — и докажите, что я не прав,— что Маккарти-1, то бишь ты...

— Заткнитесь! — Оба драчуна повернулись к Маккарти-1.— Я знаю, что я Маккарти-1.

— С какой стати?

— Потому что так мне растолковал профессор Раддл. Вам-то он этого не говорил, верно? Я Маккарти-1, тут и думать нечего. А вы — два самых упрямых хулигана, которых я в жисть видал, а я повидал их всех. А теперь надо возвращаться.

— Нет, погоди. Откудова мне знать, что мне не надо передвигать камень? Потому что ты так сказал?

— Потому что я так сказал, и потому что так написал профессор Раддл в писульке. Я ж тебе ее показывал, так? И еще потому, что нас двое — тех, кто не хочет его передвигать, и мы из тебя дурь вышибем, ежели попробуешь.

Когда Маккарти-2 одобрительно кивнул, Маккарти-3 огляделся в поисках оружия. Ничего не обнаружив, он помчался к машинам времени. Оба других Маккарти заторопились следом.

— Поехали в моей. Она ближе всех.

Троица развернулась и забралась в машину Маккарти-1.

— А как насчет чеков? Почему это у тебя должно быть три чека, у Маккарти-2 два, а у меня только один? Я получу свою долю?

— Да погоди ты. Вернемся к профу, он все устроит. Ты что, кроме денег, ни о чем думать не могешь? — устало спросил Маккарти-1.

— Нет, не могу,— ответил Маккарти-2.— Хочу получить свою долю от *третьего* чека. У меня есть на нее право. И побольше, чем у этого психа, усек?

— Ладно, ладно. Погоди, пока вернемся в лабораторию.

Маккарти-1 нажал на рычаг хронопередачи. Остров и солнечный свет исчезли. Они принялись ждать.

Их окружала темнота.

— Эй! — завопил Маккарти-2.— А где лаборатория? Где профессор Раддл?

Маккарти-1 потянул рычаг хронопередачи. Тот не шелохнулся. Оба других Маккарти пришли на помощь первому и тоже стали тянуть.

Рычаг остался на месте.

— Ты, наверное, нажал на него слишком сильно! — заорал Маккарти-3.— Ты его сломал!

— Точно,— поддакнул Маккарти-2.— С чего ты вбил себе в башку, будто умеешь управлять машиной времени? Ты ее сломал, и теперь мы застряли!

— Минутку. Минутку.— Маккарти-1 отпихнул своих двойников.— Я все понял. Знаете, что случилось-то? Мы все трое пытаемся вернуться... в настоящее, как говорил проф. Но из нас троих только один *принадлежит* этому настоящему, усекли? Так что пока мы все внутри, машина никуда не поедет.

— Тогда все просто,— начал Маккарти-3.— Я единственный настоящий...

— Ты псих. Я знаю, что я *настоящий* Маккарти; я это *чувствую*...

— Погодите,— остановил их Маккарти-1.— Так мы никуда не приедем. И ваще, душновато тут становится. Короче, поехали назад и разберемся, что к чему.

И он снова нажал на рычаг.

И они вернулись на сто десять миллионов лет, чтобы спокойно обсудить проблему. И как по-вашему, что они обнаружили, вернувшись? Да, точно. Именно это они и обнаружили.

Александр-наживка

Нынче вам, пожалуй, уже не дадут в глаз, если вы вслух восхититесь Александром Парксом. Время смягчило даже горе семей тех, кто полетел в никуда на кораблях «Дженерал атомикс», а горькое осознание всей значимости поступка этого человека с годами лишь возросло.

И все же некое скудоумное агентство наказало его способом, который, во всяком случае для него, особенно ужасен. Я имею в виду ФЛК и надеюсь, что они это прочтут.

Мы случайно встретились с Алексом через пару лет после войны за окончание изоляционизма. Я только что посадил свой аккордеон «Толедо» на грузовую полосу и направлялся в бар. Есть пилоты, которые точно знают, сколько виски им требуется после окончания рейса; я же попросту заливаю его внутрь, пока сердце не всплывет на положенное место.

К аэропорту подкатило такси, и из него вылез хорошо сложенный мужчина с удивительно маленькой головой. Когда я помчался перехватывать такси, мужчина повернулся и уставился на меня. Нечто знакомое в форме его черепа заставило меня остановиться.

— Вы не служили в военной авиации? — спросил он.

— Служил,— медленно произнес я.— В так называемой «Эскадрилье свастикеров». Сорок... Алекс Паркс! Голос из рации!

Он ухмыльнулся:

— Верно, Дэйв. А я уж было решил, что ты разговариваешь только с бывшими пилотами. У нас, диспетчеров, всегда был комплекс неполноценности по отношению к ним. А ты неплохо выглядишь.

Сам он смотрелся куда лучше. Одежду, что была на нем, скроил и сшил портной с зарплатой голливудского кинорежиссера. Я вспомнил кое-что из газет.

— Ты, кажется, продал какое-то изобретение какой-то корпорации?

— Да, Радарной корпорации Америки. Только что обратил патент в деньги. Я им продал свой многоуровневый радар с негативным лучом.

— И много получил?

Он сжал губы и слегка подмигнул:

— Полтора миллиона долларов.

Я разинул рот и выпучил глаза:

— Нехилая куча капусты. И что ты собираешься с ней делать?

— Начать парочку научных проектов, о которых всегда мечтал. Ты можешь мне пригодиться.— Он махнул в сторону такси.— Мы можем куда-нибудь поехать и потолковать?

— Я шел в бар,— сообщил я, когда такси тронулось.— Только что доставил на место свой аккордеон.

— Аккордеон? Это вы, пилоты-перевозчики, так называете свои глайдерные поезда?

— Верно. А если хочешь знать почему, то представь, что происходит, если ухнешь в воздушную яму. Или натолкнешься на внезапный порыв лобового ветра. Или мотор заглохнет.— Я хмыкнул.— И тогда звучит музыка... небесная музыка.

Мы сидели в дальней кабинке кафе, и Алекс с восхищенной улыбкой наблюдал, в каком темпе я поглощаю янтарную продукцию перегонного завода средних размеров.

— Если ты поедешь со мной, то с выпивкой придется завязать,— заметил он.

Я прикончил очередной стакан, облизнулся и выдохнул:

— Куда?

— Я купил в Неваде столовую гору. Мне нужен надежный человек, который сможет отвезти туда оборудование и помочь с довольно масштабным строительством. На которого можно положиться, потому что он умеет держать рот на замке. А пьяница, по моим понятиям, слишком болтлив.

— Справлюсь,— заверил его я.— Согласен пить только простоквашу из ячьего молока, лишь бы не быть дальнобойщиком, таскающим по воздуху фургоны с грузом. Совершить время от времени рейс-другой — сущая ерунда по сравнению с необходимостью каждый день волочить с места на место эти складные гробы. И пить меня заставляет лишь комбинация этой монотонной карусели с ангелом смерти.

— И отсутствие полезной цели в будущем,— кивнул Алекс.— Ты и во время войны летал почти что по жесткому расписанию,

но... то была война. Если бы у тебя отыскалась достойная цель, ради которой стоило бы рискнуть жизнью, а не транспортировка электрических гармоник...

— Вроде межпланетных полетов? Это же одна из твоих навязчивых идей. Хочешь поэкспериментировать в этом направлении?

Алекс провел пальцем по зеленой мраморной столешнице.

— Для этого мне нужно гораздо больше денег,— сказал он.— Это замечательная идея, а человечество сейчас находится в точке, откуда не столь уж масштабные научные исследования вкупе с небольшими улучшениями уже существующих технологий могли бы вывести его в космос. Но те, кто может это сделать — крупные промышленные корпорации,— не видят в затее достаточного смысла; а у тех, кто хочет это сделать, то есть университетов и исследовательских фондов, не хватает денег. Вот мы и сидим на планете, словно потерпевший крушение моряк на необитаемом острове, который видит в одном месте пару весел, а в другом лодку, да только ему не хватает смекалки, чтобы объединить одно с другим.

Нет, не межпланетные полеты. Пока что. Но нечто в том направлении. Открытый мной луч принес мне репутацию крупнейшего в мире специалиста по радарам. И на том плоскогорье я намерен построить крупнейшую в мире радарную установку и провести с ее помощью исследования на больших расстояниях.

Такого Александра Паркса я прежде не знал. И эта идея, решил я, не имеет никакого отношения к моим представлениям о том, как он потратил бы деньги ради удовлетворения своего сардонически-гениального ума.

— Радарные исследования? — вяло уточнил я.

Его крохотную головку расколола пополам улыбка:

— Карта, дружище Дэйв! Я составлю топографическую карту Луны!

Невада мне понравилась. Простор. Садись, где пожелаешь. Строй что угодно и где угодно. Практически никто не задает вопросов. Пронзительная свежесть воздуха на вершине горы Большой Блеф, кружащая голову не хуже спиртного. Алекс утверждал, что атмосферные условия здесь безупречны и оборудование будет работать с максимальной эффективностью.

А оборудование оказалось странным. Я, разумеется, понимал, что конструкции радаров стали неизмеримо совершеннее примитивных железяк сороковых годов. Изобретенный Парксом луч успешно объединил радиоприемник и радиопередатчик в фантастическое устройство, для работы которого не требовалось

передатчика и которое позволяло настроиться на любое событие в мире, происходящее на открытом воздухе. (Тогда это устройство еще только разрабатывалось.)

Хижины мы с Алексом построили сами, но, когда дело дошло до монтажа огромной горизонтальной антенны и гироскопически стабилизированных диполей, мы поняли, что вдвоем нам не справиться. Тогда Алекс нанял в Лас-Вегасе типа по фамилии Джадсон. Ему поручили выполнять разные дела по хозяйству и помогать нам при строительстве. Миссис Джадсон нам всем стряпала. Алекс признавал, что Джадсон нам нужен, но тем не менее жалел, что он здесь болтается. Подозреваю, что он время от времени посылал меня с пустяковыми поручениями, лишь бы удалить с глаз долой, пока сам занимался самым ответственным монтажом. Я лишь пожимал плечами, размышляя об этом. Если он считает, будто я что-то смыслю в современных радарах, то делает мне комплимент.

Когда я пригонял очередной громыхающий груз каких-то невозможных на вид катушек и сюрреалистических ламп, он всегда настаивал, чтобы я держался подальше от лабораторной хижины, пока он что-то таинственно настраивал внутри. Затем мне дозволялось вылезти из кабины, но лишь при условии, что я направлюсь прямиком к хижине, где мы ночевали.

Как-то раз Эммануэль Корлисс из РКА напросился со мной в поездку. Весь путь до Невады он восхвалял Алекса до небес, рассказал о статуе Алекса, установленной в фойе небоскреба корпорации на Манхэттене, и даже показал экземпляр его биографии, озаглавленной «Александр Паркс — отец всемирной системы связи». Он сказал, что хочет уговорить Алекса поступить к ним на работу главным консультантом по исследованиям, и я решил, что мелкоголовому Алексу будет приятно, если его эго кто-нибудь да потешит.

Но я ошибся.

Когда до Большого Блефа осталось миль пятьдесят, динамик в кабине прогромыхал:

— С кем это ты там разговариваешь, Дэйв?

Корлисс взял микрофон:

— Решил к вам заглянуть, приятель. Нам может пригодиться то, над чем вы сейчас работаете.

— Ничего не выйдет. Дэйв, как только сядешь, отцепи глайдеры и отвези мистера Корлисса в ближайший аэропорт. Горючего хватит?

— Да,— смущенно ответил я, чувствуя себя соседом, случайно подслушавшим первую ссору молодоженов.

— Но, Паркс! — взвыл Корлисс.— Вы даже не представляете, какой важной фигурой вы стали. Весь мир хочет знать, над чем вы сейчас работаете. И Радарная корпорация Америки тоже хочет знать, чем вы сейчас занимаетесь.

Паркс усмехнулся:

— Не сейчас. И не вылезайте из кабины, Корлисс, а то получите заряд дроби в самое чувствительное местечко. И помните, что я всегда смогу назвать вас нарушителем границ частных владений.

— А теперь послушайте меня...— разгневанно начал Корлисс.

— Нет, это вы послушайте меня. Не вылезайте из кабины, если вы все еще любите свое кресло-качалку. Хотите верьте, старина, хотите нет, но я оказываю вам услугу.

Этим все и завершилось. Высадив в аэропорту пунцового от возмущения президента корпорации, я полетел обратно, охваченный глубокой задумчивостью. Алекс уже поджидал меня, и вид у него тоже был задумчивый.

— Даже не думай такое повторить,— приказал он мне.— Сюда не ступит никто, пока я не буду готов для... гм-м... публикации. Мне вовсе не хочется, чтобы незнакомцы, особенно ученые, совали нос в мой агрегат.

— Боишься, что они его скопируют?

Мой вопрос заставил его слегка вздрогнуть.

— Вот именно... почти угадал.

— А не боишься, что его скопирую я?

Он быстро и внимательно взглянул на меня.

— Давай сперва поужинаем, а потом поговорим, Дэйв,— предложил он и обнял меня за плечи.

Пока миссис Джадсон раскладывала по тарелкам нехитрый ужин, приготовленный столь же незамысловато, Алекс буравил меня своим характерным упорным и немигающим взглядом. Мне вновь подумалось, что он очень похож на миниатюрный фотоаппарат, установленный на массивную и непоколебимую треногу. Заляпанные смазкой джинсы уже давно сменили тот портновский шедевр, в котором он щеголял при первой нашей встрече. Тоже мне, отец всемирной системы связи!

Он украдкой взглянул на Джадсона, убедился, что того интересует только рагу на тарелке, и тихо сказал мне:

— Если ты решил, что я тебе не доверяю, Дэйв, то извини. Для всей этой секретности есть веские причины, уж поверь мне.

— А это твоя забота,— коротко ответил я.— Ты мне платишь не за то, чтобы я задавал вопросы. Но скажу тебе честно — я не отличу осциллографа от индикатора. А если и отличу, то никому не скажу.

Алекс поерзал на твердой деревянной скамейке и прислонился спиной к металлической стенке.

— Ты знаешь, что я пытаюсь сделать,— сказал он.— Я посылаю высокочастотный луч на Луну. Часть его поглощается ионосферой, но часть проходит и отражается от лунной поверхности. Я улавливаю это отражение, усиливаю, регистрирую на фотопластинке его силу и мельчайшие изменения направления и немедленно посылаю второй, слегка отличающийся луч. И таким способом, посылая луч за лучом, я создаю весьма детальную и точную карту Луны, снятую с очень близкого расстояния. Мой многоуровневый радар посылает несколько более мощный луч, чем те, что были доступны ученым прежде, но по сути это такой же, ничем не отличающийся от других радар. Его можно было создать, приложив минимум усилий, уже десять лет назад. Но почему его не создали?

Рагу на моей тарелке остыло и превратилось в неаппетитную массу, но я невольно заинтересовался его словами.

— Это не было сделано,— продолжил он,— по той же самой причине, из-за которой мы до сих пор не предпринимаем межпланетных путешествий, не создаем шахт на океанском дне и не приживляем к культям после ампутаций конечности, взятые у трупов. Никто не видит в этом прибыли, немедленной и верной прибыли. Поэтому те скромные исследования, которые необходимы для заполнения узкой щелочки между знанием, которое у нас уже есть, и знанием, которое у нас почти есть, так и остаются без финансирования.

— Но работа в этих областях продолжается,— заметил я.

— Работа-то продолжается. Но с какой черепашьей скоростью, в каких жалких условиях! Слышал ли ты легенду о том, как мой тезка Александр Македонский облетел вокруг света, оседлав огромную птицу? Он подвесил к концу длинного шеста кусок мяса и держал приманку перед клювом птицы. Сильный порыв ветра подтолкнул мясо к птице, и она его проглотила, но Александр немедленно вырезал кусок мяса из своего тела и прикрепил его к шесту. Так ему удалось завершить путешествие, пока птица отчаянно пыталась дотянуться до мяса и летела все быстрее и быстрее.

У разных народов героями этой легенды становились разные люди, но она доказывает, насколько хорошо древние разбирались в мотивах человеческого поведения. Кстати, она также служит превосходной иллюстрацией законов компенсации. В каждом столетии человек должен предлагать себя в качестве наживки, чтобы прогресс не превратился лишь в слово на страницах словаря. Поэтому мы не имеем права заявлять, будто движемся вперед, если не используем новые возможности.

Я помешал рагу тяжелой ложкой, отодвинул тарелку и потянулся за кофе.

— Я понял твою мысль. Но зачем ты мне все это рассказал?

Алекс встал, потянулся и направился к двери. Я хлебнул кофе, смущенно улыбнулся миссис Джадсон и последовал за ним.

Когда мы вышли из хижины, нас окутала темная и прохладная невадская ночь. Таинственно искрились мириады звезд. Неужели это черное, приглашающе распахнутое пространство и есть естественная среда обитания человека будущего, владения, дожидающиеся, пока хозяин не проложит повсюду огненные тропы? Неужели крошечные люди-букашки действительно станут правителями этих бескрайних пространств? Я попытался представить себе ощущения пилота, закладывающего резкий вираж и заходящего на посадку — там, в другом мире,— и пальцы невольно шевельнулись, нащупывая еще не придуманный и пока не существующий штурвал.

— Вот карты, которые я уже успел сделать,— сказал мой наниматель. Мы стояли в лабораторной хижине, забитой трансформаторами, какими-то кошмарными конструкциями из витого стекла и пучками проводов, тянущимися к огромным осциллоскопам.

Я небрежно взглянул на карты; я же не астроном. Но потом пригляделся к ним внимательнее.

Оказалось, это вовсе не карты, а фотографии — более тысячи аэрофотоснимков,— сделанные с примерно одинаковой высоты около пятисот футов. Мне доводилось видеть аэрофотоснимки, но только не с такой четкостью деталей. Можно было даже сосчитать камешки на поверхности; четко различались ямки и тончайшие трещины.

— Они очень хороши,— сказал Алекс и нежно погладил глянцевый листок.— Это часть кратера Тихо Браге.

— Но почему, во имя Сэмюэла Алоизия Хилла, ты их не публикуешь?

— Пока еще не могу.— Казалось, у него сейчас мучительно рождается твердое решение.— Сперва мне нужно кое-что проверить. А сейчас я вынужден доверить тебе судьбу усилий всей моей жизни и попросить тебя выполнить одну весьма неприятную просьбу. Пока что я не могу ничего объяснить; наш сегодняшний разговор был чем-то вроде приложения к этой просьбе. Но когда-нибудь ты все поймешь.

— Выкладывай. Я лояльный работник и люблю свою фирму.

— Тогда запоминай. Я хочу, чтобы ровно через неделю ты отправился в Канаду, в северные леса, прихватив с собой несколько пакетов. Я дам тебе карту, где кое-какие места будут помечены крестиками, а координаты этих крестиков указаны на полях — широта и долгота в градусах, минутах и секундах. На месте каждого крестика ты должен примерно на глубину двух футов закопать по пакету — но точно в точке с указанными координатами. Затем уезжай.

— Что?

— Уезжай и забудь о том, что видел эти пакеты. Не смей их видеть даже во сне. Затем минимум три года не встречайся со мной... ну разве что в общественных местах. Забудь, что когда-либо работал на меня. Глайдер можешь оставить себе, а в качестве прощального подарка я добавлю к нему и чек на крупную сумму. Ты выполнишь мою просьбу?

Я ненадолго задумался. Смысла в его словах я не уловил, но знал: он сказал мне все, что намеревался сказать.

— Ладно, Алекс, согласен. Я все сделаю.

— Ты справишься,— произнес он с огромным облегчением.— И гораздо лучше, чем сам думаешь. Просто подожди пару месяцев. Когда корифеи всего мира начнут слетаться сюда стаями, то каждому, кто когда-либо работал со мной, посвятят лекции и пышные статьи в журналах. Только не прикасайся к ним антенной передатчика.

— Я в любом случае не стану,— рассмеялся я.— Потому что в эти игры не играю.

Алекс выключил свет, и мы вернулись к Джадсонам весьма довольные друг другом. Именно так хороший парень по имени Александр Паркс взошел на алтарь истории. И когда я думаю о главной амбиции, которая подвела его к нашему разговору, то поступок ФЛК кажется мне жестоким и даже мелочным.

Неделю спустя я уже прыгал блохой по канадским лесам, откладывая обернутые брезентом яички и пользуясь при этом столь подробной картой, что ее понял бы даже школьник.

Газеты привлекли мое внимание, когда я сел в Сиэтле. На первых страницах были напечатаны огромные фотографии из тех, что мне показывал Алекс, а пониже красовались снимки поменьше, на которых маленькую голову Алекса окружали густобровые и седоволосые головы профессоров из Оксфорда, Иркутска и еще восточнее.

«Гений радара составил карты Луны!» — вопили заголовки. «Затворник из Невады раскрывает результаты двух лет работы. Ученые мира, собравшиеся в его горной лаборатории, заявляют, что телескопы безнадежно устарели и годятся разве что для проверок. Александр Паркс объявил о намерении провести минералогическое обследование лунной поверхности».

Значит, он обо всем поведал миру. Вот и хорошо. Я потратил часть чека своей последней зарплаты на исследование новых достижений в тонком искусстве приготовления виски. Как оказалось, виски за это время не изменилось, зато изменился я сам. Трудясь в условиях нарастающего упадка сил, я последовательно одолел этапы от выпивки к похмелью, от бара до номера в отеле и пришел в себя уже в госпитале, затянутый в смирительную рубашку.

Когда доктор прогнал из палаты шестиголовых змей, я сел и поболтал с сестричками. Одна рыжая кошечка, совершив отчаянную попытку перейти к самообороне, принялась читать мне газеты. Новости проникали мне в уши обрывками, потому что она, увертываясь от меня, пряталась за ширмами и ночными столиками, но тут я услышал такое, что заставило меня выхватить у нее газету. Девушка, уже готовая к последнему отчаянному отпору, взглянула на меня с изумлением.

До сих пор смутно припоминаю, как она стояла в уголке и покачивала головой, когда меня выписывали. Правда, док не считал, что я вылечился, но у меня нашлись влиятельные друзья.

«Баскомб рокетс» находились от госпиталя ближе всего, и я вошел туда через полчаса после того, как накрахмаленный клерк выдал мне одежду, деньги и маленький белый сертификат — хоть сейчас вставляй в рамочку. По дороге я проглядел все подвернувшиеся под руку газеты, так что уже был готов увидеть то, что увидел.

Крохотная экспериментальная мастерская, кое-как перебивавшаяся на жалком бюджете, теперь расширялась словно Галактика, превратившаяся в сверхновую. Где-то далеко я разглядел здания возводящихся цехов и ангаров, повсюду строились склады, а оборудование прибывало кубометрами и тоннами.

Тим Баскомб проверял чертежи перед наполовину возведенным Парфеноном, явно предназначенным для главного здания компании. На следующий год после войны я повстречал его на слете бывших пилотов, но решил, что представиться мне не помешает — некоторые заносчивые личности уже успели меня позабыть.

Едва услышав мой голос, Тим уронил чертежи и схватил меня за руку.

— Дэйв! Ты еще ни с кем не подписал контракт? — с тревогой спросил он.

— Пока ни с кем. Так вам пригодится бывший пилот B-29 и игрок на аккордеоне?

— Пригодится ли? Мистер Хеннеси... мистер Хеннеси, принесите мне контракт номер шестнадцать, нет, лучше номер восемнадцать. Ты ведь пилотировал еще первые реактивные и ракетные аппараты,— пояснил он,— и это причисляет тебя к категории опытных специалистов.

— Что, много парней набрали?

— Много? Да сейчас по всей стране каждый жестянщик, державший в сарае мастерскую, организует какую-нибудь корпорацию, а мы идем ноздря в ноздрю с лучшими из них. Говорят, на авиалиниях стюардессы уже работают вторыми пилотами, а разносчики сладостей — радистами. Во-он в том ангаре ты найдешь Стива Янси и Лу Брока из «Канада-Мексики»; парни будут рады тебя видеть.

Мистер Хеннеси и стенографистка стали свидетелями. Я нацарапал на контракте фамилию, едва увидев цифру, проставленную в графе «зарплата». Баскомб рассмеялся:

— Готов поспорить, что наша платежная ведомость — одна из самых внушительных в мире. Впрочем, компаний пятьдесят тоже получили крупные субсидии. Нас поддерживают «Радиоактивные металлы» и горнопромышленная корпорация «Джиннетт», да еще получили правительственную субсидию на пять миллионов.

— И когда правительство этим заинтересовалось? — уточнил я, вытирая измазанные чернилами пальцы.

— Когда? — хмыкнул Тим. Мы шли в сторону огромного ангара, над входом в который висела табличка: «Пилоты-испытатели "Баскомб рокетс". Посторонним вход воспрещен».— Послушай, Дэйв, когда Паркс сделал радарные снимки Луны, заинтересовались астрономы. Когда он разработал таблицу спектров и обнаружил под поверхностью огромные глыбы золота, зашевелились банки и добывающие компании. Но когда проф из «Калтеха» провел лучом парксовского аппарата восемьдесят миль по долине в Лунных Альпах и обнаружил, что там вперемешку лежат слои радия и урана, то все нации планеты оторвались от экспериментов с атомными бомбами ровно настолько, чтобы успеть завербовать на работу всякого, кто знает, что от Земли до Луны четверть миллиона миль. Дело теперь даже не в том, что первый, кто сядет на Луну, за ночь станет миллиардером, а в том, что народ начнет клепать атомные бомбы у себя на кухне.

Я посмотрел на работающие повсюду бульдозеры и экскаваторы, на армию строителей, копошащуюся вокруг бетономешалок, на каркасы цехов, вырастающие на каждом свободном клочке земли. И такую картину сейчас можно было увидеть повсюду

в нашей стране, да и наверняка в каждой стране мира. Склепать хоть какой-нибудь кораблик, решить все проблемы с помощью кое-как собранной на коленях аппаратуры — но первым добраться до Луны!

— И вопрос касается не только безопасности страны,— объяснил Тим.— Мы почти овладели атомной энергией. Фактически она уже есть, только не в коммерческой форме. Но если добывать уран на Луне, то старая сказка из воскресных приложений — помнишь, пересечь Атлантику, использовав в качестве топлива чайную ложку песка,— станет явью. «Дженерал атомикс» половину своего бюджета направила на конструирование космических кораблей. Быть может, они не станут первыми, кто построит завод в кратере Тихо, но стараются они изо всех сил.

Он провел меня в ангар пилотов, где парням читали лекцию об астронавигации. А ведь в тот день все ракеты компании Баскомба существовали только в чертежах!

«Безумная гонка» — так, пожалуй, стоит назвать этот период. Он действительно был безумным. Люди еще помнят, как сообщения о первых его жертвах попадали на первые полосы газет: ракета Гуннара и Торгерсена взорвалась, поднявшись на полмили; шесть русских ученых исчезли во вспышке, зарегистрированной всеми направленными на Луну астрономическими камерами. Затем, под конец десятилетия, по планете прокатилась волна протестов, и закон стал сурово наказывать безответственные корпорации и авторов рискованных экспериментов.

Но даже тогда Стив Янси и его младший брат погибли во время простого экспериментального полета за пределы атмосферы. Никакие фундаментальные принципы не были по недосмотру пропущены, просто мы небрежно работали.

Когда Паркс наконец заехал к нам проездом из «Реактивного проекта Лероя», всем нам уже казалось, что никуда мы быстро не попадем. То был Черный Апрель, когда погиб весь посланный «Дженерал атомикс» флот. Баскомб узнал, что я лично знаком с Парксом, и стал упрашивать, чтобы я уговорил его работать на нашу фирму:

— Он же просто ездит с места на место и раздает советы всем, кто захочет его выслушать. Если он с его репутацией начнет работать на одну фирму, то сможет потребовать любую зарплату. Попробуй сделать так, чтобы он потребовал ее у нас.

— Попробую,— пообещал я.

— Конечно, я знаю, что больше всего его интересуют эксперименты с радарами. Если бы он перестал заниматься картографированием Луны, то каждый колледж наверняка воспылал бы желанием обзавестись радарным телескопом, или как он там

называется. Но с тех пор как он нашел уран в этих проклятых кратерах, школьников вербуют для участия в научных исследованиях, едва они осваивают курс элементарной физики. Тот проф из «Калтеха»... черт, как же его-то зовут... ну тот, что первый обнаружил радиоактивные вещества с помощью аппаратуры Паркса,— так вот, говорят, что ему приходилось забираться на гору к Парксу всякий раз, когда у него вновь появлялось желание исследовать новый участок Луны. Он не сумел даже родной университет заинтересовать идеей построить для него собственную игрушку, а Алекс П. подпускал гостей к своему детищу только на коротком поводке.

— Верно,— ухмыльнулся я, вспомнив, как он дал от ворот поворот Эммануэлю Корлиссу. Даже когда некоторые научные журналы критиковали Паркса за столь жесткий контроль над единственным в мире радаром для исследования лунной поверхности, Алекс гневно возражал, что весь аппарат он придумал и построил сам, потратив на него собственные время и средства, а если это кому-то не нравится, то пусть строят себе такой же аппарат сами. Но в ситуации, когда каждый направляемый на исследования цент вкладывался в разработку космических кораблей, конкуренты у него, естественно, появиться не могли.

Паркс лишь рассмеялся, когда я передал ему предложение Баскомба. Он вылез из черно-серебристого, пахнущего свежей краской корабля, на котором мне предстояло через неделю отправиться в пробный полет, и уселся на гнутую металлическую опору.

— Нет, Дэйв, мне нравится быть экспертом-консультантом крупных компаний, конструирующих ракеты. Я привык путешествовать и знакомиться с самыми разными вариантами. Ты знаешь, что Гарфинкель из Иллинойса разрабатывает «космоплан» — нечто вроде парусника, летящего под давлением космических лучей? Так что мне вовсе не хочется застрять в каком-нибудь уголке этого бизнеса. В конце концов, удача может улыбнуться кому угодно.

— Но это непохоже на тебя, Алекс,— возразил я.— Ты всегда был парнем, которому нравится делать все своими руками. А то, чем занимаемся мы, не просто тебе по пути — это твой путь. Ты единственный человек, который нужен «Баскомб рокетс» не как приезжающий время от времени бесплатный консультант, а как директор, координатор всех наших исследований. Я-то просто недотепа, научившийся орудовать штурвалом, но ты как раз тот, кто проложит всем дорогу в космос.

— Ты никому не проболтался, что мы вместе работали?

— Нет.— Я вздохнул. Желания присоединиться к нам у него явно не было, и я помог ему сменить тему.— Кошмарная это история... с кораблями «Дженерал атомикс».

Он посмотрел вниз, медленно кивнул, потом поднял голову. Я заметил на его лице с трудом скрываемый гнев.

— Во всем виноват Корлисс,— негромко произнес Алекс.— Полгода назад он стал президентом ДА. А идея послать целый флот наверняка показалась ему хорошим рекламным ходом.

Я с ним не согласился.

— В конце концов,— отметил я,— логика здесь была нормальная. Десять кораблей вылетает к Луне одновременно. Если один натыкается на метеорит, другие могут прийти на помощь. Если кораблю грозит взрыв, экипаж его можно спасти, переместив людей на другие. Им просто не повезло. Как жаль, что Фукель открыл жесткие космические лучи лишь через неделю после их старта. Теперь все, что мы строим, снабжено изоляцией против этой гадости.

— Пятьсот человек,— задумчиво протянул Алекс.— Пятьсот мужчин и женщин затерялись бесследно. Сегодня в газетах ничего не сообщалось? Может, перехватили их радиосигнал? Или где-то упали обломки?

— Нет. Наверное, они потеряли управление и упали на Солнце. А может быть, уцелевшие корабли уже дрейфуют куда-то за пределы системы.

Когда я попрощался с Алексом у ворот, он снова стал самим собой.

— Быть может, к следующей нашей встрече мы раскусим этот орешек,— сказал я.— Правда, мы движемся вперед весьма медленно.

— Это ничего не значит.— Он с чувством пожал мне руку.— Человек твердо решил оторваться от родной планеты. И он своего добьется — возможно, даже быстрее, чем думает.

Два месяца спустя капитан Ульрих Гэлл посадил канадский корабль «Пройдоха-3» с двухпоточным двигателем в кратер Платон. Теперь любой школьник знает историю о том, как Гэлл выстроил свой облаченный в скафандры экипаж и собрался выйти через шлюз. Как он зацепился ногой за рампу и как его стюард-полинезиец Чарльз Вау-Нейл бросился к рампе, чтобы освободить капитана, споткнулся о порог люка и с разбега вылетел наружу — став таким образом первым человеком, коснувшимся другого мира.

Я стал вторым пилотом пятого корабля, добравшегося до Луны,— «Посол Альбукерке». Я также стал первым человеком,

оставившим отпечаток ноги на склонах лунных Апеннин. Так что и мне нашлось местечко в подробной шеститомной истории исследования Луны: «Интересное открытие было сделано рядовым исследователем по имени...»

Впрочем, вы и так знаете, что было дальше. Обитатели первой колонии, основанной Гэллом на Луне, лихорадочно исследовали взятые повсюду образцы минералов. Увы, безуспешно. Через полгода ученые полностью подтвердили по радио давно возникшие у Гэлла подозрения.

Никакого урана на Луне не оказалось. Никакого радия тоже. А концентрация золота лишь чуть-чуть превышала нижний предел обнаружения самых чувствительных методов анализа.

Разумеется, нашлось несколько солидных залежей железной руды. Кто-то обнаружил под поверхностью минералы, из которых можно было легко извлечь кислород и легкие элементы, и это сделало возможным независимое существование колонии. Но никакого урана!

Когда разразился скандал, я находился уже на Земле. Буря, финансируемая и поощряемая впавшими в истерику корпорациями, первым делом обрушилась на голову некоего профессора-астронома из Калифорнии и раскатала его в тонкий блин. Ведь это он, паразит, первым объявил о наличии на Луне радиоактивных минералов, экспериментируя с радаром Паркса! Затем дошла очередь и до самого Паркса.

Помните заголовки тех дней («Паркс признался в мошенничестве»), набранные огромными буквами, какими впору объявлять о конце света? «Александр Паркс, шарлатан из Невады, рассказал сегодня сотрудникам ФБР, как он разместил передатчики вблизи урановых и золотых месторождений Канады и настроил на их волну свою адскую машину таким образом, что создавалось впечатление, будто импульсы приходят со стороны определенного участка Луны. "Я никому не дозволял тщательно изучать свой аппарат,— признался Паркс,— и это, вкупе с моей всемирно признанной репутацией эксперта по радарам, предотвратило разоблачение"».

Я прилетел в его лабораторию на горе. Там уже сновала полиция штата вперемешку с сотрудниками ФБР, а весь участок оцепила целая армейская рота. Когда мне удалось доказать всем по очереди, что я респектабельный гражданин, мне позволили увидеться с Алексом. Очевидно, он уже стал фактически заключенным.

Алекс сидел за столом, вытянув перед собой руки. Когда я вошел, он обернулся и радостно улыбнулся. Мужчина, с пыхтением расхаживавший по комнате, тоже обернулся, и я с некоторым трудом узнал Эммануэля Корлисса. Он бросился ко мне и, уставив на меня покрасневшие глаза, принялся бормотать. Через некоторое время я сумел разобрать смысл его бормотания:

— Ну хоть вы спросите его почему. Спросите, зачем он так поступил, зачем разорил меня?

— Я это уже раз десять объяснял,— мягко заметил Паркс.— Я ничего не имел лично ни против вас, ни против кого угодно. Я просто решил, что для человечества настало время выйти в космос, а самой лучшей приманкой для этого окажется жадность. И оказался прав.

— Прав! — заверещал Корлисс.— Прав! И вы называете правильным то, что я лишился трех миллионов? Я вложил свои личные три миллиона, и что я за них получил? Железную руду? Если бы мне потребовалась железная руда, то неужели ее мало и на этой планете?

— Можете утешиться тем, мистер Корлисс, что ваши финансовые потери помогли человечеству сделать важный исторический шаг. Вспомните, ведь я едва не пустил в ход ружье, дабы помешать вам стать участником моих... планов. Могу лишь посоветовать включить эти миллионы в графу потерянных инвестиций, когда станете заполнять налоговый отчет. Больше я вам ничем не могу помочь.

— Зато я смогу вам помочь! — заявил президент «Дженерал атомикс» и Радарной корпорации Америки, тыча в лицо Паркса пухлым трясущимся пальцем.— Я помогу вам оказаться в тюрьме. И потрачу на это весь остаток своих дней! — И он с такой силой захлопнул за собой дверь, что хижина, казалось, подскочила фута на три.

— А он сможет что-нибудь с тобой сделать, Алекс?

Тот пожал плечами. Выглядел он усталым. Наверное, в последнее время ему часто приходилось выслушивать одно и то же.

— Насколько я понимаю, немного. Лунный радар я создал на собственные средства. Раздавая советы всем желающим, я не взял ни гроша ни от какой-либо корпорации, ни от частного лица. Из этого мошенничества я не извлек никакой материальной выгоды. Мои юристы сказали, что суд станет нелегким, но наказывать меня практически не за что. Я чист. Ты... ты не сердишься на меня?

— Нет! — Я опустил руку ему на плечо.— Сотни людей могут сказать, что с твоей помощью жизнь для них вновь обрела смысл. Слушай, Алекс,— тихо добавил я,— не знаю, что про тебя скажет история, но многие пилоты тебя никогда не забудут.

— Спасибо, приятель,— улыбнулся он.— Постараюсь не втянуть тебя в эту заварушку. А ты назови моим именем какое-нибудь ущелье на Луне.

Пока что мы не можем забраться дальше Луны, но я приобрел крохотный двухместный грузовой кораблик — подержанный, разумеется,— и, как только поднакоплю деньжат, сразу поставлю на него новый трехпоточный двигатель. Говорят, что Венера еще находится на ранних стадиях геологического развития, а это означает, что там должны быть залежи радия и урана. Первый, кто туда доберется и застолбит лучшие участки, обеспечит себя до конца жизни. Да, все эти разговоры тоже могут оказаться приманкой для простаков, но подумайте только, если это правда...

Словом, межпланетные перевозки живут и процветают. Но что стало с породившим их человеком?

Федеральная лунная комиссия (ФЛК) разослала по всем своим филиалам приказ, запрещающий Александру Парксу улетать с Земли. И если только он не смоется зайцем в трюме какого-нибудь грузового корабля или же время не залечит эту конкретную рану, то, боюсь, ему придется до конца своих дней тосковать на Земле.

Игра для детей

Когда посыльный, сообразив, что чаевых не будет, хлопнул дверью, Сэм Вебер решил передвинуть большой ящик поближе к единственной в комнате лампочке. Посыльному ничего не стоило буркнуть: «Не знаю. Это не наше дело, мистер, мы их только доставляем», но должно же существовать какое-то разумное объяснение.

Предчувствие не обмануло Сэма. Ящик оказался достаточно тяжелым. Сэм, ворча, протащил его несколько метров. Непонятно, как посыльный поднял такую тяжесть на четвертый этаж.

Заметив яркую карточку, на которой стояло его имя, адрес и традиционное пожелание «Веселого Рождества в 2153 году», Сэм выпрямился и нахмурил брови.

Шутка? У него не было знакомых, которым показалось бы остроумным послать поздравление с подобной датой. Ведь до нее осталось ждать двести лет. Разве что какой-нибудь шутник из его товарищей по юридическому институту решил сообщить свое мнение относительно того, когда Вебер будет вести свой первый процесс. Но и в этом случае...

Буквы выглядели очень странно — какие-то зеленые черточки вместо линий. А сама карточка была из настоящего золота!

Сэма разобрало любопытство. Он сорвал карточку, содрал тонкую обертку — и замер от удивления. Потом присвистнул и судорожно проглотил слюну.

«Что такое?! С ума сойти!»

Ящик не имел ни крышки, ни ручек. На его поверхности не было видно ни единой щелочки. Он оказался сплошным однородным кубом из какого-то коричневого вещества. Но, когда Сэм его двигал, внутри что-то дребезжало.

Пыхтя и отдуваясь, Сэм приподнял ящик. Дно оказалось совершенно гладким, тоже без единой щелочки. Сэм с грохотом опустил ящик на пол.

— Ладно,— философски заметил он,— дело, в конце концов, не в подарке, а в принципе.

Тут он вспомнил, что пора садиться за письма,— он еще не поблагодарил за рождественские подарки. Нужно было придумать что-то совершенно особенное для тети Мэгги. Присланные ею галстуки выглядели, как абстракционистские кошмары, но сам он не послал ей на это Рождество даже носового платка. Все деньги до единого цента съела брошь для Тины. Конечно, брошь не кольцо, но, может быть, Тина примет во внимание сложившиеся обстоятельства...

Сэм направился к кровати, которая служила ему одновременно столом и стулом. По дороге он с досадой ткнул ящик и пробурчал: «Ну и ладно, не хочешь открываться — не надо».

Загадочный куб, словно поумнев от пинка, раскрылся. Сначала образовалась щель, потом она быстро расширилась и крышка разошлась в стороны, как у саквояжа. Сэм ударил себя по лбу и помянул всех богов от египетского Сета до Небесного Отца. Затем он вспомнил свои последние слова.

— Закрыться! — произнес он.

Ящик послушно закрылся и стал гладким, как кожа младенца.

— Открыться! — Ящик открылся.

Неплохое представление, решил Сэм. Он наклонился и стал рассматривать содержимое.

Внутри Сэм увидел лабиринт из полочек. На них стояли флаконы с голубыми жидкостями, банки с красными порошками, лежали прозрачные тюбики, наполненные какими-то пастами желтого, зеленого, оранжевого, розовато-лилового и прочих цветов. Сэм даже не мог вспомнить названий всех оттенков. На дне ящика лежало семь странных аппаратов, которые выглядели так, будто их собирал помешанный на лампах радиолюбитель. И в довершение всего в ящике была книга.

Сэм вытащил эту книгу и с изумлением обнаружил, что, хотя страницы ее были металлическими, она почти ничего не весила, во всяком случае, была легче любой другой книги, которую ему когда-либо приходилось держать в руках. Он сел на кровать, втянул в себя воздух и открыл первую страницу.

— Ну и ну! — произнес он и с силой выдохнул воздух. Зеленые буквы изгибались какими-то сумасшедшими закорючками:

«Построй человека», набор № 3

Этот набор предназначен только для детей от 11 до 13 лет. Аппаратура, более сложная, чем в наборах «Построй человека» № 1 и 2, позволит ребенку данной возрастной группы собирать действующих взрослых людей. Отсталые подростки могут также собирать детей и живые манекены из наборов предыдущих номеров. Имеются два дезассамблятора, так что материал можно использовать повторно. Как и в случаях с наборами № 1 и 2, разборку рекомендуется производить в присутствии Хранителя ценза. Дополнительные реактивы и запасные части можно получить от компании «Построй человека», № 928, Диагональный уровень, Глэнт-Сити, Огайо. Запомните — только с помощью набора «Построй человека» Вы можете построить человека!

Сэм зажмурился. Какие глупые трюки он видел вчера в кино! Немыслимая дрянь! Да и сама картина отвратительна. Только краски хорошие. Интересно, сколько может заработать в неделю продюсер такой картины? А оператор? Пятьсот? Тысячу?

Он осторожно открыл глаза. Ящик по-прежнему стоял посреди комнаты. Книга тоже никуда не исчезла. И на первой странице он снова прочел: «Запомните — только с помощью набора "Построй человека" Вы можете построить человека!»

Следующую страницу занимал прейскурант «дополнительных реактивов и запасных частей». Цены за литр гемоглобина, три грамма набора энзимов и тому подобные вещи выглядели несколько странно — один сланк пятьдесят или три сланка сорок пять. В конце страницы рекламировался набор № 4: «Вы почувствуете истинный восторг при конструировании Вашего первого живого марсианина!» Мелким шрифтом было набрано: «Патент 2148 года».

На третьей странице оказалось оглавление. Сэм схватился вспотевшей рукой за матрац и прочел:

Глава 1. Детский биохимический сад.
Глава 2. Простейшие живые вещи дома и вне дома.
Глава 3. Живые манекены и как они работают на человечество.
Глава 4. Дети и другие маленькие человечки.
Глава 5. Двойники на все случаи жизни. Копируйте себя и своих друзей.
Глава 6. Что нужно, чтобы построить человека.
Глава 7. Сборка человека.
Глава 8. Разборка человека.
Глава 9. Новые формы жизни для развлечения в часы досуга.

Сэм положил книгу обратно в ящик и рванулся к зеркалу. Его лицо ничуть не изменилось. Правда, оно стало белее мела, но черты его остались прежними. Он не раздвоился, не превратился в манекен, не сконструировал новую форму жизни для развлечения в часы досуга. В этом смысле все было в полном порядке.

Немного успокоившись, Сэм обрел прежнее выражение лица, а то глаза у него чуть было не вылезли из орбит.

«Дорогая тетя Мэгги,— начал он лихорадочно писать,— ваши галстуки — самый лучший из всех рождественских подарков. Как жаль, что...»

...Как жаль, что у меня не осталось ни гроша на покупку рождественского подарка... Но кому могло прийти в голову затратить такие фантастические усилия на создание подобной штуки? Лью Найту? Но даже Лью, при всей своей черствости, должен испытывать какое-то чувство уважения к празднику. Да у Лью и не хватило бы ни мозгов, ни терпения для такой трудной работы.

Тина? Конечно, она обладает особым талантом создавать осложнения. Но если Тина в полной мере наделена всеми прочими физическими и моральными качествами, то она почти лишена чувства юмора.

Сэм поднял обертку от ящика и разгладил ее. Ему показалось, что на глянцевитой поверхности еще сохранился запах духов Тины, и весь мир снова стал на место.

На полу блестела металлическая пластинка. Может быть, на обратной стороне обозначено имя отправителя?

Сэм поднял ее. Ничего — только гладкая золотая поверхность. Настоящее золото. В этом-то Сэм не сомневался — его отец был ювелиром. Сама стоимость пластинки исключала возможность розыгрыша. И кроме того, в чем тут шутка?

«Веселого Рождества в 2153 году...»

Чего достигнет человечество через двести лет? Проложит путь к звездам или еще дальше, преследуя какие-нибудь невообразимые цели? Использует вместо машин и роботов маленьких живых манекенов? Будет делать игры для детей...

А нет ли в ящике еще одной карточки? Сэм решил вытряхнуть все содержимое, но взгляд его упал на большую серую банку с надписью: «Обезвоженная нервная ткань. Только для изготовления людей».

Он отшатнулся и рявкнул: «Закрыться!»

И снова перед ним была гладкая поверхность. Сэм облегченно вздохнул и решил спать.

Раздеваясь, он пожалел, что не догадался спросить у посыльного название его фирмы. Возможно, это помогло бы установить происхождение подозрительного подарка.

«Но, в конце концов,— повторял он, засыпая,— дело не в подарке, дело в принципе. Веселого Рождества!..»

На следующее утро, когда Лью Найт влетел в контору со своим обычным: «Доброе утро, коллеги», Сэм ждал, что Лью

вот-вот попробует его поддеть. Вряд ли такой человек, как Лью, мог бы удержаться от намеков, но Лью уткнулся в «Дополнение к своду законов штата Нью-Йорк» и так просидел все утро. Остальные совладельцы общей конторы — пять юных законников — казались либо слишком подавленными, либо слишком занятыми, чтобы иметь на совести «Построй человека». Не было ни хитрых улыбок, ни насмешливых взглядов, ни наводящих вопросов.

Тина появилась ровно в десять. Она напоминала девушку с рекламы, только одетую.

— Доброе утро,— сказала она.

Каждый ответил ей в зависимости от расположения духа: один — улыбкой, другой — ворчанием, третий — просто кивком. Лью Найт проворчал. Сэм Вебер улыбнулся.

Взбивая волосы, Тина за одну минуту успела понять и оценить ситуацию. Наконец решение было принято, и, положив локти на стол Лью Найта, Тина спросила, что она может для него сейчас сделать.

Сэм демонстративно погрузился в труд Хаклеуорта «О мошенничествах». Услуги Тины оплачивали все семеро. Теоретически она выполняла обязанности секретаря, телефонистки, машинистки, а также принимала посетителей. Практически при самом добросовестном отношении к делу ей приходилось за день печатать и отсылать не больше двух-трех случайных писем. Раз в неделю могло попасться более важное письмо, не требовавшее, впрочем, особых юридических знаний. Поэтому Тина в одном из ящиков своего стола держала неплохую библиотеку модных журналов, а в двух других — полную косметическую лабораторию. Добрую треть рабочего времени она проводила в дамской комнате, обсуждая с другими секретаршами цены на чулки и способы их приобретения. Остальное время она преданно служила тому из своих нанимателей, который в данный момент, по ее мнению, более всего в ней нуждался. Ее жалованье было скромным, но жизнь полной.

Только перед самым ленчем, разнося утреннюю почту, она подошла к Сэму.

— Кажется, сегодня утром вы были не слишком заняты, мистер Вебер...— начала она.

— Вам это только показалось, мисс Хилл,— возразил он с легким раздражением, полагая, что оно ему к лицу.— Я ждал завершения ваших светских дел, дабы мы могли опуститься до того, что в некоторых случаях называется работой.

Она была удивлена, как котенок, которого согнали с подушки.

— Но сегодня ведь не понедельник: Сомерсет и Оджек присылают вам документы только по понедельникам.

Сэм поморщился при напоминании о том, что без чисто механической работы по оформлению бумаг, выполняемой им раз в неделю для фирмы «Сомерсет и Оджек», он был бы юристом только по названию.

— Мне нужно продиктовать письмо, мисс Хилл,— сурово ответил он.— Когда у вас все будет готово, мы сможем начать.

Тина тотчас вооружилась стенографическим блокнотом и карандашами.

— Обычный заголовок, сегодняшнее число,— начал Сэм.— Адресуйте Торговой палате, Глэнт-сити, Огайо. Пишите:

«Джентльмены! Прошу известить меня, не зарегистрировалась ли у вас недавно компания под названием "Построй человека" или под каким-либо аналогичным названием. Я хотел бы также знать, не заявляла ли вам фирма с вышеуказанным или аналогичным названием о своем намерении обосноваться в вашем округе. Этот запрос сделан неофициально, по просьбе клиента, заинтересованного в продукции вышеупомянутой фирмы, адрес которой моим клиентом утерян».

Подпись и затем постскриптум:

«Кроме того, мой клиент заинтересован в сведениях о коммерческих перспективах района, к которому относится улица, имеющая название "Диагональная авеню" или "Диагональный уровень". Все данные об этом районе и об организациях, в настоящее время там расположенных, будут приняты с благодарностью».

Тина устремила на него широко открытые голубые глаза.

— О Сэм,— прошептала она, игнорируя его официальный тон.— О Сэм, у вас появился второй клиент! Я так рада! Правда, он выглядит немного зловеще, но держится с таким достоинством, что я была уверена...

— Кто? Кто выглядит немного зловеще?

— Ну, ваш новый клиент...

У Сэма возникло неприятное ощущение, что в конце фразы она хотела добавить — глу-упенький!

— Когда я пришла сегодня утром, в холле торчал такой странный высокий старик в длинном черном пальто и разговаривал с лифтером. Он повернулся ко мне — я имею в виду лифтера — и сказал: «Это секретарша мистера Вебера, она сможет сообщить вам все, что вас интересует». Потом лифтер как-то странно подмигнул. Это было не очень-то вежливо в такой обстановке. Старик уставился на меня, мне стало очень не по себе, а он пробормотал сквозь зубы: «Или психопаты, или хищники. Ни одного нормального. Ни одного уравновешенного». И ушел. Настоящий джентльмен так бы не сделал. Вы должны это знать, если он ваш новый клиент!

Она откинулась на спинку стула и перевела дух.

Высокий, зловещий старик в длинном черном пальто, выспрашивающий о Сэме у лифтера? Вряд ли что-нибудь серьезное. Он ни в чем таком не замешан. Но нет ли тут связи с необычным рождественским подарком? Над этим стоит поразмыслить.

— У нас гостит моя любимая тетя, я вам уже говорила,— продолжала Тина,— и она приехала так неожиданно...

Девушка что-то объясняла относительно рождественского вечера. Когда она наклонилась к нему, Сэм почувствовал прилив нежности.

— Не беспокойтесь,— сказал он.— Я знаю, вы не могли ничего сделать, чтобы наше свидание состоялось. Мне стало немного грустно, когда вы позвонили, но я примирился: я ведь известен как Сэм, который никогда не сердится на красивых девушек. А как насчет ленча?

— Ленча? — она встревожилась.— Я обещала Лью, то есть мистеру Найту... Но он не станет возражать, если вы тоже пойдете.

— Ну и отлично. Пошли.

Вот хорошая возможность отплатить Лью его же монетой.

Перспектива сидеть за столом в «большой компании» вместо ожидавшегося интимного общества основательно испортила настроение Лью Найту, чего, собственно, Сэм и добивался. К сожалению, Лью взял реванш. Он удивительно красноречиво расписывал детали порученного ему дела, хвастал ожидаемыми гонорарами, не забыв упомянуть и о предстоящей славе. После одной или двух попыток вставить несколько слов об интересном завещании, которое он оформлял для фирмы «Сомерсет и Оджек», обманутый в своих ожиданиях Сэм погрузился в размышления. Лью, воспользовавшись его капитуляцией, немедленно перестал говорить о деле «Розенталь против Розенталя» и начал обхаживать Тину.

На улице была слякоть — снег превратился в грязь. Во многих магазинах уже разбирали рождественские витрины. Сэму бросились в глаза конструкторские наборы для детей, обложенные елочной канителью и покрытые сверкающим искусственным снегом. «Построй радио», «Построй небоскреб», «Построй аэроплан»... Но — «Только с помощью набора "Построй человека" Вы можете...»

— Я пошел домой,— внезапно произнес Сэм.— Вспомнил об одном деле. Если кто-нибудь придет, позвоните мне.

«Я оставил Лью победителем на поле битвы»,— сказал он себе, заняв место в вагоне метро. Но горькая истина заключалась в том, что битва все равно была проиграна независимо от места, где находился Сэм.

Еще в юридическом институте говорили, что у Лью Найта волчья хватка. С того дня, как Лью заметил, что субстанция, наполнявшая платья Тины, имеет правильные пропорции, шансы Сэма на победу снизились до стоимости куска железа в золотых хранилищах форта Нокс.

Тина сегодня не приколола подаренную Сэмом брошь. Зато на мизинце ее правой руки появилось довольно безвкусное кольцо.

«Одни выигрывают, другие проигрывают,— философствовал Сэм.— Я не выиграл».

Но как было бы приятно «выиграть» Тину!

Открыв дверь своей комнаты, Сэм с удивлением обнаружил, что постель не убрана. Значит, горничная не приходила. Этого раньше не случалось... Ну, конечно! Ведь раньше он никогда не запирал дверь. Девушка, наверно, решила, что Сэм не хотел, чтобы к нему ходили. А может, он и в самом деле не хотел.

На спинке кровати с вызывающим бесстыдством переливались всеми цветами радуги галстуки тети Мэгги. По дороге сняв шляпу и пальто, Сэм бросил их в шкаф. Затем подошел к умывальнику и тщательно вымыл руки. Потом резко обернулся.

Ничего не изменилось. Большой коричневый куб, на который он все время невольно косился, стоял на том же месте и, без сомнения, содержал тот же диковинный набор, так поразивший его воображение.

— Открыться,— сказал Сэм. И ящик открылся.

Книга, по-прежнему раскрытая на оглавлении, лежала на дне ящика; ее угол попал в камеру одного из странных аппаратов. Сэм осторожно вынул и то и другое, заметив при этом, что аппарат состоял в основном из каких-то окуляров, укрепленных с помощью сложного переплетения трубок и пружин на основании — плоской зеленой пластинке. Он перевернул аппарат. На нижней стороне пластинки было выведено такими же диковинными буквами, как и в книге: «Комплект из электронного микроскопа и рабочего столика».

Очень осторожно Сэм поставил аппарат на пол, затем один за другим вытащил все остальные приборы — от «Детского биокалибратора» до «Витализатора Джиффи». Потом он аккуратно выстроил в пять рядов разноцветные флаконы с лимфой и банки с всевозможными хрящами. При этом выяснилось, что стенки ящика изнутри выложены удивительно тонкими листами разной конфигурации. Стоило слегка надавить на края этих листов, и

они превращались в трехмерные модели органов человека, величину и очертания которых можно было изменять, оттягивая любую часть поверхности. Ясно, что это были формы для частей тела.

Хороший ассортимент! Если все это имеет какое-нибудь отношение к науке, то ящик может представлять огромную ценность. Или служить весьма полезной рекламой. Или — ну, мало ли что...

Если все это имеет хоть какое-нибудь отношение к науке...

Сэм опустился на кровать и раскрыл книгу на главе «Детский биохимический сад».

В девять вечера он сел на корточки у «Комплекта из электронного микроскопа и рабочего столика» и принялся откупоривать маленькие бутылочки. В девять сорок шесть Сэм Вебер впервые «построил» простейший живой организм.

Конечно, это было немного, если сравнивать, скажем, с первой Книгой бытия. Примитивная коричневая плесень, которая в поле зрения микроскопа расползалась по кусочку пирожка, дала несколько спор и прекратила свое существование примерно через двадцать минут. Но ведь ее сделал Сэм! Он создал специальную форму жизни, способную питаться только составными частями именно такого пирожка. Ничем другим она питаться не могла.

Сэм принял твердое решение напиться и отправился ужинать. Но после одного-двух глотков к нему вернулось чувство божественного могущества, и он помчался обратно в комнату.

Отупение восторга, охватившее его после создания коричневой плесени, в этот вечер больше не пришло к нему, хотя он построил гигантскую белковую молекулу и целый выводок фильтрующихся вирусов.

Утром Сэм из маленькой закусочной, где он обычно завтракал, позвонил в контору.

— Сегодня я весь день буду дома,— сообщил он Тине.

Она выразила удивление, так же как и Лью Найт, который взял у нее трубку.

— Ну что, коллега, обзаводитесь практикой среди соседей? Мальчишка Блэкстоун* остался без практики. К нему уже отправлены две машины скорой помощи.

— Ладно,— сказал Сэм,— я сам с ним объяснюсь, когда он ко мне заявится.

Неделя все равно уже кончалась, поэтому он решил остаться дома и на следующий день. Он знал, что до понедельника,

* Дж Блэкстоун (1723–1780) — знаменитый английский юрист, один из основателей английского правоведения *(Прим перев)*

когда «Сомерсет и Оджек» снесут в корзинку его единственное очко, никакой настоящей работы у него все равно не будет.

Возвращаясь домой, Сэм купил книгу по бактериологии. Было очень забавно создавать и совершенствовать одноклеточные организмы, о месте которых в системе классификации велись длинные и нудные ученые споры.

Конечно, руководство «Построй человека» давало только несколько примеров и общие правила, но, извлекая подробные описания из курса бактериологии, Сэм чувствовал себя господином положения: он вскрывал тайны мироздания, как вскрывают устриц!

Кстати, эта аналогия натолкнула его на мысль сделать несколько устриц. Правда, раковины получились недостаточно твердыми, и у Сэма не хватало мужества продегустировать этих устриц, но они, несомненно, были из класса двустворчатых. Если бы удалось усовершенствовать технику их изготовления, проблема питания была бы окончательно решена.

Руководство было написано просто и ясно и снабжено прекрасными иллюстрациями, которые становились трехмерными, стоило только открыть нужную страницу. Очень немногое считалось известным заранее, более сложные объяснения следовали за более простыми. Только попутные замечания были не всегда понятны. «Этот метод используется в фанфоплинических игрушках...», «Когда следующий раз Вам будут покеклировать или демортонировать зубы, подумайте о бактериум цианогенум и скромной роли, которую она играет...», «Если у Вас в доме есть рубикулярный манекен, можете пропустить главу о манекенах» и т. д. и т. п.

После того как беглый осмотр убедил Сэма, что ни один из предметов в его комнате не имеет даже отдаленного сходства с рубикулярным манекеном, он счел себя вправе перейти к главе о манекенах. Чувства, которые испытывает отец, возящийся с игрушечным поездом сына, были для Сэма уже пройденным этапом; ему удалось сделать больше того, о чем в течение ближайших десятилетий могли мечтать самые знаменитые биологи мира. А что еще ждало его впереди? Какие перспективы откроются перед ним?

«Никогда не забывайте, что манекены строятся для одной — и только для одной — цели».

«Я не забуду»,— мысленно пообещал Сэм.

«Будут ли это манекены-санитары, манекены-закройщики, манекены-машинистки или даже сунневиарные манекены, при их конструировании надо иметь в виду только одну определенную операцию или один заданный процесс. Если Вы изготовляете манекен, способный исполнять больше одной операции, то Вы совершаете настолько серьезное преступление, что оно наказуется публичным увещанием».

«Чтобы изготовить элементарный манекен...»

Это было очень трудно. Три раза он разбирал созданных им уродов и начинал сызнова. Только в воскресенье днем манекен был готов, или, точнее, не совсем готов.

У него оказались длинные руки, к тому же одна получилась длиннее другой, голова без признаков лица и туловище. Ног вообще не было.

Не было ни глаз, ни ушей. Манекен лежал на кровати и булькал розовой щелью рта, который должен служить как для приема пищи, так и для выделений. Он медленно размахивал длинными руками, предназначенными для одной-единственной, еще не придуманной операции.

Глядя на него, Сэм решил, что жизнь может быть иногда так же отвратительна, как помойка в жаркий летний день.

Манекен нужно было разобрать, но он был слишком велик, чтобы использовать маленький дезассамблятор, с помощью которого Сэм разбирал до этого устриц и другие свои миниатюрные творения. А на большом дезассамбляторе была ярко-оранжевая надпись: «Применять только под непосредственным наблюдением Хранителя ценза. Используйте формулу А-76 или сделайте менее устойчивым Ваш ид».

Выражение «формула А-76» вызывало не больше ассоциаций, чем словечко «сунневиарный», и Сэм решил, что его «ид» и без того уже достаточно неустойчив, дальше некуда. Придется обойтись без Хранителя ценза. Надо полагать, действие большого дезассамблятора основано на тех же принципах, что и малого.

Сэм прикрепил прибор к спинке кровати и отрегулировал фокус. Затем он щелкнул выключателем, расположенным на гладкой нижней поверхности.

Через пять минут манекен превратился в блестящую слизистую массу, расползшуюся по кровати.

Проветривая свою комнату, Сэм пришел к выводу, что большой дезассамблятор, несомненно, требовал наблюдения Хранителя ценза. Во всяком случае, какого-нибудь Хранителя. Он постарался спасти как можно больше составных частей безногого существа, хотя и сомневался, что еще раз воспользуется набором «Построй человека» в ближайшие пятьдесят лет. И уж наверняка он будет держаться подальше от большого дезассамблятора. Даже засунуть манекен в мясорубку и вертеть ручку, пока все это не превратится в фарш, было бы не так противно.

Сэм запер за собой дверь и отправился в бар, размышляя о том, что завтра утром надо купить пару новых простынь. Сегодня придется спать на полу.

В понедельник утром Сэм погрузился в дела, присланные фирмой «Сомерсет и Оджек». При этом он непрерывно ощущал на себе пристальный взгляд Лью Найта и удивленный — Тины. Если бы они только знали! — торжествовал Сэм. Впрочем, Тина сказала бы скорее всего: «Уди-ви-тельно!», а Лью Найт отпустил бы какую-нибудь дурацкую остроту. Что-нибудь вроде: «Ха-ха! Мальчишка Франкенштейн собственной персоной!» Но Сэм решил, что Лью, пожалуй, разработал бы какой-нибудь метод, чтобы скопировать содержимое набора «Построй человека» и распродавать его, пусть даже в ограниченном масштабе. Нет, Сэм не таков — он займется более интересными вещами. В этой штуке таятся большие возможности!

— Эй, коллега,— Лью Найт присел на край его стола,— для чего вам вдруг понадобился отпуск? Возможно, ваши доходы от юридической деятельности оставляют желать лучшего, но достойно ли дипломированного адвоката прирабатывать, распространяя подписку на журналы?

Сэму хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать этого голоса, напоминавшего ему визг шлифовального круга.

— Я пишу книгу.

— Юридическую? Сэм Вебер, «О банкротстве»?

— Нет, для юношества. «Лью Найт — полоумный неандерталец».

— Не пойдет. Заглавие не захватывает. Нужно что-нибудь вроде «Герцоги, гангстеры и гориллы» — вот за чем гоняется в наши дни публика! Между прочим, Тина сказала мне, что у вас была какая-то договоренность относительно Нового года, и она думает, что вы не будете возражать, если я пойду вместо вас. Мне тоже кажется, что вы не будете против, но, может быть, это заблуждение. Кстати, учтите, что мне удалось заказать столик в ресторане «Сигаль», где на Новый год народу все же меньше, чем в кафе-автомате.

— Я не возражаю.

— Отлично,— сказал Найт с нескрываемым удовлетворением.— Между прочим, я выиграл то дело. Неплохой гонорар. Спасибо за внимание.

Разнося почту, Тина тоже захотела выяснить, не возражает ли он против изменения ее новогодних планов. Нет, Сэм не возражает. Где он пропадал больше двух дней? Просто был занят, очень занят. Нечто совершенно новое! И очень важное!

Она смотрела на него сверху вниз, пока он отсортировывал предложения о продаже подержанных автомобилей с гарантией, что они прошли не более четверти миллиона километров, от учтивых напоминаний о том, что он опять не заплатил за обучение на последнем курсе юридического института, с просьбой сообщить, когда же он все-таки собирается погасить долг.

Наконец он добрался до письма, которое не было ни объявлением, ни счетом. Сердце у Сэма вдруг замерло, когда он заметил почтовый штамп: Глэнт-Сити, Огайо.

«Дорогой сэр!

В Глэнт-Сити нет ни одной компании, которая имела бы название "Построй человека" или хоть отдаленно его напоминающее, и мы не знаем аналогичной организации, желающей обосноваться в нашем округе. У нас также нет никакого проезда, называемого "Диагональным",— наши улицы, идущие с севера на юг, носят названия индейских племен, а идущие с востока на запад пронумерованы числами, кратными пяти.

В Глэнт-Сити совершенно отсутствуют промышленные предприятия, и мы намерены сохранить его таким, каков он есть.

Количество торговых и обслуживающих предприятий в нашем городе минимально. Застройка Глэнт-Сити строго ограничена. Если Вы хотите поселиться у нас и можете доказать, что Ваши предки были белыми христианами и, кроме того, англосаксонского происхождения до пятнадцатого колена, мы будем рады предоставить Вам дополнительную информацию.

Томас Х. Плантагенет, мэр

P. S. За чертой города строится аэропорт для частных самолетов, реактивных и винтовых».

Теперь все было ясно. Он не получит никаких дополнительных препаратов для пополнения содержимого флаконов и банок, если бы у него даже оказались один или два сланка, чтобы заплатить за них. Придется обращаться с материалом аккуратно и расходовать его как можно бережнее. Но ни в коем случае не заниматься разборкой!

Развернет ли компания «Построй человека» свое производство в Глэнт-Сити в далеком будущем, когда вопреки ограничениям, вводимым его ограниченными гражданами, город станет индустриальным центром? Или кубический ящик проскользнул в наше пространство и время из какого-то другого измерения, из какой-то другой эры на какой-то другой планете? Впрочем, это маловероятно: ведь сопроводительный текст написан по-

английски. И был ли какой-нибудь умысел, добрый или злой, в том, что именно он, Сэм Вебер, получил этот набор?

Тина спросила его о чем-то. Сэм оторвался от своих абстрактных рассуждений и прислушался к ее совершенно конкретным предложениям:

— Так что, если вы по-прежнему хотите, чтобы я пошла с вами на Новый год, я могу сказать Лью, что у моей мамы ожидается приступ — у нее камни в печени — и мне нужно остаться дома. Тогда, я думаю, вы сможете дешево откупить у него столик в «Сигале».

— Большое спасибо, Тина, но, честно говоря, у меня сейчас нет свободных денег. Да и, если быть откровенным, Лью гораздо более подходящая пара для вас.

Лью Найт никогда бы так не поступил. Он мог с беззаботным удовольствием наступить тебе на горло. Но Тина, по-видимому, все же больше подходила для Лью.

Почему? До того как Лью стал смотреть в ее сторону, Сэм занимал прочные позиции. В то время все в конторе признавали этот факт и не путались у него под ногами. А теперь дело было не только в том, что успехи у Лью были значительнее, а финансовое положение лучше: просто Лью решил, что ему нужна Тина, и он ее получил.

Это причиняло боль. Конечно, Тина не совершенство; она не была ровней Сэму ни по культуре, ни по интеллекту, но она привлекала его. Ему нравилось проводить с ней время. Она была той женщиной, к которой он стремился, не рассуждая, правильно это или нет и есть ли для их отношений разумные основания. Сэм вспомнил своих родителей: он остался круглым сиротой, после того как они попали в железнодорожную катастрофу. Они были очень счастливы, хотя, говоря объективно, совершенно не подходили друг другу.

Он думал об этом и вечером, просматривая главу «Копируйте себя и своих друзей». Вот бы скопировать Тину.

«Одну — для меня, вторую — для Лью».

Но тут таилась возможность ужасной ошибки. Ведь созданный им манекен был несовершенен: руки получились разной длины. Сэм содрогнулся, подумав о ковыляющей по жизни кривобокой Тине, которую он, конечно, не решился бы разобрать.

Кроме того, книга предупреждала: «Хотя ваш двойник физически похож на вас как две капли воды, он не получил нужного воспитания и не развивался, подобно вам, постепенно. Он не будет обладать вашей умственной уравновешенностью, ему будет трудно справляться с необычными ситуациями, не

подвергаясь неврозам. Только профессиональный карнуликатор, используя прецизионное оборудование, сможет изготовить точную копию человеческого характера. Изготовленная вами копия сможет жить и даже иметь потомство, но ее никогда не признают отвечающим за свои действия членом общества».

Ну, хорошо, на такой риск можно пойти. Если Тина получится немного менее уравновешенной, то вряд ли это будет бросаться в глаза. Такое качество было бы даже желательно.

В дверь постучали. Это оказалась квартирная хозяйка. Сэм встал на пороге, стараясь заслонить ящик.

— Ваша комната всю эту неделю была заперта, мистер Вебер. Поэтому горничная у вас не убирала. Мы решили, что вы не хотите, чтобы к вам входили.

— Да,— Сэм вышел в холл и прикрыл за собой дверь.— Я выполняю дома очень важную юридическую работу.

— А!

В этом возгласе он ощутил смертельное любопытство и переменил тему.

— По какому случаю такое пышное оперение, миссис Липанти,— встреча Нового года?

С чувством собственного достоинства она оправила свое черное плиссированное платье.

— Да-да. Моя сестра и ее муж приехали сегодня из Спрингфилда, и мы собирались весело провести вечер. Вот только... только девушка, которая обещала присмотреть за ее младенцем, сейчас сообщила по телефону, что плохо себя чувствует. Так что, выходит, мы не пойдем, если кто-нибудь не согласится... я хочу сказать, если мы не найдем кого-нибудь, кто смог бы позаботиться... у кого нет никакой компании и кто не возражал бы...

Сообразив, что просьба уже высказана, и наигранно смутившись, она умолкла.

Ну что ж, сегодня вечером он свободен. И хозяйка проявляла редкую любезность, когда приходилось проигрывать все ту же пластинку: «Не беспокойтесь, я принесу квартирную плату через денек-другой». Но отчего всегда получалось так, что каждый из двух миллиардов жителей Земли непременно старался спихнуть Сэму Веберу любое неприятное дело?

И тут он вспомнил главу 4 «Дети и другие маленькие человечки». С той ночи, когда он разобрал неудачный манекен, он пользовался руководством только как гимнастикой для ума. Он не чувствовал себя подготовленным к фантастическим ошибкам, которые могут произойти при изготовлении маленьких

человечков. Но копирование детей, по-видимому, не представит затруднений.

Только он поклялся именем Гога и Магога, знаменитого Эскулапа и великого доктора Килдэйра на этот раз ни за что не заниматься разборкой! В большом городе, да еще темной ночью, можно избавиться от своих творений как-нибудь иначе. Он что-нибудь придумает.

— Я с удовольствием побуду с ребенком несколько часов.

Сэм быстро пошел через холл, дабы предупредить неискренние протесты хозяйки.

— Мне сегодня некуда идти. Нет, нет, не благодарите, миссис Липанти. Рад сделать это для вас.

В комнате квартирной хозяйки ее взволнованная сестра с некоторым недоверием проинструктировала Сэма:

— ...И только в этом случае она кричит тихим, монотонным голосом, так что если вы поторопитесь, то особых неприятностей не произойдет, да если и не поторопитесь, тоже.

Он проводил их до дверей.

— Я потороплюсь, как только что-нибудь услышу,— заверил он ее.

Миссис Липанти задержалась у дверей.

— Я говорила вам про мужчину, который спрашивал вас днем?

«Снова?» — подумал Сэм.

— Такой странный высокий старик в длинном черном пальто?

— Да, и с очень неприятными манерами; уставился на меня и что-то бурчал себе под нос... Вы его знаете?

— В общем, нет. Чего же он хотел?

— Видите ли, он спрашивал, не проживает ли здесь Сэм Вевер, юрист, который почти всю последнюю неделю просидел у себя в комнате. Я ответила ему, что у нас живет Сэм Вебер — ведь ваше имя Сэм? — который вполне подходит под это описание, но что последний жилец по фамилии Вевер выехал примерно год назад. Он посмотрел на меня в упор, сказал: «Вевер, Вебер — они там могли сделать ошибку»,— и ушел, не попрощавшись и не поблагодарив. Он не из тех мужчин, которых можно назвать вежливыми.

Странно, какой четкий образ этого человека возник в воображении Сэма. Возможно, потому, что обе женщины, которые его видели, были достаточно впечатлительными. Но, судя по их рассказам, незнакомец на самом деле производил угнетающее впечатление. Погруженный в свои мысли, Сэм вернулся к ребенку.

Он был почти уверен, что не произошло никакой ошибки: этот человек оба раза искал именно его. Сведения о пренебрежительном отношении Сэма к работе в конторе на прошлой неделе соответствовали действительности. Казалось, старик не заинтересован в личной встрече, пока окончательно не установит идентичность Сэма с объектом своих поисков. Должно быть, какое-нибудь юридическое дело.

Сэм был уверен, что оно так или иначе связано с набором «Построй человека». Это негласное расследование началось сразу после того, как Сэм получил подарок из двадцать второго века.

Но он ничего не в состоянии предпринять, пока этот тип в длинном черном пальто сам не пожелает установить личный контакт и изложить свое дело.

Сэм сходил к себе наверх за «Детским биокалибратором». Прислонив открытое руководство к кровати, он включил аппарат на полную мощность сканирования. Ребенок радостно причмокивал, пока калибратор тихо катился по его толстенькому тельцу и металлическая лента выходила из щели с детальным, как утверждало руководство, физиологическим описанием.

Оно действительно было детальным. У Сэма захватило дух, когда на ленте, проходившей через оптический увеличитель, он обнаружил информацию о ребенке, за которую любой педиатр три раза продал бы свою бессмертную душу. Производительность щитовидной железы, качество хромосом, интеллектуальное наполнение мозга — все данные были аккуратно разбиты по рубрикам, очевидно, в конструктивных целях. Сведения о том, насколько увеличивается череп каждую минуту на ближайшие десять часов; скорость образования хрящей; изменение гормональной секреции при движении и покое — как будто с ребенка сняли матрицу.

Сэм оставил девочку, которая с удивлением разглядывала свой пупок, и поспешил к себе наверх. Руководствуясь лентой, он придавал формам нужные размеры. Затем, еще не успев как следует это осознать, Сэм начал конструировать маленького человека.

Он был удивлен легкостью, с какой шла работа. Очевидно, искусство приобреталось в процессе игры. Собирать манекен было гораздо труднее. Впрочем, возможность дублировать отдельные части и работать с помощью информационной ленты очень упрощала задачу.

Ребенок формировался у него на глазах.

Все было закончено через полтора часа после того, как Сэм начал измерения. Оставалось одно — оживить ребенка.

Тут Сэм заколебался. Неприятная мысль о разборке заставила его задуматься. Наконец он решился. Необходимо было знать, насколько хорошо удалось выполнить работу. Если этот ребенок сможет дышать, какие перспективы откроются перед Сэмом! Кроме того, нельзя держать ребенка в безжизненном состоянии слишком долго, иначе можно загубить всю работу и ценные материалы.

Сэм включил витализатор.

Ребенок вздрогнул и начал тихо, монотонно кричать. Сэм снова бросился в комнату хозяйки и схватил квадрат белого полотна, оставленный там про запас. Черт побери, опять понадобятся чистые простыни!

После того как порядок был восстановлен, Сэм встал и внимательно взглянул на свое изделие. Он чувствовал себя в некотором смысле папой. Во всяком случае, гордился не меньше, чем настоящий отец.

Перед ним лежало прекрасно сделанное маленькое существо, пышущее здоровьем.

«А неплохая копия получилась!» — радостно сказал он. Все совпадает до мелочей, все такое же, как у прототипа,— включая не совсем симметричное лицо и даже очутившуюся на постели Сэма копию завтрака, переваренного ребенком-образцом. Те же глаза, те же волосы... Те же? Сэм нагнулся над девочкой. Он готов был поклясться, что та, другая, была блондинкой. А у этого ребенка волосы были темные и, казалось, становились еще темнее, пока он их пристально рассматривал.

Сэм подхватил одной рукой «своего» ребенка, другой — «Детский биокалибратор».

Спустившись к хозяйке, он положил детей рядом на большой кровати. Никакого сомнения. Одна была блондинкой, вторая, сделанный им плагиат,— ярко выраженной брюнеткой.

Биокалибратор показал и другие различия. У копии пульс был немного чаще. Немного меньше кровяных шариков. Несколько лучше умственные способности, хотя содержимое мозга такое же. А секреции адреналина и желчи совершенно непохожи.

Все это, вместе взятое, свидетельствовало об ошибке. «Его» ребенок мог быть лучше или хуже, но точной копии все же не получилось. Нельзя было предсказать, сможет ли созданный им ребенок вырасти во взрослого человека, как тот, настоящий.

В чем же дело? Он точно следовал инструкциям, все время заглядывал в ленту биокалибратора, и вот что получилось. Может быть, он слишком долго выжидал, прежде чем пустить в ход витализатор? Или просто его искусство оказалось недостаточным?

Часы своим звоном деликатно напомнили Сэму, что скоро полночь. Необходимо убрать следы изготовления ребенка, до того как сестры Липанти вернутся домой. Сэм быстро перебрал различные возможности.

Через несколько минут он спустился вниз со старой скатертью и картонной коробкой. Он завернул «брюнетку» в скатерть и уложил ее в картонку, весьма обрадованный тем, что ночью на улице потеплело.

Ребенок булькал, предвкушая приключение. Сэм тихо выскользнул на улицу.

Подвыпившие гуляки шатались по городу, ударяя в маленькие барабаны. Прохожие желали друг другу счастливого Нового года.

Все три квартала Сэм осторожно пробирался по улицам, держась поближе к домам и стараясь не попадаться никому на глаза.

Повернув налево, он увидел вывеску — «Городской приют найденышей». У боковой двери горел свет. Ничего не скажешь, удобно! Что значит жить в большом городе!

Вдруг Сэма осенила новая идея, и он юркнул в аллею напротив приюта.

Все должно выглядеть по-настоящему. Он вытащил из кармана карандаш и, стараясь писать по возможности мелко, нацарапал на стенке картонки:

«Умоляю, позаботьтесь о моей дорогой малютке. Я не замужем».

Затем он поставил картонку на крыльцо и нажимал звонок до тех пор, пока не услышал шаги. Тогда он перебежал улицу и успел спрятаться в аллее как раз в тот момент, когда медсестра открыла дверь.

Только вернувшись домой, он вспомнил о пупке. Он замер и постарался припомнить все как следует. Да, да, у «его» девочки нет пупка! Ее животик был совершенно гладким. Вот чем кончается спешка! Дрянная работа.

В приюте для найденышей будут в растерянности, когда развернут ребенка. Интересно, что они подумают?

Сэм хлопнул себя по лбу. «Я и Микеланджело. Он прибавил Адаму пупок, а я забыл о нем!»

Если не считать случайных вздохов, на второй день Нового года в конторе было довольно тихо.

Сэм проглатывал последние интригующие страницы книги, как вдруг его внимание привлекли две персоны, неловко топтавшиеся у его стола. Он с неохотой оторвался от руководства. «Новые формы жизни для развлечения в часы досуга» — это была вещь!

Тина и Лью Найт!

Сэм оценил тот факт, что ни один из них не уселся на его стол.

У Тины маленькое колечко, которое она получила на Новый год, было надето на средний палец левой руки; Лью пытался прикинуться овечкой, но это ему плохо удавалось.

— О Сэм. Прошлой ночью Лью... Сэм, мы хотели, чтобы вы были первым — такой сюрприз, ну прямо такой! Я почти... Конечно, мы знаем, что это будет немного трудно... Сэм, мы собираемся, то есть мы надеемся...

— ...пожениться,— закончил Лью Найт почти шепотом.

В первый раз с тех пор, как Сэм его знал, Лью выглядел неуверенно и взирал на жизнь с каким-то подозрением — вроде человека, который находит в апельсиновом соке, поданном на завтрак, только что вылупившегося осьминога.

— Вам бы очень понравилось, как Лью сделал предложение,— изливала свои чувства Тина,— таким окольным путем. Так скромно. Я сказала ему потом, что я думала, он говорит о чем-то совершенно другом. Я не могла сначала понять тебя, не правда ли, дорогой?

— А? Да, конечно, тебе трудно было понять меня.— Лью взглянул на своего бывшего соперника.— Ты очень удивлен?

— О нет. Совсем нет. Вы двое так прекрасно подходите друг другу, что я с самого начала считал это правильным.— Сэм бубнил свои поздравления под вопросительным взглядом Тины.— А теперь извините — у меня очень срочное дело. Совершенно исключительный свадебный подарок.

Лью был в полном замешательстве.

— Свадебный подарок? Так рано?

— Ну, разумеется,— заметила Тина.— Очень трудно подобрать то, что нужно. А такой замечательный друг, как Сэм, хочет, конечно, подобрать особый подарок.

Сэм решил, что с него достаточно. Он схватил книгу и пальто и вылетел за дверь.

Однако, добравшись до красных кирпичных ступеней своего пансиона, Сэм пришел к заключению, что рана, хотя и болезненная, определенно не была смертельной. Он даже ухмылялся, вспоминая лицо Лью Найта. Вдруг кто-то потянул его за рукав. Это была квартирная хозяйка.

— Этот человек сегодня опять был, мистер Вебер. Он хотел видеть вас.

— Какой человек? Высокий старик?

Миссис Липанти кивнула, руки ее были осуждающе сложены на груди.

— Такая неприятная личность. Когда я ему сказала, что вас нет, он настаивал, чтобы я провела его в вашу комнату. Я сказала, что не могу это сделать без вашего разрешения, и он посмотрел на меня таким убийственным взглядом... Никогда не верила в дурной глаз — хотя я всегда говорю, что нет дыма без огня,— но если дурной глаз существует, то именно у этого типа.

— Он придет еще раз?

— Да. Он спросил меня, когда вы обычно возвращаетесь, и я сказала — около восьми, рассчитав, что, если вы не захотите его видеть, у вас будет время помыться, переодеться и уйти до того, как он придет. И, извините за прямоту, мистер Вебер, но, по-моему, вам вряд ли хочется с ним встречаться.

— Благодарю вас. Но когда он придет, проводите его ко мне. Если он именно то лицо, о котором я думаю, то я сейчас незаконно обладаю его собственностью. Я хочу знать, каково происхождение этой собственности.

Войдя в комнату, Сэм осторожно положил руководство и приказал ящику открыться. «Детский биокалибратор» был не слишком велик, и газета полностью скрыла его. Через несколько минут Сэм уже шагал по направлению к конторе, держа под мышкой пакет странной формы.

Он размышлял, не пропала ли у него охота скопировать Тину. Нет, несмотря ни на что, он все еще желал ее больше любой другой женщины, а, поскольку оригинал вышел замуж за Лью, копии не оставалось другого выбора, как выйти за него. Но ведь копия приобретет все черты Тины в тот момент, когда будут сниматься характеристики. И она тоже может стремиться выйти замуж за Лью...

Как в том анекдоте: «Либо ты пойди, а я посижу, либо я посижу, а ты пойди». Но до этого еще далеко. А может, будет даже забавно...

Больше всего Сэма беспокоило, как бы не допустить какую-нибудь неточность. А вдруг Тина, которую он сделает, получится с дефектами? Красный цвет наложится на розовый, как в плохих цветных репродукциях; вдруг она начнет переваривать собственный желудок, или где-то в глубине ее подсознания окажутся зачатки загадочного и неизлечимого сумасшествия, свойственные его модели, причем они могут проявиться даже не сразу, а только тогда, когда глубокое взаимное чувство принесет плоды. Сэм уже убедился, что не был крупным знатоком в области копирования людей; ошибки, сделанные при работе с племянницей миссис Липанти, показали, что в этом деле он еще дилетант.

Сэм знал, что никогда не сможет разобрать Тину, даже если она получится с дефектами. Не говоря уже о его рыцарских чувствах и граничащем с предрассудками уважении к женщине, которое ему внушили во времена детства, проведенного в маленьком городке, его охватывал невообразимый ужас при мысли, что столь обожаемое существо пройдет через такой же процесс распада, как, например, манекен. Но если он пропустит в своей конструкции что-нибудь существенное, придется пойти на это. Решено: ничто не должно быть упущено.

Сэм горько улыбнулся, пока старинный лифт поднимал его в контору. Эх, хоть бы немножко времени! Можно было бы поэкспериментировать над каким-нибудь человеком, все реакции которого он знает так хорошо, что любое отклонение от нормы сразу стало бы заметным. Но странный старик явится сегодня вечером, и если речь идет о наборе «Построй человека», то опыты Сэма могут быть немедленно прерваны. А где он найдет человека, которого знает достаточно хорошо? У него было мало приятелей и ни одного близкого друга. А чтобы результаты принесли пользу, он должен знать этого человека, как самого себя.

— Самого себя!

— Ваш этаж, сэр.— Лифтер посмотрел на Сэма с осуждением. Из-за взволнованного восклицания Сэма он остановил лифт на шесть сантиметров ниже уровня этажа, чего с ним не случалось с тех давно забытых дней, когда он впервые неуверенно дотронулся до кнопок. Лифтер почувствовал, что на его искусство пала тень, и холодно закрыл за юристом дверь.

А почему бы и не самого себя? Сэм знал все свои физические качества лучше, чем Тинины; он непременно заметит любое отклонение, и дело не дойдет до психического расстройства или чего-нибудь похуже. Вся прелесть такого решения в том, что у него не будет никаких угрызений совести при разборке сверхкомплектного Сэма Вебера. Совсем наоборот: неприятностью в такой ситуации было бы продолжающееся существование второго «я» — избавление от него было бы облегчением.

Копирование самого себя даст необходимую практику на знакомом материале. Идеальное решение. Нужно делать весьма аккуратные записи, и, если что-нибудь выйдет не так, он будет в точности знать, где надо быть осторожным при изготовлении своей собственной Тины.

Что касается этого типа, то, может быть, он совсем не заинтересован в наборе. А даже если и заинтересован, Сэм сможет последовать совету своей квартирной хозяйки и уйти из дому до того, как тот придет. Словом, перспективы самые радужные.

Лью Найт уставился на прибор, принесенный Сэмом.

— Во имя великого юриста Блэкстоуна — что это еще за штука? Похожа на машинку для подстригания травы в цветочных ящиках на подоконниках!

— Это, так сказать, измерительный прибор. Снимает правильные размеры с той или другой вещи, да и вообще... Я не смогу преподнести вам задуманный подарок, пока не буду знать нужного размера. Или размеров. Тина, вам нетрудно будет выйти со мной в холл?

— Не-ет,— она с сомнением посмотрела на аппарат.— А это не больно?

— Нет, ни капельки не больно,— заверил ее Сэм.— Я только хочу все сохранить в секрете от Лью до вашей свадьбы.

При этих словах она просияла.

— Эй, коллега! — обратился один из молодых юристов к Лью, когда они выходили.— Не позволяйте ему делать это! Фактическое владение — уже девяносто процентов успеха. Сэм всегда сам это говорил. Имейте в виду, он вам ее не вернет!

Лью слабо хмыкнул и склонился над своей работой.

— Я хочу, чтобы вы пошли в дамскую комнату,— объяснил Сэм удивленной Тине,— я буду стоять снаружи и объяснять всем прочим желающим, что она заперта из-за аварии. Если там есть кто-нибудь еще, подождите, пока все выйдут. Потом разденьтесь.

— Совсем? — взвизгнула Тина.

Он кивнул головой. Затем весьма тщательно, подчеркивая каждую существенную деталь будущей операции, он объяснил ей, как пользоваться «Детским биокалибратором». Как она должна осторожно повернуть выключатель и запустить ленту. Как нужно покрыть каждый квадратный сантиметр тела.

— Эта маленькая рукоятка позволит вам провести прибором по спине. Сейчас не до вопросов. Дошло?

— Дошло.

Тина вернулась через пятнадцать минут, одергивая платье и с восхищением изучая ленту.

— Удивительнейшая вещь... Если верить этой ленте, содержание во мне йода...

Сэм быстро выхватил у нее биокалибратор.

— Не стоит обращать внимание... Это нечто вроде кода. Только скажите мне теперь, сколько штук... Вы будете прыгать до небес, когда увидите подарок.

— Я так и думала.

Она нагнулась над ним, так как он встал на колени и принялся изучать ленту, чтобы убедиться, что Тина правильно использовала аппарат.

— Вы знаете, Сэм, я всегда чувствовала, что у вас идеальный вкус. Я хочу, чтобы вы часто заходили к нам, когда мы поженимся. У вас такие прелестные идеи! Лью слишком деловой человек, не так ли? Я понимаю, это нужно для успеха в жизни и всего такого, но ведь успех — это еще не все, ведь нужно еще, по-моему, обладать культурой. Вы поможете мне сохранить культурные интересы, ведь поможете, Сэм?

— Разумеется,— неопределенно произнес Сэм. Лента была в полном порядке. Можно начинать.— Буду рад помочь. Всегда к вашим услугам.

Вызывая лифт, он заметил на лице Тины некоторую растерянность.

— Не нужно расстраиваться, Тина. Вы с Лью будете счастливы. И вам понравится мой свадебный подарок.

«Но все же не так, как мне»,— сказал он сам себе, входя в лифт.

Вернувшись в свою комнату, Сэм вытащил ленту и разделся. Через несколько минут была готова запись его собственных параметров. Нужно было бы, конечно, продумать все это как следует, но близость цели делала его нетерпеливым. Он запер дверь, быстро убрал разбросанные по комнате вещи, попутно еще раз фыркнул по поводу галстуков тети Мэгги — голубой и красный прямо разливали свет по всей комнате,— приказал ящику открыться и подготовился к началу.

В первую очередь вода. Поскольку количество воды в человеческом теле очень велико, нужно было иметь сразу весь запас. По пути домой он купил несколько тазов, но наполнять их из единственного крана все равно придется довольно долго.

Когда Сэм подставил под кран первый таз, ему внезапно пришла в голову мысль, не могут ли примеси в воде повлиять на конечный продукт. Наверное, могут. Вероятно, нужно использовать химически чистую воду. Правда, в руководстве об этом ничего не говорилось, но иначе было бы указано, какую именно воду нужно использовать.

Ну что ж, пока придется прокипятить воду; а когда он перейдет к Тине, то постарается достать дистиллированную воду. Еще одно соображение в пользу того, что сначала нужно сделать некое подобие Сэма.

Ожидая, пока закипит вода, Сэм расположил все свои материалы так, чтобы они были под рукой. «М-да, не густо!» — подумал он. Этот младенец поглотил довольно много нужных реактивов; очень жаль, что он не решился его разобрать. Теперь уж никакие аргументы в пользу сохранения двойника не могли иметь силы. Двойника неизбежно придется разобрать, чтобы

иметь достаточно материала под рукой для Тины «номер два». А может быть, она будет «номер один»?!

Сэм еще раз пролистал главы 6, 7 и 8, освежив сведения о составных частях, изготовлении и разборке людей. Он их читал уже много раз, но помнил, что в свое время «проскочил» не один юридический экзамен с помощью сведений, подхваченных в последний момент.

Его беспокоило постоянное упоминание о психической неустойчивости. «Человеческие существа, построенные с помощью этого набора, будут даже в лучшем случае обладать определенными тенденциями к предрассудкам и невротическим комплексам, характерным для средневекового человечества. В конце концов, они все-таки не нормальные люди, приложите все усилия, чтобы не забывать об этом». Впрочем, для будущей Тины это не должно играть существенной роли, а все остальное его мало беспокоило.

Сэм кончил приспосабливать формы, придавая им нужные размеры, и прикрепил витализатор к кровати. Затем очень медленно, непрерывно заглядывая в руководство, он начал копировать Сэма Вебера. В ближайшие два часа он узнал о своих физических достоинствах и недостатках больше, чем какое-либо человеческое существо с того дня, когда простодушный примат начал исследовать возможности перемещения по земле на одних нижних конечностях.

Как ни странно, он не испытывал ни трепета, ни возбуждения. Это напоминало постройку первого любительского радиоприемника. Игра для детей.

Когда Сэм кончил, большинство флаконов и банок были пусты. Из ящика торчали влажные формы, похожие на муляжи. Руководство валялось на полу.

Сэм Вебер стоял у кровати, глядя на Сэма Вебера, лежащего на кровати.

Оставалось вдохнуть в двойника жизнь. Сэм опасался ждать слишком долго: могли появиться какие-нибудь отклонения. Он не забыл черноволосой девочки. Отбросив отвратительное чувство нереальности, он убедился, что большой дезассамблятор под руками, и включил «Витализатор Джиффи».

Человек на кровати кашлянул. Пошевелился. Сел.

— Уф! — произнес он.— Неплохо, если мне позволено сказать!

Затем он вскочил с кровати, схватил дезассамблятор, вырвал большие куски проводки из середины прибора, швырнул его на пол и растоптал.

— Я не хочу, чтобы над моей головой висел дамоклов меч,— сообщил он Сэму Веберу, стоявшему с открытым ртом.— Подумайте и о том, что я мог бы использовать его против вас.

Сэм кое-как добрался до кровати и уселся на нее. Волнение, обуявшее его на какое-то время, прошло, и его охватило чувство тупого удивления. Он все еще находился под впечатлением беспомощности ребенка и манекена. У него даже не появлялось мысли о том, что его копия примет жизнь с таким энтузиазмом. Конечно, он должен был это предвидеть: сейчас он создал взрослого человека в момент полного расцвета его физических и духовных сил.

— Очень плохо,— хриплым голосом сказал Сэм.— Вы неуравновешенны. Вы не можете быть приняты в нормальное общество.

— Это я неуравновешен? — спросил двойник.— И кто это говорит! Человек, проводящий в бесплодных мечтаниях всю жизнь, стремящийся жениться на кричаще одетой, тщеславной коллекции биологических импульсов, которая приползла бы на коленях к любому мужчине, достаточно разумному, чтобы нажать нужные кнопки...

— Оставьте в покое самое имя Тины,— возразил ему Сэм. Он чувствовал себя весьма неловко, произнося эту театральную фразу.

Его двойник посмотрел на него и усмехнулся.

— Ладно, пусть так. Но не ее тело! Вот что, Сэм, или Вебер, или как вы там хотите, чтобы я вас называл. Вы живите сами по себе, а я буду жить сам по себе. Я могу даже не быть юристом, если это доставит вам удовольствие. Но что касается Тины,— поскольку больше не осталось ингредиентов, чтобы изготовить копию, да и вообще это была гнилая эскапистская идея,— то во мне заложено достаточно ваших симпатий и антипатий, чтобы страстно ее желать. И я смогу ее получить, а вы не сможете. У вас для этого не хватает смелости.

Сэм вскочил и сжал кулаки. Но тут же сообразил, что противник совершенно равен ему в физическом отношении, и обратил внимание на его уверенную улыбку. Физическая схватка не имела никакого смысла — в лучшем случае она могла кончиться вничью. Он снова вернулся к аргументам.

— Согласно руководству,— начал Сэм,— вы подвержены неврозам...

— Руководство! Руководство написано для детей с научным кругозором, которые будут жить через двести лет. Их наследственные качества будут находиться под тщательным контролем. Лично я думаю, что...

В дверь дважды постучали.

— Мистер Вебер...

— Да! — сказали оба одновременно.

За дверью квартирная хозяйка задохнулась от изумления и произнесла неуверенным голосом:

— Э-э-этот господин внизу. Он хотел бы видеть вас. Сказать ему, что вы дома?

— Нет, пока нет,— ответил двойник.

— Скажите ему, что я ушел час назад,— произнес Сэм в тот же момент.

За дверью послышались продолжительный вздох и звук быстро удалявшихся шагов.

— Ничего себе, разумный метод в данной ситуации! — взорвался двойник.— Вы не могли попридержать язык? У бедной женщины сейчас, вероятно, будет обморок.

— Вы забываете, что это моя комната, а вы просто неудачно закончившийся эксперимент,— запальчиво ответил Сэм.— У меня столько же прав, сколько у вас, даже больше... Эй, что вы там делаете?

Двойник открыл дверцу шкафа и стал надевать брюки.

— Одеваюсь. Вы можете ходить голым, если это вам нравится, но я хочу выглядеть вполне респектабельно.

— Я разделся, чтобы получить необходимые данные о себе... или о вас. Это моя одежда, это моя комната...

— Послушайте, не волнуйтесь. Вы никогда не сможете доказать этого на суде. Не заставляйте меня ссылаться на известные положения о том, что ваше — это мое, и так далее.

В холле послышались тяжелые шаги. Кто-то остановился перед дверью. Внезапно обоим Сэмам показалось, что вокруг загремели кимвалы, и, охваченные ужасом, они почувствовали, как на них обрушился поток непереносимой жары. Затем резкие звуки умчались вдаль. Стены перестали дрожать. Стало тихо, по комнате разнесся запах паленого дерева.

Они повернулись как раз вовремя, чтобы увидеть невероятно высокого, очень старого человека в длинном черном пальто, входившего через дымящуюся дыру в двери. Хотя он был гораздо выше этой двери, он не нагнулся, а как-то втянул голову в плечи и затем снова выдвинул ее. Инстинктивно Сэм и двойник сделали по шагу друг к другу.

У вошедшего были глубоко запавшие, блестящие черные глаза без белков, напоминавшие Сэму сканирующие устройства биокалибратора; они не глядели, а оценивали и делали выводы.

— Я не зря боялся, что приду слишком поздно,— наконец произнес он раскатисто, сверхъестественным, давящим голо-

сом.— Вы уже сняли с себя копию, мистер Вебер, а это вызывает необходимость в некоторых малоприятных действиях. И двойник уничтожил дезассамблятор. Очень скверно. Мне придется действовать вручную. Неприятная работа.

Старик так близко подошел к ним, что их испуганное дыхание почти касалось его.

— Эта история уже привела к задержкам в четырех важных программах исследований, но мы должны были все время считаться с общепринятыми нормами цивилизованного общества и точно установить личность адресата, прежде чем изъять у него набор. Обморок миссис Липанти, разумеется, потребовал принятия срочных мер.

Двойник прочистил горло.

— Значит, вы?..

— Нет, я не человек в точном смысле этого слова. Я скромный гражданский чиновник, изготовленный по высшему классу точности. Я Хранитель ценза для всего двадцать девятого района. Ваш набор был предназначен для детей из Фреганда, которые совершают экскурсии в этом районе. Один из фрегандцев с документами на имя Вебера заказал этот набор через хронодромы, которые от такой необычной нагрузки расстроились настолько, что их нельзя было карнупликировать. Поэтому вы и получили посылку вместо него. К сожалению, повреждения были так значительны, что нам пришлось разыскивать вас косвенными методами.

Хранитель ценза сделал паузу, и Сэм номер два нервно подтянул брюки. Сам Сэм страстно захотел, чтобы на нем было что-нибудь, хотя бы фиговый листок, для прикрытия наготы. Он чувствовал себя как небезызвестная личность в райском саду, пытающаяся объяснить, почему съедено яблоко, и мрачно подумал, что платье создает человека в гораздо большей степени, чем даже набор «Построй человека».

— Мы, конечно, должны забрать набор,— продолжал рокотать отрывистый гром,— и ликвидировать все последствия его пребывания здесь. Когда все будет приведено в порядок, вам будет разрешено продолжать жизнь, как будто ничего не случилось. Между прочим, проблема состоит в том, чтобы узнать, кто из вас истинный Сэм Вебер.

— Я,— сказали оба дрожащими голосами и взглянули друг на друга.

— Затруднения,— прогремел старик. Его вздох был подобен ледяному ветру.— Почему мне вечно не везет? Почему у меня никогда не бывает простых случаев, вроде карнупликатора?

— Послушайте,— начал двойник,— оригинал должен быть...

— Вполне уравновешенным и в лучшей эмоциональной форме, чем копии,— прервал Сэм.— Мне кажется...

— ...что вы легко сможете увидеть разницу,— заключил двойник, не переводя дыхания,— выяснив, кто из нас двоих более достойный член общества.

(«Этот тип хочет пустить пыль в глаза! — подумал Сэм со спокойной уверенностью.— Как он не понимает, что имеет дело с существом, которое на самом деле может видеть умственные различия? Это не какой-нибудь жалкий современный психиатр, это существо способно видеть через внешнюю оболочку до самых скрытых глубин».)

— Ну, конечно, смогу. Минутку.— Старик начал внимательно изучать их. Его глаза бесстрастно пробегали по их фигурам вверх и вниз. Два Сэма Вебера ожидали, дрожа, в наступившей тишине.

— Ясно,— сказал старик наконец.— Совершенно ясно.

Он сделал шаг вперед и выбросил длинную тонкую руку. Затем он начал разлагать Сэма Вебера.

— Но, послуша-а-а...— начал Сэм Вебер истошным голосом, который превратился в крик отчаяния и заглох в неясном бормотании.

— Чтобы не утратить психического равновесия, вам лучше было бы не смотреть,— заметил Хранитель ценза.

Двойник медленно вздохнул, отвернулся и стал застегивать рубашку. Сзади него, то усиливаясь, то ослабевая, продолжалось бормотание.

— Видите ли,— продолжал рокочущий, давящий голос,— дело не в том, что мы боимся оставить вам подарок,— дело в принципе. Ваша цивилизация не подготовлена для него. Вы должны это понять.

— Ну, конечно,— ответил лже-Вебер, завязывая красно-голубой галстук тети Мэгги.

Посыльный

— Добрый день, да, я Малькольм Блин, это я утром звонил вам из деревни... Можно войти? Я вас не отрываю?.. Спасибо. Сейчас я вам все расскажу, и, если вы — тот человек, из-за которого я ношусь по всей стране, дело пахнет миллионами... Нет-нет, я ничего вам не собираюсь продавать... Никаких золотых приисков, атомных двигателей внутреннего сгорания и прочего. Вообще-то я торговец, всю жизнь им был и прекрасно понимаю, что выгляжу как торговец с головы до пят. Но сегодня я ничего не продаю. Сегодня я покупаю. Если, конечно, у вас есть то, что мне нужно. То, о чем говорил посыльный... Да послушайте, я не псих какой-нибудь. Сядьте и дайте мне сказать до конца. Это не обычный посыльный. И вообще, он такой же посыльный, как Эйнштейн — бухгалтер. Сейчас вы все поймете... Держите сигару. Вот моя визитная карточка. «Краски для Малярных Работ Малькольма Блина. Любая Краска в Любом Количестве в Любое Место в Любое Время». Само собой, под «любым местом» подразумевается только континентальная часть страны, но звучит красиво. Реклама! Так вот, я свое дело знаю. Я смогу продать с прибылью все что угодно. Новую технологию, услуги, какую-нибудь техническую штуковину... Народ валом повалит. У меня в кабинете на стене есть даже цитата из Эмерсона. Слышали, наверно: «Если человек может написать книгу лучше других, прочесть лучше проповедь или сделать мышеловку лучше, чем его сосед, то пусть он хоть в лесу живет, люди протопчут к его дому тропинку». Железный закон! А я — тот самый парень, что заставляет их пробивать тропу. Я знаю, как это делается, и хочу, чтобы вы сразу это поняли. Если у вас есть то, что мне нужно, мы сможем такое дело провернуть!.. Нет-нет, у меня все дома... Вы вообще-то чем занимаетесь? Цыплят выращиваете? Ну ладно. Слушайте...

Было это пять недель назад, в среду. К нам как раз поступил срочный заказ. Время — одиннадцать часов, а к полудню надо доставить триста галлонов белой краски в Нью-Джерси на стройку одной крупной подрядческой фирмы, с которой я давно хотел завязать прочные отношения. Я, естественно, был на складе. Накачивал Хеннесси — он у меня за старшего,— чтобы тот накачал своих людей. Канистры с краской грузили и отвозили с такой же молниеносной быстротой, с какой в банке вам отвечают отказом на просьбу об отсрочке платежа. Короче, все бегают, суетятся, и тут Хеннесси ехидно так говорит:

— Мальчишки-то, посыльного, что-то долго нет. Наверно, ему уже надоело.

Человек десять прервали работу и засмеялись. Мол, начальник шутит, значит, положено смеяться.

— С каких это пор у нас новый посыльный? — спрашиваю я Хеннесси.— По-моему, до сегодняшнего дня я здесь принимал на работу и увольнял. Каждый, кто поступает вновь, должен быть зарегистрирован. А то что ни день, то новые... Ты слышал про законы о детском труде? Хочешь, чтобы у меня были неприятности? Сколько ему лет?

— Откуда мне знать, мистер Блин? — отвечает Хеннесси.— Они все выглядят одинаково. Девять, может, десять, а может, и все одиннадцать. Худой такой, но не дохлый и одет не бедно.

— Нечего ему здесь делать. А то еще прицепятся к нам из Совета по образованию или из профсоюза. Хватит с меня двух водителей-идиотов, которые по карте Пенсильвании доставляют груз в Нью-Джерси...

Хеннесси начал оправдываться:

— Я его не нанимал, ей-богу. Он пришел с утра и начал ныть, что, мол, хочет «начать с самого низа» и «показать себя», значит, что, мол, «далеко пойдет», чувствует, мол, что сможет «выбиться в люди», и ему, мол, «нужен только шанс». Я ему сказал, что у нас дела идут туго и мы бы даже самого Александра Грейэма Белла не взяли сейчас на должность телеграфиста, но он согласился работать за бесплатно. Все, что ему, мол, нужно,— это «ступенька на лестнице к успеху», и дальше в таком же духе.

— И что?

— Ну, я сделал вид, что раздумываю, потом говорю: «Ладно, дам тебе шанс. Поработаешь посыльным». Вручил ему пустую банку и приказал срочно найти краску, зеленую в оранжевый горошек. Пошутил, значит. А он схватил банку и бегом. Парни тут чуть не померли от смеха. Я думаю, он больше не вернется.

— Да уж, смешнее некуда. Как в тот раз, когда ты запер Вейлена в душевой и подсунул туда бомбу-вонючку. Кстати, если фирма не получит краску вовремя, я вас с Вейленом местами поменяю — вот тогда совсем смешно будет!

Хеннесси вытер руки о комбинезон, собрался было что-то ответить, но передумал и начал орать на грузчиков так, что у всех уши завяли. Шутки дурацкие он любит, наверно, еще с тех пор, когда первый раз надул в пеленки, но одно могу сказать: парни при нем работают как положено.

И тут как раз входит этот паренек.

— Эй, смотрите, Эрнест вернулся! — крикнул кто-то.

Работа опять остановилась. Запыхавшись, мальчишка подбежал к нам и поставил на пол перед Хеннесси банку с краской.

Одет мальчишка был в белую рубашку, латаные вельветовые брюки и высокие шнурованные ботинки. Должен сказать, я такого вельвета раньше никогда не видел, да и материала, из которого была сшита рубашка, тоже. Тонкий и, похоже, действительно дорогой материал, вроде как металлом отливает, просто уж и не знаю, как иначе описать.

— Я рад, что ты вернулся, малыш,— сказал Хеннесси.— Мне как раз срочно понадобилась левосторонняя малярная кисть. Сбегай-ка разыщи. Только обязательно левостороннюю.

Двое или трое грузчиков осторожно засмеялись. Мальчишка побежал к выходу, но в дверях остановился и обернулся к нам.

— Я постараюсь, сэр,— сказал он, и мне почудилось, будто в голосе у него зазвучала флейта.— Но краска... Я не мог найти зеленую в оранжевый горошек. Только в красный. Надеюсь, она тоже подойдет.

И убежал.

Секунду было тихо, потом всех как прорвало. Грузчики стояли, держа в руках банки с краской, и неудержимо гоготали, захлебываясь ядовитыми репликами в адрес Хеннесси.

— Как он тебя, а?..

— В красный горошек!..

— Надеюсь, тоже подойдет!..

— Ну и влип же ты!

Хеннесси стоял, в ярости сжав кулаки, раздумывая, на кого бы наброситься, потом заметил банку с краской, размахнулся ногой, чтобы ударить по ней, но промахнулся, задев только самый край, и растянулся на полу. Хохот стал еще громче, но, когда он поднялся на ноги, все мгновенно успокоились и бросились грузить машину. Желающих привлечь к себе внимание Хеннесси, когда он в таком настроении, не было.

Все еще посмеиваясь, я наклонился над банкой. Хотел посмотреть, что мальчишка туда налил. В банке было что-то прозрачное с бурыми точками. Явно не краска. Но тут я заметил лужицу рядом с банкой и чуть не задохнулся. Это действительно была краска. *Зеленая в красный горошек!*

Я даже не успел засомневаться: такого же цвета пятно было на стенке банки. Где этот мальчишка, этот посыльный, этот Эрнест, мог достать такую краску?!

Я всегда чую, что можно хорошо продать. В этом мне не откажешь. Нюхом чую! Кому-нибудь в другом конце города ночью приснится что-нибудь такое, на чем можно заработать,— я учую. Такую краску с руками оторвут! Промышленники, дизайнеры, декораторы, просто чудаки, которые любят возиться с красками на своих участках... Это же золотое дно!

Но надо действовать быстро!

Подхватив банку за проволочную ручку, я старательно затер ногой разлитую лужицу, которая, к счастью, успела смешаться с пылью на полу, и вышел на улицу. Хеннесси стоял около грузовика и следил за погрузкой.

Я подошел к нему.

— Как мальчишку-то зовут? Эрнест?

— Да,— пробурчал он,— фамилии он не соизволил сообщить. И вот что я вам скажу: если этот умник здесь еще раз появится...

— Ладно, ладно. У меня дела. Проследи тут без меня за погрузкой.

И я двинулся в ту же сторону, куда убежал мальчишка.

Хеннесси, надо полагать, заметил банку с краской у меня в руке. Наверно, подумал, на кой черт мне понадобился этот мальчишка? Я еще, помнится, сказал себе: «Пусть думает. Оставим Хеннесси любопытство, а сами возьмем прибыль!»

Через три квартала я увидел его в конце улицы, ведущей к парку, и бросился догонять. Мальчишка остановился напротив скобяной лавки, задумался на секунду, потом зашел внутрь. К тому времени, когда он вышел, я уже был рядом. Некоторое время мы шли бок о бок. Вид у него был удрученный, и он не сразу меня заметил.

Странная на нем была одежда. Даже старомодные шнурованные ботинки были сделаны из какого-то непонятного материала. Я такого никогда раньше не видел, но готов поклясться, что это не кожа.

— Что, не нашел? — спросил я сочувственно.

Мальчишка вздрогнул, но, очевидно, признал меня.

— Нет, не нашел. Продавец сказал, что у них как раз сейчас нет левосторонних кисточек. И про краску то же самое говорили. Как у вас все-таки неэффективно распределяют промышленные товары...

Я сразу заметил, с какой серьезностью он это произнес. Ну и парень!

Я остановился и почесал в затылке. То ли сразу его спросить, где он краску такую взял, то ли дать выговориться? Может, сам проболтается, как это с большинством людей бывает?

Он вдруг побледнел и тут же покраснел. Не люблю таких неженок. Он ведь ростом чуть ли не с меня вымахал, а голос тоненький — прямо сопрано какое-то. Но это бы еще ладно. А вот если парень так краснеет, значит, его в школе по-настоящему не дразнили.

— Послушай, Эрнест,— начал я и положил руку ему на плечо. Этак по-отцовски.— Я...

Он отскочил назад, словно я его консервным ножом по шее пощекотал. И опять покраснел! Ну прямо как невеста, которая уже пожила в свое удовольствие, а перед алтарем краснеет как маков цвет, чтобы убедить будущую свекровь, что ничего такого не было.

— Не надо этого делать! — говорит. А сам весь трясется.

«Ну,— думаю,— лучше переменить тему».

— Костюмчик у тебя неплохой. Откуда? — неназойливо так говорю, бдительность его ослабляю.

Он самодовольно оглядел себя.

— А, это из школьной пьесы. Правда, немного не соответствует этой эпохе, но я думал...— Он замялся, словно выдал какой-то секрет. Что-то здесь было не так.

— А где ты живешь? — быстро спросил я.

— В Бруксе,— так же быстро ответил он.

Явно что-то не так.

— Где-где? — переспросил я.

— Ну, в этом, знаете, Бруксе... Вернее, в Бруклине...

Я задумался, потер рукой подбородок, и тут мальчишка опять весь затрясся.

— Ну пожалуйста,— произнес он своим тоненьким голоском.— Зачем вы все время скингируете?

— Зачем я что?

— Скингируете. Ну, касаетесь тела руками. Даже на людях. Плеваться и икать — тоже плохие привычки, и большинство из вас этого не делают. Но все, абсолютно все, всегда скингируют.

Я сделал глубокий вдох и пообещал ему больше не скингировать. Однако, как говорится, если хочешь узнать чужие карты, надо начинать ходить самому.

— Послушай, Эрнест, я хочу с тобой поговорить... Короче, меня зовут Малькольм Блин, и я...

Его глаза округлились.

— О-о-о! Нувориш-грабитель? Хозяин складов...

— Чего? — переспросил я.

— Вы же владелец «Красок для Малярных Работ». Я видел вашу фамилию на вывеске.— Тут он кивнул сам себе.— Я все книжки приключенческие перечитал. Дюма... Нет, не Дюма... Элджер, Синклер, Капон. «Шестнадцать торговцев» Капона — вот это книжка! Пять раз читал. Но вы Капона еще не знаете. Его книгу опубликовали только в...

— Когда?

— В этом... Ну ладно, вам я могу все рассказать. Вы один из главных здесь, владелец склада. Дело в том, что я совсем не отсюда.

— В самом деле? А откуда же?

У меня-то на этот счет были свои соображения. Наверно, из тех богатеньких сынков, что переусердствовали с учением,— а может, беженец какой, если судить по его худобе и акценту.

— Из будущего. Мне вообще-то сюда еще нельзя. Может быть, меня даже понизят за это на целую степень ответственности. Но я просто должен был увидеть нуворишей-грабителей собственными глазами. Это так все интересно... Я хотел увидеть, как создают компании, разоряют конкурентов, «загоняют в угол»...

«Ну-ну, из будущего, значит,— подумал я.— Тоже мне, экономист в вельветовых штанах!.. Вельветовых?..»

— Стой, стой. Из будущего, говоришь?

— Да, по вашему календарю. Сейчас соображу... В этой части планеты это будет... Из 6130 года. Ой, нет — это другой календарь. По-вашему это будет 2369 год нашей эры. Или 2370-й? Нет, все-таки, я думаю, из 2369-го.

Я обрадовался, что он наконец решил этот вопрос. Тут же ему об этом сказал, и он меня вежливо поблагодарил. И все это время я думал: если мальчишка врет или просто чокнутый, откуда он тогда взял краску в горошек? Одежду эту? Что-то я не слышал, чтобы у нас такую делали. Надо бы спросить...

— Эта краска... тоже из будущего? Я хочу сказать — тоже из твоего времени?

— Ну да. В магазинах нигде не было, а мне так хотелось себя проявить. Этот Хеннесси тоже «воротила», да? Вот я и отправился к себе, попробовал по спирилликсу и нашел.

— Спирилликс? Это еще что?

— Это такой круглый узикон, ну, вы знаете, такой... Ваш американский ученый Венцеслаус изобрел его примерно в это

время. Да, точно, это было в ваше время. Я еще, помню, читал, у него были трудности с финансированием... Или это было в другом веке? Нет, в ваше время! Или...

Он опять задумался и принялся рассуждать сам с собой.

— Ладно,— остановил я его,— плюс-минус сто лет — какая разница? Ты мне лучше скажи, как эту краску делают? И из чего?

— Как делают? — Он начертил носком ботинка маленький круг на земле и уставился на него.— Из плавиковой кислоты... Трижды бластированной. На упаковке не было указано сколько, но я думаю, ее бластируют трижды, и получается...

— Хорошо, подожди. Что значит «бластируют» и почему трижды?

Мальчишка весело рассмеялся, показав полный рот безукоризненных белых зубов.

— О, я еще этого не знаю. Это все относится к технологии дежекторного процесса Шмутца, а я его буду проходить только через две степени ответственности. А может, даже не буду, если у меня будет хорошо получаться самовыражение. Самовыражаться мне нравится больше, чем учиться... У меня еще два часа есть. Но...

Он продолжал что-то говорить про то, как он хочет кого-то там убедить, чтобы ему разрешили больше самовыражаться, а я в это время напряженно думал. И пока ничего хорошего в голову не приходило. Краски этой много не достанешь. Единственная надежда — произвести анализ образца, который у меня был, но эта чертовщина насчет плавиковой кислоты и какого-то тройного бластирования... Темное дело.

Сами подумайте. Люди знакомы со сталью уже давно. Но вот взять, например, образец хорошей закаленной стали с одного из заводов Гэри или Питтсбурга и подсунуть его какому-нибудь средневековому алхимику. Даже если дать ему современную лабораторию и объяснить, как пользоваться оборудованием, он вряд ли много поймет. Может, он и определит, что это сталь, и даже сумеет сказать, сколько в ней примесей углерода, марганца, серы, фосфора или кремния. Если, конечно, кто-нибудь перед этим расскажет ему о современной химии. Но вот как сталь приобрела свои свойства, откуда взялись ее упругость и высокая прочность — этого бедняга сказать не сможет. А расскажешь ему про термообработку или про отжиг углерода — он только рот будет раскрывать, как рыба на рыночном прилавке.

Или взять стекловолокно. Про стекло знали еще древние египтяне. Но попробуй покажи им кусок такой блестящей ткани и скажи, что это стекло. Ведь посмотрят как на психа.

Короче, у меня есть только краска. Всего одна банка, та самая, которую я держу своей потной рукой за проволочную ручку. Ясно, это мне ничего не даст, но я не я буду, если что-нибудь не придумаю.

Стоит тут перед тобой такой вот мальчишка-посыльный, а на самом деле — величайшая, небывалая возможность разбогатеть. Ни один бизнесмен в здравом уме от такой возможности не откажется.

И я, признаюсь, тоже жаден. Но только до денег. Вот я и подумал, как бы мне превратить этот невероятный случай в кучу зеленых бумажек с множеством нулей. Мальчишка ничего не должен заподозрить или догадаться, что я собираюсь его использовать. Торговец я или нет? Я просто должен его перехитрить и заставить работать на себя с максимальной отдачей.

С беззаботным видом я двинулся в ту же сторону, куда шел Эрнест. Он догнал меня, и мы пошли рядом.

— А где твоя машина времени, Эрнест?

— Машина времени? — Его худенькое личико исказилось в удивленной гримаске.— У меня нет никакой... А, понял, вы имеете в виду хронодром. Надо же такое сказать — машина времени!.. Я установил себе совсем маленький хронодром. Мой отец работает на главном хронодроме, который используют для экспедиций, но на этот раз я хотел попробовать один, без надзора. Мне так хотелось увидеть все самому: как бедные, но целеустремленные разносчики газет поднимаются к вершинам богатства. Или великих смелых нуворишей-грабителей — таких, как вы, а если повезет — настоящих «воротил экономики»! Или вдруг бы я попал в какую-нибудь интригу, например в настоящую биржевую махинацию, когда миллионы мелких вкладчиков теряют деньги и «идут по ветру»! Или «по миру»?

— По миру. А где ты установил этот свой хронодром?

— Не «где», а «когда». Сразу после школы. Мне все равно сейчас положено заниматься самовыражением, так что большой разницы это не делает. Но я надеюсь успеть вовремя, до того как Цензор-Хранитель...

— Конечно, успеешь. Не беспокойся. А можно мне воспользоваться твоим хронодромом?

Мальчишка весело засмеялся, словно я сказал какую-то глупость.

— У вас не получится. Ни тренировки, ни даже второй степени ответственности. И дестабилизироваться вы не умеете. Я рад, что скоро возвращаться, хотя мне тут понравилось. Все-таки здорово! Настоящего нувориша-грабителя встретил!

Я покопался в карманах и закурил «нувориш-грабительскую» сигарету.

— Я думаю, ты и левостороннюю кисть там у себя найдешь без особого труда?

— Не знаю, может быть, и нет. Я никогда про такие не слышал.

— Послушай, а у вас там есть какая-нибудь штука, чтобы видеть будущее? — спросил я, стряхивая пепел на дорогу.

— Вращательный дистрингулятор? Есть. На главном хронодроме. Только я еще не знаю, как он работает. Для этого нужно иметь шестую или седьмую степень ответственности — с четвертой туда и близко не подпустят.

И здесь неудача! Конечно, я мог бы убедить мальчишку притащить еще пару банок краски. Но если анализ ничего не даст и современными методами ее изготовить нельзя, какой смысл? Другое дело — какой-нибудь прибор, что-то совершенно новое, что можно не только продать за большие деньги, но и самому воспользоваться. Взять, например, эту штуковину, через которую можно видеть будущее,— я бы на ней сам миллионы сделал: предсказывал бы результаты выборов, первые места на скачках... Неплохо бы иметь такую штуку. Этот самый вращательный дистрингулятор. Но мальчишка не может ее добыть! Плохо!

— А как насчет книг? Химия? Физика? Промышленные методы? У тебя есть что-нибудь такое дома?

— Я живу не в доме. И учусь не по книгам. По крайней мере не физику с химией. У нас для этого есть гипнотическое обучение. Вот вчера шесть часов просидел под гипнозом — экзамены скоро...

Я потихоньку закипал. Целые миллионы долларов уплывают из рук, а я ничего не могу сделать. Парень уже домой собирается, все увидел, что хотел (даже настоящего живого «нуворишаграбителя»), а теперь домой — самовыражаться! Должна же быть хоть какая-нибудь зацепка...

— А где твой хронодром? Я имею в виду, где он здесь выходит, у нас?

— В Центральном парке. За большим камнем.

— В Центральном парке, говоришь? Не возражаешь, если я посмотрю, как ты к себе отправишься?

Он не возражал. Мы протопали в западную часть парка, потом свернули на узенькую тропинку. Я отломил от дерева сухую ветку и стегнул себя по ноге. Просто необходимо что-то придумать до того, как он смотается к себе. Банка с краской уже здорово действовала мне на нервы. Она была в общем-то

не тяжелая, но если это все, что я получу с этого дела?.. А вдруг еще и анализ ничего не даст?..

Надо, чтобы мальчишка говорил, говорил... Что-нибудь да подвернется.

— А какое у вас правительство? Демократия? Монархия?

Мальчишка залился радостным смехом, и я еле удержался, чтобы не задать ему трепку. Я тут, можно сказать, состояние теряю, а он забавляется, словно я клоун.

— Демократия! Вы имеете в виду политическое значение этого слова, да? Это у вас тут разные нездоровые личности, политические группировки... Мы прошли эту стадию еще до того, как я родился. А последний президент — его не так давно собрали — по-моему, был реверсибилистом. Так что можно сказать, что мы живем при реверсибилизме. Впрочем, еще не завершенном.

Очень ценно! Сразу все так понятно стало... Я уже дошел до такого состояния, что готов был схватиться буквально за любую идею. А Эрнест тем временем продолжал болтать про какие-то непонятные вещи с непроизносимыми названиями, которые творят невероятные дела. Я тихо ругался про себя.

— ...Получу пятую степень ответственности. Потом экзамены, очень трудные. Даже тенденсор не всегда помогает.

Я встрепенулся:

— Что это за тенденсор? Что он делает?

— Анализирует тенденции. Тенденции и ситуации в развитии. На самом деле это статистический анализатор, портативный и очень удобный. Но примитивный. Я по нему узнаю вопросы, которые будут на экзамене. У вас такого нет. У вас, как я помню, в школьном воспитании бытует множество суеверий и считается, что молодежь не должна предвидеть вопросы, которые ставит постоянное изменение окружающего мира или просто личное любопытство их инструкторов. Пришли!

Рядом, на вершине невысокого холма, проглядывали из-за деревьев серые бесформенные обломки скал, и даже на расстоянии я заметил слабое голубое свечение за самым большим камнем.

Эрнест соскочил с тропинки и стал взбираться на холм. Я бросился за ним. Времени оставалось в обрез. Этот тенденсор... Может быть, он-то мне и нужен!

— Послушай, Эрнест,— спросил я, догнав его около большого камня,— а как этот твой тенденсор работает?

— О, все очень просто. Вводишь в него факты — у него обычная клавиатура,— а он их анализирует и выдает наиболее возможный результат или предсказывает тенденцию развития

событий. Еще у него встроенный источник питания... Ну ладно, мистер Блин, до свидания!

И он двинулся к голубому туману в том месте, где он был наиболее плотным. Я обхватил его рукой и дернул к себе.

— Опять вы скингируете! — завизжал мальчишка.

— Извини, малыш. В последний раз. Что ты скажешь, если я тебе покажу действительно крупную аферу? Хочешь увидеть напоследок, как я прибираю к рукам международную корпорацию? Я эту махинацию уже давно задумал, будет крупная игра на повышение. Уолл-стрит ничего не подозревает, потому что у меня свой человек на чикагской бирже. Я потороплю это дело, сегодня займусь специально, чтобы ты увидел, как работает настоящий нувориш-грабитель. Только вот с твоим тенденсором я бы провернул это дело наверняка гораздо быстрее. Вот это было бы зрелище! Сотни банков прогорают, я «загоняю в угол» производство каучука, золотой стандарт падает, мелкие вкладчики «идут по миру»! Все сам увидишь, своими глазами! А если притащишь мне тенденсор, я даже разрешу тебе руководить «накоплением капитала»!

Глаза у парнишки заблестели, как новенькие десятицентовики.

— Ух ты! Вот это здорово! Подумать только! Самому участвовать в такой финансовой битве! Но ведь рискованно... Если Цензор-Хранитель подведет итоги и узнает, что я отсутствовал так долго... Или моя наставница поймает меня во время незаконного использования хронодрома...

Но я ведь вам говорил, что я свое дело знаю. Что-что, а людей убеждать я умею.

— Ну, как хочешь.— Я отвернулся и затоптал сигарету.— Я просто хотел дать тебе шанс, потому что ты такой замечательный парень, неглупый. Думал, ты далеко пойдешь. Но у нас, нуворишей-грабителей, тоже, знаешь ли, есть своя гордость. Не каждому посыльному я бы доверил такое важное дело, как накопление капитала.

И я сделал вид, будто ухожу.

— Ой, мистер Блин,— мальчишка забежал вперед меня,— я очень ценю ваше предложение. Только вот рискованно. Но... «опасность — это дыхание жизни для вас», так ведь? Ладно, я принесу тенденсор. И мы вместе распотрошим рынок. Только вы без меня не начинайте.

— Хорошо, но ты поторопись. До захода солнца нужно еще много успеть. Двигай.— Я поставил банку с краской в траву и скрестил руки. Потом взмахнул веткой, словно этой штуковиной, ну которую короли-то все таскают,— скипетром.

Он кивнул, повернулся и побежал к голубому туману за камнями. Коснувшись его, он сначала стал весь голубой, затем исчез. Какие возможности открываются! Вы ведь понимаете, о чем я. Этот тенденсор... Если все, что сказал мальчишка,— правда, то его действительно можно использовать именно так, как я наобещал Эрнесту. Можно предсказывать движение биржевого курса: вниз, вверх, хоть в сторону! Предвидеть финансовые циклы, развитие отраслей промышленности. Предрекать войны, перемирия, выпуск акций... Все, что нужно,— это запихать в машинку факты, например финансовые новости из любой ежедневной газеты, а затем грести деньги лопатой. Ну, теперь можно будет развернуться.

Я запрокинул голову и подмигнул кроне дерева.

Честное слово, я чувствовал себя словно пьяный. Должно быть, я и в самом деле опьянел от предвкушения успеха. Я потерял хватку, перестал думать. А этого нельзя допускать ни на секунду. Никогда!

Подойдя к голубому облаку, я потрогал его рукой — как каменная стена. Мальчишка не соврал, действительно без подготовки мне туда не попасть...

«Ну и ладно,— подумал я.— Хороший все-таки парнишка, Эрнест. И имя у него красивое, Эрнест. И все замечательно».

Туман расступился, оттуда выскочил Эрнест. В руках он держал продолговатый серый ящик с целой кучей белых клавиш, как у счетной машинки. Я выхватил ящик у него из рук.

— Как он работает?

— Моя наставница... Она меня заметила,— задыхаясь от бега, произнес мальчишка.— Окликнула меня... Надеюсь... она не видела... что я побежал к хронодрому... Первый раз не послушался... Незаконное использование хронодрома...

— Ладно, успокойся,— прервал я его,— нехорошо, конечно. А как он работает?

— Клавиши. Надо печатать факты. Как на древней... как на ваших пишущих машинках. А результаты появятся вот здесь, на маленьком экране.

— Да, экран маловат. И потребуется чертова уйма времени, чтобы напечатать пару страниц финансовых новостей. И еще биржевой курс. У вас что, нет ничего лучше? Чтобы можно было показать машине страницу — а она тебе сразу выдаст ответ.

Эрнест задумался.

— А, вы имеете в виду *открытый* тенденсор. У моей наставницы такой есть. Но это только для взрослых. Мне его не дадут, пока я не получу седьмую степень ответственности. И то если у меня будет хорошо с самовыражением...

Опять он с этим своим самовыражением!

— Но это именно то, что нам нужно, Эрнест. Давай-ка слетай к себе и прихвати тенденсор своей наставницы.

Мальчишка остолбенел от страха. Глядя на его лицо, можно было подумать, что я приказал ему застрелить президента. Того самого, что они недавно изготовили.

— Но я же сказал! Тенденсор не мой. Это моей наставницы...

— Ты хочешь руководить накоплением капитала или нет? Хочешь увидеть самую грандиозную из всех когда-либо проведенных на Уолл-стрит операций? Банки прогорают, мелкие вкладчики... и все такое... Хочешь? Тогда дуй к своей наставнице...

— Это вы обо мне говорите? — раздался чистый высокий голос.

Эрнест резко обернулся.

— Моя наставница! — пискнул он испуганной флейтой.

Около самого голубого облака стояла маленькая старушка в чудаковатой зеленой одежде. Она печально улыбнулась Эрнесту и, качая головой, взглянула на меня с явным неодобрением.

— Я надеюсь, ты уже понял, Эрнест, что этот «период необычайных приключений» на самом деле весьма уродлив и населен множеством недостойных личностей... Однако мы заждались, ты слишком надолго дестабилизировался — пора возвращаться.

— Вы хотите сказать... Цензоры-Хранители знали про мой незаконный хронодром с самого начала? И мне позволили?..

— Ну конечно. Мы очень довольны твоими успехами в самовыражении и поэтому решили сделать для тебя исключение. Твои искаженные, слишком романтичные представления об этой сложной эпохе нуждались в исправлении, и поэтому мы решили дать тебе возможность самому убедиться, сколь жестока и несправедлива порой она была. Без этого ты не смог бы получить пятую степень ответственности. А теперь пойдем.

Тут я решил, что настало время и мне поучаствовать в разговоре. Вдвоем они звучали как дуэт флейтистов. Ну и голоса!

— Подождите-ка, не исчезайте. Со мной-то как?

Старушка остановила недобрый взгляд своих голубых глаз на мне.

— Боюсь, что никак. Что же касается различных предметов, которые вы незаконно получили из нашей эпохи,— Эрнест, право же, не следовало заходить так далеко,— то мы их забираем.

— Я так не думаю,— сказал я и схватил Эрнеста за плечи. Он начал вырываться, но я держал его крепко и занес над его головой ветку.— Если вы не сделаете, что я прикажу, мальчишке будет плохо. Я... я его всего заскингирую!

Затем на меня напало вдохновение, и я понес:

— Я его в бараний рог согну. Я ему все кости переломаю.

— Что вы от меня хотите? — спокойно спросила старушка своим тоненьким голоском.

— Ваш тенденсор. Который без клавиш.

— Я скоро вернусь.— Она повернулась, издав своим зеленым одеянием легкий звон, и исчезла в голубом тумане хронодрома.

Вот так просто все оказалось! Ничего лучше я за всю свою жизнь не проворачивал. И почти без труда. Мальчишка дергался и дрожал, но я держал его крепко. Я не мог позволить ему убежать от меня, нет, сэр,— ведь это было все равно что своими руками отдать чужому мешок с деньгами.

Затем туман задрожал, и из него появилась старушка. В руках она держала какую-то круглую черную штуку с рукояткой в середине.

— Ну так-то лучше...— начал я, и в этот момент она повернула рукоятку.

Все. Я застыл. Я не мог пошевелить даже волоском в носу и чувствовал себя как надгробный камень на собственной могиле. Мальчишка метнулся в сторону, подобрал с земли выпавший из моих рук маленький тенденсор и побежал к старушке. Она подняла руку и снова обратилась к Эрнесту:

— Видишь, Эрнест, совершенно типичное поведение. Эгоизм, жестокость, бездушие. Алчность при полном отсутствии социального...

Взмах руки, и они оба исчезли в голубом тумане. Через мгновение сияние померкло. Я бросился вперед, но за камнями было пусто. Все пропало... Хотя нет!

Банка с краской все еще стояла под деревом, где я ее оставил. Я усмехнулся и протянул к ней руку. Внезапно сверкнуло голубым, тоненький голосок произнес: «Извините. Оп!» — и банка исчезла. Я резко обернулся — никого.

В последующие полчаса я чуть не рехнулся. Сколько я мог всего заполучить! Сколько вопросов мог задать и не задал! Сколько получить информации! Информации, на которой я сделал бы миллионы!

Информация! И тут я вспомнил. Мальчишка говорил, что какой-то Венцеслаус изобрел этот самый спирилликс примерно в наше время. И, мол, у него были трудности с финансированием. Я понятия не имею, что это за штука: может быть, она карточки опускает в ящик для голосования, может, дает возможность чесать левой рукой левое плечо. Но я сразу решил: что бы это ни было, найду изобретателя и вложу в это дело весь

свой капитал до последнего цента. Все, что я знаю,— это что спирилликс что-то делает. И делает хорошо.

Я вернулся в контору и нанял частных детективов. Ведь ясно, что только по телефонным справочникам моего Венцеслауса не найти. Вполне возможно, что у него вообще нет телефона. Может быть, он даже не назвал свой прибор спирилликсом, и это название придумали позже. Конечно, я не рассказывал детективам подробностей, просто дал задание разыскать мне по всей стране людей с фамилией Венцеслаус или похожей на нее. И сам со всеми разговариваю. Естественно, каждый раз приходится пересказывать всю эту историю, чтобы прочувствовали. Вдруг тот, кто этот спирилликс изобрел, признает его в моем пересказе. Вот поэтому я к вам и пришел, мистер Венцилотс. Приходится опрашивать всех с похожей фамилией. Может, я не расслышал или потом фамилию изменили...

Теперь вы все знаете. Подумайте, мистер Венцилотс. Вы, кроме цыплят, чем-нибудь еще занимаетесь?.. Может, вы что-нибудь изобрели? Нет, я думаю, самодельная мышеловка — это немного не то. Может, вы книгу написали?.. Нет? А не собираетесь?.. Может, разрабатываете новую социальную или экономическую теорию? Этот спирилликс может оказаться чем угодно. Не разрабатываете?.. Ну ладно, я пойду. У вас случайно нет родственников, которые балуются с инструментами? Нет?.. Мне еще многих надо обойти. Вы себе не представляете, сколько в стране Венцеслаусов и похожих... Хотя постойте... Говорите, изобрели новую мышеловку?.. Держите еще сигару. Давайте присядем. Эта ваша мышеловка, что она делает?.. Мышей ловит... Это понятно. А как именно она работает?

Хозяйка Сэри

Сегодня вечером, уже собираясь войти в дом, я увидел на мостовой двух маленьких девочек, чинно игравших в мяч, напевавших одну старинную девчоночью считалку. Душа у меня ушла в пятки, кровь бешено заколотилась в правом виске, и я знал, что пропади все пропадом, но я шагу не ступлю с этого места, пока они не закончат.

Раз-два-три-элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Когда они прекратили свое механическое пение, я пришел в себя. Я открыл дверь своего дома и, войдя, быстро повернул ключ. Везде — в прихожей, кухне и библиотеке — я включил свет. И потом, потеряв счет времени, я шагал из угла в угол, пока дыхание не выровнялось, а страшные воспоминания не уползли назад, в трещину прошедших лет...

Сэриетта Хон переехала из Вест-Индии к миссис Клейтон, когда умер ее отец. Ее мать была единственной сестрой миссис Клейтон, а за отцом, служащим колониальной администрации, родственники не числились. Поэтому ничего удивительного не было в том, что девочку переправили через Карибское море, и она поселилась в Нэнвилле, в доме моей квартирной хозяйки. Естественным же образом ее определили в нэнвилльскую начальную школу, где я преподавал арифметику и естествознание в дополнение к английскому, истории и географии мисс Друри.

— Таких невыносимых детей, как эта Хон, я еще не видела! — Мисс Друри ворвалась в мой кабинет во время утреннего перерыва.— Это выродок, бесстыжий, гадкий выродок!

Я подождал, пока в пустой комнате отзвучит эхо, забавляясь разглядыванием подчеркнуто викторианских форм мисс Друри. Ее затянутая корсетом грудь вздымалась, а многочисленные юбки колыхались и шлепали по щиколоткам, пока она в раздражении металась перед моим столом. Я отклонился назад и обхватил голову руками:

— Советую вам не горячиться. Эти две недели с начала четверти я был слишком занят и у меня не было времени присмотреться к Сэриетте. У миссис Клейтон нет собственных детей, и с самого четверга, когда девочку привезли, она носится с ней как с сокровищем. Если вы накажете Сэриетту, как... ну, как вы наказали Джоя Ричардса на прошлой неделе,— она этого терпеть не будет. И школьное управление — тоже.

Мисс Друри с вызовом вскинула голову:

— Если бы вы проработали учителем столько же, сколько я, молодой человек, вы знали бы, что отказ от розги — это не метод для такого упрямого ублюдка, как Джой Ричардс. Он вырастет такой же винной прорвой, как его папаша, если вовремя не узнает у меня, чем пахнет розга.

— Ну хорошо. Не забывайте только, что кое-кто из школьного управления начинает вами очень интересоваться. И потом, почему, собственно, Сэриетта Хон — выродок? Насколько я помню, она альбинос; недостаток пигментации — это случайный фактор наследственности, а вовсе не уродство, что подтверждают тысячи людей, проживших нормальную, счастливую жизнь.

— Наследственность! — Она презрительно фыркнула.— Чушь собачья, эта ваша наследственность. Она выродок, я вам говорю, поганка, гнусное исчадие Сатаны. Когда я попросила ее рассказать классу о своем доме в Вест-Индии, она встала и проквакала: «Это не для дураков и не для средних умов». Вот! Если бы в этот момент не прозвенел звонок на перерыв, я бы с нее шкуру спустила.

Она бросила педантичный взгляд на часы:

— Перерыв заканчивается. Вы бы лучше проверили систему, мистер Флинн; мне кажется, утром звонок был на минуту раньше. И не позволяйте этой девчонке садиться вам на голову.

— Со мной такое не случается,— я усмехнулся, когда она хлопнула дверью.

Через минуту в комнату ворвался смех и галдеж восьмилеток.

Я начал свой урок, посвященный делению столбиком, с того, что тайком взглянул на последний ряд. Там, как гвоздями прибитая, сидела Сэриетта Хон, послушно сложив руки на парте. На фоне красного дерева, под которое была облицована

мебель в классе, ее белесые мышиные хвостики и абсолютно белая кожа зрительно приобретали желтоватый оттенок. Ее глаза, тоже слегка желтоватые, с огромными бесцветными радужками под полупрозрачными веками, не мигали, когда я смотрел на нее.

Она действительно была уродиной. Рот у нее был невероятного размера, уши торчали под прямым углом к голове, а кончик длинного носа загибался вниз до верхней губы. Она носила белоснежное платье строгого покроя, взрослый вид которого никак не вязался с ее костлявой фигурой.

Закончив урок арифметики, я подошел к ней, сидевшей в гордом одиночестве.

— Может быть, ты сядешь поближе к моему столу? — спросил я медовым голосом.— Так тебе лучше будет видно доску.

Она поднялась и сделала маленький книксен:

— Благодарю вас, сэр, но там слишком солнечно, а яркий свет вреден для моего зрения. Поэтому я чувствую себя намного лучше в темноте и тени.— На ее лице неуклюже изобразилось нечто, похожее на любезную улыбку. Я кивнул. Мне стало как-то неловко от формальной точности ее ответа.

В течение всего урока естествознания я чувствовал, что она буквально прикипела ко мне глазами. Под ее немигающим, неотвязным взглядом я начал путаться в наглядных пособиях, а ученики, догадываясь о причине, стали шептаться и вертеть головами.

Ящик с коллекцией бабочек выскользнул у меня из рук. Я нагнулся, чтобы поднять его. Вдруг какой-то изумленный вздох прошумел по всей комнате, вырвавшись из тридцати маленьких глоток:

— Смотри! Она снова это делает!

Сэриетта Хон сидела все в той же странной, оцепенелой позе. Только волосы у нее были теперь густо-каштанового цвета, глаза — голубыми, а щеки и губы нежно порозовели.

Мои пальцы уперлись в надежную поверхность стола. Не может быть! Неужели это свет и тень проделывают такие фантастические трюки? Не может быть!

Даже когда я, забыв о педагогической дистанции, с открытым ртом смотрел на нее, она продолжала темнеть, а тень вокруг нее рассеивалась. Дрожащим голосом я попытался вернуться к коконам и чешуекрылым.

Через минуту я заметил, что ее лицо и волосы снова чистейшего белого цвета. Я не стал искать этому объяснения, равно как и ученики. Но урок был сорван.

— В точности то же самое она вытворила на моем уроке,— сказала за ленчем мисс Друри.— В точности то же самое! Правда, мне показалось, что она была жгучей брюнеткой, с копной черных волос, а глазищи у нее сверкали. Это было сразу после того, как она назвала меня дурой — наглая стерва! Я потянулась за розгой. Тут-то она и обернулась смуглой брюнеткой. У меня бы она живо покраснела, если бы звонок не прозвенел на минуту раньше.

— Представляю себе,— сказал я.— Но при ее внешности любой световой эффект может сыграть дурную шутку со зрением. Да и вообще не уверен, что видел все это. Не хамелеон же она, в конце концов.

Старая учительница поджала губы, так что они превратились в бледную розовую линию, пересекшую ее дряблое лицо. Она покачала головой и перегнулась через стол, усыпанный крошками.

— Не хамелеон. Ведьма! Я знаю! И Библия приказывает нам уничтожать ведьм, сжигать их со всеми потрохами.

Мой смех прокатился по грязному школьному подвалу, который служил нам столовой.

— Ну вы и скажете! Восьмилетняя девчонка...

— Вот именно. И ее нужно обезвредить, пока она не выросла и не наделала гадостей. Поверьте мне, мистер Флинн, уж я-то знаю! Один из моих предков сжег тридцать ведьм в Новой Англии во время процессов. У нашего рода особый нюх на этих тварей. Между нами не может быть мира!

Дети в благоговейном страхе разделяли мнение мисс Друри. Они прозвали девочку-альбиноса «Хозяйкой Сэри». Сэриетта, со своей стороны, с удовольствием приняла это прозвище. Когда Джой Ричардс ворвался в компанию детей, которые, скандируя песенку, сопровождали ее по улице, она остановила его.

— Оставь их в покое, Джозеф,— сказала она в своей забавной взрослой манере.— Они совершенно правы. Я в самом деле злая-злая фея.

Джой опустил свое озадаченное конопатое лицо, разжал кулаки и молча пристроился сбоку маленького кортежа. Он боготворил ее. Они всегда были вместе — возможно, потому, что оба были аутсайдерами в этом детском сообществе, а возможно, потому, что были сиротами — его вечно поддатого папашу трудно было назвать отцом. Я часто заставал его сидящим на корточках у ее ног в сырых сумерках, когда выходил на крыльцо пансиона подышать свежим воздухом. Она останавливалась на полуслове, продолжая указывать пальцем куда-то вверх. Они

оба сидели в заговорщицком молчании, пока я не уходил с крыльца.

Джою я немного нравился. Именно поэтому мне единственному он приоткрыл завесу над прежней жизнью Хозяйки Сэри. Гуляя как-то вечером, я обернулся и увидел, что Джой догоняет меня. Он только что ушел с крыльца.

— Эх,— вздохнул он.— Хозяйка Сэри столькому всему научилась у Стоголо! Если бы этот парень был здесь, он показал бы старухе где раки зимуют. Он проучил бы ее, еще как проучил бы!

— Стоголо?

— Ну да. Этот колдун, который проклял мать Сэри, до того как Сэри родилась, за то, что она засадила его в тюрьму. Мать Сэри умерла, когда рожала, а отец ее начал пить, хуже, чем мой папаша. А Сэри потом нашла Стоголо, и они подружились. Они обменялись кровью и заключили мир на могиле ее матери. И он научил ее колдовству, и родовому проклятию, и как делать любовное зелье из кабаньей печенки, и...

— Ты меня удивляешь, Джой,— прервал я его.— Верить в эти глупые предрассудки! Хозяйка Сэри, то есть Сэриетта, выросла в обществе примитивных людей, которые не знают ничего лучшего. Но ты-то знаешь!

Он покачал ногой какой-то сорняк на обочине.

— Да,— тихо произнес он.— Да. Извините, мистер Флинн, что я про это сказал.

Погода установилась поразительно теплая.

— Поверьте моему слову,— однажды утром сказала мисс Друри.— Такой зимы я сроду не видала. Бабье лето и оттепели — это одно дело, но когда такое продолжается изо дня в день, беспрерывно,— это бог знает что!

— Ученые говорят, что на всей Земле климат становится теплее. Конечно, сейчас это трудно заметить, но Гольфстрим...

— Гольфстри-и-и-м,— передразнила она. На ней был все тот же тяжелый чопорный наряд, и жара доводила ее взрывной темперамент до точки кипения.— Гольфстрим! С тех пор как это Хоново отродье приехало в Нэнвилль, все перевернулось вверх дном. Мел у меня все время крошится, ящики в столе застревают, тряпки расползаются на клочки. Эта чертовка пытается наслать на меня порчу!

— Послушайте,— я остановился, повернувшись спиной к школе.— Все это слишком далеко заходит. Если вы не можете отказаться от своей веры в колдовство, держите ее подальше от

детей. Они здесь для того, чтобы получать знания, а не слушать истерические выдумки... выдумки...

— Чокнутой старой девы. Ну что же вы, давайте, продолжайте,— огрызнулась она.— Я знаю, что вы так думаете, мистер Флинн. Вы к ней подмазываетесь, и поэтому она вас терпит. Но я знаю то, что я знаю, и исчадие ада, которое вы называете Сэриеттой Хон, тоже это знает. Между нами война, и битва добра и зла никогда не закончится, пока кто-нибудь из нас не погибнет! — Она повернулась в завихрении своих юбок и быстро зашагала к школе.

Мне стало страшно за ее рассудок. Я вспомнил, чем она гордилась: «Я не прочла ни одного романа, написанного после 1893 года!»

В этот день ученики заходили на урок арифметики медленно, тихо, будто накрытые колпаком молчания. Но как только дверь закрылась за последним из них, колпак слетел, и шепот пополз по комнате.

— Где Сэриетта Хон? И Джой Ричардс? — добавил я, не находя и его тоже.

Поднялась толстушка Луиза Белл в своем накрахмаленном, мешковатом розовом платье:

— Они нарушали порядок. Мисс Друри поймала Джоя, когда он хотел срезать у нее волосы, и начала его пороть. Тогда Хозяйка Сэри встала и сказала, что она не имеет права трогать его, потому что он под ее про-тек-ци-ей. Мисс Друри нас всех прогнала, и теперь она точно обоих выпорет. Она просто бешеная!

Я немедленно подошел к задней двери. Внезапно раздался крик, голос Сэриетты! Я помчался по коридору. Крик дошел до уровня дисканта, завис на секунду и прекратился.

Когда я рванул на себя дверь кабинета мисс Друри, я был готов ко всему, включая убийство. Но к тому, что я увидел, я не был готов. Вцепившись в дверную ручку, я замер, уставившись на таблицу времен.

Джой Ричардс прижимался спиной к доске и в своей потной пятерне сжимал длинную прядь темно-русых волос учительницы. Хозяйка Сэри, наклонив голову, стояла перед мисс Друри; на ее белой как мел шее красовался недвусмысленный рубец. А мисс Друри тупо смотрела на кусок березового прута в своей руке; раздробленные остатки розги валялись у ее ног.

Увидев меня, дети очнулись. Хозяйка Сэри выпрямилась и с поджатыми губами направилась к двери. Джой Ричардс подался вперед. Он потер прядь волос о спину учительницы, чего она совершенно не заметила. Когда он догнал девчонку у двери,

я увидел, что волосы блестели от пота, стертого с блузы мисс Друри.

Хозяйка Сэри слегка кивнула, и Джой передал ей прядь волос. Она осторожно положила ее в карман платья.

Без единого слова они прошмыгнули мимо меня и побежали в класс.

Мне показалось, что они не слишком пострадали.

Я подошел к мисс Друри. Она дико тряслась, разговаривала сама с собой и не сводила глаз с остатка розги:

— Она разлетелась на кусочки. На кусочки! Я только... А она на кусочки!

Обняв старую деву за талию, я подвел ее к стулу. Она села и продолжала бормотать:

— Один раз... один раз я ее ударила. Только я замахнулась, чтобы снова... розга у меня над головой... и — на кусочки!

Она таращила глаза на березовый обломок в своей руке и раскачивалась из стороны в сторону, будто оплакивая большую потерю.

У меня был урок. Я дал ей стакан воды, попросил сторожа присмотреть за ней и поспешил в класс.

Кто-то из учеников с чисто детской злобой и мстительностью нацарапал во всю ширину доски:

Раз-два-три-элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Раздраженно повернувшись лицом к классу, в привычной обстановке я заметил перемену. Парта Джоя Ричардса пустовала.

Он занял место рядом с Хозяйкой Сэри в длинной густой тени на последнем ряду.

К моей превеликой радости, Хозяйка Сэри и не думала вспоминать об инциденте. За обеденным столом она, как всегда, молчала, уставившись в тарелку. Не досидев до конца ужина, она незаметно поднялась и улизнула. Миссис Клейтон слишком много болтала и суетилась, чтобы это заметить.

После ужина я направился к старинному дому с острой крышей, в котором жила со своими родственниками мисс Друри. Озера пота разливались у меня под одеждой, и я был не в состоянии сосредоточиться. Ни единый листик не шевелился на деревьях в этот влажный безветренный вечер.

Старая учительница чувствовала себя намного лучше. Но она ни в какую не желала оставить свою тему, что было бы един-

ственным способом — как предложил я — наладить отношения. Она энергично раскачивалась в кресле-качалке времен колоний и протестовала:

— Нет, нет, нет! Я не собираюсь мириться с этим порождением ехидны; я скорее самому Вельзевулу пожму руку. А теперь она ненавидит меня еще больше, потому что — неужели вы не понимаете? — я вывела ее на чистую воду. Ей пришлось показать свое мастерство. Теперь... теперь я должна сразиться с ней и победить ее и Того, кто ей покровительствует. Я все должна обдумать, я должна... но какая же дьявольская жара. Невыносимая жара! Мозги... мозги у меня отключаются...— Она вытерла лоб тяжелой кашемировой шалью.

По дороге домой я пытался найти хоть какой-нибудь выход. Где тонко, там и рвется. Нагрянет комиссия, начнут копать, и школа вылетит в трубу. Я пытался спокойно продумать все возможные варианты, но одежда прилипала к телу, и я буквально задыхался.

На крыльце было пусто. Я заметил движение в саду и пошел в ту сторону. Две тени воплотились в Хозяйку Сэри и Джоя Ричардса. Они подняли головы, будто дожидаясь, когда я обнаружу себя.

Она сидела на корточках и в руках держала куклу. На голове маленькой восковой куклы была прилеплена прядь волос в виде жесткого пучка, излюбленной прически мисс Друри. Грубая маленькая кукла, обернутая в грязный клочок миткаля, напоминавший длинный и строгий покрой всех нарядов мисс Друри. Тщательная карикатура из воска.

— Вам не кажется, что это просто глупо? — наконец спросил я.— Мисс Друри уже достаточно раскаивается в своем поступке, чтобы издеваться над ее предрассудками таким образом. Я думаю, если вы очень постараетесь, мы все станем друзьями.

Они поднялись, Сэриетта прижала куклу к груди:

— Это не глупо, мистер Флинн. Этой дурной женщине следует преподать урок. Страшный урок, который она запомнит на всю жизнь. Прошу прощения за спешку, сэр, но этой ночью мне предстоит большая работа.

Она ушла. Шелестящее белое пятно скользнуло по ступеням и исчезло в спящем доме.

Я повернулся к мальчишке:

— Джой, ты ведь толковый парень. Послушай, как мужчина мужчине...

— Извините, мистер Флинн,— он направился к воротам.— Мне... мне нужно идти домой.

. . Ритмические удары теннисок по обочине стали глуше и растворились в отдалении. Я, похоже, навсегда лишился его доверия.

Этой ночью мне не спалось. Я ворочался в скомканных простынях, засыпал, вскакивал и снова засыпал.

Около полуночи я проснулся от озноба. Взбив подушку, я собирался снова впасть в забытье, когда услышал какой-то протяжный звук. Я узнал его. Это он проникал в мои сны и заставлял с ужасом таращиться в темноту. Я приподнялся.

Голос Сэриетты!

Она пела песню, быструю песенку с невразумительными словами. Голос звучал все выше и выше, быстрее и быстрее, будто приближаясь к какой-то жуткой мертвой точке. Наконец, когда он достиг предела слышимости, она остановилась. И потом, на такой высокой ноте, от которой у меня чуть не лопнули перепонки, раздался нечеловеческий нутряной вопль: «Куру-ну-у О Стоголо-о-о-о!»

Молчание.

Заснуть снова мне удалось только через два часа.

Я проснулся от солнца, прожигавшего мне веки. Я оделся, чувствуя себя до странного измотанным и апатичным. Есть мне не хотелось, и впервые в жизни я ушел утром не позавтракав.

Жар поднимался от тротуара и пропитывал лицо и руки. Горячий булыжник жег ступни сквозь подошвы. Даже тень в здании школы не приносила облегчения.

У мисс Друри тоже не было аппетита. Ее аккуратно завернутые сандвичи с латуком остались лежать нетронутыми на столе. Она обхватила голову своими тощими руками и смотрела на меня из-под красных век.

— Адская жарища! — прошептала она.— Сил моих нет. Не понимаю, почему все так сочувствуют этому Хонову отродью. Я всего-то заставила ее сесть на солнце. Мне от этого пекла в тысячу раз хуже.

— Вы... заставили... Сэриетту... сесть...

— Вот именно! Она не привилегированная особа. А то сидит на задней парте, прохлаждается в свое удовольствие. Я пересадила ее на другое место, у большого окна, где самое солнце. Она это оценит как пить дать. Правда, мне после этого как-то не по себе. Внутри все на части рвется. Этой ночью я глаз не сомкнула — такие кошмарные сны. Будто огромные лапы меня хватают, мучают, нож в лицо втыкают...

— Но ребенок не выносит солнечного света! Она альбинос!

— Альбинос! Рассказывайте сказки. Она ведьма. Еще немного, и она восковую куклу сделает. Джой Ричардс не для балов-

ства пытался у меня волосы срезать. Это ему... о-ох! — Она перегнулась пополам.— Проклятые колики!

Я подождал, пока приступ пройдет, глядя на ее потное, изможденное лицо.

— Странно, что вы упомянули восковую куклу. Вы так убедили девочку в том, что она ведьма, что она действительно ее сделала. Хотите верьте, хотите нет, но прошлой ночью, когда я от вас ушел...

Она вскочила на ноги и насторожилась. Одной рукой держась за паровую трубу, она впилась в меня взглядом:

— Она сделала восковую куклу. С меня?

— Ну, вы знаете, что такое дети. Это было ее представление о вашей внешности. Грубовато оформлено, но в общем небесталанно. Лично я считаю, что ее способности заслуживают поощрения.

Мисс Друри не слышала меня.

— Колики! — пробормотала она.— А я-то думала, что это колики! Она втыкает в меня булавки! Ах ты! Я должна... только осторожно... Но быстро. Быстро!

Я встал и попытался положить ей руку на плечо, перегнувшись через обеденный стол:

— Держите себя в руках. Все это добром не кончится.

Она отскочила и остановилась у лестницы, быстро бормоча себе под нос:

— Дубиной и палкой ее не взять, они в ее власти. Но мои руки — если я схвачу ее руками и быстро стисну, она не вырвется. Но я должна дать ей шанс,— почти рыдала она,— я должна дать ей шанс!

Она взметнулась по лестнице с выражением решимости на лице.

Перевернув стол, я ринулся за ней.

Дети ели свой ленч за длинным столом на краю школьного двора. Но сейчас они остановились, зачарованно и испуганно за чем-то наблюдая. Сандвичи застыли в руках у открытых ртов. Я проследил направление их взглядов.

Мисс Друри кралась вдоль здания, как вставшая на задние лапы пантера в юбке. Она пошатывалась и хваталась за стену. В нескольких шагах от нее, в тени, сидели Сэриетта Хон и Джой Ричардс. Они пристально смотрели на восковую куклу в миткалевом платье, которая лежала на цементе за чертой прохлады. Она лежала на спине под прямыми лучами, и даже на расстоянии я видел, что она тает.

— Эй! — крикнул я.— Мисс Друри! Не делайте глупостей!

Дети испуганно обернулись на мой крик. Мисс Друри рванулась вперед и прыгнула, а точнее, свалилась на девчонку. Джой Ричардс схватил куклу и выкатился с ней на дорогу. Тяжеловесным галопом я припустил ему наперерез. На полпути я краем глаза заметил правую руку мисс Друри, молотившую по девчонке. Сэриетта сжалась под учительницей в маленький жалкий комок.

Присев, я смотрел на Джоя. За моей спиной дети визжали смертным визгом.

Обеими руками Джой сжимал куклу. Не в силах отвести взгляд, я видел, как воск — уже размягченный солнцем — теряет форму и вылезает в щели между его конопатыми пальцами. Он сочился сквозь миткалевое платье и падал на цемент школьного двора.

Перекрывая и глуша детские вопли, голос мисс Друри перешел в крик агонии и звучал, звучал, звучал...

Джой, выпучив глаза, смотрел через мое плечо. И все же он продолжал сжимать куклу, а я не сводил с нее глаз, отчаянно, с мольбою, пока крик звенел в моей голове, а солнце гнало потоки пота по моему лицу. Глядя, как воск вытекает у него из пальцев, Джой вдруг запел-закудахтал, истерически задыхаясь:

Раз-два-три-элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Мисс Друри вопила, дети визжали, Джой пел, но я не сводил глаз с маленькой восковой куклы. Я не сводил глаз с маленькой восковой куклы, тающей в маленьких скрюченных пальцах Джоя Ричардса. Я не сводил глаз с куклы.

Флирглефлип

Да, да, я все знаю. Очень маловероятно, что это послание дойдет до тебя за те годы, что ты еще проживешь, преисполненный самодовольства, но если все же что-нибудь, какое-нибудь событие — скажем, неожиданная аномалия атмосферного давления — вынесет эти листки на поверхность, то я хочу, чтобы Томас Альва Бандерлинг знал: я считаю его самым надутым, гипертрофированным, уникальным болваном в истории человечества.

Разумеется, за исключением себя.

Когда я вспоминаю, как был счастлив, перебирая свою коллекцию доликов и спиндфаров, как замечательно продвигалось написание моей статьи «Гллианское происхождение флирг-структуры позднего пегиса»... когда я вспоминаю это блаженство, но сразу же припоминаю и о грязной, отвратительной нищете моей нынешней профессии, то мое мнение о Бандерлинге становится несколько неакадемическим. И есть ли у меня теперь хоть какая-то надежда вернуться в кремовые башни Института, возвышающиеся в своей пластиковой красоте над загаженной почвой Манхэттена?

Мне нравится вспоминать то радостное возбуждение ученого, которое я испытал в тот день, когда мы, члены Девятнадцатой полевой экспедиции, вернулись с Марса, привезя с раскопок Гллиана полный корабль панфоргов. Мне нравится вспоминать о том, как я с восхищением заново обдумывал проблемы, так и оставшиеся нерешенными, когда мне предложили участие в экспедиции. А Бандерлинг и его гадкий подавитель излучения? Да я в ту ночь вообще впервые по-настоящему заметил его существование!

— Тертон,— внезапно спросил он, когда его озабоченное лицо появилось на экране моего беноскопа.— Тертон, вы можете зайти на минутку в мою лабораторию? Мне нужна еще пара рук.

Я был поражен. Если не считать случайных встреч на институтских ассамблеях, мы с Бандерлингом практически не общались. А еще поразительнее оказалось то обстоятельство, что Младший Исследователь позвал для чисто механической и неквалифицированной помощи Полного Исследователя, работающего в совершенно другой области.

— Разве вы не можете вызвать лабтеха или робота? — спросил я.

— Все лабтехи уже ушли. Мы сейчас в Институте совсем одни. День рождения Ганди, сами понимаете. А своему роботу я велел упаковаться еще два часа назад, когда решил, что скоро уйду.

— Ладно,— вздохнул я, вешая на шею и флирглефлип, и долик, который я с его помощью исследовал. Войдя в беноскоп и подергав ожерелье в нужном месте, чтобы настроить его на перемещение в противоположное крыло Института, я уже почти перестал удивляться странности просьбы Бандерлинга.

Видите ли, долик, над которым я работал, представлял собой так называемую Дилемму Тамце — совершенно восхитительную загадку. Большинство моих коллег были склонны согласиться с мнением Гурхейзера, высказанным более пятидесяти лет назад, когда он нашел этот долик в Тамце. Гурхейзер заявил, что этот предмет не может быть доликом, потому что в нем отсутствует флирг-структура, но также не может быть и спиндфаром из-за присутствия в нем следовых количеств флирга. Следовательно, это сознательно созданный парадокс, и поэтому он должен классифицироваться как панфорг. Но, опять-таки, панфорг по определению не может существовать в Тамце...

Я задумался и вновь позабыл о реакции слушателей на эту проблему. Ах, если бы она оказалась иной, хотя бы по этому единственному вопросу... Как бы то ни было, выйдя из беноскопа в лаборатории Бандерлинга, я все еще размышлял о Дилемме Тамце. Психологически я был совершенно не подготовлен сделать из его нервозности очевидные заключения. Но даже если бы я их и сделал, то кто мог ожидать столь безумного поведения от Младшего Исследователя?

— Спасибо, Тертон,— кивнул он, и на его ожерелье звякнули побрякушки, которые физики считают необходимым носить постоянно.— Возьмите, пожалуйста, этот длинный стержень с поворотного столика и прижмитесь спиной к решетке. Вот так, правильно.

Нервно покусывая костяшки пальцев правой руки, он левой рукой щелкнул переключателем и замкнул реле. Затем повернул какое-то колесико на несколько делений, с сомнением нахмурился и вернул колесико в прежнее положение.

Находящийся передо мной поворотный столик — похожая на колесо конструкция, у которой вместо спиц были катушки резисторов, насаженная вместо оси на огромную мезотронную трубку,— слегка засветился и стал медленно вращаться. Прижатая к моим лопаткам решетка слегка завибрировала.

— А в том, что я делаю, нет ничего... опасного? — спросил я, облизнув губы и обведя взглядом лабораторию, забитую работающим оборудованием.

— Да что здесь может быть опасным? — небрежно бросил Бандерлинг, задрав короткую черную бородку.

Поскольку я этого не знал, то решил считать себя успокоенным, надеясь в этом процессе на помощь Бандерлинга, но он уже быстро перемещался по лаборатории, нетерпеливо поглядывая на шкалы приборов и щелкая переключателями.

Я почти позабыл и о неудобной позе, и о стержне, который продолжал держать, и погрузился в обдумывание средней части своей будущей статьи — той, где я намеревался доказать, что влияние Глл на поздний пегис было ничуть не меньшим, чем влияние Ткес,— но тут бухающий голос Бандерлинга нарушил мои мысли:

— Тертон, вы часто сожалеете о том, что живете в промежуточной цивилизации?

— Что вы имеете в виду — Темпоральное Посольство? — уточнил я. О взглядах Бандерлинга я был наслышан.

— Совершенно верно. Темпоральное Посольство. Как может наука жить и дышать под таким гнетом? Это же в тысячу раз хуже всех древних репрессий вроде инквизиции, засилья милитаризма или грантов на университетскую науку. То-то делать нельзя, потому что для этого придет время столетие спустя; то-то тоже делать нельзя, потому что социальный импульс от такого изобретения окажется слишком сильным для вашей эпохи; а вот то-то делать можно — сейчас у вас ничего не выйдет, но кто-то в будущем сумеет объединить ваши ошибки и создаст на их основе работающую теорию. Но к чему приведут все эти запреты и ограничения? На чью мельницу они льют воду?

— Ради максимального блага подавляющего большинства людей, максимально растянутого во времени,— четко процитировал я проспект Института.— Ради того, чтобы человечество могло непрерывно улучшать себя, переделывая прошлое на основе собственных исторических выводов и советов из будущего.

Он кивнул и презрительно фыркнул:

— А откуда нам это известно? Каков генеральный план тех якобы окончательных людей из якобы окончательного будущего, в котором уже нет темпорального посольства из еще более отдаленного периода? Одобрили бы мы этот план, или же...

— Но, Бандерлинг, мы бы его даже не поняли! Наш разум по сравнению с разумом тех людей покажется бесконечно примитивным — разве сумеем мы понять и оценить смысл их проектов? Кстати, никакого окончательного будущего, на мой взгляд, не существует, а цепочка темпоральных посольств выдает в прошлое цепочку последовательных советов, и советы каждого из них основываются на самом квалифицированном для данной эпохи анализе прошлого. Эта цепочка тянется в прошлое из постоянно улучшающегося будущего, и ей нет конца.

Я смолк, переводя дыхание.

— Но только не здесь. Только не в такой промежуточной цивилизации, как наша. В будущее эта цепочка может тянуться бесконечно, Тертон, но начинается она здесь. Мы никого не посылаем в прошлое; мы получаем приказы, но сами никому их не отдаем.

Я с любопытством наблюдал за тем, как Бандерлинг разглядывает мезотронную трубку, внутри которой мелькали зеленые искры. Затем он покрутил какие-то ручки настройки, и искры стали ярче и гуще. В Институте его всегда считали немного бунтарем — правда, ни в коем случае не настолько запущенным, чтобы отправить на Перенастройку,— но ведь знал же он, несомненно, что Темпоральное Посольство, взяв нашу эпоху под контроль, первым делом посоветовало организовать наш Институт? Поэтому я решил, что на его логические способности повлияли сегодняшние трудности с оборудованием. Мои мысли потихоньку вернулись к более важным темам вроде проблем спиндфара, и мне все больше и больше хотелось, чтобы Бандерлинг забрал у меня свой дурацкий стержень и я смог снять с ожерелья свой флирглефлип.

Мне не очень-то верилось, что Дилемма Тамце может оказаться спиндфаром. Но я внезапно понял, что такое возможно, потому что флирг...

— Мне велели прекратить работу над подавителем излучения,— прервал мои мысли угрюмый голос физика.

— Вы имеете в виду — над этой машиной? — довольно вежливо уточнил я, скрывая раздражение, вызванное как его вмешательством, так и тем, что в помещении внезапно стало весьма жарко.

— Гм-м. Да, над этой машиной.— Он на секунду отвернулся, взял модифицированный беноскоп и поставил его передо мной.— Разумеется, Темпоральное Посольство лишь посоветовало мне остановить работу. Совет был направлен администрации Института, а она облекла его в форму приказа. Не приводится никаких причин, вообще ничего.

Я сочувственно хмыкнул и переместил вдоль стержня вспотевшие ладони. Вибрации решетки уже натерли мне на спине мозоли в клеточку, а мысли о том, что меня вовлекли в эксперименты на запрещенном оборудовании, особенно в то время, когда я мог бы плодотворно исследовать долик, спиндфар и даже панфорг, сделали меня почти патологически необщительным от нетерпения.

— Почему? — драматически воскликнул Бандерлинг, воздевая ладони.— Что в моем устройстве такого, из-за чего мне ультимативно приказали прекратить над ним работу? Верно, я смог бы снизить скорость света наполовину, а внутри этой трубки и еще больше, возможно даже, до нуля. Неужели подобный прирост человеческих знаний кажется вам опасным, Тертон?

Я обдумал его вопрос и был рад совершенно искренне ответить, что не кажется.

— Однако,— напомнил я ему,— существуют и другие примеры вмешательства в научные проекты. Вот вам один из них. Имеется долик, совершенно странным образом флирганутый, но явно продукт культуры Среднего Рла в эпоху своего расцвета. Однако не успел я обстоятельно подтвердить его рланское происхождение, как меня вызвали...

— Да какое отношение ваши идиотские хреновины имеют к скорости света? — взорвался Бандерлинг.— Но я скажу вам, Тертон, почему мне приказали прекратить работу над подавителем излучения после одиннадцати лет напряженнейших исследований. Эта машина — ключ к путешествиям во времени.

Я мгновенно позабыл о нанесенном мне оскорблении и уставился на Бандерлинга:

— Путешествиям во времени? Значит, вы их открыли? И мы теперь сможем отправить в прошлое свое Темпоральное Посольство?

— Нет. Мы подошли к черте, за которой стали возможны путешествия во времени, и теперь мы могли бы отправить посольство в прошлое. Но нам это не позволят сделать! Вместо этого мне приказали забросить работу над подавителем излучения, чтобы лет, скажем, через сто, когда Посольство это одобрит, какой-нибудь другой физик построил машину, пользуясь моими записями и результатами,— и попал в историю как изобретатель путешествий во времени.

— Но вы уверены, что это именно путешествия во времени? А вдруг это всего лишь...

— Разумеется, уверен. Разве не измерял я интервалы задержки после появления первых признаков электромагнитного демпфирования? Разве не потерял две мезотронные трубки, пока не настроил реверсное поле на оптимум? И разве не повторил то, что произошло с трубками, на пятнадцати кроликах, ни один из которых не вернулся? Нет, Тертон, это самое настоящее перемещение во времени, и мне приказано прекратить работу. Официально.

Его тон меня смутил.

— Что значит «официально»?

Бандерлинг поднес универсальное ожерелье к экрану беноскопа и подержал, пока экран не запульсировал.

— Официально — значит... Тертон, вы не могли бы приподнять стержень к груди? Чуть выше. Прекрасно. Еще немного, и все будет настроено. Предположим, кто-то из настоящего времени будет послан в прошлое — чисто случайно. Тогда путешествие во времени станет свершившимся фактом, верно? А человек, построивший машину, станет ее признанным изобретателем, несмотря на все козни Темпорального Посольства. И это вызовет цепную реакцию во всей структуре времени, до мельчайшей его завитушки.

Несмотря на жару в лаборатории, я вздрогнул.

— Вызовет,— согласился я.— Если отыщется идиот, который на такое решится. Однако неужели вы всерьез полагаете, что ваш подавитель излучения способен отправить человека в прошлое и вернуть его обратно?

Когда беноскоп запульсировал с оптимальной частотой, физик отложил ожерелье.

— Мое оборудование не сможет обеспечить возврат. Но об этом позаботится Темпоральное Посольство. Ведь даже у них в цивилизации, предшествующей нашей, действуют только эмиссары — опытные оперативники, действующие тайно и с большим трудом производящие необходимые изменения в культурной эволюции, но так, чтобы не обрушить на примитивов Темпоральный Апокалипсис. Любого человека из нашего времени, случайно попавшего в предшествующий период, немедленно вернут обратно. А поскольку в промежуточных цивилизациях вроде нашей Темпоральное Посольство позволяет себе только функции советников, такого невольного путешественника вернут живым и намекнут Администрации, что ему следует каким-то образом заткнуть рот. Но независимо от того, что случится потом, секрет уже выйдет наружу, а моя миссия будет

завершена. Администрация, скорее всего, пожмет своими бюрократическими плечами и решит признать существование путешествий во времени и связанный с ними статус Развитой Цивилизации. Когда дело будет сделано, Администрация возражать уже не станет. По темпоральным посольствам на пару миллионов лет вперед рикошетом прокатится раздражение, но им придется пересмотреть свои планы. И хватка, какой они держат историю, ослабеет.

Я представил эту картину. Восхитительно! Представил, как можно одним махом решить Дилемму Тамце, увидев собственными глазами ее появление на свет! А какие фантастические новые знания мы обретем о самих флирглерах! Мы ведь так мало о них знаем. Меня особенно заинтересовало бы родство панфорга с...

К несчастью, мечты так и останутся мечтами. Подавитель излучения Бандерлинга будет запрещен. Завтра он уже не будет над ним работать. Путешествия во времени откроют в другом столетии. Я уныло прижался спиной к решетке.

— Готово, Тертон! — радостно завопил физик.— Система проходит через оптимум! — Он подхватил универсальное ожерелье и поднес его к экрану беноскопа.

— Я рад, что она снова заработала,— отозвался я.— От этой решетки у меня вся спина болит. Бандерлинг, мне надо продолжить собственные исследования.

— Не забывайте, чему вас учили,— предупредил он.— Держите глаза открытыми и тщательно запоминайте все, что увидите, пока вас не подберут. Подумайте, сколько ученых из вашего крыла Института отдали бы все, лишь бы оказаться на вашем месте, Тертон!

— На моем месте? Помогая вам? Ну, не знаю...

И тут с поворотного столика на меня обрушился яркий зеленый свет; стержень словно вплавился мне в грудь, а решетка растворилась в напрягшейся спине. Завеса раскаленного воздуха до неузнаваемости исказила черты лица Бандерлинга. На голову мне вылилось ведро пронзительных звуков, от которых лопались барабанные перепонки. Мысли в голове ошеломленно застыли. Нечто огромное и непреодолимое мощно обрушилось на меня и проткнуло оболочку сознания. Не осталось ничего, кроме воспоминания об ухмылке Бандерлинга.

И мне стало холодно. Очень холодно.

Я стоял в каком-то нелепом каменном проходе-переулке, изумленно разглядывая сцену из Марка Твена, Вашингтона Ирвинга или Эрнеста Хемингуэя — во всяком случае одного из авторов *того* периода. Каменные здания были небрежно расставлены повсюду, словно только что обнаруженная залежь спиндфара, мимо меня во всех направлениях ползли шумные металлические экипажи, люди шагали по приподнятым каменным дорожкам вдоль уродливых невысоких зданий. К ногам у них были плотно пришнурованы куски кожи, а тела обмотаны повязками из самых разнообразных тканей.

Но первое, что я заметил, был холод. Подумать только, в городе не было даже кондиционированного воздуха! Вскоре я неудержимо трясся от холода и вспоминал когда-то увиденный рисунок: уличный бродяга, замерзающий на такой же улице. Средневековый Нью-Йорк. Кажется, период с 1650 по 1980 год.

Мне внезапно вспомнились последние мгновения, проведенные в лаборатории. Я все понял и поднес к лицу кулаки.

— Бандерлинг! — заорал я на них.— Бандерлинг, ты болван!

В тот раз, насколько мне помнится, я впервые употребил эпитет, ставший для меня привычным. Позвольте мне его все же повторить, потому что он рвался из сердца и моего скованного холодом тела: болван! Болван!

Где-то завизжала женщина. Я обернулся и увидел, что она смотрит на меня. Другие люди, смеясь, показывали на меня пальцами. Я нетерпеливо отмахнулся от них, уныло опустил голову и попробовал вновь задуматься над затруднительным положением, в котором оказался.

И тут я вспомнил.

Я не знал точно, в каком году оказался, но у всех этих древних цивилизаций была одна общая особенность: фетиш одежды и суровое наказание для тех, кто им пренебрегал.

Естественно, для этого имелись причины. Я не был уверен, какая из них наиболее важна именно здесь. Например, в этом районе явно не было термостатического контроля атмосферы, а из четырех древних времен года здесь сейчас было третье, холодное.

На приподнятой цементной полоске собралась жестикулирующая группа разглядывающих меня туземцев. Массивный тип в синем одеянии с болтающимся на боку примитивным оружием протолкался сквозь толпу и решительно направился ко мне.

— Эй, придурок,— произнес он (приблизительно).— Ты чего это тут устроил, а? Бесплатное представление? А ну, поди сюда!

Я уже упомянул, что передаю его слова приблизительно. Уж очень я испугался этого дикаря.

Я попятился, развернулся и побежал. Тип помчался за мной следом. Я рванул быстрее, он тоже.

— Поди сюда! — ревел голос за спиной.— Я сказал, поди сюда!

Угодил ли я в ту эру, когда тех, кто нарушал дебильные общественные эдикты, сжигали на костре? Я этого вспомнить не мог, но пришел к выводу, что мне позарез требуется укрытие, где я смог бы обдумать свои последующие действия.

Я обнаружил такое укрытие в темном углу переулка, когда мчался галопом мимо очередного здания. Большой металлический контейнер с крышкой.

В тот момент никого рядом со мной не оказалось. Я нырнул в переулок, снял крышку, прыгнул в контейнер и успел накрыться как раз в тот момент, когда в переулок с пыхтением вбежал мой преследователь.

Какой невероятно варварский период! Этот контейнер... Ужас, просто ужас...

Я услышал, как пара ног протопала по переулку, затем вернулась. Через некоторое время в переулок вошли еще несколько туземцев.

— Ну, так куда он делся?

— Сержант, кажется, он сбег через энту девятифутовую ограду в том конце. Ей-ей, клянусь, он свернул сюда, клянусь!

— Значит, старикан сиганул через решетку, Гаррисон?

— Уж больно он прыткий для старикана, даже ежели он и дегенерат. Заставил меня побегать.

— Он тебя надул, Гаррисон. Этот тип, наверное, сбежал из лечебницы или еще откуда. Так что лучше тебе его отыскать, пока он не затерроризировал всю округу.

Шаги удалились и стихли.

Я пришел к выводу, что мое временное спасение теперь уравновесилось вниманием, которое я привлек к своей персоне со стороны верхнего эшелона городских властей. Я отчаянно, но безнадежно пытался вспомнить все, что знал о земной истории. Каковы были функции сержанта? Увы... В конце концов, я изучал это шестьдесят лет назад...

Несмотря на существенный обонятельный дискомфорт, контейнер я покинуть не мог. Необходимо выждать, пока преследователи прекратят погоню, а тем временем нужно составить план.

В общем, я знал, как мне следует поступить. Мне необходимо каким-то образом отыскать эмиссара Темпорального Посольства и потребовать возвращения в свое время. Но прежде чем отправиться на его поиски, мне нужно раздобыть столь стандартную вещь, как одежда.

А как люди в том периоде получали одежду? Через натуральный обмен? Грабеж? Правительственные купоны за работу? Ткали материю дома? А все Бандерлинг со своей идиотской идеей

о том, что моя специальность окажется полезной в таком мире! Каков болван!

Неожиданно крышка контейнера поднялась. На меня уставился высокий юноша с тонкими и приятными чертами лица.

— Можно войти? — вежливо спросил он, постучав по крышке.

Я гневно взглянул на него снизу вверх, но промолчал.

— Копы ушли, папаша,— продолжил он.— Но я бы на твоем месте пока не вылезал — в такой-то одежке. Если ты мне все о себе расскажешь, я в долгу не останусь.

— Кт-то т-ты такой? И чего ты хочешь?

— Джозеф Бернс, бедный, но честный журналист.— Он на мгновение задумался.— Ну уж бедный точно. Я готов выслушать все, что ты мне скажешь. Когда за тобой погнался коп, я был в толпе на тротуаре и побежал следом. Ты не похож на тех психов, что разгуливают по улицам, выставляя напоказ свою блистающую наготу. Когда я добежал до переулка, то уже слишком устал, чтобы и дальше следовать за представителями закона и порядка. Поэтому я прислонился к стеночке отдышаться и заметил мусорник. И догадался, что ты там.

Я топтался на мягкой вонючей массе и ждал продолжения.

— Многие,— заговорил он вновь, рассеянно теребя губу и поглядывая в сторону улицы,— многие спросили бы меня: «Джо Бернс, а что, если он не псих? А вдруг он просто проигрался в пух и прах, играя в покер на раздевание?» Что ж, иногда эти многие оказываются правы. Но есть тут одна мелочь — я вроде бы своими глазами видел, как ты возник ниоткуда посреди улицы. Вот что меня волнует, папаша. Так было это или нет?

— И что ты сделаешь с информацией?

— Смотря какой она окажется, папаша, смотря какой. Если в ней будет изюминка, если...

— Например, если я скажу, что прибыл из будущего?

— И сможешь это доказать? В таком случае твои имя и фото появятся на первой полосе самой низкой, грязной и брехливой газетенки во всей этой стране. Я имею в виду то блистательное издание, на которое работаю. Скажи честно, папаша, ты действительно прибыл из будущего?

Я быстро кивнул и задумался. Можно ли отыскать лучший способ привлечь внимание темпорального эмиссара, чем дать ему понять через посредничество важного публичного источника информации, что я могу выдать его присутствие в этой эпохе? Что я могу уничтожить секретность Темпорального Посольства в допромежуточной цивилизации? Меня сразу же начнут отчаянно искать и вернут в родное время.

Вернут к научным исследованиям, к долику и спиндфару, к панфоргу и Дилемме Тамце, в мою тихую лабораторию к восхитительной статье о гллианском происхождении флиргструктуры позднего пегиса...

— Я могу это доказать,— быстро произнес я.— Но я не вижу в подобной ситуации выгоды для тебя. Поместить мое имя и фото, как ты предложил...

— Не напрягай по этому поводу свою прелестную седую тыкву. Если Джозефу Бернсу подвернется парень из будущего, он сумеет сплясать с ним газетное танго как полагается. Но сперва тебе надо выбраться из этой жестянки. А чтобы выбраться, тебе нужна...

— Одежда. Откуда вы берете одежду в этой эпохе?

Он почесал нижнюю губу:

— Говорят, в этом могут помочь деньги. Как ты понимаешь, это не самый главный, но один из важных факторов в этом процессе. У тебя нет при себе парочки странных банкнот? Гм, разумеется, нет, если ты только не сумчатый, как кенгуру. Я мог бы одолжить тебе деньги.

— Вот и прекрасно...

— Да только одна загвоздка — много ли купишь при нынешней инфляции на доллар двадцать три? Давай признаем откровенно, папаша: немного. А заплатят мне в редакции лишь послезавтра. Кстати, если Фергюсон не увидит ценности в моем материале, то мне не удастся даже впихнуть твой рассказ на страницы этого брехливого листка. А за одним из моих костюмов идти тоже смысла нет.

— Почему? — Словесный поток сверху и мусор внизу весьма угнетающе подействовали на мои мыслительные способности.

— Во-первых, потому что до моего возвращения тебя могут уволочь в психушку и посадить на витаминчики для придурков. Во-вторых, ты пошире меня в плечах и намного ниже. Ты ведь не захочешь привлечь к себе внимание, выйдя на улицу, где кишат копы, а в моем костюмчике ты его точно привлечешь. Добавь ко всему тот факт, что храбрые ребята в синем могут в любой момент вернуться и вновь обыскать переулок... Трудная ситуация, папаша, очень трудная. Можно сказать, безвыходная.

— Ничего не понимаю,— нетерпеливо начал я.— Если бы в моем времени появился путешественник из будущего, я без всяких усилий сумел бы помочь ему приспособиться к социальным требованиям. Такая мелочь, как одежда...

— Не мелочь, вовсе не мелочь. Сам же видел, как всполошились силы закона и порядка. А ну-ка! Эта штучка в форме молотка у тебя на ожерелье, она, часом, не серебряная?

С трудом согнув окоченевшую шею, я взглянул вниз. Парень показывал на мой флирглефлип. Я снял его и протянул парню:

— Он вполне мог быть серебряным до того, как его атомную структуру изменили для флиргования. А что, серебро имеет какую-то особую ценность?

— Такая куча серебра? Еще как имеет, клянусь надеждой получить Пулитцеровскую премию! Ты можешь с ним расстаться? За него можно получить подержанный костюм, да еще на половинку пальто хватит.

— Что ж, я смогу в любой момент потребовать новый флирглефлип. А для самых важных флиргований я в любом случае пользуюсь большим институтским. Конечно, бери его.

Он кивнул и накрыл мусорник крышкой. Я услышал, как его шаги удаляются. После долгого ожидания, во время которого я сочинил несколько на удивление цветастых фраз в адрес Бандерлинга, крышка вновь поднялась, и мне на голову свалилось несколько предметов одежды из грубой синей ткани.

— Пират в лавочке подержанных вещей дал мне всего пару долларов за твою штучку,— сообщил Бернс, пока я одевался.— Пришлось обойтись рабочей одеждой. Эй, застегни эти пуговицы, пока не вылез. Нет, эти. *Застегни* их. Эх, дай я сам...

Облачившись должным образом в одежду, я вылез из мусорника, натянул на окоченевшие ноги ботинки и дал репортеру завязать шнурки. Ботинки — это те самые кожаные обмотки, что я заметил у других. Для завершения столь поразительно анахроничного облика в руку так и просился грубый кремневый топор.

Ну, может, и не кремневый топор. Но примитивное оружие вроде ружья или арбалета вполне подошло бы. Облачиться с ног до головы в растительные волокна и шкуры животных! Тьфу!

Бросая по сторонам нервные взгляды, Бернс взял меня за руку и отвел в скверно вентилируемое подземное помещение, а там затолкал в чрезвычайно длинное и уродливо разделенное на секции средство передвижения — подземный поезд.

— Я вижу, что здесь, как и повсюду в вашем обществе, выживают лишь наиболее приспособленные.

Бернс покрепче ухватился за чье-то плечо и поудобнее расположил подошвы на пальцах ног другого туземца.

— Почему?

— Те, у кого не хватает сил протиснуться в вагон, вынуждены оставаться на прежнем месте или полагаться на еще более примитивные средства передвижения.

— Ну, папаша,— восхищенно отозвался он,— ты просто клад. Когда станешь разговаривать с Фергюсоном, чеши языком именно в таком духе.

После довольно долгого периода мучений и неудобств мы выбрались из поезда — похожие на две выжатые кисти винограда — и ногтями и локтями пробились на улицу.

Я вошел вслед за репортером в разукрашенное здание и вскоре встал рядом с ним возле почтенного пожилого господина, который сидел в маленькой комнатке, погруженный в задумчивое молчание.

— Как поживаете, мистер Фергюсон? — немедленно начал я, потому что оказался приятно удивлен.— Я чрезвычайно рад обнаружить в начальнике мистера Бернса то интеллектуальное родство, о котором я почти...

— Заткнись! — яростно прошептал мне в ухо Бернс, когда пожилой господин испуганно прижался к стенке.— Ты его насмерть перепугаешь. Четвертый этаж, Карло.

— Слушаюсь, мистер Бернс,— пробормотал Карло и дернул черную ручку. Комнатка вместе с нами поползла вверх.— Ну и странных же типов вы с собой приводите. Самых что ни на есть *типов*.

Редакция газеты оказалась невозможным столпотворением людей, носившихся во всех направлениях в различных стадиях нервного возбуждения среди множества бумаг, столов и примитивных пишущих машинок. Джозеф Бернс усадил меня на деревянную скамью и скрылся за дверью застекленного офиса, совершая на пути к нему ритуальные помахивания рукой и выкрикивая фразы вроде: «Привет тим, здорово джо, как поживаешь эйб».

После продолжительного ожидания, во время которого мне едва не стало дурно в атмосфере пота и безумной суматохи, он вышел вместе с коротышкой в рубашке с короткими рукавами. Левый глаз у коротышки подергивался.

— Это он? — спросил коротышка.— Угу. Что ж, звучит неплохо, не скажу, что это звучит плохо. Угу. Он знает, что должен придерживаться своей брехни о будущем, как бы его ни старались раскусить, а если даже его и раскусят, то никто не узнает, что мы в этом замешаны? Ему это известно, верно? И вид у него что надо — уже не молод и вполне смахивает на чокнутого профа. Смотрится неплохо во всех отношениях, Бернс. Угу. Угу, угу.

— Погодите, пока не услышите его рассказ,— вмешался репортер.— Это такая песня, Фергюсон!

— Я не уверен в своих вокальных способностях,— холодно сообщил я.— Не могу скрыть разочарования, потому что первые же значимые личности этой допромежуточной цивилизации,

которым предстоит услышать последовательный рассказ о моем происхождении, упорно несут всякую идиотскую чушь...

Левое веко коротышки нетерпеливо дернулось:

— Засунь в жестянку этот бесплатный треп. Или прибереги его для Бернса: он его слопает. Слушай, малыш Джои, нам подвернулась конфетка. Угу. Два дня до начала Всемирной серии, а во всем городе даже не пахнет жареными новостями. Можно пустить его на первую полосу, и даже не один раз, если начнется громкий шухер. О дойке я позабочусь сам — обложим твою байку обычным трепом парней из университетов и научных обществ. А ты пока хватай своего как-там-его...

— Тертон,— отчаянно произнес я.— Мое имя, естественно...

— Тертон. Угу. Отволоки своего Тертона в хороший отель, упакуй в достойный прикид и начинай раскручивать его на байку. Никуда его не выпускай до утра, пока по городу не разойдется чудесный запашок сенсации. До утра, понял? Привози его утром, и у меня уже будет наготове куча придурков, готовых поклясться, что он псих, и еще куча тех, кто со слезами на глазах будет вопить, что он нормальный, а каждое его слово есть правда. Но перед уходом щелкни его пару раз.

— Конечно, Фергюсон. Только одна загвоздочка: копы смогут опознать в нем парня, что бегал нагишом по улицам. Он клянется, что в его времена никто не носит одежду. Но мы и глазом моргнуть не успеем, как департамент полиции упрячет его в психушку.

— Дай-ка мне пораскинуть мозгами.— Фергюсон принялся ходить вокруг нас кругами, почесывая нос и подергивая веком.— Тогда мы разыграем убойный вариант. Наповал. Угу, наповал. Выясни, кем он работает — то бишь работал... то бишь будет работать... угу... а я отыщу парочку спецов из той же области, и они подтвердят, что он в точности такой же спец, как и они, только тыщу лет спустя.

— Секундочку,— изумился я.— Тысяча лет — фантас...

Веко Фергюсона дернулось.

— Тащи его отсюда, малыш Джои,— буркнул он.— Это твоя работа. А у меня своей по горло.

Лишь в номере отеля мне удалось выразить репортеру свое крайнее отвращение непрошибаемым идиотизмом его культуры. А также его поведением перед Фергюсоном. Ведь он вел себя так, словно разделял его мнение!

— Не бери в душу, папаша,— ответил юноша, небрежно вытягивая ноги над боковиной дивана с яркой обивкой.— Давай избегать горечи и упреков. Давай проживем хоть два дня в роскоши и гармонии. Конечно, я тебе верю. Но необходимо со-

блюсти кое-какие правила. Если Фергюсон заподозрит, что я хоть кому-нибудь и когда-нибудь поверил, особенно типу, который бродил голышом по Мэдисон-авеню в час пик, то мне придется искать работу не просто в другой газете, а вообще сменить профессию. Кстати, ведь тебя заботит только одно — привлечь внимание кого-нибудь из темпоральных эмиссаров. А для этого, как ты считаешь, необходимо пригрозить им разоблачением, поднять скандал. Поверь мне, папаша, в наше время можно поднять такой скандал, что про тебя узнают даже эскимосы, мирно ловящие рыбку возле Гренландии. А австралийские бушмены отложат бумеранги и начнут друг друга спрашивать: «Ну что там новенького про Тертона?»

Поразмыслив, я с ним согласился. Болван Бандерлинг вышвырнул меня, словно старую перчатку, и теперь мне надо приспосабливаться к обычаям этой дурацкой эпохи.

Когда Бернс кончил меня расспрашивать, я устал и проголодался. Он заказал обед в номер, и я, несмотря на отвращение к скверно приготовленной еде в негигиеничной посуде, набросился на нее, едва передо мной поставили тарелки. К моему удивлению, вкусовые ощущения оказались довольно приятными.

— Когда кончишь набивать брюхо калориями, тебе лучше сразу отправиться на боковую,— посоветовал Бернс, что-то печатая на машинке.— Ты сейчас похож на бегуна на стометровку, пытающегося обойти всех на марафонской дистанции. Совсем тебя загоняли, папаша. Когда я кончу статью, отнесу ее в контору. Ты мне сегодня больше не нужен.

— Факты достаточны и удовлетворительны? — зевнул я.

— Не вполне достаточны, но весьма удовлетворительны. И достаточно хороши, чтобы подарить Фергюсону пару счастливых отрыжек. Жаль только... Вот, например, что делать с датой? Это здорово нам помогло бы.

— Ну,— сонно пробормотал я,— мне больше по душе 1993.

— Нет. Мы это уже обсуждали со всех сторон. Ладно, там видно будет. Давай спи, папаша.

Когда мы с Бернсом вошли в редакцию, состав ее обитателей существенно изменился. Целая секция огромного помещения была отгорожена канатами, а вдоль них через равные интервалы были расставлены плакатики «ТОЛЬКО ДЛЯ УЧЕНЫХ». Между ними виднелись другие с приветствиями «гостю из 2949 года», объявляющие, что «"Нью-Йоркские фанфары" салютуют далекому будущему», и совсем маленькие плакатики на тему «Рукопожатия через поток времени» и «Прошлое, настоящее и будущее едины и неотделимы от свободы и справедливости для всех!».

В отгороженном канатами загончике толпились пожилые господа. Именно к ним меня то ли подвели, то ли подтолкнули. Ослепительно засверкали вспышки целой бригады фотографов, одни из которых лежали на полу, другие сутулились на стульях, а третьи и вовсе свисали с каких-то напоминающих трапеции конструкций, подвешенных к потолку.

— Все уже кипит и бурлит, малыш Джои,— заявил Фергюсон, проталкиваясь к нам и вручая репортеру несколько газетных страниц с еще свежей краской.— Одни говорят, будто он псих, другие — что он оживший пророк Нехемия, но все в городе раскупают газету. До Всемирной серии еще полных два дня, а у нас уже есть полновесная байка. Другие газетенки бегают вокруг, высунувши языки, и желают примазаться — так пусть поцелуют мою мусорную корзину. Приятная байка, угу, и подача классная. Мне пришлось попыхтеть, пока я нашел парочку археологов, готовых поклясться, что Тертон из их гильдии, но Фергюсон никогда не подкачает — и я их нашел.— Левое веко Фергюсона на мгновение перестало дергаться, и он прищурился.— Но помни,— хрипло пробурчал он, усаживая меня на стул,— сейчас никаких закидонов и фокусов. И никакого вранья, понял? Угу. Правильно. Главное, держись за свою байку сегодня и завтра, и мы тебе нашинкуем охапку издательской капусты. Если у тебя хорошо получится, может, протянешь еще первые две-три игры Всемирной серии. Так что держись за свою байку — ты прибыл из будущего и больше ничего не знаешь. Угу, и держись подальше от фактов!

Когда он хлопнул в ладоши, призывая к вниманию собравшихся ученых, Джозеф Бернс уселся рядом со мной.

— Извини за осложнения с археологами, папаша. Но не забудь, что моя статья была сильно отредактирована. То, что ты мне рассказал, попросту не очень хорошо смотрится на бумаге. «Марсианский археолог» звучит куда понятнее для читателей. И на твоем месте я бы воздержался от подробных описаний своей профессии. Только новые вопросы появятся.

— Но «марсианский археолог» — это совершенно неверно!

— Да брось, папаша. Неужели ты забыл, что твоя главная цель — привлечь внимание, причем достаточно серьезное, чтобы тебя сочли опасным болтуном и вернули в свое время? А теперь посмотри-ка незаметно по сторонам. Много внимания, верно? Вот так его и надо привлекать: огромными заголовками и сенсационными статьями.

Я еще обдумывал ответ, когда заметил, что Фергюсон закончил представлять меня ученым — почти все они слегка улыбались.

— Угу, и вот он перед вами! Тертон, человек из невероятно далекого будущего. Он сам поговорит с вами, ответит на все ваши вопросы. Однако «Нью-Йоркские фанфары» просят, чтобы вопросы были краткими и немногочисленными; но это лишь первый день, господа. В конце концов, наш гость устал после своего долгого и опасного путешествия сквозь время!

Едва я встал, на меня посыпались вежливые вопросы:

— Из какого года вы, по вашему утверждению, прибыли, господин Тертон? Или же 2949 год — правильная дата?

— Совершенно неправильная,— заверил я.— Настоящая дата, если ее перевести с Октетного календаря, которым мы пользуемся... Черт, по *какой же* формуле переводятся даты из Октетного?..

— Можете ли вы объяснить конструкцию ракетного двигателя своей эпохи? — спросил кто-то, когда я глубоко и безнадежно увяз в незнакомой методологии календарной математики.— Вы упоминали межпланетные полеты.

— И еще межзвездные,— добавил я.— И *межзвездные*. Только мы не пользуемся ракетами. Мы применяем сложный метод реактивного движения под названием «распределение космического давления».

— И в чем его суть?

Я раздраженно кашлянул:

— Это нечто такое, к чему я, боюсь, не проявлял ни малейшего интереса. Насколько мне помнится, он основан на «теории недостающего вектора» Кучгольца.

— А что такое...

— «Теория недостающего вектора» Кучгольца,— твердо заявил я,— это единственное, что привлекало мой интерес еще меньше, чем принципы распределения космического давления.

Так оно и продолжалось, от тривиальности к тривиальности. Эти примитивные, хотя и доброжелательные дикари, живущие в самом начале эпохи специализации, не могли даже представить, насколько поверхностным было мое образование за пределами избранной специальности. Уже в их времена микроскопических знаний и рудиментарных операционных устройств человеку было трудно усвоить хотя бы общие понятия всей совокупности знаний. Насколько же труднее сделать это в мою эпоху, пытался я им втолковать, когда на каждой из обитаемых планет имеется, например, своя биология и социология. К тому же прошло так много лет с тех пор, как я изучал элементарные науки. Я так много позабыл!

Про наше правительство (как они это назвали) вообще оказалось почти невозможно объяснить. Ну как можно продемонстрировать дикарям из двадцатого столетия девять уровней социальной ответственности, с которыми экспериментирует каждый ребенок еще до достижения совершеннолетия? Как можно пояснить «легальный» статус столь фундаментального прибора, как законотолкователь? Возможно, какой-нибудь мой современник, хорошо знакомый с племенной спесью и предрассудками этого периода, и смог бы, пользуясь грубыми параллелями, объяснить им основы таких понятий, как общественный индивидуализм или брачные союзы на основе нейронной структуры,— но только не я. Я? Насмешки звучали все громче, и у меня появлялось все больше поводов проклинать Бандерлинга.

— Я специалист! — крикнул я ученым.— Чтобы меня понять, нужен другой специалист из той же области.

— Да, вам нужен специалист,— подтвердил, поднявшись из заднего ряда, человек средних лет в коричневой одежде.— Но только не из вашей области, а из моей. Психиатр.

Прогремел согласный смех. Фергюсон нервно поднялся, а Джозеф Бернс быстро подошел ко мне.

— Это тот самый? — спросил психиатр у человека в синем, только что вошедшего в редакцию. Я узнал своего вчерашнего преследователя. Тот кивнул:

— Он самый. Бегал по улицам голышом. Его нужно устыдить. Или посадить. А что выбрать — ей-ей, не знаю, честно.

— Минуточку! — выкрикнул кто-то из ученых, когда Фергюсон откашлялся, собираясь ответить.— Мы уже и так потратили много времени, так давайте хотя бы проверим то, что он заявляет о своей специальности. Какая-то археология — марсианская археология, не меньше.

Наконец-то. Я набрал в грудь воздуха.

— Не марсианская археология,— начал я.— И вообще не *археология*.— Это придурок Бандерлинг счел меня археологом! Бернс за моей спиной простонал и обессиленно плюхнулся на стул.— Я флирглефлип. Флирглефлип — это тот, кто флиргает флипы при помощи флирглефлипа.

Все присутствующие громко ахнули.

Я долго рассказывал о своей профессии. Как поначалу доliки и спиндфары, обнаруженные в песках Марса, считались не более чем геологическими анахронизмами, как первый панфорг использовался в качестве пресс-папье. Рассказал о Кордесе и том историческом, почти божественном происшествии, кото-

рое позволило ему наткнуться на принцип флирглефлипа; как Гурхейзер довел его до совершенства и может по праву считаться отцом-основателем профессии. О том, как перспективы, открывшиеся в облике флирг-структур, были идентифицированы и систематизированы. О непередаваемой красоте, созданной расой настолько древней, что даже живущие ныне марсиане ничего о ней не знают, и ставшей частью культурного наследия человечества.

Я рассказал об общепринятой теории, касающейся природы флиргеров: они были формой энергии, некогда присущей разумным существам красной планеты, и сохранились ныне лишь в качестве флирг-структур, примерно соответствующих нашей музыке или необъективистскому искусству; будучи формами энергии, они оставили постоянные энергетические следы во всех видах связанных с ними материальных артефактов — доликах, спиндфарах и панфоргах. Я с гордостью поведал, как еще в раннем возрасте решил посвятить себя исследованию флирг-структур, как создал систему, использующую современные марсианские географические названия, для обозначения мест, где находили артефакты, рассеянные по всей поверхности планеты. Затем скромно упомянул о своем открытии истинно контрапунктальной флиргструктуры в некоторых доликах — что принесло мне должность Полного Исследователя в Институте. Сообщил и о будущей статье «Гллианское происхождение флирг-структуры позднего пегиса» и столь увлекся описанием всех нюансов Дилеммы Тамце, что мне даже показалось, будто я выступаю с лекцией в Институте, а не сражаюсь за установление собственной личности.

— Знаете,— услышал я чей-то голос неподалеку,— все это звучит почти логично. Так, будто все это существует на самом деле.

— Подождите! — встрепенулся я.— Ощущение флирг-структуры невозможно описать словами. Вы должны сами его прочувствовать.— Я распахнул грубую ткань верхнего предмета своей одежды и извлек ожерелье.— Вот, можете сами исследовать так называемый долик Дилеммы Тамце при помощи моего флирглефлипа. Ощутить...

И я запнулся. Я совсем позабыл, что в ожерелье больше не было флирглефлипа!

Тут же вскочил Джозеф Бернс:

— Флирглефлип господина Тертона был обменен на одежду, которая сейчас на нем. Я сейчас схожу и выкуплю его.

Я с благодарностью проследил за ним взглядом, когда он проталкивался сквозь толпу изумленных ученых.

— Слушай, парень,— прошипел Фергюсон,— тебе надо что-то сделать, и побыстрее. Этот Бернс далеко не гений: он вполне может и не выкрутиться из этой ситуации. Тут есть спец по пришельцам — угу, вот именно, по пришельцам,— так он тебя быстренько поселит в комнате с мягкими стенами, если ты не придумаешь что-нибудь новенькое. Впечатление ты произвел хреновое, и все наши люди прикусили языки. Побаиваются за свою репутацию.

Один из ученых помоложе попросил ожерелье для осмотра. Я протянул его, не снимая долика. Ученый осмотрел и ожерелье, и долик, поскреб ногтем и вернул их мне.

— Это ожерелье... э-э... оно то самое, при помощи которого вы, по вашему утверждению, способны телепортироваться в любое место на Земле?

— Через беноскоп,— уточнил я.— Нужны еще беноскоп-передатчик и беноскоп-приемник.

— Понятно. А насчет этого маленького предмета, который вы назвали... гм-м... доликом, Дилеммой Мацы или что-то в этом роде. Господа, как вам известно, я химик. Я убежден, что это ожерелье — и химический анализ лишь подтвердит мой вывод — есть не что иное, как кусочки очень гладко отшлифованного стекла.

— Его атомная структура изменена для взаимодействия с беноскопом, болван вы этакий! Если атомная структура материала изменена, то сам материал не имеет значения.

— Зато долик,— продолжил химик,— марсианский долик и в самом деле сокровище. Нечто уникальное. О да! Потертый кусочек красного песчаника, который средней руки геолог за пятнадцать минут отыщет вам почти в любом месте на Земле. Кусочек песчаника, господа!

Поднялся такой шум, что я долго не мог продолжать. К сожалению, я вышел из себя. Сама мысль о том, что кто-то называет Дилемму Тамце кусочком старого песчаника, едва не свела меня с ума. Я стал громко обвинять присутствующих в невежестве, ограниченности и недостатке знаний, но меня остановил Фергюсон.

— Лучше тебе отсюда смотаться,— прошептал он.— У тебя сейчас пена изо рта пойдет. Угу, и вспомни, что никому не станет лучше, если тебя увезут отсюда в смирительной рубашке.

Я сделал глубокий вдох.

— Господа,— рассудительно произнес я,— если бы кто-нибудь из вас случайно оказался в прошлом столетии, вам тоже было бы трудно применить свои современные знания, имея под

руками лишь примитивные инструменты, которые будут вам доступны. Ну сколько еще я должен...

— Тут вы правы,— отозвался некто пухлолицый.— Но есть одно средство подтвердить правоту своих утверждений, всегда доступное путешественнику из будущего.

— Какое же? — Головы нескольких ученых повернулись к говорящему.

— Даты. Исторические события. То, что произошло в таком-то месяце такого-то года. Вы заявили, что наше время для вас в прошлом. Так опишите его. Что произойдет?

— К сожалению...— я уныло махнул рукой, и смех раскатился вновь,— мои знания истории Земли весьма фрагментарны. Так, краткий курс в детстве. Я вырос на Марсе, но даже марсианскую историю знаю очень смутно. Исторические даты никогда не задерживались у меня в голове. Я уже сказал вчера Джозефу Бернсу, что помню только три даты примерно из вашего периода.

— Да? — Интерес ко мне заметно возрос.

— Первая, 1993 год.

— И что случится в 1993 году?

— Увы, не знаю. Кажется, какое-то важное событие. То ли эпидемия, то ли изобретение, то ли это дата создания какого-то шедевра. Или же мне эту дату кто-то упомянул, и она мне запомнилась. Во всяком случае, ничего полезного вы из моих слов не узнаете. Далее, август 1945 года. Атомная бомба. Господин Бернс говорил, что пользы от этой даты тоже мало, потому что этому событию уже семь лет. Однако прошу не забывать, что у меня большие трудности с вашим календарем.

— А третья дата?

— 1588 год,— уныло пробормотал я.— Испанская армада.

Заскрипели стулья — ученые вставали, собираясь уходить.

— Задержи их,— зашипел мне в ухо Фергюсон.— Скажи хоть что-нибудь или сделай.

Я вздрогнул.

— Минуточку,— услышал я голос молодого химика.— Думаю, у нас есть способ разоблачить это жульничество раз и навсегда. Насколько мне помнится, в статейке господина Бернса упоминалось, будто вы еще ребенком играли в песочек на Марсе. А что на вас было надето?

— Ничего особенного,— удивленно ответил я.— Какая-то теплая одежда, и все.

— И никакого шлема?

— Нет.

— Значит, только теплая одежда,— ухмыльнулся химик.— Но всем известно, что даже на экваторе Марса температура редко поднимается выше точки замерзания. Нам также известно, что в его атмосфере практически нет кислорода, и это неоднократно подтверждал спектроскоп. Так говорите, только теплая одежда и без кислородного шлема? Ха!

Я озадаченно уставился в удаляющиеся спины ученых. Этого я и сам не мог понять. Ну и что с того, что их приборы показывают лишь следы кислорода в атмосфере Марса и низкие температуры? Я-то игрался в марсианской пустыне еще ребенком! Я ведь там вырос и все прекрасно помню. *Не было* у меня никакого шлема, да и теплой одежды тоже было не очень-то много. Чертовы дикари со своими дурацкими инструментами!

— А теперь тебе лучше побыстрее смыться,— сообщил Фергюсон. Левое веко у него дергалось чаще прежнего.— Коп и спец по пришельцам еще торчат в коридоре. И тебе, и газете не пойдет на пользу, ежели они тебя сцапают. Иди-ка ты к служебному лифту. Угу, к служебному лифту.

Я вышел на улицу, размышляя о том, как же теперь меня отыщут темпоральные эмиссары. Очевидно, говоря языком Джозефа Бернса, я устроил недостаточно громкую «сенсацию». Или достаточно громкую? Кто-то из ученых, наверное, и был темпоральным эмиссаром, он меня видел и теперь готовится отослать обратно в мое время, пока я не натворил здесь разных изменений.

— Привет, папаша. Я звонил в контору. Да, не повезло тебе.

— Бернс! — Я с облегчением бросился к молодому человеку, прислонившемуся к стене. Мой единственный друг в этой безумной варварской эре.— Ты не достал флирглефлип. Его или обменяли, или продали, или потеряли.

— Нет, папаша, я не достал флирглефлип.— Он мягко взял меня за руку.— Пошли.

— Куда?

— Искать работу, на которой ты сможешь проявить свои футуристические таланты.

— И что это за работа?

— В том-то и проблема, паршивая и трудная проблема. Сам понимаешь, в наше время флиргли не флипают. А это все, что ты умеешь делать хорошо, и возраст у тебя уже не тот, чтобы учиться новой профессии. Но человеку нужно что-то есть. Если он этого делать не будет, у него появится странное ощущение в желудке, сопровождаемое скорбным бурчанием.

— Наверное, ты был не прав насчет темпоральных эмиссаров.

— Нет, я оказался прав. Ты привлек их внимание. С тобой вышли на контакт.

— Кто вышел?

— Я.

Я едва не застыл от удивления прямо на пути какого-то рычащего экипажа, но Бернс потянул меня за руку.

— Так ты и есть темпоральный эмиссар? Ты вернешь меня обратно?

— Да, я темпоральный эмиссар. Но обратно я тебя не верну.

Совершенно сбитый с толку, я покачал головой:

— Ничего не...

— Ты не вернешься обратно, папаша. Во-первых, в этом случае Бандерлингу предъявят обвинение в нарушении прав общественного индивидуума — то есть тебя. В этом случае институтское начальство решит, что потребуется еще несколько лет исследований и усовершенствований, прежде чем к подавителю излучения позволят даже приблизиться абсолютно уравновешенным индивидуумам. Путешествия во времени будут открыты — в соответствующий период — в результате перекрестных ссылок на подавитель излучения Бандерлинга. Во-вторых, ты не вернешься потому, что, если начнешь сейчас болтать на каждом углу о темпоральных эмиссарах, тебя быстренько отвезут в одно окруженное стеной заведение, где гостей сразу заворачивают в мокрые простыни.

— Выходит, все было подстроено специально? Ты со мной встретился, выманил флирглефлип, убедил, что мне надо устроить сенсацию, и таким путем подвел к ситуации, когда никто в этом обществе мне больше не поверит...

Мы свернули на узкую улицу, где было много маленьких кафе.

— Не просто специально. Было необходимо, чтобы Бандерлинг оказался именно таким, каков он есть...

— Болваном? — с горечью предположил я.

— ...чтобы подавитель излучения после «Трагедии Тертона» положили на полку на достаточно долгий срок. Было необходимо, чтобы ты обладал именно такой профессией и образованием, оказался совершенно неприспособлен для этого периода и не смог произвести здесь заметные изменения. И еще было необходимо...

— А я думал, что ты мой друг. Я тебе верил.

— И еще было необходимо, чтобы я тоже был именно таким, каков я есть, и ты поверил бы мне сразу, как только... э-э... прибыл, и проект заработал по плану. К тому же, поскольку я таков, каков есть, мне очень неприятно, что я так с тобой поступил, но даже мои чувства, наверное, тоже необходимы для планов Темпорального Посольства. Все сходится, Тертон, вплоть до существования темпорального посольства в отдаленном будущем, как я подозреваю. А пока что мне надо завершить работу.

— Но Бандерлинг? Что с ним стало, когда я не вернулся?

— Его, разумеется, отстранили от физических исследований. Поскольку же он был еще молод, то сумел приобрести новую профессию. И в соответствии с обычаями вашей эры он займет твое место и станет флирглефлипом — но сперва, однако, пройдет Перенастройку. Кстати... я так увлекся поисками работы для тебя, что позабыл об одной важной детали.

Подумать только — бунт Бандерлинга оказался частью плана Темпорального Посольства! И все же какой ужас: мне придется провести остаток своих дней в этой безумной эпохе. Неожиданно я заметил, что Бернс отделяет долик от моего ожерелья.

— Мелкий просчет,— пояснил он, пряча долик в карман.— В соответствии с нашим исходным планом ты не должен был брать его с собой. Как только найду тебе работу, то позабочусь о его возвращении в ваше время. Сам понимаешь, ведь этот долик и есть знаменитая Дилемма Тамце. По графику его загадка должна быть разгадана одним из твоих институтских коллег.

— И кто же ее разгадает? — с нетерпением спросил я.— Мастерсон, Фуле или Гринблат?

— Ни тот, ни другой и ни третий,— улыбнулся Бернс.— Как значится в нашем графике, загадку Дилеммы Тамце окончательно решит Томас Альва Бандерлинг.

— Бандерлинг! — завопил я, когда мы остановились перед замызганным ресторанчиком, в витрине которого висело объявление «Требуется посудомойка».— Бандерлинг? Этот болван?!!

Консульство

Я читал в газетах статьи, где профессор Фронак пишет, что межпланетные полеты должны пройти через, как он его назвал, инкубационный период. По его словам, добравшись до Луны, мы столкнулись с таким количеством новых проблем, что теперь нам нужно сесть и подогнать под эти проблемы новые теории, а уже потом строить корабль, способный добраться до Венеры или Марса.

Разумеется, в наше время армия и флот наблюдают за всеми ракетными экспериментами и руководят ими, так что высказывания профессора наверняка подверглись цензуре с их стороны, и поэтому их трудно понять.

Но мы-то с вами знаем, что на самом деле хотел сказать профессор.

Вторая марсианская экспедиция завершилась полной неудачей. Равно как и первая марсианская и первая венерианская. Корабли вернулись полностью исправными и с абсолютно здоровыми экипажами.

Но до Марса они не добрались. Не смогли.

Далее профессор пишет о том, как замечательно, что наука такая замечательная, потому что, какими бы большими ни оказались препятствия, старый добрый научный подход их рано или поздно обязательно преодолеет. Это, по его утверждению, и есть непредвзятый вывод, сделанный на основе всей доступной информации.

Что ж, если профессор Фронак действительно в это верит, то он хорошо это скрывал в прошлом августе, когда я не поленился проделать весь путь аж до Аризоны, лишь бы сообщить ему, что именно он сделал неправильно во время последней серии экспериментов с ракетами. И вот что я вам еще скажу: пусть я лавочник из маленького городка, а он известный профессор физики с Нобелевской премией за поясом, он все равно не имел права угрожать мне тюрьмой только за то, что я проскользнул мимо охранников на полигоне и спрятался в его спальне! Я ведь пробрался в нее только потому, что хотел сообщить профу, что он движется по неверному пути.

Если бы не бедняга Пухляк Майерс и залог за магазин Уинтропа, который Майерс потеряет до Рождества, то я сразу плюнул бы на это дело и держал рот на замке. В конце концов, мне-то ни холодно ни жарко, если люди никогда не улетят дальше Луны. Я куда счастливее здесь, на твердой земле, и чем она тверже, тем лучше. Но если мне удастся убедить ученых, то, может быть, мне поверит и Эдна.

Поэтому говорю вам в последний раз, профессор Фронак и все, кого это касается: если вы и в самом деле хотите попасть на какую-нибудь планету нашей Системы, то вам придется приехать сюда, в Массачусетс. А затем каждую ночь выплывать на лодке в бухту Казуаров и ждать. Если вы станете вести себя более или менее прилично, то я вам помогу — и Пухляк Майерс, я уверен, сделает все, что сможет,— но все равно вам придется набраться терпения. Шойн еще не дрифанули в риз. Так нам сказали.

В тот мартовский вечер Пухляк попросил помощника присмотреть за своей бензоколонкой, неторопливо прошел мимо магазина Уинтропа и остановился возле витрины моей лавочки. Подождав, пока мою жену отвлекла покупательница, он поймал мой взгляд и показал на часы.

Я сорвал фартук и натянул через голову плотный черный свитер. Потом подхватил одной рукой плащ, а другой удочки и стал на цыпочках красться к двери, но тут меня застукала Эдна.

Кипя праведным гневом, она выскочила из-за прилавка и заблокировала дверь вытянутой рукой.

— И куда это ты собрался, бросив меня работать за двоих? — спросила она своим особым грехообвинительным голосом, который приберегает для моментов, когда я крадусь на цыпочках.

— Ах, Эдна! — воскликнул я, пытаясь выдавить улыбку.— Я же тебе говорил. Пухляк купил новый тридцатифутовый шлюп и хочет убедиться, что он в порядке, пока не начался летний туристский сезон. А одному человеку опасно плавать вечером в новой лодке.

— И вдвое опаснее, когда на борту ты.— Ее разгневанный взгляд стер с моего лица улыбку.— Вот уже тридцать лет — с тех пор, как мы кончили школу,— всем известен безотказный способ нарваться на неприятности: надо попросить Пола Гэрланда

и Пухляка Майерса сделать что-нибудь вместе. Я еще не забыла тот случай, когда он помогал тебе устанавливать новый газовый нагреватель в нашем подвале. Ты пять недель провалялся в больнице, а некоторые дома вокруг до сих пор выглядят как после бомбежки.

— Но ведь фонарик погас, Эдна, и Пухляк только зажег спичку, чтобы...

— А как насчет того случая, мистер Гэрланд,— нанесла мне удар в спину покупательница Луиза Капек,— когда вы с мистером Майерсом вызвались сменить кровлю на крыше церкви и свалились прямо на проповедника? Восемь воскресений подряд ему пришлось читать проповеди с загипсованной спиной, и все до единой на тему «Отвечай дураку в соответствии с его глупостью»!

— Ну как мы могли знать, что балки прогнили? И мы сами вызвались на эту работу...

— Короче, вы никуда не поплывете,— быстро подвела итог Эдна.— Так что можешь снимать свитер, снова напяливать фартук и доставать банки с сардинами из ящика. Если вы вдвоем отправитесь на ночь глядя в бухту, это может кончиться чем угодно, включая цунами.

Я подал Пухляку условный знак, и он протиснулся в дверь лавки, как мы и договорились на тот случай, если мне не удастся смыться незаметно.

— Здравствуйте, Эдна и мисс Капек,— приветливо начал он своим знаменитым утробным голосом.— Как увижу, какая ты красивая, Эдна, так всякий раз хочется прогнать себя пинками вокруг города за то, что позволил Полу украсть тебя у меня. Ты готов, Пол? Мы с Полом собрались сегодня чуток порыбачить. Может, принесем тебе славную четырехфунтовую рыбину. Как думаешь, влезет она в одну из тех кастрюлек, что я тебе подарил на прошлое Рождество, а?

Жена склонила голову набок и пристально посмотрела на него:

— Думаю, влезет. Но вы вернетесь до полуночи?

— Привезу его тебе к одиннадцати, честное слово,— пообещал Пухляк, хватая меня за руку и вновь протискиваясь через дверь.

— Запомни, Пол! — крикнула вслед Эдна.— В одиннадцать часов! И если опоздаешь хоть на десять минут, домой можешь не возвращаться!

Вот какой Пухляк верный друг. А вас не удивляет, почему я из кожи вон лезу, лишь бы представить его в наилучшем свете? Да, в школьные времена они с Эдной ворковали как голуб-

ки, а мы с Пухляком вечно ссорились из-за того, кто из нас на ней женится. Никто не знает, что мы решили эту проблему, надравшись как-то раз на дне рождения Луизы Капек. Мы с Пухляком отправились к ручью, поймали по лягушке и устроили им соревнования по прыжкам на дальность. Моя победила, прыгнув на девять с половиной футов, и Эдна досталась мне. Пухляк же остался холостяком и еще больше растолстел.

Заводя машину, Пухляк спросил, считаю ли я, что магазин Уинтропа стоит девяти тысяч, которые за него просят. В этом большом магазине продают радиоприемники и электроприборы, и расположен он в аккурат между моей продуктовой лавочкой и бензоколонкой Пухляка на углу.

Я ответил, что девять тысяч за такой магазин — цена вполне нормальная, если только на него найдется покупатель.

— Так вот, Пол, я хочу его купить. Я только что заплатил старику Уинтропу пять сотен задатка, а остаток пообещал внести к Рождеству. Если приплюсовать к тому, что у меня лежит в банке, закладную за бензоколонку, то как раз и получится. Ведь это ходовые товары новой эпохи.

— Что за товары и какой эпохи?

— Да все эти научные штучки. Военные недавно объявили, что заложили на Луне базу и собираются снабдить ее радиопередатчиком. Ты только представь, Пол! Скоро мы будем смотреть телепередачи с Луны! Затем переключимся на последние известия с Марса и Венеры, узнаем о новейших открытиях на Меркурии и Плутоне. Да народ как горячие пирожки станет расхватывать новые телевизоры, которые принимают сигналы с такого расстояния, а детишки станут играть новыми электронными штучками, которые поступят в продажу после начала межпланетных полетов.

Мы ехали к бухте, за окном машины медленно темнело.

— Но пока что мы еще не имеем межпланетных полетов. Мы добрались только до Луны, и что-то непохоже, что мы быстро продвинемся дальше. Ты читал, как вторая венерианская экспедиция вернулась, отмахав от Земли два миллиона миль? То же самое произошло и в первый раз, да и с Марсом повезло не больше.

Пухляк нетерпеливо шлепнул по рулю. Машина вильнула и едва не сшибла столбик ограды.

— Ну и что? Ведь люди пытаются снова и снова, верно? И не забывай, что Фронак изобрел свой двигатель всего два года назад, а все ученые согласились, что с таким двигателем мы со временем доберемся до любой планеты нашей системы — а через некоторое время, может быть, и до звезд. Осталось лишь

довести его до ума, устранить недоработки. Попомни мои слова, люди еще при нашей жизни доберутся до планет. Откуда тебе знать, с какими проблемами эти экспедиции столкнулись, улетев на два или три миллиона миль от Земли?

Я, естественно, был вынужден признать, что мне это неизвестно. Газеты сообщили только, что и первая марсианская, и обе венерианские экспедиции «столкнулись с трудностями и были вынуждены вернуться». Я заткнулся и попробовал придумать другой аргумент. Вот, собственно, и все: аргумент для меня и деловое предложение для Пухляка Майерса. Если помните, то тогда, в марте, газеты и журналы еще пестрели статьями о «расширении империи человека».

Мы приехали к бухте, и Пухляк запер машину. Шлюп был уже готов к отплытию, потому что мы все привели в готовность еще накануне вечером. Когда мы отчалили, кораблик повел себя замечательно. Он был оснащен гафелем, но корпус был не очень широк, и при желании мы могли развить вполне приличную скорость. Пухляк стоял у румпеля, а я управлялся за весь экипаж. При таком раскладе балласт нам требовался только спереди.

Никто из нас не сходил с ума по рыбалке, мы придумали ее лишь как предлог для Эдны. Нам хотелось только одного — скользить под парусом по залитому лунным светом простору бухты Казуаров, вдыхая доносящиеся с Атлантики запахи.

— Но предположим,— сказал я, как только развернул парус по ветру,— предположим, мы прилетим на Венеру и обнаружим там неких животных, которым мы покажемся очень аппетитными. И предположим, что они умнее нас и уже придумали дезинтеграторы и тепловые лучи — как в рассказе, что написал тот парень. И как только они нас увидят, так сразу завопят: «Ого, сколько жратвы!» — и попрут всей толпой на Землю.

То-то пользы будет твоему бизнесу, верно? Сам подумай, когда мы прогоним их с Земли, то на планете не останется мужчины или женщины, которые не плюнули бы, услышав слова «межпланетные полеты». Так что я согласен с преподобным Попхарстом: незачем нам совать нос в места, для этого не предназначенные, или его откусят.

Пухляк немного подумал и похлопал свободной рукой по животу — он так всегда делает, когда я привожу веский довод. Мало кто в городе об этом знает, но мы с Пухляком обычно так взвинчиваем себя спорами накануне дня выборов, что всегда голосуем за разных кандидатов.

— Во-первых,— начал он в ответ,— если мы натолкнемся на животных настолько умных, что у них будут дезинтеграторы

и прочие штучки, а у нас нет, и если они захотят получить нашу планету, то они попросту прилетят и отнимут ее. И никакой супермен в облегающем комбинезоне и сапогах для верховой езды не остановит их в последнюю минуту, случайно обнаружив, что эти гады падают замертво, лизнув кусочек маринованной свеклы. Если они умнее нас и лучше вооружены, то нас сметут, вот и все. Нас попросту не останется, как динозавров. Во-вторых, разве ты не читал статью профессора Фронака в воскресном приложении на прошлой неделе? Он пишет, что животных умнее нас быть не может, потому что... Эй! А это еще что такое? Там, по правому борту?

Я повернулся и взглянул направо.

Там, где между краями бухты на воде ухмылялась полоска лунного света, быстро двигалось нечто большое и пузырчатое, похожее на верхушку огромного раскрытого зонтика диаметром футов в тридцать пять или сорок. Оно двигалось прямо к казино Майка на южной оконечности бухты, где ярко светились огни, гремела музыка и люди весело проводили время.

— Водоросль,— предположил я.— Пучок водорослей, скрученный и вмерзший в ледяной торос. Торос растаял или сломался, вот они и плавают одним комком.

— Никогда не видал в наших краях так много водорослей сразу.— Пухляк прищурился.— И такой формы. К тому же этот комок заплыл в бухту, а не просто болтается на волнах. И океан слишком спокоен, чтобы разогнать его до такой скорости. Знаешь, как мне кажется, что это такое?

— Первый турист в этом сезоне?

— Нет. «Португальский кораблик». Это такая медуза. У нее есть нечто вроде воздушного пузыря, а под водой тянутся длинные щупальца и ловят рыбу. Я про них читал, но никогда не думал, что увижу. Они вообще очень редко встречаются, а эта штука еще и очень крупная. Хочешь взглянуть поближе?

— Ни за что. А вдруг она опасна? И не забудь, что в этом месяце Эдна впервые отпустила меня с тобой. Она не знает точно, что именно случится, но не сомневается, что с нами обязательно что-нибудь да произойдет. А я хочу в целости и сохранности вернуться домой к одиннадцати. Так что ты там говорил про умных животных, Пухляк? На других планетах?

— Да что в этой медузе может быть опасного? — пробормотал он, не отрывая от нее взгляда.— Она ловит только малюсеньких рыбок. Но... Я уже говорил, что если на Нептуне кто-нибудь живет — допустим, более развитый, чем мы,— то почему бы им не додуматься до космических полетов? Тогда они заявятся к нам, а не мы к ним. Сам посуди, как мы исследовали нашу

планету. Пробурили скважины глубиной более девяти миль, пересекли все моря и океаны, истоптали и проехали через каждый клочок суши, а теперь еще и летать научились. Если бы на Земле обитал другой вид разумной жизни, мы бы его давно уже нашли. А инопланетяне, умеющие летать с планеты на планету, поступят точно так же. Поэтому, как пишет профессор Фронак, мы должны прийти к выводу, что... Мне показалось, или эта штука теперь плывет прямиком к нам?

Ему не показалось. Зеленая масса описала широкий полукруг и стала быстро приближаться к нашему шлюпу.

Пухляк резко переложил румпель на правый борт, а я бросился к парусам. Увы, они обвисли.

— Проклятье, нашлось время для штиля! — простонал Пухляк.— У нас есть весла в... Поздно, эта штука уже рядом! Отыщи в кокпите топорик. Может, удастся...

— Ты, кажется, говорил, что она не опасная,— пропыхтел я, вылезая из кокпита с топориком.

Пухляк бросил румпель и схватил костыль для марлиня, потом встал рядом со мной, разглядывая плавающий холм. Казалось, и холм, и шлюп неподвижны, но мы видели, как за бортом быстро проносится вода. Далеко в казино Майка оркестр заиграл «Твоя мама из Ирландии?» Я перестал печалиться и стал сентиментальным. Эта песенка всегда делает меня сентиментальным.

— Она не опасная,— признал Пухляк.— Но я только что вспомнил, что у «португальского кораблика» целая куча жалящих щупалец, которыми он ловит рыбу. Иногда от этих щупалец страдали и люди. А у такого большого экземпляра... Но мы в лодке, и до нас ему, разумеется, не добраться.

— Блажен, кто верует. Знаешь, у меня предчувствие, что я не вернусь сегодня домой к одиннадцати. И если это, по твоим словам, всего лишь наполненный воздухом пузырь, то что за черные штуковины болтаются у него внутри? Глаза?

— И точно, похоже на глаза. У меня такое ощущение.

На зеленой поверхности помаргивали черные пятнышки, и мы невольно начали переминаться с ноги на ногу. У нас возникло чувство, будто мы раздеваемся на городской площади, а за нами наблюдает целая толпа. А в том, что это чувство возникло у нас обоих, я не сомневаюсь, потому что позднее мы сравнили воспоминания. Времени у нас для этого оказалось вдоволь — позднее.

— Знаешь что? — негромко произнес Пухляк.— Сдается мне, что это все же не «португальский кораблик». Уж больно он крупный и зеленый, да и этих черных пятен внутри воздушного

пузыря я на картинках не припоминаю. И щупальца за ним вроде бы не тянутся. Кстати, он слишком быстро перемещается.

— Тогда что же это?

Пухляк похлопал себя по животу и еще раз вгляделся в непонятную штуковину. Потом открыл рот, собираясь ответить.

Я забыл его спросить, что он хотел мне в тот момент ответить, а сам он мне не сказал. В любом случае он так и не ответил, а лишь пискнул нечто вроде «Бип!» и плюхнулся на дно шлюпа. Я тоже плюхнулся, только произнес что-то похожее на «Фуф?»

Шлюп взлетел в воздух футов на пятнадцать. Опомнившись, я вскочил и помог подняться Пухляку.

Мы оба сглотнули, но слюна застряла на полпути.

Да, мы зависли на высоте пятнадцати футов, но шлюп и сейчас находился в воде. В небольшой чаше воды, простирающейся на двадцать футов перед носом и правым бортом и лишь на пять футов перед кормой и левым бортом.

Там, где кончалась вода, виднелось нечто вроде серой дымки, достаточно прозрачной, чтобы разглядеть казино, где все еще играли «Твоя мама из Ирландии?». Эта серая дымка окутывала нас со всех сторон, накрыв даже верхушку мачты.

Когда мы бросились к борту и взглянули вниз, то увидели, что дымка обволакивает и киль. Крепкая оказалась штука — она удерживала и нас, и шлюп, и немалое количество воды, на которой он плавал.

Кто-то откусил от бухты Казуаров солидный кусок, включая нас. Мы знали, кого надо в этом винить, и осмотрелись.

По ту сторону серой дымки деловито возился плавающий пузырь. Первым делом он забрался под киль и прикрепил ко дну дымчатой оболочки маленькую коробочку. Потом перебрался на макушку и закрепил над мачтой вторую непонятную фиговину. Внутри его зеленого тела продолжали мельтешить черные пятнышки, но больше они не вызывали у меня странных ощущений. Сейчас меня волновали совсем другие проблемы.

— Как думаешь, может, попробуем до него докричаться? — спросил Пухляк тем самым шепотом, который он приберегает для церкви.— Не знаю, кто это, но существо вроде бы разумное.

— И что ты станешь ему кричать?

— А фиг его знает,— признался Пухляк, почесав макушку.— Может, попробуем так: «Друг. Моя друг. Мир. Дружба». Как думаешь, поймет?

— Он решит, что ты индеец из кино, вот что он поймет. И с чего ты взял, что он понимает английский? Давай лучше

бросим оружие и покажем ему ладони. Я читал, что это общепризнанный жест.

Мы держали руки над головой, пока они не устали. Комок зеленого желе переместился от коробочки над верхушкой мачты на уровень изгиба гафеля и повозился там несколько секунд. Участок серой дымки засверкал разноцветными пятнами, которые расширялись и накладывались одно на другое. Убедившись, что сияние и сверкание продолжается как положено, зеленый комок скатился по серой оболочке и упал в воду пятнадцатью футами ниже.

Упал без единого всплеска.

Он заскользил по поверхности и отмахал полмили быстрее, чем я успел изумленно ахнуть. Потом замер на мгновение возле выхода из бухты... и исчез. Не осталось даже ряби там, где он проплыл или погрузился в воду. Остались только мы, плавающие внутри серого пузыря.

— Эй! — заверещал Пухляк.— Так нельзя поступать! А ну, вернись и выпусти нас, слышь? Эй ты, в этом зеленом желе, вернись!

Я заставил его заткнуться, напомнив, что этот оживший креветочный коктейль уже исчез непонятно куда. И вообще волноваться вроде бы нет причин. Если бы он собирался причинить нам какой-либо вред, то мог бы сделать это давным-давно, когда находился рядом, особенно учитывая, на какие салонные фокусы он оказался способен. Оставил нас в покое, и ладно, убеждал я Пухляка; мне хватает и того, что я жив и здоров, а этот надуватель пузырей сейчас изображает Тарзана где-то в Атлантике.

— Но мы не можем оставаться здесь всю ночь,— пожаловался Пухляк.— А вдруг нас увидит кто-то из города? Если вспомнить про нашу репутацию, то нас так засмеют, что про нас начнут комиксы выпускать! Может, залезешь на мачту, Пол, да потыкаешь пальцем в эту хреновину? Надо же знать, из чего она сделана. Глядишь, проделаем дырку да вылезем.

Разумное предложение. В самом деле, надо что-то делать. Пухляк согнулся и подсадил меня, я обвил мачту ногами, ухватился за парус и кое-как добрался до ее вершины. Прямо над ней находилась коробочка, прикрепленная снаружи к серому пузырю.

— Из коробочки слышно какое-то гудение! — крикнул я Пухляку.— А внутри только серебряные колесики — крутятся, как в электрическом счетчике. Только эти колесики ни к чему не крепятся, а висят внутри под разными углами и вращаются в разные стороны.

Пухляк неуверенно ругнулся. Я ударил по серому пузырю кулаком и отшиб его. Пока я его массировал, ноги начали соскальзывать. Я ухватился за парус, чуть подтянулся и ткнул в пузырь пальцем. Черт, больно!

— Эта штука твердая? — спросил снизу Пухляк.

Непечатно твердая. Так я ему и ответил.

— Спускайся и возьми топорик. Может, сумеешь дырку прорубить.

— Сомневаюсь. Эта дымка почти прозрачная и вряд ли сделана из известного нам материала. Я вообще сомневаюсь, что она состоит из какого-то материала.

Гудение у меня над головой стало громче. Такой же звук послышался со стороны второй коробочки, закрепленной под килем.

Я решил рискнуть и, цепляясь за мачту рукой и ногой, свесился вбок и вгляделся в расположенное возле коробочки пятно с изменяющимися цветами. Оно походило на радужное пятно разлитой по воде нефти — ну, сами знаете, смотришь на него, а цвета так и переливаются. Я потыкал в серый пузырь рядом с цветным пятном, но он не поддался и здесь.

Хуже всего, меня не оставляло предчувствие, что все мои усилия не имеют ничего общего с попыткой пробить дыру в стальном листе. С тем же успехом я мог... ну, скажем, забить гвоздь в аргумент или сломать о колено проповедь. Это я так шучу с перепугу.

— Подай-ка мне топорик. Вряд ли из этого что получится, но все равно попробую.

Пухляк высоко поднял топорик и встал на цыпочки. Я заскользил вниз по мачте. И тут доносящееся из коробочки гудение превратилось в вой.

Едва мои протянутые пальцы сомкнулись на рукоятке топорика, как коробочки над мачтой и под килем начали пощелкивать: клик-клики-клак. Когда раздался «клак», я уже не висел на мачте, а лежал на Пухляке, а тот, размазавшись по палубе, изображал летящего орла.

Топорик мелькнул над бортом и плюхнулся в воду.

— З-зачем т-ты эт-то сд-делал? — выдохнул Пухляк, когда мы, дружно застонав, поднялись на ноги.— Т-ты что, не мог мне ск-казать, что х-хочешь спуститься быстро? Я бы отошел в сторону, честно!

— Я тут ни при чем. Меня толкнули.

Но Пухляк уже не слушал меня, потому что смотрел на что-то другое. Я это тоже заметил и присоединился к нему.

В кокпит набралось немало морской воды, и часть ее попала на нас, промочив с ног до головы.

Вся вода на палубе сама собой слилась в озерцо правее мачты, а пропитавшая нашу одежду вода стекла на палубу и попала туда же. Затем вся лужа подкатилась к шпигату и вылилась за борт. Шлюп вновь стал совершенно сухим. Мы тоже.

— Это мне уже начинает не нравиться,— хрипло прошептал Пухляк. Я согласно кивнул. От таких сюрпризов и у меня голова пошла кругом.

Ступая очень осторожно, словно опасаясь нарушить какую-нибудь заповедь, Пухляк подошел к борту, осмотрелся, потом покачал головой и взглянул вниз.

— Пол,— прошептал он через некоторое время.— Пол, подойди-ка сюда. Что-то я...

Я взглянул вниз и сглотнул. Долгим таким глоточком, что начинался у кадыка и заканчивался у пяток.

Ниже нас, под слоем воды и стенкой серого пузыря, простиралась чернота. А еще ниже на порядочном расстоянии я увидел Атлантический океан и побережье Новой Англии с изогнутым пальцем мыса Код. Новая Англия быстро удалялась и на моих глазах становилась восточным побережьем Соединенных Штатов.

Лунный свет придавал этой картине нечто вроде нездоровой смутности, его только и хватало, чтобы разглядеть детали и опознать восточные берега Северной и Южной Америки. Западное побережье расплывалось в темноте, и я сразу с тоской вспомнил школьные деньки, когда Пухляк, Эдна и я сидели рядышком, разглядывая карту.

В тот момент я не смог представить наслаждения выше, чем стоять в нашей лавочке рядом с Эдной, пока она обрывает мне уши.

— Так вот что случилось! — всхлипнул Пухляк.— Вот почему мы упали, а вода плеснула в шлюп. Нас внезапно подбросило вертикально вверх, и мы все еще летим — мы, шлюп и достаточно воды вокруг, чтобы поддерживать его на плаву. Мы сидим внутри серого шара, сделанного непонятно из чего, и не сможем вырваться, даже если захотим.

— Успокойся, Пухляк, все будет в порядке,— сказал я ему с уверенностью банковского грабителя, пытающегося объяснить поймавшему его с поличным полисмену, что он лишь хотел положить пистолет на хранение в сейф, а кассир его не так понял.

Мы уселись на кокпит, и Пухляк автоматически схватился за румпель. Потом вздохнул и покачал головой:

— У меня такое чувство, будто меня запаковали и отправили по почте.— Он ткнул пальцем в сторону цветного пятна.— А это адрес получателя. Просьба не вскрывать до Рождества.

— Но что это такое, как ты считаешь? Вторжение с другой планеты?

— И мы участвовали в первом сражении? Не глупи, Пол. Это проверка. Нас равнодушно и бесцеремонно отправили в штаб-квартиру на другую планету, чтобы там получили представление, насколько крепким орешком может оказаться Земля. Но больше всего меня бесит именно равнодушие и бесцеремонность, с какой действовало это зеленое хрен-знает-что! Сперва оно как будто направлялось к казино Майка, а потом решило забрать нас — то ли потому, что мы оказались ближе, то ли потому, что наше исчезновение привлечет меньше внимания, чем кого-нибудь из ночного клуба. Но в любом случае причина неважна. Оно это сделало и вернулось домой, или...

— А я до сих пор слышу казино. По крайней мере слышу, как оркестр играет «Твоя мама из Ирландии?».

— Я тоже слышу музыку,— подтвердил Пухляк, склоняя голову набок.— Только она доносится из коробочки над мачтой. Чушь какая-то, Пол,— мне начинает казаться, будто это существо знало, что это твоя любимая песенка, и так настроило коробочку, чтобы та все время ее играла. Сам понимаешь, так тебе будет приятнее. И свет внутри пузыря тоже остался, чтобы мы не сидели в потемках. Оно явно желает, чтобы посылка дошла до адресата в хорошем состоянии.

— Космический музыкальный автомат,— пробормотал я.

Затем мы поразительно долго молчали. Просто сидели и смотрели, как мимо движутся звезды. Я попытался отыскать Большую Медведицу, но отсюда, наверное, она выглядела иначе. По правому борту медленно уменьшалась Луна, и я решил, что мы летим не туда. Не такая уж и большая разница, куда лететь, но на Луне хотя бы имелась армейская база, а я за свою жизнь насмотрелся вестернов и приобрел крепкую уверенность в армии Соединенных Штатов — как минимум в ее кавалерийских частях. А вот вид солнца из космоса оказался не очень-то приятным.

Самое забавное состояло в том, что никто из нас по-настоящему не испугался. Отчасти причиной тому была внезапность, с какой нас упаковали и отправили в путь, а отчасти и то, что о нас позаботились. Внутренность пузыря освещал свет, похожий на дневной и достаточно яркий для чтения.

Пухляк сидел и тревожился о внесенном за магазин Уинтропа задатке, который он потеряет, если вовремя не вернется. А я придумывал для Эдны объяснения, почему не вернулся домой к одиннадцати. Коробочки вверху и внизу гудели и бормо-

тали. Шлюп стоял в воде совершенно неподвижно. Время от времени Пухляк покусывал ноготь, а я завязывал шнурок.

Нет, мы не были по-настоящему напуганы — чего, собственно, нам было бояться, сидя в лодке, окруженной мириадами крошечных искорок звезд? Но каждый из нас отдал бы на отсечение правую руку, лишь бы хоть украдкой заглянуть на сцену следующего акта.

— Есть одно утешение, если его можно так назвать,— сказал наконец Пухляк.— На расстоянии двух или трех миллионов миль от Земли имеется нечто вроде барьера, и эта штуковина вполне может через него и не пробиться. В газетах не писали, на что наткнулись космонавты, но мне кажется, что именно на такой барьер. Он их остановил, но не повредил корабли и позволил им развернуться и направиться к Земле. Нечто вроде... вроде...

— Вроде серой дымки, из которой сделан пузырь,— предположил я. Минуты две мы не сводили друг с друга глаз, потом Пухляк отыскал недогрызенный ноготь и занялся им, а я завязал оба шнурка.

Мы проголодались. В карманах не отыскалось ничего съестного, и от этого голод только усилился.

Пухляк перегнулся через борт и посмотрел в воду.

— Так я и думал. Эй, Пол, тащи удочку. Вокруг лодки плавает макрель. Должно быть, угодила сюда вместе с нами.

— Удочкой слишком долго. Я ее сейчас сетью.— Я разделся и схватил сеть.— Воды не очень много, и ей негде маневрировать. Но как быть с огнем? Не израсходуем ли мы весь кислород, если захотим ее поджарить?

— Нет,— покачал головой Пухляк.— Мы здесь уже давно, и воздух успел бы испортиться, если бы его не обновляли. Но он свеж, как и в самом начале. Не знаю, что здесь стоит за аппаратура, но она не только перемещает нас куда следует, наигрывая специально для тебя «Твоя мама из Ирландии?», но и накачивает внутрь свежий воздух и удаляет отработанный. Правда, если ты меня спросишь, откуда она берет в космосе кислород и азот...

— Даже не собирался,— заверил я его.

Заметив небольшую, около фута длиной, макрель, я шагнул в воду и нырнул, держа сеть наготове. Я очень неплохо плаваю под водой.

Очень неплохо, но макрель оказалась пловцом получше. Больше практики, сами понимаете. Я дурак дураком бултыхался с сетью, отталкиваясь ногами то от киля, то от серой стенки пузыря, а макрель вертелась вокруг. Под конец ее поведение стало и вовсе оскорбительным — она просто пятилась хвостом вперед в аккурат за пределами досягаемости сети.

Я вынырнул, глотнул воздуха и забрался обратно в шлюп.

— Уж больно она шустрая,— пояснил я.— Сейчас достану удочку и...

И запнулся. Мне снова захотелось сглотнуть.

Пухляк сидел в кокпите, и видок у него был такой, словно он отшиб себе задницу. Перед ним стоял целый взвод тарелок, шесть стаканов и две белоснежные салфетки с разложенными на них ножами, вилками и ложками.

Я увидел два стакана воды, два стакана молока и два стакана пива. Тарелки заполняла еда: грейпфрут, суп, отбивные с картошкой фри и зеленым горошком и мороженое на десерт. По две порции всего. Обед нашей мечты.

— Это все появилось из ящика сверху,— пояснил Пухляк, пока я неуклюжими пальцами напяливал одежду.— Я услышал щелчок и посмотрел вверх, а оттуда стопочкой спускаются тарелки. Коснулись палубы и сразу аккуратненько расставились.

— По крайней мере кормят нас хорошо.

Пухляк скорчил мне гримасу:

— А где тебе еще подадут обед, о котором ты мечтал?

Мы вооружились ложками и вилками и принялись за дело. А что нам еще оставалось? Еда оказалась вкуснейшей и безупречно приготовленной. Напитки и мороженое были холодными, а грейпфрут охлажденным. Когда мы закончили, раздался новый щелчок. Сперва спустились три сигары — помню, я курил такие на дне рождения Луизы Капек, и из всех, какие я когда-либо пробовал, они мне понравились больше всего,— а следом и коробка с любимым жевательным табаком Пухляка. Когда вслед за табаком пушинкой опустились спички, мы перестали пожимать плечами; правда, Пухляк некоторое время что-то бормотал себе под нос.

Я успел до половины выкурить первую сигару, и тут Пухляк резко выпрямился:

— У меня идея.

Он взял пару тарелок и швырнул их за борт. Мы стояли и смотрели, как они тонут. Перед самым дном тарелки внезапно исчезли. Раз — и нет тарелки. Примерно в двух футах от нижней коробочки.

— Значит, вот что происходит с отходами.

— Что? — не понял я.

Пухляк сверкнул на меня глазами:

— Да вот что.

Тем же путем мы избавились и от остальной посуды, но по предложению Пухляка оставили себе ножи.

— Нам может потребоваться оружие, когда мы окажемся... там, куда летим. А вдруг эти типы захотят нас препарировать или пытками вырвать информацию о Земле?

— Если они умеют делать такие пузыри, то неужели ты думаешь, что мы сумеем их остановить? И чем — ножичками, которые они для нас сделали из пустой пустоты?

Но все же ножи мы оставили.

Макрель мы оставили тоже. Как домашнюю зверушку, то бишь рыбешку. Если нас и дальше станут так кормить, то кому придет в голову съесть эту макрель? И вообще, нас в пузыре всего трое, так что нам следует держаться вместе. Макрель это тоже почувствовала, потому что начала всплывать к поверхности, когда мы подходили к борту. Мы с ней стали добрыми приятелями, и я бесплатно кормил ее прихваченной для рыбалки наживкой.

Часа через четыре — а может, и через пять, потому что ни у меня, ни у Пухляка часов не было,— коробочка снова щелкнула, и сверху спустился такой же обед в комплекте с теми же причиндалами. Кое-что мы съели, остальное покидали за борт.

— А знаешь,— признался Пухляк,— если бы не эта бесконечная «Твоя мама из Ирландии?», я бы сказал, что мне здесь нравится.

— Да, она мне тоже надоела. Но ты что, согласился бы без конца слушать «Я бесконечно выдуваю пузыри»?

Земля давно превратилась в яркий и медленно уменьшающийся диск, но никто из нас не мог утерпеть и время от времени украдкой на нее поглядывал. Эти взгляды были напоминанием о моей лавочке и Эдне, о бензоколонке Пухляка и задатке за магазин Уинтропа. Наш дом среди планет и галактик.

Когда нам захотелось спать, мы спустили паруса, от которых все равно не было никакого толку. Мы сложили их в некое подобие матраца и, добавив пару лежавших в кокпите одеял, устроили себе царскую постель.

Когда мы проснулись из-за одновременно приснившегося кошмарного сна, в котором нас препарировали две тушеные устрицы, на палубе уже стояли два обеденных комплекта с теми же отбивными. В смысле, два для меня и два для Пухляка. Мы съели грейпфрут, выпили по стакану молока, а от остального избавились. Потом устроились поудобнее и прокляли композитора, сочинившего «Твоя мама из Ирландии?». Я никак не мог понять, как мне могла нравиться эта песенка.

Шлюп мне тоже перестал нравиться. Давно не видел такой идиотской лодки — узкая, твердая, и обводы у нее неинтересные. Если я когда и куплю себе лодку, то только не шлюп.

Потом мы разделись и сиганули за борт искупаться. Пухляк плавал на спине, выставив над водой огромный живот, а я нырял и играл в пятнашки с макрелью.

Вокруг нас не было ничего, кроме Вселенной. Звезды, звезды и снова звезды. Что угодно отдал бы за простой уличный фонарь.

Когда мы забрались в шлюп, нас уже ждал очередной обед с отбивной. После купания мы проголодались, поэтому съели примерно четверть.

— Не очень-то эффективно,— пробурчал Пухляк.— Я о том зеленом монстре. Он каким-то образом — наверное, с помощью телепатии — узнал, что нам нравятся некоторые вещи. Отбивные, особые сорта табака и песенка. Зато не стал копать дальше и выяснять, в каком количестве мы все это любим и насколько часто. Небрежная работенка.

— Кстати, о небрежности,— подпустил я шпильку.— Когда эта зелень забралась в бухту, ты сам захотел подплыть поближе и рассмотреть ее как следует. Это ты сидел у румпеля, но не сумел вовремя смыться. Ты даже не заметил, что она нас преследует, пока она не оказалась совсем рядом!

Его глазки налились кровью:

— Да, я сидел у румпеля, но что в это время делал ты? Баклуши бил! Это ты должен был заметить, что оно приближается! А ты заметил?

— Ха! Ты же думал, что это «португальский кораблик». Как и тогда, когда мы чинили крышу и ты подумал, что черное пятно возле колокольни — это металлический лист, а на самом деле то была дыра. И вообще мы не провалились бы, если бы не твоя неподъемная туша. Какая балка ее выдержит?

Пухляк вскочил и развернул на меня живот:

— А ты, курами поклеванный мозгляк, ты вообще... Слушай, Пол, давай с этим завязывать. Откуда нам знать, сколько мы еще проторчим вместе на этой покусанной блохами скорлупке? Мы не имеем права ссориться.

А ведь он прав, решил я.

— Это я виноват, что церковная крыша...

— Нет, это я виноват,— великодушно признал он.— Я и в самом деле оказался тяжеловат для той балки. Давай пожмем друг другу руки, старина, и не будем больше терять головы. Там, куда мы направляемся, мы станем единственными представителями человечества, и нам надо держаться вместе.

Мы пожали руки и выпили за дружбу по стаканчику пива.

И все равно нам пришлось нелегко — осточертели отбивные и бесконечный припев из дурацкой песенки. Мы вырезали на палубе шахматную доску, а из старой газеты сделали шашки. Плавали вокруг шлюпа и играли в угадайку. Всячески изучали серую стенку пузыря и придумали тысячу способов работы коро-

бочек, тысячу объяснений, для чего наверху нужно цветное пятно, и тысячу причин, по которым нас заключили в пузырь и отправили путешествовать в темной пустоте.

Нам уже оставалось последнее средство — пересчитывать звезды, когда красное пятнышко впереди начало расти и превращаться в планету.

— Марс,— пробормотал Пухляк.— Очень похоже на фотографии Марса из статьи профессора Фронака в воскресном приложении.

— Уж лучше бы он оказался здесь вместо нас. Он собирался на Марс, а мы — нет.

В небе Марса не было ни облачка, и мы спустились сквозь чистейший воздух. Пузырь пушинкой сел посреди плоской пустыни из красного песка, простиравшейся до самого горизонта.

И все.

— Не знаю, можно ли это назвать значительным улучшением ситуации,— ехидно заметил я.

Пухляк не слушал — он стоял на цыпочках и нетерпеливо озирался.

— Мы видим то, что до нас не видел ни один человек,— тихо произнес он.— Мы на Марсе. Понимаешь, Пол, на Марсе! Смотри, насколько меньше выглядит здесь Солнце, чем на Земле. Да, что бы отдал профессор Фронак, лишь бы оказаться на нашем месте!

— Со мной он может поменяться хоть сейчас. И я ему за это еще и приплачу. Никогда не считал, будто любоваться красной пустыней — значит здорово проводить время. Ничуть не вдохновляет. Кстати, а где же марсиане?

— Покажутся, Пол, покажутся. Нас сюда послали за сорок миллионов миль не пустыню украшать. Придержи лошадей, приятель.

Но мне не пришлось придерживать их долго. На краю горизонта показались две точки: одна в воздухе и быстро приближающаяся, а вторая — ползущая по земле.

Летящее пятнышко превратилось в зеленый пузырь размером с тот, что мы видели в бухте. У него не было ни крыльев, ни реактивных двигателей, ни других видимых приспособлений для полета. Он просто летел, и все.

Когда пузырь приблизился к нам, то, что двигалось по пустыне, было еще далеко.

У нашего нового приятеля имелись и глаза — если это и в самом деле были глаза,— но только не черные пятнышки, плавающие внутри, а торчащие наружу штуковины, напоминающие дверные ручки. Однако, когда существо замерло над верхушкой

серого пузыря, у нас возникло уже знакомое ощущение, словно эти глаза заглядывают нам в голову и читают мысли.

Ощущение это длилось около секунды. Затем существо коснулось коробочки, что-то с ней сделало, и музыка смолкла. Тишина показалась нам лучше всякой музыки.

Когда существо опустилось вниз и нырнуло под наш пузырь, пройдя сквозь песок с такой легкостью, словно пустыня была сделана из миража, Пухляк вручил мне парочку припасенных ножей и сам вооружился тремя.

— Будь наготове,— прошептал он.— Эта штука может вылезти в любой момент.

Я не стал ехидно шутить насчет пригодности нашего оружия, потому что стало трудновато дышать. К тому же ножи придали мне хоть какую-то уверенность. Я понятия не имел, куда мы пойдем, если нам придется сражаться с этими существами и мы сумеем их одолеть, но мне было приятно держать в руках нечто, хотя бы отдаленно напоминающее оружие.

К этому времени до нас добрался и марсианин, перемещавшийся по песку. Он приехал на одноколесной машине, полной проводов, всяких штучек и потрескивающих моторчиков. Мы не могли его как следует разглядеть, пока он не вылез и не встал напротив нас.

А когда он это сделал, увиденное нам не понравилось — уж больно странным оказалось развитие нашего сюжета.

Марсианин не был зеленым и пузырчатым. Он напоминал очень тонкий и гибкий цилиндр высотой примерно нам по пояс — синий с белыми полосками. Чуть ниже середины цилиндра свисало около дюжины щупалец, а в верхней его части виднелись отверстия и выступы — наверное, уши, носы и рты.

Вся эта конструкция стояла на пьедестале совсем маленького цилиндра, снабженного, как мне показалось, дном-присоской для лучшего контакта с песком.

Когда наш зеленый друг закончил свои дела под доставившим нас пузырем, он вылез из песка неподалеку от Йо-Йо и его машины. Йо-Йо на секунду застыл, затем словно раскис, стал совсем гибким и низко согнулся, раскидав щупальца по песку.

То был не поклон. Такое поведение напомнило мне виляющую хвостом собаку.

— А ведь они могут оказаться двумя разумными расами Марса,— тихонько предположил Пухляк.

Парень со щупальцами еще обнимал песочек, а зеленый пузырь уже поднялся в воздух и улетел в том направлении, откуда явился. Это весьма напоминало поведение такого же пузыря в

бухте, только сейчас он улетел, а на Земле скользнул над водой и погрузился. Но в обоих случаях все было проделано столь быстро и небрежно, что выглядело откровенно оскорбительно. В конце концов, в нашем штате я не какая-нибудь там голь перекатная: один из моих предков мог приплыть в Америку на первом корабле с колонистами, если бы не сидел в это время в тюрьме.

Цилиндр повернулся и смотрел вслед медузе, пока та не скрылась. Затем очень медленно развернулся обратно и взглянул на нас. А мы нервно переступали с ноги на ногу.

Наш гость принялся выгружать из машины на песок какое-то оборудование. Потом стал вставлять одну детальку в другую, соединять одну хреновину с другой фиговиной, и вскоре на свет появилась дикая на вид угловатая блестящая машина. Цилиндр переместил ее вплотную к серому пузырю, доставившему нас на Марс, забрался в машину и поковырялся внутри щупальцами.

Вокруг машины появился маленький пузырь, соприкасающийся с серой дымкой нашего.

— Шлюз,— догадался Пухляк.— Он делает шлюз, чтобы войти, но не выпустить при этом наш воздух. На Марсе-то атмосферы, считай, практически нет.

Пухляк оказался прав. В серой стенке пузыря чуть выше уровня воды появилось отверстие, куда протиснулся парень со щупальцами и на некоторое время завис в воздухе, разглядывая нас.

Внезапно цилиндр с плеском плюхнулся в воду и скрылся с глаз. Мы подбежали к борту и посмотрели вниз.

Цилиндр сидел на дне, протянув все щупальца к макрели, которая отчаянно работала хвостом, уткнувшись носом в серую стенку. Из отверстия на поясе цилиндра поднималась цепочка пузырьков.

— Хотел бы я знать, чего он хочет от бедной макрели? — удивился я.— Он ее до смерти напугает.

Не успел я договорить, как сине-белый марсианин стал всплывать, поднялся над бортом и опустился на палубу, мокро чмокнув присоской.

В нашу сторону развернулись два щупальца. Мы попятились. Одно из отверстий выше пояса цилиндра растянулось и изогнулось, словно рот заики.

— Вы... э-э... разумная форма жизни с Земли? — услышали мы рокочущий и поразительно низкий бас.— Я... э-э... не ожидал сразу двоих.

— Английский! — одновременно завопили мы.

— Правильный язык? Э-э... кажется, да. Вы... э-э... из Новой Англии, но английский — правильный язык. Этот язык в меня дрифанули, чтобы я смог правильно подстроиться. Извините меня. Я... э-э... ожидал только одного и не знал, какая вы форма жизни — морская или сухопутная. И я... э-э... сперва подумал, что... Разрешите представиться: мое имя Близел-Ри-Ри-Бел.

— А мое Майерс.— Пухляк шагнул вперед и пожал щупальце, привычно беря ситуацию в свои руки.— А это мой друг Пол Гэрланд. Полагаю, вы явились предъявить нам счет за обед?

— Предъявить счет,— отозвался Близел.— Настроить. Сделать выбор. Объяснить. И еще...

Пухляк поднял руку-окорок и помахал перед Близелом. Тот смолк.

— А куда подевался второй марсианин?

Близел сплел два щупальца косичкой.

— Не другой... э-э... марсианин. Я марсианин... э-э... и представитель марсианского правительства. А Он-Из-Шойна — посол Шойна.

— Шойна?

— Шойна. Галактической нации, для которой наша система лишь провинция. Шойны — нация нашей и других галактик. И они же, в свою очередь, часть еще более крупной нации, имени которой мы не знаем. Он-Из-Шойна, то есть... э-э... посол, уже... э-э... решил, кто из вас подходит лучше, но не сказал об этом мне. И я должен... э-э... сам сделать выбор, чтобы доказать наши способности и нашу... э-э... пригодность называться полноправными гражданами в Шойне. Но это трудно, поскольку мы... э-э... всего в пять раз более развиты, чем вы, если округлить цифры.

— Вы хотите выяснить, кто из нас более пригоден? Но к чему?

— Чтобы остаться здесь в качестве дипломатического представителя, чтобы ваши сопланетники смогли прилетать сюда. Они могли бы прилетать и сейчас, если бы не барьер равновесных сил, дрифанутый вокруг вашей планеты и ее спутника. Этот барьер защищает вас от нежелательных вторжений, а заодно... э-э... не дает вам неожиданно... э-э... появиться в цивилизованной части Шойна. Его-Из-Шойна на вашей планете больше интересовало развитие разумных форм жизни, обитающих в коре вашей планеты, а не на ее поверхности. Прошу вас, не сочтите это недоверием, ибо Он-Из-Шойна не знал, что вы овладели умением межпланетных полетов.

— Он-Из-Шойна на Земле,— процедил Пухляк.— Тот самый, что послал нас сюда. Так говорите, это их посол на Земле?

Марсианин смущенно плел щупальца. Белые полоски на цилиндрическом теле стали шире.

— На Земле... э-э... пока не требуется посол. Он-Из-Шойна там... э-э... просто консул. К нему могут обратиться все... э-э... разумные формы жизни Земли. Я... э-э... еще вернусь.

Он нырнул обратно в пузырь поменьше, служивший ему шлюзом, и начал копаться в своих штуковинах и фиговинах.

Мы с Пухляком сравнили впечатления.

Вся наша Галактика и несколько других являются частью федерации под названием «Шойн». Марс практически готов присоединиться или быть принятым в федерацию, других членов которой марсиане считают настоящими мудрецами. А Земля есть лишь захолустная планетка, которой полагается лишь консул, тот самый зеленый пузырь «Он-Из-Шойна». Какие-то другие разумные формы жизни, найденные на нашей планете, консул ставит даже выше, чем людей. Тем не менее мы удивили его, обзаведясь космическими кораблями гораздо раньше, чем ожидалось. Но эти корабли не могут улететь дальше Луны из-за какого-то «барьера равновесных сил», который не дает никому попасть на Землю, равно как и улететь с нее.

По каким-то причинам на Марсе потребовалось постоянное присутствие представителя Земли. Одной темной ночкой этот консул нас заловил и отправил на Марс. Когда мы туда прибыли, шойнский посол осмотрел нас и решил, кто из нас двоих ему подходит. Означает ли это, что второй сможет вернуться? Но что станет с другим?

Как бы то ни было, местный посол был слишком важной шишкой, чтобы назвать марсианам имя счастливчика. При помощи «дрифования» он обучил какого-то правительственного чиновника нашему языку, и теперь марсианину придется крутиться самому. А марсианин, несмотря на всю свою застенчивость, считает, что он как минимум в пять раз умнее нас. Наконец, его английский оказался не очень-то хорош.

— Может, все дело в том, что его дрифанули всего раз? — предположил я.— И язык не усвоился как следует.— Я нервничал: с нами до сих пор обращались слишком небрежно.

— А что это за штука такая, дрифование? — спросил Пухляк у Близела, когда тот вновь появился на палубе, сжимая щупальцами охапку всяческого оборудования.

— Дрифовать могут только Они-Из-Шойна. Мы... э-э... марсиане, для этого до сих пор используем приборы. Дриф — это не образ, а конструкция... э-э... транслитерации, служащей для вашего восхищения. Те-Из-Шойна дрифуют, используя... э-э... внутреннюю силовую структуру того, что вы называете

космосом. Подобным способом можно... э-э... материализовать любой предмет — вещественный или какой угодно. А теперь начнем проверку.

Марсианин вручил нам различные приборчики с мигающими разноцветными огоньками. Как оказалось, он хотел, чтобы мы нажимали разные кнопочки, когда огоньки складывались в некие узоры, но мы, как мне показалось, так и не сделали ничего правильно.

Пока мы играли марсианскими игрушками, Пухляк небрежно поинтересовался, что произойдет, если мы откажемся расстаться и оставить одного из нас здесь. Марсианин столь же небрежно ответил, что один из нас в любом случае останется и у нас нет выбора, потому что мы можем делать только то, что нам разрешают.

Пухляк поведал ему, что на Земле есть очень умные люди, знающие логарифмы и подобные штучки и согласные пожертвовать оба зуба мудрости, а то и глаз ради шанса провести остаток своих дней на Марсе. И эти люди, отметил он, окажутся куда более интересными для марсиан, а то и для Них-Из-Шойна, чем хозяин лавочки и владелец бензоколонки из маленького городка, которым оказалось не по силам одолеть даже элементарную алгебру.

— Мне кажется,— деликатно заметил Близел,— что вы преувеличиваете разницу между их интеллектом и собственным.

Пухляк выдержал проверку. Наверное, сказался его опыт работы с моторами. Я его поздравил, и он уныло взглянул на меня.

Близел полез обратно к себе, сказав перед этим, что Пухляку придется ненадолго съездить с ним в их «слимп» — мы решили, что это нечто вроде города. И если выяснится, что Пухляк подходящий кандидат, то он привезет его обратно «э-э... организовать прощание». Впрочем, Близел жутко нервничал — боялся, что сделал неправильный выбор.

Пухляк покачал круглой головой, глядя на марсианина, который сооружал маленький пузырь за пределами нашего — в нем предстояло ехать Пухляку.

— Знаешь, вообще-то этих парней нельзя по-настоящему винить. В конце концов, у них своих проблем хватает. Ведь они пытаются войти в галактическую федерацию на равных с какими-то большими шишками и теперь хотят доказать свои способности. А сейчас они нечто вроде любителей, вступающих в игру с командой профессионалов. Мне только одно не понравилось — как они виляют хвостом перед этими шойнами. Немного собственного достоинства им бы не помешало. Если хо-

рошенько разобраться в ситуации, то они здесь самые обычные эксплуатируемые туземцы, и все полагают, что мы станем такими же, только на еще более низком уровне.

— Ничего, Пухляк, подожди, пока люди доберутся до Марса. Уж мы-то этих марсиан в обиду не дадим. С нашими-то атомными бомбами и прочим оружием мы избавим систему от галактических империалистов. Спорю на что угодно, мы и глазом не успеем моргнуть, как наши ученые разберутся с тем силовым барьером. И с дрифованием тоже.

— Конечно. И подумать только — в коре Земли обитает разумная форма жизни, а то и не одна, и этот Он-Из-Шойна водит их за нос и пудрит им мозги. Ужас! Мы уже знаем про марсиан с их цивилизацией, а сколько еще разумных видов отыщется между Меркурием и Плутоном. Целая империя, Пол, куда больше, чем любая империя на Земле,— и всю ее контролируют эти куски зеленого желе!

Близел закончил создание пузыря, и Пухляк забрался в него через шлюз. Стенки пузыря были темнее, чем у того, где остался я, и я предположил, что Близел менее опытен в таких делах, чем зеленая медуза из бухты Казуаров.

Марсианин залез в свою машину и поехал прочь. Пузырь с Пухляком повис над машиной и полетел следом.

Следующие часов десять или двенадцать я провел на Марсе в одиночестве. Наступила ночь, и я любовался, как на небе гоняются друг за другом две луны. Как-то раз из песка вылезла здоровенная змея, посмотрела на меня и поползла дальше по своим змеиным делам.

Обеды больше не падали с потолка, и я всерьез соскучился по отбивным и всему, что к ним прилагалось.

Когда Близел и Пухляк вернулись, марсианин остался снаружи возиться со своим оборудованием, а Пухляк медленно заполз ко мне через шлюз. Он все время облизывался и учащенно дышал. Я испугался:

— Они тебя мучили, Пухляк? Что они с тобой сделали?

— Нет, Пол, не мучили,— тихо ответил он.— Просто я очень многое повидал.

Прежде чем продолжить, он нежно похлопал мачту.

— Я видел их слимп, и это не город в том смысле, в каком мы их понимаем. Он так же напоминает Нью-Йорк или Бостон, как Нью-Йорк или Бостон напоминают муравейник или улей. Мы приняли Близела за невежественного иностранца, потому что он плохо говорит на нашем языке. Как мы ошибались, Пол! Я изумлен, насколько марсиане выше нас, насколько они нас опередили. Они уже тысячи лет летают к звездам. Они побывали и на всех планетах нашей системы с открытым доступом. На Уран и Землю доступ закрыт. Барьер.

Но на всех остальных планетах у них есть колонии и ученые. У них есть атомная энергия, то, что следует за атомной энергией, и то, что придет на смену этому. И все же они смотрят на тех существ из Шойна с таким уважением, что ты и представить не сможешь. Никто их не эксплуатирует, просто за ними наблюдают и при нужде помогают. А эти существа из Шойна входят в еще более крупную федерацию, о которой я мало что понял, и за ними тоже наблюдают, их охраняют и им помогают — но уже другие существа. Вселенная очень стара, Пол, а мы в ней новички, такие невежественные новички! Подумай, что станет с нашей гордостью, когда человечество об этом узнает.

Пухляк надолго замолчал, продолжая похлопывать по мачте, и я нахмурился, глядя на него. Наверное, они все же что-то сделали с беднягой, иначе куда подевалась его гордость? Обработали какой-то дьявольской машиной. Ну ничего, как только Пухляк вернется на Землю, он снова станет нормальным — прежним задирой Пухляком Майерсом.

— Ты... ты им подошел?

— Да, подошел. Посол — Он-Из-Шойна,— произнес он с таким уважением, какого я прежде никогда не слышал,— сказал, что выбрал именно меня. Видел бы ты, как запрыгал Близел и другие марсиане, когда это услышали! А тебе теперь нужно вернуться на Землю. Близел так настроит твой пузырь, чтобы еда у тебя стала разная, какую сам пожелаешь. Нужно обо всем рассказать людям. Когда они начнут прилетать сюда регулярно, то смогут назначить другого здешнего консула, и если он подойдет Шойну и Марсу, то я смогу вернуться.

— Пухляк, а что, если мне никто не поверит?

— Не знаю, что тогда будет,— пожал плечами Пухляк.— Близел мне сказал, что если консул не сможет действовать достаточно успешно, чтобы протащить людей сквозь барьер в течение нескольких ризов, то они придут к выводу, что у него недостаточно интеллекта, чтобы гарантировать их интересы. Добейся, чтобы тебе поверили, Пол, а то я не знаю, что со мной станет, коли у тебя ничего не выйдет. Насколько я понял, люди здесь никого особенно не волнуют.

— Но с тобой пока ничего не случится?

— Я стану здесь сооружать нечто вроде города для землян, которые станут жить на Марсе. Если ты сумеешь направить сюда людей по правильным каналам, моей обязанностью будет проверить их полномочия, поприветствовать и объяснить ситуацию как человек человеку. Стану кем-то вроде официального встречальщика.

Когда Близел кончил перенастраивать коробочки моего пузыря, он налепил на верхушке такое же цветное пятно, и я полетел домой. Обратный полет оказался весьма скучным, даже макрель по дороге сдохла. Еда оказалась разнообразной, так что я не утратил к ней интерес, но вся она имела какой-то мыльный привкус. Выходит, Близел и в самом деле не ровня тому зеленому типу из бухты.

Я приводнился в той самой точке, откуда мы взлетели — два месяца назад, как я потом узнал.

Ударившись о воду, пузырь растаял. Я не стал возиться с парусами шлюпа, а просто прыгнул через борт и поплыл к берегу.

Приятно было плыть не кругами, а по прямой.

Как оказалось, кое-кто уже хотел устроить нам символические похороны, но Эдна твердо воспротивилась и заявила, что, пока обломки шлюпа не найдены, она будет считать меня живым. И на все возражения отвечала, что мы с Пухляком, наверное, в один прекрасный день объявимся где-нибудь в Европе.

Поэтому, когда я вошел в нашу лавочку, она, будучи Эдной, лишь посмотрела на меня и поинтересовалась, где я был. Я ответил, что на Марсе. С тех пор она со мной не разговаривает.

Тем же вечером репортер из местной газеты взял у меня интервью и написал идиотскую статью, в которой с моих слов утверждалось, будто я основал консульства на всех планетах нашей Солнечной системы. Но я этого не говорил; я лишь сказал ему, что мой друг Пухляк Майерс сейчас исполняет обязанности консула Земли на Марсе.

Мой рассказ перепечатала одна из бостонских газет, подав его как провинциальный анекдот и снабдив юмористической картинкой. И все. С тех пор я чуть с ума не сошел, пытаясь убедить хоть кого-нибудь мне поверить.

Не забывайте, наше время ограничено: один риз, от силы два.

Поэтому для тех, кто еще заинтересован в космических путешествиях после всего, что я рассказал, повторю в последний раз: кончайте биться головой в барьер равновесных сил, сквозь который пробиться невозможно. Вам надо приехать к бухте Казуаров, взять лодку, выплыть в бухту и дождаться Того-Из-Шойна. Я помогу всем желающим, и можете не сомневаться, что Пухляк Майерс, когда дело дойдет до него, подтвердит, что вы с Земли, и выполнит все необходимые формальности. Но никаким другим путем на Марс и Венеру не попасть.

Для этого нужна виза.

Поколение Ноя

До Планкета донесся негромкий окрик жены — она звала сына, их младшенького.

Отпустив с лязгом захлопнувшуюся за ним дверь, позабыв, что переполошит этим всех кур, он еще раз прислушался. Наверное, сложила ладошки рупором возле рта, чтобы никто больше не слышал, подумал он.

— Саул! Эй, Саул! Иди назад немедленно! Хочешь, чтобы отец побежал за тобой на дорогу? Саул!

Последний возглас прозвучал громче и явственнее, словно она отчаялась привлечь внимание малыша и одновременно не побеспокоить мужа.

Бедная Анна!

Аккуратно пробираясь между суетливыми, вечно голодными наседками к боковой двери, Планкет едва не наступил на одну из них. Наконец он выбежал за калитку и помчался бегом.

Из сарая доносились звуки детской возни. Прекрасно! А ведь обещали: «Мы последим за ним, не беспокойтесь». Вот и оставляй после этого.

— Саул! — голос женщины дрожал от волнения.— Саул! Отец уже идет! — Анна распахнула парадную дверь и, остановившись в проеме, крикнула вслед мужу: — Элиот! Не сердись, я себя неважно чувствую.

Да, с беременностью шутки плохи, тем более на шестом месяце. Ведь знает, сорванец, что мать не побежит за ним.

На полуобледеневшей тропинке, ведущей в огород, Планкет на секунду остановился отдышаться.

Да... Как все изменилось. Ведь несколько лет назад, когда Рандстетовские Тигры с ревом переваливались через насыпь, у него после внушительного кросса еще доставало сил вырыть небольшой окоп. От курятника до огорода и расстояние-то

метров сто пятьдесят, не больше, а он — надо же! — чуть не задохнулся. И это при его-то прежней практике!

Малыш неторопливо наклонялся к палке, собираясь бросить ее увивавшемуся рядом псу. Канава, где Планкет обнаружил сына, находилась намного дальше запретной белой линии, прочерченной поперек тропы.

— Элиот,— опять позвала жена.— Ему же всего шесть лет. Он...

Планкет набрал в легкие побольше воздуха.

— Саул! Саул Планкет! — крикнул он.— Ну-ка, на старт, внимание... марш!

Он знал, что Саул не мог его не услышать. Нажав на кнопку секундомера, Планкет вскинул вверх сжатый кулак.

Малыш обернулся и, увидев поднятую отцовскую руку, сообразил, что секундомер включен. От неожиданности и испуга он выронил палку, но какое-то время словно еще раздумывал.

Восемь секунд. Наконец-то Саул побежал. Но почему так медленно? Растик резвился и прыгал, норовя проскользнуть меж ногами мальчика.

Анна подошла, остановилась рядом с мужем. Было видно, как нелегко дался ей этот путь. Посматривая из-под согнутого локтя мужа на стрелку секундомера, она неуверенно улыбалась, следя за выражением его лица. Не стоило ей выходить на улицу в ноябре, да еще в одном домашнем халате. Впрочем, пусть посмотрит — ей тоже полезно.

Планкет поглядывал на секундомер.

Минута сорок.

Радостный собачий лай звучал все отчетливее, но топота детских ног по-прежнему не было слышно.

Две минуты. Не успеет...

Горькие мысли накатили на Планкета. Вот оно, воспитание в этот суперпросвещенный век! Для того чтобы его шестилетний сын сумел выжить, отец вынужден прежде всего научить его быстро бегать. Именно с этой целью Планкет приобрел самый лучший секундомер, какой только мог себе позволить,— воспользовался, так сказать, последними научными достижениями...

Две с половиной минуты. Растик лаял где-то уже совсем рядом. Ну наконец-то! Топ-топ-топ... А ведь смог бы, стоило только захотеть.

— Поторопись, Саул,— прошептала мать.— У тебя получится.

Планкет снова взглянул на неумолимо бегущую стрелку, потом на сына — штанишки малыша насквозь промокли от пота.

— Опять дышит не так, как я учил,— проворчал он.— Потому и сил не хватает.

Уже на полпути к дому Саул споткнулся и растянулся во весь рост.

— Не считается, Элиот. Он оступился,— попыталась оправдать сына Анна.

— Вижу, что оступился. А глаза на что?

— Вставай, Саулюшка,— подбодрил Херби, старший брат. Он стоял с Жозефиной Давкинс у сарая, рядом с полным ведром яиц.— Давай беги скорее, у тебя получится!

Малыш поднялся и, всхлипывая, снова устремился вперед. Добежав до ступенек, спускающихся в погреб, буквально нырнул вниз.

Планкет нажал на кнопку. Три минуты тридцать секунд. Он показал часы жене.

— Тридцать секунд.

Анна нахмурилась.

Малыш, задыхаясь, карабкался вверх по ступенькам, виновато косясь на отца.

— Подойди сюда, Саул. Посмотри на часы. Ну? Что ты видишь?

Мальчик внимательно вгляделся в циферблат; его щеки затряслись, слезы стыда заструились по лицу.

— Больше трех минут, папа?

— Да, Саул, больше трех минут. И прекрати реветь — ничего уже не исправишь. Лучше скажи-ка мне: что случится, когда ты доберешься до дверей?

— Они будут заперты,— прорвался сквозь прерывистые всхлипывания тоненький голосок.

— Вот именно. Двери будут заперты. И ты окажешься снаружи. Так... и что потом с тобой будет? Перестань плакать, отвечай!

— Затем, когда упадут бомбы, я... я не смогу спрятаться и сгорю, как спичечная головка. И... и... от меня останется только мокрое место на земле в форме моей тени. А... а...

— А радиоактивная пыль...— безжалостно подсказывал отец.

— Элиот,— Анна, не выдержав, всплакнула вслед за сыном,— я не...

— Анна, пожалуйста, не надо! Ну, продолжай! А радиоактивная пыль...

— А ра... ра-ди-о-ак-тивная пыль просочится сквозь кожу и сожжет мне легкие... Ну, пожалуйста, папа, я больше не буду!

— А твои глаза? Что произойдет с твоими глазами?

Крохотным кулачком малыш размазал слезы.

— Мои глаза выпадут... и зубы мои выпадут... и я почувствую такую ужасную... ужасную боль...

— Правильно. Вот что с тобой случится, если после сигнала тревоги ты прибежишь к погребу слишком поздно,— все будет заперто, и ты останешься на улице. Ровно через три минуты независимо от того, кто остался снаружи, мы закрываем засовы. Повторяю: кто бы ни остался! Все двери будут закрыты. Ты понял меня, Саул?

Двое побледневших ребятишек Давкинсов испуганно прислушивались.

Их родители специально привезли детей из города, упросив Элиота Планкета взять их под свою защиту. Он не смог отказать старым друзьям.

— Да, я все понял, папа. Я никогда больше так не сделаю. Никогда-никогда.

— Я надеюсь. А теперь иди в сарай, Саул. Ну давай же! Неужели я должен тебя ждать? — Планкет снял с пояса тяжелый кожаный ремень.

— Элиот! Разве это поможет мальчику понять? Едва ли ему что-то станет яснее.

Планкет остановился, пропуская всхлипывающего сына вперед.

— Яснее, конечно, не станет, но послужит еще одним уроком. Если бы я почаще снимал ремень, вся наша семерка наверняка укладывалась бы в три минуты!

Позднее, еле волоча от усталости ноги, обутые в громоздкие фермерские ботинки, Планкет зашел на кухню, где Анна кормила Дину.

— Он сегодня без ужина? — спросила она, не прекращая своего занятия.

— Без ужина.— Элиот вздохнул.— Мужику ужинать не обязательно.

— Ну-ну, особенно такому, как ты. Не многие мужчины становятся фермерами в тридцать пять. Не каждый станет тратить все до последнего пенни на строительство подземного бомбоубежища, да еще и с автономной электростанцией впридачу. И все только ради безопасности... Впрочем, ты прав.

— Я только хочу придумать,— разгорячился Элиот,— как бы так расширить погреб, чтобы там поместилась телка Нэнси И если высокая цена на яйца продержится еще хотя бы с месяц, то лично я бы прорыл туннель к инкубатору. Затем колодец... Хоть он и закрытый...

— А помнишь, семь лет назад, когда мы только появились здесь,— Анна наконец поднялась и, подойдя к мужу, нежно потерлась щекой о его обтянутую плотной рубахой грудь,— на этом месте было пусто и голо. А теперь у нас три курятника,

тысяча бройлерных кур, а сколько несушек и петухов — даже и не знаю.

Планкет обнял за плечи тесно прижавшуюся к нему жену.

— Анна, Анна! Если ты думаешь так же, как я, то так же надо и действовать! От детей пока толку немного, а одному мне трудно. Ты же знаешь, какое у нас хозяйство: бетонированный погреб из пяти комнат, который можно замуровать в пять секунд; крытый колодец, наполняемый из глубокого артезианского источника; ветряная мельница, дающая ток; топливный генератор — для экстренных случаев. Запасов продовольствия у нас достаточно, есть счетчики Гейгера для определения радиации, костюмы химзащиты. Я тебе уже много раз говорил и готов повторять еще и еще, что все это — наш спасательный плот...

— Конечно, дорогой,— отстраняясь от мужа, промолвила Анна и возвратилась к ребенку. Планкет, собиравшийся было что-то добавить, умолк.

— Ты абсолютно прав. Кушай, кушай, Дина. Я думаю, последнее сообщение из Клуба Уцелевших каждого заставит задуматься.

Планкет как-то прочел ей пару цитат из октябрьского номера журнала «Уцелевший», и она запомнила. Что ж. По крайней мере, они что-то делали: выискивали укромные защищенные места, спешно копали траншеи и ходы, стремясь создать единую разветвленную сеть,— короче, пытались как-то пронести себя и свой семейный корабль сквозь тревожные военные годы Атомного века.

Взгляд Планкета упал на зеленую обложку мимеографического журнала, лежавшего на кухонном столе. Найдя в который уже раз захватанную пальцами страницу под номером пять и еще раз пробежав глазами знакомую статью, он покачал головой.

— Нет, ты представляешь?! Эти идиоты согласны с правительством в вопросе коэффициента безопасности. Шесть минут! Да какое они имеют право — тем более такая организация, как Клуб Уцелевших,— преподносить это в качестве официального мнения?! С какой стати?

— Они просто смешны,— проворчала Анна, отмывая тарелку.

— Да, у нас есть автоматические детекторы. Но надо же понимать, что возможности радаров не безграничны. Они что, думают, мы будем нырять под землю всякий раз, когда случится метеоритный дождь?

Он стал прохаживаться вдоль длинного стола, ритмично постукивая кулаком о ладонь.

— Для начала, они в первый момент не будут уверены. Кто захочет взять на себя риск подать общенациональный сигнал бедствия, который ввергнет всех в панику? А наши полигоны — да там такое начнется! А когда наконец они обретут уверенность, то все равно действовать начнут не сразу. А тем временем ракеты уже будут в полете. Как быстро, правда, никто не знает. Люди в ужасе бросятся куда-то бежать, отчаянно пытаясь найти хоть какое-нибудь укрытие. Потом они таки нажмут на кнопку, и лишь тогда прозвучит всеобщий сигнал об опасности.

Планкет обернулся к жене, вытянув натруженные, подрагивающие руки.

— И лишь затем, Анна, только после того, как мы услышим этот сигнал, наступает наш черед действовать, то есть прятаться в погреб. Но кто знает, кто осмелится твердо сказать, каким в этом случае будет реальный запас времени? В общем, раз они установили шестиминутную готовность, то, с учетом задержки на оповещение, для нас остается не более трех минут.

— Ну давай еще ложечку, Дина,— настаивала Анна.— Всего одну! Вот умница.

В сарае у ближайшего курятника Херби с Жозефиной чистили фуражную тележку.

— Все готово, пап,— улыбнулся мальчик отцу.— Яйца тоже собрали. Когда мистер Уайтинг придет за ними?

— В девять часов. Вы накормили кур в последнем курятнике?

— Я же сказал, что все сделано,— с нетерпением в голосе произнес Херби.— Если я говорю, значит, так и есть.

— Ладно. Садитесь немедленно за книжки. Эй, стойте! Образование крайне важная вещь, без него никуда. Правда, никто не знает, что потребуется завтра. Может так выйти, что только мы с матерью и будем вас учить.

— Вот так, слышала? — Херби многозначительно подмигнул Жозефине.— Подумай об этом...

Девочка теребила косичку белокурых волос.

— Мистер Планкет,— учтиво спросила она,— а как насчет моих мамы и папы? Они больше не... не...

— Ты их никогда больше не увидишь! — злорадно выпалил Херби и громко, вызывающе захохотал — грубо и совсем не по-детски. Этот присущий деревенским жителям смех появился у него совсем недавно.— Им не спастись. Они ведь живут в городе, не так ли? От них останутся...

— Херби!

— ...Лишь пузырьки на грибовидном облаке,— закончил мальчик, придя в восторг от собственной метафоры.— Ой, прошу прощения,— вдруг залепетал он, переведя взгляд с задрожавшего личика Жозефины на разгневанного отца.— Но ведь это все равно правда,— продолжал он уже мягче, стараясь подбирать слова.— Потому они и прислали тебя с Лестер сюда. А когда-нибудь я наверняка на тебе женюсь. Так что привыкай называть папой его, у тебя ведь все равно выбора нет.

Жозефина крепко зажмурила глаза, толкнула дверь сарая и выбежала.

— Гадина ты, Херби Планкет,— сквозь рыдания прокричала она.— Ненавижу!

Скривившись, Херби взглянул на отца: женщина — что с нее возьмешь? Ох уж эти женщины! И побежал за девочкой.

— Эй, Жо! Послушай!

Проблема в том, беспокойно размышлял Планкет, относя в погреб запасные лампочки для аварийного освещения гидропонического парника, что из-за постоянных внушений Херби железно усвоил одно: самое главное — выжить, а всякие там удовольствия — это просто удовольствия, и не более того.

Уравновешенность и самодостаточность — вот те добродетели, которые Планкет считал непреложными еще со времени жизни в городе, где он служил бухгалтером в одной из контор. Именно такие качества прививал он и своим детям. Тем не менее Херби не следовало так говорить. Элиот покачал головой.

Вдоль длинных курящихся гидропонических парников размещались инкубаторы. Планкет открыл и дотошно осмотрел каждый. На одном подносе яйца уже «дошли» — вот-вот вылупятся цыплята, утром надо не забыть заменить инкубатор новым.

Зайдя в третью комнату, он поглядел на книжные полки.

«Надеюсь, Жозефина натаскает моего сорванца с уроками. Если он провалит следующий экзамен, придется регулярно возить его в город. Напомню ему про выживание, думаю — должно сработать».

Элиот обратил внимание, что давно уже беседует сам с собой,— привычка, с которой он тщетно боролся уже, наверное, в течение месяца.

«К тому же несу какую-то чушь»,— подумал он. В такие моменты он ощущал себя трамваем, сошедшим с рельсов.

Наверху зазвонил телефон. Анна степенно и неторопливо пошла снимать трубку. Наверное, эта невозмутимость свойственна всем беременным женщинам.

— Элиот! Нат Медари.

— Скажи, что иду.— Планкет тщательно закрыл за собой массивную сводчатую дверь, посмотрел на нее пару секунд и стал подниматься по высоким каменным ступеням.

— Привет, Нат. Что нового?

— Привет, Планк. Только что получил открытку от Фицджеральда. Помнишь его? Ну, серебряная шахта в Монтане. Так вот. Он утверждает, что теперь якобы переходят на литиевые бомбы.

Планкет облокотился локтем на стену. Прижав трубку правым плечом, раскурил сигарету.

— Фицджеральд тоже иногда ошибается.

— Хм-м. Ну, не знаю. А ты представляешь себе, что это значит?

— Это означает,— Планкет задумался,— что освобожденная цепная реакция взорвет к чертовой матери всю атмосферу... если, конечно, сбросить несколько бомб. Разве что...

— Разве что, разве что...— передразнил Медари.— Ясно одно: в этом случае нам уже ничто не поможет, не уцелеет никто. По-моему, пора плюнуть на все и позволить себе ходить в церковь и кабак, как поступает мой кузен Фред из Чикаго. Я сколько раз пытался его образумить. Но выходит... выходит, я был прав, Планк? Даже тебе не удалось зарыться достаточно глубоко.

— Достаточно! Я все продумал. Если прослойки из свинца и бетона не обеспечат должной защиты и мой бункер расколется, что ж, по крайней мере, остальные, кто не спрятался, гораздо раньше сдохнут от жажды. Я трачу все деньги на покупку мощного оборудования. А тебе, случись непоправимое, придется вручную наполнять баллоны кислородом!

Нат усмехнулся.

— Ты, конечно, прав. Надеюсь, еще встретимся.

— И я надеюсь...— Заслышав шум, Планкет выглянул в окно как раз в тот момент, когда к дому подрулил старый, раздолбанный автомобиль.— Кстати, Нат, знаешь, кто приехал? Чарли Уайтинг! Что это он вдруг в воскресенье?

— Да, он только что от меня. В городе намечается какой-то политический митинг, и он не хочет его пропустить. Честно говоря, в последнее время это спевшееся сборище дипломатов и генералов меня тоже начинает раздражать. Среди наших мыслителей находятся радикалы, готовые задушить их всех собственными руками. Собственно, они и созвали митинг, чтобы поставить все точки над «i».

— Что-то ты разошелся,— улыбнулся Планкет.

— В общем, мы молимся за тебя, Планк. Анне привет.

Повесив трубку, Планкет неторопливо спустился во двор. Чарли тщетно пытался захлопнуть заднюю дверь своей колымаги, еле висевшую на одной проржавевшей петле.

— Яйца я уложил, мистер Планкет. Квитанцию подписал, вот здесь. Чек получите в среду.

— Спасибо, Чарли. Эй, дети, ну-ка быстро за уроки. Херби, не слышишь, что ли? У тебя сегодня вечером тесты по английскому. Ну, как дела, Чарли? Цены на яйца все растут?

— Растут, растут — Чарли заполз на скрипучее кожаное сиденье и, проворно захлопнув за собой дверцу, высунул локоть в окно.— Хе-хе. Цены растут, и мне перепадает даже больше, чем вам. Пользуюсь тем, что спасающихся, вроде вас, развелось предостаточно и все боятся везти в город собственный товар.

— Имеете право,— смущенно заметил Планкет.— Ну а как там митинг?

— Соберется куча народа. Ай, да все это без толку. Опять ничего не решат. За последние несколько лет прошел уже миллион таких собраний, и все равно каждый знает, что это произойдет... рано или поздно. Они просто время теряют. Надо ударить первыми — вот мое мнение.

— Может, мы и ударим. А может, они. Не исключено также, что эта замечательная идея одновременно придет в голову многим.

Чарли нажал ногой на стартер.

— Чушь! Если мы опередим всех, то отвечать будет уже некому. У них просто не будет ни времени, ни возможности. Это я вам точно говорю. А вы, выживальщики...— Сквозь заднее стекло удалявшейся машины было видно, как он недовольно качал седой головой.— Эй! — закричал он вдруг, проехав еще несколько метров.— Эй, смотрите!

Планкет обернулся. Чарли держал вытянутую левую руку с поднятым вверх указательным пальцем.

— Смотрите, мистер Планкет,— орал старик.— Слышите? — Бух! Бух! Бух!

Раздался гомерический хохот, и Чарли порулил дальше.

Растик традиционно припустил следом, не переставая оглушительно лаять.

Элиот задумчиво глядел вслед удалявшейся машине, пока она не скрылась за поворотом, но и после этого он остался стоять в ожидании возвращения Растика, с гордым видом неторопливо трусившего к дому.

Жаль Уайтинга. Жаль и всех ему подобных, с естественным недоверием относящихся к ненормальным с их точки зрения людям.

Как же так вышло, что он позволяет этому старому жадноватому чудаку Уайтингу покупать его продукцию? Отчего ни сам он, ни кто-либо другой из семьи не рискует отправиться в город?

А все дело в том, что еще несколько лет назад он пришел к выводу, что в большинстве своем окружающие его люди слишком уверены в собственной безопасности, в их несомненном превосходстве над остальными, которые просто блефуют. А думать так — это все равно что поверить, будто два сорванца, стоящие друг против друга со снежками в руках, способны отбросить их в сторону и мирно разойтись. Это все равно что с серьезными лицами обсуждать преимущества бетонных заграждений в сравнении с проволочными перилами, когда собственные автомобили зависли над пропастью. В общем, все эти на первый взгляд справедливые и благочестивые люди на самом деле совершенно равнодушны.

Но в конце концов нашлась наконец группа единомышленников, вспоминал Планкет, решивших раз и навсегда положить конец пустым словопрениям. Рано или поздно наступает момент, когда вы, одетые во власяницу, устаете стоять и мрачно пялиться в зловещие небеса. Вы доходите до той грани, когда осознаете, что вовсе не перестали любить человечество, а просто захотели вытащить себя и своих близких из этого повального сумасшествия. Так называемое выживание отдельного индивидуума и его семьи...

Дзинь... дз-дз-дзинь... дз-дз-дзинь!

Планкет машинально нажал на стартовую кнопку секундомера.

Странно... Сегодня не намечалось учебного сигнала тревоги. Все дети гуляют на улице, кроме Саула — он не осмелится выйти из своей комнаты. Однако сигнал тревоги снимает все запреты. Разве что Анна...

Он прошел на кухню. Жена с бледным испуганным лицом стремительно бежала к двери, с Диной на руках.

— Саули! Ну же, беги быстрей, Саули!

— Я бегу, мама,— откликнулся малыш, топоча вниз по ступенькам.— Тороплюсь изо всех сил. Я успею!

До Планкета наконец дошло. Тяжело опершись рукой о стену, он в оцепенении следил, как Анна из последних сил несется вниз по лестнице к погребу. Саул спешил следом, размахивая на ходу ручонками, и уже почти догнал мать.

— Я успею, папа! Я успею!

Планкет почувствовал, как внутри у него все словно оборвалось. Он судорожно сглотнул.

— Не торопись, сынок,— прошептал он.— Настал Судный день.

Наконец он выпрямился, глянул на секундомер и тут заметил, что от ладони на стене остался мокрый след. Одна минута двадцать секунд. Неплохо. Совсем неплохо.

Дзинь... дз-дз-дз-инь... дз-дз-дз-инь!

Он встряхнулся и почувствовал, что весь дрожит. Нет, надо взять себя в руки. Первое, что он должен сделать,— притащить из сарая токарный станок.

— Элиот! — позвала его жена.

Казалось, все происходящее — страшный сон, и он вот-вот проснется. Спускаясь по ступенькам, он чувствовал, что ноги почти не слушаются, а возле самой двери погреба даже споткнулся. Подняв голову, он увидел лишь перепуганные глазенки сбившихся в кучу детей.

— Все здесь? — прохрипел он.

— Все, папа,— тоненько пропищал Саул.— Лестер с Херби в дальней комнате. Почему Жозефина плачет? Лестер не плачет. Я тоже не плачу.

Невнятно кивнув в сторону худенькой всхлипывающей девочки, он потянулся рукой к рычагу, торчащему из бетонной стены. Снова взглянул на часы. Две минуты десять секунд. Неплохо.

— Мистер Планкет! — орал, несясь по коридору, Лестер.— Мистер Планкет! Херби на улице, ловит Растика. Он выбежал в другую дверь. Я ему говорил...

Две минуты двадцать секунд,— отстучало в голове у Планкета, когда он добрался до верхней ступеньки. Херби носился по двору и щелкал пальцами, пытаясь приманить пса. Завидев отца, он буквально застыл на месте, но, к счастью, выпрыгнувший в тот же миг из-за кустов пес радостно подскочил к мальчику, сбив его с ног. Херби упал.

Планкет шагнул вперед. Две минуты сорок секунд. Моментально вскочив, Херби помчался к погребу.

Что это за глухой удар? Взрыв? Вот еще один! Похоже на мощное извержение вулкана. Кто это начал? Впрочем, разве сейчас это важно?

Три минуты... Вот Растик, виляя хвостом, влетел в погреб, а следом за ним несся задыхающийся Херби. Схватив сына за воротник, Планкет сделал гигантский скачок.

Прыгая, он успел заметить, как где-то далеко к югу вздымаются над землей смертоносные грибовидные зонты... И этот жуткий грохот...

Планкет подтолкнул сына вперед. Три минуты пять секунд. Дернув рубильник и не дожидаясь, пока дверь закроется и загерметизируется, он метнулся в коридор, торопливо запирая еще две двери. Так... еще один рубильник, контролирующий два запасных входа... Он резко дернул его и вновь бросил взгляд на часы. Три минуты двадцать секунд.

— Бомбы,— рыдала Жозефина.— Бомбы!

Анна обхватила Херби и стала пробираться с ним в главную комнату. Ощущая прикосновение нежных детских ручонок, она страстно прижимала сына к себе, гладила его по волосам, всхлипывая и без конца повторяя:

— Херби! Херби! Херби!

— Папа, я знаю, что ты меня будешь бить. Я... я... я хочу, чтобы ты знал: мне кажется, ты должен...

— Я не собирался тебя наказывать, сын.

— Правда? Здорово. Но я заслужил наказание... самое страшное...

— Возможно,— ответил Планкет, тупо глядя на пощелкивающие счетчики Гейгера.— Возможно, ты и заслужил наказание! — вдруг закричал он так пронзительно, что все обернулись.— Но я не буду тебя наказывать! Не только сейчас, но и никогда впредь! И хочу, чтобы так же поступали вы сами. Поняли?

— Да,— раздались в ответ нестройные рыдающие голоса.— Мы поняли!

— Поклянитесь! Дайте клятву, что вы и ваши дети и дети ваших детей никогда больше не накажут ни одно человеческое существо — пусть даже виновное в ваших глазах.

— Мы клянемся! — заорали они в ответ.— Клянемся!

Затем все они сели.

Ждать...

Нулевой потенциал

Спустя несколько месяцев после второй атомной войны, когда треть планеты все еще оставалась радиоактивной пустыней, доктор Дэниел Глэрт из Филлмора, штат Висконсин, наткнулся на открытие, которому суждено было вызвать последний рывок в социальном развитии человечества.

Подобно Колумбу, хваставшемуся тем, что добрался до Индии, подобно Нобелю, гордившемуся изобретением динамита, который, по его словам, сделает войны невозможными,— подобно им, доктор Глэрт не сумел правильно оценить свое открытие. Несколько лет спустя он говорил заезжему историку:

— Не думал, что из этого такое выйдет, никак не думал. Помните, война только что кончилась; мы были здорово потрясены тем, как испарились практически оба побережья Соединенных Штатов. Так вот, из Топики — новой столицы в Канзасе — нам, докторам, пришло распоряжение подвергнуть пациентов полному обследованию. В общем, смотреть в оба, чтобы не проглядеть радиоактивных ожогов и этих самых новых болезней, которыми швырялись друг в друга воюющие армии. Понимаете, сэр, я больше ничего и не предполагал делать. А Джорджа Абнего я знал тридцать лет — я его вылечил от ветрянки, от воспаления легких и от отравления. Никогда бы не подумал!..

В соответствии с распоряжением, которое прокричал на всех углах секретарь окружного совета, Джордж Абнего сразу после работы явился к доктору Глэрту. Терпеливо прождав полтора часа в очереди, он наконец вошел в маленький кабинет. Здесь его тщательно выстукали, просветили рентгеном, взяли анализ крови и мочи, внимательно исследовали его кожу, а потом ему пришлось ответить на пятьсот вопросов анкеты, разосланной

департаментом здравоохранения в отчаянной попытке охватить симптомы новых заболеваний.

Потом Джордж Абнего оделся и пошел домой, где его ждал скудный ужин, ограниченный жесткими нормами. Доктор Глэрт положил его папку в ящик и вызвал следующего. Он пока еще ничего не заметил; но, хотел он или не хотел, начало абнегистской революции уже было положено.

Четыре дня спустя, когда обзор состояния здоровья жителей Филлмора, штат Висконсин, был готов, доктор переслал материалы в Топику. Прежде чем подписать карточку Джорджа Абнего, он пробежал ее глазами, поднял брови и записал на ней следующее: «Если не считать склонности к кариесу зубов и плоскостопию, я считаю, что состояние здоровья этого человека среднее. В физическом отношении он соответствует норме для города Филлмора».

Именно эта последняя фраза заставила правительственного инспектора здравоохранения усмехнуться и еще раз взглянуть на карточку. Потом к усмешке прибавилось изумление; оно стало еще сильнее, когда инспектор сравнил цифры и данные на карточке с медицинскими справочниками.

Надписав что-то красными чернилами в правом верхнем углу карточки, инспектор послал ее в Исследовательский отдел.

В Исследовательском отделе удивились, зачем им переслали карточку Джорджа Абнего — у него не было отмечено никаких необычных симптомов, предвещавших экзотические новинки вроде мозговой кори или артериального трилхиноза. Потом они обратили внимание на надпись, сделанную красными чернилами, и на пометку доктора Глэрта. Пожав плечами, исследователи поручили группе статистиков заняться этим вплотную.

Спустя неделю, когда статистическое изучение вопроса было завершено, в Филлмор прибыло девять специалистов-медиков. Они тщательнейшим образом обследовали Джорджа Абнего, а потом ненадолго заглянули к доктору Глэрту, которому по его просьбе оставили копию протокола своего обследования.

Обстоятельства сложились так, что первый экземпляр этого протокола был уничтожен в Топике месяц спустя, во время мятежа Твердокаменных Баптистов — того самого мятежа, который побудил доктора Глэрта начать абнегистскую революцию. После того как население в результате атомной и бактериологической войн сильно сократилось в числе, эта баптистская секта оказалась самой крупной религиозной организацией страны. Возглавлявшая ее группировка стремилась установить в остатках Соединенных Штатов теократию Твердокаменных Баптистов. После кровопролитных боев и больших разрушений мятежники

были усмирены. Их вождь, преподобный Хемингуэй Т. Гонт, поклявшийся, что не выпустит из левой руки револьвера, а из правой — Библии, пока не воцарится власть Господня и не будет возведен Третий Храм, был приговорен к смертной казни судом своих же суровых единоверцев.

Сообщая о мятеже, филлморская газета «Бьюгл геральд» проводила печальную параллель между уличными боями в Топике и мировой катастрофой, вызванной атомным конфликтом. Передовая статья уныло констатировала: «Теперь, когда международная связь и транспорт разрушены, мы почти ничего не знаем о превращенном в руины мире. Мы знаем, что физический облик нашей планеты за последние десять лет изменился настолько же, насколько рождающиеся повсюду в результате радиоактивности дети-уроды отличаются от своих родителей. Воистину в эти дни катастроф и перемен наш изнемогающий дух обращается к небу с мольбой о символе, о знамении, гласящем, что все снова будет хорошо, что прошлое еще вернется к нам, что поток несчастий пойдет на убыль и мы снова почувствуем под ногами твердую почву нормы».

Именно это последнее слово привлекло внимание доктора Глэрта. В тот же вечер он опустил протокол обследования, проведенного правительственными специалистами, в редакционный почтовый ящик. На полях первой страницы он написал карандашом короткую фразу: «Вижу, что Вы интересуетесь этим вопросом».

Во всю первую страницу следующего номера филлморской «Бьюгл геральд», вышедшего неделю спустя, красовались заголовки:

ГРАЖДАНИН ФИЛЛМОРА — ЗНАМЕНИЕ?
НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ФИЛЛМОРА
МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ОТВЕТОМ СВЫШЕ!
МЕСТНЫЙ ВРАЧ РАСКРЫВАЕТ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ
СЕКРЕТ

Дальнейший текст был густо уснащен цитатами из протокола, а также из Псалмов Давида. Потрясенные жители Филлмора узнали, что некий Джордж Абнего, который почти сорок лет прожил среди них незамеченным, представляет собой живую абстракцию. Благодаря стечению обстоятельств, ничуть не более замечательному, чем появление у вас на руках четырех тузов в покере, физическое развитие, душа и прочие разнообразные атрибуты Абнего, вместе взятые, образовали мифическое существо — статистическое среднее.

Судя по последней предвоенной переписи, рост и вес Джорджа Абнего совпадали со средней цифрой для взрослого американца мужского пола. Он женился именно в таком возрасте (с точностью до года, месяца и дня), когда, по расчетам статистиков, в среднем женились все мужчины; его жена была моложе его именно на столько лет, чтобы разница в их возрасте соответствовала средней; его заработок, по данным последней налоговой анкеты, равнялся среднему заработку за этот год. Даже количество и состояние зубов у него во рту соответствовало предсказаниям Американской ассоциации зубных врачей. Его обмен веществ и кровяное давление, пропорции тела и неврозы — все в Абнего представляло собой обобщение последних статистических данных. Когда его подвергли всем возможным психологическим проверкам, окончательный результат показал, что это средний нормальный человек.

Наконец, миссис Абнего недавно разрешилась от бремени третьим ребенком — мальчиком. Это не только произошло точно в момент, соответствующий статистическим данным о движении населения, но и привело к появлению на свет абсолютно нормального представителя человечества в отличие от большинства детей, рождавшихся по всей стране.

Рядом со славословиями в честь новой знаменитости в газете была напечатана плохая любительская фотография, с которой на читателя застывшим взглядом смотрело семейство Абнего в полном составе. Выглядело оно при этом, как отмечали многие, «средне — чертовски средне!»

Газетам других штатов было предложено перепечатать материал. Так они и сделали — сначала не спеша, а потом со все распространявшимся, заразительным энтузиазмом. Когда живой интерес публики к этому символу стабильности, счастливо избежавшему всех крайностей, стал очевиден, на страницах газет забили фонтаны громких слов, посвященных «Нормальному Человеку из Филлмора».

Профессор Родрик Клингмейстер из университета штата Небраска заметил, что многие его студенты-биологи носят огромные пуговицы, украшенные портретами Джорджа Абнего. «Прежде чем начать лекцию,— усмехнулся он,— я бы хотел сказать, что этот ваш "нормальный человек" не мессия. Боюсь, что он всего-навсего наделенная честолюбием вероятностная кривая, всего лишь воплощенная посредственность...»

Договорить он не успел. Ему раскроили череп его собственным микроскопом.

Даже на той ранней стадии событий некоторые наблюдательные политики заметили, что за это поспешное действие никто не понес наказания.

Этот инцидент можно связать со многими другими, последовавшими за ним. Например, один злополучный житель Далата, оставшийся неизвестным, в разгар происходившей в этом городе манифестации под лозунгом «Добро пожаловать, приятель,— средний Абнего», добродушно удивившись, вслух заметил: «Смотрите, он же просто обыкновенный парень, вроде нас с вами». Он был немедленно разорван разъяренной толпой на клочки не крупнее праздничного конфетти.

За подобными случаями внимательно следили люди, находившиеся у кормила правления (постольку, поскольку те, кем правили, против этого не возражали). Эти люди решили, что Джордж Абнего представляет собой воплощение великого национального мифа, в течение столетия скрыто лежавшего в основе культуры и с таким шумом распространившегося благодаря массовым средствам общения.

Начало этому мифу положило когда-то детское движение, призывавшее «Стать Нормальным Полнокровным Американским Парнем»; свое высшее проявление он нашел в политических кругах, где претенденты на официальные посты, красуясь без пиджаков и в подтяжках, хвастали: «Бросьте, все знают, кто я такой. Я простой человек, не больше, всего-навсего простой человек».

Этот миф послужил источником таких внешне несопоставимых обычаев, как ритуал политического целования младенцев, культ жизни «не хуже других» или недолговечные, пустые и глупые массовые увлечения, охватывавшие население с монотонной регулярностью, подобно взмахам механического дворника по стеклу автомобиля. Этот миф диктовал законы моды и определял дух студенческих землячеств. Это был миф о «правильном парне».

Год открытия Абнего был годом президентских выборов. Так как от Соединенных Штатов остался только Средний Запад, демократическая партия исчезла. Ее остатки поглотила группа, называвшая себя Старой Республиканской Гвардией,— самая левая в Америке. Правящая партия — Консервативные Республиканцы, настолько правые, что они стояли на грани монархизма,— была спокойна за исход выборов: достаточное для этого количество голосов было обещано ей духовенством.

Старая Республиканская Гвардия лихорадочно искала подходящего кандидата. С сожалением отказавшись от подростка-эпилептика, недавно избранного вопреки конституции штата губернатором Южной Дакоты, и высказавшись против распевавшей псалмы бабки из Оклахомы, которая сопровождала свои выступления в сенате религиозной музыкой на банджо, стра-

теги партии в один из летних дней прибыли в Филлмор, штат Висконсин.

С того момента, как Абнего убедили дать согласие баллотироваться, как было преодолено его последнее, искреннее, но не признанное серьезным возражение (состоявшее в том, что он был членом соперничающей партии), стало очевидно, что в предвыборной борьбе произошел перелом и что сыр-бор загорелся.

Абнего стал кандидатом в президенты под лозунгом: «Назад, к Норме, с Нормальным Человеком!»

К тому времени когда собралась конференция Консервативных Республиканцев, угроза поражения была для них уже очевидной. Они изменили свою тактику, пытаясь встретить удар лицом к лицу.

Республиканцы выдвинули своим кандидатом горбуна. Кроме физического уродства он отличался и другими ненормальными особенностями: например, был профессором права в ведущем университете. Он был женат и с большим шумом развелся; наконец, однажды он признался комиссии по расследованию, что когда-то писал и публиковал сюрреалистические стихи. Плакаты, изображавшие его с жутковатой ухмылкой и горбом вдвое больше натуральной величины, были расклеены по всей стране с лозунгом: «Ненормальный Человек для Ненормального Мира!»

Несмотря на этот блестящий политический ход, результат кампании не вызывал сомнений. В день голосования три четверти избирателей поддержали кандидата, зовущего к прошлому. Четыре года спустя, когда на выборах снова выступили те же соперники, соотношение увеличилось до пяти с половиной против одного. А когда Абнего выставил свою кандидатуру на третий срок, он не встретил организованного сопротивления.

Не то чтобы он сокрушил оппозицию. В период президентства Абнего допускалась большая свобода политической мысли, чем при многих его предшественниках. Просто люди стали меньше думать о политике.

Абнего избегал каких бы то ни было решений, пока это было возможно. Когда же уйти от решения было нельзя, он принимал его исключительно на основе прецедентов. Он редко высказывался на актуальные темы и никогда не брал на себя никаких обязательств. Разговаривать он любил лишь о своей семье.

«Как напишешь памфлет против пустого места?» — жаловались многие оппозиционные публицисты и карикатуристы в первые годы абнегистской революции, когда во время предвыборных кампаний кое-кто все еще пытался выступать против

Абнего. Снова и снова Абнего пытались спровоцировать на какое-нибудь нелепое заявление или признание, но без всякого успеха. Абнего был просто не способен сказать что-нибудь такое, что большинство населения сочло бы нелепым.

Кризисы? Но каждому школьнику было известно, что Абнего однажды сказал: «Знаете, я заметил, что даже самый сильный лесной пожар рано или поздно выгорит. Главное — не волноваться».

Он привел людей в мир пониженного кровяного давления. И после многих лет созидания и разрушения, лихорадки и конфликтов, нараставших забот и душевных мук они свободно вздохнули и преисполнились тихой благодарности.

С того дня когда Абнего принес присягу, многим казалось, что хаос дрогнул и повсюду расцвела благословенная, долгожданная стабильность. Многие из происходивших процессов на самом деле не имели никакого отношения к Нормальному Человеку из Филлмора — например, уменьшение числа детских уродств; но во многих случаях выравнивающее, смягчающее действие абнегизма было очевидным. Так, лексикологи, к своему изумлению, обнаружили, что жаргонные словечки, свойственные молодым людям во времена первого президентства Абнего, употреблялись их детьми и восемнадцать лет спустя, когда Абнего был избран на очередной срок.

Словесные проявления этого великого успокоения получили название абнегизмов. Первое в истории упоминание об этих искусно замаскированных глупостях относится к тому периоду, когда Абнего, убедившись наконец, что это возможно, назначил министров, совершенно не посчитавшись с желаниями своей партийной верхушки. Один журналист, пытаясь обратить его внимание на абсолютное отсутствие в новом кабинете ярких индивидуальностей, задал ему вопрос: приходилось ли кому-нибудь из членов кабинета, от государственного секретаря до генерал-почтмейстера, когда-нибудь публично высказать о чем-нибудь свое мнение или принять хоть какие-нибудь конструктивные меры в каком бы то ни было направлении? На это президент якобы ответил не колеблясь и с мягкой улыбкой:

— Я всегда говорил, что если нет побежденных, то никто не остается в обиде. Так вот, сэр, в таком состязании, где судья не может определить победителя, побежденных не бывает.

Может быть, эта легенда и недостоверна, но она прекрасно выражает настроение абнегистской Америки. Повсеместно распространилась поговорка: «Приятно, как ничья».

Самый яркий абнегизм (и безусловно, столь же апокрифический, как история про Джорджа Вашингтона и вишневое де-

рево) был приписан президенту после посещения им спектакля «Ромео и Джульетта». Трагический финал пьесы якобы вызвал у него следующее замечание:

— Уж лучше не любить вообще, чем пережить несчастную любовь!

В начале шестого президентства Абнего, когда вице-президентом впервые стал его старший сын, в Соединенных Штатах появилась группа европейцев. Они прибыли на грузовом судне, собранном из поднятых со дна частей трех потопленных миноносцев и одного перевернувшегося авианосца.

Встретив повсюду дружеский, но не слишком горячий прием, они объехали страну и были поражены всеобщей безмятежностью, почти полным отсутствием политической и военной активности, с одной стороны, и быстрым технологическим регрессом — с другой. Один из приезжих, прощаясь, настолько пренебрег дипломатической осторожностью, что заявил:

— Мы прибыли в Америку, в этот храм индустриализации, в надежде найти решение многих острых проблем прикладных наук. Эти проблемы — например, использование атомной энергии на предприятиях или применение ядерного распада в стрелковом оружии — стоят на пути послевоенной реконструкции. Но здесь, в остатках Соединенных Штатов Америки, вы даже не способны понять нас, когда мы говорим о том, что считаем таким сложным и важным. Извините меня, но у вас царит какой-то национальный транс.

Его американские собеседники не обиделись: пожимая плечами, они отвечали вежливыми улыбками. Вернувшись, делегат сообщил своим соотечественникам, что американцы, всегда пользовавшиеся славой ненормальных, в конце концов специализировались на кретинизме.

Но был среди европейцев другой делегат, который многое увидел и о многом расспрашивал. Это был Мишель Гастон Фуффник — некогда профессор истории в Сорбонне. Вернувшись в родную Тулузу (французская культура вновь сконцентрировалась в Провансе), он занялся исследованием философских основ абнегистской революции.

В своей книге, которую с огромным интересом прочел весь мир, Фуффник указывал, что хотя человек XX века в достаточной степени преодолел узкие рамки древнегреческих понятий, создав неаристотелеву логику и неевклидову геометрию, но он до сих пор не находил в себе интеллектуального мужества, чтобы создать неплатонову политическую систему. Так было до того, как появился Абнего.

«Со времен Сократа,— писал мсье Фуффник,— политические взгляды человека определялись идеей о том, что править должны достойнейшие. Как определить этих достойнейших, какой шкалой ценностей пользоваться, чтобы правили самые достойные, а не просто те, кто получше,— таковы были основные проблемы, вокруг которых уже три тысячелетия бушевали политические страсти. Вопрос о том, что выше — родовая аристократия или аристократия разума,— это вопрос об основе подобной шкалы ценностей; вопрос о том, как должны избираться правители: согласно воле Божьей, прочтенной по свиным внутренностям, или в результате всенародного голосования,— это вопрос метода. Но до сих пор ни одна политическая система не посягала на основной, не подлежавший обсуждению постулат, впервые изложенный еще в "Республике" Платона. И вот Америка поставила под сомнение практическую пригодность и этой аксиомы. Молодая западная демократия, которая ввела когда-то в юриспруденцию понятие о правах человека, теперь подарила лихорадящему человечеству доктрину наименьшего общего знаменателя в управлении. Согласно этой доктрине, насколько я ее понимаю, править должны не самые худшие, как заявляют многие из моих предубежденных спутников, а средние: те, кого можно назвать "недостойнейшими" или "неэлитой"».

Народы Европы, жившие среди радиоактивных развалин, оставленных современной войной, с благоговением внимали проповеди Фуффника. Их зачаровывала картина мирной монотонности, существовавшей в Соединенных Штатах, и не интересовал академический анализ ее сущности. Сущность же эта состояла в том, что правящая группа, сознавая свою «неисключительность», избегала бесконечных конфликтов и трений, вызываемых необходимостью доказывать собственное превосходство, и волей-неволей стремилась как можно быстрее загладить любые серьезные разногласия, так как обстановка напряжения и борьбы грозила создать благоприятные возможности для творчески настроенных, энергичных людей.

Кое-где все еще оставались олигархии и правящие классы; в одной стране еще пользовалась влиянием древняя религия, в другой — народ продолжали вести за собой талантливые, мыслящие люди. Но проповедь уже звучала в мире. Среди населения появились шаманы — заурядные на вид люди, которых называли абнегами. Тираны убедились в том, что истребить этих шаманов невозможно: они избирались не за какие-нибудь особые способности, а просто потому, что они представляли средний уровень любого данного слоя людей; оказалось, что, пока суще-

ствует сам этот слой, у него остается и середина. Поэтому философия абнегов, несмотря на кровопролития, распространялась и крепла.

Оливер Абнего, который стал первым президентом мира, был до этого президентом Абнего VI Соединенных Штатов Америки. Его сын в качестве вице-президента председательствовал в сенате, состоявшем в основном из его дядей, двоюродных братьев и теток. Они и их многочисленные потомки жили в простоте, лишь немногим отличавшейся от условий жизни основателя их династии.

В качестве президента мира Оливер Абнего одобрил только одно мероприятие — закон о преимущественном предоставлении стипендий в университетах тем студентам, чьи отметки были ближе всего к средним по всей планете для их возрастной группы. Однако президента вряд ли можно было упрекнуть в оригинальности или новаторстве, не подобающих его высокому положению: к тому времени вся система поощрений — в учебе, спорте и даже на производстве — была уже приспособлена для вознаграждения за самые средние показатели и для ущемления в равной мере как высших, так и низших.

Когда вскоре после этого иссякли запасы нефти, люди с полной невозмутимостью перешли на уголь. Последние турбины в еще годном для работы состоянии были помещены в музеи: люди, которым они служили, сочли, что, пользуясь электричеством, они слишком выделяются среди добропорядочных абнегов.

Выдающимся явлением культуры этого периода были точно зарифмованные и безукоризненно ритмичные стихи, посвященные довольно абстрактным красавицам и неопределенным прелестям супруг или возлюбленных. Если бы давным-давно не исчезла антропология, то можно было бы установить, что появилась удивительная тенденция ко всеобщему единообразию в строении скелета, чертах лица и пигментации кожи, не говоря уже об умственном и физическом развитии и индивидуальности. Человечество быстро и бессознательно сводилось к среднеарифметическому уровню.

Правда, незадолго до того как были исчерпаны запасы угля, в одном из поселений к северо-западу от Каира произошла кратковременная вспышка возмущения. Там жили преимущественно неисправимые инакомыслящие, изгнанные из своих общин, да небольшое количество душевнобольных и калек. В пору расцвета они пользовались массой технических устройств и пожелтевшими книгами, собранными в разрушающихся музеях и библиотеках мира.

Окруженные всеобщим презрением, эти люди возделывали свои илистые поля лишь настолько, чтобы не умереть с голоду, а остальное время посвящали бесконечным ожесточенным спорам. Они пришли к выводу, что представляют собой единственных потомков «гомо сапиенс», а остальное человечество состоит из «гомо абнегус». По их мнению, своей успешной эволюцией человек был обязан в основном отсутствию узкой специализации. Если остальные живые существа были вынуждены приспосабливаться к частным, ограниченным условиям, то человечество оставалось не связанным этой необходимостью, что и позволило ему совершить огромный прыжок вперед; но в конце концов обстоятельства вынудили и его заплатить ту же цену, какую рано или поздно приходилось платить всем жизнеспособным формам, то есть специализироваться.

Дойдя до этого этапа дискуссии, они решили воспользоваться оставшимся у них старинным оружием, чтобы спасти «гомо абнегус» от самого себя. Однако ожесточенные разногласия относительно предполагаемых способов перевоспитания привели к кровопролитному междоусобному конфликту с тем же оружием в руках; в результате вся колония была уничтожена, а место, где она находилась, стало непригодным для жизни.

Примерно в это же время человек, истощив запасы угля, вернулся в обширные, вечно возобновляющиеся и неистощимые леса.

Царство «гомо абнегус» длилось четверть миллиона лет. В конце концов оно пало, покоренное собаками-ньюфаундлендами. Эти животные уцелели на одном из островов Гудзонова залива после того, как еще в XX веке затонуло везшее их грузовое судно.

Эти крепкие и умные собаки, силой обстоятельств вынужденные в течение нескольких сотен тысячелетий довольствоваться обществом друг друга, научились говорить примерно таким же образом, как научились ходить обезьяны — предки человека, когда внезапное изменение климата истребило деревья, служившие им исконным обиталищем, то есть просто от скуки. Наделенные разумом, обостренным трудностями жизни на суровом острове, обладающие фантазией, побуждаемые к действию холодом, эти овладевшие членораздельной речью собаки построили в Арктике замечательную собачью цивилизацию, а потом устремились на юг, чтобы поработить, а затем и приручить человечество.

Приручение состояло в том, что собаки разводили людей ради их умения бросать палки и другие предметы: приносить их стало видом спорта, все еще популярным среди новых власте-

линов планеты, хотя часть наиболее эрудированных индивидуумов была склонна к сидячему образу жизни.

Особенно высоко ценилась порода людей с невероятно тонкими и длинными руками; однако часть собак предпочитала более коренастую породу, у которой руки были короткие, но крайне мускулистые. Время от времени благодаря рахиту выводились любопытные особи с настолько гибкими руками, что они казались почти лишенными костей. Разведение этой разновидности, любопытной как с научной, так и с эстетической точек зрения, обычно осуждалось как признак упадочнических склонностей хозяина и порча животных.

Со временем собачья цивилизация, конечно, создала машины, способные бросать палки дальше, быстрее и чаще, чем люди. После чего, если не считать самых отсталых собачьих общин, человек исчез с лица Земли.

Бруклинский проект

Огромная круглая дверь в глубине растворилась, и мерцающие чаши света на кремовом потолке потускнели. Но когда круглолицый человек в черном джемпере захлопнул и задраил за собой дверь, они вновь залили все вокруг белым сиянием. Он прошел в переднюю часть зала, повернулся спиной к занимавшему полстены полупрозрачному экрану, и двенадцать репортеров — мужчины и женщины — шумно перевели дух. А потом из уважения к Службе безопасности все, как обычно, бодро поднялись на ноги.

Он приветливо улыбнулся, махнул рукой, чтоб они сели, и почесал нос пачкой отпечатанных на мимеографе листков. Нос у него был большой и, казалось, еще прибавлял ему солидности.

— Садитесь, леди и джентльмены, садитесь. У нас в Бруклинском проекте церемонии не приняты. Просто на время эксперимента я, так сказать, ваш проводник — исполняющий обязанности секретаря при администраторе по связи с прессой. Имя мое вам ни к чему. Вот, пожалуйста, возьмите эти листки.

Каждый брал по одному листку, а остальные передавали дальше. Откинувшись в полукруглых алюминиевых креслах, они старались расположиться поудобнее. Хозяин бросил взгляд на массивный экран, потом на циферблат стенных часов, по которому медленно ползла единственная стрелка, весело похлопал себя по бокам и сказал:

— К делу. Сейчас начнется первое в истории человечества дальнее путешествие во времени. Отправятся в него не люди, а фотографические и записывающие устройства, они доставят нам бесценные сведения о прошлом. На этот эксперимент Бруклинский проект затратил десять миллиардов долларов и больше восьми лет научных изысканий. Эксперимент покажет, насколько действенны не только новый метод исследования, но и ору-

жие, которое еще надежнее обеспечит безопасность нашего славного отечества, оружие, перед которым не напрасно будут трепетать наши враги.

Первым делом предупреждаю: не пытайтесь ничего записывать, даже если вам удалось тайно пронести сюда карандаши и ручки. Сообщения свои запишете только по памяти. У каждого из вас имеется экземпляр Кодекса безопасности, куда внесены все последние дополнения, а также брошюра с правилами, специально установленными для Бруклинского проекта. На листках, которые вы только что получили, есть все необходимое для ваших сообщений; в них также содержатся предложения о подаче и освещении фактов. При условии, что вы не выйдете за рамки указанных документов, вы вольны писать свои очерки, как вам заблагорассудится, всяк на свой лад. Пресса, леди и джентльмены, должна оставаться неприкосновенной и свободной от правительственного контроля. А теперь, пожалуйста, ваши вопросы.

Двенадцать репортеров уставились в пол. Пятеро принялись читать только что полученные листки. Громко шуршала бумага.

— Как? Вопросов нет? Неужто вас так мало интересует проект, который преодолел самую последнюю границу — четвертое измерение, время? Ну что же вы, ведь вы олицетворяете любопытство нации — у вас не может не быть вопросов. Брэдли, у вас на лице сомнение. Ну, в чем дело? Поверьте, Брэдли, я не кусаюсь.

Все рассмеялись и весело поглядели друг на друга.

Брэдли привстал и указал на экран:

— Зачем он такой непроницаемый? Я вовсе не хочу знать, как работает хронор, но ведь нам отсюда видны только тусклые смазанные силуэты людей, которые тащат по полу какой-то аппарат. И почему у часов всего одна стрелка?

— Хороший вопрос,— сказал исполняющий обязанности секретаря, и крупный нос его, казалось, засветился.— Очень хороший вопрос. Так вот, у часов только одна стрелка, потому что, в конце концов, эксперимент касается времени, Брэдли, и Служба безопасности опасается, как бы из-за какой-либо непредвиденной утечки информации плюс зарубежные связи время самого эксперимента... короче говоря, как бы не нарушилась тайна. Вполне достаточно знать, что эксперимент начнется, когда стрелка дойдет до красной черты. По тем же причинам экран малопрозрачен и происходящее за ним несколько смазано — таким образом маскируются детали и регулировка. Я уполномочен сообщить вам, что чрезвычайно... как бы это сказать...

важны именно детали аппарата. Есть еще вопросы? Калпеппер? Калпеппер из Объединенного агентства, так?

— Да, сэр. Из Объединенного агентства новостей. Наших читателей очень интересует эта история с изобретателями хронора. Поведение их и все прочее, разумеется, не вызывают у наших читателей ни уважения, ни сочувствия, но хотелось бы знать, что они имели в виду, когда говорили, будто эксперимент опасен из-за недостатка данных. А этот их президент, доктор Шейсон, будет расстрелян, не знаете?

Человек в черном подергал себя за нос и задумчиво прошелся перед репортерами.

— Признаюсь вам, точка зрения этих изобретателей-хронористов, или, как мы называем их между собой, хроников-вздыхателей, на мой вкус, уж чересчур экзотическая. Во всяком случае, меня мало волнуют взгляды предателя. За то, что Шейсон раскрыл характер доверенной ему работы, его, возможно, ожидает смертная казнь, а может, и нет. С другой стороны, он... в общем, может, да, а может, и нет. Сказать больше я не вправе из соображений безопасности.

Соображения безопасности. При этих магических словах каждый репортер невольно выпрямился на своем жестком сиденье. Калпеппер побледнел, и на лице его проступила испарина. «Только бы они не сочли, что я спросил про Шейсона, чтобы выведать побольше,— в отчаянии подумал он.— Черт меня дернул спрашивать про этих ученых!»

Калпеппер опустил глаза и всем своим видом старался показать, что ему стыдно за этих непотребных болванов. Он надеялся, что исполняющий обязанности секретаря заметит, как он ими возмущен.

Громко затикали часы. Стрелка была уже совсем близко к красной черте. За экраном, в огромной лаборатории прекратилось всякое движение. Вокруг двух прислоненных друг к другу сверкающих металлических шаров сгрудились люди, рядом с этими громадами они казались крохотными. Большинство вглядывалось в циферблаты и распределительные щиты; те же, чья миссия была уже окончена, болтали с сотрудниками Службы безопасности в черных джемперах.

— С минуты на минуту начнется операция «Перископ». Разумеется, «Перископ», ведь мы проникаем в прошлое с помощью своего рода перископа — он сделает снимки и запечатлеет события, происходившие в различные периоды от пятнадцати тысяч до четырех миллиардов лет назад. В связи с рядом серьезных международных и научных обстоятельств, сопутствующих

эксперименту, было бы правильней назвать его «Операция "Перекресток"». К сожалению, название это уже было... э... использовано.

Каждый постарался сделать вид, будто понятия не имеет, о чем идет речь, хотя долгие годы все сидящие здесь журналисты с завистью поглядывали на спрятанные за семью замками книги, которые могли бы порассказать о многом.

— Ну, не важно. Теперь я коротко изложу вам предысторию хронора, изученную Службой безопасности Бруклинского проекта. Что там у вас еще, Брэдли?

Брэдли снова привстал.

— Нам известно, что когда-то существовал Манхэттенский проект, Лонг-Айлендский, Уэстчестерский, а теперь вот Бруклинский. Так вот, хотелось бы знать, не было ли проекта Бронкс? Я сам из Бронкса, местный патриотизм, знаете ли.

— Конечно. Вполне понятно. Но если проект Бронкс и существует, могу вас заверить, что, пока он не завершен, кроме его участников о нем знают лишь президент и министр государственной безопасности. Если, повторяю, если такой проект существует, сообщение о нем будет для человечества громом среди ясного неба, как было с Уэстчестерским проектом. Думаю, такое не скоро выветрится из памяти человечества.

При этом воспоминании он хохотнул, и тут же эхом отозвался Калпеппер — чуть громче остальных. Стрелка часов была уже совсем близко к красной черте.

— Да, Уэстчестерский проект, а теперь этот. Тем самым безопасность нашего государства пока что обеспечена! Вы представляете, какое чудодейственное оружие дает хронор в руки нашей демократии? Взять хотя бы только одну сторону — задумайтесь-ка над тем, что случилось с Кони-Айлендским и Флэтбушским филиалами проекта (события эти упоминаются в листках, которые вы получили) до того, как хронор был всесторонне опробован.

Во время тех первых экспериментов еще не знали, что третий закон Ньютона — действие равно противодействию — справедлив для времени точно так же, как для остальных трех измерений. Когда первый хронор был запущен назад, в прошлое, на девятую долю секунды, вся лаборатория была отброшена в будущее на такое же время и вернулась... э... вернулась совершенно неузнаваемой. Кстати, именно это помешало путешествиям в будущее. Оборудование поразительно изменилось, человеку такого путешествия не выдержать. Но вы представляете, как благодаря одной только этой штуке мы можем расправиться с врагом? Установим достаточной массы хронор на границе с враждебным государством и зашлем его в прошлое, и тогда государство будет заброшено в будущее — все целиком,— а вернутся из будущего одни трупы!

Заложив руки за спину и покачиваясь на каблуках, он поглядел себе под ноги.

— Вот почему вы видите сейчас два шара. Хронор есть только в одном, в том, что расположен справа. Второй — просто макет, противовес, масса его в точности равна массе первого. Когда хронор зарядится, он нырнет в прошлое на четыре миллиарда лет назад и сфотографирует Землю, а она в ту пору находилась еще в полужидком, частично даже в газообразном состоянии, и быстро уплотнялась, ведь сама Солнечная система тогда только-только еще образовывалась.

В то же время макет врежется на четыре миллиарда лет в будущее и вернется оттуда сильно измененным, но причины этих перемен нам еще не вполне ясны. Оба шара столкнутся у нас перед глазами и снова разлетятся в стороны, примерно на половину временного расстояния, и на этот раз хронор зарегистрирует сведения о почти твердой планете, которую сотрясают землетрясения и на которой, возможно, существуют формы, близкие к живой жизни,— особо сложные молекулы.

После каждого столкновения хронор будет нырять в прошлое на половину того временного расстояния, на которое он углубился в предыдущий раз, и каждый раз будет автоматически собирать всевозможные сведения. Геологические и исторические эпохи, в которых, как мы предполагаем, он побывает, обозначены на ваших листках под номерами от первого до двадцать пятого. На самом деле, прежде чем шары окажутся в состоянии покоя, хронор будет нырять еще много раз, но во всех остальных эпохах он будет находиться такое краткое мгновение, что, по мнению ученых, доставить оттуда фотографии или какую-либо другую информацию он уже не сможет. Учтите: в конце опыта, перед тем как остановиться, шары будут всего лишь словно бы подрагивать на месте, так что, хотя они и будут при этом удаляться на века от настоящего момента, заметить это едва ли удастся.

Я вижу, у вас есть вопрос.

Справа от Калпеппера поднялась тоненькая женщина в сером твидовом костюме.

— Я... я знаю, мой вопрос сейчас неуместен,— начала она,— но мне не удалось задать его в подходящую минуту. Господин секретарь...

— Исполняющий обязанности секретаря,— добродушно поправил круглолицый коротышка в черном.— Я всего лишь исполняю обязанности секретаря. Продолжайте.

— Так вот, я хочу сказать... Господин секретарь, нельзя ли как-нибудь сократить время нашей проверки после опыта? Неужели нас продержат взаперти целых два года только из опасения, что вдруг кто-нибудь из нас увидел слишком много, да еще при этом он плохой патриот, а потому окажется угрозой для государства? Когда наши сообщения пройдут цензуру, через какое-то достаточное для проверки время, ну хоть месяца через три, нам, по-моему, могли бы разрешить вернуться домой. У меня двое маленьких детей, а у других...

— Говорите только за себя, миссис Брайант! — прорычал представитель Службы безопасности.— Вы ведь миссис Брайант, так? Миссис Брайант из Объединения женских журналов? Жена Алексиса Брайанта? — Он словно бы делал карандашные пометки у себя в мозгу.

Миссис Брайант опустилась в кресло справа от Калпеппера, судорожно прижимая к груди экземпляр Кодекса безопасности со всеми дополнениями, брошюру о Бруклинском проекте и тоненький листок, отпечатанный на мимеографе. Калпеппер отодвинулся от нее как можно дальше, так что ручка кресла врезалась ему в левый бок. Почему все неприятности случаются именно с ним? И теперь еще эта сумасшедшая баба, как назло, глядит на него чуть не плача, словно ждет сочувствия. Он закинул ногу на ногу и уставился в одну точку прямо перед собой.

— Вы останетесь здесь, так как только в этом случае Служба безопасности будет вполне уверена, что, пока аппарат не станет совсем иным, чем вы его видели, наружу не просочится никакая существенная информация. Вас ведь никто не заставлял приходить сюда, миссис Брайант, вы сами вызвались. Тут все вызвались сами. Когда ваши редакторы выбрали именно вас, по законам демократии вы были вправе отказаться. Но никто из вас не отказался. Вы понимали, что отказ от этой беспримерной чести будет означать вашу неспособность проникнуться идеей государственной безопасности, покажет, что вы, в сущности, не согласны с Кодексом безопасности в той части, где речь идет о принятой у нас двухгодичной проверке. А теперь — не угодно ли! Чтобы человек, которого до сих пор считали таким дельным, достойным доверия журналистом, как вы, миссис Брайант, в последнюю минуту вдруг задал подобный вопрос... Да я...— голос коротышки упал до шепота,— я даже начинаю сомневаться, достаточно ли действенны наши методы проверки политической благонадежности.

Калпеппер кивнул в знак согласия и возмущенно поглядел на миссис Брайант, а она кусала губы и пыталась сделать вид, будто страшно заинтересована тем, что происходит в лаборатории.

— Неуместный вопрос. В высшей степени неуместный. Он занял время, которое я намеревался посвятить более подробному обсуждению широких возможностей хронора и его применению в промышленности. Но миссис Брайант, видите ли, должна была дать выход своим дамским чувствам. Какое ей дело до того, что наше государство изо дня в день окружает все большая враждебность, что ему грозит все большая опасность. Ее это нисколько не трогает. Ее заботят лишь те два года, которыми государство просит ее пожертвовать, чтобы обезопасить будущее ее же собственных детей.

Исполняющий обязанности секретаря одернул джемпер и заговорил спокойнее.

Всех словно бы немного отпустило.

— Аппарат придет в действие с минуты на минуту, так что я коротко коснусь наиболее интересных периодов, которые исследует хронор и сведения о которых будут для нас особенно полезны. Прежде всего периоды первый и второй, ибо в это время Земля принимала свою теперешнюю форму. Затем третий, докембрийский период протерозойской эры, миллиард лет назад; здесь найдены первые достоверные следы живой жизни — главным образом ракообразные и морские водоросли. Шестой период — сто двадцать пять миллионов лет назад, это среднеюрский период мезозойской эры. Путешествие в так называемый век рептилий может дать нам фотографии динозавров — тем самым станет наконец известно, какого они были цвета,— а также, если повезет, фотографии первых млекопитающих и птиц. Наконец, восьмой и девятый периоды, олигоценовая и миоценовая эпохи третичного периода, отмечены появлением ранних предков человека. К сожалению, к тому времени колебания хронора будут столь часты, что ему вряд ли удастся собрать сколько-нибудь существенные данные...

Раздался удар гонга. Часовая стрелка коснулась красной черты. Пять техников включили рубильники, журналисты тотчас подались вперед, но шары уже исчезли из виду. Место их за плотным пластиковым экраном мгновенно опустело.

— Хронор отправился в прошлое, за четыре миллиарда лет! Леди и джентльмены, вы присутствуете при историческом событии, поистине историческом! Я воспользуюсь временем, пока шары не вернутся, и остановлюсь на бредовых идейках этих... этих хроников-вздыхателей.

Общий нервный смешок был ответом на шутку секретаря. Двенадцать репортеров уселись поудобнее и приготовились слушать, как он расправится со столь нелепыми идеями.

— Как вам известно, против путешествия в прошлое возражают прежде всего из страха, что любые, казалось бы, самые невинные действия там вызовут катастрофические перемены в настоящем.

Вероломный Шейсон и его беззаконное сообщество распространили эту гипотезу на разные заумные выдумки, на всякие пустяки вроде сдвига молекулы водорода, которую на самом деле никто у нас в прошлом никуда не двигал.

Во время первого эксперимента в Кони-Айлендском филиале, когда хронор вернулся обратно уже через девятую долю секунды, самые различные лаборатории, оснащенные всевозможными аппаратами, тщательнейшим образом проверяли, не произошло ли каких-нибудь изменений. И никаких изменений не обнаружили! Государственная комиссия сделала из этого вывод, что поток времени строго разграничен на прошлое, настоящее и будущее и в нем ничего изменить нельзя. Но Шейсона и его приспешников это, видите ли, не убедило, они...

I. Четыре миллиарда лет назад. Хронор парит в облаках из двуокиси кремния над бурлящей Землей и с помощью автоматов неторопливо собирает сведения. Пар, который он потеснил, сконденсировался и падает огромными сверкающими каплями.

— ...настаивали, чтобы мы приостановили эксперименты, пока они еще раз все не просчитают. Дошли до того, что утверждали, будто, если изменения произошли, мы не могли их заметить и ни один прибор не мог их засечь. Они говорили, будто мы воспримем эти изменения как что-то существовавшее испокон веков. Видали? И это в ту пору, когда нашему государству — а ведь это и их государство тоже, уважаемые представители прессы, их тоже — грозила величайшая опасность. Можете себе представить...

Он просто не находил слов. Он шагал взад-вперед и качал головой. И репортеры, сидя в ряд на длинной деревянной скамье, тоже сочувственно покачивали головами.

Снова прозвучал гонг. Два тусклых шара мелькнули за экраном, ударились друг о друга и разлетелись в противоположных временных направлениях.

— Вот вам! — секретарь махнул рукой в сторону экрана.— Первое колебание закончилось. И разве что-нибудь изменилось? Разве все не осталось, как было? Но эти инакомыслящие будут твердить, что изменения произошли, только мы их не заметили. Спорить с такими антинаучными, основанными на слепой вере взглядами — пустая трата времени. Эта публика...

II. Два миллиарда лет назад. Огромный шар парит над огненной, сотрясаемой извержениями Землей и фотографирует ее. От него отвалилось несколько докрасна раскаленных кусков обшивки. У пяти-шести тысяч сложных молекул при столкновении с ними разрушилась структура. А какая-то сотня уцелела.

— ...будет корпеть тридцать часов в день из тридцати трех, чтобы доказать, что черное — это не белое или что у нас не две луны, а семь. Они особенно опасны...

Долгий приглушенный звук — это вновь столкнулись и разлетелись шары. И теплый оранжевый свет угловых светильников стал ярче.

— ...потому что они владеют знанием, потому что от них ждут, что они укажут наилучшие пути.— Теперь правительственный чиновник стремительно скользил вверх и вниз, жестикулируя всеми своими псевдоподиями.— В настоящее время мы столкнулись с чрезвычайно сложной проблемой...

III. Один миллиард лет назад. Примитивный тройной трилобит, которого машина раздавила, едва он успел сформироваться, растекся по земле лужицей слизи.

— ...чрезвычайно сложной. Перед нами стоит вопрос: будем мы струмпать или не будем? — Он говорил теперь вроде бы уже и не по-английски. А потом и вовсе замолчал. Мысли же свои, разумеется, выражал, как всегда, похлопывая псевдоподией о псевдоподию.

IV. Полмиллиарда лет назад. Чуть изменилась температура воды, и погибли многие виды бактерий.

— Итак, сейчас не время для полумер. Если мы сумеем успешно отращивать утраченные псевдоподии...

V. Двести пятьдесят миллионов лет назад.

VI. Сто двадцать пять миллионов лет назад.

— ...чтобы Пятеро Спиральных остались довольны, мы...

VII. Шестьдесят два миллиона лет. VIII. Тридцать один миллион.

IX. Пятнадцать миллионов. X. Семь с половиной миллионов.

— ...тем самым сохраним все свое могущество. И тогда...

XI. XII. XIII. XIV. XV. XVI. XVII. XVIII. XIX.

Бум... бум... бум бумбумбумумумумумммммм...

— ...мы, разумеется, готовы к преломлению. А это, можете мне поверить, достаточно хорошо и для тех, кто разбухает, и для тех, кто лопается. Но идейки разбухателей, как всегда, окажутся завиральными, ибо кто лопается, тот течет вперед, а в этом и заключена истина. Из-за того, что разбухатели трясутся от страха, нам вовсе незачем что-либо менять. Ну вот, аппарат наконец остановился. Хотите разглядеть его получше?

Все выразили согласие, и их вздутые лиловатые тела разжижились и полились к аппарату. Достигнув четырех кубов, которые больше уже не издавали пронзительного свиста, они поднялись, загустели и вновь обратились в слизистые пузыри.

— Вглядитесь! — воскликнуло существо, некогда бывшее исполняющим обязанности секретаря при администраторе по связям с прессой.— Посмотрите хорошенько. Те, кто роптал, оказались не правы — мы нисколько не изменились.— И он торжественно вытянул пятнадцать лиловых псевдоподий.— Ничто не изменилось?

Венера и семь полов

Написано в Книге Семерок:

«Когда плук встречается с плуком, они беседуют о полах. Традиции соблюдены, координатор выбран, и средь шумного пиршества и ликования они вступают в священный здоровый брак. Квадрат семи составляет сорок девять».

Это, дорогие мои дети — мои несчастные потомки! — отрывок из послания, которое я получил от нзред нзредда, означающий, что первые люди, с которыми мы встретились на Венере, вспомнили наконец свое обещание, данное еще нашим праотцам, и прислали нам агента по культуре, чтобы повести нас трудной дорогой к цивилизации.

Пусть недоумки, а их среди нас немало, придираются, что я привожу именно эту цитату; пускай повторяют, что она отголосок Золотого Века Плукианства; пусть издеваются, намекая, что все это лишь показывает, как низко мы пали со времен введения Нового Поворота гениальным мистером Хоганом Шлестертрапом из Голливуда, штат Калифорния, США, Земля.

Невежи канут в Лету, а память о Хогане Шлестертрапе останется на века — к несчастью для нас, разумеется.

И когда вы вернетесь в мир, к собственным семьям, постарайтесь припомнить нашу беседу, знайте, что в те времена я еще не представлял, какую помощь предложат нам земляне. Я полагал, что буду пользоваться заслуженным уважением не только как знаток Книг Чисел, но еще и потому, что нзред, мой предок — и ваш, мои дорогие дети, ваш тоже! — и есть тот самый нзред фанобрел, которому первые появившиеся на Венере земляне пообещали культурную помощь.

Это сообщение я получил от ткана, тоже члена моей семьи, специально прилетевшего ко мне с весточкой от нзред нзредда.

Я тогда скрывался, поскольку свирепствовал Сезон Гонимых Ветром Дождей, когда гигантские пятнистые змеи приползают с юга на ежегодное плукианское пиршество; лишь быстро летящий ткан смог отыскать меня в высоких болотных травах, где мы прятались.

Ткан сообщил мне все в нескольких словах. Такая лаконичность оказалась возможной, поскольку на тот момент мы еще не были цивилизованы и пользовались нашим коренным языком, а не привитым в дальнейшем английским.

— Прошлой ночью огненный корабль опустился на вершину десятой высочайшей горы,— сообщал мне ткан.— Прилетел давно обещанный эмиссар с Земли, Хоган из Шлестертрапа.

— Хоган Шлестертрап,— уточнил я,— их имена непохожи на наши, они высокоразвитые цивилизованные существа, нам с нашей убогостью до них еще ох как далеко. То, как ты его назвал, следовало бы перефразировать в «мужчину рода Шлестертрапов».

— Пусть так,— ответил ткан.— Я, конечно, не настолько образован, чтобы смиренно прятаться в болотах, раскладывая числа по категориям. Я много где побывал и оказался полезным в цепочках многих семей. Итак, этот Хоган Шлестертрап вышел из корабля и занялся оборудованием собственного жилища, приготовленного его... как же нзред нзредд их называл?

— Женщинами? — рискнул предположить я, вспомнив Книгу Пар.

— Нет, не женщинами — роботами. Странные создания эти роботы. Они, как я понял, не участвуют в цепочке, однако умудряются как-то воспроизводиться. Обустроившись, Хоган сообщил нзред нзредду, что его специально командировали на Венеру и что сам он родом из местечка Голливуд, штат Калифорния, США, где, собственно, питается и размножается. Вообще, создается впечатление, что Голливуд в Калифорнии — грандиознейшая организация, финансируемая правительством Земли и распространяющая свое могущественное влияние во все стороны необъятной Вселенной, цивилизуя, в частности, отсталые планеты. Причем главное используемое ими средство — стереофильмы.

— Да, они присылают нам самое лучшее из того, что у них есть,— прошептал я.— Тысячу раз прав был мой предок, не раз повторявший, что их потрясающая бескорыстность ни с чем не сравнима. Взять к примеру нас: мы — плуки, убогие, никчемные создания, маленького роста, темные, невежественные, лакомый кусочек для почти всех без исключения чудовищ нашей планеты. А они... в сравнении с нами птицы высочайшего полета, и, заметьте, они вовсе не гнушаются нами, а, напротив, присылают к нам агента по культуре, и не откуда-нибудь, а из самого Голливуда!

— А собирается ли Хоган Шлестертрап учить нас, как строить огненные корабли и жилища высоко в горах, где мы могли бы чувствовать себя в безопасности?

— О, это лишь малая толика того, что они могут нам показать: мы научимся, как добывать из почвы горючее, как сооружать корабли, которые понесут нас сквозь безвоздушное пространство к планете Земля; вместо двенадцати Книг Чисел у нас будут тысячи Книг Чисел, и благодаря числам мы научимся осваивать такие достижения земной мысли, как электричество и политика. Мы бесконечно признательны землянам. Разумеется, поначалу учиться будет очень трудно... Однако какую весть вы принесли?

Ткан похлопал крыльями. Он был отличным тканом: три совершенной формы главных крыла и четыре вспомогательных позволяли ему творить в воздухе чудеса.

— Собственно, суть в двух словах,— ответил он.— Землянин ищет себе помощника, то есть умудренного, начитанного и обладающего обширными знаниями плука. Пришелец хочет использовать его в качестве «технического советника», чтобы успешнее цивилизовывать нашу расу. Прежний нзред нзредд был очень стар, его малое щупальце сделалось слишком жестким, да и по-английски он изъяснялся с трудом. Вот поэтому Шлестертрап и остановился на вас, считая вас технически подкованным.

— Я вылетаю немедленно,— пообещал я,— что-нибудь еще?

— Остальное несущественно. Впрочем, мы нуждаемся в новом нзред нзредде. В тот момент, когда старый нзред нзредд покинул убежище землянина, чтобы передать мне это сообщение, его заметила стая трицефалопов, тут же его и слопавшая. Не думаю, что трицефалопы получили удовольствие от его жесткого мяса.

— Здесь вы ошибаетесь. Нзред — всегда деликатес,— не без гордости заметил я крылатому плуку.— Из всей плукианской расы лишь мы, нзреды, обладаем щупальцами, восхитительный аромат которых, по общему признанию, ни с чем не сравним. Теперь нзрёд тинослеп станет нзред нзреддом — в последнее время он сильно одряхлел и часто координировал неправильно.

Взмахнув крыльями, ткан стремительно взмыл вверх.

— Остерегайтесь трицефалопов,— прокричал он на прощание.— Они все еще пасутся возле хоганского жилища. Найти потом нового нзреда семье будет совсем непросто.

Пролетавшая мимо ящероптица, привлеченная его криками, резко ринулась вниз. Ткан мгновенно вильнул в сторону, пытаясь уйти от нападения. Слишком поздно! Птица вытянула шею, раскрыла свой жуткий клюв и...

Удовлетворенно булькая, коварная хищница удалялась восвояси.

Истинно написано в Книге Единиц: *«Гордость греховнее жадности»*.

Да, он был неплохим тканом, как я уже говорил, с весьма разнообразными способностями. Хорошо хоть, что он завершил цепочку и больше не нес в себе яиц потомства. А это время года было щедро на тканов.

Приведенный диалог занял на самом деле не так много времени, как могло бы показаться при моем пересказе. В те годы лишь нескольким нзредам удалось выучиться английскому, которому, в свою очередь, первые пришельцы обучили моего предка нзред фанобрела; остальные же плуки все еще пользовались выразительным языком наших нецивилизованных предков. Стоит заметить, что у нашего древнего диалекта все же есть неоспоримые достоинства. К примеру, пока мы упражнялись друг с другом в общении на английском, некоторых из нас просто съели, что вряд ли случилось бы, говори мы по-плукиански, поскольку наш язык содержит максимум информации при минимуме слов. Кроме того, весьма затруднительно описывать плуков, пользуясь лишь словами «он», «она» или «оно». Хоть этот английский и признан как превосходнейший язык для цивилизованных существ, в нем, к сожалению, недостает многих местоимений.

Я приподнял свои щупальца над травой и стал готовиться к перекатыванию. Мленб, над норкой которого я отдыхал, сразу же ощутил, что давление, оказываемое весом моего тела на илистую прослойку над ним, ослабло. Он пропихнул голову к поверхности, обеспокоенно перебирая мокрыми перепончатыми лапами.

— Что случилось? — прошептал простодушный парень.— Неужели Сезон Гонимых Ветром Дождей закончился и гигантские пятнистые змеи удалились восвояси? Нзред собирается покинуть болото?

— Успокойся и залезай обратно в нору,— сказал я ему.— Мне просто поручили выполнить одно дело. А змеи кровожадны как обычно, да и ящероптицы частенько сюда наведываются.

— О! — Он развернулся и принялся закапываться обратно в ил. Я понимал, что невежливо насмехаться над мленбами, но эти мокрые крохотные существа так суетливы и одновременно

настолько медлительны, что у меня щупальца от смеха едва не скручивались узлом.

— Что новенького? — спросил он, уже на треть погруженный в жижу.

— Нашего ткана только что съели, так что держи свои ласты востро — мало ли появится какой-нибудь породистый ткан-одиночка. Это просто просьба, новый цикл мы все равно не сможем начать до завершения этого сезона. И, кстати, нзред нзредда тоже съели, но к тебе, маленький обитатель ила, это не имеет никакого отношения.

— Ты прав, но, может быть, ты что-нибудь слышал про судьбу мленб мленбба. Прошлой ночью за ним гналась пятнистая змея. Что-то Сезон Гонимых Ветром Дождей в этот раз необычайно крут: выдающиеся плуки погибают направо и налево.

— Вы, мленбы, каждый раз твердите одно и то же, что «такого сезона еще никогда не было»,— съязвил я.— Подожди, вот скоро придет Сезон Ранних Паводков, потом и расскажешь, что тебе понравилось больше. Многие мленбы с наступлением ранних паводков двинутся в путь, и, может быть, нашей семье придется искать нового мленба.

Мленб задрожал и, обрызгав меня грязью, окончательно погрузился в ил.

Ах, все же это были беззаботные времена, счастливые дни детства нашей расы. Мало что беспокоило нас тогда.

Закусив несколькими травинками, я покатился с болота прочь. Проворно перебирая щупальцами, я довольно быстро набрал скорость, при которой уже можно было никого не опасаться, за исключением разве самой длинной пятнистой змеи.

Был момент, когда именно такая рептилия уже почти схватила меня, и мне даже показалось, что семье шафалонов кроме нового ткана потребуется также новый нзред, но у меня есть спиральное щупальце, девятнадцатое, оно-то меня и спасло. Энергично его раскрутив, я оттолкнулся и, мощным прыжком перелетев слюнявую пасть змеи, опустился на твердый грунт.

Спиральное щупальце — это вещь. Я искренне сожалею, что никто из вас, мои милые маленькие нзреды, не унаследовал его от меня. Единственное мое утешение — то, что, возможно, это щупальце проявится у ваших потомков, пусть даже и в измененном виде. Но тем не менее все вы, так или иначе, из этого цикла, и у вас имеется весьма эффективное малое щупальце, которое я сам унаследовал от нзред фанобрела.

Да, я не оговорился, упомянув про ваших потомков. Пожалуйста, не прерывайте меня пока. Я расскажу вам, как все

грандиозно начиналось и как мы в результате пришли к тому, что имеем. Вы сами должны разобраться, что к чему,— обязано быть какое-то решение; а я уже слишком стар, мои дни сочтены, и очень скоро какая-нибудь ловкая тварь заполучит меня на обед.

Итак, продолжаю. Очутившись на твердой поверхности, я вынужден был помчаться еще быстрей: пятнистые змеи здесь были в большем количестве и гораздо длиннее. И, что немаловажно, чрезвычайно голодные.

Миг, и снова я спасаюсь за счет скрытой мощи своего спирального щупальца. Несколько раз, когда я взлетал в воздух, какая-нибудь ящероптица или стая гридников обрушивались на меня с высоты; падая же обратно на землю, я едва уворачивался от слюнявого языка очередной гигантской твари.

В общем, добрался я наконец до вершины десятой высочайшей горы, совершенно не подозревая, чем все это для меня кончится. Здесь впервые я и встретился с человеком.

Жилище пришельцев представляло собой куполообразную прозрачную постройку, всю облепленную ползающими тварями, не терявшими надежду проникнуть внутрь и поживиться живым мясом.

Хотите знать, что это было за жилище? Представьте себе вылупившегося наполовину нзреда, только без щупальцев и увеличенного в тысячу раз. Эта куполовидная постройка не имела, разумеется, никаких наростов и углублений типа тех, что мы используем в повседневной жизни; ее поверхность была абсолютно ровной.

Вблизи от постройки стоял огненный корабль. Я не смогу описать вам его достаточно подробно, скажу лишь, что отчасти он напоминал мленба, только без ласт, а частично походил на гуура, но без ветвей.

Трицефалопы меня заметили и стремительно, едва не топча друг друга, ринулись в мою сторону. Уворачиваясь от атак трехголовых монстров, я чувствовал, как растет мое нетерпение. Мне уже начинало казаться странным, почему наш избавитель, Хоган Шлестертрап, так долго не впускает меня внутрь. Среди всех способов уйти из жизни, которых у любого плука имелось в избытке, самым отвратительным для себя я считал перспективу быть разорванным на три неравные части и медленно съеденным трицефалопами. А с другой стороны, меня всегда считали эстетом, существом немного не от мира сего: ведь большинство плуков в первую очередь боялись попасться гридникам.

По счастливому стечению обстоятельств, в тот момент, когда меня уже должны были схватить, трицефалопы наткнулись

на небольшую рощу гууров, пустивших корни по соседству, и задержались ими полакомиться. Удостоверившись, что ни один из гууров не принадлежит нашей семье, я максимально сосредоточился на том, чтобы привлечь внимание Шлестертрапа.

В конце концов часть купола распахнулась, затем какая-то сила решительно ухватила меня за щупальца и стремительно втянула внутрь помещения. Створки за мной тут же захлопнулись, и я оказался в небольшом отсеке, в непосредственной близости от наружной поверхности купола. Хищники, естественно, прекрасно меня видели и в ярости скребли прозрачную оболочку.

Появился робот — я его сразу узнал, потому что он в точности соответствовал описанию нзред фанобрела. С помощью небольшого оружия, напоминающего трубу, он мгновенно истребил мириады мелких тварей, всосанных внутрь вслед за моей скромной персоной.

Затем, дорогие мои детки, меня сопроводили прямо к самому Хогану Шлестертрапу!

Как же вам описать прославленного отпрыска этой многочисленной расы? Первое, на что я обратил внимание, это две пары главных щупальцев (представляйте их как угодно — ластами, стеблями, крыльями, плавниками, лапами), называемых соответственно руками и ногами. Имелось, правда, еще пятое щупальце — голова, расположенная сверху, довольно объемная и с углублениями, используемыми для сенсорных целей. В целом, за исключением оконечностей щупальцев, землянин был покрыт полосатой сине-желтой материей, происхождение которой, как мне потом объяснили, отнюдь не является тайной: она изготовляется другими людьми в какой-то хитрой последовательности, которую я не вполне уяснил. Каждое из четырех главных щупальцев распадалось в свою очередь на пять более маленьких, называемых ими пальцами, на манер когтей блэпа. Само тело Хогана сзади представлялось плоским, спереди же имелась приятная, ласкающая глаз любопытная куполообразная выпуклость, напомнившая мне нзреда, собирающегося откладывать яйца.

Но самое удивительное, и вы, конечно, согласитесь со мной, заключалось в том, что этот человек полностью, то есть абсолютно во всех деталях, соответствовал описанию, приведенному нзред фанобрелом бог знает как давно — с той поры сменилось, наверное, уже поколений шесть, а может, и семь! Одно из величайших преимуществ цивилизации в том и состоит, что у них, между их предками и потомками, никаких принципиальных изменений не наблюдается. Эти создания умудряются сохранять

тот же самый внешний облик на протяжении десяти, а то и двенадцати поколений!

Понятно, что за каждое такое преимущество надо платить. И это как раз то, что так и не смогли понять наши диссиденты.

Когда я вошел, Хоган Шлестертрап располагался в кресле. Кресло — это... впрочем, о кресле мы, возможно, поговорим в другой раз. В своей руке (то есть в той ее части, которая заканчивается пальцами) он держал бутылку (формой напоминающую сроба без плавников), наполненную виски. Периодически он и бутылка совершали нечто, что нзред фанобрел живописал как акт конъюгации. Я, непосредственно наблюдавший за этим процессом, уверяю вас, что иными словами описать сие действо затруднительно. Что я, правда, никак не мог уяснить, так это какую, собственно говоря, пользу получает сама бутылка.

— Не угодно ли присесть? — предложил Шлестертрап, плавным движением пальца приказав роботу удалиться.

Я перекатился в кресло, безмерно счастливый уже оттого, что могу соблюсти правило нездешнего этикета, как вдруг ощутил некоторое затруднение при попытке удержаться и не упасть, поскольку совершенно не за что было ухватиться. Все же мне как-то удалось сохранить равновесие: раскинув по сторонам все свои щупальца и жестко уперевшись ими в края и основание кресла, я застыл в довольно неестественной, напряженной позе.

— Вы похожи на одного из тех пауков, которые как-то привиделись мне после ночной попойки,— любезно заметил Шлестертрап. Отдавая себе отчет, что многие людские мысли совершенно недоступны нашим примитивным умишкам, я принялся скрупулезно записывать все замечания, выходящие из уст Великого Цивилизатора, независимо от того, понимал я их или нет. К примеру, что такое «паук» или как понимать сочетание «ночная попойка»?

— Вы, Хоган Шлестертрап из Голливуда, штат Калифорния, планета Земля, прилетели к нам с благородной миссией: вытащить нас из мрачного болота невежества к яркому инкубатору знаний. Меня зовут нзред шафалон. Мой прародитель нзред фанобрел встречал ваших предков, когда они впервые прилетели на Венеру; его, служившего у вас в качестве технического советника, порекомендовал вам, в свою очередь, нзред нзредд.

Землянин не издавал ни звука. Небольшая расщелина в его голове — рот, как они ее называют,— приоткрывалась все больше и больше.

Чувствуя себя польщенным и ободренный несомненным интересом с его стороны, я решился сообщить самую значимую часть информации. Насколько она ценна и полезна, я в тот момент не подозревал:

— Так записано в Книге Семерок: *«Когда плук встречается с плуком, они беседуют о полах. Традиции соблюдены, координатор выбран, и средь шумного пиршества и ликования они вступают в священный здоровый брак. Квадрат семи составляет сорок девять».*

Тишина. Хоган Шлестертрап, судорожно схватив бутылку, принялся с ней конъюгировать.

— Перед вами,— пробормотал он после некоторой паузы,— знаменитый Хоган Шлестертрап, продюсер и постановщик фильмов «Любовная песнь Луны», «Отщепенцы из 2109-го», «Курс на астероиды!» и многих других. Да, да, Хоган Шлестертрап, увы, отправленный прозябать на пенсии в этот ваш венерианский дурдом, обреченный провести оставшиеся годы среди болтливых пауков-математиков и вечно голодных... этих... как бишь их там.

Тут Хоган поднялся и принялся прохаживаться — этот акт он производил нижними конечностями.

— Я снимал для них сагу за сагой,— продолжал он,— и все они имели феноменальные сборы. Но стоило моему римейку «Марсианская одиссея» сделать сборы не более чем феерические, как они сказали, что я вышел в тираж. А ведь когда-то я собственноручно вытащил их из грязи и сделал из их имени брэнд! Но вместо того, чтобы предложить мне какое-нибудь стоящее местечко типа Титана или Ганимеда, они самым бессовестным образом засылают меня на Венеру. И ладно бы куда-нибудь к полюсу — там, по крайней мере, можно посидеть в баре и пообщаться с себе подобными,— тогда бы у меня оставалась хоть какая-то возможность отсюда выбраться. Да уж, Сонни Галенхупер, дружок мой так называемый, втянул ты меня в эту идиотскую авантюру с Межпланетной Культурной Миссией, так что приходится мне теперь торчать по твоей милости на этом потном континенте и клепать бессмысленные стереофильмы для местных животных, хотя биологи чуть ли не в один голос твердят, что все это глупо и никому не нужно. Уму непостижимо! Но ничего! Шлестертрап еще себя покажет, мой звездный час еще не настал!

Это был незабываемый монолог, уж поверьте мне. Когда-нибудь со временем, когда наша цивилизация поднимется на более высокий уровень, мудрость, заключенная в словах этой бесподобной речи, будет наконец оценена по достоинству. Им,

нашим будущим, более цивилизованным потомкам и предназначаю я монолог Великого Цивилизатора.

— Итак,— обратился ко мне землянин,— знаете ли вы, что такое стерео?

— Не вполне,— ответил я.— Вы же знаете, что до сих пор лишь кому-нибудь одному из нас выпадала честь беседовать с людьми, так что наши сведения относительно ваших выдающихся достижений весьма скромны. В Книге Пар слишком мало полезных сведений, там главным образом описываются события, связанные с прилетом ваших первых исследователей, и приведены описания роботов и корабля, выполненные нзред фанобрелом. Но, поскольку вы спросили, я заключаю, что стерео — существенный элемент индустриальной цивилизации.

— Совершенно верно.— Он потряс бутылкой.— Стерео базируется на всем остальном. Возьмите ваши литературу, музыку, живопись...

— Извините,— перебил я его,— но ничего такого пока у нас нет. На нас охотится такое множество...

— Боже, вы прервали ход моих мыслей,— закричал он,— пожалуйста, не перебивайте меня. Я творец... э-э-э... о чем же это я говорил? Ах, да. Возьмите ваши литературу, музыку, живопись — тут все ясно и понятно. Так вот, стерео — все это в одном флаконе. Миниатюрные, сверхкомпактные кассеты содержат в себе всю историю человеческих устремлений. Стерео — это не просто один из многочисленных видов искусства двадцать второго столетия, нет! Стерео — главнейшее искусство столетия. А где бы вы были без искусства, ну где?

— Где? — с энтузиазмом повторил я поразивший меня вопрос.

— Да нигде. Вообще нигде. Конечно, на первый раз, возможно, вас бы и не упрекнули, но отсутствие класса, мастерства рано или поздно скажется. Вам может даже повезти, и вы случайно получите Оскара, оставаясь при этом заурядным халтурщиком...

Я сосредоточенно старался все запомнить, решив отложить истолкование услышанного на потом. По-видимому, это была моя ошибка — мне, наверное, следовало задавать побольше вопросов. Но я был настолько ошарашен и сбит с толку...

— ...Стереокино сделало грандиозный скачок со времен средневековых звуковых фильмов,— продолжал он.— Колоритные, емкие образы полноценно воздействуют на пять органов чувств, создавая гармоничное и цельное восприятие.— Немного помолчав, Хоган Шлестертрап продолжал с еще большим воодушевлением: — Дабы вам было известно, продукция Шлестертрапа

занимает свою особенную почетную нишу. Самобытная, ни с чем не сравнимая техника сделала это возможным. Да, сэр! Трудно удачнее польстить стереоискусству, чем заметить, что ему присущ особый шлестертраповский дух, своеобразный шлестертраповский привкус, как я часто люблю повторять. Да, почти всегда мне сопутствовал успех. Но в нашем бизнесе говорят: ты крут ровно настолько, насколько крут твой последний фильм...

Почувствовав гнетущую тишину, последовавшую за его последней репликой, я беспокойно защелкал щупальцами.

— О, извиняюсь, дружище.— Цивилизатор поднял глаза.— Итак, нам нужно смонтировать фильм, отражающий ваш быт, ваши чаяния и духовные устремления. Это должно заинтересовать господ из Пеории* и, естественно, привнести *культуру* и в вашу жизнь.

— Да, нам это крайне необходимо. Особенно культура, способная защитить нас от...

— Да, все верно. Положитесь на меня. Поймите, что пока я наметил лишь основное направление. Я никогда не принимаю окончательных решений до той поры, пока мысль не вызреет во мне и пока в моем подсознании не оформится окончательная идея. Итак, поскольку, я думаю, технический аспект производства фильмов вам известен, то мы можем приступить к разработке сюжета. Ну, во-первых, очевидно, что без религии и политики мы вряд ли обойдемся, но для надежной затравки, как я это люблю повторять, необходима какая-нибудь старомодная любовная история. Не могли бы вы поведать мне что-нибудь этакое?

— К сожалению, на ваш вопрос не так-то легко ответить,— медленно проговорил я.— Еще в беседах с первыми исследователями, прилетавшими на огненных кораблях, этот момент оказался камнем преткновения. Они посчитали дело крайне запутанным.

— Ай,— высокомерно махнул он рукой,— эти ученые кролики из всего умудряются сделать проблему. Итак, давайте возьмем какого-нибудь предпринимателя, который одновременно является художником, то есть, по сути, человеком искусства. Предлагаю пойти по этому пути. Вот. Теперь расскажите, пожалуйста, про ваши два пола.

— В этом-то все и дело. У нас не два пола.

— О, принадлежите, значит, к животным типа «сам по себе»? Н-да... С одним полом толкового сюжета не получится. Не-е-ет...

---

* Город в США.

Я расстроился; он, похоже, меня не понимал.

— Я хотел сказать, что у нас больше чем два пола.

— Больше чем два пола? Как у пчел, что ли? Рабочие пчелы, трутни и матки. Но и там вообще-то только два. Рабочие пчелы...

— У нас, плуков, семь полов.

— Семь полов. Да, действительно, дело несколько усложняется. Вы хотите сказать, что в нашем сюжете будет *семь* полов? — взвизгнул Цивилизатор.

Плюхнувшись обратно в кресло, он принялся разглядывать меня своими оптическими органами. Мне показалось, что они стали подрагивать, как и его щупальца.

— Это, согласно Книге Семерок, сроб, мленб, ткан, гуур...

— Стоп, стоп, стоп,— скомандовал он. Завершив конъюгацию с бутылкой, он потребовал, чтобы робот принес еще одну. Наконец он вздохнул и промолвил: — Неужели для существ, которых вы только что перечислили, действительно так важно иметь *семь* полов?

— Одно время мы думали, что всем существам без исключения необходимо, как минимум, семь полов. Однако после прибытия ваших исследователей мы подробно изучили вопрос и обнаружили, что для некоторых особей на нашей планете это неверно. Мой предок, нзред фанобрел, неоднократно и довольно продуктивно беседовал с вашими биологами, которые поделились с ним некоторыми теоретическими знаниями, объяснявшими то, что мы знали лишь на практике. К примеру, биологи установили, что мы эволюционировали в некую семиполую форму, с тем чтобы стимулировать мутации.

— Мутации? Вы хотите сказать, что ваши дети будут непохожи на вас?

— Совершенно верно. Понимаете, на Венере существует лишь один вид существ, с превеликим удовольствием поедаемый всеми остальными хищниками. Вместо пожирания друг друга они предпочитают лакомиться именно указанными особями. Я говорю о плуках. Монстры разных видов и мастей время от времени стекаются со всех концов нашей планеты, со всех ее островов и морей на пиршество, основным кушаньем на котором являются несчастные плуки. Представьте себе, например, что между плотоядным и травоядным животными происходит смертельная схватка, и, допустим, в пылу борьбы плотоядный хищник случайно обнаруживает поблизости плука. Так вот, искушение полакомиться плуком столь велико, что победивший хищник совершенно игнорирует тушу побежденного травоядного.

— Но почему? — Цивилизатор стал приглядываться ко мне с неподдельным интересом.— Что же такого в вас необычного, такого, чего нет ни в ком другом?

— Мы точно не знаем. Возможно, наши тела обладают своеобразным привкусом, неизменно возбуждающим аппетит у монстров; а может быть, как предположил один из ваших биологов, в клетках нашего организма содержится специфический элемент — какой-нибудь витамин, существенно важный для остальных жизненных форм. Но поскольку мы маленького роста и совершенно беспомощны, то для того, чтобы выжить, нам необходимо воспроизводиться в огромном количестве. И довольно большая часть должна отличаться от родителя, которому в свое время тоже посчастливилось выжить и дожить до репродуктивного возраста. Таким образом, если взять семь родителей, на протяжении долгого времени непрерывно порождавших потомство, то их отпрыски наследуют максимально эффективную степень выживаемости и вдобавок существенно отличаются от любого из родителей, обеспечивая тем самым постоянное и довольно быстрое совершенствование расы плуков как таковой.

— Что ж, вполне вероятно.— Пришелец утвердительно хрюкнул.— В случае с одним полом, или, как говорят профессора биологии, в бесполом варианте, практически немыслимо получить мутировавшее потомство. В бисексуальном случае генетическая изменчивость вполне реальна. При семи же полах ситуация, по-моему, вообще не поддается контролю. Однако любопытно: попадался ли хоть раз невкусный плук или, например, достаточно сильный и ловкий, умудрившийся уцелеть в схватке?

— Нет. Складывается ощущение, что элемент, делающий нас, извините, деликатесом, влияет на наше физическое устройство. Согласно опять же высказываниям ваших биологов, эволюция плуков акцентируется скорее на наших способностях прятаться и ускользать. Воинственный же или агрессивный плук еще не появлялся на свет божий. А ведь у нас не один и не два врага — все, кто не плуки, поедают плуков. За исключением, правда, людей — позвольте мне поэтому, пользуясь случаем, выразить вам нашу искреннюю глубочайшую признательность. Книги Чисел, отражающие нашу историю, сообщают нам, что время от времени плуки объединялись в солидные группы, пытаясь совместными усилиями противостоять истреблению. Тщетно! Как вы догадываетесь, вместо уничтожения отдельных особей истреблялись целые группировки. У нас в принципе никогда не хватало *времени* на то, чтобы создать приемлемую систему обороны или хотя бы сконструировать такое

замечательное средство, как оружие, которым, как мы убедились, вы обладаете. Именно поэтому мы так радуемся каждому вашему появлению. И наконец...

— Радоваться будете после. Я здесь для того, чтобы выполнять свою работу, создавать стереофильм, претендующий по меньшей мере на эпопею, даже если подручного материала наберется от силы на захудалую хронику. Расскажите мне, пожалуйста, в общих чертах, как все у вас устроено.

— Позвольте мне все же заметить, что, независимо от того, что у вас получится, мы перед вами в неоплатном долгу и будем вечно прославлять ваше великое имя. Ведь мы вступаем на путь цивилизации; мы научимся строить неприступные жилища и...

— Конечно, конечно. Подождите чуть-чуть. Сейчас мне принесут новую бутылку. Отлично. Итак, что представляют собой ваши семь полов и как у вас формируется семья?

Я основательно задумался, прекрасно отдавая себе отчет, какая ответственность ложится на меня в этот момент, насколько моему благодетелю важна точная и исчерпывающая информация, которая поможет ему создать стерео, первую ступеньку в нашем пути к цивилизации.

— Пожалуйста, постарайтесь понять, что многое из того, о чем я буду говорить, мы сами представляем весьма поверхностно. Мы знаем, *что* должно произойти; для того же, чтобы понять, *как* это происходит, мы пользуемся теориями, разработанными биологами с первого огненного корабля. К сожалению, эти теории весьма замысловаты, а в приложении к механизму размножения плуков, по признанию ваших же ученых, находятся еще в зачаточном состоянии. В целях тщательного экспериментирования нам пришлось пожертвовать целым поколением семьи фанобрела, а в итоге была выработана лишь весьма приблизительная схема. В общем, наши семь полов — это...

— Я в курсе, что это очень сложно,— прервал меня Шлестертрап.— По возвращении из экспедиции биологи оставили после себя километры исписанной формулами бумаги. Однако, видите ли, сразу же после этого в стране прошла избирательная кампания и пришедшая на смену партия сожгла все прежние записи. Но сейчас я не намерен копаться в этих научных дебрях, нет! В отличие от того же Гогарти. Он, кстати, рыл носом землю, чтобы отобрать у меня эту работу и занять мое место. Некоторые просто не в состоянии оставаться в стороне, особенно заполучив бразды правления. Что же касается меня, то я здесь для того, чтобы делать стерео, хорошее стерео. Как можно про-

честь в венерианских проспектах — «для того, чтобы нести плукам культуру».

— Благодарю вас. Мы и вправду удивлены, почему Гогарти не вернулся, ведь он выказывал такую искреннюю заинтересованность нашими делами и проблемами. Но, поверьте, мы не сомневаемся, что уничтожение его записей вновь избранной партией, по-видимому, диктовалось необходимостью и озабоченностью в успешном ведении дел. Мы не доросли еще до категорий типа «партия», «выборы» и тому подобного. Для нас каждый человек столь же мудр и прекрасен, как любой другой. Вы, разумеется, разбираетесь в основах человеческой генетики?

— Конечно. Вы имеете в виду хромосомы и прочую *чепуху?*

Я энергично замахал малым щупальцем.

— Да, хромосомы и *чепуху*. Особенно *чепуху*. По-видимому, именно это понятие делает весь предмет наиболее трудным для нашего восприятия. Гогарти ни разу не упоминал о нем. Все, чем он занимался, касалось хромосом и генов.

— Неудивительно, что на совещании биологов разразился скандал! Давайте посмотрим. Хромосома представляет собой совокупность генов, каждый из которых в свою очередь отвечает за определенное качество индивидуума. Когда животное готово к произведению потомства, каждая из его зародышевых, или, иначе, половых, клеток делится на две дочерние, называемые гаметами. Гамета содержит половину хромосом родительской клетки, и каждой хромосоме из каждой гаметы поставлена в соответствие некая конкретная, прямо противоположная по свойствам хромосома парной гаметы. Этот процесс называется мейозом. Поправляйте меня, если я где-то ошибусь.

— Разве человек может ошибаться? — искренне удивился я.

Лицо Шлестертрапа сморщилось.

— У человека женская половая клетка содержит в себе двадцать четыре пары хромосом, одну из пар называют Х-хромосомой, она определяет пол. Половая клетка распадается на две женские гаметы, состоящие каждая соответственно из двадцати четырех хромосом, по одной Х-хромосоме в каждой гамете. Поскольку мужская половая клетка, если я правильно помню, имеет лишь двадцать три идентичных пары хромосом и дополнительную, *отличную* от остальных пару, называемую Х-Y-хромосомой, она также делится на две, только мужские, гаметы по двадцать четыре хромосомы в каждой, причем из этих хромосом только двадцать три имеют своего близнеца в парной гамете. Двадцать четвертая Х-хромосома попадает в одну мужскую гамету, а Y-хромосома в другую. Если мужская гамета, называемая сперматозоидом, содержит Х-хромосому и соединяется с

женской гаметой, или яйцеклеткой,— то есть «доставляет Х-хромосому», как кто-то выразился на совещании, то результирующая зигота будет женской; если же Y-хромосомная гамета оплодотворяет яйцеклетку, получится мужская зигота. Все эти сведения они впихнули в меня перед тем, как я покинул Землю. Лекции, бесконечные заседания, всего понемножку.

— Все верно,— с воодушевлением произнес я.— Только в нашем случае...

— Я припомнил еще кое-что, вот смотрите. Y-хромосома считается недоразвитой и слегка отсталой, и это делает содержащую ее гамету несколько ослабленной или что-то в этом роде. Сперматозоид с Х-хромосомой считается более быстрым и сильным и имеет лучшие шансы оплодотворить яйцеклетку. Это, кстати, показывает, почему женщина дольше живет и почему она выносливее мужчины. Просто, не правда ли? Ну, и как же все это происходит у вас?

Затянувшаяся беседа, общая атмосфера помещения, ощущение нереальности происходящего несколько ослабили меня — немного кружилась голова, и я чувствовал себя уставшим. Но я понимал, что происходит нечто очень важное и собственная слабость не имеет права все испортить. Я напряг щупальца и начал:

— В согласии с условиями брака, когда установлена цепочка, каждая их половых клеток побуждается к мейозу. Клетка делится на семь гамет, шесть из которых имеют жгутики, а седьмая, в зависимости от пола, сокрыта внутри или снаружи плука.

— Что такое цепочка?

— Цепочка размножения. Обычно порядок таков: сроб (водоплавающее), мленб (земноводное), ткан (крылатое), гуур (растениевидное), флин (роющий норы), блэп (обитающий на деревьях). И конечно, в самой цепочке процесс идет по циклу: сроб, мленб, ткан, гуур, флин, блэп, сроб, мленб, ткан, гуур, флин, блэп, сроб...

Хоган Шлестертрап обхватил голову руками и стал медленно раскачиваться вперед-назад.

— Начинается сробами и кончается блэпами...— промолвил он почти беззвучно.— И я... э-э-э...

— Сроббом и блэппом,— робко поправил я.— Причем совершенно необязательно начинать именно с первого и заканчивать последним. Потомство может рождаться в любом звене цепи, в этом плане все полы равноправны; просто для оплодотворяемой зиготы требуется наличие необходимых хромосом.

— Замечательно! Теперь давайте поподробнее о хромосомах. Насколько я понял, берется, к примеру, зародышевая клетка

сроба и делится на семь гамет вместо обычных двух, как у остальных видов.

— Ну, согласно нашему слабому разумению, подразумевается некий хромосомный шаблон, разработанный Гогарти и его ассистентом Вольфстеном после тщательных и долгих исследований. Гогарти тогда еще предупреждал моего прародителя, изред фанобрела, что все это весьма приблизительно. В соответствии с их анализом зародышевая клетка заданного пола имеет сорок девять хромосом, причем сорок две из них имеют типы A, B, C, D, E, F (по семь хромосом каждого типа), шесть штук относятся к типу G и одна типа H. Последняя однозначно определяет пол. Шесть подвижных гамет формируются в период мейоза — каждая из них содержит идентичную группу из семи хромосом типов с A по G, а седьмая, неподвижная, гамета состоит из хромосом A, B, C, D, E, F и H. Эту последнюю Гогарти называл женской, или H-гаметой, поскольку она не покидает тело плука до тех пор, пока не сформирована половая клетка, полностью оплодотворенная всеми сорока девятью хромосомами (или семью гаметами соответственно), и поскольку она задает пол. Пол, естественно, определяется плуком, в тёле которого эта клетка и находится.

— Разумеется,— промычал Шлестертрап и принялся опять долго и задумчиво конъюгировать с бутылкой.

— Так должно быть, поскольку в окончательной зиготе имеется лишь одна H-хромосома. Впрочем, вам, наверное, дальше и так все ясно. Применив мощь человеческого интеллекта и опираясь на горстку приведенных мной фактов, вы наверняка уже выстроили в голове всю схему.

Влага, скопившаяся на голове Цивилизатора, причудливо стекала по его лицу.

— Я понимаю вас,— произнес он,— и, естественно, представляю себе весь процесс. Но чтобы картина стала яснее и вам самому, я попросил бы вас продолжить.

Я поблагодарил его за учтивость, неизменно восхищавшую меня в людях.

— Итак, предположим, наша цепочка начинается со сроба. Сроб передает одну из шести своих подвижных гамет мленбу, в котором она объединяется с одной из мленбовских клеток из диапазона A-G, формируя то, что Гогарти называл двойной гаметой или презиготой. Презигота будет состоять из семи пар, от A до G, хромосом. Далее, в теле ткана, следующего в цепочке, эта презигота объединится с тканов ской подвижной гаметой, образуя уже тройственную гамету, состоящую из семи хромосомных триплетов, от A до G соответственно. И так до конца

цепочки, сливаясь на каждом шаге с очередной семихромосомной гаметой. Когда дело доходит до блэпа, накопленная гамета состоит уже из сорока двух хромосом — шести типа A, шести B и так далее до шести G. В этот момент шестеричная гамета теряет жгутики и в теле блэпа соединяется со стационарной H-гаметой, образуя сорокадевятихромосомную зиготу, которой естественно соответствует пол блэпа. Яйцо, таким образом, отложено, и очень скоро из него вылупляется детеныш блэпа. В течение первых десяти дней с момента его появления на свет родитель неусыпно охраняет ребенка и обучает его приемам выживания. По истечении десяти дней наполовину созревший блэп сам уже занимается поисками пищи и самолично применяет меры собственной безопасности. Через сто дней он уже окончательно созревает и готов влиться в семью и производить потомство. Цепочка, как я уже отмечал, может начинаться в любой точке, но сам процесс протекает всегда в одном и том же направлении. Поэтому, например, флин передаст исходную семихромосомную гамету именно блэпу, затем блэп сформированную у себя в теле двойную гамету перешлет по инстанции сробу, который, соответственно, создаст гамету-триплет. В итоге при этом сценарии все завершится гууром. Да, Гогарти был чрезвычайно умен. Он, между прочим, предположил, что мы, возможно, являемся даже не семиполыми созданиями, а семью различными особями, живущими в репродуктивном симбиозе.

— Хренов гений, этот ваш Гогарти! Однако постойте! Сроб, мленб, ткан, гуур, флин, блэп — получается только шесть!

Наконец-то мы подошли к самому интересному.

— О да. Я — представитель седьмого пола, нзред.

— Нзред, хм? И что *вы* делаете?

— Координирую.

Неожиданно Шлестертрап пронзительно крикнул, и к нему примчался один из роботов. Землянин велел ему принести ящик с бутылками и поставить рядом с креслом, приказав затем на всякий случай находиться рядом с ним.

Я блаженствовал. Мой монолог явно произвел сенсацию. Да и нечасто, прямо скажем, плук имеет возможность сидеть вот так запросто с животным другого вида и вести интеллектуальную беседу, вместо того чтобы быть им съеденным.

— Он *координирует*! Почему бы членам вашей семьи не использовать хорошего экспедитора или диспетчера?

— Я сам выполняю все эти функции. Но главным образом я координирую. Понимаете, вот, например, мленб стремится понравиться какому-нибудь сробу и одновременно ищет себе ткана, которого он собирается любить. Ткан, в свою очередь,

очаровывает и соблазняет некого мленба, попутно подбирая себе хорошего гуура. На мне же лежит ответственность за организацию совершенной и гармоничной цепочки, за обеспечение совместимости характеров входящих в нее членов. Я стремлюсь к тому, чтобы произведенное потомство обладало максимальной вариабельностью и получилось более совершенным и приспособленным к жизни, чем их родители. Далее, в соответствии с семейными традициями, когда цепочка определилась, у каждого ее члена появляется зародыш с полным комплектом из сорока девяти хромосом. Самое напряженное время для нзредов! Я должен удостовериться, что все половые клетки развиваются с одинаковой скоростью. Каждый пол в ходе цикла пытается оплодотворить семь H-гамет, и гибель какого-либо индивидуума в середине цикла приводит к полной семейной дезорганизации, за исключением, правда, случая, когда выбывший успел при этом передать свои гаметы. Вот мне и приходится порой подыскивать замену съеденному индивидууму, следя, разумеется, за тем, чтобы не навредить другой семье, откуда я его беру (может, например, оказаться, что в другой семье, кроме него, уже никого не осталось).

— Да, надо думать, скучать они вам не дают,— заключил Шлестертрап.— Но как же вы-то, нзреды, тогда рождаетесь, если находитесь вне цепи?

— В том-то и фокус, что нзред одновременно как бы и вне и внутри цепочки. Шесть полов, пересылающих друг другу гаметы, непосредственно формируют цепочку. Когда к цепочке присоединяется нзред, получается законченная семья. Что касается репродуктивных возможностей самого нзреда, то он самодостаточен, то есть способен сам себя удовлетворить, если возникшая ситуация этого потребует. Он в состоянии, например, получить от ткана шестеричную супер-гамету, а исходную одиночную гамету переслать гууру; он также может поставить себя, допустим, между флином и блэпом или между блэпом и сробом, по обстоятельствам. К примеру, в Сезон Двенадцати Ураганов ткан не может летать и соответственно заниматься поисками гуура, где бы тот ни произрастал: в этом случае именно нзред заполняет собой возникшую брешь. Все это довольно трудно выразить на неродном языке; биологи из первой экспедиции вообще считали, что процесс более запутанный, чем просто митоз оплодотворенной клетки плука, но...

— Постойте,— не выдержал Хоган.— Вы мне окончательно запудрили мозги, а они мне еще пригодятся. Меня ни в малейшей степени не интересует, каким образом нзред вплетается в этот сумасшедший половой танец и как он из него выпутывает-

ся, и я определенно не хочу больше слушать про всякие там митозы. У меня своих хлопот полон рот, и проблемы растут как грибы. Расскажите мне лучше вот что: какое количество потомков производит каждый пол за один цикл.

— На это влияет множество факторов: количество родителей, оставшихся в живых на протяжении всего цикла, число невылупленных яиц по причине сверхмутаций...

— Хорошо, хорошо! Предположим, что цикл безупречен, и вот наконец туман рассеялся. Так сколько же тогда народится новых плуков?

— Сорок девять.

Хоган откинулся на спинку кресла.

— Не очень много, если принять во внимание, как быстро вы покидаете этот мир.

— Да уж. Печально, но факт. Однако родитель не в состоянии высидеть более семи яиц, учитывая условия, в которых мы живем, и тем более вырастить свыше семи отпрысков. Да и эти-то семь выживут лишь в том случае, если в полной мере усвоят переданный им опыт, что бывает крайне редко.

— По-видимому, вы правы,— заметил Хоган и вынул из своей одежды какой-то заостренный инструмент и лист белой материи. Наблюдая за землянином, я вспомнил, что об этих манипуляциях нзред фанобрел мне тоже сообщал.

— Через несколько мгновений,— сказал он, что-то записывая,— я отведу вас в демонстрационный зал, где вы сможете посмотреть современный стереофильм с участием людей. Картина, конечно, так себе, но она даст вам представление, что я предполагаю сделать для вашего народа по линии культуры. Когда будете смотреть, может быть, у вас возн какие-нибудь идеи, как помочь мне с сюжетом. Так, теперь взгляните: это гогартовское описание вашего хромосомного шаблона после мейоза половой клетки?

И он развернул лист перед моими сенсорными щупальцами:

— Абсолютно верно,— ответил я, восхищаясь явным преимуществом изображенных символов по сравнению с тем, что мы обычно чиркаем на песке или в грязи.

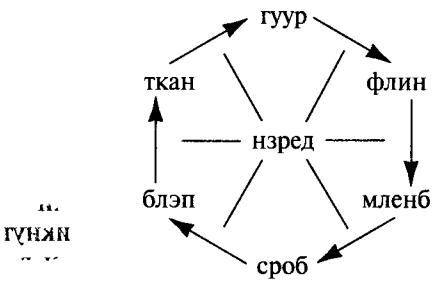
— Замечательно.— Он продолжал что-то писать на листе.— Теперь, какой из ваших полов мужской и какой женский? Я помню, вы употребляли слово «он» и...

Тут мне пришлось его прервать.

— Я использовал эти местоимения исключительно из-за недостатка в английском необходимых слов. Это, естественно, не означает, что я умаляю неоспоримые достоинства вашего языка. Я прекрасно понимаю, что при его конструировании вы не предполагали общаться с плуками. Но как бы там ни было, у вас отсутствуют местоимения для ткана, гуура или блэпа. Мы все мужчины по отношению друг к другу, в том смысле, что передаем оплодотворяющие гаметы; но мы также и женщины, поскольку вынашиваем развивающуюся зиготу. Поэтому опять же...

— Помедленнее, дорогой, помедленнее. Мне необходимо сделать сюжет, а вы мне нисколько в этом не помогаете. Вот здесь схема вашей семьи — правильно?

И он снова протянул мне листок.

— Да, только нзред изображен не совсем точно...

— Послушайте, любезный,— зарычал он.— Я нарисовал, как понял. А понял я именно вот так. Теперь любовная история, дайте мне подумать...

Я терпеливо ждал, пока он размышлял над этой странной вещью, называемой историей, без которой невозможно создать стерео, без коего, в свою очередь, немыслимо привить нам культуру и цивилизацию. Скоро, совсем скоро у нас появятся жилища, похожие на то, в котором я сижу; у нас будет такое же оружие, каким воспользовался робот, когда я вошел...

— Как, говорите, это происходит? — внезапно спросил он.— Это, разумеется, не окончательная версия, так, грубая прикид-

ка. Итак, сроб встречает мленба, ткан теряет гуура, флину достается блэп. Как вам? Нзреда только никак не присобачить.

— Я координирую.

— Я помню, вы координируете. Как бы это... Ладно, сроб встречает... черт, да замолчите вы наконец! Все, что вам нужно делать,— это периодически отвечать «да».— Он что-то пошептал своему роботу.— Бронзо проводит вас сейчас в демонстрационный зал. Мне необходимо подумать.

Едва не разбившись, я соскочил на пол и последовал за роботом.

— Клевая вырисовывается любовная история,— задумчиво пробормотал он мне вдогонку.— Именно так. Напоминает шахматную игру, только не на доске, а в трех измерениях. Дикие, непредсказуемые пешки и вездесущая королева, шныряющая по гиперпространству. Интересно, есть ли у этих уродин-спрутов религия? Такой милый, набожный фильмец вытанцовывается. Эй! У вас есть религия?

— Да,— сказал я.

— И что она такое? Я имею в виду, во что вы, собственно, верите. Только попроще, пожалуйста. Философствовать будем позже.

Выдержав приличествующую паузу, я аккуратно выдавил из себя:

— Да.

— Чего? Хватит ломать комедию, а то схлопочешь! Тоже мне остряк-самоучка. Только потому что я велел тебе не перечить, пока я размышляю вслух... Нечего мне тут выдавать тупые хохмы, когда я задал тебе прямой вопрос.

Я извинился, пытаясь объяснить свою мнимую дерзость простыми условиями нашей жизни.

— Прежде всего,— начал я,— когда прилетает возбужденный ткан предупредить нас, что приближается стая голодных стринтов, все воспринимают сообщение буквально и предельно конкретно. Коммуникационная связь сводится у нас в основном к попыткам передать информацию, существенную для выживания: поэтому она должна быть четкой и определенной. Человеческую же речь как продукт цивилизованной расы можно представить себе деревом, приносящим самые различные плоды. И потому, к несчастью для нас, мы обнаружили, что не всегда легко выбрать нужный плод...

— Ладно, вы виноваты, и я прощаю вас.— Шлестертрап отмахнулся от моих объяснений.— И все же, верите ли вы в жизнь после смерти?

— Нет, абсолютно не верим,— принялся я неторопливо объяснять,— потому что никто еще из плуков не возвращался оттуда, чтобы убедить нас в обратном. Однако из-за трудностей и невзгод, испытываемых нами в этой жизни, и из-за ее унизительной быстротечности нам приятно думать, что у нас будет по крайней мере еще одно, дополнительное существование. Так что это, скорее, не вера, а упование.

— Надо признать, что для животного, не имеющего легких, вы довольно говорливы. И в чем же заключается это ваше упование?

— В том, что после смерти мы окажемся на бескрайней земле с небольшими морями, болотами и горами. Земле, где повсеместно растут розовые сочные травы. Земле, где, куда бы ни взглянул оптический орган, он не увидит никого, кроме плуков.

— И?

— Больше ничего. Это и есть наше упование: попасть когда-нибудь, в этой ли или в следующей жизни, туда, где, кроме плуков, никого нет. Вы же понимаете, что плуки — единственные существа, которые, *вне всякого сомнения,* не едят других плуков. Мы чувствуем, что обрели бы тогда счастье.

— Этого недостаточно даже для одноразовой халтуры. Вот если бы вы, например, верили в бога, который требовал бы от вас жертвоприношения... Но, по-моему, в вашей жизни все и так запутано. Идите и смотрите стерео, а я что-нибудь придумаю.

Очутившись в демонстрационном зале, я вполз в кресло, придвинутое мне роботом, и принялся наблюдать за ним и его помощниками: они вставляли какие-то блестящие цветные полоски в пять продолговатых, напоминающих мленба предметов, прикрепленных к стенам и потолку. Сейчас я, разумеется, уже знаю, что означают термины «фильм» и «проектор», но в тот момент мне все казалось таким новым, странным и удивительным, что я целиком обратился в зрение и слух.

Каким несметным количеством вещей владеют люди, просто поразительно! Их способы записи информации настолько многочисленны и разнообразны: книги, стерео, писчая бумага... да всего и не перечислишь! Я просто убежден, что физическая память людей при таком стремительном росте эволюции уже давно переполнилась и атрофировалась и что вскоре ей на смену придет специальная клавишная аппаратура, непосредственно подключаемая к мыслительному процессу. Им нет нужды постоянно держать в головах Книги Чисел или запоминать девятитысячелетнюю историю расы, постоянно просматривать и прорабатывать ее, извлекая уроки из давным-давно происшедших

событий и примеривая их к современным проблемам. Величественные человеческие возможности сводят мой разум с ума.

Внезапно в помещении потемнело, и крошечное белое пятнышко растянулось в полноцветное изображение, сопровождавшееся полноценными звуками и воздействовавшее на органы обоняния и осязания. Единственное, что меня удивило, отчего люди, монтировавшие стерео, не сымитировали заодно уж атмосферное давление и совершенно проигнорировали ощущения вкуса. Хотя я понимал, что, в принципе, развитое обоняние способно вызывать вкусовые переживания, и достаточно восприимчивый индивидуум вполне бы этим удовлетворился. Что касается полноцветности, то земляне, пользуясь лишь тремя цветами из существующих девяти, по-видимому, поступают так исключительно ради простоты, так что, наверное, унылые и однообразные сочетания синего, красного и желтого — результат простой договоренности.

Когда появившиеся на экране человеческие персонажи принялись демонстрировать передо мной свою жизнь, я стал понимать, что Хоган Шлестертрап имел в виду под «сюжетом». Сюжет — это история об одном или нескольких индивидуумах в определенной культурной среде. Я недоумевал, каким образом Шлестертрап собирается выстроить фабулу, опираясь на примитивную жизнь плуков; ведь он нас почти не знал. Мне и невдомек тогда было, сколь поразительно людское воображение. История, которая разворачивалась передо мной в этот и без того перенасыщенный впечатлениями день, первый день нашей цивилизации, касалась двух полов, по одному представителю от каждого. Главного героя, мужчину, звали Луи Трескот, а девушку играла Бетина Брамвел.

Сюжет сводился к упорным попыткам Бетины Брамвел и Луи Трескота встретиться и отложить яйца. Многочисленные трудности и проблемы подстерегали пару на каждом шагу, но, преодолев наконец все препятствия, герои соединились и подготовились к размножению.

Вероятно, по недосмотру сюжет завершился прежде, чем яйца были отложены; не покидало, правда, чувство твердой уверенности, что акт таки произойдет.

На этом фильм завершился. Экран запестрел от ярких красок, раздались непонятные оглушительные звуки, называемые у людей музыкой, наконец краски потухли, и все исчезло. В зале зажегся свет, и роботы занялись проекторами. Я возвратился к Шлестертрапу, впечатленный новыми знаниями.

— Отлично,— сказал он.— Вполне приемлемо, даже учитывая расходы. Послушайте, у меня созрела идея вашего стерео,

может, несколько сумбурная, но тем не менее. Итак, скажите мне, какого животного вы, жуки, боитесь больше всего?

— Ну, в Сезон Двенадцати Ураганов стринтов и засасывающих плющей, так как именно они наносят в это время колоссальный урон нашей расе. В периоды действия других опасных циклонов — в первую очередь, трицефалопов, бринозавров и гридников...

— Не нужно сообщать мне про *все* ваши трудности. Отвечайте конкретно: кого вы боитесь больше всего на данный момент?

Я основательно задумался. Поставленный в таком виде вопрос давал мне пищу для размышлений дня на два, не меньше, но, учитывая, что Великий Цивилизатор беспокойно переминался с ноги на ногу, я не стал злоупотреблять его терпением. Необходимо было немедленно отвечать, и, вероятно, тут я и совершил ошибку, отпрыски мои. Но примите во внимание, что, задумайся я над ответом несколько дольше, нам, возможно, так никогда бы и не пришлось получить хоть какую-нибудь пользу от цивилизации.

— Гигантских пятнистых змей. Их боятся, правда, только нзреды, мленбы, флины и блэпы. Гууров в настоящий момент едят исключительно трицефалопы, а сробов...

— Прекрасно. Пятнистые змеи, говорите. Давайте пройдем на смотровую площадку, и вы мне их покажете.

Помещение оказалось тем самым отсеком, через который я попал в жилище. Я вытянул свои оптические щупальца и приник к прозрачной крыше.

— Вот она, прямо надо мной, уже почти заглотила какого-то додла, и ее атакуют гридники и засасывающий плющ.

Шлестертрап посмотрел наверх и вздрогнул. Заметив нас, твари заскреблись по обшивке еще яростнее, не переставая, однако, дожевывать то, что уже попало им в пасть. Засасывающий плющ оттаскивал пятнистую змею прочь.

— Ну и местечко,— промычал Шлестертрап.— Да, наш бункер — великая удача для вас. Это ж только подумать — вытащить себя из собственного дома, примчаться сюда и в непринужденной беседе рассказывать про всякие кошмары. Тут у вас, я смотрю, блюда на любой вкус, включая и вас. Сплошная пожираловка какая-то. Каждый выбирает себе деликатес, постоянно следя, чтобы его самого не слопали.

Я ждал, пока великий ум оперировал категориями, недоступными моему примитивному восприятию.

— Отлично. Итак, это была гигантская пятнистая змея. Ладно, я распоряжусь и дам задание роботам сделать несколько

снимков этих милашек. Потом мы вставим их в фильм. Так, а как насчет распределения ролей?

— Распределения ролей? Что вы имеете в виду?

— Ну, актеров. Персонажей. Я понимаю, что для вас это все в новинку, но попробуем представить, что снимается документальный фильм. Мне нужен представитель каждого из ваших шести полов — желательно, лучший в своем роде. Вам следует провести конкурсный отбор, или как там у вас это называется Итак, нужно семь разных актеров.

— Их можно раздобыть, испросив помощи у лидеров каждого пола. Нзред тинослеп станет новым нзред нзреддом. Если нам повезет и в каком-нибудь болоте рискнут скучковаться несколько мленбов, то и с мленб мленббом проблем не будет. Но неужели это все, что требуется для того, чтобы мы совершили первый шаг на пути к цивилизации?

— Абсолютно все. Я напишу для вас первый в вашей жизни сценарий. Пока он еще далек от совершенства, но я не пожалею времени, чтобы как следует его обкатать.

— Значит, мне можно идти?

Цивилизатор подозвал робота, который подвел меня к агрегату, чем-то напоминавшему стереопроектор.

— Извините, но, к сожалению, я не могу послать с вами кого-нибудь из моих электронных телохранителей. Дело в том, что я еще толком не распаковался. Мне нужно еще день или два. И потом, у меня одни серийные образцы, а они копаются, как черепахи. Не поверите, но когда-то у меня было восемнадцать «суперзолушек» только для уборки по дому!

Согласившись с последним довольно туманным заявлением, я попытался обнадежить землянина.

— Если меня съедят,— уверял я,— то существует, по крайней мере, три нзредда, которые могут меня заменить. Мне непременно нужно спуститься с горы в место как можно более низкое, чтобы встретить хотя бы одного плука и сообщить ему о вас и ваших требованиях.

— Прекрасно,— с жаром воскликнул Шлестертрап.— Не сомневаюсь, что сработаюсь с вашей командой, особенно с теми, кто неплохо говорит по-английски.

— Эй, Тупорылый,— обратился Хоган к одному из роботов,— прибавь лучевой мощности, чтобы наш малыш вылетел с приличным ускорением. И как только он окажется за бортом, быстро-быстро закрывай люк, иначе эта полуголодная братия, что снаружи, недурно пообедает.

Робот, которого назвали Тупорылым, слегка надавил на рычаг лучевого проектора. В этот момент я с пылким интересом

разглядывал диковинный агрегат в надежде сохранить в своей памяти впечатление об этом механизме, который мы могли бы в дальнейшем приспособить для своих собственных экстренных нужд. Внезапно какая-то мощная сила буквально выстрелила меня в неожиданно открывшуюся секцию жилища, и я в мгновение ока пролетел добрую половину пути вниз с горы. Приземлившись на все свои щупальца и успев откатиться в сторону от тут же метнувшегося ко мне побега засасывающего плюща, я наконец перевел дух и обернулся назад, пытаясь рассмотреть отверстие, через которое я вылетел, но ничего не заметил — похоже, дырка успела захлопнуться.

Впрочем, мне особо не дали поразмышлять на эту тему, поскольку, едва очутившись на земле, я тут же со всех сторон был атакован притаившимися тварями. Через секунду я уже стремительно катился дальше под гору, весьма сожалея, что роботы остались распаковывать багаж.

Слава богу, беда меня на сей раз миновала: когда я оказался уже у кромки болота, моего ближайшего преследователя, зеленого шата, настигла стая гридников, так что я успел укрыться в тени гигантского папоротника.

Шорох, раздавшийся совсем рядом от меня, заставил меня напрячь щупальца для очередного прыжка, но, к счастью, я успел распознать источник шума — им оказался блэп кореон. Вцепившись в веерообразную ветвь и боязливо всматриваясь в меня, он наконец успокоился и приглушенно возвестил:

— Нзред шафалон вернулся из жилища человека, обещающего дать нам много мощного оружия, но почему-то я по-прежнему вижу, как он, прижав уши, несется, удирая от голодных желудков.

— Совсем скоро вы увидите этого человека, сидящего со своей семьей в тепле, уюте и в полной безопасности и посмеивающегося над всеми монстрами,— важно ответствовал я.— Меня послал землянин Хоган Шлестертрап из Голливуда, штат Калифорния, чтобы я помог ему создать стерео для нашей расы.

Блэп отцепился от огромного листа и плюхнулся рядом.

— Стерео? А оно большое или маленькое? Сколько гигантских пятнистых змей сможет оно уничтожить? А мы научимся делать его сами?

— Со временем безусловно научимся, только стерео не убивает змей. Стерео, мой нетерпеливый путешественник по ветвям, такая необходимая ступень в развитии культуры, без которой любая раса будет вечно пребывать в постыдном невежестве и страхе. Со стерео мы начнем беспрепятственное движение к цивилизации, научимся господствовать над окружающей средой

и возликуем наконец ровно так же, как радуется человечество на Земле. Однако довольно попусту болтать — лидерам от каждого пола надлежит организовать Конкурсы Красоты, чтобы отобрать достойнейших из достойных для первого плукианского стерео. Где сейчас блэп блэпп?

— Совсем недавно я видел, как он прыгал с ветки на ветку в пятом широчайшем лесу, спасаясь от когтистых лап преследовавшей его ящероптицы. Любой ткан проведет тебя в его логовище. Кроме того, я, кажется, знаю, где недавно копался флин флинн.

Сказав это, он вспрыгнул на груду камней и принялся рыться вблизи крайнего камня. И точно, вскоре на дне вырытой ямки обнаружилось грузное тело старого флина. Я подкатился поближе и повторил флин флинну распоряжение Шлестертрапа.

Дряхлый землерой нервно рассматривал свои искалеченные когти.

— Лидеры остальных полов, я думаю, захотят собраться где-нибудь повыше. Я понимаю, как важно стерео для нашей расы, но я уже слишком стар и с трудом передвигаюсь. Ты же знаешь, что сейчас Сезон Гонимых Ветром Дождей, когда гигантские пятнистые змеи особенно прожорливы.

— Но вскоре наступит Сезон Ранних Паводков,— прервал я его,— а тогда мы сможем общаться только через тканов. Так что у нас нет времени ждать — чем быстрей начнем, тем лучше.

— Чего тебе бояться, старик? — усмехнулся блэп.— Вряд ли змее придется по вкусу твое жесткое и неароматное мясо!

Флин флинн вжался в нору.

— Возможно, только поймет она это лишь после того, как изрядно поэкспериментирует над моей персоной,— заметил он цинично.— Ладно, постараюсь связаться с новым мленб мленббом, их норы соединяются с нашими. И где, ты полагаешь, мы соберемся, о Координатор, приобщенный к человеческой мудрости?

— В защищенном месте, у подножия шестой высочайшей горы,— предложил я.— Там в период великого ветра мы наверняка будем в полной безопасности. Подумай, кстати, кто из живущих флиннов наиболее бы подошел для съемок стерео. И передай мленб мленббу, чтобы тот тоже подумал со своей стороны.

Когда звук от вгрызающихся в землю когтей постепенно затих, мы с блэпом вернулись к гигантскому папоротнику. Как записано в Книге Единиц: «Ближний куст дороже, чем два вдали».

— Единственный лидер, о котором я точно знаю, где он находится,— заметил блэп кореон,— это новый нзред нзредд. Он точно в этом болоте и координирует следующий цикл.

— Ты говоришь про нзред тинослипа?

— Да, что-то он в последнее время чересчур возгордился, чаще стал роптать на Высшее Упование. Хвастается, что стоял еще у истоков координирования и что именно при нем организовалось много хороших семей. Но ты-то знаешь про жуткие гибриды в его последнем цикле, наверняка слышал.

Я расстроился.

— Послушай ты, грызун древесной коры! Я бы на твоем месте поостерегся насмехаться над тем, кому подчиняется твой координатор! Тебя могут запросто заменить другим блэпом в цепочке, вот и будешь тогда в отчаянии смотреть на невылупленные яйца. Нзред тинослип действительно организовал в свое время могучие циклы, он и сейчас продолжает использовать накопленную мудрость на благо всех плуков, в отличие, скажем, от блэп блэппа или флин флинна, отвечающих лишь за конкрётный пол.

Запомните хорошо эту речь, нзредды мои. Знайте, что очень важно завоевать и постоянно поддерживать авторитет среди всех, даже самых слабых и неустойчивых особей, поскольку иначе семьи будут распадаться и каждый пол начнет действовать независимо от остальных. При этом нзред всегда должен стоять как бы немного обособленно. Да, да, даже в наши тяжелые времена неопределенности и длительных переходов он обязан олицетворять собой невозмутимость и беспристрастность. Ну, да ладно, я хочу продолжить! Обсудим эти сложные моменты как-нибудь в другой раз, о, вы, так недавно появившиеся на свет. Я знаю, что сейчас перед вами встают определенные сложности...

Короче, блэп почувствовал, что переборщил, и поспешил извиниться.

— Я и не собирался насмехаться, вовсе нет, о, всемогущий устроитель рождений! Эту пошловатую историю сообщил мне один забредший гуур, наверное, он лучше знает. Ты уж не наказывай меня — не отрывай от плавников моего восхитительнейшего сроба и объятий великолепного флина! Нзред кореон и так очень сердит на меня за то, что я из-за своей дурацкой инициативы почти обрек двух маленьких блэпов на вымирание и теперь...

Неожиданно позади нас раздался чей-то мерзкий кашель, и мы, не сговариваясь, моментально запрыгнули на нависший над самой землей лист древовидного папоротника. Не останавливаясь, блэп стремительно вскарабкался на вершину растения, откуда перепрыгнул на развесистый сук соседнего дерева; я тоже напружинил свое спиральное щупальце и мощным усилием от-

толкнулся от листа, едва успев заметить гигантскую жабу, разочарованно втянувшую обратно в рот длинный липкий язык.

Я был весьма удовлетворен случившимся: этот блэп наверняка перестанет впредь насмехаться над нзредами.

В самой заросшей части болота я наконец обнаружил лидера моего собственного пола, окруженного юными нзредами. Когда я подошел к нему и принялся рассказывать, он тут же отпустил учеников.

— Место встречи, которое вы предложили флин флинну, несомненно устроит обитателей суши, а как быть со сроб сробом?

— Дело в том, что у подножия шестой высочайшей горы протекает небольшой ручей,— сообщил я ему.— Ручей, конечно, не особо широкий, но лидер сробов в состоянии приплыть туда без особых проблем. В самом неудобном положении окажется мленб мленбб, это для него непривычное испытание.

— Ай, бросьте, мленбы постоянно чем-то недовольны,— возразил лидер нзредов.— То, что там ручей, это хорошо, нам будет только безопаснее, в смысле ветра да и вообще. Ты довольно мудро все это организовал, нзред шафалон, и я уверен, что совсем скоро ты сам станешь нзред нзреддом, в отличие от твоих беспечных сверстников, способных лишь к вырождению рода.

Похвала вскружила мне голову. Удостоиться чести услышать, что мне надолго удастся избежать ассимиляции,— серьезный комплимент. Сама мысль, что я теперь лидер пола и смогу эффективно координировать, окрыляла меня. Поистине наша раса вступала на путь цивилизации, а как далеко было еще до ее высшей стадии — Нового Поворота.

— Тебе нужен ткан,— продолжал нзред нзредд.— У ткан тканна есть достойный кандидат. Ткан гадулит — единственный из тканов, выживших после атак трицефалопов. У него потрясающие задатки. Уверен, что тебе необходимо с ним встретиться и включить его в цепочку. Как только лидеры полов соберутся и организуют эти непонятные Конкурсы Красоты, мы соберем победителей и ты доставишь их своему ужасному Шлестертрапу. Может, и вправду это стерео приведет нас к выгодам цивилизации.

— Не сомневайся,— горячо воскликнул я и пошел встречать нового ткана. Он оказался необыкновенно универсальным; гуур шафалон находил его восхитительным; даже наш скромный и убогий мленб признался в любви к крылатому красавцу. Предложение вступить в семью шафалона ошеломило ткана, а я, со своей стороны, убедился в его здравомыслии и совершенном

отсутствии гордыни. Итак, я приступил к планированию — наступило время начинать новый цикл.

Прилетевший ткан тканн проинформировал меня о кандидатурах, отобранных лидерами полов, собираясь уже сопроводить меня к ним. К несчастью, на тот момент я так и не успел связаться с моим сробом. В Сезон Гонимых Ветром Дождей они плавали на приличном удалении от суши, так что, к большому сожалению, пришлось немного отложить координирование.

Плуки, отобранные на Конкурсах Красоты, не нуждались в представлении, их известность говорила сама за себя. Каждый из них отличался от других представителей своего пола по целому множеству показателей. Объединенные в одну семью, они, без сомнения, произвели бы на свет какого-нибудь суперплука.

Выражая безграничное почтение, ткан тканн сообщил мне, что я единогласно выдвинут на главную роль, но поскольку я числюсь ассистентом у Шлестертрапа, а это важнее всего, то на мое место выбрали другого.

— Ничего страшного,— заявил я крылатому красавцу, тут же взмывшему в небеса.— Мне и так есть чем гордиться: мои книги известны всем.

Задыхающийся сроб, только что вытащенный из воды, представлял самую серьезную проблему, однако на выручку пришел ткан, вызвавшийся забрать его с собой и лететь стрелой, не дожидаясь остальных, прямиком к жилищу Цивилизатора, с тем чтобы рыбка не успела засохнуть и умереть. Итак, прихватив под мышку растениевидного гуура, мы начали восхождение на десятую высочайшую вершину.

Хотя Сезон Гонимых Ветром Дождей был уже на исходе, гигантских пятнистых змей, ползающих вокруг хогановского жилища, оказалось даже больше, чем раньше; я обратил внимание также на несметное количество слюнявых додлов, сплетающихся в свои мерзкие кольца; стольких за раз мне никогда не доводилось видеть. Слонялось даже несколько бринозавров, по-видимому предвкушавших скорое наступление Сезона Ранних Паводков. Все это, к моему изумлению, привело меня к мысли, что твари, очевидно, считают землянина достойной заменой плукам.

Я шел впереди группы, поскольку лучше других знал местность и быстрее бы привлек внимание Шлестертрапа. Еще не одолев и половины склона, мы были обескуражены представшей картиной: казалось, тут умудрились сосредоточиться все мыслимые представители венерианской фауны. Бесчисленные твари роились вокруг дома Цивилизатора, щелкая и треща на все лады, брызгая липкой слюной, периодически останавлива-

ясь, чтобы сцепиться с ближайшим соседом, при этом ни на миг не упуская из виду нашу группу и то и дело совершая недвусмысленные попытки набить нами брюхо. В этой связи мне представился еще один повод убедиться в мудрости нашего избавителя, решившего отобрать именно лидеров полов, ибо только универсальные и щедро наделенные от природы особи, нацеленные на выживание, способны уцелеть в этом безумии тотального пожирательства.

Мне достаточно было один раз показаться перед роботом, находившимся в наружном отсеке жилища. Направленный луч, словно шустрый гридник, скользнул в мою сторону и, поймав меня, заскользил дальше, к остальным членам моей элитной семьи. Створки в стене раздвинулись, и мощная сила затянула нас внутрь жилища, после чего отверстие тут же закрылось.

Помню, я испытал чувство глубокой признательности, ибо луч буквально вырвал меня из обвившихся вокруг моих щупальцев побегов огромного засасывающего плюща, о который я неосторожно споткнулся. Спиральное щупальце, слава богу, не пострадало, но если бы не луч, неизвестно, чем бы дело кончилось: уворачиваясь от трех ящероптиц, невозможно одновременно следить, что поджидает тебя на земле.

Один робот уже подготовил для сроба специальный резервуар с водой, он же раздобыл где-то хорошей почвы для нашего гуура.

— Это что, растение какое-то? — поразился Шлестертрап. Землянин почему-то поменял свое прежнее одеяние и был облачен во что-то черное, украшенное красноватыми пятнами. На голове Цивилизатора было надето то, что он называл кепкой, причем козырьком назад — дань традиции, как он объяснил, принятой в среде киношников, своеобразный символ признания прежних заслуг.

— Нет, это гуур, представитель плуков, предпочитающий произрастать среди дружелюбных соседей. Хотя и питается результатами фотосинтеза, но не является обычным растением, потому что умеет перемещаться...

— Гуур, говорите? Довольно беспомощен, нет? По-моему, он не сам пришел, а его внесли. Так, ладно, тихо — я думаю!

Я взволнованно перевел сказанное. Мы замерли, как изваяния. Сроб, только что высунувший голову над поверхностью чана, чтобы оглядеть помещение, тоже застыл и, похоже, стал задыхаться.

Наконец Шлестертрап кивнул головой, и мы смогли расслабиться. Мленб сразу же подскочил к чану и погрузил голову теряющего сознание сроба обратно в воду.

— Ладно,— заметил Цивилизатор.— Я придумал — сделаю из него ребенка. Казалось бы, такая маленькая, незаметная фигура для художественного стерео. Но ведь я всегда могу так нарядить и загримировать ваше растение, что никто и не заметит разницы.— Он обернулся ко мне.— Очень полезный трюк в нашем деле. Если постараться, то из любого, извиняюсь, дерьма можно сделать конфетку. Возможно, критики и отыщут потом изъяны, но кто в наше время читает критиков?

Увы, я не знал, что ответить.

Много времени прошло, пока я смог возобновить разговор с землянином. Во-первых, мне нужно было обучить английскому языку первых плукианских актеров, чтобы они хотя бы понимали, чего хочет от них Шлестертрап. Выяснилось, что это не самое трудное: моим подопечным просто требовался небольшой период сосредоточенного триггования. А теперь я мог обучить их специальным словам, которыми не пользовался даже мой предок, нзред фанобрел. К сожалению, большинство произносимых Великим Цивилизатором фраз имело очень тонкий и едва уловимый смысл; когда же речь заходила о его отношениях с собратьями-землянами или касалась вопросов оборудования, нам не оставалось ничего другого, как беспомощно разводить щупальцами, плавниками, лапами и стеблями.

И все же наступит день, когда пусть не мы, но кто-то из наших более смышленых потомков докопается до истинной сути туманных фраз.

После языковых уроков плуков брали в оборот роботы — те же самые гостеприимные создания, которые доставляли свежую и сочную розовую траву, необходимую нам для пропитании, а также принуждали делать множество малопонятных вещей, связанных с созданием фильма.

Периодически Шлестертрап останавливал кипучую активность электронных помощников, орудовавших со светом, звуком и жужжащими кинокамерами, поворачивался ко мне и требовал, чтобы я рассказал ему про наши традиции и обычаи. Чтобы достойно отвечать, мне приходилось вспоминать каждую страницу всех наших Книг Чисел.

Часто, однако, не дождавшись, пока я закончу, Цивилизатор давал роботам знак приступить к очередному действу, бормоча про себя что-то вроде: «Сейчас мы смастрячим довольно милую сценку, она будет смотреться прелестно, и кого волнует, что такого в жизни не бывает».

Затем он опять начинал раздражаться и приставал ко мне, почему у некоторых из нас есть головы, а у других, например мленбов и нзредов, мозги сидят прямо в туловище? Или почему

гуур гордится, что обладает тем, что биологи с первого корабля называли «размытой нервной системой»?

— Как мы можем отснять интригующий крупный план,— причитал Шлестертрап,— если вы не можете мне толком объяснить, на какую часть тела ваших героев следует делать акцент? По сюжету актеры встречаются вместе, общаются, а вы, вместо того чтобы подумать, как они должны выглядеть, укорачиваете мне жизнь вашими сложностями!

— Мы отобрали самых приспособленных к жизни плуков,— напомнил я ему с гордостью,— победителей Конкурсов Красоты.

— Держу пари, что скоро у меня от ваших красавцев совсем крыша съедет.

Так постепенно, с осторожностью и щедростью приобщал нас землянин к плодам цивилизации. Да преклонится перед именем его каждый уцелевший плук!

Приобретение новых знаний тем не менее составляло для меня основную трудность. Роботы общительностью не отличались (нам, кстати, так и не удалось выяснить их истинную роль в делах Шлестертрапа), а Цивилизатор неоднократно признавался мне, что таким гениям, как он, не пристало беспокоиться по поводу разной ерунды типа стереографической техники; поэтому абсолютно всю черновую работу он отдавал на откуп своим металлическим ассистентам.

Но я упорно добивался своего. Затравленная, униженная раса плуков ждала, что я овладею достаточной суммой знаний для создания нашей собственной технологии. Я задавал Хогану подробные вопросы. Например, как удается роботу, отвечавшему за звук, так ловко оперировать со змеевидным, будто живым, микрофоном; я приставал к нему, чтобы он объяснил принцип действия потрясающей кинокамеры запахов, с ее настраиваемыми линзами обоняния и круговыми шкалами строго откалиброванных делений, начинающихся восхитительным запахом розы и завершающихся сероводородной вонью.

Как-то после особенно затянувшегося сеанса я, заглянув к нему в отсек, застал его там за сочинением партитуры. Вообще, надо сказать, что хогановская музыка производила на меня странное впечатление: мне никак было не взять в толк, отчего очаровательные умиротворяющие мелодии перемежались порой какой-то невообразимо будоражащей какофонией звуков. Естественно, мне было любопытно, как все это получается.

На этот раз, к чести Шлестертрапа, он объяснил мне все довольно спокойно и терпеливо.

— Вот смотри,— начал он,— это звуковая дорожка с симфонией Бетховена, а здесь — одно из популярных попурри Гершвина. Надергав по очереди с обеих дорожек по нескольку отрывков, я закладываю полученную смесь в этот ящик, называемый оркестратором, и щелкаю переключателем, вот так... Агрегат начинает греметь, шуметь, перемешивать все это, и в итоге фабрикуется совершенно новая звуковая дорожка, которую я и вставляю в фильм. При таком подходе количество получаемых сочетаний намного превышает число дюймов в расстоянии от Венеры до Земли! Итак, механизм очень простой: вставляешь немного Бетховена, немного Гершвина, а оркестровкой занимается оркестратор.

Я ответил ему, что запомню это на всю жизнь.

— А какая все же машина готовит исходные отрывки Гершвина и Бетховена? — поинтересовался я.— И можно ли как-то приспособить эти мелодии для борьбы под водой против бринозавров? И что все-таки конкретно происходит в оркестраторе, когда он шумит и гремит? И когда мы наконец приступим к...

— Вот здесь! — Он схватил книгу, лежавшую на столе.— Я собирался дать вам ее еще вчера, когда вы заинтересовались, каким образом связывается осязание с манипулирующей антенной. Вы желаете знать все о культуре и как люди с ней управляются, не так ли? Вы хотите понять, как наша культура приспосабливается к нечеловеческим расам, правильно? Вот, почитайте эту книгу и не мучайте меня, пока не прочтете. Пожалуй, это самое фундаментальное издание. А я, если не возражаете, пойду чего-нибудь выпью.

Чувство безмерной признательности переполнило меня, и, когда он вернулся, моя благодарность не знала границ. Бережно взяв сокровище, я уединился в укромном уголке. Одно название чего стоило: «Сокращенный свод инструкций, касающихся Межпланетной культурной миссии, аннотированный, с Приложением типовых должностных процедур относительно миссий в Солнечной системе»!

К большому для меня сожалению, мои интеллектуальные способности оказались недостаточными, чтобы извлечь максимальную пользу из этого грандиозного вместилища человеческих знаний. Когда робот позвал меня к Шлестертрапу, я застрял где-то на введении к пятому параграфу исправленного шестнадцатого циркуляра под названием «Плотоядные из отряда псевдомлекопитающих. Допустимые методы обращения и усмирения в целях организации Бинет-сети».

— Готово,— произнес Цивилизатор, нетерпеливо отмахнувшись от моего вопроса, касавшегося одного непонятного примечания.— Дайте сюда эту книгу, я верну ее обратно в архив. Я вручил вам ее специально, чтобы вы не мозолили мне глаза. Все сделано, ты понял, парень?

— Стерео?

Он кивнул:

— Да, я завершил, и можно идти на пробный просмотр. Ваши друзья уже ждут в демонстрационном зале.

Возникла пауза, в течение которой он неторопливо прохаживался по комнате. В ожидании, что он еще что-то добавит, я не осмеливался нарушить величественность момента. Наша культура делает первый шаг на пути к цивилизации!

— Смотрите, плуки,— высокопарно начал Хоган,— я создал для вас стерео, которое, по моему мнению, несомненно претендует на высочайшую оценку. Про стоимость фильма я даже не упоминаю, я создавал его на пределе своих душевных сил и возможностей. Теперь, может быть, вы в свою очередь окажете одну любезность старому Шлестертрапу?

— Все, что угодно,— затрепетал я,— все, что пожелаете... для такого бескорыстного гения, как...

— О'кей, мальчики. Некоторые несносные парни на Земле становятся на дыбы и рвут на себе волосы, негодуя по поводу моего назначения на эту миссию, на том основании, что я ни разу в жизни не прослушал хотя бы одного курса по психологии инопланетных существ. Они превращают мою работу в пытку, используя мое назначение сюда и ряд других привилегий от шоубизнеса для нападок на существующую администрацию, обвиняя ее в коррупции и некомпетентности. Я, собственно, никогда и не смотрел на эту работу как на что-то большее, чем временная затычка, но Голливуд посчитал, что в стереофильмах ему не обойтись без истинного шлестертраповского духа. Чего, мол, еще желать, раз мой банковский счет на Земле неуклонно растет, а лучшего места мне все равно не найти. Так вот, было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы как-то оценили мою работу и составили характеристику. Мы бы записали ее на магнитофонную ленту, и я отправил бы ее на Землю. Вы проявили бы этим так называемую человечность и признательность за то, что мы здесь делаем.

— Я вам также чрезвычайно признателен за предоставленную возможность выразить нашу благодарность,— ответил я.— Думаю, что довольно быстро подготовлю необходимую речь. Разрешите приступить немедленно.

Он протянул ко мне свои длинные щупальца и потащил меня обратно в отсек.

— Прекрасно! — сиял он.— Только, пожалуйста, постарайтесь сочинить речь таким образом, чтобы у людей не возникло и тени сомнения, что потраченные на вас деньги не пущены на ветер. Понимаете? У меня имеется отличный образец подобного

отчета — как раз то, что на Земле хотели бы от вас услышать. Эй, Мордоворот! — окликнул он одного из роботов.— Подготовьте с Тупорылым аппаратуру к записи.

Пока роботы занимались настройкой, я прочитал вслух речь, которую для меня распечатал Шлестертрап. Отдельные непривычные для меня понятия несколько сбивали с толку — например, отрывки, где я восхвалял Великого Цивилизатора за обучение нас английскому языку и за то, что он растолковал нам сложнейшие биологические процессы, происходящие в наших организмах,— однако в целом речь представляла собой ни больше ни меньше как гимн человеку, заслужившему наивысшую похвалу. Когда я кончил, он закричал:

— Довольно! Отлично!

Я хотел было спросить Хогана о причинах кажущихся несоответствий в речи, именно несоответствий, так как ошибок, как я твердо знал, люди сделать не могут,— но не успел: Цивилизатор опять запихал меня в демонстрационный зал, где нас дожидались плуки. Мне показалось, что он пробормотал что-то вроде: «Это наверняка задержит группу Гогарти до следующих выборов»,— но я был настолько одержим осознанием первого плукианского культурного прорыва, что это вытеснило все остальные мысли и я стремительно побежал на свое место.

Итак, первый стереофильм, где актеры — одни плуки! Сейчас этим никого не удивишь, и каждый новорожденный плук может посмотреть фильм уже через шесть дней после того, как вылупится из яйца. Однако тогда, во время предварительного, как называл его Шлестертрап, просмотра, казалось, что все вокруг замерло и мы вот-вот соприкоснемся со святая святых. Мы не сомневались уже, что цивилизация нам гарантирована.

Некоторые эпизоды киноленты показались мне довольно странными, но, немного поразмыслив, я успокоил себя, решив, что, возможно, это результат однобокого восприятия и со временем, когда мы наконец достигнем интеллектуальных высот, недоразумение рассеется само собой.

Вы понимаете, о чем я. Начало фильма интересное и многообещающее — представители разных полов встречают друг друга при самых неожиданных обстоятельствах и решаются создать семью. Брачный договор выглядит, возможно, несколько экстравагантно, но в принципе напоминает обычаи того времени. И тут вдруг странная выходка гуура: неожиданно посчитав себя оскорбленной, она решает разорвать договор.

Вы все, конечно, знаете, или, по крайней мере, должны знать, что местоимение «она» для гуура выбрано не случайно, а чтобы подчеркнуть его принадлежность к женскому полу.

Опять же неясно, почему, когда гуура убегает, остальные начинают ее преследовать, вместо того чтобы отыскать и взять в супруги какую-нибудь более здравомыслящую особь? А что происходит, когда гуура попадает в поле зрения гигантской пятнистой змеи? До сих пор мы как-то не сомневались, что это единственный вид плуков, напрочь игнорируемый змеями,— очевидно, мы ошибались. Убегая, гуура умудряется не попасться трицефалопам и засасывающему плющу, они ее просто не замечают; отчего же на змею нашла вдруг эта извращенная блажь — полакомиться стеблями и усиками гууры,— остается неясным.

А это сражение, когда оставшиеся шесть плуков атакуют и истребляют змею! Даже сроб, приплывший на помощь из своего ручья, выполз на сушу и, задыхаясь, вступил в драку. Схватка продолжалась довольно долго, и то, что змея отпразднует победу, никто не сомневался, и вдруг... змея мертва.

Я старый нзред, и смотрел этот фильм сотни раз. Нагляделся на своем веку и на свирепых змей, ускользая от их слюнявой пасти. Опираясь на свой личный опыт, я согласен с нашими старожилами и считаю, что умертвить такую змею можно, лишь задушив ее. Нет нужды объяснять, я думаю, сколь неравны здесь силы,— однако, как заметил после первого просмотра стерео один нзред нзредд: «Раз плуку удалось сделать это один раз, значит, он сможет делать это и впредь!»

Завершается фильм вполне правдоподобно. Какой гуур, невзирая на любые причины, побудившие его убежать в начале картины, не вернется с радостью в лоно семьи, проявившей небывалую мощь и одолевшей гигантскую пятнистую змею? Заключительные кадры до сих пор вызывают у нас смех (не смеется один мленб): заползая в конце фильма в свою нору, он чуть не сломал себе ласты.

— Ну как? Потрясающе, правда? — воскликнул Шлестертрап, когда мы вернулись в отсек.— Какие сцены, какие эффекты, а?! Просто шедевр! Вы согласны?

Я задумался.

— Да, пожалуй,— выдавил я наконец.— Ваше стерео перевернет всю нашу жизнь... за девять тысяч лет истории плуков не происходило ничего подобного.

Он похлопал себя по бедрам.

— Это высокохудожественное творение. Здесь есть все. Концовка, кстати, навеяна творчеством раннего Чаплина, братьев Маркс и Де Сика.— Порывисто проконъюгировав с бутылкой, он вдруг сказал: — Мне кажется, вам не терпится разобраться в деталях и научиться управляться с проекторами? Роботы вам все объяснят. Я оставляю вам три полные установки и кучу копий

картины. Покажете своим лесным друзьям, как все это включается, и затем можете приходить сюда, когда вам вздумается, и даже написать еще один сценарий.

— Еще один? Я поражен! О Шлестертрап, но я не совсем понимаю, о чем мне еще писать. Разве вы не отразили в вашем фильме все, что хотели? Если есть что-то еще, то боюсь, что моей цивилизованности недостаточно, чтобы постичь и организовать все это.

— Цивилизация здесь совершенно ни при чем,— нетерпеливо возразил он.— Требуется обыкновенная сноровка. Вы же видели, как сделано это стерео. Теперь остается лишь применить Новый Поворот.

— Новый Поворот?

— Ну да. Возникла новая идея — и дело в шляпе. Крайне неразумно использовать хороший сюжет один только раз. До вас дошло, что вы уже артист? Или, может быть, вы не доросли еще до этого занятия? Подумайте, пока я отдохну, есть у вас какие-нибудь мечты, надежды? Я могу быстренько состряпать вам еще фильм, чтобы стало понятнее. В общем, полагаю, вы догадываетесь, о чем я. Теперь ваши приятели из джунглей в полной мере оценят, что сделала для них Межпланетная культурная миссия.

Вскоре меня опять зашвырнули в родные пенаты, только на сей раз со мной было три проектора. И снова я счастливо избежал встреч с тварями, в избытке роившимися вокруг меня. Одному тащить всю технику мне, естественно, было не под силу, и я отобрал около сорока молодых и здоровых плуков. Разделив ношу с оборудованием на небольшие части, мы с огромными усилиями, сопряженными с риском для жизни, перетащили поклажу на вершину соседней горы.

Там я довольно быстро обучил молодежь хитростям обращения с аппаратурой, рассказав, по крайней мере, о том, что узнал от роботов. Я даже, набравшись наглости, осмелился попросить у Шлестертрапа хотя бы парочку роботов, чтобы те помогли нам переносить тяжести. Последовала довольно бурная реакция. Побагровев, Цивилизатор заорал:

— Ну вы даете! Вам что, мало, что я посылал своих железных любимцев искать вам оранжевую траву? Где ваша благодарность? Я что, должен отправить горбатиться двух своих лучших роботов, Тупорылого и Мордоворота? Чтоб им указывали какие-то переросшие тараканы? Я и так подарил вашему народу стерео, так уж извольте сделать хоть что-нибудь сами.

Понятно, что мне пришлось извиняться.

Убедившись, что юные ассистенты научились управляться с проекторами самостоятельно, я разбил группу на три части, две из которых отправил с оборудованием в другие места. Третья, также со всем необходимым, осталась при мне. Наконец-то я смог послать ткана известить лидера его пола, что все готово.

Тем временем нзред нзредд и двенадцать специально обученных помощников скитались повсюду, обучая английскому языку всех плуков, встречавшихся им на пути, предписывая тем, в свою очередь, также отправляться в странствие с той же миссией. Никакой альтернативы этому не существовало, поскольку в фильме все разговаривали исключительно на английском. Кончилось тем, что английский повсеместно вытеснил родной язык.

Одной из посланных мною групп удалось расположиться в относительно защищенном убежище, куда почти без проблем могли добираться сробы и мленбы. Вторая группа, разместившаяся в удаленной долине, проводила показательные сеансы в основном гуурам, флинам и нзредам. Моя команда — блэпам и тканам. Получалось, что мы одновременно демонстрировали фильм аудитории, насчитывавшей около двухсот плуков. Собираться в бóльших количествах было весьма небезопасно. Собственно, и так сеансы часто прерывались нападением голодных стринтов и стаями случайных гридников, со сладострастным жужжанием пикировавших вниз при виде сосредоточенной толпы. Это вынуждало нас менять место для показа после каждого сеанса. Мало того, мне пришлось дважды обучать новые группы плуков для замены операторов, которым не повезло...

Конечно, такая система оставляла желать лучшего, но что мы могли еще предпринять? Не мне вам объяснять, сколь опасны скопления больших групп. Перефразируя мысль на приблизительном английском, можно выразиться и так: «Когда плуков слишком много, они рискуют превратиться в аппетитную похлебку». Так или иначе, но необходимость привносить цивилизацию заставляла действовать широким фронтом и быстрыми темпами.

Боясь показаться дискредитированным в ваших глазах, я признаюсь, что все же ощущал немалое удовлетворение от сознания принадлежности к знаменитой семейной ячейке. Сколько раз впоследствии мне доводилось быть свидетелем, как разрывается семейный договор, как гуур с быстротой, на какую только способен, убегает в лес, натыкаясь там на гигантскую пятнистую змею, как оставшиеся шесть членов семьи незамедлительно, в порыве безнадежного энтузиазма набрасываются на эту рептилию. Сколько бы ни наблюдал я этот ставший сейчас обыденным реальный жизненный спектакль, я, уже постаревший и

дряхлый и потому не способный поучаствовать в подобных баталиях, скромно наслаждаюсь тем, что когда-то был первопроходцем, по следам которого пошли остальные.

Однажды, помню, четыре семейные ячейки подряд использовали одну и ту же змею. Она настолько обожралась плуками, что не смогла уползти с места. Возможно, из-за таких вот случаев и возникла система, названная нзред-маганду, которая применяется в определенных обстоятельствах и в наши дни. Согласно этой системе объединяются шесть семей, затем, как вы знаете, соответствующая шестерка гууров совершает одновременный традиционный *цивилизованный* побег. Когда гууры напарываются на змею, оставшиеся члены всех шести семей атакуют рептилию, и часто бывает, что змея, частично от переедания, частично от количества насевших на нее бойцов, задыхается и погибает. После этого оставшихся в живых плуков хватает на то, чтобы организовать хотя бы одну полную семью. Единственным существенным недостатком этой системы является то, что образуется явный переизбыток гууров. Существует и другая система, блэп-винторина, по сути очень похожая на первую.

В любом случае, несмотря на великие разногласия, мы, плуки, досконально изучили уроки стерео и постепенно начали жить как цивилизованные существа (даже если обычно поступаем прямо противоположным образом). И вот затем... да... наступил период Нового Поворота.

Как-то раз, когда Сезон Ранних Паводков был в самом разгаре, нас посетил флин: выкарабкавшись из подземных лабиринтов, он специально заполз к нам на гору, где мы только-только обустроились для очередной демонстрации.

— Приветствую тебя, о, распространитель культуры,— с трудом дыша, промолвил флин.— Я принес тебе весть от флин флинна, принятую им от нзред нзредда, который получил ее лично из уст самого Шлестертрапа. Великий Цивилизатор желает, чтобы ты немедленно прибыл к нему.

— Но ведь пространство между мной и десятой высочайшей горой разделяет вода,— ответил я.— Найди мне какого-нибудь сроба, на котором я смог бы переплыть это море.

— Дело очень срочное,— услышал я в ответ,— совсем нет времени для поисков. Придется тебе двигаться окружным путем, по суше, и потарапливайся, время не ждет. Шлестертрап...

В этот момент до меня донеслось знакомое жуткое булькание, и речь флина прервалась на полуслове. Я оглянулся, заметив, что мои ассистенты бросились врассыпную, кто куда.

Огромный бринозавр незаметно подкрался к землерою сзади и заглотил его.

Я подавил животный инстинкт, призывавший меня бежать со всех ног. Ведь даже в страхе я обязан вести себя как представитель цивилизованной расы. В общем, стоял я с идиотской улыбкой на лице и продолжал вопрошать:

— Так что Шлестертрап? Ради всех плуков, уже съеденных и еще не вылупившихся, ответь же мне скорей, о, флин!

Откуда-то из глубины огромной глотки чудовища донесся еле слышный голос:

— Шлестертрап собирается лететь обратно на Землю. Он сказал, что ты должен...

Бринозавр сглотнул, и то, что только что было флином, окончательно сползло по длиннющей глотке в утробу монстра. И лишь после того, как, с наслаждением рыгнув, хищник облизнулся в предвкушении очередного деликатеса, то есть меня,— только тогда я наконец воспользовался мощью своего спирального щупальца и, отпрыгнув в сторону, позволил себе скрыться в гуще деревьев.

Лениво повращав головой, монстр угрюмо оглядел окрестности. Убедившись, что зазевавшихся плуков не осталось, он развернулся и медленно пошлепал по склону вниз. К моменту, когда он достиг журчащих ручьев, я уже выскочил из укрытия и принялся объяснять троим нзредам, выбранным мной в провожатые, маршрут предстоящего пути.

Дорога, пролегавшая среди скальных нагромождений, давалась с огромным трудом. Поначалу нам пришлось двигаться как бы немного вбок от главного направления, но внушительная кривая рано или поздно должна была вывести нас к заветному жилищу.

— Интересно, а может так быть,— спросил самый младший из нас,— что Шлестертрап посчитал свою миссию законченной? Он ведь постоянно следил, с каким усердием и покорностью мы следуем принципам, заложенным в его стерео. Может быть, он решил, что мы уже и сами с усами и способны своими силами цивилизовать плуков?

— Не думаю,— возразил я.— После меня уже появилось на свет несколько поколений, но никакого прогресса пока не наблюдается. Может быть, он хочет вернуться на Землю, чтобы захватить какие-нибудь материалы, которые нам понадобятся на следующем этапе, что-нибудь по технологии?

— Отлично! Пройденный нами культурный этап, который, очевидно, был необходим, нанес серьезный ущерб нашей популяции. Из-за уменьшения плуков мне постоянно приходится

корректировать мою Книгу Семерок. И хотя я ни минуты не сомневаюсь, что окультуривание стоит вынесенных страданий, все же, когда я вспоминаю о своей собственной семье... Мне бы так хотелось, чтобы моему гууру попалась маленькая пятнистая змея!

Так, за приятными разговорами о насущных чаяниях, не менее трогательных, чем рассуждения о Высшем Уповании — том времени, когда раса плуков станет доминировать по всей территории Венеры,— мы незаметно преодолели весь путь. Как всегда, манипулируя лучом, робот впустил нас в жилище и незамедлительно повел к Шлестертрапу.

Апартаменты на сей раз выглядели изрядно опустевшими, и я подумал, что, наверное, почти все оборудование уже погрузили на огненный корабль. Цивилизатор полулежал в одиноком кресле в центре отсека, окруженный грудами полностью отконъюгированных бутылок.

— О, кого я вижу! — воскликнул он.— Мой старый друг нзред привел на этот раз маленького милого плукианчика! Ничего, что я так? Вы мне простите? Располагайтесь и будьте как дома!

Я обрадовался, заметив, что, хотя Шлестертрап произносит слова как-то хрипло и невнятно, он явно больше расположен к общению, чем обычно.

— Мы слышали, что вы возвращаетесь в Калифорнию, в Голливуд, на Землю,— начал я.

— Да, дружок, есть такое желание. Такое скромное маленькое желание. Прекраснейшее, однако, место во Вселенной — этот Голливуд... Калифорния... и тому подобное. Да нет. Мне просто велели вернуться. Миссия окончена.

— Но *почему?*

— Из-за экономии. Вот бюллетень, который они мне прислали: «В связи с необходимыми сокращениями во многих правительственных учреждениях...» Как вам это понравится?! Да, все те же нахалы, сующие нос не в свое дело! Наверняка опять этот Гогарти из Сахарского университета вставляет мне палки в колеса: он и заварил всю эту кашу насчет меня. Но ничего. Вернусь и заживу, как прежде.

Хоган обхватил голову руками; его плечи подрагивали. Затем, по-видимому, не удержавшись, он скатился с кресла на пол. Вошел робот с какой-то упаковкой в руках. Усадив Шлестертрапа обратно в кресло, он вышел, с той же тяжелой ношей под мышкой.

Заметив, с каким благоговейным трепетом прислушивались юные нзреды к нашей интимной беседе, меня, признаюсь, охва-

тило немалое чувство гордости за себя. Несмотря на естественную обескураженность молодых, они, как и я, отчаянно стремились удержать в памяти каждый нюанс этого удивительного заключительного разговора. Это грело мне душу, поскольку означало, что они со мной заодно, и, значит, в предстоящие тяжелые времена мне будет легче упрочить мои позиции.

— А как же с цивилизацией? — спросил я.— Она прекращается?

— А? Какой цивил?.. А, это! Нет, сударь! Старый добрый Шлести не забывает своих друзей. Всегда заботится. Вот сделал новое стерео, прекрасная работа! Подождите, сейчас я вам принесу.

Он медленно приподнялся.

— Где роботы? Вот вечно так: ни одного робота рядом, когда они нужны позарез. Эй, бездельники! — заорал он.— Принесите мне копии этого стерео, они в соседней комнате или... ну, не знаю. *Нового* стерео.

— Вчера только закончил,— продолжил он, когда робот принес ему коробки.— Вышло немного не так, как я планировал вначале; но, когда пришел бюллетень, я вас сразу же известил. Я не работаю за просто так. Еще чего. Но вот я собрался и сделал его. И что вы думаете? Вышло довольно мило. Вот оно.

Я разделил коробки со стерео на три части.

— А есть здесь то, о чем вы упоминали,— Новый Поворот?

— Именно он, да, да. Деликатный поворот исходного сюжета, одно из моих лучших изобретений. Здесь все, что вам нужно. Достаточно освоить метод, который я использовал, и вскоре вы станете клепать стерео не хуже голливудовских спецов. Вот так.

— Куда нам до таких высот,— смиренно ответил я.— Мы вполне бы удовлетворились подаренной цивилизацией.

— Вы правы,— покачнувшись, он непроизвольно махнул рукой.— Не *благодарите* меня. Благодарите *меня*. Два стерео, которые у вас теперь есть, навеяны двумя чудеснейшими любовными историями. Картины выполнены с использованием последних достижений Голливуда одним из величайших постановщиков... о чем нелишне напомнить. Они прислали меня сюда привнести вам культуру, и я выполнил свою миссию, а если им что-то не нравится, они могут...

При этих словах он неожиданно рухнул прямо на разбросанную рядом с креслом груду бутылок. Мы терпеливо подождали, не последует ли еще каких-либо разъяснений, но поскольку Цивилизатор, по-видимому, окончательно ушел в себя, мы решили удалиться без излишних формальностей.

Лишь отойдя на достаточно безопасное расстояние от дома, я велел своим помощникам поторопиться, с тем чтобы без задержек поспеть к двум нашим демонстрационным площадкам и незамедлительно приступить к просмотру нового стерео.

— Запомните,— наставлял я их.— Изменения всей нашей жизни, вызванные Первым Стерео, ничто в сравнении с тем, что произойдет после внедрения Нового Поворота.

Я как в воду глядел. Внедрение Нового Поворота...

Впервые я смотрел эту картину на нашей горе, вместе с сотней других плуков. Сеанс подействовал самым кардинальным образом, буквально лишив меня дара речи. Впрочем, остальные тоже сидели, разинув рты. После довольно продолжительной паузы, на протяжении которой никто не решался что-либо комментировать, один нзред нзредд предложил запустить теперь Первое Стерео и сразу за ним опять Новый Поворот, чтобы легче было сравнивать.

Так и сделали, только проще от этого не стало.

Такая вот проблема, дети мои, и вам ее отныне решать. Возможно, мой рассказ об истории взаимоотношений с Хоганом Шлестертрапом окажется вам полезен, и вы отыщете какое-нибудь решение. Я слишком стар и потому, как уже говорил, являюсь легкой добычей. Вы появились на свет в самый разгар подготовительного этапа развития нашей культуры, и именно вам предстоит отыскать верный путь. А путь *должен* быть здесь, он обязан вывести нас всех из тупика.

Вы вылупились из яиц всего несколько дней назад, но уже успели посмотреть Первое Стерео и Новый Поворот столько раз, сколько сумели. Вы должны знать, что есть только один вопрос, относящийся в равной мере к обоим фильмам.

Единственное существенное различие между Первым Стерео и Новым Поворотом состоит в том, что в первой картине сроб, мленб, ткан, флин, блэп и нзред нарушают брачный контракт и убегают, вынуждая гуура в любовном порыве преследовать их и в конечном итоге спасти от гигантской пятнистой змеи; в то время как во втором фильме все с точностью до наоборот. Финальное любовное воссоединение идентично для обеих экранизаций, за исключением разве что мленба: в заключительной сцене Нового Поворота он спокойно заползает в свою грязную нору, а не падает туда, рискуя сломать ласты, как в Первом Стерео.

После предварительных демонстраций Нового Поворота все гууры принялись громко протестовать, поражаясь, почему вдруг люди показали их, таких слабых и с трудом передвигающихся, способными одолевать гигантских пятнистых змей. Поставленные лицом к лицу перед странной очевидностью, они сошлись

во мнении, что Первое Стерео отражает цивилизованное состояние, а вторая картина — напротив, варварство.

На это представители остальных шести полов возражали, что Новый Поворот вовсе не шаг назад, а, наоборот, завершающая стадия окультуривания. Непрерывные демонстрации Первого Стерео в первую очередь повлияли на отвратительный и беспрецедентный переизбыток гууров; Новый же Поворот как нельзя лучше справлялся с этой проблемой. Змеи, ошалев от атакующих их гууров, с удовольствием полакомятся дармовой пищей.

Мленбы, правда, тоже оказывались на распутье: следует ли им возвращаться в свои норы после брачного договора или нет и как это нужно делать. К счастью, это все-таки была не такая уж важная проблема.

Итак, одни плуки пытались подражать жизненной модели Первого Стерео, другие — второго. Лишь совершенно незначительная часть варварски настроенных индивидуумов, игнорировавших, по-видимому, высокое предназначение всей расы, вообще вышла из сообщества, пытаясь возвратиться к примитивным методам жизни предков. Поскольку таковых крайне мало, их потомство истребляется чрезвычайно быстро, но туда им и дорога.

Большинство плуков поделилось на две огромные части: к первой относятся гууры, верящие в цивилизационную схему Первого Стерео, во второй лагерь попали остальные шесть полов — им пришлась по душе версия Нового Поворота. Стоит также упомянуть про небольшую группу альтруистически настроенных нзредов и флинов, соглашающихся как с гуурами, так и с их оппонентами.

Понятно, что мы ратуем за кооперирование всех семи полов, иначе качественного потомства просто не получить. Но как нам этого добиться, если до сих пор идут споры, какое стерео несет подлинную цивилизацию? В общем, свобода мнений и кардинальная разница интеллектов привели к тому, что за последние одиннадцать циклов не удалось отпраздновать ни одного полноценного брака.

Я, в свою очередь, как член дошлестертраповской семьи, не занимаю ни одну из сторон. Мой супружеский контракт остался в прошлом; ваши же, мои милые детишки, еще предстоит создать. Но хочу вас предостеречь.

Ответ на главный вопрос не следует искать в каком-то одном из фильмов, ибо истина коренится в их единстве. Есть что-то существенное и равным образом присущее обеим картинам. Если вычленить эту суть, то любые очевидные недоумения и несообразности рассеются как дым. Не следует забывать, что оба стерео — продукт высокоцивилизованной личности.

Где же искать эту взаимосвязь? В Первом ли Стерео? Или в Новом Повороте? А может, она сокрыта в той книге, «Сокращенном своде инструкций, касающихся Межпланетной культурной миссии, аннотированной, с Приложением типовых должностных процедур относительно миссий в Солнечной системе», которую я так тогда и не осилил?

Человечество давно решило эту проблему и почивает на лаврах. Нам также необходимо ее решить, иначе мы погибнем как раса, хоть и цивилизованная.

Но ее невозможно решить — запомните! — если пользоваться недопустимыми либо совершенно бесполезными методами, к которым все больше и больше прибегает наша молодежь. Вы меня поняли? Я имею в виду семьи извращенцев, состоящие из... *шести* полов.

Дом, исполненный сознания своего долга

«Быть... быть бесформенным, покинутым... всегда...»

Всегда? Мысль слепо нащупывала хоть малейшую потенциальную возможность... И однажды... Необходимость, нужда... Это было что-то... Нет, кто-то, кто... нуждался... Кто-то нуждался? Сознание проснулось!

Появилось живое существо... гордое от того, что стало владельцем... но почему-то тоскующее. Совсем непохожее на *его* первую любовь, это существо имело странные, примитивные понятия. Они были такими... болезненными, такими... мучительными, что никак не складывались во что-то определенное. Но у *него* снова появилась цель — и, более того, желание...

Без рассуждений, руководствуясь только любовью, *он* потек туда, куда следовало, неуклюже выгибаясь то так, то эдак, но постепенно обретая все более четкие формы.

Захолустная канадская дорога была труднопроходима даже для этого роскошного автомобиля на гусеничном ходу. Словно прося прощения, металл гусениц пронзительно взвизгивал, скребя по скрытому слоем грязи скальному грунту. Ярко-желтый автомобиль кинуло вправо, затем, сопровождаемый мрачными аккордами чавкающего за бортом месива, он выровнял ход.

— А ведь я была так счастлива в своей сыроварне,— несколько театрально произнесла Эстер Сакариан, вцепившись коротко остриженными, никогда не знавшими маникюра ногтями в бледно-лиловую обивку переднего сиденья.— У меня была собственная маленькая лаборатория, аккуратно подписанные образцы ежедневной продукции молока и сыра; вечером я по бетонным тротуарам могла вернуться домой, или провести время в ресторане, или пойти в кино. Но где там! Филадельфия была для меня недостаточно хороша! Нет, мне понадобилось...

— Ночью была гроза, это все она виновата. Обычно дорога тут вполне приличная,— пробормотал Пол Маркус, сидящий от Эстер слева.

Ловким движением носа вернув на место сбившиеся очки, он сконцентрировался на невозможной задаче — пытался определить по виду, где перед ними дорога, а где болотная топь.

— Нет, мне зачем-то понадобилось перебраться к Большому Медвежьему озеру, где ни один старатель не принимает меня всерьез, а все мужчины просто отвратительны. Приключений захотелось — ха-ха! Ну, что хотела, то и получила. Так сказать, последняя дань детству. Я провожу свои дни, очищая воду для насквозь пропитавшихся виски физиков-атомщиков. И каждую ночь спрашиваю Бога: это и есть мои приключения?

Маркус объехал карликовую красную ель, победоносно выросшую прямо перед носом машины.

— Еще пару минут, Эс. Сорок акров самой плодородной земли, которую, как все говорят, канадское правительство когда-либо пускало в продажу. И небольшой холм сразу возле дороги — естественное основание для коттеджа под названием «Мыс Код», о котором Каролина мне все уши прожужжала.

Эстер шутливо ткнула его в плечо:

— Говорить об этом в Бостоне и строить коттедж в северной Канаде — не разные ли это вещи, как тебе кажется? Вы еще даже не женаты.

— Ты не знаешь Каролину,— уверенно заявил Маркус.— Кроме того, мы будем всего в сорока милях от Литл-Ферми, а ведь городок все время растет. Наша залежь раз в десять раз богаче той, что на шахте «Эльдорадо» в Порт-Радии. Если так будет продолжаться и дальше, мы начнем добывать столько урана, что сможем построить мощный завод, который станет основой индустриального развития всего западного полушария. Оживится бизнес, недвижимость взлетит в цене...

— Выходит, это к тому же и хорошее вкладывание денег? Чистейшей воды утопия! Вроде твоей убежденности в том, что жизнь, проведенная в тесном мирке Бикн-стрит, способна сформировать такую комбинацию горничной и госпожи, которую ты хотел бы видеть в качестве своей жены.

— Ну вот, теперь ты говоришь прямо как наш сумасбродный док Коннор Кунц, когда я на чистом вдохновении обыгрываю его в шахматы, несмотря на то что он играет по всем канонам классической игры по методу Капабланки. Для полного счастья тебе нужен какой-нибудь костоправ из девятнадцатого столетия.

Все, что ему требуется — это подруга со спокойным характером и хорошей наследственностью, которая была бы поглощена своей работой и не мешала ему спокойно делать свое дело. Мне не нужна подруга — я хочу иметь жену. Никакая служанка, которую может предложить...

— Доктор Кунц — неудачное сочетание непристойности с рационализмом. И я никогда даже косвенно не давала понять, что имею на тебя какие-то виды.

— ...агентство по найму,— не обращая на ее реплику внимания, продолжал он,— не способна сочетать в себе умение справляться с житейскими проблемами с заботливостью и привлекательностью жены. Машина не замена живому человеку; глупо ждать от машины всепрощающей любви и понимания. Нет, я женюсь на Каролине не просто ради того, чтобы иметь кого-то, кто поцелует меня, когда готовит мое любимое блюдо...

— Ну конечно нет! Хотя, согласись, удобно — знать, что ты все равно получишь обед. Чего не будет, если ты женишься, скажем... ну, скажем, на женщине-бактериологе, которая работает, как и ты, и к концу дня устает не меньше. Да здравствует двойной стандарт! Но пусть это останется за скобками.

Худощавый молодой человек резко остановил машину и повернулся к своей приятельнице, готовый разразиться потоком возмущенных восклицаний. Эстер Сакариан относилась к тому типу покладистых с виду женщин, чьи замечания обладают удивительной способностью выводить мужчин из себя.

— Послушай, Эс,— горячо начал он,— социальное развитие и вытекающая из него концепция самовыражения личности — все это, конечно, хорошо, однако люди все еще делятся на мужчин и женщин. Женщин — за исключением тех, кто не умеет приспособиться к окружающей обстановке...

— Вот это да! — в голосе Эстер послышались уважительные нотки, когда она глянула ему через плечо.— Ты на славу потрудился! Похоже, он изготовлен не заводским способом, Пол. Однако это, наверно, чертовски дорого стоило — доставить все эти детали в такую даль. И ты в одиночку собрал его всего за неделю? Отличная работа.

— Буду очень тебе признателен, если ты перестанешь нести чушь и объяснишь...

— Твой дом... Твой коттедж «Мыс Код»! Он — само совершенство!

— Мой... *что?*— Пол Маркус резко обернулся.

Эстер закрыла за собой дверцу и осторожно зашагала по грязи.

— Спорю, ты его уже и обставил, по крайней мере отчасти. И натащил туда целую кучу кухонных принадлежностей, которые тебя с ума сводят. Ну и хитрый же ты, старина! «Поедем, Эс, я купил участок и хочу посоветоваться с тобой, где лучше поставить дом!» Давай вылезай! Можешь быть доволен — я сражена. И не беспокойся, я не расскажу твоей девушке о том, что видела.

Она поднималась по заросшему кустарником склону холма к бело-зеленому коттеджу, и Маркус, словно завороженный, не мог оторвать взгляда от ее отнюдь не женственных голубых джинсов; лицо его выражало все, что угодно, только не самодовольство.

Когда он подошел, Эстер яростно толкала дверь, но та не открывалась.

— Какой смысл запирать дверь в такой глуши? Если кому-то и взбредет в голову забраться сюда в твое отсутствие, они запросто могли бы разбить окно. Ну, что стоишь с таким глубокомысленным видом? Доставай ключ и открывай!

— К... ключ?..

С видом совершенно сбитого с толку человека, он достал из кармана брелок для ключей, некоторое время растерянно смотрел на него и запихнул обратно. Провел рукой по светлым спутанным волосам и прислонился к двери. Она открылась.

Маркус ухватился за столб, чтобы не упасть, а Эстер рысцой промчалась мимо него.

— Никогда не понимала, в чем прелесть этих доисторических висячих светильников. Фотоэлектрические потолки достаточно хороши для меня, и моих детей они тоже устроят. Ох, Пол! Видимо, чувство вкуса не изменяет тебе, только когда речь идет об атомной физике. Только взгляни на эту мебель!

— Мебель? — точно эхо, повторил он. И медленно открыл глаза, которые плотно зажмурил, пока стоял на пороге. Он находился в комнате, заставленной наимоднейшими в этом сезоне одноногими столами и креслами.— Мебель! — Он вздохнул и снова закрыл глаза.

Эстер Сакариан — сама рассудительность, как всегда! — уверенно покачала головой:

— Эта одноногая мебель никак не вяжется с коттеджем под названием «Мыс Код». Поверь, Пол, я знаю, что говорю. Может, конечно, твоя поэтическая душа, жаждущая умиротворить отягощенный наукой разум, подтолкнула тебя к тому, чтобы создать все это сверхфункциональное окружение, но в таком доме это просто немыслимо. Я видела твою Каролину только на фото, которое ты наклеил на счетчик Гейгера, но уверена, что и она не одобрила бы твой выбор. Нужно будет избавиться, по крайней мере, от...

Он подошел к ней, встал рядом и дернул за рукав яркой клетчатой рубашки.

— Эстер, моя дорогая, прелестная, говорливая, обладающая аналитическим умом, самоуверенная Эстер, пожалуйста, сядь и помолчи хоть немного!

Она рухнула в кресло мягко изогнутой формы, сведя брови и недоуменно глядя на Пола.

— Ты хочешь объясниться?

— Да, я хочу объясниться! — со значением ответил он, выразительным взмахом руки обведя расставленную вокруг современную мебель.— Я не посылал и не собирал все это — ни дом, ни мебель, ни аксессуары. Более того... да, более того, когда я приезжал сюда неделю назад с представителем конторы по продаже земельных участков, ничего этого здесь не было. Да и не могло быть!

— Чушь! Не хочешь же ты сказать, что все это появилось только что...— Она растерянно смолкла.

Он кивнул.

— Вот именно, только что. Одно это сводит меня с ума! Но мебель... При виде нее я просто дрожу! Всякий раз, когда Каролина заговаривала об этом коттедже, я думал именно о такой мебели. Однако соль вот в чем: я знал, что она хочет старинную мебель из Новой Англии, но, поскольку полагал, что в доме главная — женщина, никогда не оспаривал ее точку зрения. И все же каждый стол, каждое кресло в этой комнате в точности такие, какими мне хотелось бы их видеть — *в глубине души!*

С каждым его словом Эстер хмурилась все больше, а потом нервно захихикала, но сумела остановиться до того, как у нее началась истерика.

— Пол, ты слишком неврастеник, чтобы быть сумасшедшим. Но это... это... Послушай, может, дом сбросили тебе с самолета? Или, может, Чарльз Форт был прав? От того, что ты говоришь насчет мебели, меня... мне просто нехорошо!

— Скажи еще, что его принесли на крылышках вентиляторы,— сказал он.— Ладно, давай попытаемся успокоиться. Пойдем на кухню. Если там стоит комбайн — холодильник, плита, раковина...

Так оно и оказалось. Пол Маркус потрогал гладкую эмалированную поверхность и сквозь зубы засвистел «Хор пилигримов».

— П-прошу тебя об-б-бдумать вот какой ф-факт,— запинаясь, сказал он наконец.— Идея именно такого комбайна осенила меня вчера ровно в три-пятнадцать, когда большая драга загнулась и делать было нечего. Я даже набросал чертеж на обратной стороне письма Каролины. До этого момента я понимал лишь одно — что хочу что-то другое по сравнению с обычными кухонными комбайнами. А тут сел и придумал вот такую штуку.

Эстер похлопала себя по щекам, словно пытаясь привести в чувство.

— Знаю.

— Знаешь?

— Может, у тебя что-то с памятью, мистер Маркус, но ты показывал мне свой чертеж за столом во время ужина. Поскольку такой вариант выглядел слишком дорогостоящим, чтобы рассматривать его всерьез, я посоветовала тебе сделать холодильник в форме шара, чтобы он входил в изгиб кухонной плиты. Ты выставил нижнюю губу, подумал и согласился. Так оно и есть — холодильник в форме шара и лежит в изгибе кухонной плиты.

Пол открыл буфет и достал оттуда высокий сверкающий стакан.

— Хочу чего-нибудь выпить, хотя бы воды!

Он подставил стакан под водопроводный кран и неуверенно потянулся к кнопке с надписью «Хол.». Однако не успели его пальцы нажать ее, как из крана полилась ледяная жидкость; струйка иссякла, как только стакан наполнился.

Физик ошарашенно взглянул на совершенно сухую поверхность раковины, конвульсивно стиснул стакан и влил его содержимое себе в горло. Голова у него дернулась назад, и он начал давиться. Эстер, которая стояла, прислонившись к стене, похлопала его по спине; в конце концов он закашлялся, на глазах выступили слезы.

— Ух! Это было виски — самый чистый скотч, который я когда-либо пробовал. Поднося стакан ко рту, я подумал: «Что тебе нужно, дружище, это хороший глоток чистого скотча». Но, Эстер... Там же была вода! Чудеса, да и только!

— Не нравится мне все это,— решительно заявила она и достала из нагрудного кармана маленькую бутылочку.— Виски, вода или что бы это ни было — я возьму образец на анализ. Ты даже не представляешь, как много различных водорослей в здешней воде. Думаю, присутствие радиоактивной руды... Черт! Не работает.

Большим и указательным пальцами она нажимала на кнопки горячей и холодной воды с такой силой, что кончики пальцев побелели, однако из крана не пролилось ни капли.

Пол подошел, наклонился над раковиной и выпрямился с озорной улыбкой.

— Лейся, вода! — приказал он.

Вода тут же хлынула из крана, на этот раз описав дугу, нацеленную в точности туда, где Эстер держала свою бутылочку Как только бутылочка наполнилась, вода перестала литься.

— Оп! — Пол ухмыльнулся, глядя на стоящую с открытым ртом Эстер.— Кнопки, водосток... Все это только для виду. Дом выполняет все, что от него требуют,— но только если требую *я!* Это дом-робот, Эс, и он мой, целиком и полностью мой!

Она закрыла бутылочку и убрала ее в карман.

— Думаю, это нечто большее. Давай уйдем отсюда, Пол. Думаю, здесь требуется научный подход. Хотела бы я, чтобы Коннор Кунц все тут осмотрел. Кроме того, пора трогаться в путь, если мы хотим добраться к Литл-Ферми до захода солнца.

— Ничего не рассказывай Кунцу,— сказал Пол, когда они зашагали к предусмотрительно распахнувшейся двери.— Не хочу, чтобы он приставал к моему дому-роботу.

Эстер пожала плечами.

— Не скажу, если ты настаиваешь. Но док Кунц может помочь тебе разобраться в том, что это такое. Покажи ему что-нибудь необычное, и он приведет тебе пять тысяч научных банальностей, имеющих к этому отношение. Скажи-ка, ты замечаешь еще какие-нибудь изменения на своем участке со времени прошлого приезда?

Стоя уже за дверью, физик обежал взглядом заросли кустов, среди которых мелькали сверкающие пятна болот и участки бесплодной скалы. Бледно-оранжевый отблеск начинающегося заката таинственно раскрасил землю, придавая заброшенной приполярной равнине какой-то доисторический вид. Подул молодой, холодный ветер и обрушился на них, наслаждаясь собственным буйством.

— Ну вон там, например, в прошлый раз было пятно зеленой травы, занимавшее примерно четверть мили и похожее на только что скошенную лужайку. Помню, я еще подумал, как странно оно выглядит посреди всей этой топи. Видишь, это там, где сейчас участок абсолютно чистой коричневой почвы. Конечно, трава могла и увянуть за неделю. Зима скоро.

— М-м-м...— Эстер сошла с крыльца и посмотрела на зеленую крышу коттеджа, ненавязчиво гармонирующую с зелеными ставнями, дверью и белизной стен.— Ты думаешь...

Резко отпрыгнув от двери, Пол стоял, потирая плечо и смущенно посмеиваясь.

— Показалось, будто столб потянулся и потерся об меня. Не то чтобы я испугался... скорее, удивился.— Он улыбнулся.— Говорю же, дом-робот или... не знаю, как это назвать по-другому, любит меня. Он меня приласкал!

Эстер, поджав губы, кивнула и заговорила, лишь когда они снова оказались в автомобиле.

— Знаешь, Пол,— задумчиво сказала она,— у меня возникла странная мысль, что твой дом вовсе не робот, а что-то живое.

Он посмотрел на нее широко распахнутыми глазами, сдвинул очки на лоб и засмеялся.

— Как это говорится, Эс? Чтобы дом стал домом, нужно вдохнуть в него жизнь.

Они молча ехали в сгущающейся тьме, мысленно пытаясь дать объяснение случившемуся, но не находя его. Машина уже грохотала по выложенным бетоном окраинным улицам Литл-Ферми, когда Пол снова заговорил:

— Сейчас прихвачу немного бобов, кофе и переночую в своем живом доме. Брекинбриджу я не понадоблюсь до тех пор, пока из Эдмонтона не доставят кадмиевые стержни; значит, я могу потратить всю ночь и весь завтрашний день на то, чтобы разобраться, что на меня свалилось.

Его приятельница начала было возражать, но потом раздраженно прикусила губу.

— Я не могу помешать тебе. Но будь осторожен, а не то бедняжке Каролине придется выйти замуж за какого-нибудь молодого щеголя из Гарварда.

— Не волнуйся,— в его голосе прозвучали хвастливые нотки.— Уверен, я могу заставить дом даже прыгать через обруч, если захочу. И может, я так и сделаю — если заскучаю!

В одном из дощатых бараков он нашел Брекинбриджа и получил разрешение на однодневный отпуск. Затем имела место дискуссия с поварами, довольно быстро закончившаяся тем, что ему выделили часть продуктов. Потом он торопливо состряпал телеграмму Каролине Харт в Бостон, Массачусетс, и вскоре уже ехал обратно к дому в свете фар, которым при всем желании не удавалось осветить дорогу.

Только снова увидев дом на вершине холма, Пол осознал, до какой степени его не удивило бы его исчезновение.

Припарковавшись на склоне таким образом, чтобы фары освещали путь наверх, он распахнул дверцу и приготовился выбраться наружу.

Дверь дома открылась. Показался темный ковер и покатился по склону прямо к ногам Пола. По всей длине ковра через равные промежутки возникли выступы, превратившие его в удобную лестницу. От этих выступов исходило яркое мерцание, освещавшее путь.

— Будем расценивать это как приветствие.— Пол выключил зажигание и зашагал вверх по склону холма.

Когда он проходил по вестибюлю, стены слегка выгнулись и мягко прикоснулись к нему с обеих сторон. От неожиданности Пол подпрыгнул, но этот «жест» вызывал ощущение такого дружеского расположения и к тому же стены так быстро вернулись на место, что не успело возникнуть логичного повода занервничать.

Пол положил сумку с продуктами на обеденный стол, и тот в ответ потянулся вверх. Он ласково похлопал по нему и отправился на кухню.

По его невысказанному желанию вода снова превратилась в виски; затем, также по его желанию, она превратилась попеременно в луковичный суп, томатный сок и коньяк «Наполеон». Холодильник, как выяснилось, был набит всем, что он только мог пожелать, от пяти-шести кусков нежнейшей вырезки до трех бутылок темного пива и хлеба того сорта, который Пол обычно просил в магазине.

Вид еды заставил его почувствовать голод; он ведь пропустил ужин. А что, если потушить с луком и бобами кусок мяса и запить все это большой чашкой горячего кофе? Неплохая мысль. Он вернулся в столовую за своими вещами.

Сумка по-прежнему лежала на краю стола, а на другом его конце... На другом его конце стояла тарелка с толстым куском мяса в окружении жареного лука и горки бобов. Между тарелкой и огромной чашкой натурального кофе лежал серебряный обеденный прибор.

Пол нервно рассмеялся и постарался выкинуть из головы все страхи. Все было сделано для его удобства, это очевидно. Наверное, самое лучшее — это подтянуть к себе кресло и приняться за еду. Он оглянулся в поисках кресла — как раз вовремя, чтобы увидеть, как одно из них скользит по полу; оно мягко ткнуло его под колени, и Пол сел. Кресло слегка пододвинулось к столу, чтобы ему было удобнее.

Расправляясь с последним куском дыни, которую он вообразил себе на десерт — она тут же появилась, на тарелке, прямо из крышки стола,— он заметил, что лампы тоже представляли собой просто декоративные устройства. Свет исходил от стен, или от потолка, или от пола — отовсюду в доме, и как раз такой интенсивности, как требовалось.

Грязные тарелки и использованное серебро исчезли в крышке стола, растворились, словно сахар в горячей воде.

Прежде чем отправиться в постель, он решил заглянуть в библиотеку. Ведь он, кажется, раньше представлял себе, что в доме у него будет библиотека? Не уверенный в этом, он заглянул в одну из комнат рядом с гостиной.

Теплое маленькое пространство содержало в себе все книги, когда-либо доставившие ему удовольствие. Он с удовольствием провел час, перелистывая их все от Эйкена до Эйнштейна, пока не наткнулся на прекрасное издание Британской энциклопедии. Первый же открытый наугад том заставил его осознать ограниченность того, чем он владел.

Статьи, которые он в свое время прочел от начала до конца, были приведены целиком, но те, с которыми он ознакомился лишь частично, в таком виде здесь и присутствовали. Что же касается всего остального, то страницы имели такой вид, словно были покрыты непонятными, не полностью пропечатанными пятнами. Сначала он рассматривал их в тупом недоумении, но потом понял — это то, что зафиксировал его взгляд, когда он еще прежде пролистывал страницы книги.

По узкой лестнице Пол поднялся в спальню.

Устало зевая, он смутно отметил, что постель была как раз такой ширины, какой ему всегда хотелось. Как только он побросал одежду на стоящее рядом кресло, оно легонько подскочило, стряхнув ее с себя. Пол, судорожно корчась и извиваясь, оттащил ее в стоящий в углу стенной шкаф, где, как Пол представил себе, она оказалась аккуратно развешенной.

В конце концов он улегся. И вздрогнул, когда простыни сами окутали его со всех сторон. Припомнилось, что большую часть трех последних ночей он провел за игрой в шахматы и у него накопился большой недосып. Ему хотелось встать пораньше, чтобы обследовать свои восхитительно услужливые владения в деталях, но вот беда — он позабыл захватить с собой будильник...

Какое это имело значение?

Пол приподнялся, опираясь на локоть; однако простыня не соскользнула с груди.

— Послушай, ты...— сказал он, обращаясь к противоположной стене.— Разбуди меня точно через восемь часов. Но только каким-нибудь приятным способом, понимаешь?

Пробуждение, однако, сопровождалось отчетливым ощущением ужаса, вгрызающимся в сознание. Он спокойно лежал, спрашивая себя, что его так напугало.

«Пол, дорогой, пожалуйста, проснись. Пол, дорогой, пожалуйста, проснись. Пол, дорогой, пожалуйста...»

Голос Каролины! Он подскочил в постели и, как безумный, зашарил взглядом по сторонам. Каролина здесь? Посланная вчера телеграмма, где он просил ее приехать и взглянуть на их новый дом, могла прийти только сегодня к завтраку. Даже самолетом...

И потом он вспомнил. Ну конечно! Он похлопал по постели рукой.

— Отличная работа. Я бы и сам не мог сделать лучше.

Передняя спинка кровати изогнулась под его рукой, а стены завибрировали с гудящим звуком, поразительно похожим на мурлыканье.

Душ, решил он, должен оказаться воплощением той остро желанной, но прежде недостижимой концепции, которая когда-то на пару секунд мелькнула в его сознании, а после была забыта. Все оказалось просто: он вошел в кубическую комнату, стены которой были усыпаны множеством крошечных дырочек, и со всех сторон его обрызгало теплой мыльной пеной. Покрыв его с ног до головы, она перестала поступать, сменившись чистой водой той же самой, приятной температуры. Когда все мыло с тела ушло, он обсох под тонкими струйками воздуха.

Выйдя из душа, Пол обнаружил свою одежду, великолепно отглаженную и с легким запахом прачечной. Этот запах удивил его, хотя вообще-то он ему нравился; но тут же до него дошло, почему ощущается этот запах — как раз *потому*, что он ему нравился!

Сегодня будет на редкость приятный день, подумал он, подсказав окну в ванной комнате открыться и выглянув наружу; жаль только, что у него нет с собой никакой одежды полегче. Однако, глянув вниз, Пол обнаружил, что одет в спортивную рубашку и широкие летние брюки.

Очевидно, дом втянул грязную одежду в свою структуру, а взамен обеспечил его дубликатом с учетом изменившихся потребностей.

Самый чудесный завтрак, который он сумел вообразить, сбегая по ступеням лестницы, уже ждал его в столовой. Экземпляр «Эммы» Джейн Остин, которую он перечитывал в последнее время за едой, лежала рядом, открытая на нужной странице.

Пол счастливо вздохнул.

— Теперь не хватает только Моцарта — приглушенно, чуть слышно.

И зазвучал Моцарт...

Вертолет Коннора Кунца лениво опустился с ясного неба в четыре часа дня. Приказав дому исполнить соло на трубе в исполнении Бэнка Джонсона, Пол медленно пошел навстречу своим гостям.

Первой из вертолета вышла Эстер Сакариан. На ней было строгое черное платье, делавшее ее непривычно женственной и совсем не похожей на «лабораторную мышку».

— Прости, что привела с собой дока Кунца, Пол. Но согласись, у меня были основания думать, что после ночи в этом доме ты можешь нуждаться в помощи медика. И потом, у меня нет своего вертолета, а он предложил отвезти меня.

— Все в порядке,— великодушно ответил Пол.— Я готов обсуждать свой дом с Кунцем или с любым другим биологом.

Она протянула ему желтый листок бумаги.

— Это тебе. Только что пришло.

Он прочитал телеграмму и сморщился.

— Ничего важного? — спросила Эстер, подчеркнуто глядя в сторону, на розоватое облако, якобы внезапно завладевшее ее вниманием.

— Ох! — Он скомкал телеграмму и принялся подкидывать комок на ладони.— Каролина. Пишет, что никак не ожидала, что я хочу поселиться тут навсегда. Пишет, что, если это всерьез, придется пересмотреть нашу помолвку.

Эстер скривила губы.

— Ну, до Бостона далеко. И если допустить, что твой дом не совсем мертв...

Пол засмеялся и подбросил бумажный шарик в воздух.

— Точнее, совсем не... И в настоящий момент меня больше всего волнует вот что: люби меня, люби меня, мой дом. Кстати о домах... Назад, сэр! Назад, я сказал!

Пока он говорил, дом сползал вниз по склону, выставив вперед эркер и поджав заднюю часть. Теперь, услышав этот резкий окрик, он резко втянул эркер в стену, бочком отполз на свое место на вершине холма и замер, слегка подрагивая. Соло на трубе сменилось печальным мотивом.

— И... И часто он такое проделывает?

— Каждый раз, когда я отхожу от него,— ответил Пол.— Можно, конечно, запретить ему делать это раз и навсегда, но мне нравится. И потом... как-то не хочется обижать такое милое, теплое существо. Не хочется делать ему больно. Эй, Коннор, а ты что думаешь?

Толстяк доктор, весь в испарине, доковылял наконец до них и подозрительно уставился на дом.

— Вот так, с ходу... Должен признаться, не знаю, что и сказать.

— Лучше прими все как есть, Коннор,— посоветовала Эстер.— Если не хочешь, чтобы у тебя крыша поехала.

Пол хлопнул его по спине.

— Пошли внутрь, поговорим за парой кружек пива. С таким пересохшим горлом я плохо соображаю.

Пять кружек пива спустя черные бусинки глаз доктора Коннора Кунца внимательно следили за тем, как на их гостеприимном хозяине форма охранника с легким мерцанием сменилась прекрасно пошитым смокингом.

— Конечно, я верю своим глазам. Что есть, то есть. Живой дом, да. Остается решить, что нам с ним делать.

Пол Маркус поднял взгляд. На нем уже частично был светлый габардиновый костюм, но лацканы, все еще от смокинга, на мгновенье «заколебались»; потом собрались с энергией и завершили превращение.

— Что *нам* с ним делать?

Кунц встал и стукнул кулаком по ладони.

— Ты абсолютно прав, не желая распространения информации; одно неосторожное слово, и сюда хлынут назойливые толпы любопытных туристов. Мне нужно посоветоваться с доктором Дюфейлом из Квебека; это сфера его компетенции. Хотя в Университете Джона Хопкинса есть еще один человек... Что ты можешь сказать о структуре дома?

С лица молодого физика сошло негодующее выражение.

— Ну, дерево ощущается как дерево, металл как металл, пластик как пластик. А когда дом создает предмет из стекла, это на самом деле стекло, насколько я могу судить без химического анализа. Эс взяла тут...

— Это еще одна из причин, почему я решила прихватить с собой Коннора. Биологически и химически вода абсолютно безвредна... слишком безвредна. Абсолютно чистая «аш два о». Что ты думаешь о моей хлорофилловой теории, док?

— Не исключено. В любом случае имеет место какая-то форма трансформации солнечной энергии. Но ботаническая природа дома никак не объясняет всех сложных и разнообразных процессов, которые в нем происходят. К примеру, он манипулирует металлами, которых нет или очень мало в этом регионе, что наводит на мысль о субатомной перестройке материи. Эстер, нужно взять образцы этого... существа. Будь хорошей девочкой, сбегай к вертолету и принеси мою сумку. Справишься сама? Мне хотелось бы побродить тут, посмотреть что к чему.

— Образцы? — неуверенно переспросил Пол Маркус, когда Эстер направилась к двери.— Это живое существо, знаешь ли.

— Ну, мы просто возьмем маленький кусочек из... из какого-нибудь не имеющего жизненно важное значение места. Все равно как соскрести немного кожи с руки человека. Скажика,— доктор стукнул кулаком по столу,— у тебя, как у первооткрывателя, есть какая-то теория, хотя бы самая приблизительная?

Маркус откинулся в кресле.

— Если на то пошло, это даже чуть больше, чем теория. Помнишь, на Четырнадцатой шахте внезапно появилась большая рудная жила после того, как долгое время шла только мелочь? Отсюда до Четырнадцатой шахты ближе всего. Адлер, главный геолог, тогда еще высказал предположение, что шахту когда-то уже разрабатывали — около шести тысяч лет назад. Либо это, либо ледниковый сдвиг, других объяснений Адлер не видел. Но поскольку доказательства ледникового сдвига в этой местности отсутствуют, а предположение о доисторических урановых разработках носит и вовсе гипотетический характер, он сказал, что остается лишь развести руками. Думаю, этот дом и есть недостающее доказательство тех самых древних разработок. Я почти уверен, что на всем пути отсюда до шахты мы встретим радиоактивную руду.

— Для тебя все складывается совсем неплохо, если это так.— Кунц встал и перешел на кухню. Пол последовал за ним.— Именно на этом месте стоит твой дом.

— Ну, наша археология шесть тысяч лет назад еще лежала в пеленках, и уран никого на Земле тогда не интересовал. Остается предположить, что шахту разрабатывали инопланетяне — с одной из планет Солнечной системы или откуда-то еще. Может, здесь у них была заправочная станция для кораблей, а может, это было место приземления на тот случай, если требовался непредвиденный ремонт или дозаправка.

— А дом?

— В доме они жили, пока разрабатывали шахту, а когда ушли, то оставили его здесь. Люди ведь тоже покинут свои дома, когда уйдут из Литл-Ферми. Он оставался здесь, все время ожидая чего-то — скажем, телепатического сигнала от тех, кто захотел бы здесь поселиться. Эта мысль могла послужить своего рода спусковым крючком для того, чтобы он начал функционировать...

Отчаянный крик Эстер заставил их выскочить наружу.

— Я только что сломала второй скальпель об этот иридий, притворяющийся хрупкой плотью. У меня определенно есть подозрение, Пол, что я не смогу отколупнуть от него ни кусочка без твоего разрешения. Пожалуйста, скажи своему дому, что ничего страшного с ним не произойдет, что я просто хочу отрезать от него крошечный кусочек.

— Да... Так и есть, ничего страшного,— смущенно сказал Пол и добавил, обращаясь к Эстер: — Смотри только, долго его не мучай.

Оставив девушку брать образцы — длинные, тонкие срезы со стены в угловой части дома,— они спустились по лестнице в подвал. Коннор Кунц все время оглядывался по сторонам, надеясь обнаружить что-то, подтверждающее теорию биологического происхождения дома, но находил лишь цементную побелку.

— Предположим, его функция...— заговорил он наконец.— Его функция — служить! Мой дорогой друг, как тебе кажется, этот дом имеет пол?

— Пол? — Маркус даже подскочил, так поразила его эта мысль.— В смысле, может ли он размножаться, порождая множество маленьких бунгало?

— Ох, не в репродуктивном смысле, вовсе не в репродуктивном! — Доктор шутливо ткнул в бок своего коллегу и начал подниматься по ступенькам.— Я имею в виду пол в эмоциональном, психологическом смысле. Как женщина хочет стать женой мужчины, как мужчина ищет женщину, для которой сможет стать подходящим мужем,— точно так же и этот дом желает стать домашним очагом для живого существа, которое будет и нуждаться в нем, и владеть им. Осуществляя себя в таком качестве, он становится способен на добровольные поступки — демонстрацию привязанности в тех формах, которые естественны для существа, которому он служит. Мало-помалу он также может теоретически стать удачливым посредником в разногласиях, возникающих при устройстве семейной жизни в двадцатом столетии, с которыми вы с Эстер свыклись, воспринимая их как беспорядочное скопище случайностей. Этакая ненавязчивая любовь и одаренное богатым воображением служение.

— Он такой, да. Если бы только у Эс не было привычки цапать меня за нервы... Хм-м. Ты заметил, как хорошо она сегодня выглядит?

— Конечно. Дом подрегулировал ее личность для увеличения общей суммы твоего счастья.

— *Что?* Эс изменилась? Ты с ума сошел, Коннор!

— Наоборот, мой мальчик. Уверяю тебя, в Литл-Ферми и всю дорогу сюда она спорила со мной, как никогда. Потом она увидела тебя и внезапно обрела черты традиционной женственности — при этом ни на йоту не утратив присущей ей тонкости восприятия. Когда кто-то вроде Эстер Сакариан, начисто отвергающий позицию «Ты, как всегда, прав, мой господин», приобретает ее столь мгновенно, это невозможно без посторонней помощи. В данном случае, без помощи твоего дома.

Пол Маркус уперся костяшками пальцев в твердую, надежную субстанцию стены подвала.

— Дом изменил Эс ради моего личного удобства? Не знаю, нравится ли мне это. Эс должна быть Эс, хороша она или плоха. Кроме того, ему может взбрести в голову изменить и меня.

В глазах умудренного жизнью дока вспыхнули беспощадные огоньки.

— Не знаю, как он воздействует на психику — может, какое-то излучение высшего порядка на интеллектуальном уровне? — но позволь задать тебе вот какой вопрос: разве ты не был бы счастлив с милой, готовой прислушаться к твоим желаниям копией мисс Сакариан? И более того, что плохого будет в том, если дом изменит и твою собственную натуру?

Пол пожал плечами.

— Я *счастлив*, что в Эс наконец-то проснулось нечто женственное. А вот что касается всего остального... По-моему, дом может воздействовать только на что-то вроде формы мебели или вкуса пищи. И никто не в состоянии убедить меня в обратном. Все это звучит настолько дико, что я даже обсуждать не хочу такое предположение.

Коннор Кунц разразился громким смехом и выразительно хлопнул себя по бедрам.

— Прекрасно! И конечно, ты даже представить себе не можешь, какое желание заставило дом породить в тебе такое состояние разума. Он учится служить тебе все лучше и лучше! Доктору Дюфейлу это наверняка понравится!

— Давай внесем в этот вопрос ясность. Я не настроен способствовать расширению познаний наших биологов за счет своего удивительного дома и его возможностей, каковы бы они ни были. Могу я убедить тебя помалкивать?

Кунц посмотрел на Пола со всей серьезностью.

— Ну, конечно! Вот так, с ходу, мне приходят в голову, по крайней мере, две веские причины, почему не следует обсуждать твой дом ни с кем, кроме тебя самого и Эстер.— Он задумался.— Нет, существует шесть или семь причин, чтобы даже не заикаться о нем Дюфейлу или другим биологам. Да что там! Буквально десятки очень уважительных причин.

Пол проводил Коннора Кунца и Эстер к вертолету, пообещав, что на следующее утро снова приступит к своим обязанностям.

— Но, начиная с этого времени, ночевать я собираюсь здесь.

— Не слишком усердствуй,— предостерегла его Эстер.— И не расстраивайся из-за Каролины.

— Не беспокойся,— он кивнул в сторону взволнованно подрагивающего дома.— Хочу научить его паре вещей. Вроде того,

чтобы не подглядывал, когда я не один. Эс, скажи, ты не хотела бы поселиться тут со мной? На твою долю придется столько же заботы и любви, сколько и на мою.

Она засмеялась.

— Мы втроем... проведем вместе прекрасную жизнь. Это будет совершенный брак. Нам не понадобятся никакие слуги — только ты, я и дом. Может, уборщица раз или два в неделю для видимости. Если и в самом деле возникнет бум, все начнут покупать участки, и у нас появятся соседи.

— Ну, насчет соседей можешь не беспокоиться,— хвастливо заметил Пол, заметив, что Коннор Кунц внезапно побледнел больше обычного.— Мы разбогатеем, как только выяснится, что рудная жила проходит по нашей территории. Когда Литл-Ферми начнет снабжать топливом все американские континенты, мы прикупим в пригороде еще земли. И подумай о том, какие научные изыскания мы с тобой сможем сделать в области физики и бактериологии, Эс! Учитывая, что дом в состоянии снабдить нас любым оборудованием, какое только поддается воображению!

— Вы будете очень счастливы,— отрывисто бросил Кунц.— Дом сделает все, чтобы вы были счастливы, даже если для этого ему придется убить вас... я имею в виду ваши эго.— Он повернулся к Эстер.— Помнишь, ты вчера сказала, что Пол должен сильно измениться, чтобы ты согласилась выйти за него замуж? Он что, в самом деле изменился или это дом изменил тебя?

— Я так сказала? Ну, Пол не совсем... Однако дом...

— А как насчет странного ощущения, которым, по твоим собственным словам, ты обязана дому? — продолжал доктор.— Как будто что-то разомкнуло некоторые связи у тебя в мозгу и заменило их новыми? Неужели ты не понимаешь, что эти новые связи имеют отношение к Полу и это дом установил их?

Пол обнял девушку и сердито посмотрел на Кунца.

— Мне не нравится эта идея, даже если она в какой-то степени соответствует реальности.— Его лицо прояснилось.— Но эта степень достаточно мала, чтобы рассматривать твою идею как реальную. А ты что скажешь, Эс?

Она, казалось, пребывала в смятении, таком сильном, что от нее чуть не сыпались искры.

— Не... Не знаю. Да, пожалуй. Хотя «реально» — неподходящее слово! Ну, я никогда не слышала о чем-то столь всецело... Все, что твой дом хочет,— это служить тебе. Он милый и совершенно безобидный.

— Это не так! — Док тяжело запрыгал, словно угодившая в сеть куропатка.— Согласен, он стремится психологически подрегулировать вас ровно в той степени, чтобы это помогло разрешению ваших серьезных внутренних конфликтов. Но не забывайте, этот дом — определенно чуждая нам форма жизни. Скорее всего, когда-то он полностью находился под контролем созданий, несравненно превосходящих нас по уровню своего развития. Думаю, определенная опасность существует уже сейчас, когда он в точности исполняет твои желания, Пол; но стоит ему почувствовать себя свободным от твоих ментальных поводьев...

— Хватит об этом, Коннор! — прервал его молодой человек.— Я уже говорил, что не могу согласиться с таким ходом рассуждений, а ты опять за свое. Это просто некрасиво с твоей стороны. Согласна со мной, дорогая?

— И к тому же нелогично,— улыбнулась она.

Доку Коннору Кунцу оставалось одно — просто стоять и думать про себя свои горькие думы.

За их спинами дом жизнерадостно заиграл свадебную мелодию из «Лоэнгрина».

«О, славный господин, ты не покинешь никогда...»

Когда вертолет поднимался в желтоватое предзакатное небо и Эстер махала рукой становящейся все меньше фигуре внизу, рядом с которой весело подпрыгивал дом, Кунц сказал, осторожно подбирая слова:

— Если вы собираетесь провести в этом доме что-то вроде медового месяца, вам придется получить от компании разрешение. Это может оказаться нелегко.

Она повернулась к нему:

— Почему?

— Потому что каждый из вас подписал контракт и правительство субсидировало компанию в соответствии с этим контрактом. Вы не имеете права просто так взять и гулять, сколько вам вздумается. Если на то пошло, Пол уже сейчас может иметь неприятности, устроив себе этот затянувшийся выходной.

Эстер на мгновение задумалась.

— Да, понимаю. Но знаешь, Коннор, этот чудный дом и все прочее... Я хочу, не откладывая, совсем уйти из компании и поскорее перебраться сюда. Уверена, Пол настроен точно так же. Надеюсь, никаких сложностей не возникнет.— Она легко рассмеялась, лицо у нее прояснилось.— Нет, не думаю, что возникнут какие-то сложности. Думаю, все пройдет гладко. Я просто *чувствую* это.

Это необычное для Эстер Сакариан проявление «женской интуиции» исключительно точно отражает положение вещей,

потрясенно подумал Коннор Кунц. На протяжении всего полета его одолевали тревожные мысли.

«Дом позаботится, чтобы правительство без всяких сложностей аннулировало их контракт, потому что хочет видеть их счастливыми. Он будет оберегать их счастье, давая им все, что они пожелают,— за исключением возможности покинуть его. Этот продукт чьей-то невероятной творческой фантазии наконец-то заполучил тех, кому может служить. Вновь обретя хозяев спустя все эти долгие годы, он будет хранить его, ее, их любой ценой. Для этого ему придется начать вмешиваться в дела нашего мира, но уже первый шаг в этом направлении окажется равносилен удару по длинному ряду костяшек домино. Оберегая своих подопечных от могущего нарушить их счастье вмешательства мира, дом будет вынужден заходить все дальше и дальше.

В конце концов этот предмет домашнего обихода сможет контролировать все человечество и заставит его прыгать, подчиняясь изменчивым капризам Пола Маркуса и Эстер Сакариан. Все во имя преданного служения! Без сомнения, у него хватит сил на это, а в случае чего он наверняка сможет черпать их из доступного лишь ему одному источника, где эти силы пребывают в состоянии временного покоя. И когда он начнет контролировать всю планету... ведь наверняка никто даже не пикнет, как молчат сейчас Эстер и Пол! Этот раболепный обломок движимого имущества настолько превосходит нас по своим возможностям, что запросто сумеет перестроить наше мышление. Подумать только, я сижу рядом с одной из тех двоих, чья любая, даже мимолетная фантазия вскоре станет непреложной командой! Ужасно, ужасно...»

Однако к тому времени, когда Коннор Кунц посадил вертолет в Литл-Ферми, эти идея больше не вызывала у него возражений. Ему казалось это в порядке вещей — что он может делать лишь то, против чего Пол и Эстер не будут возражать. А как же иначе, в самом деле?

Снаряд-неудачник

Ну наконец-то. Я принял твердое решение. Война закончена, и, как только «Солнечный удар» осуществит посадку на Земле, я сдам своих пленников какому-нибудь чиновнику трибунала по военным преступлениям и снова стану абсолютно гражданским лицом. Я буду свободен делать что хочу — пить вино, петь песни и... ну, вы понимаете, что я имею в виду,— в общем, весь набор.

Коммуникатор, установленный на потолке приятного, нежного цвета, показывал оставшееся расстояние — два миллиона миль. В общем, пара пустяков! Это путешествие вообще оказалось очень приятным. «Солнечный удар» — роскошная частная космическая яхта, реквизированная для нужд земного Космического флота — для доставки моих необычных подопечных в руки правосудия. Я надеялся, что когда-нибудь я смогу позволить себе такую яхту. После того как много лет пробуду сугубо гражданским человеком...

Глаза буквально слипались. Джимми Троки должен разбудить меня через четыре часа, чтобы я сменил его на вахте по охране пленных. И к этому времени мне надо быть совершенно свежим. Я задремал.

— Мистер Батлер! — Я рывком сел. Огромная физиономия капитана Скотта смотрела на меня с экрана коммуникатора.— Немедленно явиться на мостик! Немедленно, мистер Батлер! — Изображение потускнело и исчезло.

Чуть наклонив койку, я выбрался из нее и оделся. За пять лет службы неизбежно вырабатываются определенные рефлексы на приказания. Только когда дверной люк остался позади, я вспомнил, что следует остановиться и хотя бы выругаться.

Интересно, с какой стати этот дряхлый космический пес считает, что имеет право мне приказывать? Я служу в армии,

а не во флоте. Более того, я уволился перед тем, как мы взлетели. И единственное, за что я сейчас отвечаю,— это пленные

Похоже, надо кое-что разъяснить старику. Тем не менее я отправился на мостик. Правда, не раньше чем наведался в конец коридора — проверить, как дела у марсиан.

Джимми Троки, мой подчиненный, прислонился к люку, ведущему в офицерскую каюту, которая в этом полете служила тюрьмой. Он быстро бросил сигарету и затоптал ее.

— Извини, Хэнк. Но все под контролем, честно. Рафферти и Голдфарб оторвались от шахмат и отпустили меня перекурить. Уж они-то ничего не пропустят.

— Все в порядке,— ответил я.— Мне случалось поступать так же. Просто чтобы легкие не пересохли без курева. Как там себя чувствуют наши друзья? Все еще принимают ванны?

Он усмехнулся.

— Дидангул умудрился пять раз искупаться за мою вахту. Оба дружка сменяли его в бассейне. Только марсианин способен нежиться в водичке, когда над его чешуйчатой башкой висит вполне вероятный смертельный приговор! — Его лицо напряглось.— Но все оставшееся от купания время наши друзья возятся с преобразователем и пересвистываются.

— Знаю. Мне это тоже не нравится. Но седоволосые парни в штабе решили предоставить им этот прибор. Сказали, что преобразователь такого размера не представляет опасности и пусть, мол, потешатся перед смертью. Приговоренным марсианам полагается плотный ужин.

— Да. Я этого не понимаю. Когда я думаю о том, что Дидангул сделал с парнями из Пятнадцатой армии... Конечно, им не удастся вытащить из преобразователя оружие. Все, что они получали, это крошки нейтрониума, которые не смогут поднять даже их троих. И все-таки...

— Мистер Батлер,— раздался из коммуникатора пронзительный голос.— Капитан Скотт говорит, что, если вы не появитесь на мостике через две минуты, он пришлет наряд и вас притащат за волосы.

Джимми разозлился.

— Кого это он из себя корчит? Ты вовсе не обязан подчиняться приказам этого парня. Он — флотский!

— Он — капитан корабля,— напомнил я.— Ты же знаешь, в открытом космосе он может распоряжаться даже жизнью и смертью. Придется мне идти.

— Ну, во всяком случае, не позволяй ему нести разную чушь,— крикнул Джимми мне вслед и, махнув рукой, полез в дверной люк.

Прежде чем открыть тяжелую дверь, ведущую на мостик, я поправил китель так, чтобы эмблема «Орел-на-Сатурне» ровно сидела на груди. В первом военторге, который наши оккупационные войска открыли на Марсе, не продавали штатские шмотки, поэтому мне приходилось по-прежнему постоянно носить форму. А Скотт не выносил небрежности в одежде.

Погладив ладонью панель, я шагнул вперед. Бац! Я тер нос и на чем свет стоит проклинал весь земной Космический флот. Угораздило же их заменить удобные привычные люки старомодными откидными дверями на шарнирах — флотские традиции, видите ли...

Я вцепился в дверную ручку и вошел, все еще ощущая боль в носу. Никто даже не подмигнул мне в знак сочувствия. Все, кроме Каммингса, рулевого, столпились вокруг одного из пяти больших видеоэкранов, имевшихся на мостике. Я вздохнул.

— Мистер Батлер,— крикнул через плечо капитан Скотт.— Если ваши разнообразные светские обязанности позволяют вам согласиться с моим предложением, не будете ли вы столь любезны, чтобы подойти на минутку к экрану?

Я взглянул на его косматый затылок и перевел глаза на светло-синюю форму. Затем, разумеется, пришлось подойти к экрану и встать рядом с лейтенантом Висновски, астронавтом,— тот послал мне мимолетную улыбку. Скотт скрежетал зубами.

На экране не было ничего, на мой взгляд, достойного внимания. Большой диск Земли, Луна приблизительно того же размера, множество мелких огоньков — звезд, метеоров или, возможно, светлячков.

— Что я должен здесь...

— В этой части,— перебил меня Висновски, поворачивая рукоятку какого-то маленького приспособления. Часть экрана словно растянулась, и маленькие белые огоньки стали крупнее.

Там виднелось нечто странное, неправильной формы, с какими-то выпирающими частями. Темно-коричневое, оно, казалось, передвигалось рывками. Я никогда раньше не встречал ничего подобного.

— Малый астероид? Метеорит?

— Ни то ни другое,— ответил Скотт.— Его нет ни на одной карте, а уж этот район исследован до мельчайших подробностей. Скорость и движение — резкими толчками, как видите,— не позволяют считать его телом из Солнечной системы. Кроме того, оно следует за нами.

Мои мысли сразу обратились к марсианам в недрах нашего корабля.

— Спасательная экспедиция?

— Вряд ли,— капитан прошел в центр помещения, где Каммингс напряженно пялился на сотню переключателей.— Сорок, пять-девять, сорок. У объекта как будто отсутствуют двигатели.

— Сорок, пять-девять, сорок,— пропыхтел Каммингс, перекатывая во рту табачную жвачку. Он потянул три рукоятки к себе, две другие отодвинул в обратную сторону. Затем взглянул на медленно вращавшийся на потолке прибор.— Сорок, пять-девять, сорок. По дуге.

— Но как он может следовать за нами без двигателей? — рассудительно спросил я.— Не знаю, каково расстояние, но...

— Более трехсот тысяч миль,— капитан Скотт вернулся к экрану и теперь пристально вглядывался в него. Меня поразило выражение беспокойства, исказившее его немолодое лицо с бледной, как у всякого космонавта, кожей.— Слишком далеко для того, чтобы говорить о гравитации,— если вы это имеете в виду, мистер Батлер. «Солнечный удар», возможно, большая яхта, но по космическим меркам это очень маленький корабль, а та штуковина вообще слишком крошечная, чтобы могло существовать какое-то притяжение. И тем не менее она движется приблизительно с нашей скоростью и — вон, посмотрите-ка! — меняет курс вслед за нами.

Не было сомнений, что именно это она и сделала. Когда «Солнечный удар» пошел по новой дуге, небесные тела на экране, казалось, отклонились в сторону. Все, кроме нашего нового маленького дружка. Один из его выпуклых боков стал медленно поворачиваться, и постепенно он занял ту же позицию относительно нас, что и раньше.

— Уберите увеличение, мистер Висновски.

Астронавт щелкнул приспособлением, вернув рычажок в первоначальное положение. Они с капитаном торопливо подошли к штурманскому столу. Второй офицер, тревожно взглянув на вращавшийся на потолке прибор, направился к двери и покинул мостик, успев, однако, бросить взгляд на экран.

— Я проверю посты, сэр.

— Хорошо. И можете объявить боевую готовность номер два. Я позвал вас на мостик, мистер Батлер, потому что полагаю, что это — чем бы оно ни было — как-то связано с вашими высокопоставленными пленными. Возможно...

— В этом случае я настаиваю, чтобы вы немедленно радировали на Землю. Или на военную базу Луны. Они пришлют какую-нибудь помощь...

— Мистер Батлер! Что значит — вы настаиваете? Кто вы такой? До тех пор пока у вас не будет пяти красных нашивок, на

этом корабле командую я! — Он сжал губы и сердито повернулся ко мне. Старикан озверел до последней степени.

Однако я еще не закончил свою речь.

— Вы командуете во всех космических делах,— я старался подражать его командному тону.— Но именно я отвечаю перед трибуналом по военным преступлениям и через него — перед Советом Солнечной системы за благополучную доставку пленных. Дидангул — единственный из четырех опытных тетрархов, которого нам удалось захватить...

— Мне наплевать! — взорвался Скотт.— Будь он хоть главным фельдмаршалом во всей чертовой земной армии, командовать этим кораблем все равно буду я. И если возникнет необходимость, приведу вам веское доказательство правоты моих слов — посажу вас в карцер, причем в настоящий карцер, а не в благоустроенную, роскошную каюту, в какой наслаждаются жизнью ваши ящерицы.

Вы сами предпочли стать гражданским человеком, мистер Батлер,— хотя все еще ходите в форме,— и для меня вы просто государственный служащий, которого правительство уполномочило присмотреть за тремя чувствительными марсианами, дабы те не простудились и не покончили с собой. Вот почему вы обязаны подчиняться моим приказаниям и приказаниям других офицеров. Вам все понятно?

Глубоко вздохнув, я подумал о том, что мы, «государственные служащие»,— это чаще всего люди, которые получили наибольшее количество ран и орденов во всем Третьем корпусе, решили выйти в отставку на Марсе, а затем добровольно вызвались охранять на пути домой самых опасных преступников космической войны, потому что ни одного солдата оккупационных войск нельзя отвлекать от несения службы. Но... вслух свои мысли я не высказал.

— Хорошо.— Побагровевшие было морщины на лице Скотта стали розовыми, и он взял со штурманского стола книгу.— Я не буду никому радировать, как вы это называете на вашем армейском жаргоне, из-за инцидента с «Джетсэмом». Вы слышали об этом? «Джетсэм», маленький разведывательный корабль, действовавший в окрестностях Деймоса примерно за неделю до заключения мира, сообщил через радарную связь, что его преследует странной формы объект, который идет на той же скорости, но сохраняет дистанцию. Минутой позже он объявил, что с момента начала передачи объект увеличил скорость и теперь очень быстро приближается. А еще через секунду весь военный береговой плацдарм Деймоса сотряс невероятной силы косми-

ческий взрыв. От «Джетсэма» и его команды не осталось ни клочка.

— М-м-м. Однако взрыв в космосе... Атомные каналы недостаточно сильны. Итак, вы не будете пользоваться радио — о-о, пардон, радаром,— так как опасаетесь, что эта мина активизируется и увеличит скорость. Однако предположение о том, что это именно мина, на мой взгляд, не имеет под собой никаких оснований. А если допустить, что мы имеем дело с чем-то новеньким, то у марсиан не было времени на создание и запуск такого рода штуковины. Они убрались из этого района задолго до битвы в Южном полушарии.

— А на другой стороне Луны? — возразил капитан.— Партизанские банды марсиан все еще существуют и до сих пор удерживают забытые горные укрепления на Луне. Это может быть бродячая мина или новый тип самонаводящегося снаряда. Это может быть что угодно, вплоть до неразорвавшегося снаряда. В любом случае объект представляет серьезную угрозу. Вполне возможно, что он был неудачно выпущен одним из наших собственных орудий. Марсиане по сути своей всего лишь подражатели — сами они не открыли ни одного научного принципа.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Не поддавайтесь на нашу пропаганду, капитан. Любой марсианин умнее пяти тысяч земных ученых. Просто они не интересовались техникой до тех пор, пока мы не погладили их по чешуйчатым головам из всех видов оружия. В конце концов, гироскоростная передача, используемая в вашем корабле, была скопирована с марсианского судна, брошенного командой еще на первых этапах войны.

— Даже не предполагал, что это уже известно широкой общественности, мистер Батлер,— сказал капитан, гордо выпрямляясь всем своим тощим телом, облаченным в синюю форму.— Мистер Висновски, на скольких гиро мы поворачивали?

— Я думаю, на пяти.

— Вы думаете?!

— Точно на пяти,— поправился Висновски, бросив поспешный взгляд сперва на прибор, потом на свои карты.

— Увеличьте до девяти. Я знаю, что мы превышаем лимит, но передайте в машинное отделение, что мы сохраним такое ускорение только до момента активизации неразорвавшегося снаряда, если это, конечно, именно он.

Капитан Скотт быстро прошел мимо меня к видеоэкрану и раскрыл книгу, которую держал в руках. Он медленно поворачивал металлические страницы, то и дело переводя напряженный взгляд с иллюстраций на странный коричневый объект в увеличенной части экрана.

Висновски связался с машинным отделением по коммуникатору и отдал приказ на девять гиро. В ответ на их удивленные вопли он молча щелкнул переключателем.

— Не спорь со старым ловцом комет,— прошептал мне лейтенант.— Он не потерпит никаких возражений даже от отставного армейца. Вообще, это просто позор, что у нас две раздельные службы. Во время войны начинаются какие-то идиотские юридические разборки по поводу того, идет ли битва в глубоком космосе или на планете. Это просто глупо и положительно отдает двадцатым веком.

Я был с ним полностью согласен.

— Но капитан в корне ошибается, заявляя, что в мои обязанности входит помешать марсианам покончить жизнь самоубийством. Уберечь от простуды,— да, но от самоубийства... ничего подобного! Да если бы хоть один марсианин мог когда-либо заставить себя добровольно сползти в эту необъятную сырость, мы могли проиграть войну через месяц после уничтожения Антарктики.

Их цивилизация возникла слишком давно, и они чересчур долго наслаждались жизнью, чтобы решиться на такой шаг. Марсиане так и оставались бы цивилизованной расой, не помешай мы им мирно дремать в своих ваннах и не заставь мы их на собственной шкуре почувствовать всю прелесть боевого задора — а попросту говоря, драчливости. И до чего же нас, бывало, раздражала их безмятежность!

Висновски кивнул.

— Большинство солдат, с которыми я разговаривал, чувствуют то же самое. Я помню, как все были заинтригованы, когда двух первых марсиан уговорили посмотреть на старомодный бой тяжеловесов в «Мэдисон-Сквер-Гарден».

— Конечно. Мы ответственны за то, что изменили мировоззрение, насчитывавшее миллион лет. А кроме того, вспомнить только, каких людей мы отправили колонизировать Марс! Философов из Германии и Японии, исповедующих теорию сверхчеловека, которых у нас не хватало духу прикончить после второй атомной войны.

— Убавьте до шести гиро,— подал голос капитан Скотт.— Эта штуковина тоже увеличила ускорение, чтобы соответствовать нашему. Я надеюсь, вы аккуратно фиксируете все это в бортовом журнале, мистер Висновски.

— Да, сэр, разумеется. Так точно.— Висновски покраснел, быстро передал приказ в машинное отделение и начал торопли-

во писать. Я порадовался, что мне не довелось служить под началом такого командира.

— Просто совершенно вылетело из головы,— прошептал он через некоторое время, не отрывая глаз от журнала.

— Мой отец рассказывал мне, как правительство тогда подало эту идею: «Позволим блестящим, но заблуждавшимся людям начать новую жизнь в новом мире. В борьбе с трудностями на враждебной планете они исправятся и помогут человечеству расширить границы своей империи в космосе». Империя — тьфу!

— Ну, единственные, кому помогли их силовые методы и блестящие идеи, это марсиане-пириты, которые просто модифицировали идею, превратив сверхчеловека в сверхмарсианина. За тридцать лет пириты выросли из противной маленькой секты в крупную политическую партию. Когда марсианские ученые принялись играть с оружием, вместо того чтобы исследовать новые способы орошения водой собственных черепушек, человечество просто...

— Девять гиро! — завопил Скотт.— Немедленно вернуться на девять гиро!

— Снова поднять до девяти! — молниеносно передал Висновски в коммуникатор.— И не спорить! Что случилось, сэр?

Он бросился к капитану, я поспешил следом. Скотт дрожащим пальцем показывал на экран. Коричневая масса увеличивалась. Теперь странный, изломанной формы объект можно было разглядеть во всех подробностях.

— Только посмотрите! Оно увеличило ускорение до нашего верхнего предела, но, когда мы снизили его до шести, у них оно осталось на девяти. Теперь я уверен, что это неразорвавшийся снаряд — какой-то вид самонаводящейся торпеды.

Во флотском бюллетене ничего толком не разъяснили. Промелькнули лишь весьма туманные сообщения типа «полагают, что марсиане пытались разработать усовершенствованный самонаводящийся взрыватель, использующий космические боеголовки, который сможет координировать свою скорость в соответствии со скоростью преследуемого объекта, делая невозможным снижение скорости и приземление последнего». Конечно, даже думать нечего об уменьшении ускорения, если этот богом проклятый булыжник будет гнаться за нами как сумасшедший. Но ученый болван, который писал бюллетень, даже не упомянул о мерах защиты!

— Возможно, он понятия о них не имел,— Висновски скорчил гримасу, глядя на экран.— Просто пожелал сообщить командирам кораблей, что эта штуковина может когда-нибудь объявиться. А там пусть делают что хотят.

Даже Каммингс оторвал взгляд от сотен рычажков и переключателей и, продолжая с мрачным видом жевать свою табачную жвачку, покосился на смертельный снаряд. Я не мог понять, с чего это они все заволновались, и решил честно в этом признаться.

— «Солнечный удар» ведь оснащен атомными каналами, верно? Почему бы не воспользоваться одним из них?

— Мистер Батлер,— произнес капитан с нескрываемым раздражением.— Вы явно не выходили в глубокий космос со времен битвы при Деймосе, если думаете, что можно взорвать самонаводящийся снаряд последней модели. Все они способны поглощать значительную часть взрывной энергии, с тем чтобы, совершив поистине фантастический рывок, достичь корабля и только затем взорваться. Нет, подорвать его невозможно. В то же время мы не в состоянии поддерживать ускорение в девять гиро! Ситуация безвыходная.

Я пытался припомнить все, что приходилось слышать о недавно разработанном принципе — временный иммунитет и полное поглощение,— на основе которого созданы новейшие самонаводящиеся снаряды. Но в то время меня гораздо больше занимали подземные операции около города Гринда, а потому я даже не позаботился собрать информацию.

— Минутку, капитан! Это ведь так называемый снаряд-неудачник, верно? То есть снаряд, который не разорвался. Так как он может...

— Снаряд-неудачник — это снаряд, который не разорвался... пока. А самонаводящаяся космическая ракета — это штуковина, которую не притянуло ни к одной мишени. Возможно, потому, что она ее просто не встретила... пока. Мистер Висновски, ваше мнение?

Висновски прикусил нижнюю губу и поскреб подбородок. Я ждал, уже сам немало встревоженный. Эта теория полного поглощения... Она в определенной мере объясняла, почему мы не можем использовать радио или уйти на спасательных катерах.

Любой дополнительный расход энергии будет способствовать увеличению скорости ракеты, а она и так уже сравнялась с максимальной скоростью корабля. Это также означало, что, поскольку любой сделанный руками человека объект, мчащийся в космическом вакууме, излучает определенное количество энергии, эти отвратительные игрушки в конце концов непременно настигнут свою цель. Но что у них вместо двигателей?

— С вашего разрешения, сэр,— тем временем предложил Висновски,— я бы хотел произвести отвлекающий маневр.

— Я надеялся, что вы это скажете, мистер Висновски. Нам уже давно пора принимать отчаянные меры. Но я никогда бы не отдал такой приказ своим подчиненным. Не вызовись вы добровольно, я сам...

— Держитесь покрепче за свои бинокли,— сказал я им обоим.— В армии мы довольно часто пользовались тем, что вы назвали отвлекающим маневром. Я лишь балласт на этом корабле, лакей при марсианах, так почему бы мне и не взять это на себя? Я совершенно не рвусь в добровольцы, но у Висновски три жены, тогда как у меня...

— Нет ни одной. Но будут, как только вы начнете жить по земным законам для гражданских лиц. Ведь сколько отличных парней погибло в этой войне, так откуда, вы думаете, возьмется новое поколение, если такие люди, как вы, будут медлить и цепляться за свою свободу? В любом случае, Батлер, вы уже практически демобилизовались, а капитан захочет, чтобы задача была выполнена представителем флота.— Висновски вышел, прежде чем я успел набрать воздуха и что-либо возразить.

— Пришлите второго офицера заменить вас,— крикнул ему вслед Скотт.— И пусть наряд приведет сюда этого марсианского парня — Динг... данг... как там его?..

Я резко повернулся к капитану.

— Мне были даны строгие инструкции содержать Дидангула в каюте под непрерывным наблюдением!

— В чрезвычайной ситуации я облечен полномочиями,— рявкнул капитан,— которые лишают силы все ваши инструкции. Я положительно уверен, что тут не обошлось без этой змеи, и, если что-нибудь случится с мистером Висновски, я намерен выжечь из него эту тайну каленым железом! Плевать мне на весь земной Юридический кодекс!

— Пустые надежды. Эти малютки, а в особенности такая личность, как Дидангул, могут вытерпеть больше, чем вы успеете придумать, прежде чем расколются. И они могут сообразить, что если вы причините им слишком большой вред, то вам уже ни к чему пытаться уходить от снаряда, поскольку тогда вас привлекут по указу двадцать два — тридцать четыре трибунала по военным преступлениям, как только вы приземлитесь.

Вошел второй офицер и занял свое место перед экраном; его угольно-черное лицо подергивалось от волнения. Я понимал, что он чувствует. При обычных обстоятельствах выполнение отвлекающего маневра было всего лишь утонченным способом совершения самоубийства — с той только разницей, что близким обязательно вручат твою посмертную медаль.

Ты берешь открытый одноместный катер и крутишься вокруг снаряда до тех пор, пока не притянешь его. Как только снаряд меняет курс и устремляется за спасательным катером, ты катапультируешься и просто плаваешь в скафандре в открытом космосе, пока корабль не подберет тебя. Естественно, если тебе посчастливится выжить. Взрыв в космосе охватывает огромное пространство, атомные каналы — почти такое же.

А с этим приспособлением, несущимся у нас на хвосте, все будет слегка по-иному. Во-первых, снаряд уже двигается с почти такой же скоростью, какую может развить одноместный катер, а это означает, что временной промежуток между притяжением и взрывом окажется минимальным. А если еще учесть все новомодные штучки, которыми оснащен этот снаряд, становится очевидным, что у Висновски чуть-чуть больше шансов попасть обратно на корабль, чем у меня получить на руки только пики во время следующей игры в покер.

Я неуклюже похлопал по спине второго офицера. Висновски явно был одним из самых популярных людей на «Солнечном ударе».

Кто-то врезался в дверь — послышалась цветистая ругань на афгани. Я хмыкнул. Джимми Троки явно тоже не пришлась по душе флотская предубежденность против нормальных люков при выходе на мостик.

Затем дверь открылась, и задом, держа свой «стиффлиц» в полной боевой готовности, вошел Джимми, а за ним — девятнадцатифутовая мокрая, злая и высокомерно наглая ящерица. Вслед за дергающимся хвостом медленно вошел Рафферти, тоже вооруженный «стиффлицем».

— Голдфарб присматривает за его двумя приятелями,— сообщил мне Джимми через плечо.— Хочешь, чтобы я его связал?

— Да, пожалуй.

Джимми нажал на нужное приспособление на своем оружии и, установив минимальное напряжение, накрыл марсианина паутиной тонких нитей «стиффлица». Когда бывший тетрарх превратился в нечто вроде кокона, из которого торчала только голова с выступающими челюстями, Троки вручил мне оружие, и они с Рафферти отправились к выходу.

— Теперь он в ваших руках, шеф,— с поклоном сообщил мне Джимми.

Дидангул произнес нечто совершенно непереводимое. Впрочем, если бы его фразу и удалось перевести, она все равно оказалась бы абсолютно непечатной.

— Что он говорит? — спросил капитан.

Дидангул продолжал свистеть, глядя куда-то в потолок.

Я подождал, пока он повторил, и тогда мне стало почти страшно переводить его слова.

— Он говорит, что его в высшей степени бесцеремонно вытащили из ванны, что он совершенно продрог. Он говорит, что весьма подвержен простудам и теперь наверняка заболеет. Он хочет знать, входит ли такое обращение с пленным в хваленую систему земного правосудия.

— И это говорит чудовище, которое подвергло медленному обезвоживанию пятнадцать тысяч человек в своем собственном дворце за неделю до того, как потрудилось официально объявить войну! Это гнусное... Поду́мать только! Сколько воды пришлось выделить штабу из собственных запасов, чтобы этим поганцам было, видите ли, удобно по дороге на суд. Спросите его, знает ли он что-нибудь об этой куче кое-чего, которая преследует нас.

Просвистев вопрос Скотта марсианину, я напряженно вслушивался в ответ, ибо достаточно хорошо знал только сугубо разговорный язык, точнее даже жаргон, а Дидангул упорно говорил на литературном марсианском языке со всеми присущими ему тройными образами и распространенными группами существительных.

— Говорит, что знает. Вероятно, его запустил один из его друзей на Луне. Говорит, что бы мы ни предпринимали, нет никакой возможности уклониться от него. Говорит, что готов сообщить информацию о единственной эффективной форме защиты только в обмен на твердую гарантию побега отсюда. Под твердой гарантией он подразумевает, что двум его сотоварищам дадут спасательный катер и двух заложников. Как только он разъяснит нам, какие меры безопасности можно предпринять, марсиане сядут в спасательный катер и отпустят заложников. Они не опасаются погони, так как наш корабль сможет только ползти словно черепаха, ведь ему так долго пришлось идти с ускорением девять гиро.

— Вот, значит, как? Скажите ему, чтобы шел прямо в... Сахару! Интересно, как эта змея запоет, если поднять напряжение нитей «стиффлица» до средней отметки? Или пощекотать его нервные клетки,— кстати, марсиане так же трусливы, как Ионийские скелники?

— И даже еще трусливее,— пожал я плечами.— Но только в том случае, когда это каким-то образом касается добровольного самоуничтожения. Они весьма стойко — особенно пириты — ведут себя под пыткой. А эта личность достаточно много знает о правительстве Земли, чтобы понимать, что в случае убийства важного пленника мы рискуем не меньше, чем в случае поцелуя с этим самонаводящимся снарядом. Вот почему я отнюдь не уверен, что он расколется, даже если я санкционирую подобные меры убеждения.

— А как насчет психологического прощупывания? Всем известно, что потребность в воде так называемых цивилизованных марсиан фантастически высока. Может быть, жажда заставит его?..

Я обдумал этот вариант.

— Во-первых, трудность в том, что Дидангул был доставлен сюда непосредственно из ванны, где он еще и пил в свое удовольствие. У нас не хватит времени ждать, пока у него возникнет существенная жажда.

Со стороны носа корабля послышались два глухих удара.

— Мистер Висновски только что отбыл,— доложил второй офицер.

Капитан Скотт и я поспешили к голубому экрану, на котором крошечная оранжевая точка двинулась по выпрямляющейся дуге к неправильной формы снаряду. Через некоторое время оранжевая точка пошла по другой кривой и резко двинулась в направлении, противоположном направлению полета «Солнечного удара».

— Снаряд не последовал за ним,— вздохнул Скотт.— Уму непостижимо, но спасательный катер не смог притянуть его! Разве такое возможно?

Однако именно это и произошло. Висновски, явно заметив неудачу своего маневра, развернулся и по сужающейся спирали вновь начал приближаться к снаряду. Изломанная коричневая масса полностью игнорировала его крошечное суденышко. Она упрямо продолжала преследовать нас.

— Безумный идиот! Он намеревается... он пытается... Где переключатели в этом коммуникаторе?!

Скотт обхватил закругленную панель обеими руками и почти сунул внутрь свою крупную голову.

— Мистер Висновски! Вы что, хотите взорвать снаряд прямым столкновением? Отвечайте мне, мистер Висновски! Говорит ваш командир!

Лицо астронавта возникло в диске прибора.

— Больше ничего не остается, сэр. Я не могу заставить его идти за спасательным катером. Я протараню его и...

— Я вам покажу таран, Висновски! Я вас разжалую до уборщика третьего класса! Я не позволяю своим офицерам самим решать, стоит ли им выбрасывать жизнь на ветер! Вы слышите меня?! Немедленно возвращайтесь на корабль! Немедленно, Висновски! Разве вы не знаете, что такое сложное оружие не

может взорваться от простого столкновения с инородным телом?

Спасательный катер продолжал двигаться по спирали. Еще два-три витка — и...

— Я знаю, что шансов взорвать его немного, сэр, но в нынешних обстоятельствах даже малейшая надежда...

— Такие вопросы уполномочен решать только я! — завопил капитан.— Вы нам нужны как астронавт, Висновски. Наш единственный шанс избежать столкновения зависит от вашего присутствия на мостике рядом со мной. Вы жизненно необходимы мне для принятия решений. Возвращайтесь на корабль, Висновски, или я клянусь всем святым, что лично сдеру с вас погоны и раздену до самых подштанников!

После этой весьма заковыристой угрозы наступила тишина. Затем оранжевая точка изменила курс и под острым углом отошла от приближающегося снаряда. Она двинулась обратно к кораблю. Все мы с облегчением вздохнули.

Через несколько минут послышался высокий звук, и мы ощутили легкий толчок — спасательный катер вернулся на «Солнечный удар».

Капитан Скотт подошел к штурманскому столу и налил в стакан воды из графина.

Услышав позади какой-то треск, я повернулся, подняв «стифлиц». Дидангул, плотно обмотанный золотыми нитями, тянул длинный коготь к бутылке с водой.

Вот ведь жадина! Он практически только что вылез из ванны, но стоит только поместить марсианина где-нибудь рядом с водой, просто чтобы он видел что-то мокрое...

Он заметил мою ухмылку и выпрямился.

— После этого фиаско готовы ли люди согласиться на предложенную сделку? — просвистел он.

Я не потрудился ответить. Откуда он узнал, что именно происходило? Это на секунду озадачило меня. Любой марсианин, исповедующий культ пиритов или еще какой-нибудь культ, считал ниже своего достоинства изучать столь примитивный язык, как универсальный земной. И тут до меня дошло, что он видел всю операцию на экране. Да, эти ребятки были, прямо скажем, наделены интеллектом выше среднего.

— Теперь наше положение ухудшилось,— нервничал Скотт.— Излучение от спасательного катера увеличило ускорение снаряда примерно до девяти и одной десятой гиро. Времени осталось немного. Слышите треск? «Солнечный удар» не предназначен для таких суровых испытаний — нагрузка слишком велика для него.

Я прислушался: странный треск под ногами становился все громче. Чувствуя, что у меня на лбу выступил пот, я сам потянулся за водой. И внезапно застыл на месте.

— В чем дело? — шепнул мне капитан.— Есть идея?

— Ну, в некотором роде. Я как раз думал о том, что означает вода для такого высокоцивилизованного марсианина, как Дидангул. Она олицетворяет саму суть жизни. Вода — это один из тройных образов в марсианском языке, означающих жизнь. Кроме того, она служит своего рода эквивалентом высшей формы роскоши, богатейшей награды, побудительной причины для стремления к светскому успеху. Аристократический марсианский ученый интересуется любой исследовательской деятельностью, кроме вопроса ирригации их пустынных земель, как унижающего саму концепцию исследования. Я как раз подумал...

— Но вы сами сказали, что он не скоро испытает жажду!

— О, Дидангул вовсе не испытывает жажды. Но вода для него — нечто большее, чем просто физическая необходимость. Это потребность эмоциональная и интеллектуальная. Особенно вода, которая находится рядом, но при этом остается недосягаемой. Нам трудно представить силу этой потребности, но ее оказалось достаточно, чтобы из желания добраться до влаги, содержащейся в телах пятнадцати тысяч живых людей, подвергнуть их мучительному обезвоживанию. Попробую кое-что предпринять.

Я беспечно подошел к штурманскому столу и налил себе воды. Закончив пить, я причмокнул губами и счастливо вздохнул. Затем двинулся обратно к огромному марсианину, взбалтывая воду в графине. Я молча поднял перед ним графин.

Пленник содрогнулся и попытался выпрямиться. Затем мучительным, почти умоляющим жестом он попытался дотянуться когтистыми лапами до сосуда с водой, но мешали прочные нити. Ухоженные заостренные когти громко заскребли по стеклу.

— Очень славная вода,— просвистел я.— Необычайно влажная. Мокрая. Очень, очень мокрая. Чудесная вода, такая приятная для твоей кожи, Дидангул. Прохладная и мокрая вода, которая могла бы весело течь по твоей глотке. Ты можешь получить ее, Дидангул, пить ее, плескаться в ней; она доставит тебе влажное, замечательное удовольствие. Что мы должны сделать, чтобы избежать взрыва?

Марсианин попытался закинуть огромный зеленый хвост на голову. Он распахнул длинные челюсти, потом сомкнул их снова. Его глаза, не мигая, уставились на графин с водой, который я держал так, что он не мог к нему прикоснуться.

Пленник просвистел несколько тактов, и я наклонился вперед, напряженно вслушиваясь. Бессмысленный жадный лепет — слов не разобрать.

Висновски вошел и остановился у двери, поняв значение этой сцены. Он еще не успел снять скафандр.

Я опять встряхнул кувшин, вода заплескалась внутри.

— Хорошая влажная вода для тебя, очень влажная, мокрая. Как нам остановить снаряд?

Опять неразборчивый свист, содрогания, конвульсии. Казалось, Дидангул жаждал воды сильнее, чем любое живое существо, которое мне когда-либо приходилось видеть.

— Единственная проблема состоит в том,— произнес я вслух,— что его психологическая блокировка относительно разглашения любой информации, способной помешать спасению, так же сильна, а может быть, даже сильнее, чем желание заполучить воду.

— Большинство людей можно заставить выдать информацию второстепенной важности, однако даже самые жестокие пытки не способны вырвать у них какой-либо действительно важный секрет,— внезапно вмешался в разговор Висновски.— Даже у марсианина есть подсознание. Попытайся узнать у него что-нибудь на первый взгляд не слишком существенное, спроси его, например, какого типа этот снаряд.

Я помотал бутылкой с водой около пасти Дидангула.

— Очень много влаги,— соблазнял я,— прекраснейшая влага. Только расскажи нам, как работает этот снаряд, и ты будешь купаться и пить сколько влезет. Мы не хотим знать, как уклониться от него,— только его специфику. Расскажи нам о его сути, Дидангул, ради этой воды, которую ты видишь перед собой и вполне можешь заполучить. Почему он преследует нас? Почему он не пошел за спасательным катером? Вся эта влага достанется тебе одному.

Невразумительный свист. Затем еще один, и еще... Всем своим существом он был сосредоточен на бутылке с водой.

— Снаряд... притяжение... искусственная гравитация... нет источника энергии... только искусственное, увеличенное притяжение к... к ближайшему телу большей массы...— Он замолк, содрогнулся всем телом и, извиваясь, продолжил: — Самой большой массы, которая двигается с изменяющимся ускорением как все не...бес...ные тела... масса спасательного катера меньше массы корабля... дайте мне воды... дайте... я в ней нуждаюсь... так сильно...

Я перевел.

— Это может нам помочь?

— Да! — Капитан Скотт радостно оживился.— Искусственно увеличенная гравитация! Это, должно быть, одна из их последних научных разработок — перед самым концом. Все, что мы можем сделать, это отправить с корабля какой-то груз, обладающий большей массой, чем то, что останется на борту. А на яхте можно оставить, скажем, только людей, корпус и радарную связь. Необходимо присоединить наши гиродвигатели к этой большей массе — пусть работают в автоматическом режиме — и отправить весь конгломерат по другой дуге, в то время как корабль будет следовать прежним курсом. Затем, после космического взрыва, мы запросим помощи у базы на Луне...

— Извините, сэр,— вмешался Висновски,— мы не успеем спаять все это вместе. Следовательно, наспех собранные нами в единое целое отдельные части разлетятся в космосе, едва покинув корабль. Двигатели отправят по другой кривой только тот отдельный фрагмент, к которому будут присоединены, но отнюдь не всю конструкцию.

Я вспомнил о приборе, который штабные разрешили дать марсианам для развлечения. Преобразователь! Нейтрониум!

— Они химичили с ним с начала полета, капитан! Этот прибор они собирались отдать нам в обмен на свою свободу! Но преобразователь слишком мал. Только опытный промышленный технолог способен справиться с задачей и превратить в нейтрониум значительную часть массы корабля...

— С вашего разрешения, капитан Скотт,— вступил в разговор второй офицер,— я думаю, что мне это по силам. Дело в том, что в академии я специализировался в области промышленных космических технологий и преобразователи — мой конек.

— Тогда немедленно беритесь за дело. Возьмите в помощь любых членов команды по вашему усмотрению.

Второй офицер поспешно вышел. Я наклонился к Дидангулу чуть ниже, чем следовало бы. Он вцепился в графин. Капитан Скотт подскочил и вырвал графин из его когтей.

— Нам понадобится вся масса, которую мы сможем собрать, мистер Батлер. Вода, в которой плескались эти ящерицы, пойдет в преобразователь,— он злорадно хмыкнул.— Пускай пьют суп.

Висновски скорчил гримасу, глядя на изнемогавшего в своем углу марсианина.

— Мне вроде даже становится жалко этого малого. После всей этой встряски, мне кажется, мы могли бы позволить ему хотя бы промочить свисток.

— Судовая тревога,— объявил капитан, наклонившись к панели коммуникатора.— Командирам отделений предоставить

любую необходимую помощь в распоряжение второго офицера и проследить, чтобы у него было все, что потребуется для адекватного выполнения задачи.

Всему личному составу, не занятому на срочных работах, немедленно явиться на мостик. Пленников тщательно связать и тоже доставить сюда. Внимание! Нам предстоит пережить взрыв в космосе. Мы не знаем наверняка, каковы будут его последствия и достаточно ли прочен корпус нашего корабля. Исходя из этого, в целях максимального использования даже малейших шансов на спасение приказываю всем собраться на мостике, ибо это самый центр корабля, а следовательно, наиболее защищенное и безопасное для нас место.

Три часа спустя Каммингс кратко доложил:

— Капитан Скотт, эти жуки пытаются унести экран и приборную доску с сотней переключателей!

Три усталых электрика стояли рядом с рулевым.

— Мы выполняем приказ,— лаконично сообщил один из них, размахивая электронным гаечным ключом.

— Секунду! — Капитан поспешно подошел к ним.— Сначала надо установить оптимальный курс. Та-а-ак... тридцать девять, пять-восемь, тридцать.

— Тридцать девять, пять-восемь, тридцать,— повторил Каммингс.— По дуге, вы, чертовы кузнецы! — Ему пришлось поспешно отскочить от приборной доски, когда электрики принялись выдирать крепления пульта из пола и потолка.

Суета на мостике возрастала, тут столпились все члены экипажа, начиная от рядового уборщика, не успевшего даже вымыть руки, и кончая сонным ночным вахтером. Вошел Джимми Троки и прислонил двух туго связанных марсиан к стене рядом с Дидангулом.

Рафферти и Голдфарб ругались — у них отобрали шахматы. Потрескивание корпуса яхты теперь превратилось в отчетливый воющий звук, переборки вибрировали. Я молился, чтобы второму офицеру удалось собрать в преобразователь необходимую массу до того, как сам корабль развалится на кусочки.

— Мистер Висновски! — завопил капитан, перекрывая назойливый вой и раздраженное бурчание людей, тесно прижатых друг к другу.— Мистер Висновски, я надеюсь, вы записываете все в бортовой журнал?!

— Прошу прощения, сэр,— отозвался Висновски.— Но бортовой журнал только что отправился в преобразователь. И сейчас за ним последует штурманский стол.

Капитан Скотт увидел, как двое людей проталкиваются через толпу к выходу, и покачал головой.

— Ну, в таком случае распорядитесь оставить на месте хотя бы видеоэкраны. Если мы переживем это, только они позволят впоследствии описать, как выглядит взрыв в космосе с близкого расстояния.

А ведь он прав, подумал я, проталкиваясь между чертыхающимися космонавтами поближе к мерцающему экрану. Капитан Скотт уже был возле него, и мы вместе наблюдали, как огромная неровная масса, которая уже заполнила полэкрана, продолжает расти.

— Если второй офицер не поторопится...— начал капитан.— Я еще не поблагодарил вас за помощь, мистер Батлер. Я отправлю полный отчет командованию земной армии, как только... если мы приземлимся. Полный отчет.— Он улыбнулся. Не могу сказать, чтобы мне понравилась его улыбка.

Непонятно откуда донесся оглушительный грохот удара. Густая, пульсирующая оранжевая клякса, бывшая недавно гироскоростным двигателем корабля, появилась на экране за крошечной светящейся точкой, которая обозначала нейтрониум. Она двинулась по дуге прочь от корабля и мимо самонаводящегося снаряда. Все затаили дыхание.

Медленно, очень медленно странно очерченный бок снаряда стал поворачиваться. Жестокое и хитрое изобретение, казалось, медленно прокручивается вокруг своей оси. И вдруг я заметил, что оно начинает уменьшаться. Последовало за нейтрониумом!

В коридоре затопали шаги, и вошел второй офицер вместе с несколькими людьми из машинного отделения.

— Жаль, что у нас недостаточно скафандров! — с тревогой воскликнул капитан.— Конечно, флот укрепил «Солнечный удар» атомными каналами так, чтобы он мог выдержать любое прямое попадание в жизненно важные точки. Однако я бы с легкостью разнес такой корабль...

В помещении воцарилась мертвая тишина. По всему экрану расползлось яркое оранжевое свечение. Следом за ним возник расширяющийся конус безобразно глубокой, подавляющей черноты, столь отвратительной, что разум человека с содроганием отказывался ее воспринимать.

Я почувствовал, что у меня закаменели все мышцы, и я словно превратился в некое существо, обитающее вне времени и движения, обладающее лишь способностью невероятно медленно и мучительно мыслить. Затем меня швырнуло на экран — удар был такой силы, что я отлетел в сторону.

Звук — ужасный воющий звук, как будто завизжала сама Вселенная,— пронзил голову с невероятной силой молота, обрушенного на нее безумным маньяком. Создавалось впечатление, что каждая частичка корабля отчаянно сопротивлялась в борьбе за сохранение его жизнеспособности. Я малодушно впал в беспамятство, причем последним впечатлением стала куча людских тел, откатывающихся от неожиданно сморщившегося экрана. Однако на нем по-прежнему сияло фантастически ослепительное пятно белого света — в том месте, где разорванный на части космос словно пытался вновь свернуться вокруг самого себя. Пустое космическое пространство, которое никогда не должно было открываться...

— С Батлером все в порядке! — услышал я крик Висновски, чувствуя под головой твердый изгиб его колена. На месте экранов с потолка свисали и осыпались куски пластика. Люди со стоном поднимались на ноги. Пол вздыбился огромным, неправильной формы холмом.

— Все живы,— сообщил Висновски, помогая мне встать на ноги.— Пара сломанных костей, возможно, несколько незначительных внутренних повреждений...— в общем, ничего фатального. Никто не убит. Но корабль... Наш старик просто оплакивает его. Второй офицер только что вернулся и сообщил, что не осталось ни одного квадратного дюйма корпуса. Мостик и половина центрального отсека не затронуты, но все остальное — сплошной вакуум.

— Радар?

— О, мы раскочегарили вспомогательный. Сейчас они связываются с базой на Луне. В любом случае, взрыв в космосе уже привлек всеобщее внимание. Мы выкарабкаемся из жуткой передряги. Теперь это только вопрос времени — как скоро до нас доберутся спасатели.

Я взглянул на своих подопечных. Опутанные золотыми нитями, они выглядели сухими, несчастными, а кое-где виднелись синяки. Но их состояние оставалось достаточно хорошим, чтобы, как только судебные формальности будут выполнены, казнь все же состоялась.

Со мной же все в полном порядке. Я даже выдержал испытание в глазах такого старого космического волка, как капитан Скотт.

Правда, тогда я еще не осознавал, с каким блеском мне удалось выдержать экзамен на прочность. Едва мы добрались до Земли, по рекомендации Скотта командование земной армии отменило мою отставку. Да-да, именно! Отменило мою отставку! Они сказали, что я оказался слишком ценным специалистом в области общения с марсианами, чтобы отпустить меня до окончания судебного процесса. Они заявили, что, судя по рассказу капитана Скотта, я оказался невероятно полезным — специалистом высочайшего класса. Ну прямо-таки сливки космоса!

Это было пять лет назад. Дидангулу и его чешуйчатым друзьям приговор уже, конечно, вынесен, но по пятидесяти четырем пунктам обвинения из шестидесяти одного они еще имеют право на апелляцию. Бороться за жизнь им помогают самые талантливые адвокаты — впрочем, и сами они ребята не промах. Я пытался вычислить: если на рассмотрение апелляций по семи пунктам потребовалось пять лет, то сколько же времени уйдет на следующие пятьдесят четыре?..

Следует взять себя в руки и быть умницей, говорил я себе, оплакивая приказ об отставке, полученный на Марсе и вывешенный на стене казармы. Отставка? Для тебя, братец, это просто неразорвавшийся снаряд... снаряд-неудачник.

Неприятности с грузом

Во время последней войны Эндрис Стегго командовал легким штабным негокрейсером. После перемирия и демобилизации его перевели на сэгиттарианскую линию, и он стал капитаном грузового корабля «Награда». К сожалению, этот крупный и немного грубоватый мужчина привык к беспрекословному подчинению команды и никак не мог понять, что война уже закончилась.

С другой стороны, команда, поспешно нанятая альдебаранским агентством, состояла в основном из бывших рудокопов двадцати пяти местных планет. Эти парни, уволенные с работы после внезапного прекращения военных действий, отличались чрезмерной независимостью, смелостью и быстротой на расправу.

Я считался на корабле единственным пассажиром. Полет должен был быть долгим — около двух месяцев. Груз был таким, что и говорить-то противно — десять тонн зловонного вискодия.

Любой человек с двумя-тремя извилинами мог бы догадаться, что возникнут проблемы. Но от служащих сэгиттарианской линии требовались лишь университетский диплом и галактическая лицензия, поэтому о двух извилинах оставалось только мечтать.

Все началось с того, что вискодий доставили не в деллитовых герметичных упаковках, а в большом контейнере, крышку которого еле удерживали хлипкие замки. Конечно, это экономило пространство трюма, но в то же время создавало некоторое неудобство для такой полезной функции человеческого тела, как дыхание. Вот почему в «ночные часы» я часто лежал без сна, представляя себе, как крышка контейнера срывается с него и зеленая масса, вскипая пеной, расползается по кораблю через открытые люки.

Через несколько дней после взлета один из патрубков не выдержал нагрузки и дал течь. А надо сказать, что «Награда» была старой космической шаландой, пять лет простоявшей в доке и наспех подготовленной к этому первому послевоенному полету. Брин, сварщик, попытался устранить неисправность, но попал под струю вискодия, и мы выбросили замороженный ком с его трупом в открытый космос через воздушный шлюз. Второго сварщика по штатному расписанию не полагалось, и когда другие трубы начали разрушаться...

Одним словом, после похорон Брина к капитану Стегго пришли представители команды. Они обвинили его в халатности, поскольку трубопроводы не проверялись после старта на остаточный вискодий. Делегаты потребовали, чтобы их протест был внесен в вахтенный журнал, но вместо этого Стегго нацепил на пятерых парней стальные ошейники-душители. Он заявил, что вводит на корабле чрезвычайное положение, и приказал офицерам носить оружие вплоть до окончания полета. Я слышал, как люди в дешевых хват-комбинезонах сердито шептались о том, что им наполовину срезали рацион и удлинили вахты в связи с сокращением численности команды.

Мистер Сканделли, главный инженер «Награды», навестил меня и предложил обрез шмоббера. Взглянув на футовый ствол оружия, я заявил, что ни при каких обстоятельствах не прикоснусь к подобной мерзости.

— Может быть, придется прикоснуться и не к такому, прежде чем мы доберемся до места,— ответил он мрачно.— Когда альдебаранские подонки начинают свирепеть, я предпочитаю использовать наши запасы оружия. А пассажиры по положению приравниваются к офицерам.

— Едва ли это хорошо говорит о «Награде».

Он только посмотрел на меня, сунул шмоббер в кобуру и вышел.

Еще через час мне передали приветствия капитана и приглашение прийти к нему на мостик. Вся эта возня уже сидела у меня в печенках, но, учитывая некоторые тонкости моего нынешнего положения, я не хотел вступать в пререкания с мистером Стегго. Тем не менее я решил сохранять нейтралитет и не присоединяться ни к одной из конфликтующих сторон.

Массивное тело капитана едва вмещалось в огромное кресло. Короткая щетина, покрывавшая его подбородок, выглядела мерзко — особенно если учесть дешевизну бритвенных приборов и мужского депилосака.

— Мистер Сканделли сообщил мне, что вы отказались причислять себя к числу офицеров. Впрочем,— он движением огром-

ной лапищи прервал мои возражения,— это к делу отношения не имеет. Итак, вы доктор Симс из отдела военно-космических исследований?

— Да. Роберт Симс, химик второй категории. Альдебаранский проект СВХ-19329.

Я постарался говорить без дрожи в голосе. Капитан раскрыл папку с документами, с усмешкой прочитал мою анкету и спросил:

— Мне интересно, доктор Симс, почему вы, человек с такими возможностями и общественным положением, решили путешествовать на некомфортабельном грузовом корабле, а не на каком-нибудь правительственном крейсере или пассажирском неголайнере?

— Я лечу домой, чтобы навестить свою семью, которую не видел более трех лет.— Оставалось надеяться, что мой голос звучал достаточно убедительно.— Служащим флота запрещено путешествовать на негокораблях по делам личного характера, а билет на лайнер я смог бы получить только через шесть месяцев после подачи заявки. Так что, поскольку мой отпуск уже начался, «Награда» оказалась для меня единственным выходом.

Зашелестев бумагами, капитан поднес их ближе к свету.

— Да, печати выглядят настоящими. При обычных обстоятельствах я не занимался бы вами. Но мы по-прежнему подчиняемся правилам торгового кодекса, принятым на период военного положения. И поскольку вы позволили себе отказаться от предложения мистера Сканделли — сделанного, кстати, по моей инициативе,— я счел, что вы вполне заслуживаете подобной проверки.

— Мистер Сканделли услышал от меня только то, что ему ответил бы любой здравомыслящий пассажир. Оплатив билет, я не должен заботиться о своей безопасности — это ваша прерогатива.— Моя рука потянулась к кнопке дверного замка.— Теперь, надеюсь, я свободен?

— Одну минуту, доктор Симс.— Стегго медленно повернул массивную голову.— Мистер Болли, приведите задержанных.

Астрогатор Болли был худым светловолосым парнем, который во время нашей беседы с капитаном тихо сидел в углу над своими картами. Он поморщился и торопливо вышел, чтобы через несколько секунд вернуться с пятью арестованными альдебаранцами.

Их вожак оказался самым высоким человеком, которого мне когда-либо доводилось видеть,— он был даже крупнее капитана. Ошейник на шее гиганта еле охватывал его тело силовыми полями. Механизм позволял ему дышать и передвигать ноги в странной раскоряченной манере. Его четверо друзей ковыляли следом в своих ошейниках.

— Это Рэджин,— сказал мне Стегго, указывая на вожака.— Я считаю его организатором мятежа. Остальные бедолаги имеют имена, которые мне не хочется ни произносить, ни запоминать.

Я стоял, размышляя о том, какое имею отношение ко всему происходящему.

Внезапно высокий мужчина заговорил. Слова с трудом срывались с его уст, превозмогая давление, которое поля ошейника оказывали на диафрагму.

— Ты еще запомнишь нас, Стегго... Даже если мне придется выслеживать тебя через всю Галактику...

Капитан улыбнулся:

— Расстрельная команда успокоит тебя. А после моего доклада ничего другого тебе не светит.

Бросив на Стегго свирепый взгляд, Рэджин заковылял к капитану. Тот вскочил на ноги и толкнул навстречу гиганту массивное кресло. Рэджин, связанный по рукам и ногам силовыми полями, перелетел через спинку кресла и вмазался головой в металлическую переборку. Я вздрогнул, услышав глухой удар, но парень быстро пришел в себя, и астрогатор помог ему принять вертикальное положение.

— Мне придется отразить это в вахтенном журнале как нападение на должностное лицо,— самодовольно заметил Стегго.— А теперь, доктор Симс, не могли бы вы пройти вот сюда?

Я последовал за ним, спиной ощущая ярость, затопившую рубку.

Он подошел к обзорному экрану и нажал на какую-то кнопку. Я ахнул.

— Как видите, это трюм, где содержатся мистер Рэджин и его приятели. Я периодически заглядываю туда. Однажды мне показалось, что я заметил, как кто-то склонился над Рэджином — похоже, кормил его. Я послал Сканделли и второго помощника разобраться, и мои подозрения подтвердились. Мы обыскали корабль и арестовали семь человек — пять из них оказались женами этих парней, две другие женщины — жены членов экипажа, которые теперь тоже носят ошейники.

— Женщины! — пробормотал я.— На борту корабля! Зайцы!

— О-о! Я вижу, вы знакомы с торговым кодексом и его статьями, принятыми на период военного положения. «Любое существо женского пола, обнаруженное во время межзвездного полета без военной или полицейской охраны, должно быть предано смерти по приговору военно-полевого суда». Это действующий закон, не так ли?

— Но, капитан,— возмутился я.— Данный закон принимался против Лиги феминисток, члены которой сотрудничали с врагом во время войны. Он никогда не применялся к гражданским лицам.

— Это не значит, что его и нельзя применить таким образом. Я признаю, что некоторые женщины были в правительстве на протяжении всего конфликта и неплохо показали себя в битве у Мертвой звезды. Но закон имеет конкретный адрес. Нам дорого обошелся женский саботаж, когда мы были на грани поражения. Вот почему галактический кодекс запретил наличие женщин на кораблях без всяких оговорок!

Его мрачное лицо приняло непривычное глубокомысленное выражение. Он выключил экран.

— А что вы хотите от меня? — осторожно поинтересовался я.

Капитан указал на открытый вахтенный журнал:

— Я внес сюда запись обо всем случившемся: о том, что эти люди и двое их сообщников еще до начала мятежа намеренно провели на борт своих жен, нарушив тем самым галактический закон.— За нашими спинами раздался язвительный хохот Рэджина.

— Я хочу,— продолжал капитан,— чтобы вы подписали данный протокол и подтвердили наличие этих женщин на корабле.

— Но я же не офицер. Я даже не сотрудник линии.

— Именно поэтому мне и нужна ваша подпись. Она будет свидетельством незаинтересованного лица. Если же вы по каким-то причинам откажете в моей просьбе, я буду вынужден включить вас в список мятежников. Учитывая сложность ситуации на корабле и ваш полуофициальный статус, мы поместим...

Ему не пришлось заканчивать. Я расписался в указанном месте.

Стегго вежливо проводил меня до двери.

— Благодарю вас, доктор Симс. Мистер Болли, прошу вас созвать военно-полевой суд.

Лицо астрогатора стало ярко-красным.

— Но, сэр! Вы не можете судить их, пока мы не прилетим на Землю!

— Могу, мистер Болли. И вы тоже будете членом трибунала. Вспомните кодекс: «Любое торговое судно категорий 1АА, 1АВ или 1АС, независимо от того, сопровождает ли его военный эскорт или оно совершает полет индивидуально, в исключительных случаях и с целью поднятия дисциплины, по усмотрению капитана или старшего офицера, имеет право принять на себя статус боевой единицы». Груз вискодия, причисляемый к стратегическому сырью, дает возможность отнести наш корабль

в категорию 1АС. Как вам известно, дендродвигатель препятствует распространению радиоволн, даже если бы у нас и был межзвездный передатчик. Так что созовите членов трибунала.

Когда Болли, задыхаясь от возмущения, торопливо покинул мостик, я подумал: какого специалиста по космическому праву послала нам судьба в качестве капитана! Скорее всего, он служил при штабе до последних месяцев войны, пока на фронт не стали посылать даже таких окопавшихся в тылу канцелярских крыс. Между прочим, его ранняя отставка подтверждала это. Мистер Дисциплина собственной персоной!

— Капитан, а вы учли тот факт, что категория 1АС, а также те статьи кодекса, которые вы цитировали по памяти, принимались лишь на период военного времени?

— Да, я это учел и могу добавить, что они пока не отменены. А теперь, доктор Симс, не могли бы вы вернуться в свою каюту?

Мне пришлось подчиниться, и в последнюю секунду, закрывая дверь, я бросил на Рэджина сочувствующий взгляд. Он как-то странно смотрел на мою блузу из парплекса. Его брови сошлись над переносицей, словно он пытался решить для себя какой-то важный вопрос. На мне была флотская форма с тремя нашивками.

Мою каюту обыскали. Но кто — офицеры или команда? Я этого не знал. Не очень-то весело сохранять нейтралитет в окружении сильных противников. Впрочем, это теперь понимали многие из маленьких и бедных планет.

Обыск проводили в спешке. Вещи в чемодане были перерыты; туалетные принадлежности стояли не на своих местах. Я пригнулся у изголовья кровати и ощупал металлический каркас. Невидимый пучковый бластер по-прежнему лежал на поперечной перекладине. Очевидно, люди, проводившие осмотр каюты, не имели при себе сканеров и даже цветного порошка.

Дилетанты. Любой частный космодетектив воспользовался бы цветным порошком.

Я сунул в карман крошечное прозрачное оружие и устало вытянулся на постели. Мой взгляд задержался на туалетных принадлежностях. Полупустой тюбик депилосака явно проверяли на наличие спрятанных в нем предметов. Белые капли содержимого отчетливо выделялись на красной полке. Бедолаги, они так ничего здесь и не нашли.

Ничего не нашли они и в чемодане: я тщательно готовился к полету. Замечательная мысль — воспользоваться такой старомодной рухлядью, как чемодан, вместо современного экономящего место коллапсикона.

Но если дело дойдет до действительно серьезной заварушки, все мои предосторожности не будут стоить и грамма плутония

в атомном реакторе. Да и бог с ним, с капитаном Стегго. Пусть он катится к черту со своим торговым кодексом. К черту Рэджина и войну.

Я заснул с тоской о Земле.

Чуть позже на корме корабля отрывисто загремели выстрелы. Я проснулся, сжимая в руке пучковый бластер. Кто-то с криком пробежал мимо моей каюты. Свет мигнул, отключился, еще раз мигнул и наконец погас окончательно.

Мой пневмоэлектрический матрац превратился в кусок тонкой ткани, и я ударился о койку. За переборкой что-то жутко затрещало, отозвавшись в глубинах космического корабля. Метеоритная пыль? Но откуда ей тут взяться? Неужели Стегго включил противопожарную систему? А если Стегго тут ни при чем, то кто? Мятежники?

Так, значит, все-таки вспыхнул мятеж.

В свое время мне довелось повидать и атомный взрыв, и аннигиляцию пространства. Я был на фабрике фотонита на Ригеле-VIII, когда там по всему куполу был разбрызган молекулярный растворитель и воздух улетучился в космос. А теперь меня угораздило стать свидетелем корабельного бунта.

Кто-то настойчиво забарабанил в дверь. Я торопливо открыл ее и увидел человека, который лежал у порога. Это был явно один из восставших; в груди его зияла огромная дымящаяся дыра.

— Джобал! — прошептал он.— Я прошу... Прошу тебя... Джобал...

Он вроде бы икнул и издал хрип, который я без тени сомнения посчитал предсмертным. Мне оставалось лишь убрать его руку с порога и закрыть за собою дверь. Я вернулся к остову кровати, сел и задумался.

Кто был этот Джобал? Друг? Жена, возлюбленная? Божество, которому он поклонялся? Я просидел в темноте не меньше часа, потом заметил, что на корабле воцарилась тишина. Слух различал только вибрирующий гул дендродвигателя.

В коридоре послышались шаги. Кто-то перешагнул через тело убитого и распахнул дверь. В каюту вошли два огромных альдебаранца. Их все еще пульсирующие шмобберы были нацелены мне в живот.

— Капитан Рэджин хочет вас видеть.

Так. Власть в их руках. Я понял, что теперь начнется расплата по счетам. Но к какой стороне причислят меня? Напустив беспечный вид, я направился к двери, повернувшись так, чтобы они не заметили, что в кармане у меня что-то лежит.

Рэджин сидел в кресле Стегго. Он не был таким толстым, как капитан, но выглядел достаточно внушительно. Болли шелестел в углу своими картами. За исключением нескольких пятен крови на полу, в рубке все осталось без изменений.

— Приветствую вас, доктор Симс,— улыбнулся мне Рэджин разбитыми губами. Болли даже не поднял головы.— Тут у нас кое-что изменилось.

— Надеюсь, в лучшую сторону,— ответил я.

— Да. Во всяком случае, с нашей точки зрения.

Он взглянул на охранников, стоявших за моей спиной:

— Вы его обыскали?

— Ну...— начал было один из них.

— Нам казалось...— промычал второй.

— О, взрыв сверхновой! О чем вы только думаете — это что, встреча членов Благотворительной ассоциации? — Ругая их, он вскочил на ноги, и его голова оказалась почти в двух футах над моей макушкой.

— Могу избавить вас от хлопот... э-э... капитан.— Я вытащил из кармана пучковый бластер и протянул его рукояткой вперед.

В течение нескольких секунд Рэджин непонимающе смотрел на мою ладонь. Затем он осторожно шагнул ко мне и взял невидимое оружие. Ощупав его, он улыбнулся.

— Пусть меня посадят в хвост кометы! Это же пучковый бластер! Маленький и смертоносный! Я слышал о таких малютках, но никогда не думал, что заимею ее. Как эта штука оказалась в руках гражданского лица?

— Я работаю в отделе военно-космических исследований,— напомнил я.

Он с усмешкой осмотрел меня с головы до ног:

— Может быть, это так, а может быть, и нет. Будет лучше, если мы вас все-таки обыщем.

Охранники двинулись ко мне, и я отступил на шаг.

— Эй, подождите. Я только что отдал свое оружие, хотя при желании мог бы убить вас, и ваши зомби не успели бы даже слюни подтереть. У меня с собой документы, которые я никому не должен показывать, пока мы не долетим до Земли. Насколько я понимаю, вам что-то от меня нужно. Если вы прочтете эти бумаги, сотрудничество станет абсолютно невозможным и вы вляпаетесь в неприятности много худшие, чем мятеж на космическом корабле.

Ему понадобилось несколько минут, чтобы обдумать мои слова. Наконец он принял решение:

— Ладно. В любом случае вы не сможете убить больше одного человека, даже если сохранили оружие. Если начнете стрелять, мы изрежем вас на куски. Но главное, мы действительно хотим предложить вам сделку.

В рубку вошла высокая блондинка с подносом. Она ткнула меня им в живот, и я взял у нее чашку горячей жидкости. Альдебаранский сок хиялияу. Ситуация становилась менее напряженной.

— Мы с Эльзой только что поженились. Мне не хотелось, чтобы этот жирный садист вершил над ней свое «правосудие». Парни намечали поднять мятеж через тридцать шесть часов после вылета из порта Бума, но я держал их в узде до тех пор, пока шавки Стегго не обнаружили наших жен. Мы работали горняками и независимыми торговцами; мы не привыкли к дисциплинарной удавке.

Кивнув на красные пятна, я спросил:

— Это Стегго?

— Нет. Один из наших. Мы старались захватить корабль без крови — не хотели убивать офицеров. В результате у нас потери больше, чем должны бы быть. Мы потеряли четверых.

— Пятерых,— отозвался один из охранников.— Около каюты Симса мы нашли еще один труп. Я не рассмотрел его в темноте, но, кажется, это был Рилдек.

Рэджин кивнул:

— Значит, пятерых. Ладно, проведем перекличку, когда починим генератор. Пока на корабле действуют только аварийные системы. А теперь, доктор, к делу. Я хочу, чтобы вы подписали свидетельские показания касательно причин мятежа. Кроме того, мы просим вас засвидетельствовать, что Стегго и все его офицеры были живы и в добром здравии, когда вы их видели.

— Если я действительно увижу их в таком состоянии, ваша просьба будет удовлетворена.

— Вы их увидите. Мы собираемся отпустить их на спасательной шлюпке. Припасов и горючего им хватит, чтобы добраться до какой-нибудь базы. Если хотите, можете присоединиться к ним. Ведь это действительно мятежный корабль.

— Нет, спасибо,— сказал я, стараясь не выдать своих чувств.— Мне хотелось бы остаться здесь.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Я так и думал, что вы это скажете, доктор. Интуиция подсказывает мне, что вы не тот, за кого себя выдаете, но у меня нет времени разгадывать эту загадку.

— Мне остается только благодарить судьбу за вашу крайнюю занятость,— с улыбкой ответил я и поставил чашу с напитком на пол.— Полагаюсь на ваше слово. Судя по всему, на него можно положиться: вы не прикончили Стегго и его офицеров, значит, не намерены заниматься пиратством. Но какими бы ни были ваши планы, скажите мне честно: могу ли я рассчитывать

со временем добраться до Земли или до представителей ее правительства?

Рэджин стиснул мою руку так, что чуть не раздавил ее.

— Даю вам слово чести. Слово чести... мятежника.

Мы оба усмехнулись.

По пути к воздушному шлюзу мужчина, сопровождавший нас, вдруг ткнул меня шмоббером в спину. Я испуганно остановился.

— Мне в голову пришла хорошая идея,— объяснил Рэджин.— Когда Стегго доберется до цивилизации, он преподнесет эту историю по-своему. Пусть жирный ублюдок думает, будто мы задержали вас на борту в качестве заложника. Это придаст вашим показаниям большую достоверность и к тому же послужит вам защитой. Зачем вам лишние допросы и волнения, верно?

Я поблагодарил его за заботу. Он был приличным парнем, этот Рэджин.

Экс-капитан Стегго, главный инженер Сканделли и пятеро других офицеров лежали на полу небольшой шлюпки. Толстяк-капитан, задыхаясь от ошейника, повернул к нам полное ярости лицо:

— Вышвыриваешь нас в космос в крохотной шлюпке, а, Рэджин? Ничего! Мы как-нибудь выберемся из этой передряги. Я еще увижу, как галактический флот разделается с тобой!

Мой охранник нагнулся и плюнул ему в лицо.

— Конечно, вы выберетесь,— рассудительно ответил Рэджин.— Мы даем вам двенадцать коллапсиконов с продовольствием.— Он улыбнулся: — После вас мы избавимся и от этого жуткого вискодия.

Рэджин проворно настроил ошейники на автоматическое отключение — через полчаса они должны были освободить пленников. Когда он склонился над Сканделли, я заметил на груди инженера повязку с пятнами крови.

— Хочешь маленькое пари? — тихо прошептал инженер.— Ставлю свою руку против твоего желудка, что ты будешь греть нары в земной тюряге еще до того, как нас выловят из пространства.

Рэджин улыбнулся ему:

— Не надо так со мной говорить, Сканделли. Особенно после того, как ты заперся в моторном отсеке и заставил моих ребят выкуривать тебя газовыми гранатами. Они были бы так рады, если бы ты немного задержался на «Награде». Уж они бы поразвлеклись с тобой.

Инженер побледнел и судорожно сглотнул слюну.

— Ладно, приготовьтесь к запуску. Этот парень,— он показал на меня,— остается с нами. Так же, как и Болли. В качестве заложников.

Когда воздушный шлюз закрывался, я услышал крик Стегго:

— Доктор Симс! Мы вернемся! Мы вернемся за вами!

Раздалось шипение воздуха, и шлюпка по дуге отошла от корабля.

Потом Болли напечатал наше с ним заявление — на основании черновика, написанного Рэджином. Мы с Болли были одни в рубке. По-видимому, нам доверяли.

Я посмотрел в осунувшееся, бледное лицо Болли. Он казался мне слишком молодым для офицерской должности — даже на такой грузовой шаланде. Что заставило его оказаться здесь? Я решил поинтересоваться.

— Даже не знаю,— ответил он, вытаскивая из принтера последнюю страницу.— Сначала мне хотелось стать моряком, потому что я зачитывался книгами Нордхоффа, Конрада, Лондона и Холла — великих древних. Потом я *начал* читать о космосе: мемуары Малларда, Сузы, Иона Йима. Мне стало казаться, будто я живу в ужасно ограниченном окружении. Я поступил в школу астрогаторов и лишь потом узнал, что в космосе так же скучно, как и на море.

Я сочувственно улыбнулся ему и провел пальцами по гладкой обивке кресла.

— Да, романтику в космосе делать нечего. И теперь, значит, вы решили поискать приключений на мятежном корабле?

Болли покраснел, и мне вспомнилось, как он смотрел на капитана, когда тот орал на него.

— Нет, тут другая причина. Я знал Рэджина еще по Наскору, то есть Альдебарану-VI, а со многими членами нашего экипажа охотился раньше на Альдебаране-XVIII. Когда меня взяли на должность астрогатора, я рассказал парням о том, что команда не укомплектована, и они воспользовались случаем. С моей помощью им удалось провести на борт своих жен.— Болли вызывающе посмотрел на меня.

Я кивнул ему в ответ, показывая, что при данных обстоятельствах не считаю это преступлением. Парень продолжил свой рассказ:

— Я раньше никогда не летал со Стегго, но много слышал о нем. Когда он начал молоть эту чушь о трибунале, я встретился с Рилдеком и Гондой — Гонда был тот матрос, который присматривал за вами,— и предупредил их. Ребята ворвались сюда во время суда и захватили рубку. Стегго намеревался вышвырнуть мятежников и их жен через воздушный шлюз!

— Да, не очень приятное решение. Но вы, конечно, помните, что в начале военных действий феминистки из Лиги Фино уничтожили три земные эскадры. Ваши друзья знали,

что женщинам запрещено появляться на кораблях без официального эскорта. Почему же, во имя кривизны пространства, они привели их сюда?

Болли пожал плечами:

— Они хотят поселиться на какой-нибудь планете, каждый грамм которой не ценится на вес золота. В системе Альдебарана полным-полно руды и все земли уже захвачены. За время войны астероиды в Солнечной системе стали как никогда дешевыми. Парни решили сложиться и купить один из них. Но только женщин им нужно было захватить с собой, иначе за их проезд пришлось бы выложить половину капитала. Путешествие с Альдебарана в Солнечную систему стоит недешево.

— Мне ли этого не знать! — Я прочитал напечатанный документ и подписал его.— Наверное, они хотят высадиться в одной из малоизвестных систем вроде Отхо.

— Не знаю, где именно, но это должна быть необитаемая и еще не изученная планета,— ответил астрогатор, убирая бумаги в свой стол.— Вас, конечно, отправят в Солнечную систему. Если «Награду» найдут в хорошем состоянии и все офицеры останутся в живых, дело не попадет под юрисдикцию галактического флота — особенно после всеобщей демобилизации. Вы же знаете, альдебаранские патрульные суда не очень любят ловить мятежников.

— Да, конечно. Чиновники просто перепишут имена из списка «пропал без вести» в графу «разыскивается за мятеж». Но у вас возникнут проблемы с женщинами. Их же только семь.

— Может быть.— Он устало потянулся, и голубая парплексовая ткань натянулась на его тощей груди.— Галактика велика, и после войны бизнес будет расширяться, как взрыв сверхновой. Через пару лет о мятеже на «Награде» забудут. Мы снова сможем летать среди звезд и работать там, где нам понравится.

В рубку, тяжело топая, ввалился Рэджин и начал рыться в картах. Он выбрал одну и начал рассматривать ее, тихо ругаясь себе под нос.

Метнув на него недоуменный взгляд, Болли попытался закончить свою мысль:

— Что касается меня, то я с удовольствием помог своим друзьям избавиться от этого отпрыска трюмной помпы. Мне хочется узнать, будет ли жизнь на пустынном планетоиде такой интересной, как ее описывают...

— Похоже, ты скоро узнаешь, как пахнет плазма,— угрюмо проворчал Рэджин.— Курс был проложен прямо к Солнечной системе?

Белобрысый мальчишка вскочил на ноги.

— Д-да,— заикаясь ответил он.— Н-но я думал, ты можешь управлять двигателями. Я проложил новый курс, и все, что нужно сделать,— это повернуть...

— Конечно, мы можем управлять дендродвигателем! — рявкнул Рэджин.— Но только тогда, когда он поддается управлению!

Его рука взлетела вверх, сжимая пустоту — вернее, мой пучковый бластер.

— Вперед, доктор. Ради вашей собственной безопасности надеюсь, что вы действительно химик.

Мы прошли к моторному отсеку. Он жестом велел мне войти внутрь. Не могу сказать, что в этот момент я чувствовал себя бессмертным.

Вокруг двигателя, похожего на сдвоенную спираль, собралась почти вся команда. Когда мы вошли, толпа расступилась, и мне потребовалось около двух минут, чтобы понять, в чем дело.

— Сканделли! — воскликнул я.— Вот что он имел в виду, угрожая нам. И вот что трещало за переборкой во время мятежа. Да. Этот гниляк отсиживался здесь целый час. Один из подающих патрубков пролегает под баком в грузовом отсеке. Сканделли взорвал защитную панель, прорезал отверстие в трубопроводе, и, когда давление в системе понизилось, вискодий просочился в механизмы дендродвигателя. Конечно, эта гадость скоро засохла и перестала течь сквозь маленькое отверстие, иначе вискодий расползся бы по всему судну. Впрочем, нам это уже не поможет.

Я присел на корточки и осторожно прикоснулся к холодному веществу. Оно было твердым, как сам дендралит.

— Боюсь, вам не повезло, капитан. Управлять засоренным двигателем невозможно. Судя по тому, что я знаю о вискодии, вам уже никогда не очистить от него систему. Это судно полетит прямо к Солнцу.

— Судно, возможно, и полетит,— с усмешкой ответил он.— Но только без вас.

Безжалостные лица альдебаранцев напугали меня.

— Вы дали мне слово чести, Рэджин! Я считал вас человеком, на которого можно положиться!

— Очень жаль, доктор, но на этот раз мое слово будет аннулировано. Мы отдали шайке офицеров почти все нейтронное горючее. У нас больше нет надежды попасть на необитаемую планету, если только «Награда» не окажется рядом с ней по воле судьбы. Если уж нам придется лететь на Землю, можно попытаться придумать что-нибудь про атомный взрыв, во время которого погибли Стегго, офицеры и пятеро убитых членов команды. Болли подтвердит мои слова. Он — офицер, и его свидетельство будет решающим в этом деле. Если каждый из нас даст нужные показания, а шлюпку к этому времени еще не найдут, мы выйдем сухими из воды. Но вы — не один из нас. Мы не можем рисковать своими шкурами — вдруг вам вспомнится, чему вас учил ваш учитель по гражданскому праву. Поэтому выбирайте: либо вы очищаете дендрос, либо становитесь нашей первой запланированной жертвой.

Тупые дула уперлись мне в спину.

— Но, Рэджин... Я физик, а не специалист по синтетическим клеям. Неужели вы не знаете, что такое вискодий? Студенты шутят, что только смерть разъединяет тех, кого он соединил. Он копирует физические свойства тех материалов, на которые попадает, а дендралит — самое твердое вещество во всей Галактике. Если вы расколете кусок дендралита, вы расколете и двигатель. Производителям еще не удалось придумать растворителя для вискодия. Они всегда предупреждают потребителей: не применять его там, где соединение не должно быть вечным.

— Ладно, доктор Симс. Поменьше слов и больше дела,— сказал вожак, направляясь к выходу.— Мы даем вам ровно три недели по земному времени.

— Но послушайте! С таким же успехом вы можете предложить мне отмеривать жидкость дромом с Сириуса. Я так же мало смыслю в этом, как и в растворителях для вискодия! — Я не пытался острить: я был перепуган до смерти.

Три недели на решение проблемы, которая не поддавалась лучшим умам человечества! Без лаборатории и оборудования! И это предстояло сделать мне, специалисту по нейтрониуму!

— Сбегайте в медицинский отсек и посмотрите, есть ли там скаралекс,— сказал я одному из охранников. Это лекарство показало свою эффективность в лечении вискодиозного рака, который возникал при попадании клея на кожу.

Охранник тут же покинул моторный отсек. Я испытал мрачное удовольствие, обнаружив, что могу рассчитывать на содействие.

Он вернулся с контейнером скаралекса, на котором виднелись большие красные буквы: ОПАСНО! ПРИМЕНЯТЬ ТОЛЬКО ПО НАЗНАЧЕНИЮ ВРАЧА! ВНУТРЬ НЕ УПОТРЕБЛЯТЬ.

Я торопливо открыл контейнер. Там лежали пять таблеток аспирина и флакончик с глазными каплями.

Через четыре дня, выполняя ежедневный обход, Рэджин навестил меня в моторном отсеке. К этому времени я дошел до того, что пытался применить управляемую термоядерную реакцию. Мои глаза покраснели от усталости. В принципе, я мог

свободно передвигаться по кораблю и уходить в свою каюту когда угодно. Но мне все равно не спалось. Или я решу загадку и живым доберусь до Земли, или мой передний мозг лопнет от усилий.

— Как дела, док? — спросил меня Рэджин.

— Похвастаться нечем,— мрачно ответил я.— Я не рискую подавать особенно много плазмы — иначе механизм разогревается почти до точки плавления. Я попытался использовать прерыватель, чтобы горячая плазма подавалась порциями, но вещество чертовски быстро становится проводящим. Я, конечно, как-нибудь решу эту проблему.

— Молодец, док,— подбодрил он меня.— В вас чувствуется настоящий дух ученого.

Поймав мой взгляд, Рэджин смутился и слегка покраснел.

— Извините. Мне не следует шутить. Будь здесь эти сволочи, Стегго и Скандели, мы промыли бы их рты вискодием. Хотя,— задумчиво добавил гигант,— они ненавидят нас так же сильно, как мы их. Вы, пожалуй, единственный невинный пострадавший.

Несколько женщин, одетых в пестрые альдебаранские платья, встревоженно заглядывали в люк. Я знал, как много значило бы для них, если бы двигатель заработал. В конце концов, им так же хотелось жить, как и мне.

— Ладно, капитан, бросьте.

— Понимаете,— заговорил он взволнованно,— у нас здесь демократия — самая чистая демократия, потому что мы попали в условия, при которых иначе нельзя. Я всего лишь предводитель; даже если бы я захотел сохранить вам жизнь, полагаясь на ваше честное слово, остальная команда не поверила бы вам.

— Мне все понятно, Рэджин. И я ценю ваш логический ум. Жаль, что в галактическое правительство входят только сагиттарианцы и граждане Солнечной системы.

— Да. Именно это я и повторяю им каждый день.

Все засмеялись, и возникшая напряженность ослабла. Гонда опустил свой шмоббер и шепнул соседу:

— Видишь, что я говорил! Доктор — нормальный парень!

Гигант подошел ко мне и встал рядом. Мы вместе смотрели на неподатливый зеленый вискодий. Все мы только потели от бесполезных, бесконечно повторяющихся мыслей.

— Черт! Я готов лопнуть от злости из-за того, что это клейкое дерьмо мешает нам удрать от космических патрулей,— наконец сказал Рэджин.— Из-за него мы не можем изменить курс! Двигатель продолжает работать только так, как был настроен!

— Да, таковы свойства этого вещества,— устало зевнув, ответил я.— Чтобы управлять двигателем, вы должны использовать

дендросы как подвижные детали, но этому мешает вискодий, попавший в механизм. В то же время на прямой тяге дендросы вибрируют без каких-либо частотных сдвигов, и клей, приняв характеристики дендралита, даже увеличивает эффективность системы. Если двигатель остановится, вискодий тоже перестанет вибрировать. То, что делает склеиваемое вещество, делает и эта мерзкая пакость.

— А если мы изменим свойства дендросистемы? Допустим, аннигилируем дендросы и раскурочим весь механизм силовым резаком? Наши парни очистят детали от вискодия, потом мы соберем и наладим машину! Что вы думаете, док?

Я покачал головой:

— Ничего не выйдет. Аннигиляция в пространстве — это очень опасная операция. Она требует особого технического оснащения и соответствующих условий. Вы просто пробьете дырку в космосе и тем самым поможете космическому патрулю разделаться с вами. Кроме того, дендралит не поддается аннигиляции. Конечно, если вам удастся изменить его физические свойства так, чтобы отделить его от вискодия, все будет в порядке. Но любой метод добиться этого, какой только приходит мне в голову, означает полное разрушение двигателя.

— А на корабле, как назло, нет передатчика — на помощь не позовешь! Куда бы эти проклятые механизмы ни направляли нас, сохранить их придется. Я велел ребятам смазывать их каждые шесть часов. Это минимальный период, если верить руководству по эксплуатации.

Мой язык буквально запутался в зубах, и я схватил его за руку.

— Вы их смазываете? Чем? Каким маслом?

Он озадаченно посмотрел на меня:

— Машинным. Обычным маслом, не тем, правда, которым на Земле...

— Несчастный сломанный шпиндель! — закричал я во весь голос.— Есть ли на этой долбаной шаланде хотя бы канистра молекулярной смазки?

Свет чистейшей радости озарил лицо гиганта. Он прорычал приказ, и один из техников побежал к инструментальному шкафу. Все облегченно вздохнули, услышав его радостный крик.

— Только не хватайте ее голыми руками! — крикнул я на всякий случай.— В нижнем ящике должны быть изолирующие терморукавицы.

Альдебаранец вернулся назад, неся контейнер с тонкими и прочными стенками из нейтрониума. Внутри плескалась самая распрекрасная пурпурная жидкость, которую я когда-либо видел. Молекулярное масло!

Для мужчин, собравшихся в этом отсеке, оно означало освобождение от адского труда на металлургических заводах в антипространстве. Для женщин оно означало освобождение от исправительных лагерей, где отбывали свой срок феминистки из Лиги Фино. Что касается меня, оно означало...

— Найдите пару зарядных патрубков,— велел я бригаде техников.— Новых. Только у них и есть внутреннее покрытие, способное выдержать соприкосновение с этой жидкостью. Один из них используйте как воронку, а другой подставьте под слипшийся с вискодием дендралит дендросов. К узкому концу подсоедините трубу и протяните ее к воздушному шлюзу. Если все сработает как надо, мы откачаем это клейкое дерьмо прямо в космос.

— Если сработает? — повторил Рэджин.— Это обязательно сработает! Мы вычерпаем чертов горшок до последнего электрона. Еще как сработает!

И ведь действительно сработало.

Мы залили молекулярную смазку в бак с сирианским машинным маслом. Потом вбрызнули смесь в двигатель под самым высоким давлением, какое только мог дать насос. Через некоторое время суперсмазка пробила себе путь через тяжелый коллоид, и, когда она просочилась через молекулы дендралита, мы увидели ее пурпурный блеск на наружных дюзах.

Рэджин завопил от восторга и хлопнул меня по спине.

Вискодий медленно менял цвет с зеленого на пурпурный. Он становился все мягче и мягче, по мере того как его физические характеристики начинали соответствовать свойствам суперсмазки. В конце концов он потек по патрубкам в воронку. Мы слышали, как эта клейкая масса булькала и шипела в трубе, ведущей к воздушному шлюзу, постепенно загустевая.

Один из механиков вызвался залезть под дендросы. Мы, затаив дыхание, наблюдали, как он подсовывал контейнер из нейтрониума под узкий конусообразный конец дендродвигателя. Парень вылавливал каждую каплю смазки. А что ему еще было делать? От этого зависела наша жизнь.

Болли поднял голову от карт и сказал:

— Надеюсь, вы не очень обидитесь, доктор... Команда настаивает, чтобы вы оставались в своей каюте вплоть до отправления последней шлюпки. Поверьте, они вам доверяют, но все же...

— Они считают, что это поможет мне не выдать их патрульным судам Солнечной системы? Я их понимаю.

Бэллов улыбнулся, показав плохие зубы:

— Вот как все повернулось, док. Пока вы очищали дендросы, они держали меня на мостике как пленника. А ведь я знал

этих людей много лет. Они считают, что если я офицер, то, значит, мне грозит меньше, чем, например, Рэджину из-за его жены. И они правы. Поэтому я и решил остаться на борту вместе с вами. Полечу к Солнцу, а там посмотрим.

— Вы так уверены, что я не сообщу о вашем участии в мятеже?

Карты зашуршали. Он повернулся ко мне, и на его лице появилась задорная юношеская улыбка.

— Да, уверен. Помните, перед захватом корабля мы обыскали вашу каюту. Ребята не нашли ничего серьезного, но меня заинтересовало, почему полтюбика неиспользованного депилосака оказалось в контейнере для отходов.

Я затаил дыхание и сжал подлокотники кресла. Что за глупая ошибка!

— Рэджин сказал, что это ничего не значит. Но лично мне так не показалось. Я все думал и думал об этом, пока не пришел к единственно возможному ответу. Теперь я уверен — вы так же заинтересованы в моем молчании, как я — в вашем. Я тоже полечу на Землю, и там наши пути разойдутся, как только космический патруль закончит проверку. А она не будет долгой — потому что Рэджин взял всю ответственность на себя и сделал соответствующие записи в бортовом журнале. Ну как, доктор Симс? Договорились?

— Вы кому-нибудь рассказывали об этом?

— Только Рэджину — сразу после того, как вы закончили свою работу в моторном отсеке. Он сначала мне даже не поверил...

Я выскочил из рубки. Рэджин и его жена паковали вещи в своей каюте.

К моему приходу в коллапсиконе лежала уже половина девяностопятитомной «Галактической энциклопедии». Каждый том, попадая в силовое поле автосаквояжа, уменьшался до одной двенадцатой своего первоначального размера. Я с удивлением смотрел на стопки крохотных книг.

Повинуясь жесту мужа, женщина вышла из комнаты и закрыла дверь. Я прочистил горло.

— Когда будете распаковываться, не открывайте эту штуку сразу, а то на вас обрушится гора книг и вещей.

Он неловко поднялся на ноги.

— Я знаю. Мне приходилось пользоваться коллапсиконами и раньше.

Последовало долгое молчание.

— И как же вы думаете жить на голом планетоиде? Без кислорода у вас не будет ни пищи, ни воды.

— Мы вложили наши деньги в экстракторы. Мы сможем получать достаточно нужных веществ из любой породы. Все остальное будет зависеть от нашей изобретательности.

— А эти книги для ваших будущих детей?

— Да. Эльза собирается завести большую семью. И мне хочется, чтобы они знали о Галактике все, что на данный момент известно.

Рэджин смущенно кашлянул.

— Клянусь дырой в созвездии Лебедя, я не понимаю вас, док. Почему вы не могли подождать? Неужели ваше дело действительно такое неотложное? Через шесть месяцев возобновятся регулярные рейсы. Вы долетели бы до Земли без всяких проблем.

— Мой сын находится в госпитале на Земле,— ответил я ему.— Мы не виделись три года, и я не могу ожидать еще шесть месяцев. Он может умереть.

— Да. Понимаю. Но ваши документы...

— Мои документы выданы на имя доктора Симса, физико-химика, который работает в альдебаранском проекте СВХ-19329. Хорки, мой начальник, именно так их оформил, предоставил мне неограниченный отпуск и пожелал мне удачи.

Рэджин дружески сжал мою ладонь, чуть не раздавив ее, и проводил меня до двери.

— Вы можете положиться на Болли. Это хороший парень. Он рассказал мне о своей догадке только потому, что решил отправиться к Солнцу и захотел обезопасить себя на всякий случай. Наверное, начитался книг. Да вы все сами понимаете.

Прежде чем покинуть корабль, мятежники показали мне и Болли, как настраивать дендросы. В конце концов мы договорились, что он будет работать с картами, а я возьму на себя управление машиной. Мне почему-то казалось, что так будет лучше. Во всяком случае, безопаснее.

— Вы знаете,— сказал лениво Болли, дожидаясь появления лоцманского катера, который должен был провести «Награду» через Солнечную систему.— Все мои мечты свелись сейчас к одному. Мне хочется оказаться в маленьком старомодном баре на окраине Нью-Йорка. Да! Маленький старый бар, где я напьюсь до чертиков.

Мужчины они и есть мужчины. Лично я мечтала о салоне Макса в Чикаго. Там, где я, Роберта Симс, доктор естественных, физических и химических наук, могла бы сделать себе чудесную земную завивку «перманент».

Конечно, после того, как мои волосы отрастут заново.

Чисто человеческая точка зрения

Ну что за дорога! Что за мерзкий, унылый, слепящий дождь! И что за идиотское, невозможное задание!..

Джон Шеллингер протер запотевшее ветровое стекло, с которого монотонные дворники смахивали капли дождя, и вперил взгляд в мокрый полупрозрачный треугольник стекла, пытаясь разобрать, где тут разбитый проселок, а где заросли коричневой осенней растительности. Он мог проскочить мимо медленно продвигающейся цепочки кровожадных людей, растянувшейся влево и вправо от дороги по окрестности; он мог незаметно свернуть на какой-нибудь проселок и теперь оказаться в совершенном захолустье. Но вряд ли.

Что за задание!..

«Покажи человеческий аспект охоты на вампиров,— приказал Рэндалл.— Все остальные службы новостей преподнесут ее в том духе, что в наш атомный век одержимая средневековыми предрассудками деревенщина все еще устраивает охоту на ведьм. Мол, как тупы и недоразвиты тупые, недоразвитые олухи! Ты всего этого не касайся. Найди для себя сентиментальную, слезливую, индивидуальную точку зрения на кровососов и наплачь мне три тысячи слов. А командировочные расходы максимально сократи — все равно на этом сельскохозяйственном вздоре много не заработаешь».

«И вот я седлаю свой кабриолет,— тоскливо думал Шеллингер,— и мчусь в страну фермеров, где никто нипочем не заговорит с чужаками — "особенно теперь, потому что этот вампир уже успел добраться до трех юных девочек". И никто не скажет, как зовут трех юных девочек и жив ли кто-нибудь из них; а Рэндалл в своих телеграммах все спрашивает, когда же я начну присылать нормальные материалы; а я до сих пор не могу найти ни одной словоохотливой бабенки во всей окрестности. Даже не

знал бы об этой облаве, если бы не начал интересоваться, куда подевались из города все мужчины в такой промозглый дождливый вечер».

На второй скорости по этой дороге ехать было очень плохо, однако на третьей — просто невозможно. Колдобины тоже не шли на пользу амортизаторам. Шеллингер вытер запотевшее стекло носовым платком и пожалел, что у него нет еще одной пары фар. Он почти ничего не видел.

Вон то темное пятно впереди, например. Может, какой-нибудь из охотников на вампиров, а может, зверь, которого они вспугнули. Может, даже маленькая девочка.

Шеллингер резко надавил на тормоз.

Это была девочка. Маленькая девочка, темноволосая, в синих джинсах. Он покрутил ручку, опуская стекло, и выставил голову под дождь.

— Эй, тебя подвезти?

Ребенок стоял, ссутулившись на фоне мрачного вечернего неба и исчезающего в дымке дождя пустынного пейзажа. Девочка внимательно осмотрела машину, потом оценивающе поглядела ему в лицо, что-то взвешивая. Она, вероятно, даже не знала о существовании хромированных послевоенных автомобилей. Наверно, даже не мечтала в таком прокатиться. Еще долго будет хвастаться перед другими ребятами.

Видимо, решив, что он не из тех незнакомцев, от которых ее остерегала мама, и что в машине будет удобнее, чем идти по грязи под дождем, девочка кивнула. Очень медленно обошла машину спереди и уселась справа от водителя.

— Спасибо, мистер,— сказала она.

Шеллингер тронулся вперед и быстро искоса взглянул на девчушку. Синие джинсы были рваными и мокрыми. В них ей, наверно, ужасно холодно и неудобно, но она не хотела подавать виду. Будет переносить все неудобства со стоицизмом, присущим этим горцам.

Однако она была явно напугана и сидела очень прямо, аккуратно положив руки на колени, отодвинувшись в дальний угол сиденья. Чего боится ребенок? Ну конечно же, вампиров!

— Тебе далеко ехать? — мягко спросил Шеллингер.

— Около мили с половиной. Только вон туда.— Девочка ткнула через плечо коротким толстым пальчиком. Она вообще была довольно толстенькой, гораздо более упитанной, нежели большинство здешних костлявых детей издольщиков. Со временем даже могла стать красивой, если только какой-нибудь неграмотный вахлак не угробит ее в ветхой лачуге замужеством и непосильной работой.

Шеллингер с сожалением начал маневрировать, наконец развернулся и поехал назад. Он упустит охотников, но нельзя же выбросить симпатичного ребенка посреди унылого бездорожья! Надо сначала отвезти ее домой. Да и все равно не удастся ничего вытянуть из этих необщительных фермеров с заостренными кольями и серебряными пулями в допотопных ружьях.

— А что твои старики тут выращивают — табак или хлопок?

— Они пока ничего не сажают. Мы только что сюда приехали.

— А-а.— Все понятно, вот почему у нее нет местного акцента. Если присмотреться, то девочка держалась с каким-то достоинством, которого он не замечал у здешних детей.— А не поздно гулять в такое время? Твои старики не боятся тебя так поздно выпускать, когда вокруг полно вампиров?

Девочка поежилась:

— Я... Я осторожная,— наконец сказала она.

«Эге! — подумал Шеллингер.— Вот тебе и человеческий аспект». Как раз то, о чем разглагольствовал Рэндалл. Испуганная маленькая девочка, но настолько любознательная, что может подавить страх и выйти из дома, чтобы посмотреть, что происходит в этот вечер. Он пока еще не знал, как именно использует идею, но его журналистский нос уже начал принюхиваться. Здесь что-то было — тот самый колоритный человеческий аспект сейчас бесстрашно сидел у него на красном кожаном сиденье.

— А ты знаешь, кто такой вампир?

Она удивленно посмотрела на него, опустила глаза и стала изучать сложенные на коленях руки в поисках слов.

— Это... это такой, кому нужны люди вместо еды.— Запнувшись, девочка помолчала.— Так, да?

— Пожалуй.— Отлично. Устами младенца. Доверься ребенку, и он подскажет свежую точку зрения, не испорченную книжными предрассудками. Надо обязательно это использовать: «Люди вместо еды».— Считается, что вампир — это человек, который будет бессмертным, то есть не умрет, до тех пор, пока он питается кровью и жизненными силами живых людей. Единственный способ убить вампира...

— Здесь нужно свернуть, мистер.

Он повернул автомобиль на проселочную дорогу. Она была раздражающе узкой; удивленные мокрые сучья хлестали по стеклам, лениво царапали крышу машины. Иногда с верхушек деревьев лилась скопившаяся там вода.

Шеллингер припал лицом к лобовому стеклу, пытаясь расшифровать картинку, состоявшую из коричневой грязи среди

сорной травы, которую выхватывали перед ним из темноты фары.

— Ну и дорога! Твои старики действительно начинают с нуля!.. Так вот, единственный способ прикончить вампира — это с помощью серебряной пули. Или еще можно вбить кол ему в сердце и похоронить в полночь на перекрестке. Именно так собираются поступить сегодня ночью те люди, если поймают его.— Он повернулся, услышав, как девочка глубоко вздохнула.— Что такое? Тебе эта идея не по душе?

— Я думаю, это чудовищно,— сказала она с чувством.

— Почему же? Или ты считаешь — живи и дай жить другим?

Девочка подумала над его словами, кивнула, улыбнулась:

— Да, живи и дай жить другим. Живи и дай жить. В конце концов...— Она опять затруднялась подобрать нужные слова.— В конце концов, некоторые люди ничего не могут поделать с тем, какие они. Я хочу сказать,— она очень медленно, очень задумчиво произносила слова,— например, если человек вампир, то что он с этим может поделать?

— Это серьезный аргумент, детка.— Шеллингер снова принялся рассматривать дорогу.— Тут одна беда: если ты веришь в такие вещи, как вампиры, то не веришь, что они хорошие, ты веришь, что они отвратительные. Те люди в деревне, которые утверждают, будто троих детей убил вампир — или что-то там с ними сделал... они его ненавидят и хотят уничтожить. Если существуют такие вещи, как вампиры,— не забывай, я сказал «если»,— тогда, по самой природе, они делают такие ужасные вещи, что годится любой способ, чтобы избавиться от них. Понимаешь?

— Нет. В людей нельзя вбивать колья.

Шеллингер рассмеялся:

— Пожалуй, действительно нельзя. Мне самому это дело никогда не нравилось. Хотя, если бы пришлось выбирать, вампир меня или я его, то полагаю, что сумел бы на какое-то время превозмочь свою брезгливость и немножко поработать, когда часы пробьют двенадцать.

Он замолчал и с удивлением подумал, что этот ребенок слишком уж умен для своей среды. Девочка еще, казалось, не заражена предрассудками, а он скармливает ей «Черную магию по Шеллингеру». Это нехорошо.

Он серьезно продолжал:

— Сложность со всеми этими поверьями состоит в том, что группа взрослых людей, которые их придерживаются, рассыпалась сегодня вечером по всей округе, поскольку они думают, будто вампир вырвался на волю. И скорее всего, они наткнутся на какого-нибудь несчастного бродягу и прикончат его только по той причине, что он не сможет внятно объяснить, почему оказался в поле в такую ночь.

Молчание. Пассажирка обдумывала его слова. Шеллингеру нравилось, с каким вдумчивым достоинством держится девочка. Он заметил, что она уже была не так напугана и сидела поближе к нему. Удивительно, как хорошо дети чувствуют, что ты не причинишь им зла. Даже деревенские дети. Если подумать, то в первую очередь деревенские дети, потому что они живут ближе к природе, а может, по какой-то другой причине.

Он вернул ей уверенность и, соответственно, себе тоже. Ведь за неделю, прожитую среди тонкогубых невежд, которые, не обинуясь, выказывали ему свое презрение, Шеллингер несколько подрастерял уверенность в себе. Так-то лучше. И наконец он нашел, на чем построит свой репортаж.

Только придется, конечно, добавить антуража. В материале надо вывести обыкновенную деревенскую девчонку, худую, замкнутую; и ее реплики будут на «горном» диалекте.

Да, он нашел человеческий аспект.

Девочка еще ближе придвинулась к нему, прямо к его боку. Бедный ребенок! Как ей неприятно в сырых холодных джинсах. Пусть хоть немножко погреется. Шеллингер пожалел, что в машине нет отопителя.

Дорога окончательно исчезла в зарослях кустарника и спутанных ветвях кривых деревьев. Он остановил машину, беспокойно оглянулся.

— Ты же не здесь живешь? Сюда как будто годами люди не забредали.

Его поразила окружающая дикость и заброшенность.

— Конечно, я здесь живу, мистер,— проговорил теплый голос прямо ему в ухо.— Я живу вон там, в том маленьком домике.

— Где? — Шеллингер протер стекло и изо всех сил напряг зрение.— Не вижу никакого дома. Где он?

— Там! — Девочка подняла пухлую ручку и помахала перед собой, показывая куда-то вперед.— Вон там.

— Что-то я не вижу...— Уголком глаза он заметил, что ее ладонь покрыта красивыми каштановыми волосами.

Однако странно.

Покрыта красивыми каштановыми волосами. Ее ладонь!

«А что же меня удивило в форме ее зубов?» — вспыхнуло у него в мозгу. Шеллингер собрался повернуться, чтобы еще раз взглянуть на ее зубы. Но не смог.

Потому что они впились ему в горло.

Шутник

Есть поговорка, что из крохотных желудей вырастают огромные дубы, но почему-то не говорят о крохотных дубах, вырастающих из огромных желудей.

А ведь случается и такое. Можно не попасть в аварию, зато влипнуть в историю. Еще неизвестно, что хуже.

В одно прекрасное утро, году так в 2208-м, некий неглупый, жизнерадостный, но слишком уж изворотливый молодой человек проснулся и обнаружил, что погорел на собственной гениальной идее.

Вот обидно!

Давным-давно, в самом начале девятисотых годов, люди вдруг обнаружили, что холодным осенним вечером куда приятнее завести дома граммофон, чем в дождь и слякоть тащиться в оперетку. Примерно тогда же домовладельцы, проявляя заботу о кулаках гостей, принялись покупать электрические звонки, а немного погодя появилась возможность открывать дверь и впускать в дом человека, стоящего на улице, простым нажатием кнопки.

В лабораториях ученые уже возились с первыми фотоэлементами.

Радио и кинематограф поделили между собой рынок развлечений. Тем временем боссы сообразили, что диктофон в отличие от стенографистки не делает ошибок, а механический сортировщик писем способен заменить целую армию клерков. Какая невеста в разгар телевизионного помешательства не мечтала об автоматической кухне, беспрекословно повинующейся небрежно брошенному приказу поджарить ростбиф к определенному часу, поливая его через столько-то минут такой-то подливкой? Более роскошные модели были даже снабжены регуляторами

ароматов — и делали салат по рецепту знаменитого повара чуть-чуть лучше, чем сам повар.

Затем появилась Система Универсальной Передачи Энергии по Радио (СУПЭР), телевизор освоил третье измерение, переименовал себя в теледар и так подешевел, что стал по карману самому бедному эскимосу, а теледарение — это уж так, к слову,— оказалось единственной отраслью промышленности, где актеры еще умудрялись зарабатывать себе на пропитание.

Итак, теледар развлекал, роботы с СУПЭР-питанием хлопотали по хозяйству, автоматические пассажирские ракеты летали во все уголки Солнечной системы точно по расписанию... Словом, что еще оставалось желать человеку?

И вот в одно прекрасное утро... да, в году 2208-м...

В гостиной комика Лэсти (из программы «Смейтесь вместе с клоуном Лэсти») на мгновение замерцал дверной экран, висящий над бесценной антикварной батареей отопления. В следующую секунду на экране появилось изображение плечистого крепыша в каске с надписью «Услуги на дому». Большой желтый ящик у его ног заполнял собой почти весь экран.

— Комик Лэсти? Я из фирмы «Ролъг — Ремонт и Переделка Роботов». Получите своего универсального дворецкого. По вашему требованию мы его начинили всякими приставочками. Только сначала дайте расписку, что отказываетесь от претензий и всю ответственность за возможные убытки берете на себя.

— Б-р-р-р.— Рыжеволосый молодой человек помотал головой, стряхивая остатки сна, и его лицо приняло озабоченное выражение.— Да я хоть свой смертный приговор подпишу, лишь бы этот робот умел делать то, что надо. Эй, дверь,— крикнул он,— двадцать три, слышишь, двадцать три!

Дверь быстро скользнула вверх. Механик щелкнул тумблером гравитационного излучателя, ящик плавно вплыл в комнату и легонько стукнулся о противоположную стенку.

Лэсти нервно потер руки:

— Надеюсь...

— Вот уж не думал, не гадал, мистер Лэсти, что простому парню вроде меня доведется повидать вас. Оно, конечно, при нашей работе каких только знаменитостей не насмотришься! Вчера вот, к примеру, я отвез двух роботов самому комиссару полиции! Мы их оборудовали детекторами лжи и даже медные лбы им приделали, чтоб они совсем уж на фараонов стали похожи. Моя хозяйка лопнет от зависти, как прослышит, что я разговаривал с самым главным комиком теледара... Знаете, мистер Лэсти, она у меня всегда говорит...

— Никаких мистеров. Просто Лэсти... Клоун Лэсти — смеемся вместе!

Механик весь расплылся в улыбке:

— Ну, точь-в-точь как на экране...

Он направил излучатель на ящик и повернул тумблер в положение «распад».

— Знаете, у нас один парень стал трепать языком, будто вы хотите, чтобы робот сочинял за вас всякие шуточки. Ну я его и спросил: «А по морде не хочешь?» Уж я-то знаю, что вы свои шуточки с ходу выдаете.

— Вот именно! — Изумление. Громкий смех.— Подумать только: «клоун Лэсти — смеемся вместе» заказывает шутки! Чего не наговорят злые языки?! Да знаете, как меня зовут поклонники? «Король шутки, принц прибаутки, острот полон рот, что ни слово — экспромт». И чтобы я после этого работал по подсказке? Какой вздор! Просто мне в голову пришла бесподобная идея: величайшему комедианту Западного полушария прислуживает робот-остряк. Ха! Ну-ка, поглядим на него.

Раздался легкий треск — это дезинтегрирующий луч обратил желтый ящик в пыль. Когда облачко пыли село, их взгляду предстал робот пяти футов росту из темно-красного металла.

— Вы его изуродовали! — негодующе воскликнул Лэсти.— Я послал на переделку последнюю модель 2207, обтекаемой формы, с новехоньким цилиндрическим туловищем. А вы мне возвращаете какую-то металлическую грушу... Черт-те что... не робот, а сплошное брюхо! Да еще и кривоногий!

— Послушайте, сэр! Ваш список анекдотов не влезал в него даже после записи на микропроволоку! Пришлось нашим техникам малость расширить нижнюю половину его туловища. А вы еще просили, чтобы робот умел перелицовывать остроты. Пришлось ребятам повозиться, пока они не сварганили специальную приставочку — вариационный преобразователь, так они ее назвали. Отсюда — дополнительный вес, дополнительный объем. Позвольте мне его включить.

Механик вставил изогнутый иридиевый стержень — универсальный роботехнический ключ — в скважину на затылке робота. Два полных оборота, щелчок, и внутри робота послышалось слабое гудение работающих механизмов. Металлические руки символическим жестом покорности прижались к металлической груди. Изогнутые брови взметнулись кверху. Рот вопросительно приоткрылся.

— Ух ты! — изумился механик.— Вот это физиономия — до чего важный! А как высокомерно смотрит!

— Это все выдумки моей невесты,— гордо сказал Лэсти.— Джозефина Лисси, знаете, та самая, что поет в моих программах. Она утверждает, что именно так выглядел в старину дворецкий... совсем как в древней Англии. Она даже имя ему придумала подходящее. А ну, Руперт, выдай анекдотик.

— Какой, сэр? — проскрипел Руперт.

Голос его то поднимался, то опускался наподобие синусоиды.

— Какой хочешь. Попроще да посмешнее, из дорожной серии.

— Гинсберг впервые летел на Марс,— начал Руперт.— Ему указали столик в отсеке-ресторане и сообщили, что его соседом будет француз. Тот...

Механик постучал по металлической груди:

— Вот еще одна приставочка — мезонный фильтр. Вы хотели, чтобы он различал заряд смеха в своих шутках и приспосабливал их к аудитории, в какую бы копеечку это ни влетело. А нашим инженерам только подавай задачку потруднее: в лепешку расшибутся, а уж сварганят что надо.

— Коли так, то моим дружкам-юмористам придется кусать локти,— злорадно пробормотал Лэсти.— Посмотрим, кто будет смеяться последним: клоун Лэсти или эти жадюги Грин с Андерсеном. И добро бы еще писать умели!

— ...француз, увидев, что Гинсберг уже сидит за столом, остановился, щелкнул каблуками и низко поклонился. «Бон аппетит»,— сказал француз. Гинсберг, не желая ударить лицом в грязь, привстал и...

— Мезонный фильтр, говорите? Что ж, хоть вы и содрали с меня галактическую сумму, но, если Руперт сделан так, как задуман, это окупится. Зря только вы испортили ему фигуру.

— ...повторялся этот краткий диалог. Наконец, в последний день путешествия Гинсберг разыскал стюарда и попросил объяснить ему...

— Мы бы и получше все разместили, если бы не такая спешка. Но вы требовали вернуть его в среду, и ни днем позже.

— Да. Сегодня я выхожу в эфир. Мне необходимо... вдохновение, которое даст мне Руперт.— Лэсти нервно взъерошил волосы.— Похоже, он в форме.

— ...подошел к французу, который уже сидел за столом. Гинсберг щелкнул каблуками, поклонился и произнес: «Бон аппетит». Француз в восторге вскочил с места...

— В таком случае будьте добры подписать эту бумажку. Обычная расписка по установленной форме. Вы принимаете на себя полную ответственность за все действия робота. Без этого я не имею права его вам оставить.

— О чем речь? — воскликнул Лэсти.— Подпишем все, что вам угодно.

— ...«Гинсберг»! — воскликнул француз.

Руперт умолк.

— Недурно. Хотя и не совсем то, что надо. Я бы хотел... Разрази меня атом, это еще что такое? — Лэсти даже подпрыгнул от неожиданности.

Робот, застыв на месте, скрипел, взвизгивал и скрежетал шестеренками, словно разваливался на части.

— Ах это? — махнул рукой механик.— Маленькая недоделка. Не успели устранить из-за спешки. Насколько удалось выяснить, это побочный эффект мезонного фильтра. Робот отличает шутки просто забавные от очень смешных. Как сказано в спецификации, «электронная дифференциация гротескного». У человека это называют чувством юмора. Ну а у робота, так сказать, выхлоп заедает.

— М-да, не приведи Господь услышать этот скрежет с похмелья. Робот, хохочущий над собственными шутками. Б-р-р, что за звуки! — Лэсти поежился.— Эй, Руперт, смешай-ка мне Лунный Трехступенчатый.

Металлическая громадина повернулась и, переваливаясь на кривых ногах, направилась в кухню. Глядя на качающуюся походку робота, оба зрителя не смогли удержаться от смеха.

— Вот вам за труды. Жаль, у меня нет больше мелочи. Хотите пачку «Звездочета»? Мой рекламодатель завалил меня сигаретами по самую макушку. Вам с каким ароматом — лакрицы или кленовых орешков?

— Я обычно беру с лесными яблоками. И хозяйка моя тоже... Премного вам благодарен. Надеюсь, вы останетесь довольны.

Механик сунул излучатель в карман и вышел.

— Три двадцать! — вслед ему крикнул Лэсти. Дверь бесшумно скользнула вниз.

Руперт приковылял в гостиную, держа в руках причудливо изогнутую спиральную трубку, заполненную белой, желтой и зеленой жидкостями. Комик залпом опорожнил ее, шумно выдохнул воздух и пригладил волосы.

— Вот это да! Отрава — что надо! Тот парень, что смастерил твой коктейльный блок, был не дурак по части электроники. А теперь слушай: я не слишком хорошо представляю, как тебя втравить в это дело... Впрочем, ты ведь умеешь читать. Вот сценарий сегодняшней передачи; моих импровизаций в нем, разумеется, еще нет. Перепечатай для меня сценарий и к каждой подчеркнутой реплике сочини какую-нибудь шутку. Я их выучу и по ходу передачи буду выдавать за свои экспромты. Впрочем, тебе это знать ни к чему. Иди работай.

Робот беспрекословно перелистал сценарий, мгновенно запечатлев каждое слово в своей электронной памяти. Затем бросил сценарий на пол и направился к электрической пишущей машинке. Подойдя, он отшвырнул стул. Его металлические ноги вдвинулись внутрь туловища как раз настолько, что руки оказались на уровне клавиатуры. Пальцы забарабанили по клавишам. Из машинки один за другим вылетали отпечатанные листы.

Лэсти восхищенно смотрел на робота.

— Если он пишет хоть вполовину так же смешно, как быстро,— дело в шляпе! — Комик нагнулся и подобрал с пола брошенную Рупертом пачку сценарных листов.— Никогда с ним прежде такого не бывало. Пока его не отдали в ремонт, более аккуратной и чистоплотной машины не существовало на всем белом свете — вечно подбирал за мной каждую соринку. Что ж, у гениев свои причуды!

Будто в ответ на эти слова зазвонил телефон. Лэсти улыбнулся и поймал трубку, спрыгнувшую с потолка прямо ему в руки.

— Радиоцентр,— произнесла трубка.— Вас вызывает мисс Джозефина Лисси. Чьим кодом будете пользоваться: вашим или ее?

— Моим. Ка — сто тридцать четыре — Эл. Прием.

— Переключаю код. Говорите.

Радиофон издал несколько щелчков, настраиваясь на личный код Лэсти; этой же волной могли пользоваться миллионы людей, но кодирующее устройство позволяло разговаривать, не боясь подслушивания. На крохотном экранчике, вделанном в радиофон, появилась девушка с копной таких же, как у Лэсти, волос морковного цвета.

— Привет, Рыжик,— улыбнулась она.— Угадай, что я скажу? Джози любит Лэсти.

— Умница ты моя! Погоди, я переключу изображение. От этого экрана у меня болят глаза. Он так мал, что ты в нем не помещаешься.

Лэсти повернул рычаг радиофона и включил дверной экран. Аппарат прыгнул в свое гнездо на потолке. Комик нажал кнопку на пульте у двери и со вздохом удовлетворения опустился на кушетку. На большом экране над поддельной батареей отопления появилась жизнерадостная Джозефина Лисси.

— Послушай, мой затейник, нам не до любовных нежностей. Сейчас я перейду прямо к делу. Грин и Андерсен проболтались Гаскеллу.

— Что?! — Лэсти вскочил на ноги.— Да как они смели! Я на них в суд подам! В нашем контракте специально оговорено: публика не должна знать, что они работают на меня.

— Что толку,— пожала плечами Лисси.— К тому же они проболтались не публике, а Гаскеллу. Но ты и этого не докажешь. Мне шепнули, что Гаскелл вне себя от ярости и повсюду ищет тебя. Грин и Андерсен убедили его, что без их шпаргалки к сценарию ты и двух слов связать не сможешь. Гаскеллу до лампочки — экспромты это или заученный текст, но он боится сесть в лужу со своей первой рекламной передачей.

— Не волнуйся, Джози,— улыбнулся Лэсти,— еще повезет...

— Что это? — вскрикнула Джози.— Клянусь любимой космической оперой покойной бабушки, в жизни не слышала ничего подобного!

То, чего в жизни не слышала Джози, было душераздирающей какофонией из скрежета, лязга, звона металла и пронзительных гудков. Лэсти быстро обернулся.

Руперт кончил печатать. Темно-красными пальцами он держал длинные листы законченного сценария и трясся мелкой дрожью.

— Г-р-р, бум, бам! — доносилось из его нутра.— Бинг! Банг! Бонг! К-р-р-рум!

Казалось, камнедробилка перемалывает бетономешалку.

— А-а, это Руперт! У него выхлоп заедает — вроде чувства юмора у людей. Конечно, он не человек, но, похоже, ему до смерти нравятся собственные шуточки. Эй, Руперт, поди-ка сюда!

Робот перестал громыхать и, поднявшись во весь рост, зашагал к дверному экрану.

— Когда его привезли? — спросила Джози.— Они начинили... Ой, как же его изуродовали! У него такой вид, словно он болен водянкой, да еще нацепил набрюшник. А куда делось высокомерное выражение лица? А вся его важность? Он теперь грустный-грустный. Бедняжечка Руперт!

— Пустая игра воображения,— ответил Лэсти.— Руперт не в состоянии изменить выражение лица, даже если захочет. Чтобы выполнять обязанности камердинера, ему нужно не больше фантазии, чем часам для показа времени. А сейчас он заодно еще и ходячий каталог острот, снабженный этим... как его... вариационным преобразователем... Пусть даже у него есть имя, а не просто серийный номер, как у других домашних машин, это еще не значит, будто он способен что-то чувствовать.

— И вовсе нет. Руперт все чувствует. Ведь правда, Руперт? — проворковала девушка.— Ты меня помнишь, Руперт? Меня зовут Джози. Как ты поживаешь?

Робот молча смотрел на экран.

— Из всех вздорных женских выдумок...

Что-то лязгнуло. Это Руперт цокнул каблуком о каблук. Туловище его согнулось в чопорном поклоне.

— Гинс...— начал он.

Голова его продолжала величественно опускаться и наконец с громким стуком ударилась об пол.

С Джози от хохота чуть не сделалась истерика. Лэсти хлопал руками себя по бедрам. Руперт замер, образовав прямоугольный треугольник, вершиной которого оказалась расширенная часть его туловища.

— ...Берг,— докончил Руперт, упираясь головой в пол.

Он не делал попыток подняться. Внутри у него что-то задумчиво жужжало.

— Ну ладно,— проворчал Лэсти,— не собираешься ли ты весь день валять дурака? Вставай!

— Он нне ммо-ржет,— взвизгивала Джози,— они сместили ему центр тяжести, и он не может встать. Если тебе когда-нибудь удастся выкинуть такой же потешный трюк по теледару, то двести миллионов ни в чем не повинных зрителей помрут со смеху.

Комик Лэсти скорчил гримасу и нагнулся над роботом. Он обхватил его за плечи и потянул вверх. Медленно и очень неохотно Руперт выпрямился. Он ткнул пальцем в экран.

— С девицей этой проживешь беспечно жизнь свою,— начал он металлическим речитативом,— в ад после смерти попадешь — решишь, что ты — в раю!

— Заткнись! — рявкнул Лэсти.— Слышишь, что я говорю? Заткнись!

Роботом овладел новый пароксизм шестереночного скрежета. Лэсти обиженно надулся.

— Мой прекрасный старинный кафельный пол! Такого кафеля середины XX века нет ни у кого в нашей башне! Посмотрите, во что он его превратил! Дыра размером с...

— Сто раз тебе объясняла,— затараторила Джози,— что в XX веке кафельные полы делали только в ванных комнатах. Иногда на кухне, но чаще всего в ванных. А твоя поддельная батарея и секретер с раздвижной крышкой — вообще из других эпох; у тебя нет никакого чувства старины. Вот погоди, дружочек, обменяемся колечками да кинем друг в друга по пригоршне риса, и ты узнаешь, как выглядел жилой дом эпохи президента Рузвельта. Кстати, как тебе нравятся шутки Руперта — те, что на бумаге?

— Еще не знаю. Он только что кончил печатать. Отключайся, Джози. Кто-то пришел. Зайди за мной перед выступлением, как обычно. Пока.

По сигналу хозяина робот проковылял к двери и сказал: «Двадцать три». И тут почти одновременно произошли два события: в комнату вошел механик фирмы «Рольг», и голова Руперта стукнулась о пол.

Лэсти вздохнул и еще раз выпрямил Руперта.

— Надеюсь, он не собирается бить поклоны всякий раз, когда кто-то войдет в комнату? Так он мне весь кафель перебьет.

— А он уже выкидывал эту шутку? Скверное дело. Ведь все основные контрольные блоки у него в голове, и они еще как следует не притерлись друг к другу. Соскочит какая-нибудь шестеренка, и привет! Хотите, я отвезу его в мастерскую на переналадку?

— Некогда. Через два часа я выхожу в эфир. Кстати, вы вмонтировали ему в лоб блок письменной развертки?

— А как же,— кивнул механик.— Видите узенькую зеленую пластинку над бровями? Когда захотите, чтобы он не говорил, а писал, сдвиньте ее в сторону или прикажите, чтобы он сам ее сдвинул. Слова будут проплывать по экрану, вроде как на щитах световой рекламы. Ах да, я же вернулся за ключом! Вот так история, забыл универсальный ключ у него в затылке — прямо хоть на фабрику не возвращайся.

— Забирайте свой ключ. Я жду посетителя.

Лэсти повернулся и увидел, как в открытую дверь влетел коренастый человечек в полосатой тунике.

— Здравствуйте, мистер Гаскелл. Присядьте, пожалуйста. Я освобожусь через секунду.

— Давай ключ,— обратился к роботу механик.

Руперт вытащил у себя из затылка универсальный роботехнический ключ и протянул руку. Механик тоже протянул руку. Руперт уронил ключ.

— Что за черт? — удивился механик.— Если бы я не знал, что это невозможно, я бы поклялся, что это он нарочно.

Механик нагнулся за ключом. Робот быстро протянул руку. Механик как ошпаренный выскочил за дверь.

— Не смей! — завопил он.— Вы видели, что он собирался сделать? Какого...

— Три двадцать,— сказал Руперт.

Дверь упала на место, и механик так и не закончил фразы. Робот вернулся в гостиную, чуть слышно жужжа и пощелкивая. Выражение его лица было еще печальнее прежнего. К грусти примешивалось легкое разочарование.

— Два Лунных Трехступенчатых,— приказал хозяин. Робот поплелся на кухню готовить коктейли.

— Послушайте-ка, Лэсти,— загудел Джон Гаскелл неожиданно громким голосом,— не люблю ходить вокруг да около. Я понятия не имел, что на вас работают наемные юмористы, пока Грин и Андерсен не пожаловались мне, как вы их прижали с деньгами, а когда они отказались батрачить за гроши, выставили их на улицу. Они утверждают, что сделали из вас самого высокооплачиваемого комика в Западном полушарии, и в этом я с ними совершенно согласен. Так вот, сегодняшняя передача — это всего лишь проба...

— Выслушайте меня, сэр. До того как я связался с этими грабителями, я сам готовил свой репертуар. Да и работали они исключительно на моем запасе шуток. Они пытались сорвать с меня больше, чем я сам зарабатываю,— вот почему я выставил их за дверь. Я по-прежнему умею импровизировать не хуже кого другого.

— А мне плевать, импровизируете вы или рассказываете свои сны. Мне нужно одно: когда публика смотрит мою программу, она должна смеяться. Побольше смеха — и она любую рекламу проглотит не поморщившись. Впрочем, я совсем не то хотел сказать...

Гаскелл выхватил у Руперта спиральный бокал и единым духом осушил его. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Безвкусная водичка. Градусов не хватает! Мало огня!

Несколько секунд робот задумчиво разглядывал бокал, затем повернулся и заковылял на кривых ногах к кухне.

Лэсти мысленно позволил себе не согласиться с президентом корпорации «Звездочет». Каждая капля коктейля буквально убивала наповал. Впрочем, «Клуб хозяев планеты», где жил Гаскелл, славился крепостью своих напитков.

— Единственное, что меня интересует,— продолжал Гаскелл,— сумеете вы сделать сегодняшнюю программу смешной без помощи Грина и Андерсена или не сумеете? Может, вы и великий комик, но, как говорят у вас на теледаре, довольно одного провала — и славы как не бывало. Если после сегодняшней пробы «Звездочет» не подпишет с вами условленного тринадцатинедельного контракта, то вы опять скатитесь к утренним рекламам наркотиков.

— Разумеется, мистер Гаскелл, вы совершенно правы. Только прошу вас — сначала посмотрите мой сценарий, а уже потом делайте замечания.— Лэсти вытащил из электрической машинки длинные сценарные листы и вручил их коротышке.

Рискованный шаг. Кто знает, какую чушь мог сочинить Руперт? Но что поделаешь, читать текст не было времени. Авось Руперт вывезет.

О качестве сценария можно было судить по реакции Гаскелла. Президент «Звездочета» подпрыгивал на антикварном стуле, содрогаясь от хохота.

— Чудесно! Восхитительно! — По щекам Гаскелла текли слезы.— Просто колоссально! Должен перед вами извиниться, Лэсти. Вам и впрямь не нужны наемные юмористы. Вы прекрасно пишете сами. А вы успеете до передачи выучить текст?

— За это не беспокойтесь, сэр. Перед срочной работой я всегда принимаю таблетку инфраскополамина. А на случай, если и вправду понадобится экспромт, у меня есть робот.

— Робот? Вот эта образина? — Гаскелл ткнул пальцем в Руперта, который, стоя за его спиной, заглядывал в сценарий и тихонько жужжал. Взяв у Руперта бокал, Гаскелл сделал несколько глотков.

— Да, сэр. В нижней половине его туловища хранится огромный запас шуток. Во время передачи робот будет стоять в стороне, и, как только понадобится экспромт,— глядишь, он уже у него на лбу написан. Мистер Гаскелл! Что с вами?!

Но тут Гаскелл внезапно выронил бокал. Причудливо изогнутая спираль лежала на полу, и из нее вился черный дымок.

— Нап-ппи-тток,— хрипло пробормотал Гаскелл. Лицо его, поочередно принимавшее красный, зеленый и лиловый оттенки, остановилось на компромиссном решении и пошло цветными пятнами.

— Где... где у вас?..

— Сюда! Вторая дверь налево!

Маленький человечек, согнувшись в три погибели, выскочил из комнаты. Тело его обмякло, словно у потрепанной ватной куклы.

— Что с ним? — Лэсти понюхал поднятый с пола бокал.— Апчхи!

До него вдруг дошло, что Руперт тихонько жужжит и лязгает.

— Руперт, чего ты сюда намешал?

— Он сам просил покрепче и поострее...

— ЧЕГО ТЫ СЮДА НАМЕШАЛ?

Робот задумался.

— Пять частей касторки... з-з-з-здин-дон... три части уксусной эссенции... бинг-бонг... четыре части красного перца, к-р-р-ранг-гр-румм... одну часть рво...

Лэсти свистнул, и с потолка спрыгнула трубка радиофона.

— Радиоцентр? «Скорую помощь», да поскорее! Клоун Лэсти, «Башня Артистов», квартира тысяча шестая.

Лэсти выскочил в прихожую и бросился на помощь своему гостю.

При виде цветовой гаммы на лице Гаскелла врач покачал головой:

— Помогите уложить его на носилки, и срочно в госпиталь.

Гравитационным лучом врач поднял носилки и повел их к двери мимо Руперта, стоящего в углу.

— Надо думать, съел что-нибудь несвежее,— проскрипел тот.

— Шут гороховый! — Врач кинул на робота свирепый взгляд.

Лэсти торопливо выпил один за другим три Лунных Трехступенчатых. Смешивал их он сам. С помощью двойной дозы инфраскополамина к приходу Джози ему удалось вызубрить свои экспромты. Руперт открыл ей дверь. Динг! Бам!

— Весь день он только этим и занимается,— проговорил Лэсти, в очередной раз выпрямляя робота.— И дело не только в том, что он расколотил весь мой кафельный пол. Того и гляди у него в голове развинтится какой-нибудь винтик. Разумеется, мне он повинуется беспрекословно, жертвами его розыгрышей до сих пор были...

Руперт что-то покатал во рту. Губы его вытянулись трубочкой, щеки сложились гармошкой морщинок. Он сплюнул.

По полу запрыгала медная шестигранная гаечка. Все трое молча смотрели ей вслед. Наконец Джози подняла голову:

— Каких еще розыгрышей?

Лэсти рассказал о случившемся.

— Ну и ну! Твое счастье, что по контракту ты за последствия своих шуток не отвечаешь. Не то Гаскелл затаскал бы тебя по судам. Будем надеяться, что он выживет. Иди одевайся.

Лэсти прошел в соседнюю комнату и принялся натягивать на себя красный с блестками клоунский костюм.

— Что у тебя сегодня в программе? — крикнул он.

— Мог бы сам прийти как-нибудь на репетицию и послушать.

— Приходится поддерживать свою репутацию импровизатора. Так что же ты поешь?

— Арию «Странствую в пространстве я» из последней новинки Гуги Гарсия «Любовь за поясом астероидов». Послушай, твой робот, может, и в самом деле отличный писатель-юморист, но как дворецкий он никуда не годится. Сколько мусора на полу! Бумажки, сигареты, спирали для коктейлей! Вот погоди, молодой человек, соединим мы с тобой наши судьбы...

Она умолкла и, нагнувшись, принялась подбирать мусор. Руперт, стоя сзади, сосредоточенно глядел ей в спину. Внутри робота что-то загудело. Г-р-р...

Стремительными шагами Руперт пересек комнату. Его правая рука поднялась и обрушилась на Джози.

— Ай! — завопила Джози, подпрыгнув до потолка. Опустившись на пол, она круто обернулась. Ее глаза метали молнии

— Кто это сме...— угрожающе начала она и тут заметила Руперта, который, все еще протягивая вперед руку, звенел и жужжал своими металлическими внутренностями.

— Да ты, никак, издеваешься надо мной?! Тебе смешно?! Ах ты, ржавый нахал! — В ярости она бросилась к роботу, чтобы закатить ему пощечину.

Выскочивший Лэсти увидел ее руку, занесенную над головой робота.

— Джози! — испуганно закричал он.— Только не по голове! Бам-м-м!!!

— Думаю, мисс Лисси, все обойдется благополучно,— сказал врач,— недельки две подержим вашу руку в гипсе, а потом — снова на рентген.

— Джози, мы опоздаем в студию,— нервничал Лэсти.— Очень жаль, что так вышло.

— Ах, тебе жаль? Так вот, заруби себе на носу: я с места не сдвинусь, пока ты не избавишься от Руперта.

— Джози, радость моя, золотко мое, да знаешь ли ты, как здорово он сочиняет!

— А мне плевать! Меня дрожь пробирает при мысли, что он будет жить в одном доме с моими детьми. По Закону о роботах ты же обязан держать его в своем доме. По-моему, он у тебя свихнулся на почве юмора. Мне это не нравится. Так что выбирай: или я, или этот недовинченный остряк-самоучка.

В ожидании ответа Джози поглаживала гипсовую повязку на руке.

Так вот, Руперт — несмотря на все странности и причуды — гарантировал Лэсти блестящую карьеру комического актера. Больше ему не придется беспокоиться о репертуаре. Будущность его обеспечена. С другой стороны, Лэсти не был уверен, что на свете есть хоть одна женщина, которая может сравниться с Джози. Она воплощала собой его мечту об идеальной женщине. Только с нею он найдет свое счастье.

Это был простой и недвусмысленный выбор между богатством и любимой женщиной.

— Ладно,— пробормотал он наконец,— надеюсь, мы останемся друзьями.

Когда Лэсти вошел в студию, Джози уже заканчивала свою песенку. Отойдя от микрофона, она не удостоила комика даже взглядом. Началась рекламная вставка.

Лэсти поставил Руперта у дальней стены, рядом с режиссерской будочкой, где темно-красная фигура робота не могла попасть в поле зрения телекамер. Затем он присоединился к группе актеров, ожидавших под выключенной камерой окончания рекламы, после чего им предстояло разыграть небольшой водевиль.

Наконец захлебывающийся от восхищения диктор отчеканил последнее слово рекламного текста. На сценическую площадку выскочил вокальный квинтет сестер Глоппус, и грянул финал:

Любовь, богатство и почет
Вам обеспечит «Звездочет».
Зачем курить траву и вату?
На выбор сотня ароматов —
От вишенки до шоколада...
Ура! Ура! Ура! О ра-а-а-а-дость!

Телекамера над головой Лэсти засветилась разноцветными лампочками, и представление началось. Сюжет не отличался замысловатостью — любовь на заправочной станции Фобоса. Лэсти не был занят в пьесе — по ходу действия он комментировал ее своими шутками.

А шутки сегодня были что надо — смеялся даже режиссер передачи. То есть, конечно, не смеялся — об этом не могло быть и речи,— но иногда на его лице появлялась улыбка. А уж если улыбается режиссер, то зрители во всем Западном полушарии животы со смеху надрывают. Эта истина столь же непреложна, как и тот факт, что третий вице-президент теледара вечно становится жертвой самых гнусных розыгрышей — явление, хорошо известное всем социологам как «эффект Сбрось-парсона».

Время от времени Лэсти поглядывал на робота. Его беспокоило, что это создание вертит своей железной башкой по сторонам. В какой-то момент робот даже повернулся спиной и сквозь прозрачную дверь принялся рассматривать пульт режиссерской будочки. На случай, если понадобится экспромт, Лэсти заранее сдвинул зеленую заслонку.

Экспромт понадобился совершенно неожиданно. Вторая инженю вдруг запуталась в монологе, начинавшемся словами: «И вот когда Гарольд рассказал мне, что он приехал на Марс, потому что ему опротивела милитаристская и бюрократическая государственная система...», перешла на скороговорку, несколько раз пробормотала: «И тут я ему сказала... да, я ему так и сказала... не могла ему не сказать...», запнулась и принялась судорожно кусать губы, вспоминая забытую реплику.

В контрольной будочке пальцы режиссера бесшумно пробежали по клавиатуре, и выпавшая строчка вспыхнула на экране под потолком. В студии воцарилась мертвая тишина. Все с надеждой ожидали, что Лэсти своим экспромтом заполнит убийственную паузу.

Лэсти обернулся к роботу. Какое счастье! Тот стоит к нему лицом. Прекрасно! Теперь вопрос, сработает ли мезонный фильтр.

На лбу Руперта появилась надпись. По мере того как слова проплывали по экрану, Лэсти произносил их вслух:

— Послушай, Барбара, а знаешь, что случится, если ты будешь плохо кормить своего Гарольда?

— Нет, не знаю,— ответила актриса, добросовестно подыгрывая Лэсти и пытаясь одновременно затвердить забытую строчку.— Что же тогда случится?

Из угла донесся громовой голос Руперта:

— Он решит, что у тебя котелок не варит!

Гоготала студия. Гоготал Руперт. Только у него это звучало так, словно он разваливался на части. По всему Западному полушарию зрители бросились к гудящим, скрежещущим и лязгающим теледарам, пытаясь обуздать закусившую удила электронику.

Даже Лэсти расхохотался. Превосходно! Куда тоньше, чем тот хлам, которым пичкали его Грин с Андерсеном, но и с тем грубоватым привкусом старого фермерского остроумия, на котором замешана настоящая клоунада. Этот робот просто клад...

Стоп! А ведь Руперт не подсказал ему реплику — он сам ее произнес. Зрителей рассмешил вовсе не клоун Лэсти — они смеются над Рупертом, хотя и не видят его на экране. Что же это творится?..

Наконец пьеска кончилась, и камеры переключились на Джозефину Лисси и ее оркестр.

Лэсти воспользовался коротким перерывом, чтобы свести счеты с Рупертом. Он повелительным жестом указал роботу на пультовую:

— Убирайся туда, чучело огородное, и не смей носа высовывать, пока не окончится передача! Приберегаешь свои шуточки для себя, мерзкая железяка? Кусаешь руку, которая тебя смазывает? Ну погоди у меня!

Руперт отшатнулся, чуть не раздавив бутафора.

— Бинг-бинг? — вопросительно прозвенел он.— Бим-бам-бом?

— Я тебе пошучу,— зарычал Лэсти.— А ну марш в будку, и чтобы духу твоего здесь не было!

Волоча ноги и оставляя глубокие вмятины на пластиковом полу, Руперт поплелся на свой остров Святой Елены.

Передача продолжалась. В редкие свободные мгновения Лэсти видел, как робот, уныло втянув голову в плечи и утратив всякое сходство с элегантной обтекаемой моделью 2207, стоит возле техников за контрольными пультами. Судорожно дергаясь, он принялся расхаживать по тесному помещению пультовой. Время от времени он делал попытку к примирению, зажигая на своем экранчике надписи вроде: «Какая разница между гипертоником и гиперпространством?» или «Что такое облысение? Замена причесывания умыванием». Но Лэсти напрочь игнорировал эти жалкие потуги.

Пошла вторая рекламная вставка.

— Задумывались ли вы,— масляным голосом осведомился диктор,— почему во всем космосе только «Звездочет» — звезда первой величины? Беспристрастными исследованиями установлено, что наши славные герои, улетая к звездам, всегда берут с собой... Ой, что это?

Руперт выпихнул из будки одного за другим трех негодующих техников и захлопнул за ними дверь. Затем он принялся нажимать кнопки и крутить ручки.

— Робот взбесился. Он выкинул нас за дверь!

— Послушайте, он псих! Вдруг он переключит камеры на пультовую? Это же совсем просто. Не приведи Бог, если это говорящий робот!

— Он выходит в эфир! Он умеет разговаривать?

— Умеет ли он разговаривать?! — простонал Лэсти.— Вышибите его оттуда поскорее!

— Вышибить его? Интересно, как? — желчно рассмеялся инженер.— Он ведь запер дверь. А вы знаете, из какого материала сделаны стены и двери пультовой? Он сможет сидеть там, пока СУПЭР не отключит подачу энергии. А для этого...

— Задумывались ли вы, почему эти сигареты называют «Звездочетами»? — прокатился по студии грохочущий голос Руперта, и почти одновременно его услышали миллионы зрителей.— Одна затяжка — и звезды сыплются из глаз! Динг-дунгл-дангл-донгл! Да, сэр! Звезды всех цветов и оттенков, и даже не пытайтесь их сосчитать! Бим-бам! Вторая затяжка — это вспышка новой! Гр-рам-гр-румм! Сто ароматов, и от всех разит липой! Бинг! Банг!..

Стены пультовой дрожали от могучего скрежещущего хохота. Но дрожали не только стены.

Джози утешала комика как могла:

— Милый, не может же он выступать вечно! Скоро он иссякнет!

— Как бы не так — при его-то запасе шуток! Да еще этот... вариационный преобразователь, и еще мезонный фильтр. Нет,

Джози, мне крышка! Пропала моя карьера — меня теперь и близко к камерам не подпустят. А я больше ничего не умею. На что я буду жить? Джози, Джози, конченый я человек.

В конце концов инженерам удалось отключить энергопитание во всем Теледар-Сити. Прекратились передачи всех программ теледара, пропала связь с космосом, умолкли радиофоны. Скоростные лифты застряли между этажами. В правительственных кабинетах погас свет. Только тогда при помощи дистанционной контрольной установки смогли открыть дверь пультовой и вытащить бессильно обмякшего робота.

Когда иссякла энергия, иссяк и он.

Итак, Лэсти женился на Джози. Но счастлив он не был. Ему запретили появляться на теледаре до конца его дней.

Впрочем, он не умер с голоду. Иногда он даже жалел об этом. Погубившая его передача прославила Руперта. В тысячах писем телезрители требовали еще раз показать гадкого робота, осмелившегося поднять на смех рекламодателей. «Звездочет» утроил продажу. А в конечном итоге только это имеет значение...

Развеселый робот Руперт («самая развинченная машина из всех, у которых в голове винтика не хватает») регулярно появляется на экране. Лэсти подписывает контракты. Быть менеджером у робота нелегко. Жить с ним бок о бок — еще труднее, но этого требует Закон о роботах. Расстаться с ним Лэсти не в силах — кому охота лишиться верного куска хлеба с маслом? Он даже не может никого нанять для присмотра за роботом — то есть никого в здравом рассудке. Лэсти приходится несладко. С Рупертом жить — не шутки шутить.

Раз в неделю он навещает Джози и ребятишек. У него осунувшийся и изможденный вид. С каждым днем розыгрыши Руперта становятся все изощреннее.

Последнее время Руперт так навострился, что Лэсти прозвали на теледаре по-новому: «Лэсти — дурные вести». Или «Лэсти — поплачем вместе». А то и просто: «Ой-ой!»

Ионийский цикл

I

Крошечный спасательный катер на какое-то время, казалось, завис — у него работал один кормовой реактивный двигатель. Затем он скользнул набок и начал, яростно вращаясь, падать на отвратительно оранжевую почву планеты.

В узкой каюте доктор Хелена Наксос отлетела от больного, которым занималась, и ударилась о прочную переборку. От боли у женщины перехватило дыхание. Она потрясла головой и поспешно уцепилась за стойку, так как каюта снова накренилась. Джейк Донелли оторвал глаза от видеоэкрана, чтобы не видеть стремительно приближавшейся к нему поверхности чужой планеты, и завопил на пульт управления:

— Великие галактики! Блейн, мягкую струю! Мягкую струю, скорее, прежде чем мы разобьемся вдребезги!

Высокий лысеющий археолог, из тех, кто когда-то входил в называемую Первую экспедицию на Денеб, растерянно замахал дрожащими руками над скоплением рычажков.

— Какую?.. Какую кнопку нажимать? — нетвердым голосом спросил он.— Я з-забыл, как вы смягчаете эти штуки впереди.

— Не нажимайте ни на что... подождите-ка секунду.

Космонавт расстегнул ремни и выбрался из своего кресла. Он ухватился за выступающие края стола и с трудом обогнул его, тогда как спасательный катер стал вращаться еще быстрее, устремившись вниз.

К тому времени, как Донелли добрался до доктора Арчибальда Блейна, беднягу уже основательно прижало к спинке кресла.

— Я забыл, которая кнопка,— пробормотал он.

— Никакой кнопки, док. Я же говорил вам. Вы дергаете этот рычаг — вот так. Поворачиваете эту рукоятку — вот сюда. Затем дважды проворачиваете маленькое красное колесико. Вот таким образом. Ф-фу! Похоже, становится полегче!

Носовые двигатели, смягчающие падение, заработали и выровняли катер, который теперь стал снижаться плавно. Донелли отпустил стол и опять вернулся к основной панели управления, сопровождаемый Блейком и женщиной-биологом.

— Море? — наконец спросила Хелена Наксос, отрываясь от видеоэкрана.— Это море?

— Похоже, что именно оно,— ответил Донелли.— Мы израсходовали практически все горючее, пытаясь не свалиться в эту солнечную систему,— если, конечно, можно назвать две планеты системой! Мы как раз тянули на жалких остатках, используя только один основной двигатель, когда «Ионийский Фартук» взорвался. Теперь мы промахнули мимо континента и скользим над морем без плавательной подушки. Здорово, верно? Из чего, он говорил, состоит это море?

Доктор Дуглас ибн Юссуф приподнялся на неповрежденном локте и сообщил со своей койки:

— Согласно спектроскопическим таблицам, которые вы принесли мне час назад, моря на этой планете представляют собой почти чистую фтористо-водородную кислоту. Здесь в атмосфере много свободного фтора, хотя большая часть его пребывает в форме паров фтористо-водородной кислоты и аналогичных соединений.

— Часть этих хороших новостей вы могли бы нам и не сообщать,— заметил Донелли.— Я знаю, что фтористо-водородная кислота способна разъесть все что угодно. Скажите мне лучше, сколько времени продержится защита Гроджена на корпусе? Хотя бы приблизительно, док.

Нахмурив лоб, египетский ученый соображал.

— Если ее не менять... Ну, скажем, что-нибудь от пяти земных дней до недели. Не больше.

— Чудесно! — радостно заявил бледный космонавт.— Мы отправимся на тот свет задолго до этого.— Его глаза опять обратились к видеоэкрану.

— Вовсе нет, если мы найдем горючее для преобразователя и резервуаров,— резко напомнил ему Блейн.— И нам известно, что в этом мире есть контрауран, пусть даже в небольших количествах. Вот почему мы направились сюда после катастрофы.

— Итак, мы знаем, что здесь есть горючее — добрый старый компактный Q. Хорошо, приземлись мы на одном из континентов, возможно, нам удалось бы совершить чудо и найти немного урана, прежде чем сдохнет преобразователь. Тогда появится шанс отремонтировать другие двигатели и попытаться вновь вернуться на проезжую дорогу, раскочегарить передатчик, послать радиосигнал с просьбой о помощи... ну и тому подобное. Но сейчас, когда нам ничего другого не остается, кроме как плюхнуться на первый же попавшийся остров, каковы, по вашему мнению, наши шансы на спасение?

Блейн сердито оглянулся на двух своих коллег, а затем вновь посмотрел на маленького приземистого космонавта, с которым его связала судьба и дефектный запасной резервуар на «Ионийском Фартуке».

— Но это нелепо! — воскликнул он.— Приземление на остров сведет наши и без того невеликие шансы найти контрауран к полному нулю! Он достаточно редко встречается во Вселенной, и раз уж нам повезло найти планету, где он есть, Джейк, я требую...

— Вы ничего не будете требовать, док,— заявил Донелли, воинственно надвигаясь на тощую академическую фигуру.— Ниче-го не будете требовать. Там, на корабле экспедиции, вы все трое числились крупными шишками со своими учеными степенями и прочими делами, а я был просто Джейком — разжалованным в рядовые космонавты за пьянство, когда мы поднялись с Ио. Но здесь я — единственный специалист, у которого есть право вождения спасательного катера, и по законам космоса командую здесь именно я. Следите за тем, что говорите, док; я не люблю, когда такие, как вы, называют меня Джейком. С этого момента вы обращаетесь ко мне по фамилии — Донелли, а иногда даже можете называть меня мистер Донелли.

В каюте наступило молчание, щеки археолога вспыхнули, а растерянный взгляд зашарил по потолку — словно в поисках достойного ответа.

— Мистер Донелли, — раздался вдруг голос Хелены Наксос,— это, случайно, не остров? — Она указала на видеоэкран, где на фоне моря стремительно росло крошечное пятнышко. Женщина нервно пригладила черные волосы.

Донелли сосредоточенно всматривался в экран.

— Да. Этот подойдет. Не могли бы вы управиться с передними двигателями — э-э... доктор Наксос. Вы слышали мои объяснения Блейну. Я бы не доверил этому парню даже уронить бейсбольный мяч на Юпитер... «Я забыл, которая кнопка»,— передразнил он.

Она заняла место на противоположной стороне пульта управления, тогда как Блейн, сохраняя на лице напряженное выра-

жение, направился к койке Ибн Юссуфа и принялся что-то сердито шептать раненому.

— Видите ли,— объяснил Донелли, передвигая рукоять на микроскопическое расстояние.— Я хочу попасть на остров ничуть не больше, чем вы, доктор Наксос. Но мы не можем позволить себе израсходовать остатки горючего, пересекая такой огромный океан. Может быть, нам удастся добраться до континента, но тогда воздуха останется не более чем на пятнадцать минут. А при нынешнем раскладе преобразователь продержится еще два-три дня, что даст нам возможность оглядеться и, возможно, получить какую-нибудь помощь от коренного населения.

— Если оно здесь есть.— Она смотрела, как стрелка датчика нерешительно ползла к красной черте.— Мы не видели на телеразвертке никаких городов. Хотя, как биолог, я не отказалась бы исследовать существо, способное дышать фтором. Кстати, мистер Донелли, если вы разрешите называть вас Джейком, можете обращаться ко мне по имени — Хелена.

— Что ж, это справедливо — эй, вы следите за прибором? Включайте систему мягкой посадки. Правильно. Теперь поверните до половины. Так держать. Так держать! Вот мы и прибыли! Хватайтесь за что-нибудь, все, живо! Доктор Юссуф! Прижмитесь к койке, как можно плотнее прижмитесь к койке!

Он легким щелчком повернул рукоять, резко закрепил ее в неподвижном положении и двумя руками крепко ухватился за края пульта управления.

Казалось, что днище корпуса попало на шлифовальный круг. Скрежещущий звук становился все громче, корабль издавал жалобные стоны. Скрежет распространился по всему днищу спасательного катера, поднялся до непереносимо высокого пронзительного воя, от которого дрожала каждая молекула в телах несчастных пассажиров. Наконец жуткий вой прекратился и злобная сила швырнула их куда-то вбок.

Донелли расстегнул ремни.

— Я видывал первых помощников, которые хуже справлялись с носовыми двигателями, Хелена,— прокомментировал он.— Итак, мы находимся на доброй старой... Кстати, как там она называется-то, эта планета?

— Никак, насколько мне известно.— Хелена поспешно подошла к Ибн Юссуфу, который лежал, постанывая, закованный в гипсовый панцирь, защищавший его ребра и руку, сломанные во время первого взрыва на «Ионийском Фартуке».— Когда мы проходили мимо этой системы на пути к Денебу неделю назад, капитан Хауберг назвал солнце Максимилианом — наверное, в честь заместителя секретаря Совета Земли? Значит, эта планета не более чем Максимилиан-II — маленький спутник очень маленькой звезды.

— Какое падение,— проворчал Донелли,— в последний раз, когда мне пришлось выбираться из потерпевшей крушение космической развалюхи, я оказался в самой гуще войны между нашей Солнечной системой и Антарской. Теперь, в приступе умопомешательства, не иначе, я присоединяюсь к экспедиции в ту часть космоса, куда человечество еще даже не заглядывало. И мне достается капитан, который так занят умасливанием ученых и правительственных чиновников, что не утруждает себя проверкой запасных резервуаров с горючим, не говоря уже о спасательных катерах. Я нахожусь в космосе с тремя людьми — не обижайтесь, Хелена,— которые не могут отличить взрывную волну от дыры в Сигнусе и так суетятся, пытаясь закрыть люки в тамбуре, что второй взрыв настигает-таки нас, выводит из строя двигатели и уничтожает большую часть горючего. В довершение всего мне приходится садиться на планету, которой даже нет на картах, и начинать поиски кварты-другой контрафурана, в надежде, что он все же здесь есть.

Хелена Наксос слегка ослабила повязку на ученом, стараясь устроить его поудобнее, и хмыкнула.

— Печально, конечно, верно? Но наш катер — единственный, который успел отойти от корабля. Нам еще повезло.

Донелли принялся влезать в космический скафандр.

— Нам не повезло,— возразил он,— просто у нас на борту оказался толковый космонавт — я. Схожу-ка в разведку, посмотрю, есть ли на этом острове с кем разговаривать. Наша единственная надежда — это помощь аборигенов, если они здесь имеются, конечно. Сидите тихо, пока я не вернусь, и не прикасайтесь к приборам, если их назначение вам неизвестно.

— Хотите, пойду с вами... э-э... Донелли? — Доктор Блейн двинулся к стойке со скафандрами.— Если вы столкнетесь с опасностью...

— ...То мне легче будет справиться одному. В этом скафандре у меня есть ультразвук. А вы, док,— вы можете забыть, на какую кнопку нажимать. Великие галактики!

Покачивая головой в шлеме, Донелли начал возиться с механизмом, открывавшим люк.

Оранжевая земля, как выяснилось, оказалась ломкой, она хрустела и расслаивалась под ногами. Несмотря на желтоватый оттенок атмосферы, он смог полностью разглядеть очертания острова с возвышавшегося неподалеку от корабля холма. Это был весьма небольшой клочок суши, словно случайно выступивший из бурного моря фтористо-водородной кислоты.

Большая часть острова была лишена какой-либо растительности — лишь кое-где оранжевую монотонность почвы нарушали маленькие точки черного мха. Между кораблем и морем виднелся участок, покрытый огромными пурпурными цветами на ярко-алых стеблях футов тридцати высотой, едва заметно подрагивавших в неподвижном воздухе.

Забавно, однако сейчас гораздо важнее решить проблему с горючим.

Карабкаясь на холм, он заметил на его склоне вход в небольшую пещеру. Теперь, спустившись вниз, разведчик увидел, что нижний край отверстия располагается значительно выше земли. Он уже было собрался войти внутрь, но тут же резко остановился.

Внутри что-то двигалось.

Закованным в металл пальцем он одним щелчком включил фонарь, вмонтированный в шлем, а другой рукой освободил ультразвуковой пистолет из зажимов на боку скафандра и подождал, пока сработает автоматическая система адаптации его к атмосфере планеты. Наконец оружие слегка завибрировало — значит, пистолет приведен в рабочее состояние.

Да, они, безусловно, нуждались в помощи коренных обитателей планеты, но погибать по причине собственной беспечности все же не стоило.

Сразу за входом в пещеру луч его фонаря высветил с десяток крохотных личинкообразных существ, питающихся чьими-то останками. Каким существам принадлежали прежде эти истонченные фрагменты плоти, распознать было уже невозможно.

Донелли уставился на маленьких белых червей.

— Если вы обладаете разумом, то мне не следует идти дальше. Мне почему-то кажется, что друзьями нам не стать. Или во мне говорят предрассудки и я ошибаюсь?

Поскольку ни он, ни его вопрос не удостоились внимания, космонавт двинулся в глубь пещеры. Щелчок в наушниках опять заставил его резко остановиться — сердце бешено застучало в груди.

Неужели? Так быстро и легко? Он сдвинул экран со счетчика Гейгера, встроенного в нагрудную часть скафандра. Треск стал громче. Донелли стал медленно поворачиваться, и наконец луч от фонарика высветил возле самой стены микроскопические кристаллы. Контрауран! Самое компактное супергорючее, обнаруженное человечеством в ходе исследования Галактики, горючее, не требующее очистки, так как могло существовать только в чистом виде. Все до единого двигатели и атомные преобразователи на всех до единого космических кораблях, построенных за последние шестьдесят лет, были спроектированы с учетом использования именно этого горючего.

Но шесть кристаллов все же не бог весть что. На таком количестве контраурана спасательный катер может только взлететь, чтобы тут же рухнуть в море фтористо-водородной кислоты.

«И все-таки,— подбадривал сам себя Донелли,— это вселяет надежду: ведь удалось найти хоть сколько-то, да еще так близко от поверхности. Принесу с корабля свинцовый контейнер и сгребу их туда. Но, может быть, там, подальше, у этих кристаллов имеются родственники?»

Урановых родичей он не обнаружил, но кое у кого они тем не менее нашлись.

В задней части пещеры пульсировали на земле четыре больших, высотой ему по грудь, зеленых шара, густо испещренных черными и розовыми прожилками. Яйца? А если не яйца, то что?

II

Донелли осторожно обошел загадочные предметы, однако не заметил в них ни единого отверстия. Каким-то образом они прикреплялись к земле, однако даже отдаленно не походили ни на какое растение из тех, что пришлось ему повидать за девять лет скитаний по различным планетам. Они выглядели вполне безобидно, и все же...

В самой глубине пещера раздваивалась, и расходящиеся туннели казались выше и шире, чем ее основная часть. Туннели были абсолютно гладкими и вполне могли сойти за норы огромного червя, если бы не расположенные на равном расстоянии друг от друга стропила, сделанные из материала, напоминавшего дерево. Подземные коридоры уходили далеко вперед, затем резко вниз и в разные стороны.

Это была шахта, и здесь поработала инженерная мысль, примитивная, но вполне действенная.

Донелли не хотелось тратить энергию вмонтированного в шлем передатчика, но он рисковал попасть в какую-нибудь переделку, а трое ученых должны знать о наличии контраурана в этой пещере, пусть даже в ничтожно малом количестве. Ведь может случиться и так, что существа, построившие эти туннели, убедятся в несъедобности пришельца лишь после того, как попробуют его на вкус.

Он включил передатчик.

— Донелли сообщает на корабль! Хорошая новость: я нашел достаточно контраурана, чтобы обеспечить нашу жизнеспособность, даже когда здешняя атмосфера разъест покрытие Гроджена. Мы сможем сидеть кружком в наших скафандрах как минимум еще три дня после того, как корабль будет съеден кислотой. Чудненько, правда? Вы увидите кристаллы почти у самого входа в пещеру. И не забудьте прихватить свинцовый контейнер, когда пойдете за ними.

— Куда вы собрались, Джейк? — услышал он голос Хелены.

— Пара туннелей в задней части пещеры оснащены правильными крестообразными подпорками. Вот почему мы не видели городов, когда спускались. Умные ребятишки на этой планете живут под землей. Я собираюсь попробовать уговорить их заключить взаимовыгодный договор о торговле — если только у нас найдется чем их заинтересовать.

— Погодите минутку, Донелли,— задыхаясь, закричал Блейн.— Если вы встретите каких-нибудь разумных существ, более чем вероятно, что они не владеют универсальным языком жестов. Это неисследованный мир, который дышит фтором. Я опытный археолог и сумею найти способ общения с ними. Позвольте мне присоединиться к вам.

Донелли заколебался. Блейн, конечно, способный человек, но не всегда правильно оценивает ситуацию.

На связь опять вышла Хелена.

— Я все-таки рекомендую вам принять его предложение,— произнесла она ровным голосом.— Арчибальд Блейн может спутать кнопки с рычагами, но он один из немногих людей в Галактике, который знает все девять основных языковых моделей Огилви. И если эти подземные жители не среагируют ни на одну из моделей, значит, они вообще не из нашей Вселенной.

Донелли все еще сомневался, и она постаралась привести еще более убедительные аргументы:

— Послушайте, Джейк, вы — наш командир, и мы подчиняемся вашим приказаниям, потому что вы знаете, как обращаться с панелью управления, а мы — нет. Но хороший командир должен правильно использовать своих подчиненных. И если речь идет о налаживании контактов с неизвестными внеземными существами, то Блейн и я обладаем знаниями, которые вам было некогда приобрести. Вы — космонавт, мы — ученые. Мы поможем вам добыть контрауран, и тогда уже вы будете распоряжаться его использованием, а мы — выполнять ваши приказы.

Пауза.

— Хорошо. Блейн, я буду двигаться по правому туннелю. И вот что, Хелена,— проследите, чтобы его скафандр был как следует застегнут, когда он соберется выходить из корабля. А то в этом желтом воздухе недолго и простудиться.

Приземистый бледный космонавт твердо взялся за сверхзвуковой пистолет и осторожно вошел в туннель. Земля здесь была более твердой, чем на поверхности, она выдерживала его вес, не ломаясь и не растрескиваясь. Это хорошо. Что бы или кто бы ни возник из стены, он непременно заметит это первым.

Джейк поднырнул под опору, и луч света на мгновение устремился вниз. Когда космонавт снова выпрямился, то обнаружил, что его одиночеству пришел конец.

Из дальнего конца туннеля, оттуда, где начинался спуск, медленно двигались несколько длинных, разделенных на сегменты существ. По мере их приближения в наушниках раздавался только слабый шорох.

Донелли с облегчением заметил, что только у одного из существ имелось оружие — грубый топор без рукоятки. Тем не менее достаточной силы удар лезвием топора способен разрушить не только скафандр, но — что гораздо опаснее — защитный слой Гроджена, позволив таким образом атмосфере планеты беспрепятственно разъедать металл. Безрадостная перспектива... Однако аборигены не проявляли враждебности.

Они остановились в нескольких футах от человека, затем три пары трехпалых конечностей шевельнулись вновь, и их обладатели оказались возле Донелли. Длинные тонкие волоски-отростки протянулись от их голов и забегали по его скафандру вопросительно и без страха. Беззубые рты раскрылись, издавая низкие, кулдыкающие звуки.

У аборигенов явно имелся свой язык. Донелли увидел плоские мембраны на их спинах, которые, судя по всему, служили неким аналогом ушей, но тщетно он искал какое-то подобие глаз. Конечно, живя под землей, в темноте, они были слепы. Да, универсальный язык жестов стал бы просто замечательным подспорьем...

Что-то в их длинных, разделенных на сегменты телах цвета слоновой кости, частично волочившихся по земле, показалось Донелли смутно знакомым. Он принялся судорожно рыться в памяти.

И тут в наушниках раздался жуткий треск. Три обитателя подземной норы застыли. Донелли обернулся и чертыхнулся.

Только что вошедший в туннель Блейн врезался в одну из крестообразных подпорок и теперь перелезал через поваленное бревно. Его скафандр, кажется, не пострадал, чего нельзя ска-

зать о чувстве уверенности в себе. Кроме того, в том месте, куда прежде упиралась балка, почва неожиданно слегка вспучилась.

Обитатели пещеры потерлись головными волосками о землю, словно определяя ее намерения, и, прежде чем Донелли успел моргнуть, рванули по туннелю к упавшей опоре. Работая очень слаженно, без каких-либо видимых приказов, они быстро подняли ее и установили в прежнем положении. Затем начали тереться своими отростками о Блейна.

— Дальнего вам космоса, док,— вздохнул Донелли, подходя поближе.

— Ш-ш-ш... Помолчите! — Археолог склонился над ближайшим обитателем подземного логова и начал выбивать покрытыми металлом пальцами странный ритм под его ушным отверстием. Существо отпрянуло на секунду, затем принялось нерешительно издавать низкие кулдыкающие звуки в том же ритме, что и пальцы.

— Вы... вы можете говорить с ним? — Донелли с трудом верилось, что этот старик отнюдь не всегда действует как некомпетентный глупец.

— Огилви, модель пять. Я так и знал! Так и знал! Эти ноги с тремя когтистыми пальцами и резкий изгиб топора. Хотелось бы исследовать материал, из которого сделано орудие,— я сразу заметил, что у него заостренное лезвие. В данном случае пятый язык Огилви просто обязан был подойти. Могу ли я говорить с ним? Разумеется! Мне нужна только пара минут, чтобы установить особенности модели.

Уважение космонавта к академическим знаниям стремительно возросло, когда он увидел, как двое других жителей чужой планеты приблизились к покрытой металлом руке и начали, в свою очередь, издавать звуки.

Они явно присоединились к разговору или к попытке такового. Блейн начал поглаживать бок одного из них другой рукой. В их кулдыканье возникла нотка удивления, оно стало быстрым и отрывистым.

— Потрясающе! — через некоторое время воскликнул Блейн.— Они все добывают из-под земли и наотрез отказываются обсуждать какие-либо наземные явления. Совершенно необычно, даже для пятой модели Огилви. Знаете, откуда они берут свои подпорки? Это корни растений. По крайней мере, так явствует из их описания. Но — обстоятельство весьма важное для Галактического археологического общества — они, похоже, не в состоянии осознать, что такое цветение растений, ибо знакомы только с корневой системой и основанием стеблей. А что касается их общественной жизни, то, как ни странно, она довольно сложна для столь примитивной культуры. Но, быть может, лучше называть ее элементарной? Учитывая те факты...

— Вот и учитывайте их,— предложил Донелли,— а я думаю о контрауране, который нужен нам позарез. Необходимость пользоваться скафандрами резко сокращает время гарантированного обеспечения воздухом — слишком велик расход энергии. Выясните, что может их заинтересовать, дабы заключить взаимовыгодную сделку, и предложите перейти в переднюю пещеру — я покажу, как выглядит контрауран. Мы дадим им свинцовые контейнеры, и пусть они наберут в них как можно больше горючего. Как далеко идут эти туннели?

— Полагаю, под всей поверхностью планеты — будь то море или суша — существует разветвленная сеть таких коридоров. Я не предвижу никаких сложностей. Будучи доминантной формой жизни на этой планете, они на самом деле не плотоядны и вполне дружелюбны.

Пальцы Блейна вопросительно щелкнули перед ближайшим жителем планеты, затем он погладил его по боку — сначала несколькими короткими, потом длинными движениями руки. Существо, казалось, растерялось и кулдыкнуло что-то своим товарищам. Затем оно отодвинулось. Блейн снова щелкнул пальцами и погладил.

— В чем дело, док? Похоже, они рассердились.

— Это из-за моего предложения отправиться в пещеру. Входить туда им явно строжайше запрещено. Видите ли, они варвары и только-только начинают входить в период религиозной культуры, а потому могучее табу берет верх над инстинктом. Кроме того, живя в туннелях, они, вероятно, страдают агорафобией...

— Осторожно! Им пришла на ум какая-то чертовщина!

Один из обитателей туннеля бросился под ноги Блейну. Археолог покачнулся и рухнул на землю. Два других инопланетянина зажали его длинные руки между своими когтистыми конечностями. Блейн отчаянно боролся — он брыкался и извивался, напоминая при этом изумленного слона, на которого напали шакалы.

— Донелли,— выдохнул он.— Я не могу говорить с ними, пока они держат меня за руки! Они... Они уносят меня!

Пара подземных жителей мягкими, но настойчивыми рывками тащила старика по туннелю.

— Не беспокойтесь, док. Они не уйдут от меня. Похоже, упоминание о пещере действительно стало нарушением какого-то строгого табу.

Джейк двинулся наперерез похитителям, но к нему стремительно бросился тот инопланетянин, который свалил с ног археолога. Небольшое лезвие топора было отведено вверх и слегка назад — для удара.

— Послушай, парень,— сказал Донелли примирительно,— мы не хотим ссориться с вами, но у нас сейчас не слишком много энергии, а скафандр дока выйдет из строя очень быстро, если вы утащите его еще глубже. Почему бы вам не поступить по-деловому — позвольте все же показать, что нам необходимо.

Космонавт понимал, что сами по себе слова не имеют ни малейшего значения, но достаточно богатый опыт общения с необычными организмами подсказывал что тихий голос и спокойные слова часто действуют умиротворяюще.

Однако, как оказалось, здесь это правило не сработало. Конечность аборигена внезапно дернулась вперед, и лезвие топора с неожиданной скоростью устремилось к прикрытому забралом шлема лицу Донелли. Тот резко отшатнулся в сторону и почувствовал, что заостренное лезвие топора царапнуло по боковой поверхности шлема. Легкое жужжание в правом ухе сменилось ревом — наушник вышел из строя, а стало быть, покрытие Гроджена повреждено и пары фтористо-водородной кислоты могут свободно въедаться в металл.

— Э-э, нет, так не годится. Полагаю, мне придется...

Обитатель подземного логова молниеносным движением вернул топор в прежнее положение и приготовился к следующему броску. Донелли поднял свое ультразвуковое оружие, с удивлением отмечая про себя потрясающую меткость незрячего существа. Длинные волоски на голове аборигена помогали определить местоположение противника лучше, чем самый совершенный комплекс радаров на новейших космических кораблях.

Перед тем как выстрелить, он ухитрился перевести рычажок интенсивности на верхушке оружия до несмертельной отметки. Прямой луч высокочастотного звука упал на инопланетянина и застал его с поднятым и отведенным вверх когтем. Он завис в воздухе, покачнулся назад и наконец рухнул без сознания на оранжевый пол туннеля. Топор выпал из разогнувшейся когтистой лапы.

Блейн пыхтением выразил свой протест, когда двое других уронили его на землю, бросившись к упавшему товарищу. Донелли поднял оружие, готовый к дальнейшему сопротивлению.

То, что произошло затем, безмерно удивило землянина.

Последовала целая серия движений, таких быстрых, что он едва успел проследить за ними взглядом: один из инопланетян подхватил топор, тогда как другой поднял товарища, которого

Донелли ультразвуковым выстрелом опрокинул на спину. Они быстро взлетели по склону туннеля и проскочили мимо космонавта. Стремительные движения аборигенов вызвали треск во фтористой атмосфере. К тому времени, как космонавт успел обернуться, они уже были у дальнего конца туннеля, там, где он нырял вниз, в самое нутро планеты.

— Да уж, они умеют быть проворными, когда чувствуют, что в этом есть необходимость,— прокомментировал Доннели, помогая спутнику подняться на ноги.— Именно этому следует научиться и мне, если я хочу добраться до корабля раньше, чем начну чихать фтористо-водородной кислотой.

Пока они торопливо — насколько только позволяли тяжелые скафандры — шли к выходу, Блейн, тяжело дыша, пустился в объяснения:

— Они вели себя вполне дружелюбно, пока я не упомянул пещеру. Видимо, по их представлениям, это настолько святое место, что одно мое приглашение пойти туда превратило меня из объекта величайшего интереса в нечто вызывающее крайнее отвращение. Они оставались абсолютно равнодушными к любым нашим нуждам, связанным с этой пещерой. Но предложения взять их туда оказалось достаточно для того, чтобы вызвать яростную атаку.

Донелли задал себе вопрос, кажется ли ему, или он на самом деле ощущает жжение в глазах. Может быть, фтор начал просачиваться сквозь скафандр? К счастью, они уже подошли к выходу из пещеры.

— Не слишком удачно,— заметил он.— Здешних запасов контраурана не хватит нашему кораблю даже на то, чтобы со вкусом откашляться, а без помощи местных жителей нам не найти новых залежей. Но мы не сможем объяснить, что нам нужно, если они не пойдут с нами в пещеру. Кроме того, после этой потасовки их, возможно, сложновато будет разыскать. Почему они пытались уволочь вас?

— Возможно, хотели принести в жертву какому-то примитивному божеству, чтобы умилостивить его. Помните, они находятся на самой ранней стадии варварства. Единственная причина, по которой они не напали на нас сразу, состоит в том, что они с легкостью заняли доминирующее положение среди всех форм жизни в этом мире и уверены в своей способности справиться с любыми неизвестными им существами. Не исключено также, что они намеревались меня исследовать — вскрыть, чтобы определить мою потенциальную пригодность в качестве пищи.

Они нажали сигнальную кнопку у входа в люк корабля и вошли внутрь.

III

Донелли поспешно выбрался из скафандра. В том месте, где была повреждена защита Гроджена, на шлеме осталась тонкая царапина и пары фтористо-водородной кислоты уже начали въедаться в металл. Пробудь он еще немного снаружи — и стопроцентная вероятность гибели гарантирована.

— Привет! — Только сейчас он заметил, что почти треть каюты занимала огромная прозрачная клетка, в углу которой в совершенно расслабленном состоянии находилась красная тварь со сложенными черными крыльями.— Когда прибыл этот детеныш вампира?

— Десять минут назад,— ответила Хелена Наксос, подсоединяя к клетке прибор, измеряющий температуру и давление.— И он (а быть может, она или оно) вовсе не прибыл. Я сама принесла его сюда. После того как доктор Блейн ушел, я обошла остров с телесканером и увидела, как со стороны моря приближается это существо. Оно подлетело прямо к тем пурпурным цветам, начало срезать части лепестков и складывать их во что-то вроде планера, сделанного из ветвей и лиан, который тащило за собой. Эти твари культивируют растения. Та рощица — один из их садов.

— Подумать только! — выдохнул археолог.— Еще одна цивилизация в зачаточном состоянии — на этот раз птичья. Такая цивилизация вряд ли станет строить города — в ней планер появляется раньше колеса.

— Итак, вы надели скафандр и вышли, чтобы поймать ее.— Донелли покачал головой.— Вам не следовало так поступать, Хелена. Это существо вполне могло нанести сильный удар.

— Да, я учла такую возможность. Но я не знала, нашли ли вы там что-то важное, а крылатая тварь, как мне показалось, вполне могла оказаться связующим звеном между нами и этим миром. Особенно ценной могла бы оказаться ее способность летать, в то время как мы прикованы к земле. Когда я подошла, она оставалась совершенно спокойной, не выглядела ни напуганной, ни рассерженной. Поэтому я попыталась воспользоваться своими весьма скромными познаниями в Огилви и применить модель номер один. Не сработало.

— Естественно,— авторитетно заявил доктор Блейн.— Тут совершенно очевидно необходима модель номер три. Ну как же: створчатые крылья, примитивный планер, о котором вы говорили, разведение цветов... Это безусловно Огилви номер три.

— Ну, я-то этого не знала, доктор Блейн. Да если бы и знала, едва ли толку было больше. Глубокие познания в Огилви — слишком большая роскошь для бедной женщины-биолога. В любом случае, после того как контакт сорвался — или так и не начался,— эта тварь совершенно перестала обращать на меня внимание и собралась улетать с нагруженным планером. Я выстрелила в нее ультразвуком — конечно, самым маломощным,— оставила лежать внизу и пришла спросить совета у доктора Ибн Юссуфа: как построить клетку, которая позволит нам держать существо на корабле так, чтобы оно не умерло от отравления кислородом.

— Вы, должно быть, потратили чертову прорву контраурана, Хелена! Я вижу, что у вас тут достаточно сложный контроль за температурой и давлением, а еще высокочастотные увлажнители и вставные контакты. Да и система громкой связи жрет массу энергии.

— Это действительно уменьшит наш запас контраурана до весьма опасного предела, Донелли,— со стоном приподнявшись на койке, вмешался в разговор доктор Ибн Юссуф.— Но мы решили, что в создавшихся обстоятельствах такой расход оправдан. Наша единственная надежда — получить помощь от обитателей этой планеты, а мы можем рассчитывать на нее только в том случае, если нам удастся задержать их достаточно долго, чтобы объяснить наше положение и наши нужды.

— В этом что-то есть,— признал Донелли.— Надо было и мне постараться — приволочь одного из тех, на кого мы нарвались. Впрочем, едва ли от этого было бы много пользы, судя по тому, как они действовали. Надеюсь, вам больше повезет с этой птичкой. Отнеситесь к нему... к ней... в общем, к этому существу с любовью, потому что оно... он... она — наш последний шанс.

Затем они с Блейном рассказали Хелене о подземных обитателях.

— Жаль, что меня с вами не было,— воскликнула она.— Подумать только! Две варварские цивилизации на планете — одна на поверхности, другая под землей — развиваются в полном неведении одна о другой! Ведь обитатели подземных нор ничего не знают о птицах! Я права, доктор Блейн?

— Абсолютно ничего. Они даже отказываются обсуждать этот вопрос. Жизнь на поверхности совершенно чужда им. Их агорафобия — боязнь открытых пространств — возможно, объясняет их нежелание проводить нас в пещеру или к выходу из тунеля. Агорафобия — хм-м-м-м. Тогда эти крылатые твари, возможно, страдают клаустрофобией! Это была бы просто катастрофа! Впрочем, через секунду мы все узнаем. Существо от-

крывает глаза. Где тут устройство, связанное с громкоговорителем?

Хелена уверенно подошла к микрофону и повернула рычажок настройки на несколько делений.

— Возможно, вы правильно угадали модель Огилви, доктор, но для того, чтобы подобрать наилучшую для него звуковую частоту, нужен биолог!

Когда Блейн для пробы издал в микрофон ряд гудящих и жужжащих звуков, создание в прозрачной клетке распахнуло крылья и продемонстрировало ярко-красную окраску своего небольшого тела. Оно подползло к громкоговорителю и широко раскрыло рот, щель которого располагалась не горизонтально, а вертикально. Когда пленник проявлял явный интерес, его крылья медленно постукивали и в их складках появлялись желтые полоски. Два щупальца под челюстью утратили неподвижность и затрепетали во все возрастающем возбуждении.

Переговоры заняли немало времени. Донелли подошел к телесканеру и повернулся лицом к доктору Дугласу ибн Юссуфу.

— Предположим, этот парень согласится нам помочь. Где мы должны посоветовать ему искать контрауран?

Химик лег на спину и задумался.

— Вы знакомы с теорией Квентина о происхождении нашей Галактики? Ну, о том, что поначалу существовали две огромные звезды — земная и контраземная? Затем они столкнулись, а сила взрыва расколола сам космос и наполнила его земными и контраземными частицами, энергия которых деформировала материю и создала новую Галактику. По теории Квентина, возникшая в результате Галактика состоит из земных звезд, до которых периодически долетают контраземные частицы и превращают их в новые звезды. Единственным исключением является контрауран — элемент, противоположный последнему в нормальной периодической системе элементов, который не взрывается, пока он изолирован от тяжелых элементов, расположенных рядом с его оппонентом в таблице. Следовательно, во фтористой атмосфере, с почвой, состоящей из бромистых соединений и...

— Послушайте, док,— устало перебил его Донелли.— Я проходил это в школе много лет назад. Дальше вы начнете рассказывать мне, что в силу своего взрывчатого контраземного характера он в тысячу раз мощнее, чем обычное атомное горючее. Почему так происходит, что вы, ученые, даже в таких чрезвычайных обстоятельствах, как сейчас, должны обсудить всю историю Вселенной, прежде чем дать парню ответ на простой вопрос?

— Извини, сынок. Даже в ситуации смертельной опасности трудно расстаться с выработанными в течение всей жизни академическими привычками. Твое преимущество в том и состоит, что ты привык принимать решение и действовать в доли секунд, тогда как мы тщательно исследуем проблему и лишь после этого пытаемся построить гипотезу. Видишь ли, наука — это дисциплина, порождающая осторожность, и...

— Ну хорошо. Я не стану влезать в обсуждение научных подходов к делу. Где стали бы вы искать контрауран на планете, которая явно его содержит? Я бы сказал, близко к поверхности, где в изобилии залегают более легкие элементы. Вы ведь уже нашли какое-то его количество в пещере на этом острове? Это показывает, что взрывом его выбросило на поверхность, то есть на единственное место, где он мог существовать, когда планета была в стадии формирования. Если здесь имеется еще какое-то количество контраурана, то должны найтись пещеры, аналогичные этой.

Донелли махнул рукой, призывая ученого к молчанию, и склонился к телесканеру.

— Ну что ж, это вполне понятно. Далекий космос, док, это все, что я хотел узнать! Теперь посмотрим, что удастся найти, прежде чем иссякнут жалкие остатки энергии.

Джейк принялся обводить лучом тошнотворное на вид море и береговую линию континента до тех пор, пока не увидел темное пятно на оранжевой почве. Направив телелуч в пещеру, он наконец обнаружил несколько мерцающих кристаллов бесценного контраурана. Таким же образом обследовав другие отверстия, он пришел к выводу, что при наличии в каждой пещере хотя бы небольшого количества столь необходимого им горючего в целом на планете его окажется гораздо больше, чем им сейчас требуется. Сознание того, что они не в силах добраться до всего этого контраурана, который кажется столь доступным лишь на экране телесканера, заставило Донелли вспотеть от гнева и раздражения.

Он сделал еще одно открытие. В глубине каждой пещеры располагался как минимум один туннель, что говорило о присутствии подземных обитателей.

— Если бы только мы могли заставить их понять...— пробормотал Донелли.— Единственной проблемой осталась бы только орбита...

Он поднялся и повернулся, чтобы посмотреть, чего смогли добиться его товарищи в общении с крылатым инопланетянином.

— Великие галактики, что вы с ним сделали?!

Крылатая тварь снова забилась в угол заполненной фтором клетки и сложила черные крылья, полностью закрыв ими тело и так плотно сжав, как будто пыталась отгородиться от всего, что ее окружало.

Доктор Арчибальд Блейн, держа ладони ковшиком над микрофоном, настойчиво издавал какие-то шипящие звуки, периодически гудел и отчаянно жужжал. Никакого видимого эффекта. Черные крылья все плотнее смыкались вокруг туловища пленника. Из громкоговорителя на стене раздавался устрашающий приглушенный клекот, похожий на рыдание.

— Это произошло после того, как он опять упомянул о пещере,— объяснила Хелена Наксос с тревожным выражением на миловидном лице.— У нас все шло так хорошо, мы перешли от простых приветствий к вполне доверительной беседе — девочка уже начала рассказывать нам о своей сложной личной жизни, и тут доктор Блейн спросил, бывала ли она когда-нибудь внутри пещеры. И все, точка! Она уползла и закрылась от нас.

— Они не в состоянии помочь нам! — закричал Донелли.— Эта планета буквально напичкана контраураном, но мы не можем его добыть, потому что у нас нет контраурана, чтобы перебраться через море фтористо-водородной кислоты. Единственный способ получить горючее — это умолять этих крошек доставить его нам либо по подземным туннелям, либо по воздуху. И при этом каждый раз, когда Блейн начинает говорить о пещерах, в которых лежит контрауран, они впадают в истерику. В чем же дело с этими проклятыми пещерами? Почему они им так не нравятся? Вот лично мне пещеры нравятся!

— Расслабьтесь, Джейк,— успокаивала его Хелена.— Мы натолкнулись на строжайшее табу в двух различных культурах. Для этого должна быть причина. Как только мы выявим ее, проблема разрешится сама собой.

— Знаю. Но если мы в самое ближайшее время не выясним, в чем же состоит эта проклятая причина, то непременно превратимся в самые натуральные фтористые соединения.

Женщина вернулась к доктору Блейну.

— Быть может, вам удастся ее вновь заинтересовать, предложив какой-нибудь подарок? Например, превосходный планер или полет в летательном аппарате с двигателем?

— Именно это я и пытаюсь сделать,— раздраженно откликнулся тот, отодвигаясь от микрофона.— Однако у существ, находящихся на пороге цивилизации, предрассудки берут верх над интересом к техническим новинкам. Если только мы имеем дело с предрассудком — мы еще не знаем этого наверняка. Может быть, они боятся именно контрауановых кристаллов?

Доктор Ибн Юссуф приподнялся на здоровой руке.

— Это сомнительно. Если верить спектроскопу, их химический состав не содержит более тяжелых элементов, чем барий. Следовательно, соприкосновение их тел с кристаллами не может привести к какой-либо цепной реакции. Может быть, их тревожит само существование этих кристаллов.

Блейн нахмурился.

— Нет. Едва ли. Должен быть фактор, тем или иным образом тесно связанный именно с ними. Если бы мне только удалось привлечь ее внимание! Но, что бы я ни говорил, она лишь теснее забивается в угол и клокочет.

Ученый опять принялся настойчиво жужжать, пытаясь вложить в это занятие весь свой археологический опыт и знания, накопленные за довольно долгую жизнь.

Донелли взглянул на индикаторы горючего. На губах космонавта появилась кривая ухмылка.

— Мне придется выйти и взять те кристаллы контраурана в пещере. Эта клетка, возможно, создала вполне комфортабельные условия для птички, но нас она оставила на бобах.

— Подождите, я пойду с вами,— предложила Хелена.— Может быть, мне удастся понять, что делает эти пещеры столь устрашающими.

Она надела скафандр. Донелли, бросив горестный взгляд на свой поврежденный шлем, вытащил из шкафа другой металлический головной убор. Оба тщательно проверили ультразвуковые пистолеты. Космонавт подивился про себя неожиданному мастерству женщины.

— Видите ли,— услышал Донелли ее голос в наушниках, когда они уже направлялись к холму.— Если доктор Блейн сумеет добиться успеха в налаживании контакта с этим существом и мы сможем добраться до оживленной орбиты и спастись, у него будет просто сенсационное сообщение для Галактического археологического общества. Шутка ли! Две существующие одновременно, но не связанные между собой цивилизации! Я сама смогу сделать маленький доклад о биологической природе этих существ на основании тех немногих выводов, которые успела сделать, не имея возможности изучить их внутреннее строение. Даже доктор Ибн Юссуф, хоть он и прикован к постели, обдумывает весьма интересную идею относительно химического состава бромистой почвы. А вы — ну, я представляю себе, как вам хочется добраться до места, где вы сможете наконец выпить.

— Нет.

На скрытом под шлемом лице женщины возникло вопросительное выражение.

— Нет,— продолжал Донелли.— Если мы выберемся отсюда, я собираюсь извлечь все преимущества из закона о спасательных катерах. Слышали о таком?

Хелена понятия не имела. Ее глаза за забралом шлема заблестели от любопытства.

— Закон спасательного катера — один из самых старых космических законов. Любой космонавт — старший или рядовой,— который при определенных обстоятельствах вынужден принять на себя командование спасательным катером и благополучно приводит его в безопасное место, подает письменное заявление и получает лицензию на звание третьего офицера. Это называется законом спасательного катера, потому что именно к нему относится. Опыт у меня есть. Мне нужна всего лишь лицензия.

— Вот как?! А что вы намереваетесь сделать, получив звание третьего офицера? Напиться, как только выберетесь с Ио?

— Нет, представьте себе. Трудно объяснить — может быть, вы не поймете,— но в качестве третьего помощника командира корабля я бы не стал напиваться. Быть просто космонавтом — это весьма утомительная и непрестижная работа, вот почему после взлета из космопорта не остается ничего другого, кроме как постоянно надираться. И чем дольше вы в космосе, тем больше вы пьете. А получив должность третьего помощника, я бы вообще перестал пить — ну разве что позволил бы себе расслабиться в отпуске. Я прослыл бы самым трезвым и чопорным третьим помощником из всех, кого травит своей стряпней повар, а кроме того, самым дисциплинированным и отчаянным. Вот так-то!

— Взгляните туда! — вскрикнула Хелена и замерла, стоя спиной к входу в пещеру.

IV

Джейк Донелли повернулся и взглянул на корабль. Наискосок от него, в рощице мясистых пурпурных цветов, он увидел как минимум десяток крылатых созданий, похожих на то, которое Блейн пытался заинтересовать разговором. Далеко над морем виднелись множество точек, которые становились все больше и по мере приближения превращались в таких же птиц. Некоторые из них тащили за собой планеры. Другие несли легкие трубки. Что это? Духовые ружья?

— Интересно, как они узнали о Сьюзи? — поразился космонавт.— Она не вернулась в обычное время, и ее родичи отправились на поиски? Или они — телепаты?

— Возможно, и то и другое. Они, кажется, чувствуют, когда один из них в беде. Как вы считаете, они настроены воинственно?

— Ну что вы! Просто решили поразмять крылья. Они же не знают наших намерений — то ли мы решили сделать из Сьюзи фрикасе, то ли просто сварить. Давайте лучше нырнем в пещеру.

Едва увидев белых червей, биолог оживилась.

— Жаль, что я не в состоянии точно сказать, чем они питаются. Не исключено, что могу ошибиться. Такое вполне возможно, Джейк. А где те яйца, о которых шла речь?

— Яйца? Там, сзади. Странные, однако, яйца.

Хелена скользнула вперед, свет ее фонарика выхватил огромные, по грудь высотой, шары. С невнятным восклицанием она наклонилась и внимательно осмотрела один из них. Он медленно раскалывался вдоль розовой прожилки. Донелли с надеждой ждал.

— Нет,— она выпрямилась.— Все это не поддается логике. Даже если допустить такую возможность, что те мелкие червеобразные существа у входа в пещеру — живые детеныши обитателей туннелей, а эти яйца — птичьи, это все равно не объясняет причину того, что от среды обитания родителей их отделяет такое расстояние. Будь это детеныши одного из видов, все оказалось бы наоборот. С их абсолютными табу и соответствующими фобиями птицы не залетали бы так далеко в пещеру, а обитатели подземелья не подползали бы так близко к поверхности. Более того, они бы неизбежно когда-нибудь столкнулись и узнали о существовании друг друга. Опять же, даже если принять во внимание, что врожденные табу очень распространены среди всех примитивных рас, они все-таки вряд ли принимают форму психоза, который демонстрируют оба вида, когда дело касается пещер. Мне понадобятся длительные изыскания и тщательные анализы, чтобы решить эту проблему.

— Чертовщина какая-то! — выругался он.— Речь идет не о исследовательской работе для научного общества или о чем-либо в том же духе! Мы спешим. Это вопрос жизни и смерти, женщина! Не можете ли вы думать чуток побыстрее?

Она беспомощно развела руками в своем неуклюжем скафандре.

— Простите, Джейк. Я стараюсь изо всех сил, но у меня просто нет достаточного числа фактов, чтобы основать на них анализ двух отдельных, незнакомых сообществ. Я не социолог, а биолог. И что касается этих тварей, большего сказать не могу — я дошла до предела возможного.

— Мы все дошли до ручки,— пробормотал Донелли.— Пещеры — это порог, ведущий к нашему выживанию, если мы сумеем заставить этих крошек собрать контрауран и принести его

нам. Птицы летают у порога подземного царства, но не переступают его, тогда как подземные жители подползают к порогу, ведущему на поверхность, но не идут дальше.

— И обе расы находятся на пороге цивилизации. Интересно, сколько уже времени они тут существуют.

Космонавт поставил на землю свинцовый контейнер, готовясь собирать кристаллы контраурана.

— В любом случае, почему они так боятся этих пещер? Что, по их мнению, с ними произойдет, если они переступят этот порог?

— Что... по... их... мнению... с... ними... произойдет? — медленно повторила Хелена.— Чего мы все опасаемся, страх чего присущ любому животному? Но... яйца... Господи, да конечно! Конечно!

Женщина быстро наклонилась к нему, и Донелли услышал, как звякнули друг о друга их шлемы.

— Простите,— сказала она,— я забыла. Я пыталась поцеловать вас. Какой прекрасный аргумент, Джейк!

— О чем это вы? — Он чувствовал себя до ужаса неловко и... виноватым в своем невежестве.

— Мне придется обдумать все детали по дороге. Полагаю, доктор Блейн — когда я перескажу ему ваши слова — сумеет помочь. Как это чудесно, когда стоит только убрать один камень из пирамиды невежества — и вся структура рушится. А теперь, Джейк, не могли бы вы пойти в этот туннель и доставить одного живого, но слегка оглушенного его обитателя? Видите ли, это необходимо.

— Я... полагаю, что могу. Куда вам его доставить?

— Это, Джейк, это, а не его! Несите прямо сюда, на середину пещеры. Я буду вас ждать. Скорее!

Она выбежала из пещеры и бросилась к кораблю. Донелли посмотрел ей вслед, недоумевая, какие же особенно умные аргументы привел, затем переключил свой ультразвуковой пистолет на самую низкую частоту и направился в сторону туннелей.

Перед развилкой он помедлил. Их с Блейном небольшая стычка с обитателями подземелья произошла в правом туннеле, и, вполне вероятно, теперь там установлена какая-нибудь хитрая западня; поэтому он предпочел войти в левый коридор.

Этот проход ничем не отличался от того, в котором Джейк уже побывал. Тщательно вырезанные опоры и здесь располагались через равные промежутки, а закругленные стены выглядели гладкими. Подойдя к началу крутого спуска, он стал передвигаться с предельной осторожностью. Стоит только поскользнуться и полететь вниз, в какую-нибудь дыру, неизвестно, сколько придется падать.

Склон становился все более отвесным. Фонарь в шлеме Донелли неожиданно высветил впереди еще одну, более сложную развилку, куда выходили шесть туннелей. Перед одним из них два подземных жителя вырезали конец огромного корня из потолка туннеля.

Когда луч фонаря упал на них, они одновременно развернулись и на долю секунды устремили к нему волокна на головах. Затем, сверкнув телами цвета слоновой кости, оба бросились к входу в туннель.

Донелли показалось, что он промахнулся. Он поднял оружие в тот момент, когда они прыгнули. Однако один все же упал на пол, уронив топор. При этом абориген оставался в сознании, слабо кулдыкая на приближавшегося космонавта. Донелли перебросил его через плечо и поспешил обратно. Существо слабо извивалось под его рукой.

За спиной раздался странный, настойчивый топот множества ног. Преследуют. Ну что ж, они не осмелятся побежать за ним в пещеру. Однако жаль, что скафандр такой тяжелый. Джейк часто оглядывался, но туннель позади пока оставался пустым. Неприятно, когда на тебя нападают сзади в удушливых подземельях чужой планеты. Добравшись до пещеры, Донелли сразу почувствовал себя лучше, в то время как украденный обитатель подземелья буквально окоченел от страха. Топот стал громче, затем смолк, затем возобновился в замедленном темпе.

Хелена Наксос и Блейн сидели на корточках около четырех огромных шаров с прожилками, птица слабо трепыхалась между ними. Они держали ее под прицелом ультразвукового ружья. Крылатое создание явно получило свою дозу ультразвука, как и пленник Донелли. На том же самом жужжащем и гудящем языке Блейн словно пытался убедить ее в чем-то, но явно без особого успеха.

— Положите это сюда, рядом с ней,— приказала Хелена,— еще немного времени и воображения — и мы сумеем выбраться из этой переделки. Однако не станем забегать вперед. Джейк, вам придется выступить чем-то вроде вооруженной охраны на этой конференции. Нас нельзя беспокоить. Соратники Сьюзи слишком напуганы, чтобы проникнуть в пещеру, но с тех пор, как мы перенесли ее с корабля в пещеру, они не перестают дико скандалить.

— Я присмотрю за ними,— пообещал космонавт.

Подойдя к выходу из пещеры, он ахнул от изумления. Шафрановое небо потемнело от множества чернокрылых птиц, описывающих короткие круги. Рой таких же созданий окружил корабль, и космонавт заметил, что им удалось оторвать его от

поверхности и слегка сдвинуть в направлении моря. Похоже, в данном случае речь шла отнюдь не о попытке умилостивить божество, а только о мести — о возмездии за те невыразимые пытки, которым, с их точки зрения, люди подвергли пленницу.

Ультразвуковой луч слабой мощности отшвырнул от корабля ошеломленную черную массу. Их место заняли другие. Донелли и им выдал достаточную порцию ультразвука.

После этого они оставили корабль в покое и, зажав в клювах свои трубки, принялись носиться низко над космонавтом. Вокруг противно жужжали зазубренные дротики. Донелли почувствовал, как один из них, ударившись, отскочил от его груди,— оставалось только надеяться, что они не смогут так сильно повредить защиту Гроджена, как оружие обитателей подземелья. Он отодвинулся в тень пещеры.

Хелена, доктор Блейн и два аборигена приблизились сзади и встали за его спиной около белых червей у входа в пещеру.

— Здесь довольно опасно,— предупредил он.— Эти ваши птички — весьма меткие снайперы.

— С этим ничего нельзя поделать,— ответила женщина.— Мы уже почти у цели. Полагаю, что они прекратят метать дротики, как только хоть мельком увидят сестричку Сьюзи. Мы будем в безопасности, пока находимся рядом с ней. Сейчас гораздо важнее каким-то образом утихомирить нападающих с противоположной стороны. Эти подземные жители швыряются чем-то жутким, причем с довольно большого расстояния.

Джейк прошел мимо них к задней части пещеры, обратив внимание, что как крылатое, так и когтистое существа уже не находятся под воздействием ультразвука, но оба напряженно слушают доктора Блейна, который то щелкает одному, то гудит другой. Хелена жестом указала существам на белых червей и их отвратительную еду, а потом махнула рукой в их сторону.

«По крайней мере,— мрачно подумал Донелли,— нам удалось вызвать их интерес».

Он начал кашлять. Ошибки быть не могло: через какую-то царапину в скафандре просачивались пары фтористо-водородной кислоты. Фтор разъедал легкие. Однако думать о собственном здоровье времени не было.

Существа цвета слоновой кости установили нечто вроде примитивной баллисты в нескольких футах от конца туннеля и с вполне приличной скоростью метали топоры в пещеру. От этих снарядов было легко уклониться, но голова Донелли стремительно тяжелела, пару раз он даже споткнулся. Не успевало его ультразвуковое оружие смести их в сторону от баллисты, как они тут же они упрямо и решительно возвращались обратно.

Медленный, злобный огонь поселился в груди Донелли и жгучими пальцами неумолимо тянулся к горлу.

Он оглянулся через плечо. В поглощенную беседой группу у входа в пещеру больше не летели дротики. В отличие от подземных обитателей птицы бережно относились к своим сородичам. Но едва Джейк начал поворачивать голову, как тяжелый предмет врезался сзади в его шлем. Космонавт почувствовал, что падает. Он все же успел увидеть, что житель подземелья, захваченный им ранее в плен, присоединился к сотоварищам, а Сьюзи вылетела навстречу ожидавшей ее туче птиц, и все они жужжат и гудят как ненормальные.

«И все зря, все впустую,— подумал он, ощущая, как огонь начинает пожирать его мозг.— Хелена позволила им сбежать».

Сквозь мерцающий туман желтой боли он вроде бы увидел поспешно приближающихся к нему Хелену и доктора Блейна. Ему также почудилось, будто один из огромных шаров раскололся вдоль розовой прожилки и оттуда что-то вылезло.

Но Джейк не был уверен ни в чем, кроме удушливой темноты, в которой корчилось его тело, ни в чем, кроме невероятной боли в груди...

Донелли очнулся и тут же уверенно — насколько позволял ему опыт бывалого космонавта — определил, что двигатель корабля работает идеально. Тело казалось неправдоподобно легким. Джейк попытался сесть, но, оказалось, сил для этого было явно недостаточно — ему удалось лишь слегка повернуть голову и увидеть спины двоих мужчин. Через несколько мгновений он узнал Арчибальда Блейна и Дугласа ибн Юссуфа. Доктор Юссуф был без гипса и весьма оживленно спорил с доктором Блейном по поводу топора, заключенного в пластиковый футляр.

— Надо же, я — в койке доктора Юссуфа,— глуповато пробормотал Донелли.

— С возвращением! — В поле зрения его повлажневших глаз неожиданно возникла Хелена.— Долго же вы отсутствовали.

— Отсутствовал?

— Попавшей в ваш организм фтористо-водородной кислоты оказалось бы вполне достаточно, чтобы вывести из строя целый стеклянный завод. Мне пришлось вывернуть наизнанку все свое биологическое образование, чтобы спасти вашу воинственную жизнь. Мы использовали почти все имеющиеся на корабле лекарства, а органический деконвертер-и-респиратор доктора Юссуфа, который он сконструировал и опробовал на вас, сделает его первым физхимиком, который получит Премию Солнечной системы в области медицины.

— Когда... когда мы взлетели?

— Давно, много дней назад. Мы уже где-то поблизости от оживленной орбиты, не говоря уже о галактическом патруле. Наши резервуары забиты контраураном, второй двигатель работает, хотя и с перебоями, а преобразователь функционирует бодро как никогда. В благодарность за оказанную нами помощь обитатели Максимилиана-II принялось столь рьяно собирать контрауран, что забили им до отказа все до единого свинцовые контейнеры. Если поначалу они воспринимали нас как олицетворение смерти, то потом пришли к выводу, что люди, напротив, несут спасение от нее или, как минимум, избавление от страха смерти. И все это сделал Джейк Донелли.

— Я?! Да неужели? — осторожно осведомился Джейк.

— А разве нет? А кто же, как не вы, подал идею о том, что пещеры — порог между жизнью и смертью? Я слышала это собственными ушами. Ваши слова стали той единственной — и решающей — подсказкой, которая мне понадобилась. Пещеры имеют отношение не только к священному таинству рождения, но и — что гораздо более важно для примитивного ума — к ужасному страху смерти. Вы назвали их своего рода пределом, порогом. И они действительно служили порогом — и не только между жизнью и смертью, но и между подземными жителями и птицами. Как только вы подбросили мне эту мысль, осталось лишь проверить небольшую научную гипотезу — и стало абсолютно ясно, почему все делается в обратном порядке: яйца подземных жителей оставляют у выхода на поверхность, яйца птиц кладут в глубине — и почему они никогда не встречаются друг с другом.

Космонавт ненадолго задумался, затем медленно кивнул.

— Как все просто,— пробормотал он.— Да, именно просто. А эта ваша маленькая научная гипотеза — в чем она состояла?

— В том, что птицы и подземные обитатели — это формы одного и того же существа на разных стадиях жизненного процесса. Когда силы крылатых созданий начинают угасать, они спариваются, находят пещеру и умирают в ней, прежде чем из яиц успевает вылупиться потомство. Их детеныши, те самые белые черви, питаются останками родителей до того времени, когда у них отрастают когтистые лапы, после чего уходят вниз, в туннели, где становятся уже подростками.

Эти подземные жители, таким образом, всего лишь личинки, причем бесполые. Тем не менее они весьма искусно укрепляют туннели, а созданную ими технологию земляных работ доктор Блейн и доктор Юссуф находят весьма впечатляющей. Через несколько лет тот или иной житель туннеля выходит в

пещеру и обратно уже не возвращается — вот почему остальные подземные обитатели уверены в его смерти. На самом же деле он превращается в куколку — именно их мы и обнаружили — и остается в таком виде до тех пор, пока внутри кокона полностью не разовьется крылатое существо. Затем оно вылетает из пещеры на воздух, где так называемые птицы принимают его как младшего члена семьи. Память о личиночном состоянии у них явно не сохраняется.

Вот таким образом и возникают две не ведающие одна о другой цивилизации, совершенно различные, но имеющие единое происхождение. Представители обеих цивилизаций на любой стадии своего развития осознают теснейшую связь пещер с таинствами рождения и смерти — одни приходят туда умирать, другие там рождаются. Насколько дело касается этого организма в любой стадии, он приходит в пещеру только умирать, и из пещеры, неким таинственным для него способом, происходит и его собственный вид. Поэтому табу, причем самое строжайшее, существует по обе стороны порога, и сама мысль о нарушении его вызывает психическое расстройство у обитателей как подземелий, так и небесных сфер. Это табу, конечно, решающим образом воздействовало на их развитие в течение многих веков, может быть, даже тысячелетий. Вам интересно?

— Еще бы!

— Ключ, подсказка, намек — вот что было важно, Джейк. Получив его, я смогла сопоставить жизненный цикл обитателей Максимилиана-II с особенностями вида гома на Венере, чешуекрылых на Земле и сисменсинси на Алтере VI. А решающим аргументом, подтвердившим правильность моей гипотезы, оказался тот факт, что одно из крылатых существ вылупилось из кокона как раз в тот момент, когда я заканчивала свои объяснения.

— Ну и как они все это восприняли?

— Поначалу были ошеломлены. Однако мне удалось в полной мере удовлетворить их интерес, а главное — навсегда освободить от гнетущего страха. Конечно, они по-прежнему умирают в пещерах — в этом плане все, естественно, осталось неизменным. Но теперь они получили возможность воспринимать жизнь как совершенный репродуктивный цикл, а пещеры — как ключевую точку своего развития. А какую совместную деятельность они могут развернуть! Да, собственно, уже разворачивают.

— Совместную деятельность? — Донелли почти удалось сесть. Хелена обтерла ему лицо мягкой тканью.

— Разве вы не догадываетесь? Жители подземелья повреждали птичьи сады, выкапывая корни. Теперь они будут использо-

вать только старые, сильные растения, которые наземные существа специально оставят для них. Кроме того, обитатели туннелей обеспечат корням растений питательное пространство для роста. В ответ птицы принесут им прежде недоступные наземные растения, а они, в свою очередь, обеспечат крылатых тем, что добывают и создают в своих шахтах. А какое интеллектуальное развитие отныне получат их детеныши, путь и на расстоянии. А когда система ламп дневного света, которую специально для них разработал доктор Юссуф, станет повсеместной, птицы смогут свободно путешествовать по туннелям и выведут их обитателей на поверхность. Все инстинктивное и случайное будет вскоре вытеснено развитой наукой.

— Неудивительно, что они с таким энтузиазмом добывали контрауран. И после того, как вы столько для них сделали, пришлось еще чинить корабль, возиться со мной, взлетать и прокладывать курс к ближайшей космической трассе?

Она пожала плечами.

— Доктор Блейн помог со взлетом. На этот раз он не перепутал кнопки! Кстати, что касается отчета, корабль мы поднимали в воздух под вашим прямым руководством.

— Вот как?

— Именно. Верно, доктор Блейн?

Археолог нетерпеливо оглянулся.

— Ну-у, разумеется... Разумеется! С тех пор как на борту «Ионийского Фартука» произошла катастрофа, я все время выполнял приказания мистера Донелли.

Возникла пауза, в течение которой доктор Блейн опять принялся втолковывать что-то насчет топора доктору Юссуфу.

— Сколько вам лет, Хелена? — спросил Донелли.

— О... уже много.

— Вы хотите сказать, что слишком умны и образованны для меня?

Женщина кокетливо склонила голову и загадочно улыбнулась.

— Возможно, и так. Посмотрим. Для начала нам необходимо вернуться на оживленную космическую трассу и убедиться в том, что опасность нам больше не грозит. Потом вам предстоит еще получить лицензию третьего помощника... Эй! Над чем это вы хохочете? Я что, сказала что-то смешное?

Донелли никак не мог справиться с приступом смеха.

— Нет-нет, я просто подумал о том, как мы в конечном итоге раздобыли контрауран. Мы всего лишь объяснили скопищу гусениц, что детей приносят бабочки!

Вопрос частоты

Доктор Амадей Баллихок с гордостью указал пальцем через весь огромный кампус Университета Мег, Беш и Хэл Турман.

— Вот,— выдохнул он, обращаясь к взволнованно внимавшей ему группе,— вот это совершенное, обтекаемой формы здание, украшенное диагональными полосами. Гордость Университета и последнее дополнение к нашим великолепным образовательным возможностям. Дименокоммунаплекс!

— Целое здание,— с благоговением, греющим душу любого мужчины, воскликнула молодая женщина справа от него,— для одного только прибора!

Президент университета любезно улыбнулся ей и перевел взгляд на остальных посетителей. Его широкая грудь под сшитой дорогим портным рубашкой из чистого стекла прямо на глазах раздувалась от гордости.

— Да. Одна машина.

— Один только вопрос, сэр,— неуверенно сказал очень красивый молодой человек, сотрудник иллюстрированного журнала «Телевидение во вторник».— Меня немного смущает только один момент, доктор: ведь Дименокоммунаплекс вряд ли можно считать образовательным прибором. Я хочу сказать... Его ведь не будут использовать для обучения? Он предназначен для исследований, верно? Для какого-нибудь сумаса?

При этих словах все остальные журналисты явно задумались и принялись чесать в отмытых дорогими шампунями затылках тщательно наманикюренными пальцами.

— Знаешь, Стив,— медленно проговорила хорошенькая девушка.— Я думаю, в твоих словах что-то есть. Если этот прибор для какого-нибудь сумаса, он не может быть полезен для образования. Это уже относится к фигне типа «Открытие новых границ» или чего-то в том же духе. А за такой материал не захочет платить ни один спонсор. Если дело касается сумаса, необходи-

мо все записывать, потому что возникает куча технических подробностей. А раз приходится делать записи, что происходит с непосредственностью хорошего телевизионного журналиста?

— Непосредственность бесследно улетучивается, Лаура,— кивнул ей молодой человек,— откуда ей взяться, если тебе придется читать свои записи, чтобы объяснить все, что происходит. Я имею в виду, кого все это заинтересует? С таким же успехом можно вернуться к тем сухим, как пыль, газетным отчетам, какие писали когда-то в старину.

— В дни сумасов,— добавил кто-то из группы,— в двадцатом веке.

Вся группа в ужасе содрогнулась.

— Вовсе нет,— резко вмешался в обсуждение доктор Баллихок. Все обернулись, и он вновь громко повторил самым убедительным тоном: — Вовсе нет! Ничего подобного!

— Что вы имеете в виду, сэр? — спросил Стив.— Любой прибор под названием Дименокоммунаплекс, уж конечно, является проектом какого-нибудь сумаса.

— Разумеется. Но, во-первых, мой дорогой, тот сумас, который участвует в этом проекте, находится под охраной и самым внимательным надзором некоторых наших беднейших умов. Кстати, разрешите мне с законной, отеческой гордостью сообщить вам, что он находится под надзором нашего факультета и студенческого коллектива, который в этом году обладает в среднем самым низким коэффициентом интеллекта среди всех колледжей всей страны.

— Да что вы говорите?! — воскликнула Лаура, с энтузиазмом оглядываясь по сторонам.— Это стоит вставить в мое шоу. Я люблю рассказывать о прогрессе и таким образом внушать своей аудитории, что мы продвигаемся вперед... ну или что-то в этом роде. Вы меня понимаете?

— Конечно, понимаю,— заверил ее доктор Баллихок; тепло улыбаясь девушке, он с удовольствием разглядывал приятные изгибы ее тела, отчетливо просвечивающие сквозь прозрачное, с зеленым оттенком, платье.— Вам, журналистам, не понадобится делать какие бы то ни было заметки по поводу Дименокоммунаплекса по той простой, но весьма существенной причине, что никому из вас не удастся даже приблизиться к пониманию принципов его функционирования. Этот проект был отдан на разработку исключительно сумасам, и только самые деградировавшие из них могут сообразить, как он работает. Люди, такие, как вы, или я, или ваши телезрители, способны разве что описать его действия и производимый эффект — если он возникнет.

Раздался общий вздох облегчения. Стив вышел вперед и протянул руку.

— Примите мои извинения, доктор. Я на самом деле не имел в виду, не намекал на... на... ну, вы понимаете...

Доктор Баллихок кивнул.

— Вполне. Журналист, который появляется на миллионах экранов, просто обязан проявлять крайнюю осторожность. В этой стране и без того достаточно сумасов и их идей! Теперь, когда мы убедились в полном взаимопонимании, могу я попросить вас набраться терпения: все объяснения по поводу образовательного значения Дименокоммунаплекса вы получите после того, как мы отправимся туда на своих скутерах. Эксперимент должен начаться ровно в четыре тридцать. И нас ожидает встреча с весьма нестабильным индивидуумом.

Они вновь взобрались в весело разрисованные скутеры, потянули за украшенные лентами рычаги рулевого управления и взмыли вверх под приятный аккомпанемент крошечных серебряных колокольчиков, укрепленных на миниатюрных задних бамперах.

— Каково же образовательное значение Дименокоммунаплекса? — вновь принялся ораторствовать президент университета, устроившись на своем месте в ведущем скутере.— Ну, во-первых, существует чисто визуальный интерес студентов к столь сложной технике. Мы будем всячески поощрять учащихся за каждый час, проведенный в здании за созерцанием аппарата. Конечно, это ни в коем случае не является неприятным или — могу ли я употребить это слово? — «сумасбродным» способом проводить время, отведенное для обязательных занятий в колледже. Разумеется, та группа, которая посещает здание Арифметики, предпочтет провести час здесь, чем тратить его, как они это обязаны делать сейчас, на деление в столбик или десятичные дроби. Эти молодые люди могут впоследствии получить докторскую степень в области администрирования, как я, например; тогда они вынуждены будут управлять и нести ответственность за опасную умственную энергию от десяти до сотни сумасов. Когда еще они найдут лучшую возможность наблюдать за этими созданиями, как не на первых курсах колледжа?

— А оставшаяся часть образовательного аспекта — коммуникация,— заметила Лаура.— По крайней мере, в университетском рекламном буклете, присланном в мою студию, написано: «Пространственная коммуникация». Что это такое?

— Это выражение сумасов,— пожал плечами доктор Баллихок,— вот сумасы пусть его и объясняют. Счастлив сообщить, что мой коэффициент интеллекта гораздо ниже опасной отметки сто двадцать баллов. Пространственная коммуникация? Каза-

лось бы, должна подразумеваться коммуникация между разными измерениями. Какая от этого польза — понятия не имею. Но, как со всеми разработками сумасов, никогда ничего нельзя знать наверняка. Это может привести к чему угодно. Например, скутеры, на которых мы сейчас передвигаемся, приводятся в движение некоей излучаемой энергией, открытой сумасом-астрономом,— он валял дурака с какими-то космическими лучами. Другой, менее деградировавший сумас — на самом деле почти нормальный человек,— применил открытие в инженерном проекте, относящемся к средствам передвижения, и это дало возможность нормальным людям-техникам производить скутеры для нас. Вот почему все расходы, которые мы несем, заботясь о сумасах и предоставляя им пищу, совершенно необходимы. Никогда нельзя знать заранее, когда тот или иной их приступ прикладной науки — или даже припадок совершенно теоретической — приведет к чему-нибудь полезному.

— Или опасному! — вступила в разговор молодая матрона, до сих пор державшаяся в стороне.— Вспомните атомные бомбы, динамит — все эти ужасные вещи, которые сумасы, бывало, делали в старину, их философию...— Она содрогнулась и плотнее запахнула розовый жакет из стекловидного материала.

— В старину. В том-то и все дело. Вспомните, пожалуйста, историю,— наставительно сказал доктор Баллихок.— Первый человек приручил жизнь в форме низшего животного, чтобы обеспечить себя пищей. Затем он приручил материю в форме машин, чтобы они работали за него. А затем произошло самое главное, последнее событие! Человек приручил ум в виде сумасов, чтобы они думали за него!

Они прибыли к полосатому зданию со стреловидными опорами и сошли на землю. Стив указал на несколько располагавшихся прямо за новым зданием низких старомодных кирпичных строений, окруженных колючей проволокой.

— Это школа сумасов, доктор? Я знаю, что такая школа есть в вашем кампусе, и три года назад даже делал о ней краткое сообщение для тех людей, которых это могло заинтересовать.

— Да. Пожалуйста, не расстраивайтесь так, леди. Эти создания присутствуют здесь отнюдь не в опасных количествах и под строжайшей охраной. Наши законы в области государственного образования по-прежнему требуют, чтобы университеты содержали как минимум по одному колледжу — с отдельным, но адекватным остальному оборудованием — для тех, кто обладает душераздирающе высоким коэффициентом интеллекта. Однако я надеюсь, что недалек тот день, когда ради всеобщей безопасности их будут содержать отдельно — как уже произошло

с большинством этих несчастных — в надежных, с прочными стенами учреждениях под неусыпным надзором специалистов по сумасам.

По знаку доктора Баллихока охранник отодвинул тяжелый дверной засов.

Внутри здания располагалось одно-единственное помещение, занятое под электронную машину. Впечатление было такое, будто паук сплел в этих стенах свой проволочный шедевр. Ряды трансформаторов застыли в ожидании энергии, которая хлынет в их компактные стержни. Электронные лампы, разбросанные, словно капли дождя, по огромной металлической пластине в центре комнаты, оставались пока обесточенными и слепо таращились на вошедших.

Возле металлической пластины находилась приборная доска со множеством индикаторов, рядом с которой стоял человек весьма неряшливого вида, волосатый и хмурый. Тонкие металлические нити охватывали обе его лодыжки и исчезали в отверстии в полу, где, судя по всему, были намотаны на катушку, что позволяло человеку передвигаться в случае необходимости. Когда он возвращался на прежнее место, избыток нити втягивался обратно. Рядом постоянно находились два охранника: тот, что стоял справа, был вооружен весьма эффективным небольшим бластером; второй держал в руках крошечный радиопульт, управлявший работой металлических нитей.

— Дамы и господа,— обратился к телевизионщикам президент,— перед вами сумас-физик под номером 6Б 306, или, как записано в его свидетельстве о рождении, Реймонд Дж. Тинздейл. Его абсолютно нормальные родители даже не подозревали об умственных дефектах своего отпрыска до тех пор, пока целый ряд толковых изобретений ребенка не заставил их обратиться к администратору по детскому тестированию, который и открыл им правду.

— Какой ужас! — простонала Лаура.— Да после этого и детей иметь не захочешь — ведь такое может случиться с каждым!

Доктор Баллихок мрачно кивнул.

— Может. Утешением тут может послужить только тот факт, что об уродце будут заботиться до конца его дней — родителям больше никогда не придется его видеть. И конечно, мы используем их для осуществления трудотерапии в отношении таких же несчастных, как они сами.

— Зоопарк,— с горечью заметил сумас-физик 6Б 306.— Передвижной зоопарк прибыл поглазеть на людей. А теперь они захотят, чтобы их развлекали. Кого волнует, что мое оборудование еще не отлажено?!

— Ну-ну-ну...— предостерегающе произнес президент.— Не стоит впадать в буйство, иначе мы будем вынуждены лишить вас оборудования и книг на неделю. Пожалуйста, объясните, что это такое. Ах да, охранник! Заставьте его надеть рубашку — здесь же присутствуют дамы!

Охранник натянул на сумаса рубашку, и тот раздраженно помотал головой.

— Сама атмосфера кондиционирована, сезоны контролируются, каждое треклятое одеяние полностью прозрачное... И в то же время нельзя и шага свободно сделать — ни на метр, ни на секунду! Что за мир! — Он ударил кулаком по раскрытой ладони и вздохнул.— Ну, ладно. Мы называем этот агрегат Дименокоммунаплекс. Не потому, что мы так хотим, но потому, что надо же как-то его называть, а Джоджо тут подумал, что нам бы следовало окрестить его Баллихокером. Итак, это Дименокоммунаплекс. Он предназначен для межпространственных коммуникаций.

— Таких, как четвертое измерение? — предположил Стив.

— Нет, не таких, как четвертое. Существует бесконечное количество вселенных, сосуществующих с нами, но в ином времени и пространстве. Они прилегают к нам по градиенту энтропии.

Раздался ропот непонимания и недовольства.

— Ох уж мне эти бредни сумасов — энтропия! — пробормотал кто-то.— Градиент энтропии! Надо же! Пусть лучше начинает демонстрацию.

— Энтропию можно определить как повышающуюся хаотичность энергии,— быстро продолжал сумас-физик 6Б 306, пытаясь игнорировать сигналы доктора Баллихока.— Это темп, которым наша Вселенная движется к собственной пространственно-временной гибели. Вселенная, чей градиент энтропии круче, останется невосприимчивой к нашему разуму и нашим приборам. Более того, любое излучение в ней действует на гораздо более высокой частоте, чем у нас. Степень различия мы можем оценить только приблизительно. А так как это коммуникативный...

— Пожалуйста, начинайте,— приказал президент.— Мы нормальные люди и интересуемся результатом, а не объяснениями. Теория может подождать.

— Проблема коммуникации с такой смежной вселенной,— дерзко продолжал человек, не глядя на охранников,— в основном состоит в том, чтобы найти правильную частоту, на которой существует их эквивалент модели, скажем, электромагнитных или радиоволн. Поднимаясь выше наших самых высоких

частот с помощью моего внутрипространственного трансляционного прибора, мы можем заполнить пространство лишь тепловыми волнами. Приближение — это все, чего мы пока способны достигнуть. Постоянные и тщательно продуманные эксперименты должны продолжаться. Если же допустить наличие разумных существ в смежной вселенной, то их проблема будет состоять в том, чтобы найти достаточно низкую частоту (в их пределах), которая позволит им войти в контакт с нами. Кроме того, им следовало бы...

— Я ровным счетом ничего не понимаю! — жалобно воскликнула Лаура.— Заставьте его начать опыт.

Доктор Баллихок подал знак, и охранник многозначительно потянулся к радиопульту. Сумас-физик 6Б 306 закусил губу и подошел к приборной доске. Он передвинул крохотный рычажок на одно деление, тем самым приведя в действие маленькое автоматическое устройство, которое издало два гудка, затем четыре, затем восемь... Пауза — и оно прогудело три раза, девять раз и двадцать семь раз.

— Правильный контроль — вот ответ на все проблемы,— самодовольно заметил президент университета.— Тогда, в старину, создания, подобные этому, жили вместе со всеми нормальными людьми и наносили чудовищный вред постоянными дискомфортными изменениями и странными идеями, которые безостановочно приходили им в голову. Прогресс начался с назначения общественных комиссий для надзора за наукой, но предстояло пройти еще долгий путь, прежде чем мы достигли нынешней совершенной стадии управления и контроля. Сегодня, точно так же как мы применяем различные агрегаты для проверки других агрегатов или поручаем собакам пасти овец, мы используем один вид сумасов для управления другими их видами. Например, с помощью тестов, составленных сумасом-психологом, мы периодически проверяем этот экземпляр, дабы убедиться, что он не замышляет ничего опасного. А сумас, работающий в инженерно-техническом направлении, придумал самонаматывающуюся катушку, чтобы...

— Он закончил эксперимент? — перебила президента Лаура.

— Да, эксперимент закончен,— ответил ей сумас-физик 6Б 306.— Мы передали сигнал, и любые разумные организмы в смежной вселенной, которым удастся его принять, поймут, что он произведен математически развитыми существами. Теперь нам следует подождать возможного ответа. На самом деле он может прийти на любой радиочастоте. А поскольку создания, передающие нам сигнал, будут приближаться к нашему гораз-

до более низкому градиенту энтропии, он может прийти в форме звука. Мы должны быть внимательны...

— Не думаю, что это кому-то интересно,— опять вмешалась Лаура.— Ни один человек не заинтересуется этой штуковиной, подающей гудки. И почему вы повернули рычажок только на крошечную черточку?

— Эта штуковина, подающая гудки,— ответил сумас с тем непоколебимым терпением, которое все сумасы проявляли в разговоре с нормальными людьми,— сообщает квадратную и кубическую степень от двух и трех соответственно, а этот факт, вероятно, является постоянным для любого пространства и времени. Я передвинул только один рычажок, и только на одно деление, так как нам неизвестно, какова коммуникационная частота в той вселенной, куда попадет сигнал, а мы стремимся максимально снизить риск нанесения какого-либо вреда. Через неделю, если ответа не последует, мы попробуем другую частоту, затем еще одну...— и так, пока не добьемся результата.

— Ну надо же! Да если бы вы рассказали мне все это раньше, я бы наверняка смогла помочь вам! У вас здесь проблема с коммуникацией, а это как раз моя область,— сияя улыбкой, сообщила Лаура.— Пожалуйста, отойдите в сторонку, чтобы я смогла...

Когда она шагнула к нему, сумас бешено замахал руками, его лицо исказилось.

— Нет! — завопил он.— Вы...

Доктор Баллихок щелкнул пальцами. Невооруженный охранник сделал какое-то быстрое движение. Раздался щелчок, по всей длине металлической нити пробежала сверкающая искра, и сумас со стоном упал на пол около отверстия, в которое уходила нить. Его ступни судорожно подергивались.

— Вы должны понимать,— мягко втолковывал ему добрый доктор,— что наука служит человечеству, а не наоборот. Лаура Биссельроуд — одно из самых известных и популярных лиц на нашем телевидении, она — ведущая программы «Воскресное приложение». Возможно, ей удастся не только пробудить интерес аудитории к вашему эксперименту, но и помочь вам в решении проблемы.

Сумас-физик 6Б 306 уткнулся лицом в пол и застонал от отчаяния.

— Ну, во-первых,— радостно объясняла Лаура,— я поверну все оставшиеся рычажки. Следует в полной мере задействовать имеющуюся в наличии сеть. Мы можем с тем же успехом использовать все эти... как их... частоты.

Человек у ее ног начал биться головой об пол.

— Затем...— как ни в чем не бывало продолжала журналистка.— Вместо этой противной старой штуковины, подающей гудки, я бы использовала мой очаровательный, хорошо поставленный голос, который обожает весь народ. Фактор человеческого интереса...— вот о чем нам постоянно твердили в школе телевещания. Помнишь, Стив?

— Конечно! — подтвердил Стив.— Интересы людей важнее, чем интересы телевидения!

— Всем привет! — кокетливо замурлыкала девушка в микрофон.— Говорит Лаура Биссельроуд с другого конца градиента энтропии. У нас тут маленькая вселенная, точно такая, как ваша маленькая вселенная, и мы хотели бы — если вас это, конечно, не затруднит — попросить вас отложить на минуточку свои дела и в нескольких словах рассказать нам, как вы ощущаете...

Она открыла рот, собираясь завизжать, запнулась и... словно вдруг растворилась. А вместе с ней в неожиданно образовавшейся в земле воронке исчезли все остальные люди, невероятный агрегат и даже само здание. Перевернутый вверх тормашками кампус университета, строения, студенты — все утонуло в пузырящейся почве. По всей планете кренились и падали горы, затвердевали и выкипали моря. Воздух мутнел и взвихривался, рождая невообразимой силы ураганы. За краткий миг коммуникации свершилось нечто умопомрачительное. И наконец странно изменившаяся Земля замерла — полностью лишенный жизни мир принял стабильную форму.

Теперь планету опоясывала, словно экватор, странная извивающаяся лента, проходившая по дну того, что некогда называлось океаном, и волнообразно изгибавшаяся у подножия того, что было горами. Волнистая линия несла сообщение на языке, которого никогда раньше не видывали во Вселенной. Оно было написано гигантскими буквами, созданными из молекул веществ. Дело в том, что его авторы в спешке весьма приблизительно вычислили частоту.

Вот примерный перевод сообщения:

«Не будете ли вы любезны немедленно прекратить передачу эквивалента зудения? Оно вызывает у нас эквивалент сильнейшей головной боли».

Загадка Приипири

Блуждающий луч нашлемного фонаря Хартвика отважно пробился сквозь тьму туннеля, внезапно разделившегося на пять коридоров. Уклон резко увеличился. Хартвик застыл, растерянно теребя затянутой в металлическую перчатку рукой прозрачный лицевой визор.

Боул, фотограф экспедиции, не успел остановиться и выругался, врезавшись в проводника, а затем выругался вновь, когда ему на спину навалились трое ученых и эхо причудливо разнесло вокруг скрежет скафандра о скафандр.

— Осторожней, Хартвик, осторожней! — откуда-то сзади в наушниках прозвучал предостерегающий бас Луцмана.— Еще один такой клубок, и мы порвем линию связи с Бхишани.

Проводник рассеянно кивнул биоареологу. Он озабоченно присмотрелся к слабо флуоресцирующему кабелю, соединенному с петлями на их скафандрах. Провод, извиваясь, уходил во тьму туннеля за перекрестком и вел к археологу-ассистенту, оставшемуся на поверхности. Кабель являлся единственным звеном, связывающим их с жизнью.

— Еще пять ответвлений,— заявил наконец Хартвик, указывая вперед.

— Настоящий лабиринт Минотавра,— пробормотал Пунелло, старший археолог, выпутываясь из клубка, в котором он оказался вместе с Боулом и Луцманом, и заглядывая через плечо Хартвика.— Мы отличаемся от Тезея только тем, что используем изолированную проволоку вместо клубка ниток.

— И тем, что мы не найдем марсианскую версию человекобыка в центре этого невротического храма,— поспешно добавил биоареолог.— Не то чтобы я этого очень желал — он, должно быть, изрядно голоден после... сколько примерно прошло времени?

В ответ Пунелло пожал плечами.

— Минимум четверть миллиона лет, с тех пор как у Приипири имелись почитатели. Судя по изображениям на той стене, мимо которой мы проходили, он был таким же ракообразным, как и раса, которая его придумала.

— Которые по земным стандартам вовсе не являются ракообразными,— заметил Луцман.— Почему он неоднократно меняет свой пол? Когда мы разрыли песок и прошли сквозь первый люк в крыше, там, перед перекрестком, то увидели большую статую божества в облике мужчины. После первого уровня встречались только женские изображения, затем — изображения гермафродитов, а позже — и вовсе бесполых существ Здесь, внизу, на каждой фреске мы встречаем его во всех четырех видах. И тем не менее везде нарисован, без сомнения, именно он.

— Ну, если уж на то пошло, не является ли это, в сущности, намеком на повседневную жизнь среднего смертного — подобно тому, что мы обнаружили в других храмах? Свидетельство того, что их богам поклонялись, но, случалось, и игнорировали. Таким образом, это устойчивое повторение одного лишь Приипири — Приипири, каким он являлся будь то за работой или в игре. Подобное увлечение игрой кажется странным, если принять во внимание, сколь зловещим божеством считали его прочие марсиане.

— А вы — нет? — внезапно спросил Боул.— Я делал отличные снимки этого очаровательного персонажа во всех его проявлениях, и он мне нравится все меньше и меньше. Я не знаю, почему древний Марс наложил на него табу, но он, безусловно, производит впечатление счастливого палача. Честно говоря, я вообще жалею о том, что встретился с ним. Я не испытываю удовольствия, шатаясь вокруг места, где поклонялись марсианскому дьяволу, и я так и не понял, откуда взялся люк в крыше. Такое впечатление, что обитатели этого храма знали, что он будет однажды погребен в пустыне.

Хартвик сделал было нетерпеливый жест в сторону пяти лежащих перед ними коридоров, но вдруг замер и принялся водить вокруг лучом нашлемного фонаря, пока тот не уперся в прикрытое прозрачной пластиной визора лицо Боула. Ранее, в Баббльбурге, поручая ему вести экспедицию в легендарный храм Приипири, члены Марсианской археологической ассоциации утверждали, что в эту партию отобраны наиболее психически устойчивые исследователи.

Но они ничего не сказали по поводу гарантий стабильности психики фотографа, с неудовольствием припомнил проводник по пустыне. Боул был одним из немногих охотников с объекти-

вом, имевшихся в том археологическом раю, которым стала мертвая планета: он снимал самые ранние раскопки в Гулфиуме и Еярнее, когда были найдены первые, еще весьма смутные намеки на культ Приипири, и потому его кандидатура не вызывала сомнений.

— Вполне возможно, они предполагали, что конец их цивилизации — а следовательно, прекращение строительства каналов — заставит пустыню вновь перейти в наступление,— предположил Пунелло.— Я признаю, что редко встречаются расы, способные возводить постройки, исходя из предвидения собственного угасания, но вспомните, какой высокоинтеллектуальной, не говоря уж о технологиях, была марсианская культура. Марсиане определенно обладали даром телепатии и, вполне вероятно, даже даром предвидения. И причина, по которой Приипири вас так пугает, кажется таким живым. .

— А если вы в отличие от нас не считаете его живым, то почему употребляете настоящее время?

— А? — Археолог застыл с открытым ртом.

— Отлично! — резко ворвался в разговор голос Хартвика.— Неужели сейчас самый главный вопрос, это были ли у этого пурпурного рака рога или раздвоенный хвост? Профессор, в какую из этих пяти дыр вы хотите пойти? Уклон становится все круче, так что нам следует быть вдвое осторожнее, чем во время путешествия по Меркурию. И если мы встретим чье-либо воплощение, Боул, не забывайте, что у вас, Луцмана и Пунелло имеются смертоносные трубки, казу, а я несу базуку.

«Мне остается только надеяться, что у вас, Боул, нет чего-нибудь вроде ракетного оружия,— мысленно добавил он.— Вести подобные разговоры в таком месте!»

Археолог повернулся к Луцману:

— Учитывая одностороннюю направленность архитектуры, я полагаю, мы можем с прежним успехом поворачивать влево. До сих пор такой выбор вполне себя оправдывал.

— Влево? — Луцман повернулся и, нахмурившись, окинул взглядом изображенного на фреске Приипири, который, извиваясь, плыл по каналу, наполовину скрытый водой.— Нет необходимости, если...

В наушниках раздался страшный треск, и все четверо резко обернулись. Биоареолог, прищурившись, быстро оглядел видневшийся за многочисленными проходами склон, ведущий на поверхность, в пустыню.

— Это Бхишани! — закричал он.— Должно быть, провалился в люк и не смог вовремя встать на ноги!

Хартвик поспешно всмотрелся — да, действительно, по направлению к ним, подобно небольшой лавине, летела размахивающая конечностями фигура.

— К стене! — крикнул проводник.— Если он в нас врежется...

Он бросился вправо, прихватив по дороге Боула, в то время как Луцман и Пунелло метнулись к противоположной стене. Прежде чем обе пары успели исправить свою ошибку, индийский археолог долетел до туго натянутого кабеля, соединяющего их в туннеле, и вся экспедиция превратилась в перепутанный клубок тел.

Они прокатились по центральному коридору, оттолкнулись от наклонной стены, и на полной скорости врезались в четырех красных идолов, стоявших в небольшом круглом зале.

Хартвик первым встал на ноги, исследовал свой скафандр на предмет разгерметизации и пошевелил конечностями, проверяя, не сломана ли какая-нибудь из костей. Ничего не обнаружив, он опустился вниз и раздраженно повернул Бхишани на спину.

— Ты понимаешь, что ты наделал?

Лицо археолога-ассистента под разбитым визором шлема приняло синеватый оттенок.

— Я почувствовал, как дернулся кабель,— слабо прозвучал в наушниках его голос.— Поднял люк... наклонился... поскользнулся... я не виноват... зачем вы дернули...— От холода у него перехватило дыхание.

— Эй, Луцман! — крикнул проводник марсианскому биологу, который, постанывая, принял тем не менее вертикальное положение.— Скорее! Помогите мне опустить щиток и закрыть трещину в его визоре.

Вдвоем они потянули круглый кусок металла с макушки шлема. Щиток также погнулся при падении. К тому же его намертво заклинило. В конце концов Хартвик прекратил мучиться со сломанными защелками и резким рывком натянул щиток на визор, поспешно зафиксировав аварийные зажимы. Но к тому моменту, как он заметил прореху в кислородном резервуаре Бхишани, тело несчастного безжизненно обвисло.

— Бедняга,— пробормотал Боул.— Погибнуть таким образом.

Пунелло уже тоже был на ногах.

— Возможно, наш кислород...

— Никаких шансов,— ответил проводник.— Марс слишком быстро расправляется с такими, как мы.

— Не могу понять, каким образом он ощутил рывок за шнур. Если бы кто-то из нас дернул, остальные обязательно должны были заметить.

— Поговорим об этом завтра,— предложил Хартвик.— В любом случае единственная возможность выбраться из этого сумасшедшего лабиринта — это двигаться вдоль кабеля, пока он еще ведет на поверхность. Пошли!

Проводник направился к входу в туннель, остальные последовали за ним — обвисший провод служил им путеводной нитью.

Аккуратно сложенный кольцами кабель лежал внутри туннеля!

— Бхишани, должно быть, оборвал его, когда свалился! — срывающимся голосом крикнул Луцман, но быстро сумел справиться с эмоциями и продолжил уже более спокойно: — Ветер пустыни сдул его внутрь.

Хартвик кивнул, но не остановился.

— Он все еще бушует. Чувствуете, как песчинки бьют по вашим визорам? Таким образом мы сможем найти люк.

Через минуту ветер исчез, и проводнику пришлось остановиться.

— Должно быть, захлопнуло крышку люка. Но песок оставляет след.

Дорожка принесенного ветром песка была едва заметна, но вилась непрерывно. Она заканчивалась в комнате с четырьмя идолами, где песчинки собирались в небольшие кучки на шероховатом каменном полу. В свете нашлемных фонарей исследователи смогли рассмотреть, что впереди туннели выглядели абсолютно чистыми.

— Это нельзя назвать случайностью,— голос Боула был высоким от волнения.

— Заткнитесь! Думаю, я смогу припомнить повороты, которые мы делали. Мы просто повторим их в обратном порядке. Давайте двигаться, пока еще хоть что-то осталось в памяти.

Под предводительством Хартвика они неслись в своих неуклюжих скафандрах по таинственно разветвлявшимся коридорам. В лучах нашлемных фонарей стремительно сменявшиеся на стенах храма изображения бога напоминали живые картины. Неожиданно проводник замедлил шаг.

— В чем дело? — прозвучал в наушниках голос Пунелло.

— Нет уклона. Коридор идет ровно, а мы должны были продолжать подъем.

Они завернули за поворот туннеля — и оказались в сферической комнате. Тело Бхишани лежало возле идолов. Кучки песка...

Один за другим земляне вошли внутрь. Боул хрипло произнес:

— Мы сделали круг.

Хартвик ударил кулаком по ладони, затянутой в металлическую перчатку.

— Послушайте,— произнес он наконец.— Возможно, в моей черепушке уже порхают летучие мыши, но у меня возникла бредовая идея, что лабиринт изменился.

— Очевидно,— кивнул Пунелло.— Наклон, наблюдавшийся повсюду, когда мы спускались, исчез. Но я предлагаю — и не только потому, что мы рискуем просто сойти с ума, если сейчас зациклимся на этом,— так вот, я предлагаю забыть на время о таком объяснении провала нашей попытки побега... попытки достичь люка. Думаю, следует сконцентрировать внимание на таких вопросах, как выбор маршрута.

— Кажется...— биоареолог прочистил горло.— Не может быть!

Боул подошел к четырем идолам и осмотрел стол, за которым они сидели.

— Сэа! Они играют в игру, называемую сэа. *Сэа!*

Увидев, что Боул достал из кобуры свою казу, Хартвик незаметно взялся за базуку.

— Вам что-нибудь известно о сэа, господа ученые? — поинтересовался он, не сводя глаз с фотографа.— Это может помочь?

— Не слишком много,— медленно произнес Пунелло. И также наклонился к странному алтарю.— Мы находили инструкции к игре во многих марсианских руинах, но они слишком сложны для наших мозгов. Правила представляют собой нечто среднее между шахматами и японской игрой го, фигурки в сэа выводятся из игры разнообразными вариантами движений. Интересно, почему статуи играют именно в сэа?

Луцман подошел поближе.

— А вы заметили, кто игроки? Наш старый приятель Прии-пири — во всех четырех ипостасях! — Он провел рукой вокруг каждого из четырех гигантских красных идолов.— Мужская особь, женская, гермафродит, бесполое существо.

— Красный цвет на Марсе является цветом смерти, не так ли? — уточнил проводник.

Пунелло рассеянно кивнул.

— И жизни. Если быть точным, он символизирует именно комбинацию этих двух понятий. Здесь, возможно... Предлагаю отказаться от метафизики и перейти к обсуждению более существенных вопросов. Это гораздо безопаснее, по крайней мере в данный момент.

Все поспешно согласились. Хартвик достал из бокового контейнера стилограф и лист микропленки. Все четверо уселись на корточки возле тела археолога-ассистента и принялись обсуждать возможные маршруты. Земляне спорили по поводу каждого

поворота, который они делали на пути сюда, пока не сошлись во мнениях относительно всех. Проводник записал обратный маршрут и порядок, в котором им следовало пересекать перекрестки по возвращении. Затем они снова покинули комнату, кропотливо фиксируя каждое изменение направления.

Спустя пятьдесят минут экспедиция вернулась назад. Они обсудили список, внесли кое-какие изменения и вновь двинулись в тот туннель, где лежал сложенный кольцами кабель.

Когда исследователи вернулись назад в шестой раз, Хартвик кинул листок микропленки в один из туннелей. Тот, крутясь, улетел прочь, легко порхнул назад и опустился на пол.

— Последняя идея,— сказал он.— Это должно сработать.

— Что толку? — вопросил Боул.— Давайте признаем то, о чем мы все думаем, и тогда мы действительно куда-то доберемся.

Хартвик крепко сжал базуку.

— Я не знаю,— сказал проводник с гримасой, которую он тщетно попытался выдать за усмешку,— все ли мы думаем.

Археолог пожал плечами.

— Мы исходим из предпосылки, что являемся первыми людьми в этом храме и что на Марсе нет никого, кто хотел бы причинить нам вред.

— Шах,— мягко отозвался проводник.— Продолжайте в том же духе, док.

— Мы признаем, однако с меньшими основаниями, что здесь нет существ из внесолнечной системы, поскольку они никогда не посещали эти места и никто прежде их здесь не видел. Более того, во всей Солнечной системе не существует иной расы, кроме человеческой, обладающей интеллектом. В конце концов, единственная жизнь, существовавшая на Марсе за почти сто тысяч лет, это абсолютно примитивные полярные жуки. Следовательно, причиной рывка за провод, смерти Бхишани, потери кабеля, ведущего на поверхность,— всех наших неприятностей, включая очевидное изменение конфигурации лабиринта, могут служить какие-то механические приспособления, оставленные строителями храма, будь то из религиозных или враждебных нам соображений.

Подобные приспособления не являются редкостью в земных храмах, особенно подобного типа. Однако нам известен тот факт, что марсиане больше тяготели... ну, скажем, к вопросам интеллектуальным — эстетическим или философским,— нежели к материальным. Все, что мы видели на Марсе, служит подтверждением такой точки зрения. Что касается тех, кто обитал здесь... Обратите внимание: за исключением люка, мы не встретили ничего, что хотя бы отдаленно напоминало механическое

устройство. А если к этому добавить почти ощутимое злорадство, с которым нас водили за нос, логическое объяснение может состоять только...

— Только в чем?

— Приипири — тихим голосом закончил за археолога Луцман.— Приипири, злобное божество.

— Ну, у меня еще могла возникнуть подобная бредовая идея, но я никогда не думал, что ее может проглотить орава ученых!

— Отбросьте невероятное,— пропел Пунелло, словно эти слова являлись гимном.— И то, что останется, будет вероятным.

— Это правда, не так ли? — требовательно вопросил фотограф.— Вы чувствуете, что он жив, он где-то поблизости, да?

Хартвик переводил взгляд с одного скрытого под шлемом лица на другое, подолгу останавливая на них луч своего фонарика. Затем он сел.

— Хорошо. Я признаю, что верю в него. Но какое это имеет значение?

— Ну...— Археолог опустил голову на грудь и медленно, задумчиво покачал ею.— Существовало предположение, что могущество, приписываемое некоторым земным божествам, реально существовало в той или иной форме; что вера в определенного бога зачастую воздействовала на окружающих с такой силой, которую можно сопоставить лишь с силой самого божества, и таким образом как бы обретала частичку его могущества. На данный момент эта теория сохранила популярность в основном лишь в кругах, далеких от науки. Но здесь мы имеем дело с расой, чей интеллект лежит вне пределов человеческого понимания. Она достигла столь высокого уровня философии, что наша наука едва ли сможет сравняться с ним даже через тысячу лет. Эта раса владеет телепатией и чем-то вроде предвидения, а также разнообразными ментальными способностями, постичь которые человек при всем своем воображении просто не в состоянии. Что ж, коллективное сознание подобных существ вполне могло создать живого бога. Здесь имело место нечто вроде расового суперподсознания.

— Но зачем им понадобился бог? Я просто не могу представить, что при наличии всех вышеперечисленных ментальных способностей они еще кому-то молились.

— Молитвы, жертвы и получение посредством их милостей — только один из способов использования божества. Оно может выражать определенные психологические требования, которые раса опознает, как таковые. Например, агрессивные обитатели Асгарда весьма редко оказывали помощь страдающим древним скандинавам. Их больше интересовали разрушитель-

ные войны, и даже в последней великой битве человечеству отводилась роль всего лишь незначительных союзников. Они удовлетворяли подсознательные потребности расы, которая их придумала, ибо воплощали собой ее исполненное риска, кровавое существование.

— Это я понимаю. Но каким образом мы вновь вернули Приипири к жизни?

— Обратив к нему свои мысли, поверив в него. Эти фрески, возможно, предназначались для служения другим целям, но созерцание их способствовало укреплению наших ментальных образов бога. Думаю, на Боула это подействовало в первую очередь, поскольку его работа заключалась в фотографировании наиболее значимых изображений. Мы все подверглись воздействию марсианской живописи — этот народ знал, как оказывать эстетическое давление,— но на Боула она произвела наиболее сильное впечатление. Стоило ему поверить в то, что Приипири жив, и пожалуйста — Бхишани ощутил рывок за провод.

Хартвик выдохнул сквозь щиток визора.

— Ладно, пойдем дальше. Но у нас есть маленькая проблема: запас кислорода неуклонно уменьшается. Что будем делать?

— Попытаемся понять, чего он хочет,— громко ответил Боул.— И дадим ему это. Жертву, искупление...

Археолог покачал головой.

— Это не обязательно должна быть жертва. Искупление же возможно лишь в том случае, если нам удастся сделать правильные выводы о присущих ему особенностях. Но это будет весьма затруднительно, поскольку нам совершенно чужда психология его исконных почитателей, мы обладаем весьма скудными данными и практически не имеем резерва времени, чтобы сделать выводы и прийти к обдуманному заключению... Ну вот! Помяни дьявола — и он тут как тут!

Над их головами, в самом центре комнаты, появилось фиолетовое облако. Клубясь и колыхаясь, оно превратилось в уже знакомый всем мужской вариант воплощения Приипири.

Казалось, невидимые волны страха просочились сквозь герметичные скафандры и увлажнили кожу землян.

Луцман вскочил на ноги, его глаза превратились в узкие щелочки.

— Почему, вы думаете, он появился? Потому что мы все признали, что теперь верим в него? Потому что он хочет насладиться нашей беспомощностью? Потому что он тщеславен? Он, кажется, не намерен действовать в открытую — предпочитает вот так висеть наверху и морочить нам голову. Чертовски загадочное божество!

— Он жаждет поклонения, он требует жертвы,— настаивал Боул.— Все культы мертвых богов на Земле следуют этому образцу. На Марсе должно быть то же самое. Переход от пола к полу — я читал где-то, что это характерная черта тех, кого называют умирающими богами. Правильно, Пунелло?

— Нет. Случайные намеки на гермафродитизм или феминизацию у некоторых мертвых богов на Земле были известны в прошлом. Но не все четыре формы разом. Ни даже на Марсе...

— Что мешает нам перестать верить в него? — поинтересовался Хартвик.— Если он и его мощь больше не существуют.

— Со всеми этими статуями и изображениями вокруг нас? Ха! Ну прямо как в игре: «не думать о белой лошади»! Нет, мы должны уяснить составляющие части его природы. Эта раса не покладая рук — или в данном случае клешней — занималась одновременно сексом и сельским хозяйством,— так что он не может быть божеством возрождения. Ну, желает кто-нибудь сказать что-то действительно разумное?

Ответа не последовало. Все смотрели на беззаботно парящий наверху кошмар.

— Сейчас я проверю его на прочность! — неожиданно заявил Луцман и рванул из кобуры казу. Боул и Хартвик одновременно ринулись к нему, но опоздали буквально на мгновение.

Крохотный реактивный снаряд просвистел сквозь парящего монстра и взорвался, ударившись о куполообразный свод. На тщательно отполированном камне появилась трещина, и столь же стремительно затянулась, стоило Приипири метнуться к ней. Божество пронеслось по всему помещению, Убедилось в отсутствии других повреждений и вновь заняло прежнюю позицию.

Хартвик первым подскочил к Луцману и выхватил у него оружие. Краем глаза он заметил, что Боул резко остановился и навел казу на специалиста по марсианской биологии.

Проводник отчаянно ринулся назад. Боул нажал на спусковую кнопку и метнулся в сторону. Снаряд просвистел мимо Хартвика. В наушниках раздался чудовищный грохот, словно оглушительный удар гонга, и Луцмана мгновенно разорвало в клочья — он даже не успел вскрикнуть.

Проводник шел мимо Боула, с трудом сохраняя равновесие. Он знал, что оружие нацелено ему в спину, что сила инерции, увлекающая его, одетого в громоздкий скафандр, слишком велика и он не успеет обернуться достаточно быстро, чтобы выстрелить первым. А в казу оставалось еще три снаряда...

Хартвик проклинал всех неуравновешенных фотографов и тупых членов Археологической ассоциации, которые позволили им отправиться в столь тяжелую экспедицию без соответствую-

щей психологической проверки. Он услышал свистящий звук снаряда и инстинктивно сжался в ожидании момента, когда тело его будет разорвано на кусочки.

Раздался взрыв... Но он все еще был жив.

Хартвик медленно повернулся. По всей комнате валялись кусочки металла и жуткие клочья плоти. Не считая извивающегося, словно бы торжествующего Приипири, они с Пунелло остались одни.

Археолог убрал в кобуру казу, из которой убил фотографа прежде, чем тот смог выстрелить в Хартвика.

— Искупительная жертва,— рассеянно пробормотал он.— Боул пытался принести вас с Луцманом в жертву за богохульственные речи. Идиот! Я пытался объяснить ему, что земные стандарты служения божеству здесь неприменимы. Перспектива расстаться с жизнью приводила его в такое отчаяние, что он стремился любой ценой умиротворить нашего загадочного приятеля. Это же надо! Пытаться умилостивить столь таинственное и необычное божество, как Приипири, путем по-идиотски примитивного жертвоприношения!

— Примитивное оно или нет, но этот небольшой кавардак, безусловно, уменьшил наши силы. Как ни называй свершившееся, эти двое все же принесены в жертву, и, глядя на этого краба, я могу с уверенностью сказать, что он доволен. Благодарю за меткий выстрел, док.

Пунелло кивнул и скорчил гримасу ракообразному божеству, извивавшемуся в явном экстазе.

— Зло... злоба... Однако совершенно очевидно, что в данном случае речь не может идти о зле и злобе в чистом виде. С его могуществом — о силе которого можно судить по той легкости, с которой божество заделало дыру в потолке,— Приипири, без сомнения, мог расправиться с нами бесчисленным числом жутких способов. Следовательно, так или иначе, но мы проявляем по отношению к нему нечто вроде поклонения, которое ему требуется,— знать бы только, в чем это выражается! Это божество наиболее развитых и наиболее развращенных из высокоинтеллектуальных марсиан: судя по тому, что нам удалось расшифровать в других захоронениях, последователей его культа ненавидели и одновременно весьма уважали. Что же представляет собой само божество?

Хартвик нахмурился.

— Послушайте, мне только что пришла в голову одна мысль! Как вы сказали, все эти его изображения, которые мы видели, когда спускались вниз, заставили нас поверить в него. Могли их поместить там именно с этой целью?

— Нет. Гораздо более вероятно, что они призваны были помочь созданиям, которые ему поклонялись,— дать им ключ к тому, чего следовало ожидать. Вполне возможно также, что это божество, или супермарсианин, воплотивший собой квинтэссенцию чаяний и интересов расы, уничтожил ее. Судя по всему, это крайне эгоцентричное существо, в прочих храмах встречается немало намеков на его разрушительную природу. Однако почитатели не осуждали его, словно слишком близко подошли к тому, чтобы обожествлять самих себя.

Проводник кивнул и достал из бокового резервуара длинную палочку мела.

— Сохраните это. Не думаю, что вы сможете разобраться в его природе, стоя на голове и передвигаясь на ушах. Кто знает, что этот башковитый краб сочтет святым? И даже если мы сообразим, что он собой на самом деле представляет, едва ли у нас много шансов предоставить ему желаемое. Нет, пусть все идет своим чередом. Предлагаю осуществить ту последнюю идею, о которой я говорил,— давайте еще раз попробуем разрубить этот узел.

Пунелло мягко улыбнулся, глядя на кусок мела.

— А, это. Нет. Боюсь, не сработает. Уж если он смог изменить лабиринт, если смог залатать дыру, проделанную в камне нашим реактивным снарядом...

Он медленно подошел к четырем идолам, занятым сложной игрой.

— Почему-то мне кажется, что ответ определенно кроется здесь. Почему все четыре изображения Приипири играют в сэа друг против друга? Почему алтарь является не более чем столом для игры в сэа? Если мы сумеем разрешить эту проблему, божество может лишиться частички своей силы. Должно существовать объяснение этой каменной игре.

— Послушайте, док,— решительно перебил его Хартвик.— Мне приходилось видеть слишком много археологов, которые из кожи вон лезли, пытаясь научиться играть в сэа. А задача, над которой они размышляют сейчас, должно быть, весьма трудная. Оставьте их в покое и идемте со мной.

Пунелло не слышал. Он стоял перед доской, внимательно изучая тщательно вырезанные фигурки и время от времени принимаясь жестикулировать затянутой в металл рукой.

Хартвик пожал плечами и направился в туннель, по которому был проложен кабель. Через каждые десять шагов он наклонялся и делал отметку на полу.

— Если у меня хватит кислорода, я добьюсь своего,— пробормотал проводник.— Больше никаких хождений по кругу...

Пройдя сотню футов, Хартвик сдался и побрел наугад: меловые отметки виднелись на полу в каждом туннеле...

Вновь очутившись в сферической комнате, он направился прямо к жестикулирующей фигуре Пунелло. Проводник застыл, увидев искаженное лицо археолога, который то визжал на четырех красных идолов, то в ярости взывал к божеству, парящему в своем жутком пурпурном обличье. Только теперь он понял, что за невнятное бормотание раздавалось в его наушниках последние пятнадцать минут. А он просто не обращал на него внимания, считая, что Пунелло разговаривает сам с собой, пытаясь проникнуть в тайну сэа.

Археолог свихнулся — его свела с ума неразрешимая загадка сэа.

Хартвик яростно сжал кулак, затем вздохнул и беспомощно разжал руку. Некого было ударить, нечего сжать, нечего...

Он рухнул навзничь и распростерся на полу. Приипири немедленно оставил безумца и заколыхался над проводником.

— Что ты такое? — вопрошал человек, ощущая первые признаки опасного снижения количества кислорода в дыхательной установке.— Чего ты хочешь? Зачем ты уничтожаешь нас — ведь мы не сделали тебе ничего плохого? Ты не из тех богов, которые наказывают за осквернение храма!

Словно в ответ божество прошло через все изменения пола и вновь приняло обличье мужчины. Хартвик наблюдал за действиями загадочного недруга, осыпая его ругательствами.

Его разум пасовал перед непреодолимой бездной тайны. Он попытался взять себя в руки, взглянуть на происходящее с точки зрения здравого смысла. Луцман стрелял в божество... Возможно...

Уровень кислорода стал угрожающе низким.

Он стрелял в него несколько раз. Никакого результата. Оружие не могло принести пользу — Луцману не следовало даже пытаться. Останься он в живых... Кто знает, быть может, применив свои знания в области психологии ракообразных, он все же сумел бы узнать, каковы желания божества.

Точка зрения!.. Мозг, затуманенный ядом, проникавшим теперь в легкие вместо воздуха, отчаянно метался. Какова... Какова может быть точка зрения высокоинтеллектуального ракообразного? Причем не настоящего ракообразного — биология марсиан отличалась таким своеобразием, что здесь даже сама наука о ней получила иное название — биоареология... Луцман... Вот Луцман мог бы...

Хартвик отчаянно боролся с постепенно окутывавшей мозг тьмой. Такая мука дышать... думать... ракообразное... это было оно... достаточно было найти нечто особенное, свойственное только этим таинственным ракообразным...

Приипири вновь откликнулся на его мысли — сначала он принял обличье рыбы, мамонта, потом марсианского полярного жука и наконец вновь стал самим собой.

Сознание Хартвика, его жизнь уходили слишком быстро, чтобы он мог удержать их. Быстрее...

Колыхавшееся под потолком божество со сдержанным наслаждением наблюдало медленное угасание своего последнего почитателя — что, впрочем, означало и его собственное угасание. Восторженно извиваясь, он парил над двумя умирающими безумцами в храме теперь уже мертвой развращенной расы — движения становились все более быстрыми, почти экстатичными. Как сладостно вновь получить свидетельство безрассудного поклонения!

Ибо разве не был Приипири славнейшим и хитроумнейшим богом загадок?

Безумие Хэллока

— Совершенно уникальный случай,— пробормотал доктор Пертиннет, пытаясь сохранять исполненную достоинства походку и при этом наступать только на определенные плитки пола в приемной санатория, словно играя в «классики».— Конечно, его вряд ли можно считать единственным — ничто не существует в единственном числе. Наверняка в истории медицины было уже нечто подобное случаю Хэллока. Просто не осталось письменных свидетельств.

Рэнсом Морроу добродушно, терпеливо вздохнул и, склонившись к маленькому доктору, подергал того за белый рукав

— Эй, док, а меня вы припоминаете? Обо мне-то есть письменное свидетельство! Не в «Еженедельном журнале для психиатров», а в вашем еженедельнике. Мы с вами договорились о встрече. Нила сказала, что вам нужна помощь. И, кстати, раз уж заговорили о Ниле, как она и где? Моя экспедиция через неделю отправляется в Уганду, и я хочу пораньше закупить рождественские подарки.

Доктор Пертиннет моргнул, пытаясь сообразить, кто перед ним, а когда наконец узнал, близорукие глаза ученого расширились.

— Рэнсом, мой мальчик! Рад вас видеть. Мисс Бадд занимается пациентом, Хэллоком,— ну, вы знаете, исследователь Хэллок. Она сказала, что вы когда-то буквально боготворили его, это была ее идея — позвать вас.

— Хэллок? Уэллс У. Хэллок? — Морроу протяжно присвистнул, припоминая все связанное с этим именем.— Величайший из всех. Крупнее Пири, крупнее Джонсона, крупнее Ливингстона. А уж по части упорства и терпения в поисках истины он превзошел даже старого Понс де Леона. Мама когда-то силой отбирала у меня его книги — приходилось читать их по ночам,

спрятавшись с фонариком под одеялом. Именно ему я обязан своим интересом к разрушенным городам и забытым храмам. Господи, да если бы не Хэллок...

Он прервал сам себя и уставился сверху вниз на старика.

— Что с ним? И чем я могу помочь?

— Травма! Ничего определенного, но ее последствия носят явно выраженный психотический характер, хотя сказать что-либо более конкретное мы не в силах. Сложность в том, что в отличие от множества людей, оказавшихся в подобном положении, он осознает свое состояние и отчаянно нуждается в помощи. Однако, по его мнению, наша помощь способна лишь ухудшить ситуацию — он постоянно твердит, что психиатрия довершит трагедию, которая началась с простого любопытства. Он так яростно сопротивляется всем нашим попыткам, что мы были вынуждены прибегнуть... э-э-э... к смирительной рубашке!

Рэнсом Морроу в ужасе помотал головой. Уэллс У. Хэллок — в смирительной рубашке! Огромный бесстрашный Хэллок, который сумел выбраться из подземного храма в северной Индии, где древняя секта душителей совершала свои обряды, который проник в самую сердцевину культа вампиров в Ленглуане и сумел сделать фотографии со вспышкой! Хэллок, который смеялся над суевериями и фантазиями и ухитрялся прокладывать дорогу в самые темные и недоступные уголки земного шара!

Ассистент вручил белый конверт и отдельный лист бумаги доктору Пертиннету.

— Здесь полный отчет, доктор,— сказал он.— Мы проверили первоначальные анализы, как вы велели, но результаты все те же. Никаких поврежденных субстанций — однако определенно Phoenix dactylifera. И мы по-прежнему не можем найти кошку.

— Так найдите. Найдите ее!

Ассистент отступил, бормоча что-то несвязное, изобилующее словами «но» и «сэр».

— Это же экспериментальное животное,— распалялся тем временем Пертиннет.— Причем весьма и весьма ценное. Как можно было позволить кошке убежать и бродить по округе, словно...

— Вы все еще не сказали мне, чем я могу помочь.

Доктор сунул конверт вместе с листом в карман халата.

— Да-да, конечно. Но дело в том, что я и сам не знаю. Мисс Бадд упомянула ваше имя при Хэллоке, сказала ему, что именно его пример побудил вас заняться исследовательской деятельностью. Теперь он настаивает на встрече с вами. Говорит, что только вы в состоянии понять его и помочь. Навязчивая идея — обычное явление в данных обстоятельствах, однако следует учесть тот факт, что он никогда прежде не слышал вашего

имени. Мисс Бадд сочла целесообразным выполнить его требование. Если вам удастся завоевать его доверие — кто знает, а вдруг он даст какую-то полезную информацию. Я не думаю, что эта встреча повредит Хэллоку, если только не спровоцирует у него чрезмерное возбуждение.

Они шли по длинному, тихому, стерильно чистому коридору. Наконец доктор Пертиннет остановился около гладкой двери.

— Поймите,— он дружески положил руку на плечо Рэнсома.— Поймите, мы не можем позволить себе никаких дружеских ухмылок и обмена репликами между вами и мисс Бадд в этой комнате. Это достаточно сложный случай, не говоря уже о том, что доктор Ризбаммер — мой предшественник по работе с этим пациентом — вдруг решил, что ему необходимо исчезнуть, и не оставил никаких записей. А теперь еще и кошка. Мы просто не можем допускать больше никаких глупостей. Только четкое научное исследование.

— Все понятно, док,— улыбнулся молодой человек.— Я сохраню все свои планы на Нилу в полной неприкосновенности до самого вечера. Ну ладно, ведите. Я весь превратился в слух и зрение, но сохраняю вполне трезвый ум.

Они вошли в просторную комнату — истинное воплощение больничного аскетизма: ширма, прикроватная тумбочка, маленький стул и просторная кровать. Ничего больше. Нила Бадд, опрятная, светловолосая и стерильно прекрасная в накрахмаленном белом одеянии, сидела на стуле и, зачерпывая понемногу из фарфоровой тарелки, аккуратно подносила ложку за ложкой к обветренному лицу.

Прервав свое занятие, она оглянулась на посетителей и бегло улыбнулась Рэнсому. Затем опустила ложку и поставила тарелку на тумбочку около маленькой шкатулочки, сделанной из неправдоподобно желтой слоновой кости. Женщина направилась к вошедшим, а мужчина, лежащий на кровати, с любопытством провожал ее взглядом больших, глубоко посаженных глаз. Он производил впечатление совершенно свободного человека, как будто туго затянутые вокруг его огромного тела простыни ровным счетом ничего не значили и не играли существенной роли.

— Я в точности последовала вашим указаниям относительно успокоительного, доктор,— прошептала Нила.— Он был совершенно послушен весь день, вовсе никаких проблем. Привет, Рэн.

— Привет,— он сделал попытку быстро обнять ее, но она уклонилась и подошла к стоявшему возле кровати Хэллока доктору.

— Я привел к вам вашего старого почитателя,— пристально глядя на пациента, говорил врач.— Это Рэнсом Морроу. Вдохновленный вашими книгами, он избрал для себя профессию исследователя. И на следующей неделе отправляется в Уганду на поиски... поиски...

— Хамитской цивилизации эпохи палеолита в районе озера Альберт,— закончил Рэнсом, подходя к кровати.— Встреча с вами — большая честь для меня, сэр.

Уэллс У. Хэллок поднял голову и пристально всмотрелся в молодого человека. Его длинные, свободно спадающие — по моде мужчин старого доброго Запада — волосы больше не выглядели такими блестящими и черными, какими их привыкли видеть на тысячах фотографий,— они поседели, поредели и свисали по бокам спутанными прядями. Но глаза оставались гордыми.

— Для меня тоже честь — встретиться с вами, мистер Морроу,— наконец откликнулся он таким тихим и хриплым голосом, что Рэнсому пришлось склониться над кроватью, чтобы расслышать с трудом произносимые звуки.— Я слышал о вашей работе в Северной Африке и Эфиопии. Но доктор Партиннет абсолютно не прав, когда говорит, что исследователем вас сделали мои книги. Любопытство — вот что толкало вас — божественное, сатанинское любопытство, точно такое же, какое довело меня до нынешнего состояния. Ваше любопытство, мистер Морроу... может спасти меня. Слышите?! Оно может спасти меня! Только у вас должно быть оружие — винтовка, с которой охотятся на слона, пулемет, мачете, ручные гранаты...

— Хэллок! — резко вмешался психиатр.— Если вы будете продолжать в том же духе, я вынужден буду попросить мистера Морроу уйти. Ложитесь на спину и расслабьтесь. Вот так, так... расслабьтесь...

Исследователь уронил голову на подушку.

— Вы ведь отдали Плод на анализ, исследовали его? — внезапно спросил он.

Доктор Пертиннет явно смутился.

— Н-ну... Д-да. Мы это сделали. Однако, что удивительно, он не содержит ничего, что можно было бы назвать наркотиком.— Он положил конверт на шкатулку из слоновой кости и развернул лист бумаги, переданный ему ассистентом.— Конечно, учитывая его нынешнее высушенное состояние, трудно быть уверенным... Тем не менее оказывается, что это не что иное, как разновидность Phoenix dactylifera. Иными словами, финик. Обыкновенный, широко распространенный плод финиковой пальмы.

— Обыкновенный? Широко распространенный?..

Человек на кровати беззвучно рассмеялся, запрокинув голову.

— Вы называете Плод обыкновенным, широко распространенным фиником! А как в таком случае назвали бы вы врата ада, доктор,— калиткой, входной дверью? Вероятно, взглянув на них, вы бросили бы нечто вроде: «Да, этот заборчик явно требует побелки!» — Он на минуту закашлялся и продолжал тем же лихорадочным тоном: — А что произошло после того, как вы дали кусочек кошке? Кстати, вы еще не нашли кошку?

— Ну-у... знаете ли... в общем, нет. Откуда вы узнали, что мы давали кусочек кошке? — внезапно спросил доктор.— Она была здесь? Мы обыскали всю больницу. Сестра, вы видели кошку?

— Нет, доктор,— ответил за Нилу Хэллок.— Сестра не кошку видела. Зато ее видел я. К нынешнему моменту это невероятно испуганная маленькая кошка — если она еще жива. Видите ли, вы дали ей слишком большой кусок. Она не сумеет вернуться назад. А она еще не видела ничего действительно существенного, всего лишь двухглавую змею, части гигантской многоножки и...

Доктор наклонился над кроватью и сквозь толщу простыней крепко сжал плечо исследователя.

— Где кошка, Хэллок? — спросил он спокойным, ровным голосом.— Где вы ее видели в последний раз?

— Здесь,— прошептал лежащий на кровати человек.— Здесь. В собственной голове, в своем кошмарном сознании. Там, куда я ухожу, когда вы заставляете меня заснуть. Там, где я встречаю доктора Рисбаммера, согбенного и лопочущего что-то бессвязное. Только он больше не доктор Рисбаммер, а несчастное, лишенное разума, искалеченное существо, которое цепляется за меня в поисках защиты и умоляет меня не видеть кошмарных снов, потому что он устал убегать, потому что боится, что когда-нибудь упадет и его поймают.

— Безнадежен! — Доктор Пертиннет выпрямился.— И это исчезновение доктора Рисбаммера в высшей степени некстати. Мало того, что мы не знаем, каков поставленный им диагноз, так еще вся эта история усиливает галлюцинации Хэллока, придает им, так сказать, материальную основу.— Он направился к двери.— Если бы только мы могли найти доктора Рисбаммера!

— Вы можете, черт бы вас побрал, вполне можете! — Хэллок напрягся под стягивающими его простынями.— Дайте ему шанс. Просто перестаньте тыкать в меня свои иголки, не давайте мне больше снотворного.

— Я ведь сказал вам, что уколов больше не будет, если вы сами не вынудите нас вновь прибегнуть к их помощи. Успокоительное на сегодняшний день вы уже получили, мисс Бадд положила его в бульон, которым вас накормила.

Облизывая пересохшие губы, Рэнсом подумал, что никогда в жизни не забыть ему исполненный ярости и ужаса взгляд Хэллока, выражение его расширенных глаз в этот момент.

— Глупец! Безумный, безумный, безумный глупец! — Он извивался на твердой кровати, как будто хотел просочиться сквозь нее.— Я умолял вас...

— Ну же, мистер Хэллок,— ласково успокаивала пациента Нила.— Вам действительно необходим сон.

— Сон! — Массивная голова упала на подушку.— Уходите отсюда! Убирайтесь прочь!

— Мисс Бадд,— позвал доктор, открывая дверь.— Можно вас на пару слов?

— Уже иду, доктор,— она дотронулась до руки Морроу, прежде чем выскользнуть из комнаты.— Я закончу дежурство через час, Рэн, побудь пока здесь и развлеки моего подопечного.

— Вы очень ее любите? — шепотом спросил Хэллок, провожая Нилу взглядом.

— Да.

— Она славная девочка. И хорошая медсестра. Но, мне кажется, ее не слишком радует перспектива ваших блужданий по Уганде и прочим неизведанным местам.

— Это верно, сэр. Она называет это затянувшимся переходным возрастом.— Морроу опустился на стул. Ему все еще трудно было отождествить находящуюся перед ним пусть героическую, но развалину с Уэллсом У. Хэллоком, о котором он читал — язвительным, циничным, бесстрашным.

— Возможно, она ошибается. А может быть, и права. Среди нас есть и такие, кто старательно обходит стороной любые ужасы и опасности, кто подчиняется более простым и более важным заповедям своей веры. Но существуют, Морроу, и дураки-оптимисты, которые лезут туда, куда боятся ступить даже падшие ангелы. Люди, подобные вам и мне,— да сжалится над ними милосердный Боже!

Его голос звучал настолько хрипло, что ритмично шелестящие предложения трудно было расслышать. Рэнсом склонился к морщинистому лицу, обрамленному с трех сторон длинными белыми волосами.

— Прошу прощения,— старый исследователь издал булькающий смешок.— Мой голос действительно трудно расслышать. Видите ли, я... ну... я слишком много кричу.

Возникла краткая пауза — Хэллок тяжело дышал, беспокойно ерзая головой по подушке. Внизу, в холле, мерно пробили часы

— Вы — исследователь, потому что в вас сидит любопытство, которое грызет вас изнутри день и ночь. Но насколько вы действительно любопытны, Рэнсом Морроу? Достаточно ли для того, чтобы добровольно отправиться в те земли, которые никогда не были обозначены на карте, в те места, координаты которых определить невозможно? В земли, наполненные существами, к сожалению, вполне узнаваемыми. И самый страшный ужас состоит в том, что их опознал и навсегда сохранил в памяти одаренный богатым воображением, безрассудно храбрый идиот! Достаточно ли у вас любопытства, чтобы отправиться туда ради жалкой развалины, которую только вы в силах спасти, прежде чем помощь добрых докторов и сочувствующих медсестер заставит несчастного полететь кувырком в пучину невыразимого? — Он что-то невнятно промычал, беззвучно кашлянул и улыбнулся.— Извините. Отставим в сторону все эти драматические эффекты. Скажите, достаточно ли вы любопытны для того, чтобы съесть слегка заплесневелый сушеный финик?

— Оттуда? — Морроу показал загоревшимся взглядом на белый конверт, лежавший на шкатулке из слоновой кости.

— Да. Оттуда. Это Плод, Морроу, Плод Древа. Только вам следует быть осторожным — вы не должны... как Ризбаммер.. лишь немного... вкусить...— Глаза ученого закрылись, голос совсем ослабел. Внезапно глаза открылись вновь, и Хэллок зашептал так быстро, как будто каждое слово стоило ему многих лет жизни: — Должны помочь мне, Морроу... кожи... ружья. Каждый раз становится все хуже. Дурни дали... мне... успокоительное... Не могу... бороться... связан... но опасно близок... опасно... мне нужна помощь .. как-нибудь... как-нибудь...— Веки его сомкнулись, и на этот раз дыхание постепенно замедлилось, стало ровным и спокойным.

Увидев, что мышцы лица ученого расслабились и выражение его заметно смягчилось, Рэнсом поднялся и на цыпочках подошел к тумбочке.

Шкатулка была хорошо известна любому, кто читал книги Хэллока. Подаренная буддийским ламой за оказанные услуги и в знак дружбы твердая желтая коробка когда-то служила вместилищем наиболее ценных и главных сокровищ каждой экспедиции. Некогда в ней лежал кусочек камня с Явы — самый ранний предмет, явно обработанный руками человека; о ее твердые углы бился крошечный примитивный паровой двигатель, собранный жрецами Древнего Египта. А что же там сейчас?

Морроу поднял конверт и сдвинул крышку шкатулки.

На кремового цвета дне лежала горсть каких-то высушенных предметов, по форме напоминавших оливки. Финики доктора Пертиннета! Рэнсом улыбнулся. Из-за стены доносился голос маленького доктора, занудным тоном дающего подробные инструкции Ниле, а также время от времени слышались ее ответные реплики, выражавшие согласие.

Он медленно потянулся к конверту, открыл его двумя пальцами и заглянул внутрь.

Опять финики! Нет, на этот раз только один. А еще точнее — то, что осталось от одного финика после многочисленных анализов.

Остаток черного порошка от измельченного ломкого плода запачкал нижний край конверта. Рэнсом бездумно сунул в него палец. Немного порошка забилось под ноготь. Он поднял руку и понюхал порошок.

Странно! Он почувствовал... головокружение?! Какой... какой теплый запах!

Рэнсом восстановил равновесие, ухватившись за тумбочку, взял щепотку порошка и поднес ее к носу. Подождал секунду, затем, пожав плечами, сделал глубокий вдох...

Огни погасли, а пол словно растворился.

Он падал, падал сквозь бескрайнее пространство и вечные сумерки. Страх окутал его, будто огромное одеяло. Рэнсом яростно заколотил руками в темноте и медленно перевернулся через голову. Он кувыркался и кувыркался, проваливаясь куда-то вниз... Все дальше и дальше вниз, в бездонную, казалось, голодную тьму. Вдруг с изумлением обнаружив, что кричит, он с трудом заставил себя закрыть рот.

Наконец Морроу почувствовал, что очутился на дне. Дне чего? И когда он приземлился? Молодой человек даже не ощутил толчка, а при такой скорости падения — кажется, тридцать два фута в секунду? — он непременно должен был переломать как минимум половину костей.

Рэнсом тщательно ощупал собственное тело: все в порядке. Но когда же все-таки завершилось его падение?

Морроу выпрямился, почувствовав под ногами твердую поверхность, и пристально всмотрелся в колеблющуюся, зыбкую тьму.

Что-то.... что-то двигалось.

Из теней возник верблюд с длинным чешуйчатым хвостом, который заканчивался человеческой головой. Невероятное животное пробежало мимо исследователя. Рэнсом резко повернулся и успел увидеть, как тот опять исчез во тьме, причем улыбающаяся голова ритмично билась об его ноги.

— Б-р-р,— выдохнул Рэнсом Морроу.

Как будто в ответ справа послышался мелодичный плач. Он повернулся. Кошка! И ничего больше? Ни саблевидных зубов, ни розовых червей вместо волос? Нет, самая обыкновенная, ничем не выдающаяся кошка — снежно-белая, с крошечным черным пятном на спине.

Кошка лежала на животе — все четыре лапы, казалось, свело судорогой — и внимательно разглядывала человека.

— Мя-яу? — вопросительно произнесла она.

Рэнсом опустился на колени и щелкнул пальцами перед ее мордой.

— Эй, киса,— позвал он.— Иди сюда, кис-кис-кис.

Ярко-алая пасть льва в миниатюре угрожающе распахнулась. Кошка бросилась вперед и щелкнула зубами. Рэнсом отдернул руку и вскочил на ноги.

— Ты, безусловно, весьма подозрительное животное,— грустно произнес он, рассматривая кровоточившие пальцы.— Однако я тебя не виню...Что за черт?!

Раздавшийся вопль заставил Морроу подпрыгнуть от неожиданности. Ужасающие звуки вырывались явно из двух глоток, причем одна из них, без сомнения, принадлежала человеку.

Верблюд метался по заросшей куманикой поляне. Однако таковой она только казалась — вглядевшись внимательнее, Рэнсом понял, что пышные заросли, напоминавшие кудри, вовсе не были куманикой. Они крепко вцепились в несчастного верблюда и подтаскивали его к центру поляны, где виднелось более темное пятно — многоглазая голова. Это был невероятных размеров паук — точнее, скопление фантастически огромных пауков с единственной головой, окруженной неисчислимым количеством кошмарных паучьих лап.

Длинная шея верблюда напряглась, он оглушительно вопил от ужаса, в то время как на противоположном конце его туловища, выкрикивая какие-то почти узнаваемые слова, билась и царапалась о невероятные конечности жуткого членистоногого человеческая голова.

Рэнсом медленно попятился, медленно расстегивая пряжку кожаного ремня. Не бог весть какое оружие в нынешних обстоятельствах, но ему просто необходимо было держать что-то в руках!

Когда огромный слюнявый рот в центре откусил первый кусок от верблюда, зажегся голубоватый свет. Рэнсом оглянулся в поисках кошки.

Она терлась о тощие ноги старика, одетого в развевающиеся лохмотья когда-то белого лабораторного халата.

Старик с глупым видом прижал ладонь к щеке.

— В-вы н-не Хэллок,— пробормотал он.

— Нет,— откликнулся Рэнсом.— Но я не принадлежу и к числу жителей этого местечка.— Он сделал шаг к старику.

С выражением ужаса и отчаяния на лице старик отступил на несколько шагов. Затем повернулся и побежал. Кошка легкими прыжками помчалась следом, ее грациозные движения составляли разительный контраст его неровному, спотыкающемуся бегу.

Молодой человек выругался и бросился в погоню. Хотя свет стал гораздо ярче, очертания старика и кошки казались все более неотчетливыми. Через минуту они исчезли. Многоногий паук тоже растаял. Рэнсом остался один среди освещенной пустоты.

— И что теперь? — спросил он сам себя.

— Что значит — что теперь? — раздался голос Нилы. Он резко повернулся. Женщина склонилась над больничной подушкой, на которой покоилась голова спящего Хэллока.

Рэнсом вновь оказался в холодно-строгой белой комнате. Где-то в глубине коридора по-прежнему громко тикали часы.

— Где ты был? Ты же знаешь, что моих пациентов нельзя оставлять одних. Стоило нам на минуточку выйти за дверь, как тебе приспичило отправиться на экскурсию. Неужели нельзя хотя бы на время забыть о своем исследовательском зуде и проявить элементарную человеческую доброту к старому человеку? И кстати, как ты выбрался отсюда? Мы с доктором все это время стояли прямо у двери.

Молодой человек невольно напрягся. Шкатулка из слоновой кости по-прежнему стояла на маленькой тумбочке, рядом валялся конверт, из которого высыпалось немного порошка. Рэнсом поправил конверт и заметил, что все еще держит в руках ремень.

Он медленно надел его снова.

— Так, говоришь, меня не было в комнате, когда ты вернулась? — наконец спросил он.— Тогда где я был?

— В том-то и дело, эта дверь — единственный выход, окна зарешечены, а я заглядывала и под кровать, и за ширму. Куда ты запропастился?

Рэнсом мрачно улыбнулся.

— О, куда-то восточнее солнца и западнее луны. Изрядно забытое богом местечко. Доктор ушел?

— Да. Он заглянул убедиться, что Хэллок спит, не смог найти тебя и побрел в лабораторию. Рэн,— она подошла поближе.— Ты выглядишь расстроенным. Я никогда не видела у тебя такого напряженного лица. Может, тебе лучше подождать меня внизу?

— Послушай, Нила.— Морроу остановился у двери и поднял правую руку, на которой отчетливо виднелись царапины.— Эта кошка... ну, та, которой Пертиннет скормил плод Хэллока. Та, что исчезла. Она была вся белая, с крошечным черным пятном у хвоста?

— Да.— Его потрясла внезапная бледность девушки.— Ты видел ее?

— Угу. Кажется. Вроде того.

Рэнсом вышел и спустился вниз.

Когда через полчаса к нему присоединилась Нила в аккуратном голубом сестринском халатике, он уже успел оставить большую часть сигарет из своей пачки в разных пепельницах, затягиваясь и тут же бросая их. Девушка испытующе заглянула в лицо молодому человеку, затем решительно сжала своей теплой и нежной ручкой его запястье.

— Пойдем, Рэн. Давай сбежим отсюда. Я хочу немного развлечься.

Они отправились в хороший ресторан, потом взяли билеты в ложу, чтобы посмотреть лучшую музыкальную комедию сезона, и наконец оказались на танцевальной площадке скупо освещенного ночного клуба.

— Ну и веселье,— заметила Нила, пока оркестранты в белых пиджаках, запинаясь, выдавали какую-то вкрадчивую мелодию.— Я чуть было не извинилась перед метрдотелем у входа за то, что привела с собой труп.

— Прости. Я просто сегодня не в форме, Нила. Может быть, пойдем домой?

Дойдя до дверей своего пансиона, девушка внезапно повернулась к нему.

— Ладно, Рэн. Итак, ты видел кошку. А Ризбаммера ты тоже видел?

Он широко расставил ноги, глубоко вздохнул.

— Как... Как выглядит Ризбаммер?

— Примерно той же комплекции, что и доктор Пертиннет. Старый, выглядит беспомощным, как будто он впал в детство и ему снова нужны мамины заботы. На кончике носа маленькое пятнышко от ожога кислотой.

Рэнсом моргнул и попытался припомнить. Был ли у старика маленький ожог на носу? Может, был, а может, и нет.

— Я не знаю. Действительно не знаю. Послушай, ты и доктор — вы и в самом деле верите в рассказ Хэллока! Вы ведь не думаете, что он безумен!

Нила задумчиво уставилась на свои изящные туфельки.

— Вообще-то, это строго конфиденциальная информация, Рэн, но тебе я скажу. Мы вынуждены до некоторой степени верить Хэллоку. Его разум, безусловно, травмирован — в этом-то мы уверены. Но в какой степени эта травма вызвана странными обстоятельствами... И существуют ли такие обстоятельства?.. Доктору Пертиннету приходится заботиться о своей научной репутации, и он не имеет права предать огласке сведения, если лишь на четверть уверен в их достоверности,— ему нужно тщательно проверить все факты. А тем временем мы обращаемся с Хэллоком как с обычным пациентом, скрывая свои подозрения и догадки от всех, даже от тебя. Мы подсознательно чувствуем, что частые исчезновения Хэллока могут объясняться и другими причинами...

— Исчезновения? Ты имеешь в виду, что он периодически пропадает из своей кровати?

Она кивнула.

— И появляется вновь через десять—пятнадцать минут, прямо в своей смирительной рубашке. Когда это случилось в первый раз, Дженни, ночная сестра, буквально в истерике металась по коридору. Доктор Пертиннет как-то успокоил ее и велел мне подежурить до утра. Подобное случалось дважды за время моего дежурства. Нам удалось скрыть загадочные исчезновения. Дженни теперь тоже относится к этому не столь драматично. Видишь ли, Хэллок исчезает только тогда, когда ему дают успокоительное. Во всех других случаях он лежит почти без движения и бормочет о своих фиониках.

— Я знаю,— задумчиво протянул Рэнсом.— Это не они. Я хочу сказать, это не финики. Я чуть-чуть попробовал, вернее даже, всего лишь понюхал оставшийся. Именно поэтому я и попал туда... в общем, туда, где я был.

— Господи! Ну разве можно так, Рэн? Это просто безумие, очень опасное безумие! Мы не знаем наверняка, но доктор Ризбаммер, видимо, съел одну штучку. И он... мы ведь только хотели, чтобы ты получил от Хэллока какую-нибудь информацию, чтобы...

— Ага, нечто вроде голубя для приманки, научного провокатора,— прорычал он.— Этот талантливый старый чудак борется с чем-то катастрофически чуждым и кошмарным, напрягая жалкие остатки своих изрядно потраченных сил, а все, что вы можете сделать, это напичкать его успокоительным и понаблюдать, что еще он после этого выкинет. Ну уж нет. С этого момента я играю на стороне Хэллока. И если ему нужны винтовки и ножи, он их получит, хотя я еще не вполне понимаю...

— Но Рэн! Ты же все погубишь! Сперва мы думали, что этот Плод и в самом деле содержит нечто... но после того, как доктор Пертиннет отдал его на анализ, нам пришлось отказаться от этой линии исследования. И если ты дашь понять Хэллоку, что веришь ему, мы никогда не выясним, почему он исчезает и каковы причины его невроза. Неужели ты не понимаешь, о чем я говорю?

— Нет, не понимаю. Во-первых, вы можете хоть сто раз в день получать негативные результаты анализа, но совершенно ясно, что именно Плод каким-то образом провоцирует все эти странные ситуации. Вам с доктором Пертиннетом достаточно провести самый элементарный анализ, то есть последовать примеру Ризбаммера и попробовать Плод, чтобы убедиться в правоте моих слов. Ну да ладно, теперь, когда вы обратились ко мне, я из кожи вон вылезу, но помогу старику — еще не знаю, как именно, но действовать буду исходя из вполне реальной точки зрения, честно!

Она невесело рассмеялась.

— Реальной! Величайший романтик вдруг заговорил о реализме! И кто?! Рэнсом Морроу, который отправляется в своего рода африканские дома с привидениями только потому, что обычные занятия взрослых людей не приносят ему достаточно острых ощущений. Дон Кихот сражался с ветряными мельницами, а ты... ты их сам же и строишь!

— Послушай, Нила, нет никакой необходимости...

— Нет, есть! — яростно заявила она.— Ты постоянно порочишь единственную приемлемую для меня реальность — реальность науки, которая просто обязана проявлять скептицизм, если это пойдет на пользу дела. Возможно, в ходе своего безрассудного эксперимента ты и впрямь обнаружил нечто ценное, в то время как мы, ограничившись только химическим исследованием Плода, это проглядели. Я говорю, возможно. Но ты все равно остаешься дилетантом — в этом качестве мы тебя и пригласили, и тебе, право, не стоит мнить себя руководителем научных исследований. Причем ты даже хуже, чем обычный дилетант, потому что не умеешь держать себя в руках. Отныне ты не переступишь порога больницы и тебя не пустят к Хэллоку Я расскажу о том, что ты видел, и передам твои соображения доктору, а уж он решит, что с этим делать.— Она помедлила, держась за ручку двери.— И я со своей стороны посмотрю, что смогу предпринять.

Рэнсом схватил ее за плечо.

— Что ты имеешь в виду? Что ты собралась делать?

Девушка резко стряхнула его руку.

— Еще не знаю. Но я — его медсестра, и это моя работа. Я сделаю то, что сочту лучшим для пациента.

Нила решительно отступила от Морроу, вошла в вестибюль и, так и не обернувшись, шагнула в лифт.

Белый свет уличного фонаря резко осветил его фигуру, отбрасывающую неуклюжую тень. Рэнсом прошел полквартала, разговаривая сам с собой, прежде чем сообразил остановить такси.

Это была самая неприятная ссора с Нилой из всех, когда-либо случавшихся прежде. Конечно, дело не только в Хэллоке и последнем поступке Рэнсома — она решительно возражала против его приближавшейся поездки в Уганду.

Но Хэллок! Бедный, бедный Хэллок. Он сделал неверный шаг, очутился в ловушке ночных кошмаров, внезапно ставших реальностью, и застрял там из-за нескольких растерянных, недоверчивых психиатров. И какие кошмары! Не те банальные сновидения, от которых вы просыпаетесь в непонятном страхе и поспешно зажигаете свет, но кошмары, наполненные невероятно отвратительными монстрами, вполне реально способными покалечить вас и даже убить.

А Ризбаммер? А кошка? По чьему приглашению они отправились в мир сумеречного ужаса? И остальные?.. Там непременно должны быть и другие рискнувшие попробовать Плод...

Рассветная прохлада уже вползла в окно спальни, когда Рэнсому Морроу наконец удалось заснуть. Он проспал допоздна без каких-либо сновидений и очнулся только потому, что его разбудил телефонный звонок.

— Морроу? Это доктор Пертиннет. Я из больницы. Э... мисс Бадд обсуждала с вами дела нашего пациента прошлым вечером? Не упоминала ли она о каких-нибудь особых планах, связанных с ним?

— Обсуждала дела пациента? — Рэнсом подавил могучий зевок.— О чем вы говорите?

— Ее нигде не могут найти. Такое случилось в первый раз. Она очень ответственная и добросовестная медсестра. Ночная сиделка сказала, что Нила заступила на дежурство утром, пока Хэллок еще спал под воздействием успокоительного. Я пришел часом позже и обнаружил, что больной уже проснулся, а мисс Бадд исчезла. Никаких признаков ее присутствия, только Хэллок все время твердит о недоеденном финике на полу...

В голове Рэнсома как будто что-то щелкнуло. Облако сна моментально рассеялось, мозг заработал в полную силу.

— Хэллок утверждает, что она съела Плод?!

— Д-д-а-а,— голос доктора звучал весьма неуверенно.— Он говорит, что, когда проснулся утром, она заинтересованно разглядывала Плод, и он убедил ее съесть этот финик. Он утверждает, что она съела столько, что теперь является постоянной частью его кошмаров, и только вы можете извлечь ее оттуда. Конечно, это все противоречит здравому смыслу, но поскольку я не могу ее нигде найти и так как вы и она...

— Да! Ну, держитесь за свой стетоскоп — я сейчас буду у вас!

Рэнсом бросил трубку и моментально оделся.

Все плотно упакованное снаряжение для экспедиции в пустыню Африки находилось в соседней комнате. Морроу возблагодарил с десяток малых богов за то, что оказался самым молодым участником экспедиции и поэтому должен был тащить большую часть оружия, предназначенного для использования в любых чрезвычайных ситуациях. Он вызвал по телефону такси, отобрал три неуклюжих тюка, обернутых в клеенку, и понес их вниз по лестнице.

Шофер помог затолкать тюки в машину. Его глаза округлились, когда он нащупал сквозь обертку дуло автомата и острые края коробок с патронами. Они стали еще круглее, когда Рэнсом, захлопнув дверцу, выкрикнул адрес больницы.

— В первый раз...— пробормотал он, усаживаясь за руль.— В первый раз вижу, чтобы несчастный случай сам доставлял себя туда, куда надо.

Доктор Пертиннет встретил его в коридоре и с ужасом уставился на тяжелые тюки.

— Господи, эт-то что?

— Пилюли и припарки,— пояснил Рэнсом.— Нитроглицериновые капли. Отличные сильнодействующие лекарства, которые как раз подойдут для того, что причиняет страдания Хэллоку. Я думаю, они могут излечить его. Эй, док, возьмите-ка вот это. Сверток слишком объемистый и все время вываливается у меня из рук.

Он вломился в палату старого исследователя, доктор, протестуя, тащился сзади. Потная медсестра преградила дорогу к кровати.

— Тихо, девочка. Уходи прочь. Отвали. Это работа для мужчин. Пойди поухаживай за каким-нибудь малышом.

Он решительно отодвинул женщину с дороги, и та, вздернув нос и пожав плечами, вышла из комнаты, повинуясь сигналу доктора.

Рэнсом опустился на колени и принялся сдирать обертку с оружия. Затем поднял глаза на улыбающегося Хэллока.

— Я готов. Командуйте.

— Хорошо,— раздался шепот старика.— Я прошу прощения, что я вынужден был уговорить мисс Бадд предпринять опасные действия, мой мальчик, но я начинаю отчаиваться. Я теперь провожу все больше и больше времени во сне и все больше и больше рискую никогда не вернуться. Я рассчитывал на то, что вы будете действовать немедленно, так что медсестре не придется долго пробыть там одной, но, клянусь, я вовсе не побуждал ее съесть так много Плода. Клянусь, я хотел, чтобы она вернулась.

— Что сделано — то сделано. Доктор, дайте ему снотворного. Да не смотрите на меня так — дайте ему снотворного!

Пока доктор откидывал одеяло и протирал тампоном руку Хэллока, Морроу спросил:

— Что я должен сделать, чтобы вернуть Нилу? И доктора Ризбаммера?

— Я скажу вам; я буду с вами... там. Мы должны убить мать — Мать-Родоначальницу Кошмаров и Ужасов. У вас есть оружие?

— Все, кроме портативной водородной бомбы. Ружье — мощный винчестер, пулемет, два мачете и связка ручных гранат. Справимся?

Старый исследователь лег на спину и уставился в потолок.

— Чудесно! Если бы тогда, много лет назад, у меня хватило здравого смысла... Ничего этого не случилось бы. Я бы никогда не впал в беспомощное состояние, не оказался бы во власти кошмаров.

Его голос постепенно превращался в едва различимый шепот, под воздействием снотворного мысли путались и устремлялись куда-то вдаль.

— В Месопотамии, далеко на юг от Динры, где пустыня приводит к разбитой скале, которая выглядит как ледяной валун, оставшийся после сотворения мира... Никто из местных проводников не пойдет туда, хотя существует легенда, что Эдемский Сад и эти неслыханные сокровища... Сокровища! Там нет ничего, кроме дерева... Вы пробираетесь между острейшими скалами... и там и растет это дерево...

— Это дерево? — не выдержал доктор, прерывая затянувшуюся паузу.

— Древо Познания Добра и Зла,— тихо сказал Хэллок, не отводя взгляда от потолка.— Не так, как это было в Библии... Хотя какой-то предок человека, должно быть, действительно съел его плод... Оно растет в глубокой скалистой расщелине, куда не проникают лучи солнца и где не течет вода... И все-таки оно процветает... Его вершина представляет собой величествен-

ную корону листьев в форме перьев — пурпурных, красных и золотых — и Плод... десятки видов плодов, больше половины из них нельзя распознать, и все на одном дереве... Это дерево, оно не с нашей Земли, однако кто знает, какие существа поедали его плоды в прошлом и какой Плод был съеден волосатым Адамом и его Евой. Я не мог этого знать... Помоги мне, Боже...

Речь старика прервалась. Доктор Пертиннет приблизился на цыпочках, чтобы посмотреть, заснул ли он. Вдруг шепот послышался снова. Старый исследователь широко раскрыл глаза, облизал пересохшие губы.

— Я не мог знать... И мне было наплевать... Я сорвал финики с вершины, потому что их я узнал, и подумал, что со мной-то ничего не случится... решил, что уж я-то уцелею!.. Откуда я мог знать, какой плод уже попробовал человек... и тогда это началось!.. *Я жил в собственных снах, снах моего прошлого...* Но только на минуту... это было приятно... затем... Когда я дал немножко погонщику верблюдов и он ушел в сон... Затем я увидел Мать-Родоначальницу и то, что она посылала в мое сознание... Я не мог знать, какой плод уже был съеден человеком... Я не знал... какими людьми мы могли стать... какими людьми мы стали бы, будь тогда съеден иной плод... если бы тот, что я сорвал, был съеден раньше... раса, живущая в моих снах... странные возможности... что съели некоторые расы... динозавр, щиплющий плоды на верхушке... чудовища из всех геологических периодов, поедающие его... откуда мне было знать, который... какой плод...

Несчастный спал.

— Вот это да! — присвистнул Морроу, бросив быстрый взгляд на доктора. Тот нервно облизывал губы и не отрываясь смотрел на старого ученого.

— Идете со мной?

Доктор вздрогнул.

— Куда? Как?

— В безумие Хэллока или в его разум. Это сейчас одно и то же. Хотите со мной? Мне понадобится оруженосец.

— Послушайте, Морроу! Я и так стоял тут и позволял этой глупости...

— Это не глупость,— перебил его Морроу.— Вам давно уже следовало понять. Вы не можете найти Нилу, а я смогу. Вы не можете установить причину исчезновения Хэллока, а я могу. Вы не решаетесь попробовать хоть чуточку этого плода, который ваша лаборатория считает химически чистым, тогда как я...

— Ну, хорошо. Хорошо. Я признаю, что ситуация оборачивается неожиданной стороной...

— Самое сдержанное высказывание тысячелетия. Теперь наденьте этот пояс с гранатами и возьмите коробки с патронами. Поглядите, удастся ли вам сунуть под правую руку этот мачете... Вот та-ак.. Я понесу ружье и другое мачете.

Морроу вытащил из шкатулки слоновой кости два финика и улыбнулся доктору, согнувшемуся под тяжестью снаряжения.

— Откуда вы знаете,— пробурчал старик,— что, отправляясь неизвестно куда, мы сможем прибыть туда со всем — со всем этим чертовым арсеналом?

— Не знаю. Я только предполагаю, основываясь на инструкциях Хэллока и исходя из того факта, что свой прошлый визит туда я нанес, не расставаясь с вещами. Ну, ешьте финик. Давайте, берите его!

Психиатр взял плод, с сомнением повертел его в руках и наконец, следуя примеру Рэнсома Морроу, сунул его в рот.

— М-м-м, неплохо,— пробормотал он.— Вкус у него...

Они падали. Вниз и вниз, сужающимися кругами. Вокруг них — только странно перемещающаяся темнота. Морроу ощутил давящий страх, панику, желание с криком убежать без оглядки.

— ...Точно такой, как у фруктового кекса, когда больничная повариха в хорошем настроении,— продолжал говорить доктор. Его голос звучал совершенно спокойно, с легкой ноткой удивления.— Интересно, что это начинается с ощущения падения. Я думаю, наиболее разумное объяснение подобному факту может быть...

Полет завершился. Опять не осталось никаких воспоминаний о самом моменте приземления. Доктор поднялся и стряхнул несуществующую пыль с белого больничного халата. Затем близоруко огляделся и продолжил:

— Самое разумное объяснение этому можно найти у Фрейда. Не у того Фрейда, чьи умственные способности явно стали приходить в упадок, но у более раннего — ученого с невероятно острым умом.

Рэнсом Морроу потряс головой и начал снимать с доктора оружие.

— Док,— сказал он.— Вы просто чудо, у вас совсем нет нервов.

— А? Возможно. Так вот, к вопросу об ощущении падения. Фрейд объяснил бы его...— Он обернулся и увидел старика в изодранном халате, который испуганно смотрел на пришельцев.— Ризбаммер! Ризбаммер! Так вот куда вы делись! Где ваши записи, дружище?

— Мои... записи?

— Ну да, ваши записи по поводу случая Хэллока. Ну же, вспоминайте, они нам просто необходимы. Это непростительно — исчезнуть и не оставить никаких указаний для больничного персонала. Я трижды перерыл все папки и дважды обшарил ваш кабинет. Куда вы их засунули?

Его собеседник провел рукой по редким волосам.

— Мои записи. А вы... вы не посмотрели в коробке от сигар? Мне почему-то кажется... Я... я думаю, что оставил их в коробке от сигар. Я... я прошу прощения за доставленные неприятности.

— Ну, ничего страшного,— великодушно отозвался Пертиннет.— Раз так, мы сможем найти их и вложить в нужные папки.

Медики отошли в сторону и негромко заговорили между собой, как это делают психиатры всего мира у постели больного. У Ризбаммера на самом деле имелось на носу пятнышко от ожога.

— Небольшая медицинская конференция в подсознании Хэллока,— пробормотал Рэнсом. Он закончил заряжать ружье и выпрямился.

— Нила! — позвал он.— Эй, Нила!

Молодого человека удивила та скорость, с которой пришел ответ на его зов. Рыдающая фигурка в белом вылетела из темноты и бросилась ему на грудь. Морроу обнял ее и принялся утешать поцелуями.

— Ты не ранена? — в голосе Морроу явственно слышалась тревога.

— Нет, я не ранена. Но это место — это ужасное, жуткое место! — Она перестала всхлипывать и пригладила волосы.— Я, должно быть, выгляжу... ох, так же ужасно, как Ризбаммер. Когда бедняга в первый раз увидел меня, то убежал прочь, но кошка вела себя дружелюбно, и он через некоторое время тоже успокоился. Ризбаммер был в совершенном отчаянном состоянии, когда я сюда попала. Удивительно, но даже краткий человеческий разговор просто чудеса творит!

— Ну, ты же не просто человек,— заверил ее Морроу. Он бросил взгляд поверх ее головы и остолбенел. Этот топи — тропический шлем из пальмовой сердцевины... эти шорты... эти развевающиеся черные волосы... Перед ними, несомненно, стоял Уэллс У. Хэллок, но такой, каким он был пятнадцать, нет, даже двадцать лет назад. Кот с любовью терся о его шерстяные носки цвета хаки.

— Какая живописная сцена! — произнес Хэллок звучным молодым голосом.— Пертиннет и Ризбаммер держат совет; Бадд

и Морроу держат в объятиях друг друга. Все снаряжение доставлено? — Он резко шагнул вперед.

Пока два доктора нерешительно приближались, он выбрал мачете и зарядил автомат. Затем привесил к поясу пару гранат.

— Вы не возражаете, если я возьму пистолет-пулемет? Я лучше, чем вы, знаю уязвимые места. Предоставим докторам нести амуницию.

Хэллок двинулся в колеблющуюся тьму, Морроу поспешил следом.

— Куда мы идем? Я не хочу брать Нилу туда, где опасно.

— Ну, местоположение постоянно меняется, но мы скоро туда доберемся. И не беспокойтесь о Ниле, ей безопаснее быть с вами. Кстати, вы оба, равно как и Пертиннет с Ризбаммером, застряли здесь: вы съели слишком много Плода. Ваша единственная надежда — уничтожить Мать-Родоначальницу. С моей точки зрения, после ее гибели весь этот кошмар рассеется. Я не знаю, достаточно ли у нас снаряжения, чтобы справиться с ней, но если недостаточно...— Он содрогнулся.

Нила шла прямо за ними, со страхом поглядывая на уродливых чудовищ, скользивших мимо них в темноте. Доктора, с трудом тащившие тяжелые ящики с боеприпасами, замыкали процессию. Кошка брела сбоку от маленькой группы и старалась держаться как можно ближе к людям.

— Каким образом вам удается сохранять молодость? — спросил Морроу.

— Не знаю. Это одна из до сих пор не решенных мною загадок: я остаюсь в том же возрасте, в каком был, когда впервые попробовал Плод. Еще одна таинственная закономерность: любой, кто съедает Плод, почему-то попадает в мой сон, а не в свой собственный. Возможно, потому, что я оказался первым, кто его отведал, и он был тогда свежим, только что сорванным. Удобно, однако, оставаться молодым, и я часто думал, что, если бы не все эти ужасы, разгуливающие тут... Ну, вот вам и здрас-с-сьте!

Из серой тени к ним опускалась крошечная красная голова на гибкой шее. На голове виднелись три глаза и что-то вроде хобота вместо рта. Другой конец гибкой, как стебель, шеи уходил во вздувающуюся красную массу, растянувшуюся ярдов на десять.

Когда голова лениво поползла вниз, Рэнсом выстрелил прямо в центральный глаз. Он услышал, как Хэллок выпустил пулеметную очередь, и голова, отделенная от тела, упала и сразу же растворилась в алой жидкости. Почти немедленно на тонкой извивающейся шее начала образовываться новая голова.

— Стреляйте в тело — вон туда! — заорал Хэллок.

Рэнсом вытащил из-за пояса гранату, зубами выдернул чеку и метнул ее в туловище твари. Затем...

— Ложись! — завопил он.

Все упали на землю, а жуткий взрыв разнес над их головами осколки стали и ошметки красной пульсирующей плоти. Когда они поднялись, чудовища не было.

— Вы болван! — в ярости кричал Хэллок.— Дурак с безумными глазами, который только и думает, что палит без разбору куда попало! Потратить гранату на такую тварь, когда мы вполне могли прикончить ее просто патронами. Нам понадобятся все наши гранаты для Матери-Родоначальницы.— Он угрюмо подсчитал оставшиеся гранаты.— Всего пять. Придется обойтись ими.

— Разве это не была Мать-Родоначальница? — спросил Морроу. Он все еще нетвердо стоял на ногах, но крепко обнимал одной рукой Нилу, пытаясь успокоить девушку.

— Это? Мать-Родоначальница? Господи, да это всего лишь был один из ее несущественных отпрысков — часть кошмара, который привиделся мне десять лет назад в Тунисе. Когда вы увидите Мать-Родоначальницу, вы ее наверняка узнаете!

— Как?

— Увидите — сразу поймете! Пошли.

Нила вцепилась в плечо Рэнсома.

— Если мы встретим одного из более крупных детишек этой мамочки, я хочу быть как можно ближе к тебе, Рэн,— прошептала она.

— Крепись,— отозвался Морроу.— Я и сам рад бы удрать без оглядки, но нам придется собраться с духом.— Он решительно двинулся за Хэллоком.

За спиной слышалось сопение докторов, тащивших тяжелую амуницию.

— Вы заметили странное проявление красного цвета в этом монстре, Ризбаммер? — говорил доктор Пертиннет.— Помните, что пишет Пискудберри о появлениях красного в снах психически нестабильных пациентов?

— Вы имеете в виду работу Пискудберри «О мнимом гипнотизме» или его монографию «О спектральных цветах и подсознании»?

— Ну конечно монографию! О чем вы только думаете, Ризбаммер? Что еще я мог иметь в виду, кроме монографии? Так вот, согласно теории Пискудберри...

Их голоса стали тихими и профессионально доверительными. Рэнсом и Нила улыбнулись друг другу. Тот факт, что впереди шел именно Хэллок, придавал им уверенности.

Количество отвратительных тварей вокруг, кажется, возросло, но ни одна из них вроде бы не собиралась нападать. Они миновали сотни фантастических лиц, с которых на путников пялились тысячи безумных глаз. Запах, который они ощущали последние несколько минут, внезапно стал сильнее и теперь достоин был только одного названия — вонь.

— Однако,— заметил Рэнсом.— Так должен пахнуть, пожалуй, прапрадедушка всех вонючек. Как будто вся грязь и тухлятина сконцентрированы в одном месте.

Свет разгорался все ярче, пока видимость не стала почти совершенной.

Дрожавшая от напряжения кошка бежала впереди. Она остановилась, посмотрела вперед и выгнула спину горбом. Дикое, полное ненависти шипение вырвалось из ее пасти. Затем животное стало медленно отступать, пока не уперлось в ноги Хэллока. Кошка проворно скользнула между ними и затаилась.

Хэллок остановился и посмотрел вперед.

— Вот она,— произнес он тихим испуганным голосом.— Мать-Родоначальница. Заряжайте оружие и готовьтесь.

Двое мужчин проверили свое оружие, убедились, что гранаты легко вынимаются из-за пояса и ни за что не зацепятся. Затем заткнули за ремни мачете. Нила помогла им прикрепить обоймы.

— Ты стой здесь,— прошептал Рэнсом. Он повернулся к докторам, в тоскливой беспомощности застывшим рядом.— Позаботьтесь о ней.— С этими словами молодой человек отдал Пертиннету одну из своих гранат и направился к Хэллоку, с глубоким вздохом расправлявшему плечи.

— Сумерки богов,— сказал Хэллок.— Последняя решающая битва.

Они осторожно, шаг за шагом, двинулись вперед, нащупывая твердую почву под ногами. Кошка кралась рядом, почти касаясь брюхом земли.

Все более мощные и плотные волны зловония накатывали на них, затрудняя дыхание. Рэнсом вцепился в ложе своего винчестера, отчаянно пытаясь разглядеть то, что ждало их впереди.

И вот наконец их глазам предстало... Что?

Перед ними на много миль в длину и в ширину расстилался огромный ковер живой плоти, лежащий в колыбели собственной слизи. Огромная протяженность плоской, волнообразно колеблющейся материи — зеленой, желтой и нездорово-оранжевой. Время от времени какое-нибудь чудовище приближалось к краю органического ковра и отплывало прочь. Затем, прямо на глазах потрясенных ученых, оно принялось плодиться.

В густой липкой слизи вздымалось и колыхалось нечто, а исходивший от него запах невозможно было описать. Затем Рэнсом разглядел, что поверхность материи не всюду оставалась одинаковой: на ней через равные промежутки судорожно открывались и закрывались чудовищные рты.

Хэллок бросился вперед, и Рэнсом, облизнув губы, которые почему-то стали словно сухой картон, двинулся за ним. Морроу понимал, что им нужно действовать не торопясь, подкрадываться осторожно и что стрелять можно только тогда, когда они будут знать наверняка, куда следует целиться, чтобы нанести сокрушительный удар. Однако представший его глазам кошмар и явственно читавшийся на лице Хэллока ужас лишили Рэнсома способности трезво рассуждать и заставили очертя голову броситься вперед.

Хэллок остановился у кромки слизи и стал снимать с пояса гранаты. Он выдергивал чеку и по большой дуге одну за другой швырял гранаты в монстра. Загремели взрывы, и куски ужасной плоти полетели в разные стороны.

Хэллок упал на колени и, выкрикивая проклятия и смеясь одновременно, обрушил на ковер из живой материи целый град пуль.

В ответ раздался вопль десяти тысяч глоток.

Огромная волна пробежала по всему одеялу плоти, от рта к рту. И вдруг дальняя сторона ковра вздыбилась, поднимаясь все выше и выше,— чудовище восставало из слизи!

Рэнсом поспешно швырнул гранату — один из ртов мгновенно превратился в истекавшую слизью дыру. Мгновенно оказавшись рядом с Хэллоком, молодой человек стал палить в поднимавшееся чудовище.

Эти рты — нет, это не только рты, это фрагменты отдельных лиц с различимыми глазами и носами — жуткие алые пасти и кошмарные физиономии... Рэнсом мучительно пытался сообразить, что же они ему напоминают...

— Стреляй в тот бугор... в центре...— выдохнул Хэллок.— Похоже, это жизненно важное место!

Рэнсом выстрелил прямо в пульсирующую алую кляксу точно в центре чудовища. Срикошетило! Броня! Морроу выдернул чеку последней гранаты. Их обдало слизью. Он швырнул гранату, но та взорвалась далеко от красного пятна.

Они хором чертыхнулись и попятились, не переставая стрелять. Монстр, колыхаясь, двигался вперед, открытые пасти на гребне волны приближались.

Рэнсом вспомнил о гранате, которую отдал Пертиннету, и помчался назад, к тому месту, где оставил Нилу и докторов.

На бегу уронив винчестер, он не стал останавливаться, чтобы поднять его.

Нила уставилась на кошмарную тварь, которая, перекатываясь, надвигалась на них.

— Рэн, о, Рэн,— простонала она.

Пертиннет рассматривал гранату, задумчиво вертя ее в руках.

— Странное устройство,— заключил он.— Полное отсутствие спускового механизма. Судя по всему, простота была одним из основных факторов...

Рэнсом выхватил у него из рук гранату и резко повернулся. Хэллок теперь стрелял прямо вверх, но веер пуль приносил не больше результата, чем если бы это были комочки жеваной бумаги. Когда закончились патроны — или заклинило спуск? — он отбросил ружье в сторону и выдернул из-за пояса мачете.

— Назад, Хэллок,— крикнул Рэнсом.— Назад!

Но ученый, казалось, не слышал его и продолжал брести по щиколотку в слизи.

Рэнсом выдернул чеку, прицелился и метнул гранату прямо в красное пятно. Алая опухоль словно вывернулась наизнанку. Вновь раздался слаженный вопль множества голосов, и чудовище стало поспешно скручиваться, однако Хэллок наступил на него и отчаянно взмахнул мачете.

Он принялся кромсать тварь, в стороны полетели огромные куски, но тут кромка жуткой материи изогнулась внутрь и унесла с собой несчастного, вопящего от ужасающей боли, а потом швырнула его прямо в агонизирующие рты.

Мир раскололся. Миллионы разрозненных музыкальных тарелок оглушительно грохнули друг о друга. Вокруг посыпались огромные шматы чего-то серого.

Чувствуя, что падает, Рэнсом уцепился за Нилу. Их крутило и швыряло в рассеивающемся мраке. Со всех сторон он видел фрагменты раздутых зеленых тел, плавающих в спирально поднимающихся испарениях, красные и фиолетовые участки изгибались в пустоте. Пертиннет и Ризбаммер, тоже вцепившись друг в друга, медленно плыли вниз неподалеку.

Нила прижалась к Рэнсому теплым дрожащим телом.

— Эти лица,— простонала она.— Эти лица! Ты видишь, чьи они? Хэллока! Ужасно! Жуткий, невероятный кошмар!

Теперь Рэнсом это понял — они действительно принадлежали Хэллоку. Десять тысяч дьявольски гротескных карикатур — все лица Матери-Родоначальницы — были не чем иным, как лицом Уэллса У. Хэллока. И в тот последний момент, наступив на монстра, Хэллок, должно быть, понял это!

Они остановились среди слепящей белизны и закрыли глаза, терзаемые невыносимым светом, а когда осторожно открыли их снова, сияние потускнело и, поначалу неотчетливо, затем все яснее и яснее, постепенно приобретая четкие очертания реальности, начала проявляться окружающая обстановка.

И наконец... Никаких уродливых форм, никаких искаженных видений — они снова были в больничной палате, все четверо. Рэнсом и Нила все еще дрожали от волнения. Доктор Пертиннет осторожно прикрыл одеялом окровавленное месиво на постели.

— Я... Я принесу нам всем успокоительное,— наконец произнес он. Ризбаммер вышел вслед за ним.

— Вечно доктор Пертиннет носится со своим успокоительным! — истерически всхлипнула Нила.

Рэнсом подошел к тумбочке и поднял маленькую шкатулку из слоновой кости.

— Может, это и противоречит интересам науки, Нила, но, я думаю, нам следует уничтожить то, что здесь осталось.

Девушка выхватила у него шкатулку.

— Безусловно,— согласилась она.— Я брошу это в больничный мусоросжигатель. Фиников с меня хватит до конца моих дней. Но знаешь, я готова обойтись рисом.

— Договорились,— улыбнулся он.— Если кому-то это интересно, некто по имени Рэнсом Морроу по горло сыт приключениями — ему хватит до старости и будет что рассказать внукам!

Нила неуверенной походкой направилась к двери. Минуту спустя Рэнсом услышал, как открылась дверца мусоросжигателя. Он закурил и улыбнулся кошке. Вот кому явно повезло — ведь она не обладает человеческой памятью.

И вдруг улыбка исчезла с его лица. Потому что кошка держала в зубах что-то круглое и черное. *И это была не мышь.*

Вирус Рикардо

Грэфф Дингл флегматично рассматривал желтое пятно, расплывавшееся по руке вокруг нанесенной кинжалом раны. Он ощутил поначалу едва уловимый жасминовый запах болезни и поднял глаза туда, где солнце безуспешно пыталось пробиться сквозь плотную массу грязновато-серых облаков и разносимые ветром потоки дождя.

Дингл мрачно пнул тело гангстера из Хитвейва, того самого, остававшегося позади, в засаде, и обугленный труп с легким шорохом сполз в грязь.

— Увидимся примерно через пять с половиной часов, парень. Выстрел твоего электробластера не попал в цель, зато превратил в месиво мою антисептическую сумку. Так что последний удар ножом и вправду оказался весьма существенным.

На лице Грэффа, потемневшем за долгие годы, проведенные под чудовищным солнцем, появилась мрачная ухмылка. Он прекрасно понимал, что свалял дурака — разве можно было склоняться над врагом, не убедившись предварительно, что тот зажарен до хрустящей корочки?

Но ему в любом случае требовалось тщательно обследовать одежду человека в поисках хоть какого-то ключа к исчезновению Греты и доктора Бергенсона и — что еще важнее — невероятной ценности груза лободина, который они везли с Земли.

«Итак, мне предстоит сполна расплатиться за спешку,— подумал он.— Впрочем, в джунглях Венеры только так всегда и бывает».

Вирус Рикардо безжалостно стремителен: через шесть часов после появления на открытой ране его светло-шафранового цвета глобул вы мертвы. И никакие хирургические операции, никакие отчаянные попытки дренирования раны не могут спасти вас, уж это-то Грэфф знал наверняка. Его родители, братья и

сестры составили лишь малую толику тех, кто погиб в Нью-Каламазу из-за слишком поздно замеченных порезов или царапин, когда проводить дезинфекцию было уже бесполезно. Вирус расправился более чем с тремя поколениями венерианских колонистов, включая самого Вилфредо Рикардо, который первым неуверенно ступил на болотистую планету. А он всего-то слегка ободрал кожу на руке о новый флагшток.

До чего же противно погибнуть от мерзкой плесени, так и не узнав, что случилось с Бергенсонами. Не то чтобы у него все еще имелся личный интерес, поскольку Грета вряд ли выйдет замуж за покойника, когда может выбрать любого из сотни полных жизни, изголодавшихся по женщинам пионеров. Но ее отец был единственным доктором в крохотной колонии. А потеря лободина означала, что вирус Рикардо загонит в топкие могилы еще большее число колонистов Нью-Каламазу.

Крохотное пятнышко в небе стремительно увеличивалось в размерах. Грэфф невольно шарахнулся в тень гигантского розового куста — обострившиеся за долгие годы инстинкты брали свое.

Летающий ящер, собственной персоной. Да еще дружелюбно настроенный?

Птеродактиль легко приземлился на ветку возвышавшегося напротив папоротника. Его нелепый кожистый лоб сморщился при виде человека. Грэфф заметил, что тварь опустилась вне пределов досягаемости его электробластера. Разумный и, вне сомнения, необычайно бесстрашный экземпляр, если отважился сесть так близко от человека.

В любое другое время Грэфф был бы заинтригован возможностью завести дружбу с разумной крылатой рептилией, которая выучила язык людей и, по вполне понятным причинам, избегала пускать в ход результаты своего труда. Однако сейчас его голова была забита совершенно другими вопросами.

Например, реальностью мучительной смерти спустя всего несколько часов.

Огромные полотнища, похожие на крылья летучей мыши, перестали шуршать, и Грэфф резко поднял глаза.

Широкий выпуклый лоб ящера еще больше сморщился. Его чудовищный клюв несколько раз беззвучно раскрылся и закрылся. Существо прочистило горло.

— Город?

Следовательно, он тоже принадлежал к определенной цивилизации. Что подвигло это существо покинуть общинное гнездо в Сан-Маунтинз? Ящеры избегали людей более пятидесяти лет. Грэффу, добывавшему мясо для колонистов, не раз случалось

шарахаться от стаи птеродактилей, круживших над головой и осыпавших его проклятиями на трех языках первых колонистов.

— Город? — уже настойчивее прозвучал тот же вопрос.— Хитвейв или Нью-Каламазу?

— Нью-Каламазу.

Существо с явным облегчением кивнуло треугольной головой.

— Так я и думал. Ты желаешь знаний, который из мужчин Хитвейва увел мужчину и девушку с корабля?

Грэфф напрягся всем телом.

— Да! Ты знаешь?

Новый кивок.

— Это я знаю. Зовут Фувина.

— Фувина? — повторил охотник, нахмурившись. Он знал по именам большинство отчаянных парней из Хитвейва, некоторые из которых были политическими преступниками, сбежавшими с Земли. Прочие прежде жили в его городе, но покинули его в поисках более легкой жизни, устав от постоянной борьбы с болотистой почвой и хищными джунглями.

Но он не мог припомнить никакого Фувины. Возможно, вновь прибывший или одна из мелких сошек, недавно пробивших себе дорогу на вершину кровавого общества Хитвейва убийствами и грабежами. Фувина? Фу...

Ну конечно! Недостаточно гибкий клюв птеродактиля был плохо приспособлен к губным согласным, типа «п» или «б», и трансформировал их в «ф» или «в». Пубина! Макс Пубина в большой спешке покинул Нью-Каламазу три года назад, после того как поссорился с каким-то фермером из-за границ и перерезал тому горло. Совершая налеты на живущие особняком семьи с контрабандными перевозками на Землю запрещенных на Венере наркотиков, он стал в некотором роде силой.

— Ты имеешь в виду Пубину?

— Я так и сказал. Он и другие люди заврали мужчину и девушку с невесного корабля и фоместили их на совственный корабль. Еще взяли вольшую зеленую вутылку. Оставили одного мужчину из Хитвейва здесь, сфрятавшегося. Затем улетели туда на своем корабле,— фантастически огромное мясистое крыло указало на юг.— За ними фоследовал я. Где мужчины из Хитвейва остановились, я видел. Затем я вернулся назад.

Ящер сделал огромный глоток воздуха, чтобы восстановить дыхание после столь длинной речи, и встряхнулся. Огромный папоротник сочувственно содрогнулся.

Грэфф выступил из-под куста и пристально взглянул на нежданного союзника.

— Спасибо. Но я не понимаю, при чем здесь ты.

Зубастый клюв, размером примерно с половину человека, неуверенно раскрылся.

— Фотому что,— тихим голосом объяснил птероящер.— Мужчины из Хитвейва заврали мою фодругу феред тем, как нафасть на невесный коравль из Нью-Каламазу. Ее фосадили в клетку, чтовы отвезти на Землю. Здесь я ничего не могу фоделать сам. Но я следил за ними, ища способ сфасти ее.

— И ты решил, что, если ты поможешь мне найти моих друзей, я помогу тебе спасти твою подругу от циркового шоу на Земле? Ладно, так я и сделаю, если...

Большое, сложное «если», в котором столько же завитков, сколько в плотоядном плюще. Если он проживет достаточно долго и успеет добраться до укрытого в джунглях логова Пубины... Если при этом он останется в здравом уме — последний час воздействия вируса Рикардо на организм всегда крайне мучителен — и будет в состоянии сделать что-либо конструктивное... Если человек, над головой которого летит птеродактиль, указывающий ему дорогу, сумеет пробиться сквозь абсолютно неисследованный участок болота и сохранит к концу пути достаточно сил, дабы забрать приз века у самого серьезного сборища головорезов на этой суровой планете...

Грэфф сжал кулак, потому что в левой руке начались судороги. Вскоре они распространятся по всему телу и в конце концов, примерно через пять часов, завершатся роковыми конвульсиями. Если однорукий человек, в распоряжении которого имеется один-единственный портативный электробластер, сможет преодолеть все преграды...

Неожиданно он громко выругался, осознав, что сжимает в руке оружие с того самого момента, как нанес грабителю из Хитвейва завершающий удар. Это случилось уже после удара кинжалом, после того как выстрел превратил антисептическую сумку в мешанину расплавленных склянок и обуглившейся материи, лишив его возможности немедленно воспользоваться десятком разных антисептических растворов.

Но сейчас! Он тревожно осмотрел сверкающие металлические пружинки. Возможно, все еще действует. Вполне возможно. Грэфф с бесконечными предосторожностями убрал бластер в кобуру и склонился над почерневшим телом, уже почти исчезнувшим в грязи. Электрический пистолет головореза отсырел и теперь едва ли хоть на что-то сгодится, но Грэфф продолжал шарить в болотистой почве, пока не обнаружил стилет.

Он выпрямился и усмехнулся, глядя на длинное лезвие. Сталь уже покраснела от стремительно распространявшейся на Венере ржавчины.

— Где корабль? — спросил он.— Где был корабль моих друзей?

Ящер кивком указал на болотистую, плоскую равнину.

— Вон там, дальше. Невесный коравль из Хитвейва ждал там, наверху. Когда фрилетели твои друзья из Нью-Каламазу, коравль Хитвейва выстро ринулся вниз, на них. Коравль Нью-Каламазу тяжело рухнул вниз. Это я видел. Затем люди из Хитвейва заврали твоих друзей, а их коравль фогрузился в грязь. Всего выло четыре человека из Хитвейва, не считая Фувины. Ты увил одного, так что теферь осталось три, да еще Фувина,— летающая рептилия вновь тяжело вздохнула. Ее кожистые когти беспокойно затоптались по ветке.

«Назовем это счастливым случаем»,— подумал Грэфф. Оставалось разобраться с четырьмя головорезами. Могло оказаться двадцать. Либо банда Пубины меньше, чем принято было считать, либо он предусмотрительно держал всю операцию в глубокой тайне. Бандиты, особенно на Венере, готовы были без колебаний разорвать друг друга на мелкие кусочки, чтобы добыть первые лабораторные образцы вакцины, дающей иммунитет против вируса Рикардо. Некая компенсация за потерю корабля.

Или все не так? Ведь у него имелось только свидетельство ящера. Возможно, весь рассказ о самке, взятой в плен, чтобы отправить ее в земной парк развлечений, был не чем иным, как историей, состряпанной Пубиной, чтобы сыграть на мягкосердечии колониста. Ящер мог тем или иным образом работать на Пубину. Кто знает что-либо о птеродактилях? Кто знает, могут ли они испытывать нечто вроде любви или преданности?

Грэфф уставился в немигающие глаза рептилии, затем перевел глаза на конусообразный, жуткий клюв — и то и другое было лишено всяческого выражения. Добавим еще одно «если».

— Ладно, Макдуфф,— сказал он наконец.— Веди.

— Мы фойдем фо вольшой кривой,— пояснил ящер, расправляя чудовищные крылья.— Восемь, девять часов для тевя. Другой футь займет фоловину времени, но...

— Никаких «но»! — прервал его Грэфф. Он помассировал левое предплечье, начинавшее болеть из солидарности с рукой.— Давай выберем короткий путь.

— Он слишком тяжел для тевя, слишком офасен. Фересекать реку...

— Значит, я промочу ноги. Я не в том положении, чтобы опасаться подхватить пневмонию. Веди самой короткой дорогой, по прямой, Макдуфф, я тороплюсь.

Создание склонило голову на бок, опустило крылья, словно пожимая плечами, и снялось с папоротника, в парящем полете устремляясь к югу. Поднявшись футов на триста, птеродактиль сделал круг, желая убедиться, что Грэфф следует за ним.

Итак, если вам когда-либо случится оказаться на Венере, Полярный континент — это, вероятно, именно то место, где вы проведете все время своего пребывания. Не только потому, что температура и уровень осадков там самые низкие на планете (что делает этот континент всего лишь чуть-чуть менее приятным, чем джунгли Амазонки), но также потому, что это наиболее освоенные земли — плотность населения приближается к одному человеку на каждые тридцать квадратных миль.

Но если вы окажетесь на Полярном континенте, вам посоветуют — и совершенно справедливо — держаться подальше от Южного полуострова. Причиной тому — промозглое и мерзкое болото, охватывающее практически всю территорию полуострова, а в еще большей степени — протекающая здесь река Блэк. Она то раздваивается, то пересекает сама себя и свыше десятка раз становится собственным притоком, напоминая нечто вроде живого сюрреалистического штопора.

Река Блэк поднимается куда-то в неприступные пики Сан-Маунтинз, а затем стремительно, с ревом обрушивается на равнину. Однако как раз перед тем, как достигнуть полуострова, она объединяется с рекой Зетзот, и обе они несутся вперед, теперь уже с неимоверной скоростью. Даже если допустить возможность полного прекращения дождей — что, впрочем, совершенно исключено,— непроницаемая пелена тумана над Южным полуостровом все равно бы не исчезла. А в том месте, где Блэк, если можно так выразиться, удваивает сама себя, клубы тумана по обоим берегам на многие мили вокруг становятся настолько густыми, что никто не может точно указать, где же именно река впадает в море Джефферсона. Но и это не все. На заболоченном полуострове находят приют самые разнообразные представители фауны Венеры, причем по большей части размеры их весьма внушительны. Твари, способные выжить в болоте Южного полуострова, весьма опасны и, как правило, идеально приспособлены к окружающей среде. Там в изобилии водятся змеи, насекомые и плотоядные растения, а кроме того, еще не изученные существа, обитающие в зыбучих песках. Одним из самых мелких видов, обитающих на полуострове, можно считать темной окраски рыбку, которую колонисты на Венере окрестили сардиной — возможно, по причине ее схожести в размерах с земной тезкой. Однако своими повадками эта мелкая рыбешка более всего напоминает пиранью из Южной Америки. Она плавает по реке Блэк огромными косяками и поедает все на своем пути.

Учитывая все эти обстоятельства, главарь банды, стремящийся убраться подальше от посторонних глаз, мог считать болото

Южного полуострова идеальным местом. Разумеется, ни о каком законе речь в данном случае не идет. На Венере каждый пишет свой собственный кодекс при помощи оружия, с которым он управляется наиболее ловко.

«Проблема в том...— размышлял Грэфф, найдя брод и перебираясь через стремительный поток на противоположный берег.— Проблема в том, что его родственники и люди им подобные прибыли на Венеру в поисках защиты от международного беззакония, а в результате нарвались на неизбежное беззаконие отдельных обитателей диких земель».

Обычно новые территории постепенно, но неуклонно становились относительно спокойными и безопасными только благодаря увеличению населения, однако беда состояла в том, что население увеличивалось слишком медленными темпами. Вот почему жители Нью-Каламазу трудились долго и тяжело, чтобы добиться значительного роста числа колонистов и заслужить право на основание университета. Наличие университета означало создание лабораторий и закупку оборудования для исследований, позволявшего тщательно изучить вирус Рикардо и найти защиту от всех прочих напастей, характерных для Венеры. Хотя эти напасти можно было счесть достаточно мелкими, они тем не менее за год уносили больше жизней, чем все чудовища джунглей и головорезы из Хитвейва, вместе взятые. А еще университет означал бы дальнейшее увеличение населения, закон и порядок.

Но Землю это не интересовало. Изучение венерианских болезней являлось предметом экзотическим, которого едва касались в земных медицинских школах. Земля была слишком занята производством искусственных вирусов в дополнение к атомным и водородным бомбам.

Однако венерианские инфекции землян все же интересовали — с точки зрения использования их в качестве биологического оружия. И результатом земных исследований, случайностью, побочным продуктом, стал лободин. Вакцина, не сыворотка. Она уже не могла спасти Грэффа, которому оставалось примерно два часа до «желтой» смерти.

Он медленно пошевелил левой рукой, вздрагивая при каждом движении, устремив глаза на ящера, описывавшего над ним круги в мрачном, унылом небе и направлявшегося к югу. В то же время Дингл пытался как можно тверже опираться широкими подошвами своих сапог на утопавшие в грязи прогнившие коряги, надеясь, что они не треснут слишком громко. Он знал, что сейчас его кровь уже полностью пропиталась отвратительными желтыми частицами.

Пубина, вероятно, попытается заставить доктора Бергенсона ввести ему вакцину. Разве он прислушается к возражениям ученого и к его заверениям, что содержащейся в бутыли чистой культуры при условии бережного отношения и в результате кропотливой двухнедельной работы вполне достаточно для обеспечения вакциной всех детей.

Сколько денег пришлось выложить маленькой колонии, какие трудности пришлось преодолеть, чтобы отправить Бергенсонов на Землю, где благодаря своей репутация и связям доктор сумел выпросить немного драгоценного вещества из правительственной лаборатории! Пубине это не удалось — не помогли ни огромные взятки, ни подпольные связи. Но взятки и связи послужили другой цели: гангстер выяснил, когда Бергенсон должен вернуться, и это было все, что ему на самом деле требовалось.

Внезапно Грэфф заметил, что ящер торопливо спускается к нему. Неужели он пытается предупредить?..

Ответом послужил пронзительный визг. Менее чем в четверти мили от Дингла плескался в неглубокой луже гигантский бронтозавр. Изогнув свою длинную змеиную шею и разглядывая непрошеного гостя, животное завизжало вновь.

Грэфф напряженно застыл на месте, отчаянно пытаясь собраться с мыслями и молча наблюдая, как неправдоподобно огромная рептилия поднимается на ноги. Следовало опасаться не атаки бронтозавра, но того, что обычно следовало по следам огромной горы плоти. Травоядный бронтозавр, несмотря на чудовищные размеры, потрясающе робкое животное, и — каким бы нелепым это ни показалось — причиной его визга был, скорее всего, ужас при виде человека. Следовало всего лишь контролировать себя и внимательно следить за передвижениями гигантской твари.

Дело в том, что встреча с бронтозавром может закончиться печально, только если налететь прямо на него. Он столь огромен, что практически не в состоянии моментально остановиться. Вы можете прострелить его глупую маленькую головку, но пучок нервных клеток, расположенных как раз под позвоночником, заставит огромную гору плоти двигаться еще минут двадцать. Следует просто стоять и помнить, что он напуган гораздо больше вас, а потому попытается затоптать врага насмерть, прежде чем тот успеет нанести ему вред.

Грэфф оставался на месте и лишь медленно сгибал колени, пока монстр не оказался от него в двадцати пяти футах, и лишь тогда неожиданно выпрямился и прыгнул в сторону, затем еще и еще раз, чуть дальше, неуклонно двигаясь вправо.

Отчаянно визжа, тонны и тонны плоти пронеслись мимо, абсолютно не способные затормозить или повернуть. Инерция внесла тварь на небольшой холм, и Грэфф слышал, как она спускается с противоположной стороны. Больше животное сюда не вернется.

Но приближалось что-то еще. Хищники всегда идут по следам бронтозавров. Иногда их бывает несколько. Сейчас для Грэффа было жизненно важным выяснить, к какому виду принадлежит новый противник. Он не был уверен, что единственное имевшееся в его распоряжении оружие — электробластер — сработает в чрезвычайных обстоятельствах. К тому же мощность его постепенно падала, а кто знает, что произойдет дальше. Да, ведь у него еще был стилет.

Грэфф слышал, как животное прокладывает дорогу сквозь пышную растительность болота. Мгновением позже оно вырвалась на поляну, заметило человека и устремилось к нему с уверенностью могучего хищника, видящего перед собой легкую добычу.

Шата. Не больше земного волка. Но если о бронтозавре можно сказать, что он весь состоит из огромного тела и маленькой головки, то с шатой все как раз наоборот. Двенадцать рядов зубов и челюсти, способные распахнуться достаточно широко, чтобы заглотить овцу. С сожалением и слегка неуверенно Грэфф убрал в кобуру электробластер и примерил на ладони стилет. В свое время ему много раз приходилось охотиться на шату, но не с ножом.

Дингл начал кружить вокруг, мучительно сознавая собственную неуклюжесть. Опухоли в левом боку мешали ему управлять своим телом и сохранять равновесие. А он-то еще надеется справиться с четырьмя здоровыми мужчинами...

Как он и ожидал, шату сбили с толку его странные движения. Зверюга замедлила шаг, на мгновение остановилась, затем, рыча, начала к по дуге приближаться к человеку. Грэфф ждал, застыв на месте... И вот, оказавшись наконец прямо перед ним, тварь щелкнула челюстями и стремительно прыгнула.

Пасть! Как раз за ней находится мозг. А значит, необходимо засунуть руку в опасную глубину, что позволит почти наверняка попасть в нужную точку...

Огромная голова тяжело соскользнула с ножа в грязь. Грэфф вытер лезвие о зеленый мех, напоминавший колючки, и ухмыльнулся. Отличный экземпляр. Шаты к тому же могли служить неплохой пищей.

Ну, он больше не охотник. Он теперь просто мертвец, который ищет свой гроб. И если он застынет в заросшей травой

грязи, ему суждено превратиться в приманку для обитателей болота.

Ящер скользнул вниз, вопросительно наклонив голову.

— Я в порядке,— уверил его Грэфф.— Далеко еще?

— Между вашим часом и фолутора.— Птероящер плавно взмыл вверх и устремился вперед, огромные кожистые крылья размеренно поднимались и опускались.

Грэфф побрел вперед. Ему следовало добраться до цели в течение полутора часов оставшейся жизни. Это даст ему от получаса до часа максимум, в течение которых он сможет действовать сознательно и более или менее эффективно. Затем около получаса судорожной агонии — он потеряет сознание и в конце концов будет мертв.

Грэфф ненавидел приближавшуюся смерть. Ведь она заставит его навсегда расстаться с дрожью преследования добычи в вязкой грязи Маунт-Катлин, где в сезон дождей размножались додлы, вынудит навеки покинуть совсем недавно открытый людьми дикий новый мир, а главное — навсегда распрощаться с Гретой Бергенсон.

Смерть лишит его и возможности разбогатеть. Теперь, когда открыт лободин, колонизация Венеры пойдет гораздо более быстрыми темпами. Из всей огромной семьи, владевшей половиной архипелага Галертан, в живых остался только Грэфф — он унаследовал все плодородные и пустынные острова, до которых добрались его отец и братья. Как только вирус Рикардо будет укрощен, фермеры Венеры хорошо заплатят за эти разбросанные на просторах моря Джефферсона клочки земли.

Следуя за ящером, Грэфф вновь достиг реки. Он взглянул вниз по течению, заметив брод, который ему пришлось пересекать ранее. В этом месте Блэк была слишком широка, и он потерял пятнадцать драгоценных минут, прежде чем нашел выступающий участок, расположенный достаточно близко к противоположному берегу, чтобы можно было перепрыгнуть. Грэфф отошел в заросли сорняков, чтобы разбежаться перед прыжком.

С неба камнем рухнула гигантская тень.

— Назад! — закричал ящер.— Назад! Не фрыгай здесь! Гридник!

Грэфф замер на месте и окинул внимательным взглядом противоположный берег. Действительно, на противоположной стороне реки, там, где он должен был приземлиться, виднелось коричневое с белым гнездо. Сейчас вокруг него с жужжанием вился единственный гридник, внешне смахивавший на красного крылатого муравья, но размером и повадками напоминавший огромную, загнанную в угол крысу.

Спасибо, Макдуфф, пробормотал он, направляясь прочь. Что ж, ничего не поделаешь. Времени искать другой брод нет. Придется плыть.

Он подождал, стоя на осыпавшемся берегу, пока мимо него проскользнет дюжина голубых искорок. Косяки «сардин» обычно шли на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы позволить быстрому пловцу проскользнуть между ними. Когда крохотные синие рыбки находились футах в пятидесяти, Грэфф нырнул.

Течение оказалось настолько стремительным, что у него перехватило дыхание. Дингл отчаянно боролся с бешеным потоком. Внезапно руки наткнулись на выступавшую скалу, и он с трудом вытащил себя на берег.

Грэфф с облегчением заметил, что в голове прояснилось. Ледяная вода каким-то образом успокоила мучительную, грызущую боль.

Сверху плавно спустился птеродактиль.

— Там,— сказал он, указав вперед желтым когтем.— Фувина.

Но охотника интересовало кое-что еще. Он достал свой электробластер и печально осмотрел некогда блестящие пружины. Плотная кобура была задумана как водонепроницаемая, но оказалась не в силах защитить оружие от реки Блэк.

Грэфф уже собирался отбросить его в сторону, но передумал, вспомнив, как мало карт у него на руках.

Жилище Макса Пубины представляло собой большой, фабричной сборки дом. Вероятно, пришлось потратить целое состояние, чтобы переправить его примерно через тридцать миллионов миль пустынного космоса, лежавших между Землей и Венерой. Логово бандитов располагалось на вершине небольшого холма, довольно высоко над болотом и на первый взгляд походило на мирную ферму в Нью-Каламазу. Богатая растительность джунглей сохранялась по краю бухты, вокруг песчаной полосы, окружавшей дом. Благодаря этому никто и никак не мог подобраться к стенам строения незамеченным. Грэфф Дингл прекрасно понимал, как дорого обошлась стерилизация такого большого участка земли.

«Преступление не окупается,— подумал он.— Нигде, кроме Венеры».

Он внимательно осмотрел место, старательно держась под прикрытием пышной растительности. Искусственный двор был пуст. Присмотревшись, Грэфф разглядел тупой, глянцевый нос корабля в примыкавшем к дому ракетном ангаре. К сожалению, гангстеры наверняка позаботились поставить часовых возле окон.

На пути Грэффа оказалась длинная белая дугообразная лента. Он осторожно переступил через нее и посмотрел влево. Все верно, в густых кустах скрывалось переплетение белоснежных побегов, которые являлись телом плотоядного плюща. Коснись хоть одного завитка, даже осторожно, ногой...

Грэфф вернулся к ящеру.

— Слушай, Макдуфф,— сказал он.— Я хочу, чтобы ты как можно дольше оставался вне игры, и позову тебя, только если мне и в самом деле придется плохо. В любом случае — в воздухе или на земле — ты со своими крыльями хорошая мишень для электробластера. Но вполне можешь пригодиться в качестве наблюдателя, чтобы меня не обошли с флангов.

Ящер коротко кивнул мощным клювом.

— Это я сделаю,— рептилия взмыла вверх и принялась описывать круги над домом.

Итак, необходимо преодолеть тридцать пять футов открытого пространства под прицелами электробластеров четырех профессиональных убийц. Но как?

Головная боль вернулась и стала намного сильнее, чем раньше. Грэфф с трудом держался на ногах. Ревущее пламя пожирало левый бок. Ему ни за что это не сделать. Все, на что он годится, это послужить очередной приманкой для болотной жижи реки Блэк.

Внезапно Грэфф выпрямился и расхохотался. Приманка? Что ж, это один из способов охоты.

Человек осторожно переступил через стелющуюся лозу плотоядного плюща и направился к дому, считая каждый шаг. Он остановился под прикрытием нависающего папоротника как раз напротив песчаной возвышенности.

— Пубина! — крикнул он.— Я пришел за Бергенсонами.

Что-то промелькнуло в одном из окон.

— Кто ты?

— Грэфф Дингл из Нью-Каламазу. Слушай, Пубина, я обменяю остатки лободина на Грету Бергенсон и ее отца.

Пауза. Бандитам необходимо время, чтобы переварить полученную информацию. Затем:

— Пришли одного из своих людей, и мы это обговорим, Дингл.

— Не могу, я один. Лучше ты пришли своего человека с Бергенсонами, и я отдам тебе лободин.

У Пубины не было причин считать, что лободин Бергенсона составлял первый и единственный груз корабля. Получив дополнительное количество драгоценной вакцины, можно было сделать прививку всем оставшимся у Пубины головорезам.

Ящер мягко опустился на землю и тихо прошептал:

— Три человека фокинули дом с тыла. Двое фошли вокруг, слева, один сфрава. Человек сфрава явно выстрее, так что вудет здесь фервым.

Грэфф потянулся к электробластеру. Он слышал, как ящер вновь поднялся вверх.

Пубина пребывал в безопасности и комфорте. Послав своих прихвостней, сам остался охранять укрепление! Грэфф услышал справа влажное чавканье и усмехнулся. Что ж, противник шумел даже больше, чем салага, только что прибывший с Земли! Завидев сквозь высокие заросли черную водонепроницаемую куртку, Дингл бесшумно выскользнул из-под папоротника и отступил назад. Он выставил вперед электробластер, словно тот все еще на что-то годился.

Лицо преступника, изборожденное морщинами за годы, проведенные в нездоровой болотистой местности, расплылось в ухмылке маньяка. Поскольку Грэфф не смотрел в его сторону, бандит заключил, что тот его не видит. Шаги головореза стали заметно шире. Дингл отступил, отсчитывая про себя шаги.

Он двигался медленно и размеренно, ни на секунду не выпуская противника из виду, пытаясь контролировать свое измученное тело, чтобы не совершить смертельной ошибки.

Есть! Он наконец пересек белую линию и с облегчением вздохнул. Преступник, пригнувшись, ринулся вперед, стремясь подобраться поближе для решительного удара. Он также заметил вьющуюся лозу и ловко переступил через нее.

Тогда Грэфф повернулся к нему лицом, держа электробластер на изготовку. Человек прыгнул — и одним ботинком задел побег!

Ему едва хватило времени вскрикнуть. Облачко белых усиков, вооруженных тысячами микроскопических присосок, взметнулось вокруг бедняги, и мгновение спустя бескровная оболочка, которая только что была полным сил человеком, зашуршав, словно лист бумаги, выпала из объятий плотоядного плюща.

Крик услышали. Тренированное джунглями ухо Грэффа уловило шепот двоих головорезов, подходивших слева. Бандиты явно встревожились. Ах, будь у него достойное оружие! Хоть что-то, кроме стилета! Он с легкостью мог снять неуклюжих новичков даже при помощи старомодного пистолета!

Но пистолета у него не было. Оставалось рассчитывать только на собственный опыт, приобретенный за двадцать семь лет жизни на Венере. Поэтому Грэфф бросился бежать.

Через несколько секунд он остановился и прислушался. Раздававшийся позади треск свидетельствовал о том, что охота началась. Гангстеры, несомненно, решили, что он струсил, а значит, его можно не опасаться. Грэфф помчался к Тускани.

К тому времени, как он добрался до реки, его мотало из стороны в сторону, мучительно не хватало воздуха. Боль, казалось, возросла тысячекратно. Погоня приближалась. В отчаянии он помчался вниз по течению.

Теперь они были уже совсем близко. Грэфф слышал смех и победные возгласы преследователей. Но оставалось еще гнездо гридника!

Он на мгновение застыл, балансируя на берегу реки. И вот наконец бандиты вырвались на открытое пространство, но еще не приблизились на расстояние, доступное электробластеру. Увидев беглеца, они прибавили ходу, и тогда Грэфф, швырнув бесполезное оружие в пестрый маленький купол, прыгнул...

Когда Дингл, отряхиваясь, вышел из воды, двадцатью футами ниже по течению, жуткий рой насекомых еще продолжал насыщаться. Стараясь справиться с приступом тошноты, Грэфф побрел прочь.

— Макдуфф,— позвал он мучительно дрогнувшим голосом, протирая глаза, которые уже застила темная пелена.— Макдуфф!

Ящер бесшумно опустился рядом.

— Слушай, парень, у меня осталось мало времени, так что надо поторопиться. Больше никаких трюков. Подумай, ты сможешь влететь в окно с тыла или что-то в этом роде, ну, чтобы отвлечь его? Это дало бы мне время пересечь участок с песком.

Не сказав ни слова, птероящер полетел прочь. Грэфф подошел к краю сухого участка, окружавшего сборный дом, и принялся ждать.

Он увидел огромную тень, несущуюся за дом, и услышал звон разбитого стекла. Отчаянным усилием воли Грэфф заставил себя двинуться вперед. Песок разлетался из-под сапог в разные стороны. Голова болталась, словно шея внезапно куда-то делась. Смерть, должно быть, совсем близко — всего через несколько минут он окончательно провалится в беспамятство Дингл вытащил стилет и с трудом сжал его дрожащими руками.

В доме послышался крик и свист снаряда, выпущенного из электробластера. Когда Грэфф выломал дверь и вломился в дом, раздался еще один выстрел.

Он пробежал мимо огромной клетки с мечущимся внутри птеродактилем и ворвался в гостиную. Доктор Бергенсон и Грета сидели, привязанные к стульям длинными витками лозы фонгул. Розовая куртка Греты была разорвана, на щеке пылал отпечаток мужской ладони. Пубина стоял под обугленным отверстием в потолке, проделанным его первым выстрелом. У его ног корчился от боли Макдуфф. В одном из крыльев птеродактиля зияла огромная дыра.

Пубина повернулся к Грэффу, поспешно вскинув электробластер. Охотник ринулся к нему, полностью осознавая, что не успевает, проклиная свою почти младенческую слабость. Боль подползала к коленям.

Указательный палец гангстера из Хитвейва опустился на спусковую кнопку. Макдуфф приподнялся на здоровом крыле и ринулся на сапог бандита. Его длинный клюв вонзился в лодыжку Пубины. Послышался жуткий треск ломающейся кости, Пубина выругался и повернулся, чтобы добить рептилию.

Грэфф наконец добрался до врага и почти рухнул на Пубину. Ему не сразу удалось привести в действие мышцы руки, но, наконец, до крови прикусив нижнюю губу, он двинул тонкое лезвие вперед. Пубина вскрикнул и упал, в боку у него трепетал стилет.

Грэфф решил позволить Макдуффу прикончить бандита, пусть даже ящер употребит побежденного врага на ужин. Он неуклюже согнулся и подобрал электробластер, который уронил Пубина, затем медленно выпрямился, с трудом удержавшись, чтобы не завалиться назад.

Осторожно ставя одну ногу перед другой, он подошел к Бергенсонам и уже на подходе поскользнулся, словно наступив на банановую кожуру. Теперь на него обрушилась тьма, и каждая клеточка его тела, казалось, корчилась от невыносимой боли.

На столе он заметил бутыль с вакциной. Она все еще была полна; рядом лежал сверкающий шприц — его не успели наполнить. Хорошо.

Очень осторожно Грэфф пережег лозу бластером, настроенным на малую мощность, и почти в тот же момент рухнул к ногам бросившейся к нему Греты.

— Дорогой,— словно с противоположного берега моря Джефферсона донеслись до него рыдания.— Ты заразился! О, Грэфф, Грэфф! Лободин уже не подействует!

— Я знаю,— пробормотал он еле слышно, позволив голове перекатиться в ту сторону, где ящер, передвигаясь по полу, дюйм за дюймом, тащился к стоящей в углу клетке. В последнюю секунду перед глазами мелькнула дыра в крыле.

— Увидимся, Макдуфф,— прошептал Грэфф... И его окутала тьма, пронизанная множеством взрывающихся желтых точек...

Вот почему удивлению Дингла не было предела, когда он открыл глаза и увидел возле своей кровати ящера с аккуратной марлевой заплаткой на крыле.

— Как, черт возьми, ты выкарабкался, Макдуфф? — спросил он.

— Так же, как и ты. Мы оба уроженцы Венеры.

— Что-о-о? — Грэфф неуверенно приподнялся на локте. Он лежал в комнате Бергенсона, в его доме в Нью-Каламазу. Должно быть, они воспользовались кораблем Пубины, чтобы вернуться обратно.— Что значит «уроженцы»?

— Он говорит сущую правду, Грэфф,— Грета толчком приоткрыла стеклянную дверь и скользнула внутрь с грудой постельного белья.— Вы оба родились на Венере. Отец говорит, что вы, должно быть, еще в детстве перенесли все виды повреждений кожи и таким образом приобрели естественный иммунитет против вируса Рикардо. Мы тем не менее собираемся использовать вакцину для остальных колонистов, включая детей,— просто ради полной безопасности. Но отец давно утверждал, что кровь первопоселенцев непременно должна была адаптироваться к окружающей среде. Когда ты заболел, но не умер, его гипотеза получила блестящее подтверждение.

— В таком случае рад признать,— сказал Грэфф, садясь, чтобы позволить Грете сменить простыни,— что я очень и очень счастлив дать твоему отцу шанс доказать эту теорию.

Макдуфф в знак согласия мигнул лишенным век глазом.

Последний полет

Кабинет комиссара Брина в Сандсторме, внеземной штабквартире марсианского патруля, не очень отличался от кабинетов других канцелярских баронов. Если был в одном таком, думал Вик Карлтон, считай, знаешь их все; вот уже двенадцать лет он стоял на карауле во время освященной традицией церемонии, известной под названием Поцелуя Смерти, и перевидал их все — каждый раз это было помещение, выкрашенное исключительно в белый цвет. Эти комнаты были гостеприимными, как стол хирурга.

Несколько звездных карт — словно пятна на ослепительной белизне стен; книжный шкаф, набитый разнообразными справочниками и руководствами по космосу; чопорный прямоугольный письменный стол, перед ним — единственный стул на тонких ножках; над столом — памятный список погибших разведчиков — в нем было 563 имени тех, кто погиб на службе: 563 человека из 1420, когда-либо служивших в разведке.

Служба в разведке была добровольной, и каждый год во всех концах Галактики молодые ребята качали мускулы и перенапрягали мозги, чтобы туда попасть.

Речь была почти стандартная. Может быть, даже немного лучше, чем всегда: Брин был на службе новичком и от этого немного... смущался, что ли? Говорил он совсем недолго; можно сказать, не поцеловал смерть, а скорее чмокнул.

Он был так же высок и молодцеват, как они; старше Вика Карлтона не больше чем на три года, а он был самым старшим из троих; его синяя форма отличалась от мундиров астролетчиков лишь одним — золотой звездой на груди вместо серебряной ракеты.

— Луц, О'Лири, вы подчиняетесь Виктору Карлтону — одному из немногих астролетчиков на активной службе, кто пробыл

на ней более десяти лет. Карлтон, ваши юноши признаны годными для этой миссии физически, психологически и умственно; большего нельзя сказать ни о ком. Хочу напомнить вам, что Патруль — это слава космоса, а скауты — слава Патруля; и не стоит напоминать вам, как ревниво мы должны поддерживать эту славу. Доброй разведки и удачи вам. Все.— Он тихонько вздохнул от облегчения и закрыл рот.

«Все? — думал Вик Карлтон, пока летчики отдавали честь и выходили один за другим из кабинета.— Это только начало. И ты это знаешь, Брин. Когда кончается речь комиссара, официально начинаются опасность и ужас — возможной смерти, вероятной нескончаемой муки. Тебе ли не знать: шесть месяцев назад ты решил, что с тебя хватит, и перевелся с активной службы на это тепленькое местечко в конторе. Когда мы выходим из твоего кабинета, все только начинается.— А потом: — Э, для командира это опасные мысли. Может, Кэй права; может, я старею.— И еще позже: — Брину только тридцать пять. Мне тридцать два. Помню, было время, когда мне казалось, что все комиссары — дряхлые развалины, которых держит на этом свете сила воли да горстка правил. Да Брину всего тридцать пять! Я и вправду старею».

Они вышли в коридор и столкнулись с другой группой астролетчиков, отправляющихся на задание,— шлемы уже надеты, только не захлопнуты широкие лицевые стекла. В лифт ввалились всей толпой.

— Фас, О'Лири, принеси планетку!

— Ты еще не знаешь, как тебе повезло, Луц. По мне, новичков в первый полет должен вести Неуязвимый Карлтон.

— Да гляньте на Карлтона, ребята. Ему *скучно!* Вот это парень!

— Первый полет — самый трудный, О'Лири. Боже, я как вспомню свой!

— Луц, что ты такой зеленый! По статистике, у тебя шанс пятьдесят на пятьдесят вернуться живым!

— В полет, О'Лири! В полет!

Карлтон наблюдал за своими людьми. Сейчас больше внимания следовало уделять О'Лири. Луца еще поддерживал энтузиазм недавнего выпускника; он мог бояться своего боевого крещения, но возбуждение пересиливало страх. До начала полета про него можно забыть, и даже потом его скорее придется удерживать от мальчишеских выходок, чем понукать. А вот за О'Лири надо присмотреть.

Первый полет всегда тяжел. Вик вспомнил свой — девять? нет, одиннадцать лет назад. Командир, потрясенный настолько, что предпочел увольнение новому полету, второй кадет, настолько психологически раздавленный, что навсегда остался в крохотной психиатрической клинике Патруля на Ганимеде. Их едва не сожрал плотоядный мох, непредставимая мерзость. А Вик выдержал и вылетел из Сандсторма со следующей же миссией. Лететь надо сразу, пока не почувствовал страха.

И конечно, О'Лири проболтался:

— Да у нас просто конфетка. Планета лишь на три десятых пункта хуже Земли.

За что и был тут же освистан.

— Это близ Дыры в Лебеде?! Где нашли сверхновую размером со звезду третьей величины и метеорит, летящий со скоростью света? Да в той части Галактики про Ньютона и не слыхивали! Забирай свою конфетку!

— О'Лири, тот район и на карты-то не нанесен. Может быть, там время сворачивалось и лопалось, там родилась Вселенная. Это у тебя называется конфетка? Сам ее кушай. Я предпочту мирок на шесть пунктов хуже Земли, но в нормальном секторе вроде Тельца или Девы.

— Слушай, О'Лири, не дури себя! Но мы же летим, приятель, так в полете и посмеемся!

— Эй, Луц, чего это ты так позеленел?

Гарри Луц слабо хихикнул и вытер вспотевшую руку о свой голубой комбинезон. Карлтон похлопал его по спине так, что у того заболели лопатки.

— Не бойся, с тобой двое бывалых парней. Мы о тебе позаботимся, правда, О'Лири?

О'Лири недоуменно поднял голову, потом серьезно кивнул:

— Точно, мы тебе, малыш, покажем, что к чему.

Хорошо. Пусть О'Лири поменьше беспокоится о себе и побольше — о новобранце.

Лифт остановился на первом этаже Управления Разведывательными Операциями. Здание было украшено аляповатым лазурным пластиком. Сквозь двойные двери Вик увидел толпу гражданского персонала — они всегда бросали работу, чтобы проводить очередную миссию. Сандстормские проводы смертников — так называли это разведчики. Вик пожал плечами,— этих гражданских, видите ли, взволновал их отлет. Царство человека расширится еще на пару световых лет — сознание этого, наверное, и правда кое у кого могло вызвать энтузиазм.

Кто-то запел:

В синей форме молодецкой,
Шлем изогнут, как бокал,
Ткань небес порвет он с треском,
Как его папаша рвал...

Подхватив песню, все трое взялись за руки.

Шагая в такт песне, они спустились к маленькому изящному кораблю с длинной голубой полосой на корпусе, ожидающему их на взлетной полосе созвездия Стрельца. Почетный эскорт из кадетов, шедший впереди, выкрикивал слова припева в розовое марсианское небо. С обеих сторон взлетной полосы доносились приветственные крики. «Надо же,— подумал Вик,— чему-то радуются...»

— А что скажешь ты? — спросила его прошлой ночью Кэй, когда он, положив голову ей на колени и любуясь сверканием двух марсианских лун над головой, тихо допел песню. Они два часа гуляли по Пустыне Цветущих Роз, а когда она присела на зернистый песок, Вик положил ей на колени голову и стал тихо напевать, охваченный странным спокойствием.— А ты разве не хочешь сына? Разве не хочешь, чтобы... чтобы он рвал ткань небес, как его папаша?

— Ради бога, Кэй. Конечно, я хочу сына. Как только мы сможем пожениться.

— Но ты же не можешь. Пока ты на действительной службе в разведке, ты не можешь иметь сына. Все дети разведчиков — сироты. Это совсем другое, Вик. Они — сироты и никогда не видели своих отцов.

Глядя в ее преданные и ясные глаза под пышными волнами белокурых волос, он натянуто улыбнулся:

— Послушай, милая, я хочу на тебе жениться. И я это сделаю. Но я согласен: мы не можем создать семью, пока я на службе.

— Да, Вик.

— Ты права: пока я не выберу себе планету по душе, я не смогу стать хорошим мужем ни тебе, ни любой другой женщине. Ты же не хочешь, чтобы я с тоской провожал взглядом каждую ракету; я же тебе не нужен потухшим — ты сама говорила. Я сейчас одинаково сильно хочу и иметь семью, и летать к звездам.

— Да, Вик.

Он сделал было нетерпеливый жест, но резко его оборвал, когда увидел, как она провела пальцами по песку пять параллельных линий.

— Ну вот. Так что тебе надо просто набраться терпения, подождать, когда я смогу закончить с этим делом. В конце концов, я служу уже двенадцать лет; при таком сроке службы жаль не дослужить до конца — большинство увольняются через пять лет, если остаются живы. Скоро я буду с тобой, Кэй,— и мне уже не придется строить из себя бывалого парня, потому

что я действительно пройду испытание космосом и захочу на покой. По обычным меркам я еще молод — мне всего тридцать два. Всего-то несколько полетов, ну, скажем, еще три или четыре задания, и я созрею. Ждать осталось недолго.

Молчание. Потом:

— Да, Вик.

Голос ее был тихим и примирительным.

Теперь Вик высматривал Кэй поверх массивного затылка О'Лири. Она работала в администрации и теперь, наверное, стояла где-то в толпе провожающих рядом с большим белым куполом. Ему хотелось еще поцеловать ее перед стартом; но по традиции шествие к кораблю прерывать было нельзя, а последнее «прости» говорилось в ночь перед отправкой.

Он увидел ее как раз в тот момент, когда они дошли до того места в песне, которое всегда особенно ее трогало. Предвкушая этот куплет, Вик воодушевился.

Если девочка случится,
Пусть оденется в шелка;
А мальчишка — к звездам мчится,
Дай под зад ему пинка.

Она сильно вздрогнула, прикрыла глаза и втянула голову в плечи, а они прошагали мимо нее и поднялись на корабль, и она не успела взглянуть на них снова.

Двое часовых из кадровых солдат патруля отдали им честь со словами:

— Корабль в полной готовности, командир. Удачи.

Они отошли.

Перед тем как молча полезть в открытый люк, они обменялись еще одним, последним рукопожатием с товарищами-кадетами.

Когда Вик нажал зеленую шестиугольную кнопку, закрыв входной шлюз, все бросились к пушечным портам, чтобы бросить последний взгляд на бетонные здания Сандсторма, торчавшие посреди нежно-розовой марсианской равнины, как забинтованные пальцы.

— Двигатели в порядке, командир,— раздался голос начальника наземной службы.— Ждем старта.

— Экипаж к полету готов,— ответил ему в микрофон Вик, а Луц и О'Лири разошлись по своим местам.— Старт.

Он окинул взглядом кабину пилота, дважды остановив его на своих подчиненных, оглядев их так, словно хотел прикинуть, на что они способны.

— От струи,— сказал он и выключил микрофон.

Он медленно досчитал до пятнадцати, думая о крике, доносившемся снизу, из разбегавшейся толпы:

— Старт! От струи, всем от струи! — Он его долго не забудет.

— Пятнадцать,— сказал он, и О'Лири передвинул красный переключатель на необходимые два деления, а Луц в это время повернул колесики регулятора устойчивости. Их слегка тряхнуло в своих креслах, но потом Вик отрегулировал ускорение, и они расслабились, приняв позы поудобней. Они приступили к выполнению задания.

Миссия 1572 по расписанию Разведывательного Патруля; 29-я по счету в личном послужном списке Вика, который остался в Сандсторме; последняя страница озаглавлена «Обстоятельства смерти — Посмертный статус — Пособия родственникам, находящимся на иждивении». Немногие личные дела содержали столько записей о полетах. Когда человек возвращался после двадцатого задания, его уже называли Чинг Лунг Молния, Фейербах Будь-Осторожен или Бонивлавски Двойной-Заряд. Эти прозвища получали люди, рано или поздно возвращавшиеся с задания, лишившись трех четвертей своей кожи либо зараженные каким-нибудь экзотическим вирусом, приводившим врачей в недоумение и дававшим им материал для описания совершенно новой патологии,— но все это были люди, которые возвращались всегда. Конечно, до тех пор, пока однажды...

Вика называли Неуязвимым Карлтоном, и было только два разведчика, начавших службу раньше его, которые до сих пор рвали ткань небес. Одной из немногих вещей, которые он хотел бы иметь, было звание Старшего Космического Скаута и золотистая форма, сопутствующая этому званию. Такому человеку предоставляли все и везде бесплатно, беспрепятственно пропускали через любой кордон патруля, и, куда бы он ни направлялся, его явление везде было чем-то вроде торжественного шествия в одном лице. Это было бы приятно, думал Вик; вроде ребячество и показуха, но на определенном этапе жизни могло стать для человека чем-то вроде цели. Ведь это означало, что даже среди разведчиков, которых специально отбирали из солдат патруля (а патруль — это специально отобранные мужчины со всей Галактики), ты был единственным в своем роде. А еще это означало, что в один прекрасный день ты мог перерезать себе горло, бреясь безопасной бритвой.

Посылать в разведку скаутов — неглупая идея. Экономичная. Вместо того чтобы разом потерять три десятка, а то и целую сотню высокообразованных ученых, цивилизация в худшем случае ограничит свои потери жизнями трех человек. Эти трое, конечно, были не совсем обычными людьми, они прошли от-

личную подготовку; но, когда в Галактике так много молодежи, жаждущей этой чудной и смертельно опасной работы, окруженной романтическим ореолом, которому сопутствует немного славы, хорошая оплата и неограниченные возможности отличиться,— этих троих заменят. И внесут в списки павших.

Обычно бывает так: патрульный крейсер обнаруживает звезду, которой нет на картах, да еще окруженную семейством планет,— а таких приходится по одной на тысячу. Производится спектроскопическое обследование; потом, если есть время, на орбиту одного-двух миров, показавшихся наиболее интересными, отправляют зонды-роботы, и они автоматически снимают данные об атмосфере, составе грунта, наличии разумной жизни и всякие другие. Если следы цивилизации отсутствуют, крейсер при первой возможности докладывает на базу в Сандсторме о своей находке и продолжает свой полет.

В Сандсторме эту информацию регистрируют, дополняя ее многочисленными заключениями физиков, химиков и биологов. Предположим, пятью годами позже возникает необходимость провести более подробное обследование одной из этих планет. Например, ее недра богаты полезными ископаемыми; или она оказалась удобным пунктом для оборудования заправочной станции, промежуточной базы патруля либо колонии; а может быть, там просто есть что-нибудь любопытное.

И вот срочно вызывают троих незанятых разведчиков — одного из когорты А, другого из В, третьего из С. В течение месяца им вдалбливают все имеющиеся сведения, дают лучший корабль и новейшее снаряжение, желают всяческих удач и шлют в полет. Если в течение девяноста дней по земному времени они не возвращаются, за ними отправляют тяжелый крейсер, нашпигованный до кормовых дюз самым немыслимым оружием и недюжинными умами, чтобы понять, что с ними произошло. Если в течение условленного срока кто-то из них вернется, их донесения изучают и на их основе организуют экспедицию, которая выполнит всю необходимую работу, составление ли это карты местности для будущей колонии или закладка новой астрономической обсерватории.

Разведчиков используют как охотничий манок. Ну да, это верно, что их девиз — «Не рискуй», а в уставе Разведслужбы пункты с 47-го по 106-й посвящены правилам техники безопасности. Они предписывают передвигаться по новой планете с измерительными приборами, дающими достоверные данные о конкретной обстановке на месте... Вот и все, что предписывают им инструкции. А что до знаний, полученных в академии...

— Когда я был в академии,— доверительно сообщал Луц О'Лири, когда они пересекли орбиту Плутона и приготовились включить двигатели дальнего полета, которые должны были помчать их к месту назначения со скоростью, в несколько раз большей скорости света,— когда я был в академии, нам говорили, что три четверти потерь среди разведчиков вызвано неосторожностью и невыполнением правил безопасности. Преподаватели утверждали, что, если улучшить дисциплину и добиться того, чтобы личный состав неукоснительно следовал инструкциям, потери наверняка снизятся.

— Вот оно как? — О'Лири обернулся, взглянув на Карлтона, и прикусил нижнюю губу.— Это меня радует. Потери снижаются — что ж, это приятно. То, что говорят эксперты, объясняет мрачную статистику прошлых лет. Снижаются, значит?

Гарри Луц закончил свои наблюдения и передал прибор О'Лири для проверки.

— Конечно. Наша задача — добыть первичную информацию. При первом же намеке на опасность мы должны удалиться. Как говорится, лучше лишиться премиальных, чем жизни.

— А что еще можно получить за эту грязную работу, кроме хороших премиальных за полный срок разведки на планете? — О'Лири кивнул в сторону Карлтона.— Цель прямо по курсу, Вик. Можем прыгать. Ты, мой милый, хочешь вернуться с задания, ничего не сделав, а в оправдание собираешься рассказывать страшные истории; да не успеешь ты произнести «Альдебаран-Бетельгейзе-Козерог», как тебя разжалуют в рядовые патрульные. Или взять последнее задание, в котором я участвовал. На планете не было ничего опасного — то есть ничего такого, что стремилось бы причинить нам вред. Но там было одно животное, наподобие птички, с такими странными маленькими крылышками, которое во время полета генерировало звуковую волну высокой частоты. Просто биологический казус, только вот оказалось, что частота звука точно такая, как та, которую используют в наших ультразвуковых пистолетах. Так-то.

Он тяжело вздохнул и посмотрел поверх рычагов управления. Двое его товарищей внимательно глядели на него.

— Первый раз мы ее увидели в тот день, когда Жак Бертран вышел из корабля, чтобы сделать геологическую съемку. Она прилетела и села на камень,— наверное, прелюбопытное зрелище,— и Жак упал замертво. Хэп Мак-Ферсон, наш командир, вышел посмотреть, что с ним стряслось. Птичка испугалась и улетела, так что Хэп тоже упал замертво. Я был в корабле и заметил, куда направлена звуковая волна; я ее вычислил. Потом я внимательно окинул взглядом горизонт, убедился, что ниоткуда никто не летит, втащил два трупа с замыканием в мозгах в корабль и вернулся на Базу. Не знаю, порешили они истребить этих птичек, или снабдить колонистов специальными наушниками, или что еще. Но свои премиальные я получил.

Воцарилось молчание. Гарри Луц хотел было что-то сказать, но посмотрел на товарищей и промолчал. Он облизнул губы и откинулся на спинку кресла.

— Ну и ну,— пробормотал он наконец, тихо и удивленно.

— Так, О'Лири,— сухо сказал Вик.— Если ты закончил со своими страшилками для новобранцев, мы приступаем. Все по своим постам, приготовиться к межзвездному перелету!

— Пост В к перелету готов,— сказал О'Лири, ухмыльнувшись так, что стали видны зубы, хотя углы губ и не дрогнули.

Гарри Луц вдохнул воздух и расправил плечи под голубым комбинезоном:

— По...— начал он, но запнулся.— Пост А к перелету готов. Струя п-пошла.

«Нет уж, разведчиков не надуешь. Они-то знают, что ими пользуются как подсадной уткой. И все же,— подумал Вик,— Луц и О'Лири подходят друг другу. Если только что вернулся из похода, во время которого смерть шутя тычет тебе в ребра пальцем и хлопает по твоей дрожащей спине, и снова летишь на задание, нет ничего лучше, чем поговорить с товарищем помоложе, который испытал меньше твоего и нуждается в руководстве, чьи страхи еще сильнее, чем твои, ибо они еще неосознанны и неосязаемы, их нельзя прогнать».

О'Лири отвлекался от своих мыслей, когда думал не о себе, а о молодом человеке. И Луцу от этого тоже не будет хуже: если на него нельзя будет положиться после того, как он наслушается страшных историй, по крайней мере, с ним все станет ясно до того, как они столкнутся с реальной опасностью. Лучше знать это здесь и сейчас, когда можно еще что-то предпринять, чтобы обезопасить двоих оставшихся. За двенадцать лет службы Вик Карлтон успел убедиться, что опасности при выполнении задания не боятся или люди, слишком флегматичные, чтобы от них был какой-нибудь толк, либо просто сумасшедшие; нормальный человек испытывает страх, но старается устранить его источник. Пусть Луц поймет, с чем они могут столкнуться: его шансы выжить от этого только возрастут.

— Да ладно, не так уж и плохо нам приходится,— признался Стив О'Лири, когда, включив двигатели дальнего полета, можно было отдохнуть. Они находились в сферическом помещении, которое служило одновременно кабиной пилота, жилым помещением и комнатой отдыха.— Месяц на инструк-

таж, максимум два месяца — на полет туда и обратно, месяц — на обследование планеты. Если все идет удачно, на выполнение задачи уходит не больше четырех месяцев, а после этого — тридцатидневный отпуск, не считая времени на лечение. Платят нам хорошо, и женщины нас любят: чего еще человеку надо?

— И потом,— Луц энергично подался вперед, явно довольный тем, что настроение его коллеги изменилось.— Потом, это же по-настоящему почетно — стать первым человеком, ступившим на землю планеты, первым, кто опишет этот новый мир, первым...

— Кого этот край достанет,— коротко резюмировал О'Лири.— Первые люди на новых планетах — хм! Первые покойники!

Вик Карлтон откинулся на своем пластиковом кресле и усмехнулся:

— Стив, тебя что, комиссар затолкал в корабль силой? Тебя же никто не заставлял лететь; ты мог отказаться.

— Отказаться? Когда мне осталось всего пять месяцев до категории А, удвоенного оклада и повышенной пенсии? Да мне и никогда не хватит здравого смысла выйти в отставку: первый О'Лири был тупоголовым романтиком, а по мужской линии наш род не прерывался. Одного из моих предков разорвало на части в стратосфере в те времена, когда хотели полететь на Луну с помощью жидкого кислорода; другой сто пятьдесят лет назад был штурманом Второй венерианской экспедиции,— той самой, которая упала на Солнце. Наука совершенствуется, появляются новые изобретения, но О'Лири всегда будут совать голову в петлю. Аминь.

Все посмеялись над этими мрачными примерами, а Луц сказал:

— Хоть бы все мои задания были такими, как это! Мы летим к желтой звезде типа G, как раз как наше Солнце, а планета...

— Планета только на три десятых процента отличается от земного стандарта! — перебил его разведчик из когорты В, настроение которого опять поменялось.— Я-то знаю. Я уже рассказывал тем ребятам в Сандсторме. Знаешь, малый, эта планета и звезда находятся возле черной дыры в созвездии Лебедя,— понял, что это значит? В этом районе нет ни одной разведанной планеты, не говоря уже о заселенных. Все, что известно о Дыре в созвездии Лебедя,— только предположения. Спроси любого ученого, отчего в этом районе так мало солнц, почему вещество ведет себя не так, как везде, что могло случиться с той картографической экспедицией, которая там пропала пять или шесть лет назад, и он попросит не беспокоить его понапрасну. Одно утешение: если мы не вернемся, туда наверняка снарядят полномасштабную экспедицию для расследования. Это бодрит, верно, Вик?

Карлтон пожал плечами и снова уткнулся в книгу. Он не мог решить, что же хуже — неискушенность и неловкость желторотого Луца или черный юмор его старшего сослуживца, который так легко становился горьким лекарством от нескрываемого страха. «Ради такого задания,— подумал он,— можно было бы вернуться к старому правилу разведчиков, которое давало командиру право самому набирать экипаж».

Хотя кого бы он мог выбрать, будь на то его воля? Такого, как Барни Ливеррайт, который погиб шесть месяцев назад возле Вирго — покладистого и исполнительного разведчика из когорты В? А из когорты С — кого-нибудь такого же энергичного и жизнерадостного, как Хойги Стэнтон, который до сих пор умирает на Ганимеде, в палате, куда не осмеливаются заходить даже врачи — они боятся вируса, от которого не спасут ни иммунизация, ни защитная одежда?

Нет, ему досталось то, что было,— те, кто был в наличии, кто еще жив. Даже в полет к Дыре в созвездии Лебедя командир берет тех, кого назначили,— так думал Вик, наблюдая за ними, а корабельный хронометр отмечал, сколько прошло недель, ибо только он мог различить время в кромешной тьме гиперпространства,— и в общем-то ему досталась не такая плохая команда.

При тесном общении становились заметнее те черты, которые он знал за ними раньше. Трое мужчин сблизились и, несмотря на тесноту помещения и естественное раздражение, вызванное однообразием их ежедневных обязанностей, чувствовали, что их дружба крепнет.

Луц, к которому старшие товарищи старались относиться как к равному, стал заметно более уверен в себе. Вик смотрел на него, на его темноволосую голову, похожую на планету рядом с большим рыжим светилом О'Лири, когда они выводили строфы слезливо-сентиментальной баллады, имевшей среди скаутов широкую популярность. Он улыбнулся, услышав жалостливый тенор Гарри Луца, добавлявший нотку меланхолии к басу Стива О'Лири, от которого дрожали перекрытия.

Мне не смять шелк Вселенной
Гладким телом ракетным.
Ласки льстивые девы
Сомнут мои дни.
Я прощаюсь со звездами, братцы,
Я Млечным Путем не пройдусь,
На Земле плесневелой
Я окончу бренный свой путь.

К Кэй это вряд ли подходит, подумал Вик. «Ласки льстивые девы» — этого он от нее не видел.

Кэй относилась к нему критически: она была сильным человеком, который ищет другую силу, а не женщиной, которая, как виноградная лоза, стремится уцепиться за мужчину, в котором видит опору. Она помогла ему впервые осмыслить то внутреннее стремление, которое побудило его заняться едва ли не самым опасным и неблагодарным делом в истории человечества.

Тогда он пришел к ней на свидание у дверей лучшего в Сандсторме ресторана с опозданием и бросил небрежно, даже вызывающе:

— Подписал бумаги на задание 1572. Мне снова предстоит приключение и разлука с тобой, моя девочка.

— А что плохого в приключении? — не спеша отозвалась Кэй, отвернувшись в сторону.— Каждый мужчина, пока молод, должен испытать себя, сделать то, что не под силу другим. Так совершенствуется человечество, так воспитываются те, кто будет нами править. Только если при этом не создается ничего нового, это свидетельствует о незрелости; тогда это подвиг ради подвига.

— Разведчики стремятся к приключениям не ради острых ощущений,— проворчал Вик.— Они положили начало всем колониям в Галактике, они отвечают за все звездные заставы.

Она засмеялась:

— Разведчики! Ты говоришь о всей службе, а я толкую об отдельных людях, которые на ней состоят. Когда человеку в твоем возрасте нечем гордиться, кроме нескольких шрамов и дюжины потускневших медалей... Я всего лишь женщина, и мне нужен сильный, надежный и верный мужчина. Я не хочу замуж за тридцатидвухлетнего мальчишку.

— Ты вот считаешь,— настойчиво продолжал Вик,— что первопроходцы, революционеры и авантюристы — незрелые люди. В общем, тебе кажется, что человечество идет вперед благодаря тому, что некоторые задерживаются в своем развитии. Я прав, Кэй? Ты хочешь сказать, что юность — время волнений и испытаний, а зрелость — период оседлой, скучной и монотонной жизни, когда приобретают не новые знания, а новые язвы?

Он помнил, как пристально она на него посмотрела, а потом опустила глаза, словно ее ударили.

— Я... я не знаю, Вик, как на это ответить. Мне показалось, что ты говоришь, как маленький мальчик, который мечтает стать пожарником и втайне очень стыдится того, что его отец работает в страховой компании, хотя, возможно, это и не так.

Я только знаю, что при твоих десяти годах сверхсрочной службы тебя, если бы ты попросил об этом, могли назначить комиссаром и что планировать экспедиции и готовить молодежь к предстоящим опасностям — такое же захватывающее занятие, как летать самому. Но я бы не хотела, чтобы ты бросил действительную службу ради меня или даже ради того, чтобы создать семью, раз ты еще недостаточно повзрослел, чтобы захотеть этого самому.

— Скажи лучше: недостаточно постарел, Кэй.

Она только махнула рукой и отвернулась к зеркалу, чтобы поправить прическу.

— Пусть все идет своим чередом,— сказала она, сосредоточенно водворяя на место выбившийся локон.— Никак не могу понять, почему эти разговоры так тебя расстраивают. Ты хочешь остепениться и завести семью или не хочешь? Когда определишься, скажи мне, пожалуйста, о своем решении. А теперь пойдем: наверное, те музыканты с Земли уже прилетели в «Оазис» к Эмилю.

Он открыл перед ней дверь, раздраженно стараясь объяснить себе, почему эти беседы всегда оставляют у него такое ощущение, будто он совершил по отношению к ней какую-то непростительную бестактность, а она была настолько любезна, что оставила ее без внимания.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что ни в чем не может ее упрекнуть. Он с удивлением поймал себя на мысли, что, в сущности, не понимает, почему он находится здесь, в этом помещении, разделяя его с двумя чужими ему людьми по имени Гарри Луц и Стив О'Лири.

Что такое была эта несчастная миссия 1572, чем была первая разведывательная экспедиция к Дыре перед нежным образом Кэй, перед их неродившимся сыном, в котором они оба воплотят себя заново? Желание, которое наполняло все его существо,— жажда иметь семью,— было очень древним, и каждая клеточка его тела разделяла его. Сидя в глубоком кресле перед пультом управления, он, стараясь сохранить бдительность, мрачно теребил свой жесткий синий комбинезон.

И вот перед ним зажглась красная лампочка.

— Ребята, по местам,— скомандовал Вик.— Поворачивайтесь — ну-ка, бегом! Прямо по курсу — наша звезда! Дюзы ближнего действия — к пуску! — Он снова был спокоен и уверен в себе, как и подобает начальнику экспедиции.

— Пост В к пуску готов! — отчеканил О'Лири, плюхнувшись в свое кресло и выдвигая длинную панель с клавиатурой.

— Пост С к пуску готов,— неразборчиво сказал Луц: он еще не успел прожевать остатки скромного ужина, которым он наслаждался в камбузе.— Включаю дюзы ближнего действия!

Вик испытующе посмотрел на них, потом перевел взгляд на висевшую перед ним звездную карту, отметил, где находится стрелка указателя, трепетавшая в своей округлой тюрьме, и установил рычаг, находившийся возле его правой руки, в крайнее положение.

Потом проверил все снова.

— Пуск! — крикнул он.— Дюзы включены. Струя пошла!

Они вошли в систему из одиннадцати планет, где солнце по спектру излучения удивительно походило на земное. Между второй и третьей планетами был пояс астероидов, между восьмой и девятой — еще один. Три планеты имели кольца — одна даже два: горизонтальное и вертикальное, как у гироскопа,— и только на одной, пятой по счету от солнца, была жизнь.

— Если бы я не знал, где мы, мог бы поклясться, что это Земля,— изумленно проговорил Гарри Луц, снова просматривая данные о планете, к которой они направлялись.

О'Лири кивнул:

— Три десятых процента различий — совсем немного. Диаметр чуть-чуть поменьше, соотношение кислорода и азота почти такое же, средняя температура на экваторе отличается всего на два градуса. И все-таки исследовательский корабль не обнаружил никаких следов разумной жизни. Эй, Вик, по теории соответствия процессов развития окружающей среды Кокберна там внизу должны быть создания, приблизившиеся по уровню развития к палеолитическим людям, верно?

Командир, утомленно глядя в трансвизор, где планета, до которой оставалось почти миллион миль, была видна во всех деталях, выразительно пожал плечами:

— В любом другом месте я позволил бы себе что-то предполагать — только не в этой глуши: данный район открытого космоса совершенно не освоен. Если планета похожа на Землю по своим физическим условиям, на ней действительно должны были возникнуть разумные двуногие с начатками машинной цивилизации — но кто знает, как обстоит дело в Дыре созвездия Лебедя? Взять хотя бы эти кошмарные белые штуки.

Они посмотрели в направлении его протянутой руки — на экран телесканера, усеянный планетами. В Солнечной системе то тут, то там, между планетами и над ними, свободно паря в пространстве или сгущаясь вокруг желтой звезды, висела как будто бы тонкая сеть из белых, мертвенно-бледных нитей,— на

самом деле они простирались на сотни и тысячи миль. Она выглядела как разорванная паутина огромного и ядовитого паука, не подчинявшаяся закону тяготения и ни на что в нормальном космосе не похожая.

— Зря стараешься, Гарри,— предупредил Вик Луца, который нервно листал огромный том, положив его на пульт управления.— В «Видах небесных тел» Розмарина ты ничего не найдешь. Все, что мы знаем об этих штуках,— что они здесь есть, как и повсюду в Дыре, и что они очень опасны даже для лучших судов, которые у нас на сегодня имеются. Если корабль сунется к ним слишком близко, сразу испаряется — раз, и готово. Просто исчезает. У нас приказ: НЕ ПЫТАТЬСЯ — ПОВТОРЯЮ ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ И ПОДЧЕРКИВАЮ — НЕ ПЫТАТЬСЯ ИССЛЕДОВАТЬ БЕЛЫЕ СГУСТКИ И ДРУГИЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ, ХАРАКТЕРНЫЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ДЫРЫ В СОЗВЕЗДИИ ЛЕБЕДЯ.

О'Лири фыркнул:

— Это только пока. Когда мы вернемся (если вдруг), кто-нибудь на Базе станет чесать себе затылок, размышляя, из чего эти скопления состоят. Тогда они пожмут нам руку, дадут в дорогу пару ящиков с консервами, новый корабль и скажут: «Не будете ли так любезны разобраться, в чем там дело, и проверить, правда ли они так опасны, как о них рассказывают? Только без необходимости, пожалуйста, не рискуйте. А еще было бы славно, если бы вы успели вернуться к съезду астрофизиков Солнечной системы, который пройдет в январе!»

Они захохотали — Луц немного громче других.

Планета была настолько похожа на Землю, что они испытали нешуточный приступ ностальгии. Конечно, здесь было всего четыре континента и — что поделаешь — теплыми ночами здесь не царила сияющая луна, но сапфировая гладь моря так и манила полежать на белоснежном пляже, прихватив с собой бутылку виски, хотя, казалось, тут можно захмелеть, и не открывая бутылки, а облака плыли по почти бесцветному небу, выпятив свои кудрявые животы и не ведая, какие удивительные сравнения могут подобрать для них поэты. Там и сям над безмолвными водами цвета индиго возвышались живописные острова, так и ждущие кисти художника, который бы их запечатлел.

Горные склоны были украшены кронами высоких деревьев, а на нетоптаных лугах волновались буйные травы. Изнывали от зноя необъятные просторы пустынь, чьи золотые пески не знали, что такое влага; а на севере огромные льдины обретали свободу и ныряли в полярное море, громким треском возвещая приход весны.

Но нигде — ни на суше, ни в море — они не видели животных.

— Похоже на райский сад,— вздохнул Гарри Луц,— после Грехопадения.

О'Лири посмотрел на него, закусив губу:

— Или на ад, каким он был до того.

После приземления Вик распределил исследовательские вахты. Намного менее трудные, чем истощавшие нервы дежурства в космосе, исследовательские дежурства на данном этапе были гораздо более важны. И служебные инструкции, и их собственные представления о безопасности требовали, чтобы наиболее тщательные исследования условий жизни на планете были сделаны по возможности перед тем, как люди покинут корабль. Надо было не только проверить местность на предмет таких оказий, как землетрясения, наводнения и извержения вулканов, не только выяснить, есть ли здесь опасные микроорганизмы, что на планете, столь похожей на Землю, было весьма возможно; но, в дополнение ко всему этому,— и особенно здесь, в Дыре,— надо было убедиться в отсутствии чего-то абсолютно незнакомого, особенного, до этих пор беспрецедентного и, возможно, смертельно опасного.

Только после того как были приняты все эти предосторожности, а бортовые журналы заполнены вплоть до того момента, когда они должны были покинуть корабль, Вик осознал, что он не думал о Кэй уже десять — или пятнадцать? — часов. Кэй Саммерсби стала просто еще одним белокурым приключением, которое еще не закончилось, еще одной вехой на задворках его памяти — только немного более важной, более значительной, чем другие. Главным его делом было руководство экспедицией.

— Эй, Вик,— нахмурился Стив О'Лири, оторвавшись от телесканера.— Ты знаешь, что на обратной стороне планеты — это белое щупальце?

Командир издал нечленораздельный звук, придвинулся к разведчику из когорты В и поскреб подбородок, глядя на экран.

— Черный космос! — прорычал он.— Что ты об этом скажешь? Непохоже, что оно живое: не двигается и на земле вроде не лежит; просто висит и мозолит глаза. Можно подумать, это просто червяк, которому не повезло в жизни: на него наступили и отбросили в сторону.

О'Лири хрустнул суставами:

— Да уж. Не хочу на него смотреть — мне оно не нравится. Согласно инструкции, мы должны держаться от этих прелестей по крайней мере на расстоянии реактивного выброса — а тут эта штука в каких-то вонючих 7500 милях, если считать по прямой.

— Значит, нам не повезло,— ответил Карлтон.— Оно на планете, куда нас послали, а задачи миссии всегда важнее служебных инструкций. Помните только, что, проводя исследования, не надо приближаться к нему слишком близко. Луц, ты понял?

Тот кивнул:

— Когда мы приступим, Вик? Я готов съесть свой шлем вместе с антенной, если в этом неземном раю мы встретим что-нибудь опасное. Я хочу ощутить под ногами настоящую почву.

Его начальник покачал головой:

— Полегче, мой мальчик, полегче, не гони. На чужой планете спешка приведет только к тому, что тебя раньше других похоронят. А если в этом мире и есть какая-то опасность, о которой ты не знал, пока не вылез из люка,— зря ты думаешь, что успеешь съесть свой шлем. Потому что тебя сожрут вместе со шлемом, рацией и всеми потрохами. А теперь расслабься и смотри на экран сканера. Кроме деревьев, травы и прочих пустяков здесь должно водиться что-то еще.

Но больше здесь ничего не было. Сменяя друг друга у телесканера, они водили лучом взад и вперед по всем четырем континентам и всматривались в экран до тех пор, пока от усталости не заболели глаза, но так ничего и не нашли. Они отыскали мельчайшие одноклеточные формы в пробах воздуха, почвы и воды, собранных при помощи автоматической драги, которой был оборудован корабль; в один прекрасный день их разбудил крик О'Лири, которому показалось, что он видел птицу (она оказалась листом, оторванным ветром); их внимание привлекли несколько больших зеленых шаров, прокатившихся мимо, но потом по отсутствию целенаправленного поведения и органов чувств разведчики догадались, что это были всего лишь очень крупные споры каких-то растений.

Они не видели ни травоядных, объедавших пышную растительность, ни хищников, крадущихся за ними, чтобы напасть. В морях не было рыбы, в лесах — термитов, даже в самой земле не было дождевых червей.

— Не понимаю,— ворчал Вик.— Растительный мир на этой планете так похож на земной, что предполагает наличие наземных животных. А где они? Ведь снаружи нет какого-нибудь огромного существа, способного сожрать всех остальных. Так что...

— Что? — подзуживал Стив О'Лири, глядя на шефа в упор.

— Может быть, это кто-то очень маленький — он-то и делает всю работу? Скажем, вирус. Какая-нибудь сложная молекула, относящаяся одновременно к царствам и живой, и неживой природы, что-нибудь такое, что нельзя назвать живым в полном

смысле слова, но что может еще быть более опасным, чем живое существо.

— Да, Вик, но я засек бы его с помощью электронного микроскопа.— Гарри Луц нервно развел руками.— А если я где и промахнулся, так все равно их сейчас со скоростью пять тысяч экземпляров в минуту определяет робот. Если какой-то вирус погубил здесь всех зверей и птиц, мы скоро наткнемся хотя бы на одну из его форм.

— Неужели? Если этот вирус не смог приспособиться к жизни в растительной клетке, сейчас он может быть не слишком активным,— и не слишком многочисленным. И потом, если мы на него все-таки наткнемся, как мы узнаем, что это он?

— Но робот...

Вик Карлтон скривился:

— Робот! Знаешь, Луц, в нашем деле один из способов не дожить до старости — это верить всему, что написано в руководствах по эксплуатации оборудования. Конечно, если рецептор робота приставить к электронному микроскопу, он станет отличным специалистом по патогенным микроорганизмам. И память у робота не хуже рецептора — в ней есть файл с информацией о всех микроскопических формах жизни и вирусах, опасных для человека, обнаруженных к настоящему времени в исследованных районах Галактики. Если он наткнется на что-то, что настолько похоже на описание, которым он располагает, что его реле с десятичным кодом замкнет,— тогда он нас предупредит. Он предупредит нас о дюжине видов на этой планете, которые как-то коррелируют с его базой данных. Только ведь у роботов нет воображения. Эта чудесная машина, Гарри, не оторвется от работы и не скажет тебе: «Слушай, мне не нравится, как выглядит вот эта козявка, хотя она и кажется совершенно безвредной». Ты же знаешь, что бывает, когда робот сталкивается с тем, что не заложено в его память.

— Вот-вот,— усмехнулся О'Лири, приподнявшись на своей койке.— Три трупа в новенькой форме, зато после экспедиции-расследования в память робота, возможно, введут описание нового вируса. Вот так, Луц, люди и учатся — путем проб и ошибок. Только вот, милый мой разведчик из когорты С, бравый, но зеленый, мы — это как раз те, на ком пробуют и довольно часто ошибаются.

Он снова откинулся на койку, и, когда его огромная рыжая голова исчезла из виду, они услышали его басистое пение:

— Я боцман усатый, и все курсанты...

Эта мрачная шутка огорчила Луца. Вынужденное заточение на борту маленького корабля, откуда открывался прекрасный

вид на окрестную равнину, не принесло Стиву О'Лири особенного облегчения. Он прослужил уже слишком долго, чтобы нарушать дисциплину, особенно в том, что касалось правил безопасности; но из глубины его подсознания поднимался ропот, и метастазы страха иногда проникали и в его мысли.

Вик чувствовал все большее расположение к младшему товарищу. В конце концов, Луца не преследовали недавно пережитые страхи; он еще не ведал, какие мурашки могут побежать у него по спине.

— Видишь ли,— мягко сказал ему командир,— я же не сказал, что там, снаружи, какой-то монстр только и ждет, как бы нас сожрать. Я просто не знаю этого. Возможно, здесь, в Дыре, развитие сложных животных форм угнетено каким-нибудь излучением. Все может быть. Я сказал только, что мы должны наблюдать и анализировать, пока не учтем всякую возможную опасность. А потом, когда в конце концов мы выйдем из корабля, мы наденем космические скафандры с защитой Гроена и предохранителями Мангейма.

О'Лири снова поднял голову с подушки.

— Эй! — воскликнул он с разочарованием.— Чтобы передвигаться с таким весом, нам придется использовать электрические приводы. Я-то надеялся поскакать, попрыгать и подрыгать ногами самому. Было бы здорово немного побегать по земле.

Он умолк и опустил голову под пристальным и задумчивым взглядом Вика. Вик подумал и объявил, что настал день, когда они начнут исследование поверхности:

— Луц пойдет со мной. Нужно, чтобы в корабле на всякий случай тоже оставался опытный человек. Это будешь ты, Стив.

Рыжий О'Лири смотрел, как они сражаются с громоздкими, увешанными оборудованием космическими скафандрами.

— Это не по обычаю, Вик, и ты это знаешь. Тот, кому первому выходить в отставку, должен и в шлюз идти первым.

— Если так решит командир,— сухо ответили ему.— Я решил по-другому. Свои упражнения ты сделаешь потом. Между прочим, я хочу, чтобы ты сидел на этих турбинах, как бегун на старте. Если мы попадем в беду и ты сможешь нам помочь — отлично; но если решишь, что сделать ничего нельзя или произойдет что-нибудь необычное, помни: главная цель миссии — собрать информацию о Дыре. Так что ты снимайся и улетай.

О'Лири повернулся спиной и занялся шлюзом.

— Спасибо, друг,— пробормотал он.— Посмотрим, что скажут ребята в Сандсторме, когда узнают, что ты мне приказал. Посмотрим.

Они спустились по трапу и ступили на поверхность планеты. Вик, одетый в свинец, двигался очень осторожно; Гарри Луц, шедший перед ним, потел, спотыкался, одним словом, мучился в тяжелом скафандре, с которым его до конца не примирил даже год тренировок.

Командир остановился среди поросли деревьев, похожих на вяз, высотой ему по грудь.

— Спокойней, Луц,— посоветовал он.— На тебе много всякого груза, и тебе, видимо, не удается соразмерно передвигать разные его части. Когда пользуешься электрическим приводом, вся штука вот в чем: надо двигаться так, чтобы твоя правая рука не знала, что делает левая. Вы же отрабатывали эти вещи в академии, так что твои пальцы должны помнить нужные клавиши. Когда ты освоишься, это станет твоей второй натурой. Ты только расслабься и сориентируйся на местности: сосредоточься на том, куда ты хочешь пойти, а не на том как. Твои пальцы сами забегают по клавишам, как только ты перестанешь о них думать. Они уже знают, что им делать.

В радиомикрофон он услышал, как новичок тяжело вздохнул. Затем, когда Луц осмотрелся и, видимо, расслабился, его шаги стали более ритмичными, а движения скафандра, утяжеленного защитой Гроена, предохранителем Мангейма и сложной операционной системой,— ровными и управляемыми. Луцу удалось перенести мысленный контроль с двигательного уровня на сознательный; после этого он уже мог оказать командиру реальную помощь, в то время как его пальцы внутри огромных металлических перчаток нажимали нужные кнопки.

«Славный мальчик»,— улыбнулся Вик про себя. Многие новички, когда им приходится пользоваться электрическим приводом на реальной работе в поле, бьются с ним по нескольку дней. У Луца оказалось достаточно самообладания, чтобы преодолеть неизбежный панический страх первой прогулки по чужой планете, да еще в одежде, которая фактически действовала сама по себе. Он быстро схватывал и не ленился.

«Хотел бы я, чтобы мой сын тоже был таким»,— Вик оборвал эту мысль. Надо было работать. Следить за товарищем, более молодым и менее опытным. Пока...

Они двинулись сквозь поросль низеньких деревьев — Луц теперь легко шагал вперед,— а потом местность стала повышаться. Вскоре они уже стояли на вершине невысокого холма и смотрели по сторонам, а пышные ветви колыхались на уровне их животов.

Насколько хватал взгляд — от дальних гор позади до реки, шумевшей меж замшелых старых камней неподалеку,— земля

нежилась в лучах летнего солнца. Розовые и голубые травы волновались и тянулись друг к другу. От большого озера примерно в миле от них поднимался туман.

Луц засмеялся внутри своего шлема:

— Всегда мечтал увидеть, как выглядел туристический рай до того, как туда пришли агенты по продаже недвижимости!

— Если они когда-нибудь сюда придут. Видишь какое-нибудь движение?

— Ну, вот там — и здесь.— Гарри Луц показал на лес чего-то похожего на куманику справа и на деревца вокруг них.

— Растения. Деревья и кусты, которые гнутся и качаются на ветру. Ничего похожего, к примеру, на кролика, который выбегает из укрытия, когда потревожишь его норку, или пчелы, которая пролетела бы мимо в поисках подходящего цветка. Никаких жуков, роющихся в земле, никаких птиц, которые летают в небе и мечтают найти жука себе на обед.

— Мы это и так видели — из телесканера.

— Знаю,— командир экспедиции поскреб металлической перчаткой о шлем.— Но почему? Эти растения — не хищники: по химии и морфологии они отличаются от земных очень незначительно. Я тебе уже говорил, Луц: не нравится мне это. Почему на этой планете нет животных?

— Может быть, их всех затянуло в Дыру,— беззаботно предположил Луц.

Карлтон пристально посмотрел на него.

— Знаешь,— начал он,— в этом, возможно, что-то есть. Конечно, Дыра в созвездии Лебедя — это астрономическое понятие,— поспешно добавил он.— Но есть много вещей, о которых слыхом не слыхивали ни на Маунт Паломар*, ни в университете Сахары. Ты говоришь, всех животных затянуло в Дыру? А как насчет...

— Эй, Вик! — раздался голос О'Лири из корабля.— Прямо к нам катится зеленый шар — один из тех, похожих на споры.

— Откуда?

— Вы сейчас его увидите. Прямо к северу от той горной цепи. Вон он! Видишь пятнышко между двумя вершинами?

Оба скаута вынули ультразвуковое оружие и залегли, в то время как пятнышко приобрело очертания, а затем выросло в зеленый шар, несшийся с почти невероятной скоростью.

— Может, лучше вернуться? — нервно спросил Луц.

---

* Маунт Паломар — вершина на юге Калифорнии, где расположена Паломарская обсерватория. *(Примеч. пер.)*

— Все равно не успеть — эта штука движется слишком быстро. Просто не шевелись и не вставай: мне пришло в голову, что ответ...

— Еще два,— взволнованно вмешался Стив О'Лири.— Катятся с юго-запада. Мне кажется, это совсем не споры; по-моему, они разумные и очень смахивают на животных. И все они — ух ты,— я только что увидел в телесканер, откуда они берутся. Знаете откуда?

— Поиграем в загадки в другой раз, ладно? — сказал ему Вик.

— Из этой белой щупальцеобразной массы с другой стороны планеты. Вот только что от нее отпочковался целый выводок зеленых шаров. Может, эти щупальца живые и у них есть органы чувств? Трудно, однако, в это поверить, особенно если знаешь, что они парят в открытом космосе...

— О'Лири, не думай о щупальцах, сосредоточься пока на зеленых комках. Я думаю, мы — Луц и я — вызвали всю эту суматоху тем, что вышли из корабля. Будь готов запустить двигатели и смотаться — с нами или без нас.

— Не дави на меня. Мое решение бесповоротно, Вик! Или вы, ребята, пробьетесь назад к кораблю, или я выйду и присоединюсь к вам.

Карлтон прикусил губу. Теперь зеленый шар завис почти у них над головами, его гладкая, абсолютно невыразительная поверхность очень странно колыхалась. Вот так всегда бывает с человеком, настроившимся на предстоящую отставку. Вик разрывался между всепоглощающим страхом и бесшабашной бравадой — из простого опасения, что может растеряться перед неведомым,— и, как всегда, и то и другое было не к месту. Сейчас ему нужен был подчиненный, который понимает, насколько важна эта первая разведэкспедиция к Дыре, человек, способный осознать, что в такой ситуации информация, может быть, важнее, чем людские жизни и тем более амбиции,— тот, кто не давал бы воли своим неврозам, но на которого можно было бы положиться в чрезвычайных обстоятельствах.

— Ладно, О'Лири. Вторая степень готовности к атаке. Надень космический скафандр и приведи в готовность носовую пушку. К остальным пошли роботов. Включи все обзорные панели. Двигатели держи готовыми к старту!

— Ого, командир,— вмешался Луц.— Над нами уже три этих шара. И летят еще. Только на нас они внимания не обращают: крутятся только вокруг корабля.

Вик Карлтон посмотрел вверх. Никогда он не видел ничего подобного. Своим цветом шары могли быть обязаны хлорофиллу, но были слишком подвижными и целеустремленными для

ботанических объектов. Средства передвижения, управляемые разумными организмами? В пользу такого заключения говорило отсутствие глаз и локомоторных органов. Но где тогда газовые струи или какие-нибудь другие признаки реактивного движения? А то, как они сжимались и расширялись, уж наверняка свидетельствовало о том, что они были живыми. Что говорить, все это было более чем странно...

— Может быть, они так дышат? — громко осведомился Луц.

— Нет. Я бы сказал, что эти колебания слишком беспорядочны для дыхательных движений. Ты, Луц, лучше лежи тихо и жди. Это самая трудная часть нашего задания, но терпение, знаешь ли, спасло от смерти больше народу, чем защита Гроена.

Когда они затаились в своих огромных скафандрах, шаров стало уже двенадцать, и все они носились вокруг корабля, делая размеренные скачки по прямой. «Очевидно,— подумал Вик,— мы правильно делаем, что не двигаемся,— они нас не заметили».

Неожиданно одна из сфер зависла перед входом в шлюз.

— Похоже, она знает, куда ей надо,— прокомментировал из корабля О'Лири. Он дважды засмеялся: второй раз — после минутного интервала.— Вик, я начинаю нервничать.

— Не стоит,— посоветовали ему.— Возможно, они достаточно умны, чтобы догадаться, как мы входим и выходим, но вряд ли они часто встречались с космическими кораблями, раз подлетают так близко к нашим пушкам. Успокойся, Стив: как только они уберутся и мы сможем вернуться обратно, попробуем установить с ними контакт. Хотя они, кажется, не очень отзывчивы. Я надеюсь, табельное оружие при тебе?

— Ультразвуковой пистолет. А на коленях — большой бластер. Если из него выстрелить — будет дырка в корпусе, но если придется... Послушайте! Я вижу сквозь обзорные панели, что оно делает — или мне это мерещится?

Увы, это была не галлюцинация. Шар немного отодвинулся от корабля, а потом стремительно бросился вперед. Он мягко, без звука, отскочил от корпуса, отступил назад и повторил все снова. Шар двигался строго по горизонтали и настойчиво повторял свои попытки. Всем троим это показалось похожим на первый стук в дверь.

И вдруг шар исчез!

Они потрясли головами и вытаращились на то место, где он только что был, когда в очередной раз бросился к шлюзу. Пропал, не оставив даже слабого изумрудного следа в неподвижном воздухе. Возле корабля носились взад и вперед, взад и вперед по абсолютно прямой траектории одиннадцать шаров. А ведь мгновением раньше их было двенадцать!

— Ч-что, по-вашему, это б-было, к-командир?

— Не знаю, Луц. Но мне это определенно не нравится.

— И мне,— прошептал в наушниках голос О'Лири.— Сейчас одна из тех минут в жизни разведчика, когда он думает: и зачем я ради перевода в когорту А ушел из дома от мамы? Лучше бы я вернулся... Нет! Вик, такого не бывает! Он же не мог... Он же...

— Что случилось? Стив! Что происходит?

— Проклятый шар материализовался внутри корабля... как раз когда я дотянулся до... меньше чем в пяти футах... полетел мне в голову... почти коснулся...— Речь О'Лири постоянно прерывалась, как будто он выпаливал каждую следующую фразу между двумя прыжками.— Гоняется за мной по всему отсеку управления, не выйдет — отскакивает от переборок, как на бильярде... постой, кажется, я его поймал...

Раздался страшный грохот — это О'Лири выстрелил из бластера. В их барабанные перепонки с безумной силой несколько раз ударило эхо, а возле носа разверзлась рваная дыра, словно корабль изнутри проткнули гигантским кулаком.

— Промазал! А ведь мог бы поклясться, что я хорошо прицелился... Заряд шел точно в него... не знаю, как это я промахнулся... Так, попробую его ультразвуком... Ну, что ты об этом скажешь, Вик? Он опять исчез! Словно и не было! Я выхожу наружу?

— Спокойней, Стив! — выкрикнул Карлтон.— Не паникуй!

О'Лири не ответил. Зато распахнулся входной люк, и Стив О'Лири выскочил наружу — в космическом скафандре он казался почти вдвое больше, чем обычно. В левой руке он держал ультразвуковой пистолет, в правой — бластер, из которых он отстреливался прямо на ходу. Над ним сконцентрировались одиннадцать шаров, которым пальба из бластера не причиняла ни малейшего вреда.

Скауты на холме вскочили на ноги. Один за другим они посылали заряды ультракоротких звуковых волн, от которых все известные виды органики распадались на молекулы. Но с таким же успехом можно было стрелять и из водяных пистолетов.

Двенадцатый шар появился прямо перед О'Лири. Вначале он был размером с яблоко, потом почти мгновенно — так, что они даже не уследили,— вырос до размеров спасательной шлюпки. Немного опередив другие, он понесся на разведчика.

И достал его.

Тот закричал.

Казалось, этот вопль возник годы тому назад и унесся в далекое будущее. А потом весь скафандр как будто распахнулся, и они увидели — не самого О'Лири, а скорее его внутренности.

Там, где раньше была бегущая фигура, одетая в металл, покрытый защитной оболочкой Гроена и слегка оттененный предохранителями Мангейма, теперь были только желудок и селезенка, печень и кишечник, фантастическим, невероятным образом принявшие форму О'Лири. Фигура сделала еще один шаг, и вопль перешел в тональность, недоступную человеческому слуху. Только тогда он прекратился.

О'Лири больше не было. И зеленого шара тоже.

Над тем местом, где только что был О'Лири, появились другие шары. Два из них также исчезли. Девять вернулись к кораблю и снова начали свои настойчиво-прямолинейные передвижения.

Луц внутри своего скафандра был ни жив ни мертв. Вик старался сохранить самообладание. Правда ли он видел, как изумрудный шар стал темно-оливковым, а потом налился кровью? Или ему показалось?

— Слушай, малыш,— сказал он торопливо.— Не двигайся, не делай ни одного, ни малейшего движения, что бы ни случилось. Даже смотри в одну точку. По-моему, я знаю, что это за штуковины, и не думаю, что мы в силах чем-нибудь им помешать. Единственная надежда спастись — не привлекать их внимания. А потому не шевелись, пока я тебе не скажу. Понятно?

По дыханию Луца он понял, что тот почти пришел в себя.

— Д-да, командир. Но разве они не помнят, как мы в них стреляли? И разве они нас не видят, когда мы стоим в полный рост?

— Если они действительно то, что я думаю,— нет. Думай о чем-нибудь другом, малыш, отключись, насколько сможешь. И помни: пока можешь себя контролировать — ни единого движения. До поры до времени — никаких разговоров. Полная неподвижность. Только смотрим и ждем.

Они ждали. И смотрели. Они ждали несколько часов, прислонясь к спинкам своих скафандров, стоявших самостоятельно, а зеленые шары бесшумно, непрерывно и очень целеустремленно перемещались взад-вперед, появлялись и исчезали. Они смотрели на синюю полосу, шедшую вдоль борта корабля, который стал им теперь так дорог,— это был опознавательный знак разведывательного корабля, способного обогнать любое космическое тело,— и видели, как мутная пена сумерек сделала ее неотличимой от серого металла вокруг нее. И они не пошевелились, не позволили себе ни одного движения, даже когда зеленая сфера, раздувшись, внезапно очутилась перед ними и, казалось, рассматривала их невидимыми органами зрения, но потом потеряла всякий интерес и унеслась прочь.

Вик подумал, что это было труднее всего: чувствовать, что за тобой следят со все возрастающим интересом, и все-таки не двигаться; не вздрогнуть, когда самый древний инстинкт кричит тебе, что надо бежать, что вот сейчас ты попадешь в зубы неведомому существу.

Во время этого кошмарного бдения он оценил достоинства своего товарища: не многие люди могли сохранять такое самообладание на самом краю гибели. Молодец малыш.

Они ждали, смотрели и не двигались. И вспоминали Стива О'Лири...

Наконец два шара поднялись и улетели на север. Через час за ними последовали два других. Оставшиеся пять замерли над кораблем, образовав кривой пятиугольник.

— Ну, Луц,— прошептал командир,— теперь мы можем расслабиться — только совсем чуть-чуть! День продлится еще шесть часов. Будем спать по два часа: один спит, другой дежурит. Ты спишь первым. Так мы немного отдохнем перед тем, как приступить к дальнейшим действиям; а может, к тому времени эти уроды уберутся со своими фокусами к себе домой.

— Кто они, командир? Ради внегалактического пространства, скажите, откуда они взялись?

— Откуда взялись? Из Дыры в созвездии Лебедя. Оттуда, куда пропали все животные.

— Я... я не понимаю.

Карлтон хотел было в нетерпении махнуть рукой, но вовремя сдержался.

— С этой Дырой связано много странных вещей. Это не только отсутствие явлений, обычных для других частей космоса, небольшое количество звезд и все такое, но и нарушения законов природы,— такого больше нигде нет. Есть несколько современных теорий — правда, у них мало последователей,— которые считают весь этот район местом зарождения нашей Вселенной; предполагают ли они, что пространство стало изменять свои свойства самопроизвольно, когда ему однажды надоело оставаться в старых границах, или выдвигают ту или иную версию взрыва первоатома,— так или иначе они трактуют Дыру в созвездии Лебедя как точку, в которой все эти события могли иметь место.

— Ну да. С тех самых пор, как двести лет назад здесь побывал Бокер и открыл район, где бывают разрывы во времени.

— Верно, малыш. Я сейчас не претендую на то, чтобы понять происхождение Вселенной. Однако я готов поставить свой обед в Сандсторме против грязи на твоем правом ботинке, что это произошло здесь. И, судя по всему, район вокруг Дыры в созвездии Лебедя никогда не станет нормальным. Он останется

дырой в пространстве, где случается то, чего не должно быть, и наоборот. Сейчас или тысячу лет спустя — в законах природы останутся бреши. И одна из этих прорех, этих ран мироздания, которые никогда не заживут,— наши белые щупальца, или как их там,— расползшиеся по всей этой Солнечной системе.

— Значит, зеленые шары, убивающие всех на этой планете,— они из... из...

— Из некоего места вне Вселенной. Из другого мироздания, в которое нам дороги нет,— мы не можем даже представить, на что оно похоже.

Луц подумал с минуту.

— Вы хотите сказать, командир, что они по-другому устроены?

— Они из другого измерения. А именно — из четвертого.

— Но ведь еще в двадцатом веке было доказано, что четвертое измерение — это время и это мы движемся сквозь него.

— Я, Луц, говорю о четвертом измерении пространства. О вселенной, где есть длина, ширина, высота,— и, кроме них, еще одно направление. И время тоже, но ведь даже гипотетические жители двухмерного пространства должны существовать во времени. Вот и думай теперь, кто такие эти малютки: что они могут сделать, а чего нет, что случилось с О'Лири и каковы наши шансы преодолеть шестьдесят ярдов до корабля, чтобы взлететь. Пользуйся аналогией с двухмерными людьми в трехмерном мире.

— То есть когда есть длина и ширина, но без высоты? Ну, я не знаю. Наверное, тогда кожа будет видна тонкой линией вокруг скелета и внутренних органов. И — постойте-ка — он будет двигаться только в одной плоскости и за ее пределами ничего не увидит!

Карлтон мысленно поблагодарил администрацию академии за непрерывную череду экзаменов, выбивших из выпускников последние остатки воображения.

— Очень хорошо. Теперь представь, что мы суем в двухмерный мир палец. Человек в нем увидит палец в виде кружка, а мы видим эти существа в виде сфер. Когда кончик пальца проходит этот мир насквозь и становится видно основание пальца, ему покажется, что кружок стал больше; а если мы уберем палец, он скажет, что кружок исчез. Если мы хотим его поймать, мы можем смотреть сверху, как он убегает от того места, где он нас видел последний раз. А потом внезапно спрыгнуть перед ним, а он подумает, что мы возникли из ничего. А если мы захотим перенести его в наш мир, в свое прóстранство...

— Мы поднимем его за края, то есть за кожу, и в том мире будут видны только его внутренности.— Луц невольно вздрогнул.— Ого! Значит, эти шары — срезы четырехмерных пальцев или псевдоподий?

— Не знаю. Но подозреваю, что эти твари — всего-навсего четырехмерные эквиваленты наших низших форм жизни, что-нибудь вроде бактерий или, самое большее, червей,— но все равно они опасны, как сама смерть. Я считаю этих животных низкоорганизованными, потому что у них, похоже, слабо развиты органы чувств. Если мы не двигаемся, они нас не слышат, не чувствуют нашего запаха и никак не ощущают нашего присутствия. Все это свидетельствует о том, что эти организмы довольно примитивны, несмотря на все свои четыре измерения. И тогда понятно, почему на этой планете нет животных, а растения представлены почти всеми возможными формами: животные были подвижны, поэтому их преследовали и ели; а растения обычно ведут прикрепленный образ жизни, поэтому их не замечали.

— Вик, но ведь чтобы вернуться обратно на корабль, нам придется двигаться!

— Да, но мы будем двигаться не по прямой. Не так, как перемещаются туда-обратно эти шары, и не так, как бежал О'Лири. Направляясь к люку, мы все время будем менять направление, неожиданно останавливаться, делать зигзаги, поворачивать обратно и идти по собственным следам. На это уйдет больше времени, но бьюсь об заклад, что рецепторы и анализаторы наших зеленых друзей развиты недостаточно хорошо, чтобы разгадать такую сложную траекторию в короткие сроки.

— Бедный О'Лири! Как же мы полетим без него? Не увидим больше его рыжих волос, не услышим громкого голоса...

— Пока мы не доберемся до корабля и не запустим двигатель, малыш, мы никуда не полетим. А теперь немного поспи — надо дождаться утра.

Когда молодой разведчик послушно закрыл глаза, Карлтон позволил себе на него взглянуть. Устал, чертовски переволновался, но все равно исправно выполняет приказы, все равно не теряет воли к жизни. «Молодец, малыш,— повторил он про себя.— Интересно, он уже начал бриться? Вряд ли — волосы у него черные, как сопла у ракеты, а кожа белая,— щетина была бы уже заметна.

Интересно, кто дома ждет его возвращения? Наверное, одна мать; непохоже, чтобы он особенно бегал за девушками. Может быть, только одна, та, которую он пригласил на свой выпускной бал в академии...

Интересно, что подумала бы о Луце Кэй — поняла бы она его?

Интересно, кто ждет О'Лири...

Зеленые сферы над кораблем висели совершенно спокойно, их гладкие тела не тревожил даже холодный ветер с гор. Спят ли они на свой странный лад? Или просто ждут?

Вот, Кэй, было со мной два славных парня: Луц и О'Лири. Это они-то — незрелые юнцы? Вот уж неправда!»

Вик разбудил Луца почти через три часа, позволив ему поспать подольше. Дальнейшие действия требовали их совместных усилий, и он хотел, чтобы нервы молодого человека по возможности успокоились.

— После того что я пережил на Сириусе примерно пять лет тому назад, меня уже ничем не проймешь,— объяснил он.

— Все равно, Вик, все равно, зачем же так себя наказывать? Ведь осталось уже меньше часа.

— Мне этого хватит. А ты стой на карауле; если что-нибудь произойдет — один раз громко свистни. Когда пройдет час, тоже свисти.

Он заснул сразу и без сновидений, с легкостью опытного разведчика, который привык спать в скафандре. Проснулся за секунду до того, как истек час,— сработала многолетняя привычка просыпаться по внутренним часам.

Луц, коротая время, тихонько напевал. Он пел почти беззвучно, но по звукам, доносившимся из радиофона, Вик узнал знакомый мотив. Карлтон различил в голосе Луца нотки беспредельного одиночества — он пел так, будто остался последним человеком на планете.

— Для начала,— весело прервал его голос командира,— тебе требуются «ласки льстивые девы», малыш. Чтобы «смять твои дни». Но вряд ли ты можешь прочувствовать эти строчки.

— Простите, Вик, что разбудил вас. Я как раз собирался свистнуть. А что касается льстивых ласк, то тут я не хуже других. Улетать на это задание, признаюсь вам честно, мне было нелегко.

— Кто она — сестра? Или просто подружка? — Он подзадоривал его, чтобы поднять настроение.

— Сестра! — Луц по-мальчишески засмеялся.— Если бы. Жена.

Карлтон был изумлен.

— Так ты женат?

— Женат ли я? Во имя блага моих детей, смиренно надеюсь, что это так.

— Да? Я бы... И сколько у тебя их?

— Двое. Обе девочки. Младшей, Джанет, всего три месяца. Она светловолосая, как и ее мать.

— Вот как,— задумался Вик.— Кэй тоже блондинка. У ее дочери, наверное...

— Кэй? Это ваша жена, командир?

— Нет, невеста,— неохотно ответил ему Вик.— Да, Луц, лучше быть женатым: тогда о твоей семье позаботятся. Помолвок финансовый отдел разведки не признает. Должно быть, это большое утешение для мужа и отца, если он гибнет где-нибудь в космической пустыне.

Молодой разведчик посмотрел вниз, на корабль.

— Они еще там, командир,— все пять. Я готов идти, как только скажете.

Наступило молчание.

— Знаешь, Луц,— начал Карлтон, испытывая чувство неловкости,— ты меня прости, если... ну, если...

— Вы ведь не хотели меня обидеть, Вик. Просто когда я учился на втором курсе в академии, я понял, что хочу жениться, хочу иметь семью — и хочу стать разведчиком. И все одновременно. Так что сами видите. Оказалось, это трудно совместить.

— Ну ладно; давай подумаем о том, что делать дальше. По моему сигналу прыгаем в разные стороны и спускаемся к кораблю по сходящимся дугам. С помощью управляющей клавиатуры можно бежать в два раза быстрее, чем лошадь. Нельзя делать больше двух шагов по прямой линии,— об этом все время надо помнить. Тот, кто добежит первым, сразу запускает двигатели. Если кого-то из нас не будет на корабле в момент старта, надо лететь одному. Не медлить ни секунды. Никаких вторых попыток. Не оглядываться. Думаю, если мы все сделаем как надо, мы собьем их с толку и улетим вместе, но если нет — помни, что у нас нет права помогать друг другу, ибо наши записи и объяснения очень нужны в Сандсторме. Все ясно?

— Ясно. Удачи вам, Вик.

— Удачи, Гарри. Желаю хорошо побегать.

Командир в последний раз оглядел, оценивая местность, по которой ему предстояло бежать. Его пальцы нащупали внутри перчатки клавиатуру и приготовились пустить скафандр бежать сломя голову.

— Вперед! — заорал он, прыгая влево.

Пока Вик грузно скакал вниз по склону — он был так тяжел и бежал так быстро, что выдирал с корнем молодые деревца на своем извилистом пути,— справа ему был виден Луц, бежавший поодаль зигзагами, как и он. У них может получиться. Может...

Когда зеленые шары заметили их, до корабля оставалось двадцать ярдов. И, не колеблясь ни секунды, понеслись, как молнии, прямо к ним.

Карлтон остановился, прыгнул назад, потом в сторону и стал огибать по широкой кривой корму корабля. Луц спускался с другой стороны — он был похож на пьяного, передвигающегося при помощи реактивной тяги. Между ними зиял открытый входной люк. Огромные шары хищно пронеслись мимо, почти задев его, почти... Еще одиннадцать ярдов. Он вернулся по своим следам и снова прыгнул вперед. Девять ярдов. Отпрыгнул назад от корабля, а потом под острым углом обратно. Семь.

— Командир, я, считай, уже внутри! Получилось! — До входного люка оставалось всего шесть ярдов, то есть восемнадцать футов! Гарри Луц потерял голову. Пользуясь возможностями своего скафандра, он взвился вверх в последнем гигантском прыжке. Он прыгнул по направлению к открытому люку входного шлюза, намереваясь, по-видимому, на лету схватиться за край и, подтянувшись, залезть внутрь. Но Луц не долетел.

В двенадцати футах перед ним материализовалась зеленая сфера, и Луц, уже не в силах остановиться, столкнулся с ней. Он еще не начал кричать, его еще не вывернуло наизнанку, а другие четыре шара уже были по ту сторону шлюза — то ли наблюдали, то ли участвовали в пиршестве.

Для Карлтона путь был свободен. Он прыгнул внутрь, чуть не задев шар, налившийся красным. «Неизвестно еще,— успел подумать он,— что было бы, если б этот шар не подкараулил Гарри Луца первым».

— Бедная малышка Джанет! — Когда крик Луца вонзился ему в уши, царапая барабанные перепонки, Вик чуть не заплакал.— Бедный ребенок, ему ведь всего три месяца! — выкрикнул он, щелкнув красным переключателем на пульте управления, и на всякий случай отскочил назад.— Бедная малышка Джанет, девочка со светлыми волосами, она же еще младенец! Она даже не узнает, каким был ее папа! — кричал он, вторя пронзительному крику Луца, пока крутил регулятор устойчивости, устанавливал величину ускорения, чувствуя, как корабль идет на взлет и вонзается в небо,— и все это время он перебегал с места на место — ведь неизвестно, совершенно неизвестно, что еще могут выкинуть эти зеленые шары.

Но — удивительное дело,— включив дюзы дальнего полета, он понял, что в ушах у него по-прежнему безумно громко звучит крик Луца, а сам он прыгает по кабине то назад, то вперед, то в сторону, не в силах остановиться. Тогда он подсоединил к

своему шлему основной резервуар с кислородом и включил сигнал тревоги на автоматическую передачу.

Три дня спустя его подобрал патрульный корабль. В суденышке совсем не оказалось воздуха: входной люк при взлете автоматически закрылся, но дыра в носу осталась незаделанной. Вик Карлтон, совершенно измученный, с глазами, похожими на порченые помидоры, был еще жив,— его скафандр был рассчитан на поддержание жизни в самых невероятных условиях. Он отключил в своем шлеме наушники, а когда его сняли с корабля, продолжал бить себя по ушам руками в перчатках.

В медпункте патрульного корабля ему сделали анестезию, и корабль взял кратчайший курс на Солнечную систему.

— Бедная Джанет Луц,— горестно шептал он перед тем, как уснуть.— Ей ведь всего три месяца.

— Вы уверены, что он выживет? — спрашивал в госпитале на Ганимеде вспотевший комиссар.— Если есть вероятность, что он умрет, надо использовать гипноз. Нам необходимо получить информацию, которой он обладает,— даже если мы повредим его рассудок навсегда.

— Мы его вылечим,— сказал доктор. Он облизал губы и состроил страдальческую гримасу человека, которому не дали выспаться.— С ним все будет в порядке. Судя по его карте, он уже переносил интенсивную терапию. Не стоит щупать ему мозги гипнозондом — через неделю-другую он сам расскажет вам все, что нужно.

— Я все им рассказал,— сообщил Вик Кэй три недели спустя, встретив ее на первом этаже здания Управления разведоперациями.— И заодно отругал их. Я их спросил: почему вы требуете от одного человека того, с чем не может справиться целая служба? Дыра все еще слишком опасна для любой экспедиции — так решили умники в руководстве патруля. Так что они подождут, прежде чем посылать туда новую партию исследователей. Я сказал: это правильно...

Он замолк, увидев, как открылись двери лифта и толпа кадетов, окружившая трех товарищей в шлемах, двинулась к двойным дверям. Они болтали, поддразнивая друг друга.

— Ребята, смотрите-ка на Спинелли! Он уже помер!

— Бедный Спинелли, он первый раз за командира! Эй, Спин, на такое дело не послали бы даже Карлтона! Как это тебе удалось?

— Эй, Тронк! Чего это ты так позеленел!

— Ты, Спинелли, там с ними построже. Ты же теперь командир!

Когда они прошли мимо, Вик пошарил рукой у себя на груди. Он нащупал золотую звезду, сиявшую теперь на том месте, где всего час назад висела серебряная ракета.

Кэй тоже потрогала звезду. Она повернулась спиной к людям, шествовавшим к кораблю, она смотрела в глаза Вика.

— Комиссар Карлтон! Звучит так, будто это звание придумали специально для тебя. Подходит к твоей фамилии! Ах, Вик, мы ведь знали, что это случится,— мы оба так этого хотели. Ты теперь зрелый мужчина, знаешь, чего хочешь, и в тебе не погас этот огонь...

Издалека раздавалась песня:

Если девочка случится,
Пусть оденется в шелка,
А мальчишка в космос мчится —
Дай под зад ему пинка.

— Мой милый,— шептала она, прижав его руку к своей щеке.— У нас будут шелка, и с космосом мы тоже не расстанемся. У нас все это будет.

Вик не отвечал. Он стоял, совершенно не обращая на нее внимания, пока трое мужчин, певшие песню, не скрылись в изящном кораблике с синей полосой вдоль всего борта. Когда люди из наземных служб рассыпались по полосе с предостерегающими криками: «Старт! От струи, всем от струи!» — он решительно шагнул вперед, остановился — и сунул руки в карманы.

Потом раздался пронзительный грохот и гул пламени, затихшие еще прежде, чем стали слышны; и вот серебряный карандаш уже взмыл в небеса, оставляя за кормой ярко-алую полоску. Корабль исчез из виду, и самый след его потерялся в облаках, а Вик все стоял, задрав голову вверх. Кэй молчала.

Когда он наконец перевел на нее глаза, это были глаза пожилого человека.

Ирвинга Боммера любят все

Ирвинг Боммер задумчиво-печально шел за девушкой в зеленом платье и услышал нечто совершенно фантастическое.

Комплимент.

Толстая цыганка, растекшаяся всем телом по каменной ступеньке перед входом в свою замызганную лавочку, подалась вперед и крикнула: «Эй, мистар!» Затем, когда Ирвинг замедлил шаги и взглянул на нее и на витрину, забитую сонниками и книгами по нумерологии, цыганка прочистила горло, издав звук, который можно услышать, перемешивая комковатую овсянку.

— Эй, мистар! Да, ты, красавчик!

Ирвинг чуть не споткнулся, резко остановился и посмотрел вслед девушке, исчезающей вместе с зеленым платьем за углом и из его жизни.

На мгновение его словно парализовало. Он не смог бы покинуть место, где услышал столь восхитительный комплимент, даже... даже если бы сам Хамфрис, заведующий отделом хозтоваров в «Универмаге Грегворта», сейчас материализовался перед ним за невидимым прилавком и повелительно щелкнул пальцами.

Ну конечно же. Некоторые находят такие шутки забавными. Некоторые, особенно женщины... Бледные щеки Ирвинга стала медленно заливать краска, и он, обычно медленно соображающий, стал напряженно подыскивать ответ — умный и сокрушительный одновременно.

— А-а-ах! — начал он, понадеявшись на импровизацию.

— Поди сюда, красивый мистар,— велела цыганка без тени иронии.— Заходи — и получишь то, чего так сильно хочешь. У меня это есть.

А чего он хочет сильнее всего? Откуда она может знать? Даже он, Ирвинг Боммер, представлял себе это весьма смутно. Но все

же он двинулся следом за толстой, покачивающейся при ходьбе цыганкой и вошел в лавку, скупо обставленную тремя складными стульями и столиком для бриджа, на котором расположился покрытый мелкими трещинками хрустальный шар. Перед драной простыней, завешивающей вход в заднюю комнату, играли пятеро детей на удивление близкого возраста. Когда цыганка повелительно цыкнула, они проворно высыпали на улицу.

Усевшись на складной стул, который немедленно накренился под углом сорок пять градусов, Ирвинг задумался над тем, что он здесь делает. Ему вспомнилось, что сказала миссис Нэгенбек, когда он снял у нее комнату: «Опоздавшим жильцам — *никаких* ужинов. *Никогда»,* а поскольку сегодня в отделе хозтоваров проводилась ежемесячная инвентаризация, он уже был и опоздавшим, и голодным. И все же...

Никогда нельзя знать заранее, чем может обернуться общение с цыганами. В проницательности им не откажешь. Их стандарты красоты отлиты не по голливудским формам; они потомки расы, бывшей космополитами еще во времена Пилата; они могут распознать такие вещи, как благородство души и... возможно, даже привлекательность — житейскую, зрелую привлекательность, если ее так можно назвать.

— Итак, э-э...— он еле заметно усмехнулся,— что же у вас есть такого, чего я... чего я... э-э... столь отчаянно желаю? Сонник, чтобы выигрывать на бегах? Я не играю на бегах. И судьбу мне тоже никогда не предсказывали.

Цыганка стояла перед ним многоскладчатой горой плоти, облаченной в столь же многоскладчатые разноцветные платья, и хмуро разглядывала его крошечными и усталыми черными глазками.

— Нет,— сказала она наконец.— Тебе я не буду предсказывать судьбу. Я дам это.

В ее протянутой руке он увидел бутылочку из-под лекарства, наполненную пурпурной жидкостью, которая в тусклом сумеречном свете, пробивающемся сквозь окно лавки, постоянно меняла цвет с густо-красного на темно-синий.

— Что... что это? — спросил он, хотя внезапно понял, что есть только одна вещь, которую ему могут предложить.

— Она принадлежала моему мужу. Он работал над этим много лет. А когда сделал, умер. Но ты... другой. У тебя есть на это право. А это даст тебе женщину.

Ирвинг вздрогнул, услышав оскорбление. Он попытался рассмеяться, но вместо этого глубоким вздохом выдал свою надежду, свое желание. Женщина!

— Так это настойка... приворотное зелье? — Его голос дрогнул, пытаясь выразить одновременно насмешку и согласие.

— Зелье. Когда я тебя увидела, то поняла, что тебе нужно В тебе много несчастья. Очень мало счастья. Но помни, надо возвращать то, что взято. Если берешь каплю зелья, смешай ее с каплей своей крови — тогда она станет твоей. И бери каждый раз только по капле. Десять долларов, пожалуйста.

Это его доконало. Десять долларов! За флакон подкрашенной водички, которую она намешала в задней комнате. И лишь потому, что он из-за своей доверчивости вошел в лавку. Ну нет! Только не Ирвинг Боммер. Он не дурак.

— Я не дурак,— сообщил он цыганке, затем встал и расправил плечи.

— Слушай! — хрипло и повелительно произнесла цыганка.— Ты можешь стать дураком сейчас. Тебе это средство нужно. Я могла попросить пятьдесят, могла попросить тысячу. Я попросила десять, потому что это правильная цена, потому что у тебя есть эти десять и потому что тебе нужно это. А мне... мне уже не нужно. Не будь дураком. Возьми. Ты станешь... по-настоящему привлекательным.

Ирвинг обнаружил, что усмешек он больше не выдержит и что дверь слишком далеко. Он очень медленно отсчитал десять долларов, и до дня зарплаты у него осталось всего два. Его не остановило даже воспоминание о флаконе фантастически дорогого лосьона после бритья, который его уговорили купить на прошлой неделе. Он просто обязан... попробовать.

— Капля крови и капля зелья! — крикнула вслед цыганка, когда он торопливо зашагал к двери.— Удачи тебе, мистар.

К тому времени когда он, прошагав два длинных квартала, подошел к своему пансиону, его полная надежд возбужденность сменилась привычным состоянием покорной униженности.

— Какой лопух, какой лопух! — шипел он себе под нос, проскальзывая через черный ход в пансион миссис Нэгенбек и поднимаясь по лестнице. Ирвинг Боммер, чемпион лопухов всех времен и народов! Покажи ему хоть что-нибудь, и он это купит. Приворотное зелье!

Но когда Ирвинг захлопнул за собой дверь узкой комнатушки и швырнул бутылочку на постель, он прикусил губу, а из его близоруких глаз выкатились две огромные слезы.

— Ах, если бы только у меня было лицо, а не рожа из комикса,— всхлипнул он.— Если бы... черт побери!

А затем его сознание, будучи относительно здравым, отказалось работать дальше на таких условиях. «Давай помечтаем,— предложило сознание подсознанию.— Давай помечтаем и представим, каким приятным мог бы оказаться мир».

Он сидел на кровати, блаженно уткнувшись подбородком в поднятое колено, и мечтал о правильно сотворенном мире, где женщины интриговали ради его внимания и дрались за него; где они, не в состоянии завоевать его целиком только для себя, волей-неволей делили его со столь же целеустремленными сестрами. И он привычно бродил по этому блистательному миру, как всегда довольный тем, что правила здесь постоянно менялись в его пользу.

Иногда он становился единственным мужчиной, уцелевшим после атомной катастрофы; иногда откидывался на пурпурные подушки и попыхивал кальяном, окруженный гаремом преисполненных обожания гурий, от красоты которых захватывало дух; а иногда десятки мужчин — все они чем-то напоминали Хамфриса — с отчаянием наблюдали за тем, как Боммер богатый, Боммер преуспевающий, Боммер невероятно красивый провожает их жен, любовниц и особых подружек из просторных лимузинов в свои холостяцкие апартаменты, занимающие целый особняк на Парк-авеню.

Время от времени в его мечтах появлялся пластический хирург — разумеется, работающий абсолютно без боли! — талантливый джентльмен, который, завершив шедевр, умирал от удовлетворения, не успев осквернить свою лучшую работу созданием дубликата. Нередко Ирвинг Боммер откладывал на время трудный выбор между сияющей блондинкой с фигурой классической статуи и пикантной рыжеволосой красавицей и представлял, как его рост увеличивается до шести футов и двух дюймов, плечи расширяются, плоскостопие исчезает, а нос уменьшается и выпрямляется. И даже мысленно наслаждаясь новой звучностью своего голоса и неотразимой сердечностью своего смеха, гордясь своим безупречным и всегда отточенным остроумием и всесторонним образованием, он чаще всего возвращался в мечтах к своей блистательной внешности. О, эта шапка волос, небрежно скрывающая нынешнюю проплешину, третий урожай зубов, чудом вытесняющий из десен обломки пожелтевшей эмали и дешевые мостики, и желудок, более не привлекающий внимание имитацией проглоченного арбуза, а с достоинством скрытый за стеной мышц! Ах, желудок! В нем теперь найдут приют лишь изысканнейшие вина, лишь вкуснейшие блюда, приготовленные опытнейшими поварами, лишь тончайшие деликатесы...

Резко сглотнув накопившуюся во рту слюну, Ирвинг Боммер понял, что жутко голоден.

Судя по часам, кухне сейчас полагается быть темной и пустой: в нее можно было пробраться по проходящей рядом с его комнатой скрипучей лестнице, ведущей к задней двери.

Однако миссис Нэгенбек, обнаружив в кладовой посторонних лиц, имела склонность объединять наиболее значительные черты каждой из Трех Фурий в одно гармоничное целое. Ирвинг Боммер даже содрогнулся, представив, что его ждет, если она его застукает...

Что ж, приятель, это риск, на который тебе придется пойти, резко вмешался желудок.

Тревожно вздыхая, он спустился на цыпочках по гнусно скрипящей лестнице.

Пошарив в темной кухне, он коснулся ручки холодильника. Ирвинг голодно нахмурился. Осторожные поиски и ободранная голень вознаградили его едва начатой палкой салями, полбуханкой ржаного хлеба и тяжелым ножом с клиновидным лезвием, незаменимым, когда берешь на абордаж испанский галеон.

Отлично, пробурчал желудок, вылизывая двенадцатиперстную кишку. *Пора начинать!*

В комнате за кухней щелкнул выключатель. Ирвинг замер, не успев отрезать ломоть от краюхи. Тело его было абсолютно неподвижным, но сердце и все еще болтливый желудок принялись стукаться друг о друга, словно пара акробатов в финале дурацкого водевиля. Пугаясь, Ирвинг начинал обильно потеть, и теперь его пятки заскользили по кожаным стелькам, хотя туфли были ему тесноваты.

— Кто там? — послышался голос миссис Нэгенбек.— Есть кто-нибудь в кухне?

Передумав отвечать ей даже отрицательно, Ирвинг Боммер, крадучись, поднялся по лестнице — с едой, ножом и теперь уже полностью сконфуженной внутренней анатомией.

Оказавшись в своей комнате и положив палец на выключатель, он выдохнул, прислушался и улыбнулся. Следов он не оставил.

Он неторопливо подошел к кровати, с поразительной для него храбростью отправив в рот прямо с ножа ломтик салями. Бутылочка лежала на прежнем месте. Жидкость в ней по-прежнему казалась то красной, то синеватой.

Усевшись, он принялся отвинчивать двумя пальцами колпачок, но, столкнувшись с неожиданным затруднением, медленно приподнял брови. *Так,* подумал он, *сейчас мы переместим нож в правую руку, допустим, сунем лезвие под мышку, хорошенько ухватимся за бутылочку левой рукой, а правой энергично повернем колпачок. А сами тем временем будем жевать.*

Колпачок заело намертво. Может, его вообще не полагается отвинчивать. Быть может, бутылочку следует разбить и использовать содержимое сразу. Но об этом можно побеспокоиться и позже. А сейчас у него есть салями и хлеб. И два доллара вместо двенадцати.

Он начал опускать бутылочку, продолжая раздраженно покручивать колпачок туда-сюда и показывая тем самым, что еще не отступился окончательно. Внезапно колпачок провернулся. Боммер отвинтил его до конца, более чем слегка изумленный. Он и не знал, что бутылочки для лекарств стали выпускать с левой резьбой.

Странный запах. Напоминает запах только что отмытого и завернутого в свежую пеленку младенца, который внезапно решил, что полный мочевой пузырь доставляет гораздо меньше удовольствия, чем пустой; и жидкость в бутылочке была синей. Он понюхал снова. Нет, больше похоже на запах очень волосатого человека, хорошенько потрудившегося весь день кайлом и лопатой, а потом решившего, что сегодня нет смысла принимать душ, и тем самым нарушившего собственную наиболее уважаемую традицию. И все же когда Боммер задумчиво разглядывал бутылочку, жидкость в ней блеснула яркой краснотой. Поднеся флакончик к носу, чтобы нюхнуть в последний раз, он поразился тому, насколько ошибался, распознавая запах: неприятный, и весьма, но легко узнаваемый. Это... застоявшийся табачный дым, но не совсем... недавно унавоженное поле — почти, но...

Он плеснул чуть-чуть на левую ладонь. Пурпурная.

В дверь замолотили кулаком.

— Эй, там! — взревела миссис Нэгенбек.— Вы, мистер Боммер! Откройте дверь! Я знаю, что у вас там. У вас там мои продукты. Откройте дверь!

Когда Ирвинг вздрогнул, зажатый под мышкой нож совершил отчаянный прыжок к свободе и славе. Он целился на запястье, ведь так, если повезет, можно отсечь всю кисть (а это достижение обязательно поставит на должное место некий весьма заносчивый мясницкий нож!). К несчастью, рука инстинктивно дернулась, засовывая хлеб и салями под подушку, и нож звякнул о пол, удовлетворившись — но не чувствуя себя счастливым — порезанным кончиком пальца.

— Если вы не откроете эту дверь сейчас, немедленно, сию секунду,— объявила миссис Нэгенбек через замочную скважину, призванную на службу в качестве мегафона,— то я ее вышибу, я ее выломаю. Я ее вышибу и выставлю вам счет за новую дверь, две новые петли и поврежденные косяки. Не говоря

уже о продуктах, которые вы принесли к себе и сделали негигиеничными, хватая их грязными руками. Откройте дверь, мистер Боммер!

Ирвинг сунул нож под подушку и накрыл ее одеялом. Затем, завинтив колпачок на бутылочке, направился к двери, посасывая порезанный палец и обливаясь потом.

— Секундочку,— взмолился он заплетающимся от страха языком.

— И еще замок,— принялась размышлять вслух миссис Нэгенбек.— Хороший замок нынче стоит четыре, пять, а то и шесть долларов. А сколько возьмет плотник за его установку? Если мне придется сломать дверь, если придется испортить собственную...

Ее голос стал тише, превратившись в странное бормотание. Отпирая замок, Ирвинг дважды услышал звук, напоминающий шипение выпускающего пар локомотива.

За распахнутой дверью он увидел домохозяйку в лавандовом халате. Ее брови были сведены, а тонкие ноздри подрагивали.

Салями! С ее опытом она, вполне вероятно, сумеет по одному запаху отыскать под подушкой украденную колбасу.

— Какой странный...— неуверенно начала миссис Нэгенбек, с явным сожалением изгоняя враждебность с лица.— Какой странный запах! Такой необычный... такой удивительный, такой... О, мистер Боммер, бедный мальчик, вы ранены?

Он покачал головой, изумленный совершенно несвойственным ей выражением лица — не гнев, но нечто определенно опасное. Ирвинг отступил в комнату. Домохозяйка последовала за ним, ее голос экспериментировал со звуками и остановился на варианте, весьма смахивающем на воркование.

— Дайте-ка мне взглянуть на эти пальчики, на царапину, на порез, на эту рану,— робко попросила она, выдирая левую руку Боммера изо рта с такой силой, что у бедняги зашатались пять зубов.— О-о-о-о, болит? У вас есть антисептик — йод, перекись или меркурохром? А ляписный карандаш? А марлевые бинты?

Ошеломленный поразительной сменой ее настроения, Ирвинг указал носом на аптечку.

Забинтовывая рану, она продолжала издавать странные и тревожные звуки, напоминающие мурлыканье саблезубого тигра. Время от времени, когда ее глаза встречались с глазами Боммера, она улыбалась и быстро вздыхала. Но когда, подняв его руку для завершающего осмотра, хозяйка, страстно застонав, поцеловала его ладонь, Боммер по-настоящему испугался.

Он побрел к двери, ведя за собой миссис Нэгенбек, которая так и не выпустила его драгоценную руку.

— Огромное спасибо,— пробормотал он.— Но уже поздно. Мне пора ложиться.

Миссис Нэгенбек выпустила его руку.

— Вы хотите, чтобы я ушла,— с упреком произнесла она.

Увидев его кивок, она сглотнула, храбро улыбнулась и бочком протиснулась в дверь, едва не оторвав ему пуговицы на пиджаке.

— Не работайте слишком много,— с грустью попросила она, когда Боммер закрывал дверь.— Таким, как вы, нельзя изматывать себя до смерти на работе. Спокойной ночи, мистер Боммер.

Яркий пурпур бутылочки подмигнул ему с кровати. Приворотное зелье! Ведь он вылил каплю на ладонь, а порезавшись, невольно сжал пальцы в кулак. Цыганка говорила, что капля крови, смешанная с каплей зелья, делает эту каплю его собственной, личной. Очевидно, так и произошло: миссис Нэгенбек воспламенилась. Он содрогнулся. Миссис Нэгенбек. Ничего себе любовное зелье...

Но то, что подействовало на домохозяйку, несомненно, подействует и на других, более молодых и привлекательных женщин. Например, на девушку с томными глазами в отделе столовых приборов или на дерзкую кокетку в отделе салатниц и кастрюль.

Стук в дверь:

— Это всего лишь я, Хильда Нэгенбек. Послушайте, мистер Боммер, я тут подумала — салями и хлеб трудно есть всухомятку. К тому же от них вам наверняка пить захочется. Вот я и принесла вам две банки пива.

Открыв дверь и взяв пиво, Боммер улыбнулся. Время уже поработало над миссис Нэгенбек. То, что еще несколько минут назад было в ее глазах лишь бутонами, теперь пышно расцвело. Ее душа поправала сковывающие узы и помахивала ему рукой.

— Спасибо, миссис Нэгенбек. А теперь идите спать. Идите, идите.

Она быстро и покорно кивнула и побрела прочь, через каждый шаг томно поглядывая на него.

Гордо расправив плечи, Ирвинг Боммер вскрыл банку пива. Конечно, миссис Нэгенбек не бог весть что, но она подсказала ему дорогу к более интересному будущему.

Теперь он стал привлекательным — для любой женщины с чувствительным носом.

Жаль только, что зелья так немного, уж больно мала бутылочка. Кто знает, долго ли продлится эффект? А ему еще столь многое предстоит проверить и испытать!

Приканчивая вторую банку пива и намного более довольный собой, он внезапно натолкнулся на решение. Превосходное! И такое простое.

Первым делом Ирвинг вылил содержимое бутылочки в пустую пивную банку. Затем, сорвав бинт, сунул раненый палец в треугольное отверстие и соскреб подсохшую на ране корочку о голый металл. Через несколько секунд в банку потекла кровь. Когда струйка начинала иссякать, он вновь теребил ранку.

Решив, что смеси набралось достаточно, он потряс банку, забинтовал онемевший палец и вылил смесь в большой флакон с лосьоном после бритья, купленный неделю назад. Флакон был снабжен распылителем.

— А теперь,— заявил он, швырнув хлеб и нож на бюро, выключив свет, забравшись в постель и откусив кусок салями,— теперь остерегайтесь Ирвинга Боммера!

Он забыл завести будильник и проснулся лишь от шума, который издавал за стеной умывающийся сосед.

— Двадцать минут, чтобы одеться и добраться до работы,— пробормотал он, отбрасывая одеяло и бросаясь к раковине.— И никакого завтрака!

Но внизу миссис Нэгенбек встретила его широкой улыбкой и полным подносом и настояла, несмотря на его протесты, чтобы он «съел хоть кусочек».

Отчаянно забрасывая вилкой яичницу из суповой тарелки в рот, он столь же отчаянно дергал головой, избегая губ миссис Нэгенбек, украдкой пытавшейся его поцеловать, напоминая при этом человека-мишень, увертывающегося от бейсбольного мяча, а сам гадал, что же произошло с его властной хозяйкой со времени их последней встречи.

Со времени их последней встречи...

Воспользовавшись передышкой, когда миссис Нэгенбек вышла за баночкой икры («чтобы вы намазали ее на хлеб, когда будете пить кофе»), он опрометью помчался в свою комнату.

Ирвинг сорвал с себя галстук и рубашку, а затем, немного подумав, и майку. Потом направил на себя форсунку распылителя, сдавил резиновую грушу и опрыскал лицо, волосы, уши, шею, спину, руки и живот. Он даже сунул головку распылителя за пояс брюк и сделал полный круг по талии. Когда мускулы рук стало сводить от непривычного напряжения, он наконец успокоился и начал одеваться. От запаха его едва не стошнило, и все же он ощущал поразительную беззаботность.

Прежде чем выйти из комнаты, он встряхнул флакон. Полон почти на девять десятых. Что ж, пока флакон не опустеет, Боммер со многими и за многое рассчитается!

Когда он проходил мимо, цыганка стояла перед своей лавочкой. Завидев его, она начала было улыбаться, но резко стерла с

лица улыбку и цыкнула на детей. Те юркнули в лавку. Попятившись к дверям, цыганка зажала нос и прогундосила:

— Ты взял слишком много! Нельзя все сразу!

Не останавливаясь, Ирвинг помахал ей:

— Я не все потратил. Там еще много осталось!

Его поезд был переполнен, но, еще стоя на платформе подземки, он заметил в вагоне незанятое место. Врезавшись в кучку людей перед входом, он буквально растолкал их, дерзким рывком ворвался в вагон, едва не напевая от самоуверенности и счастья, протиснулся между двумя женщинами, с ловкостью эксперта ткнул в голень какого-то старикана и уже опускался на сиденье, но тут поезд тронулся. Толчок лишил его равновесия и позволил юной леди с фарфоровым личиком лет двадцати или двадцати пяти проскользнуть за его спиной и усесться. Когда он выпрямился и обернулся, она уже хитро улыбалась ему маленьким, но поразительно красным ротиком.

Те, кто часто ездят подземкой, обязательно со временем узнают, что повороты судьбы здесь загадочны и непостижимы и разделяют пассажиров на сидящих и стоящих. Ирвинг ухватился за ручку над головой, приспосабливаясь к суровому вагонному закону спроса и предложения.

Лицо девушки скривилось, словно она собралась заплакать. Она затрясла головой, подняла на него глаза и прикусила губу. Дышала она очень громко.

Внезапно она встала и вежливо указала на сиденье.

— Не хотите ли присесть? — спросила она голосом, полным млека и меда.— У вас усталый вид.

Ирвинг Боммер сел, остро сознавая, что все головы поворачиваются в их сторону. Его соседка, пухленькая девушка лет девятнадцати, тоже принюхалась и медленно, словно удивляясь самой себе, перевела сияющие глаза с исторического романа на лицо Ирвинга.

Девушка, уступившая ему место, придвинулась вплотную, хотя все стоящие пассажиры качнулись в этот момент в другую сторону.

— Я совершенно уверена, что где-то встречала вас прежде,— начала она с некоторой неуверенностью, а затем все быстрее, словно вспоминая слова: — Меня зовут Ифигения Смит, и если вы скажете мне ваше имя, я обязательно вспомню, где нас познакомили.

Ирвинг Боммер мысленно глубоко вздохнул и откинулся на спинку. Наконец-то биология пришла к нему на свидание.

К служебному входу в «Универмаг Грегворта» он подошел уже в сопровождении стайки женщин. Когда лифтер отказался впустить их в лифт, предназначенный только для персонала,

они окружили шахту лифта и смотрели на его вознесение так, словно он был Адонисом, а зимнее равноденствие уже приближалось.

Хамфрис застукал его в тот момент, когда он расписывался в журнале.

— Опоздали на семь минут. Скверно, Боммер, скверно. Мы ведь постараемся вставать вовремя, не так ли? Очень постараемся.

— Забыл завести будильник,— промямлил Боммер.

— Мы ведь больше не станем этим оправдываться, правда? Будем взрослыми, работая в «Грегворте»; признаем свои ошибки и попробуем исправиться.— Заведующий чуть-чуть затянул узел безупречно повязанного галстука и нахмурился.— Что за странный запах? Вы что, Боммер, не мылись?

— Женщина пролила на меня что-то в метро. Это выветрится.

Легко на сей раз отделавшись от заведующего, он прошел мимо кастрюль, сковородок и скороварок к прилавку с терками и машинками для чистки и резки овощей, где находилось его рабочее место. Он только-только начал выкладывать товары на прилавок перед началом работы, как сигнал гонга объявил внешнему миру, что теперь он (мир) может войти и гарантированно купить с повышенной скидкой Грегворта.

Его отвлекла чья-то рука, робко скользнувшая по лацкану пиджака. Дорис, прекрасная блондинка из отдела салатниц и форм для выпечки, нежно ласкала его, перегнувшись через прилавок. Дорис! Та самая, что обычно громко и неприятно фыркала, заметив его восторженный взгляд!

Ирвинг взял ее пальцами за подбородок.

— Дорис,— решительно произнес он,— ты меня любишь?

— Да,— выдохнула она.— Да, дорогой, да. Сильнее *всех на свете*...

Он поцеловал ее дважды, сперва быстро, а затем более страстно, когда заметил, что она не отпрянула, а вместо этого мечтательно застонала и едва не смахнула с прилавка никелированные терки.

Громкое пощелкивание пальцев заставило его отпрянуть и оттолкнуть Дорис.

— Так-так, так-так,— произнес Хамфрис, бросая на Боммера свирепый взгляд, приправленный легкой неуверенностью.— Мы находим время и место для всего, не так ли? Давайте-ка настроимся по-деловому; нас ждут покупатели. А личными делами займемся после работы.

Девушка метнула в заведующего взгляд, полный откровенной ненависти, но, когда Ирвинг махнул ей рукой, а Хамфрис пощелкал пальцами, медленно пошла на свое место, негромко и настойчиво бормоча:

— Ирвинг, милый, я буду ждать тебя после работы. Я пойду к тебе домой. Куда угодно, навсегда...

— Не понимаю, что с ней случилось,— удивился Хамфрис.— Всегда была лучшей продавщицей салатниц и форм для выпечки.— Он повернулся к Боммеру и после недолгой внутренней борьбы мягко произнес: — В любом случае, Боммер, не будем отвлекаться, так что давайте раскладывать терки и доставать резаки.— Заведующий взял за костяную ручку резак с длинным изогнутым лезвием и продемонстрировал его стайке ранних покупательниц, собравшихся возле прилавка Боммера.— Новейший способ нарезать грейпфруты, апельсины и дыни, дамы. Единственный способ. Вам еще не надоели прямые и грубые ломтики на блюдах? — Его презрительный тон незаметно сменился задумчивым и околдовывающим: — Новым резаком «Голливудская мечта» вы сможете резать грейпфруты, апельсины и дыни легко и эффективно. Вы больше не будете терять драгоценный сок, полный витаминов; позабудете о пятнах от дынь на кружевных скатертях. А кроме того, у всех ломтиков будут привлекательные фигурные края. Детям очень нравится есть интересно разрезанные грейпфруты, апельсины...

— Он именно это продает? — спросила необъятных размеров дама с решительной челюстью. Хамфрис кивнул

— Тогда я куплю резак. Если он сам мне его даст.

— А я куплю два. Он даст мне два?

— Пять! Я хочу пять. Я первая спросила, только вы не слышали.

— Дамы, успокойтесь,— просиял Хамфрис.— Не будем толкаться, не будем ссориться. Резаков «Голливудская мечта» у нас сколько угодно. Видишь, Боммер,— прошипел он,— какую пользу могут принести несколько слов продавца? Смотри не упусти их; энергичнее надо быть, энергичнее.

И он счастливо зашагал прочь, пощелкивая пальцами возле остальных прилавков, чьи стражи женского пола тревожно топтались на месте, подавшись всем телом вперед в порыве боммеротропизма.

— Выпрямитесь, девочки; смотрите бодрее навстречу Дню Бизнеса. А сегодня,— негромко пробормотал он, подходя к своему офису, чтобы оскорбить первую с утра группу торговых агентов,— сегодня, кажется, великий день для отдела терок и овощечисток.

Он даже не подозревал, насколько оказался прав, пока незадолго до обеденного перерыва к нему не ворвался начальник склада с воплем:

— Нам нужны еще люди, Хамфрис. Складской отдел не справляется с нагрузкой!

— Нагрузкой? Какой еще нагрузкой?

— Мы не успеваем подносить товар к прилавку Боммера, вот с какой нагрузкой! — Начальник склада вырвал клок волос и продолжил, нервно приплясывая возле стола Хамфриса: — Я бросил на это всех своих людей, у меня никого не осталось ни на инвентаризации, ни на приемке, а он продает быстрее, чем мы успеваем подносить. Почему вы меня не предупредили, что сегодня начнется распродажа терок, резаков и овощечисток по сниженным ценам? Я бы тогда заказал больше товара с главного склада и не гонял бы туда людей каждые полчаса. Я смог бы тогда попросить Когена из отдела современной мебели или Блейка из детской спортивной одежды одолжить мне пару человек!

Хамфрис покачал головой:

— Сегодня нет никакой распродажи терок, резаков и овощечисток. Ни по сниженной цене, ни по цене сезонных распродаж, ни даже по оптовой. Возьмите себя в руки; не надо сдаваться перед неожиданными трудностями. Давайте-ка сходим и выясним, что там происходит.

Он открыл дверь кабинета и немедленно продемонстрировал позу человека, охваченного изумлением. Отдел хозтоваров был буквально забит колышущейся толпой задыхающихся женщин, рвущихся к прилавку с терками, резаками и овощечистками. Ирвинга Боммера полностью затопила волна кудряшек и перекосившихся шляпок, но время от времени из того места, где он примерно должен находиться, выплывал пустой картонный ящик и слышался писклявый надтреснутый голос:

— Принесите мне еще резаков! Эй, на складе, принесите еще! У меня кончается товар. Они начинают нервничать!

Все остальные прилавки на этаже оказались заброшенными — и продавцами, и покупателями.

Взревев: «Держись, Боммер, держись, мальчик!», заведующий взметнул в воздух манжеты и бросился в толпу. Проталкиваясь мимо женщин, прижимающих к взволнованно вздымающимся грудям целые упаковки картофелечисток, он заметил, что исходящий от Боммера странный запах теперь ощущается даже на расстоянии. И стал более сильным и насыщенным...

Ирвинг Боммер походил на человека, который спустился в Долину Теней и увидел там столько ужасов, что теперь его не напугать таким пустяком, как просто зло. Воротник у него был расстегнут, галстук лежал на плече, очки свисали с уха, безумные глаза налились краснотой, а пот заливал его столь обильно, что вся его одежда казалась недавно извлеченной из охваченной энтузиазмом стиральной машины.

Он был до смерти напуган. Пока у него был товар, чтобы отвлекать женщин, их обожание оставалось относительно пассивным. Но как только запасы начинали подходить к концу, женщины снова сосредоточивались на его персоне. Среди них не замечалось откровенного соперничества; они лишь расталкивали друг друга, чтобы лучше его видеть. Вначале он попросил нескольких уйти домой, и они подчинились, но теперь, соглашаясь выполнять все, о чем он их просил, они тем не менее категорически отказывались отойти. Проявляемая ими страсть становилась все более навязчивой и решительной — и более согласованной. Ирвинг с трудом понял, что виной тому обильный пот — тот смешивался с приворотным зельем и разбавлял его, вынуждая запах распространяться все шире.

А их ласки! Прежде он даже представить не мог, каким болезненным может оказаться прикосновение женщины. Всякий раз, когда он склонялся к прилавку, выписывая чек, к нему протягивались десятки рук, поглаживая его руки, грудь и любую доступную часть тела. За три часа этого безумия нежные прикосновения начали ощущаться как тычки во время драки в забегаловке.

Когда Хамфрис встал рядом с ним за прилавком, Ирвинг едва не зарыдал.

— Пусть мне принесут побольше товара, мистер Хамфрис,— всхлипнул он.— У меня осталось только несколько терок для круглых овощей и пара резаков для капусты. Когда они кончатся, мне придет конец.

— Спокойно, мальчик, спокойно,— подбодрил его заведующий.— Это проверка наших способностей; с ней надо справиться, как подобает мужчине. Кем мы себя проявим — надежным и эффективным продавцом или сопляком, на которого нельзя положиться в солидном магазине? А где продавщицы из соседних отделов? Им следовало бы встать за прилавок и помогать тебе. Ладно, придется немного подождать, пока подвезут товар. Сделаем перерыв и попробуем заинтересовать дам вешалками для полотенец и товарами для туалета.

— Эй! — Затянутая в шерстяной рукав рука протянулась через прилавок и похлопала Хамфриса по плечу.— Отойди, а то я его не вижу.

— Секундочку, мадам, не будем столь нетерпеливы,— радостно начал Хамфрис и тут же смолк, наткнувшись на убийственный взгляд женских глаз. Она — да и другие, как он заметил,— смотрела на него так, словно была готова недрогнувшей рукой вонзить ему в сердце «Голливудскую мечту». Хамфрис сглотнул и дрожащей рукой поправил манжету.

— Послушайте, мистер Хамфрис, можно мне пойти домой? — взмолился Ирвинг со слезами на глазах.— Я себя плохо

чувствую. А теперь и товар кончился, так что мне нет смысла бездельничать за прилавком.

— Гм-м,— задумчиво проговорил заведующий,— пожалуй, у нас сегодня был трудный день, верно? А раз мы себя плохо чувствуем, значит, мы себя плохо чувствуем. Конечно, мы не можем ожидать, что нам заплатят за вторую половину рабочего дня, но мы можем пойти домой.

— Господи, спасибо,— выдохнул Боммер и направился было к выходу из-за прилавка, но Хамфрис перехватил его за локоть и кашлянул.

— Хочу тебе сказать, Боммер, что тот запах не такой уж и неприятный. Даже весьма приятный. Надеюсь, я тебя не обидел своим необдуманным замечанием насчет мытья?

— Нет, ничего. Я не обиделся.

— Рад это слышать. Мне не хотелось тебя обижать. Я хочу понравиться тебе, Боммер, хочу, чтобы ты считал меня своим другом. Честное слово, я...

Ирвинг Боммер сбежал. Он бросился в толпу женщин, и повсюду они расступались перед ним, но все равно протягивали руки и касались — лишь касались! — какой-нибудь части его пропитанного болью тела.

Вырвавшись, он успел прыгнуть в служебный лифт и содрогнулся, услышав голодный и отчаянный стон, раздавшийся в тот момент, когда дверцы лифта захлопнулись перед озабоченными лицами дам из авангарда. Спускаясь, он услышал высокий девичий голос:

— Слышите, я знаю, где он живет! Я отведу всех к его дому!

Боммер застонал. Так они еще и чертовски согласованно действуют! Он всегда мечтал стать мужчиной-богом, но ему никогда не приходило в голову, что богов бескорыстно обожают.

Выскочив из лифта на первом этаже, он поймал такси, заметив краем глаза, что лифтерша выбежала следом и поступила так же. Торопливо называя таксисту адрес, он увидел, что женщины по всей улице рассаживаются по такси и втискиваются в автобусы.

— Скорее, скорее,— молил он таксиста.

— Еду так быстро, как могу,— бросил тот через плечо.— Я-то соблюдаю правила, чего не скажешь об идиотках, которые едут за нами.

Бросив отчаянный взгляд назад, Ирвинг убедился, что несущиеся следом машины совершенно игнорируют светофоры, отчаянно размахивающих жезлами полицейских и транспорт на перекрестках. После каждой остановки такси к ним пристраивались все новые и новые женщины за рулем.

Ирвингу становилось все страшнее и страшнее, и от этого пот заливал его еще обильнее, а запах все больше распространялся по улицам.

Вернувшись домой, он первым делом встанет под душ и как следует, мылом и мочалкой, смоет с тела проклятую гадость. Но сделать это надо быстро.

Такси резко остановилось, взвизгнув тормозами.

— Приехали, мистер. Дальше проехать не могу. Там то ли бунт, то ли еще что-то.

Рассчитавшись с таксистом, Боммер посмотрел вперед и едва не зажмурился. Улица была черна от женщин.

Флакон с лосьоном после бритья! На распылителе осталось немного содержимого, и испарения просочились на улицу. Флакон был почти полон, так что притяжение запаха оказалось весьма сильным. Но если всего лишь легкая утечка способна натворить такое...

Женщины стояли на улице, во дворе и в переулке, обратив лица на окно его комнаты, словно собаки, делающие стойку на опоссума. Они были очень терпеливы и очень спокойны, но время от времени кто-то вздыхал, а остальные подхватывали вздох, и тогда он звучал не слабее разрыва снаряда.

— Знаете что,— обратился он к таксисту.— Подождите меня. Возможно, я вернусь.

— Этого я обещать не могу. Не нравится мне эта толпа.

Ирвинг Боммер натянул на голову пиджак и побежал ко входу. Женские лица — удивленные и счастливые — начали поворачиваться к нему.

— Это он! — услышал он хрипловатый голос миссис Нэгенбек.— Это наш чудесный Ирвинг Боммер!

— Он! Он! — подхватила цыганка.— Наш красавчик!

— Дайте пройти! — взревел Ирвинг.— Прочь с дороги!

Женщины неохотно расступились, освобождая для него проход. Он распахнул входную дверь как раз в тот момент, когда преследовавшие его машины с ревом выскочили из-за угла.

Женщины толпились в вестибюле, гостиной и столовой, женщины стояли на лестнице, ведущей к его комнате. Он протолкался мимо них, мимо их обожающих глаз и мучительных поглаживаний, сунул ключ в замок, открыл дверь и заперся изнутри.

— Думай, думай.— Он похлопал себя по голове покрасневшей рукой. Просто мытья окажется недостаточно, потому что флакон с лосьоном после бритья будет и дальше распространять свое жуткое содержимое. Вылить его в раковину? Тогда оно смешается с водой и разбавится еще больше. А вдруг на него начнут бросаться самки обитающих в канализации крыс? Нет, зелье надо уничтожить. Но как? Как?

В подвале есть печь. Лосьон сделан на спирту, а спирт горит. Сжечь зелье, а затем быстро вымыться, и не каким-то жалким мылом, а чем-нибудь по-настоящему эффективным — щелоком, а то и серной кислотой. Печь в подвале!

Ирвинг сунул флакон под мышку, как футбольный мяч. На улице ревели сотни автомобильных клаксонов, а тысячи женских голосов бормотали и распевали о своей любви к нему. Где-то далеко и очень слабо слышались сирены полицейских и их изумленные голоса — они пытались сдвинуть с места нечто, твердо решившее не отступать ни на шаг.

Едва открыв дверь, он осознал, что совершил ошибку. Женщины хлынули в комнату — противостоять комбинации из запаха смешавшегося с потом зелья и эманации из флакона оказалось абсолютно невозможно.

— Назад! — гаркнул он.— Все назад! Я иду вниз!

Женщины расступились, но медленнее и неохотнее, чем прежде. Ирвинг стал проталкиваться к лестнице, дергаясь и извиваясь всякий раз, когда к нему протягивалась нежная рука.

— Освободите лестницу, черт бы вас побрал, освободите лестницу!

Кто-то уступал ему дорогу, кто-то нет, но все же теперь он мог пройти вниз. Крепко сжимая флакон, Ирвинг ступил на лестницу. Совсем юная девушка, почти девочка, с любовью протянула к нему руки. Боммер дернулся в сторону, и его правая нога, к несчастью, соскользнула со ступеньки. Ирвинг пошатнулся, его тело качнулось вперед, с трудом удерживая равновесие. Седая матрона принялась поглаживать его спину, и он выгнул спину дугой.

Слишком далеко. Он упал, а флакон выскользнул из его вспотевших ладоней.

Прокатившись по ступенькам, он больно порезался о разбитый флакон и сразу ощутил, как намокла его грудь.

Ирвинг поднял голову и успел издать лишь один-единственный вопль. Его затопила волна страстных, обожающих и полных экстаза женщин.

Вот почему вместо него на кладбище «Белая ива» похоронили рулон заляпанного кровью линолеума. А возвышающийся над его могилой огромный памятник возведен на деньги, с энтузиазмом собранные по подписке всего за час.

Освобождение Земли

Итак, внемлите повести о нашем освобождении. Дышите глубже да покрепче держитесь за стебли... О-хо-хо! Вот она, эта история...

В августе случилось это, точнее, в августовский вторник. Теперь-то слова эти потеряли былой смысл, но множество понятий, известных всем и горячо принимавшихся к сердцу нашими примитивными, еще не освобожденными и недоразвитыми праотцами, кажутся бессмысленными нашим свободным умам. И тем не менее эту историю следует рассказывать с упоминанием всех, даже самых непонятных названий стран, городов и других, теперь забытых предметов.

Почему ее вообще надо рассказывать? А что, разве у вас есть какие-нибудь другие, более важные дела? Оглянитесь вокруг — у нас есть вода, у нас полно съедобных водорослей, так что при желании легко вообразить себя в Долине Блаженства. Так расслабьтесь же... Радуйтесь покою и внемлите. А главное — поглубже вдыхайте воздух, доверху заполняйте им легкие...

Итак, в августовский вторник в небе над Францией, в той части света, которая тогда называлась Европой, показался космический корабль. Был он пять миль в длину, и дошли до нас слова, что походил он на огромную серебристую сигару.

В нашей истории повествуется о том, какая невероятная паника и какой шум поднялись среди наших праотцев, когда космический корабль материализовался в голубом летнем небе. Как они метались, как кричали, как тыкали пальцами в небосвод! С каким волнением спешили оповестить Объединенные Нации — а это было одно из самых важных тогда учреждений,— что странный металлический корабль невероятной величины появился над их страной. Как рассылали они *сюда* приказы окружить его боевыми летательными машинами с заряженными пушками, а

туда — инструкции немедленно скомплектовать группу ученых с сигнальной аппаратурой, которые должны подойти к звездолету с жестами, выражающими миролюбие! Как суетились они под гигантским кораблем с фотоаппаратами, снимая его на пленку, как отстукивали на пишущих машинках его описания, как навязывали публике его уменьшенные копии!

Да, именно все это и проделывали наши порабощенные, но еще не ведавшие об этом предки.

А затем колоссальный кусок обшивки в средней части корабля откинулся и первый инопланетянин вышел наружу той необычной трехногой поступью, которую всему человечеству предстояло в скором времени запомнить и полюбить. На нем была металлическая одежда, защищающая от атмосферных влияний, чуть просвечивающая и ниспадающая свободными складками, та самая одежда, которую эти первые из наших освободителей носили в течение всего своего пребывания на Земле.

Говоря на языке, которого никто не понимал, голосом, оглушительно бухающим из громаднейшего рта, расположенного примерно на середине высоты его двадцатипятифутового тела, инопланетянин произнес ровно часовую речь, а когда кончил, вежливо подождал ответа и, не получив его, удалился обратно в недра корабля.

О, эта ночь! Первая ночь нашего освобождения! Или лучше сказать, о, эта первая ночь нашего первого освобождения? Короче — о, эта ночь! Вообразите себе наших предков, которые спешат по своим дурацким делишкам, торопятся к игре в хоккей, к телевизорам, к расщеплению атомов, к травле «красных радикалов», к постановке низкопробных пьес, к подписыванию документов, иначе говоря, кишащих в гуще ничтожных мелочей, превращавших те далекие времена в пугающее сплетение замысловатых деталей, которое называлось у них жизнью... И сравните это с величественной и захватывающей дух простотой наших дней.

Главным вопросом, конечно, было: что сказал пришелец? Призвал ли он человечество к безоговорочной капитуляции? Объявил ли, что прибыл по мирным торговым делам, и, предложив, по его мнению, выгодную сделку, касающуюся, скажем, северной ледяной полярной шапки, деликатно удалился, чтобы мы обсудили его условия между собой в относительном уединении? А возможно, он просто объявил, что является только что назначенным на Землю послом от дружественной и разумной расы и не будем ли мы столь добры проводить его к соответствующим властям на предмет вручения его верительных грамот.

Неизвестность сводила с ума.

Поскольку решать вопрос приходилось дипломатам, то к середине ночи наибольшую поддержку получило последнее предположение, а посему ранним утром следующего дня делегация Объединенных Наций уже стояла под брюхом неподвижного звездолета. Она получила наказ приветствовать пришельцев, предельно используя для этого лингвистические возможности своего разноязычного коллектива. Как дополнительное свидетельство серьезности дружественных намерений человечества всем военным самолетам, патрулировавшим воздушное пространство над космическим гостем, было приказано нести в своих бомболюках не больше одной атомной бомбы и летать с маленьким белым флагом, вывешенным рядом со знаменем ООН и флагом собственной страны. Вот как встретили наши предки этот ультимативный вызов Истории.

После того как пришелец несколько часов спустя вновь вышел из корабля, делегация подступила к нему, поклонилась и на трех официальных языках ООН — английском, французском и русском — попросила чувствовать себя на этой планете как дома.

Пришелец выслушал делегацию с подобающей серьезностью, а затем повторил без изменений вчерашнюю речь, которая для него была, видимо, столь же высокоэмоциональна и содержательна, сколь непонятна была она представителям мирового правительства. По счастью, один образованный молодой индиец — член Секретариата — заметил удивительное сходство между языком чужестранца и почти забытым диалектом бенгали, над аномалиями которого он когда-то ломал голову. Причина этого сходства, как мы теперь знаем, заключалась в том, что когда эта раса инопланетян в последний раз посетила Землю, то наиболее развитая человеческая цивилизация находилась в одной из влажных долин современного Бенгала. Были составлены обширные словари языка этой цивилизации, с тем чтобы никакие языковые трудности не помешали последующим исследовательским отрядам общаться с народами Земли.

Я, однако, забежал в своем рассказе далеко вперед, подобно *тому* как поступают те, кто жует сочные корни, до того как съедены сухие стебли. О-хо-хо! И как же колоссальны были последствия всего этого для нашего Человечества!

— Нет, сэр! Извольте сидеть тихо и слушать! Ты еще не достиг возраста, когда получают право рассказывать эту историю! Я помню и даже очень хорошо помню, как повествовали ее мой отец и отец моего отца. И ты будешь ждать своей очереди, подобно тому как я ждал своей. Ты будешь ждать до тех пор, пока промежутки между болотистыми западинками не превратятся в

непреодолимое препятствие для моего существования. Тогда ты займешь мое место на полоске самой сочной растительности, и, грациозно раскинувшись на отдых между двумя перебежками, ты станешь скандировать Великую Сагу нашего освобождения в поучение будущей беспечной молодежи.

В соответствии с мнением молодого индийца, единственный в мире профессор сравнительной лингвистики, способный понимать этот диалект давно уже мертвого языка и даже разговаривать на нем, был вызван с научной конференции в Нью-Йорке, где он читал доклад, над коим трудился все последние восемнадцать лет: «Изучение очевидных взаимосвязей между некоторыми причастиями прошедшего времени в древнем санскрите и равным числом существительных в современном сычуаньском диалекте».

Да, истинно свидетельствую: все это и многое, многое другое творили наши предки, опьяненные собственным невежеством. И разве не счастливей их мы — мы, освобожденные от подобных забот?

Разгневанный ученый без своих, как он горько плакался, словарных материалов был доставлен на самом скоростном турбореактивном самолете в район к югу от Нанси, который в те давно, давно прошедшие времена лежал в гигантской черной тени, отбрасываемой инопланетным звездолетом.

Здесь ученый был ознакомлен со своей задачей делегацией ООН, чья нервозность ничуть не уменьшилась из-за новых и тревожных событий. Из недр звездолета вышло еще несколько инопланетян, тащивших множество огромных, сверкающих металлом деталей, из которых они стали собирать нечто, явно бывшее машиной, хотя в высоту оно превосходило любой небоскреб, когда-либо построенный людьми, а кроме того, издавало звуки, как если бы одушевленное и болтливое существо разговаривало само с собой. Первый из инопланетян, по-прежнему безукоризненно вежливый, стоял в окружении обильно потеющих дипломатов и то и дело повторял свою загадочную речь на языке, который был забыт еще тогда, когда закладывались первые камни фундамента Александрийской библиотеки. Делегаты ООН отвечали ему, причем каждый в отчаянии надеялся восполнить факт непонимания пришельцем его родного языка такими средствами, как жесты и мимика. Много позже комиссия из психологов и антропологов блестяще доказала тщетность таких физиономических жестикуляционных средств общения с народом, обладающим, подобно этим существам, пятью придатками, исполняющими функции рук, и единственным немигающим фасеточным глазом того типа, которым имеют счастье пользоваться наши насекомые.

Проблемы, вставшие перед профессором, и его отчаяние, когда он гонял по всему земному шару в кильватере у пришельцев, пытаясь собрать необходимый запас слов языка, особенности которого приходилось экстраполировать из отдельных клочков речи инопланетянина, наверняка произносившего слова с самым невероятным акцентом, и вообще все мучения профессора были, однако, ничтожны в сравнении с тревогами, выпавшими на долю представителей мирового правительства. Им пришлось созерцать, как звездные пришельцы ежедневно переходят на все новые участки поверхности нашей планеты и там собирают свои титанические сооружения из болтливого металла, который тоскливо бормочет что-то про себя, как будто хочет поделиться памятью о тех бесконечно далеких фабриках, где он родился на свет.

Правда, под руками всегда был тот самый первый пришелец, готовый в любую минуту приостановить свою, по всей видимости, руководящую деятельность для того, чтобы вновь и вновь произносить заученную маленькую речь. Но даже его великолепные манеры, которые он демонстрировал, внимательно выслушивая пятьдесят шесть ответов на стольких же языках, не могли рассеять панического страха, вызванного тем, что один из земных ученых, рассматривая болтающие машины, дотронулся до торчавшего рычага и тут же прекратил свое существование. События такого рода хоть и не часто, но все же случались, что не могло не способствовать возникновению бессонницы и несварения желудка у наших администраторов.

Наконец, ценой невероятного перерасхода нервной энергии, профессор овладел достаточным запасом слов, что сделало переговоры возможными. Ему, а через него и всему миру, было поведано следующее:

Пришельцы — представители необычайно высоко развитой цивилизации, которая распространила свое культурное влияние на всю Галактику. Будучи осведомлены об ограниченности тех пока еще недоразвитых существ, которые в дальнейшем стали доминирующим видом на Земле, они подвергли землян чему-то похожему на благожелательный остракизм. До тех пор пока мы сами или наши общественные институты не разовьются до уровня, позволяющего стать, скажем, членом Галактической Федерации с ограниченными правами (под поручительством и опекой в течение нескольких тысячелетий одной из наиболее древних, наиболее широко распространенных и наиболее уважаемых рас этой Федерации), до тех пор какие-либо нарушения

нашего спокойствия и нашего невежества, за исключением отдельных научных экспедиций, проводимых в условиях строжайшей секретности, были категорически запрещены общегалактическим соглашением.

Несколько лиц, преступивших этот запрет и принесших серьезный ущерб психическому здоровью человечества, а его главенствующим религиям — огромные выгоды, были так быстро и сурово наказаны, что других известных нарушений не последовало. Кривая нашего развития в последнее время пошла круто вверх и пробудила надежды, что через какие-нибудь тридцать — сорок столетий возникнет возможность рассматривать нас как перспективных претендентов на вступление в Федерацию.

К сожалению, народы этого межзвездного сообщества весьма многочисленны и столь же различны по взглядам на этические проблемы, как и по биологическим особенностям. Многие из них в социальном отношении сильно отстают от денди, как называли себя наши гости. Одна из таких рас — раса жутких червеобразных организмов, известных под именем трохтов,— столь же развитая в технологическом отношении, сколь отсталая в моральном,— внезапно выступила с претензиями на роль единственного и абсолютного правителя Галактики. Они захватили контроль над несколькими солнцами ключевого значения с относящимися к ним планетными системами и, после безжалостного истребления каждого десятого из захваченных ими народов, объявили о своем намерении беспощадно уничтожать все виды, которые не оценят этих предметных уроков и не капитулируют безоговорочно.

В отчаянии Галактическая Федерация обратилась к денди — одному из старейших, самоотверженнейших и самых могучих народов,— и облекла их полномочиями преследовать в качестве боевой силы Федерации трохтов, изгоняя их отовсюду, где те установили незаконный суверенитет, чтобы ликвидировать навсегда основу их военного могущества.

Эти меры были приняты с большим опозданием. Трохты, благодаря фактору неожиданности, повсюду добились больших успехов, так что денди удалось сдержать их, лишь понеся огромные потери. Уже несколько столетий этот конфликт разливается по бескрайним просторам нашей гигантской островной Вселенной. В ходе военных действий многие густозаселенные планеты превратились в ничто, многочисленные солнца взорваны и стали новыми, а целые созвездия размолоты в крутящуюся водоворотом космическую пыль. Некоторое время назад ситуация стала тупиковой, и обе стороны, истощенные и измотанные, использовали передышку для укрепления слабых позиций в периферийных зонах сфер своего влияния.

В результате этих действий трохты проникли в мирный до того сектор космоса, включающий среди многих других и нашу Солнечную систему. Наша планета с ее скудными ресурсами их совершенно не интересовала, так же как и ее ближайшие соседи вроде Марса или Венеры. Свою штаб-квартиру они основали на одной из планет Проксимы Центавра — звезде, наиболее близкой к нашему Солнцу,— и начали укреплять оборонительные и наступательные позиции между Ригелем и Альдебараном. На этой стадии своих объяснений денди заявили, что дальнейшее изложение межзвездной стратегии слишком сложно и требует как минимум трехмерных карт, и потому предложили принять в качестве постулата аксиому, что для них стало жизненно необходимым нанести упреждающий удар, который лишит трохтов возможности удерживать позиции на Проксиме Центавра. Иными словами, денди потребовалось создать свою базу на коммуникациях трохтов. Самым подходящим местом для такой базы оказалась Земля.

Денди глубоко извинялись за вмешательство в наш исторический процесс, вмешательство, которое может обойтись нам очень дорого, особенно учитывая деликатный характер переживаемой нами стадии развития. Но, как указали они на своем безукоризненном прабенгали, мы еще до их прибытия фактически превратились, сами того не зная, в сатрапию отвратительных трохтов. Поэтому отныне нам следует считать себя освобожденными.

Мы, разумеется, горячо поблагодарили их за это.

Кроме того, с гордостью указал их предводитель, денди ведут войну во имя всей цивилизации, ведут против врага столь ужасного, столь омерзительного по своей природе и столь гнусного по своим действиям, что он не достоин даже называться разумным. Они, денди, сражаются не за себя, а за каждого лояльного члена Галактической Федерации, за каждый биологический вид, как бы мал и беззащитен он ни был, за каждый самый скромный народ, слишком слабый, чтобы защитить себя от хищного врага. Неужели же человечество останется в стороне от этой борьбы?

Проглотив эту информацию, человечество колебалось недолго. Раздалось громовое «НЕТ!», разнесенное всеми средствами массовой культуры — телевидением, газетами, гулкими ударами барабанов в джунглях, верховыми вестниками на мулах в лесах и горах. *«Мы не останемся в стороне. Мы поможем вам*

ликвидировать эту угрозу основам цивилизации! Укажите нам, что надо делать!»

— Ну... ничего особенного,— ответили пришельцы в некотором замешательстве.— Возможно, чуть погодя что-то и наклюнется, какие-нибудь мелочи, которые окажутся полезными...— Но сейчас, если мы сконцентрируемся на том, чтобы не вертеться у них под ногами, пока они оборудуют свои орудийные установки, они будут нам очень, очень признательны.

Этот ответ вызвал немалое смятение среди миллиардов жителей Земли. Несколько дней наблюдалось следующее глобальное явление: как гласит легенда, люди избегали смотреть в глаза друг другу.

Но потом Человек все же оправился от сильного, нанесенного его гордости удара. Он найдет средство стать полезным при всей своей незначительности, он найдет чем быть полезным той расе, которая освободила его от потенциального порабощения невыразимо отвратительными трохтами. И вот за это мы должны навсегда сохранить в своих сердцах память о наших предках. Воспоем же их искреннее старание, победившее их столь же беспредельное невежество!

Все армейские силы, все морские и воздушные флоты были реорганизованы для несения патрульной службы вблизи батарей денди: ни одному человеку не разрешалось приближаться к болтливым машинам ближе двух миль без пропуска, заверенного денди. Поскольку свидетельства, что денди подписали хотя бы один такой пропуск за все время их пребывания на нашей планете, нет, то надо думать, что этой уловкой никто не воспользовался, и территория в непосредственной близости от инопланетных батарей стала (и с тех пор оставалась) полностью свободной от двуногих.

Координация действий с нашими освободителями заняла приоритетное место во всех видах человеческой деятельности. Все было подчинено лозунгу, впервые сформулированному неким гарвардским профессором на первом и чреватом спорами заседании круглого стола по теме «Место человека в несколько чересчур развитой Вселенной».

«Забудем свои индивидуальные эго и коллективные предрассудки,— вскричал в своем выступлении профессор,— и подчиним все единой цели: сохранить в настоящем и обеспечить в будущем свободу Солнечной системе в целом и Земле в частности».

Хотя этот лозунг и трудно было выговорить натощак, он, однако, зазвучал повсюду. Временами, впрочем, было нелегко понять, чего именно желают денди, во-первых, из-за нехватки переводчиков для глав наших многочисленных государств, а во-вторых, из-за привычки предводителя инопланетян скрываться в своем звездолете сразу же после не вполне ясных заявлений, допускающих различные толкования, подобных его краткому требованию эвакуировать Вашингтон.

В этом случае государственный секретарь и президент США пропотели пять часов жаркого июньского дня в своих дипломатических одеяниях — высоких шелковых шляпах, жестких воротничках и черных костюмах, которые в те варварские времена были обязательны для политических лидеров, намеревающихся вступить в переговоры с представителями других народов. Они ждали, погибая от жары, под брюхом гигантского звездолета, внутрь которого ни один человек так и не был допущен, невзирая на вполне очевидные намеки университетских ученых и авиастроителей, ждали покорно, обливаясь потом, когда же наконец выйдет предводитель денди и разъяснит им, имел ли он в виду штат Вашингтон или же город Вашингтон в федеральном округе Колумбия.

Дошедший до нас рассказ об этом событии — поистине история доблести и славы. Здание Капитолия было разобрано в несколько дней и почти без потерь восстановлено у подножия Скалистых гор; пропавший архив Конгресса был позднее обнаружен в детском зале публичной библиотеки в Дулуте, штат Айова; бутылки с водой из Потомака были с бесконечными предосторожностями отвезены на Запад и с церемониями вылиты в зацементированную канаву, сооруженную вокруг президентского дворца (к сожалению, вода эта через неделю испарилась из-за низкой влажности воздуха в этих местах). Да, это были поистине звездные часы галактической истории человечества, и даже такая, ставшая позднее известной, деталь, как то, что денди решили на месте столицы устроить не орудийную батарею и даже не склад боеприпасов, а всего лишь зал для развлечений своих солдат, не может ни на йоту умалить величие нашего безоглядного сотрудничества и добровольного самопожертвования.

Нельзя, однако, отрицать, что гордость человечества сильно пострадала от открытия, сделанного в ходе обычного журналистского интервью, из коего выяснилось, что пришельцы в военном отношении составляют всего лишь отделение, а их руководитель — вовсе не великий ученый или крупный стратег, на посылку которых Галактической Федерацией для защиты Земли мы имели право надеяться, а всего лишь старший сержант в переводе с галактической табели о рангах на нашу. Что президент Соединенных Штатов — главнокомандующий армией и флотом — ожидал столь почтительно распоряжений от существа, не име-

ющего даже офицерского звания, нам было очень трудно проглотить, а то, что близящаяся битва за Землю по историческому значению будет всего лишь стычкой патрулей, казалось нам невыносимым унижением.

Ну и потом эти дела с ленди...

Пришельцы, создавая и обслуживая свою глобальную оборонительную систему, время от времени выбрасывали ненужные им куски говорящего металла. Отторгнутый от машины, частью которой он был раньше, этот металл терял те качества, которые были смертельно опасны для людей, и сохранял те, которые имели для них ценность. Например, если кусок этого странного металла приходил в соприкосновение с любым земным металлом, то при условии полной изоляции от окружающей среды он через несколько часов приобретал все свойства металла, с которым был соединен, будь то цинк, золото или чистый уран.

На это вещество — ленди, как по слухам называли его инопланетяне,— вскоре возник колоссальный спрос со стороны экономики, терзаемой постоянным и временами обостряющимся сырьевым голодом во всех крупнейших промышленных центрах.

Куда бы ни направлялись пришельцы, то есть к своим батареям или со своих батарей, орды неистовствующих людей встречали их за пределами двухмильного замкнутого круга хоровыми выкриками: «Эй, денди, давай ленди!» Все попытки правоохранительных органов планеты положить конец этому бесстыдному всеобщему попрошайничеству были безуспешны, особенно после того как денди сами стали получать какое-то извращенное удовольствие, бросая мелкие кусочки ленди в дерущиеся толпы. Когда же и полицейские и солдаты начали присоединяться к смертельным броскам топчущей все и вся толпы и рваться в тот угол поля, куда падал кусок болтающего как сорока металла, правительства отступились.

И человечество возжаждало скорейшего начала военных действий, что, по его мнению, должно было избавить его от мучительного ощущения своей очевидной неполноценности. Некоторые из самых фанатичных консерваторов среди наших предков, возможно, уже принялись оплакивать свершившееся освобождение.

Да, они оплакивали Освобождение, дети, они оплакивали! Будем надеяться, что эти потенциальные троглодиты оказались среди тех, кто самыми первыми были расплавлены и сожжены облаками алого пламени! Нельзя же в самом деле безнаказанно поворачиваться спиной к прогрессу!

За два дня до того, как месяц сентябрь окончился, пришельцы оповестили, что ими отмечена активность на одной из

лун Сатурна. Очевидно, трохxты уже прокладывают свой предательский путь в пределы Солнечной системы. Учитывая их жестокость и коварство, предупреждали денди, нападения этих червеобразных страшилищ можно ожидать в любую минуту.

Очень немногие люди спали в то время, когда ночь накатывала на тот меридиан, где они обитали, а затем уходила с него. Все глаза были устремлены в небо, тщательно очищенное от облаков бдительными денди. В некоторых районах планеты шла оживленная торговля дешевыми подзорными трубами и кусочками закопченного стекла, в других же местах возник внезапный спрос на заговоры и амулеты, предохраняющие от многих, если не от всех бед.

Трохxты атаковали тремя цилиндрическими черными звездолетами одновременно: одним — Южное полушарие и двумя — Северное. Мощные струи зеленого пламени с ревом вырывались из их сравнительно небольших кораблей, и все, чего касались эти струи, тут же взрывалось, превращаясь в прозрачный, похожий на стекло, оплавленный песок. Ни один денди, однако, не стал жертвой зеленых струй, и из своих, как бы корчащихся в муках орудий они выпускали серии алых облаков, которые жадно преследовали трохxтов, пока замедление скорости не заставляло их падать на Землю. Здесь облака производили один прискорбный побочный эффект. Любой населенный пункт, куда случайно опускалось такое, теперь уже бледно-розовое облако, немедленно превращался в кладбище, которое, если верить тому, что дошло до нас, пахло больше кухней, чем могилой. Обитатели этих несчастных городов подвергались внезапному подъему температуры. Их кожа сначала краснела, а потом обугливалась, волосы и ногти скручивались, а сама плоть превращалась в жидкость и стекала с костей.

Отвратительный вид смерти для одной десятой человечества!

Единственным утешением был захват одним из алых облаков черного цилиндра трохxтов. Когда охваченный облаком цилиндр раскалился добела и вещество, из которого он состоял, ливнем жидкого металла пролилось на землю, остальные два звездолета, атаковавшие Северное полушарие, тут же отступили на астероиды, куда денди из-за своей немногочисленности решительно отказались их преследовать.

В течение последовавших двадцати четырех часов пришельцы (назовем их *наши* пришельцы) совещались, ремонтировали свои орудия и выражали нам соболезнования. Человечество хоронило своих мертвецов. Таков был обычай наших предков, который

стоит того, чтобы о нем упомянуть, так как он, разумеется, не дожил до нынешних дней.

К тому времени когда трохxты вернулись, человечество было подготовлено к этой встрече. Оно, к сожалению, не могло встретить их с истребительным оружием в руках, хотя и искренне желало этого, но зато оно вооружилось оптическими инструментами и волшебными амулетами.

Снова маленькие алые облачка резво поднимались в верхние слои стратосферы, снова зеленое пламя с воем рвало на части бормочущие шпили из ленди, снова люди умирали тысячами в кипящем вихре битвы. Но на этот раз были и некоторые небольшие отличия: зеленое пламя трохxтов после трехчасового сражения внезапно изменило цвет, потемнело и стало почти фиолетовым. И когда это произошло, денди один за другим стали падать у своих батарей и умирать в судорогах.

Видимо, последовал сигнал к отступлению. Оставшиеся в живых денди пробились к своему колоссальному звездолету. Громовой выхлоп из кормовых дюз, прорыв раскаленную докрасна траншею через всю Францию, сбросил Марсель в Средиземное море, и звездолет взвился в космос и позорно бежал в его глубины.

Человечество крепило дух, готовясь к неизбежным ужасам господства трохxтов.

Они действительно были червеобразны. Как только два черных, как ночь, цилиндрических звездолета приземлились, трохxты выползли наружу. Их небольшие членистые тела поддерживались над поверхностью земли при помощи сложной сбруи, укрепленной на высоких и тонких костылях. Трохxты воздвигли куполообразные форты вокруг каждого корабля — один в Австралии, другой на Украине — и изловили нескольких смельчаков, оказавшихся поблизости от места посадки. А затем скрылись в непроглядной тьме своих кораблей вместе с сопротивляющимися пленниками.

В то время как кое-кто из людей начал лихорадочно готовиться к уже давно забытому искусству отпора врагу, другие, дрожа, засели за ученые книги и отчеты, относящиеся ко времени прилета денди, в отчаянной надежде отстоять независимость Земли против коварного завоевателя испещренной звездами Галактики.

А все это время люди-пленники, уведенные в искусственный мрак звездолетов (трохxты не имели глаз, и свет был им не только бесполезен, но, как то обнаружили наиболее активные и подвижные из них, он вредно действовал на их чувствительные, лишенные пигмента тела), отнюдь не подвергались пыткам для

изъятия из них нужной информации, и тем более не становились жертвами вивисекции, предназначенной для получения знаний на несколько более высоком уровне, но совсем наоборот — обучались сами. Обучались, как выяснилось, языку трохxтов.

Правда, большая часть захваченных пленников оказалась непригодной для поставленной перед ними трохxтами задачи и со временем превратилась в прислугу более способных учеников. А у другой — численно значительно меньшей группы — возникли все признаки нервного срыва (варьировавшегося от слабой депрессии до настоящего ступора) из-за трудностей языка, в котором все глаголы были неправильными, а множество предлогов зависели от комбинаций существительных и прилагательных, определяемых смыслом предыдущего предложения. Тем не менее одиннадцать человек были выпущены в качестве дипломированных переводчиков с трохxтского, и теперь они щурились безумными глазами от яркого солнечного света. Видимо, эти наши освободители никогда не посещали Бенгал в дни расцвета его исчезнувшей тысячелетия назад цивилизации.

Да, эти *освободители!* Потому что трохxты приземлились в шестой день древнего, почти мифического месяца октября. И 6 октября, разумеется, есть Священный День Второго Освобождения. Помните же о нем и почитайте же его (хорошо бы, конечно, знать, на какой день нашего календаря он приходится).

История, поведанная переводчиками, заставила человечество понурить голову от стыда и заскрипеть зубами при воспоминании о том обмане, в который его ввергли денди.

Действительно, денди были уполномочены Галактической Федерацией преследовать трохxтов и уничтожать их. Но это потому, что денди и *были* этой самой Федерацией. Находясь среди первых разумных рас, появившихся на межзвездной арене, эти гигантские существа организовали крупные полицейские силы, чтобы защитить себя и свою власть от любой попытки возмущения, которая могла возникнуть в будущем. Эти полицейские силы были названы Конгрессом Всех Мыслящих Рас, населяющих Галактику, фактически же они были мощным средством удержания этих рас под жестким контролем.

Большинство известных тогда народов, однако, были миролюбивы и послушны: «Денди правят нами с незапамятных времен,— говорили они,— пусть и продолжают править. Пусть все идет заведенным порядком». Однако постепенно оппозиция денди стала расти, и ядром ее были существа, биологической основой которых служила протоплазма. В конце концов их организация стала известна как Протоплазменная Лига.

Хотя их было и немного, но существа, чей жизненный цикл определялся химическими и физическими свойствами протоплазмы, сильно различались по размерам, формам и специализации. Если бы Галактическое Сообщество черпало силу в них, оно из статической фазы развития вошло бы в динамическую, где межгалактические перелеты поощрялись бы, а не запрещались, как это было теперь, так как денди боялись встречи с цивилизацией более высокого уровня, чем они сами. Это была бы подлинная демократия всех видов — истинная биологическая республика, где все существа адекватной разумности и развития наслаждались бы свободой выбора пути, что в настоящее время было узурпировано одними денди — представителями силиконовой жизни.

В конце концов к троххтам — единственному многочисленному народу, решительно отказавшемуся полностью разоружиться, как то требовалось от всех членов Федерации,— обратился со слезной просьбой один из незначительных членов Протоплазменной Лиги, умоляя избавить его от полного уничтожения, которым ему угрожали денди в качестве наказания за «незаконный» исследовательский полет за пределы Галактики.

Столкнувшись с решимостью троххтов защитить своих сородичей по органической жизни, а также став перед лицом неожиданно пробудившейся враждебности двух третей народов Галактики, денди собрали Галактический Совет, хотя на нем и не было кворума, объявили Галактику в состоянии мятежа и начали укреплять свою власть в распадающейся империи с помощью ударных сил сотен миров. Троххты, по численности вооруженных сил и боевой технике безнадежно уступавшие противнику, могли продолжать борьбу только благодаря самоотверженности и изобретательности остальных народов Протоплазменной Лиги, которые с риском для собственного существования снабжали троххтов своими новоизобретенными секретными боевыми средствами.

Как же мы, люди, не догадались об истинной сущности этих чудовищных денди хотя бы по тем предосторожностям, которые они применяли для того, чтобы ни одна часть их тела не вошла в соприкосновение со смертельно ядовитой для них атмосферой Земли? Ведь бесшовные, почти непрозрачные одежды, которые носили эти пришельцы с самой первой минуты их пребывания на Земле, безусловно должны были пробудить в нас подозрения, что их тела состоят из сложных кремниевых соединений, а не из соединений углерода!

Человечество опустило свою коллективную голову и признало, что подобные подозрения у него отсутствовали начисто.

— Что ж,— великодушно согласились троххты,— вы были неопытны и, возможно, излишне доверчивы. Спишем все на это обстоятельство. Эта наивность, хоть она и дорого обошлась вашим освободителям, не помешает даже приему человечества в гражданство Федерации, каковое гражданство троххты почитают естественнейшим и важнейшим правом каждого народа. Но что касается ваших руководителей... ваших, надо полагать, полностью разложившихся и уж наверняка безответственных руководителей...

Первая экзекуция официальных лиц из ООН, глав государств и переводчиков с прабенгальского, как «предателей протоплазмы», явившаяся завершением нескольких самых долгих и самых безукоризненно справедливых в истории Земли судебных процессов, состоялась неделю спустя после волнующего события, когда на пышных торжествах Человечество было приглашено сначала вступить в Протоплазменную Лигу, а затем и в Новую Демократическую Галактическую Федерацию Всех Видов и Всех Рас Вселенной.

И это было еще не все! В то время как денди презрительно отпихнули нас в сторонку, пока они занимались своими делами, превращая нашу планету в базу тирании и возводя свои механизмы, одно прикосновение к которым было для нас смертельным, троххты с тем искренним дружелюбием, которое делало их имя символом демократии и порядочности для всех разумных существ звездного мира, троххты — эти наши Вторые Освободители, как мы их с любовью назвали,— фактически сами предложили нам помочь им в интенсивных и все шире разворачивающихся работах по обороне планеты.

И вот человеческие внутренности стали расползаться под невидимым излучением силовых полей, применяемых при сборке новейших, невероятно сложных видов оружия; люди начали болеть и умирать от ползания на четвереньках в шахтах, которые троххты закладывали гораздо глубже, чем то делали люди; тела людей лопались и даже взрывались на глубоководных разработках нефти, кои троххтам представлялись жизненно необходимыми.

Часы занятий в школах использовались для таких кампаний, как «Сбор платинового лома для Проциона» или «Радиоактивные отходы — Денебу». Домохозяйкам была предписана строжайшая экономия соли — это вещество применялось троххтами буквально в десятках совершенно непонятных для нас операций, и многокрасочные плакаты напоминали: «НЕ соли — лучше сахари!»

А над всем этим, деликатно опекая нас, совсем как заботливые умные родители, высились наши менторы, совершающие

дозорные обходы на своих металлических подпорках, с каждой пары которых свисали гамаки, покоившие в себе бледные тела трохxтов.

И все же, даже в разгар всеобъемлющего экономического паралича, вызванного переключением всех производственных мощностей на изготовление инопланетного оружия, даже несмотря на рвущие сердце вопли пострадавших от порожденных спецификой производства травм, которые наши врачи совершенно не умели лечить, даже среди всего этого, не поддающегося пониманию развала мы с радостью осознавали, что заняли свое законное место в будущем правительстве Галактики и уже сейчас помогаем созидать Вселенскую Нерушимую Демократию.

Но денди вернулись, чтобы разрушить эту идиллию. Они явились в своих колоссальных серебристых звездолетах, и трохxты, для которых это было полной неожиданностью, еле успели вывести свои силы из-под удара и даже нанести ответный. Все же звездолет трохxтов, находившийся на Украине, был принужден ретироваться на свою базу в глубинах космоса. Спустя три дня единственными трохxтами, оставшимися на Земле, были отчаянные бойцы из небольшого подразделения, охранявшего их космический корабль в Австралии. В течение трех или четырех месяцев они доказывали, что их так же трудно стереть с лица Земли, как и уничтожить сам континент, и, поскольку военные действия перешли в стадию жестокой позиционной войны, где трохxты занимали одно полушарие, а денди — другое, бои приняли чудовищные масштабы. Кипели моря, выгорали степи, климатические зоны сдвигались и изменялись под влиянием катаклизмов. К тому времени когда денди удалось решить поставленную задачу, была взорвана и исчезла с небосклона планета Венера. В ходе этого сложнейшего стратегического маневра Земля сошла со своей орбиты.

Решение было простым: поскольку трохxты прочно обосновались на небольшом Австралийском континенте и выбить их оттуда было нельзя, то численно превосходившие их денди собрали столько боевой техники, что им удалось уничтожить всю Австралию и превратить ее в пепел, надолго замутивший воды Тихого океана. Это случилось 24 июня, в Священный день Первого Повторного Освобождения. День, памятный для всего человечества, оставшегося в живых.

— Неужели вы такие глупцы,— с интересом осведомлялись денди,— что вас могла увлечь эта дешевая шовинистическая

пропротоплазменная пропаганда? Ведь если физические характеристики являются критерием наших расовых симпатий и антипатий, вы не должны были ограничиваться таким узким признаком, как биохимия. То, что жизненная плазма денди основана на кремнии, а не на углероде,— верно, но разве позвоночные, да еще позвоночные, владеющие придатками, подобно людям и денди, не имеют бесспорно больше общего между собой при ничтожном биохимическом различии, чем позвоночные и те безногие, безрукие, ползающие слизистые существа, которые по какой-то случайности обладают идентичной с людьми органической субстанцией?

— Что же касается нарисованной трохxтами фантастической картины жизни Галактики, то это просто бред.— Тут денди пожали многочисленными плечами, одновременно продолжая сложнейший монтаж своих болтливых боевых машин по всей покрытой обломками поверхности планеты.

— А вы когда-нибудь видели кого-либо из представителей этих пресловутых протоплазменных народов, которых трохxты якобы защищали? Разумеется, нет, да и не увидите! Потому что, как только какая-нибудь раса — животная, растительная или минеральная — развивалась настолько, что становилась потенциальной угрозой для червеобразных агрессоров, ее цивилизация просто демонтировалась бдительными трохxтами. Поскольку вы находитесь на такой примитивной стадии развития, что не представляете для них опасности, они в шутку дали вам иллюзию полного равенства. А разве вы получили хоть какую-нибудь информацию о технологии трохxтов? Несмотря на все труды по изготовлению их машин и бесчисленные жизни, потерянные при этом? Нет, разумеется, нет! Вы лишь вложили свою долю в дело порабощения далеких-далеких народов, которые вам лично не сделали ничего дурного.

— Вам есть из-за чего чувствовать себя виноватыми,— говорили внушительно денди, когда несколько уцелевших переводчиков с прабенгали выбрались из своих убежищ.— Но ваша коллективная вина — ничто по сравнению с той, которую несут на себе червивые коллаборационисты, то есть те предатели, что заняли место ваших мучеников — прежних лидеров. Да еще эти непотребные переводчики, проложившие тропу через языковой барьер к существам, нарушившим мир в Галактике, продолжавшийся два миллиона лет... Убить их мало,— сказали денди.

И убили.

Когда трохxты вернулись снова и захватили власть над Землей примерно восемнадцать месяцев спустя, принеся сладкие плоды Второго Повторного Освобождения, а также полное и необычайно убедительное опровержение доводов денди, то нашлось очень немного людей, которые захотели принять на себя обязанности, связанные с освободившимися прекрасно оплачиваемыми постами в области языкознания, науки и управления Разумеется, поскольку трохxты, повторно освобождая Землю, сочли необходимым удалить взрывом огромный кусок Северного полушария, то на Земле населения сильно поубавилось, но даже оставшиеся предпочли скорее прибегнуть к самоубийству, нежели принять титул Генерального Секретаря ООН, когда денди вернулись обратно для Славного Третьего Повторного Освобождения. Между прочим, это было то самое Освобождение, которое содрало с нашей планеты глубокий слой рыхлых пород и придало ей форму, названную нашими праотцами грушевидной.

Возможно, что именно в это время, а может быть, Освобождением или двумя позднее, трохxты и денди обнаружили, что орбита Земли стала столь эксцентричной, что уже не удовлетворяет условиям безопасности, предъявляемым к театрам военных действий. И вот сверкающим зигзагом смертельная битва удалилась в направлении Альдебарана.

Все это произошло девять поколений назад Но тот рассказ о событиях, что передавался от отца к сыну, а от сына к внуку и правнуку, почти ничего не потерял при передаче. Вы услышали его сейчас от меня почти в том же виде, в котором я впервые услышал его сам. Слыхал я его от своего отца, когда мчался плечом к плечу с ним от одного болотца к другому, через бесплодные пространства пышущего жаром желтого песка. Слыхал я его и от матери, когда мы жадно втягивали легкими воздух, неистово цепляясь за пучки жестких зеленых стеблей, в то время как планета под ногами содрогалась в предчувствии геологического спазма, который мог ввергнуть нас в ее раскаленные недра или внезапным изменением скорости вращения выбросить в космическое пространство.

Да, теперь, как и тогда, рассказываем мы все ту же историю, пробегаем все с той же безумной скоростью мили непереносимого жара ради еды и влаги, ведем все те же, не знающие пощады битвы с гигантскими кроликами из-за жесткого и почти непригодного в пищу мяса друг друга и всегда жадно ловим легкими драгоценный воздух, который уходит из нашего мира во все больших количествах при каждом новом безумном рывке.

Нагими, голодными и жаждущими пришли мы в этот мир, нагими, голодными и жаждущими влачим мы наши жизни под чудовищным, никогда не заходящим солнцем.

Никогда не меняется этот рассказ, никогда не меняется и его традиционная концовка, которую я слышал от своего отца, а он — от своего. Так наберите побольше воздуха в легкие, покрепче уцепитесь за пучки водорослей и выслушайте важнейший и священнейший вывод из нашей истории: «Оглядываясь назад, мы с законной гордостью можем сказать, что вряд ли какой-нибудь другой народ или другая планета были освобождены столь окончательно и бесповоротно, как Земля и земляне».

«Не могли бы вы чуточку поторопиться?»

Все правильно. Наверное, мне положено испытывать стыд.

Но я писатель, а эта история слишком замечательна, чтобы позволить ей пропасть втуне. Тем более, воображение мое иссякло, и я абсолютно не в состоянии придумать сколько-нибудь сносный сюжет; остается лишь придерживаться фактов. Что я и делаю.

Кроме того, рано или поздно кто-нибудь наверняка проболтается («Такие уж мы ненадежные твари» — так, кажется, сказал вилобородый?), почему бы тогда мне самому не поработать на свой карман.

Хотя кто знает,— возможно, на лугу перед Белым Домом молока сейчас хоть залейся...

Но буду последователен. Итак, весь август я просидел дома, потея над рассказом, который мне вообще не следовало начинать. И вот однажды в мою дверь позвонили.

Я вскинул голову и громко сказал:

— Входите, не заперто!

Послышался привычный скрип петель. По коридору, которому, благодаря его бесконечности, я обязан тем, что моя арендная плата чуть ниже, чем у остальных жильцов нашего дома, зашлепали шаги. Походка была мне незнакома. Я замер в ожидании, занеся пальцы над клавиатурой пишущей машинки и с интересом поглядывая на дверь.

В комнату вошел маленький человечек, не больше двух футов ростом, одетый в зеленую тунику, едва доходящую ему до колен. У гостя была очень крупная голова, короткая рыжая борода клинышком, высокая остроконечная зеленая шляпа, и он все время бормотал что-то себе под нос. В правой руке он

держал предмет, более всего смахивающий на позолоченный карандаш; в левой — скрученный пергаментный свиток.

— Ага, ты,— гортанно произнес он, тыча в мою сторону бородой и карандашом.— Ты, должно быть, и есть писатель?

Я с трудом проглотил ком в горле, но, что интересно, каким-то образом мне удалось утвердительно кивнуть головой.

— Хорошо.— Взмахом карандаша он сделал пометку у себя в свитке.— На этом регистрация закончена. Следуй за мной.

Я попытался протестовать, но он схватил меня за руку — ощущение было такое, словно на мне защелкнули стальные наручники,— благожелательно улыбнулся и потопал вместе со мной к выходу. Время от времени он взлетал в воздух, но, заметив свою оплошность, снова опускался на пол.

— Что?.. Кто?..— бормотал я, спотыкаясь и то и дело с шумом врезаясь в стену.— Постойте... кто... вы...

— Пожалуйста, не поднимай шума,— воззвал он ко мне.— Предполагается, что ты существо цивилизованное. Если хочешь, задавай разумные вопросы, но только сначала как следует сформулируй их для себя.

Я задумался над его словами, а он тем временем закрыл дверь моего жилья и потащил меня вверх по лестнице. Не могу сказать, насколько хорошо работало его сердце, зато он точно обладал силой по меньшей мере десяти человек. Ощущение было такое, словно моя рука — древко, а я — полощущийся на ветру флаг.

— Нам что, наверх? — спросил я в качестве пробного шара, раскачиваясь над лестничной площадкой.

— Естественно. На крышу. Там мы припарковались.

— Припарковались?

У меня мелькнула мысль о вертолете, затем о метле. А еще был кто-то... как там его?.. ну, который летал на спине орла.

С мешком мусора в руках из своей квартиры вышла миссис Флуджелмен, живущая этажом выше. Она открыла крышку мусоропровода, собралась было кивнуть мне — обычное утреннее приветствие — и замерла, увидев моего спутника.

— Да, припарковались. То, что вы называете летающим блюдцем.— Он заметил удивленный взгляд миссис Флуджелмен и, проходя мимо, воинственно выставил в ее сторону бороду.— Да, именно так я и сказал — летающее блюдце! — рявкнул он в расчете на ее уши.

Миссис Флуджелмен ретировалась в свое жилище с полным мешком мусора в руках и беззвучно закрыла за собой дверь.

Возможно, то, что я обычно пишу ради хлеба насущного, подготовило меня к переживанию подобного рода. Как бы там

ни было, услышав его ответ, я почувствовал себя лучше. Карлики и летающие блюдца хорошо сочетаются друг с другом; как молоточек и камертон.

Оказавшись на крыше, я пожалел, что не успел надеть куртку. Очевидно, путешествовать придется с ветерком.

Летающее блюдце — в отличие от тех, которые мы покупаем в магазине,— имело около тридцати футов в диаметре и явно предназначалось не только для осмотра местных достопримечательностей. В центре, где в блюдце имелась выемка, лежала огромная груда коробок и тюков, прикрепленных крест-накрест множеством мерцающих нитей. Там и здесь в этой груде поблескивали совершенно незнакомые мне металлические механизмы без упаковки.

Используя одну из моих верхних конечностей в качестве рукоятки, карлик пару раз крутанул меня и с легкостью зашвырнул в блюдце. Пролетев около двадцати футов, я приземлился точно поверх наваленной груды. Я еще был в воздухе, когда золотистые нити метнулись, обхватили меня, словно эластичная сеть, и скрутили крепче тройки верзил-охранников, обезвреживающих грабителя банка. Метнув меня, как ядро, карлик промычал что-то с энтузиазмом и собрался сам залезть на борт.

Внезапно он остановился и оглядел крышу.

— Ирнгл! — взревел он, как океанский лайнер.— Ирнгл! Бордже модганк!

Барабанная дробь шагов прогрохотала так быстро, что почти слилась в один звук. Десятидюймовый двойник моего могучего спутника — правда, за минусом бороды — перемахнул через ограждение и прыгнул в летающее суденышко. Юный Ирнгл бордже модганкнул, подумал я.

Отец (?) подозрительно посмотрел на него и медленно зашагал в ту сторону, откуда тот прибежал. Остановился и сердито погрозил юнцу пальцем.

Сразу за дымоходом торчала целая гроздь телевизионных антенн, перекошенных по отношению друг к другу. Некоторые вообще оказались старательно скручены вместе; другие завязаны изящными бантами. Сердито ворча и качая головой, так что рыжая остроконечная борода двигалась наподобие маятника, старик развязал узлы и осторожно поправил антенны. Потом он слегка согнул ноги в коленях и без разбега совершил один из самых впечатляющих прыжков, которые мне когда-либо приходилось видеть.

И как только он коснулся днища гигантского блюдца, мы взлетели. Прямо вверх.

Придя в себя настолько, что содержимое желудка больше не просилось наружу, я заметил, что рыжебородый старик управляет движением блюдца с помощью металлического предмета яйцевидной формы, который он держал в правой руке. Когда мы поднялись на приличную высоту, он ткнул «яйцом» в сторону юга и мы полетели в том направлении.

«Какая-то лучистая энергия?» — гадал я. Хотя, чтобы делать выводы, явно недостаточно информации. И тут меня словно обухом по голове ударило — я ведь так и не задал свои вопросы! Однако вряд ли можно было меня за это ругать. Еще бы, в разгар утра приходит карлик с огромными головой и руками, отрывает вас от пишущей машинки — мало кто в такой ситуации способен ухватить суть проблемы и задать соответствующие вопросы. Но зато теперь..

— Учитывая временное затишье,— начал я в меру бойко,— и тот факт, что ты владеешь английским, я хотел бы прояснить для себя некоторые волнующие проблемы. Например...

— Ответ на свои вопросы получишь позже, а пока заткнись — Золотистые пряди с привкусом антисептика облепили мне рот, и я почувствовал, что не могу разжать челюсти. Я беспомощно замычал, и рыжебородый сердито посмотрел на меня.— Как они все-таки отвратительны, эти люди! — сказал он и улыбнулся во все лицо.— И как нам повезло, что они так отвратительны!

Остальная часть полета прошла без приключений, если не считать встречи с самолетом, следующим в Майами. Пассажиры, прильнув к иллюминаторам, возбужденно указывали на нас руками и, похоже, что-то кричали, а какой-то толстяк схватил явно не дешевую камеру и успел сделать несколько снимков. К несчастью, заметил я, он не позаботился снять с объектива крышку.

Рыжебородый капитан встряхнул свое металлическое яйцо, я мгновенно ощутил ускорение, и самолет остался далеко позади. Ирнгл устроился на крыше того, что походило на большой автомат по продаже прохладительных напитков, и показывал мне оттуда язык. Я отвечал ему свирепыми взглядами.

Тут до меня дошло, что маленький озорник сильно напоминал эльфа. А его папаша — теперь уже их родственная связь не вызывала сомнений — смахивал на гнома из немецких сказок. Отсюда следовало, что... что... Я дал своим мозгам целых десять минут на раскачку, после чего сдался. Вообще-то, иногда этот метод срабатывает. Самовнушение вместо логики, так я это называю.

Я замерз, но в остальном воспринимал ситуацию как нормальную и ожидал ее дальнейшего развития с интересом и даже

гордостью. Быть избранным чужеземной расой — и, кто знает, возможно, единственным представителем от всего населения Земли — ради какой-нибудь важной цели! Оставалось надеяться, что этой целью не была вивисекция.

Как вскоре выяснилось, на этот счет я мог не волноваться.

Спустя недолгое время мы причалили к чему-то огромному, что, в рамках той же терминологии, можно было назвать летающей суповой тарелкой. Мне казалось, что далеко внизу, под всеми этими пухлыми, мягкими облаками, лежит штат Южная Каролина. А еще мне казалось, что эти мягкие, пухлые облака искусственные. Наше блюдце целиком прошло сквозь дыру в днище летающей суповой тарелки. Сверху она была накрыта другой такой же, только перевернутой вверх дном, и все вместе представляло собой полый диск около четверти мили в диаметре. Летающие блюдца, набитые разнообразными предметами, карликами и людьми, сновали вверх и вниз по широкому пространству между огромными поблескивающими механизмами.

Стало ясно, что насчет своей избранности я ошибался. Вместе нас было много, мужчин и женщин,— хотя в каждом летающем блюдце находилось по одному. Наверно, это официальная встреча представителей двух великих рас, решил я. Только почему наши друзья не сделали все как положено — через ООН? Может, встреча неофициальная? Потом я вспомнил комментарии рыжебородого относительно людей и забеспокоился.

Справа от меня полковник с лицом, похожим на масляный бочонок, покусывал карандаш и время от времени делал какие-то заметки. Слева высокий мужчина в сером костюме из гладкой блестящей ткани отогнул рукав, посмотрел на часы и громко вздохнул, явно в нетерпении. Прямо надо мной две какие-то женщины на соприкасающихся краях своих блюдец склонили друг к другу лица. Обе говорили одновременно и кивали в такт словам головами.

На каждом летающем блюдце имелся по крайней мере один эквивалент моего рыжебородого авиатора. Я заметил, что, хотя женщины-карлицы также имели бороды, все-таки они обладали женственностью; правда, степень ее я бы оценил в половину той, что присуща нашему слабому полу.

Внезапно над нашими головами появилось изображение карлика с рыжей раздвоенной бородой, похожей на вилы. Он подергал по очереди каждую ее половину и улыбнулся всем нам.

— Чтобы скорректировать впечатление, наверняка сложившееся в умах многих из вас,— сказал он, негромко посмеиваясь,— я позволю себе парафразировать вашего великого поэта Шекспира: я здесь с целью похоронить человечество, а не превозносить его.

Вокруг послышалось испуганное бормотание.

— Марс,— донеслось до меня справа, со стороны полковника.— Спорю, что они с Марса. Еще Герберт Уэллс предсказывал это. Грязные красные маленькие марсиане. Ну, пусть только попробуют!

— Красные,— повторил человек в сером костюме.— Красные?

— Вы когда-нибудь...— начала было одна из женщин.— И это способ завязывать знакомство? Никакого воспитания! Типичный иностранец!

— Однако,— невозмутимо продолжал вилобородый,— чтобы похоронить человечество как должно, мне понадобится ваша помощь. Я имею в виду не только собравшихся здесь, но и других вам подобных, которые в этот момент по всему миру на множестве языков слышат мои слова в точно таких же кораблях. Нам нужна ваша помощь — и, поскольку мы прекрасно осведомлены о некоторых ваших весьма своеобразных талантах, мы абсолютно уверены, что получим ее!

Он дождался, пока лес из поднятых кулаков, раскачиваемый шквалом проклятий, утих; выждал, пока присутствующие в аудитории противники негров и евреев, католиков и протестантов, англофобы и русофобы, вегетарианцы и фундаменталисты в образных выражениях причислили двухбородого каждый к своей собственной группе, которую ненавидели, и смешали с грязью.

Затем, когда настал период относительного затишья, мы услышали следующий откровенный в своей грубости рассказ, произнесенный с оттенком презрения, хотя и не без красочных выражений.

Вокруг нашей жалкой системы с девятью планетами существует огромная и сложная галактическая цивилизация. Множество различных видов входящих в нее разумных существ объединились в мирную федерацию с целью торговли и взаимного прогресса.

В этой федерации имеется специальное бюро, отслеживающее появление и развитие новых разумных рас. Несколько тысячелетий назад представители этого бюро посетили Землю с целью изучить весьма изобретательных животных, в последнее время замеченных на планете, и вынести им свою оценку. Животные были сертифицированы как разумные с высоким культурным потенциалом, Землю закрыли для туристских маршрутов, и специалисты-социологи начали обычное в таких случаях детальное исследование.

— В результате этого исследования,— вилобородый мягко улыбнулся нам сверху,— они пришли к выводу, что так называемая человеческая раса нежизнеспособна. Иными словами, хотя составляющие ее отдельные индивидуумы обладают мощным инстинктом самосохранения, вид как целое имеет суицидальные тенденции.

— Суицидальные?! — воскликнул я вместе с остальными.

— Именно. Этот вывод вряд ли должен вызвать много возражений со стороны наиболее честных из вас. Высокоразвитая цивилизация есть продукт общественной жизни, а человеческое общество всегда имело тенденцию уничтожать себя. Фактически, если ваша жалкая цивилизация и имеет какие-либо достижения, то их можно рассматривать как побочный эффект развития средств массового уничтожения.

— У нас бывали и мирные периоды братских отношений,— хрипло произнес голос с противоположной от нас стороны летающей тарелки.

Большая голова медленно закачалась из стороны в сторону. Непонятно почему, но именно в этот момент я заметил, что радужная оболочка глаз у двухбородого целиком черная.

— Не было их у вас. Да, время от времени возникал островок культуры здесь, оазис сотрудничества там; но они неизбежно распадались при контакте со стандартными представителями вашего вида — воинами. Со временем воины сами терпели поражение, и тогда те, кто их захватил, в свою очередь становились воинами. В результате суицидальная деформация лишь усиливалась, становясь доминирующей. Ваше прошлое можно рассматривать как обвинительный акт человечеству, а ваше настоящее... ваше настоящее близко к тому, чтобы ваша «мечта» осуществилась. Однако хватит об этом столь характерном для вас убийственном вздоре — давайте вернемся к дню сегодняшнему.

В федерации господствует убеждение, что не следует мешать видам с суицидальными наклонностями реализовывать свою судьбу. Фактически даже поощряется помогать им приближаться к тому исходу, которого они так страстно желают; правда, избегая действовать напрямую.

Природа не выносит склонные к самоуничтожению сообщества даже больше, чем пустоту. Логика проста: едва возникнув, и то и другое прекращает свое существование.

Социологи экстраполировали предполагаемую дату, когда человечество самоуничтожится. Планета была отнесена к необитаемым мирам типа вашей Земли и предназначена для использования таким видом разумных существ, который имеет избыток

народонаселения и может здесь жить. Этим видом стали рыжебородые карлики.

Мы послали сюда своих представителей, чтобы они, так сказать, приглядывали за нашей будущей собственностью. Однако примерно девятьсот лет назад, когда вашему миру осталось существовать еще шесть тысяч лет, мы решили ускорить дело, поскольку на нашей планете прирост населения осуществляется очень быстро. Галактическая федерация дала нам разрешение стимулировать процесс вашего технологического развития в направлении более раннего суицида. Федерация, однако, поставила условием, чтобы каждый раз, когда представителю вашей расы будет подброшена та или иная идея, ему должна быть честно описана ситуация, то есть чтобы он понимал свою ответственность за дальнейшую судьбу человечества. Так мы и делали: отбирали тех, кому предстояло сделать выдающиеся открытия в области техники или науки, затем объясняли избранному ценность этого открытия и вместе с тем его отдаленные последствия с точки зрения ускорения процесса, ведущего к массовому самоубийству вашей расы.

Я почувствовал, что мне становится трудно смотреть в его огромные глаза.

— Во всех случаях...— гулкое грохотание голоса ощутимо смягчилось.— Во всех случаях, раньше или позже, избранный нами человек объявлял об открытии как о своем собственном, сообщал о нем другим и извлекал из этого соответствующую выгоду. Иногда впоследствии некоторые из этих людей основывали благотворительные фонды, присуждающие премии тем, кто достиг больших успехов на поприще мира и братства между народами. Однако из-за возрастания общего количества циркулирующей в мире валюты выплаты этих фондов оказывались не столь уж велики. Люди, с которыми мы имели дело, во всех без исключения случаях предпочитали получать личную выгоду ценой укорачивания жизни своей расы...

Гномы, эльфы, кобольды! Их интересовали отнюдь не проказы — я глянул на Ирнгла, притихшего под грозным взглядом отца,— и не скрытое в земле золото; они помогали людям, но для этого у них были свои собственные резоны. Они учили их плавить металлы и создавать механизмы, подсказывали, как доказать бином Ньютона в одной части мира и как более эффективно вспахать поле в другой.

В итоге люди должны были исчезнуть с лица Земли... чуточку раньше.

— Но к несчастью... Увы, к несчастью, кое-что пошло не так, как предполагалось...

Все мы дружно вынырнули из тяжких раздумий и с надеждой посмотрели вверх — домохозяйки и матросы, проповедники и артисты, все, кто здесь были. И вот что мы услышали дальше.

По мере приближения дня «К» (очевидно, имелся в виду конец человечества) некоторые из кобольдов, намеренных эмигрировать, набивали свои летающие блюдца имуществом и сажали туда семьи. Преодолев пространство в большом судне, наподобие того, в котором мы находились сейчас, они занимали позиции в стратосфере, ожидая возможности дать название планете, лишь только ее теперешние обитатели пустят в ход свое последнее изобретение — ядерное оружие, как в прежние времена они с успехом применяли баллисты и авиацию.

Самые нетерпеливые опускались на поверхность, чтобы присмотреть места для будущих домов. И тут они, к своему разочарованию, обнаружили, что в чисто математические прогнозы социологов вкралась крошечная, но досадная ошибка. Предполагалось, что человечество самоуничтожится вскоре после овладения атомной энергией. Однако — возможно, в результате очередного «подталкивания» — технологическая инерция пронесла нас мимо ураново-плутониевого расщепления сразу к так называемой водородной бомбе.

Армагеддон, как следствие применения урановой бомбы, ликвидировал бы нас в наиболее удовлетворительном и гигиеничном виде, в то время как взрыв нескольких водородных бомб привел бы к полной стерилизации планеты вследствие некоей побочной реакции, в настоящее время нам неизвестной. Если «очищение» произойдет именно таким способом, на Земле не только погибнет все живое, но она станет недоступна для обитания на протяжении миллионов лет.

Естественно, кобольдов такая перспектива не обрадовала. В соответствии с Галактическим Законом, они не могут защищать свое имущество путем активного вмешательства. Им остается одно — обратиться к нам с предложением.

Любое государство, которое гарантирует приостановку производства водородной бомбы и уничтожение тех, которые уже созданы — причем рыжебородые карлики имеют надежные методы проверки того, насколько эти гарантии отвечают действительности,— любое такое государство получит в свое распоряжение необыкновенно смертоносное оружие. Это оружие предельно просто в обращении и так откалибровано, что с его помощью можно мгновенно и безболезненно уничтожить любое количество людей, вплоть до миллиона.

— Преимущество такого оружия по сравнению с водородной бомбой, с которой не только сложно управляться, но которую еще нужно и физически доставить к цели,— добродушно продолжал свои разъяснения с потолка вилобородый,— должно быть очевидно для любого из вас! И, учитывая наши интересы, оно уничтожит людей в массовом порядке, не причинив вреда...

В этот момент поднялся такой шум, что я больше не расслышал ни слова из сказанного. По правде говоря, я и сам вопил как резаный.

— ...не причинив вреда полезным и совместимым с нашими жизненным формам...

— А-а! — закричал смуглый плотный человек в ярко красной спортивной рубашке и таких же брюках.— Убирайтесь туда, откуда пришли!

— Вот именно! — сердито вторил ему кто-то.— Вы тут никому не нужны! Заткнись, эй! Заткнись!

— Убийцы! — дрожащим голосом сказала одна из женщин рядом со мной.— Убивать беззащитных людей, не сделавших вам ничего плохого! Вас самих убить мало!

Полковник встал на носки, грозя указательным пальцем изображению на потолке.

— Мы и без вас проживем,— начал он раздраженно, но на мгновение замолчал, задохнувшись.— Мы все делаем как надо, говорю я вам, и нам не нужны... не нужны...

Вилобородый терпеливо ждал, пока мы успокоимся.

— Взгляните на это вот с какой стороны,— вкрадчиво продолжал он.— Вы собираетесь самоуничтожиться — вы знаете об этом, мы знаем об этом, все в галактике знают об этом. Какая вам разница, как именно это произойдет? По крайней мере, наши методы позволят вам уйти из жизни с наименьшими страданиями. При этом уцелеет и на самом деле очень ценное имущество — то есть Земля,— имущество, которое станет нашим после того, как вы освободите ее. И вы умрете от оружия, гораздо более соответствующего вашим разрушительным наклонностям, чем любое, которое вы использовали до сих пор, включая атомные бомбы.

Он замолчал и распростер свои шишковатые руки навстречу нашей бессильной ненависти.

— Поразмышляйте над этим — *просто поразмышляйте над этим:* миллион смертей одним поворотом рычага! Есть ли другое оружие, способное на такое?

Возвращаясь на север с рыжебородым и Ирнглом, я провожал взглядом летающие блюдца, скользящие во все стороны по нежно светящемуся летнему небу.

— Все эти люди — честные, ответственные граждане. Не глупо ли рассчитывать, что они станут трезвонить о том, как можно самым эффективным способом перерезать им же глотки?

Рыжебородый пожал обтянутыми зеленой тканью плечами:

— Если бы речь шла о других расах, да. Но только не когда дело касается вас. Галактическая федерация настаивает, чтобы ваша общественность или правительство узнали об этом оружии от достаточно разумного представителя вашей же расы, полностью владеющего ситуацией и имеющего достаточно времени на обдумывание последствий такого откровения.

— И вы думаете, что мы сделаем это? Вопреки всему?

— О, да,— со спокойной уверенностью заявил карлик.— *Вследствие* всего. К примеру, каждый из вас был отобран с учетом того, какую личную выгоду он может извлечь из этого откровения. Раньше или позже, искушение непременно окажется настолько велико, что угрызения совести отступят; в конце концов, все вы придете к этому. Согласно Шалмру, каждый член тяготеющей к самоубийству расы способствует уничтожению всех окружающих, хотя заботливо оберегает свое личное существование. Неприятные создания — вы, люди, но, к счастью, век у вас короткий!

— Один миллион,— пробормотал я.— По чьему-то капризу. Готов поспорить, мы что-нибудь...

— В самом деле. Вы изобретательная раса. А теперь, если не возражаешь, вон она, твоя крыша. Мы с Ирнглом немного торопимся, а нам еще нужно продезинфицировать... Спасибо.

Я глядел им вслед, пока они не исчезли за облаками. Потом заметил, что одна из телеантенн завязана в петлю — наверное, отец Ирнгла ее проглядел,— и поплелся по лестнице вниз.

Я много думал об этом с августа. Сначала злился. Потом впал в мрачные раздумья. Потом начал злиться снова.

Время от времени в прессе появлялись сообщения о летающих блюдцах, но ни словом не упоминалось о сверхоружии, которое мы получим, если демонтируем свои водородные бомбы. Но если кто-то и проболтался, как я узнаю об этом?

В том-то и дело. Ладно, я писатель, если это слово применимо к тому, кто пишет научную фантастику. И у меня на руках есть история, которую можно превратить в ходкий товар. Вообще-то я не собирался использовать этот материал, но случилось так, что как раз сейчас мне позарез нужны деньги, а в голове у меня по-прежнему пусто. И почему, спрашивается, именно я должен быть крайним?

К этому моменту кто-нибудь уже наверняка проболтался. Если не здесь, у нас, то в какой-нибудь другой стране. А я писатель, и мне нужно зарабатывать себе на жизнь. И эта история выглядит, как самая что ни на есть фантастика, и кто просит вас верить ей?

Только... Только я должен подать им знак. Знак, благодаря которому правительство сможет вступить в контакт с кобольдами, сможет дать им понять, что оно заинтересовано в сделке, в получении этого оружия. И я намерен подать такой знак.

Но у меня нет удовлетворительного окончания этой истории. Она нуждается в заключительной реплике. И знак — как раз эта реплика и есть, причем, с моей точки зрения, превосходная. Ну... если уж я решился рассказать *столько*... почему бы и не...

Это знак, с незапамятных времен установленный между кобольдами и человеком. Все очень просто: оставьте чашку с молоком перед порогом Белого Дома.

Мост Бетельгейзе

Давай, Альварес, давай, старина, расскажи-ка им все! У тебя оно выйдет лучше, да и не по мне это — такого рода связи с общественностью. Я лишь позабочусь, чтоб не истолковали превратно, чтобы скушали микстуру до конца, со всеми втекающими-вытекающими, да чтобы все до последней капли было как на самом деле...

Если кто-то сильно огорчится — что ж, дай всплакнуть и запихивай дальше. Давай, старина, расставь им слова по порядку, как один ты это умеешь. И точки над «i» тоже расставь! Все до единой. Вперед, дружище!

Начни, пожалуй, с того самого дня, когда летающее блюдце плюхнулось прямо-таки рядом с Балтимором. Ничего себе случайность! Меня в дрожь кидает при мысли о собственной тупости, а тебя разве нет, приятель? Разбег, толчок, прыжок — и ты на Капитолийском холме, а мы еще поздравляли себя с таким сказочным везением.

Растолкуй им хорошенько, почему место посадки мы сочли столь удачным. Объясни, насколько упростило это засекречивание, расскажи, как моментально изолировали в апартаментах-люкс бедолагу-фермера, первым сообщившего об инопланетной тарелке. Как уже пару часов спустя элитные части морской пехоты превратили территорию свыше пяти квадратных миль в тщательно охраняемую резервацию, как экстренно созывали внеочередной Конгресс, какие меры принимались, чтобы избежать утечки информации.

Поведай, как добрались до старенького Троусона, моего профессора социологии. Как помигал он своими подслеповатыми глазками на все их нашивки да лампасы — и выдал гениальное решение.

Он выложил им меня — сдал буквально со всеми потрохами.

Расскажи им, как громилы из ФБР грубо умыкнули меня вместе со всем персоналом прямо из нью-йоркского офиса, где мы загребали миллионы, горя себе не зная, и зашвырнули в Балтимор. Честно говоря, Альварес, я был жутко, невероятно зол! И даже после того как Троусон меня просветил, остыл далеко не сразу. Терпеть не могу этот правительственный выпендреж, этот гриф «секретно» на каждой сортирной бумажке! Хотя не мне говорить тебе, как благодарен впоследствии я был именно за это.

Зрелище инопланетного корабля тоже оказалось неслабым испытанием для моих расшатанных нервов. И не успел я даже разок облизнуть свои пересохшие губы, как из тарелки «выплюхнулся» первый пришелец. После всех тысяч и тысяч комиксов с их сигарообразными, обтекаемыми звездолетами этот пестро изукрашенный в стиле рококо детский волчок, вздыбившийся посреди ячменного поля в Мэриленде, показался мне менее межпланетным, нежели аляповатый узор на кухонной этажерке с дешевой распродажи. И абсолютно никаких тебе признаков ракетных двигателей.

— А вот и твоя новая работенка,— порадовал меня профессор.— Эти два несколько необычных гостя.

Те оба уже замерли на гладком металлическом пандусе в окружении высочайших правительственных чинов. Две девятифутовые груды зеленоватой слизи, облаченные в практически прозрачную, чуть тронутую розовым оболочку. Каждый пришелец постреливал парой глазастых щупалец, достаточно мускулистых, чтобы придушить и быка. Когда край подрагивающего желе отрывался от плиты, можно было углядеть и гигантскую влажную щель — видимо, пасть.

— Улитки,— объявил я Троусону.— Гигантские выползки!

— Возможно, что и слизняки,— не стал спорить профессор.— Во всяком случае, брюхоногие моллюски.— Многозначительно постучав себя по плешивеющей голове, он добавил: — Но это вот, Дик, эти седые остатки былой роскоши еще меньше напоминают мне венец творения. Парочка, что перед нами,— представители куда более древней и развитой расы.

— Развитой?

Троусон кивнул.

— Когда нашим техникам стало уж совсем невтерпеж,— сообщил он после краткой паузы,— их любезно пригласили осмотреть корабль. Вернулись они с отвисшими челюстями.

Я начал испытывать дискомфорт, стал что-то мямлить и даже причинил некоторый ущерб своему безукоризненному маникюру.

— Ладно, проф, я понимаю, раз они так чужды нам, так отличаются...

— Дело не только в этом, Дик. Они недосягаемы. Усвой это, парень, заруби себе на носу, прежде чем приступишь к работе. Это крайне важно. Самые лучшие технические умы, которых могла только в крайней спешке собрать наша страна, походили на толпу дикарей-островитян, глазеющих на винтовку и компас. Туземцев, знакомых дотоле лишь с копьем да каноэ. Эти существа принадлежат к Галактическому союзу — сообществу рас, развитых по меньшей мере как они сами; по сравнению с ними мы — безмозглые деревенщины, стадо охламонов из затюханного космического уголка. Который вот-вот начнут исследовать. А возможно, безжалостно эксплуатировать — это уж как повезет! Очень нужно сейчас произвести на них благоприятное впечатление, и действовать предстоит без промедления.

Отделившись от сияющей казенными улыбками и дружно кивающей головами толпы на пандусе, к нам направился напыщенный индюк с портфелем.

— Вон оно как! — прокомментировал я.— Стало быть, высадка Колумба, вторая серия! — И, секунду-другую поразмыслив, поинтересовался: — Но с какой стати армии и флоту потребовался именно я? Я ведь не мастер читать синьки да кальки из... с...

— С Бетельгейзе. С девятой планеты в системе Бетельгейзе. Нет, Дик, для этого здесь уже имеются специалисты — доктор Уорбери, например. Пришельцы усвоили от него английский за пару часов, он же бьется над отдельными словами из их речи уже третий день кряду! Потом есть еще парни вроде Лопеса и Майнцера — у них тихо едет крыша от попыток разобраться с источником энергии этой тарелки. Здесь собрались лучшие мозги штатов, Дик. Твоя же работенка заключается в ином. Нам нужен классный рекламный агент, человек для связей с общественностью. Твое участие в программе — это создание благоприятного впечатления.

Величавый чиновник тронул меня за рукав. Я нетерпеливо повел плечом.

— Разве такое дельце не по зубам правительственной клаке? — спросил я старика Троусона.

— Увы. Вспомни — когда ты их только увидел, какое слово пришло в голову первым? Выползки! А как, по-твоему, страна воспримет известие о выползках — огромных, заметь, выползках! — глумящихся или снисходительно похмыкивающих над нашими небоскребами, атомным оружием и передовой математикой? Мы превратимся в стадо самодовольных, тупых, чавкающих бананами обезьян! И не забудь еще о страхе перед неведомым!

Правительственный чин снова мягко тронул меня за плечо.

— Я умоляю! — бросил я нетерпеливо, вглядываясь в лицо укутанного по самый нос Троусона и обнаруживая в усталых старческих глазках крохотные багровые прожилки.— «Непобедимые монстры из Дальнего Космоса»? Заголовки вроде этого, так, что ли, проф?

— «Слизняки с комплексом полноценности»... А может, просто «Мерзкие слизни». Какая удача, что они приземлились на нашей территории, да еще так близко к Капитолию! Но через денек-другой придется все же известить глав прочих государств. Тогда вся карусель и завертится. Информацию под спудом не удержать. Мы хотели бы избежать наплыва демонстрантов, помешанных на разного рода предрассудках, ксенофобии, идеях планетарной изоляции и прочих формах желтой истерии. Мы боимся, как бы пришельцы не вывезли от нас одни только воспоминания о безумных воплях фанатиков и надписях вроде: «Убирайтесь откуда взялись, извняки поганые!» Мы хотим произвести на них впечатление дружественной разумной расы, с которой можно сотрудничать и впредь. А также следует считаться.

Я кивнул:

— Понимаю. Чтобы они основали у нас торговые представительства вместо введения оккупационных гарнизонов. Но что конкретно мог бы сделать я во всей этой петрушке-заварушке?

Профессор ткнул пальцем мне в грудь:

— Ты, Дик, наладишь нам связь с общественностью. Ты продашь чужаков американскому народу, Дик, и по весьма приличной цене!

Подкисший чиновный тип, упорствуя в надежде хоть как-то привлечь мое внимание, уныло переминался с ноги на ногу. Я признал его наконец. Это был государственный секретарь собственной персоной.

— Надеюсь, вас не затруднит проследовать за мной? — проблеял он нерешительно.— Хотелось бы представить вас нашим выдающимся гостям.

Меня это отнюдь не затруднило, и вскоре, процокав каблуками по гулкому пандусу, мы с ним предстали перед брюхоногой парочкой.

— Э-э... хм-м... гм! — деликатно кашлянул госсекретарь.

Ближний слизень тут же обратил к нам одно из своих глазастых щупалец. Тронув другим приятеля, он почтительно скло-

нил перед нами студенистую макушку и оторвал влажный край от металлической основы. Трубный глас, донесшийся снизу, был донельзя напитан елеем:

— Можем ли мы верить подобному счастью, досточтимый сэр! Не обманывают ли нас глаза? Вы соблаговолили вновь опуститься до наших ничтожных персон!

Меня представили; существо незамедлительно поднесло оба глаза поближе, а местом, где у него вроде бы должен находиться подбородок, подкатилось к моим ногам, облепив на мгновение туфли. Затем зычно возвестило:

— Какая же великая и ничем незаслуженная честь выпала нам, недостойным! Вы согласились служить поводырем двум убогим космическим странникам, двум жалким слепцам — в мире чудес, сотворенных вашей высокородной расой. Ваша милость и ваша снисходительность, обожаемый сэр, поистине не ведают границ!

Опешив от подобной тирады, я сумел выдавить из себя лишь: «Весьма рад!» и «Как поживаете?» — и неуверенно протянул пятерню. В нее тут же плюхнулось одно из глазных яблок, другим слизень провел по тыльной стороне моей ладони. Он не сжимал и не тряс руку — просто слегка ее коснулся и сразу же отвел щупальца. Я с трудом подавил вполне естественный импульс вытереть о штаны ладонь и не слишком уверенно пообещал:

— Сделаю все, что только в человеческих силах. Нельзя ли для начала узнать, являетесь ли вы как бы... полномочными послами своего народа? Или же обычные пионеры-исследователи?

— В безмерном ничтожестве своем мы не удостоены никаких звучных титулов, обожаемый сэр,— последовал витиеватый ответ.— В то же время мы вроде бы как и то и другое разом. Всякий, вступающий в сношения, в определенном смысле посол своего народа; всякий, взыскующий истинного знания, в некотором роде исследователь.

В памяти всплыл бородатый анекдот, соль которого заключалась во фразе: «Задай дурацкий вопрос — получишь столь же дурацкий ответ» — и я с ходу переключился на тему питания: чем предстоит угощать наших драгоценных гостей?

Второй пришелец скользнул поближе и скорбно покачал хоботком перед моим лицом:

— Мы будем крайне признательны за самые мизерные дары от ваших несравненных щедрот,— смиренно пробасил он.— Мы в невероятном восхищении от чистоты ваших помыслов и благородства намерений, но никому не хотели бы причинять лишних хлопот. Предел наших убогих мечтаний — не вызвать бы только

отвращения у вашей заслуживающей неуемных восторгов расы своими недостойными функциями.

— Что ж, держитесь такой линии, и у нас не будет никаких затруднений,— заметил я, подводя самый первый итог.

Работа с ними была одним сплошным удовольствием. Никаких тебе капризов, никаких мигреней, никакого высокомерия. В столбняк перед камерами пришельцы не впадали, юпитеры крутить туда-сюда не требовали. Нужда в сочинении трогательных биографических апокрифов о трудном детстве в монастырском приюте, как для большинства иных моих клиентов, тоже не возникала.

С другой же стороны, общаться с гостями было не столь уж и просто. Конечно, они ничему не противились, подчинялись с полуслова любым командам. Но попробуй только задай им вопрос, любой, хотя бы: «Сколько времени длилось ваше путешествие?»

Ответ следовал незамедлительно: «Категория времени на вашем проникновеннейшем из языков суть продолжительность, длительность процессов и явлений. Не мне бы, ничтожнейшему из смертных, затевать дискуссию с высокообразованным землянином по столь сложной философской проблеме. Но космические скорости вынуждают нас прибегнуть к релятивистской терминологии. Наша недостойная внимания планета проделывает часть своего орбитального оборота, удаляясь от вашей наипрекраснейшей из звездных систем, а часть — приближаясь. К тому же следует принять во внимание еще и направление и скорость движения нашего ничтожного солнца вместе с затерянным в уголке безбрежной Вселенной участком континуума. Окажись наша родина в созвездии Девы или, скажем, Волопаса, ответить было бы проще простого — траектория путешествия в этом направлении отклонялась бы от плоскости эклиптики таким образом, что...»

И так далее в том же духе.

Вопрос же типа «Ваше общество устроено по демократическим принципам?» порождал ответ не менее туманный:

«В соответствии с вашей этимологически бездонной речью демократия — это власть народа. Мы просто не в состоянии адекватно передать подобное представление на нашем грубом варварском наречии — возникают непомерные длинноты и получается далеко не так живо и емко. Разумное существо, естественно, должно быть управляемым. И оно управляется. Степень же правительственного контроля варьируется в зависимости от конкретной личности и может меняться со временем — приношу

свои глубочайшие извинения за столь очевидное положение. Всему виной собственное наше вопиющее невежество и совершенная путаница в мыслях. Подобные методы управления и контроля применимы у нас и в массовых случаях. Таким образом, когда проявляется некая общественная необходимость, разумные индивиды подключаются к социальной деятельности как бы из внутренней потребности. Когда нужда в согласованных действиях отпадает, уровень контроля несколько понижается. Подобным способам воздействия подвергается у нас любой, в том числе и мы сами. С другой же стороны...»

Врубаетесь, что я имел в виду? Не случайно же я нажил себе столько новых седых волос. И просто несказанно был счастлив, когда удалось наконец, окончательно разделавшись с гостями, впрячься в свое привычное рекламное ярмо.

Правительство отвалило мне на подготовку рекламной кампании от щедрот казенных всего лишь месяц. Сперва они вообще удумали ограничиться жалкими двумя неделями, но я встал на дыбы, я пал на колени, я вскинул руки кверху — все это разом! — и потребовал на создание гостям достойного имиджа впятеро больше времени. Так что на месячном сроке мы сошлись полюбовно.

Объясни это им как следует, старина Альварес! Чтобы все до последнего кретина прочухали, за какого рода работенку я тогда взялся, какую гору предстояло мне своротить — чтобы не думали, будто я наткнулся на какую-то там халяву. Долгие годы, десятилетия лицезрения красочных журнальных обложек, живописующих перезревших весталок в когтях и щупальцах разнообразнейших инопланетных монстров, тысячи фильмов ужасов, груды романов о космическом вторжении, бесконечные детские страшилки из воскресных приложений — все это предстояло разом вытравить из сознания публики. Не говоря уже об инстинктивном содрогании при одном только упоминании о рептилиях, слизнях и жабах, о свойственном толпе недоверии к чужакам да дремучем предубеждении против существ, в которых вроде бы вовсе нет места для бессмертной души.

Троусон весьма кстати подбросил мне парочку борзописцев на научно-популярные темы, я же позаботился, чтобы подписи под их статьями звучали солидно и авторитетно. Ведущие журналы высвободили нам первые полосы, светские и криминальные сплетни уступили место тягучим байкам о древних космических расах и о том, какой невероятно высокой должна быть их этика, да еще с постоянными ссылками на Нагорную и иные проповеди: возлюби, мол, ближнего своего и дальнего своего, несть,

дескать, ни эллина, ни иудея, ни инопланетянина и прочее в том же духе. Пресс-релизы запестрели заголовками типа: «Скромное создание, возделывающее твой сад», «Гонки улиток — захватывающий спортивный спектакль» и просто тьма-тьмущая на тему «Нерасторжимое единство всего живого» — от последних я потерял сон, аппетит и едва не сделался вегетарианцем. Лишь припомнив, что несмолкаемый гул жизни можно различить при желании даже в витаминных пилюлях и минеральной воде, махнул на такое дело рукой...

И все это, заметьте, без единого намека на то, что на самом-то деле случилось, без единого даже слова о состоявшемся Контакте. Правда, один проныра-фельетонист, незнамо как что-то разнюхавший, все же позволил себе туманные высказывания о некоем деликатесе на порхающем блюдечке, но полчасика дружелюбной беседы в тихом и безлюдном дактилоскопическом кабинетике ближайшего полицейского участка как следует прочистили ему мозги и начисто отвратили от дальнейшей разработки нащупанной темы.

Самой трудной из вставших передо мной проблем оказался видеоряд. Не думаю, что вообще удалось бы справиться с этим, когда бы не мощь всего правительства Штатов у меня за спиной и постоянная его поддержка. Как бы там ни было, уже за неделю до Большой Презентации на моем столе лежали сносное видеошоу и вполне готовые комические сюжеты.

Над последними как следует потрудились с полтора десятка лучших наших юмористов, в пожарном порядке подключенных к проекту, не говоря уже об орде иллюстраторов да психологов, выстрадавших приемлемые для широкой публики образы пришельцев. Картинки эти послужили основой для создания телекукол, и мне просто не припомнить более популярной за всю историю нашего телевидения передачи, чем «Энди с Денди».

Эти два всецело вымышленных слизня вкрались в бесхитростные сердца американцев подобно гриппозной заразе — уже наутро после премьеры все поголовно смаковали их человекоподобные ужимки, взахлеб пересказывали двусмысленные гэги, а тем, кто умудрился пропустить передачу, настоятельно советовали исправить упущение сегодня же вечером («Ты все равно не сможешь прозевать ее снова, Стив, она идет по всем программам одновременно, сразу же после ужина!»).

Запустили мы, разумеется, в производство также и весь радужный спектр сопутствующей рекламной продукции: куколки Энди и Денди для девочек, всяческого сорта заводные скутеры-улитки для мальчиков и все прочее, что только смогли приду-

мать,— от бокалов с картинками до наклеек на холодильник. Естественно, львиная доля подобных безделушек хлынула с конвейеров лишь после Большой Презентации.

Рассылая пресс-релизы с известием о ней по редакциям главных газет, мы «предложили» на выбор с десяток заголовков. И даже снобам из «Нью-Йорк Таймс» пришлось довольствоваться набранным аршинными литерами «Настоящие Энди и Денди свалились с Бетельгейзе на Землю», подверстав к этой чудовищной для них шапке того же сорта снимок на всю первую полосу — кинозвезда Энн Джойс в компании со слизнями.

Любимицу американской публики Малютку Энн выписали из Голливуда, доставив в Вашингтон специальным авиарейсом единственно для этой фотографии. Красавица стояла между обоими пришельцами и, ослепительно улыбаясь в объектив, пожимала изящными пальчиками сразу два глазастых отростка.

План сработал лучше не бывает — наши два студенистых интеллектуала с далекой звезды произвели подлинный фурор, переплюнув по рейтингу даже моложавого телепроповедника, лезущего из кожи вон в борьбе за легализацию многоженства. Энди с Денди мигом стали нарасхват — телетайп хрипел и захлебывался все новыми и новыми пачками приглашений. То участие в качестве почетных гостей в торжественной закладке новой библиотеки Чикагского университета, то позирование перед камерами на фоне апельсинов из Флориды, картофеля из Айдахо, пива из Милуоки — отзывчивые пришельцы оказались подлинной находкой для рекламодателей и никого не обижали отказом, во всяком случае напрямую.

Время от времени, улучив мгновение, я все же задавался вопросом, какое впечатление на них производим мы сами. По лицу, когда того в сущности нет, ни черта ведь не отгадаешь. Глазастые шланги пришельцев непрерывно постреливали по сторонам, когда наш представительский лимузин под вой полицейских сирен проносился по неугомонному Бродвею; их колышущиеся желеобразные туши, приотрываясь от пола, периодически издавали невнятное хлюпанье. Но когда по ходу съемок пляжного шоу в Малибу режиссер потребовал от гостей обернуться вокруг едва одетых моделей, Энди с Денди подчинились без разговоров — чего не скажешь о самих красотках.

А когда же лучший подающий, чемпион сезона, преподнес гостям бейсбольный мяч с автографом и они, дружно колыхнув мерцающими на солнце макушками, прочувствованно выдохнули в батарею микрофонов: «Мы самые счастливые болельщики во всей Вселенной!» — страна буквально встала на уши.

— Все, больше нам их не удержать,— напророчил Троусон.— Ты читал передовицу о дебатах на вчерашней Генеральной Ассамблее ООН? Нас уже заподозрили в сговоре с инопланетным агрессором против всего человечества.

— Прекрасно,— пожал я плечами.— Пусть смотаются за океан. Сомневаюсь, чтобы кому-то удалось выкачать из гостей больше информации, чем нам. Пусть теперь и русские поломают себе голову.

Усевшись на краешек письменного стола, профессор сгорбил спину и втянул голову в немощные плечики. Затем с усилием приподнял пухлую кипу исписанных листков и скривился, словно в глотку попал ком тополиного пуха.

— Четыре месяца сплошных разговоров,— пробормотал он.— Четыре месяца кропотливых расспросов по любому поводу и в каждый удобный момент. Сто двадцать дней исследований и просеивания стенограмм, с целью унюхать хоть что-либо, подобное информации.— Троусон брезгливо отшвырнул скоросшиватель на стол; несколько листочков упорхнуло на пол.— А мы по-прежнему знаем об общественном устройстве на Бетельгейзе-IX не более, чем о жителях мифической Атлантиды!

Разговор этот случился в Пентагоне, в том его крыле, которое отвели для нас военные, окрестившие всю операцию по только им понятным соображениям «Проект "Энциклопедия"». Совершив настоящий переход через просторный солнечный холл, я приблизился к стене с недавно организованной на ней сводной схемой работ и ткнул в небольшой прямоугольник с надписью «Подсектор источника энергии», ответвившийся от большого квадрата, озаглавленного «Сектор инопланетной физики». В малой рамке, напечатанные весьма привлекательным шрифтом, фигурировали фамилии некоего армейского майора, капрала женской вспомогательной службы и уже знакомых мне докторов Лопеса, Винси и Майнцера.

— А как у этих обстоят дела, может, получше? — поинтересовался я.

— Боюсь, ненамного.— Троусон со вздохом потупил взгляд.— Судить, правда, могу лишь по тому, как во время ленча Майнцер пускает пузыри в ложку с супом — собеседования между секторами категорически запрещены, как ты знаешь. Но я помню Майнцера еще по университетскому буфету, он точно так же пускал пузыри, когда намертво застрял в работе над солнечным двигателем.

— Полагаете, Энди и Денди не хотят давать детишкам шалить со спичками? Или же обезьяноподобным уродцам вроде нас не место на балу у рафинированных межгалактических эстетов?

— Я уже вообще ничего не соображаю, Дик! — Профессор снова шмякнулся на уголок стола и раздраженно листанул свои социологические заметки.— Если истина где-то рядом с этим, почему же тогда они позволяют нам свободно шнырять по их кораблю? Почему столь любезны и не оставляют ни единого вопроса без ответа? Если бы только ответы пришельцев на нашем языке не были столь туманны! Но ведь они так сложно организованы, столь изысканны и витиеваты в выражениях, буквально нашпигованы поэзией — трудно ожидать, что из их пространных комментариев удастся извлечь прямой вербальный или же технический смысл. Иногда мне кажется, что их исключительно утонченные манеры как-то связаны с видимым отсутствием интереса к устройству собственного общества, а вкупе с внешним видом их летающей тарелки, напоминающей мне одну из этих нефритовых поделок, требующих долгих лет кропотливого труда для заверше...— Троусон вдруг осекся и принялся лихорадочно тасовать собственные записи, точно заправский миссисипский шулер в поисках запропастившегося джокера.

— Неужто мы еще даже не начали понимать их? — Вопрос мой был, пожалуй, риторическим.

— Именно, именно... даже и не начали,— задумчиво протянул профессор.— Порочный круг, постоянно упираемся в одно и то же. Уорбери ссылается на резкое изменение наших собственных словарей с наступлением технологической эры. Утверждает, что подобный процесс — а мы, как он считает, лишь в самом его начале — уже привел нас к концептуальным сдвигам; естественно, что у далеко опередившей нас цивилизации... Вот если бы удалось наткнуться хотя бы на одну их дисциплину, перекликающуюся с какой-либо из наших!

Я испытал прилив острого сочувствия к подслеповато мигающему мудрому старикашке.

— Не унывайте, проф! Может, к тому времени когда наши друзья-сосконожки вернутся из европейского турне, вы уже разгрызете орешек, и мы перейдем из разряда «О Бледнолицый друг, перелетевший через океан на Великой многокрылой птице!», где застряли сейчас, ступенькой-другой повыше.

Ты свидетель, Альварес,— среди всех окружавших меня высоколобых я единственный точно в воду глядел! И чуть было не раскусил уже тогда всю затею; что-то такое вертелось на самом кончике языка. Если бы не профессор, отвлекший меня тяжким вздохом: «Надеюсь на это, Дик, отчаянно надеюсь!» — то кто знает? Себе в утешение скажу, что зевнул разгадку в солидной компании, из одних только почтенных академиков.

Когда Энди с Денди оказались за границей, я получил вожделенную возможность чуток расслабиться. Работа моя далеко не была еще завершена, но в поездке гостей сопровождали весьма дошлые парни из сектора общественных связей, мне же оставался лишь общий надзор за ситуацией. В основном он сводился к ответам на бесчисленные звонки аналогичных служб из разных стран с просьбой проконсультировать, поделиться опытом навешивания лапши на уши собственному народу. Весь мир страдал от одних и тех же хвороб, ксенофобия — пакость куда заразнее гонконгского гриппа, но идти по проторенной дорожке моим коллегам оказалось все же полегче. К тому же начинал я совершенно на голом месте, без ясного представления об ожидающей меня реакции общества на гостей из космоса.

Заметь, Альварес, никто ведь и не подозревал тогда, чего ожидать от них, неизвестно было даже, не станут ли эти выползки гадить прилюдно!

Газеты доносили до меня последние известия и бесчисленные светские сплетни — снимки слизней на приеме у японского микадо сразу же вслед за пространными их восторгами по поводу мавзолея Тадж-Махал. Они, правда, не оказались столь же обходительны со сватским ахундом*, как со всеми прочими, не восхищались им так же, как достопримечательностями его страны, но это вполне простительно, если припомнить, что сказал о них сам ахунд...

Прежде чем мне пришлось снова посадить сотрудников на железный график и, не считаясь со сверхурочными, впрячь их в выпуск бесчисленных пресс-релизов — официальное участие пришельцев в объединенном заседании палат Конгресса, сентиментальные их выступления в Музее Гражданской войны в Велли-Фордж и все такое прочее,— гости еще успели побывать в Берне, провозгласив Швейцарию чуть ли не колыбелью демократии и уж во всяком случае самым совершенным ее образцом. Ведь не случайно же она родина сверхточного анкерного механизма, тирольских рулад и в то же время надежнейший всемирный банк?

К моменту когда гости добрались до Парижа, я уже вновь взял в свои руки бразды правления прессой страны и в основном справлялся с этим успешно, исключая лишь отдельные истеричные вопли провинциальных бульварных газетенок, которые и в счет-то принимать не стоило — последнее слово все равно всегда оставалось за Энди с Денди. Даже я приходил порой в полное недоумение — неужто им, к примеру, на самом деле пригляну-

* Принц Свата, бывшей индийской провинции. *(Примеч. пер.)*

лись выкрутасы и пачкотня этого абстракциониста и скандалиста Д'Роже?

Гости приобрели одно из его невероятно скрюченных изваяний, оплатив покупку по причине отсутствия наличных крохотным приборчиком, который без всяких видимых усилий кромсал мрамор и вообще материал любой твердости, идеально воплощая самые безумные фантазии скульптора. Счастливый Д'Роже вышвырнул на помойку все свои зубила да штихели, а с полдюжины светил французской науки едва не свихнулись после недели тщетных попыток разобраться в устройстве загадочного прибора.

Такая новость прошла под аршинными заголовками:

«Энди и Денди превзошли самих себя», «Бизнесмены с далекой Бетельгейзе демонстрируют миру хватку и умение совершать разумные инвестиции».

Предлагаемые читателю заметки — своего рода дифирамб покупательской этике наших выдающихся гостей из безбрежного космоса. Вполне разобравшись в неумолимых земных законах спроса и предложения, эти представители куда более развитой экономической системы все же удержались от соблазна провести на мякине доверчивых туземцев. Если бы только такой подход мог впечатлить отдельных представителей собственной нашей расы...

Таким образом, когда пришельцы после церемонии представления британскому двору вернулись в Штаты, все газеты вновь запестрели сочными шапками на полный разворот, нью-йоркская гавань почтила их прибытие хором сирен и пароходных гудков, а на ступеньках Сити-Холла гостей встречала весьма и весьма представительная делегация.

И, что самое удивительное,— они все еще не примелькались, не приелись столь охочей до свежатинки публике, не сошли с первых полос. То они вручают простому полировщику мебели благодарственный адрес, в котором выражают свое восхищение и крайнюю признательность за блистательные результаты в очистке их оболочек; не считаясь с расходами, заливают в пластик десяток редчайших орхидей и присовокупляют их к адресу; то они... Впрочем, суть не в этом!

Телешоу, после которого, собственно, и заварилась вся каша, я, естественно, прозевал — как раз это время, редкий час досуга, провел в заштатном кинотеатришке, наслаждаясь одной из самых своих любимых лент Чаплина. Кроме того, я и так никогда не следил за показушной истерией «Салона для важных персон». Даже приблизительно не представляю, как этому говоруну-ведущему Билли Банкрофту все же удалось заполучить Энди и Денди и как долго пришлось ему дожидаться своего звездного часа.

Вот примерный пересказ более поздней реконструкции случившегося тогда в студии (по беспорядочным фрагментам из хроники и клочкам восторженных воспоминаний очевидцев).

Банкрофт озадачил гостей вопросом, не соскучились ли они по женам да детишкам. Обходительный Энди, должно быть, уже в тридцать четвертый, а то и в сто тридцать четвертый раз принялся терпеливо объяснять, что у них, как у гермафродитов, семьи в привычном для людей смысле этого слова быть не может... Ведущий перебил пришельца вопросом, что же за нити тогда привязывают его к родной планете. «В основном это привычка посещать ревитализатор»,— вежливо откликнулся гость. «Ревитализатор? А что это за зверь такой?» — «О, это такое устройство, весьма сложный агрегат, которому следует показываться примерно каждые десять дней,— внес свою лепту в беседу Денди.— Он имеется в каждом крупном городе нашей родной планеты».

Банкрофт выдал какую-то дежурную шутку, дождался, когда смешливая аудитория приутихнет, и спросил: «А этот самый ревитализатор, для чего он все-таки нужен?» Энди пустился в пространные разъяснения, суть которых сводилась к тому, что ревитализатор взбалтывает цитоплазму всех клеток организма и в результате освежает пациента. «Это я понимаю,— сострил Билл.— Раз в десять дней посидеть молча — такое освежает. А что потом, после освежения, то бишь баньки, каков результат?» — «О! — Денди чуток призадумался.— На вашем чудеснейшем из языков можно выразиться так: в результате нам не приходится опасаться рака и прочих отвратительных заболеваний. А кроме того, регулярные обращения к ревитализатору увеличивают среднюю продолжительность жизни. Мы живем как минимум впятеро дольше, чем установлено природой. Вот так примерно можно описать результат действия ревитализатора»,— подытожил он. Энди после недолгого раздумья согласился с приятелем: «Пожалуй, так будет вполне корректно».

Что тут началось, скажу я вам! Ад кромешный, без всякого преувеличения! Газеты всех стран мира, включая самые хладнокровные скандинавские, разродились пылкими экстренными выпусками. Окна штаб-квартиры ООН, окруженной многократно усиленной охраной, светились ночь напролет — шли срочные заседания взбудораженного мирового сообщества.

Когда же Генеральный секретарь Садху обратился к гостям с вопросом, почему раньше они ни словом не обмолвились о

ревитализаторах, брюхоногие изобразили нечто вроде смущенного пожимания плечами и разразились долгой речью, суть которой в двух словах: «А никто нас и не спрашивал!»

Секретарь закашлялся, отхлебнул воды, мановением тонких коричневых пальцев осадил всколыхнувшуюся было Ассамблею и провозгласил:

— Это неважно. Сейчас уже неважно. Мы должны заполучить эти самые ревитализаторы. Во что бы то ни стало.

Сперва пришельцы как будто не вполне поняли. Когда мы наконец сумели им втолковать, что как биологический вид страшно заинтересованы в пятикратном продлении жизни, те пришли в замешательство. Их раса, дескать, никогда не делала подобные машины на экспорт, загрустили они. Только для обслуживания собственного населения. И теперь, видя, как нуждаются здесь в этих самых устройствах, они постыдятся снова показаться на глаза обожаемым землянам.

Садху даже не оглянулся в поисках совета или поддержки.

— В чем нуждается ваша цивилизация? — громогласно вопросил он.— Что могла бы предложить вам Земля — в обмен на изготовление ревитализаторов? Мы в состоянии заплатить чуть ли не любую мыслимую цену — все, что по плечу целой планете.

Одобрительный разноязыкий гул облетел зал Ассамблеи.

Энди и Денди оказались в затруднении и ничего не смогли придумать с ходу. Садху уже почти умолял их, он лично сопроводил высоких гостей до корабля, припаркованного теперь на специально отведенной лужайке Центрального парка.

— Доброй ночи, джентльмены,— сказал на прощание Генеральный секретарь.— Постарайтесь, настоятельно прошу вас, уж придумайте какой-нибудь обмен.

За те шесть дней, что пришельцы не выходили из тарелки, мир после случившегося буквально слетел с катушек от беспокойства. Уму непостижимо, сколько ногтей изгрызли себе за эту неделю два миллиарда человек...

— Ты только вообрази, Дик! — восторженно восклицал Трусон, меряя шагами мой кабинет, как будто собрался проделать пешком весь путь до Бетельгейзе.— Мы едва выбирались бы из пеленок по новой шкале жизни! Все мои достижения и все образование были бы только самым началом. Твои тем более. За столь долгую жизнь человек легко сможет освоить пять профессий — и лишь тогда задуматься о совершенстве в избранной!

Я машинально кивал, малость ошарашенный открывающимися лично передо мной перспективами. Сколько можно успеть, сколько прочесть, сколько самому написать, если продолжительность жизни увеличится настолько; да все мои головокружительные успехи на рекламном поприще станут тогда лишь мимолетным эпизодом в самом начале безбрежного жизненного пути. Опять же, я еще ни разу не был женат, не обзавелся детишками — все как-то не до того было, все откладывал на потом. А теперь, когда уже стукнуло сорок, слишком погряз в холостяцких привычках. Но ведь за столетие человек может и приспособиться, привыкнуть к новому укладу жизни...

На седьмой день пришельцы вышли наружу. И объявили свою цену.

Они выразили уверенность, что смогут уговорить свой народ изготовить необходимое для Земли оборудование, если... Это самое ЕСЛИ следовало бы набрать гигантскими литерами.

Их планета бедна радиоактивными элементами, объяснили они весьма извиняющимся, чуть ли не подобострастным тоном. Все свободные планеты, содержащие уран, радий и торий, уже открыты и застолблены иными расами, а вести территориальные войны народу Бетельгейзе-IX запрещает строгая мораль. Земля же просто напичкана месторождениями радиоактивных руд, которые используются в основном для военных целей и биологических исследований. Первое попросту нежелательно, а надобность во втором и вовсе отпадет с появлением у нас ревитализаторов.

Поэтому они хотят в обмен наши радиоактивные элементы. Все, сколько ни есть на планете, до последнего миллиграмма, подчеркнули они решительно и твердо.

Такие вот коврижки. Сказать, что мы не были удивлены — не соответствовало бы истине. Не то слово — удивлены. Попросту ошарашены. Но отдельные протесты даже не успели обрести организованную форму. Всеобщий миллиардный вопль «Продано!» заглушил любые скептические возгласы. Несколько пентагоновских генералов, парочка-другая ястребов из Конгресса там-сям еще успели воздеть указующий перст жестом благородного негодования, прежде чем были сметены со своих антинародных позиций. Несколько отчаянных стонов о будущем термоядерных исследований успели издать видные физики, но кто их услышал? Глас народов планеты звучал куда громче и убедительнее:

— Исследования? Пошевелите своими прокуренными куриными мозгами, сколько всего вы сможете наисследовать за полных триста лет жизни!

Уже к ночи штаб-квартира Объединенных Наций превратилась в центральный офис межпланетной рудной концессии. На

месте национальных границ планировалось возведение грандиозных временных хранилищ урановой руды, и мечи в спешном порядке перековывались на орала. Практически каждый способный поднять на плечо лопату завербовывался на месяц-другой в году в трудотряды, и на планете воцарились невиданные дотоле мир и согласие.

Энди и Денди любезно предложили внести свою посильную лепту во всеобщий трудовой порыв. Они предоставили землянам подробные карты рудных залежей, на которых было отмечено множество мест, совершенно неожиданных для земных геологов. Они снабдили нас обогатительным оборудованием с совершенно фантастической производительностью и экологически абсолютно надежным, научили им пользоваться и даже не поленились растолковать принцип действия — насколько, естественно, мы оказались в состоянии его понять.

Пришельцы не шутили — они действительно хотели забрать все до последней капли.

Затем, когда конвейер по добыче урана вроде бы наладился, гости отправились восвояси — выполнять свою часть сделки.

Эти два года ожидания стали самым замечательным временем в моей жизни, воистину живительной порой. И думаю, каждый землянин ощущал нечто подобное. Вся планета в едином могучем порыве трудилась ради самой жизни — а такое вдохновляет, не так ли, Альварес? Лично я целый год посвятил полукаторжным работам на Большом Невольничьем озере и не представляю себе кого-либо моего возраста и телосложения, кто сумел бы внести в общее дело больший вклад.

Энди и Денди вернулись в сопровождении двух огромных звездолетов, экипажи которых были укомплектованы сплошь странного вида улиткоподобными роботами. И пока Энди с Денди исполняли свои светские обязанности, роботы трудились не покладая рук. Между Землей и кораблями, заслонявшими полнеба, непрерывно шныряли спиралевидные челноки, выгружая ревитализаторы и забирая наверх обогащенный уран. Никто даже не обратил внимания на методы, при помощи которых пришельцы могли забирать одновременно огромные, сверхкритические количества изотопов,— мы были заинтересованы лишь в одном, одно только слово стучало в наших сердцах: «ревитализаторы».

Они работали. И это действительно было НЕЧТО.

Безнадежные раковые больные тут же вставали на ноги. Приборы шутя справлялись с любыми сердечными и почечными недомоганиями. Подопытные насекомые жили в несколько раз дольше обычного. А люди — доктора, осматривавшие людей,

прошедших через ревитализатор, лишь качали головой и цокали языком.

По всей планете, в каждом крупном городе, выстроились колоссальные очереди. Люди терпеливо, целыми сутками напролет, продвигались к ревитализаторам, которые тут же стали предметом всеобщего обожания и поклонения.

— Алтари! — брызгал слюной Майнцер.— Народ относится к ним как к святыне! Ученый, пытающийся разобраться в их устройстве, воспринимается служителями как сексуальный маньяк в детском саду. Разве в подобной обстановке можно что-то исследовать? Я уже не спрашиваю себя, где скрывается источник энергии ревитализаторов,— я задаюсь вопросом: есть ли он там вообще?

— Ревитализаторы пока слишком для них драгоценны, мой друг,— утешал его Троусон.— Но это лишь поначалу. Пройдет время, страсти поутихнут, и сможете копаться в них в свое удовольствие... А может, они работают от солнца?

— Нет, это исключено! — Майнцер отчаянно помотал головой.— Только не это! Признаки использования солнечной энергии я бы никак не прозевал. В одном лишь я уверен сейчас твердо — источники энергии на корабле и в этих ревитализаторах совершенно различны. Там я сдался. Но здесь я верю в успех. Мне бы только к ним подойти! Кретины! Трясутся, что я что-нибудь поломаю и придется им тащиться в соседний город за своим чудодейственным эликсиром!

Мы с Троусоном потрепали профессора по плечу, не испытывая, впрочем, особого сочувствия к его горю. Отлет инопланетных гостей состоялся как раз на этой неделе, после пространных изысканных речей, в которых Энди и Денди на свой цветистый манер пожелали нам всяческих успехов и преуспеяния. Огромные толпы собрались выразить им свою признательность; корабли, нагруженные минералами, спасла от фанатичных лобызаний только высота, на которой они висели над Землей.

Спустя полгода после отбытия пришельцев восвояси ревитализаторы перестали действовать.

— Уверен ли я в этом? — презрительно хрюкнул Троусон прямо в мое вытянувшееся лицо.— Да ты взгляни только на эти статистические диаграммы! Приглядись к показателям смертности — они вернулись к своей обычной, доревитализационной норме. Спроси у любого врача! И если он позабудет на миг о своей присяге перед ООН, то никуда не денется — подтвердит. Как только такие новости просочатся в печать, Дик, нас ждут по-настоящему трудные времена, грядут воистину жуткие неприятности.

— Но почему? Где мы напортачили? — лихорадочно соображал я.— Неужто обращались с этими приборами как-то не так, где-то действовали неправильно?

Профессор грубовато заржал в ответ, но, спохватившись, смолк и даже невольно клацнул зубными протезами. Затем поднялся, подошел к окну и, поджав губы, уныло уставился в звездное до безумия небо.

— Ты прав, кое-что мы сделали неправильно, Дик,— подтвердил он мрачно.— Мы поверили. Мы совершили точно ту же ошибку, что и все туземцы, впервые сталкивающиеся с представителями более развитой цивилизации, мы попались все на ту же древнюю удочку. Майнцер с Лопесом уже успели разобрать на детали один из этих хваленых ревитализаторов. Им пришлось как следует попотеть, но на сей раз источник энергии они обнаружили. Дик, мой мальчик, в этих чудодейственных приборах попросту кончилось горючее, и — держись за что-нибудь, ухватись покрепче! — подзаправить их можно только чистыми радиоактивными изотопами.

Несколько долгих мгновений я ничего не мог сообразить. Затем, нащупав ватной рукой кресло, уселся — очень медленно и крайне осторожно. Я испустил несколько хриплых, невнятных звуков, похожих на предсмертные стоны, пока наконец снова не обрел дар речи:

— Вы хотите сказать, проф, что уран был нужен им для собственных ревитализаторов? Что все их действия и поступки на Земле были частью тщательно разработанного плана? Что все это бесконечное дружелюбие было маской, прикрывающей жульнические намерения? Но зачем, зачем им подобный спектакль?.. С их техническим превосходством завоевать нас, точно раз плюнуть! Они и так могли бы заграбастать все, что хотели...

— Ничего они не могли! — сказал, как отрубил, Троусон. Поворотившись ко мне, он сцепил пальцы и резко ими хрустнул.— Это выморочная, деградирующая раса, они бы даже не попытались нас завоевывать. И вовсе не в силу своих этических принципов — грандиозная свинья, какую они подложили нам, весьма красноречивое свидетельство их моральных устоев,— просто из-за недостатка энергии, сосредоточенности на чем-либо одном, бесконечной социальной апатии. Энди с Денди, пожалуй, одни из немногих еще у них оставшихся, способные хоть на какое-то действие — провести за нос отсталых туземцев, например, и разжиться топливом для поддержания бренных останков своей угасающей цивилизации.

Снова заработавшее вовсю воображение с готовностью подсунуло красочные картинки ожидающего меня безрадостного

будущего — меня, парня, который, можно сказать, проделал весь этот колоссальный труд, чтобы подсунуть человечеству крапленые карты в элегантной упаковке. Моя работа по связям с общественностью, мало сказать, выйдет мне боком — хорошо еще, если не обвинят в сговоре с мерзкими слизнями!

— А без атомной энергии мы что, проф, навечно привязаны теперь к Земле? И не сможем выйти в открытый космос?

Троусон обреченно махнул рукой:

— Нас напарили, Дик. Эти твари поимели все человечество. Я понимаю, что творится сейчас у тебя на душе, но подумай и обо мне! Я полный банкрот, вся ответственность лежит на мне. Предполагалось ведь, что я социолог! Как мог я так промахнуться? Как? Ведь все было у меня, слепца, перед глазами: отсутствие интереса к собственной культуре — раз, чрезвычайная, сверх всякой меры интеллектуализация эстетического восприятия — два, до крайности усложненные методы мышления и выражения собственных мыслей — три, гипертрофированный этикет — четыре, не говоря уже о самом первом впечатлении от их корабля. Такой тяжеловесный, вычурный дизайн совершенно не в духе молодых развивающихся цивилизаций.

Эти слизни просто не могут не быть вырождающейся расой — все, буквально каждый признак на то указывает. Где, где только были мои глаза раньше? Хотя бы тот элементарный факт, что они так зациклились на поисках натуральных радиоактивных веществ для питания своих ревитализаторов — да располагай мы их познаниями, уже давно бы изобрели тьму-тьмущую заменителей. Неудивительно, что они оказались не в состоянии что-либо растолковать нам — сильно сомневаюсь, разбираются ли они сами в собственных премудростях! Негодные наследники некогда процветавшей расы, разбазарившие достояние мудрых предков и промышляющие теперь на космических дорожках чем бог пошлет!

Я утопал в собственных безрадостных грезах.

— Лохи мы, самые что ни на есть тупые, темные лохи! — простонал я в ответ.— Мы купили Бруклинский мост*, и купили его у дешевых космических проныр!

Троусон печально кивнул:

— Вроде тех самых доверчивых туземцев, уступивших родной остров европейцам за пригоршню пестрого бисера...

Слава богу, оба мы с профессором ошибались тогда, Альварес. Мы с ним явно недооценивали Майнцера с Лопесом, да

* Имеется в виду расхожая притча о провинциале, купившем мост у нью-йоркских аферистов.

и других тоже... Как сказал Майнцер, случись все это лет на пять—десять раньше, и нам бы не сдобровать. Но дверь в атомную эру человечество распахнуло задолго до сорок пятого, и люди вроде Майнцера непрестанно занимались ядерными исследованиями в те дни, когда радиоактивных элементов на Земле еще хватало с избытком. И у нас остались добытые их самозабвенным трудом знания, у нас оставались еще такие могучие средства, как циклотроны и бетатроны. И — да простят мне слушатели не вполне деликатное замечание — мы все же были и остаемся молодой энергичной расой.

А все, что следовало предпринять тогда, Альварес,— это, сжав зубы, бросить все силы и средства на исследования, энергичные исследования.

И это было незамедлительно сделано. Под руководством воистину эффективного, первого в земной истории Всемирного правительства, мобилизацией ресурсов всего человечества, уже вкусившего опыт совместных действий, единым могучим напряжением сил — проблема, как ты, Альварес, знаешь, вскоре была разрешена.

Человечество создало искусственные изотопы и вновь запустило ревитализаторы. На основе тех же изотопов мы разработали топливо для ракет и вышли в космос. Мы действовали сравнительно быстро, Альварес, и нас интересовала отнюдь не увеселительная прогулка до Луны или же, скажем, пикник на Марсе — мы хотели добраться сразу до звезд. И жаждали этого так сильно, что сегодня, как видите, вполне это можем.

И вот мы здесь. Объясни им ситуацию, Альварес, лишь добавь к моим словам всяческих там реверансов, выкрутасов и коленец, каким ты, бразильский китаец, не сомневаюсь, обучен. Ты самый подходящий для этой миссии человек, дружище Альварес, мне же такая задачка явно не по зубам. Такой вычурный, куртуазный язык — единственный, который еще в состоянии понимать эти выморочные слизни, значит, говорить придется именно на нем. Передай же все в точности этим скользким тварям, Альварес, этим устрицам без ракушек, этим спесивым продувным бестиям, и не забудь упомянуть, что должков мы не забываем. Распиши все покрасочнее, в деталях.

Затем добей сообщением, что нам удалось создать искусственные изотопы и мы сами можем затеять с ними неплохой бартер. У них еще осталось что предложить в обмен. Наверняка осталось.

Скажи им, Альварес, врежь правду-матку — пришла пора платить за проезд по сбагренному нам Бруклинскому мосту.

Венера, мужская обитель

И раньше я говорил, твердил постоянно, что Сис, хотя и старше на целых семь лет, прежде всего девчонка и права далеко не всегда. И далеко не всегда поступает наилучшим образом. Засунуть меня в корабль, битком набитый невестами — добрых триста бабенций, охочих до крутых венерианских мужиков,— и думать, что все для меня обойдется, это как, по-вашему? Ну не глупость? Можно ли втравить в подобное дело мальчишку моего возраста и рассчитывать, что пронесет? Что обойдется без сюрпризов?

И они, то бишь неприятности, естественно, не замедлили дать себя знать. Причем самая скверная их разновидность — нелады с законом.

Уже спустя двадцать минут после вылета с космодрома в Сахаре я выбрался из стартового гамака и направился к выходу из каюты.

— Веди себя прилично, Фердинанд,— напутствовала сестрица, открывая нуднейшую книжонку под названием «Современная женщина и проблемы пола».— Не забывай, какой ты у нас красавчик. Смотри, чтобы не пришлось за тебя краснеть. Будь пай-мальчиком.

Не мешкая, я двинулся по коридору. Фиолетовые лампочки над дверью большинства кают свидетельствовали, что их хозяйки по-прежнему пребывают в гамаках. Это означало, что на ногах сейчас лишь экипаж судна, то есть одни мужчины — женщины на кораблях обычно не служили, их привлекали куда более важные дела — политика и прочее в этом роде. Я ощущал себя невероятно свободным — и счастливым. И намеревался не упустить понапрасну ни одного мгновения из первого своего настоящего свидания с «Элеонорой Рузвельт»!

Как-то даже не верилось, что я наконец в космосе, лечу на взаправдашнем межпланетном лайнере. Повсюду, насколько хватало глаз, тянулась черная гладь стен, прерываемая лишь светлыми овалами входов в каюты — дальше и дальше, без конца. «Ничего себе кораблик эта "Элеонора"! — присвистнув, восхитился я.— Настоящий кораблище!»

Само собой разумеется, время от времени попадались и большие ложные иллюминаторы, полыхающие ненатуральными звездами, но я проскакивал мимо них без задержки — картинки на сей раз мало меня интересовали. Ничто в них не порождало тех замечательных ощущений, какие я испытывал, читая «Ракетных парней»,— ни тебе грохочущих торпедных амбразур, ни видеоэкранов дальней связи, ну абсолютно ничего такого!

Поэтому, доскакав до пересечения с другим коридором, я поразмыслил и свернул налево. Справа, соображал я, должна располагаться четвертая палуба, за ней третья, ведущая мимо полубаковых двигателей к основному гравитационному винту и вся подрагивающая от их сытого урчания, весьма схожего с мурлыканьем довольной жизнью кошки. Путь же в противоположном направлении мог привести на внешнюю палубу, прямо под корпус корабля. Там, в корпусе, я и рассчитывал обнаружить вожделенные амбразуры — или, по крайней мере, настоящие иллюминаторы.

Все эти подробности корабельного устройства я успел разведать еще задолго до старта, даже не покидая каюты — изучив как следует подвешенный к потолку полупрозрачный макет корабля. Сис тоже заинтересовалась скрупулезно выполненной копией, но лишь с целью обнаружить самые занудные места, вроде кают-компании, библиотеки да спасательного бота номер 68, отведенного для нас двоих на всякий пожарный случай. Я же искал на модели действительно важные вещи.

И сейчас, несясь вприпрыжку вдоль коридора, я досадовал на Сис лишь за то, что она возжаждала отправиться на охоту за женихом на лайнере класса люкс. Будь это космический грузовик, я порхал бы теперь с палубы на палубу подобно бабочке, не прилипая постоянно подошвами к гравитационной дорожке, ужасно похожей на коврики у нас дома, на дне Мексиканского залива. Но ведь женщины, они всегда правы — мальчику моего возраста остается лишь корчить втихомолку рожи и делать как велено; взрослым мужчинам, впрочем, тоже.

И все же это было чертовски восхитительно — совать нос в каждую едва заметную щелку в стене, разглядывать утопленные в пазах переборки, живо воображая, как они стремительно вылетают и наглухо запечатывают коридор после столкновения

корабля с метеоритом или еще какой-нибудь космической гадостью. Еще увлекательней оказалось разглядывать бесконечные ряды стеклянных кубов со скафандрами внутри — словно вдоль коридора выстроился легион непобедимых космических рыцарей, сильно смахивающих на своих средневековых собратьев из учебника по земной истории.

«В случае аварии, повлекшей за собой разгерметизацию палубы,— гласила инструкция, выгравированная на каждой прозрачной стенке,— разбить стекло молотком, висящим на стене, извлечь скафандр и облачиться в него следующим образом...»

Это самое «следующим образом» я перечитывал до тех пор, пока не затвердил всем сердцем и даже печенью. «Парень! — сказал я сам себе взволнованно.— Надеюсь, что с аварией нам повезет и тебе доведется примерить один из этих костюмчиков. Зуб ставлю, что в нем куда балдежней, чем в наших глубоководных из Моредонья».

За все время прогулки по кораблю я не встретил ни единой живой души. И в этом был самый что ни на есть кайф.

Миновав двенадцатую палубу, я внезапно наткнулся на огромную надпись: «Внимание! Пассажирам рейса проход за это объявление категорически воспрещен!» — здоровенные такие алые буквищи.

Крайне осторожно заглянул я за угол. Именно там и находилась корпусная палуба, это я помнил прекрасно. Там и только там можно было увидеть вожделенные «амбразуры» — с интервалом в двадцать футов сияли они настоящими звездами, пришпиленными к темному бархату Вселенной. Мириадами звезд — больше, чем я только мог себе вообразить...

Насколько можно было видеть, палуба пустовала. Здесь, вдали от машинного отделения, корабль казался всеми покинутым и абсолютно безмолвным. Хоть бы одним только глазком заглянуть...

Мысль о том, что сказала бы на это Сис, обожгла, точно плетью, и вынудила повернуть вспять. И снова перед глазами заполыхали грозные литеры: «...пассажирам проход воспрещен!»

Черт подери! Да разве не говорили нам на школьных уроках по гражданскому праву, что в наши дни одни только женщины могут обладать земным гражданством! Ну разумеется, со дня принятия знаменитого Акта о поражении мужского пола в правах! А разве не одним только гражданам выдается межпланетный паспорт? Сис и сама объясняла мне это — тщательно и участливо, как всегда, когда разговор касается политики и проблемы прав и говорить об этом ей приходится с мужчинами.

«По существу, Фердинанд, в нашей семье только я могу быть пассажиром межпланетного рейса. Тебе никак им не стать — не являясь гражданином, не получишь и паспорт. Однако я все же сумею взять тебя с собой на Венеру, воспользовавшись следующей формулировкой: "Мисс Эвелина Спарлинг с иждивенцами мужского пола в количестве, не превышающем разумную квоту..." и так далее. Хотелось бы, чтобы ты как следует усвоил подобные вещи и стал, когда подрастешь, активным человеком — мужчиной, не впадающим в апатию, как только дело коснется политики. И не обращай внимания на досужую болтовню, женщинам всегда нравились и будут нравиться энергичные мужчины».

Разумеется, серьезного значения всем благоглупостям, которыми пичкала меня Сис, я почти не придавал. Не дошколенок, соображаю уже — когда женщине приспичит выскочить замуж, совсем не важно, какие там энергичные и сверхактивные мужчины нравились ей прежде. Будь это иначе, разве Сис в числе трех сотен смазливых амазонок рванула бы на Венеру ловить первого подвернувшегося женишка?

Но тем не менее пассажиром в юридическом смысле я как будто не являлся. Стало быть, грозная надпись никакого отношения ко мне не имела и иметь не могла. Оставалось лишь догадываться, что сказала бы Сис по поводу подобного аргумента, но покамест я им располагал и мог пользоваться по собственному усмотрению. И появись кто, пустил бы в ход без долгих колебаний. Вот так впервые я и преступил закон.

И ужасно был этим доволен. Звезды в настоящем иллюминаторе смотрелись изумительно, Луна же в левом его уголке выглядела впятеро крупнее, чем доводилось видывать ее до сих пор — не считая того, что в кино,— огромный молочный пузырь в серых проплешинах кратеров, она просто потрясала воображение. Я надеялся поглазеть еще и на Землю, но, видать, не повезло — родная планета скрывалась где-то за корпусом. Совершенно расплющив нос о стекло, я угадал даже слабое мерцание далекого космолайнера, направляющегося куда-то к орбите Марса — вот бы и мне сейчас на нем побывать!

Затем, чуть дальше по коридору, тянувшемуся вдоль гигантского корпуса, над местом, буквально зиявшим отсутствием очередного иллюминатора, я обнаружил высоко на стене надпись точно такими же ядовито-алыми буквами, как и предыдущая: «Спасательный бот 47. Пассажиров — 22. Экипаж — 11. Посторонним вход категорически воспрещен!»

Еще один из этих строжайших запретов.

Я буквально распластался по стеклу соседнего иллюминатора и почти отчетливо сумел разглядеть темные ракетные дюзы катера, прилепившегося к громадине лайнера. Затем перебрался под саму надпись и попытался обнаружить вход. Тонкая, едва различимая линия герметичного шва описывала здесь здоровенный овал — это и был шлюз. И никаких тебе рычажков или тумблеров. Ни единой кнопочки, чтобы нажать и войти.

Похоже, люк был заперт звуковым замком — вроде тех, что использовались на входе в шлюзы и у нас в Моредонье. Но на стук или на голос? Я выстучал две известные мне комбинации, и ничего не случилось. Из голосовых кодов мне припомнился всего лишь один — ну а вдруг именно тот самый? Чем черт не шутит?

— Двадцать — двадцать три, сезам, отвори! — скомандовал я.

На секунду я поверил было, что случилось невозможное и мне с ходу посчастливилось попасть в яблочко, угадать одну из множества миллионов возможных комбинаций — дверь, притонув в пазах, стала откатываться в сторону... Но тут из темноты взметнулась широченная волосатая лапа, железные пальцы сомкнулись на моем горле, и меня, точно сардинку из банки, резким рывком втянуло в провал шлюза.

Больно грохнувшись о жесткий пол катера, я не успел еще сделать и вдоха, как люк снова намертво захлопнулся. Вспыхнул свет, и я обнаружил перед кончиком носа мрачно сверкающий ствол бластера, а выше — холодные голубые глаза мужика, крупнее которого отродясь не видывал.

Одет он был необычно — в комбинезон с капюшоном, скроенный из одного куска удивительной чешуйчато-зеленой ткани, которая казалась твердой и мягкой одновременно. И обут в высокие башмаки из того же неведомого материала.

Поражало и лицо незнакомца — густого коричневого цвета и даже как бы припорошенное копотью. Загаром такое уже не назовешь, он был смугл в той степени, какая достигается лишь непрестанным прокаливанием под лучами беспощадного солнца изо дня в день в течение долгих-долгих лет. Нечто подобное лицам телохранителей из Нового Орлеана, которых я видел, когда однажды побывал там на своих сухопутных каникулах. Волосы незнакомца, некогда, по-видимому, блондина, ниспадали теперь на плечи пышными волнами грязновато-желтого оттенка.

Такая грива встречалась мне лишь на иллюстрациях из учебника по древней истории и никогда — на живом человеке. Все мои знакомые мужчины неизменно стриглись «под горшок». Начисто позабыв даже о бластере, ношение которого без прави-

тельственной лицензии было, кстати, грубейшим нарушением уголовного уложения, я завороженно разглядывал патлы чужака, пока мурашки не побежали по моей спине.

Его взгляд.

Глаза незнакомца, лишенные какого бы то ни было выражения, уставились на меня не мигая. Сплошной синий лед. И на пепельно-шоколадном лице никаких эмоций. Словно какая-то глиняная маска. В памяти всплыл крокодил, немигающие буркалы которого я рассматривал сквозь стекло в надводном зоопарке с добрую четверть часа, пока жуткая тварь не соизволила наконец разинуть на меня свою длинную зубастую пасть.

— Вот же дерьмо зеленое! — неожиданно прозвучал довольно приятный хрипловатый голос.— Всего лишь головастика зацепил! А я-то перенервничал... Чуть не вспотел, понимаешь!

Незнакомец сунул бластер в кобуру все из той же чешуйчатой кожи, скрестил руки на груди и уставился на меня вновь. Я поднялся на ноги с чувством заметного облегчения — глаза его уже начинали оттаивать — и сделал правой рукой элегантный жест, которому обучила меня сестра:

— Разрешите представиться, меня зовут Фердинанд Спарлинг. Чрезвычайно рад познакомиться с вами, мистер... мистер...

— Для твоего же блага надеюсь,— загадочно проронил сквозь зубы собеседник,— что ты не то, чем кажешься,— не малолетний братишка одной из этих безмужних пронырок.

— Пронырок?

— Ну, самок в поисках партнера. Так долинники прозвали земных невест.

— Долинники — это, кажется, настоящие обитатели Венеры, тамошние уроженцы? И вы тоже, наверное, венерианин? А из какой ее области? И что имели в виду, говоря, что надеетесь...

Собеседник рассмеялся и легонько подпихнул меня к одной из коек вдоль борта.

— Вопросики задаешь,— заметил он с широкой и ясной улыбкой.— Скажу только, что Венера — мир крутой и не самое подходящее местечко для сухофрукта, особенно для головастика вроде тебя с холостой сестрицей на шее.

— Я вовсе не сухорук! И не сухоног! — обиделся я. И гордо прибавил: — Мы с сестрой из Моредонья.

— Сухофрукт, я сказал,— не сухорук. А что за Моредонье такое?

— А, ну тогда ладно, а то у нас в Моредонье дразнят так всех чужаков да новичков зеленых. А у вас на Венере их, стало быть, зовут сухофруктами? — И затем я поведал венерианину

историю строительства Моредонья в глубинах Мексиканского залива, начинавшуюся еще в те незапамятные времена, когда запасы полезных ископаемых на суше стали подходить к концу и ученые разведали новые месторождения в глубинах моря.

Он кивнул. Да, он слыхал что-то о подводных городах-шахтах под гигантскими пузырями защитных куполов, появившихся в каждом земном море еще до начала освоения и заселения иных планет.

На венерианина, похоже, произвело впечатление, что мои родители оказались одной из самых первых пар, обвенчавшихся в бездонных глубинах. В задумчивом молчании он внимательно выслушал историю нашей семьи, рассказ о моем и Сис детстве, прошедшем под неумолчный гул воздушных компрессоров. А когда я рассказал, что сразу после третьей ядерной, переросшей в Материнскую революцию, наша матушка как полномочный представитель Моредонья в Мировом совете принимала участие в составлении знаменитого Акта о поражении мужского пола в правах, воздел брови и брезгливо поджал губы.

Выслушав историю гибели родителей, взлетевших на воздух при взрыве надводного судна, венерианин участливо похлопал меня по плечу.

— Ну вот, после символических их похорон у нас с Сис оставалось очень немного денег, и она решила использовать остаток на переезд. Она сочла, что ничего хорошего на Земле ей уже не светит — из-за этого самого «три к четырем»...

— А это что еще за чертовщина такая?

— Три к четырем? Лишь три женщины из четырех на Земле могут надеяться на замужество. Нехватка мужчин. Началась еще в двадцатом веке, как говорит Сис,— из-за войн и всего такого. А когда войны закончились, еще больше мужчин померло или потеряло от радиации мужскую силу. Затем, как говорит Сис, лучшие оставили Землю и переселились на другие планеты. Так что теперь, если женщина даже и исхитрится раздобыть себе мужа, особо им не похвастаешь.

Чужак немедленно кивнул:

— Да уж, только не там, не на Земле! В этом твои сексуально озабоченные пронырки абсолютно правы. Что за жуткое местечко эта ваша Земля! Нахлебался ею досыта! Там у вас сам черт ногу сломит...

И поведал в ответ свою незамысловатую историю. На Венере все обстояло как раз наоборот — нарасхват были женщины. И моему новому знакомцу никак не удавалось заманить на свои уединенные острова ни единой из них, даже самой завалящей.

Вот и решил он смотаться за невестой на Землю. Но, рожденный и воспитанный в весьма далеких от цивилизации условиях, венерианин даже понятия не имел, что представляет собой на деле пресловутый «бабский монастырь», как называли далекую Землю его однокашники.

Неприятности начались сразу же после приземления. Гость и не подозревал, что по прибытии обязан зарегистрироваться в каком-то там казенном отеле для транзитных самцов. Бармена, позволившего себе нелюбезное замечание по поводу прически клиента, он вышвырнул в пластиковое окно и — только вообразите себе! — мало того что при аресте оказал сопротивление, приведшее к госпитализации троих полисменов, так еще дерзнул оскорбить и сам высокий суд!

— Мне толковали, что мужчина имеет право обращаться к судье лишь через этих пронырок-поверенных. Я же попытался втолковать одной из них, что в мире, где живу я, мужчина берет слово, когда только вздумается, ну а женщина — сбоку припека.

— Ну и что же было дальше? — *Я буквально затаил дыхание.*

— А-а-а... Виновен в том-то и том-то, приговаривается к тому-то и тому-то... Эта чокнутая жаба опустошила мне карманы штрафом, заявив, что остаток долга великодушно прощает, как чужеземцу, и обозвала напоследок дикарем необразованным.— Глаза собеседника на мгновение потемнели. Затем он снова довольно заулыбался: — Но я не собирался выслушивать до конца все эти затейливые казематные байки. Принуждение к изучению гражданского долга — так, кажется, называют они свою прочистку мозгов? Я отряхнул со своих подошв мертвящую пыль этого ублюдочного бабского мира и надеюсь, что навсегда. Ваши бабы вполне достойны своих мужиков. В карманах у меня было хоть шаром покати, и топтуны уже наступали на пятки. Поэтому, чтобы не радировать домой и никого не беспокоить, я и устроился здесь зайцем. Вот так вот!

Какое-то время я переваривал услышанное. Когда же врубился полностью, чуть не хлопнулся в обморок.

— В-вы хот-т-тите ск-к-казать,— заикаясь, выдавил я,— чт-т-то на-на-нарушаете закон п-п-прямо сейчас? П-п-пока я здесь, с вами?

Венерианин присел на краешек койки и удивленно уставился на меня:

— Господи боже ты мой, да во что же только превратили они своих головастиков! А кроме всего прочего, за какой такой нуждой ты приперся на корпусную палубу? Это запрещено.

По трезвом размышлении я согласно кивнул:

— Вы совершенно правы, мистер. Я вляпался в это дельце сам. Теперь мы с вами оба — самцы вне закона.

Венерианин грубовато заржал. Затем устроился на койке поудобнее и принялся чистить свой бластер. Я тут же поймал себя на том, что рассматриваю сверкающий смертоносный ствол как завороженный с тем самым чувством, какое Сис и приписывала в подобных делах мужскому полу.

— Фердинанд, стало быть? — заметил чужак.— Не годится подрастающему головастику. Язык сломаешь. Буду звать тебя Фордом. А ты зови меня Бат. Бат Ли Браун.

Я проверил на языке звучание своего нового имени — ничего, оно мне понравилось.

— А Бат — это тоже сокращение?

— Сокращение, ага. От Альберта. Но мне еще не попадался никто, способный выхватить пушку достаточно быстро, чтобы назвать меня полным именем. Видишь ли... Папаша до Венеры добрался в восьмидесятые, с большущей волной эмигрантов из Онтарио. И всех нас, пацанов, назвал в честь канадских провинций. *Я самый младший из братьев, вот мне и досталось* имечко, заготовленное предками для девчонки.

— У вас много братьев, мистер Бат?

Собеседник дружелюбно ухмыльнулся:

— О, целый выводок! Вернее, был выводок — пока всех, кроме меня и Саскачевана, не перебили братцы Мак-Грегоры. Во время Чикагского мятежа пуристов. Затем мы вдвоем с уцелевшим братом выслеживали Мак-Грегоров по одному. Ухлопали на это тьму-тьмущую времени — последнего из них, Джока Мак-Грегора, эту мерзкую харю, макнули в Тоскану, когда уже изрядно подросли.

Я придвинулся, чтобы разглядеть получше крохотные медные катушки над спусковой кнопкой бластера.

— А много людей перебили вы из этой штуки, мистер Бат?

— Просто Бат. Ни к чему эти цирлих-манирлих, дружище Форд! — Бат прищурился на какое-то крохотное пятнышко.— Не больше дюжины — не считая, само собой, пятерки земных топтунов. Я ведь мирный плантатор. И разумею так — насилие никогда не решает проблем до конца. Мой брательник Сас, например...

Захватывающая история о приключениях его брата только начала набирать обороты, когда ударил обеденный гонг. Заявив, что растущему головастику требуется уйма калорий и витаминов, Бат меня спровадил. Напоследок как бы невзначай заметил, что не станет обижаться, если я захвачу для него с обеда какой-нибудь зелени. На борту этой спасательной жестянки,

дескать, нет ничего, кроме консервов, а он на своей ферме привык к более живительному рациону.

Сложность заключалась еще и в том, что Бат на поверку оказался едоком чрезвычайно разборчивым. Набивать за обедом карманы обычными овощами и фруктами еще куда ни шло, я изобрел способ выносить из столовой даже ламинарии и обожаемый мистером Брауном кресс-салат, но вот соленый морской ковыль и виногрязник с Венеры, к примеру, воняли уж очень. Каютная автопрачка дважды отказывалась принимать мою куртку, и мне пришлось пошевелить собственными ручками. Но зато взамен я обзавелся единоличной тайной и каких только удивительных вещей о Венере не наслушался от своего безбилетника...

Я выучил несколько замысловатых долинных песен, и мы с Батом попели дуэтом; узнал и хорошенько усвоил, что сильнее всего ненавидят уроженцы Венеры; мог назубок перечислить признаки, по которым отличают поганых правительственных топтунов из Нью-Каламазу от шлепоногих крадунцов — друзей каждого фермера. После длительных уговоров Бат Ли Браун научил меня обращаться с бластером, я затвердил название всех его деталей до самого последнего винтика, смог бы даже спросонья уверенно ответить, для чего служат крохотные округлые электроды или какой силы ток бежит по бесчисленным виткам трансформатора. Но подержать бластер в руках Бат все же так и не позволил.

— Извини, Форд, извини, старина,— крутясь в штурманском кресле на носу бота, только и мог грустно протянуть он в ответ на очередные мои приставания.— Я твердо усвоил еще с пеленок: дай свое оружие кому-нибудь в руки, все равно кому — и ты уподобишься тому великану из сказки, чье сердце, скрытое в волшебном яйце, отыскали враги. У нас, как только ты подрастаешь и отец видит, что сыну пришла пора обзавестись собственным оружием, тебя учат обращению с ним, и учиться приходится быстро. А до тех пор — даже близко к оружию подходить не смей.

— Но у меня же нет отца, который вручил бы бластер, когда настанет время. Нет даже старшего брата во главе семьи, вроде вашего Лабрадора. Только Сис. А она никогда...

— О, она резво выскочит замуж за какого-нибудь щеголя-сухофрукта, который ни разу не бывал южнее Полярного побережья. И станет главой веселой семейки, если я верно ее раскусил. Твоя сестрица, похоже, из породы тех самых гордячек, что привыкли командовать, заправлять всем на свете. Кстати, Форди...— Бат встал и потянулся так, что заиграли все его могучие бицепсы и затрещал по швам комбинезон рыбьей кожи.— Твоя сестра Эвелина, она ведь даже...

И он вновь завел нудные свои расспросы про Сис. Усевшись в освободившееся вертящееся кресло, я отвечал так терпеливо и пространно, как только мог. Но о многом попросту не имел ни малейшего представления. К примеру, я мог ответить Бату, что Эвелина — девушка здоровая, но насколько? Тут я был пас. Мог рассказать, что наши дядюшки и тетушки с обеих сторон наплодили целую кучу кузенов и кузин. Нет, нам с сестрой никогда не доводилось заниматься сельским хозяйством — где же, в Моредонье-то? — но уверен, Сис как первая на свете зубрилка достаточно знает об этом из книг, а в обращении с глубоководным оборудованием ей вообще нет равных.

Откуда мне было знать тогда, что моя словоохотливость доведет меня же до беды?

Сис настояла, чтобы я посетил вместе с ней лекцию по географии. Большинство окружавших нас в кают-компании охотниц за мужьями прощебетали все занятие, сплетничая промеж собой обо всем на свете, но только не сестрица! Она впитывала каждое слово, усердно конспектируя все подряд, назадавала ворох каверзных вопросов, так что мне даже стало немного жаль вспотевшего с натуги корабельного эконома, который, мечтая поскорей отделаться от обременительной обязанности, зачитывал нам весьма нудные тексты о флоре и фауне Венеры.

— Весьма сожалею, мисс Спарлинг,— отвечал он с плохо скрываемым сарказмом,— но не могу припомнить с ходу ни одной агрокультуры, выращиваемой на Макроматерике. С тех самых пор как его заселенность упала до одного человека на тысячу квадратных миль и даже ниже, естественно, сократилась и площадь возделываемых земель... Стоп, погодите, кое-что припомнил! Макроматерик все-таки поставляет один небезызвестный продукт, хотя и не вполне съедобный. Дикорастущий дерьмотрав. Его сбором занимается там наркомафия. И вопреки распространенному на Земле мнению, транспортное сообщение на материке за последние годы весьма оживилось. Собственно...

— Простите, сэр,— перебил я лектора,— но разве дерьмотрав распространен по всему континенту, а не растет только на острове Лифа Эриксона, что прилегает к Московскому полуострову? Припомните, сэр,— третья экспедиция Ванга Ли, когда тот доказал, что большую часть года остров от полуострова все же отделяет полноводная протока.

Мгновение поразмыслив, эконом кивнул.

— Совсем запамятовал,— неохотно признался он.— Простите меня, леди, но мальчик совершенно прав. Будьте добры внести исправление в ваши записи.

Моя сестра, единственная из всех, кто их вел, этого так и не сделала. Задумчиво покусывая нижнюю губку, Сис внима-

тельно смотрела на меня, а я под этим ее взглядом постепенно начал скисать. Затем она сомкнула правую ладошку в кулачок — в точности тем же жестом, что и матушка в Совете, когда вызывала на открытый бой оппозицию.

— Фердинанд,— произнесла сестра непререкаемым тоном,— сейчас мы с тобой вернемся в каюту.

В тот самый момент когда, усадив меня, Сис стала мерить шагами помещение, я уже понял, что все пропало. Но заготовку свою все же выдал — зачастил, опережая расспросы:

— Я читал книжки по географии Венеры из корабельной библиотеки.

— Нисколько не сомневаюсь,— сухо ответила сестра. Она откинула со лба локон цвета безлунной ночи.— Но ведь ты не станешь утверждать, что и о дерьмотраве прочитал там же. Все, что только есть в бортовой библиотеке, прошло земную цензуру под строгим надзором правительственного агента — на предмет изъятия сведений, способных причинить вред незрелым и впечатлительным мальчишеским умам вроде твоего. Она, этот земной агент, просто не могла пропустить...

— Топтун, а не агент,— с брезгливой гримаской вставил я.

Сис так и села, ладно еще не промахнулась, угодила прямо в свое надувное кресло.

— Теперь вот еще и это словечко,— глухо вымолвила она,— что в ходу лишь у венерианского отребья.

— Неправда!

— Что именно неправда?

— Они не отребье,— выдавил я, буквально кожей ощущая, как увязаю все глубже и глубже, и не находя уже путей к спасению. Только не выдать бы мистера Брауна! — Они охотники и честные фермеры, смелые первопроходцы и исследователи, они строители Венеры. И нужно быть самым настоящим мужчиной, чтобы трудиться в этом голодном испепеляющем аду!

— Это все? — Сис вылупилась так, будто у меня начала отрастать вторая пара ушей.— Давай-ка уж договаривай до конца!

— Смиренные, законопослушные и женоподобные мужчины никогда не сумели бы основать цивилизацию на дикой неизведанной планете! Это была работенка для тех, кто не боится устанавливать свои собственные законы, а при необходимости и защищать их с оружием в руках. Сначала говорят пушки, книги же пишутся после...

— Ты ответишь мне немедленно, Фердинанд, где нахватался этих дьявольских, уголовных, вирилистских идей!

— Нигде! — запирался я.— Это мои собственные мысли!

— Что-то слабо верится! Для подростка слишком уж приведены они в систему. Особенно для мальчика, который до сих пор от политической философии лишь вполне по-мужски зевал и клевал носом. На планете, о которой ты, Фердинанд, так складно толкуешь, я собираюсь делать карьеру на государственном поприще — разумеется, когда подыщу себе приличного верного супруга. И мне ни к чему самец-экстремист в своей собственной семье. Ну-ка выкладывай, кто запудрил тебе мозги всей этой мерзкой чушью?

Я уже изрядно вспотел. Когда Сис подозревала кого-то во лжи, она выказывала настоящую бульдожью хватку. Чтобы вытереть лоб, я полез в карман за платком — и тут что-то выпорхнуло на пол.

— Почему у тебя в кармане моя фотокарточка, Фердинанд?

Створки капкана захлопнулись с лязгом, буквально ощутимым физически.

— Ну... Кое-кто из пассажиров просил показать, как ты выглядишь в купальном костюме... Какие купальники предпочитаешь...

— Все пассажиры на нашем корабле — женщины. Как-то трудно представить, чтобы одну из них вдруг заинтересовала моя фигура. Признайся, Фердинанд, это мужчина напичкал тебя антиправительственными идеями, не так ли? Торгующий смертью вразнос вирилист, который, как все эти самцы, когда их чуток поприжмут, мечтает о реванше. О власти, не имея даже смутного представления, что та представляет собой и как осуществляется. Естественно, кроме привычных сызмальства насильственных способов, чреватых морем крови. Фердинанд, во имя нашей матери, скажи немедленно, кто посмел так безастенчиво надругаться над твоей невинной детской душой!

— Никто! Никто!

— Ты ведь понимаешь, Фердинанд, что в запирательстве мало проку. Я требую!

— Я уже сказал тебе! Я сказал! И не называй меня больше Фердинандом! Я Форд!

— Форд? Форд?! Теперь выслушай меня, Фердинанд, и выслушай внимательно...

Расколоть меня до конца не заняло у сестры много времени. Совершенно не умею ее дурачить. Слишком уж хорошо Сис знает меня. А кроме всего прочего, она ведь еще и девчонка. И очень скоро дело завершилось полным и чистосердечным признанием.

Но я позаботился, чтобы не причинить этим неприятностей мистеру Бату Ли Брауну. Лишь получив от сестры честное-пре-

честное слово, что, если возьму ее с собой на спасательный бот, она не настучит на Бата, я облегчил душу до конца. Такое обещание Сис дала весьма охотно, без колебаний, чем несколько смягчила мои угрызения совести.

По паролю «сезам!» дверь шлюза распахнулась. Увидев, что я явился не один, Бат отпрянул, в его руке тотчас же вырос десятидюймовый ствол. Затем он узнал Сис — разумеется, по фотографиям — и расслабился, сменил гнев на милость.

Сделав шаг в сторону, он столь же неуловимым движением отправил бластер в кобуру и откинул капюшон на спину. Теперь и для Сис настал черед подпрыгнуть от неожиданности — когда на плечи Бату хлынула соломенная волна его роскошной гривы.

— Мое почтение, мисс Спарлинг,— поздоровался он своим хрипловатым баском.— Заходите, милости просим. И извините за некоторый беспорядок.

Сис вошла, следом и я. Мистер Браун тут же захлопнул за нами дверь. Я отчаянно пытался встретиться с ним взглядом, чтобы хоть как-то реабилитировать себя — хотя бы намеком дать знать, что я не жалкий доносчик,— но Бат, даже не взглянув в мою сторону, в два размашистых шага оказался в носовой части. Впрочем, Сис, следует отдать ей должное, отстала совсем ненамного и, подойдя к волосатому гиганту вплотную, непреклонным жестом скрестила на груди руки.

— Во-первых, мистер Браун,— начала Сис тоном, более уместным для классной комнаты, переполненной разгалдевшимися первоклашками,— отдаете ли вы себе отчет, что помимо нелегального пересечения границы, то есть совершения политического преступления, и чистой воды уголовщины в виде банальной экономии на плате за проезд, вы еще поставили под угрозу и безопасность пассажиров вкупе с экипажем, нарушив неприкосновенность припасов спасательного средства?

Бат открыл было рот и приподнял свою чудовищной ширины ладонь. Затем потерянно махнул ею и шумно выпустил воздух из легких.

— Это, видимо, следует понимать как полное отсутствие оправданий и смягчающих обстоятельств? — нудным тоном продолжила Сис.— Или же вас все это вообще мало беспокоит?

Бат рассмеялся, вернее, захмыкал — принужденно и неспешно, как бы над каждым ее словом в отдельности.

— Неужто все эти пронырки изъясняются подобным манером? На Венере такое навряд ли сойдет им с рук.

— Такое уже навело порядок на Земле — после того, как вы, самоуверенные самцы, завели ее в кровавый тупик. Потребовалась настоящая революция матерей, прежде чем...

— Ни черта подобного, никаких бабских революций там не требовалось. Просто всем захотелось раз и навсегда покончить с войнами. Одряхлевший старый мир, эта ваша Земля.

— По сравнению с вашим — это мир строгих моральных устоев, мистер Альберта Ли Браун!

Прозвучавшее во всей его красе собственное полное имя заставило Бата вздрогнуть и сделать шаг к Сис. Чуть снизив запал в голосе, но по-прежнему отважно глядя на него снизу вверх, сестра завершила свою тираду почти скороговоркой:

— Так как же все-таки вы можете объяснить ваш безбилетный проезд и нарушение неприкосновенного запаса?

Вскинув голову, Бат нахмурился:

— Видите ли, сперва капусты у меня было с избытком, хватило бы купить себе билет хоть до самого Марса. Когда бы не эта жаба в судейской мантии, что пришила мне чертову уйму обвинений и обобрала до последней нитки, ни в жисть не полетел бы зайцем. «Элеонору Рузвельт» же выбрал потому, что знаю кое-кого из экипажа и рассчитывал на подмогу при посадке. Но с этим спасательным ботом вы, мисс Спарлинг, боюсь, дали маху. Неужто не знаете, что каждый лайнер оснащен ими с четырехкратным запасом по вместимости пассажиров? О жратве тутошней вообще умолчу, она уже и в глотку-то не лезет.

— Ну разумеется,— едко заметила Сис.— То-то вы и наладили парнишку таскать вам свежую зелень. Не знали разве, что согласно Космическому уложению это делает его равноправным соучастником ваших злодеяний?

— Да нет же, Сис, ничегошеньки ты не понимаешь! — попытался я заступиться за Бата.— Все, что он хотел...

— Знал, конечно,— заглушил мои стенания зычный голос венерианина.— Как и то, что, если попадусь без билета, буду сослан обратно на Землю для очередной промывки мозгов в вашем смехотворном судилище.

— Согласитесь, вы вполне это заслужили!

Бат нетерпеливо рубанул ладонью воздух:

— Я не имею в виду закон, женщина, я толкую о чувствах! Послушайте! Все мои неприятности из-за того, что я отправился на Землю искать себе жену. Вы же здесь потому, что летите на Венеру за женихом. Так давайте же!

Сис в ужасе отшатнулась:

— Давайте? Давайте — что? Вы еще смеете предлагать мне, чтобы я... чтобы...

— Нет-нет, мисс Спарлинг, никаких там неприличий! Без шуток, совершенно серьезно — я хочу предложить вам руку и сердце, да вы и сами прекрасно об этом знаете. Из того, что

понарассказывал братец, вы легко могли сделать этот вывод. Вы отличаетесь завидным здоровьем, силенкой Господь вас не обидел и с наследственностью все в ажуре — не говоря уж о подводных навыках и умении работать с оборудованием. По всем данным вы отнюдь не хуже большинства тех дамочек, с которыми мне довелось общаться раньше. К тому же весьма привлекательная.

От волнения я даже пустил петуха:

— Давай же, Сис, ну! Ответь ему «да»!

Голос сестры налился ядом:

— А с чего, собственно, вы взяли, что сами мне приглянетесь?

Бат добродушно развел руками:

— Реши вы обзавестись лишь болонкой для дивана, так остались бы на Земле. А раз уж отправились на Венеру, то, верно, все-таки ищете себе мужчину. И вот он я, живьем перед вами. Владелец трех небольших островов Галертского архипелага, где без особого труда можно разбить богатые плантации виногрязника. Не говоря уж о рудных залежах в прибрежных водах. Дурным привычкам, кроме привычки всегда поступать по-своему, особо не привержен. Для трудяги-плантатора собой вроде бы недурен. К тому же, если столкуемся, вы обскачете всех конкуренток на борту «Элеоноры» — представляете, какой переполох поднимется!

Томительная пауза несколько затянулась — отступив на шаг, Сис смерила Бата долгим внимательным взглядом. А посмотреть было на что! Венерианин терпеливо ждал, пока его не изучат целиком и полностью — от зеленых башмаков до соломенной гривы. От волнения у меня перехватило дыхание. Вообразите только — заполучить Бата себе в зятья, стать ему почти что родным братом и жить на плантации в краю настоящих мужчин, суровых долинников!

Затем я вспомнил о планах на ближайшее будущее, которые лелеяла сестра, и надежды мои угасли.

— Не кажется ли вам,— нарушила она молчание наконец,— что для женитьбы требуется несколько больше, чем просто...

— Понимаю,— перебил Бат.— Все понимаю, но почему бы нам не попытать счастья?

Сделав шаг навстречу, Бат практически закрыл изящную спину сестры широченными, как две лопаты, ладонями и нежно, но твердо привлек ее к своей мощной груди. И долго-долго не отпускал.

После того как сестра все же вырвалась из железных объятий, оба они какое-то время молчали. Первым обрел дар речи венерианин.

— Что до меня,— изрек он хрипло,— то я голосую за.

Сис облизала губы едва заметным движением кончика языка, затем подалась назад, медленно и задумчиво, как бы продолжая оценивать в нерешительности могучее сложение Бата. Теребя себе подбородок, она отступала все дальше и дальше, до самой двери шлюза, и мы с Батом уже забеспокоились. Затем, толкнув люк в сторону, Сис резво выскользнула из бота.

Бат бросился следом и выглянул в коридор. Проводив сестру взглядом, он захлопнул дверь.

— Ладно,— заявил он, плюхаясь в койку,— чего-то в этом роде я, собственно, и ждал.

— Вам лучше бы скрыться сейчас, мистер Бат,— глухо выдавил я.— Наверное, не стоило так скоропалительно предлагать Сис выйти замуж. Она только с виду такая маленькая и хрупкая, но я-то знаю, как быстро она может бегать. Не забывайте о ее подводной закалке.

— Было бы о чем беспокоиться! — осклабился Бат.— На мое детство пришлись все долгие полтора десятилетия Чикагского восстания пуристов. Как-нибудь отобьемся.— Он беззаботно откинулся на спину и хмыкнул куда-то в потолок.— Думаю, мы с твоей сестренкой все же могли бы свить уютное гнездышко.

Стараясь не встречаться взглядом с Батом, я все же подсел к нему на краешек койки. Вскоре по палубе загрохотали шаги, множество тяжелых шагов.

Чуть не вывернув себе шею, Бат уставился на контрольный экран перед штурманским креслом, затем неторопливо поднялся, извлек из кобуры бластер и затейливо выругался. Я двинулся было следом, но он обернулся, приподнял меня двумя пальцами за грудки и легонько подпихнул к выходу — я полетел точно мячик от пинг-понга, прямо под ноги входящему в катер капитану «Элеоноры».

Образовалась небольшая куча-мала — барахтаясь в ней, я успел сосчитать все золотые нашивки и шевроны капитанского кителя и прикинуть, сколько миллионов миль налетал космический волк. Когда мы наконец с ним расцепились и поднялись на ноги, капитан тяжело дышал. Невеликого роста толстячок с румяным лицом и озабоченным взглядом, он, хмыкнув в точности как Сис, тут же ухватил меня за шиворот и, как щенка, передал наружу старшему помощнику, а тот — дальше по цепочке второму механику.

Сис, придерживаемая за плечи сразу с двух сторон — экономом и программистом,— стояла возле самого входа. За их спинами сгрудилась целая стая взбудораженных пассажирок.

— Да вы все самые последние трусы! — кипятилась Сис.— Бросить своего капитана в одиночестве, отдать на растерзание опаснейшему маньяку!

— Ничего подобного, мисс Спарлинг,— хладнокровно отвечал программист, подкручивая что-то на своем переносном экранчике.— Наш Старик просто вынужден был сделать соответствующую запись в бортовом журнале, так что после посадки на Венере местные власти непременно займутся вашим зайцем. Уж они-то выковырнут его без особых затруднений. Вы же сами своими цитатами из Закона Матери Аниты принудили капитана к этому, и теперь он просто выполняет свой долг. Прямая его обязанность — заботиться о команде, лишние жертвы и осиротевшие дети никому не нужны.

— Ты обещала мне, Сис,— выдавил я сквозь зубы.— Ты поклялась не причинять Бату неприятностей!

Тряхнув локонами и как бы отмахнувшись ими от меня, точно от назойливой мухи, сестра лягнула эконома. Тот охнул и скривился, но хватку все же не ослабил.

— Цыц, Фердинанд, тут дело серьезнее, чем ты полагаешь! — прикрикнула Сис.

Так оно и было. Из шлюза донесся негромкий голос капитана:

— Я пришел без оружия, Браун.

— Запросто могу поделиться,— ответил ему Бат.

— Нет, благодарю. Ты владеешь этими штуковинами получше, чем я своей скорлупкой.— Слова капитана зазвучали глуше, похоже, он начал удаляться от входа. Бат заклокотал, как нефтяная скважина перед самым выплеском.— Я считал и считаю тебя правильным парнем, Браун.— Голос капитана чуточку подрагивал.— Всякий раз, опускаясь за грузом в Нью-Каламазу, я слыхал о не знающих промаха парнях Браунах только одно хорошее — дескать, блюдут законы чести и в безоружных никогда не стреляют.

Начиная с этого момента голоса поутихли, и из катера доносилось только невнятное бормотание. Что-то мокрое шлепнулось на макушку, и я поднял глаза — с кончика носа второго механика свисала, готовая сорваться, следующая капля пота. Я увернулся.

— Что там происходит? — выдохнула Сис, силясь заглянуть в шлюз.

— Бат решает, делать ли ему из капитана болтунью или все же глазунью,— оттаскивая ее подальше, прокомментировал программист.— Эй, старина! — продолжал он, обращаясь к экономy.— Помнишь, как вся семейка Браунов с папашей во главе заявилась в Духовку на переговоры с полковником Леклерком?

— Одиннадцать трупов, полсотни раненых,— машинально откликнулся всеведущий эконом.— После того армия уже не смела совать свой нос южнее Морозильника.— Его правое ухо напряженно шевелилось.— О чем они там сейчас говорят?

Внезапно мы услышали это — все как один.

— В силу полномочий, присвоенных мне Постановлением Помонской коллегии,— громко провозгласил капитан,— я заключаю вас под стражу за нарушение статей Космического транспортного уложения от шестнадцатой по двадцать первую включительно и подвергаю изоляции до завершения полета согласно параграфам сорок первому и сорок пятому...

— Сорок третьему и сорок пятому! — простонала Сис.— Я же говорила ему: параграфы сорок третий и сорок пятый! И даже повторить заставила...

— ...Закона Матери Аниты, специальный циркуляр номер 2136 Директив межпланетной безопасности,— закруглил капитан непривычно долгий для себя монолог.

Затаив дыхание, мы ждали реплики Бата. Тянулись томительные секунды, но характерного звука лучевого разряда мы так и не дождались.

Вместо этого раздался шорох шагов, и проем заслонила великанская фигура — Бату даже пришлось наклонить на выходе свою патлатую голову. На лице застыла забавная гримаска умственных потуг. Следом показался капитан с бластером — непривычное оружие он держал опасливо, точно гадюку, обеими руками.

При виде живого венерианина девицы едва не смяли членов экипажа, заслонявших им обзор. Точно стайка акул, наблюдающая за гибелью кита.

— М-м-м-м!.. Неужели все на Венере такие здоровущие?

— Мужики вроде этого стоят потраченных денег!

— Я хочу его! Прямо сейчас! Хочу-хочу-хочу!

Сестру отпустили, она сгребла меня за руку и поволокла в каюту. Сис не скрывала своего раздражения поведением подруг, но сквозь вполне объяснимую досаду прорывалось и более сильное чувство:

— Вот дешевки, им бы только языками молоть! Еще хотят называться при этом женщинами!

У меня тоже имелся повод высказаться, и весьма веский. Как только мы с сестрой оказались в каюте, все выплеснулось само собой:

— Ну и где же твое честное слово, Сис? Ты обещала не выдавать Бата! Ты мне пообещала!

Сестра тут же прекратила нервно вышагивать по каюте.

— Да, Фердинанд, я обещала! Но пойми — он сам меня вынудил...

— Называй меня Форд! И я ничегошеньки пока не понимаю.

— Тебя зовут Фердинанд, а не Форд! И нечего вести себя подобно упрямой девчонке! Не дави на меня! Мальчику это не идет. Через денек-другой ты позабудешь всю эту скверную историю и снова станешь самим собой — чистым, беззаботным ребенком. Я хотела сперва сдержать свое слово. По твоим рассказам я представляла себе мистера Брауна эдаким милягой, рубахой-парнем, невзирая на все его чудовищные представления о взаимоотношениях между полами — чтобы не сказать хуже. Я была совершенно уверена, что, приведя два-три разумных довода, сумею его пристыдить, призвать к порядку и убедить сдаться добровольно. Но ведь он... он...— Сис нервно сжала кулачки.— Он поцеловал меня! О, поцелуй был весьма умелый — видать, за спиной у мистера Брауна достаточно пестрое прошлое. Да не на такую напал! Я и так уже испытала жгучий стыд, узнав о его матримониальных видах на меня — представь себе только, рожать ему детей, словно какой-то инкубатор! — но все проглотила и пыталась было отнестись к его предложению всерьез, как оно того сперва и заслуживало. Следует ведь рассматривать все предложения, не так ли? И тут он совершенно утратил человеческий облик! Отбросив условности и позабыв всякий стыд, этот верзила сгреб меня, как средневековый дикарь. Такие, как он, относятся к женщинам, словно к машинам для удовлетворения собственных потребностей. Нажми на верные сексуальные кнопки, гласит их теория, и женщина, закатив в экстазе глазки, падет в расставленные ими вирилистские сети...

Раздался громкий стук в дверь, и на пороге, не дожидаясь приглашения, возник капитан «Элеоноры». Он по-прежнему держал в руках бластер. И направлял его теперь точно мне в лоб.

— Руки вверх, Фердинанд Спарлинг! — объявил он с порога.

Я подчинился.

— Настоящим вы как соучастник преступления заключаетесь под стражу до завершения полета, согласно параграфам сорок первому и сорок пятому...

— Сорок третьему и сорок пятому,— округляя глаза, не преминула поправить Сис.— Вы же дали мне слово чести, что не выдвинете против мальчика никаких обвинений!

— Сорок первому и сорок пятому,— упрямо повторил капитан, не сводя с меня устрашающе выпученных глаз.— Я сверялся. В соответствии с Законом Великого Магистра Матери Аниты, из Директив межпланетной безопасности, все обещания

информатору отнюдь не носят обязательного характера. Я дал вам слово, еще не зная, что предстоит арестовать самого Бата Ли Брауна. А мистера Брауна я предпочел бы и вовсе не арестовывать. Но вы принудили меня к этому. Так что пришлось нарушить данное вам слово, впрочем, как и вам самой до этого. Оба арестованных будут отправлены теперь на гауптвахту, а по прибытии — переданы властям Нью-Каламазу. Затем их депортируют на Землю, где они и предстанут перед судом.

— Но я истратила на поездку свои последние деньги! — застонала Сис.

— Ничего, назад вас прокатят за казенный счет. Весьма сожалею, мисс Спарлинг, но, как вы сами мне растолковали, мужчина, которому доверен важный официальный пост, обязан придерживаться буквы закона в отношении самцов, подозреваемых в подрывных вирилистских действиях... Есть, правда, еще один выход...

— Выход? Какой же? Не томите!

— Можно мне опустить руки, хоть на минутку? — взмолился я.

— Нет, сынок, никак нельзя — в соответствии с мерами безопасности, предусмотренными Законом Матери Аниты. Мисс Спарлинг, вот если бы вы согласились выйти замуж за мистера Брауна — минутку, погодите закатывать глазки! — все удалось бы легко уладить. Я подписываю брачное свидетельство, мистер Браун включается в ваш паспорт как «иждивенец мужского пола» и летит дальше уже легально. Как только долетаем до Венеры, связывается с банком и оплачивает проезд. Стереть запись в бортовом журнале, думаю, удастся — программист уверял, что сумеет. Мистер Браун свободен, мальчуган свободен, да и вы...

— Не внакладе, хотите сказать? Выйти замуж за нечесаного головореза, который не в состоянии даже присесть на секунду, чтобы позволить женщине уладить все дело самой! Постыдились бы, капитан!

Космический волк развел руками:

— Может, вы и правы, мисс Спарлинг, но, согласитесь, такое отступление весьма почетно. А главное — это замечательный выход из наших с вами общих затруднений. Послушайте, мисс Спарлинг, это уже отнюдь не шутки — я не хотел арестовывать Брауна, да и сейчас предпочел бы этого избежать. Команда на грани бунта. Экипажу ничто не угрожает на Земле, но по работе часто приходится летать на Венеру. И дразнить гусей, то бишь многочисленных сородичей Брауна, нам совсем не с руки. Бат Ли Браун, невзирая на его не слишком привлекательную в глазах цивилизованных людей наружность, пользуется

огромным влиянием на всем Полярном континенте. А в собственной своей вотчине, Галертском архипелаге, он подлинный царек — назначает и снимает чиновников и вершит суд по собственному усмотрению. Не говоря уже о его старшем брате Саскачеване, который считает Бата юнцом желторотым и неоперившимся...

— Пользуется огромным влиянием? Мистер Браун? Вы не шутите? — Сис, казалось, уже призадумалась.

— Не то слово — влияние. Мощь, настоящая сила. Браун — тот самый крутой парень, который обычно и верховодит в любой новой общине. К тому же, помимо всего прочего, мисс Спарлинг, вы ведь отправились на Венеру именно за мужем? Сбежали от земных демографических проблем? Пусть, скажем, мистер Браун в ваших глазах и не самый первосортный жених, но вам в любом случае не светит быть на Венере особо разборчивой. Там такое не принято, не поймут-с. Боюсь, в этом отсталом вирилистском мире, невзирая на всю вашу молодость и привлекательность, вам предстоит удовольствоваться первым же попавшимся здоровым самцом. Тем более что по прилете «Марии Кюри» и «Фатимы» дефицит невест там несколько поубавился. А в следующем месяце прибывает еще один большой лайнер — «Мадам Сунь Ят-сен». Так что...

Не дослушав до конца, Сис задумчиво кивнула, толкнула дверь и вышла вон.

— Теперь остается лишь надеяться, сынок! — сказал капитан.— Как говаривал мой папаша, мир праху его, мужчина, который умеет управиться с бабенкой и может обвести ее вокруг пальца, больше ничего в этой жизни может и не знать. Весь этот космос у меня уже вот где! — Он чиркнул пальцем по кадыку.— Кстати, ручонки-то... можешь теперь опустить.

Мы присели с ним, и я объяснил, как работает бластер. Капитан слушал меня с видимым интересом. Все, что он успел усвоить о бластере из объяснений Бата — в спасательном боте, когда они оба решали использовать мой арест как рычаг давления на сестру,— это как придерживать большим пальцем предохранитель, чтобы не дай Бог не выпалить. И теперь, вполне освоившись, капитан возбужденно водил смертоносным стволом по сторонам. Он рассказал, что капитаны древности — морские, разумеется,— имели право носить оружие постоянно, для подавления мятежей и во избежание прочих, весьма распространенных в былые дни неприятностей.

Тут замигала сигналом вызова телестенка, и я включил ее. С экрана улыбалась Сис.

— Все в порядке, капитан! Будьте любезны, подходите сейчас — зарегистрировать наш брак.

— Так быстро? — удивился капитан.— А на чем сторговались?

Лицо Сис слегка вытянулось, губы сжались и отвердели, в точности на мамин манер. Затем она расслабилась и довольно захихикала:

— Мистер Браун пообещал, что меня изберут шерифом Галертского архипелага.

— А я-то думал, что ей достанется должность судебного клерка,— пробормотал капитан на полпути к гауптвахте.

Дверь каземата стояла нараспашку, и в коридоре уже кишмя кишели взволнованные девицы. Сис подошла к капитану обсудить детали предстоящей церемонии. Я ускользнул и отыскал Бата, тот в одиночестве сидел в самом уголке гауптвахты, скрестив на груди могучие длани.

— Что, головастик, сюрприз? — улыбнулся он мне.

Я уныло затряс головой:

— Зачем вы так, Бат? Я счастлив стать вашим шурином, но, черт возьми, вы не должны жениться на Сис! — Я махнул на суетящихся вокруг девиц — похоже, шли выборы подружек невесты.— Любая из них мечтала бы выйти за вас замуж! И паспорт любой из них сгодится, чтобы получить свободу. Зачем вам именно Сис?

— Ты в точности повторяешь мне слова капитана, и отвечу я тебе теми же словами, что и ему,— я упрямец. Если мне что-то втемяшится в голову — так уж вынь да положь! Я положил глаз на твою сестру, и я ее получу!

— Хорошо, но зачем назначать ее шерифом? Вам же самому придется ее застрелить потом! Иначе куда покатится весь этот мужской мир?

— Давай обождем немного! Доберемся прежде до моих островов.— Бат простер перед носом свою мозолистую ладонь, как бы примеряясь поставить на нее фигурку Сис, по-прежнему беседующей с капитаном.— Пусть себе побудет шерифом, пусть позабавится! Ничего! Скажу тебе, головастик, по секрету — там будут два закона.— Железные пальцы сомкнулись в кулак.— Ее закон. И мой.

Хранитель

9 мая 2190 г.

Получилось! Опасность была велика, но, к счастью, у меня довольно недоверчивый характер. У меня едва не похитили мой триумф, мой успех, но я перехитрил их. В результате чего рад сообщить в своем завещании, что отныне я начинаю свой последний год жизни.

Впрочем, небольшое уточнение. Этот последний год жизни, год, который я проведу в открытой могиле, на самом деле начался сегодня в полдень. А затем на втором подвальном уровне Музея Современной Астронавтики я прошелся по всей шкале в третий раз, и все направления дали мне отрицательный ответ.

Это значит, что я, Фиятил,— единственный живой человек на Земле. Но какую борьбу мне пришлось выдержать, чтобы завоевать подобную награду!

Что ж, теперь все позади, я в этом совершенно уверен. На всякий случай я всю последующую неделю буду каждый день спускаться вниз и проверять антропометр, однако маловероятно, практически немыслимо, чтобы прибор кого-нибудь нашел. Я дал свой последний бой, окончательный и бесповоротный, силам праведности — и в нем победил. А теперь я с полным и неоспоримым правом владею своим гробом — и что мне еще остается, как не наслаждаться жизнью!

Особого труда я в том не вижу. Разве не годами я планировал удовольствия!

И все же, когда я стянул с себя костюм из голубого бериллита и выбрался по лестнице на солнечный свет, мне невольно вспомнились другие. Груземан, Приджот и, кажется, даже Мо-Дики. Будь у них хоть на гран меньше теоретического рвения и чуть больше разумного прагматизма, они стояли бы сейчас со мной.

В общем, ничего хорошего. Но, с другой стороны, мое бдение становится от этого как-то величественнее, возвышеннее. Усевшись на мраморную скамью между громадными, выше человеческого роста, статуями Розинского, олицетворявшими Космонавта и Космонавтку, я пожал плечами и выбросил из головы всякие мысли о Груземане, Приджоте и Мо-Дики.

Они проиграли. Я — нет.

Я откинулся назад и впервые за более чем месяц позволил себе расслабиться. Я окинул взглядом исполинские бронзовые фигуры, высившиеся надо мной, две скульптуры, с неистовством безумцев устремленные к звездам, и фыркнул от смеха. Меня впервые потрясла совершенная неуместность моего тайного убежища — представить только, Музей Современной Астронавтики! Усиленный невероятным нервным напряжением и пронизывающим до мозга костей страхом последних пяти дней, сдавленный смех в моем горле подпрыгивал мячиком, пока не рассыпался дробным хихиканьем, потом трескуче заскрежетал и под конец превратился в раскатистый хохот, от которого все тело заходило ходуном. Я не мог остановиться. Привлеченные смехом, из музейного парка гурьбой потянулись все олени и остановились перед мраморной скамьей, где Фиятил, последний человек на Земле, по-стариковски задыхался и кашлял, пыхтел и фыркал

Не знаю, сколько бы еще продолжался этот приступ, но тут на солнце случайно набежало облачко, обычное летнее облачко, следовавшее своим естественным курсом по небу. И это сработало. Я перестал смеяться, будто меня выключили, и поднял голову.

Облачко проследовало дальше, и вниз хлынул поток солнечного света, такой же теплый, как прежде, но я слегка вздрогнул.

Две молодые беременные самочки подступили ко мне чуть ближе и стали наблюдать, как я массирую себе шею. От смеха на ней растянулась мышца.

— Что ж, милые,— сказал я, цитируя им высказывание одной из моих любимых религий,— похоже, что посреди жизни мы с вами наконец поистине в смерти.

Глядя на меня, они флегматично жевали.

11 мая 2190 г.

Последние два дня привожу в порядок себя и свои припасы, а также строю планы на ближайшие дни. Всю жизнь спокойно готовиться к выполнению обязанностей Хранителя — это одно. Но внезапно обнаружить, что ты *уже* Хранитель, последний в своей категории и в роде человеческом, и, как ни странно, вы-

полнять обе эти роли,— совсем другое. Сначала меня охватывает пламенем безумной гордости. А мгновением позже обдает холодом от сознания той невообразимой, грандиозной ответственности, которая лежит на мне.

Насчет еды я спокоен — голод мне не грозит. На продовольственном складе одного только этого заведения столько пакетов с едой, что мне их хватило бы на десять лет вперед, не говоря уже о двенадцати месяцах. И куда на этой планете ни пойдешь — начиная с Музея буддийских древностей на Тибете и кончая Панорамой политической истории в Севастополе,— везде будет то же изобилие.

Конечно, пищевые концентраты есть пищевые концентраты: воплощение чужого мнения о моем меню. Теперь, когда сгинул навеки последний Утверждатель, захватив с собой свой жесточайший аскетизм, мне ни к чему лицемерить. Наконец-то я смогу предаться своей извечной склонности к роскоши и побаловать себя разными деликатесами. К несчастью, я вырос и жил в обществе, где безраздельно властвовали Утверждатели, и все те лицемерные ухищрения, к которым я учился прибегать шестьдесят раболепствующих лет, слились в одно целое с моей душой. Поэтому я сомневаюсь, что стану готовить себе еду из свежих продуктов по старинным рецептам.

А кроме того, приготовление пищи из свежих продуктов неизбежно связано со смертью живых существ, которые в настоящее время безмятежно наслаждаются жизнью. При нынешних обстоятельствах это выглядит довольно глупо...

Не было необходимости и прибегать к услугам автоматических прачечных. Однако я прибегнул. К чему стирать одежду, спросил я себя, если могу сбросить свою хламиду, едва она запачкается, и надеть новый, с иголочки костюм, еще похрустывающий в память о машинной матрице, откуда он родом?

Привычка подсказала мне, почему я не могу. Мировоззрение Хранителей не позволяло мне поступать так, как счел бы для себя необременительным поступить на моем месте любой Утверждатель: то есть скинуть с себя одежду на свободном клочке земли и оставить ее валяться безобразной пестрой кучей. С другой стороны, многое из учения Утверждателей, что мой разум десятилетиями упорно отвергал, капля за каплей постепенно просочилось, как ни жаль, в мое подсознание. Мысль об умышленном уничтожении чего-либо практически полезного — пусть даже довольно неэстетичного, как грязная одежда (мужская, для самца, теплого сезона, судовой индекс Утверждателей № 2352558.3),— приводит меня в смятение, даже против воли.

Снова и снова я твержу себе, что отныне судовые индексы Утверждателей ничего для меня не значат. Ровно ничего. Они

так же бессмысленны, как маркировка груза для грузчиков, отвечавших за погрузку ковчега, на следующий день после отплытия на нем Ноя.

И все же, когда я вхожу в одноместный шаролет, чтобы приятно расслабиться в экскурсионном облете музейных площадок, что-то во мне говорит: № 58184.72. Отправляю в рот порцию «Протеинового компонента для завтрака» и обращаю внимание, что жую судовые индексы с № 15762.94 по № 15763.01. Я даже припоминаю, что «Протеиновый компонент» относится к категории товаров, предназначенных для отгрузки в числе последних грузов, причем лишь тогда, когда корабельный представитель министерства Выживания и Сохранения сдаст свои командные полномочия корабельному представителю министерства Полета.

В данную минуту ни один Утверждатель не топчет Землю. Вместе с расплодившимися в невероятном количестве правительственными бюро — включая и то, где были обязаны регистрироваться все исповедующие Хранителизм, а именно министерство Древностей и Бесполезных Реликтов,— они сейчас разбросаны по сотне планетарных систем Галактики. Но все это, кажется, ни в малейшей степени не трогает мой разум. Благодаря цепкой до идиотизма памяти он до сих пор цитирует тексты, которые заучил наизусть десятки лет назад к экзаменам по системе выживания, давным-давно отмененным и забытым властью предержащей.

И до чего ж они расторопные, эти Утверждатели, так чудовищно и удачливо расторопные! Однажды еще мальчишкой я поделился по секрету с моим, увы, не в меру болтливым другом, с Ру-Сатом, что в свободное время стал заниматься живописью на холсте. Родители тут же, сговорившись с моим наставником по активному отдыху, принудительно-добровольно отправили меня в ближайший детский «Особый отряд выживания для особых работ», где мне в обязанность вменили малевать на упаковочных ящиках цифры и маркировочные знаки. «Не развлечения, но упорство, упорство и еще раз упорство сохранит расу Человека» — эти слова из катехизиса Утверждателей мне с тех пор приходилось повторять каждый раз перед едой, прежде чем мне разрешали сесть за стол.

Шли годы. Я взрослел, и однажды наступил день, когда я смог зарегистрироваться как сознательный Хранитель. «Знаешь что,— задохнулся при виде меня отец,— не попадайся нам больше на глаза. Не надоедай нам. Я говорю за всю семью, Фиятил, включая твоих дядей по матери. Ты решил стать покойником — твое дело! Нас это теперь не касается. Только забудь, что у тебя были когда-то родители и родственники, и дай нам забыть, что у нас был сын».

Это значило, что теперь я свободен от поденщины Выживания и могу взвалить на себя вдвое больше работы с микросъемочными группами, которые разъезжали из одного музея в другой, от археологических раскопок до города с небоскребами. Экзаменов по системе выживания пока, правда, не отменяли, но Хранителей, по общему мнению, они не касались. И однако это же самое общее мнение настаивало, чтобы мы проявили жест доброй воли по отношению к обществу, которое столь милостиво позволяет нам следовать своей совести. Экзамены вынуждали нас отложить в сторону томик, озаглавленный «Религиозная композиция и убранство в храмах Верхнего Нила», ради отчаянно скучной, серой и замусоленной книжонки «Инструкция по судовой индексации и справочник по размещению однородного груза». Я давно оставил надежду самому стать художником, но уродливые и ничтожные десятичные дроби отнимали время, которое я с большим бы удовольствием провел бы, любуясь творчеством людей, живших не в таких фанатичных, безумных столетиях.

И до сих пор отнимают! Передо мной больше не ставят вопросов по дегидратации, на которые мне следует снова и снова отвечать, но привычка считать настолько въелась, что даже теперь я ловлю себя на том, что подсчитываю с помощью логарифмов, куда пакуется вещество сразу после его обезвоживания. Ужасно! Образовательная система, от которой я в свое время полностью отвернулся, все-таки дотянулась до меня и втянула в себя!

Конечно, занятия, в которые я сейчас вовлечен, не очень-то помогают. Однако мне важно почерпнуть как можно больше знаний из элементарных обучателей — в этом музее, например,— чтобы, вооружась ими, не беспокоиться насчет возможной поломки шаролета над джунглями. Я не собираюсь становиться ни техником, ни монтером-аварийщиком. Но мне нужно хотя бы научиться, как подобрать аппарат в хорошем рабочем состоянии и заставить его работать, не повредив чувствительных деталей.

Эти технологические тонкости действуют мне на нервы. За этими стенами — брошенное на произвол судьбы искусство 70 000 лет; оно зовет меня и манит, а я вот сижу тут и заучиваю скучнейшие сведения о силовых установках рабочих роботов, разглядываю чертежи антигравитационных винтов у шаролетов, действуя от лица всего мира, словно какой-нибудь капитан Утверждателей, пытающийся до старта снискать похвалы у министерства Полета.

Но именно этой своей усидчивости я обязан тем, что сижу здесь, а не предаюсь отчаянию на борту разведывательного судна Утверждателей, как Мо-Дики, Груземан и Приджот. Пока они бурно радовались обретенной свободе и носились по планете,

словно старые взбесившиеся клячи, я отправился в Музей Современной Астронавтики и принялся изучать, как обращаться с антропометром и голубым бериллитом. Терять время даром было мне не по душе, но я не забывал, как свята для Утверждателя, особенно современного, человеческая жизнь. Они нас однажды предали; они не могли не вернуться и не удостовериться, что предательство не оставило после себя следов в виде Хранителей, наслаждающихся достигнутым. Я был прав тогда, я знаю, что прав сейчас,— но как же мне надоело искать одной пользы!

Кстати, об антропометре — буквально два часа назад я пережил настоящее потрясение. Сработала сигнализация, но сигнал быстро прервался. Я ринулся вниз по лестнице к антропометру и, пока бежал, разворачивал костюм из голубого бериллита и отчаянно надеялся, что не подорвусь от повторного его употребления.

Когда я подоспел к прибору, он уже прекратил свои зазывания. Я раз десять прошелся по всем направлениям шкалы, но прибор безмолвствовал. Следовательно, если верить инструкции к антропометру, ни в одном уголке Солнечной системы не было ни единого живого человека. Я настроил прибор на излучения своего головного мозга так, чтобы сигнализация на меня не реагировала. И однако же она сработала, фиксируя, безусловно, присутствие людей помимо меня, как бы кратковременно ни было их существование. Все это было весьма загадочно.

Я пришел к выводу, что прибор включился из-за какого-нибудь атмосферного возмущения или неправильного соединения в самом антропометре. А возможно, я, бурно радуясь пару дней назад, что меня оставили, нечаянно повредил аппарат.

Я слышал, как с разведывательного корабля Утверждателей передавали на базовое судно, ожидавшее за Плутоном, что они поймали моих коллег. Так что я точно знаю, что являюсь единственным живым человеком, оставшимся на Земле.

Кроме того, если бы сигнализация сработала из-за притаившихся Утверждателей, то их антропометр обнаружил бы меня в то же самое время, поскольку я разгуливал, не защищенный изолирующим слоем голубого бериллита. Музей тут же был бы окружен экипажами шаролетов, и меня бы незамедлительно схватили.

Нет, не думаю, что мне следует опасаться Утверждателей. Они удовольствовались тем своим последним возвращением два дня назад. Я даже не сомневаюсь в этом. Их учение не позволило бы им снова и снова возвращаться, так как этим они поставили бы под угрозу собственные жизни. И то сказать, осталось лишь 363 дня, не больше, и Солнце вспыхнет новой звездой.

15 мая 2190 г.

Я крайне встревожен. Даже испуган. А хуже всего то, что я не знаю чем. Мне остается только ждать.

Вчера я покинул Музей Современной Астронавтики и отправился в предварительное путешествие по всему свету. Я намеревался две-три недели полетать по миру до того, как приму решение, где мне провести остаток моего года.

Первой моей ошибкой был выбор первой стоянки. Италия Вполне возможно, что, не возникни у меня небольшого осложнения, я бы провел там одиннадцать месяцев, прежде чем опомнился бы и продолжил свой предварительный обзорный полет Средиземное море обладает опасной притягательной силой для каждого, у кого не хватает собственного таланта или же его талант не получил должного развития и кто решил, что ему следует именно здесь, и нигде больше, провести свою жизнь, наслаждаясь и дорожа шедеврами, предоставленными человечеству другими, намного более удачливыми личностями

Сначала я отправился в Феррару, так как на рекультивированной болотистой равнине за городом находился основной стартовый комплекс Утверждателей. Я немного задержался у одного из моих любимых зданий, Палаццо дель Диаманти, и, как всегда, качал головой в немом восхищении от массивных камней, из которых сложено это здание, высеченных и отшлифованных в виде множества огромных алмазов. По-моему, город и сам похож на драгоценный камень, теперь несколько поблекший, но неистово искрившийся во времена двора Эсте. Один маленький городок, один крошечный надменный двор — да я бы с радостью променял на них два миллиарда неизменно грубых Утверждателей. *Более шестидесяти лет почти неограниченного политического контроля* — и разве породила целая планета этих Утверждателей хоть одного, равного Тассо или Ариосто? А потом я подумал, что по крайней мере один уроженец Феррары наверняка чувствовал бы себя непринужденно в том мире, который только что покинул меня, его последний романтик. Я вспомнил, что в Ферраре родился Савонарола...

Равнина за Феррарой также напомнила мне о мрачном доминиканце. Стартовое поле, простирающееся вдаль на много плоских миль, было сплошь усеяно скарбом, брошенным в последнюю минуту, и походило на самый настоящий языческий костер.

Но что там языческие идолы! Вот здесь, например, валяется логарифмическая линейка, которую перед стартом приказал выбросить командир одного из кораблей, потому что последняя проверка выявила превышение установленного «Инструкцией

по судовой индексации» максимального количества логарифмических линеек, необходимых для судна такого размера. А вон там — циркулярный сборник учетных листков, который выбросили из закрывающегося воздушного шлюза после того, как все без исключения пункты были по всем правилам отмечены галочкой: одна галочка, от министерства Выживания и Сохранения,— до пункта, и другая, от министерства Полета,— после пункта. Влажную землю устилали пустые канистры и коробки из-под пищевых продуктов, запачканная одежда, отчасти изношенная утварь. Все эти предметы, когда-то исправно выполнявшие свое назначение, со временем дали в работе сбой по тем или иным причинам — и вот они незамедлительно выброшены. А рядом, подумать только,— случайная кукла, мало похожая на куклу, это уж точно, но и не похожая ни на какой предмет иного назначения. Разглядывая эту неряшливую свалку ненужных вещей, где редким вкраплением сквозила сентиментальность, я задавался вопросом, сколько же родителей терзались от стыда, когда, несмотря на их предусмотрительно многократные увещевания и предостережения, последний досмотр обнаруживал в складках ребячьих платьев то, что можно назвать только старой игрушкой — или, что еще хуже, вещицей на память?

Я вспомнил, что по этому поводу сказал мне мой наставник по активному отдыху много лет назад. «Не думай, Фиятил, будто мы считаем, что детям не нужны игрушки; просто мы не хотим, чтобы они привязывались к какой-то определенной игрушке. Наша раса готовится покинуть эту планету, которая испокон веков была их домом. Мы можем взять с собой только таких существ и такие вещи, которые способны воссоздавать других существ и вещи, без которых никак не обойтись, где бы мы ни осели. Мы не можем перегружать корабли и поэтому вынуждены отбирать среди полезных вещей только необходимые».

«Мы не собираемся брать с собой вещь по той причине, что она красива, или потому, что многие молятся на нее, или же оттого, что многие *считают,* будто она нужна им. Мы возьмем ее с собой, если никакая другая вещь не справится так хорошо с важной работой. Вот почему я чуть ли не каждый месяц прихожу к вам домой и проверяю твою комнату, чтобы убедиться, что в ящиках твоего стола лежат только новые вещи, что ты не предаешься опасной привычке к сентиментальности, которая может привести только к Хранителизму. К счастью, вся твоя родня — необыкновенно порядочные люди, так что тебе не грозит стать одним из *тех* людей».

И все же, усмехнулся я про себя, я стал одним из тех людей. Старый Тоблетедж был прав: первым шагом на пути к гибели

стали ящики стола, набитые всяким памятным хламом. Веточка, на которой сидела первая пойманная мной бабочка; сачок, которым я поймал ее; сама бабочка. Комок бумаги, которым бросила в меня некая двенадцатилетняя леди. Потрепанный экземпляр самой настоящей печатной книги — не факсимильное издание, но нечто, однажды познавшее ласковое прикосновение литер, а не горячее дыхание электронов. Маленькая деревянная модель звездолета капитана Кармы «Надежда человечества», которую старый космоплаватель подарил мне на стартовой площадке Лунной линии, заморочив мне при этом голову своими разговорами...

Ох уж эти пузатые ящики! Как старались мои родители и учителя научить меня аккуратности и привить ненависть к накопительству! И вот он я, достигший совершеннолетия мужчина, самодовольный обладатель несметного количества произведений искусства, о каких не смели мечтать даже император Священной Римской империи или Великий хан.

Я снова усмехнулся и пошел искать роботов стартового комплекса. Почти неприметные среди валявшегося ничего не стоящего хлама, они были разбросаны по всему полю, откуда когда-то взлетели звездолеты. Закончив погрузку корабля, они просто бродили без цели, пока в них не кончился заряд. Я снова привел их в действие и поручил им прибрать поле.

Именно этим я и займусь на двухстах или около того стартовых комплексах Земли, именно для того я изучал роботехнику. Я хочу, чтобы Земля была красивой, когда будет умирать. Боюсь, я никогда не стал бы Утверждателем. Мои привязанности всегда глубокие.

Однако я не смог бы продолжать свое путешествие, не бросив хотя бы беглого взгляда на Флоренцию. Безусловно.

Но, как и следовало ожидать, я опьянел от картин и работ по мрамору и металлу. Флоренция опустела от флорентийцев, но ее восхитительные галереи были все еще на месте. Я прошел по изумительному Понте-Веккио, единственному из всех знаменитых мостов Арно, уцелевшему во Второй мировой войне. Я подошел к кампаниле Джотто и к дверям баптистерия Гиберти, и меня стало одолевать отчаяние, какое-то безумие. Я побежал к церкви Санта-Кроче, чтобы полюбоваться фресками Джотто, и к монастырю Сан-Марко, к Фра Анджелико. Да разве тут хватит одного года? Что можно увидеть хотя бы в одном-единственном городе, как этот, за каких-то двенадцать месяцев? Я могу осмотреть, могу пронестись что есть духу по всем местам, но на что у меня хватит времени, чтобы *увидеть?* Я был

в садах Боболи и разрывался на части, пытаясь решить, бежать ли мне поглядеть на «Давида» Микеланджело, которого уже раньше видел, или на одну из работ Донателло, которых никогда не видел, как вдруг сработала сигнализация.

Сразу в двух местах.

За день до путешествия я собрал небольшой антропометр, который ранее предназначался для поисков колонистов, затерявшихся в венерианских болотах. Я спроектировал прибор совершенно на иной основе, чем тот громоздкий механизм, который я нашел в зале Технических Новинок. Поскольку оба прибора различались схемами и были предназначены для работы в совершенно различных атмосферах, я подумал, что они будут отлично контролировать друг друга. Я настроил сигнализацию на частоту передающего устройства в своем шаролете и покинул музей, полностью уверенный, что оба антропометра сработают только в одном случае: когда они зафиксируют присутствие человека помимо меня.

В полном замешательстве я полетел обратно в музей. Оба аппарата прореагировали одинаково. Сигнализация сработала, указывая на внезапное появление на планете Человека. А затем, с исчезновением внешнего раздражителя, оба сигнала смолкли. И сколько бы я ни искал потом по шкалам обоих антропометров, во всем диапазоне, охватывавшем пространство радиусом чуть меньше половины светового года, не было ни малейшего признака присутствия людей.

Первоначальное замешательство уступило место сильнейшему беспокойству. Что-то очень неладное происходит с Землей; что-то, никак не связанное с неминуемой вспышкой солнца через год. Возможно, как неспециалист я слишком уж слепо верю в аппарат, в котором мало что смыслю, но мне кажется, что антропометры не стали бы себя так вести, если бы здесь действительно не происходило ничего необычного.

Мне нравилось представлять эту планету океанским лайнером, готовым вот-вот пойти на дно, а себя — его доблестным капитаном, принявшим решение утонуть вместе с ним. И вдруг я чувствую, будто корабль начинает вести себя, как кит.

Я знаю, что мне делать. Я перенесу запасы еды в зал Технических Новинок и буду спать прямо под антропометрами. Сигнал тревоги обычно длится одну-две минуты. Я успею вскочить на ноги, быстро проверить обе шкалы по всем направлениям и по их показаниям выяснить, откуда исходит внешний раздражитель. Потом я впрыгну в шаролет и осмотрю то место. Очень просто, ничего не скажешь.

Вот только не нравится мне все это.

17 мая 2190 г.

Мне очень стыдно за самого себя, как только может стыдиться старый человек, которому мерещатся привидения на кладбище. Только это, пожалуй, и может служить мне оправданием. Я, наверно, слишком много думаю о смерти в последнее время. Грядущая гибель Земли и Солнечной системы; собственная гибель как неизбежное следствие катастрофы; гибель миллионов существ бесчисленных разновидностей; гибель прекрасных древних городов, которые воздвиг Человек и населял их веками... Впрочем, возможно, что связь с безобидными призраками, домовыми и прочими странными явлениями вполне объяснима. Но я стал бояться.

Когда этим утром снова сработала сигнализация, я нашел по шкале направление. Мой курс лежал в район Аппалачских гор на востоке Северной Америки.

Как только я выбрался из шаролета и вгляделся сквозь бледно-лазурный туман, прикрывавший вход в пещеру, я начал понимать — и устыдился. Там, где туман поредел, сгустившись в других местах, пока я всматривался в него, я разглядел несколько тел, которые лежали на полу пещеры. Очевидно, один из них был еще жив, когда завеса голубого бериллита в одном месте истончилась, что было достаточно для антропометра, чтобы зафиксировать присутствие человеческого разума и тут же отреагировать на него. Я обошел пещеру вокруг, но другого выхода не обнаружил.

Я кинулся обратно в музей и, захватив необходимые инструменты, вернулся к пещере. Я отключил бериллитовый голубой туман у входа и осторожно вошел.

Внутри пещеры, которую явно оборудовали под убежище, придав ему домашний уют, все было полностью разгромлено. Кто-то ухитрился раздобыть активатор и большое количество голубого бериллита, пока без какой-либо определенной формы и имеющего поэтому примерно такую же устойчивость, как водород с кислородом — если позволительно употребить метафору из области химии, чтобы проиллюстрировать понятия об отрицательном силовом поле. Голубой бериллит был активирован в виде занавеса на входе в пещеру, и он тут же взорвался. Но поскольку активатор все еще действовал, а вход был довольно узким, голубой бериллит продолжал выполнять свои функции завесы, изолирующей от отрицательного воздействия, завесы, зиявшей дырами, сквозь которые антропометру иногда удавалось «подглядеть» запертых внутри людей.

У входа лежали три тела, двое мужчин и одна женщина, молодые по виду. По количеству и типу скульптурных изображений на стенах мне не составило труда догадаться, что эти люди принадлежали к одной из многочисленных религиозных группировок Хранителей, по всей видимости, к культу «Небесного огня». Когда в последнюю неделю исхода Утверждатели заявили о прекращении действия Крохиитского договора и о том, что для Утверждения Жизни необходимо защитить от самих себя даже тех, кто не Утверждает, эти люди, очевидно, ушли в горы. Скрываясь от поисковых команд, действовавших с большим успехом, им удалось остаться незамеченными до взлета с Земли последнего большого корабля. Потом, заподозрив, как и я, что по меньшей мере один разведывательный корабль вернется для завершающей облавы, они изучили механизм действия антропометра и узнали о существовании голубого бериллита. К сожалению, они узнали не все.

Из глубины пещеры мне навстречу судорожными рывками двигалось извивающееся тело. Это была молодая женщина. Сначала я буквально остолбенел, изумленный тем, что она еще живет. Очевидно, взрывом ей начисто срезало нижнюю половину туловища. Она тогда отползла подальше от входа в глубь пещеры, где их группа хранила основные запасы продовольствия и воды. Пока я колебался, не зная, на что решиться — оставить ее и раздобыть в ближайшей больнице медикаменты и плазму крови или рискнуть и перенести ее туда немедленно,— она перекатилась на спину.

Своим телом она прикрывала годовалого младенца, явно опасаясь нового взрыва бериллита. И несмотря на ужасную, мучительную агонию, ей каким-то образом еще удавалось кормить дитя.

Я наклонился и осмотрел ребенка. Весь в грязи и перепачканный материнской кровью, он был, однако, цел и невредим. Я взял его на руки и, отзываясь на молчаливый вопрос в глазах женщины, кивнул.

— Я позабочусь о нем,— сказал я.

Она попыталась, наверно, кивнуть в ответ, но, не успев закончить это свое движение, перешла в смерть. Я внимательно, признаюсь, с некоторым трепетом осмотрел ее. Пульса не было... сердце не билось.

В музей я вернулся вместе с ребенком и соорудил ему из секций телескопа что-то вроде детского манежа. Потом, захватив с собой трех роботов, я снова полетел к пещере и похоронил людей. Надо признать, это было вовсе ни к чему, но я сделал это не только из чистоплотности. Как бы глубоко мы все ни разделялись по взглядам, мы, в общем-то, были одной Хранительской веры. Я чувствовал себя так, будто этим своим по-

ступком презрительно бросил вызов в лицо всему самодовольному Утверждению, выражая таким способом уважение к чудачествам «Небесного огня».

После того как роботы закончили свою работу, я поставил в изголовье каждой могилы по религиозному изваянию (кстати, на редкость топорной работы) и даже прочитал короткую молитву, а вернее, проповедь. В ней я развил мысль, которую высказал примерно за неделю до этого оленям, а именно: что посреди жизни мы находимся в смерти. Я не паясничал, однако, но на полном серьезе говорил на эту тему несколько минут. Внимательно слушавшие меня роботы были, пожалуй, даже меньше тронуты моими умными изречениями, чем олени.

21 мая 2190 г.

Я раздражен. Я просто с ума схожу, а главное, мне сейчас не на чем сорвать свое раздражение.

Ребенок доставляет мне невероятно много хлопот.

Я отвез его в крупнейший медицинский музей в Северном полушарии и всесторонне обследовал его с помощью самой лучшей диагностической аппаратуры, какая только существует в педиатрии. Кажется, здоровье у него превосходное, что, по-моему, хорошо для нас обоих. А его потребности в питании, хотя и не совпадают с моими, довольно просты. Я составил полный список продуктов питания, которые ему необходимы, и после некоторых переделок в продовольственном складе Музея Современной Астронавтики устроил все так, чтобы пища готовилась и доставлялась ему ежедневно. К сожалению, ему этот порядок, на который я угробил столько времени, вовсе не кажется таким уж безупречным.

Начать с того, что он не желает принимать пищу от обычного робота-няньки, которого я настроил специально для него. Думаю, что причина — в необычных верованиях его родителей: он, вероятно, никогда раньше не сталкивался с привязанностью автоматов. Он хочет есть только из моих рук.

Такое положение дел просто невыносимо, но оставлять его под присмотром робота-няньки едва ли возможно. Хотя он в основном только и умеет, что ползать, он ухитряется делать это с удивительной скоростью и всегда теряется в темных коридорах музея. Тогда для меня вспыхивает сигнал тревоги, и я вынужден прерывать экскурсию по громадному дворцу далай-ламы, Потале, и сломя голову мчаться с полдороги на Лхасу через весь мир в музей.

И даже в таком случае нам бы пришлось искать его часами — под «нами» я подразумеваю себя и всех роботов в моем подчинении,— если бы я не прибегал к помощи антропометра. Это чудо техники очень быстро указывает на его убежище; так что, извлекая его из казенной части космической гаубицы в Оружейном зале, я возвращаю его в детский манеж. И уже потом, если отважусь и ему не пора есть, я могу вернуться на Тибетское нагорье, и то лишь на короткое время.

Сейчас я сооружаю для него что-то вроде огромной клетки с автоподогревом и туалетом, а также устройствами, которые отгоняют нежелательных животных, насекомых и всяких ползучих тварей. И хотя времени на это уходит невероятно много, думаю, что я только выиграю.

Ума не приложу, как мне кормить его. Единственное, что предлагает мне литература по интересующему меня вопросу,— это дать ребенку поголодать, если он отказывается принимать пищу обычным путем. Но, попробовав раз последовать этому совету, мне пришлось сдаться — ребенка, безропотно смирившегося с голодовкой, она, похоже, вполне устраивала. Так что теперь я кормлю его сам.

Вот только не знаю, кого винить. Из-за того, что я стал Хранителем сразу, как вошел в возраст, мне не довелось испытать потребности в воспроизводстве себе подобных. Дети меня никогда не интересовали. Ни в малейшей степени. Я ничего о них не знаю да и знать не хочу.

Я всегда считал, что мое отношение к этому вопросу прекрасно выражено Сократом в его комментариях к «Симпозиуму»: «Кто, размышляя над Гомером и Гесиодом и другими великими поэтами, подобными им, не предпочел бы иметь их детей, нежели обыкновенных людей? Кто не захотел бы посоперничать с ними, рожая детей, какие были у них, сохранившими о них память и обессмертившими их имя?.. Множество храмов, воздвигнутых в их честь ради таких детей, как у них, никогда не воздвигались в честь кого-то ради его заурядных детей».

К сожалению, мы — единственные живые люди на Земле, этот ребенок и я. Мы вместе двигаемся к неотвратимой гибели; мы едем на казнь в одной круглой повозке. И все сокровища мира, которые всего несколько дней назад принадлежали мне одному, являются теперь хотя бы частично его собственностью. Мне бы очень хотелось пообсуждать с ним какие-нибудь вопросы, не только затем, чтобы менее пристрастно расставить все по полочкам, но и просто ради удовольствия от дискуссии. Я пришел к выводу, что дневник я начал из неосознанного страха,

когда после отлета последних Утверждателей обнаружил, что остался совсем один.

Оказывается, я начинаю тосковать по беседам, по мыслям, отличающимся от моих, по мнениям, которым я мог бы противопоставить свои. Однако из всех книг о детях мне стало ясно, что, хотя этот ребенок может начать говорить сейчас в любой день, нас поглотит катаклизм задолго до того, как он выучится спорить со мной. Все это очень печально, но, увы, неизбежно.

Я просто вне себя! Дело в том, что я снова не могу позволить себе изучать искусство, как бы мне этого ни хотелось. Я уже старый человек и заслужил право жить без всяких обязательств. Я, можно сказать, жизнь положил за привилегию изучать. Я раздосадован как нельзя больше.

И беседа. Могу себе представить, как бы мы сейчас беседовали с каким-нибудь Утверждателем, окажись он сейчас здесь со мной, на планете, покинутой всеми. Какое безразличие, какое целенаправленное врожденное слабоумие! Какой категорический отказ смотреть на красоту — не говоря уже о том, чтобы ее признать,— которую создавали представители его рода в течение семидесяти тысячелетий! В его голове, если он, скажем, европеец, лишь крохи сведений о признанных художниках его культуры. Где ему знать, например, о китайской живописи или наскальных рисунках! Где ему разобраться, что в каждой культуре были свои периоды примитивизма, сменяемые эпохами расцвета чувственности, в свою очередь сменяемые союзом эстетических завоеваний и возрастанием формализма, и все это завершалось эпохой декадентства и поисков самовыражения, которая почти прямиком вела в еще один период примитивизма и чувственности! Что в основных культурах эти эпохи и периоды происходят снова и снова, так что в другом полном цикле наверняка повторится даже величайший гений Микеланджело, Шекспира, Бетховена — только называться они будут по-другому! Что в нескольких различных периодах расцвета в древнеегипетском искусстве был и свой Микеланджело, и Шекспир, и Бетховен!

Как Утверждателю разобраться в подобных понятиях, если ему недостает начальных знаний, без которых ему ничего не понять? Если их корабли покинули обреченную Солнечную систему, загруженные лишь удобными в употреблении художественными подделками? Если из страха, что их дети станут сентиментальны, они отказались разрешить им взять с собой свои ребячьи ценности и поэтому, когда они долетят до Проциона-XII, чтобы его колонизовать, они не проронят ни единой слезинки ни по миру, который погиб, ни по оставленному там щенку?

Но история иногда играет с Человеком такие невероятные шутки! Сбежавшие от своих музеев и не сохранившие у себя ничего, кроме равнодушных микрофильмов с записями того, что лежало в их хранилищах культуры, они рано или поздно поймут, что разрушать человеческую сентиментальность нельзя. Холодные, прекрасно оснащенные звездолеты, которые доставили их в чужие миры, станут музеями прошлого, пока ржавчина не съест на чужбине их остовы. Их жесткие строгие линии вдохновят людей на строительство храмов и станут источником пьяных слез.

Да что же это со мной, в конце концов! Все пишу да пишу! Я ведь просто хотел объяснить, почему раздражен.

29 мая 2190 г.

Сегодня я принял кое-какие решения. Не знаю, смогу ли я выполнить хотя бы самые важные, но буду стараться. Однако для этого мне как воздух нужно время, так что буду писать в дневник как можно меньше — если вообще буду писать. Попробую быть кратким.

Начну с самого незначащего решения: я назвал ребенка Леонардо. Не знаю, почему мне захотелось назвать его именем человека, которого, несмотря на все его таланты — а вернее, из-за его талантов,— я считаю самым потрясающим неудачником в истории искусства. Но Леонардо был всесторонне образованным человеком, какими никогда не были Утверждатели и каким, как я начинаю подозревать, не являюсь я сам.

Кстати, ребенок уже откликается на свое имя. Мальчику еще трудно выговаривать его, но он так чудно откликается. Он подражает мне, и довольно успешно. К тому же я бы сказал...

Ну да хватит об этом.

Я решил попытаться сбежать с Земли вместе с Леонардо. Причин на это много, и они очень непростые. Я даже не уверен, что понимаю их все, но я знаю одно: я почувствовал ответственность за другую жизнь и уклоняться от нее дольше не могу.

Это не запоздалое прорастание в учение Утверждателей, но мои мысли поистине становятся здравыми. Поскольку я верю в реальность красоты, особенно красоты, сотворенной умом и руками человека, я не мог выбрать другого решения.

Я уже стар и мало чего добьюсь на исходе своей жизни. Леонардо — совсем еще дитя и представляет собой сырой материал с заложенными в нем возможностями, из которого может что-то получиться. Песня, прекраснее песен Шекспира. Мысль, обогнавшая мысль Ньютона, Эйнштейна. Или порок, ужаснее пороков Жиля де Реца; злоба, чудовищнее злобы Гитлера.

Но возможности должны быть реализованы. Думаю, что, учась у меня, он навряд ли станет порочным, а я смогу таким образом реализовать свои возможности.

Во всяком случае, даже если Леонардо как таковой представляет собой полное ничтожество, он может оказаться носителем зародышевой плазмы Будды, Еврипида, Фрейда. И я просто обязан реализовать эти его возможности.

Корабль есть. Он называется «Надежда человечества», и он был первым кораблем, достигшим звезд около века назад, когда только-только обнаружилось, что наше Солнце вспыхнет и менее чем через сто лет станет новой звездой. Это был корабль, который принес человечеству ошеломляющую весть о том, что у других звезд тоже есть планеты и что многие из тех планет пригодны для проживания человека.

Давно, очень давно привел свой звездолет капитан Карма на родную Землю с известием о том, что можно спастись. Это произошло задолго до моего рождения; задолго до того, как человечество разделилось на две неравные части — Хранителей и Утверждателей; и уж вовсе задолго до того, как обе группировки стали пять лет назад объединять бдительных фанатиков.

Корабль находится в Музее Современной Астронавтики. Мне известно, что о его состоянии всегда пеклись, так что он должен быть в идеальном порядке. Мне также известно, что двадцать лет назад, еще до того как Утверждатели заявили, что из музеев ровно ничего выносить нельзя, корабль оснастили новейшей приводной системой. Объяснялось это тем, что, если бы корабль понадобился в День Исхода, его перелет к звезде занял бы лишь месяцы, а не годы, как предусматривалось без этой новой системы.

Однако я не уверен, сумею ли я, Фиятил, Хранитель Хранителей и нештатный художественный критик, управлять им, когда мы с Леонардо полетим.

Но, как заметил один из моих любимых актеров-комиков о видах на будущее человека, отрубающего собственную голову, «человеку все возможно...»

Мне на ум приходят разные высказывания, даже в какой-то степени более интересные, но это пришло первым. В эти дни я подолгу смотрю на Солнце. И очень внимательно. Очень.

11 ноября 2190 г.

Я сумею. Для этой цели я переделаю двух роботов, и они помогут мне управлять кораблем. Мы с Леонардо можем лететь хоть сейчас. Но мне еще надо кое-что сделать.

А задумал я вот что. Я собираюсь использовать все свободное пространство на корабле. Раньше он предназначался для разных двигателей и многочисленного экипажа, а я собираюсь использовать внутренность звездолета в качестве ящика стола. Тот ящик я хочу набить памятными вещицами человечества, сокровищами его детства и юности — сколько смогу втиснуть.

Целыми неделями я только и делал, что собирал сокровища со всего мира. Немыслимой красоты керамика, поразительные фризы, изумительная скульптура, полотна знаменитых живописцев в несметном количестве устилали пол в коридорах музея. Брейгель свален на Босха, Босх — на Дюрера. Я хочу привезти на ту звезду, к которой направлю корабль, всего понемногу, чтобы люди имели представление, на что похожи истинные шедевры. Я включаю в свой список такие шедевры, как «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, Девятую симфонию Бетховена, «Мертвые души» Гоголя, «Гекльберри Финна» Марка Твена, голограммы писем Диккенса и речей Линкольна. Есть еще много другого, но я не могу взять с собой все. Чтобы не выйти за рамки допустимого, буду выбирать по своему вкусу.

Поэтому я ничего не беру с потолка Сикстинской капеллы. Вместо этого я вырезал два кусочка из «Страшного суда». Мне они нравятся больше всего: душа, которая неожиданно осознает, что осуждена, и содранная кожа, на которой Микеланджело нарисовал свой портрет.

Беда лишь в том, что та фреска уж слишком увесиста! Вес, вес, вес — я только об этом сейчас и думаю. Даже Леонардо и тот ходит за мной по пятам и говорит: «Вес, вес, вес!» У него это здорово получается.

И все же, что мне взять от Пикассо? Горсточку картин, конечно, но ведь надо прихватить и «Гернику». А это еще больше веса.

Я взял немного чудесной русской утвари из меди и кое-какие бронзовые чаши времен династии Мин. Я взял лопаточку из Восточной Новой Гвинеи, сделанную из промасленного лаймового дерева и с восхитительной резной ручкой (лопаточку использовали при жевании плодов бетелевой пальмы и лайма). Я взял чудесную алебастровую фигурку коровы из древнего Шумера. Я взял удивительного серебряного Будду из Северной Индии. Я взял немного дагомейских латунных фигурок, своим изяществом способных посрамить Египет и Грецию. Я взял резной сосуд пятнадцатого века из слоновой кости, изготовленный в Бенине, Западная Африка, с изображением настоящего европейского Христа на кресте. Я взял «Венеру» Виллендорфскую, Австрия,— фигуру, вырезанную в ориньякскую эпоху палеоли-

та, которая является частью традиционного «венерианского» искусства доисторического человечества.

Я взял миниатюры Гильярда и Гольбейна, сатирические гравюры Хоггарта; прекрасный рисунок маслом на бумаге, восемнадцатый век, выполненный в традициях индийской школы Кангра, в котором на удивление мало чувствуется влияние моголов; японские гравюры Такамару и Хиросиге — на чем же мне остановиться? Как мне выбрать?

Я взял листы из «Евангелия из Келса», старинной рукописи, украшенной цветными рисунками и по красоте почти не имеющей себе равных. И еще я взял листы из Библии Гуттенберга, составленной на ранней заре печатного дела, страницы которой тоже расцвечены рисунками, чтобы придать книге подобие старинной рукописи — печатники не хотели, чтобы об их изобретении узнали. Я взял тугру Сулеймана Великолепного — каллиграфический вензель, которым султан украшал заголовки своих имперских указов. Я также взял древнееврейский свиток с Законом, чья каллиграфия затмевает блеск драгоценных камней, какими инкрустированы шесты, на которые он намотан.

Я взял коптские текстили шестого века и алансонские кружева шестнадцатого. Я взял великолепную красную вазу с широким горлом из одной из афинских морских колоний и деревянную фигуру с носа новоанглийского фрегата. Я взял «Обнаженную» Рубенса и «Одалиску» Матисса.

Из архитектуры я беру с собой китайское «Краткое наставление по архитектуре», с которым как с учебным пособием, по-моему, ничто не сравнится, и макет дома Ле Корбюзье, построенного им самим. Мне бы очень хотелось взять все здание Тадж-Махала, но я беру жемчужину, которую Могол подарил ей, той женщине, для которой он выстроил этот неописуемой красоты мавзолей. Красноватого оттенка жемчужина имеет форму груши длиной около трех с половиной дюймов. Вскоре после того как драгоценный камень был погребен вместе с ней, он оказался во владении китайского императора, который поместил его в розетку золотых листьев в обрамлении нефрита и изумрудов. На пороге девятнадцатого столетия жемчужина была продана на Ближнем Востоке за низкую, смехотворную сумму и осела в Лувре.

И еще орудие труда: небольшой каменный топор — первая известная вещь, которую смастерили человеческие руки.

Все это я перенес к звездолету. Я ничего не сортировал. И вдруг вспоминаю, что ничего не выбрал из мебели, из художественного оружия, из гравированного стекла...

Надо спешить, спешить!

Ноябрь 2190 г.

Вскоре после того как я закончил с последним экспонатом из моего списка, я взглянул на небо. Солнце было испещрено зелеными пятнами, и со всех точек сферы исходили, завихряясь, странные оранжевые струйки. Ясно, что это был еще не конец. Это были симптомы смерти, которую предсказали астрономы.

Но конец пришел моим сборам, и в течение дня я рассортировал все собранные экспонаты. Правда, когда внезапно выяснилось, что детали фресок Микеланджело будут слишком тяжелыми, мне снова пришлось заняться плафоном Сикстинской капеллы. На этот раз я вырезал относительно крошечную часть — палец Создателя, которым Он пробуждает Адама к жизни. И еще я решил взять «Джоконду» Да Винчи, хотя его «Беатриче д'Эсте» мне больше по вкусу,— ведь улыбка Моны Лизы принадлежит миру.

Все афиши представлены одним Тулуз-Лотреком. Я оставил «Гернику»: вместо нее Пикассо представлен одной его картиной «голубого периода» и единственной керамической тарелкой, поистине замечательной. Я оставил «Вечное осуждение» Гарольда Париса из-за его величины, из него я взял только гравюру из «Бухенвальда» «Куда идем?». Так или иначе, но в спешке последних минут я, помнится, прихватил множество бутылей из Ирана эпохи Сефевидов шестнадцатого-семнадцатого веков. И пусть будущие историки и психологи ломают голову над причинами моего выбора — теперь уже поздно что-либо менять.

Мы сейчас летим к Альфе Центавра и будем там через пять месяцев. Интересно, как воспримут нас и наши сокровища? Я вдруг чувствую безумную радость. Не думаю, что она как-то связана с моим довольно запоздалым осознанием того, что я, у кого недостало таланта и который в искусстве оказался жалким неудачником, занял как никто важное место в истории искусства — в своем роде, Ной — эстет.

Нет, все дело в том, что я везу на встречу прошлое и будущее, где им все еще будет возможно прийти к соглашению. Минуту назад Леонардо бросил мячом в видеоэкран, и, глядя в него, я смотрел, как пухнет дряхлое Солнце, наливаясь краснотой перед апоплексическим ударом. И тогда я проговорил ему: «К своему великому удивлению, я вижу, что посреди смерти я нахожусь — наконец-то! — поистине в жизни».

Огненная вода

Самый волосатый, грязный и старый из трех аризонских визитеров потерся спиной о пенопластовое кресло.

— Вкрадчивость напоминает лаванду,— заметил он, как бы начиная беседу.

Два его спутника — тощий юноша с бегающими глазами и женщина, чью красоту безнадежно портили чудовищно гнилые зубы,— захихикали и расслабились.

Тощий молодой человек сказал шепотом:

— Гы-гы-гы! — и двое других одобрительно закивали.

Грета Сейденхайм посмотрела на гостей, оторвав взгляд от маленькой стенографической машинки, лежавшей у нее на коленях — самых очаровательных коленях, которые только мог разыскать в Нью-Йорке ее начальник. Она повернула к боссу свою прекрасную белокурую голову:

— Это тоже, мистер Хебстер?

Президент компании «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед» подождал, когда эхо ее голоса кончит переливаться у него в ушах; ему необходимо было спокойно подумать о многих вещах. Затем он отчетливо произнес:

— Да, тоже, мисс Сейденхайм. Подыщите наиболее близкий фонетический эквивалент для этого гоготания и не забудьте обозначить, когда оно звучит вопросительно, а когда — как восклицание.

Он провел наманикюренными ногтями по ящику письменного стола, где лежал «парабеллум» с полной обоймой. Проверяй. Дюймах в восьми от другой его руки находились кнопки связи, с помощью которых он мог вызвать любое число сотрудников «Хебстер секьюритиз» — до девятисот человек, работавших в данный момент в здании «Башня Хебстер». Проверяй. Еще были двери — там и вон там; за ними стояли телохранители в униформе, готовые ворваться в кабинет по сигналу, который раздастся, как только шеф уберет правую ногу с крохотной пружинки, вделанной в пол. И еще раз проверяй.

Алгернон Хебстер умел говорить о делах — даже с Первачами.

Он вежливо кивнул каждому гостю из Аризоны и с грустью улыбнулся, увидев, что сделали грязные бесформенные обмотки, в которые были обуты посетители, с мягким глубоким ковром, специально вытканным для его личного кабинета.

— Давайте-ка быстренько представимся друг другу. Меня вы знаете. Я — Хебстер, Алгернон Хебстер. Именно обо мне вы спрашивали у вахтера в вестибюле. Если это существенно для нашей беседы, то моего секретаря зовут Грета Сейденхайм. А как ваше имя, сэр?

Он обращался к старику, однако тощий юноша подался вперед в своем кресле и вытянул худую, почти что прозрачную руку.

— Имена? — с живым интересом спросил он.— Имена округлы, если не раскрыты. Рассматривай имена. Сколько имен? Рассматривай имена, пересматривай имена!

Женщина тоже наклонилась вперед, и запах из ее почти беззубого рта достиг Хебстера, несмотря на огромные размеры кабинета.

— Толпа и досягаемость, и все это — верхнее бряцание,— заныла она, разводя руками, словно соглашаясь с очевидным заявлением.— Пустота унижается до бесконечности...

— До протяженности,— поправил ее старик.

— До бесконечности,— стояла на своем женщина.

— Га-га-га, гы? — с горечью в голосе осведомился молодой человек.

— Послушайте! — прорычал Хебстер.— Когда я спросил о...

На столе загудел переговорник, и Хебстер, сделав глубокий вдох, нажал кнопку. Раздался торопливый и испуганный голос вахтера:

— Я помню ваши приказания, мистер Хебстер, но эти два парня из Специальной следственной комиссии ОЧ снова здесь и, похоже, настроены очень серьезно. Я хочу сказать, что от них можно ждать неприятностей.

— Йост и Фунатти?

— Так точно, сэр. Мне показалось, будто им известно, что у вас там три Первача. Они спрашивают меня, чего вы добиваетесь: умышленно хотите раздразнить Преждевсегошников? Они говорят, что намерены вызвать спецчасти и занять здание, если вы не...

— Задержи их.

— Но, мистер Хебстер, Специальная следственная коми...

— Задержи их, я сказал! Ты вахтер или распахнутая калитка? Придумай что-нибудь. В твоем распоряжении девятьсот служащих и корпорация с десятимиллионным оборотом. Ты можешь разыграть в приемной любой фарс, какой придет в голову,— вплоть до спектакля, где актер, похожий на меня, выходит и падает замертво к их ногам. Задержи их, и я выпишу тебе премию.— Хебстер дал отбой и поднял глаза.

Его посетители, по крайней мере, пребывали в хорошем расположении духа. Они повернулись друг к другу, образовав зловонный треугольник невнятной тарабарщины, и то повышали, то понижали голоса, споря, умоляя и убеждая в чем-то друг друга; однако Алгернон Хебстер из всего их разговора мог ясно различить лишь звуки «га-га-га» да иногда категорическое «гы!».

Его губы презрительно вытянулись. Цвет человечества! Первые среди людей! Вот эти грязнули? Он закурил сигарету и пожал плечами. Ну да ладно. Первые среди людей. А бизнес есть бизнес.

«Только не забывай, что они не сверхлюди,— сказал себе Хебстер.— Они могут быть опасны, но они не сверхлюди. Отнюдь нет. Вспомнить хотя бы ту эпидемию гриппа, которая почти всех их выкосила, или как ты сам надул двух других Первачей в прошлом месяце. Они не сверхлюди, однако и к человечеству не принадлежат. Просто они другие».

Хебстер одобрительно посмотрел на свою секретаршу. Грета Сейденхайм стучала по клавишам машинки, словно записывала самые что ни на есть заурядные деловые письма. Он с любопытством подумал, какой системой она пользуется, чтобы отразить интонационные особенности этой беседы. Впрочем, он верил в Грету — она уж что-нибудь придумает.

— Га-га-га, гы! Га-га-га, га-га-га, га-га-га, гы, гы. Га-га-га, гы, га-га-га, га-га-га, гы? Гы.

С чего вдруг столь бурное обсуждение? Он всего-навсего спросил, как их зовут. Разве в Аризоне не пользуются именами? Наверняка они знают, что здесь это вполне обычно. Сами ведь заявили, что о подобных вещах осведомлены, по крайней мере, не хуже, чем он сам.

Может быть, на этот раз их привело в Нью-Йорк что-то другое? Возможно, что-нибудь, связанное с Пришельцами?.. Хебстер почувствовал, что у него мурашки поползли по шее, и, дабы успокоиться, пригладил ладонью волосы.

Беда заключалась в том, что выучить их язык было так просто. Суметь понять их вот в такие моменты разговорчивости было сущим пустяком. Почти так же легко, как оступиться, балансируя на бревне, или как сигануть со скалы в пропасть.

Ладно, времени у него в обрез. Кто знает, как долго вахтер сумеет продержать следователей ОЧ в приемной? Необходимо снова перехватить инициативу, причем так, чтобы не обидеть посетителей каким-нибудь непредсказуемым и в высшей степени опасным образом, как оскорбить можно лишь Первачей.

Хебстер постучал по столу — очень осторожно. Гоготанье тут же резко оборвалось. Женщина медленно встала.

— Что касается имен,— гнул свое Хебстер, не сводя взгляда с женщины,— то поскольку вы, парни, утверждаете...

Женщина на миг скорчилась, словно от боли, и села на пол. Улыбнулась Хебстеру. Ее гнилозубая улыбка была ослепительна, как погасшая звезда.

Хебстер прочистил горло и приготовился сделать еще одну попытку.

— Если вас интересуют имена,— вдруг сказал старик,— то вы можете называть меня Ларри.

Президент «Хебстер секьюритиз» вздрогнул и заставил себя сказать «спасибо» хотя и слабым, но не слишком удивленным голосом. Он поглядел на щуплого юношу.

— Меня можно называть Тезей,— грустно представился молодой человек.

— Тезей? Чудесно! — Одно было хорошо в Первачах: уж если нашел с ними общий язык, то быстро продвигаешься вперед. Но подумать только — Тезей!.. Теперь женщина — и можно приступать к делу.

Все смотрели на нее, даже на безупречно-красивом лице Греты проступило любопытство.

— Имя,— сама себе прошептала женщина.— Имя имени.

«Только не это,— простонал про себя Хебстер.— Как бы нам здесь не увязнуть».

Ларри, по всей видимости, решил, что потеряно уже достаточно много времени, и обратился к женщине с предложением:

— Почему бы тебе не назваться Мэу?

Молодой человек — Тезей, как выяснилось,— вроде бы тоже заинтересовался этой проблемой.

— Очень хорошее имя Ровер,— подсказал он.

— А как насчет Глории? — безнадежно спросил Хебстер.

Женщина размышляла.

— Мэу, Ровер, Глория,— бормотала она.— Ларри, Тезей, Сейденхайм, Хебстер, я.— Она как будто подводила итог.

Хебстер знал, что произойти может все, что угодно. Но, по крайней мере, они больше не вели себя, как снобы: говорили с ним на его языке. Не только перестали гоготать, но и остави-

ли эти глумливые двусмысленности, которые были еще хуже. Во всяком случае, в их словах сквозил смысл — своего рода.

— Для данной встречи,— проговорила наконец женщина,— подходящим именем для меня было бы... Будет... Меня зовут Лузитания*.

— Превосходно! — выкрикнул Хебстер давно вертевшееся у него на языке слово.— Какое прекрасное имя. Ларри, Тезей и... э-э... Лузитания. Отличная компания. Замечательная. Итак, давайте перейдем к делу. Вы ведь пришли по делу, насколько я понимаю?

— Точно,— кивнул Ларри.— Мы слышали о вас от тех двоих, которые месяц назад ушли из дома в Нью-Йорк. Они рассказывали про вас, когда вернулись в Аризону.

— Правда? Я так и думал.

Тезей соскользнул с кресла и плюхнулся на пол рядом с женщиной, которая что-то выщипывала из воздуха.

— Да, рассказывали про вас,— повторил он.— Говорили, что вы приняли их очень хорошо, что вы оказали им такое уважение, на какое только способно подобное вам существо. Еще они сказали, что вы их обжулили.

— Ну что вам ответить, Тезей? — Хебстер развел холеными руками.— Я ведь бизнесмен.

— Вы бизнесмен,— согласилась Лузитания, тихонько поднявшись на ноги и с силой ударив обеими руками что-то невидимое перед собой.— Здесь, в данной точке, в данный момент — мы тоже. Вы можете получить то, что мы принесли, но вам придется за это заплатить. И не воображайте, будто вам удастся обдурить нас.

Она опустила сложенные пригоршней ладони, внезапно раскрыла их, и оттуда выпорхнул крохотный орел. Он полетел к флюоресцентным панелям, сияющим на потолке. Подниматься ему было трудно, поскольку на груди у него висел тяжелый полосатый щит, в одной лапе он сжимал пучок стрел, а в другой — оливковую ветвь. Орел повернул свою миниатюрную лысую головку и зашипел на Алгернона Хебстера — при этом из клюва выпала лента с надписью «E Pluribus Unum»**,— а потом начал быстро снижаться. Не успев коснуться пола, он исчез.

Хебстер зажмурился, вспомнив о необходимости проявлять полнейшее равнодушие по отношению ко всему происшедшему,

* В мае 1917 г. германская подводная лодка потопила английский лайнер «Лузитания», на борту которого погибло 128 американцев, что и подтолкнуло США к вступлению в войну. *(Примеч. пер.)*

** «В многообразии едины» *(лат.)* — девиз на гербе США.

оставаться столь же спокойным, как и Первачи. Профессор Клеймбохер утверждал, что Первачи — духовные алкоголики. Но тогда почему от общения с ними у всех остальных начиналась белая горячка?

Он открыл глаза.

— Итак,— промолвил Хебстер,— что вы продаете?

На несколько секунд воцарилось молчание. Тезей, казалось, позабыл, о чем хотел сказать. Лузитания уставилась на Ларри.

Ларри, закутанный в кусок грубой вонючей материи, почесал правый бок:

— Вот: наивернейший способ победить любого, кто пытается применить reductio ad absurdum* к разумным предложениям, с которыми вы выступаете.— Он самодовольно улыбнулся и принялся чесать левый бок.

Хебстер усмехнулся, поскольку чувствовал себя прекрасно:

— Нет. Не могу это использовать.

— Не можете использовать? — Старик изо всех сил старался изобразить удивление, украдкой покосившись на Лузитанию.

Женщина снова улыбнулась и села на пол.

— Ларри по-прежнему не говорит на том языке, который вы в состоянии понимать, мистер Хебстер,— ворковала она, напоминая внешним видом дружелюбную фабрику удобрений.— У нас есть то, что, как нам известно, вам очень нужно. Очень сильно нужно.

— Да? — «Они похожи на тех двоих Первачей, которые были месяц назад,— ликовал Хебстер.— Они не знают, что годится, а что нет. Интересно, а их хозяева знают? А даже если и знают — разве кто-нибудь ведет дела с Пришельцами?»

— У нас... есть,— она говорила с расстановкой, изо всех сил стараясь произвести глубокое впечатление,— новый оттенок красного цвета. Но не только это. О нет! Новый оттенок красного, а также полная цветовая гамма, производная от него! Полная гамма, производная от этого одного оттенка красного цвета, мистер Хебстер! Вы только представьте себе, что может сотворить художник не-объективист с такой...

— Мадам, меня это не интересует. Тезей, не хотите ли теперь вы что-нибудь предложить?

Тезей хмурился, созерцая зеленую подставку письменного стола. Потом с довольным видом откинулся назад.

Хебстер вдруг понял, что давление на его правую ступню внезапно исчезло. Каким-то образом Тезей распознал пружин-

* Приведение к абсурду *(лат.)*.

ку-выключатель, спрятанную в полу, и неизвестным способом уничтожил ее.

Дезинтегрировал ее, не включив сигнализацию, к которой она была подсоединена.

Трое Первачей захихикали и быстро обменялись своими «га-га-га-гы». Все они знали, что сделал Тезей и как Хебстер пытался защищаться. Тем не менее они не разозлились и даже, видимо, не испытывали торжества. Вот и пойми поведение Первачей!

Однако не стоит тревожиться раньше времени. Измотанные нервы — вот цена, которую приходится платить, когда имеешь дело с этими типами. Но, с другой стороны, вознаграждение...

Гости вдруг опять приняли деловой вид.

Тезей выпалил свое предложение, словно базарный торговец, называющий последнюю, абсолютно последнюю цену:

— Комплект демографических справочников, которые могут быть скоррелированы с...

— Не пойдет, Тезей,— мягко возразил ему Хебстер.

Он откинулся в кресле и наслаждался, временно позабыв об отсутствии выключателя под ногой, а посетители лихорадочно, отчаянно, перебивая друг друга, выплескивали все новые предложения:

— Портативный нейтронный стабилизатор для исключительно разъя...

— Более пятидесяти способов сказать «однако» без того, чтобы...

— ...и таким образом каждая домохозяйка сможет делать entrechat* в процессе приготовления обе...

— ...синтетическая ткань, обладающая фактурой шелка и производя...

— ...Декоративные орнаменты для лысых с использованием фолликул в качестве...

— ...Полное и окончательное опровержение всех пирамидологов со стороны...

— Хорошо! — завопил Хебстер.— Хорошо! Этого достаточно!

Грета Сейденхайм уже почти не помнила себя и вздохнула с облегчением. Ее стенографическая машинка жужжала, как центрифуга.

— Так вот,— сказал предприниматель,— что вы хотите получить взамен?

— Одна вещь из тех, которые мы назвали, нужна вам, правильно? — пробормотал Ларри.— Какая именно? Опровержение пирамидологов? Черт, держу пари, что попал в точку!

* Антраша *(фр.)* — в классическом балете — прыжок, во время которого вытянутые ноги танцовщика скрещиваются в воздухе несколько раз

Лузитания презрительно помахала руками над головой:

— Попал — пальцем в небо, дурень! Его восхитила новая гамма красного цвета. Этот новейший...

В переговорнике раздался голос вахтера:

— Мистер Хебстер, вернулись Йост и Фунатти. Я их было выставил, но только что дежурный по вестибюлю сообщил мне, что они вернулись и поднимаются наверх. У вас есть две минуты, может быть, три. К тому же они такие злые, что сами похожи на Преждевсегошников!

— Благодарю. Когда они вылезут из лифта, сделай все, что в твоих силах, только по возможности постарайся держаться в рамках закона.— Хебстер повернулся к своим гостям: — Послушайте...

Но они уже снова не обращали на него никакого внимания:

— Га-га-га, га-га-га, гы, гы, гы? Га-га-га, гы, га-га-га, га-га-га! Га-га-га, гы, га-га-га, гы, га-га-га, гы, гы.

Неужели эти звуки, напоминавшие не то кашель, не то храп, действительно имели для них какой-то смысл? Неужто и вправду это был язык, настолько превосходящий все прочие человеческие языки, насколько... Пришельцы, как считается, превосходят самого человека? Ну что ж, по крайней мере, они с его помощью могут общаться с Пришельцами. А Пришельцы, Пришельцы...

Хебстер вдруг вспомнил о двух разъяренных представителях мирового государства, рвущихся к его офису.

— Послушайте, друзья. Вы пришли сюда, чтобы торговать. Вы показали мне свой товар, и кое-что мне бы хотелось приобрести. Что именно — несущественно. Сейчас единственный вопрос заключается в том, что вы за это хотите получить. И давайте закончим поскорее. Меня ждут другие неотложные дела.

Обладательница стоматологического кошмара вскочила на ноги. Под потолком образовалась тучка величиной не больше ладони, и из нее пролилось примерно ведро дождя на дорогой ковер.

Хебстер провел холеным пальцем по внутренней стороне воротничка, чтобы вздувшиеся на шее вены не лопнули. Потом взглянул на Грету, и к нему вернулось самообладание, когда он увидел, с каким смирением девушка ждет возобновления беседы, чтобы записать ее. Первачи, может, трепались о том, как жили в Лондоне два года тому назад, когда их повыгоняли из всех крупных городов — потому что из ничтожной комнатной мухи они превратились в настоящих слонов,— но Грета Сейденхайм продолжала бы преобразовывать их разговор в соответствующие стенографические символы.

Интересно, почему, при всем их могуществе, они просто не брали то, что им хотелось? Зачем проделывали долгий и изнурительный путь до городов, где тайком устраивали нелегальные встречи с такими дельцами, как Хебстер? Их могли арестовать и вернуть в резервацию, а тех, кого не ловила полиция, безбожно обманывали «надежные» люди. Почему бы им просто не вломиться, не забрать несуразные и жалкие трофеи и не мчаться назад к своим хозяевам? Если уж на то пошло, то почему их хозяева... Однако душа Первача была душой Первача: не от мира сего и не для мира сего.

— Мы скажем вам, чего хотим взамен,— начал Ларри прямо посередине кряканья. Он поднял руку с длинными и необыкновенно грязными ногтями и начал перечислять предметы, загибая пальцы: — Во-первых, сто экземпляров «Моби Дика» Мелвилла в мягкой обложке. Затем двадцать пять транзисторных радиоприемников с наушниками. Затем два здания Эмпайр-стэйт-билдинг или три киноконцертных зала «Рэдио-сити» — как вам удобнее; их мы хотим получить вместе с фундаментами, в полной сохранности. Достаточно хорошую копию статуи «Гермес» Праксителя. И электрический тостер 1941 года выпуска. Вот, пожалуй, и все. Так, Тезей?

Тезей наклонился вперед, уперевшись носом в колени.

Хебстер тяжело вздохнул. Список был не таким уж плохим, он ожидал худшего — любопытно, между прочим, что их хозяева неизменно выпрашивали электроприборы и художественные ценности,— но у него не было времени торговаться. Три киноконцертных зала «Рэдио-сити»!..

— Мистер Хебстер,— сообщил в переговорник вахтер.— Эти парни из ССК... Мне удалось собрать толпу возле их лифта, когда он поднялся на наш этаж, и еще я закрыл на ключ... То есть я пытаюсь зак... Но я не думаю... Вы можете...

— Молодец! Ты все делаешь прекрасно!

— Тезей, это все, что мы хотели? — снова спросил Ларри.— Га-га-га?

В приемной раздался громкий треск и топот бегущих ног.

— Посмотрите-ка, мистер Хебстер,— наконец сказал Тезей,— если вы не желаете покупать Ларрину защиту от reductio ad absurdum и вам не нравится мой метод украшения лысин, несмотря на всю его бесспорную художественность, то как насчет системы музыкальной записи...

Кто-то попробовал открыть дверь кабинета Хебстера, однако та была заперта. Послышался стук в дверь, потом еще один — громче и нетерпеливее.

— Он уже выбрал, что ему нужно,— встряла Лузитания.— Да, Ларри, ты ничего не пропустил.

Хебстер пригладил волосы на своем уже лысеющем лбу.

— Отлично! Теперь послушайте. Я могу дать вам все, что вы просите, кроме двух зданий Эмпайр-стэйт-билдинг и трех «Рэдио-сити».

— Или три зала «Рэдио-сити»,— поправил Ларри.— Не пытайтесь надуть нас! Два здания Эмпайр-стэйт-билдинг или три «Рэдио-сити». На ваше усмотрение. Почему... разве это слишком дорого для вас?

— Откройте дверь! — раздался голос, больше похожий на рев разъяренного быка.— Именем Объединенного Человечества, откройте дверь!

— Мисс Сейденхайм, откройте дверь,— громко сказал Хебстер и подмигнул своей секретарше, которая встала и медленно, с задумчивым видом направилась к скрытой панели.

Два плеча с силой ударили в дверь. Хебстер знал, что дверь его офиса способна выдержать натиск среднего танка. Однако существовал определенный предел, до которого можно валять дурака со Специальной следственной комиссией ОЧ. Эти парни отлично знали и Первачей, и дельцов, которые с ними работают, поэтому имели полномочия сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы — буде таковые возникнут.

— Вопрос не в том, дорого это для меня или нет,— говорил Хебстер своим гостям, подводя их к запасному выходу, находившемуся за его письменным столом.— По причинам, которые, я убежден, вас не интересуют, я не могу отдать два здания Эмпайр-стэйт-билдинг или три киноконцертных зала «Рэдио-сити» с неповрежденными фундаментами — по крайней мере, сейчас. Все остальное я вам заплачу, и...

— Откройте дверь, или мы взорвем ее!

— Пожалуйста, джентльмены, прошу вас,— уговаривала их Грета сладким голоском.— Вы ведь можете убить бедную девушку, которая изо всех сил старается вас впустить. Замок что-то заело.— Она дергала дверную ручку, глядя на Хебстера с легкой озабоченностью.

— Но вместо этих предметов,— продолжал Хебстер,— я дам...

— Я имею в виду,— перебил его Тезей,— вот что. Вам, разумеется, известна основная проблема композиторов, пишущих в двенадцатитональной системе?

— Я могу предложить вам,— упрямо продолжал бизнесмен, весь покрывшись потом, который струился по.его телу, словно весенние ручейки,— полный комплект архитектурных чертежей Эмпайр-стэйт-билдинг и «Рэдио-сити» плюс пять...— нет, я даже

дам вам десять! — уменьшенных моделей каждого здания. К тому же вы получите все остальное, о чем просите. Вот так. Хотите — соглашайтесь, а нет — так нет. Быстро!

Гости переглянулись. Хебстер распахнул дверь запасного выхода и помахал рукой пяти насторожившимся телохранителям, стоявшим у его личного лифта.

— Договорились,— сказали продавцы одновременно.

— Отлично,— чуть ли не пропищал Хебстер и втолкнул их в дверь, сказав самому высокому из пяти охранников: «Девятнадцатый этаж!»

Он захлопнул запасный выход в тот момент, когда мисс Сейденхайм открыла дверь кабинета и в него ворвались Йост и Фунатти, оба в темно-зеленых мундирах ОЧ. Не мешкая, они бросились к тому месту, где только что стоял Хебстер, и высадили дверь запасного выхода. До них донесся звук тронувшегося лифта.

Фунатти, коротышка с оливкового цвета кожей, фыркнул:

— Первачи! У него здесь были Первачи, как пить дать. Чувствуешь этот запах немытых тел, Йост?

— Ага,— проговорил человек повыше ростом.— Пошли. Аварийная лестница. Мы сможем засечь лифт!

Агенты спрятали в кобуры свое служебное оружие и затопали по металлическим ступеням. Где-то внизу остановился лифт.

Секретарша Хебстера подошла к переговорнику.

— Ремонтная бригада! — Она подождала.— Ремонтики, автоматические замки на выходе с девятнадцатого этажа до тех пор, пока группа, которую мистер Хебстер только что отправил вниз, не доберется до какой-нибудь лаборатории. И все время извиняйтесь перед полицейскими. Не забывайте, они из ССК.

— Спасибо, Грета,— сказал Хебстер, перейдя на неофициальный тон, как только они остались одни. Он плюхнулся в свое рабочее кресло и с облегчением вздохнул: — Ведь должны же существовать какие-нибудь более простые способы заработать миллион!

Девушка подняла безукоризненные светлые брови.

— Или стать абсолютным монархом?

— Если мне дадут достаточно времени,— ответил он лениво,— я стану воплощением ОЧ, планетарным правительством и все такое прочее. Еще год или, может, два — и все.

— А ты случайно не забываешь о некоем Вандермеере Демпси? Его молодчики тоже хотят занять место ОЧ. Не говоря уже об их причудливых планах в отношении твоей особы. К тому же их ужасно, ужасно много.

— Они меня не волнуют, Грета. «Человечество прежде всего» распадется в одночасье, как только этот дряхлый старый демагог испустит дух.— Хебстер нажал на кнопку переговорника.— Ремонтники! Ремонтники, та компания, которую я послал вниз, уже добралась до безопасной лаборатории?

— Нет, мистер Хебстер. Но все идет как надо. Мы направили их на двадцать четвертый этаж, а тех ребят из ССК доставили вниз на служебные этажи. Кстати, мистер Хебстер, об ССК... Мы выполняем ваши приказы и все такое, но никому из нас не хочется неприятностей со Специальной следственной комиссией. В соответствии с последним законодательством, противодействие им практически приравнивается к уголовным преступлениям.

— Не беспокойтесь,— сказал Хебстер.— Я еще не подставил ни одного моего служащего. Свяжитесь со мной, как только надежно спрячете Первачей и они будут готовы к допросу.

Он снова повернулся к Грете:

— Прежде чем уйдешь, перепечатай всю эту фигню и отдай профессору Клеймбохеру. Ему вроде удалось найти новый подход к их тарабарщине.

Девушка кивнула:

— Мне бы хотелось, чтобы ты пользовался записывающими устройствами, а не заставлял меня сидеть за допотопной машинкой.

— Мне тоже хотелось бы. Но Первачи страшно любят налагать заклятие на электрические аппараты, если не собирают их для Пришельцев. У меня накопилась целая гора радиопередатчиков и магнитофонов, безнадежно вышедших из строя посередине разговора с Первачами, и наконец я пришел к выводу, что единственным решением проблемы будет обычная стенографистка. Рано или поздно Первачи научатся и с этим управляться.

— Сколь отрадно об этом думать! Как-нибудь холодным вечерком я помечтаю о такой перспективе. С другой стороны, что мне жаловаться,— бормотала Грета, входя в свой собственный маленький кабинет.— На колдовстве Первачей держится весь наш бизнес, который приносит жалованье и дает мне маленькие блестящие безделушки, а я их очень люблю!

Увы, не совсем так, размышлял Хебстер, сидя в ожидании гудка переговорника, который должен был сообщить ему о прибытии гостей в безопасную лабораторию. Примерно девяносто пять процентов капитала компания «Хебстер секьюритиз» извлекла из технических новинок, купленных у Первачей в результате сомнительных сделок, однако основой всего был неболь-

шой инвестиционный банк, который он унаследовал от своего отца еще во времена Полувойны — в те дни, когда Пришельцы впервые появились на Земле. Ужасающе разумные точечки, кружащиеся внутри своих разноцветных бутылок разнообразной формы, находились совершенно за гранью человеческого понимания.

В те далекие дни какой-то остряк заметил, что Пришельцы явились не для того, чтобы уничтожить человека, не с тем, чтобы его покорить или поработить. У них была поистине чудовищная цель — игнорировать его!

Даже сегодня никто не знал, из какой области Галактики прибыли Пришельцы. Или зачем. Никто не имел понятия, какова была их численность. А также как они управляют своими открытыми и совершенно бесшумными космическими кораблями. Те немногие вещи, которые удалось о них узнать, когда Пришельцы соизволяли спикировать вниз и исследовать какое-нибудь человеческое предприятие с отстраненным видом высокоцивилизованных туристов, служили подтверждением такого технологического превосходства над человеком, какое опрокидывало все представления и повергало в отчаяние самую бурную фантазию. Хебстер недавно прочитал социологический трактат, где делалось предположение, что Пришельцы оперировали концепциями, настолько опережающими состояние современной науки, насколько метеоролог, засевающий пораженную засухой почву сухим льдом, непостижим для первобытного земледельца — тот, тщетно пытаясь разбудить задремавших богов дождя, трубит в бараний рог.

Длительные, бесконечно опасные наблюдения показали, что эти «точки в бутылках», видимо, перешагнули в своем развитии потребность в готовых инструментах любого рода, создавая их по мере надобности, творя и уничтожая материю по собственной воле!

Некоторые люди входили с ними в контакт...

Людьми они не оставались.

Некоторые выдающиеся личности проникали в кружащиеся мерцающие поселения чужаков. Кое-кто вернулся, рассказывая о чудесах, которые они понимали очень смутно и плохо рассмотрели. Их описания неизменно звучали так, словно в самый критический момент им закрыли глаза или перегорели душевные предохранители, и по ту сторону понимания проникнуть не удалось.

Другие — такие знаменитости, как президент Земли, трехкратный лауреат Нобелевской премии, выдающийся поэт,— очевидно, каким-то образом сумели прорваться за эту грань. Однако они были среди тех, которые не вернулись. Они остались в поселениях Пришельцев на Юго-Западе Америки, в Гоби и Сахаре, едва способные заботиться о себе, несмотря на вновь обретенное и почти невероятное могущество, они молитвенно слонялись вокруг чужаков, разговаривали, терзая гортань и носоглотку, в муках рождая человеческую имитацию языка их хозяев. Кто-то сказал, что разговор с Первачом подобен попыткам слепого прочитать книгу, написанную азбукой Брайля для осьминога.

И то, что эти бородатые, завшивевшие, воняющие отщепенцы, опьяневшие и отупевшие от логики совершенно иной жизненной формы, были сливками человеческой расы, отнюдь не поднимало самосознания людей.

Люди и Первачи почти не причисляли друг друга к человечеству; люди — из-за раболепства и беспомощности Первачей, если пользоваться человеческой терминологией, а Первачи — за невежественность и скудоумие людей, пользуясь понятиями Пришельцев. Поэтому, за исключением тех случаев, когда они действовали по приказу Пришельцев через полулегальных дельцов вроде Хебстера, Первачи не общались с людьми, как и их хозяева.

Когда их помещали в лечебницы, то они либо быстро сводили себя в могилу, либо, внезапно теряя терпение, пролагали себе дорогу свободы сквозь стены сумасшедших домов и стражников, которым не посчастливилось оказаться у них на пути. Поэтому первоначальный энтузиазм полицейских и чиновников, медперсонала и законодателей развеялся, и принудительная изоляция Первачей почти полностью прекратилась.

Поскольку эти две группы психологически были столь чужды друг другу, что совместное существование стало невозможным, то чудотворцы в лохмотьях получили особый почетный статус: цвет человечества, первые среди людей. Не лучше, чем люди, и не обязательно хуже их — но другие, и опасные.

Что привело их к этому? Хебстер откатил назад кресло и обследовал дырку в полу, где находилась спираль сигнальной пружины. Тезей дезинтегрировал ее — как? С помощью мысли? Телекинез, направленный одновременно на все молекулы металла и заставивший их двигаться быстро и беспорядочно? Или, возможно, он просто переместил пружину — куда? В пространстве? В гиперпространстве? Во времени?

Хебстер покачал головой и снова придвинулся к надежному, гладкому, рациональному и полезному письменному столу.

— Мистер Хебстер? — вдруг осведомился переговорник, и он даже слегка подпрыгнул.— Говорит Маргритт из Общей лабо-

ратории 23Б. Ваши Первачи только что прибыли. Обычная проверка?

«Обычная проверка» означала выкачивание информации по всем мыслимым техническим предметам, которое проводили девять специалистов в общей лаборатории. Эта процедура заключалась в «обстреле» Первачей вопросами со скоростью полицейского допроса, выводе их из равновесия и поддержании в этом состоянии в надежде, что неожиданно просочится хоть небольшая капля полезных научных знаний.

— Да,— ответил Хебстер.— Обычная проверка. Только сначала пускай над ними поработает спец по текстилю. Собственно говоря, пусть он и ведет всю проверку.

Возникла некоторая пауза.

— Единственный специалист по текстилю в этом отделе — Чарли Верус.

— Ну и?..— спросил Хебстер, немного раздражаясь.— Почему такой тон? Он компетентен, я надеюсь? Что о нем говорит отдел кадров?

— Отдел кадров считает, что он компетентен.

— Тогда приступайте. Смотрите, Маргритт, у меня здесь ССК носится по всему зданию с налитыми кровью выпученными глазами. Сейчас нет времени копаться в дрязгах вашего отдела. Подключайте Веруса.

— Да, мистер Хебстер. Эй, Берт! Разыщи Чарли Веруса. Да, того самого.

Хебстер покачал головой и хихикнул. Ох уж эти техники! Верус, вероятно, был очень башковитым и очень противным.

Переговорник снова ожил:

— Мистер Хебстер? Верус слушает.

В этом голосе звучала такая смертная скука, что казалась совершенно наигранной. Однако специалистом он был, вероятно, хорошим, несмотря на все его неврозы. В «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед» держали первоклассный отдел кадров.

— Мистер Верус? Я хочу, чтобы вы возглавили проверку Первачей. Один из них знает, как делать синтетическую материю с фактурой шелка. Сначала займитесь этим, а уж потом посмотрите, что у них есть еще.

— Первачи, мистер Хебстер?

— Я сказал Первачи, мистер Верус. Вы специалист по текстилю, прошу об этом не забывать, а не правдолюбец и не комедийный простак. Принимайтесь за дело. Мне нужен отчет об этой материи к завтрашнему дню. Если понадобится, работайте всю ночь.

— Прежде чем мы начнем, мистер Хебстер, возможно, вас заинтересует небольшая справка. Уже существует синтетика, превосходящая шелк...

— Я знаю,— коротко ответил начальник.— Ацетат целлюлозы. К несчастью, у него есть несколько недостатков: низкая температура плавления, никудышная химическая сопротивляемость... Я прав?

На другом конце ничего не ответили, Хебстер как бы почувствовал озадаченный кивок. Он продолжал:

— У нас есть также протеиновые волокна. Они хорошо окрашиваются, приятны на ощупь, обладают теплопроводностью, необходимой для изготовления одежды, однако прочность на разрыв у них — смехотворная. Ответом может стать искусственное протеиновое волокно: материя будет иметь фактуру шелка, не исключено, мы сумеем использовать здесь кислотные красители, которые применяем на шелке и которые придают ему такие оттенки, что у женщин кружится голова и они широко раскрывают свои кошельки. Во всем этом одна беда — множество «если», я знаю. Но один из Первачей сказал что-то о синтетике с фактурой шелка, и вряд ли он настолько в своем уме, чтобы толковать об ацетате целлюлозы. Или о нейлоне, орлоне, винилхлориде и вообще о чем-нибудь таком, что у нас уже есть.

— Вы разбираетесь в проблемах текстильной промышленности, мистер Хебстер.

— Разбираюсь. Я разбираюсь во всем, что связано с большими деньгами. А теперь, прошу вас, займитесь Первачами. Несколько миллионов женщин, затаив дыхание, ждут секретов, спрятанных в их бородах. Как вы полагаете, Верус, с персоналом, находящимся в вашем распоряжении, и с научными сведениями, которые вы сейчас от меня получили, смогли бы вы приступить к работе, за которую вам платят деньги?

— М-м-м-м. Да.

Хебстер подошел к стенному шкафу и достал оттуда шляпу и пальто. Ему нравилось работать в сложных условиях; ему приятно было видеть, как люди вскакивают и вытягиваются в струнку, едва он на них гавкнет. И вот теперь его радовала перспектива отдыха.

Хебстер состроил гримасу, посмотрев на кресло, в котором сидел Ларри. Нет смысла отчищать его. Проще заказать новое.

— Я буду в университете,— сказал он вахтеру, выходя из офиса.— Вы можете связаться со мной через профессора Клеймбохера. Но только в случае крайней необходимости. Профессор чрезвычайно раздражается, когда его отвлекают.

Вахтер кивнул. Потом спросил с весьма озабоченным видом:

— Те два человека, Йост и Фунатти, из Специальной следственной комиссии... Они сказали, что никому не разрешат покинуть здание.

— Они и сейчас так говорят? — Хебстер усмехнулся.— Я думаю, они просто злились. Такое с ними и раньше случалось. Но до тех пор, пока им не удастся что-нибудь навесить на меня... Да, кстати, передайте моим телохранителям, чтобы они шли домой, кроме того человека, который находится при Первачах. Пусть связывается со мной, где бы я ни был, каждые два часа.

Хебстер легкой походкой направился к выходу, не забывая благожелательно улыбаться каждому третьему клерку и каждой пятой машинистке в большом офисе. Персональный лифт и вход были хороши для кризисных ситуаций, но Хебстеру нравилось часто появляться на людях, демонстрируя им свое благорасположение.

Приятно будет снова увидеться с Клеймбохером. Хебстер очень большие надежды возлагал на лингвистический подход к проблеме. Благодаря финансовой поддержке от его корпорации филологическое отделение университета выросло в три раза. В конечном итоге фундаментальной проблемой между людьми и Первачами, так же как между людьми и Пришельцами, была проблема общения. Любой попытке овладеть наукой чужаков, понять их менталитет и логику должно предшествовать понимание.

Докопаться до этого понимания было задачей Клеймбохера, а не его. «Я — Хебстер. Я нанимаю людей, чтобы они решали задачи. Затем я из этого делаю деньги».

Кто-то преградил ему дорогу. Кто-то другой взял его за руку.

— Я — Хебстер,— машинально повторил он, но уже вслух.— Алгернон Хебстер.

— Именно этот Хебстер нам и нужен,— проговорил Фунатти, крепко вцепившись ему в руку.— Вы не откажетесь проследовать с нами?

— Это арест? — спросил Хебстер у более высокого Йоста, который посторонился, чтобы пропустить его. Йост трясущимися пальцами поглаживал свою кобуру.

Сотрудник ССК пожал плечами:

— К чему задавать лишние вопросы? Просто следуйте с нами и будьте чуточку повежливее. С вами хотят поговорить.

Хебстер позволил протащить себя через вестибюль, украшенный фресками художников-модернистов, и с благодарностью кивнул швейцару, который, глядя сквозь его конвоиров, радостно проговорил: «Добрый день, мистер Хебстер». Он довольно

сносно устроился на заднем сиденье автомобиля ССК — это была последняя модель «одноколесника Хебстера».

— Странно видеть вас без телохранителей,— бросил через плечо Йост, севший за руль.

— Я предоставил им отгул.

— Как только закончили дело с Первачами? О нет,— признал Фунатти,— нам так и не удалось найти, куда вы их запрятали. Ваше здание, мистер, такое огромное!.. А Специальной следственной комиссии ОЧ катастрофически не хватает сотрудников.

— И им, не забывай, катастрофически мало платят,— добавил Йост.

— Даже если бы хотел, не смог бы забыть,— заверил его Фунатти.— Знаете, мистер Хебстер, на вашем месте я не стал бы отпускать телохранителей. Сейчас за вами охотятся люди, которые раз в пять опаснее Первачей. Я имею в виду «Человечество превыше всего».

— Придурки Вандермеера Демпси? Спасибо, что предупредили, но я надеюсь выжить.

— Ну вот и хорошо. Главное — не давайте им форы. Их ряды растут быстро и стремительно. У одного только «Вечернего гуманитария» огромный тираж. А потом добавьте еще еженедельные газеты, дешевые брошюрки, листовки — все вместе представляет собой впечатляющую пропагандистскую машину. Изо дня в день они со страниц прессы ведут атаку на людей, которые делают деньги на Пришельцах и Первачах. Разумеется, на самом деле их цель — ОЧ, как всегда, но рядовой Преждевсегошник, повстречав вас на улице, не раздумывая перережет вам глотку. Не тревожитесь? Извините. Что ж, возможно, вам понравится вот это. «Вечерний гуманитарий» дал вам остроумное прозвище.— Йост захохотал.— Скажи ему, Фунатти.

Президент корпорации благожелательно посмотрел на коротышку.

— Они называют вас,— четко и с удовольствием произнес Фунатти,— они называют вас межпланетным сводником!

Вынырнув наконец из магистрального туннеля, машина выехала на новейшее Истсайдское воздушное скоростное шоссе, в просторечии известное как Маршрут пикирующего бомбардировщика. Около Сорок второй улицы — самого перегруженного въезда в Манхэттен — Йост не успел проскочить на разрешающий сигнал. Он рассеянно ругнулся, и Хебстер машинально кивнул в знак согласия. Они смотрели, как секция лифта, уменьшаясь в размерах, уплывает вниз, а машины, выезжающие на шоссе, по спирали поднимаются справа. Между ними взлетали

вверх и опускались мощные портовые платформы, а далеко внизу, сложенные, словно множество карточных колод, ждали своей очереди подмостки для пешеходов.

— Смотри! Вон там, прямо над головой! Видишь?

Хебстер и Фунатти посмотрели туда, куда показывал длинный трясущийся палец Йоста. В двухстах футах к северу от выезда и почти в четверти мили над их головой висел, словно зачарованный, какой-то коричневый объект. Время от времени сияющая голубая точка оживляла тяжелый мрак, заключенный в эту кувшинообразную форму, и, кружась, исчезала, чтобы уступить место другой.

— Глаза? Тебе не кажется, что это глаза? — спросил Фунатти, рассеянно потирая друг о друга темные кулаки.— Я знаю, что говорят ученые: каждая точка эквивалентна одной личности, а вся бутылка — вроде как семья или, может, город. Только вот откуда они знают? Это ведь только теория, как я понимаю. Я говорю, что это глаза.

Йост наполовину высунул из открытого окна машины свое мощное тело, прикрыв от солнца глаза форменной фуражкой.

— Вы только поглядите! — сказал он через плечо. В его голосе появились гнусавые нотки,— кипящие внутри эмоции вернули давно забытый акцент.— Ишь, сидит там, уставился и смотрит! Подумайте только, как интересно: люди съезжают и выезжают на переполненное шоссе! Ведь не скажет «прошу прощения», когда мы пытаемся заговорить с ним, когда хотим узнать, откуда оно и зачем пожаловало, кто оно такое. Куда там! Оно слишком недосягаемо, чтобы общаться с нам подобными. Но оно может наблюдать за нами — часами, днями, ночами, зимой и летом! Оно может наблюдать за нами, когда мы занимаемся своими делами. И каждый раз, когда мы, тупые двуногие животные, пытаемся решить какую-нибудь слишком сложную для нас задачу, появляются проклятые «точки в бутылке», которые наблюдают, усмехаются и...

— Эй, парень,— Фунатти протянул руку и дернул своего напарника за зеленый китель.— Полегче там. Мы как-никак ССК, при исполнении.

— А! Какая разница! — Йост злобно усмехнулся, сел на свое место и надавил на кнопку газа.— Хотел бы я, чтобы у меня сейчас был в руках папочкин старый малютка «М-1».— Они проехали вперед, мягко вкатились на следующую длинную секцию лифта и начали опускаться.— Не посмотрел бы даже на то, что могут пиньнуть.

«И это говорит сотрудник ОЧ,— размышлял Хебстер, почему-то чувствуя себя крайне неуютно.— Не просто сотрудник ОЧ,

если уж на то пошло, а член специального подразделения, которого тщательнейшим образом проверяли на отсутствие антипервацеских предрассудков, приносивший присягу соблюдать резервационное законодательство безо всякой дискриминации, и убежденный сторонник концепции, что человек как-то сумеет достигнуть равенства с Пришельцем».

А с другой стороны, сколько люди могут глотать дерьмо? То есть люди, лишенные коммерческой жилки. Его отец сам мало-помалу выбился из толпы крохоборов и воспитал своего единственного сына так, чтобы тот постоянно стремился к еще большей власти, всегда искал лишний процент дохода. Однако другие люди, очевидно, лишены таких всепоглощающих страстей, как с сожалением понимал Алгернон Хебстер.

Им было невыносимо жить среди достижений, которые Пришельцы сделали ничтожными. Мучительно знать наверняка, что наиболее яркие озарения, на какие они только способны, самые хитроумные конструкции и величайшее мастерство могут быть скопированы — и превзойдены — за одно мгновение какими-то чужаками и представляют для них интерес лишь как объекты коллекционирования. Ощущение неполноценности достаточно чудовищно, если даже его просто воображают. Когда же оно из ощущения превращается в знание, когда неполноценность неизбежна и самоочевидна, когда она касается любого аспекта созидательной деятельности, то становится невыносимой и сводит с ума.

Неудивительно, что люди впадали в неистовство под многочасовым немигающим пристальным взглядом Пришельцев — наблюдающих, как они маршируют на красочном костюмированном местном параде, или ловят рыбу через дырку во льду, или с огромным трудом пытаются мягко приземлить гигантский межконтинентальный авиалайнер, или сидят потные рядами вокруг футбольного поля и орут что-то другим потным людям, бегающим по траве. Неудивительно, что они хватаются за ржавое ружье или блестящую винтовку и мстительно палят в небо, отравленное высокомерным любопытством какой-нибудь коричневой, желтой или алой «бутылки».

Между тем толку от этого никакого не было, только давало определенную разрядку нервам, загнанным в жуткий психологический угол. А Пришельцы по-прежнему не обращали ни на что ровно никакого внимания, и это было самым важным. Пришельцы просто-напросто продолжали наблюдать, словно вся эта стрельба и вой, все проклятия и бряцание оружием были частью некоего увлекательного спектакля, за просмотр которого они заплатили и намеревались досмотреть его до кон-

ца — хотя бы ради удовольствия видеть, как иногда собьется с роли какой-нибудь актеришка этой неопытной труппы.

Пришельцы не несли никакого ущерба и не считали, что на них нападают. Пули, снаряды, дробь, картечь, стрелы, камни, пущенные из пращи,— весь арсенал ярости человека просачивался сквозь них, словно безобидный теплый дождик. Тем не менее Пришельцы были вполне материальны — они поглощали свет и тепло. А еще...

А еще иногда случались «пинь».

Время от времени кто-нибудь явно немного задевал кого-либо из Пришельцев. Или, правильнее сказать, раздражал его каким-то неизвестным обстоятельством, сопутствующим выстрелу из ружья или метанию копья.

Возникало как будто бы легчайшее подобие звука — словно гитарист коснулся кончиком пальца струны, но в последнее мгновение передумал. И после этого нежного и едва различимого «пинь» стрелок — довольно нелепым образом — оказывался безоружным. Он стоял, тупо глядя на свои скрюченные пальцы, с отставленным локтем и поднятым плечом, как большой придурковатый ребенок, забывший, что игра уже кончилась. Никто никогда больше не находил ни самого оружия, ни какой-либо его части. А Пришелец продолжал себе наблюдать — серьезно, пристально, с любопытством.

Эти «пинь» были направлены, казалось, главным образом на оружие. Однако иногда Пришельцы могли «спиньнуть» и 155-миллиметровую гаубицу, и мускулистую руку, отведенную назад, чтобы бросить еще один камень. А еще бывали случаи — можно предположить, что Пришелец, утратив интерес, становился в своем раздражении несколько небрежен,— когда целый человек в смертельном неистовстве и помрачении издавал «пинь» и переставал существовать.

Это не походило на применение какого-то контроружия, а скорее было ответом несоизмеримо более высокого уровня, вроде шлепка в ответ на укус насекомого.

Хебстер с содроганием вспомнил однажды увиденное. Черный Пришелец, внутри которого кружились янтарные точки, завис над местом, где перекапывали улицу; очевидно, его покорило зрелище людей, копошащихся в земле у себя под ногами. Похожий на секвойю рыжий рабочий-ирландец оторвал взгляд от твердого манхэттенского гранита и посмотрел вверх, смахивая со лба пот. Тут он заметил переливающегося точками наблюдателя, зарычал и поднял свой отбойный молоток, чтобы хоть звуком попугать небеса. Остальные рабочие даже и не видели, как темный, искрящийся представитель звездной расы повернулся и издал «пинь».

Тяжелый отбойный молоток еще мгновение висел в воздухе, а потом будто вдруг понял, что хозяин пропал. Пропал? Казалось, что бедолага и не существовал-то никогда. Настолько совершенным было его исчезновение, так быстро и с такой легкостью он был отменен — ничего не повредив и не взяв с собой, что все случившееся можно было назвать актом совершенного антисотворения.

«Ну уж нет,— решил Хебстер,— делать угрожающие жесты в адрес Пришельцев — сущее самоубийство. Хуже того: как и все прочее, что испробовано по сей день, это бесполезно. А с другой стороны, подход партии "Гуманность прежде всего" — полнейший невроз... Ну что тут можно поделать?»

Он порылся в своей душе в поисках какого-то фундаментального символа веры и нашел его. «Я могу делать деньги,— процитировал Хебстер самому себе.— Это у меня хорошо получается. Это я всегда могу делать».

Когда машина остановилась возле приземистого и унылого здания из красного кирпича, которое раньше было арсеналом, а теперь ССК приспособило его для своих нужд, Хебстер испытал потрясение. Через улицу находился маленький табачный магазин, единственный на весь квартал. Названия сигарет, украшавшие витрину всеми цветами радуги, пополнились недавно появившимися лозунгами, написанными золотыми буквами. В последнее время их можно было встретить повсюду — но чтобы так близко от конторы ОЧ, от Специальной следственной комиссии? В самой верхней части витрины хозяин декларировал свою партийную принадлежность тремя огромными словами, которые прямо-таки изливали на улицу ненависть:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПРЕЖДЕ ВСЕГО!

Чуть ниже, точно в центре окна, красовался большой золотой символ организации — переплетенные буквы ЧПВ, вырастающие из лезвия бритвы.

Еще ниже каракулями было написано как бы пояснение:

«Человечество прежде всего, после всего и навсегда!»

Надпись на двери звучала уже угрожающе:

«Депортируйте Пришельцев!
Отошлите их туда, откуда они явились!»

Центр двери занимало коммерческое объявление:

«Покупайте здесь! Покупайте только человеческое!»

— «Человеческое»,— с горечью проговорил Фунатти.— Вы когда-нибудь видели, что остается от Первача, если он без охраны ССК попадает в руки кучке Преждевсегошников? Чтобы убрать, достаточно промокашки. Ведь вас, я полагаю, не радуют такие магазины, призывающие к бойкоту?

Они проходили мимо охранников в темно-зеленой форме, отдавших им честь. Хебстер через силу усмехнулся:

— Вряд ли многие из дурачков, вдохновленных лозунгами Преждевсегошников, занимаются табачным бизнесом. Но даже если таковые и находятся, то один «Человеческий магазин» меня не разорит.

«Однако они существуют,— подумал про себя Хебстер с тревогой.— И разорят меня, если все это действительно так серьезно, как кажется. Членство в организации — одно дело, так же, как и планетарный патриотизм, а бизнес — нечто совсем другое».

Хебстер тихонько пошевелил губами, вспоминая одну из первейших заповедей: независимо от того, во что верит и во что не верит хозяин магазина, он должен получать от своей лавки достаточный доход, чтобы его не беспокоил полицейский пристав. Но это было бы невозможно, если бы он раздражал большую часть своих потенциальных клиентов.

Таким образом, поскольку он все еще в бизнесе и, судя по внешним признакам, дела его идут очень хорошо, хозяин этого магазина не зависит от сотрудников ОЧ на другой стороне улицы. Значит, должно продаваться достаточно много товара — за счет покупателей, которые не только не возражают против преждевсевизма продавца, но и готовы отказаться от интересных новых разработок и более низких цен на бытовые товары, производимые по технологиям Первачей.

«Следовательно, вполне вероятно — если судить на основании этого совершенно случайного, но в высшей степени показательного примера,— что газеты, которые я читаю, лгут, а социоэкономисты, которые на меня работают, некомпетентны. Очень возможно, что потребители — то есть единственная часть населения, которая меня хоть как-то интересует,— в целом начинают менять точку зрения, что в конечном итоге отразится на их покупательских ориентациях».

Возможно, вся экономика ОЧ сейчас находится в самом начале долгого соскальзывания к диктату «Человечества прежде всего», в безопасную зону фанатичной слепоты, границы которой определяют люди вроде Вандермеера Демпси. Ростовщическая, спекулятивная экономика Римской империи совершила аналогичную метаморфозу в течение гораздо более долгого исторического периода два тысячелетия тому назад, и всего за три

века мир стал статичным и непредприимчивым, когда банковское дело считалось греховным занятием, а богатство, полученное не по наследству,— непристойным и позорным.

Между тем, возможно, люди уже начали судить о промышленных товарах с точки зрения морали, а не их полезности, понял Хебстер,— и смутные догадки стали бесстрастно выстраиваться, формируя окончательный вывод. Он припомнил объемистую папку с блестящими объяснениями, полученную на прошлой неделе из Отдела исследования рынка, относительно неожиданного неприятия потребителями новой посуды «Эввакклин». Он не придал значения тщательно обоснованному тезису о том, что женщины подсознательно ассоциируют название продукта с некоей Катрин Эввакиос, которая недавно появилась на первых страницах всех таблоидов мира благодаря тому, что перерезала горло хлебным ножом пятерым своим детям и двум любовникам. Тогда Хебстер лишь улыбнулся и зевнул, изучив первую разноцветную диаграмму этого опуса.

— Вероятно, не более чем обычная подозрительность домохозяек в отношении радикально новой идеи,— пробормотал он.— После того как они годами мыли посуду, им говорят, что больше этого делать не нужно! Женщина не в силах поверить, что ее тарелка «Эвваклин» останется точно такой же, как раньше, если удалить тончайшую пленку молекул после еды. Надо бы несколько заострить внимание на образовательном аспекте — возможно, провести аналогию с отмершими молекулами, которые кожа теряет под душем.

Он сделал несколько замечаний на полях и передал эту проблему в не знающий покоя Отдел рекламы.

Однако затем последовал сезонный спад продажи мебели — приблизительно на месяц раньше обычного срока. Удивительное отсутствие интереса к стулу «хебстер» — изделию, которое должно было произвести переворот в представлениях человека о том, как нужно сидеть.

Вдруг он припомнил еще более десятка необъяснимых сбоев на рынке, и все они касались товаров широкого потребления. Правильно: любое изменение в покупательских привычках не отражается на тяжелой промышленности по крайней мере в течение года. Станкостроительные заводы почувствуют это быстрее сталелитейных; сталелитейные заводы — раньше обогатительных комбинатов; банки же и крупные инвестиционные компании окажутся теми костями домино, которые упадут последними.

Принимая во внимание, что капитал его компании очень тесно связан с исследованиями и новейшими технологиями, самыми тяжелыми последствиями чреваты даже временные ко-

лебания такого рода. «Хебстер секьюритиз» может исчезнуть, как пылинка, сдутая с воротника пальто.

«Далеко идущие размышления о маленькой табачной лавочке... Видно, страх Фунатти перед растущим распространением преждевсегошных настроений заразителен! Если бы только Клеймбохер сумел решить языковую проблему! Если бы мы смогли поговорить с Пришельцами, найти для себя какое-нибудь место в их вселенной. Тогда бы у Преждевсегошников не оказалось никакой политической опоры!»

Хебстер вдруг понял, что очутился в большом неприбранном кабинете, по стенам которого были развешаны карты, и его конвой отдает честь здоровенному, еще более неопрятному, нежели его кабинет, человеку. Незнакомец нетерпеливо махнул, чтобы они опустили руки, и кивком приказал им выйти. Хебстеру он движением руки предложил выбрать, куда сесть. Выбирать предстояло из нескольких крашеных коричневых скамеек, в беспорядке стоявших в комнате.

«П. Браганза» — стилизованными под готические буквами сообщала табличка на столе. У П. Браганзы были длинные, закрученные и потрясающе густые усы. Кроме того, П. Браганзе срочно следовало бы подстричься. Казалось, и он сам, и вся комната просто специально созданы для того, чтобы наносить наиболее острые оскорбления Преждевсегошникам. Принимая во внимание короткие стрижки Преждевсегошников, их чисто выбритые лица, философию «Чистота — почти Человечность», этот кабинет сам по себе был очень неприятен, когда в результате разгона уличной демонстрации он наполнялся сопротивляющимися фанатиками, антисептически чистыми и одетыми с аскетической простотой и аккуратностью.

— Итак, вы озабочены влиянием Преждевсегошников на бизнес?

Хебстер с удивлением взглянул на своего собеседника.

— Нет, я не читаю ваши мысли,— засмеялся Браганза, показав желтые от табака зубы, и махнул в сторону окна рядом с письменным столом.— Я заметил, как вы немного вздрогнули, увидев тот табачный магазинчик. А потом смотрели на него целых две минуты. Я знаю, о чем вы думали.

— Вы очень наблюдательны,— холодно заметил Хебстер.

Офицер ССК отрицательно затряс головой:

— Нет-нет. Наблюдательность здесь совершенно ни при чем. Я догадался, о чем вы думаете, потому что сижу здесь, день за днем смотрю на эту лавчонку и думаю точно то же самое. «Браганза,— говорю я себе,— это конец твоей работе. Это конец

просвещенному мировому правительству. Вон там, в витрине табачного киоска».

Несколько секунд он взирал на свой заваленный всяким хламом стол.

Хебстер инстинктивно насторожился: в воздухе запахло торговлей. Он понял, что этот человек занят непривычным делом — подыскивает тему, чтобы начать разговор. Хебстер ощутил в животе холодок страха. Зачем высокопоставленному должностному лицу ССК, чья власть была почти что выше закона и уж наверняка больше, чем у правительств, пытаться с ним торговаться?

Учитывая репутацию человека, привыкшего задавать вопросы с помощью завязанного конца резинового шланга, Браганза был слишком уж обходителен, чересчур разговорчив, непомерно дружелюбен. Хебстер чувствовал себя как пойманная мышь, которой кошка вдруг начинает жаловаться на соседскую собаку.

— Хебстер, ответьте, пожалуйста: каковы ваши цели?

— Прошу прощения?

— Чего вы хотите от жизни? Какие планы строите днем, о чем мечтаете по ночам? Йост любит девочек и желает получить их как можно больше. Фунатти — человек семейный, пятеро детей; он доволен своей работой, потому что его работа достаточно надежна и обеспечивает всякие там пенсии и страховки.

Браганза опустил голову и начал медленно, размеренно вышагивать перед столом.

— Ну, я немного другой человек. Не то чтобы мне не нравилось быть знаменитым полицейским. Я ценю, разумеется, регулярность, с какой финансовое ведомство платит мне жалованье; и в этом городе найдется очень немного женщин, которые могли бы сказать, будто, узнав об их благосклонности, я их с презрением отверг. Однако есть одна вещь, за которую я был бы готов отдать свою жизнь. Это Объединенное Человечество. Был бы готов отдать свою жизнь? Если говорить о кровяном давлении или шумах в сердце, то можете не сомневаться: я уже это сделал. «Браганза,— говорю я себе,— ты чертовски везучий остолоп! Ты работаешь на первое мировое правительство в истории человечества. А это кое-что значит».

Он остановился перед Хебстером и раскинул руки. Расстегнутый китель разошелся и обнажил черные густые волосы на груди.

— Вот он я. Вот, в сущности, все, что можно сказать о Браганзе. Если мы собираемся говорить серьезно, мне нужно столько же знать и о вас. Я спрашиваю: каковы ваши цели?

Президент компании «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед» облизнул губы.

— Боюсь, что я даже еще менее сложен.

— Ничего,— подбодрил его собеседник.— Расскажите об этом так, как вам больше нравится.

— Можно сказать, что прежде всего я бизнесмен. Главным образом я заинтересован в том, чтобы стать еще лучшим бизнесменом, то есть более крупным. Другими словами, я хочу стать богаче, чем сейчас.

Браганза пристально посмотрел на него:

— И все?

— Все? Разве вы никогда не слышали, как говорят: «Деньги — еще не все». Вот только назовите мне, чего деньги не могут купить?

— Они не могут купить меня.

Хебстер холодно оглядел хозяина кабинета.

— Затрудняюсь сказать, насколько велик спрос на подобный предмет потребления. Я покупаю то, что мне необходимо, иногда делая исключение, чтобы доставить себе удовольствие.

— Вы мне не нравитесь,— голос Браганзы стал грубым и неприятным.— Мне никогда не нравились люди вашего типа, так что нет нужды быть вежливым. Я, пожалуй, даже и стараться не буду. Я вам прямо скажу: я думаю, вы засранец.

Хебстер встал:

— В таком случае я полагаю, что должен поблагодарить вас за...

— Сядьте! Вас сюда пригласили по делу. Я в этом смысла не вижу, но сделаем все, как положено. Садитесь.

Хебстер сел. Он нехотя размышлял, получал ли Браганза хотя бы половину той зарплаты, какую он платил Грете Сейденхайм. Разумеется, Грета обладала многочисленными и разнообразными талантами и выполняла несколько отдельных и полезных работ. Нет, после вычета налогов и пенсионных взносов Браганза вряд ли получал даже треть Гретиного жалованья.

Он заметил, что ему протягивают газету, и взял ее. Браганза хмыкнул, снова залез за свой письменный стол и повернулся в крутящемся кресле к окну.

Это был недельной давности номер «Вечернего гуманитария». Еще когда Хебстер просматривал газету в прошлый раз, он отметил, что она уже перестала быть «рупором немногочисленного меньшинства, у которого есть свой отчетливый голос» и приобрела вид солидного издания. Даже если тираж, указанный в левом верхнем углу, поделить на два, то все равно у них

должно быть не менее трех миллионов читателей. В правом верхнем углу в красной рамке располагался призыв к правоверным: «Читайте "Вечерний гуманитарий"!» Зеленая полоса через всю верхнюю часть первой страницы сообщала, что «Люди говорят дело, Первачи плетут околесицу!» Но самое важное находилось в центре полосы. Карикатура.

Полдюжины Первачей с длинными спутанными бородами, кретинскими улыбками и высунутыми языками сидят в рахитичной повозке. Они держат вожжи, прикрепленные к группе тянущих эту тележку дородных мужчин, которые одеты — весьма скромно — во фраки и цилиндры. Самый жирный и омерзительный из них держит в зубах бумажку с надписью «бешеные деньги», а сам джентльмен помечен «Алгернон Хебстер».

Колеса повозки давят и крушат различные предметы, как-то: забранную в рамку надпись «Родной дом» вместе с куском стены, опрятного подростка в форме бойскаута, обтекаемой формы локомотив и прекрасную молодую женщину с ревущим младенцем на руках.

Карикатура ядовито вопрошала: «Хозяева Мироздания или рабы?»

— Эта газетка, похоже, превратилась в довольно грязный скандальный листок,— пробормотал вслух Хебстер.— Не удивлюсь, если узнаю, что она приносит доход.

— Я так понимаю,— сказал Браганза, не поворачиваясь и не отрываясь от созерцания улицы,— что в последние месяцы вы ее читали не очень регулярно?

— Счастлив сообщить, что нет.

— И зря.

Хебстер с удивлением уставился на спутанные пряди черных волос:

— Почему?

— Потому что она превратилась в исключительно грязный и чрезвычайно доходный скандальный листок. И вы — ее главный скандал.— Браганза засмеялся.— Видите ли, эти люди считают связи с Первачами скорее грехом, нежели преступлением. И в соответствии с этой моралью вы для них чуть ли не сам сатана!

На секунду зажмурившись, Хебстер попытался понять людей, которые считали такую красивую и услаждающую душу категорию, как прибыль, чем-то грязным и отвратительным, словно копошащиеся личинки. Он вздохнул:

— Мне самому всегда казалось, что преждевсевизм — просто религия.

Видимо, это задело сотрудника ССК за живое. Браганза резко повернулся и возбужденно указал на Хебстера двумя пальцами:

— И вы совершенно правы, скажу я вам! Это переходит всякие границы — несовместимые и враждебные концепции сливаются воедино. Осознанное, бездумное отрицание в высшей степени болезненного факта: где-то еще во Вселенной существует разум, превосходящий наш собственный. И это отрицание набирает силу с каждым днем, по мере того как мы оказываемся не в состоянии вступить в контакт с Пришельцами. Если для человечества нет достойного места в галактической цивилизации — а это представляется очевидным,— ну что ж, говорят люди, подобные Вандермееру Демпси, тогда давайте, по крайней мере, сохраним наше самоуважение. Давайте сплотимся и будем наслаждаться тем, что несомненно принадлежит человечеству. Через несколько десятилетий всю людскую расу засосет в этот дурной вакуум.

Браганза встал и снова вышел из-за письменного стола. В его голосе появились ужасно честные, трагически-умоляющие нотки. Он смотрел в лицо Хебстеру, как будто отыскивал там хоть какой-нибудь признак слабости, хоть одну уязвимую точку в ледяном спокойствии.

— Подумайте об этом,— попросил он Хебстера.— Периодические казни ученых и художников, которые, по разумению Демпси, слишком отдалились от общепринятого центра того, что они называют человеческим. А также — время от времени — auto-dafe в честь какого-нибудь коммерсанта, пойманного на продаже товаров Первачей...

— Мне бы это не понравилось,— признал, улыбнувшись, Хебстер. Он на миг задумался.— Я понимаю, вас подтолкнула карикатура в «Вечернем гуманитарии».

— Мистер, это же очевидно. Они хотят получить вашу голову на конце длинной палки. Они хотят ее, потому что вы стали символом сотрудничества — ради собственной выгоды — со звездными чужаками или, по крайней мере, с их мальчиками на побегушках и горничными. Они считают, что, может быть, сумеют покончить с этим явлением в целом, если покончат с вами. И вот что я вам скажу: возможно, они и правы.

— И что конкретно вы предлагаете? — спросил Хебстер низким голосом.

— Чтобы вы присоединились к нам. Мы объявим вас честным человеком — официально. Мы хотим, чтобы вы встали во главе нашего исследования; только целью здесь будет не лишний доллар, а наиважнейшее межрасовое общение и в итоге — межзвездные переговоры.

Президент «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед» несколько минут раздумывал над услышанным. Он хотел сформулировать осторожный ответ. И ему требовалось время — прежде всего ему требовалось время!

Он был так близок к созданию цельной, всемирной коммерческой империи! На протяжении десяти лет он кропотливо строил в нужных местах индустриальные королевства, укреплял сюзеренитет в своей промышленной сети, выжимая все больше и больше власти из этой экономической сатрапии. Он нашел сладчайшие лакомства власти в разложении своей цивилизации, бесконечные возможности преумножать богатство среди осколков самоуважения человеческой расы. Теперь ему требовалось каких-нибудь двенадцать месяцев, чтобы все объединить и скоординировать. И вдруг — точь-в-точь как Джим Фиске, который скупил золото на Фондовой бирже и стоит с открытым ртом, вдруг с ужасом узнав, что Казначейство США надуло его, выбросив на рынок неимоверное количество металла из собственных запасов,— вдруг Хебстер осознал, что времени у него нет. Он был слишком опытным игроком, чтобы не почувствовать, как в игру включился новый фактор, не имеющий ничего общего с его таблицами статистических отчетов, рыночными диаграммами и индексами грузоперевозок. Ему свело губы, и он ощутил тяжелый тошнотворный вкус неожиданного поражения.

Хебстер заставил себя ответить:

— Я польщен. Браганза, я действительно очень польщен. Вижу, Демпси связал нас вместе — либо мы выстоим, либо падем одновременно. Но... я всегда был одиночкой. Я сам забочусь о своих делах, покупая необходимую помощь. Меня не интересуют никакие иные цели, кроме лишнего доллара. С начала и до конца я — бизнесмен.

— А, перестаньте! — Чернявый мужчина повернулся и прошелся туда-сюда по кабинету.— Сложилась чрезвычайная ситуация. Бывают моменты, когда нельзя оставаться просто бизнесменом.

— Не могу согласиться. Я не в силах вообразить себе такой момент.

Браганза фыркнул:

— Нельзя оставаться бизнесменом, если вас поджаривают на огромном пылающем костре. Нельзя оставаться бизнесменом, когда мозги людей так тщательно контролируются, что они перестают есть по команде своего лидера. Нельзя оставаться бизнесменом, мой раболепствующий алчный друг, если спрос удовлетворен настолько, что перестает существовать.

— Это невозможно! — Хебстер вскочил на ноги. К собственному удивлению, он услышал, как в его голосе зазвучали чуть ли не истерические интонации.— Спрос есть всегда. Всегда! Вся штука в том, чтобы распознать, какие формы он принял, а затем удовлетворить его!

— Извините. Я не хотел высмеивать вашу религию.

Хебстер глубоко вздохнул и очень осторожно сел. Он почти физически ощущал, как закипают его красные кровяные тельца.

«Не расстраивайся,— предупредил он самого себя,— не волнуйся! Этого человека нужно завоевать, а не противостоять ему. На рынке меняются правила игры, Хебстер, и тебе понадобится каждый друг, какого только можно купить».

Деньги тут не сработают, однако существуют другие ценности...

— Послушайте меня, Браганза. Мы имеем дело с психосоциальными последствиями встречи исключительно развитой цивилизации со сравнительно варварской. Вы знакомы с так называемой теорией огненной воды профессора Клеймбохера?

— О том, что логика Пришельцев оказывает на нас такое же воздействие, как в свое время виски — на североамериканских индейцев? А Первачи, представляющие собой наши лучшие умы, являются эквивалентом тех индейцев, которым нравилась цивилизация белых людей? Да, это сильная аналогия. Даже в применении к тем индейцам, которые, накачавшись алкоголем, валялись на улицах пограничных городков и помогали создавать миф о вероломных, ленивых, готовых за выпивку убить аборигенах и которых в то же время так ненавидели их соплеменники, что они не смели вернуться домой, опасаясь расправы. Мне всегда казалось...

— Меня сейчас интересует один аспект: вопрос об огненной воде. Там, в индейских деревнях, все возрастающее число жителей приходило к убеждению, что огненная вода и всепожирающая цивилизация бледнолицых являются синонимами, что им нужно восстать и силой отобрать назад свои земли, попутно убивая как можно больше пьяных ренегатов. Эта группа похожа на «Человечество прежде всего». Было еще и меньшинство, которое признавало превосходство белых людей в численности и вооружении и отчаянно старалось договориться с их цивилизацией — договориться на условиях, не включающих выпивку. Им соответствует теперешнее ОЧ. И наконец, были индейцы моего типа.

Браганза сдвинул густые брови и уселся на краешек письменного стола:

— Да? Ну и каким же индейцем были вы, Хебстер?

— Тем, у которого достаточно мозгов, чтобы понимать: бледнолицые ни в малейшей степени не заинтересованы в том, чтобы спасать его от медленной и болезненной культурной анемии. А также тем индейцем, чьи инстинкты достаточно сильны и который до смерти боится новинок вроде огненной воды и не притрагивается к ней, даже чтобы спастись от змеиного укуса. Но при этом таким индейцем...

— Продолжайте!

— Таким индейцем, которого крайне интересовал прозрачный сосуд, в котором находилась огненная вода! Подумайте, с каким вожделением, должно быть, смотрел индейский гончар на бутылку из-под виски — нечто, находящееся абсолютно за гранью возможностей его с таким трудом освоенных технологий. Представьте себе, как он ненавидит, проклинает и боится вонючей янтарной жидкости, которая повергает наземь самых доблестных воинов, и в то же время жаждет обладать этой бутылкой, только без ее содержимого. Вот приблизительно как я вижу себя, Браганза,— тем индейцем, чье жадное любопытство светится ярким огоньком во мраке истерии племенных политиков и презрения отщепенцев. Я хочу как-нибудь отделить новый сосуд от огненной воды.

На Хебстера, не мигая, смотрели большие темные глаза. Браганза поднял руку и машинально подкрутил свои огромные усы. Проходили минуты.

— Ну что ж. Хебстер в роли благородного дикаря нашей цивилизации...— проговорил наконец сотрудник ССК.— В этом что-то есть. Однако что это означает, если смотреть на проблему в целом?

— Я уже говорил вам,— утомленно сказал Хебстер, хлопнув ладонью по скамейке,— что меня никоим образом не интересует проблема в целом.

— И вам нужна только бутылка. Я слышал. Но вы не гончар, Хебстер, вам совершенно не свойственна любознательность мастера. А что касается всех этих исторических примеров, о которых вы тут разглагольствовали,— так вам совершенно наплевать, если даже планета провалится в тартарары. Все, что вам нужно,— это прибыль.

— Я никогда и не декларировал альтруистических мотивов. Я оставляю глобальные решения людям, у которых достаточно хорошие мозги, чтобы преодолеть такого рода сложности, как например у Клеймбохера.

— Думаете, кто-нибудь вроде Клеймбохера сумеет с этим справиться?

— Почти уверен. С самого начала мы допустили ошибку — пытались прорваться с помощью историков и психологов. Но они были ограниченны либо в результате изучения человеческих обществ, либо — э-э, это, конечно, личное, но мне всегда казалось, что наука о мышлении привлекает главным образом тех, кто уже сам столкнулся с серьезными психологическими проблемами. Несмотря на то что подобные специалисты могут в ходе своей работы достигнуть такого понимания самих себя, что в конечном счете станут более приспособленными, нежели индивиды, у которых изначально было меньше проблем, я все равно считаю их слишком неуравновешенными для столь чреватого внутренним потрясением дела, как установление взаимоотношений с Пришельцами. Их внутренняя динамика неизбежно превратит их в Первачей.

Браганза цыкнул зубом и задумчиво осмотрел стену позади Хебстера.

— А Клеймбохера, по вашему мнению, это не касается?

— Нет. Только не профессора филологии. У него нет ни интересов, ни интеллектуальных корней в личностной или групповой нестабильности. Клеймбохер занимается сравнительным языкознанием. Он, в сущности, техник — специалист по основам общения. Я наблюдал за его работой. Он подходит к проблеме исключительно в терминах своего предмета — общение с Пришельцами вместо попыток понять их. Было уже слишком много замысловатых домыслов относительно сознания Пришельцев, их половой активности и социальной организации, о вещах, из которых мы не извлечем осязаемой и немедленной пользы. А Клеймбохер совершенно прагматичен.

— Хорошо. Вот только сегодня утром он стал Первачом.

Хебстер замолчал, осекшись на полуслове, и у него отвалилась челюсть.

— Профессор Клеймбохер? Рудольф Клеймбохер? Но он был так близок... он почти закончил... словарь первичных сигналов... он уже почти...

— Стал. Приблизительно в девять сорок пять. Всю ночь провел с Первачом, которого какому-то профессору-психиатру удалось загипнотизировать, и ушел домой в очень приподнятом настроении. Сегодня утром в середине первого занятия он прервал лекцию по средневековой кириллической письменности и... и начал гоготать. Он чихал и хрипел на студентов минут десять, как обычно это делают Первачи в состоянии сильного раздражения, потом отвернулся от них, как от безнадежных и никчемных идиотов, и с мрачным видом поднялся в воздух. Ударившись головой о потолок, потерял сознание и упал. Не

знаю, в чем тут дело, может, это был испуг, волнение, возможно, уважение к старику, но студенты почему-то не связали его, прежде чем бросились за помощью. Когда они вернулись вместе с университетским сотрудником ССК, Клеймбохер уже пришел в себя и, чтобы выйти, убрал одну из стен Высшей школы. Вот фотография: лежа на спине и закинув руки за голову, он летит в западном направлении со скоростью двадцать миль в час.

Предприниматель, моргая, рассматривал маленький бумажный квадратик.

— Вы, конечно, связались с военно-воздушными силами, чтобы организовать погоню?

— А что толку? Мы это делали уже много раз. Он либо увеличит скорость и вызовет торнадо, либо упадет камнем вниз и забрызгает собой все окрестности, либо материализует внутри реактивных двигателей преследующего самолета что-нибудь вроде кофейной гущи или золотых слитков. Никому еще не удавалось поймать Первача во время его первой вспышки... не знаю, что они там вначале чувствуют. И при этом мы можем потерять все что угодно — от довольно дорогостоящего самолета вместе с пилотом до нескольких сотен акров плодородной почвы в Нью-Джерси.

Хебстер застонал:

— Но восемнадцать лет исследовательской работы!..

— Именно. Тупик. Все это ужасно близко к концу. Если мы не можем расколоть Пришельцев на чисто лингвистической основе, значит, мы не можем расколоть Пришельцев вообще. Точка. Самое мощное наше оружие действует на них, как трубочки для мыльных пузырей, а наши лучшие умы пригодны лишь для того, чтобы прислуживать им в качестве никудышных, виляющих хвостом идиотов. Но Первачи — это все, что у нас осталось. Может, мы сумеем договориться до чего-то разумного со слугой, раз уж не сумели с хозяином.

— Если не принимать во внимание, что Первачи, по определению, не говорят ничего разумного.

Браганза кивнул:

— Но поскольку они были людьми — обыкновенными людьми,— они, для начала, представляют собой надежду. Мы всегда знали, что, возможно, однажды нам снова придется прибегнуть к нашему единственному реальному контакту. Именно поэтому действуют столь строгие законы по охране Первачей; поэтому резервации Первачей, окружающие поселения Пришельцев, охраняются вооруженными подразделениями. Настроения линчевания перерастали в настроения погрома, по мере того как в

людях росло чувство обиды и беспокойства. «Человечество превыше всего» начинает набирать достаточно силы, чтобы бросить вызов Объединенному Человечеству. И честно говоря, Хебстер, трудно сегодня сказать, кто выживет, если дело дойдет до настоящей схватки. Но вы — один из тех немногих, кто разговаривал с Первачами, работал с ними...

— Только по бизнесу.

— Такое начало — в тысячу раз лучше всего, чего нам удалось до сих пор достигнуть. Что за чудовищная насмешка, когда людей, которые вообще хоть как-то общались с Первачами, ни на йоту не интересует полное крушение цивилизации!.. Ну да ладно. Главное, в сложившейся политической ситуации вы потонете вместе с нами. Признавая это, мои люди готовы очень многое забыть и вернуть вам респектабельность. Что скажете?

— Забавно,— задумчиво проговорил Хебстер.— Не может быть, чтобы знания превращали вполне трезвых ученых в чудотворцев. Все они начинают метать молнии в свои семьи и извлекать воду из скалы, сразу как только становятся Первачами, то есть слишком рано, чтобы овладеть новой техникой. Похоже, сам факт приближения к Пришельцам, чтобы поклоняться им, немедленно дает возможность овладеть некоторыми космическими законами, более фундаментальными, нежели причина и следствие.

Лицо Браганзы медленно наливалось краской и багровело.

— Вы с нами или нет? Запомните, Хебстер, в наше время человек, занимающийся бизнесом как обычно, является предателем по отношению к истории.

— Я думаю, что Клеймбохер — это и есть конец,— кивнул Хебстер сам себе.— Не имеет особого смысла стараться понять менталитет Пришельцев, если при этом теряешь лучших людей. Лучше забыть обо всей этой чепухе насчет существования на равных в одной Вселенной с Пришельцами. Давайте сосредоточимся на человеческих проблемах и будем благодарны, что они не явились в наши основные населенные центры и не приказали нам выметаться.

Зазвонил телефон. Браганза уселся в крутящееся кресло. Он дал аппарату пронзительно пропищать несколько раз, стиснул мощные квадратные зубы и пристально, в упор посмотрел на своего посетителя. Наконец поднял трубку и выдал скудный словесный паек:

— Слушаю. Он здесь. Передам. Пока.

Браганза поджал губы и резко повернулся к окну.

— Ваш офис, Хебстер. Похоже, что ваши жена и сын в городе и хотят видеть вас по срочному делу. Это та, с которой вы развелись десять лет назад?

Хебстер кивнул его спине и снова встал.

— Наверное, хочет получить причитающиеся ей за полгода алименты. Мне придется поехать. Из появлений Сони в офисе никогда не выходило ничего хорошего.

Он знал, что это означало неприятности. «Жена и сын» была фраза из внутреннего кода для обозначения серьезных сбоев в работе «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед». Он не видел жену с тех пор, как ему удалось благополучно взять в свои руки контроль над образованием сына. Свои обязанности по отношению к ней он считал выполненными, предоставив ей солидный пожизненный доход за то, что она родила ему здорового наследника.

— Послушайте! — сказал Браганза, все еще упорно смотревший на улицу, когда Хебстер подошел к двери.— Вот что я вам скажу. Вы не желаете быть с нами. Ладно. Вы в первую очередь бизнесмен и лишь во вторую гражданин мира. Хорошо! Но будьте крайне осторожны, Хебстер. Если, начиная с сегодняшнего дня, мы поймаем вас на самом ничтожном нарушении, то припомним все. Мы не только устроим самый красочный судебный процесс, какой только видела эта старая коррумпированная планета, но между делом бросим вас и всю вашу организацию на растерзание волкам. Мы проследим за тем, чтобы «Человечество прежде всего» натянуло «Башню Хебстер» вам на уши.

Хебстер покачал головой и облизнул губы:

— Почему? Что это вам даст?

— Ха! Это доставит очень многим из нас превеликое наслаждение. Но одновременно и избавит нас от маскированного давления, которое мы сейчас испытываем. Всегда есть шанс, что Демпси потеряет контроль над наиболее горячими своими соратниками и они действительно учинят какое-нибудь кровавое буйство, вызвав достаточно шума и ярости, чтобы оправдать полномасштабное применение войск. Мы сможем свалить Демпси и всех главных заправил Преждевсегошников, потому что рядовой член Объединенного Человечества тогда воочию убедится — к своему стыду и вящему удовольствию,— насколько это опасный сброд.

— И таково,— с горечью прокомментировал Хебстер,— отстаивающее высокие идеалы и законность мировое правительство!

Кресло Браганзы повернулось к Хебстеру, и его кулак упал на стол с беспощадной окончательностью судейского молотка:

— Отнюдь нет! Это ССК, всесильное и исключительно практичное бюро ОЧ, специально созданное для организации взаимоотношений между Пришельцами и людьми. Более того, ССК

находится сейчас в чрезвычайном положении, когда власть закона и мирового правительства может пасть по сигналу какого-то демагога. Неужели вы думаете,— Браганза по-змеиному выставил вперед голову, его глаза превратились в узкие щелочки, из которых лилась чистейшая ярость,— что карьера и состояние, даже жизнь такого откровенно эгоистичного слизняка, как вы, Хебстер, будут поставлены выше представительного органа двух миллиардов человеческих существ, занятых общественным трудом?

Функционер ССК ткнул себя в неряшливый китель.

— Браганза, говорю я себе, тебе повезло, что он так жаден до своих чертовых прибылей и не хочет принять наше предложение. Подумай, что за потеха будет всадить в него багор, когда он наконец допустит промах! Бросить кость «Человечеству прежде всего», чтобы они обезумели и погубили сами себя!.. Ох, убирайтесь, Хебстер. Я с вами закончил.

И все-таки он допустил ошибку, размышлял Хебстер, выходя из здания арсенала и щелкая пальцами, чтобы остановить гиротакси. ССК — самое могущественное правительственное агентство в мире, наводненном Первачами; для человека в его положении ссориться с ними было то же самое, как если бы водитель такси в присутствии ошарашенного автоинспектора пустился разбирать наиболее темные и щекотливые аспекты его родословной.

Но что он мог поделать? Сотрудничество с ССК означало работу в подчинении у Браганзы, а Алгернон Хебстер еще с юношеских лет очень внимательно следил за тем, чтобы им никто не командовал. Это означало бы отказаться от планов при небольшом запасе времени превратить свою компанию в самый крупный синдикат на планете. И что хуже всего, это означало неизбежность общественной ориентации и отказ от аналитического мировоззрения бизнесмена, которое было всего ближе его душе.

В «Башне Хебстер» привратник быстрым шагом проводил шефа в боковой коридор, который вел к личному лифту, и отступил в сторону, пропуская Хебстера в кабину. Лифт остановился на двадцать третьем этаже. С упавшим сердцем Хебстер шел мимо таращивших на него глаза служащих, которые высыпали в коридор. У входа в Общую лабораторию 23 Б высокие мужчины в серых униформах телохранителей расступились, чтобы дать ему войти. Если их вызвали после того, как он дал им отгул, значит, произошло нечто совершенно чрезвычайное. Хебстер надеялся, что об этом было доложено своевременно и никакой утечки информации в прессу не произошло.

Утечки информации действительно не произошло, заверила шефа Грета Сейденхайм:

— Я была здесь через пять минут после того, как поднялся переполох, и все перекрыла. Этажи с двадцать первого по двадцать пятый блокированы, внешние телефонные линии прослушиваются. Вы вправе задержать сотрудников самое большее на час после семнадцати ноль-ноль, что дает вам максимум два часа четырнадцать минут.

Он посмотрел туда, куда указывал ее покрытый зеленым лаком ноготь, и увидел в углу лаборатории тело, завернутое в темные отрепья. Тезей. Из его спины торчала желтоватая рукоятка из слоновой кости. Старый немецкий эсэсовский кинжал образца 1942 года. Серебряная свастика на эфесе была заменена витиеватым символом — ЧПВ. Кровь, пропитавшая длинные спутанные волосы Тезея, делала их похожими на отвратительный красный ковер.

Мертвый Первач, подумал Хебстер, безнадежно глядя вниз. В его здании, в лаборатории, куда его запихнули, опережая на два-три прыжка Йоста и Фунатти. Это уже самое настоящее уголовное преступление.

— Посмотрите-ка на этого друга Первачей! — донесся до него справа слегка знакомый голос.— Он испуган! Попробуй сделать деньги вот из этого, Хебстер!

Президент корпорации резко повернулся к худощавому мужчине с обритой наголо головой, привязанному к трубе отопления. На его галстуке, висевшем поверх лабораторного халата, примерно посередине был необычный орнамент. Хебстеру потребовалось несколько секунд, чтобы разобрать, что там нарисовано. Миниатюрное безопасное лезвие поверх черной цифры «3».

— Функционер третьего эшелона в «Человечестве превыше всего»!

— А также Чарли Верус из «Лабораторий Хебстер»,— сказал ему очень маленький мужчина с морщинистым лбом.— Меня зовут Маргритт, мистер Хебстер, доктор Дж. Х. Маргритт. Я беседовал с вами по переговорнику, когда пришли Первачи.

Хебстер кивнул в сторону других ученых, которые, задумавшись, стояли рядом.

— С каких пор функционеры третьего эшелона, равно как и рядовые члены «Человечества прежде всего», получают зарплату в моих лабораториях?

— Не знаю,— Маргритт пожал плечами.— Теоретически ни один Преждевсегошник не может быть сотрудником «Хебстер».

Считается, что наш отдел кадров вдвое эффективнее, чем ССК, когда дело касается проверки лояльности. Видимо, так оно и есть. Но что они могут поделать, если сотрудник вступает в «Человечество прежде всего» уже после того, как прошел испытательный срок? В наше время развелось столько новообращенных, что недостаточно и всей мощи тайной полиции!

— Когда мы с вами сегодня говорили, Маргритт, вы высказали неодобрение в адрес Веруса. Почему же не сообщили, что я собираюсь допустить к работе с Первачами функционера Преждевсегошников?

Маленький человечек сделал энергичный отрицательный жест:

— Мне платят за то, чтобы я наблюдал за исследованиями, мистер Хебстер, а не регулировал трудовые отношения или поддерживал ваши политические убеждения!

Злость — злость ученого-исследователя на бизнесмена-предпринимателя, который платил ему жалованье и теперь столкнулся с серьезными неприятностями,— скрывалась за каждым его словом. «Ну почему,— с раздражением и удивлением подумал Хебстер,— почему люди так презирают человека, который делает деньги? Йост и Фунатти, Браганза, даже Первачи тогда у него в кабинете, Маргритт, который уже столько лет работает в его лабораториях... Ведь это его единственный талант. Безусловно, как таковой, он не менее ценен, чем талант пианиста».

— Мне никогда не нравился Чарли Верус,— продолжал заведующий лабораторией,— однако у нас не было оснований подозревать его в принадлежности к Преждевсегошникам! Наверно, он получил ранг третьего эшелона с неделю назад, ведь так, Берт?

— Ага,— подтвердил Берт, стоявший в другом конце комнаты.— В тот день он пришел на час позже, перебил тут все флорентийские колбы и задумчиво сказал нам, что когда-нибудь, возможно, мы будем с гордостью рассказывать своим внукам, как работали в одной лаборатории с Чарлзом Болопом Верусом.

— Лично я,— вставил Маргритт,— подумал, что он, наверное, закончил писать книгу: египетские пирамиды как пророчество в камне о наших современных текстильных разработках. Верус именно такого склада человек. На самом деле его, вероятно, так взвинтило это маленькое безопасное лезвие. Я бы сказал, что он получил повышение в качестве аванса за работу, которую сегодня наконец исполнил.

Хебстер повернулся и поспешил к двери, где его секретарша говорила с дежурившим в лаборатории охранником.

Позади них, прислонившись к стене, стояли Ларри и Лузитания, которые о чем-то тревожно совещались, тихонько гогоча. Они, судя по всему, были крайне взволнованы. Лузитания без конца выковыривала из своей хламиды крохотных слоников, которые, брыкаясь и тоненько трубя, лопались, как кривобокие мыльные пузыри, когда она роняла их на пол. Ларри в ходе разговора чесал спутанную бороду, время от времени помахивая рукой в сторону потолка, который уже был утыкан пятьюдесятью или шестьюдесятью копиями кинжала, поразившего Тезея. Хебстер никак не мог отогнать неприятную мысль о том, что случилось бы с этим зданием, будь Первачи в состоянии действовать хотя бы немного по-человечески, чтобы защищаться.

— Послушайте, мистер Хебстер,— начал охранник,— мне велели не...

— Ладно,— резко перебил его Хебстер.— Это не ваша вина. Тут нельзя винить даже отдел кадров. Мне и моим экспертам следует оторвать головы за то, что мы так отстали от времени. Мы в состоянии проанализировать любую тенденцию, кроме той, которая нас уничтожит. Грета! Я хочу, чтобы мой вертолет на крыше был готов к вылету, так же как и стратолет в Ла-Гуардии. Быстрее, девочка! А вы... Вильямс, кажется? — осведомился он, чуть наклонившись, чтобы прочитать имя охранника на карточке.— Вильямс, упакуйте этих двоих Первачей в мой вертолет наверху и ждите взлета.

— Внимание! Все присутствующие! — обратился Хебстер к сотрудникам.— Через час вам позволят разойтись по домам и оплатят один час сверхурочной работы. Благодарю.

Когда Хебстер выходил из лаборатории, Чарли Верус начал петь. К тому моменту как шеф дошел до лифта, несколько человек уже определенно подпевали Верусу. Хебстер остановился у двери лифта, осознав, что не менее четверти обслуживающего персонала, мужчины и женщины, подтягивали за хриплым, скорбным, но ужасно искренним тенором:

Славу стриженых мои очи видели,
Не допустим Человека погибели!
Уничтожим яму помойную —
Первачей отечество!
Выйдем в чистых одеждах строем —
Встречать зарю человечества!
Слава, слава, аллилуйя!
Слава, слава, аллилуйя!
Слава, слава, аллилуйя!

Если уж такое творится в «Хебстер секьюритиз», думал он, с перекошенным гримасой лицом входя в кабинет, то насколько

быстро популярность «Человечества прежде всего» должна расти среди населения? Разумеется, многие из этих певцов всего лишь сочувствующие, а не убежденные сторонники, это люди, склонные к разного рода объединениям — хоровым кружкам и народным дружинам. Но сколько еще энергии должна породить организация, чтобы стать политическим Джаггернаутом?*

Единственным утешением служило то, что ССК, очевидно, была прекрасно осведомлена об опасности и готова пойти на беспрецедентные шаги в качестве контрмер.

К несчастью, эти беспрецедентные шаги придутся по Хебстеру.

Теперь у него оставалось меньше двух часов, чтобы отвертеться от самого серьезного преступления за всю историю существования Мирового Кодекса.

Он поднял трубку одного из телефонов:

— Рут, я хочу говорить с Вандермеером Демпси. Соедините меня с ним лично.

Через несколько секунд он услышал знаменитый голос, красивый, медлительный и густой, как расплавленное золото:

— Алло, Хебстер, говорит Вандермеер Демпси.— Он помолчал, словно переводя дыхание, а затем высокопарно продолжал: — «Человечество — пусть оно всегда будет впереди, но, впереди или позади, это Человечество!» — Он усмехнулся.— Наше самое последнее телефонное приветствие. Нравится?

— Очень,— с уважением в голосе проговорил Хебстер, памятуя о том, что его бывший ведущий специалист по видеотехнике в скором времени может стать одновременно и церковью, и государством.— Э-э... мистер Демпси, я вижу, у вас тут вышла новая книга, и меня заинтересовало...

— Какая? «Антрополитика»?

— Точно. Прекрасное исследование! У вас там есть очень чеканные формулировки в главе, которая называется «Ни больше ни меньше как человек».

Послышался густой удовлетворенный смех:

— Молодой человек, у меня чеканные формулировки в каждой главе каждой книги! Я установил здесь, в штаб-квартире, писательский конвейер, который способен производить до пятидесяти пяти запоминающихся эпиграмм на любую тему в течение десяти минут. Не говоря уже о политических метафорах и коротких анекдотах с сексуальным подтекстом!.. Но вы звоните

* Джаггернаут — одно из воплощений бога Вишну; перен.: неумолимая, безжалостная сила, уничтожающая все на своем пути и требующая слепой веры или самоуничтожения от служащих ей.

мне не для того, чтобы обсуждать литературные вопросы, как бы хороша ни была эмоциональная инженерия в моем скромном тексте. Так в чем дело, Хебстер? Выкладывайте.

— Дело вот в чем,— начал бизнесмен, почувствовав смутное удовлетворение от атаманского цинизма Преждевсегошника и в то же время слегка раздраженный его откровенным презрением.— Мы тут сегодня болтали с вашим и моим другом, П. Браганзой.

— Я знаю.

— Вот как? Откуда?

Вандермеер Демпси снова расхохотался медленным, добродушным смехом толстяка, раскачивающегося в кресле:

— Шпионы, Хебстер, шпионы! У меня они есть практически везде. Политика состоит на двадцать процентов из шпионажа, на двадцать процентов из правильной организации и на шестьдесят процентов из выжидания нужного момента. Мои шпионы доносят мне обо всех ваших шагах.

— Они случайно не говорили вам, о чем мы с Браганзой беседовали?

— Ну конечно сказали, молодой человек, конечно, сказали! — Демпси хохотнул с беззаботным торжеством. Хебстер вспомнил его фотографии: голова, похожая на мягкий огромный апельсин с полукруглой щелью сияющей улыбки. На голове у него совершенно не было волос — все они, до последней ресницы и мохнатой бородавки, регулярно удалялись при помощи электролиза.— Если верить моим агентам, Браганза сделал вам несколько весьма серьезных предложений от имени Специальной следственной комиссии, которые вы совершенно справедливо отклонили. Затем, будучи несколько не в духе, он заявил, что, если вы отныне будете пойманы на гнусных сделках, которые, как всем известно, превратили вас в одного из богатейших людей на планете, он использует вас в качестве наживки, чтобы возбудить наше негодование. Должен сказать, что мне ужасно понравился этот остроумный план.

— И вы не собираетесь проглатывать наживку,— предположил Хебстер.

В кабинет вошла Грета Сейденхайм и показала на потолок круговым жестом. Он кивнул.

— Напротив, Хебстер, мы как раз собираемся проглотить наживку! Только несколько более энергично, чем от нас ожидают. Мы собираемся проглотить эту провокацию, которую стряпает для нас ССК, и превратить ее в мировую революцию. И мы это сделаем, мой мальчик.

Хебстер потер губы тыльной стороной ладони. «Через мой труп!» — хотел он усмехнуться, но у него получился лишь хрипловатый кашель.

— Вы правы насчет разговора с Браганзой и, возможно, правы относительно того, как вы поступите, когда дело дойдет до булыжников и бейсбольных бит. Однако если хотите, чтобы все это прошло намного проще, то я мог бы предложить маленькое соглашение...

— Извините, Хебстер, мой мальчик. Никаких соглашений. Не по этому вопросу. Неужели вы не понимаете, что на самом деле мы не хотим, чтобы было проще? По той же причине мы ничего не платим нашим шпионам, несмотря на огромный риск, которому они подвергаются, и на растущее благосостояние «Человечества прежде всего». Тот, кто сотрудничает с нами в силу своих убеждений, работает эффективнее и изобретательнее, чем тот, кто пришел к нам из-за экономических обстоятельств. Нет, для нас крайне важно «Дело Хебстера», чтобы воспламенить население. Нам нужно, чтобы страсти достаточно накалились и мы могли бы переключить возбуждение на жандармерию и армию; тогда консервативные граждане, которые обычно лишь покачивают головами во время наших парадов, бросят свои дела и присоединятся к насилию и грабежу. Если таких граждан будет достаточно, то планета Земля перейдет к «Человечеству прежде всего».

— Орел — вы выигрываете, решка — я проигрываю.

Полилось расплавленное золото смеха Демпси:

— Понимаю, что вы хотите сказать, Хебстер. В любом случае, возьмет ли верх ОЧ или ЧПВ, от вас останется лишь мокрое место на песках времени. У вас был шанс, когда мы обращались за вспомоществованием к общественно настроенным бизнесменам четыре года назад. Некоторые из ваших конкурентов сумели рассмотреть тесную взаимосвязь между экономикой и политикой. Вудран из «Андервуд инвестмент траст» сегодня функционер первого эшелона. Ни один из ваших высших руководителей не носит бритвы. Но что бы ни случилось с вами, это покажется очень добросердечным по сравнению с тем, что ожидает Первачей.

— Пришельцы могут воспротивиться, если станут терзать их прислужников.

— Никаких Пришельцев нет! — ответил Демпси совершенно другим голосом. Было похоже, что он так сильно напрягся, что ему даже трудно шевелить губами.

— Нет Пришельцев? Это ваш последний лозунг? Вы шутите?

— Существуют только Первачи — существа, отказавшиеся от человеческой ответственности и поэтому способные творить множество мнимых чудес, на что не согласны настоящие люди, ибо с этим связан отказ от собственного достоинства. Но никаких Пришельцев нет. Пришельцы — это миф, созданный Первачами.

Хебстер усмехнулся:

— Идеальный способ смотреть в лицо неприятным фактам! Смотреть сквозь них!..

— Если вы настаиваете на обсуждении таких иллюзий, как Пришельцы,— перебил его скрипучий и злой голос,— то я боюсь, что мы не сможем продолжать разговор. Хебстер, вы, очевидно, сами становитесь Первачом.

Линия разъединилась.

— Он верит собственной чепухе! — проговорил Хебстер с благоговейным страхом.— Несмотря на всю эту декадентскую изысканность, ему нужны такие же увещания, какие он раздает своим последователям!

Грета Сейденхайм ждала у двери. В руках она держала его кейс и оба их пальто. Выйдя из-за стола, Хебстер сказал:

— Я не стану просить тебя не ехать со мной, Грета, но...

— Отлично,— ответила она, следуя за шефом.— Думаю, мы благополучно доберемся до... куда мы там летим?

— В Аризону. В первое и самое большое поселение Пришельцев. То место, откуда приходят наши друзья со смешными именами.

— Что ты хочешь делать там, чего не смог бы сделать здесь?

— Честно говоря, Грета, сам не знаю. Но мне нравится мысль затеряться на какое-то время. Опять-таки я хотел бы увидеть то место, с которого начались все наши страдания, и рассмотреть его получше. Я не формалист; все свои самые важные решения я принимаю на месте.

Около вертолета их ждали плохие новости.

— Мистер Хебстер,— доложил пилот бесцветным голосом, разгрызая сухую пластинку жевательной резинки,— стратолет захвачен ССК. Мы все еще летим? Если мы воспользуемся этой штуковиной, получится медленно и недалеко.

— Мы все еще летим,— ответил Хебстер, подумав секунду.

Они забрались в вертолет. Двое Первачей сидели сзади и что-то друг другу чихали. Вильямс почтительно помахал боссу:

— Смирные, как ягнята. Вообще-то одного ягненка они сделали. Пришлось его выбросить.

Большая брюхатая машина поднялась вверх и полетела прочь от «Башни Хебстер».

— Происходит утечка информации,— пробормотала Грета со злостью.— Они знают про мертвого Первача. Где-то в организации есть течь, которую я не смогла вычислить. ССК проведала об убитом Перваче и теперь объявила на нас охоту. Вот вам моя эффективность!

Хебстер грустно улыбнулся ей. На самом деле Грета была очень эффективна. То же можно было сказать об отделе кадров и десятке других подразделений его организации. То же самое можно было сказать и о самом Хебстере. Но все они — сотрудники нормального предприятия, созданного для работы в спокойной обстановке. Политические шпионы! Если у Демпси в «Хебстер секьюритиз» есть свои шпионы и саботажники, то почему их не может быть у Браганзы? Они могли бы поймать его еще до того, как он пустился бежать; они бы вернули его раньше, чем он нашел бы лазейку.

И отдали бы под суд, который, по всей вероятности, вошел бы в историю как «Дело кровавого Хебстера». Событие, спровоцировавшее мировую революцию.

— Мистер Хебстер, что-то наши гости забеспокоились,— окликнул шефа Вильямс.— Может, мне их как-нибудь угомонить?

Хебстер резко выпрямился, у него мелькнула надежда.

— Нет! Оставьте их в покое!

Он очень внимательно следил за внезапно разволновавшимися Первачами. Это был тот редкий шанс, ради которого он взял их с собой. За многие годы общения с Первачами Хебстер многое узнал о них. Они годились отнюдь не только для того, чтобы выбалтывать секреты технических новинок.

В окне показались две точки и, быстро увеличившись, приняли форму двух реактивных самолетов с опознавательными знаками ССК.

— Пилот! — позвал Хебстер, глядя на Ларри, который с мученическим видом теребил свою бороду.— Оторвитесь от преследователей! Быстро! Вы меня слышите? Это приказ! Оторвитесь от преследователей!

Пилот едва успел. Фюзеляж самолета позади с грохотом рассыпался на пурпурные черепки, а турбины вертолета вдруг взвыли, подвластные какой-то чудовищной силе, которая швырнула их вперед...

Через пять секунд они были в Аризоне.

Люди вывалились из своего искореженного аппарата прямо посреди пустыни.

— Я даже знать не желаю, во что превратилась моя мельница,— проговорил пилот,— или какая сила ее несла, но вот как Первачи поняли, что нас преследует полиция?

— Не думаю, что они поняли,— ответил Хебстер.— Просто достаточно чутко уловили, что возвращаются домой, а те самолеты каким-то образом пытаются помешать этому. И действовали, с точки зрения их интересов, почти что по-человечески. Они защищались!

— Возвращался домой,— сказал Ларри. Он очень внимательно слушал Хебстера, пуская слюни из правого уголка рта.— Гемостат, бей молотком, горб. Дом там, где ненависть. Удача там, где горб. Домой и закрыть дверь.

Лузитания запрыгала на одной ноге и одарила их своей необыкновенной мясистой улыбкой.

— Задний вид,— лукаво спросила она,— не более чем местонахождение дома. Га-га-га, гы?

Ларри последовал за ней, фута на три приподнявшись над землей. Он плелся по воздуху медленно и с огромным трудом, словно дорога, по которой он шел, была усеяна многочисленными валунами, к тому же безжалостно острыми.

— До свидания, люди,— проговорил Хебстер.— Я ухожу с моими друзьями в грязных серых одеждах, чтобы встретиться с волшебником. Запомните, что, когда ССК разыщет вас по вашему необыкновенному летательному аппарату — кстати, поэтому держитесь к нему поближе,— пожалуй, самым мудрым будет сослаться на меня как на человека, силой принудившего вас к этому. Вы можете сказать, что я боялся расправы: мол, если я превращусь в Первача, мне все равно будет лучше, чем когда я стану боксерской грушей, право на которую будут оспаривать такие типы, как П. Браганза и Вандермеер Демпси.

Хебстер потрепал Грету по мокрой щеке и проворно зашагал следом за Ларри и Лузитанией. Один раз он оглянулся назад и улыбнулся, увидев, как они стоят такие растерянные и одинокие, особенно Вильямс, здоровенный детина, зарабатывающий себе на жизнь, охраняя тела других людей.

Первачи двигались своеобразным маршрутом, разработанным, очевидно, большим поклонником волнообразных движений аккордеона. Снова и снова они возвращались на прежнее место, кружили, петляли на протяжении сотни ярдов и опять начинали сначала.

— Ларри,— окликнул Хебстер, которому вдруг пришла в голову неприятная мысль.— Ларри! Твои... твои Хозяева знают, что я иду?

Первач, услышав этот властный вопрос, посмотрел на Хебстера, споткнулся и упал, а затем опустился на землю. Он встал на ноги, сморщился от вида Хебстера и потряс головой.

— Ты не бизнесмен,— сказал он.— Здесь не может быть бизнеса. Здесь может быть только забавное... то, что ты назвал бы поклонением. Движение к единому, внутренняя природа... Осознание, полное и вечное, частичного и мимолетного, которое лишь одно позволяет...— Его скрюченные пальцы впились друг в друга, словно он отчаянно пытался извлечь вразумительный смысл из своих ладоней. Ларри медленно из стороны в сторону качал головой.

С ужасом Хебстер увидел, что старик плачет. Значит, превращение в Первача имеет еще одну общую черту с безумием! Оно дает человеку понимание чего-то такого, что совершенно выходит за границы его самого, открывает духовные вершины, на которые он по своей природе не в состоянии вскарабкаться. Оно дало ему видение некоей психологической обетованной земли, а потом похоронило его, все еще томящегося, под его же собственным несовершенством. И в конце концов лишило его гордости, дав ему осознание достижений, даровав какое-то близорукое полузнание того, куда нужно идти, но оставив без средств попасть к цели.

— Когда я пришел первый раз,— запинаясь сказал Ларри, пристально глядя в лицо Хебстеру, как будто знал, что бизнесмен думает над его словами,— когда я впервые пытался узнать... я имею в виду схемы и учебники, которые я принес сюда... моя статистика, мои графики оказались такими бесполезными. Все игрушки, что я нашел, в беспорядке, основанные на призрачном мышлении. А потом, Хебстер, видеть настоящую мысль, *настоящий контроль!.. Ты поймешь эту радость — ты будешь* служить рядом с нами, ты будешь! О, невероятный подъем...

Его речь стала сердитой и неразборчивой, и старик укусил свой кулак. Лузитания приблизилась, все еще прыгая на одной ноге.

— Ларри,— обратилась она к нему очень мягким голосом,— га-га-га-гы от Хебстера?

Казалось, он удивился, потом кивнул. Двое Первачей взялись за руки и снова старательно полезли вверх на невидимую дорогу, с которой упал Ларри. Несколько секунд они стояли, повернувшись к Хебстеру, похожие на таинственных, оборванных, сюрреалистических Труляля и Траляля.

Потом они исчезли, и вокруг Хебстера сгустилась тьма, словно ее выплеснули из ведра. Он осторожно ощупал землю под собой и сел на песок, который хранил весь жар аризонского дня.

Вот!

Предположим, явился Пришелец. Предположим, Пришелец спросил его без обиняков, чего он хочет. Это было бы скверно. Алгернон Хебстер, выдающийся бизнесмен — сейчас, правда, находящийся, некоторым образом, в бегах,— не знал, чего ему хочется; во всяком случае, по отношению к Пришельцам.

Он не хотел, чтобы они исчезли, поскольку технологии Первачей, которые он использовал в десятках производств, были, по сути, интерпретацией и адаптацией методов Пришельцев. Он не хотел, чтобы они оставались, потому что всякая упорядоченность его мира растворялась под воздействием кислоты их повсеместного превосходства.

Он знал также, что ему лично не хочется становиться Первачом.

Что же остается? Бизнес? Ладно, тогда вопрос Браганзы. Чем заниматься бизнесмену, если спрос так хорошо контролируется, что, можно сказать, перестает существовать?

Или что ему делать в сегодняшней ситуации, когда спроса, по сути, не существует, ибо Пришельцам ничего не нужно от тщедушного человеческого стада?

— Найти то, что они хотят,— сказал Хебстер вслух.

Как? Как?

Индеец изменил образ жизни, начав продавать бледнолицым свои красочные одеяла, это стало источником его дохода. И он настаивал, чтобы ему платили наличными,— а не огненной водой. Если бы только, подумал Хебстер, как-нибудь ухитриться встретиться с Пришельцем, он бы достаточно быстро выяснил, что им нужно, каковы их фундаментальные желания.

И вдруг, когда повсюду вокруг него материализовались бутылочки *в форме трубок, реторт, колокольчиков, он понял!* Они формировали у него в мозгу настойчивые вопросы. И их не удовлетворяли ответы, которые он находил до сих пор. Им хотелось ответов. Они жаждали ответов. Если его это интересует, то всегда есть возможность...

Огромная «бутылка с точками» погладила кору его головного мозга, и он вскрикнул.

— Нет! Я не хочу!

Пинь! — издала «бутылка с точками», и Хебстер стал ощупывать себя. Наличие собственного тела успокаивало. Так, наверное, чувствовала себя девушка из древнегреческого мифа, которая умоляла Зевса позволить ей увидеть божество во всем его блеске. Через мгновение после того, как ее просьба была удовлетворена, от любознательной женщины не осталось ничего, кроме нескольких пушинок пепла.

Бутылки вплетались одна в другую в странном и замысловатом танце, который излучал эмоции, смутно напоминающие любопытство, однако с примесью веселья и восторга.

Почему восторг? Хебстер был совершенно уверен, что ощутил этот сигнал, даже принимая во внимание различия между душевными структурами. Он быстро забросил в свою память бредень, поймал несколько соответствующих предметов, однако отбросил их после краткого, но скрупулезного анализа. Что он пробовал вспомнить, о чем его безупречно-эффективные инстинкты бизнесмена пытались напомнить?

Танец убыстрялся, становился все более сложным. Несколько бутылок нырнули ему под ноги и волнообразно кружились футах в десяти под ним, как будто их присутствие делало Землю прозрачной и проницаемой средой. Будучи совершенно не знакомым с чем-либо, касающимся Пришельцев, не зная — да и не интересуясь! — был ли их танец обычным разговором или неким необходимым общественным ритуалом, Хебстер тем не менее смог почувствовать приближение кульминационного момента. Маленькие кривые черточки зеленых молний начали проскакивать между крупными бутылками. Что-то взорвалось около его левого уха. Хебстер в страхе потер лицо и отодвинулся. Бутылки последовали за ним, образуя вокруг него глухую сферу, сотканную из их бешеного движения.

Почему восторг? Там, в городе, Пришельцы производили впечатление какой-то ужасной занятости, когда нависали, почти что в полной неподвижности, над теми местами, где работало и жило человечество. Они были холодными и внимательными учеными и не выказывали ни малейшей способности к... к...

Итак, что-то у него уже есть. Наконец что-то у него уже есть. Но что делать с мыслью, если не в силах ее ни выразить, ни действовать в соответствии с ней?

Пинь!

Повторялось предыдущее приглашение, уже более настойчиво. Пинь! Пинь! Пинь!

— Нет! — заорал он и попытался встать. И понял, что не может.— Я не... Я не хочу становиться Первачом!

Раздался отстраненный, почти божественный смех.

Внутри собственного мозга Хебстер ощутил странное царапанье, словно два существа там отпихивали друг друга. Он крепко зажмурил глаза и стал думать. Он где-то рядом, он уже совсем близко. У него была мысль, но требовалось время, чтобы сформулировать ее,— небольшой перерыв, чтобы понять, что именно это была за мысль и что именно ему следовало делать!

Пинь, пинь, пинь! Пинь, пинь, пинь!

Голова раскалывалась от боли, словно из черепной коробки высасывали мозг. Хебстер попробовал воспрепятствовать этому. И не смог.

Что ж, тогда ладно. Он внезапно расслабился, оставив попытки защищаться. Но он кричал — мозгом и ртом. Первый раз в жизни, лишь частично сознавая, к кому он обращал свой вопль отчаяния, Алгернон Хебстер взывал о помощи.

— Я могу это сделать! — попеременно кричал он и думал.— Экономить деньги, экономить время, экономить все, что вы хотите экономить, кто бы вы ни были и как бы себя ни называли! Помогите мне, помогите мне — мы сможем сделать это,— только быстрее. Балансовый отчет... Помогите...

Слова и безумные мысли мешались друг с другом, как перепутанные кольца Пришельцев. Он продолжал кричать, сосредоточившись на своих мысленных образах, но где-то внутри души некая радостная и веселая сила начала перекрывать клапан его разума.

Внезапно он перестал что-либо ощущать. И вдруг узнал десятки вещей, которые ему даже и не снились, и позабыл еще в тысячу раз больше. И вдруг почувствовал, что может контролировать любой нерв в своем теле. И вдруг...

Пинь, пинь, пинь! Пинь! Пинь! ПИНЬ! ПИНЬ! ПИНЬ! ПИНЬ!

— ...Вроде этого,— сказал кто-то.

— Что, к примеру? — спросил кто-то еще.

— Ну, они даже лежать нормально не могут. А наш парень спит, как обычный человек. Первачи крутятся и стонут ну точь-в-точь, как старые пропойцы... Кстати, о стонах: вот мы и пришли в себя.

Хебстер с трудом сел на армейской койке, вертя головой. Страхи покидали его, а когда не будет страхов, никто уже не сможет причинить ему вреда. Браганза с чрезвычайно озабоченным и несчастным видом стоял около его кровати рядом с человеком, который, совершенно очевидно, был доктором. Хебстер улыбнулся им обоим, мужественно сопротивляясь искушению выпалить пулеметную очередь бессмысленных слогов.

— Привет, ребята. Вот я и вернулся.

— Уж не хотите ли вы сказать мне, что общались? — заорал Браганза.— Вы общались с Пришельцами и не превратились в Первача!

Хебстер посмотрел через полог палатки, где стояла Грета Сейденхайм рядом с вооруженным охранником. Он помахал ей рукой, и девушка в ответ широко улыбнулась.

— Нашли меня в пустыне, где я лежал, как рухлядь, так ведь?

— Нашли его! — Браганза плюнул.— Да вас принесли Первачи. Впервые в истории они такое сделали. Мы ждали, когда вы вернетесь, в искренней уверенности, что если у вас это получится, то все будет в порядке.

Президент корпорации потер лоб.

— Будет, Браганза, будет. Только Первачи, да? Им не помогали Пришельцы?

— Пришельцы? — Браганза сглотнул.— Почему вы полагаете... Что дает вам основание надеяться... будто Пришельцы стали бы помогать Первачам тащить вас?

— Ну, пожалуй, мне не стоило употреблять слово «помогали». Но я действительно думал, что среди тех, кто сопровождал к вам мое бессознательное тело, будет несколько Пришельцев. Что-то вроде почетного эскорта, Браганза. По-настоящему красивый жест, как вы думаете?

Сотрудник ССК переглянулся с доктором, который с интересом следил за их беседой.

— Минутное помрачение рассудка,— предположил тот.

Браганза отошел и задернул полог палатки. Потом вернулся, встал около койки и с силой дернул себя за ус.

— Теперь смотрите сюда, Хебстер. Если вы и дальше будете строить из себя клоуна, ей-богу, я разрежу вам брюхо и намотаю кишки на голову. Что произошло?

— Что произошло? — Хебстер медленно и осторожно потянулся, словно боялся сломать себе руку.— Не думаю, что когда-нибудь сумею дать полный ответ на этот вопрос. И какая-то часть моего мозга очень рада, что не сумею. Но вот что я отчетливо помню: у меня была мысль. Я сообщил ее кому надо, заинтересованной стороне. Мы — эта сторона и я — в качестве уполномоченных заключили предварительное соглашение, с тем чтобы окончательные условия соглашения были выработаны нашим руководством. Далее мы... Ладно, Браганза, ладно! Я вам сейчас все расскажу покороче. Только поставьте раскладной стул на место. Не надо забывать, что я едва вышел из дьявольской передряги!

— Не страшнее той, в какую вот-вот угодит этот мир,— прорычал чиновник.— Пока вы прохлаждаетесь в своем трехдневном отпуске, Демпси занимается подготовкой полномасштабной революции. Он очень предусмотрительно ограничивается только парадами и словесными фейерверками, так что мы не можем пустить в дело спецподразделения полиции, но совершенно ясно, что он готов перейти к насилию. Это может начаться

завтра; Демпси будет разглагольствовать одновременно по всем программам всемирного видео, и наши лучшие эксперты считают, что его заключительная реплика и станет сигналом к действию. Знаете, под каким лозунгом они сейчас выступают? Их волнует участь Веруса, приговоренного к смертной казни: они заявляют, что он станет мучеником.

— И вас застали со спущенными штанами... Сколько сотрудников ССК оказались Преждевсегошниками?

Браганза кивнул:

— Не слишком много, но больше, чем мы предполагали; больше, чем мы могли себе позволить. Демпси точно устроит кровавую резню, если только вы не наткнулись на что-то стоящее. Смотрите, Хебстер,— в его грубом голосе зазвучали просительные нотки,— не надо со мной играть. Не держите на меня зла за угрозы. В них не было никакой личной неприязни, только ужасное, страшное беспокойство за этот мир, за его людей, за правительство, которое я должен защищать. Если вы все еще что-то имеете против меня, то разрешаю вам все это выместить на моей шкуре, как только мы покончим с Преждевсегошниками. Но только сначала объясните, что происходит. От того, что вы там делали в этой паршивой пустыне, зависит жизнь многих людей, да и сама история.

И Хебстер объяснил. Начал он с внеземной вальпургиевой ночи.

— Пришельцы скользили внутри друг друга, соблюдая какой-то кривой и сложный ритм, и меня вдруг осенило, насколько они отличаются от тех задумчивых точек в бутылках, висящих у нас над оживленными районами, как вообще отличается поведение всех существ в домашнем окружении,— и как трудно понять чужаков на основе их совместного поведения. И тогда я понял, что это место — не их дом.

— Разумеется. Вы выяснили, из какой части Галактики они прибыли?

— Я не то имею в виду. Пометив эту территорию — и другие такие же в Гоби, Сахаре, Центральной Австралии,— как резервации для тех из нас, чей разум сломался от ясного, рационального и точного осознания неполноценности, мы и представить не в силах, что Пришельцы, вокруг которых они собираются, не обязательно обосновались там добровольно.

— То есть? — Браганза быстро затряс головой и начал моргать.

— Другими словами, мы сделали некоторые допущения на основании совершенно очевидного превосходства Пришельцев

над нами. Сделали, исходя из наших собственных понятий о том, что является превосходством и неполноценностью, но отнюдь не из понятий Пришельцев. И особенно наша ошибка относится к тем Пришельцам — в резервации.

Сотрудник ССК пробежался по палатке и ударил огромным кулаком в потную ладонь:

— Я, кажется, начинаю, лишь начинаю...

— В тот момент со мной происходило то же самое. Я только начинал. Допущения, не выдерживающие конструкции, которую они должны подпирать, стали причиной разорения большого числа достойных бизнесменов. Те четверо брокеров, например, которые после краха фондовой биржи в 1929 году...

— Хорошо,— торопливо перебил его Браганза и сел на стул рядом с койкой.— И что дальше?

— Я все еще ни в чем не был уверен. Все, чем я располагал,— это несколько обрывочных мыслей, возникших в результате выброса адреналина, и, конечно, сильное ощущение, что именно эти Пришельцы делают не то, чего я привык ожидать от Пришельцев. Что-то они мне напоминали... Я был уверен, что, как только мне удастся вспомнить, основная часть задачи будет решена. И я не ошибся.

— В чем вы не ошиблись?

— В общем, можно сказать, что я подобрался с тыла. Я вернулся к аналогии профессора Клеймбохера о бледнолицых, спаивающих индейцев огненной водой. Мне всегда казалось, что решение кроется где-то в этой аналогии. И вдруг, думая о профессоре Клеймбохере и наблюдая, как эти могущественные существа перекручиваются вокруг и внутри друг друга, я вдруг понял, что именно не так. Аналогия верна, а вот выводы... Мы взяли молоток за боек, а не за ручку. Бледнолицые действительно дали индейцам огненную воду, но и сами кое-что получили взамен.

— Что?

— Табак. В наши дни табак особой опасности не представляет, если, конечно, соблюдать меру, но первые белые курильщики, вероятно, так же им злоупотребляли, как первые пьющие индейцы — алкоголем. Как табак, так и выпивка имеют одно общее свойство — от них человек ужасно болеет, если употребляет их в слишком больших дозах. Понимаете, Браганза? Пришельцы в пустынной резервации больны. Они подхватили что-то такое из нашей культуры, что психологически не могут переварить, так же как... ну, что-то такое, что раздражает наш духовный пищевод и вызывает у нас язвы. Их изолировали в

наших пустынных областях до тех пор, пока не будет найдено решение этой проблемы.

— Нечто такое, что психологически не переваривается? Хебстер, что это может быть?

Бизнесмен нетерпеливо пожал плечами:

— Не знаю. Да и знать не хочу. Возможно, ответ прост: они не в состоянии бросить проблему до тех пор, пока не решат ее,— а они не могут решить загадок человеческой деятельности в силу врожденных и фундаментальных отличий человечества. Лишь потому, что мы не способны понимать их, мы не имели права делать допущение, будто они способны понимать нас.

— Они могут скопировать все, что мы делаем.

— Хорошо, но не в этом ли дело? — предположил Хебстер.— Они могут все скопировать, но могут ли они разработать? По всем признакам, это раса существ, которым никогда не приходилось многое делать самим. Может быть, эволюция достаточно рано наделила их способностью непосредственно воздействовать на материю и им не пришлось проходить через различные стадии конструирования предметов искусства и ремесла. Это — в нашем понимании — огромное преимущество, однако здесь неизбежно должны быть и соответствующие неудобства. Помимо всего прочего, такая способность влечет за собой минимум видов искусства и отсутствие фундаментальных инженерных знаний о самих искусственных объектах, если не о том материале, который они изменяют прямым воздействием мысли. Как бы то ни было, я оказался прав.

Например. Музыка не является функцией теории гармонии, законченных партитур в голове дирижера или композитора — все это возникает позже, намного позже. Музыка в первую очередь и главным образом — функция определенного инструмента: свирели, барабана, голосовых связок. Это функция тех осязаемых, материальных вещей, с которой раса, оперирующая электронами, позитронами и мезонами, никогда не столкнется в процессе их создания. Как только я это понял, то увидел и другой изъян в сопоставлении, причем самый основной.

— Вы имеете в виду допущение, что мы непременно хуже Пришельцев?

— Точно, Браганза. Они умеют очень многое из того, чего не можем делать мы, но возможно — и еще как возможно! — обратное. Каким количеством уникальных талантов мы обладаем, остается только гадать. И хорошо. Пускай ребята-теоретики лет через сто ломают себе над этим голову — лишь бы сейчас держались подальше от таких вопросов.

Браганза покрутил пуговицу на зеленом кителе и посмотрел поверх головы Хебстера.

— И никакого больше научного изучения Пришельцев, да?

— Ну, сейчас мы так или иначе бессильны, и надо с этим смириться. Утешением может служить то, что им придется поступить аналогичным образом. Неужели вы не понимаете? Дело не в фундаментальном несоответствии. Просто у нас нет достаточного количества фактов, и сегодня мы не можем их получить путем обычного научного наблюдения в силу таящихся здесь психологических опасностей для обеих рас. Наука, мой вперед-смотрящий друг, есть комплекс взаимосвязанных теорий, выведенных на основании наблюдений.

Не забывайте, что задолго до того, как у нас появилась наука навигации, существовали купцы, которые отправлялись в каботажное плавание или путешествие по рекам и знали, какое влияние оказывали различные течения на их маленькие утлые суденышки. Они имели представление о влиянии луны и звезд, при этом не испытывая ни малейшего желания объединить эти крохи знания в более широкие теории. До тех пор пока не накопится достаточно большое количество таких крох и появится возможность отличать предположения от действительных наблюдений, нельзя развивать науку навигации без риска утонуть в ходе проведения экспериментов.

Купца не интересуют теории. Его заботит лишь, как обменять нечто блестящее на то, что блестит еще сильнее. И, занимаясь этим, он безболезненно и незаметно для себя самого собирает обрывки знаний, постепенно сокращая область неизвестного. До тех пор, пока однажды не накопится достаточно отрывочных знаний и на их основе не возникнет нечто вроде предварительного понимания, рабочей гипотезы. А затем какой-нибудь Клеймбохер будущего, работая в области, которая уже больше не будет являться сферой внезапных и необъяснимых душевных болезней, сумеет сформулировать подробные и точные законы на основании более обоснованных гипотез.

— Мне следовало догадаться, Хебстер, что если вы вернулись, то вывод будет именно таким!.. Итак, их теоретики и наши теоретики должны уступить место купцам. Вот только как мы будем общаться с их торговцами — если среди них вообще есть такие звери?

Президент корпорации вскочил с кровати и стал одеваться.

— Они у них есть. Может, на Совет директоров это и не похоже, но определенно есть Пришельцы, ориентированные на бизнес. Как только я осознал, что точки в бутылках ведут себя, по сравнению с их уравновешенными научными коллегами,

точно так же, как наши собственные высокоинтеллектуальные Первачи, я понял, что нуждаюсь в помощи. Мне был необходим кто-то с их стороны, кому я мог бы рассказать об этом, для кого оперативное решение являлось бы таким же важным, как для меня. Где-то там должен был находиться Пришелец, кого заботят такие вещи, как прибыль и убытки, а также эффективность вложенного времени, персонала, сырья и энергии. Я считал, что с ним я смогу говорить — о деле. Подход прост: что у тебя есть из нужного нам, и как мало из того, что есть у нас, ты за это возьмешь. Никаких попыток понять несовместимые философии. Существо такого типа просто обязано входить в состав экспедиции. И вот я закрыл глаза и испустил, как я всей душой надеялся, телепатический вой, направленный ему. И достиг цели.

Конечно, у меня могло ничего не получиться, если бы он сам отчаянно не искал такого сигнала. Он примчался стремглав, засунул мою вытекающую по каплям душу на место и вытащил меня на какой-то почти необитаемый корабль. Я пробыл в этом межзвездном подобии Гробницы Магомета, подвешенной между Небом и Землей, целых три дня, пока мы с ним торговались и он консультировался со своим министерством внутренних дел по поводу наших переговоров.

Мы действовали так же, как я привык работать с Первачами,— просматривали список того, что каждый из нас мог предложить, и сравнивали его с тем, что нам нужно. Каждый из нас старался получить немного больше того, что предлагал другому — разумеется, если пользоваться нашими терминами. Купля и продажа — процесс, по существу, очень несложный. Мне представляется, что наш разговор мало чем отличался от беседы каких-нибудь финикийских моряков с раскрашенными синей краской кельтскими обитателями древней Британии.

— И этот... этот Пришелец-бизнесмен ни разу не упомянул о возможности взять то, что им нужно...

— Силой? Нет, Браганза, ни разу. Возможно, они слишком цивилизованны для такого рода непотребства. Но скорее, дело здесь, главным образом, в другом: они не имеют ни малейшего представления, что им от нас нужно. Мы для них представляем собой фантастическую загадку — существа, использующие материю, чтобы изменять материю для производства предметов, которые, хотя и выполняют схожие функции, чрезвычайно отличаются друг от друга. Можно сказать, что, когда мы имеем в виду их деятельность, мы задаем вопрос «как?», а они о нас спрашивают «зачем?». Их исследователи недоумевают даже больше, чем наши. Насколько я понимаю, разумные расы, с кото-

рыми они до сих пор сталкивались, им понятны, поскольку шли параллельными эволюционными путями. Всякий раз, когда кто-нибудь из их исследователей приближается к ответу на вопрос, почему мы носим разнообразную цветную одежду даже в том климате, где одежда не нужна, то падает за борт и начинает тонуть.

Естественно, это очень беспокоит моего контрагента. Я не знаю точно, какое положение он занимает — он может оказаться кем угодно, от бухгалтера до администратора экспедиции,— но отвечать придется ему, если экспедиция принесет одни убытки. Кроме того, я понял, что по своему положению он не может заниматься исследованиями, после которых его неуравновешенные товарищи покалеченными возвращаются в сумасшедшие дома, которые он для них построил в пустынях. Более того, те из них, кто ухитрился сохранить душевное здоровье, постоянно выказывают ему свое презрение. Они, видите ли, считают, что их функция — выполнение задач экспедиции; он же отвечает только за материальное обеспечение. Думаете, их сколько-нибудь волнует,— Хебстер фыркнул,— что ему нужно представить отчет о результатах экспедиции в терминах балансовой ведомости?

— Что ж, по крайней мере в этом вопросе вы достигли взаимопонимания,— усмехнулся Браганза.— Возможно, торговцы со своим простым, откровенно надувательским подходом и станут решением проблемы. Вы уже дали нам больше важнейших сведений, чем мы сумели получить за многие годы дорогостоящих исследований. Хебстер, я хочу, чтобы вы выступили со своим рассказом в эфире и показали парочку спятивших Пришельцев — аналогов наших Первачей — телезрителям.

— Нет уж. Рассказывать будете сами. И вообще все лавры можете оставить себе. Я телепатирую соответствующую просьбу своему дружку-Пришельцу по каналу, который он зарезервировал для меня, и он пришлет вам для передачи пару помешавшихся на человечестве «бутылок с точками». А мне надо побыстрее возвращаться в Нью-Йорк и сажать всех сотрудников за поистине энциклопедическую работу.

— Энциклопедическую?

Бизнесмен застегнул брючный ремень и потянулся за галстуком.

— Ну а как еще назвать первое издание «Хебстерского межзвездного каталога человеческой деятельности наличных артефактов» с указанием примерных цен?

Дезертир

10 ноября 2039 года...

Отчет Верховному командованию Земли № 18-673 за 24 часа на 09.00 понедельника по столичному времени:

«...вследствие чего Пятый Спутник осуществил стратегическое перемещение всех перехватчиков. Операция была проведена с минимальными потерями.

Единственный представляющий интерес инцидент за отчетный период — капитуляция одного солдата противника, который является первым юпитерианцем, захваченным нашими силами живым. Его взяли в плен при защите от вражеского налета Кочабамбы, Боливия. Во время предпринятой врагом безуспешной попытки овладеть жизненно важной металлургической областью четверо юпитерианцев было убито, после чего пятый сложил оружие и взмолился о пощаде. Захваченный нашими силами юпитерианец заявил, что является дезертиром, и попросил препроводить его...»

По дороге в пещеру офицер военной полиции кратко проинформировал Мардена, чего ему ожидать. Но несмотря на это, при первом же взгляде, брошенном на огромный резервуар, в котором плавал пришелец, Марден почувствовал, как на него наваливается былой ужас, и слабо застонал. Существо имело по меньшей мере шестьдесят футов в длину, сорок в ширину и два человеческих роста в высоту. Из чего бы там ни состояла его оболочка, по бокам она серебрилась толстым слоем льда.

Потоки холодного воздуха, пронизывающие сырую вонь метана, щекотали нос и покалывали мочки ушей. «В конце концов, температура тела у этих тварей,— подумал Марден,— где-то в пределах минус двухсот по Фаренгейту!»

Ему уже доводилось испытывать этот леденящий холод...

При воспоминании об этом он резко вздрогнул и наглухо застегнул подбитый мехом комбинезон, который ему выдали у входа.

— Наверное, непросто было доставить сюда эту тварь.— Его поразила небрежность собственного тона, но она же и ободрила его.

— О, этим занимались инженерные войска спецназначения,— откликнулся лейтенант военной полиции — девушка-китаянка.— Все заняло меньше пяти часов с момента их прибытия.— Она надула мягкие коралловые губки, глядя на седеющую голову Мардена.— Самым сложным было найти подходящую камеру поблизости для такого пленника. И эта пещера показалась идеальным местом.

Марден взглянул на выступ, высившийся у них над головой. Через каждые десять футов стояли группы из трех вооруженных солдат, в любой момент готовых применить ядерные орудия или разрывные ракеты. Молоденькие офицеры с серьезными выражениями лиц переходили от группы к группе, сжимая в потных руках крошечные позвякивающие пистолеты. «Как эти мальчики легко ко всему приспосабливаются!» — со злостью подумал Марден.

Выступ огибал три стены пещеры, а с четвертой стороны, откуда вошел Марден, стояли пять вкопанных стальных «Цезарей» с нетерпеливо задранными стволами. Складки каменного рифленого потолка были выложены орнаментом из изящных длинных бомб, удерживаемых зажимами, которые должны были одновременно разжаться, как только палец известного полковника нажмет известную зеленую кнопку...

— Стоит нашему другу в резервуаре сделать одно неверное движение,— пробормотал Марден,— и половина Южной Америки взлетит на воздух.

Девушка попробовала было рассмеяться, но тут же одумалась и приняла серьезный вид.

— Простите, майор Марден, но мне это не нравится. Мне не нравится, когда о них говорят «друг». Даже в шутку. Эти плоские черви уничтожили полтора миллиона людей и среди них триста тысяч китайцев!

— А первые пятьдесят человек были моими родственниками и соседями,— раздраженно напомнил ей Марден.— Если, конечно, вы помните то время, когда произошла Марсианская бойня.

Она обиженно сглотнула и уже была готова извиниться, когда Марден с негодующим видом прошествовал мимо нее к выступавшему мостику. Он терпеть не мог людей, не способных к осознанной ненависти, которые нуждались в стимуляции своих чувств при помощи особых символов и прочих дурацких выдумок. Сколько раз он видел пожилых людей в форме войск самообороны, которые при упоминании противника с Юпитера производили ритуальное телодвижение, символизирующее растаптывание червяка!

Он взглянул вниз, где огромное полотно живой материи осуществляло какие-то неведомые функции жизнедеятельности своего организма.

— Хотел бы я посмотреть, как вы поднимете ногу и раздавите это! — заметил он изумленной девушке, оставшейся стоять позади. «Черт бы побрал этих поборников простоты! — подумал он про себя.— Им бы недельку попрыгать на допросах у юпитерианцев, стали бы как шелковые! Глядишь, может, и задумались бы, как безумно сложна эта вселенная!»

Это напомнило ему о цели его присутствия здесь, заставив задуматься, и белый серповидный шрам на его лбу изрезали ниточки морщин, беспощадно свидетельствующие о том, как действительно безумно сложна была эта вселенная...

Он так погрузился в свои размышления, что, прежде чем подняться на наспех сколоченную площадку, вынужден был глубоко вздохнуть и, расслабившись, обтереть вспотевшие руки о комбинезон.

Отделившись от группы военных, навстречу Мардену двинулся его непосредственный начальник полковник Лиу.

— Рад видеть вас, Марден,— поспешно и с облегчением произнес он.— Теперь слушайте меня. Здесь у нас командующий ракетными войсками собственной персоной — вы его знаете. Так что, когда будете беседовать с ним, встаньте по стойке смирно и побольше боевитости, когда будете приветствовать его. Понимаете, что я имею в виду? Покажите ему, что мы в разведке не уступаем... Марден, вы меня слушаете? Это очень важно.

Марден с трудом отвел взгляд от прозрачной корочки льда, покрывавшей резервуар.

— Прошу прощения, сэр,— пробормотал он.— Я... я постараюсь.

— Это переводчик, полковник Лиу? Майор Марден, да? — закричал сверху высокий военный в расшитой бриллиантами форме маршала космических войск.— Ведите его сюда.

Полковник Лиу схватил Мардена за руку и поспешно потащил его за собой. Маршал Биллингслей резко оборвал попытку полковника представить своего подчиненного.

— Майор Игорь Марден, так? Звучит очень по-русски! Вы, случайно, не русский? Я терпеть не могу русских.

Марден заметил, как раздраженно напрягся широкоплечий вице-маршал, стоявший за спиной Биллингслея.

— Нет, сэр,— ответил Марден.— Марден — это хорватская фамилия. У меня в роду были французы, югославы, и, возможно, есть немного арабской крови.

Маршал великодушно кивнул.

— Хорошо! Очень было бы неприятно, если бы вы оказались русским. Терпеть не могу русских, китайцев и португальцев. Впрочем, хуже всех китайцы, на мой взгляд. Готовы приступить к работе с этим юпитерианским дьяволом? — Он повернулся, и все пистолеты в его портупее, живописно качнувшись, блеснули своими сапфировыми рукоятками и издали мелодичный звон, что сделало его похожим на гигантского кота, которого мыши увешали колокольчиками.

Следуя за маршалом, Марден со злорадством отмечал, как вытягиваются по струнке военные при их приближении. Губы полковника Лиу сжались в кривую темную полоску; молодая девушка-лейтенант, провожавшая Мардена с вертолетной площадки, яростно сжимала и разжимала кулаки. Маршалу космических войск Рудольфо Биллингслею нравилось пользоваться высоким положением, и он не отказывал себе в удовольствии покапризничать, что, судя по всему, удавалось ему нечасто. «Голова тупая, как у боеголовки, пасть грязная, как выхлопная труба, но может точно рассчитать до последней ссадины, во что обойдется атака»,— говорили о нем рядовые офицеры.

«И именно такой человек нужен Земле, той, какой она стала после восемнадцати лет юпитерианской блокады»,— подумал Марден. Он лично был многим обязан этому человеку...

— Вы, наверное, не помните меня, сэр,— неуверенно начал Марден, когда они остановились у металлического кресла, подвешенного сверху на тросах.— Но мы уже встречались шестнадцать лет тому назад. На борту вашего корабля «Евфрат»...

— «Евфрат» отнюдь не корабль. Это перехватчик третьего класса. Научитесь разбираться в терминологии, если не хотите опозорить свой мундир майора, мистер! Как следует застегните молнию. Конечно, вы находились в той жалкой толпе гражданских лиц, которых я вытащил из-под носа у юпитерианцев на Марсе. Дайте-ка вспомнить: юный археолог. Кто бы тогда мог подумать, что этот инцидент приведет к настоящей войне не на жизнь, а на смерть? Ха! Вы небось тогда считали, что вас ждет счастливая жизнь? Даже и не подозревали, что проведете остаток дней в мундире, стоя по стойке смирно в ожидании приказа! Эта война сделала настоящих мужчин из многих мокрых медуз, мистер, и вы должны быть благодарны ей за это.

Марден заставил себя кивнуть, ощущая с каким-то оттенком мазохизма, как напряглась его спина, а ногти сжатых пальцев

вонзились в ладонь. «Интересно, каков будет приговор трибунала за нанесение удара старшему по чину?» — мелькнуло у него в голове.

— Ну ладно, запрыгивайте! Давайте, давайте, запрыгивайте!

Марден увидел сложенные и протянутые к нему руки — маршал космических войск предлагал его подсадить! Биллингслей считал, что лучше него никто ничего сделать не может. Марден с готовностью поставил ногу на сложенные ладони и тут же взлетел вверх. Устроившись в кресле, он автоматически пристегнул страховочный ремень и поправил подголовник.

Внизу маршал застегнул зажимы вокруг его голеней.

— Вас проинструктировали? — крикнул он снизу.— Архнатта виделся с вами?

— Да. То есть да, сэр. Профессор Архнатта летел вместе со мной с Мельбурнской базы. Он обрисовал ситуацию, но, конечно, не вдавался в подробности.

— К черту подробности. Слушайте меня, майор Марден. Перед вами находится единственный юпитерианский червяк, которого нам удалось захватить живьем. Не знаю, сколько времени нам еще удастся продержать его живым — инженеры строят метановый завод в дальнем конце пещеры, чтобы ему было чем дышать, когда у него кончатся собственные запасы, а химики замораживают для него аммиак. Но прежде чем он загнется, я намерен вытряхнуть из него всю полезную информацию. И ваши мозги — единственное оружие, которое имеется в моем распоряжении. Надеюсь, оно не выйдет из строя, хотя, на мой взгляд, вы не лучше какой-нибудь второсортной воздушной эскадры в две тысячи человек, которой я пожертвовал позавчера только для того, чтобы выяснить намерения противника. Так что, мистер, советую слушаться меня и хорошенько задавать ему вопросы. А ответы выкрикивайте погромче и поотчетливее для записывающей аппаратуры. Опускайте его, полковник! Вы что, не слышите меня? Сколько еще, черт возьми, вы будете возиться?!

Тросы натянулись, и кресло заскользило вниз к раскинувшемуся огромному чудовищу. Марден почувствовал, как в животе у него что-то оборвалось, а мысли в голове съежились, пытаясь спрятаться. Через несколько секунд ему предстояло — при мысли о том, что ему предстояло, он плотно зажмурился, как в детстве, когда надеешься, что таким образом можно избежать неприятности.

Надо было послушаться своего внутреннего голоса еще там, на Мельбурнской базе, когда Марден только получил приказ и понял, что он означает. Надо было дезертировать. Одна беда: куда можно дезертировать, когда весь мир под ружьем, когда

даже у каждого ребенка есть свои военные обязанности? Но что-то надо было сделать. Хоть что-то. Человек не может дважды переживать подобное.

Легко говорить Старой Боеголовке. Вся его жизнь была отдана разрушению; поэтому в такие моменты он реализовывал в себе то, во имя чего учился, работал и тренировался. На память пришла еще одна подробность из биографии маршала Биллингслея. Прелестные крылатые обитатели Венеры — григгодоны, так они назывались,— быстро изучившие человеческие языки и замучившие первых колонистов своей планеты сотнями вопросов. Их высокие пронзительные голоса очень быстро истощили терпение переселенцев, и григгодонов изгнали за пределы поселений, поскольку их непомерная любознательность превращала ночи в сплошной кошмар. Но так как они отказались выполнить приказ, а усиленно работавшие колонисты все больше и больше лишались сна, разрешение проблемы передали в руки военного представителя на Венере. Марден помнил, с каким возмущением был встречен его лаконичный отчет: «На Венере восстановлено спокойствие. Командор Р. Биллингслей», означавший, что первая обнаруженная разумная внеземная цивилизация уничтожена до последнего младенца с помощью инсектицидного распылителя.

Полгода спустя еще одна разумная и куда как более могущественная раса в Солнечной системе заявила о своем существовании внезапной атакой на редкие поселения Марса, и его поверхность усеяли человеческие трупы. Кто вспоминал о каких-то григгодонах, когда командор Рудольфо Биллингслей прорвался в оккупированную врагом столицу Южного Марса и эвакуировал несколько десятков уцелевших людей? А затем Герой Марсианской спасательной экспедиции вернулся назад и спас захваченного юпитерианцами пленника — некоего Игоря Мардена, гордого обладателя первой и, как выяснилось, последней докторской степени в области марсианской археологии.

Нет, для Старой Боеголовки эта жуткая война была больше чем реализацией собственных возможностей, чем апробированием возможностей его профессии — она являлась оправданием его существования. Если бы человечество не столкнулось с авангардом Юпитерианской империи в кольце астероидов, Биллингслею светила бы жалкая карьера полицейского офицера на разных патрульных постах, и его имя всегда бы ассоциировалось с истреблением григгодонов. И стоило бы ему появиться в любом обществе, как какая-нибудь полная дама принималась бы объяснять своему эскорту свистящим шепотом, повергая в смущение всех мужчин в военной форме, что это тот самый Венерианский

Варвар. Он был бы Венерианским Варваром вместо Героя Марсианской спасательной экспедиции, Защитника Луны и Отца Спутниковой системы защиты.

Что же касается самого Мардена — ну что ж, доктор Марден вел бы спокойную и плодотворную жизнь ученого, может не самого талантливого, но: хорошо документированная статья там, неожиданное открытие, представляющее интерес лишь для специалистов, здесь — в общем, уважаемый коллегами и занимающийся любимой работой, он снискал бы себе место в библиографическом указателе и постраничных сносках учебников следующего поколения. Но теперь места его раскопок превратились в руины, и гражданская профессия майора Игоря Мардена обладала такой же ценностью, как умение дрессировать дронтов или лечить мамонтов и мастодонтов. Теперь он был некомпетентным офицером, военная выправка которого забавляла его подчиненных и удручала начальство, во второстепенном подразделении разведки. Ему не нравились задания, которые поручались командованием; порой он даже не понимал их смысла. Его профессиональные достоинства определялись лишь двумя годами психологического ада, который он пережил в плену у юпитерианцев, да и это признавалось лишь в очень редких ситуациях, например таких, как эта. Наглое ограниченное поколение, выросшее в атмосфере крупномасштабной межпланетной войны, испытывало к нему лишь сострадание; и закончись война завтра победой, он обнаружил бы, что за восемнадцать лет конфликта ничего не приобрел, кроме неуверенности в себе и некоторого сомнительного опыта.

Позабыв о своих страхах, Марден смотрел на огромную тушу юпитерианца, слегка шевелящуюся под прозрачным покровом жидкости. И этот безмятежный красный студень, время от времени выпускающий голубоватые пузырьки,— это та самая тварь, которая лишила его предназначенной ему судьбы и ввергла в чистилище? И зачем? Для утверждения собственного превосходства, для того чтобы другие виды не смогли угрожать их господству на внешних планетах? Никаких переговоров, обсуждений, соглашений — вместо этого мощный и относительно внезапный штурм, столь же продуманный и победоносный, как нападение муравьеда на муравейник.

Из резервуара в приветственном жесте приподнялось тонкое серебристое щупальце, и кресло, совершающее полет под куполом огромной пещеры, резко остановилось. Марден конвульсивно вжал голову в плечи, словно пытаясь спрятаться, как он неоднократно делал в своей тюремной камере, расположенной в бывшей марсианской публичной библиотеке.

При виде знакомого вопрошающего щупальца спавший в нем восемнадцать лет ужас снова охватил его, вызывая чувство тошноты.

«Будет больно,— надрывалась его душа.— Мозги будут тереться друг о друга, пока с них не слезет шкура, и будет больно, очень больно...»

Щупальце замерло перед его лицом и изогнулось вопросительным знаком. Марден вжался в металлическую спинку кресла.

«Нет! Я ведь не обязан! Ты не можешь заставить меня! Ведь это ты теперь пленник! Ты не можешь заставить меня... не можешь заставить...»

— Марден! — раздался рев Биллингслея в наушниках.— Приступайте! И пошевеливайся, парень, пошевеливайся!

Совершенно автоматически, даже не отдавая себе отчета в том, что он делает, Марден протянул руку к щупальцу и приложил его кончик к своему старому шраму на лбу.

Его тут же охватило давно позабытое чувство полной гармонии, причастности к более высокому уровню сознания. Волны разнообразных воспоминаний захлестнули его: потоки зеленого огня, низвергающиеся с сотрясавшихся черных скал, затем они почему-то сменились чувством восторженного удивления, испытанного, когда удалось поймать бейсбольный мяч рукавицей, только что подаренной на день рождения, потом возник образ очаровательно серьезной физички, объяснявшей, каким образом некий Альберт Ферми вывел формулу $E = MC^2$,— потом все слилось воедино в каком-то многоликом танце и рассыпалось по спине нежными прикосновениями.

Но каким-то, еще остававшимся автономным, участком мозга Марден изумленно отметил, насколько это не походило на его предшествующий опыт общения с юпитерианцами. На этот раз он не испытывал никакого ужаса от вторжения в его мозг — ничего похожего на омерзительное чувство, когда в твою нервную систему впивается тысяча присосок и сосет, сосет и сосет... На этот раз никто не пытался разъять его визжащие и сопротивляющиеся мысли, и душа его не содрогалась при виде этого кровавого зрелища.

На этот раз никто не пытался расщепить его сознание.

Несомненно, за последнее десятилетие юпитерианцы сильно усовершенствовали свое контактное приспособление. И это единственное щупальце содержало теперь в себе весь сложнейший механизм для телепатической связи между двумя расами.

К тому же теперь допрос вел он. На этот раз юпитерианец беспомощно лежал под прицелами орудий в безжалостном окружении инородной среды. На этот раз юпитерианцу, а не Игорю

Мардену придется искать верные ответы на настойчивые вопросы, подбирая соответствующие символы, выражающие их смысл.

А это была огромная разница. Марден расслабился и ухмыльнулся от ощущения собственной власти.

Но дело этим не исчерпывалось. Сейчас он явно имел дело с совершенно иной личностью.

Этот пришелец с планеты, сила притяжения которой мгновенно расплющила бы Мардена, обладал неуловимым обаянием. Что-то в нем говорило не просто о тактичности и робости... но и о какой-то внутренней мягкости и сердечной открытости...

Марден сдался. Да, разница между этим юпитерианцем и тюремщиком на Марсе была столь разительной, словно они принадлежали к разным видам. Сейчас он даже получал удовольствие от соразделения своих мыслительных процессов с подобным существом! И, словно издали, до него донесся ответ юпитерианца — это чувство оказалось взаимным. Марден интуитивно ощутил, что у них есть много общего.

Впрочем, это являлось необходимым условием, если Биллингслей хотел получить нужные ему сведения. На первый взгляд могло показаться, что механизм для соединения мыслей представляет собой идеальное решение проблемы общения между такими разными расами, как земляне и юпитерианцы. На самом же деле, как стало известно Мардену в результате многомесячного прощупывания его сознания на Марсе, телепатическое устройство предоставляло лишь потенциальную возможность общения. Индивидуум мыслит образами и символами, основанными на его жизненном опыте; если же у двух индивидуумов разный жизненный опыт, они пожнут лишь плевелы неразберихи. Только после долгих и мучительных попыток Мардену и его юпитерианскому тюремщику удалось выяснить, что обычный пищеварительный процесс у людей соответствовал комбинации дыхания и напряженных физических усилий для существа, рожденного на Юпитере, а само представление о принятии ванны ассоциировалось у юпитерианцев с такой постыдной и болезненной процедурой, что после того, как они коснулись этой темы, юпитерианец не мог видеть Мардена в течение трех недель и впоследствии обращался с ним с такой брезгливостью, словно тот был мыслящим куском дерьма.

Взаимоприемлемые символы они нашли лишь перед самым освобождением Мардена. И с тех пор его держали в разведке именно в расчете на подобный случай...

— Марден! — донесся из наушников голос Старой Боеголовки.— Установили контакт?

— Да. Думаю, что да, сэр.

— Хорошо. Похоже на встречу старых однополчан, а? Можно задавать вопросы? Слизняк будет сотрудничать? Отвечайте, Марден! Что вы сидите там с раскрытым ртом?!

— Да, сэр,— поспешно откликнулся Марден.— Все готово

— Хорошо! Так, прежде всего узнайте его имя, чин и порядковый номер.

Марден покачал головой. О эта ужасающая прямолинейность военного мышления! Неизменный протокол: раз вы спрашиваете у пленного японца имя, чин и порядковый номер, значит, то же самое относится к юпитерианцу! А как быть с тем фактом, что не существовало межпланетного Красного Креста, который мог бы уведомить его семью, что можно присылать продуктовые посылки?..

Марден обратился к необъятной простыне живой материи, колыхавшейся под ним, используя в формулировке вопроса как можно более широкий набор символов. «Интересно, как будет выглядеть ответ?» — подумал он. После изучения мертвых юпитерианцев мнения разделились. Одни ученые считали, что эти существа являются позвоночными и имеют девять раздельных мозговых систем; другие же настаивали, что это обычные нервные центры, характерные для разных видов беспозвоночных, и что на самом деле мыслительные процессы протекают на поверхности их тел, покрытой изощренной формы извилинами. Никому еще не удавалось обнаружить что-либо напоминающее рот или глаза, не говоря уже об отростках, способствующих передвижению.

Вскоре Марден ощутил себя на дне бурного моря, состоящего из жидкого аммиака, среди дюжины новорожденных, льнущих к своей бесполой «матери». Кто-то, оторвавшись от стаи, поплыл прочь, и Марден последовал за ним. Оба соединились в назначенном месте кристаллизации и слились в одно существо. Охватившая его вслед за этим гордость с лихвой восполняла все потраченные усилия.

Затем он полз по какой-то причинявшей боль поверхности. Он уже здорово вырос, увеличившись в несколько раз. И Совет Нерожденных спрашивал, каков его выбор. Он выбрал мужской пол и был направлен в новое братство.

Потом наступило спаривание с маленькими безмолвными особями женского пола и очень активными бесполыми особями. Ему преподнесли много подарков. Потом он присутствовал в сырой пещере на фестивале, который был прерван сценой битвы с взбунтовавшимися рабами на одном из спутников Сатурна. Затем в глубокой печали в течение нескольких лет он пребывал в подвешенном состоянии. «Ранен? — недоумевал Марден.— Госпитализирован?»

В завершение последовала экскурсия по садку, закончившаяся живописным землетрясением.

Марден медленно впитывал сведения, переводя их на язык человеческой символики.

— Сообщаю, сэр,— наконец с некоторым колебанием произнес он в микрофон.— Они не имеют точного эквивалента, но вы можете называть его Го-Пар Пятнадцатый, служил в гарнизоне на Титане, некоторое время исполнял обязанности адъютанта командующих на Ганимеде.— Марден помедлил, прежде чем продолжить.— Он просил отметить, что его пять раз приглашали для размножения, дважды — публично.

— Какая чушь! — прорычал Биллингслей.— Выясни, почему он не сражался насмерть, как четверо остальных. Если он до сих пор утверждает, что дезертировал, узнай — почему. Лично я полагаю, что эти юпитерианцы слишком хорошие солдаты, чтобы идти на такое. Несмотря на то что они — червяки, никогда не видел, чтобы они переходили на сторону врага.

Марден передал вопрос пленнику...

И снова его увлекли в путешествие по мирам, в которых он не выжил бы и секунды. Он наблюдал за работой странных существ, давным-давно завоеванных и порабощенных юпитерианцами. Они вызвали у него такие же чувства, как и григгодоны восемнадцать лет тому назад: неужто и этой красоте было суждено погибнуть? И вдруг Марден понял, что это не его протест, но бунт существа, которое само пережило все эти события. Но они уже перенеслись в другие районы боевых действий, где довелось служить юпитерианцу.

Полученный им на этот раз ответ заставил Мардена задохнуться от изумления.

— Он говорит, что все пятеро юпитерианцев пытались дезертировать! Они готовились к этому много лет, все они были братьями по крови и по сообществу. Он говорит, что все они... ну, можно сказать — спустились на парашютах, и ни у кого из них не было при себе оружия. Как они и договаривались, каждый по-разному пытался сообщить о своей капитуляции. Лишь Го-Пару Пятнадцатому повезло. И он приветствует вас от лица еще не синтезированных мальков.

— Конкретнее, Марден. Довольно всей этой романтики. Почему они дезертировали?

— Все это очень конкретно, сэр: просто я пытаюсь передать вам не только суть, но и дух. Согласно Го-Пару Пятнадцатому, они дезертировали, потому что все были резко настроены против милитаризма.

— Че-го?!

— Это максимально близкое понятие, и оно полностью соответствует тому, что он говорит. Он говорит, что их цивилизация погрязла в милитаризме. Что влечет за собой ошибочный выбор пола молодыми при достижении взрослого состояния (эту часть я и сам не слишком хорошо понимаю, сэр), полный разброд в искусстве, которое представляет что-то среднее между картографией и садоводством, а оно, по мнению Го-Пара, чрезвычайно важно для будущего Юпитера. К тому же каждый юпитерианец теперь испытывает страшное чувство вины за то, что сделала их военная администрация с формами жизни на Ганимеде, Титане и Европе, не говоря уже о полуразумных пузырях в коре Сатурна.

— К черту эти дерьмовые пузыри в коре Сатурна! — прорычал Биллингслей.

— Го-Пар считает, что его расе нужно помешать,— спокойно продолжал Марден, с восхищением глядя на раскинувшееся красное желе, чье сознание он перефразировал,— ради ее собственного блага и на благо всех живых форм Солнечной системы. Он считает, что существа, обученные лишь ведению войны, являются, с философской точки зрения, антижизнью. Молодые юпитерианцы уже отчаялись в своей надежде, что эта экспансия может быть остановлена, когда сквозь кольцо астероидов проникло человечество. Беда только в одном: несмотря на то что мы думаем и двигаемся в три раза быстрее их, их женские особи, соответствующие нашим ученым-теоретикам, обладают гораздо более обширными познаниями и заняты более глубоким анализом проблем, что неизбежно будет обеспечивать им превосходство над нами, пока мы окончательно не будем истреблены или порабощены. Го-Пар и его братья решили изменить ситуацию после проведения ежегодной координационной сессии юпитерианского военно-воздушного флота. Они решили, что большая скорость нашего метаболизма даст нам возможность овладеть новым оружием, которое юпитерианцы только вводят в производство, что даст нам некоторое преимущество...

В наушниках поднялся невообразимый шум, после чего раздался более или менее отчетливый голос Старой Боеголовки, лишенный даже каких-либо признаков вежливости:

— ...и если ты сейчас же не начнешь подробное выяснение его особенностей, ты, паршивый сын чесоточной суки, я тебя разжалую на двенадцать степеней ниже рядового, я сдеру с тебя твою прыщавую шкуру, как только ты окажешься на этой платформе. Я лично прослежу, чтобы остаток своих отпусков ты провел вылизывая самые грязные сортиры! А ну-ка берись за дело!

Майор Марден обтер пот, выступивший над верхней губой, и приступил к выяснению особенностей оружия. «Что он себе позволяет? — бессильно возмущалось его сознание.— Я ему не мальчишка, не розовощекий юнец, чтобы выслушивать этот омерзительный солдафонский юмор! Меня овациями приветствовало Всеземное Археологическое Общество, а после доклада поздравлял сам доктор Эммануель Хощн».

Но он уже переводил сложные представления, которые Го-Пар Пятнадцатый мучительно пытался выразить в едва уловимых человеческих терминах, и его язык покорно излагал математические и физические концепции в черный микрофон, закрепленный у подбородка.

Язык выполнял полученный приказ и делал свое дело, в то время как душа Мардена корчилась от нанесенного оскорбления. И тогда в сразделенной, так сказать, части своего сознания он услышал недоуменный, сочувствующий и очень корректный вопрос, заданный интеллигентной и тактичной личностью.

Марден замер, не договорив предложения, ужаснувшись тому, что он чуть было не выдал пришельцу. Он попытался взять себя в руки, заполнить сознание приятными воспоминаниями для психологического камуфляжа. Надо же быть таким идиотом, чтобы забыть, что он не один в своем сознании!

Но в голове его снова прозвучал тот же вопрос. «Ты не являешься представителем своего народа? За тобой стоят другие... непохожие на тебя?»

«Да нет же, нет! — отчаянно ответил ему Марден.— Все это результат принципиальных различий между земным и юпитерианским образом мышления...»

— Марден! Может, ты прекратишь хлопать своими близорукими глазами и будешь заниматься делом? Продолжай, болван, нам нужно все высосать из этого червяка!

«Какие принципиальные различия?» — внезапно с яростью спросил себя Марден. Гораздо больше различий у него было с Биллингслеем, чем с этим поэтичным существом, которое, рискуя жизнью, предало собственный народ во имя сохранения жизни. Что у него общего с этим Каином, с этим самодовольным боровом, радующимся тому, что ему удалось свести все нюансы сознательной мысли к грубой и категоричной альтернативе: убей или умри! прокляни или будь проклятым! властвуй или становись рабом! Чудовище, бесстрастно мучившее его на Марсе, скорее нашло бы общий язык со Старой Боеголовкой, чем с Го-Паром Пятнадцатым.

«Значит, так и есть! — отчетливо прозвучала у него в голове мысль юпитерианца.— А теперь, друг мой, мой кровный брат,

дай мне знать, какому существу я передал это оружие. Дай мне знать, как поступал он в прошлом с властью и что от него можно ожидать в грядущих циклах рождения. Дай знать мне об этом через твое сознание, память и чувства, ибо мы понимаем друг друга».

И Марден дал ему знать.

«...к ближайшему официальному представителю человеческой расы. В результате предварительного допроса, проведенного военными властями, было выяснено много подробностей о жизни и привычках противника. К несчастью, по прошествии некоторого времени юпитерианец, вероятно, пожалел о своей капитуляции и открыл клапаны гигантского резервуара, являвшегося его космическим скафандром. Это внезапное самоубийство повлекло за собой и гибель переводчика, задохнувшегося в густом метановом облаке. Переводчик майор Игорь Марден посмертно награжден серебряным Лунным Браслетом с двумя реактивными двигателями. Самоубийство юпитерианца в настоящее время изучается нашими военными психологами, пытающимися установить, не является ли это свидетельством нестабильности ментальных процессов, что может оказаться полезным для дальнейшего ведения военных действий в космосе...»

Дитя Среды

Когда Фабиан Балик через очки без оправы в первый раз рассматривал Среду Грэшем, он еще ничего не знал о биологических противоречиях, которые столь невероятным образом составляли сущность ее организма. Он даже не заметил — пока,— что она была поразительно хорошенькой девушкой с глазами, похожими на обрызганные дождем фиалки. Поначалу он заинтересовался ею исключительно в связи с кадровой проблемой.

И ничего особенно удивительного — Фабиан был чрезвычайно целеустремленным, исключительно искренним молодым менеджером, который после нескольких стычек окончательно убедил собственные железы в том, что они должны полностью подчинить свою деятельность интересам фирмы «СЛОТЕР, СТАРК и СЛИНГСБИ: Реклама и связи с общественностью».

Среда считалась одной из лучших стенографисток в секретариате, находившемся в его непосредственном подчинении. Между тем в послужном списке девушки наблюдались незначительные, но весьма необычные отступления от правил. Они состояли из странностей, которые менее вдумчивый и честолюбивый кадровик мог бы счесть сущими пустяками, но которые Фабиан, после тщательного ознакомления с ее досье, не смог убедить себя проигнорировать. Однако это дело требовало подробного обсуждения, а у него были твердые взгляды относительно рабочего времени сотрудников.

Поэтому, к величайшему удивлению всего секретариата и самой Среды, он подошел к ней однажды в полдень и вполне хладнокровно сообщил, что сегодня они пообедают вместе.

— Очень милое место,— прокомментировал Фабиан, когда их провели за столик.— Не очень дорогое, однако, как я выяснил, по таким ценам нигде в городе не кормят лучше. И распо-

ложено на отшибе, так что никогда не бывает переполненным. Сюда приходят только те люди, которые знают, чего хотят.

Среда осмотрелась и кивнула:

— Да. Мне тоже нравится. Мы с девочками часто здесь обедаем.

Фабиан взял меню.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я сделаю заказ для нас обоих? — осведомился он.— Тут знают мой вкус. Нас обслужат как надо.

Девушка нахмурилась:

— Я ужасно извиняюсь, мистер Балик, но...

— Да? — сказал он доброжелательно, хотя был немало удивлен. Он не ожидал ничего, кроме согласия. Вероятно, девчушка просто разволновалась от его приглашения.

— Я бы хотела сама сделать заказ,— сказала она.— Я на... на особой диете.

Фабиан поднял брови, и ему понравилось, как она при этом вспыхнула. Он медленно, с достоинством кивнул и позволил себе интонацией выразить неудовольствие:

— Очень хорошо. Как вам будет угодно.

Однако через несколько секунд любопытство взяло верх и пробилось сквозь лед.

— Что же это за диета? Салат из свежих фруктов, стакан томатного сока, сырая капуста — и жареный картофель? Ведь если вы едите картофель, значит, не стараетесь похудеть?

Среда застенчиво улыбнулась:

— Нет, я не стараюсь похудеть, мистер Балик. Все эти продукты содержат много витамина С. Мне нужно очень много витамина С.

Фабиану запомнилась ее улыбка. А вот лицо девушки было каким-то неестественно бледным.

— Плохие зубы? — спросил он.

— Плохие зубы и...— она слегка высунула язык и с секунду подумала.— Главным образом, плохие зубы. Это очень милое место. Около моего дома есть похожий ресторан. Конечно, он гораздо дешевле...

— Вы живете с родителями, мисс Грэшем?

— Нет, я живу одна. Я сирота.

Фабиан подождал, когда официант поставит первое блюдо, подцепил вилкой креветку и продолжил атаку:

— И давно?

Она подняла на него глаза от салата из свежих фруктов:

— Прошу прощения, мистер Балик?

— Как давно? Сколько времени вы сирота?

— С самого раннего детства. Кто-то оставил меня на ступеньках сиротского приюта.

Фабиан заметил, что, хотя Среда и отвечала на его вопросы ровным голосом, она сосредоточенно смотрела в свою тарелку и румянец у нее на щеках выступил ярче. Может быть, подумал он, девушка стеснялась признаться в возможной незаконнорожденности? Наверняка она привыкла к этой мысли за — сколько ей могло быть? — за двадцать четыре года. Чепуха, конечно, привыкла!

— Но в анкете, заполненной при поступлении на работу, вы называете своими родителями Томаса и Мэри Грэшем.

Среда перестала есть и передвигала по столу стакан с водой.

— Это были старики, которые удочерили меня,— сказала она очень тихо.— Они умерли, когда мне исполнилось пятнадцать лет. У меня нет живых родственников.

— Насколько вам известно,— уточнил Фабиан, предупреждающе подняв палец.

К его удивлению, девушка хихикнула. Это был очень странный смешок, от которого он почувствовал себя в высшей степени неловко.

— Совершенно верно, мистер Балик. У меня нет живых родственников, о которых мне известно.— Среда посмотрела мимо него и снова усмехнулась.— О которых мне известно,— тихо повторила она.

Фабиан с беспокойством почувствовал, что как-то упускает нить интервью. Он немного повысил голос:

— А кто такой доктор Моррис Лорингтон?

Среда вновь стала внимательной. Даже правильнее было бы сказать, насторожилась.

— Доктор Моррис Лорингтон?

— Да, человек, которого вы просите известить в случае какого-либо чрезвычайного происшествия. Если с вами что-нибудь случится, пока вы у нас работаете.

Сейчас девушка выглядела явно очень настороженной. Ее глаза сузились, и она внимательно смотрела на Фабиана. Дыхание ее тоже несколько участилось.

— Доктор Лорингтон — старый друг. Он... он работал врачом в сиротском приюте. После того как Грэшемы удочерили меня, я продолжала ходить к нему каждый раз...— Она замолчала.

— Каждый раз, когда вам требовалась медицинская помощь? — предположил Фабиан.

— Да-а,— кивнула девушка, радостно улыбнувшись, словно ей предложили совершенно новую причину для посещения вра-

ча.— Я ходила к нему каждый раз, когда мне требовалась медицинская помощь.

Фабиан хмыкнул. Что-то во всем этом деле было нечисто, чувствовалось нечто неуловимо дразнящее. Однако девушка на его вопросы отвечала. Этого он отрицать не мог: безусловно, она не уходила от ответов.

— Вы не собираетесь повидаться с ним в октябре? — поинтересовался он.

Вдруг выражение настороженности исчезло, и в ее глазах появился страх.

— В октябре? — переспросила Среда с дрожью в голосе.

Фабиан прикончил последнюю креветку и вытер губы — не сводя с собеседницы взгляда.

— Да, в октябре, мисс Грэшем. Вы подали заявление о месячном отпуске, начиная с пятнадцатого октября. Пять лет назад, проработав в фирме «СЛОТЕР, СТАРК и СЛИНГСБИ» тринадцать месяцев, вы также обратились с просьбой об отпуске в октябре.

Фабиана поразило, как она испугалась. Он ощутил гордость от того, насколько оказался прав, решив во всем этом разобраться. Чувство, которое он испытывал к Среде, не сводилось к простому любопытству; это был инстинкт хорошего кадровика.

— Но я прошу отпуск за свой счет. Я не прошу, чтобы мне его оплачивали, мистер Балик. И мне не оплачивали его... в прошлый раз.

Девушка скомкала салфетку и поднесла ее к лицу. Казалось, она готова выбежать вон из ресторана через заднюю дверь. Краска полностью сошла с ее лица, и кожа стала совершенно белой.

— Тот факт, что вам не оплатят время вашего отсутствия, мисс Грэшем...— начал Фабиан, но его прервал подошедший с подносом официант.

Когда тот отошел, Фабиан с неудовольствием отметил, что Среда воспользовалась передышкой, чтобы отчасти восстановить самообладание. Хотя она все еще была бледна, на щеках у нее выступили розовые пятна, и теперь девушка сидела откинувшись на стуле, а не присев на краешек, как раньше.

— Тот факт, что вам не оплатят время вашего отсутствия, значения не имеет,— тем не менее продолжал Фабиан.— Это всего лишь логично. В конце концов, каждый год вам предоставляется двухнедельный оплачиваемый отпуск. И в связи с этим я перехожу ко второму пункту. Ежегодно вы обращались с двумя необычными просьбами. Во-первых, вы просили о дополнительном недельном отпуске за свой счет, что в целом составляет три недели. Тогда вы просили об отпуске...

— В начале весны,— закончила Среда уже совершенно спокойным голосом.— Вы усматриваете в этом какое-нибудь нарушение, мистер Балик? Поступая подобным образом, я избегаю конфликтов с другими девушками, а кроме того, фирма может быть уверена, что секретарь будет в офисе в течение всего лета.

— Здесь нет никакого нарушения per se. Под этим я разумею,— терпеливо объяснял он,— что в таком положении дел нет нарушения как такового. Но остаются неясности, возникают предпосылки для организационной путаницы. А неясности, мисс Грэшем, неясности и организационная неразбериха не должны иметь места при хорошо налаженной работе офиса.

Фабиан с удовлетворением отметил, что она снова занервничала.

— Значит ли это... вы хотите сказать мне, что... меня могут уволить?

— Не исключено,— согласился Фабиан, забыв, однако, добавить, что такое вряд ли могло произойти в подобном случае, когда, с одной стороны, секретарша в целом прекрасно справлялась с работой, а с другой стороны, была так безобидна, как Среда Грэшем. Прежде чем продолжать, он тщательно срезал с длинного куска ростбифа полоску желтого жира.— Посмотрите на это вот с какой точки зрения. Что получится, если каждая из девушек в офисе каждый год станет обращаться за дополнительным недельным отпуском — пусть даже неоплачиваемым, как тому и следует быть? А кроме того, раз в несколько лет захочет получать дополнительный месячный отпуск? Что же это у нас будет за офис, мисс Грэшем? О налаженной работе тут, безусловно, и речи быть не может.

С подобающей тщательностью пережевывая ростбиф, Фабиан следил за задумчивым выражением ее лица и внутренне радовался, что ему не пришлось выдвигать подобного рода аргументы перед какой-нибудь сотрудницей побойчее, к примеру перед Арлетт Стейн. Он знал, что тридцатилетняя вдовушка с соблазнительными бедрами тут же отрезала бы: «Но каждая девушка об этом и не просит, мистер Балик». Стейн не волновало, что подобная софистика ничего, кроме усмешки, не заслуживала.

Среда, надо отдать ей должное, была не из тех людей, кто готов ринуться в подобную контратаку. Она в растерянности покусывала губы и пыталась придумать вежливый выход из положения, как и подобает хорошему служащему. Выход существовал лишь один, и через секунду она должна была найти его.

Что она и сделала.

— Может, будет лучше...— Среда глубоко вдохнула.— Может, будет лучше, если я расскажу вам о причине... отпусков?

— Да,— ответил Фабиан искренно,— действительно, так будет лучше, мисс Грэшем. Тогда я, как менеджер офиса, смогу действовать на основании фактов, а не загадок. Я узнаю ваши причины, взвешу их, оценю их серьезность — а также вашу полезность как секретаря — и сопоставлю все это с той дезорганизацией, которую вносит ваше отсутствие в каждодневную работу фирмы «СЛОТЕР, СТАРК и СЛИНГСБИ».

— М-м-м.— Девушка казалась обеспокоенной и растерянной.— Мне бы хотелось немного подумать, если не возражаете.

Фабиан великодушно взмахнул вилкой с цветной капустой:

— О, ни в коем случае не торопитесь! Все внимательно обдумайте. Не говорите ничего такого, чего сами не хотели бы мне рассказать. Разумеется, все, что вы решите рассказать мне, останется строго между нами. Я буду рассматривать это, мисс Грэшем, как служебную информацию, а не как личную. А пока вы думаете, вполне можете начать есть свою сырую капусту, пока она не остыла,— добавил он с начальственным смешком.

Девушка кивнула ему с полуулыбкой, завершившейся вздохом, и с рассеянным видом занялась капустой.

— Видите ли,— вдруг начала она, словно нашла удачную отправную точку,— со мной иногда случаются вещи, которые не происходят с другими людьми.

— Это, я бы сказал, вполне очевидно.

— Нет, не что-то плохое. Я хочу сказать, не то, что газеты назвали бы плохим. Они... они больше, что ли, физические. Это вещи, которые могут происходить с моим телом.

Фабиан доел, откинулся на стуле и скрестил руки.

— Нельзя ли немного поконкретнее? Если...— тут его поразила чудовищная догадка,— если это не, что называется, женские проблемы. В таком случае, безусловно...

На этот раз Среда даже не покраснела.

— О нет. Вовсе нет. Во всяком случае, в очень незначительной степени. Это... другие вещи. Например, мой аппендикс. Я должна каждый год удалять аппендикс.

— Ваш аппендикс? — Фабиан пытался осмыслить услышанное.— Каждый год? Но у человека только один аппендикс. И когда его удаляют, он не вырастает снова.

— Мой вырастает. Каждый год десятого апреля у меня начинается аппендицит, и я вынуждена ложиться на операцию. Потому-то я и беру отпуск весной. А еще зубы. Каждые пять лет у меня выпадают все зубы. Они начинают выпадать примерно в это время, и у меня есть зубные пластины, которые сделали, когда я была еще маленькой,— я надеваю их, пока зубы не начинают снова расти. Потом, приблизительно в середине октября, выпадает последний зуб, и начинают идти новые. Пока они растут, я не могу носить зубные пластины и какое-то время выгляжу несколько странно. Поэтому я прошу об отпуске осенью. В середине ноября новые зубы почти вырастают, и я возвращаюсь на работу.

Среда глубоко вздохнула и застенчиво посмотрела на Фабиана. По всей видимости, это было все, что она могла рассказать. Или хотела рассказать.

Во время десерта он неотступно размышлял над ее словами. Наверняка она не лжет. Такие девушки, как Среда Грэшем, никогда не лгут. По крайней мере не до такой степени. И не своему начальнику.

— Да,— наконец произнес Фабиан,— все это, конечно, весьма необычно.

— Да,— подтвердила она,— весьма необычно.

— А у вас есть еще что-нибудь... я хочу сказать, какие-то другие странности... А, черт, есть что-нибудь еще?

Среда подумала.

— Есть. Но если вы не возражаете, мистер Балик, я бы лучше не...

Фабиан решил проявить твердость.

— Смотрите, мисс Грэшем,— строго произнес он.— Давайте оставим игры. Раз уж вы решили поделиться — причем сами и все взвесив,— то теперь я должен настаивать на том, чтобы знать полную правду и ничего, кроме полной правды. Какие еще физические затруднения вы испытываете?

Это сработало. Она чуть покачнулась на стуле, снова выпрямилась и сказала:

— Извините, мистер Балик, мне бы никогда не пришло в голову... играть с вами. Есть еще множество вещей, однако они никак не влияют на мою работу. Например, у меня на ногтях растут крохотные волоски. Видите?

Фабиан поглядел на руку, протянутую ему через стол. На блестящей твердой поверхности каждого ногтя он рассмотрел почти микроскопические волоски.

— Что еще?

— Ну, мой язык. У меня несколько волосков на нижней стороне языка. Хотя они меня не беспокоят, никак не беспокоят. И еще мой... мой...

— Да? — подбодрил Фабиан. Кто бы мог подумать, что бесцветная маленькая Среда Грэшем...

— Пупок. У меня нет пупка.

— У вас нет... Это же невозможно! — взорвался он. Фабиан почувствовал, что очки сползают у него с носа.— Пупок есть у всех! У всех живущих... У всех, кто родился.

Среда кивнула, ее глаза расширились и неестественно блестели.

— Может быть,— начала она и вдруг неожиданно расплакалась. Девушка закрыла лицо ладонями и всхлипывала сквозь них. От рыданий — горьких, отчаянных — ее плечи поднимались и опускались, поднимались и опускались.

Фабиан остолбенел, что сделало его совершенно беспомощным. Никогда раньше, никогда в жизни ему не доводилось сидеть в переполненном ресторане с рыдающей девушкой.

— Ну, мисс Грэшем... Среда,— он ухитрился выйти из оцепенения и с раздражением услышал высокие и испуганные нотки в своем собственном голосе.— Ну зачем вы так? Конечно же, так не надо. А? Среда?

— Может быть,— пробормотала она между всхлипываниями,— м-может быть, это и есть ответ.

— Какой ответ? — громко спросил Фабиан, в отчаянной надежде вовлечь ее в какой-нибудь разговор.

— Что... что родилась. Может... может... я не родилась. М-может, м-м-меня сделали!

И тут, как будто до этого у нее была просто разминка, у Среды действительно началась истерика.

Фабиан Балик наконец понял, что ему нужно сделать. Он расплатился, обнял девушку за талию и полувынес ее из ресторана.

Маневр удался. Она начала успокаиваться, едва оказавшись на свежем воздухе. Оперлась о стену здания и уже не плакала, только ее плечи вздрагивали, но все реже и реже. Наконец Среда икнула и, шатаясь, повернулась к нему. Можно было подумать, что ее лицо нарочно терли скипидарной тряпкой художника.

— Из-звините. Мне уж-жасно ж-жаль. Со мной такого уже много лет не было. Но... видите ли, мистер Балик... я много лет не говорила о себе.

— Тут на углу есть отличный бар,— перебил он, почувствовав огромное облегчение. Какое-то время ему казалось, что она будет плакать целый день! — Давайте забежим туда, и я чего-нибудь выпью. А вы можете зайти в дамскую комнату и привести себя в порядок.

Фабиан взял девушку за руку и отвел в бар. Там он забрался на высокий стул и заказал себе двойную порцию бренди.

Вот это приключение! И какая странная, странная особа! Конечно, ему не следовало так на нее давить, особенно в отношении того, к чему она столь болезненно относилась. Впрочем, разве он виноват, что девица так чувствительна?

Фабиан тщательно и всесторонне рассмотрел данный вопрос и решил его в свою пользу. Нет, определенно, он не виноват.

Но какая история! Надо же, подкидыш, аппендикс, эти зубы, волосы на ногтях и языке... И наконец — нет пупка!

Надо все обдумать. Возможно, тогда он и придет к какому-нибудь мнению. Но в одном он был уверен, уверен так же, как в собственных способностях к руководящей работе: Среда Грэшем не солгала ни в одной мелочи. Среда Грэшем просто была не из тех девушек, которые выдумывают о себе разные захватывающие истории.

Когда она снова присоединилась к нему, Фабиан уговорил ее выпить.

— Это поможет вам взять себя в руки.

Она отнекивалась, говорила, что почти не пьет. Однако он настаивал, и Среда сдалась:

— Мне все равно. Закажите вы, мистер Балик.

Втайне Фабиану очень нравилось ее послушание. Не делает замечаний, не дерзит, как большинство других... Хотя за что это она могла делать ему замечания?

— Вы все еще слегка не в себе. Когда вернемся, не ходите на свое место, а ступайте прямо к мистеру Осборну и закончите диктовку. Незачем давать девушкам повод для разговоров. Я за вас распишусь.

Она покорно склонила голову и продолжала отхлебывать из маленькой рюмки.

— А что это вы такое сказали в ресторане — я уверен, вы не возражаете, чтобы мы обсудили это сейчас,— насчет того, будто вы не родились, а были сделаны? Странные, согласитесь, слова.

Среда вздохнула:

— Это не моя мысль. Доктора Лорингтона. Много лет назад, когда он обследовал меня... ну, в общем, у него сложилось впечатление, будто меня сделал... дилетант. Сделал кто-то, у кого не было всех чертежей, или он их не понимал, или работал кое-как.

— Гм-м.— Фабиан заинтригованно уставился на нее. Среда выглядела совершенно нормально. Даже, собственно говоря, лучше, нежели нормально. А между тем...

Позже днем он позвонил Джиму Радду и договорился о встрече сразу после работы. В колледже Джим Радд жил с ним в одной комнате, а теперь он был врачом и наверняка сумеет внести в это дело ясность.

Но Джим Радд не очень-то ему помог. Он терпеливо выслушал рассказ Фабиана о «девушке, с которой я недавно познакомился», а когда тот закончил, откинулся на спинку новенького крутящегося кресла и вытянул губы в сторону своего диплома — тот в аккуратной рамке висел на противоположной стене.

— Фаб, ты точно помешан на таинственных женщинах. Ты такой потрясающе организованный, уравновешенный, педантичный парень, у тебя настоящий талант ко всяким земным вещам. И ты всегда находишь себе самых невероятных женщин! Впрочем, это твое личное дело. Может, у тебя такой способ вносить в ежедневную рутину немного экзотики. А может, это протест против серости бакалейной лавки твоего отца.

— В этой девушке нет ничего таинственного,— раздраженно ответил Фабиан.— Простая маленькая секретарша, очень хорошенькая, вот и все.

— Будь по-твоему. Для меня она таинственная. По мне, она мало чем отличается — если судить из твоих слов — от той чокнутой белогвардейской русской дамы, вокруг которой ты увивался, когда мы учились на первом курсе. Ты знаешь, кого я имею в виду... как ее звали?

— Сандра? Слушай, Джим, да что с тобой? Сандра была ящиком с динамитом, который всегда взрывался прямо мне в лицо. А эта девчушка бледнеет и умирает, стоит мне только повысить голос. К тому же я действительно был влюблен в Сандру, как щенок. А с этой девушкой — я тебе уже говорил — я только что познакомился и к ней ровным счетом ничего не испытываю.

Молодой доктор усмехнулся:

— Поэтому ты пришел ко мне в офис, чтобы проконсультироваться!.. Ладно, дело твое. Что ты хотел узнать?

— В чем причина всех этих... этих физических особенностей?

Доктор Радд встал с кресла и уселся на край письменного стола.

— Во-первых,— сказал он,— соглашаешься ты с этим или нет, но она — человек с очень расстроенной психикой. На это указывает истерика в ресторане, и фантастический вздор, который она плела тебе о своем теле, говорит о том же. Так что здесь у тебя уже кое-что есть. Если хотя бы один процент из того, что она рассказала, правда, то это можно было бы объяснить в терминах психосоматической неуравновешенности. Медицине пока не очень понятно, как подобные механизмы работают, но одно представляется несомненным: всякий, у кого сильно расстроена психика, также обязательно обладает и физическими расстройствами.

Фабиан некоторое время обдумывал эти слова.

— Джим, ты просто не представляешь себе, что значит для заурядной секретарши сказать неправду менеджеру офиса! Раздругой могут что-нибудь выдумать, почему вчера не явилась на службу, это да, но не такие истории, и не мне.

Радд пожал плечами:

— Не знаю, кем они там тебя воображают: я у тебя не работаю, Фаб. Но все, что ты говоришь, для психа значения не имеет. А я вынужден считать ее именно психом. Слушай, кое-что из того, что она тебе рассказала, невозможно, кое-что описано в медицинской литературе. Например, известны надежно задокументированные случаи, когда в течение жизни у человека несколько раз менялись зубы. Это биологические курьезы, встречаются один раз на миллион индивидов. А остальное? И все случилось с одним человеком? Я тебя умоляю!..

— Кое-что я видел сам. Я видел волосы у нее на ногтях.

— Ты видел что-то у нее на ногтях. Это может быть все что угодно из десятка различных вариантов. Я уверен в одном: это не волосы. Вот тут-то она и выдала себя. Черт возьми, парень, волосы и ногти — фактически один и тот же орган. Один не может расти на другом!

— А пупок? Отсутствие пупка?

Джим Радд вскочил на ноги и начал быстро шагать по кабинету.

— Хотелось бы мне знать, зачем я теряю с тобой столько времени? — пожаловался он.— Человек без пупка или вообще любое млекопитающее без пупка — то же самое, что насекомое с температурой тела тридцать семь и семь! Этого просто не может быть. Такого не существует.

Казалось, доктор Радд все больше и больше расстраивается, обсуждая этот вопрос. Он ходил по кабинету и все время отрицательно качал головой.

Фабиан предложил:

— Предположим, я привожу ее к тебе в кабинет. И, предположим, ты обследуешь ее и не находишь пупка. Просто вообрази на секунду. Что бы ты тогда сказал?

— Сказал бы, что это пластическая хирургия,— немедленно ответил доктор.— Напоминаю: я совершенно убежден, что она никогда не проходила такого обследования, но если проходила и пупка не оказалось, то единственный ответ — пластическая хирургия.

— С какой стати кому-то придет в голову делать пластическую операцию на пупке?

— Не знаю. Не имею ни малейшего понятия. Возможно, несчастный случай. Или безобразное родимое пятно на этом месте. Однако позволь тебе сказать, что останутся шрамы. Она должна была родиться с пупком.

Радд вернулся к столу и взял бланк рецепта.

— Фаб, давай-ка я напишу тебе адрес хорошего психиатра. Еще во время той истории с Сандрой я подумал, что у тебя есть какие-то личные проблемы, которые однажды могут выйти из-под контроля. Этот человек — один из лучших...

Мистер Балик удалился.

Когда Фабиан предложил ей встретиться вечером, то увидел, что она ужасно разнервничалась. Так обычно не волнуются даже по поводу свидания с боссом, поэтому Фабиан был озадачен. Но он выжидал и развлекал девушку по полной программе. Под конец вечера, после ужина и после театра, когда они сидели с бокалами вина в уголке маленького ночного клуба, он спросил об этом прямо:

— Среда, ты не часто ходишь на свидания, так ведь?

— Нет, не часто, мистер Балик — то есть Фабиан,— ответила она и смущенно улыбнулась, вспомнив, что ей на вечер дана привилегия называть его по имени.— Обычно мы ходим куда-нибудь с подругами. Обычно я отказываюсь от свиданий.

— Почему? Так ты не сможешь найти мужа. Ведь ты хочешь выйти замуж?

Среда медленно покачала головой:

— Не думаю. Я... я боюсь. Не замужества — детей. Я не думаю, что такой человек, как я, должен иметь ребенка.

— Чепуха! Разве есть тому какие-нибудь рациональные противопоказания? Чего ты боишься — что родится чудовище?

— Я боюсь, что может родиться... что угодно. Я думаю... если у меня такое... такое странное тело, то не следует рисковать с ребенком. Доктор Лорингтон тоже так считает. А потом еще это стихотворение.

Фабиан поставил бокал на стол.

— Стихотворение? Какое стихотворение?

— Да знаете — про дни недели. Я выучила его, когда была маленькой, и оно еще тогда меня напугало. Оно вот как звучит:

Ребенок понедельника лицом хорош,
Ребенок вторника мил и пригож,
С ребенком среды хлопот полон рот,
Ребенок четверга далеко пойдет,
Ребенок пятницы все отдает...

И так далее. Когда я жила в приюте, я часто говорила себе: «Я — Среда. Я не такая, как другие девочки. Я многим отличаюсь от них. И мой ребенок...»

— А кто тебя так назвал?

— Меня оставили около приюта в канун Нового года — в среду утром. Поэтому и решили так назвать, особенно когда увидели, что у меня нет пупка. А потом — я вам рассказывала,— когда Грэшемы меня удочерили, я взяла их фамилию.

Фабиан крепко сжал руку сотрудницы своими ладонями. И с удовольствием почувствовал, что ногти у нее все-таки волосатые.

— Ты очень хорошенькая девушка, Среда Грэшем.

Увидев, что он говорит это искренно, она вспыхнула и опустила глаза.

— И у тебя действительно нет пупка?

— Нету. Действительно.

— А чем еще ты отличаешься? — спросил Фабиан.— Я имею в виду, кроме того, о чем ты рассказывала.

— Ну,— она задумалась.— *Вот еще мое кровяное давление.*

— Расскажи,— попросил он.

И она рассказала.

Через два дня Среда сообщила Фабиану, что с ним хочет встретиться доктор Лорингтон. Наедине.

Весь путь до окраины города он прошел пешком, от волнения покусывая костяшки пальцев. Ему хотелось задать столько вопросов!

Доктор Лорингтон был высоким, весьма немолодым мужчиной с бледной кожей и совершенно седыми волосами. Двигаясь очень медленно, он жестом пригласил Фабиана сесть в кресло и посмотрел ему в лицо внимательно и тревожно.

— Среда говорит мне, что вы часто встречаетесь с ней, мистер Балик. Могу я спросить, с какой целью?

Фабиан пожал плечами:

— Мне нравится эта девушка. Она меня интересует.

— Интересует — как? Интересует в клиническом смысле, как интересный экземпляр?

— Что за странная формулировка, доктор! Она красивая девушка и очень милая, почему она должна интересовать меня как какой-то экземпляр?

Доктор погладил невидимую бороду, все еще пристально рассматривая Фабиана.

— Она красивая девушка,— согласился он,— но красивых девушек много. Вы, очевидно, честолюбивый молодой человек,

и так же очевидно, что вы отнюдь не принадлежите к ее классу. Из того, что Среда рассказала мне,— а должен вас уверить, что говорила она только хорошее,— у меня сложилось вполне определенное впечатление: вы смотрите на нее как на некий экземпляр, но на экземпляр, скажем так, к которому вы испытываете тягу коллекционера. Откуда в вас это чувство, я понять не могу, поскольку очень мало о вас знаю. Тем не менее, какие бы дифирамбы она вам ни пела, у меня есть серьезные основания считать, что вы не испытываете к ней естественного, обычного эмоционального интереса. А теперь, когда я вас увидел, я вполне убедился, что так оно и есть.

— Рад слышать, что она поет мне дифирамбы.— Фабиан попытался изобразить что-то вроде застенчивой улыбки.— Вам не о чем беспокоиться, доктор.

— Думаю, что беспокоиться есть о чем, и о многом. Откровенно говоря, мистер Балик, ваша внешность подтвердила мои прежние впечатления: определенно могу сказать, что вы мне не нравитесь. Более того, мне не нравится ваше отношение к Среде

Фабиан секунду подумал и пожал плечами:

— Очень жаль. Только вряд ли она будет считаться с вашим мнением. Она слишком долго жила без мужского окружения, и ей слишком льстит, что я ухаживаю за ней.

— Ужасно боюсь, что вы правы. Послушайте меня, мистер Балик. Я очень привязан к Среде и знаю, насколько она доверчива. Я прошу вас, почти как отец, оставить ее в покое. Я заботился о ней с тех самых пор, как бедняжка оказалась в сиротском приюте. Я несу ответственность за то, что сохранил в тайне ее случай и он не попал в медицинские журналы. Я сделал это для того, чтобы дать ей хоть какой-то шанс на нормальную жизнь. Теперь я отошел от практики, Среда Грэшем — мой единственный постоянный пациент. Неужели вы не можете отыскать в своем сердце хоть немного доброты и больше не встречаться с ней?

— А что это значит, будто она сделана, а не родилась? — перешел в наступление Фабиан.— Она говорит, так вы заявили.

Старик вздохнул и долго качал головой.

— Это единственное разумное объяснение,— наконец с грустью сказал доктор.— Принимая во внимание соматические неточности и противоречия.

Фабиан сцепил руки и в задумчивости потерся локтями о ручки кресла.

— Вы когда-нибудь допускали, что может существовать другое объяснение? Вдруг она мутант, новый продукт человеческой

эволюции или отпрыск существ из другого мира, которые, скажем, случайно оказались на этой планете?

— В высшей степени маловероятно,— ответил доктор Лорингтон.— Ни одно из ее физических отклонений не является особенно полезным в какой-либо мыслимой окружающей среде, возможно, за исключением постоянно обновляющихся зубов. И ни одно из этих отклонений не смертельно. Они скорее попросту неудобны. Как врач, который за свою жизнь исследовал множество людей, я бы сказал, что Среда полностью, безусловно является человеком. Она просто несколько... как бы это выразиться... дилетантская.

Доктор выпрямился в кресле.

— И еще кое-что, мистер Балик. Я считаю, что чрезвычайно нежелательно таким людям, как Среда, заводить собственных детей.

У Фабиана глаза загорелись любопытством.

— Почему? Какими будут дети?

— Они могут быть абсолютно любыми, даже самыми невообразимыми. При таком беспорядке в нормальной физической системе модификации репродуктивных функций также могут быть огромны. Поэтому я и прошу вас, мистер Балик, перестать видеться со Средой, не подталкивать ее к мыслям о замужестве. Я убежден, что именно эта девушка не должна иметь детей!

— Ладно.— Фабиан встал и протянул руку.— Очень вам благодарен, доктор, за ваше время и заботу.

Доктор Лорингтон поднял голову и посмотрел на Фабиана долгим взглядом. Потом, не пожимая ему руки, произнес спокойным ровным голосом:

— Всегда рад вас видеть. До свидания, мистер Балик.

Среда, естественно, страдала из-за того, что близкие ей мужчины не понравились друг другу. Однако не вызывало никаких сомнений то, чью сторону она примет в случае кризиса. Долгие годы полного эмоционального голода привели к безудержному обжорству. Как только Среда позволила себе думать о Фабиане в романтическом духе, она пропала. Она даже сказала ему, что, работая в офисе,— где они удачно скрывали свои развивающиеся отношения,— старалась исключительно ради него.

Фабиану преклонение молоденькой секретарши очень нравилось. Большинство женщин, с которыми он был знаком, начинали относиться к нему со все возрастающим презрением по мере того, как шло время. Среда же день ото дня все больше им восхищалась, становилась все податливее, все зависимее.

Правда, ее ни в коем случае нельзя было назвать очень умной, зато она была, говорил он себе, исключительно хорошенькой и потому вполне презентабельной. Чтобы обезопасить себя, он, под предлогом обсуждения сугубо кадровых вопросов, нашел случай исповедаться мистеру Слотеру, старшему компаньону фирмы: мимоходом упомянул, что его заинтересовала одна из девушек в секретариате. Не будет ли у высшего руководства возражений против этого?

— Возможно, заинтересовала до такой степени, чтобы жениться? — спросил мистер Слотер, изучая Фабиана из-под невероятно густых бровей.

— Возможно. Это было бы очень хорошо, сэр. Если у вас нет воз...

— Никаких возражений, мой мальчик, никаких возражений! Мне, как правило, не нравятся сотрудники, которые флиртуют со своими секретаршами, но если все это делается тихо и кончается браком, то для офиса это может быть даже очень полезно Мне бы хотелось видеть тебя женатым и остепенившимся. Это, возможно, и других одиноких людей у нас наведет на разумные мысли. Только предупреждаю тебя, Балик: ни-ни. Шуры-муры, особенно в рабочее время, исключены!

Вполне довольный, Фабиан теперь посвятил себя тому, чтобы отделить Среду от доктора Лорингтона. Он обратил ее внимание на то, что старик долго не протянет и нужен постоянный врач, который был бы достаточно молодым, чтобы помогать ей в затруднительных случаях на протяжении всей жизни. Молодой доктор вроде Джима Радда, например.

Среда всхлипывала, однако подолгу ссориться с Фабианом совершенно не могла. В конце концов она поставила лишь одно условие — чтобы доктор Радд сохранял ту секретность, которую некогда ввел Лорингтон. Она не хотела становиться курьезом медицинских журналов или газетной сенсацией.

Фабиан согласился, и отнюдь не только из великодушия Ему хотелось, чтобы ее странности принадлежали только ему. Сандру он носил на груди, как пылающий бриллиант, висящий на цепочке. А Среду он станет хранить в крохотном замшевом мешочке, время от времени рассматривая ее в одиночестве, как скупец

А через какое-то время у него может появиться и другой бриллиант, поменьше...

Джим Радд согласился на его условия. И был поражен.

— Совершенно никакого пупка! — воскликнул он, выйдя в приемную к Фабиану после первого осмотра.— Я пальпировал

кожу в поисках шрамовой ткани, но на нее нет даже и намека. Да это еще что! У девушки нет различимых систол и диастол. Старик, ты понимаешь, что это значит?

— В настоящий момент это меня не интересует,— сказал Фабиан.— Может, позже. Ты думаешь, сможешь помочь ей со всеми этими физическими проблемами, если они возникнут?

— Да, разумеется. Во всяком случае, не хуже, чем тот старый доктор.

— А как насчет детей? У нее могут быть дети?

Радд развел руками:

— Почему бы нет? Несмотря на все свои особенности, Среда — на удивление здоровая молодая женщина. И у нас нет никаких оснований считать, что ее состояние — как бы мы его ни называли — наследственное. Конечно, в какой-то мере это возможно, но на основании свидетельств...

Они поженились прямо перед началом отпуска Фабиана, в городской ратуше. После обеда молодые вернулись в офис и всем об этом сообщили. Фабиан уже нанял нового секретаря вместо своей жены.

Через два месяца он добился того, что Среда забеременела.

Его поразило, как она расстроилась, особенно если принять во внимание, что с самого начала семейной жизни он приучал ее к кротости. Фабиан пытался быть непреклонным и сказал ей, что и слушать не желает никакого вздора. Доктор Радд считает, что есть все основания ожидать рождения нормального ребенка, и все. Однако это не сработало. Тогда он попробовал мягкий юмор, лесть. Даже брал жену на руки и говорил, что любит ее слишком сильно, чтобы не хотеть маленькую девочку, похожую на нее. Не сработало и это.

— Фабиан, дорогой,— стонала Среда — Ну как ты не понимаешь? У меня не должно быть детей. Я не такая, как другие женщины.

Наконец он прибег к тому, что берег в качестве последнего резерва вот на такой экстренный случай: взял с полки книгу и раскрыл ее.

— Я понимаю,— сказал он.— В тебе говорит наполовину доктор Лорингтон с его предрассудками девятнадцатого века и наполовину — дурацкий маленький фольклорный стишок, который ты прочитала в детстве и который произвел на тебя жуткое впечатление. Так вот, с доктором Лорингтоном я поделать ничего не могу, зато кое-что могу сказать тебе об этом стихотворении. Прочитай-ка.

Она прочитала:

Б. Л. ФАРДЖЕОН
ДНИ РОЖДЕНИЯ

Ребенок понедельника лицом хорош,
Ребенок вторника мил и пригож,
Ребенок среды щедро все отдает,
Ребенок четверга трудится весь год,
С ребенком пятницы хлопот полон рот,
Ребенок субботы далеко пойдет,
Воскресный ребенок и весел, и смел,
Здоров и талантлив — во всем преуспел

Среда подняла глаза и смахнула слезы с ресниц.

— Но я не понимаю,— озадаченно пробормотала она,— это не то, которое я читала.

Фабиан сел рядом с ней и терпеливо объяснил:

— В том стихотворении, которое читала ты, переставлены две строчки, правильно? У детей среды и четверга были те строки, которые в этом варианте у детей пятницы и субботы, и наоборот. Так вот, первоначально это было старинное девонширское стихотворение, и никто наверняка не знает, какая из версий правильная. Я разыскал его специально для тебя. Мне просто хотелось показать тебе, какая ты была глупенькая, основывая все свое отношение к жизни на нескольких стихах, которые можно прочитать в любой последовательности, не говоря уж о том, что они были написаны за несколько веков до того, как кому-то пришло в голову назвать тебя Средой.

Она обняла Фабиана и крепко прижалась к нему:

— Фабиан, дорогой! Не сердись на меня. Просто я так... так боюсь!

Джим Радд тоже был немного обеспокоен.

— О, я вполне уверен, что все будет в порядке, но мне бы хотелось подождать, немного лучше познакомиться с пациентом. И еще одно, Фаб: потребуется первоклассный акушер. Мне никогда и в голову не приходило делать это самому. Я смогу договориться, чтобы он молчал — насчет Среды и все такое. Но как только она попадет в приемный покой, то тут никаких гарантий уже быть не может. В ней слишком много всяких странностей — какая-нибудь медсестра обязательно заметит.

— Сделай все по высшему классу,— попросил товарища Фабиан.— Мне не хочется, чтобы моя жена оказалась в центре дешевой шумихи, если это возможно. Ну а если нет, то пора Среде учиться жить в реальном мире.

Период беременности проходил достаточно хорошо, никаких осложнений, помимо обычных, почти не было. Специалист-акушер, которого нашел Джим Радд, был так же заинтригован странностями Среды, как и все остальные, но он сказал им, что беременность протекает своим чередом и плод, по-видимому, развивается удовлетворительно.

Среда снова стала веселой и жизнерадостной. Если не принимать во внимание ее маленькие страхи, рассуждал Фабиан, она оказалась на удивление хорошей и расторопной женой. Хотя Среда и не блистала на вечеринках, где они встречались с другими супружескими парами из «СЛОТЕР, СТАРК и СЛИНГСБИ», но и ни разу не совершила какого-нибудь заметного опрометчивого шага. Фабиан достаточно привязался к ней, поскольку она безоговорочно подчинялась ему во всех мелочах и ему совершенно не на что было жаловаться.

Днем Фабиан был в офисе, вникая в сухие мелкие детали делопроизводства и кадровых вопросов, причем справлялся со своими обязанностями куда лучше, чем ранее. А вечера и выходные проводил с человеком, которого имел все основания считать самой необыкновенной женщиной на Земле. Он испытывал огромное удовлетворение.

Незадолго до родов Среда умоляла разрешить ей только один раз съездить к доктору Лорингтону. Фабиану пришлось отказать — хоть и с сожалением, но твердо.

— Среда, дело не в том, что он даже не прислал нам поздравительной телеграммы или подарка на свадьбу. На самом деле мне это безразлично. Я не тот человек, который держит зло. Но ты сейчас в хорошей форме. Ты преодолела большинство своих глупых страхов. А Лорингтон возьмет да и опять их оживит.

И она по-прежнему делала то, что он говорил. Без споров, без жалоб. Она и правда была хорошей женой. Фабиан с нетерпением ждал появления ребенка.

Однажды ему позвонили в офис из больницы. У Среды начались схватки прямо на приеме у акушера. Ее срочно доставили в больницу, и вскоре после этого она родила девочку. И мать, и ребенок чувствовали себя хорошо.

Фабиан открыл коробку сигар, которую берег специально для подобного случая. Он угостил ими коллег и получил поздравления от всех, вплоть до мистера Слотера, мистера Старка и обоих мистеров Слингсби. После этого он поехал в больницу.

Фабиан вошел в родильный корпус и сразу же почувствовал что-то неладное. Люди как-то странно смотрели на него, а по-

том быстро отводили глаза. Он слышал, как медсестра сказала у него за спиной: «Это, наверно, отец». У него пересохли губы.

Мистера Балика отвели к жене. Среда лежала на боку, поджав ноги к животу. Она тяжело дышала и, кажется, была без сознания. Что-то в ее позе заставило его ощутить острое неудобство, однако он никак не мог понять, что же именно.

— Я думал, роды должны были быть естественными,— сказал Фабиан.— Она говорила мне, что вы не собираетесь применять анестезию.

— Мы не применяли анестезию,— ответил ему акушер.— Теперь давайте пройдем к вашему ребенку, мистер Балик.

Молодому отцу повязали на лицо маску и провели его в стеклянную комнату, где новорожденные младенцы лежали в крохотных кроватках. Он двигался медленно, неохотно, в голове разрасталась пронзительная мелодия непостижимого бедствия.

Медсестра вытащила ребенка из кроватки, которая стояла в углу, в стороне от других. Когда Фабиан подошел поближе, то почувствовал огромное облегчение, увидев, что ребенок выглядит абсолютно нормально. Никаких видимых отклонений не было. Дочь Среды не будет уродом.

Вдруг младенец протянул к нему руки.

— О, Фабиан, дорогой мой,— прошепелявил он беззубыми деснами и таким ужасно знакомым голосом.— О, Фабиан, дорогой, случилась самая странная, самая невероятная вещь!

Проект «Тсс»

Секретность? Мы были такими засекреченными, насколько это вообще возможно, чтобы еще существовать. Послушайте, вы знаете, как нас называли в официальных армейских документах?

Проект «Тсс».

Можете себе представить. А впрочем, если хорошенько подумать, то, конечно, не можете.

Все, разумеется, помнят жуткую шпионскую лихорадку, которая охватила нашу страну с конца шестидесятых годов, когда за каждым должностным лицом по имени Том следило другое должностное лицо по имени Дик, а некто по имени Гарри следил за обоими — причем Гарри не имел ни малейшего представления о той работе, которой занимается Том, поскольку существовал определенный предел, до которого можно доверять даже ребятам из контрразведки...

Но чтобы действительно все это прочувствовать, надо было работать в совершенно секретном армейском проекте. Где несколько раз в неделю ты сдавал отчет в Отдел психологии о ДС и ГА (Детализация снов и Гипноанализ, если кому-то из беспечных штатских непонятно). Где даже генерал, командующий укрепленным исследовательским центром, к которому ты был приписан, не мог под угрозой трибунала поинтересоваться, чем, черт возьми, ты здесь занимаешься,— и должен был закрывать собственное воображение, словно водопроводный кран, всякий раз, когда слышал взрыв. Где ваш проект даже не фигурировал в военном бюджете под своим названием, а проходил в рубрике «Многоаспектное исследование Х» — в графе, каждый год собиравшей все более крупные ассигнования и разраставшейся, будто катящийся под гору снежный ком. Где...

Ну да ладно. Может, вы еще и сами все помните.

Так вот, как я уже сказал, мы назывались Проект «Тсс».

Целью нашего проекта было не только достигнуть поверхности Луны и построить там постоянную станцию с первоначальным личным составом в два человека; это мы уже сделали в слегка исторический день 24 июня 1967 года. Гораздо важнее в те безумные времена всеобщего помешательства на оружии, когда страх перед водородной бомбой вверг нацию в липкую пучину массовой истерии, было добраться до Луны раньше всех других и так, чтобы никто другой об этом не знал.

Мы совершили посадку у северной оконечности Моря Облаков и, после того как с подобающими церемониями водрузили флаг, переключились на выполнение реальных задач, многократно отработанных на земном полигоне. Майор Монро Гридли готовил большую ракету с крошечным отсеком, в котором он один должен был отправиться в обратное путешествие на Землю.

Подполковник Томас Хоторн тщательно проверял запасы провизии и оборудование на предмет возможных повреждений при посадке.

А я, полковник Бенджамин Райс, первый командир Армейской базы № 1 на Луне, вытаскивал из корабля на своей разламывающейся от боли академической спине огромные тюки и складывал их на том месте, где будет построен пластиковый купол.

Мы закончили приблизительно одновременно, как и предусматривалось графиком, и приступили к Фазе Два.

Монро и я начали возводить купол. Это была простая готовая конструкция, однако достаточно громоздкая и требовавшая чертову прорву монтажа. Когда мы закончили, перед нами встала настоящая проблема — установка всего комплекса внутреннего оборудования и приведение его в рабочее состояние.

Тем временем Том Хоторн погрузил свой толстый зад в одноместную ракету, служившую одновременно и спасательной шлюпкой, и взлетел.

В соответствии с графиком он должен был совершить разведывательный трехчасовой облет по расширяющейся спирали. Считалось, что это, вероятно, бесполезная трата времени, горючего и рабочей силы, но тем не менее необходимая предосторожность. Тому предстояло проверить, не выбрались ли какие-нибудь насекомообразные чудовища погулять по Луне. Помимо этого, съемки, произведенные Томом, должны были дать дополнительный геологический и астрономический материал для отчета, который Монро доставит в штаб армии на Земле.

Том вернулся через сорок минут. Его круглое лицо внутри прозрачного пузырька шлема было белым как мел. Такими же стали и наши лица, когда он рассказал о том, что видел.

Он видел другой купол.

— На другой стороне Моря Облаков — в Рифейских горах. Немного больше, чем наш, и более плоский сверху. И он не полупрозрачный с разноцветными пятнами тут и там, а матовый, темно-серый. Вот все, что удалось рассмотреть.

— На куполе никаких обозначений? — обеспокоенно спросил я.— Никого и ничего вокруг него?

— Нет, полковник.

Я заметил, что с начала экспедиции он впервые обратился ко мне по званию. По сути Том говорил: «Парень, решение принимать тебе!»

— Эй, Том,— вмешался Монро.— А это не может быть правильной формы выпуклость поверхности, как думаешь?

— Монро, я геолог и вполне способен отличить естественную топографию от искусственной. Кроме того,— он посмотрел вверх,— я кое-что вспомнил, о чем не рассказал. Там около купола совсем новенький маленький кратер — какие обычно остаются от ракетных двигателей.

— Ракетных двигателей?

Том сочувствующе усмехнулся:

— От выхлопа космического корабля, точнее говоря. По виду кратера невозможно определить, какое тяговое устройство используют эти типы. Кратер не такой, что оставляют наши задне-реактивные, если это важно.

Разумеется, это было важно. Итак, мы забрались в корабль и устроили военный совет. Именно военный. Как Том, так и Монро через каждое слово величали меня полковником. Я как можно чаще называл их по именам.

Тем не менее никто, кроме меня, не мог принять решение. Я хочу сказать, насчет того, что делать дальше.

— Смотрите,— наконец произнес я.— Вот возможные варианты. Они знают, что мы здесь. Либо видели, как мы садились несколько часов назад, либо засекли разведывательный корабль Тома. Или они не знают, что мы тут. Они либо люди с Земли — и в таком случае это, по всей вероятности, представители враждебных государств, либо пришельцы с другой планеты — в таком случае они могут оказаться друзьями, врагами или кем угодно. Думаю, здравый смысл и стандартная военная практика требуют, чтобы мы рассматривали незнакомцев как врагов до тех пор, пока не получим подтверждения обратного. А пока мы будем продолжать работу, принимая все меры предосторож-

ности, дабы не спровоцировать межпланетную войну с потенциально дружественными марсианами, или кто они там такие.

Ладно. Жизненно важно, чтобы штаб армии был информирован о происходящем немедленно. Однако, поскольку радиосвязь Луна — Земля пока еще находится в стадии разработки, мы можем добиться цели, только послав обратно Монро. Если мы это сделаем, то возникнет опасность, что наш гарнизон в лице Тома и меня может быть захвачен до его возвращения. В таком случае сторона незнакомцев получает в свое распоряжение важную информацию относительно нашего личного состава и оборудования, в то время как наша сторона располагает лишь поверхностными сведениями о том, что кто-то или что-то основал базу на Луне. Таким образом, в первую очередь нам необходима информация.

Поэтому я предлагаю следующее. Я нахожусь в куполе и поддерживаю телефонную связь с Томом, который сядет в корабль, положит руку на ключ зажигания и будет готов вылететь на Землю, как только получит мой приказ. Монро долетит на одноместнике до Рифейских гор и сядет настолько близко к их куполу, насколько сочтет безопасным. Далее он пойдет пешком и проведет самую тщательную разведку, какую только можно выполнить в скафандре.

Он не будет пользоваться радиосвязью, за исключением бессмысленных кодовых слогов, чтобы сообщить о посадке одноместника, приближении к куполу пешком и предупредить меня в случае необходимости дать Тому команду на взлет. Если его захватят, то, памятуя, что главной задачей разведчика является сбор и передача сведений о противнике, он включит свой передатчик на полную мощность и сообщит нам столько данных, сколько позволят время и реакция врага. Ну, что скажете?

Они кивнули. Им-то что — командир решение принял. А меня покрывал двухдюймовый слой пота.

— Один вопрос,— промолвил Том.— Почему ты выбрал для разведки Монро?

— Я боялся, что ты об этом спросишь,— ответил я.— Нас здесь три доктора наук, работающих в армии. Все мы исключительно неатлетичны. Так что выбор невелик. Однако я помню, что Монро наполовину индеец — арапахо, правильно, Монро? — и надеюсь, что кровь даст о себе знать.

— Одна беда, полковник,— медленно проговорил Монро, вставая,— я индеец на четверть, да и то... Я никогда не рассказывал вам, что мой прапрадедушка был единственным следопытом из племени арапахо, который сопровождал Кастера при

Литл-Бигхорне? Он не сомневался, что Сидящий Бык где-то далеко-далеко...* Впрочем, сделаю все, что в моих силах. И если я героически не вернусь назад, пожалуйста, убедите начальника безопасности нашего отдела рассекретить мое имя для упоминаний в исторической литературе. Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, я думаю, он смог бы сделать такую малость.

Я, разумеется, обещал постараться.

Когда он взлетел, я уселся в куполе на связи с Томом и начал ненавидеть себя за то, что отправил Монро на это задание. Но если бы я выбрал Тома, то ненавидел бы себя ничуть не меньше. И если бы что-нибудь случилось и я отдал бы приказ Тому взлетать, то потом, вероятно, сидел бы здесь в куполе один, поджидая...

— Броз неггл! — раздался по радио громкий голос Монро. Он приземлил одноместник.

Я не решался использовать телефон, чтобы поболтать с сидящим в корабле Томом, опасаясь, что могу пропустить какое-нибудь важное сообщение от нашего разведчика. Я сидел и сидел, напрягая слух. Через некоторое время я услышал: «Мишгашу!», из чего понял, что Монро был поблизости от другого купола и подкрадывается к нему, прячась за какими-нибудь глыбами.

Вдруг я услышал, как Монро выкрикнул мое имя, и тут же в наушниках раздался страшный грохот. Радиопомехи! Его захватили, и, кто бы они ни были, враги одновременно заглушили его радиопередатчик более мощным передатчиком своего купола.

Затем — тишина.

Немного подождав, я сообщил о происшедшем Тому. Он сказал только:

— Бедный Монро.

Я отлично представлял себе выражение его лица.

— Том, смотри,— сказал я,— если ты сейчас взлетишь, ты все равно не сможешь рассказать ничего важного. После захвата Монро те, кто сидит в том другом куполе, думаю, придут за нами. Я подпущу их поближе, чтобы хоть что-нибудь узнать об

---

* Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) во главе военной экспедиции приблизился к лагерю индейцев на реке Литл-Бигхорн и, нарушив инструкции, немедленно ввязался в бой. В лагере находились несколько тысяч воинов под руководством вождя Сидящий Бык. Небольшой отряд Кастера был почти полностью уничтожен, сам Кастер убит. *(Примеч. пер.)*

их внешности,— по крайней мере, люди они или нет. Всякая информация о противнике представляет ценность. Я прокричу ее тебе, и у тебя останется еще достаточно времени для взлета. Идет?

— Полковник, командуешь ты,— ответил Том похоронным голосом.— Желаю удачи.

Оставалось только ждать. Кислородная система в куполе еще не работала, так что мне пришлось выковыривать сандвич из пищевого кармана в скафандре. Я сидел, размышляя о нашей экспедиции. Девять лет работы, вся эта секретность, невероятные денежные затраты и головоломные исследования — и вот чем все кончилось. Ожиданием, когда тебя уничтожат с помощью какого-нибудь немыслимого оружия. Мне была понятна последняя просьба Монро. У всех нас частенько возникало странное ощущение: мы настолько засекречены, что наше непосредственное начальство не хочет, чтобы даже мы знали, над чем работаем. Ученые тоже люди, и им тоже хочется признания. Лично я надеялся, что наша экспедиция будет описана в исторических книгах, да что-то непохоже.

Через два часа около купола опустился корабль-разведчик. Открылся люк, и я, стоя у открытой двери нашего купола, увидел, как оттуда вылез Монро и направился ко мне.

Я предупредил Тома и велел ему внимательно слушать.

— Не исключено, что это хитрость. Его могли накачать наркотиком...

Однако Монро не производил впечатления человека, одурманенного наркотиком. Он прошел мимо меня и сел на коробку, стоявшую у стенки купола. Поставил ногу на другую коробку, поменьше.

— Ну как жизнь, Бен? Как делишки?

Я хрюкнул:

— Ну? — Я знал, что голос у меня немного дрожит.

Он прикинулся озадаченным:

— Что «ну»? Ах да, понимаю. Другой купол. Ты хочешь узнать, кто в нем. Ты имеешь право полюбопытствовать, Бен. Безусловно. Командир такой совершенно секретной экспедиции — Проекта «Тсс», как они нас называют,— находит другой купол на Луне. Он думает, что он первый, кто сюда высадился, поэтому, естественно, хочет...

— Майор Монро Гридли! — взорвался я.— Прошу доложить по всей форме! Немедленно! — Честное слово, я почувствовал, как у меня под шлемом распухла шея.

Монро прислонился к стенке купола.

— Вот это по-нашему, по-армейски! — прокомментировал он удовлетворенно.— Как говорят новобранцы: можно поступать правильно, можно поступать неправильно и можно поступать по-армейски. Вот только есть еще и другие способы.— Монро хихикнул.— Множество других способов.

— Он готов,— услышал я голос Тома в телефоне.— Бен, Монро спекся и пошел вразнос.

— В другом куполе не инопланетяне, Бен.— Монро вдруг решил выздороветь.— Нет, они люди, нормальные люди, к тому же с Земли. Угадай откуда.

— Я тебя убью,— предупредил я его.— Клянусь, я убью тебя, Монро. Откуда они? Из России, из Китая, из Аргентины?

Он скорчил гримасу:

— А что в этом такого секретного? Давай дальше! Угадывай!

Я поглядел на него долгим и тяжелым взглядом:

— Единственное место, где еще...

— Точно. Ты угадал, полковник. Другой купол построили и эксплуатируют моряки. Проклятые военно-морские силы Соединенных Штатов Америки!

Арендаторы

Когда мисс Керстенберг, секретарша, сообщила Сиднею Блейку по интеркому, что только что явились два джентльмена и выразили желание снять офис, ответное «Так проведите их ко мне, Эстер, проведите немедля» было достаточно елейным, чтобы позеленела от зависти и банка с елеем. Прошло ровно два дня с того момента, когда фирма по торговле недвижимостью «Веллингтон Джимм и сыновья, Инкорпорейтед» назначила его постоянным управляющим в здание Мак-Гоуэна, и перспектива так быстро сплавить пару кабинетов в Старом Гробу весьма поднимала настроение.

Однако когда Блейк глянул на предполагаемых нанимателей, он уже не был так уверен. Ни в чем.

Оба клиента походили друг на друга как близнецы, кроме одного — габаритов. Первый был высок, очень, *очень* высок — добрых семь футов, прикинул Блейк, вставая. Тело его перегибалось в двух местах — вперед в бедрах и назад в плечах — словно костяк его крепился на петлях, а не на суставах. За ним катился человек-пуговка, карлик из карликов, но, помимо этого,— двойник высокого. Оба носили накрахмаленные белые рубашки, черные шляпы, черные плащи, черные костюмы, черные носки и ботинки такой невыразимой черноты, что световые волны, наткнувшись на них, казалось, просто тонули.

Они сели и улыбнулись Блейку — одновременно.

— Э-э, мисс Керстенберг,— промямлил Блейк, обращаясь к секретарше, все еще стоящей на пороге.

— Да, мистер Блейк? — деловито ответила она.

— Э-э, ничего, мисс Керстенберг. Ничего.

Блейк с сожалением проследил, как захлопывается за ней дверь, и услыхал, как скрипнуло под ней кресло в приемной. Очень жаль, что, не умея читать мысли, она не сумела уловить и его отчаянную просьбу остаться и поддержать шефа морально.

Что ж, нельзя ожидать, что в небоскребе Мак-Гоуэна будут снимать конторы сливки Уолл-стрит. Блейк сел и предложил клиентам сигареты из новехонького увлажнителя. Клиенты отказались.

— Мы хотели бы,— заявил высокий голосом, звучавшим, как один тяжелый выдох,— снять этаж в вашем небоскребе.

— Тринадцатый этаж,— добавил маленький тем же голосом.

Сидней Блейк закурил сигарету и осторожно затянулся. Целый этаж! Вот и суди после этого о людях по внешности...

— Извините, но мы не можем предоставить вам тринадцатый этаж,— сказал он.— Но...

— Почему нет? — со злостью выдохнул высокий.

— В основном потому, что у нас нет тринадцатого этажа. Как и в большинстве небоскребов. Наниматели считают этот этаж несчастливым, поэтому за двенадцатым у нас сразу идет четырнадцатый. Если вы заглянете в каталог наших съемщиков, то увидите, что с тринадцати не начинается ни один номер. Но если вас интересует такое пространство, мы могли бы устроить вас на шестом...

— Мне мнится,— скорбно промолвил высокий,— что если некто изъявляет желание снять *определенный* этаж, то самое меньшее, что может сделать управляющий,— это предоставить требуемое.

— Самое меньшее,— согласился маленький.— Особенно если учесть, что с точки зрения математики вопрос не слишком сложен.

Блейк с трудом подавил раздражение и дружески хохотнул:

— Я был бы весьма рад сдать вам тринадцатый этаж — если бы он у нас был. Но не могу же я сдать в аренду то, чего на свете нет, верно? — Он развел руками и выдал еще один смешок «мы-трое-интеллигентных-людей-всегда-друг-друга-поймем».— На двенадцатом и четырнадцатом этажах, к моей радости, почти все офисы заняты. Но мы, без сомнения, могли бы предоставить вам какую-то другую часть небоскреба Мак-Гоуэна.— Внезапно ему вспомнились правила хорошего тона, одно из которых он едва не нарушил.— *Меня,*— заметил он, постукивая ухоженным ногтем по лакированной табличке,— зовут Сидней Блейк. А с кем я имею честь...

— Тоху и Боху,— ответил высокий.

— Простите?

— Тоху, я сказал, и Боху. Я Тоху, а он,— высокий указал на своего крохотного близнеца,— Боху. Или, как случается фактически иногда, наоборот.

Сидней Блейк размышлял над этими словами, пока столбик пепла не оторвался от сигареты под своей тяжестью и не рас-

плескался по его брюкам. Иностранцы. Следовало сразу догадаться по смуглой коже и легкому, странному акценту. Не то чтобы это имело особое значение в небоскребе Мак-Гоуэна. Или в любом другом здании, управляемом «Веллингтон Джимм и сыновья, Инкорпорейтед». Но Блейку было любопытно, в какой стране у людей такие имена и такая разница в росте.

— Очень хорошо, мистер Тоху. И... э-э... мистер Боху. Так вот, как я понимаю проблему...

— Никакой проблемы на самом деле нет,— произнес высокий медленно, внятно и вдумчиво,— если бы вы, молодой человек, ее не создавали. У вас есть здание с этажами с первого по двадцать четвертый. Мы хотели бы занять тринадцатый, который, по всей видимости, пустует. И если бы вы перешли к делу, как положено вам по должности, и сдали бы нам указанный этаж без проволочек...

— Или нелепой софистики,— вставил маленький.

— ...тогда мы были бы счастливы, ваши наниматели были бы счастливы, и вы *тоже* были бы счастливы. Это весьма простая сделка, и человек на вашем посту с легкостью мог бы ее заключить.

— Да как, во имя всего...— взвыл было Блейк, но тут вспомнил профессора Скоггинса со второго семинара по повышению квалификации управляющих («Помните, господа, потерянное самообладание — это потерянный клиент. Если покупатель всегда прав, то наш клиент никогда не ошибается. Вы должны любым способом решить мелкие проблемы и трудности вашего клиента, какими бы нелепыми они ни казались. Агент по недвижимости должен встать рядом с врачом, дантистом и фармацевтом, и девизом его должно стать: «Труд во имя других, всегда доступный и надежный»). Блейк склонил голову и покрепче вцепился в свою профессиональную ответственность.

— Послушайте,— выдавил он наконец вместе с судорожно дружелюбной улыбкой,— я сейчас объясню все в ваших же терминах. Вы, по причинам, которые знаете лучше меня, хотите снять тринадцатый этаж. В этом здании по какой-то причине, которую лучше нас с вами знает его архитектор — без сомнения, эксцентричный глупец, к которому мы *не можем* испытывать уважения,— в этом здании тринадцатый этаж отсутствует. Поэтому я не могу его вам сдать. На первый взгляд мы имеем некоторые трудности, признаюсь, и вам может показаться, что вы не можете получить желаемого в небоскребе Мак-Гоуэна. Но если мы внимательно рассмотрим сложившуюся ситуацию, то выясним, что есть в наличии несколько *превосходных* этажей...

Он прервался, сообразив, что остался один. Его посетители встали тем же немыслимо быстрым движением и вышли.

— Очень жаль,— проговорил высокий, выходя из приемной.— Превосходное было бы место. Вдалеке от центра всего.

— Не говоря уже о фасаде,— добавил маленький.— Уж так непрезентабельно. Весьма жаль.

Блейк ринулся за ними, но в коридоре остановился. Причины тому было две. Во-первых, Блейк был совершенно уверен, что силой затаскивать клиентов в кабинет, откуда они вышли с такой поспешностью, ниже достоинства свеженазначенного управляющего. В конце концов, это не лавочка дешевого тряпья, а небоскреб Мак-Гоуэна.

А во-вторых, Блейк внезапно заметил, что высокий остался один. Маленького и след простыл. Кроме — возможно — вздувшегося внезапно правого кармана плаща высокого...

«Пара психов,— сказал себе Блейк, разворачиваясь и бредя в кабинет.— Совершенно неподходящие клиенты».

Он заставил мисс Керстенберг выслушать всю историю, невзирая на суровые предупреждения профессора Скоггинса относительно излишнего панибратства с младшим персоналом. Та сочувственно цокала языком и смотрела на шефа честными глазами из-за толстых стекол очков.

— Не правда ли, мисс Керстенберг, настоящие психи? — заметил он, закончив свой рассказ.— Совершенно неподходящие клиенты, а?

— Не мне решать, мистер Блейк,— ответила она с неумолимой скромностью и засунула в пишущую машинку фирменный бланк.— Почту Хопкинсону отправить сегодня после обеда?

— Что? А, наверное. То есть конечно. Само собой, после обеда, мисс Керстенберг. И прежде чем отправить, дайте мне, я просмотрю письмо еще раз.

Он вернулся в кабинет и забился между столом и стулом. Вся эта история его очень расстроила. Такая возможность в первые же дни... Но этот человечек — как его, Боху? — и набитый карман...

Сосредоточиться на работе Блейк смог только после обеда. Тут-то и раздался звонок.

— Блейк? — прохрипела трубка.— Это Гладстон Джимм.

— *Да,* мистер Джимм? — Блейк сел по стойке смирно. Гладстон был старшим из сыновей Джиммов.

— Блейк, какого дьявола вы отказываете в аренде?

— Я — что? Простите, мистер Джимм, но...

— Блейк, ко мне в контору только что вошли двое джентльменов по имени Тули и Були и сообщили, что не смогли арендо-

вать у вас тринадцатый этаж небоскреба Мак-Гоуэна. Они говорят, что эта площадь свободна, но вы упорно отказывались заключить договор. В чем дело, Блейк? Вы что, думаете — фирма вас наняла, чтобы отпугивать выгодных клиентов? К вашему сведению, Блейк, отсюда, из центрального офиса, это вовсе не кажется смешным.

— Я был бы очень рад сдать в аренду тринадцатый этаж,— взвыл Блейк.— Одна только проблема...

— О каких проблемах вы толкуете, Блейк? Ну, говорите же, черт!

— У нас *нет* тринадцатого этажа, мистер Джимм.

— Что?

— В небоскребе Мак-Гоуэна тринадцатого этажа нет.

Блейк с мучительной скрупулезностью описал расположение этажей еще раз. К концу рассказа он поймал себя на том, что рисует план здания в блокноте.

— Хм,— буркнул Гладстон Джимм, когда Блейк замолк.— Ну, знаете что, это объяснение определенно в вашу пользу.

Он повесил трубку. Блейк понял, что его трясет.

— Психи,— прошептал он со злобой.— Настоящие психи. Совершенно неподходящие клиенты.

Но когда следующим утром он явился на работу, мистер Тоху и мистер Боху уже ждали его у дверей кабинета. Высокий держал ключ.

— По условиям аренды, мистер Блейк, ключ от нашего главного офиса должен находиться у управляющего. Слесарь только что сделал для нас копию, и мы его возвращаем. Вы довольны?

Сидней Блейк прислонился к стене, ожидая, пока кости вернут себе твердость.

— Аренды? — прошептал он.— Центральная контора подписала с вами договор об аренде?

— Именно,— ответил высокий.— Без каких-либо сложностей мы смогли добиться результата.

— Единение душ,— добавил маленький из-под коленной чашечки своего товарища.— Пиршество разума. Природное сродство. В вашем главном офисе не так цепляются за математические тонкости, молодой человек.

— Могу я глянуть на договор? — выдавил Блейк.

Высокий молча вытащил из правого кармана плаща сложенную вчетверо бумагу очень знакомого Блейку вида.

Это был договор об аренде тринадцатого этажа небоскреба Мак-Гоуэна. Стандартный. С одним небольшим дополнением, которое Гладстон Джимм внес от руки: *«...наниматель арендует этаж, который обе стороны признают несуществующим, но порядковый номер которого представляет собой ценность для нанимателя, каковая ценность приравнивается к стоимости аренды...»*

Блейк облегченно вздохнул:

— Это другое дело. Почему же вы сразу мне не сказали, что вам нужно только название? Мне показалось, что вы намерены занять арендованную площадь.

— Мы действительно намерены занять арендованную площадь.— Высокий сунул договор в карман.— Мы внесли авансом месячную плату.

— И,— добавил маленький,— месячную страховку.

— И,— закончил высокий,— комиссионные агенту в размере месячной платы. Так что мы определенно намерены занять арендованную площадь.

— Но как,— Блейк истерически хихикнул,— вы намерены занять площадь, которой...

— До свидания, молодой человек,— перебили наниматели хором и двинулись к лифту.

И вошли.

— Тринадцатый, пожалуйста,— услышал Блейк. Двери закрылись.

Мимо прошла мисс Керстенберг, вежливо чирикнув: «Доброе утро!». Блейк едва кивнул. Он пялился на двери лифта. Вскоре они открылись, и толстый лифтер, прислонившись к косяку, заговорил со швейцаром.

Блейк не смог сдержаться. Он подскочил к лифту и заглянул внутрь. Никого.

— Слушайте,— выговорил он, хватая толстого лифтера за рукав засаленной униформы.— Эти двое, которые сейчас поднимались,— они где вышли?

— Где и хотели. На тринадцатом. А что?

— У нас нет тринадцатого этажа. Вообще нет!

Лифтер пожал плечами:

— Послушайте, мистер Блейк, я делаю свое дело. Попросят меня на тринадцатый — везу на тринадцатый. Попросят на двадцать первый — везу на...

Блейк шагнул в лифт.

— Везите туда,— потребовал он.

— На двадцать первый? Секунду.

— Да нет, вы... вы...— Блейк заметил, что лифтер и швейцар сочувственно переглядываются, и заставил себя успокоиться.— Не на двадцать первый, а на тринадцатый. Отвезите меня на тринадцатый этаж.

Лифтер повернул рычаг, и двери со стоном затворились. Лифт, как и все лифты в небоскребе Мак-Гоуэна, двигался очень медленно, и Блейк без труда мог следить, как сменяются номера в окошечке над входом.

...десять... одиннадцать... двенадцать... четырнадцать... пятнадцать... шестнадцать...

Кабина остановилась. Лифтер почесал затылок козырьком фуражки. Блейк торжествующе воззрился на него. Они поехали вниз.

...пятнадцать... четырнадцать... двенадцать... одиннадцать... десять... девять...

— Ну? — осведомился Блейк.

— Кажется, теперь его нет,— равнодушно ответил лифтер.

— Теперь? *Теперь?* Да его никогда не было! Так куда вы их отвезли?

— А, этих. На тринадцатый этаж, куда еще.

— Но мы же только что убедились, что тринадцатого этажа нет!

— Ну и что? Это вы в колледжах учились, мистер Блейк, не я. Я делаю свое дело. Зайдут в лифт, попросят меня на тринадцатый — везу на...

— Знаю! Везете на тринадцатый этаж. Но у нас нет тринадцатого этажа, идиот! Я вам могу планы показать, чертежи показать, и попробуйте только найдите мне на них тринадцатый этаж! Если вы мне найдете тринадцатый этаж...

Блейк сообразил, что они уже спустились в вестибюль и на его крики уже собирается толпа. Он смолк.

— Слушайте, мистер Блейк,— предложил лифтер,— если вам что-то не по душе, может, я вызову парня из профсоюза, и вы с ним этот вопрос провентилируете? Договорились?

Блейк беспомощно всплеснул руками и поплелся в свой кабинет. Он еще успел услыхать, как за его спиной швейцар осведомился у лифтера:

— Что он на тебя так орал-то, Барни?

— А ну его,— ответил лифтер.— Что-то ему планы не понравились, вот он на меня и взъелся. От большого образования, наверное. Ну каким боком ко мне эти чертежи относятся?

— Черт его знает,— вздохнул швейцар.— Может, и никаким.

— Я тебе еще вот что скажу,— продолжал лифтер, ободренный успехом своих упражнений в риторике.— Каким боком *я* отношусь к чертежам?

Блейк захлопнул дверь, прислонился к ней изнутри и обеими руками взъерошил редеющие волосы.

— Мисс Керстенберг,— процедил он наконец,— как вам это нравится? Эти психи, которые вчера приходили,— эти двое сумасшедших пней... центральная контора сдала им тринадцатый этаж!

Мисс Керстенберг подняла взгляд от пишущей машинки:

— Правда?

— И, хотите — верьте, хотите — нет, они сейчас поднялись наверх и въехали в свои офисы.

Мисс Керстенберг улыбнулась ему милой женской улыбкой.

— Как *интересно,*— сказала она.

И продолжила печатать.

То, что Блейк увидал в вестибюле следующим утром, заставило его рвануться к телефону и набрать номер центральной конторы.

— Мистера Гладстона Джимма,— потребовал он, задыхаясь.— Мистер Джимм? Это уже серьезно! Они ввозят мебель! Конторскую мебель. И электрики поднялись наверх, чтобы установить телефоны. Мистер Джимм, они нас заполонили!

— Кто заполонил? — немедленно взвился Гладстон Джимм.— «Недвижимость Танзена»? Или опять братья Блэр? Я говорил, я на прошлой неделе говорил, что такое спокойствие не к добру. Я печенкой чуял, что этот прошлогодний договор о разделении сфер влияния долго не продержится. На нашу собственность зарятся?! — Он возмущенно фыркнул.— Ничего, у нас, стариков, еще остались тузы в рукавах. Прежде всего, бумаги — списки нанимателей, чеки, и ничего не забудьте — уберите в сейф. Через полчаса у вас будут трое адвокатов с судебным ордером. А пока сохраняйте...

— Вы не поняли, сэр. Это новые обитатели. Те, что сняли тринадцатый этаж.

Гладстон Джимм затормозил на полном ходу, обдумал сказанное, понял и принялся перековывать мечи на орала.

— То есть эти... как бишь их... Тумбс и Буль?

— Эти самые, сэр. Наверх несут столы, шкафы, полки. Шныряют электрики и люди из телефонной компании. И все едут на тринадцатый этаж. Только, мистер Джимм, *нету у нас тринадцатого этажа!*

Пауза.

— Другие наниматели вам жаловались, мистер Блейк?

— Нет, мистер Джимм, но...

— Эти Тут и Буб кому-то мешают?

— Нет вроде. Только я...

— Только вы занимаетесь не своим делом, Блейк! Мальчик мой, вы мне нравитесь, но я вас предупреждаю — вы не тем

занялись. Вы уже неделю служите управляющим небоскреба Мак-Гоуэна, и единственную серьезную сделку за это время пришлось заключать через центральную контору. Блейк, в вашей характеристике это будет выглядеть очень жалостно и не слишком красиво. Дыры на третьем, шестнадцатом и девятнадцатом этажах еще не заполнены?

— Нет, мистер Джимм. Я планировал...

— Планировать мало, Блейк. Планирование — это первый шаг. За ним должны следовать действия. *Действия,* Блейк, ДЕЙСТВИЯ! Попробуйте-ка вот что: возьмите табличку, большими красными буквами напишите на ней «действуй!», а на обороте перечислите все незанятые помещения в небоскребе. И повесьте перед своим столом. И каждый раз, когда взглянете на нее, вспоминайте, сколько еще у вас пустых мест. Работать надо, Блейк!

— Да, сэр,— пролепетал Блейк.

— И не звоните мне больше по поводу арендаторов, которые платят вовремя и не нарушают закон. Они вас не трогают, и вы их не трогайте. Это приказ, Блейк.

— Понятно, мистер Джимм.

Блейк долго сидел и смотрел на замолкшую трубку, потом поднялся, вышел в вестибюль и шагнул в лифт. В походке его чудилась некая необычная расхлябанность и даже определенное безрассудство — безрассудство человека, намеренно не подчинившегося приказу верховного главы фирмы по торговле недвижимостью «Веллингтон Джимм и сыновья, Инкорпорейтед».

Два часа спустя он, ссутулившись, выполз из лифта. Рот его тоскливо скривился. Поражение было полным.

Всякий раз, когда Блейк втискивался в лифт, полный электриков, телефонистов и грузчиков, едущих на тринадцатый этаж, тринадцатого этажа не оказывалось на месте. Но стоило им раздраженно пересесть в другой лифт, оставив Блейка позади, как они попадали, судя по всему, именно туда, куда намеревались. Было очевидно, что для Сиднея Блейка тринадцатого этажа нет. И, вероятно, не будет.

Он все еще размышлял над этой вопиющей несправедливостью, когда в пять часов к нему в приемную зашли, поскрипывая суставами, уборщицы, чтобы отметиться на часах.

— Кто из вас,— спросил он, осененный вдохновением,— кто из вас убирает на тринадцатом этаже?

— Я,— ответила старушка в ярко-зеленом платке.

Блейк силой затащил ее в свой кабинет.

— Когда вы начали убирать на тринадцатом этаже, миссис Риттер?

— Ну, когда новые наниматели въехали.

— А до того...— Блейк сделал паузу, внимательно глядя на уборщицу.

Та улыбнулась; несколько морщин изменили свои русла.

— Господи вас благослови, да прежде там нанимателей-то не было. На тринадцатом-то.

— И...— подбодрил ее Блейк.

— И убирать нечего было.

Блейк пожал плечами и сдался. Уборщица хотела уйти, но он задержал ее.

— А на что,— спросил он, глядя на уборщицу с нескрываемой завистью,— похож тринадцатый этаж?

— На двенадцатый. Или десятый. Этаж как этаж.

— И все туда могут попасть,— пробормотал Блейк себе под нос.— Кроме меня.

Он с раздражением осознал, что произнес эти слова слишком громко. Старушка сочувственно глянула на него.

— Может, это потому,— предположила она шепотом,— что вам *незачем* туда ехать?

Блейк все еще стоял столбом, осмысливая эту идею, пока уборщицы разбредались по зданию, гремя ведрами и метлами, когда за его спиной послышались кашель и тень кашля. Блейк обернулся. Мистер Тоху и мистер Боху поклонились — вернее, сложились и развернулись.

— Для таблички в вестибюле,— сообщил высокий, подавая Блейку визитку.— Так нас следует указать.

«Г. ТОХУ & К. БОХУ.

Специалисты по нерастяжимостям.
Работаем по найму».

Блейк облизнул губы, ввязался в битву с собственным любопытством и проиграл.

— А по каким нерастяжимостям?

Высокий глянул на низенького. Тот пожал плечами.

— По мягким,— ответил он.

И оба вышли.

Блейк был совершенно уверен, что, выходя на улицу, высокий поднял маленького на руки. Но что именно произошло потом, он не разобрал. Только по улице высокий шел уже один.

С того самого дня у Сиднея Блейка появилось хобби. Он пытался найти хороший повод посетить тринадцатый этаж. К сожалению, *хорошего* повода найти никак не удавалось, пока наниматели платили ренту в срок и никому не мешали.

Месяц за месяцем странные наниматели платили ренту. И никому не мешали. Приходили мойщики окон и мыли окна. Приходили маляры, плотники и строители — обустраивали контору на тринадцатом этаже. Посыльные шатались под грузом доставляемых бумаг. На тринадцатый этаж поднимались даже явные клиенты — группа, до странности разнородная: от деревенских нищих в куцых сюртучках до шикарно разодетых букмекеров; порой джентльмены в дорогих темных костюмах обсуждали процентные ставки и новые эмиссии акций негромкими солидными голосами и спрашивали лифтера о фирме «Тоху и Боху». Многие, очень многие отправлялись на тринадцатый этаж.

Сиднею Блейку начинало казаться, что туда ехали все, кроме Сиднея Блейка. Он пытался пробраться на тринадцатый этаж по лестнице, но, запыхавшись, выходил всегда либо на двенадцатом, либо на четырнадцатом. Пару раз он пробовал залезть в один лифт с самими Г. Тоху & К. Боху. Но, пока он находился в кабине, лифт не мог найти тринадцатого этажа. А те оборачивались и одаривали загадочными улыбками место, где Блейк пытался слиться с толпой, так что тот, краснея, вылезал на первой же остановке.

Однажды он пытался даже — безуспешно — замаскироваться под инспектора по пожарной безопасности...

Ничто не помогало. На тринадцатом этаже делать ему было нечего.

Он раздумывал над этой проблемой круглыми сутками. Животик его потерял округлость, ногти — маникюр, а брюки — свою складку.

И никто, кроме него, не проявлял ни малейшего интереса к постояльцам с тринадцатого этажа.

Хотя однажды мисс Керстенберг оторвала взгляд от машинки и произнесла:

— Так вот как они пишут свои имена? Т-О-Х-У и Б-О-Х-У? Странно.

— Почему странно? — кинулся на нее Блейк.

— Это еврейские имена. Я знаю, потому что,— она покраснела до самого выреза платья,— я преподаю в еврейской школе по вторникам, средам и четвергам вечером. И семья у меня очень религиозная, так что я получила настоящее правильное образование. Думаю, религия — очень хорошая вещь, особенно для девушки...

— Что с этими именами? — Блейк едва не приплясывал.

— Ну, в еврейской Библии, прежде чем Господь разделил небо и землю, земля была *тоху ва-боху*. «Ва» значит «и». А «тоху» и «боху»... ну, это тяжело перевести.

— Попробуйте,— умолял Блейк.— Прошу.

— Ну, например, обычно в английской Библии *тоху ва-боху* переводят как «безвидна и пуста». Но «боху» на самом деле может значить «пустой» в разных смы...

— Чужестранцы,— выдавил Блейк.— Я знал, что они чужестранцы. И не к добру это. С такими-то именами.

— Я с вами не согласна, мистер Блейк,— чопорно ответила секретарша.— Совершенно не согласна, что с такими именами не выйдет ничего хорошего. В конце концов, это *еврейские* имена.

Больше он не слышал от нее ни одного доброго слова.

А две недели спустя Блейк получил от центральной конторы «Веллингтон Джимм и сыновья» сообщение, которое едва не заставило его сделать последний шаг вниз с ума. Тоху и Боху уведомили, что освобождают занимаемую площадь в конце месяца.

Примерно сутки Блейк бродил по зданию и разговаривал сам с собой. Лифтер утверждал, что слышал от него нечто вроде: «Да уж, больших чужестранцев и представить трудно — они вообще не из нашего мира!» Уборщицы тряслись в своих каморках, рассказывая друг другу, с каким безумным, безумным блеском в глазах и размашистыми жестами он бормотал: «Конечно, тринадцатый этаж. А где еще могут поселиться эти несуществующие ничтожества?! Ха!» А мисс Керстенберг даже застала его глядящим на охладитель и произносящим в пустоту: «Пытаются, голову даю на отсечение, отвертеть стрелки на пару миллиардов лет назад и все начать сначала. Поганая пятая колонна!» От ужаса она собралась было звонить в ФБР, но решила, что не стоит. В конце концов, если полиция берется за дело, никогда не знаешь, кого арестуют.

Кроме того, вскоре Сидней Блейк пришел в себя. Он снова начал ежедневно бриться, из-под ногтей исчезла грязь. Но он уже не был прежним юным и энергичным управляющим. Лицо его непрестанно светилось тайным предвкушением триумфа.

Пришел последний день месяца. Все утро с тринадцатого этажа таскали вниз мебель и куда-то увозили. Когда последние шкафы вынесли из лифта, Сидней Блейк вышел из своего кабинета, поправил цветок в петлице и шагнул в лифт.

— Тринадцатый этаж, пожалуйста,— звонко произнес он.

Двери закрылись. Лифт двинулся. И остановился на тринадцатом этаже.

— О, мистер Блейк,— произнес высокий.— Это сюрприз. Чем можем служить?

— Как поживаете, мистер Тоху? — осведомился у него Блейк.— Или все же Боху? А вы,— он повернулся к маленькому,— мистер

Боху — или, как может фактически случиться, Тоху — надеюсь, тоже в порядке? Хорошо.

Он немного побродил по пустым, просторным комнатам, огляделся. С этажа вывезли все, вплоть до перегородок. На всем тринадцатом этаже они были втроем.

— У вас к нам какое-то дело? — поинтересовался высокий.

— Конечно, у него к нам дело,— сварливо отозвался маленький.— У него не может не быть к нам дела. Только лучше бы он поспешил со своими делами, какими бы они ни были.

Блейк поклонился:

— Раздел третий параграфа десятого договора об аренде: «...наниматель соглашается, что после подачи указанного уведомления владельцу полномочный представитель владельца, как, например, постоянный управляющий, буде таковой имеется, имеет право осмотреть арендованную площадь до освобождения ее нанимателем, чтобы удостовериться, что помещения оставлены последним в хорошем состоянии...»

— Так вот какое у вас дело,— задумчиво произнес высокий.

— Так я почему-то и думал,— добавил маленький.— Что ж, юноша, тогда поторопитесь.

Сидней Блейк прошелся по коридору. Несмотря на охватывавшее его радостное возбуждение, он не мог не признать, что между тринадцатым и любым другим этажом нельзя было усмотреть никакой разницы. Кроме... да, кроме...

Он подбежал к окну и глянул вниз. И пересчитал этажи. Двенадцать. Он глянул вверх и посчитал. Тоже двенадцать. Плюс тот этаж, на котором он стоял — двадцать пять. А в небоскребе Мак-Гоуэна было всего двадцать четыре этажа. Откуда взялся лишний? И как выглядит здание снаружи в тот момент, когда он, Блейк, выглядывает из окна тринадцатого этажа?

Он обернулся и хитро посмотрел на Г. Тоху и К. Боху. Уж эти-то знают.

Оба арендатора нетерпеливо ждали его у открытой двери лифта.

— Вниз? *Вниз?* — осведомился лифтер с нетерпением еще большим.

— Ну, мистер Блейк,— осведомился высокий,— площадь оставлена в хорошем состоянии?

— О, просто в превосходном,— ответил Блейк.— Но суть не в этом.

— Ну, нам совершенно безразлично, в чем у него суть,— заметил маленький своему товарищу.— Пошли отсюда.

— Верно,— согласился высокий.

Он нагнулся и поднял своего спутника. Сложил вдвое, потом еще вдвое. Потом скатал в трубочку и засунул в правый карман плаща. Шагнул в лифт.

— Идете, мистер Блейк?

— Нет, спасибо,— ответил Блейк.— Я слишком долго пытался сюда попасть, чтобы так быстро уезжать.

— Располагайтесь,— ответил высокий.— Вниз,— сказал он лифтеру.

Оставшись в одиночестве на тринадцатом этаже, Сидней Блейк смог наконец вздохнуть полной грудью. Так долго! Он подошел к двери на лестницу, которую искал так долго, подергал. Дверь не открывалась. Забавно. Блейк нагнулся и посмотрел повнимательнее. Не закрыта — просто где-то застряла. Надо будет вызвать рабочих, пусть починят.

Кто знает? Может, отныне в Старом Гробу теперь будет сдаваться в аренду еще один этаж. Надо его привести в порядок.

Но как все же здание выглядит снаружи? Блейк подошел к ближайшему окну и попытался выглянуть наружу. Что-то его остановило. Окно было открыто, но просунуть голову за раму Сидней не мог. Он вернулся к тому окну, из которого уже высовывался. То же самое.

И тут внезапно он понял.

Он подбежал к лифту и вдавил кулаком кнопку вызова И держал ее, загнанно дыша. Через ромбовидные окошки в дверцах он видел, как снуют вверх-вниз кабинки. Но на тринадцатом этаже ни одна не останавливалась.

Потому что тринадцатого этажа больше не существовало. И не было никогда. Кто слышал о тринадцатом этаже небоскреба Мак-Гоуэна?..

Две половинки одного целого

Галактограмма космосержанта О-Дик-Ве, командира космического пограничного поста 1001625 в Штаб Галактической Патрульной Службы на Веге-XXI сержанту Хой-Ве-Шальту. (Особые отметки: передано как частное сообщение и оплачено по обычному сверхкосмическому тарифу.)

Мой дорогой Хой!

Прости, что вынужден снова тебя беспокоить, но, дорогой мой, я попал в переплет. Речь идет не о каком-либо конкретном проступке с моей стороны — я просто не сумел принять правильное решение. Предчувствую, что Старик пришьет мне явное нарушение должностных обязанностей. Но так как я уверен, что у него самого голова кругом пойдет, стоит только прибыть заключенным, которых я посылаю малой световой скоростью (я уже вижу, как у него отвисает челюсть и трясется дюжина подбородков), я не оставляю надежды на то, что ты успеешь посоветоваться с лучшими законниками в Штабе и выработать какой-нибудь план действий. Любой приемлемый план. Может быть, тогда Старик простит мне, что я обрушил ему на голову свои собственные проблемы.

И все же я не могу отделаться от мысли, что Главный Штаб сядет с этим делом в еще большую лужу, чем я и мои подчиненные, после чего Старик непременно вспомнит, что произошло прошлый раз на посту 1001625 космической патрульной службы,— и тогда, Хой, боюсь, что у тебя будет одним споро-кузеном меньше.

Надеюсь, ты правильно поймешь меня, но все это дело довольно грязное. Грязнее некуда. Я хочу сказать, что оно непристойно в самом дурном смысле этого слова.

Как ты, без сомнения, догадался, каша заварилась на этой нудной и сырой третьей планете Сол, которую большинство ее обитателей называют Землей. Проклятые двуногие балаболки! Они доставляют мне больше бессонных ночей, чем все остальные разумные виды моего сектора, вместе взятые. Достаточно развитые в техническом отношении (земляне находятся на пятнадцатой ступени развития, то есть овладели техникой межпланетных путешествий), они, однако, на целое столетие отстали от сопутствующей этим достижениям ступени 15А — дружеские контакты с другими галактическими цивилизациями.

Вот почему у нас они числятся в статуте Секретного Наблюдения, а это значит, что мне приходится содержать на их планете штат в две сотни агентов, заключив их в нелепые и крайне неудобные футляры из протоплазмы, дабы помешать этим тупицам покончить с собой, не дождавшись наступления золотого века духовного совершенства. И в довершение всех несчастий моя подопечная система состоит из девяти планет, так что я вынужден разместить свой Штаб не далее чем на планете, которая у них называется Плутон, то есть в месте, где зима еще коекак терпима, зато летний зной просто невыносим. Поверь мне, Хой, существование космического сержанта далеко не *глур* со *скиббетсом,* что бы по этому поводу ни думали там у вас, в тылу.

Должен, правда, оговориться, что на этот раз зачинщиками оказались не жители Сола-III. С тех пор как без всякого предупреждения, совершенно неожиданно для всех, двуногие додумались до расщепления ядра (что лично мне стоило одной лычки), я удвоил число своих секретных агентов на этой планете, строго-настрого приказав им немедленно докладывать о малейших проблесках технического прогресса на Земле. Уверен, что в дальнейшем землянам вряд ли удастся изобрести даже простейшую машину времени без моего ведома.

Нет-нет, на этот раз все началось на Руфе-VI — планете, которую ее аборигены называют Гтет. Загляни в свой атлас, Хой, и ты увидишь, что Руф-VI — желтый карлик средней величины, расположенный на краю Галактики. Эта незначительная планета лишь недавно добилась статута Девятнадцатой Ступени — первичного межпланетного гражданства.

Гтетанцы представляют собой амебоподобную расу, производящую светлый ашкебас, который они экспортируют на Руф-IX и XII. Они ужасные индивидуалисты и так до конца и не смогли адаптироваться в централизованном обществе. Несмотря на несколько веков существования в условиях высокоразвитой цивилизации, большинство гтетанцев воспринимают Закон скорее

как хитроумную головоломку, а не как руководство к общепринятому образу жизни.

В соединении с моими двуногими землянами получается недурная смесь, не правда ли? Но продолжаю. На Гтете проживал некто Л'пэйр — самый наглый из правонарушителей всей планеты. Он совершил едва ли не все возможные у них преступления и нарушил чуть ли не все мыслимые запреты. Если учесть, что около четверти населения планеты регулярно попадает в исправительно-трудовые лагеря, безнаказанность Л'пэйра воспринималась его соплеменниками как явление уникальное. Недаром одна из поговорок гтетанцев гласит: «Ты похож на Л'пэйра — никогда не знаешь, где следует остановиться».

Однако настал момент, когда гтетанцы решили применить к наглецу силу. Он был арестован и обвинен в общей сложности в 2342 нарушениях — на одно меньше, чем требовалось для признания его перманентным преступником, то есть для осуждения на пожизненное заключение. Он сделал героическую попытку порвать со светской жизнью и посвятить себя самосозерцанию и добрым делам, но, увы, решение пришло слишком поздно! Как он утверждал на предварительном следствии у меня в участке, его мысли помимо воли упорно возвращались к беззакониям, так и оставшимся несовершенными, и в мозгу зарождались все новые и новые преступные планы, которым не суждено было осуществиться.

И вот однажды совершенно случайно, в сущности даже не заметив этого, он совершил еще один тяжкий проступок. Он нарушил не только гражданский, но и моральный кодекс своей планеты. Преступление Л'пэйра было столь грязным и отвратительным, что все общество было охвачено негодованием.

Его поймали, когда он продавал подросткам-гтетанцам порнографические открытки.

Снисходительность к слабостям в своем роде знаменитости сменилась гневом и полнейшим презрением. Даже местная Ассоциация Закоренелых Неудачников отказала преступнику в сборе денег для взятия его на поруки. По мере приближения дня суда становилось все очевиднее, что на этот раз Л'пэйру не выкрутиться. Необходимо было бежать. Другого выхода не существовало.

И тут он проделал свой самый блистательный фокус. Несмотря на круглосуточную охрану, он вырвался из герметически запаянной клетки (каким образом, мне до сих пор узнать не удалось, ибо он упорно отмалчивался по этому поводу до самой своей кончины или как там ее) и добрался до космодрома, расположенного неподалеку от тюрьмы. Там он ухитрился про-

скользнуть на борт корабля — а это была гордость гтетанского торгового флота, последняя космическая модель, оборудованная гиперпространственным двигателем с двойным регулированием.

Корабль был пуст — он дожидался команды, чтобы совершить свой первый пробный вылет в космос.

За те несколько часов, пока побег не был обнаружен, Л'пэйру удалось разобраться в схеме управления и поднять корабль в гиперпространство. Однако ему было невдомек, что он находится на экспериментальной модели, снабженной передатчиком, позволяющим всем гтетанским портам следить за курсом корабля. Таким образом гтетанская полиция, хотя и лишенная возможности преследовать беглеца, знала его точное местонахождение. Сотня амебовидных блюстителей порядка попыталась было преследовать преступника на своих старомодных ракетах, скорость которых в сто раз уступала скорости корабля Л'пэйра, но после месяца длительных и утомительных космических вылазок сдалась и вернулась на свои базы.

Л'пэйр мечтал укрыться в каком-нибудь примитивном и глухом уголке Галактики. Район созвездия Сол как нельзя лучше подходил для его цели. Он материализовался из гиперпространства где-то на полпути между Третьей и Четвертой планетами, но сделал это весьма неловко, истратив все свое горючее. В конце концов, даже лучшие умы его расы только начали разработку гиперпространственного двигателя с двойным регулированием. Как бы то ни было, он, хоть и с трудом, добрался до Земли.

Приземление произошло ночью, с выключенными двигателями, и посему никем из землян замечено не было. Л'пэйр знал, что из-за особых условий жизни на этой планете его подвижность будет весьма ограничена. Единственная надежда заключалась в том, чтобы добиться помощи от обитателей Земли. Необходимо было выбрать место, где его контакты с землянами были бы максимальны, а возможность случайно обнаружить корабль — минимальной.

Он приземлился на пустыре в пригороде Чикаго и быстренько закопал там свой корабль. А между тем гтетанская полиция обратилась к командиру местного Галактического патруля, то есть ко мне. Они сообщили координаты Л'пэйра и потребовали его экстрадиции. Я объяснил им, что на данном этапе у меня нет юридических оснований к вмешательству, так как совершенное преступление не носит космического характера. Кража корабля имела место на родной планете, а не в космосе. Вот если, находясь на Земле, он нарушит какой-нибудь галактиче-

ский закон, помешает, хоть в самой малой степени, мирному сосуществованию...

— А как вы расцениваете вот такой факт? — ехидно спросил меня шеф гтетанской полиции.— Земля ведь находится в статуте Секретного Наблюдения, и, как я полагаю, всякое приобщение ее извне к высшим цивилизациям считается незаконным. А разве приземление Л'пэйра на корабле, снабженном гиперпространственным двигателем с двойным регулированием,— недостаточное основание для взятия его под стражу?

— Приземление как таковое,— ответил я,— еще не является основанием для ареста. Для этого необходимо, чтобы жители планеты заметили корабль и поняли, что он собой представляет. Как нам известно, ничего подобного не произошло. Пока Л'пэйр остается в укрытии, не разбалтывает сведений о нас и не способствует несвоевременному развитию технического прогресса на Земле, мы обязаны уважать его права как гражданина Галактики. У меня нет легальных оснований для его задержания.

Гтетанцы поворчали немного по поводу того, чего ради они платят звездный налог, но вынуждены были согласиться со мной. Впрочем, они предупредили меня, что рано или поздно криминальные побуждения Л'пэйра дадут о себе знать. Он очутился в совершенно немыслимой ситуации: чтобы раздобыть горючее, необходимое для взлета с Земли, ему так или иначе придется пойти на какое-нибудь мошенничество, и в этом случае они требуют, чтобы их просьба об экстрадиции была удовлетворена; я услышал, как шеф полиции, прерывая связь, обозвал Л'пэйра «траченным молью мышиным жеребчиком».

Тебе ведь не нужно объяснять, Хой, что я почувствовал при мысли об этом амебовидном преступнике с богатым воображением и острым умом, свободно действующем на планете, столь неустойчивой в культурном отношении, как Земля. Я оповестил всех агентов в Северной Америке, приказал им быть начеку, а сам стал ждать событий, богомольно завязав в узлы свои щупальца.

Л'пэйр слышал почти все мои разговоры по приемнику. Естественно, что первым делом он удалил с корабля устройство, позволявшее гтетанским локаторам следить за ним. Затем, как только стемнело, он (по-видимому, с немалыми трудностями) переправил свой корабль в другой район города. Ему, как и прежде, удалось остаться незамеченным.

Выбрав для своей новой базы район трущоб, предназначенных к сносу и, следовательно, никем не заселенных, он приступил к решению основной проблемы, ибо, Хой, перед ним стояла проблема первостепенной важности. Как ни хотелось ему

ввязываться в историю с Патрулем, он понимал, что, если в самое ближайшее время ему не удастся наложить свои псевдоподии на изрядный запас горючего, его песенка будет спета. Горючее было необходимо не только для того, чтобы сняться с Земли, но и для заправки конвертеров, которые на этом примитивном корабле преобразовывали отходы в пригодные для потребления воздух и пищу.

Времени у него было в обрез, возможностей — почти никаких. Имевшиеся на корабле скафандры (весьма остроумно сконструированные и вполне приспособленные к тому, чтобы ими пользовались существа неустойчивого формата) не были рассчитаны на такую примитивную планету, как Земля: они не позволяли удаляться от корабля на длительные промежутки времени.

Л'пэйр знал, что Патрульному Посту известно о его приземлении и что мы только и ждем повода для того, чтоб его схватить. Стоит ему нарушить хотя бы самый пустячный параграф давно позабытого Закона, как мы набросимся на него и после недолгих дипломатических формальностей препроводим на Гтет; его кораблю не уйти от патрульной ракеты. Было ясно, что первоначальный план — стремительное нападение на какой-нибудь склад землян, чтобы запастись горючим,— отпадает. Оставалась последняя надежда — честный обмен товарами. Следовало разыскать такого землянина, которому можно было бы предложить какой-либо предмет, равнозначный (по крайней мере в глазах этого землянина) стоимости горючего, необходимого для того, чтобы корабль перенес Л'пэйра в укромный уголок космоса, редко посещаемый полицией. Однако почти все имевшиеся на корабле предметы были жизненно необходимы для полета; к тому же Л'пэйр понимал, что ему предстоит совершить сделку так, чтобы при этом: а) не раскрыть тайну существования и природу галактической цивилизации, б) не дать землянам нового стимула к техническому прогрессу.

Позднее он сознался, что обдумывал эту проблему до тех пор, пока его ядро не сжалось в гармошку. Он излазил корабль вдоль и поперек, от носа до кормы и обратно — но все, что могло бы пригодиться человеку, было или жизненно необходимо для полета, или выдавало космического гостя с головой.

И вдруг, когда Л'пэйр уже был готов признать свое поражение, он нашел то, что искал: материал, с помощью которого он совершил свое последнее преступление.

Дело в том, дорогой Хой, что по гтетанским законам все вещественные доказательства совершенного преступления хранятся у обвиняемого до момента суда. Объясняется это целым рядом причин, главная из которых заключается в том, что у

гтетанцев существует *презумпция виновности,* в силу чего заключенный считается *виновным* до тех пор, пока с помощью лжи, подтасовок и хитроумного манипулирования юридическими категориями ему не удается убедить циничных, не верящих ни в сон, ни в чох присяжных в том, что, хотя они и убеждены в противном, им не остается ничего другого, как объявить преступника невиновным. И так как в этих случаях нападающей стороной оказывается обвиняемый, в его руках и сосредоточиваются все улики. Рассмотрев уличающий его материал, Л'пэйр пришел к выводу, что необходимая ему сделка наконец-то состоится. Ему следовало лишь раздобыть покупателя. Не просто человека, желающего купить то, что Л'пэйр продавал, но такого, у которого имелось бы требуемое гтетанцу горючее. Однако по соседству с его кораблем покупатели этого сорта явно не водились.

Гтетанцы, находящиеся на Двенадцатой Ступени, владеют примитивными навыками телепатии — на коротких дистанциях, разумеется, и в течение незначительных отрезков времени. Итак, сознавая, что мои агенты уже начали за ним погоню и что, стоит мне напасть на его след, как свобода его действий будет ограничена, Л'пэйр стал лихорадочно прочесывать сознание землян в радиусе трех кварталов от своего укрытия.

Дни шли за днями. Он метался от мозга к мозгу, подобно таракану, выискивая щелочку потеплее. Мощность ракетного конвертера пришлось уменьшить сначала наполовину, затем на две трети, что повлекло за собой уменьшение пищевого рациона. Он начал голодать. Вследствие недостаточной подвижности его сокращательная вакуоль сжалась до размера булавочной головки. Эндоплазма утратила здоровую припухлость, характерную для нормального амебовидного существа, стала прозрачной и пугающе тонкой.

И вот однажды ночью, когда Л'пэйр уже почти решился пойти на кражу, его мысль вдруг ударилась о мозг случайного прохожего, рикошетом отлетела в сознание гтетанца, была там рассмотрена, облюбована и одобрена. Наконец-то ему подвернулся тот единственный покупатель, который не только снабдит его необходимыми продуктами, но (что было особенно важно!) и откроет рынок сбыта для гтетанской порнографии. Другими словами, у него на пути оказался мистер Осборн Блэтч.

Сей пожилой наставник подрастающего поколения двуногих на протяжении всего расследования упорно настаивал на том, что его сознание не подвергалось никакому насилию. Как выяснилось, он проживает в новом доме на противоположной сторо-

не пустыря, который, как правило, обходит стороной по причине агрессивности некоторых человеческих особей низшего типа, заполняющих развалины. Однако в тот вечер он задержался на педсовете, сильно проголодался и решил (что случалось с ним нечасто) выбрать кратчайший путь. Он уверяет, что подобное решение пришло ему в голову самостоятельно.

По словам Осборна Блэтча, он решительным шагом пересекал развалины, весело размахивая зонтиком, как если бы то была эбонитовая тросточка, и вдруг ему показалось, что он услышал голос. Он утверждает, что с самого начала ассоциировал слово «показалось» с тем, что он услышал, ибо, обладая определенной высотой и интонацией, голос, однако, абсолютно беззвучно произнес:

— Эй, приятель, подойди-ка поближе!

Блэтч обернулся и с любопытством оглядел кучу строительного мусора справа. Перед ним торчала нижняя часть дверного проема — единственное, что осталось от стоявшего здесь ранее здания. Кругом ни единого укромного местечка, где мог бы спрятаться человек. Но голос, на этот раз довольно нетерпеливо и с гаденькой интимностью заговорщика, повторил:

— Да подойди же, чего стоишь?

— В чем дело? Что... э-э-э... вам нужно... э-э-э, сэр? — вежливо осведомился Блэтч, бочком продвигаясь в ту сторону, откуда раздавался голос. Яркий свет фонарей и тяжесть старомодного зонтика заметно прибавили, по его же собственным словам, мужества и решимости нашему педагогу.

— Иди сюда, я тебе что-то покажу.

Осторожно обходя обломки кирпичей и мусор, мистер Блэтч приблизился к остаткам входного проема и слева от него узрел то, что, по мнению землянина, выглядело как лужица липкой жидкости пурпурного цвета и что на самом деле было Л'пэйром.

Здесь, Хой, я должен со всей ответственностью засвидетельствовать (письменные показания, которые я посылаю вместе с отчетом, подтвердят это): мистеру Блэтчу и в голову не пришло, что вызывающее одеяние, в котором Л'пэйр предстал перед ним, было космическим скафандром. Не подозревал он и о существовании корабля, который в разобранном до молекулярного состояния виде был надежно спрятан в груде битого кирпича за остатками дверного проема.

И хотя мистер Блэтч, обладая хорошим воображением и гибким умом, сообразил, что перед ним существо из космоса, у него не хватило технических знаний, чтобы определить, откуда этот пришелец взялся, или догадаться о природе и характере нашей галактической цивилизации. Таким образом, по крайней

мере в данном случае мы не столкнулись с нарушением Межгалактического Статута 2.607.193, поправка 126-509.

— Что вы желали бы мне показать,— расшаркался мистер Блэтч перед красной лужицей,— и смею ли я спросить, откуда вы? Марс? Венера?

— Без лишних вопросов, приятель. Так будет лучше для всех. У меня тут есть для тебя штучка — пальчики оближешь. Первый сорт, блеск!

Мистер Блэтч понял, что внезапное нападение со стороны соседских хулиганов ему уже не грозит, и внезапно вспомнил некую поездку за границу, совершенную в далекой юности. Перед его мысленным взором предстал темный парижский переулок и возникла крысиная мордочка человека в рваном свитере...

— Интересно, что бы это могло быть? — спросил он, оскалабясь.

Последовала пауза, в течение которой Л'пэйр впитывал в себя новые впечатления.

— М-м-м-м,— прозвучал голос из лужицы, на этот раз с явным французским акцентом.— Если мосье подойдет поближе, он не пожалеет. Я ему покажу такое, что ему о-о-о-ч-е-нь понравится. Не бойтесь, мосье, подойдите поближе.

Как ты понимаешь, мосье подошел поближе. Лужица вспучилась, из ее середины выпросталось длинное щупальце, которое протянуло землянину плоский квадратный предмет. Неслышный голос хрипло пояснил:

— Вот, погляди, скабрезные картинки!

Ошарашенный Блэтч сохранил, однако, присутствие духа настолько, чтобы, подняв брови кверху, протянуть иронически:

— Эти? Н-да...

Переложив зонтик из правой руки в левую и отступив на несколько шагов назад, туда, где свет фонарей был ярче, он стал рассматривать передаваемые ему фотографии одну за другой.

Когда ты получишь вещественные доказательства, Хой, ты сможешь сам убедиться, чего стоят эти картинки. Дешевые отпечатки, рассчитанные на то, чтобы возбудить самые низменные страсти у амебовидных. Как ты, наверно, слышал, гтетанцы размножаются простым делением клетки, но обязательно при наличии соляного раствора. В их мире поваренная соль — довольно редкий продукт. Шесть фотографий, врученных Блэтчу, изображали процесс, в результате которого из одной жирной, усеянной бесчисленными вакуолями амебы, погруженной в ванну с соляным раствором, получились два стройных гтетанца.

Чтобы ты представил себе меру падения Л'пэйра, я должен сообщить тебе то, что узнал от гтетанских полицейских: он не

только продавал эту гадость несовершеннолетним амебовидным, но, по всей вероятности, сам изготовил фотографии, причем в качестве модели использовал своего брата (а может, это была сестра?). Короче, он сфотографировал свою собственную единоутробную половину, представляешь? Да, в этом деле слишком много запутанного, темного.

Блэтч возвратил Л'пэйру снимки и сказал:

— Ну что ж, я, пожалуй, купил бы у вас все шесть. Сколько вы хотите?

Гтетанец назвал цену, выраженную в единицах необходимых ему химических ингредиентов. Он объяснил Блэтчу, как их извлечь из лаборатории той школы, в которой преподавал наш педагог, и предупредил его о том, что необходимо хранить все происшедшее в строжайшей тайне.

— Иначе мосье приходит сюда завтра, а меня фью, и след простыл, и картинки исчезли, и все труды мосье ни к чему.

Блэтчу не составило никакого труда извлечь из лаборатории требуемое, потому что по земным меркам ценность химикалиев, равно как и их количество, была ничтожна. К тому же, как и во всех предыдущих случаях, когда он пользовался школьным имуществом для своих экспериментов, он скрупулезно оплатил расходы из своего кармана. Но Блэтч признался, что фотоснимки были лишь малой частью той выгоды, которую он собирался извлечь из совершенного обмена. Он намеревался продолжить деловые отношения, постараться разузнать, из какой части Солнечной системы пожаловал новоприбывший, как выглядит его мир, и установить взаимный контакт на уровне, доступном существу из цивилизованного общества, которое находится в фазе Секретного Наблюдения.

Однако, как и следовало ожидать, Л'пэйр натянул ему нос. Совершив сделку, гтетанец попросил навестить его следующей ночью, пообещав на досуге обсудить наиболее животрепещущие проблемы Вселенной. Но конечно, как только землянин удалился, Л'пэйр зарядил конвертеры горючим, произведя необходимые преобразования в его атомной структуре, запустил двигатели, и, как говорится, только его и гулкали.

По нашим предположениям, Блэтч отнесся к обману весьма философски. У него оставались снимки, а это было самым главным.

Когда Штабу Патрульной Службы сообщили, что Л'пэйр покинул Землю и направляется в сторону Туманности Геркулеса М-13, ничем не потревожив сонное течение земного прогресса, все мы вздохнули с облегчением. Папка с бумагами Л'пэйра перекочевала с полки «Особо важные дела, требующие неусып-

ного наблюдения со стороны всего персонала Штаба» на полку «Отложенные в ожидании дальнейших событий».

Я поручил наблюдение за Л'пэйром своему резиденту на Земле, капралу космической службы Па-Чи-Лу. На быстро уменьшавшийся в пространстве корабль Л'пэйра был направлен поисковый луч, а я занялся основной своей проблемой — препятствовать развитию межпланетных сообщений до той поры, пока различные человеческие общества не дорастут до соответствующего этим условиям высокого уровня цивилизации.

Таким образом, когда спустя шесть земных месяцев дело было открыто заново, Па-Чи-Лу не захотел меня беспокоить и попытался с ним справиться самостоятельно. Я понимаю, что меня это ни в коей мере не оправдывает, так как я отвечаю за все происходящее в моем районе. В семье не без урода, конечно, но как родственник родственнику, Хой, я все же должен заметить, что в данной ситуации твой одноголовый кузен оказался не таким уж безнадежным идиотом и в глубине души надеется на поддержку семьи, когда его дело поступит на рассмотрение к Старику.

Космокапрал Па-Чи-Лу обнаружил гтетанскую порнографию совершенно случайно, во время одной из своих регулярных инспекторских проверок, совершаемых им в качестве представителя Сенатской комиссии по делам средней школы. Недавно в одном американском издательстве вышел в свет учебник по биологии для старших классов, вызвавший горячее одобрение самых выдающихся специалистов в этой области. Естественно, что комиссия потребовала экземпляр книги для ознакомления.

Капрал Па-Чи-Лу перелистал несколько страниц и узрел те самые порнографические рисунки, о которых его предупреждали на совещании оперуполномоченных шесть месяцев назад. Рисунки, отлично репродуцированные, доступные всем жителям Земли и прежде всего несовершеннолетним! Впоследствии он с ужасом признавался мне, что перед ним как бы воочию предстало многократно повторенное наглое преступление Л'пэйра, пересаженное на вверенную ему, Па-Чи-Лу, планету. Он тотчас же протрубил тревогу № 1 по всей Галактике.

Между тем Л'пэйр поселился на небольшой захолустной планетке со средним уровнем цивилизации, лежащей в стороне от больших дорог, и решил открыть новую страницу своей жизни в качестве скромного ремесленника, изготовляющего ашкебак. Он жил, выполняя все законы своей страны, превратился в добродетельного и довольно жирного мещанина и даже начал подумывать, а не пора ли ему обзавестись потомством. Не многочисленным, нет-нет, двоих вполне достаточно! Впрочем, если

дела пойдут хорошо, можно, пожалуй, решиться и на дальнейшее деление.

Он был искренне возмущен, когда его арестовали и препроводили на Плутон в ожидании конвоя с Гтета.

— Кто дал вам право беспокоить мирного ремесленника, занимающегося своим трудом? — запротестовал он.— Я требую немедленного освобождения, извинения по всей форме и возмещения как материального, так и морального ущерба, причиненного мне как личности и члену общества. Я буду жаловаться вашему начальству! Необоснованное задержание гражданина Вселенной карается законом.

— Вне всякого сомнения,— подтвердил космокапрал Па-Чи-Лу,— но открытое распространение явной порнографии карается еще в большей степени. Мы ставим подобное преступление в один ряд с...

— О какой порнографии идет речь?

Мой ассистент (по его собственному признанию) так и застыл, уставясь на Л'пэйра сквозь прозрачную стенку его камеры, пораженный наглостью этого амебовидного существа. Смутное беспокойство овладело капралом — уж слишком самоуверенно держал себя преступник, несмотря на всю очевидность имеющихся против него улик.

— Вы отлично знаете, о какой именно. Вот, убедитесь сами Это лишь один экземпляр из 20 тысяч, распространенных по всей Северной Америке и предназначенных для юношества.

Он дематериализовал биологические тексты и передал их через стену. Л'пэйр бросил на них беглый взгляд.

— Неважная печать,— прокомментировал он.— Этим гуманоидам многому еще предстоит научиться. Впрочем, для скороспелых не так уж плохо. Но почему вы показываете это мне? Неужели вы думаете, что я имею к ним хоть малейшее отношение?

При этом, как утверждает Па-Чи-Лу, у гтетанца был вид педагога, терпеливо пытающегося расшифровать бессмысленное бормотание малолетнего идиота:

— Вы *отрицаете* свое участие в этом преступлении?

— О каком преступлении идет речь? Посмотрите,— он указал на заглавный лист,— по всей видимости, перед нами «Начальный курс биологии» некоего Осборна Блэтча и Никодимуса П. Смита. Надеюсь, вы не спутали меня ни с тем, ни с другим? Меня зовут Л'пэйр, а не Осборн Л'пэйр и уж никак не Никодимус Л'пэйр. Просто Л'пэйр — старый, банальный, простоватый Л'пэйр. Ни больше ни меньше. Я родился на Гтете, Шестой планете...

— Я осведомлен об астрографических координатах Гтета,— холодно прервал его Па-Чи-Лу,— равно как и о том, что шесть земных месяцев назад вы побывали на Земле и совершили товарообмен с Осборном Блэтчем, в результате чего вы приобрели горючее, в котором нуждались, а упомянутый Блэтч — набор снимков, использованных им впоследствии в качестве иллюстраций к своей книге. Как видите, наша тайная полиция на Земле довольно успешно справляется со своими обязанностями. Мы считаем книгу вещественным доказательством номер один.

— Какая изобретательность! — восхитился гтетанец.— Вещественное доказательство номер один! Ну конечно же, имея такие широкие возможности, вы остановились на самом остроумном выборе! Примите мои поздравления!

Как ты понимаешь, Хой, гтетанец сел на своего конька — втянул полицейского в обсуждение очередной юридической закавыки. Уникальное криминальное прошлое Л'пэйра как нельзя лучше помогло ему. Что касается Па-Чи-Лу, то его интеллектуальные способности в течение долгого времени были ориентированы на шпионаж и подпольные манипуляции в области культуры. Он был абсолютно не подготовлен к водопаду софизмов и юридических тонкостей, обрушившихся на его голову. Честно говоря, на его месте я бы чувствовал себя не лучше, и боюсь, что в этих условиях ни ты, ни даже сам Старик не могли быть гарантированы от провала. Между тем Л'пэйр разошелся вовсю.

— Что касается меня, то я лишь продал некоему Осборну Блэтчу набор художественных открыток. Как он поступил с ними дальше — меня это не касается. Если я, скажем, продал землянину оружие явно устарелого образца — кремневый топор, например, или котел для поливания кипящей смолой неприятеля, штурмующего крепость, а землянин с помощью этого оружия отправил своих братьев-дикарей в мир иной,— разве я становлюсь соучастником преступления? Мне что-то не приходилось читать ни о чем подобном в Своде Законов Галактической Федерации. А теперь, сынок, не пора ли компенсировать мне потерянное время и посадить меня на экспресс-ракету, направляющуюся в сторону моего нового дома?

Вот так они и ходили вокруг да около. Бедняга Па-Чи-Лу зарывался в тома кодексов и постановлений, хранящихся в Штабной библиотеке на Плутоне, лихорадочно выискивая очередную мелкую поправку, с помощью которой можно было бы загнать гтетанца в угол. Но всякий раз он с позором проваливался, ибо Л'пэйр тотчас же припоминал наипоследнейшее разъ-

яснение Верховного Совета по данному вопросу, полностью обеляющее задержанного.

Я пришел к убеждению, что у гтетанцев вся юриспруденция, по-видимому, поставлена с ног на голову.

— Но вы признаете, что продали землянину Осборну Блэтчу порнографические снимки? — взорвался наконец капрал.

— Порнография, порнография...— задумчиво протянул Л'пэйр.— Под этим словом мы, кажется, подразумеваем нечто низменное, непристойное, возбуждающее похотливые мысли и бесстыдные желания, не так ли?

— Конечно.

— В таком случае, капрал, позвольте мне задать вам один вопрос: вы видели снимки? Они вызвали у вас похотливые мысли и бесстыдные желания?

— Нет. Но я не имею счастья быть гтетанцем.

— Точно так же, как и Осборн Блэтч,— спокойно отпарировал Л'пэйр.

Я убежден, что космокапрал Па-Чи-Лу нашел бы в конце концов разумный выход из положения, если бы ему не помешал наряд гтетанской полиции, прибывший на специальном патрульном корабле для препровождения преступника на родную планету. Теперь Л'пэйру предстояло сразиться с шестью соплеменниками, среди которых находились самые блестящие законники и самые хитроумные крючкотворы из амебовидных. Полицейским властям на Руфе-VI не раз приходилось сталкиваться с Л'пэйром на многочисленных судебных заседаниях, они знали, с кем имеют дело, и на этот раз сумели подготовиться.

Казалось бы, Л'пэйр должен был сдаться перед таким численным превосходством. Но не тут-то было! Он обдумал все ходы еще на Земле. К тому же, Хой, его изобретательность стимулировалась тем простым фактом, что на карту была поставлена не чья-нибудь, а *его* собственная жизнь. Он понимал, что стоит только соотечественникам наложить на него свои псевдоподии, как он превратится в пар.

И вот впервые в жизни капрал Па-Чи-Лу осознал, как трудна иногда бывает участь полицейского — он очутился меж двух огней: сновал от заключенного к законникам и обратно, продираясь сквозь дебри мнений, утопая в трясине юридических тонкостей.

Гтетанский патруль твердо решил не возвращаться домой с пустыми псевдоподиями. Чтобы добиться своего, они должны были доказать справедливость ареста Л'пэйра, что в свою очередь давало им право (как основным пострадавшим) судить преступника по законам Гтета. Л'пэйр с не меньшей твердостью дока-

зывал несправедливость своего ареста, что обеспечивало ему не только нашу защиту и покровительство, но одновременно ставило нас самих в весьма неловкое положение.

Усталый, раздраженный и вконец осипший Па-Чи-Лу, еле волоча свои узловатые щупальца, дотащился до гтетанского патруля и объявил, что после тщательного расследования дела он пришел к выводу о полной невиновности Л'пэйра в преступлении, инкриминируемом ему в период его пребывания на Земле.

— Глупости,— возразил глава гтетанского патруля.— Преступление было совершено. На Земле распространялась откровенная и неприкрытая порнография. Разве это не преступление?

В совершенном отчаянии Па-Чи-Лу снова отправился к Л'пэйру и спросил, как же быть дальше. Разве Л'пэйру не кажется, почти плача, вопрошал несчастный, что в деле наличествуют некоторые элементы если не преступления, то хотя бы проступка? Ну пусть какого-нибудь, самого маленького?

— Пожалуй,— задумчиво ответил Л'пэйр.— Мысль не лишена логики. Проступок мог иметь место, но совершил его не я. Осборн Блэтч, например...

Космокапрал Па-Чи-Лу начисто потерял все свои головы.

Он потребовал, чтобы к нему доставили Осборна Блэтча. К счастью для всех нас, в том числе и для самого Старика, Па-Чи-Лу не решился арестовать Блэтча. Землянина задержали лишь в качестве свидетеля.

Когда я думаю, Хой, к чему мог привести несанкционированный арест существа из мира Секретного Наблюдения, моя кровь готова превратиться в жидкость.

Па-Чи-Лу, однако, совершил еще один грандиозный ляп — он поместил Осборна Блэтча рядом с клеткой Л'пэйра. Как видишь, все складывалось к вящему удовлетворению амебоида — при активном содействии моего юного помощника, разумеется.

К тому времени как Па-Чи-Лу впервые вызвал Блэтча на первый допрос, тот был уже полностью подкован.

— Порнография? — ответил он вопросом на вопрос.— При чем тут она? Мы с мистером Смитом уже несколько лет работаем над курсом элементарной биологии. Нам были необходимы иллюстрации. Мы мечтали о крупных четких изображениях, легко распознаваемых школьниками. Нас не устраивали расплывчатые, размытые рисунки делящейся клетки, которые без конца повторялись во всех учебниках, чуть ли не со времен Левенгука. Серия фотографий мистера Л'пэйра, воспроизводящая весь цикл размножения амеб, явилась для нас просто даром

небес. В сущности, эти фотографии составили основу первой книги.

— Вы, однако, не отрицаете,— с сожалением отметил Па-Чи-Лу,— что в момент приобретения вы понимали, что покупаете порнографические картинки? Несмотря на это, вы решили использовать их для развращения молодых особей вашей расы.

— Обучения,— поправил его почтенный педагог.— Обучения, а не развращения. Смею вас заверить, что среди моих учеников нет ни одного, кто бы испытал какое-либо эротическое возбуждение, рассматривая эти фотографии. Замечу в скобках, что в тексте они воспринимаются как рисунки пером. Не скрою, в момент покупки у меня создалось впечатление, что джентльмен в соседней камере рассматривает эти фотографии несколько своеобразно.

— Вот видите!

— Но ведь это его дело! Меня это не касается. В конце концов, если я покупаю у существа с другой планеты какой-нибудь предмет искусства, древний кремневый топор, например, или котел для обливания кипящей смолой противника, штурмующего крепость, и если я использую их для вполне мирных целей — топор для прополки сорняков, а котел для варки супа,— разве это преступление? Если хотите знать, наш учебник получил одобрение самых выдающихся специалистов в этой области — педагогов и ученых, известных всему миру. Давайте я прочту вам выдержки из некоторых рецензий. Где они?.. Минуточку... Ах да, по счастливой случайности, я захватил с собой несколько газетных вырезок... Они у меня в кармане пиджака. Боже мой, я и не подозревал, что их так много! Ну-с, вот что говорит по этому поводу «Школьная газета Южных прерий»:

«Замечательное, достойное всяческих похвал начинание! Достигнутые результаты на долгие годы останутся в анналах педагогики и будут служить образцом методического пособия для изучения основ науки. Авторы справедливо...»

И тут Па-Чи-Лу не выдержал. В отчаянии он воззвал ко мне о помощи.

К счастью, я к тому времени освободился от всех неотложных обязанностей и тотчас же вылетел на Плутон, предвкушая некоторое удовольствие при мысли, что смогу распутать дело, поставившее в тупик беднягу Па-Чи-Лу. Однако это чувство владело мною недолго. На смену ему пришли уныние и полная растерянность. Выслушав рапорт капрала, я принял предста-

вителей гтетанской полиции. Они уже успели связаться с министерством внутренних дел своей планеты и угрожали галактическим скандалом, если мы не подтвердим арест и не санкционируем передачу Л'пэйра в их руки.

— Неужели вы допустите, чтобы интимнейшие подробности нашей сексуальной жизни стали предметом откровенного и бесстыдного обсуждения во всех уголках Вселенной?! — возмущенно заявили они мне.— Порнография — это порнография, а преступление — это преступление. Намерение было? Было. Действие совершено? Совершено. Выдайте нам нашего заключенного.

— Что же это за порнография, если она никого не возбуждает? — спрашивал Л'пэйр.— Если гамблостинец продаст гтетанцу некое количество кргвсса, который на его планете является пищей, а у нас используется в качестве строительного материала, какое ведомство нашей планеты, хотел бы я знать, оплачивает его перевозку — министерство сельского хозяйства или коммунального строительства? Сержант, я требую немедленного освобождения.

Но самый большой сюрприз подготовил мне Блэтч. Землянин сидел в своей камере, посасывая витую ручку зонтика.

— В соответствии с законодательством, действующим на всех планетах статута Секретного Наблюдения,— начал он, узрев меня,— а я имею в виду не только Ригелиано-Санитарную Конвенцию, но и парламентские акты Третьего Космического Цикла, а также решения Верховного Совета по делу Кхвомо против Кхвомо и Фарциплока против Антареса-XII,— я требую немедленного возвращения меня на место привычного обитания — планету Земля и возмещения всех убытков в соответствии со шкалой, разработанной Комиссией Нобри в связи с недавней полемикой по этому вопросу, состоявшейся в Вивадине. Я также требую...

— А вы приобрели немалую эрудицию в области космического законодательства,— пробормотал я.

— О да, сержант, вполне достаточную. Л'пэйр весьма любезно проинформировал меня относительно моих прав. Как выяснилось, мне следует порядочная сумма в возмещение всяческих ущербов — во всяком случае я имею право предъявить целый ряд рекламаций. А вы тут создали неплохую галактическую цивилизацию, сержант. Мои соплеменники-земляне многое бы дали за то, чтобы узнать о ней поподробнее. Но я избавлю вас от неприятностей, с которыми вы непременно столкнетесь, если я предам гласности все, что со мной случилось. Я убежден, что два таких разумных индивида, как вы и я, легко могут прийти к соглашению.

Когда я попытался обвинить Л'пэйра в разглашении галактических тайн, он всколыхнул свою протоплазму слева направо, что у амебовидных соответствует пожатию плечами:

— На Земле я не разглашал никаких тайн. Вся имеющаяся у землянина информация (а я согласен с тем, что это закрытая информация) получена им с ведома и при покровительстве работников вашего Управления. К тому же, будучи несправедливо обвинен в чудовищном и грязном преступлении, я, естественно, принял все меры к защите, обсудив происшедшее с единственным свидетелем по этому делу. Более того, я должен обратить ваше внимание на тот факт, что, являясь, так сказать, соответчиками, мы имели все основания объединить свои знания для самозащиты.

Вернувшись к себе в Штаб, я сделал капралу Па-Чи-Лу соответствующий втык.

— Все это похоже на трясину — чем отчаяннее стремишься выбраться, тем сильнее увязаешь. А уж этот землянин! Он довел своих сторожей-плутонцев чуть ли не до помешательства. Он всюду сует свой нос: а это что, а то, а почему так, а как он действует? Ему ничем не угодишь: то в камере недостаточно тепло, то воздуха не хватает, то пища невкусная. У него першит в горле, ему нужно полоскание, не одно, так другое.

— Давайте ему все, что он потребует, в разумных пределах, конечно,— распорядился я.— Если этот тип отдаст концы, нам с вами не миновать принудительного путешествия по туннелю на Сигнусе — и еще счастье, если мы отделаемся только этим! Что касается основной проблемы, то я согласен с мнением гтетанской полиции: преступление было *совершено*. Так нужно!

Космокапрал уставился на меня:

— Вы... вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что если преступление совершено, то арест Л'пэйра законен и преступника следует препроводить на Гтет.

Таким образом мы избавимся не только от него, но и от всей банды амебовидных разбойников. Остается Осборн Блэтч, но, как только Л'пэйр уберется, мы легко справимся с землянином. Однако прежде всего преступление! Л'пэйр *должен* быть виновен. Годится любое преступление, любое правонарушение, лишь бы оно было совершено во время его пребывания на Земле. Поставь свою раскладушку в юридической библиотеке.

Вскоре после этого Па-Чи-Лу вылетел на Землю.

Только прошу тебя, Хой, избавь меня от проповедей на моральные темы. Ты знаешь лучше меня, что в Патрульной Службе бывали дела и похлеще. Мне это так же неприятно, как и тебе, но у меня не было другого выхода. К тому же этот

амебовидный специалист по части преступлений слишком долго избегал справедливого возмездия. В сущности, с точки зрения морали я был безусловно прав, принимая такое решение.

Как я уже сказал, Па-Чи-Лу возвратился на Землю, на этот раз под видом редактора того издательства, которое опубликовало знаменитый учебник биологии. В архивах издательства все еще хранились оригиналы иллюстраций. Космосержант умело и осторожно внушил одному из технических редакторов мысль о необходимости пересмотреть фотоматериалы и подвергнуть анализу бумагу, на которой они были напечатаны.

Химический анализ показал, что фотобумага была изготовлена из фартуха — синтетической ткани, весьма распространенной на Гтете, но неизвестной землянам, которым при естественном течении событий предстояло открыть ее лишь три столетия спустя.

Сенсационное сообщение о новой ткани тотчас же появилось в газетах. Вскоре все женщины Америки стали лихорадочно раскупать белье из фартуха — новинки сезона, а мы наконец-то смогли предъявить Л'пэйру обвинение в контрабандном ввозе запрещенного товара и стимулировании очередной вспышки индустриального прогресса на Земле.

И все-таки он молодец, этот парень, Хой! «Ну что ж,— сказал он,— дорога была длинная, и она подошла к концу. Поздравляю вас! Преступление — не самый выгодный бизнес. Нарушители закона всегда проигрывают, победителями неизменно оказываются законодатели».

Я отправился к себе на базу, чтобы оформить бумаги о выдаче Л'пэйра. На душе у меня было легко; правда, у нас на руках оставался Блэтч, но он был гуманоидом. К тому же, однажды превысив свои полномочия и передернув карты, я решил довести игру до конца. Семь *скриипт* — один *лаунд.*

Но когда я со всеми документами вернулся на Плутон, я чуть не свалился с его поверхности: вместо одного амебовидного существа — хитроумного преступника Л'пэйра — я увидел двух Л'пэйров! Меньших размеров, конечно, точнее, вдвое меньших, чем первоначальная амеба, но, без всякого сомнения, Л'пэйров.

За время моего отсутствия он раздвоился.

Каким образом? Помнишь полоскание, которое требовал от нас этот землянин? Так вот, это была идея Л'пэйра, его последняя, самая хитроумная попытка спастись. Получив лекарство, землянин переправил его гтетанцу, который припрятал жидкость в своей камере на самый последний случай.

Полоскание было не чем иным, как *раствором соли.* Представляешь мое положение?! Гтетанцы, правда, объявили, что их законы предусматривают подобные случаи, но мне-то какое дело до их законов?

— Преступление имело место. Продавалась порнография. Мы требуем выдачи преступника. Обоих! — как заводной повторял шеф гтетанской полиции.

— В соответствии с Галактическими Статутами 600937 — 6106514,— бубнил Осборн Блэтч,— я требую немедленного освобождения, возмещения убытков в размере двух миллиардов галактических медгаваров, письменно зафиксированного...

И ко всему прочему...

— Возможно, наш предок Л'пэйр действительно был ужасным грешником,— пискляво шепелявили молодые амебы в клетке справа от камеры Блэтча.— Но какое это имеет отношение к нам? Л'пэйр с лихвой заплатил за свои прегрешения — он скончался в родах. Мы же молоды и совсем-совсем невинны. Неужели старушка Галактика наказывает малолетних за грехи их родителей?

Что бы ты сделал на моем месте?

Я отослал весь табор в Главный Штаб — гтетанцев с их воплями и юридическими цитатами, Осборна Блэтча с его зонтиком и учебником по биологии, связку порнографических фото и, наконец,— хотя я должен был бы упомянуть о них прежде всего — двух (не ошибись — их двое!) еще тепленьких амебочек. Пометь их Л'пэйр$_1$ и Л'пэйр$_2$. Делай с ними что хочешь, а я умываю руки.

Но если ты (вместе со своими мудрецами в Штабе) сумеешь придумать какое-нибудь объяснение, которое мы могли бы представить Старику, прежде чем он вскроет глоссистомороф, мы (я и Па-Чи-Лу) будем благодарны тебе по гроб жизни.

Ну а если не придумаешь — что ж, мы здесь, на посту 1001625 Космической Патрульной Службы. Наши чемоданы сложены. По Черному туннелю на Сигнусе не путешествуют налегке.

P. S. Хой, лично я убежден, что во всех неприятностях виноваты существа, которым для воспроизведения рода обязательно требуются всякие страсти и эмоции. Куда разумнее и пристойнее делать это с помощью спор.

Разгневанные мертвецы

Я стоял перед воротами Свалки и ощущал, как мой желудок медленно сводят болезненные спазмы — такие же, как в тот день, когда на моих глазах всю эскадру землян — с экипажами почти в двадцать тысяч человек — разнесло на кусочки во время Второй битвы за Сатурн более одиннадцати лет назад. Но тогда я видел на экране обломки кораблей и мысленно слышал вопли погибающих; тогда вид похожих на коробки эотийских звездолетов, рыскающих среди дрейфующих в пустоте жутких ошметков, заставил меня покрыться ледяным потом, который обволок лицо и шею.

Сейчас же я видел лишь большое, ничем не примечательное здание, очень похожее на сотни других предприятий в промышленных пригородах Старого Чикаго, очередную фабрику, окруженную забором с запертыми воротами и обширными испытательными площадками,— Свалку. И все же пот на коже был еще холоднее, а спазмы в желудке резче, чем во время любой из тех бесчисленных и жестоких битв, породивших это место.

А все это очень даже понятно, сказал я себе. То, что я испытываю, есть ведьма-прапрабабушка всех страхов, самое глубинное отрицание, на какое только способна моя плоть. Понятно-то оно понятно, да только от этого понимания не легче. Я никак не мог себя заставить подойти к охраннику у ворот.

Я уже почти взял себя в руки, но тут заметил возле ограды огромный квадратный и слегка пованивающий ящик с бросающейся в глаза разноцветной надписью на стенке:

МУСОР — ЭТО *БОГАТСТВО*
БРОСАЙТЕ *ВЕСЬ* МУСОР СЮДА
помните,
ВСЕ ИЗНОШЕННОЕ МОЖНО ВОССТАНОВИТЬ

ВСЕ ИСКАЛЕЧЕННОЕ МОЖНО УТИЛИЗИРОВАТЬ
ВСЕ ИСПОЛЬЗОВАННОЕ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ СНОВА
БРОСАЙТЕ *ВЕСЬ* МУСОР СЮДА

Полиция утилизации

Я видел эти квадратные, разделенные на отсеки ящики с такими же надписями в каждой казарме, каждом госпитале и рекреационном центре от Земли до пояса астероидов. Но здесь, возле Свалки, он смотрелся совсем иначе, а надпись приобретала другой смысл. Интересно, висят ли у них внутри другие плакаты, покороче? Да вы сами их видели: «Нам нужны все наши ресурсы для победы» и «МУСОР — НАШ КРУПНЕЙШИЙ ПРИРОДНЫЙ РЕСУРС». Лишь простодушный болван украсил бы подобными плакатами стены именно этого здания.

Все искалеченное можно утилизировать... Я напряг правую руку, обтянутую синей тканью комбинезона. Она казалась частью моего тела и всегда будет такой казаться. А через пару лет, если я проживу так долго, тонкий белый шрам, опоясывающий локтевой сустав, станет и вовсе незаметен. Конечно. Все искалеченное можно утилизировать. Все, кроме одного. Самого главного.

И мне еще меньше захотелось входить.

Тут я и заметил того парня. С Аризонской базы.

Он стоял перед будкой охранника, оцепенев, как и я. На его форменной фуражке сияла золотом новенькая буква Y с точкой в центре: эмблема командира «рогатки». Вчера на инструктаже этой фуражки у него не было, и это означало лишь одно: назначение произошло только сегодня. Выглядел он очень молодым и очень испуганным.

Я запомнил его еще на инструктаже. Когда нас попросили задавать вопросы, он робко поднял руку, а когда ему дали слово, пару раз облизнул губы и наконец выпалил:

— Извините, сэр, но они... они не очень скверно пахнут?

Грянул дружный хохот, тот визгливо-лающий хохот, который издают люди, весь день пребывавшие на грани истерики и чертовски обрадованные тем, что кто-то наконец выдал нечто такое, что можно назвать смешным.

Седой офицер, проводивший инструктаж и тоже едва не улыбнувшийся, подождал, пока истерический смех стихнет, и серьезно ответил:

— Нет, ничем скверным они не пахнут. Если, конечно, регулярно моются. Совсем как вы, господа.

Мы мгновенно стихли. Даже парнишка, усевшись с пунцовым от смущения лицом, стиснул после такого напоминания

челюсти. И лишь двадцать минут спустя, когда инструктаж закончился, я ощутил, как болят все еще напряженные мускулы на лице.

Совсем как вы, господа...

Я тряхнул головой и подошел к парню.

— Привет, командир,— сказал я.— Давно здесь стоишь?

— Больше часа, командир,— ответил он, выдавив улыбку.— Поймал в восемь пятнадцать транспорт с Аризонской базы. Почти все остальные парни еще отсыпались после вчерашнего. А я лег спать пораньше: хотел дать себе как можно больше времени освоиться с мыслью о том, что мне здесь предстоит. Да только, кажется, ничего из этого не вышло.

— Знаю. Есть вещи, к которым привыкнуть нельзя. Такое, к чему *вообще* нельзя привыкнуть.

Он взглянул на мою грудь:

— Полагаю, вы не первый раз командуете «рогаткой»?

Первый? Скорее двадцать первый, сынок! Но тут я вспомнил, что все говорят мне, как молодо я выгляжу для своих медалей, да и парень, черт возьми, был такой бледный от волнения...

— Нет, не первый. Но до сих пор у меня не было экипажа из покойников, так что мне это столь же в новинку, как и тебе. Слушай, командир, у меня тоже коленки дрожат. Может, пройдем через ворота вместе? Тогда худшее останется позади.

Парень энергично кивнул. Мы взялись за руки, подошли к охраннику и показали ему предписания.

— Идите все время прямо,— посоветовал он, открывая ворота.— Садитесь на любой лифт слева и поднимайтесь на пятнадцатый этаж.

Все еще держась за руки, мы приблизились к главному входу в большое здание, поднялись по длинной лестнице и вошли в дверь, над которой висела красно-черная табличка:

ЦЕНТР УТИЛИЗАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРОТОПЛАЗМЫ
ОТДЕЛОЧНЫЙ ЗАВОД ТРЕТЬЕГО ОКРУГА

В главном вестибюле мы увидели несколько пожилых, но сохранивших осанку мужчин и множество симпатичных девушек в форме. Я с удовольствием отметил, что почти все они беременны. Первое приятное зрелище почти за неделю.

Мы свернули налево к лифтам.

— Пятнадцатый,— сказал я девушке-лифтерше. Она нажала кнопку и стала ждать, пока кабина лифта заполнится. Кажется, она не была беременна. Интересно, в чем у нее проблема?

Взглянув на погоны других пассажиров лифта, я без труда справился с разыгравшимся было воображением. Эти погоны меня едва не доконали — круглые и красные, с черными буквами «ВСЗ» поверх белых букв «Г-4». «ВСЗ», разумеется, означало «Вооруженные Силы Земли»: эти буквы являлись общим обозначением всех тыловых частей и учреждений. Но почему не «Г-1», то есть «личный состав»? «Г-4» соответствовало Отделу Снабжения. *Снабжения!*

Вы всегда можете положиться на ВСЗ. Тысячи специалистов всевозможных званий и должностей неустанно напрягают свои образованные головы, поддерживая высокий боевой дух тех, кто находится на боевом периметре... но всякий раз, когда дело касается мелочей, старые и надежные ВСЗ обязательно выберут самое уродливое название или термин, худшие из возможных.

О, конечно, сказал я себе, нельзя двадцать пять лет вести сокрушительную и бескомпромиссную межзвездную войну и при этом сохранить каждую красивую мысль новенькой и целехонькой. Но только не «Снабжение», господа. Только не здесь — не на Свалке. Давайте попробуем сохранить хотя бы видимость приличия.

Тут кабина поехала вверх, девушка-лифтерша начала объявлять этажи, и у меня появилось множество новых тем для размышления.

— Третий этаж — прием и классификация трупов,— пропела лифтерша.

— Пятый этаж — первичная обработка органов.

— Седьмой этаж — восстановление мозга и регулировка нервной системы.

— Девятый этаж — косметика, элементарные рефлексы и управление мускулатурой.

Начиная с этого этажа я заставил себя не слушать, как это делаешь, например, находясь на борту тяжелого крейсера в тот момент, когда задний двигательный отсек разносит залп эотийского линкора. Побывав в такой ситуации несколько раз, обучаешься как бы запечатывать себе уши и мысленно убеждать себя: «Я никого не знаю в этом проклятом двигательном отсеке, совсем никого, и через пару минут все снова будет хорошо и спокойно». Так оно через пару минут и получается. Единственная проблема возникает, лишь если тебя, хочешь ты этого или нет, назначают в аварийную команду, которой приказывают проникнуть в это наполненное дымом и паром помещение, соскрести со стен кровавые ошметки и привести двигатели в порядок.

Так же и теперь. Едва я приказал себе не слышать голос лифтерши, как лифт добрался до пятнадцатого этажа («Собеседование и отправка»), и мы с парнем вышли.

Теперь он был по-настоящему зеленый. Колени заметно подгибались, а плечи поникли и подались вперед, словно у него были кривые ключицы. И я вновь испытал к нему благодарность — ничто так не поднимает дух, как необходимость о ком-то позаботиться.

— Пошли, командир,— прошептал я.— Вперед, в атаку. Взгляни на все иначе: для таких, как мы с тобой, это практически воссоединение с семьей.

Я тут же понял, что ляпнул не то — парень взглянул на меня так, словно я врезал ему по лицу.

— Не стану благодарить вас за напоминание, мистер,— сказал он.— Даже если мы в одной лодке.

И он зашагал на негнущихся ногах в приемную.

Я был готов откусить себе язык и торопливо догнал его.

— Извини, парень,— искренне произнес я.— Брякнул, не подумав. И постарайся не злиться на меня: ведь мне, черт возьми, тоже пришлось услышать собственные слова.

Он остановился, подумал немного и кивнул. Потом улыбнулся:

— Ладно. Я не злюсь. Эта война — грубая штука, верно?

— Грубая? — Я улыбнулся в ответ.— Знаешь, мне говорили, что если не станешь вести себя осторожно, то тебя даже могут убить.

В приемной сидела пухлая блондиночка с двумя обручальными кольцами на одной руке и с третьим на другой. Если я правильно помнил нынешние обычаи, это означало, что она дважды вдова и снова замужем.

Блондинка взяла наши приказы, прочла их и затараторила в микрофон:

— Внимание, отдел окончательной подготовки. Внимание, отдел окончательной подготовки. Вызываются к немедленной отправке следующие серийные номера: 70623152, 70623109, 70623166 и 70623123. А также номера 70538966, 70538923, 70538980 и 70538937. Просьба проверить соответствие серийных номеров заказанным, а также все данные выходных форм ВСЗ номер 362 на соответствие Инструкции ВСЗ номер 7896 от 15 июня 2145 года. Сообщить о готовности к собеседованию.

Да, она произвела на меня впечатление. Почти такую же процедуру можно наблюдать в отделе снабжения, если зайти туда за комплектом выхлопных дюз.

Девушка посмотрела на нас и одарила приветливой улыбкой:

— Ваши экипажи через минуту будут готовы. Не желаете ли присесть, господа?

Господа присели.

Через некоторое время она встала, чтобы достать что-то из шкафчика на стене. Когда она возвращалась к столу, я заметил, что она беременна — на третьем или четвертом месяце,— и я, естественно, удовлетворенно кивнул. Краем глаза я заметил, что парень тоже легонько кивнул. Мы переглянулись и усмехнулись.

— Это такая жестокая война,— сказал он.

— Откуда ты? — спросил я.— Судя по акценту, не из Третьего округа.

— Верно. Я родился в Скандинавии, в Одиннадцатом военном округе. Мой родной город Гетеборг в Швеции. Но когда я получил... назначение, то, естественно, решил больше не встречаться с родными и попросил перевести меня в Третий округ. Так что я теперь буду здесь проводить отпуска и попадать в госпитали после ранений.

Я слышал, что подобное желание возникает у многих молодых «рогаточников». Сам-то я никогда не получу возможность проверить, какими окажутся мои эмоции при встрече с родителями. Отец погиб во время самоубийственной для нас попытки отбить у врага Нептун, когда я еще учился в старших классах азам боевой подготовки, а мать была секретарем в штабе адмирала Рагуцци, когда два года спустя флагманский корабль «Фермопилы» получил прямое попадание при знаменитой обороне Ганимеда. Это было, разумеется, до принятия «Кодекса о деторождении», и женщины еще служили на административных должностях по всему боевому периметру.

С другой стороны, по меньшей мере два моих брата еще могли оказаться живы. Но я не пытался разыскать их, став командиром «рогатки», и потому решил, что мы с парнем испытываем одинаковые чувства — а чему тут удивляться?

— Вы из Швеции? — спросила блондинка.— Мой второй муж тоже был родом из Швеции. Может, вы его знали... Свен Носсен. У него было много родственников в Осло.

Парень закатил глаза, словно и в самом деле напряженно вспоминал. Якобы перебирал имена всех шведов, живших в Осло. Через некоторое время он покачал головой:

— Нет, не помню такого. Но я редко выезжал из Гетеборга до призыва.

Она сочувственно вздохнула, жалея провинциального парня. Типичная блондинка с кукольным личиком из классического

анекдота. Дура дурой. И все же... сколько сейчас на внутренних планетах системы очень умных и женски озабоченных красоток, которым приходится чуть ли не сражаться между собой, деля на пятерых какого-нибудь безнадежного идиота, обладающего хотя бы минимальными мужскими способностями. Или за сертификат из местного банка спермы. А у этой блондиночки уже третий полноценный муж.

Быть может, подумал я, если бы стал искать себе жену, то выбрал бы именно такую девушку, чтобы позабыть вонь скрэмблерных лучей и басовитый грохот «ирвинглов», выплевывающих заряд за зарядом. Быть может, я захочу увидеть как раз нечто такое симпатичное и простое, возвращаясь домой после хитроумных схваток с эотийцами, когда в голове бьется лишь одна мысль — какой боевой ритм эти вонючие насекомые применили на этот раз? Быть может, если я когда-нибудь женюсь, такая прелестная пустышка окажется для меня более желанной, чем... довольно. Может быть. Будем считать это интересной психологической проблемой.

Тут я заметил, что она обращается ко мне:

— У вас никогда не было прежде экипажа такого типа, командир?

— Вы имеете в виду зомби? Счастлив сказать, что пока нет.

Блондинка неодобрительно надула губки. Должен признать, смотрелось это не хуже, чем если бы она выразила одобрение.

— Нам не нравится это слово.

— Ну хорошо, тогда нули.

— Нам не нравится и... это слово. Ведь вы говорите о людях — таких же, как и вы, командир. Ну почти таких же.

Я ощутил, как во мне закипает злость, совсем как тогда у парня в приемной, но потом понял, что она ничего дурного в виду не имела. Она попросту ничего не знает — ведь это, черт подери, не указано в наших предписаниях. Я расслабился.

— Тогда скажите, как вы их здесь называете?

Блондинка выпрямилась:

— Мы называем их заменителями солдат. Эпитет «зомби» применялся по отношению к устаревшей двадцать первой модели, снятой с производства более пяти лет назад. Вы же получите индивидуумов на основе моделей семьсот пять и семьсот шесть, которые практически безупречны. Более того, в некоторых отношениях они...

— И кожа у них не синеватая? И ходят они не как лунатики?

Она энергично затрясла головой, и глаза у нее вспыхнули. Девочка явно проштудировала документацию. Выходит, не такая уж она и пустышка; не гений, но мужьям было о чем с ней поговорить между двумя заходами.

— Цианоз был результатом плохого насыщения крови кислородом,— с энтузиазмом затрещала она.— Кровь представляла для нас вторую труднейшую проблему при реконструкции тканей, но труднее всего пришлось при работе с нервной системой. К тому времени когда тела поступали к нам, клетки крови обычно находились в наихудшем состоянии, но мы научились очень качественно восстанавливать сердца. Зато если в бою происходит даже малейшее повреждение мозга или позвоночника, приходится начинать с нуля. Моя кузина Лорна работает в отделе настройки нервной системы; так она мне рассказывала, что достаточно всего раз неправильно соединить нервы — а вы сами знаете, командир, как работается в конце дня, когда глаза устают и начинаешь поглядывать на часы,— так вот, всего одно неправильное соединение, и рефлексы у законченного индивидуума оказываются настолько скверными, что его приходится возвращать на третий этаж и начинать все сначала. Но вам на этот счет тревожиться не придется. Начиная с модели 663 мы ввели систему двойной параллельной инспекции. А модели семисотой серии... о, они получились просто *замечательными!*

— Неужели настолько хорошими, что превзошли старомодную модель мамочкиного сынка?

— Ну...— задумчиво протянула она.— Вы просто изумитесь, командир, взглянув на диаграммы их эксплуатационных качеств. Разумеется, остается крупный недостаток, единственный вид деятельности, который мы не смогли...

— Но вот чего я не могу понять,— вмешался парень,— так это почему вам приходится использовать трупы?! Тело прожило свое, война для него закончилась, так почему бы не оставить его в покое? Я знаю, что эотийцы могут превзойти нас в численности, просто увеличив число маток на своих флагманских кораблях; знаю и то, что людские ресурсы — крупнейшая проблема ВСЗ... но ведь мы давным-давно научились делать синтетическую протоплазму. Так почему нельзя синтезировать все тело, от кончиков ногтей на ногах до коры головного мозга, и поставить на конвейер производство настоящих андроидов, от которых при встрече не разит мертвечиной?

— Наша продукция *не воняет!* — возмутилась блондинка.— Отдел косметики теперь гарантирует, что у новых моделей тело пахнет даже меньше, чем у вас, молодой человек! И должна вам заявить, что мы отнюдь не занимаемся оживлением трупов; мы *утилизируем* человеческую протоплазму, заново используем изношенный и поврежденный человеческий клеточный матери-

ал в области, где испытывается самая острая нехватка, то есть в живой силе. Могу заверить, у вас язык не повернулся бы назвать трупами то, что иногда к нам поступает. Иногда в целой партии — а партия состоит из двадцати погибших — не удается набрать материал для изготовления одной-единственной работающей почки. Тогда нам приходится брать в одном месте немного соединительной ткани, в другом кусочек селезенки, модифицировать, осторожно смешивать, активи...

— Как раз об этом я и спрашивал. Зачем столько хлопот, разве нельзя начать с настоящего исходного сырья?

— Какого, например? — спросила она.

Парень махнул рукой в черной перчатке:

— С исходных элементов — углерода, водорода, кислорода и так далее. Весь процесс стал бы намного чище.

— Исходные элементы должны откуда-то поступать,— мягко заметил я.— Кислород и водород можно добыть из воздуха и воды. А углерод?

— Там же, где его добывают для производства прочих синтетических материалов,— из угля, нефти, целлюлозы.

Блондинка уселась и расслабилась.

— Все это органические вещества,— напомнила она.— Но если вы собираетесь использовать сырье, которое уже однажды было живым, то почему бы не использовать то, что максимально приближено к конечному продукту? А лучшим и дешевейшим сырьем для производства заменителей солдат являются солдатские тела.

— Конечно,— отозвался парень.— Весьма логично. Куда еще девать мертвые и искалеченные солдатские тела? Не закапывать же их в землю, где они станут просто отходами.

Очаровательная блондиночка начала было согласно улыбаться, но вгляделась в лицо парня и передумала. Ее уверенность куда-то испарилась, и, когда коммуникатор на ее столе зажужжал, она проворно наклонилась к микрофону.

Я смотрел на нее с одобрением. Определенно не пустышка. Просто женственная. Я вздохнул. Понимаете, я многое на гражданке воспринимаю неправильно, но лишь с женщинами моя неправильность становится постоянной проблемой. И это вновь доказывает, что чертовски много всяких странных событий, как выясняется, оборачивается к лучшему.

— Командир,— обратилась она к парню,— пройдите, пожалуйста, в комнату 1591. Ваш экипаж вскоре будет там. А вы, командир,— повернулась она ко мне,— будьте любезны пройти в комнату 1524.

Парень кивнул и зашагал прочь, очень прямой и напряженный. Подождав, пока за ним закроется дверь, я наклонился к блондинке.

— Мне хочется, чтобы «Кодекс о деторождении» вновь изменили,— сказал я ей.— Из вас получился бы отличный тыловой офицер по ориентации. Поговорив с вами, я понял суть Свалки гораздо лучше, чем после десяти инструктажей.

Она с тревогой всмотрелась в мое лицо:

— Надеюсь, вы сказали это искренне, командир. Видите ли, мы все очень преданы этому проекту. Мы чрезвычайно гордимся достижениями нашего предприятия и постоянно обсуждаем их... повсюду, даже в кафетерии. И мне слишком поздно пришло в голову, что вы можете...— она покраснела, и ее лицо стало пунцовым — так краснеют только блондинки,— можете принять мои слова на свой счет. Мне очень жаль, если...

— Вам не за что извиняться,— заверил я.— Все, что вы говорили, называется профессиональной увлеченностью. Я в прошлом месяце был в госпитале и слышал, как два хирурга обсуждали, как починить человеку руку и сделать ее здоровой, и говорили они так, словно собирались приколотить новую ручку к дорогому креслу. Я их с интересом послушал и многое узнал.

Уходя, я увидел в ее глазах благодарность — а от женщин можно уходить только так — и направился в комнату 1524.

Очевидно, когда на фабрику не приезжали за утилизированными человеческими отходами, это помещение использовалось как класс. Несколько стульев, длинная доска, пара схем на стене. На одной из схем была приведена информация об эотийцах — та небогатая и сконцентрированная информация, которую нам удалось собрать об этих гадах за кровавые четверть века, прошедшие с тех пор, когда они рванулись мимо Плутона на захват нашей Солнечной системы. Схема мало изменилась по сравнению с той, которую я учил еще в школе, немного удлинился лишь перечень сведений о степени интеллекта и мотивациях. Все это, разумеется, лишь теория, но гораздо более тщательно обдуманная по сравнению с материалом, который я зубрил. Ныне специалисты пришли к заключению, что причина, из-за которой все попытки установить с ними связь закончились провалом, заключается не в том, что это существа, одержимые завоевательской манией, а в том, что они страдают такой же доведенной до предела ксенофобией, как и их менее разумные двоюродные родственники на Земле — общественные насекомые. Стоит, к примеру, муравью забрести в чужой муравейник — чик! Никаких дискуссий, его приканчивают прямо у входа, а если насекомое-нарушитель принадлежит к другому виду, то

муравьи-охранники реагируют еще быстрее. Поэтому, несмотря на эотийскую науку, которая в слишком многих отношениях превосходит нашу, они чисто психологически не способны на ментальную проекцию или эмпатию, без которых невозможно понять, что чужое на вид существо обладает разумом, чувствами — и правами! — практически такими же, как и ты сам.

Что ж, может, оно и так. А пока мы завязли в убийственной патовой ситуации по всему периметру непрерывного сражения, который иногда растягивается до Сатурна, а иногда сжимается до орбиты Юпитера. Если отбросить вероятность изобретения оружия такой сокрушительной мощи, что мы сумеем уничтожить их флот быстрее, чем они ухитрятся обзавестись новым, что им до сих пор удавалось, наша единственная надежда на победу заключается в том, чтобы как-то отыскать звездную систему, откуда они заявились, как-то построить не один звездолет, а целый флот и как-то раздолбать их родную планету или навести там такого шороху, чтобы они испугались и отвели свой флот для ее обороны. Многовато получается этих «как-то».

Но если мы желаем продержаться до момента, когда эти «как-то» начнут осуществляться, то список новорожденных у нас должен стать длиннее списка боевых потерь. В последнее десятилетие этого не происходило, несмотря на все более и более жесткий «Кодекс о деторождении», постепенно обращавший в прах все наши моральные принципы и общественные достижения. Потом настал день, когда кто-то из Полиции утилизации обратил внимание на то, что почти половина наших кораблей изготовляется из металлолома, собранного после сражений. И он задумался: а куда подевались бывшие экипажи этих обломков?..

И тогда блондинка и ее коллеги впервые произнесли термин «заменители солдат».

Я был компьютерщиком второго класса на старом «Чингисхане», когда первая их партия прибыла на борт в качестве пополнения. И скажу вам, друзья, у нас имелись веские основания называть их «зомби»! Почти все они были синие, как ткань их униформы, дышали столь шумно, словно были астматиками со встроенным в легкие мегафоном, глаза сияли разумностью медузы... *а как они ходили*!

Мой друг Джонни Краро, которому довелось стать первым погибшим во время Великого Прорыва 2143 года, обычно говорил, что они словно пытаются спуститься по склону крутого холма, у подножия которого вырыта большая и уютная могила семейного размера. Тело прямое и напряженное. Руки и ноги

двигаются медленно-медленно, а потом резко — дерг! Жутко, как в аду.

Они годились только для самой тупой физической работы. Но даже в этом случае... если прикажешь зомби вытереть лафет орудия, то надо не забыть через час вернуться и «выключить» его, а то он протрет и лафет, и обшивку насквозь. Конечно, не все они были настолько тупыми. Джонни Краро говорил мне, что ему даже попалось несколько таких, что достигали умственного уровня имбецилов — когда были в нормальном состоянии.

С точки зрения ВСЗ, их погубили битвы. Но нельзя сказать, что они во время сражения трусили — как раз наоборот. Старый корабль дергается и скрежещет, каждые несколько секунд меняя курс; каждый «ирвингл», скрэмблер и нуклеонная гаубица на огневой палубе раскаляются чуть ли не добела от выделяемого тепла; громкоговорители в переборках хрипло выстреливают команды, которые человеческие мускулы не успевают выполнять; техники из аварийной команды с искаженными от напряжения лицами носятся от одного повреждения к другому; все вокруг работают на пределе возможного, матерясь и гадая вслух, почему эотийцы так долго не могут расколошматить столь крупную и медленную мишень, как «Чингисхан»... и вдруг натыкаешься взглядом на зомби: резиновые руки стискивают метлу, челюсть отвисла, а он с жуткой добросовестностью идиота подметает палубу...

Я помню, как целые орудийные расчеты впадали в ярость и набрасывались на зомби, орудуя ломами и кулаками в металлических перчатках. Однажды даже офицер, бегущий в рубку управления, остановился, выхватил пистолет и принялся всаживать пулю за пулей в синекожего зомби, мирно протирающего иллюминатор, в то время как на корме бушевал пожар, а когда зомби непонимающе и покорно рухнул на пол, молодой офицер стоял над ним и нараспев произносил, словно успокаивал собаку: «Лежать, парень, лежать, лежать, черт бы тебя побрал, лежать!»

Именно эта причина, а вовсе не их низкая эффективность в конце концов вытеснила зомби из экипажей: в бою у находящихся рядом с ними попросту не выдерживала психика. Быть может, если бы не это, мы со временем привыкли бы к ним — с чем только человек не свыкается в бою. Но зомби уже перешагнули ту грань, за которой кончается просто война.

Их не волновала, совершенно не волновала перспектива умереть вновь!

Что ж, все говорят, что зомби новых моделей намного совершеннее прежних. И не дай бог, если это окажется не так. Лишь

тонкая грань отделяет «рогатку» от патруля самоубийц, и для выполнения ее безумной миссии, не говоря уже о возвращении, от каждого члена экипажа требуется безупречное выполнение своих обязанностей, да еще на пределе возможного. К тому же кораблик очень мал, и людям нужно ладить между собой в такой тесноте...

Я услышал в коридоре топот нескольких пар ног. Шаги стихли у двери.

Они ждали. Я ждал. Моя кожа начала покрываться мурашками. И тут я услышал неуверенное шарканье подошв. Они нервничали перед встречей со мной!

Я подошел к окну и посмотрел вниз на плац, где старые ветераны, чьи тела и умы были слишком изношены и уже не подлежали восстановлению, обучали облаченных в форму зомби во время строевой подготовки пользоваться свежеобретенными рефлексами. Это зрелище напомнило мне школьный стадион, где много лет назад хриплый стариковский голос выкрикивал мне и одноклассникам такие же лающие команды: «Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре». Только местные ветераны выкрикивали не «раз!», а какое-то другое слово, которое я не сумел разобрать.

И тут, когда стиснутые за спиной ладони едва не выдавили кровь обратно в запястья, я услышал, как открылась дверь и четыре пары ног протопали по полу класса. Дверь закрылась, щелкнули четыре пары каблуков. Мой экипаж встал по стойке «смирно».

Я обернулся.

Они отдавали мне честь. Да, черт возьми, им же полагается отдавать мне честь, ведь я их командир. Я тоже отдал им честь, и четыре руки четко опустились.

— Вольно,— сказал я. Они резко расставили ноги и завели руки за спину. Я подумал.— Отдыхать.— Их тела слегка расслабились. Я снова подумал и сказал: — Ладно, парни, садитесь, будем знакомиться.

Они небрежно развалились на стульях, а я уселся на крышку инструкторского стола. Мы разглядывали друг друга. По их напряженным и настороженным лицам ничего нельзя было прочесть.

Я стал гадать, какое у меня сейчас выражение лица. Должен признаться, что первое впечатление от них меня поразило, несмотря на всю подготовку и вводные лекции. Все они выглядели здоровыми, нормальными и целеустремленными. Но это было не все.

Далеко не все.

Было и нечто такое, что порождало во мне желание выбежать за дверь и вообще из этого здания, чего я себя уговаривал не делать после последнего инструктажа на базе в Аризоне. На меня смотрели четыре мертвеца. Четыре очень знаменитых мертвеца.

Крупный мужчина, которому был маловат стул, оказался Роджером Греем. Он погиб более года назад, протаранив своим крошечным разведывательным корабликом передние дюзы эотийского флагмана, который после этого аккуратно развалился пополам. Он был награжден всеми мыслимыми медалями и орденом «Солнечная Корона». Грей будет моим вторым пилотом.

Худого настороженного человека с ежиком черных волос звали Ванг Хси. Он погиб, прикрывая отход наших кораблей к поясу астероидов после Великого Прорыва 2143 года. Очевидцы рассказывали фантастическую историю о том, что его корабль продолжал стрелять даже после того, как лучи вражеских скрэмблеров обработали его трижды. Тоже все мыслимые медали и «Солнечная Корона». Ванг будет моим инженером.

Смугловатого коротышку звали Юсуф Ламед. Он погиб во время мелкой стычки в окрестностях Титана, но после смерти стал самым награжденным человеком во всех ВСЗ. *Дважды* «Солнечная Корона». Юсуф будет моим стрелком.

Последний из четверки, массивный мужчина по имени Стенли Вейнстайн, был единственным из военнопленных, которому удалось сбежать от эотийцев. От него мало что осталось, когда он добрался до Марса, но эотийский корабль, на котором он прилетел, оказался первым вражеским кораблем, попавшим в руки людей неповрежденным. В те дни ордена «Солнечной Короны» еще не существовало, и его не могли наградить им даже посмертно, но в честь этого человека до сих пор называют военные академии. Вейнстайн будет моим астрогатором.

Тут я тряхнул головой и вернулся к реальности. Передо мной сидели не сами герои. В их телах, вероятно, не было даже капли крови Роджера Грея или частички плоти Ванга Хси на восстановленных костях. То были лишь превосходные и очень точные копии, до мельчайших подробностей воспроизводящие их физические характеристики, хранившиеся в медицинских архивах ВСЗ еще с тех времен, когда Ванг был кадетом, а Грей и вовсе новобранцем.

Я напомнил себе, что существует от ста до тысячи Юсуфов Ламедов и Стенли Вейнстайнов — и все они сошли со сборочной линии несколькими этажами ниже. «Лишь храбрые заслуживают будущего» — таков был девиз Свалки, и это будущее они сейчас

обеспечивали, изготовляя дубликаты всех воинов ВСЗ, проявивших особый героизм. Насколько мне было известно, существовали еще две другие категории, которые могли рассчитывать на подобную честь, но главная причина появления героев-моделей почти не имела отношения к моральному духу солдат.

Во-первых, нельзя забывать о промышленной эффективности. Если используются методы массового производства — а на Свалке использовались именно они,— то простой здравый смысл подталкивает к выпуску нескольких стандартизованных моделей, а не продукции, каждый представитель которой отличается от другого — такие выходят из рук ремесленника-индивидуала. А раз уж выбор сделан в пользу стандартных моделей, то почему бы не взять в качестве образца тех, чья внешность вызывает относительно приятные ассоциации, а не модель с чертежной доски инженера?

Вторая причина одновременно и более важная, и труднее объясняемая. Как нам сказал вчера офицер на инструктаже, имелось довольно странное представление — почти предрассудок,— суть которого сводилась к тому, что если достаточно тщательно скопировать лицо героя, его тело, метаболизм и даже извилины коры головного мозга, то в результате тоже получится герой. Разумеется, исходная личность никогда не восстановится — ведь она образуется за долгие годы специфического окружения и на нее влияют десятки других, едва уловимых факторов,— но биотехники не исключали пусть слабой, но все же вероятности того, что частичка храбрости заключена в самой структуре тела...

Что ж, по крайней мере, эти зомби не *выглядят* как зомби.

Поддавшись внезапному порыву, я вытащил из кармана несколько свернутых в трубочку листков с нашими командировочными предписаниями, сделал вид, будто читаю один из них, и неожиданно выпустил листок из пальцев. Тот по спирали полетел на пол, но Роджер Грей мгновенно его поймал и протянул мне с той же небрежной и энергичной грациозностью. Я взял листок, и на душе у меня потеплело. Мне понравилось, как он двигается,— так и должен двигаться второй пилот.

— Спасибо,— сказал я.

Он лишь кивнул.

Потом я присмотрелся к Юсуфу Ламеду. Да, в нем тоже было *это*. Не знаю, как это назвать, но в нем таилось нечто, чем обладают все первоклассные стрелки. Это почти невозможно описать, но когда входишь в бар в какой-нибудь зоне отдыха, скажем, на Эросе, то среди пяти сидящих за стойкой «рогаточников» безошибочно определяешь стрелка. Это что-то вроде тщательно загнанной внутрь нервозности или висящего на волоске абсолютного спокойствия. Чем бы это ни было, это именно то,

что требуется, когда сидишь, держа палец на пусковой кнопке, а корабль только что завершил серию нырков, уверток и разворотов, подошел к противнику чуть ближе предельной дальности выстрела и уже начинает новую серию нырков, уверток и разворотов, но уже в обратном направлении. В Ламеде это ощущалось настолько сильно, что я уже сейчас готов был поставить на него в состязании с любым другим стрелком ВСЗ, которого видел в работе.

С астрогаторами и инженерами иначе. Чтобы их оценить, нужно взглянуть, как они ведут себя в напряженной ситуации. Но даже сейчас мне понравились спокойствие и уверенность, которыми Ванг Хси и Вейнстайн ответили на мой испытующий взгляд. И сами они тоже.

С моих плеч словно свалилась сотня фунтов груза. Впервые за несколько дней я расслабился. Мне действительно понравился экипаж, и неважно, зомби они или нет. У нас все получится.

Я решил сказать им об этом.

— Парни,— начал я,— думаю, мы по-настоящему сработаемся. Кажется, у нас есть все, чтобы составить безупречный экипаж. И вы увидите, что я...

И тут я запнулся. Холодное, слегка насмешливое выражение их глаз. То, как они переглянулись, когда я сказал, что мы сработаемся... переглянулись и едва заметно фыркнули. Я осознал, что никто из них, войдя в комнату, не произнес и слова: они лишь наблюдали за мной, и теплоты в их взглядах я не заметил.

Я смолк и медленно набрал полную грудь воздуха. До меня впервые дошло, что до сих пор меня тревожила лишь одна сторона проблемы, возможно даже, наименее важная. Меня волновало, как я на них отреагирую и насколько смогу воспринять их в качестве членов экипажа. Они же зомби, в конце концов. И мне даже в голову не приходило задуматься о том, что они испытывают по отношению ко мне.

А в их отношении ко мне явно ощущалось нечто очень неправильное.

— В чем дело, парни? — спросил я. Все они взглянули на меня испытующе.— Что у вас на уме?

Они все смотрели на меня и молчали. Вейнстайн сжал губы, откинулся на стуле и стал покачиваться на задних ножках. Стул заскрипел. Никто из них ничего не ответил.

Я слез со стола и стал расхаживать по классу. Они следили за мной взглядами.

— Грей,— сказал я наконец.— У тебя такой вид, словно тебя гложет большая проблема. Не хочешь поделиться со мной?

— Нет, командир,— обдуманно ответил он.— Я не хочу вам о ней рассказывать.

Я скривился:

— Если кто-нибудь захочет что-то сказать — что угодно,— то это останется между нами. Сейчас мы также забудем о таких вещах, как должности и уставы ВСЗ.— Я подождал.— Ванг? Ламед? Быть может, ты, Вейнстайн?

Они молча смотрели на меня. Вейнстайн покачивался на скрипящем стуле.

Их молчание сбило меня с толку. Ну какую обиду они могли затаить на меня? Мы же никогда прежде не виделись. Но одно я знал совершенно точно: я не пущу на борт «рогатки» экипаж, молчаливо и столь единодушно затаивший в себе недовольство. Я не собираюсь пахать пространство, когда в спину мне смотрят такими глазами. Гораздо эффективнее будет подставить голову под линзу «ирвингла» и нажать кнопку.

— Слушайте,— сказал я.— Я совершенно серьезно предлагаю на время позабыть о званиях и уставах. Я хочу командовать кораблем, на борту которого все хорошо, и я должен знать, в чем дело. Мы будем жить, все пятеро, в условиях такой тесноты, которую мне даже вспоминать не хочется; мы будем управлять крошечным кораблем, чья единственная задача заключается в том, чтобы пробиться на огромной скорости сквозь огневой заслон и защитные устройства большого вражеского корабля и сделать по нему единственный сокрушительный выстрел из единственного большого «ирвингла». Нам придется ладить между собой, хотим мы этого или нет. Если же у нас этого не получится, если между нами встанет невысказанная враждебность, то корабль не сможет действовать с максимальной эффективностью. В таком случае мы будем обречены на гибель еще не...

— Командир,— внезапно произнес Вейнстайн, с громким стуком опустив на пол передние ножки стула,— мне хочется задать вам один вопрос.

— Конечно,— отозвался я, облегченно выдохнув.— Спрашивай о чем угодно.

— Командир, когда вы думаете о нас или упоминаете нас в разговоре, то какое слово используете?

Я взглянул на него и тряхнул головой:

— Что?

— Когда вы говорите или думаете о нас, командир, вы называете нас «зомби»? Или «нулями»? Вот что я хочу знать, командир.

Он произнес это столь вежливо и ровно, что до меня далеко не сразу дошла полная значимость его вопроса.

— Лично я считаю,— заметил Роджер Грей чуть менее вежливо и ровно,— что наш командир из тех, кто называет нас «тушенкой». Верно, командир?

Юсуф Ламед скрестил на груди руки и словно задумался над этой проблемой.

— Думаю, ты прав, Родж,— произнес он наконец.— Он как раз из таких типов. Определенно из таких.

— Нет,— возразил Ванг Хси.— Такими словами он не пользуется. «Зомби» — да, «тушенка» — нет. По тому, как он разговаривает, мне ясно, что он не сможет разгневаться настолько, чтобы приказать нам убираться обратно в банку. И вряд ли он очень часто называет нас «нулями». Он из тех парней, которые, теребя за пуговицу командира другой «рогатки», говорят: «Слушай, какой потрясающий экипаж зомби мне достался!» Я его таким вижу. Зомби.

И они вновь смолкли, глядя на меня. Только теперь в их глазах не было насмешки. Я прочел в них ненависть.

Я вернулся к столу и вновь уселся. В комнате было очень тихо. С плаца пятнадцатью этажами ниже доносились команды. Где они ухитрились набраться этой ерунды о зомби, нулях и тушенке? Никому из них не исполнилось и шести месяцев, никто ни разу не покидал территории Свалки. Их психологическая подготовка, пусть даже механическая и интенсивная, считалась абсолютно надежной и производила в результате гибкий, устойчивый и чисто человеческий разум со вложенными знаниями на уровне квалифицированного профессионала, а последние достижения психиатрии практически гарантировали отсутствие каких-либо отклонений. Во время обучения набраться такого они совершенно точно не могли. Тогда *где же?..*

И тут я четко его расслышал. Слово. То слово, которое произносили на плацу вместо слова «раз». То странное новое слово, которое я не сумел разобрать прежде. Тот, кто отдавал на плацу команды, говорил не: «Раз, два, три, четыре».

Он говорил: «Ноль, два, три, четыре. Ноль, два, три, четыре».

Разве это не совсем как в ВСЗ? И не только в них, а в любой армии где и когда угодно? Лучшие умы и огромные деньги вкладываются в создание чрезвычайно необходимого продукта, точно соответствующего заданию, а затем, уже на низшем уровне армейского использования, с этим продуктом делается нечто такое, что может полностью его обесценить. Я был уверен, что чиновники, которых так заботило отношение блондинки в приемной к ее служебным обязанностям, не имели никакого отношения к ветеранам ВСЗ, гоняющим взводы заменителей солдат

по плацу. Я представил себе эти узкие и злобные умы, ревностно гордящиеся своими предрассудками и своими ограниченными и мучительно приобретенными военными знаниями, и то, как они преподносят таким же новичкам, что и сидящие передо мной четверо, первое представление о казарменной жизни, первый взгляд на то, что их ждет «снаружи». Какой идиотизм!

Но так ли это? Можно взглянуть на это иначе, даже не принимая во внимание тот факт, что для такой работы армия могла выделить лишь слишком старых физически и слишком закостеневших умственно солдат, непригодных для любых других обязанностей. Дело заключалось в чистом прагматизме армейского мышления. Боевые периметры — места ужасов и мук, а передовые зоны, где действуют «рогатки», еще хуже. Если люди или материалы там не выдержат, это может обойтись очень дорого. Так пусть эти срывы произойдут как можно ближе к тылу.

Быть может, в этом есть смысл. Быть может, есть логика в том, чтобы изготовлять живых людей из плоти мертвецов (а человечество уже достигло черты, за которой ему нужно получать подкрепление хоть *откуда-нибудь!)* с огромными затратами и при помощи технологии, обычно ассоциирующейся с ватой и самыми тонкими инструментами часовщиков, а затем делать резкий разворот и швырять их в самое грубое и уродливое из возможных окружений, которое обращает их тщательно привитую лояльность в ненависть, а тонко сбалансированную психологическую настройку в невротическую чувствительность.

Не знаю, умно это по своей сути или тупо, и даже рассматривалась ли проблема как таковая армейским начальством из числа тех, кто принимает решения. Я видел лишь собственную проблему, и мне она казалась огромной. Я вспомнил, как совсем недавно относился к этим людям, и мне стало до тошноты стыдно. Но воспоминание подсказало мне идею.

— Скажите-ка мне вот что,— предложил я.— Как вы назвали бы меня?

Они удивились.

— Вы хотите знать, как я называю вас,— пояснил я.— Но скажите сперва, как вы называете таких людей, как я, тех, кто был... *рожден.* У вас наверняка есть собственные эпитеты.

Ламед ухмыльнулся так, что его зубы блеснули полумесяцем на фоне смуглой кожи.

— «Реалы»,— ответил он.— Иногда мы называем людей «реалами».

Потом заговорили остальные. Нашлись и другие клички, много других кличек. И они захотели, чтобы я услышал их все. Они перебивали друг друга; они выплевывали слова так, словно

каждое было ракетой или снарядом, и они выстреливали их в меня, с ненавистью глядя мне в лицо и оценивая удачность попаданий. Некоторые из прозвищ оказались забавными, некоторые весьма злобными. Мне особенно понравились «живородки» и «утробники».

— Ладно,— сказал я через некоторое время.— Полегчало?

Они все еще тяжело дышали, но им стало легче. Я это видел, а они это понимали. Атмосфера в классе слегка разрядилась.

— Во-первых,— сказал я,— я хочу напомнить, что вы все взрослые парни и все такое прочее, и можете сами о себе позаботиться. Отныне и навсегда, если мы вместе зайдем в бар или лагерь отдыха и кто-то примерно вашего ранга произнесет слово, которое вам послышится как «зомби», вы имеете полное право подойти к нему и начать разбирать на части — если сможете. Если же этот некто, что вероятнее всего, окажется примерно моего ранга, то разбирать его на части стану я, потому что я весьма чувствительный командир и не люблю, когда моих людей оскорбляют. И всякий раз когда вы решите, что я обращаюсь с вами не как со стопроцентными людьми, полноценными гражданами нашей Солнечной системы и так далее, я разрешаю подойти ко мне и сказать: «Послушай, ты, грязный утробник, сэр...»

Все четверо улыбнулись. Улыбки были теплыми, но они медленно, очень медленно угасли, а глаза их снова стали холодными. Они смотрели на человека, который, в конце концов, отличался от них. Я выругался.

— Все не так просто, командир,— заметил Ванг Хси.— К сожалению. Вы можете называть нас стопроцентными людьми, но это не так. И любой, кто назовет нас нулями или тушенкой, имеет на это определенное право. Потому что мы не столь хороши, как... как маменькины сынки, и мы об этом знаем. И мы никогда не станем настолько хороши. Никогда.

— Про это мне ничего не известно,— ощетинился я.— Да вы знаете, что некоторые ваши технические данные...

— Технические данные, командир,— мягко возразил Ванг Хси,— не делают из нас людей.

Сидящий справа от него Вейнстайн кивнул, немного подумал и добавил:

— А группы людей не составляют расу.

Теперь я понял, куда движется разговор. И мне захотелось вырваться из этой комнаты, прыгнуть в лифт и выбежать из здания, пока кто-нибудь не произнес еще одно слово. «Приехали,— подумал я.— Все, парень, деваться некуда». Я поймал себя на том, что сижу, раскачиваясь из стороны в сторону. Тогда я слез со стола и вновь начал расхаживать.

Ванг Хси не успокоился. Мне следовало догадаться, что он не успокоится.

— Заменители солдат,— сказал он, поморщившись, словно эти слова прозвучали впервые.— Заменители солдат, но не солдаты. Мы не солдаты, потому что солдаты — мужчины. А мы, командир, не мужчины.

На мгновение наступила тишина, потом меня прорвало, и я рявкнул, надрывая легкие:

— Да почему вы решили, что вы *не* мужчины?

Ванг Хси посмотрел на меня удивленно, но ответил опять негромко и спокойно:

— Вы знаете почему. Вы ведь видели наши спецификации, командир. Мы не мужчины, не настоящие мужчины, потому что не можем воспроизводить себе подобных.

Я заставил себя сесть и осторожно опустил трясущиеся ладони на колени.

— Мы стерильны, как кипяток,— услышал я голос Юсуфа Ламеда.

— Во все времена множество мужчин,— начал я,— не могли..

— Дело не во множестве мужчин,— прервал меня Вейнстайн.— Эта проблема касается нас *всех.*

— Нулем ты был и в нуль обратишься,— пробормотал Ванг Хси.— Могли хотя бы некоторым из нас дать шанс. У нас могли получиться не такие уж и плохие дети.

Роджер Грей шарахнул по стулу огромным кулаком.

— В том-то и дело, Ванг! — яростно воскликнул он.— Дети могут оказаться слишком хороши. Наши дети могут получиться лучше — и что тогда станет делать эта гордая и заносчивая раса реалов, которая так любит наделять низшие существа кличками?

Я сидел, снова глядя на них, но теперь видел совсем другую картину. Я видел не медленно ползущую ленту конвейера с человеческими органами и тканями, над которыми корпят усердные биотехники. Я видел не помещения, где десятки взрослых мужских тел плавают в питательном растворе, подключенные к обучающей машине, которая круглые сутки вдалбливает в них тот минимум необходимой информации, без которой это тело не сможет заменить человека на самом кровавом участке боевого периметра.

На этот раз я увидел казармы, полные героев, причем многие из них в двух или трех экземплярах. И сидят они, кляня судьбу, как клянут ее в казармах на любой планете, будь ты на вид герой или нет. Но их проклятия вызваны унижениями, которые прежде солдатам и не снились,— унижениями, затрагивающими саму суть человеческой личности.

— Значит, вы полагаете,— проговорил я негромко, несмотря на заливающий лицо пот,— что вас сознательно лишили способности воспроизводить себе подобных?

Вейнстайн скривился:

— Пожалуйста, командир. Только не надо сказок.

— Вам никогда не приходило в голову, что сейчас главной проблемой нашего вида стало размножение? Поверьте, парни, что сейчас только об этом и говорят. Школьные дискуссионные команды на окружных соревнованиях обсуждают эту тему от корки до корки; каждый месяц даже археологи и ботаники, изучающие грибы, выпускают книги, где пишут об этом со своей точки зрения. Каждый знает, что если мы не справимся с проблемой воспроизводства, то эотийцы нас уничтожат. Неужели вы всерьез думаете, что при подобных обстоятельствах хоть *кому-то* будет сознательно отказано в возможности иметь потомство?

— Да что могут на общем фоне значить несколько мужчин-нулей? — взъярился Грей.— В новостях говорили, что за последние пять лет банки спермы никогда не были настолько полны. Мы им не нужны.

— Командир,— обратился ко мне Ванг Хси, выставив треугольный подбородок.— Позвольте и мне задать вам вопрос. Неужели вы искренне полагаете, будто мы поверим, что наука, способная воссоздать живое, высокоэффективное человеческое тело со сложной пищеварительной и сложнейшей нервной системой — и все это из кусочков мертвой и разлагающейся протоплазмы,— не в силах хотя бы один-единственный раз воспроизвести и половые клетки?

— Вам придется мне поверить. Потому что это именно так.

Ванг сел, остальные тоже. На меня они больше не смотрели.

— Неужели вы никогда не слышали о том,— взмолился я,— что суть индивидуума заключена в его половых клетках в гораздо большей степени, чем в любых других частях его организма? Что некоторые биологи-чудаки даже считают, будто наши тела и тела всех других существ есть лишь переносчики, временные прибежища, с помощью которых половые клетки воспроизводят сами себя? И вообще это сложнейшая из всех биотехнических загадок! Поверьте мне, парни,— страстно добавил я,— что, когда я говорю, что биология еще не решила проблему половых клеток, я говорю правду. Я точно это знаю.

Это их добило окончательно.

— Слушайте,— продолжил я.— У нас есть одна общая черта с эотийцами. Насекомые и теплокровные животные бесконечно далеки друг от друга. Но только у общественных насекомых и общественных животных вроде человека можно обнаружить

индивидуумов, которые хотя и не участвуют лично в цепочке воспроизводства, тем не менее жизненно важны для своего вида. Например, воспитательница детского сада — бесплодная, но несомненно незаменимая для формирования личностей и даже психики детей, о которых она заботится.

— «Лекция по ориентации для заменителей солдат номер четыре»,— сухо произнес Вейнстайн.— Он вычитал все это в книжке.

— Я был ранен,— заявил я.— Я был серьезно ранен пятнадцать раз.— Я встал и принялся закатывать рукав. Он оказался мокрым от пота.

— Мы и так видим, что вы были ранены, командир,— неуверенно проговорил Ламед.— Это ясно по вашим медалям. И вам незачем...

— И после каждого ранения меня латали, и я становился как новенький. Даже лучше. Взгляните на эту руку.— Я согнул ее, демонстрируя.— До того как старая рука сгорела в небольшой стычке шесть лет назад, я не мог нарастить на ней такие мускулы. К культе мне приделали руку лучше прежней, а рефлексы у меня, уж поверьте на слово, никогда не были столь хороши, как сейчас.

— Но что вы имели в виду,— начал Ванг Хси,— когда говорили, что...

— Пятнадцать раз я был ранен,— перебил я его, возвысив голос,— и четырнадцать раз меня восстанавливали. Но в пятнадцатый раз... Что ж, в пятнадцатый раз я получил рану, перед которой медики оказались бессильны. И они ничем не смогли мне помочь.

Роджер Грей открыл рот.

— К счастью,— прошептал я,— эта рана оказалась не на заметном месте.

Вейнстайн захотел меня о чем-то спросить, но передумал и сел. Но я сказал то, что он хотел узнать.

— Нуклеонная гаубица. Потом выяснили, что у нее был дефектный снаряд. Он убил половину команды на нашем крейсере второго класса. Я не погиб, но оказался на пути нейтронного пучка, вылетевшего назад.

— И этот пучок...— Ламед что-то быстро подсчитал в уме.— Этот пучок стерилизовал бы любого на расстоянии менее двухсот футов. Если только на вас не был надет...

— Не был.— Я перестал потеть. Все кончилось. Я раскрыл свой драгоценный секрет и теперь смог глубоко вдохнуть.— Так что как видите... во всяком случае, я *знаю,* что эту проблему еще не решили.

Роджер Грей встал.

— Эй,— сказал он и протянул руку. Я пожал ее. Нормальная рука, разве что чуточку сильнее обычной.

— Экипажи «рогаток»,— добавил я,— набираются из добровольцев. Кроме двух категорий: командиров и заменителей солдат.

— Наверное, по той причине, что человечеству легче всего ими пожертвовать? — спросил Вейнстайн.

— Правильно,— согласился я.— Потому что человечеству легче всего ими пожертвовать.

Он кивнул.

— Ну черт бы меня побрал,— рассмеялся Ламед, тоже поднимаясь и протягивая мне руку.— Добро пожаловать в наш город.

— Спасибо,— отозвался я.— *Сынок.*

Он изумился, услышав последнее слово.

— Осталось рассказать совсем немного,— объяснил я.— Никогда не был женат, а в увольнениях был слишком занят в барах и всячески развлекался, чтобы заглянуть в банк спермы.

— Ого,— произнес Вейнстайн и указал на стену толстым пальцем.— Значит, вот оно как?

— Вот именно. Это и есть моя семья. Единственная, которая у меня когда-либо будет. А этих штучек,— я постучал по своим медалям,— я набрал почти достаточно, чтобы заработать право на замену. Как командир «рогатки» я в этом уверен.

— Единственное, что вы пока не знаете,— уточнил Ламед,— так это насколько большой процент тех, кто придет вам на замену, будет посвящен вашей памяти. А процент этот зависит от того, сколько еще медалей появится у вас на груди до того, как вы станете... э-э... можно ли мне сказать *сырьем?*

— Да,— ответил я, испытывая безумную легкость, ясность и расслабленность. Я все им сказал и больше не ощущал на плечах тяжесть миллиарда лет эволюции и воспроизводства.— Да, Ламед, можешь так и сказать.

— Знаете, парни,— продолжил Ламед,— по-моему, нам всем хочется, чтобы командир набрал побольше «фруктового салата». Он отличный парень, и таких, как он, в нашем клубе должно быть побольше.

Теперь они стояли вокруг меня — Вейнстайн, Ламед, Грей, Ванг Хси. Приветливые и надежные. А у меня все крепло ощущение, что мы станем одним из лучших экипажей «рогаток»... Да что значит *одним* из лучших? *Лучшим,* мистер, лучшим!

— Ладно,— подытожил Грей.— Веди нас куда и когда захочешь... *Папуля.*

Проблема слуг

Это был день полного контроля...

Гаромма, Слуга Всех, Чернорабочий Мира, Служка Цивилизации, приложил слегка надушенные пальцы к лицу, закрыл глаза и позволил себе понежиться в лучах абсолютной власти, полной власти, такой власти, о какой ни один человек даже не смел мечтать до сего дня.

Полный контроль. Полный.

За одним исключением. За исключением одного-единственного амбициозного отщепенца. Одного очень полезного человека. Вопрос заключался в том, следует ли отщепенца задушить сегодня днем за его письменным столом или позволить ему приносить пользу — под самым пристальным наблюдением — еще несколько дней, еще несколько недель? Его предательство, его заговоры, безусловно, уже созрели. Что ж, Гаромма примет решение позже. На досуге.

А пока, что касалось всего прочего и любого другого человека,— все было под контролем. Под контролем находились не только мозги людей, но также и их железы. Их самих и их детей.

А кроме того, если расчеты Моддо верны, и детей их детей.

— Да,— пробормотал Гаромма, вдруг вспомнив отрывок устного текста, которому много лет назад его научил отец-крестьянин,— да, до седьмого колена.

Интересно, подумал он, из какой древней книги, погибшей в давнишнем костре, взят этот текст? Отец не мог бы сказать ему об этом, так же как и никто из друзей или соседей отца; все они были ликвидированы после крестьянского восстания в Шестом районе тридцать лет назад.

Подобное восстание, вероятно, больше уже никогда не сможет произойти. Во всяком случае, не при полном контроле.

Кто-то осторожно дотронулся до его колена, и Гаромма прекратил бесцельные размышления.

Моддо. Слуга Образования, сидевший чуть ниже в глубине автомобиля, подобострастным жестом показал на прозрачный ракетонепробиваемый купол, укрывавший до пояса его вождя.

— Народ,— произнес он, по обыкновению заикаясь.— Там. Снаружи.

Да. Они выезжали из Лачуги Служения собственно в город. По обеим сторонам улицы насколько хватало глаз стояли волнующиеся толпы, черные и плотные, как копошащиеся муравьи на теле земляного червя. Гаромма, Слуга Всех, не мог быть слишком явно занят собственными мыслями — вот-вот его увидят те, кому он столь преданно служит.

Он скрестил руки на груди и поклонился направо и налево под маленьким сводом, возвышавшимся, словно башня, из берлоги черного автомобиля. Поклониться направо, поклониться налево, очень скромно. Направо, налево, и — скромно, скромно. Не забывай, ты — Слуга Всех.

Волнение нарастало, и он краем глаза взглянул на Моддо, одобрительно кивавшего внизу. Добрый старый Моддо. Это день и его триумфа. Установление полного контроля было целиком и полностью достижением Слуги Образования. И тем не менее Моддо в полной безвестности сидел позади шофера вместе с личными телохранителями Гароммы; сидел и вкушал сладость триумфа лишь языком своего вождя — как, впрочем, делал уже на протяжении более двадцати пяти лет.

К счастью для Моддо, такой сладости было ему достаточно. Хотя, к сожалению, нашлись и другие — по крайней мере еще один, которому хотелось большего...

Гаромма кланялся направо и налево и, кланяясь, с любопытством смотрел поверх мотоциклистов-полицейских, плотным кольцом окружавших его машину. Он смотрел на народ Столицы, его народ, поскольку все и каждый на Земле принадлежали ему. Толкая друг друга, стоявшие на тротуарах люди широко раскидывали руки, когда черный автомобиль проезжал мимо.

— Служи нам, Гаромма! — вопили они.— Служи нам! Служи нам!

Он смотрел на их искаженные лица, на пену, которая у многих появлялась в углах ртов, на полузакрытые глаза и гримасы экстаза, на качающихся мужчин, корчащихся женщин, повалившихся на землю в припадке невыразимого блаженства... И кланялся. Скрестив руки на груди, он кланялся. Направо, потом налево. Скромно.

На прошлой неделе, когда Моддо просил его указаний по церемониальным и протокольным вопросам в связи с сегодняшним торжеством, Слуга Образования вскользь заметил, что ожи-

дается необычно высокий уровень массовой истерии при лицезрении вождя. И Гаромма наконец вслух задал вопрос, который его давно интересовал:

— Моддо, а что происходит у них в голове, когда они меня видят? Я понимаю: они преклоняются, пьянеют и все такое. Но как именно вы, ребята, называете это чувство, когда говорите о нем в лабораториях или там в своем Образовательном Центре?

Высокий мужчина провел ладонью по лбу. Этот жест был так хорошо знаком Гаромме.

— Они испытывают выстреливающее освобождение,— медленно проговорил он, глядя поверх плеча Гароммы, как будто считывал ответ с электронной карты мира за спиной у вождя.— Все напряжение, которое накапливается у этих людей в результате каждодневного соблюдения мелких запретов и постоянного принуждения, вся неприязнь к инструкциям и указаниям организованы Службой образования таким образом, что чувства высвобождаются взрывообразно в тот момент, когда они видят ваше изображение или слышат ваш голос.

— Выстреливающее освобождение... Гм-м! Никогда не думал об этом в таком аспекте.

Моддо поднял руку в знак непреклонной искренности:

— В конце концов, вы — тот единственный человек, чья жизнь, как предполагается, проходит в нижайшей покорности, превосходящей все, что они только могут вообразить. Человек, который держит перепутанные нити управления миром в своих терпеливых, чутких пальцах; самый добросовестный и больше всех работающий наемный служащий; козел отпущения народных масс!

Гаромма усмехнулся, слушая ученые разглагольствования Моддо. Однако сейчас, разглядывая свой орущий народ из-под прикрытых век, он решил, что Слуга Образования был совершенно прав.

Разве не написано на Большой печати Мирового государства: «Все люди должны кому-то служить, но только Гаромма — Слуга Всех»?

Они верили, и верили непоколебимо, что без него океан прорвет плотины и затопит землю, тела людей поразят инфекции и начнутся эпидемии, которые могут уничтожить целые районы, выйдут из строя коммунальные службы, и города за неделю погибнут от жажды, местные чиновники станут угнетать народ и развяжут безумные смертоубийственные войны друг с другом. Если не будет его, не будет Гароммы, который трудится денно и нощно, дабы все работало согласованно и титанические силы природы и цивилизации находились под контролем. Люди знали это, потому что всякий раз, когда «Гаромма уставал от служения», что-нибудь обязательно случалось.

Что значил безрадостный фарс их жизни по сравнению с неумолимо скучным — но, ах, столь необходимым! — его непосильным трудом? Тут, в этом хрупком, серьезном мужчине, скромно раскланивающемся направо и налево, направо и налево, была не только божественность, позволявшая Человеку спокойно существовать на Земле, но также и кристаллизация всего подспудного, что неизменно создавало у эксплуатируемых ощущение, будто все могло бы быть еще хуже, и по сравнению с подонками общества они, несмотря на все свои страдания, настоящие короли да монархи.

Неудивительно, что толпа неистово протягивала руки к нему, Слуге Всех, Чернорабочему Мира, Служке Цивилизации, выкрикивая свое торжественное требование и одновременно отчаянную мольбу: «Служи нам, Гаромма! Служи нам, служи нам, служи нам!»

Разве те смирные овцы, которых он мальчишкой пас на северо-западной окраине Шестого района, разве эти овцы тоже не чувствовали, что он был их слугой, когда гнал их и приводил на лучшие пастбища и к холодным ручьям, когда он защищал отару от врагов и выковыривал камушки из копыт — и все это ради того, чтобы вкуснее была их дымящаяся плоть на столе его отца? А ведь эти гораздо более полезные стада двуногих, смышленых баранов одомашнены ничуть не хуже. И основополагающим принципом для них было то, что правительство является слугой народа, а высшая правительственная власть — самый преданный слуга.

Его овцы. Он по-отечески, по-хозяйски улыбался им, проезжая в специальном автомобиле по ревущей, затопленной лицами улице от Лачуги Служения к Образовательному Центру. Его овцы. И те полицейские на мотоциклах, и те пешие полицейские, которые, взявшись за руки, по всему пути сдерживают рвущуюся толпу,— это его овчарки. Другая порода домашних животных.

Он и сам был таким же тридцать три года назад, когда приехал на Остров, только что закончив сельскую школу Службы Безопасности, и начал работать полицейским в Столице. Неуклюжая, чересчур усердная овчарка. Одна из самых незначительных овчарок Слуги Всех предыдущего режима.

Но через три года ему представился шанс — когда вспыхнул крестьянский бунт в его родном районе. Хорошо зная внутреннюю ситуацию, а также истинных вожаков, он смог сыграть

важную роль в подавлении восстания. А после этого, получив новую и важную должность в Службе Безопасности, встретился с многообещающими молодыми людьми из других служб, в частности с Моддо, первым и самым полезным человеком, которого он сам приручил.

Имея в своем распоряжении превосходный административный ум Моддо, Гаромма стал настоящим экспертом в благородном искусстве политического перерезания горла, и когда его начальник попытался занять самый высокий кабинет в мире, Гаромме представился великолепный случай продать его и стать новым Слугой Безопасности. С этого момента, вместе с Моддо, дымящим в его кильватере и разрабатывающим стратегические тонкости, он всего через несколько лет на пепелище старого правительства смог отпраздновать собственное благополучное перемещение в Лачугу Служения.

Однако урок, который он преподал обитателям этого искореженного взрывами и изрешеченного пулями здания, сам Гаромма уже никогда не забывал. Он не мог знать, сколько Слуг Безопасности до него использовали свою должность, чтобы добраться до громадного деревянного табурета Слуги Всех,— все книги по истории, как и другие книги, тщательно переписывались в начале каждого нового правления. А Предание, которое обычно было надежной путеводной нитью в прошлое, если уметь правильно просеивать факты, на этот счет ничего не сообщало. Тем не менее очевидно, что сделанное им мог совершить и другой, что Слуга Безопасности был логичным, естественным наследником Слуги Всех.

И беда заключалась в том, что с этой угрозой ничего нельзя было поделать, кроме как держаться настороже.

Гаромма помнил, как отец оторвал его от детских игр и отвел на холмы присматривать за овцами. Как он ненавидел этот одинокий, изнурительный труд! Старик понял это и однажды, несколько смягчившись, попытался что-то объяснить:

— Видишь ли, сынок, овцы называются домашними животными. Собаки тоже. Мы можем одомашнить овец и приручить собак для охраны овец, но нам еще нужен смышленый, недремлющий пастух, который знает, что делать, когда случается что-нибудь совершенно необычное. Так вот, для этого нам необходим человек.

— Ха, пап,— сказал он, раздраженно пнув огромный пастуший посох, который ему дали,— почему вы тогда — как ты выразился — не одомашнили человека?

Отец усмехнулся и уставился тяжелым взглядом на лохматые очертания холмов.

— Ну, есть люди, которые пытаются это сделать, и у них получается все лучше и лучше. Плохо только, что когда его одомашнишь, то как пастух он уже никуда не годится. Он перестает быть умным и энергичным, когда его приручают. Он становится недостаточно заинтересованным и совершенно бесполезным.

Эта задача не имеет решения, размышлял Гаромма. Слуга Безопасности в силу самой природы его обязанностей не мог быть домашним животным.

Он пытался ставить овчарок во главе Безопасности; раз за разом он пытался их использовать. Но они никогда не справлялись, и ему приходилось заменять их людьми. А люди, проработав на этом посту год, три или пять лет, рано или поздно начинали тянуться к верховной власти, и, к несчастью, их приходилось уничтожать.

Так же, как вот-вот надо будет уничтожить нынешнего Слугу Безопасности. Одно плохо — этот человек был так чертовски полезен! Приходилось исключительно точно рассчитывать время, чтобы незаурядный, одаренный творческим воображением индивид, идеально соответствующий своей должности, прослужил как можно дольше, прежде чем опасность перевесит ценность. И тем не менее, если это был подходящий человек, опасность существовала с самого начала, и приходилось внимательно, неотрывно следить за чашей весов...

Гаромма вздохнул. Эта проблема была, в сущности, единственным раздражающим фактором в мире, приносящем ему удовольствие. Но и одна-единственная, она не оставляла его ни на секунду, даже во сне. Прошлая ночь была просто ужасна.

Моддо снова тронул Гаромму за колено, напоминая, что на него смотрят. Он встряхнулся и благодарно улыбнулся. Следует помнить: сны — это всего лишь сны.

Толпы народа остались позади. Медленно отворились огромные чугунные ворота Образовательного Центра, и автомобиль вкатился внутрь. Полицейские-мотоциклисты, красиво разъехавшись в стороны, соскочили со своих двухколесных машин, и вперед выступили вооруженные охранники Службы Образования в жестких белых туниках.

Как только Гаромма, которому суетливо помогал Моддо, выбрался из автомобиля, оркестр и хор Центра дружно грянули волнующий до глубины души «Гимн Человечества»:

Гаромма работает день и ночь,
Гаромме некому помочь,
Гаромма живет в непрестанном труде,
Чтоб мы с тобой не оказались в беде...

Пропев пять строф, согласно требованиям протокола, хор перешел к исполнению «Песни Образования», и по ступеням здания сошел Помощник Слуги Образования, породистый молодой человек с красивой осанкой. Он безукоризненно правильно, хотя и несколько небрежно, выбросил вперед руку и произнес: «Служи нам, Гаромма». Затем отступил в сторону, и Гаромма с Моддо начали подниматься по ступеням, а молодой человек последовал за ними. Хормейстер держал песню на высокой, молитвенной ноте.

Они прошествовали под величественной аркой с надписью «Нужно учиться у Слуги Всех» и прошли по огромному коридору колоссального здания. Серые отрепья, в которые были одеты Гаромма и Моддо, развевались на ходу. Вдоль стен стояли мелкие служащие и пели: «Служи нам, Гаромма! Служи нам! Служи нам! Служи нам!»

Не такой безумный пыл, как у уличной толпы, подумал Гаромма, но все же вполне удовлетворительные припадки. Он поклонился и украдкой взглянул на шагающего рядом Моддо. Гаромма с трудом сдержал улыбку. Слуга Образования, как всегда, выглядел нервным и неуверенным. Бедный Моддо! Он попросту не создан для столь высокого положения и похож на кого угодно, только не на самое важное официальное лицо.

И в этом одна из причин его непотопляемости. Моддо был достаточно умен, чтобы сознавать собственную неполноценность. Не будь Гароммы, он все еще сверял бы статистические отчеты в поисках любопытных отклонений в каком-нибудь захудалом отделе Службы Образования. Он знал, что у него недостаточно сил, чтобы выстоять в одиночку. Не был он и достаточно выдающейся личностью, чтобы вербовать сторонников. Поэтому Моддо, самому одинокому из всех Слуг Кабинета, можно было доверять безоговорочно.

Моддо робко тронул его за плечо; Гаромма вошел в большой зал, пышно украшенный в его честь, и взобрался на небольшое возвышение, покрытое золотой парчой. Он сел на грубый деревянный табурет наверху; секунду спустя Моддо уселся на стул, стоящий ступенькой ниже, а еще ниже сел Помощник Слуги Образования. Высшие чиновники Образовательного Центра, одетые в роскошные белые туники, медленно заполнили зал. Перед ними выстроились личные телохранители Гароммы.

Началась церемония. Церемония, посвященная полному контролю.

Первым выступил самый старый из чиновников Службы Образования, рассказавший соответствующие отрывки из Предания. Он поведал о том, как при каждом правительстве ежегодно, чуть ли еще не с доисторических времен демократии, во всем мире производилось психометрическое тестирование в последних классах начальной школы — определяли, насколько успешно идет политическое воспитание детей. Как каждый год подавляющее большинство воспитанников верило, что очередной правитель является движущей пружиной каждодневной жизни и именно тем стержнем, на котором зиждется человеческое благополучие. Было и небольшое меньшинство — пять процентов, семь процентов, три процента,— те упорно сопротивлялись внушению; когда они взрослели, за ними приходилось внимательно следить, как за потенциальным источником недовольства.

Двадцать пять лет назад с приходом Гароммы и его Слуги Образования Моддо настала новая эра интенсивного массового воспитания, в основу которого были положены гораздо более амбициозные цели.

Старик умолк, поклонился и отступил назад. Помощник Слуги Образования встал и грациозно повернулся лицом к Гаромме. Он рассказал об этих новых целях, которые кратко можно охарактеризовать как «полный контроль», в отличие от предшествующих правительств, удовлетворявшихся 97%-ным или даже 95%-ным контролем. Он сообщил о новых экстенсивных механизмах запугивания и ускоренных психометрических проверках на местах, причем на более раннем этапе. Все эти методики были разработаны Моддо — «вдохновленным великими идеями Гароммы и под постоянным руководством Слуги Всех». Активная деятельность в течение нескольких лет привела к тому, что количество детей с независимым мышлением сократилось примерно до одного процента. Все же остальные славили Гаромму каждым своим дыханием.

Однако в дальнейшем прогресс несколько замедлился. Новой методикой воспитания удалось охватить большинство самых талантливых детей, но правители наткнулись на не поддающихся воздействию прирожденных уклонистов, психологически не приспособленных к окружающим условиям и не готовых принять господствующие мнения. И все же со временем техника воспитания была усовершенствована настолько, что даже уклонисты смогли слиться со всем обществом в поклонении Гаромме, и на протяжении последних лет тестирование показывало: негативное отношение к господствующей догматике сокращалось, стремясь к нулю: 0,016%, 0,007%, 0,002%...

И наконец, этот год.

Помощник Слуги Образования сделал паузу и глубоко вздохнул. Пять недель назад состоялся выпуск молодежи из начальных школ Единой Образовательной системы Земли. В день выпуска

провели обычное планетарное тестирование. Сейчас детальные проверки закончились, и завершено сопоставление результатов. Негативное отношение равно нулю до последнего десятичного знака! Контроль стал полным.

Послышались незапланированные аплодисменты, аплодисменты, к которым присоединился даже Гаромма. Потом он подался вперед и отеческим жестом положил руку на голову Моддо. При виде столь редкостного знака уважения к своему непосредственному начальнику присутствующие в зале чиновники возликовали.

Воспользовавшись поднявшимся шумом, Гаромма спросил Моддо:

— А что обо всем этом известно населению в целом? Что именно вы сообщаете людям?

Моддо повернул нервное, с большим подбородком лицо:

— В сущности, только то, что это какой-то праздник. Мол, в целях дальнейшего благоденствия и процветания народа вы достигли полного контроля над человеческой окружающей средой. Не важно. Главное, они понимают: происходит нечто такое, что вам нравится, и надо радоваться вместе с вами.

— Своему же рабству. Недурно! — Несколько долгих секунд Гаромма наслаждался восхитительным вкусом неограниченной власти. Вдруг этот вкус показался ему кислым, и он вспомнил.— Моддо, сегодня днем я хочу решить вопрос Слуги Безопасности. Мы обсудим это, как только вернемся.

Слуга Образования кивнул:

— У меня есть некоторые соображения. Вы знаете, дело не такое простое. Существует проблема преемника.

— Да. Эта проблема существует всегда. Что ж, может быть, еще через несколько лет, если мы сумеем сохранить сегодняшние показатели и распространить методику воспитания на неприспособленные элементы разных возрастных категорий населения, удастся вообще начать демонтаж системы Безопасности.

— Пожалуй. Впрочем, глубоко укоренившиеся тенденции переориентировать значительно труднее. И неизменно нужна система Безопасности в высших эшелонах администрации. Но я приложу все силы, я сделаю все, что только возможно.

Гаромма кивнул и, удовлетворенный, выпрямился на табурете. Моддо всегда будет стараться изо всех сил. А на чисто обыденном уровне и этого вполне достаточно.

Слуга Всех небрежно поднял руку. Радостные возгласы и аплодисменты мгновенно смолкли. Вперед вышел следующий чиновник Образования, чтобы в подробностях описать методику тестирования. Церемония продолжалась.

Это был день полного контроля...

Моддо, Слуга Образования, Учитель Человечества, потер раскалывающийся от боли лоб длинными наманикюренными пальцами и позволил себе понежиться в лучах абсолютной власти, полной власти, такой власти, о какой ни один человек даже не смел мечтать до сего дня.

Полный контроль. Полный...

Оставалась только проблема преемника Слуги Безопасности. Гаромма потребует решения, как только они тронутся обратно в Лачугу Служения. Но никакого решения у него не было. Любой из двух Помощников Слуги Безопасности будет в состоянии превосходно справляться с работой, однако вопрос заключался не в этом.

Вопрос заключался в том, кто из этих двоих с наибольшей вероятностью станет поддерживать в Гаромме то высокое напряжение страхов, которые Моддо культивировал в нем на протяжении тридцати лет?

Именно таково, по мнению Моддо, было истинное назначение Слуги Безопасности: служить наипервейшим «мальчиком для битья» для разъедаемого страхами подсознания Слуги Всех — до того времени, пока душевные конфликты не вызовут кризиса. Затем, после ликвидации человека, вокруг которого Гаромма приучен свой страх концентрировать, его напряжение временно спадет.

Все это чем-то похоже на рыбную ловлю, подумал Моддо. Рыба заглатывает крючок, убивая Слугу Безопасности, а потом ты водишь ее, спокойно и уверенно, в течение нескольких лет, исподтишка роняя намеки о растущих амбициях преемника. Но при этом не хочется вытаскивать рыбу на берег. Хочется лишь постоянно держать ее на крючке и под полным контролем.

Слуга Образования украдкой улыбнулся. Он приучил себя так улыбаться с самого детства. Вытащить рыбу на берег? Это означало бы самому стать Слугой Всех. А какой разумный человек станет удовлетворять свою жажду власти столь идиотским способом?

Нет, брось кость коллегам, высшим должностным лицам в Лачуге Служения, которые вечно интригуют и плетут заговоры, заключают союзы и контрсоюзы: Слуге Промышленности, Слуге Сельского Хозяйства, Слуге Науки и остальным особо важным дуракам.

Быть Слугой Всех — значит быть мишенью заговоров, центром всеобщего внимания. Умный человек с неизбежностью должен прийти к выводу, что власть — не важно, как она завуалирована и замаскирована,— представляет собой единственную

стоящую цель в жизни. А Слуга Всех — как бы он ни прятался под сотнями покровов скромности — есть не что иное, как воплощение власти.

Нет. Куда лучше, чтобы тебя принимали за нервного, неуверенного в себе, слабовольного человека, чьи колени дрожат под бременем совершенно непосильных обязанностей. Разве он не слышит их презрительные голоса у себя за спиной?

«...Административная игрушка Гароммы...»

«...Придурковатый духовный прислужник Гароммы...»

«...Не более чем скамейка для ног, весьма вездесущая скамейка, имейте в виду, но тем не менее лишь скамейка для ног, на которой покоится могучий каблук Гароммы...»

«...Несчастный, бесцветный, нервный слюнтяй...»

«...Стоит Гаромме чихнуть, как у Моддо начинается насморк...»

Однако находиться на этом лакейском, презираемом месте — в действительности определять политику, создавать и крушить людей, быть de facto диктатором всей человеческой расы...

Он снова поднял руку и потер лоб. Головная боль усиливалась. А официальная часть празднования полного контроля продлится еще не меньше часа. Нужно как-нибудь украдкой выбраться минут на двадцать—тридцать к Целителю Лубу, но только чтобы не рассердить Гаромму. Со Слугой Всех в такие кризисные моменты надо обращаться с особой осторожностью. Страхи, которые в беднягу внедрялись, могут так его обуять, что Гаромма самостоятельно примет какое-нибудь безумное решение. А такой возможности, как бы фантастически призрачна она ни была, нельзя оставлять ни единого шанса. Слишком опасно.

Несколько секунд Моддо слушал, как молодой человек, стоящий перед ними, болтает о методах и средствах, об асимметричных графиках и коэффициентах корреляции, выпаливает пустопорожний жаргон, прикрывающий гениальность психологической революции, которую он, Моддо, осуществил. Да, им придется пробыть здесь еще не меньше часа.

Тридцать пять лет назад, когда он писал диссертацию в Центральной аспирантуре Службы Образования, Моддо наткнулся на настоящий золотой самородок среди гор шлака статистики по многовековому массовому воспитанию: на концепцию индивидуального подхода.

Долгое время ему казалось, что эту концепцию невероятно трудно применить на практике: когда все, чему тебя учили, направлено на эффективное манипулирование склонностями миллионов людей, то учитывать чувства и предпочтения одного

человека так же трудно, как удержать в руках только что пойманного, скользкого и отчаянно бьющегося угря.

Но когда его диссертация была закончена и защищена,— диссертация, предлагавшая методики для достижения полного контроля, которую предыдущая администрация положила на полку и забыла,— он еще раз вернулся к проблеме индивидуального воспитания.

На протяжении нескольких последующих лет, выполняя нудную работу в Бюро прикладной статистики Службы Образования, Моддо посвятил всего себя задаче вычленения индивидуума из группы, сведения большого к малому.

Стало очевидно одно. Чем моложе твой материал, тем легче задача,— точно так же, как в массовом воспитании. Однако если начинать работать с ребенком, то пройдут годы, прежде чем он станет эффективно действовать в твоих интересах. Кроме того, в случае с ребенком ты наталкивался на постоянное противодействие политического воспитания, которое интенсивно велось в начальной школе.

На самом деле требовался молодой человек, который уже занимал бы определенную должность в правительстве, но который по тем или иным причинам обладал большим нереализованным — и незаданным — потенциалом. Желательно также, чтобы это была личность, чьей психике присущи такие страхи и желания, которые могли бы послужить рычагами управления.

Моддо стал работать ночами, просматривая архивы своего бюро в поисках такого человека. Он отыскал двоих или троих, показавшихся ему вполне подходящими. Тот великолепный парень из Службы Транспорта, вспомнил он, какое-то время казался ужасно интересным. Потом ему попались документы Гароммы.

И Гаромма оказался идеальным. С самого начала. Он был управляемым, он был привлекательным, он был умным; и самое главное, он был очень восприимчивым.

— Я мог бы ужасно много узнать от тебя,— застенчиво сказал он Моддо во время их первой встречи.— Это такое огромное, такое непонятное место — Столичный Остров. Так много суеты кругом. Я просто теряюсь!.. А ты здесь родился. Ты, наверно, знаешь, как тут обойти все болота, ямы и змеиные гнезда.

В результате отвратительной работы Комиссара Воспитания Шестого района на родине Гароммы развелось поразительное количество квазинезависимых умов на всех уровнях интеллектуального развития. Большинство из них склонялось к идее революции, особенно после десятилетия неурожаев и чрезмерного налогообложения. Но Гаромма был честолюбив; он по-

рвал со своим крестьянским прошлым и поступил в Службу Безопасности.

Когда в Шестом районе вспыхнул крестьянский бунт, то услуги, оказанные Гароммой, были вознаграждены очень значительным продвижением по служебной лестнице. Но гораздо важнее было то, что с него сняли наблюдение и освободили от дополнительного воспитательного курса для взрослых, который был бы обязан пройти человек с такими подозрительными семейными связями.

После того как Моддо сумел подстроить знакомство и подружиться с Гароммой, он получил в свое распоряжение не только восходящую звезду, но и необыкновенно гибкую личность.

Личность, на которой он мог сделать оттиск своей собственной души.

Во-первых, этому способствовало одно восхитительное обстоятельство: Гаромма испытывал чувство вины из-за того, что ослушался отца, покинул ферму и впоследствии стал доносчиком на свою семью и на соседей. Эту вину, переросшую в страх, а поэтому и в ненависть ко всему, что ассоциировалось с ее первоначальными объектами, было легко перенаправить на личность его начальника, Слугу Безопасности, сделав из того новый образ отца.

Позже, когда Гаромма уже стал Слугой Всех, он все еще сохранял — при неустанной помощи Моддо — то же чувство вины и тот же непреходящий страх наказания по отношению к любому, кто возглавлял Службу Безопасности. Совершенно необходимое условие: Гаромма не должен понять, что его настоящий хозяин — высокий человек, сидевший от него по правую руку и выглядевший нервным и неуверенным...

Затем было образование. С самого начала Моддо понял, насколько важно подкармливать в Гаромме его мелочное крестьянское высокомерие, и намеренно всячески принижал себя перед ним. Он старался убедить своего друга в том, что всякие крамольные идеи, которых он теперь придерживался, были его собственным изобретением, и даже заставил его поверить, будто тот одомашнивал Моддо,— удивительно, до какой степени этот тип так никогда и не смог оторваться от крестьянского происхождения даже в своих метафорах! — хотя на самом деле все обстояло совершенно наоборот.

Теперь Моддо строил грандиозные планы на будущее, и ему вовсе не хотелось, чтобы они однажды рухнули из-за кумулятивного чувства неприязни, способного развиться по отношению к хозяину и учителю. Напротив, он хотел укрепить свои

позиции чувством привязанности, которое человек испытывает к комнатной собачке, чья покорная зависимость, постоянно тешащая эго хозяина, создает гораздо более сильную контрзависимость, о которой владелец даже не подозревает.

А какой шок испытал Гаромма, когда начал осознавать, что Слуга Всех на самом деле является Всеобщим Диктатором!.. Моддо чуть было не расплылся в улыбке. Что ж, в конце концов, когда его родители много лет назад высказали эту мысль во время плавания по делам отца, бывшего мелким чиновником в Службе Рыболовства и Судоходства, разве не был он огорчен до такой степени, что его вырвало за борт? Терять религию трудно в любом возрасте, но чем становишься старше, тем труднее.

С другой стороны, в шесть лет Моддо лишился не только своей религии, но и родителей. Они говорили слишком много лишнего слишком многим людям, пребывая в ложном убеждении, что тогдашний Слуга Безопасности вечно будет на все смотреть сквозь пальцы.

Моддо потер виски костяшками пальцев. Головная боль все усиливалась. Совершенно необходимо по крайней мере пятнадцать минут — наверняка пятнадцати минут хватит — провести с Лубом. Целитель приведет его в порядок на весь оставшийся день, который, по всей видимости, обещает быть утомительным. И потом ему все равно надо на какое-то время сбежать от Гароммы, чтобы на свежую голову лично принять решение, кто станет следующим Слугой Безопасности.

Моддо, Слуга Образования, Учитель Человечества, воспользовался паузой между двумя выступающими и повернулся к Гаромме:

— Мне нужно закончить здесь несколько служебных дел, прежде чем мы поедем назад. Вы извините меня? На двадцать или двадцать пять минут.

Гаромма недовольно нахмурился:

— А дела не могут подождать? Это ведь не только мой день, но и твой тоже. Мне бы хотелось, чтобы ты был рядом со мной.

— Я знаю, Гаромма, и очень благодарен вам за это желание. Но,— и он просительно дотронулся до колена Слуги Всех,— это очень срочно. Одно из дел касается... косвенно касается Слуги Безопасности и поможет вам решить, хотите ли вы расстаться с ним именно сейчас.

Лицо Гароммы мгновенно утратило бесстрастность.

— В таком случае, конечно. Только постарайся вернуться до конца церемонии. Я хочу, чтобы мы уехали вместе.

Высокий мужчина кивнул и встал со стула, повернувшись лицом к своему вождю.

— Служи нам, Гаромма,— сказал он, вытянув вперед руки.— Служи нам, служи нам, служи нам.— Он задом вышел из зала, не отрывая взгляда от Слуги Всех.

Выйдя в коридор, Моддо быстро проскользнул мимо отдавших честь охранников Образовательного Центра в свой персональный лифт и нажал на кнопку третьего этажа. И только после этого, когда дверь кабинки уже закрылась, позволил себе единственную осторожную улыбку.

А как трудно было вбить в твердолобую голову Гароммы основную концепцию: фундаментальный принцип современного научного правления — править ненавязчиво и незаметно, использовать иллюзию свободы как своего рода смазку, чтобы надеть невидимые оковы,— и прежде всего править во имя чего угодно, но только не власти!

Гаромма сам однажды сформулировал этот принцип, по обыкновению неуклюже, когда, вскоре после их великого переворота, они вместе — оба все еще чувствовали себя неуютно в лохмотьях величия — наблюдали за строительством нового здания Лачуги Служения, которое возводили на пепелище старого, простоявшего более полувека. Огромная, красочная вращающаяся надпись на верху недостроенного здания возвещала населению, что «ОТСЮДА БУДУТ ВНИМАТЕЛЬНО ЗАБОТИТЬСЯ ОБО ВСЕХ ВАШИХ НУЖДАХ И ЖЕЛАНИЯХ, ОТСЮДА ВАМ БУДУТ СЛУЖИТЬ БОЛЕЕ УМЕЛО И ПРИЯТНО, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО РАНЬШЕ». Эту надпись транслировали по всем видеоприемникам мира — в домах и на фабриках, в офисах, школах, на стихийных общественных собраниях — каждый час круглые сутки.

— Это как говаривал мой отец,— наконец сказал он Моддо с какой-то особенной, грубоватой усмешкой, которая всегда обозначала, что он считал мысль совершенно оригинальной.— Толковый торговец, если будет говорить достаточно долго и горячо, может убедить человека, что самые колючие тернии нежнее роз. Все, что требуется, так это без конца называть их розами, а, Моддо?

Моддо медленно кивнул, делая вид, что поражен великолепием анализа, и несколько секунд молчал. Потом, как всегда, словно исследуя разнообразные скрытые возможности идей Гароммы, он дал новому Слуге Всех следующий урок.

Он подчеркнул необходимость избегать внешних проявлений пышности и роскоши, о чем недавно погибшие чиновники предыдущего правительства стали забывать в последние годы перед своим падением. Он особо подчеркнул, что слуги человечества

постоянно должны казаться всего лишь скромными исполнителями воли огромного большинства. Поэтому всякий, кто хоть в чем-то осмелится поступать против желаний Гароммы, будет наказан, однако не за неподчинение правителю, а за действия, направленные против подавляющего большинства.

А еще он предложил одно нововведение, давно занимавшее его мысли: время от времени устраивать катастрофы в тех областях, которые на протяжении долгого времени были лояльными и покорными. Это будет лишь подчеркивать тот факт, что Слуга Всех по сути дела очень человечен, что его обязанности колоссальны и что он иногда устает.

Это усилит впечатление, что работа по координации распределения в мире благ и услуг стала чрезвычайно сложной и вот-вот окажется невыполнимой. Такое положение будет побуждать различные районы к спонтанным проявлениям безудержной лояльности и самодисциплины в надежде, по крайней мере, привлечь к себе максимум внимания со стороны Слуги Всех.

— Конечно,— согласился Гаромма,— именно это я и говорил. Главное, не дать им понять, что ты распоряжаешься их жизнями. Ты начинаешь читать мои мысли, Моддо.

Он начинает читать его мысли!.. Он, Моддо, который с самых юных лет изучал концепцию, возникшую много веков назад, когда человечество стало выбираться из примитивного хаоса самоуправления и единоличных решений, превращаясь в современный социально организованный мир... он начинает читать мысли!

Он изобразил благодарную улыбку. В то же время Моддо продолжал применять к самому Гаромме те методы, которые учил Гаромму использовать для управления людьми в целом. Минул год, потом еще один, а он, якобы поглощенный грандиозным проектом, предпринятым от лица Службы Образования, перепоручив его планирование и осуществление своим подчиненным, полностью сосредоточился на Гаромме.

И сегодня, когда Слуга Всех получил полный контроль над умами целого поколения людей, Моддо впервые наслаждался полным контролем над Гароммой. На протяжении последних пяти лет он пытался кристаллизовать свою власть в некую форму, которую было бы легче применять, нежели сложные механизмы потребностей и формулировочные модели.

Сегодня впервые многие изматывающие часы тончайших тайных тренировок начали давать превосходный результат. Знак рукой или стимул-прикосновение, на которые он приучил отзываться мозг Гароммы, сегодня неизменно, каждый раз вызывали желаемые реакции!

Направляясь по коридору третьего этажа к скромному кабинету Луба, Моддо искал подходящую аналогию. Вот она: все равно что способность развернуть океанский лайнер легким поворотом штурвала. Штурвал приводит в действие рулевой двигатель, рулевой двигатель передвигает огромный руль, а движение руля в итоге заставляет гигантский корабль изменить курс.

«Нет,— размышлял Слуга Образования,— оставим Гаромме мгновения славы и открытое поклонение, тайные дворцы и бесчисленных наложниц. Я буду довольствоваться одним прикосновением... и полным контролем».

Приемная кабинета Луба была пуста. Моддо секунду постоял там и с нетерпением крикнул:

— Луб! Почему здесь никого нет? Я тороплюсь!

Толстый маленький человечек с маленькой острой бородкой суетливо выбежал из соседней комнаты.

— Моя секретарша... Сотрудникам пришлось спуститься вниз, когда приехал Слуга Всех... Она еще не вернулась. Но я был предусмотрителен,— продолжал он, переводя дыхание.— Я отменил все встречи с другими пациентами на то время, пока вы в Центре. Пожалуйста, заходите.

Моддо вытянулся на кушетке в кабинете Целителя.

— У меня только примерно... примерно пятнадцать минут. Мне нужно принять очень важное решение, а тут такая головная боль, что... что мозги раскалываются.

Пальцы Луба обхватили шею Моддо и начали спокойно и мягко массировать его затылок.

— Я сделаю все, что смогу. Теперь постарайтесь расслабиться. Расслабьтесь. Так, хорошо. Расслабьтесь. Сейчас лучше?

— Гораздо,— Моддо вздохнул. Нужно найти какой-нибудь способ перевести Луба в свое окружение, чтобы он его сопровождал, когда приходится куда-нибудь выезжать с Гароммой. Бесценный человек! Было бы чудесно всегда иметь его под рукой. Следует навести Гаромму на эту мысль. Впрочем, теперь это можно сделать достаточно просто.

— Ты не возражаешь, если я просто поговорю? — спросил он.— Мне что-то не очень хочется... не очень хочется свободных ассоциаций.

Луб сел в массивное кожаное кресло за письменным столом.

— Делайте то, что вам хочется. Если угодно, расскажите, что вас сейчас беспокоит.

Моддо начал говорить.

Это был день полного контроля...

Луб, Целитель Мозга, Ассистент Третьего Помощника Слуги Образования, запустил пальцы в маленькую треугольную бородку, которая служила отличительным знаком его профессии, и позволил себе понежиться в лучах абсолютной власти, полной власти, такой власти, о какой ни один человек даже не смел мечтать до сего дня.

Полный контроль. Полный...

Было бы исключительно приятно напрямую заняться делом Слуги Безопасности, но такого рода удовольствия придут со временем. Его техники в Бюро лечебных исследований уже почти решили поставленную задачу. А пока остаются месть и наслаждение неограниченной властью.

Он слушал Моддо, говорившего о своих затруднениях в тщательно завуалированной манере, не упоминая подробностей, и жирной рукой прикрывал усмешку. Этот человек и впрямь был убежден, будто после семи лет близкого терапевтического контакта способен скрывать от врача такие детали!

Ну разумеется. Луб потратил два года на полное переструктурирование его психики на основе этого убеждения и лишь потом перешел к полномасштабному переносу. Пока эмоции, которые Моддо в детстве испытывал к своим родителям, дублировались по отношению к Целителю, Луб начал проникать в теперь уже ничего не подозревающий мозг.

Сначала он не поверил тому, о чем говорили факты. Затем, по мере того как он лучше узнавал своего пациента, Луб всему поверил, и у Целителя аж дыхание перехватило от свалившейся на него необыкновенной удачи.

Более двадцати пяти лет Гаромма в качестве Слуги Всех правил человеческой расой, но даже еще дольше Моддо как своего рода почетный личный секретарь контролировал Гаромму во всех важных делах.

Таким образом, в течение последних пяти лет он, Луб,— психотерапевт и обязательный костыль для неуверенного в себе, сломленного эго — направлял действия Моддо и, следовательно, правил миром безоговорочно, не имея соперников — и совершенно анонимно.

Человек, стоящий за спиной человека, стоящего позади трона. Что может быть безопаснее?

Да, несравненно лучше быть тем, кто опекает опекуна, особенно если опекун считается самой незначительной личностью среди всего чиновничества Лачуги Служения.

А потом, в один прекрасный день, когда техники найдут ответ, который ему требуется, он сможет отделаться от Слуги

Образования и с помощью нового метода контролировать Гаромму напрямую.

Луб с интересом слушал, как Моддо обсуждает вопрос о Слуге Безопасности, делая вид, что говорит о гипотетическом сотруднике своего отдела, которого вскоре заменят. Проблема заключалась в том, кому из двух исключительно способных подчиненных следует поручить работу.

Луб спрашивал себя, понимают ли его пациенты, насколько прозрачны их иносказания. Нет, почти никогда не понимают. Перед ним был человек, чей расстроенный мозг находился под таким сильным воздействием, что сохранять душевное здоровье мог лишь при двух условиях: удовлетворяя неодолимую потребность консультироваться с Лубом по всякому мало-мальски затруднительному вопросу и веря, что во время этих консультаций он мог не раскрывать реальных сведений о ситуации.

Когда сбивчивый, беспокойный голос на койке умолк, Луб принялся за работу. Мягко, спокойно и почти монотонно он повторил то, что сказал Моддо. На первый взгляд он просто воспроизводил размышления пациента в более последовательном виде. На самом же деле он переформулировал их таким образом, учитывая свои собственные проблемы и предпочтения, что у Слуги Образования не оставалось выбора. Он должен был выбрать более молодого из двух кандидатов, того, который, судя по его послужному списку, был менее недоброжелателен к Гильдии Целителей.

Не то чтобы это имело большое значение. Важно было доказать наличие полного контроля. С той же целью Луб заставил Моддо убедить Гаромму в необходимости избавиться от Слуги Безопасности в такой период, когда Слуга Всех не переживал никакого душевного кризиса. Когда, напротив, его эйфория достигла высшей точки.

Но было в этом, надо признать, и дополнительное удовольствие: уничтожить наконец человека, который много лет назад, занимая должность Начальника Безопасности Сорок седьмого района, нес ответственность за казнь единственного брата Луба. Достижение двойной цели было так же лакомо, как двухслойные пирожные, которыми славилась родина Целителя. На него накатили воспоминания, и он вздохнул.

Моддо сел на кушетке, оперся о ее края своими большими руками и потянулся.

— Ты не поверишь, Луб, как мне помог этот короткий сеанс! Голова... Головная боль прошла. Мысли прояснились. Стоит только поговорить о чем-нибудь, и все сразу становится на свои места. Теперь я точно знаю, что мне следует делать.

— Вот и хорошо,— медленно произнес Целитель Луб безразличным тоном.

— Завтра я постараюсь вырваться на полный час. Я тут думал о том, чтобы перевести тебя непосредственно к себе. Тогда ты сможешь... ты сможешь снимать эти приступы сразу, как они появляются. Хотя окончательно я еще не решил.

Луб пожал плечами и проводил пациента до двери.

— Решать только вам самому.

Он смотрел, как высокий неуклюжий человек идет по коридору к лифту. «Хотя окончательно я еще не решил». И не решит, пока этого не сделает Луб. Луб внедрил ему в мозг эту мысль полгода назад, однако пока удерживал своего пациента. Он не был уверен, что сейчас стоит настолько приближаться к Слуге Всех. И кроме того, Бюро лечебных исследований работало над маленьким восхитительным проектом, которому он хотел ежедневно уделять максимум внимания.

Вернулась его секретарша и сразу же уселась за пишущую машинку. Луб решил спуститься вниз и проверить, что сделали за сегодняшний день. Из-за участия в торжествах по поводу приезда Слуги Всех ход исследовательской работы, несомненно, был существенно нарушен. Тем не менее решение может появиться в любой момент. Ему нравилось следить за исследованиями, отыскивая в них что-нибудь потенциально плодотворное: поразительно, до какой степени техники лишены всякого воображения!

По пути на первый этаж Луб прикидывал, осознавал ли Моддо в тайных глубинах своей души, насколько он попал в зависимость от Целителя, до какой степени нуждался в нем. Этот человек был настоящим сгустком беспокойства и неуверенности. Конечно, тому способствовала потеря родителей в раннем детстве, однако большая часть его комплексов существовала уже тогда. Моддо никогда даже отдаленно не подозревал, что так рвется сделать Гаромму подставным лидером лишь из-за собственного страха принять какую бы то ни было личную ответственность. Что та мнимая личность, которую он, гордясь собой, демонстрировал миру, и была на самом деле его истинной личностью. Да, Моддо научился использовать свои страхи и робость себе во благо — но только до определенной степени. Семь лет назад, когда он впервые пришел к Целителю («краткий сеанс психотерапии, поскольку у меня возникли незначительные проблемы»), Моддо был на грани полного распада. Луб временно восстановил его рассыпающуюся психическую структуру, придав ей немного другие функции. Функции, нужные Лубу.

Он подумал, а смогли бы древние сделать что-нибудь кардинальное с Моддо? Древние, по крайней мере если верить Преданию, непосредственно перед началом современной эры достигли такого развития психотерапии, что творили чудеса с изменением и личностной реорганизацией индивидуума.

Но с какой целью? Не предпринималось никаких серьезных попыток использовать этот метод по его самоочевидному назначению — с целью достижения власти. Луб покачал головой. Эти древние были невероятно наивны! И столько их полезных знаний утеряно!.. В Предании Гильдии Целителей лишь упоминалось о такой концепции, как «сверх-я», а ее содержание никак не объяснялось. Эти знания могли бы очень пригодиться сегодня, если правильно их использовать.

С другой стороны, разве члены современной Гильдии Целителей по ту сторону широкого моря были менее наивными, включая его отца и дядю, который сейчас стоял во главе Гильдии? С того самого дня как он сдал последний вступительный экзамен в Гильдию и начал растить треугольную бородку мастера, Луб понимал, что амбиции его коллег до смешного ограниченны. Здесь, в этом самом городе, где, по легенде, и возникла Гильдия Целителей Разума, любой ее член не желал от жизни ничего большего, чем использовать свои с огромным трудом полученные знания для того, чтобы получить власть над жизнью десяти—пятнадцати состоятельных пациентов. Луба смешили столь мелкие выгоды. Он видел очевидную цель, которую его коллеги не замечали годами. Чем большей властью обладал человек, которого ты подвергал личностному воздействию и заставлял полностью зависеть от тебя, тем большей властью пользовался ты как его целитель. Центр мировой власти находился на Столичном Острове, на востоке, по ту сторону великого океана. Именно туда Луб хотел перебраться.

Однако это было нелегко. Существовали строгие традиционные правила, запрещавшие менять место жительства иначе как по служебным делам. Все наконец образовалось, как только его пациенткой стала жена Комиссара Связи Сорок седьмого района. Когда комиссара перевели в Столицу, назначив на должность Второго Помощника Слуги Связи, Луб отправился туда вместе с этой семьей; он теперь был незаменим. Через них он и получил незначительное место в Службе Образования. Работая там, а также практикуя на стороне, Луб сделался достаточно известной фигурой, чтобы обратить на себя августейшее внимание самого Слуги Образования.

В общем-то, он и не мечтал подняться так высоко. Но немного удачи, огромное мастерство и постоянная бдительность

сделали свое дело. Через сорок пять минут после того, как Моддо впервые вытянулся у него на койке, Луб понял, что, несмотря на маленький рост, полноту и безвестность, ему предначертано править миром.

Единственный вопрос теперь — что делать с этим правлением? С неограниченным богатством и властью.

Что ж, во-первых, есть любимый исследовательский проект — скромный и неамбициозный. Зато очень интересный, и в случае успешного завершения он послужит главным образом для укрепления и усиления его, Луба, власти. Еще есть десятки маленьких удовольствий и вещей, теперь доступных ему, однако радость обладания ими неизменно улетучивалась. И наконец, есть знание.

Знание. Особенно запретное знание. Сейчас Луб мог безнаказанно наслаждаться им. Он мог бы объединить различные Предания в одно вразумительное целое и стать единственным человеком в мире, кому известно, что же на самом деле произошло в прошлом. Он уже обнаружил, использовав для этого несколько групп сотрудников, такие обрывки сведений, как настоящие названия разных мест; географические названия давным-давно затерялись в цифровой системе, которую изобрели для того, чтобы разрушить патриотические ассоциации, неприемлемые во всемирном государстве. Например, сам Луб родился в городе Австрия, славной столице гордой Венской Империи; теперь он называется Пятым городом Сорок седьмого района. А остров, где сейчас живет Луб, был Гаванакуба — в прошлом, несомненно, великая независимая империя, установившая гегемонию над другими империями во времена бесконечных войн на заре новой истории.

Впрочем, это удовольствие весьма личного характера. Целитель сильно сомневался, что Гаромме, например, было бы интересно узнать, что он происходит не из Двадцатого сельскохозяйственного района Шестого округа, а из места, которое называлось Канада и было одной из сорока восьми республик, составлявших античные Северные Соединенные Штаты Америки. Но ему, Лубу, это интересно. Каждый дополнительный фрагмент знания давал дополнительную власть над другими и однажды мог как-нибудь пригодиться.

Подумать только, если бы Моддо обладал реальными знаниями о технике перемещения и личностного воздействия, которой обучают в высших ложах Гильдии Целителей Разума, то он мог бы сам править миром!.. Но нет. Судьба распорядилась, чтобы некий Гаромма был на самом деле не более чем созданием, вещью Моддо. Судьба распорядилась, что некий Моддо,

наделенный особой силой, неизбежно должен был прийти к Лубу и попасть под его влияние. Неизбежным было и то, что именно Луб с его специализированными знаниями о возможностях воздействия на человеческий мозг сегодня, наверное, единственный независимый человек на Земле. Это тоже было очень приятно.

Он приосанился, весьма довольный собой, пригладил бородку и открыл дверь в Бюро лечебных исследований.

Навстречу ему быстрым шагом вышел начальник Бюро и поклонился.

— Сегодня ничего нового доложить не могу.— Он махнул рукой в сторону маленьких кабинок, в которых сидели техники, изучая старинные книги или проводя эксперименты над животными и приговоренными преступниками.— Потребовалось некоторое время, чтобы снова усадить их за работу после приезда Слуги Всех. Всем было приказано выйти в главный коридор для установленного эмоционального слияния с Гароммой.

— Знаю,— кивнул Луб.— Я и не ожидал большого прогресса в такой день. Ну, продолжайте. Мы работаем над важной проблемой.

Начальник Бюро пожал плечами:

— Над проблемой, которая, насколько нам известно, никогда ранее не решалась. Древние манускрипты, конечно же, в ужасном состоянии. Но те из них, где описывается гипнотизм, говорят одно и то же: гипноз невозможен ни в каком из тех состояний, которые вас интересуют,— против воли индивидуума, вопреки его личным желаниям и здравому смыслу, причем достаточно долго без применения дополнительных усилий. Я не утверждаю, что это невозможно, однако...

— Однако это очень трудно. Что ж, вы работаете уже три с половиной года, и в вашем распоряжении столько времени, сколько потребуется. И оборудование. И сотрудники. Что нужно — просите. А я пока поброжу здесь, посмотрю. Вам меня сопровождать не надо. Я люблю сам задавать вопросы.

Начальник Бюро снова поклонился и пошел к своему столу в дальнем конце комнаты. Луб, Целитель Разума, Ассистент Третьего Помощника Слуги Образования, медленно переходил от кабинки к кабинке, наблюдая за работой, спрашивая, но главным образом присматриваясь к личным качествам техников-психологов.

Он был убежден, что правильно выбранный человек сумеет решить эту проблему. И все дело заключалось лишь в том, чтобы найти такого человека и создать ему все условия. Правильно

выбранный человек должен быть достаточно умен и достаточно настойчив, чтобы вести исследование в нужном направлении, но при этом без избытка воображения, чтобы не испугаться открывшегося ответа.

А когда проблема будет решена... Тогда во время одной короткой встречи со Слугой Всех Луб сумеет установить над Гароммой прямой личный контроль до конца жизни и покончить с долгими терапевтическими сеансами с Моддо, где ему постоянно приходится предлагать и пользоваться иносказаниями, вместо того чтобы отдавать простые, ясные и недвусмысленные приказания. Когда эта проблема будет решена...

Он подошел к последней кабинке. Прыщавый молодой человек, сидевший за простым коричневым столом и изучавший истрепанный, покрытый плесенью том, не слышал, как вошел посторонний. Луб несколько секунд внимательно смотрел на него.

Какую, должно быть, скучную, пресную жизнь ведут техники! Это было видно даже по напряженным чертам их похожих друг на друга лиц. Они выросли в самом жестко организованном всемирном государстве, какое только мог придумать властитель, у них не было ни единой собственной мысли, они даже и не мечтали о какой-либо радости, которая бы официально им не предназначалась.

А между тем этот парень был самым талантливым из всех. Если кто-нибудь в Бюро лечебных исследований и мог разработать такую совершенную технику гипноза, какая требовалась Лубу, так только он. Луб уже долго наблюдал за ним со все возрастающей надеждой.

— Как продвигаются дела, Сидоти?

Сидоти оторвал глаза от книги.

— Закрой дверь,— сказал он.

Луб закрыл дверь.

Это был день полного контроля...

Сидоти, техник-психолог пятого класса, щелкнул пальцами перед глазами Луба и позволил себе понежиться в лучах абсолютной власти, полной власти, такой власти, о какой ни один человек даже не смел мечтать до сего дня.

Полный контроль. Полный...

Все еще сидя, он опять щелкнул пальцами. Сказал:

— Докладывай.

В глазах Луба появился знакомый остекленевший взгляд. Тело его напряглось. Руки бессильно повисли по бокам. Ровным, бесстрастным голосом Целитель начал отчет.

Великолепно. Слуга Безопасности через несколько часов умрет, и человек, который нравился Сидоти, займет его место. Эксперимент по полному контролю прошел блестяще. Вот, собственно, и все, что за всем этим стояло; попытка выяснить, может ли он, внушив Лубу чувство мести за несуществовавшего брата, заставить Целителя действовать на уровне, которого тот всегда старался избегать: принуждать Моддо делать то, в чем Служитель Образования совершенно не был заинтересован. В данном случае — подтолкнуть Гаромму к действиям против Слуги Безопасности в то время, когда Гаромма не переживал никакого душевного кризиса.

Эксперимент полностью удался. Три дня тому назад он толкнул маленькую костяшку домино по имени Луб, и другие маленькие костяшки начали падать одна за другой. Сегодня, когда Слугу Безопасности задушат в собственном кабинете, упадет последняя.

Конечно, была еще одна побочная причина, по которой Сидоти выбрал для эксперимента жизнь Слуги Безопасности. Ему не нравился этот человек. Четыре года назад он видел, как тот на людях пил спиртное. Сидоти казалось, что Слуги Человечества не должны делать таких вещей. Они должны вести чистую, простую, целомудренную жизнь; они должны быть примером для всего остального человечества. Он никогда не видел Помощника Слуги Безопасности, которого приказал Лубу повысить, однако слышал, что этот парень ведет очень правильную жизнь, не позволяя никакой роскоши даже наедине с собой. Сидоти это нравилось. Так оно и должно быть.

Луб закончил свой отчет и стоял, ожидая приказаний. Сидоти подумал, что, наверное, ему следует велеть Целителю отказаться от нехорошей, нескромной идеи напрямую контролировать Гаромму.

Нет, так нельзя: именно эта мысль побуждала Луба ежедневно спускаться в Бюро лечебных исследований, чтобы следить за ходом работ. Хотя было бы достаточно и простого приказа приходить сюда каждый день, все же Сидоти решил, что, пока он не исследует все аспекты своей власти и не научится в полной мере ею пользоваться, будет разумнее не перестраивать первичные личностные механизмы, если они не мешают главному.

Это кое о чем ему напомнило. У Луба была одна страстишка, представлявшая собой чистую трату времени. Теперь, когда Сидоти уверен в абсолютном контроле, настало время от нее избавиться.

— Ты бросишь все эти поиски исторических фактов,— приказал он.— Ты используешь время, которое таким образом освободится, для дальнейшего детального изучения психической слабости Моддо. И для тебя это будет интереснее, чем изучение прошлого. Все.

Техник щелкнул пальцами у лица Луба, чуть подождал, потом щелкнул еще раз.

Целитель Разума глубоко вздохнул, выпрямился и улыбнулся:

— Что же, продолжай в том же духе,— благожелательно сказал он.

— Спасибо, сэр. Непременно,— заверил его Сидоти.

Луб открыл дверь кабинки и вышел с важным и безмятежным видом. Сидоти пристально смотрел ему вслед. Ну что за идиотская уверенность у этого человека — будто когда процесс полного контроля путем гипнотического воздействия будет открыт, то его отдадут Лубу!

Сидоти начал нащупывать ответ три года назад. Он немедленно замаскировался, внешне придав своей работе совершенно иное направление. Потом, в совершенстве овладев техникой, он испробовал ее на самом Лубе. Естественно.

Когда Сидоти впервые узнал, как Луб контролирует Моддо, а Моддо — Гаромму, Слугу Всех, то испытал настоящий шок и чуть было не заболел. Однако через некоторое время вполне приспособился к такой ситуации. В конце концов, начиная с первых классов школы, единственной действительностью, которую он и его современники принимали полностью, была действительность власти. Власть в каждом классе, в каждом клубе, в каждой и всякой группе человеческих существ была единственной вещью, за которую стоило бороться. И ты получал должность не только потому, что лучше всего соответствовал ей, но потому, что она давала наибольшие перспективы власти человеку с твоими специфическими интересами и способностями.

Но Сидоти никогда не воображал себе такой власти!.. Ладно, она у него есть. Такова реальность, а реальность следовало уважать превыше всего прочего. Теперь проблема состояла в том, что ему с этой властью делать.

И на этот вопрос ответить было очень тяжело. Ну а пока представлялся восхитительный случай удостовериться, что каждый добросовестно выполняет свою работу, что плохие люди будут наказаны. Он собирался остаться на своей скучной работе до тех пор, пока не настанет подходящее время для повышения. В настоящий момент никакой надобности в высоком звании

нет. Если Гаромма в состоянии править в качестве Слуги Всех, то он, Сидоти, в состоянии управлять Гароммой через третьи или четвертые руки в качестве простого техника-психолога пятого класса.

Но куда именно следует направлять Гаромму? Какие важные дела заставить Гаромму совершить?

Зазвенел звонок. Из громкоговорителя, установленного в стене под потолком, раздался голос:

— Внимание! Внимание! Слуга Всех покинет Центр через несколько минут. Сотрудникам выйти в главный коридор, чтобы умолять его продолжать служить на благо человечества. Сотрудникам...

Сидоти присоединился к толпе техников, валившей из огромной лабораторной комнаты. Повсюду из кабинетов выходили люди. Все увеличивающаяся толпа, прибывавшая по эскалаторам и лестницам, подхватила его и вынесла в главный коридор, где охранники Службы Образования оттеснили техников и прижали к стенам.

Сидоти улыбнулся. Если бы они только знали, кого толкают! Своего правителя, который мог казнить любого из них. Единственного человека в мире, который мог сделать все, что пожелает. Все.

В дальнем конце коридора возникло какое-то волнообразное и радостное движение. Люди начали нервно озираться, привставать на носки, чтобы лучше видеть. Даже охранники задышали быстрее.

Приближался Слуга Всех.

Выкрики стали громче, многочисленнее. Стоявшие впереди толкались как безумные. И вдруг Сидоти увидел его!

Руки техника от бессознательного сокращения мускулов вскинулись вверх и в стороны. Что-то огромное и восхитительное, казалось, сдавило ему грудь, и оттуда вырвался крик: «Служи нам, Гаромма! Служи нам! Служи нам! Служи нам!» Его душили вздымающиеся волны любви, такой любви, какой никогда никто раньше не испытывал, любви к Гаромме, любви к родителям Гароммы, любви к детям Гароммы, любви ко всем и ко всему, связанному с Гароммой. Тело Сидоти извивалось, он его почти не чувствовал, сладчайшее пламя лизало ноги и поднималось вверх; он дергался и вертелся, плясал и прыгал, его желудок прилип к диафрагме, словно пытаясь выразить свою преданность. И в этом не было ничего удивительного, если учесть, что такие реакции воспитывались с раннего детства.

— Служи нам, Гаромма! — орал Сидоти, и слюна пузырилась у него в уголках губ.— Служи нам! Служи нам! Служи нам!

Он бросился вперед, между двумя охранниками, и вытянутыми пальцами коснулся шелестящих лохмотьев, когда Слуга Всех проходил мимо. Его рассудок внезапно погрузился в самые сокровенные глубины восторга, и он потерял сознание, все еще бормоча: «Служи нам, о Гаромма».

Когда все кончилось, коллеги-техники отвели Сидоти обратно в Бюро лечебных исследований. Они смотрели на него с благоговением. Не всякому и не каждый день удавалось дотронуться до рубища Гароммы.

Сидоти смог оправиться только через полчаса.

ЭТО БЫЛ ДЕНЬ ПОЛНОГО КОНТРОЛЯ...

Плоскоглазое чудовище

Несколько секунд Клайд Мэншип — который до сих пор был доцентом кафедры сравнительного литературоведения университета Келл — несколько секунд Мэншип героически пытался убедить себя в том, что ему всего-навсего приснился дурной сон. Он зажмурил глаза и с упреком сказал себе, что столь гнусные штуки просто не могут существовать в реальном мире. Ни в коем случае. Определенно, сон.

Он уже наполовину убедил себя, как вдруг чихнул. Чих получился слишком громким и мокрым, чтобы его можно было игнорировать. Во сне так не чихают — если во сне вообще чихают. Он сдался. Придется открыть глаза и посмотреть еще раз. От этой мысли у него свело шею.

Чуть раньше он уснул, перечитывая статью, которую написал в научный журнал. Уснул в собственной кровати и в собственной квартире в Каллахан-Холле — «очаровательное и недорогое жилье для холостых сотрудников факультета, желающих жить на территории кампуса». Проснувшись, Клайд Мэншип ощутил слегка болезненное покалывание во всем теле. Он чувствовал себя так, словно его растянули, невообразимо сильно растянули, а потом отпустили. А затем он вдруг вылетел из кровати через открытое окно, словно быстро исчезающий клуб дыма. Он поднялся прямо в усеянное звездами ночное небо, продолжая растворяться в воздухе, покуда не потерял сознания.

И оказался на этом невероятном просторе белого стола. Над ним был сводчатый потолок, а в легких клубился сырой воздух, малопригодный для дыхания. С потолка свисало великое множество какого-то, несомненно электронного, оборудования, однако такого сорта, о каком ребята с кафедры физики могли бы только мечтать, если бы грант, только что полученный ими от

правительства на военные исследования по радиоактивности, был в миллион раз больше и профессор Боулс, заведующий кафедрой, настоял бы, чтобы каждая деталь была сконструирована совершенно не так, как что-либо ранее известное в электронике.

Оборудование над головой трещало, дребезжало, булькало, скрипело, блестело, мигало и сверкало. Вдруг оно угомонилось, как будто кто-то удовлетворенно повернул выключатель.

Клайд Мэншип сел, чтобы посмотреть, кто же его повернул.

И увидел.

Это было не кто, а, скорее, что. И это было не самое приятное «что». В сущности, ни в одном из этих «что», которых он увидел, быстро оглянувшись вокруг, не было ровным счетом ничего приятного. Поэтому Клайд быстро зажмурился и попытался найти иной духовный выход из создавшейся ситуации.

Но теперь он был вынужден посмотреть еще раз. Может, во второй раз все будет не так скверно.

«Темнее всего перед рассветом,— сказал он себе нарочито обыденным тоном. И невольно добавил: — Кроме тех дней, когда солнечное затмение».

Однако глаза он все-таки открыл, хотя и с опаской, как открывает рот ребенок для второй ложки касторки.

Да, они были такими же, какими ему запомнились. Совершенно ужасными.

По краям стола в нескольких дюймах одна от другой торчали толстые круглые кнопки. И на этих кнопках футах в шести справа от него сидели два существа, похожие на черные кожаные чемоданы. Только вместо ручек или, скажем, ремней они щеголяли изобилием черных щупальцев, многими десятками щупальцев, каждое второе или третье из которых заканчивалось бирюзовым глазом, прикрытым густейшими ресницами, какие Мэншип встречал только в рекламе туши для век.

Непосредственно в чемодан, словно для вящего декоративного эффекта, были вставлены россыпи других, небесно-голубых глаз, но уже без ресниц, множеством сверкающих граней напоминающих огромные самоцветы. На телах кошмарных незнакомцев не было никаких признаков ушей, носов или ртов, зато они были покрыты густой сероватой слизью — та медленно стекала с чемоданов и равномерно шлеп-шлеп-шлепалась на пол.

Слева, примерно в пятнадцати футах, где неправильной формы стол образовывал длинный полуостров, находилось еще одно существо. В щупальцах оно держало пульсирующий шар, на поверхности которого постоянно появлялись и пропадали светящиеся пятна.

Насколько Мэншип мог судить, все наличные глаза троих созданий пристально рассматривали его. Он поежился и попытался свести плечи.

— Итак, профессор,— неожиданно спросил кто-то,— что вы скажете?

— Я бы сказал, что это чертовски неприятное пробуждение,— с раздражением заявил Мэншип. Он хотел было продолжать и развить эту тему, украсив ее деталями, но его остановили два соображения.

Первое: кто задал вопрос? Во всем огромном сыром помещении он не видел ни одного человека — ни одного живого существа, в сущности,— кроме трех чемоданов со щупальцами.

Вторым соображением, остановившим его, было то, что кто-то другой начал отвечать на вопрос, бесцеремонно перебив Мэншипа.

— Что же, совершенно очевидно,— сказала эта личность,— что эксперимент удался. Затраченные средства и долгие годы исследовательской работы полностью оправданы. Вы сами можете убедиться, советник Гломг: односторонняя телепортация — теперь уже доказанный факт.

Мэншип определил, что голоса исходят с правой стороны от него. Более широкий из двух чемоданов,— видимо, «профессор»,— к которому был обращен вопрос, разговаривал с более узким; тот отвернул большую часть своих глаз на ножках от Мэншипа, сфокусировав их на собеседнике. Только вот откуда, черт возьми, исходили голоса? Изнутри их тел? Нигде не было никакого признака голосового аппарата.

И с какой стати, пронзило мозг Мэншипа, они говорят по-английски?

— Сам вижу,— признал советник Гломг с грубоватой честностью, которая так ему шла.— Правильно, это доказанный факт, профессор Лирлд. Однако что же именно доказано?

Лирлд поднял тридцать или сорок щупальцев; зачарованно наблюдавший Мэншип догадался, что это означало энергичное и нетерпеливое пожимание плечами.

— Осуществлена телепортация живого организма с астрономического объекта 649-301-3 без помощи передающего аппарата на планете его происхождения.

Советник снова перевел глаза на Мэншипа.

— Вы называете это живым? — с сомнением осведомился он.

— Ах, перестаньте, советник! — запротестовал профессор Лирлд.— Давайте отбросим всякий флефноморфизм. Оно явно способно ощущать, явно способно передвигаться, до известной степени...

— Ладно. Оно живое. Готов признать. Но разве оно чувствует? Мне отсюда кажется, что оно даже не пмбффает. А эти жуткие одинокие глаза! Их всего два, и они такие плоские! А сухая кожа без всяких следов слизи?.. Я мог бы признать...

— Ты бы лучше на себя посмотрел, тоже не ахти какой красавец, знаешь ли,— не утерпев, возмущенно бросил ему глубоко уязвленный Мэншип.

— В своей оценке чуждых форм жизни я придерживаюсь принципов флефноморфизма,— продолжал тот, как будто Мэншип ничего не говорил.— Да, я флефноб и горжусь этим. В конце концов, профессор Лирлд, я видел других совершенно невозможных существ с соседних планет, которых привозили сюда мой сын и прочие исследователи. Самые странные из них, самые примитивные, по крайней мере, способны пмбффать! А это... эта вещь... Ни малейшего, ни ничтожнейшего следа пмбффа я в нем не вижу! Оно жуткое, вот именно — жуткое!

— Отнюдь нет,— запротестовал Лирлд,— всего лишь научная аномалия. Возможно, в окраинных областях Галактики, где часто встречаются животные подобного рода, условия таковы, что пмбффанье необязательно. Подробное исследование очень скоро многое нам объяснит. А пока мы доказали, что жизнь существует не только в заполненном светилами центре Галактики, но и в других областях. И когда настанет время исследовательских полетов к тем мирам, то отважные путешественники, вроде вашего сына, полетят, вооруженные знаниями. Они будут иметь представление, с чем могут столкнуться.

— Эй, послушайте! — в отчаянии закричал Мэншип.— Вы меня слышите или нет?

— Можете отключить энергию, Срин,— отозвался профессор Лирлд.— Нечего ее расходовать впустую. Я считаю, что у нас достаточно этого существа. Если еще какая-то его часть должна материализоваться, то она будет перенесена остаточным лучом.

Флефноб слева от Мэншипа быстро повернул шар, который держал в щупальцах. Низкий шум, наполнявший помещение и почти незаметный раньше, смолк. Срин внимательно уставился на пятна света на поверхности своего инструмента, и Мэншип вдруг догадался, что это — показания приборов. Да, именно показания приборов. «Ну а откуда мне это стало известно?» — с удивлением подумал он.

Разумеется. Существовал лишь один ответ. Если они не слышали его, как бы громко он ни кричал, если они даже не догадывались, что он кричал, и если в то же время они с невероят-

ной легкостью говорили на его родном языке, значит, они были телепатами. Без ушей и ртов.

Мэншип внимательно слушал, как Срин о чем-то спрашивал своего начальника. Казалось, в ушах у него звучали слова, английские слова, которые произносились ясным, отчетливым голосом. Но при этом что-то было не совсем так. Чего-то не хватало: недоставало жизненности, которой настоящие овощи отличаются от искусственных овощных приправ. Кроме того, за словами Срина слышался какой-то невнятный фон из других слов, беспорядочных обрывков предложений; те иногда становились достаточно «слышными», чтобы уяснить предмет, о котором не упоминалось в «разговоре». Именно так Мэншип догадался, что мерцающие пятна света на шаре были показаниями приборов.

А когда странные существа упоминали то, для чего вообще не существовало эквивалента в английском языке, мозг подсовывал ему бессмысленный слог.

Пока все хорошо. Его выдернул из теплой постели в Каллахан-Холле какой-то телепатический чемодан по имени Лирлд или что-то вроде этого, оснащенный множеством глаз и щупальцев. Его засосало на какую-то планету в совершенно другой системе около центра Галактики, причем одетого только в яблочно-зеленую пижаму.

Он находился в мире телепатов, которые совсем не слышали его, но которых сам он легко мог подслушивать, потому что его мозг, по всей видимости, представлял собой достаточно чувствительную антенну. Вскоре ему предстояло подвергнуться «подробному исследованию» — перспектива отнюдь не радостная, тем более что на него, кажется, смотрели как на экзотическое лабораторное животное. И наконец, о нем были весьма невысокого мнения — главным образом потому, что он совсем не мог пмбффать.

Подведя итог, Клайд Мэншип решил, что, пожалуй, пора дать почувствовать свое присутствие. Дать им понять, что он определенно не какая-нибудь низшая форма жизни, а, так сказать, один из них. Что он и сам член клуба «Разум выше материи» и происходит от длинной череды обладателей высокого коэффициента интеллектуального развития.

Вот только как им дать понять?

Ему смутно припомнились приключенческие романы, которые он читал мальчишкой. Исследователи высаживаются на незнакомом острове. Аборигены, вооруженные острыми копьями, дубинками и небольшими булыжниками, выскакивают из джунглей, чтобы встретить незваных гостей, и радостно гикают,

предвкушая нанесение тяжких увечий. Исследователи, слегка струхнув, поскольку не знают языка как раз этого острова, должны действовать быстро. Естественно, они прибегают к... они прибегают к... универсальному языку жестов! Универсальному!

Все еще сидя, Клайд Мэншип поднял обе руки прямо над головой.

— Моя друг,— промолвил он.— Моя приходить с миром.

Мэншип не предполагал, что завяжется диалог, но надеялся, что произнесение этих слов поможет ему психологически и добавит его жестам искренности.

— Можете также выключить записывающую аппаратуру,— давал указания ассистенту профессор Лирлд.— С этого момента все будет фиксироваться в двойной памяти.

Срин снова повертел свой шар.

— Вам не кажется, что нужно уменьшить сырость, сэр? Сухость кожи этого существа, похоже, говорит в пользу климата пустыни.

— Вовсе нет. Я сильно подозреваю, что это одна из тех примитивных форм, которые способны существовать в самых разных окружающих средах. Данный экземпляр, очевидно, отлично себя чувствует. Говорю вам, Срин, до сего момента мы можем быть вполне удовлетворены результатами эксперимента.

— Моя друг! — продолжал отчаянно выкрикивать Мэншип, поднимая и опуская руки.— Моя разумное существо! Моя иметь КИ 140 по шкале Векслера—Бельвю!

— Вы можете быть удовлетворены,— говорил Гломг, в то время как Лирлд слегка подпрыгнул и поплыл вверх, словно огромный одуванчик, к мешанине аппаратуры,— но только не я. Мне все это дело совершенно не нравится.

— Моя друг и разумное суще...— начал Мэншип. И опять чихнул.— Будь проклята эта сырость,— угрюмо пробормотал он.

— Что такое? — строго спросил Гломг.

— Ничего особенного, советник,— успокоил его Срин.— Подопытное существо делало так и раньше. Скорее всего мы наблюдаем периодически происходящую биологическую реакцию низшего порядка, возможно, примитивный метод поглощения глрнка. Совершенно исключено, что это может быть способом общения.

— Я и не думал об общении,— раздраженно заметил Гломг.— Я подумал, что подобные действия, возможно, предшествуют всплеску агрессивности.

Профессор спланировал на стол, притащив с собой спутанный клубок разноцветных проводов.

— Вряд ли. С помощью чего такое существо может проявить агрессивность? Боюсь, что вы уж слишком далеко заходите в своем недоверии к неизвестному, советник Гломг!

Мэншип скрестил руки на груди и погрузился в беспомощное молчание. Было ясно, что добиться понимания удастся лишь через телепатию. А как начать передавать мысли телепатически? Что для этого надо делать?

Если бы только его диссертация была по биологии или физиологии, а не на тему «Употребляемость видовременных форм глаголов в первых трех книгах "Илиады"». Ну да ладно. До дома путь неблизкий. Надо пробовать.

Он закрыл глаза, предварительно удостоверившись, что профессор Лирлд не собирается приближаться к нему с каким-нибудь оборудованием. Затем наморщил лоб и наклонился вперед, пытаясь как можно сильнее сосредоточиться.

«Проверка,— подумал Мэншип изо всех сил,— проверка, проверка. Раз, два, три, четыре — проверка, проверка. Вы меня слышите?»

— Просто мне это не нравится,— снова заявил Гломг.— Мне не нравится то, чем мы здесь занимаемся. Назовите это предчувствием, назовите как угодно, но мне кажется, что мы вторгаемся в бесконечность, а нам не следует этого делать.

«Проверяю.— Мэншип неистово формировал мысленные образы.— У Мэри был ягненочек. Проверка, проверка. Я инопланетное существо, и я пытаюсь вступить с вами в контакт. Говорите, пожалуйста».

— Позвольте, советник,— раздраженно возразил Лирлд.— Давайте оставим схоластику. Мы проводим научный эксперимент.

— Вот и прекрасно. Но я считаю, что существуют тайны, над которыми флефнобы никогда не должны пытаться приподнять завесу. Чудовище, выглядящее так жутко — кожа без слизи, всего два глаза и оба плоские, не может или не хочет пмбффать, почти полностью отсутствуют щупальца,— чудовище такого сорта нужно оставить в покое на его адской планете. Есть границы и для науки, мой ученый друг,— по крайней мере должны быть. Никому не дано познать непознаваемое!

«Вы меня слышите? — взмолился Мэншип.— Инопланетное существо — Срину, Лирлду и Гломгу: произвожу попытку телепатического общения. Пожалуйста, ответьте кто-нибудь. Кто угодно.— Он чуть помолчал и добавил: — Конец связи».

— Я не признаю таких ограничений, советник. Моя любознательность велика, как сама Вселенная.

— Охотно верю,— зловеще парировал Гломг.— Однако и в Тизе, и в Тетзбах сокрыто больше, чем снится нашей мудрости, профессор.

— Моя мудрость...— начал было Лирлд, но, перебив сам себя, объявил: — А вот и ваш сын. Почему бы не спросить у него? Если бы он не был вооружен результатами научных исследований, которые такие люди, как вы, раз за разом хотели приостановить, было бы невозможно ни одно из его героических достижений в области межпланетных открытий.

Потерпевший сокрушительное поражение, но еще не утративший любопытства, Мэншип открыл глаза и увидел, как на стол планирует какой-то поразительно узкий черный чемодан, весь опутанный похожими на спагетти щупальцами.

— Что это? — осведомился вновь прибывший, раскинув над головой Мэншипа гроздь сверхволосатых глазоножек.— Похоже на йурда с запущенной формой хипплестатча.— Он помолчал и добавил: — Прогрессирующего хипплестатча.

— Перед вами существо с астрономического объекта 649-301-3, которое мне только что удалось телепортировать на нашу планету,— с гордостью сообщил Лирлд.— Примите во внимание, Рабд,— без передающего устройства на другом конце! Признаюсь, пока не ясно, почему никогда раньше эксперимент не удавался, а сейчас вдруг получилось, но это тема для дальнейших исследований. Превосходный экземпляр, Рабд! И насколько мы можем судить, в отличном состоянии. Срин, теперь можете убрать его.

— Ой, не надо, Срин,— начал было причитать Мэншип, но с потолка упал огромный треугольник из какого-то мягкого материала и накрыл его. В ту же секунду поверхность стола как будто провалилась, суетливый индивид, которого Мэншип принимал за ассистента, собрал под ним концы треугольника и со щелчком скрепил их. Мэншип даже рукой шевельнуть не успел, а крышка стола вновь встала на прежнее место, пребольно ударив его.

И вот он сидел, тщательно упакованный, как подарок ко дню рождения. В целом положение не улучшилось, решил Мэншип. С другой стороны, они вроде бы не собирались пока ставить его на лабораторную полку рядом с пыльными банками с заспиртованными флефнобскими эмбрионами.

Тот факт, что он был первым человеком в истории, вступившим в контакт с внеземной расой, почему-то ни капельки не радовал Клайда Мэншипа.

Во-первых, размышлял он, контакт был какой-то неполноценный — больше похожий на знакомство необычно окрашен-

ного мотылька с банкой энтомолога, нежели на торжественную встречу гордых представителей двух разных цивилизаций.

Во-вторых, что гораздо важнее, такого рода рукопожатие в космосе скорее могло порадовать астронома, социолога или даже физика, чем доцента кафедры сравнительного литературоведения.

Мэншип много раз в своей жизни мечтал о чем-то. Но он мечтал, например, о том, что присутствует на премьере «Макбета» и видит, как разгоряченный Шекспир умоляет Бэрбейджа не выкрикивать монолог «Завтра, завтра, завтра» в последнем акте: «Ради Бога, Дик, пойми — у тебя только что умерла жена, ты сам вот-вот потеряешь королевство и собственную жизнь. Не надо орать, как Мег в "Русалке", когда она требует дюжину эля. Философичнее, Дик, вот в чем идея, медленно, печально и философично. И как бы слегка недоумевая».

Или он воображал, как сидит среди толпы людей году эдак в 700-м до новой эры и вдруг встает слепой поэт и впервые произносит: «Гнев нам, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

Или будто бы он гостит в Ясной Поляне, и Толстой с отсутствующим взглядом входит из сада в дом и бормочет: «Вот только что пришла в голову мысль написать рассказик о вторжении Наполеона в Россию. А какое название! "Война и мир". Ничего претенциозного, ничего заумного. Очень просто — "Война и мир". Они там в Петербурге со стульев попадают. Точно вам говорю. Разумеется, сейчас это всего лишь коротенький рассказик, но я, вероятно, придумаю несколько эпизодов, чтобы расширить произведение».

А путешествия на Луну и другие планеты Солнечной системы, не говоря уже о центре Галактики,— да еще в одной пижаме? Нет уж, увольте, от такого блюда у Клайда Мэншипа слюнки явно не текли. Если уж на то пошло, в своих мечтах он не забирался дальше, чем, скажем, на поднебесный балкон Виктора Гюго в Сен-Жермен де Прэ или на греческие острова, где пылкая Сапфо влюблялась и под настроение время от времени пела.

Вот профессор Боулс или кто-то еще из этих заносчивых мальчишек с кафедры физики — чего бы они только не дали, чтобы оказаться на его месте! Стать объектом настоящего эксперимента, который не укладывается ни в одну земную теорию, познакомиться с фантастическими технологиями,— вероятно, они бы сочли, что в обмен на все это было бы выгодно и даже почетно подвергнуться вивисекции, которая, по мрачному убеж-

дению Мэншипа, завершит сегодняшний праздник. Кафедра физики...

Мэншип вдруг припомнил замысловатую вышку, усеянную серыми изоляторами; кафедра физики воздвигала ее на поле Мэрфи. Из окна комнаты в Каллахан-Холле он собственными глазами наблюдал, как растет субсидируемый правительством проект по изучению радиации.

Не далее как вчера вечером, когда вышка достигла уровня его окон, Мэншип подумал, что она скорее похожа на средневековую осадную машину, предназначенную сокрушать стены крепостей, чем на современное устройство связи.

Но когда Лирлд упомянул, что односторонняя телепортация никогда раньше не удавалась, Мэншип подумал, а не является ли эта недостроенная башня, заглядывающая обрывками электронной мешанины к нему в окно, причиной того кошмарного пюре, в котором он теперь увяз.

Может, эта вышка стала недостающим звеном в аппарате Лирлда, своего рода антенной, или заземлением, или чем-нибудь еще? Если бы он хоть немного разбирался в физике!.. Восемь лет высшего образования были здесь совершенно бесполезны.

Он стиснул зубы, но прикусил язык и был вынужден отложить всякие размышления, пока не прошла боль и не высохли слезы.

Ну а даже если бы он знал наверное, что эта башня сыграла решающую, хотя и пассивную роль в его перемещении через межзвездное пространство? Если бы он мог определить ее роль в мегавольтах и амперах — разве эти знания могли принести хоть какую-то пользу в его невозможном положении?

Он все равно так и оставался бы отвратительным плоскоглазым неразумным чудовищем, случайно подобранным где-то на задворках Вселенной, окруженным существами, для которых его основательное знание многочисленных литературных шедевров астрономического объекта 649-301-3, даже если допустить чудо перевода, будет звучать шизофренической словесной мешаниной.

Погруженный в отчаяние, Мэншип безнадежно дергал материал, в который был завернут. Вдруг в руках у него оказались два маленьких обрывка.

Для того чтобы как следует рассмотреть их, света было недостаточно, но на ощупь он определил материал безошибочно: бумага. Его завернули в огромный лист бумаги или чего-то очень похожего.

Что ж, здесь есть своя абсурдная логика. Поскольку отростки флефнобов состояли только из нежных щупальцев, которые либо заканчивались глазами, либо просто сужались, и поскольку им нужны были выступы на лабораторном столе, чтобы сидеть вокруг него, то, с их точки зрения, бумажная клетка являлась вполне надежным местом. Их щупальцам здесь не за что было ухватиться, а силы, видимо, недоставало, чтобы порвать бумагу.

Несмотря на то что Мэншип никогда не был атлетом, он все же верил, что в крайнем случае сумеет освободиться из бумажного мешка. Эта мысль успокаивала, хотя в данный момент пользы от нее было не больше, чем от озарения насчет вышки на поле Мэрфи.

Если бы только существовал какой-нибудь способ передать информацию маленькой группе Лирлда! Может быть, они бы тогда поняли, что их «Безумный ужас из гиперпространства» обладает кое-какими интеллектуальными способностями, и, возможно, как-то отправили бы его обратно. Если бы захотели.

Вот только передавать информацию он не мог. По причине совершенно разных эволюционных путей человека и флефноба Мэншип мог только принимать. Поэтому бывший доцент кафедры сравнительного литературоведения Клайд Мэншип тяжело вздохнул, опустил плечи и настроился на прием.

Еще он аккуратно и нежно разгладил складки на пижаме, и не столько из-за латентных портновских амбиций, сколько из-за того, что ощутил болезненный укол ностальгии: он вдруг понял, что этот недорогой зеленый костюм весьма стандартного покроя был единственным артефактом, который остался у него от прошлого мира. Единственный сувенир, так сказать, от цивилизации, которая произвела на свет Тамерлана; эта пижама была по сути связующим звеном между его физическим телом и Землей.

— Что касается меня,— рассуждал сын Гломга, исследователь (было ясно, что спор продолжается и бумажная преграда никак не влияет на способность Мэншипа «слышать»),— то я могу привозить с собой этих инопланетных чудищ, а могу и не привозить. Но когда они оказываются столь отталкивающими, как вот это, я предпочитаю их не трогать. Вот что я хочу сказать: я не боюсь вторгаться в область бесконечного, как это называет папа, однако, с другой стороны, я не верю, что ваши изыскания, профессор Лирлд, когда-нибудь дадут нам действительно что-то важное.— Он немного помолчал и продолжил: — Надеюсь, вы не обиделись на меня, сэр. Я честно сказал, что думаю. Я практичный флефноб и верю в практичные вещи.

— Как вы только можете так говорить: ничего действительно важного?! — Несмотря на извинения Рабда, душевный «голос» профессора, как отметил мозг Мэншипа, явно дрожал от возмущения.— Ведь основной целью флефнобской науки на сегодняшний день является путешествие в такой район внешней Галактики, где расстояния между звездами огромны по сравнению с их относительной плотностью здесь, в галактическом центре.

Мы легко можем путешествовать на пятьдесят четыре планеты нашей системы и недавно осуществили полет к нескольким соседним звездам, но достижение срединных областей Галактики, откуда и происходит этот экземпляр, остается сегодня таким же призрачным прожектом, каким он был на заре внеатмосферных полетов два столетия назад.

— Правильно! — перебил его Рабд.— А почему? Потому что у нас нет кораблей, способных осуществить такие полеты? С тех пор как создана Трасса Булвонна, любое военное или торговое судно флефнобов, включая и мой маленький трехмоторный катер, может домчаться до такого места, как астрономический объект 649-301-3 — называю его просто для примера,— и обратно, даже не перегревая двигателей. Но мы этого не делаем. И тому есть веская причина.

Теперь Клайд Мэншип слушал — или принимал — так напряженно, что две половины его мозга, казалось, наезжали одна на другую. Его очень интересовал астрономический объект 649-301-3 и все, что могло облегчить или усложнить путешествие к нему, каким бы необычным ни оказалось средство передвижения с земной точки зрения.

— И причина эта, разумеется,— продолжал молодой исследователь,— сугубо практического характера. Духовное вырождение. Старое доброе духовное вырождение. На протяжении двухсот лет мы успешно решали любую задачу, связанную с космическими путешествиями, но до сих пор мы даже не пмбффнули к поверхности этой проблемы. Стоит нам удалиться от своей родной планеты на какие-нибудь двадцать световых лет, и тут же начинается духовное вырождение. Самые лучшие экипажи начинают вести себя как умственно отсталые дети, и если они немедленно не возвращаются домой, их разум затухает: они духовно деградируют до нуля.

«Это возможно,— решил Мэншип, с интересом прислушиваясь,— это вполне возможно. Телепатическая раса вроде флефнобов... ну конечно же! С младенчества привыкнув к тому, что их постоянно окружает духовная аура всего вида, общаясь исключительно с помощью телепатии, поскольку никогда не было нужды в развитии других средств связи, они должны испыты-

вать такое одиночество, такое жуткое одиночество, когда их корабли достигают слишком отдаленной точки, откуда нельзя установить контакт с их миром!..»

А их образование — Мэншип мог только догадываться о системе образования у существ, столь непохожих на него самого, но наверняка это должно быть что-то вроде непрерывного духовного осмоса высшего порядка, взаимный духовный осмос. Независимо от конкретных форм их система образования, вероятно, основывалась главным образом на включении индивида в группу. И когда чувство принадлежности к группе становилось слишком слабым, либо в результате какого-нибудь постороннего барьера, либо из-за огромных межзвездных расстояний, неизбежно наступал психический распад флефноба.

Однако все это было несущественно. Существовали межзвездные корабли! Существовали средства передвижения, способные доставить Клайда Мэншипа обратно на Землю, в университет Келли, к прерванной работе, которая, как он надеялся, наконец принесет ему звание профессора сравнительного литературоведения: «Стиль против содержания в пятнадцати репрезентативных отчетах перед мелкими акционерами за период 1919—1931 годов».

Впервые в его душе забрезжила надежда. В следующую секунду она уже лежала на спине, растирая вывихнутое колено. «Только вообрази, вообрази интереса ради,— подсказывал ему врожденный ум,— что ты сможешь как-то отсюда выбраться и отыскать в этом, по всей видимости, совершенно чужом мире космические корабли, о которых упоминал Рабд. Можно ли себе представить, каким бы диким или горячечным ни было воображение, что он, Клайд Мэншип, неумеха, чьи способности к механике рассмешили бы синантропа, можно ли себе представить, что он справится с различными механизмами космического корабля?»

Клайд Мэншип вынужден был признать, что в целом проект был неосуществим. И велел своему врожденному уму убираться ко всем чертям.

Итак, теперь Рабд. Рабд мог бы доставить его обратно на Землю, если (а) лично будет в этом заинтересован и если (б) с ним можно будет общаться. Ладно, что больше всего интересует Рабда? Очевидно, достаточно большой интерес представляет это духовное вырождение.

— Если вы найдете ответ на эту проблему, профессор,— увещевал Рабд,— я буду так рад, что немедленно сниму со своего корабля глрк. Вот что удерживает нас здесь, в центре Галактики, уже так много лет. Вот это и есть практический вопрос.

А когда вы извлекаете этот Крмом забытый кусок протоплазмы из дыры где-то на краю Вселенной и спрашиваете, что я об этом думаю, то должен сказать, что все это меня оставляет совершенно равнодушным и, с моей точки зрения, не является полезным экспериментом.

Мэншип уловил душевную пульсацию кивка от отца Рабда.

— Вынужден согласиться с тобой, сынок. Эксперимент бесполезный и опасный. И думаю, что смогу убедить остальных членов Совета разделить мое мнение. Мы уже слишком много истратили на этот проект.

Так как резонанс их мыслей несколько ослабел, Мэншип сделал вывод, что флефнобы покидают лабораторию.

Он услышал отчаянные «Но... но...» Лирлда. Потом, уже издалека, видимо, отделавшись от профессора, советник Гломг спросил сына:

— А где малышка Текст? Я думал, вы придете вместе.

— Она на посадочном поле,— ответил Рабд,— наблюдает за погрузкой. Как-никак, сегодня вечером мы отправляемся в свадебный полет.

— Чудесная девушка,— сказал Гломг теперь уже едва слышным голосом.— Ты очень счастливый флефноб.

— Я знаю, папа,— согласился с ним Рабд.— Не думай, будто я этого не понимаю. Ни у кого нет стольких щупальцев с глазами на этой стороне Гансибоккла, и все они мои, все мои!

— Текст — теплая и в высшей степени разумная женская особь флефноба,— строго подчеркнул отец уже издалека.— У нее множество прекрасных качеств. Мне не нравится, что ты ведешь себя так, будто брак сводится только к количеству глазных щупальцев у женщины.

— Ах, конечно же, нет, папа,— успокоил его Рабд.— Вовсе нет. Для меня брак — это важное и э-э... серьезное дело. Очень ответственное, э-э... налагающее серьезные обязательства. Да, сэр. В высшей степени серьезные. Однако то, что у Текст больше ста семидесяти шести покрытых слизью щупальцев, каждое из которых увенчано симпатичным прозрачным глазом, не причинит вреда нашим отношениям. Совсем наоборот, папа, совершенно наоборот.

— Суеверный старый дурак и наглый мужлан,— с горечью заметил профессор Лирлд.— И эти двое могут прикрыть финансирование, Срин! Они могут прекратить мою работу. Нам нужно подготовить контрмеры!

Однако Мэншипа не интересовали эти такие знакомые академические страсти. Он отчаянно тянулся за удаляющимися мозгами Гломга и Рабда. Его, впрочем, не особенно занимали

соображения старшего насчет здоровой и счастливой сексуальной жизни в браке.

Что действительно очень его интересовало, так это побочный душевный продукт предыдущего разговора. Когда Рабд упомянул о загрузке своего корабля, в какой-то части мозга флефноба, как будто по ассоциации, ненадолго всплыла конструкция небольшого судна, его оборудование и, главное, система управления.

Всего на несколько секунд вспыхнула приборная панель с загорающимися и гаснущими разноцветными лампочками и начало давнишней, часто повторяемой команды: «Прогреть двигатели Трассы Булвонна, сначала медленно повернуть три верхних цилиндра... Теперь *осторожно!*»

Мэншип с удивлением понял, что недавно такую же сублимированную мысль-картинку он воспринял от Срина, и это помогло ему догадаться, что мерцающие световые узоры на шаре в руках лаборанта в действительности — показания приборов. Очевидно, его восприятие флефнобов было глубже, чем просто считывание сознательно передаваемой информации, и проникало если не в подсознание, то в более глубокие области их психики и памяти.

Но это означало... означало... Удивительно, что в его положении он еще мог о чем-то размышлять. Немного практики, чуть-чуть навыка, и он, без сомнения, сможет «услышать» мозг каждого флефноба на планете!

От этой мысли Мэншип нахмурился. Его «я», никогда не отличавшееся особой силой, за последние полчаса стремительно набирало вес под презрительным изучающим взглядом сотни глаз на щупальцах и десятками телепатических издевок. Его личность, у которой никогда не было никакой власти на протяжении всей взрослой жизни, внезапно обнаружила, что легко может держать судьбу целой планеты внутри своей черепной коробки.

Да, при этой мысли Мэншип почувствовал себя значительно лучше. Он по своему желанию мог овладеть любой крупицей информации, которой обладали эти флефнобы. А что бы ему хотелось знать? Скажем, для начала?

Его эйфория угасла, как спичка, на которую плюнули. Хотелось знать только одно: как попасть домой!

Одно из немногих существ на этой планете и, может быть, даже единственное, чьими мыслями он мог воспользоваться для осуществления своих планов, сейчас вместе с отцом направлялось в какой-то флефнобский эквивалент бара «У Тони». Только

что Рабд, судя по воцарившейся тишине, вышел из зоны телепатической досягаемости.

С хриплым, мучительным, тоскливым криком, похожим на рев быка, который, нанеся мощный удар рогами и по инерции пролетев через всю арену, оглядывается и видит, как униформисты уносят раненого матадора... именно с таким пугающим ревом Клайд Мэншип подался вперед, мощным движением обеих рук разрывая покрывавший его материал, и вскочил на ноги, оказавшись на поверхности стола.

— ...и семь или восемь цветных диаграмм, иллюстрирующих историю телепортации до успешного эксперимента,— говорил в этот момент Лирлд своему ассистенту.— Собственно, Срин, если вы успеете сделать трехмерные диаграммы, то это произвело бы на Совет еще лучшее впечатление. Нам навязали бой, Срин, и мы должны использовать каждую...

Его мысли распались, потому что один глаз на стебле выгнулся и уставился на Мэншипа. Через секунду уже весь комплект глаз профессора, а также глаза лаборанта развернулись и, подрагивая, уставились на стоящего во весь рост человека.

— Святой, концентрированный Крм.— Мозг профессора едва передавал невнятную мысль.— Плоскоглазое чудовище! Оно вырвалось!

— Сломало клетку из чистой бумаги! — в ужасе проговорил Срин.

Лирлд принял решение.

— Бластер,— приказал он.— Дай мне бластер, Срин. Будет финансирование или нет, с таким существом рисковать нельзя. Мы находимся в густонаселенном городе. Раз оно начало буйствовать...— По всему черному чемодану пробежала дрожь. Профессор быстро приладил какой-то причудливо изогнутый инструмент, который передал ему Срин, и направил на Мэншипа.

Вырвавшись из бумажного пакета, Мэншип замешкался в нерешительности, стоя на столе. Он никогда не был человеком действия и поэтому сейчас стоял, явно озадаченный тем, что делать дальше. В каком направлении ушли отец и сын Гломги? Мэншип растерянно озирался в поисках чего-нибудь похожего на дверь. Он очень сожалел о том, что не заметил, через какое отверстие проник в помещение Рабд, когда присоединился к их маленькой теплой компании. Он как раз решил проверить, что это за извилистые вмятины на противоположной стене, как вдруг увидел решительно направленный на него бластер. Мозг, зарегистрировавший недавнюю беседу между профессором и ассистентом как не представляющий интереса фон, вдруг сооб-

щил Мэншипу, что он вот-вот станет первой и, вероятно, незарегистрированной жертвой в войне миров.

— Эй! — заорал он, совершенно забыв о своей ограниченной способности к общению.— Я просто хотел найти Рабда. Я вовсе не собираюсь...

Лирлд что-то сделал со своим причудливым инструментом, как будто заводил часы, но, видимо, это было эквивалентно нажатию на спусковой крючок. Одновременно он закрыл все свои глаза, что само по себе еще не могло считаться проявлением добрых намерений.

Именно это, как понял Клайд Мэншип позже, когда появилось время и место подумать, и спасло ему жизнь. Это, да еще изумительный прыжок в сторону, когда миллионы щелкающих красных точек вырвались из инструмента в его сторону.

Красные точки пронзили воротник пижамы и попали в нижнюю часть свода, переходящего в потолок. Без всякого звука в стене появилась дыра футов десяти в окружности. Она была достаточно глубокой — фута три-четыре, и сквозь нее виднелось ночное небо. Густое облако пыли опускалось на пол, как будто здесь только что выколачивали ковер.

Мэншип почувствовал, что в области сердца образовался комок из маленьких льдинок. Желудок вжался в брюшную перегородку и норовил растечься вокруг ребер. Никогда в жизни он еще не испытывал такого всеобъемлющего страха.

— Э-э-эй...

— Мощности многовато, профессор,— рассудительно заметил Срин; ассистент спокойно стоял у стены, распластав по ней щупальца.— Многовато мощности и недостаточно глрнка. Добавьте немножко глрнка и посмотрите, что получится.

— Благодарю вас,— ответил Лирлд.— Вы имеете в виду, вот так? — Профессор поднял и снова навел инструмент.

— Э-э-эй! — продолжал Мэншип, и не потому, что считал, будто такое утверждение принесет положительный результат, а потому, что в этот момент начисто лишился способности построить более сложную фразу.— Э-э-эй! — повторил он, стуча зубами и глядя на Лирлда уже не совсем плоскими глазами.

Мэншип предостерегающе поднял трясущуюся руку. По всему его телу распространился страх, подобно панике, охватывающей стадо обезьян. Он видел, как флефноб снова заводит спусковой крючок. Его мысли были парализованы, а все мышцы напряглись так, что казалось, вот-вот порвутся.

Вдруг Лирлд затрясся и опрокинулся на стол. Оружие выпало из его онемевших щупальцев и упало на мотки спутанных проводов, которые раскатились в разные стороны.

— Срин! — вскрикнул мозг профессора.— Срин! Чудовище... Ты... ты видишь, что испускают его глаза? Он... он...

Тело Лирлда с треском раскрылось, и из него вылилась какая-то бледно-голубая вязкая жидкость. Щупальца отвалились, как длинные сухие листья на холодном осеннем ветру. Глаза, покрывавшие его поверхность, из бирюзовых сделались темно-карими.

— Срин! — взмолился он тонкой прощальной мыслью.— Помоги мне... плоскоглазое чудовище... помоги... помоги!

И он растаял. На том месте, где находился профессор, ничего не осталось, кроме темной лужицы с голубыми вкраплениями, которая пузырилась и стекала с края стола.

Мэншип непонимающе смотрел на все это, до конца осознавая лишь одно: он все еще жив. Из мозга Срина до него дошла волна абсолютно безумного, панического страха. Лаборант отпрыгнул от стены, у которой стоял, перебирая щупальцами, взобрался на стол, на секунду застыл над кнопками у края, чтобы оттолкнуться от них, и сделал длинный прыжок к дальней стене помещения. Зигзагообразные вмятины расступились, словно вспышка молнии, пропустив его тело.

Значит, это и в самом деле была дверь. Мэншип почувствовал гордость от собственной сообразительности. Учитывая скудость изначальных сведений... Весьма умно, весьма!

И только тогда его мозг осмыслил происходящее, и от этого Мэншипа затрясло. Он должен быть мертв, с разорванным в клочья телом и перемолотыми в муку костями. Что же случилось?

Лирлд выстрелил в него и промахнулся. Когда профессор собирался выстрелить во второй раз, нечто поразило флефноба приблизительно так же сильно, как того ассирийца в те дни, когда последний завел себе привычку налетать аки волк на овчарню. Но что? У Мэншипа не было никакого оружия. Не имелось у него, насколько он знал, в этом мире и никаких союзников. Он оглядел огромную сводчатую комнату. Тишина. Здесь больше ничего и никого не было.

О чем же это телепатически кричал профессор, прежде чем превратился в бульон? Что-то о глазах Мэншипа... Будто глаза Мэншипа что-то испускают?

Все еще крепко озадаченный — и несмотря на радость, что удалось пережить эти последние несколько минут,— Мэншип не мог удержаться от мимолетной печали. Жаль, что Лирлд погиб. Возможно, в силу некоторой схожести их служебного положения этот флефноб был единственным существом своего вида, к которому Мэншип испытывал какую-то симпатию. Те-

перь он чувствовал себя еще более одиноким — и, как-то смутно, несколько виноватым.

Разные мысли, которые бестолково бродили у него в голове, вдруг исчезли, и их место заняло в высшей степени важное наблюдение.

Зигзагообразные двери, в которые выскочил Срин, закрывались, створки сходились! А насколько Мэншипу было известно, они служили единственным выходом отсюда!

Мэншип оттолкнулся от поверхности огромного стола и во второй раз за десять минут совершил такой прыжок, который делал честь его нерегулярным занятиям гимнастикой шесть лет назад. Он ринулся к сужающейся щели, готовый в случае необходимости ногтями процарапать себе выход сквозь каменную стену.

Ему очень не хотелось очутиться здесь в ловушке, когда его окружит флефнобская полиция, вооруженная аналогами автоматов и слезоточивого газа. Он также не забывал, что ему надо догнать Рабда и взять еще два или три урока вождения.

К его великому облегчению, створки снова раздвинулись, когда он уже чуть было не врезался в них. Какое-то фотоэлектрическое устройство... а может, они просто реагируют на приближение тела?

Мэншип проскользнул в проем и впервые оказался на поверхности планеты, окруженный ночным небом.

Когда он поднял голову, у него перехватило дыхание и он на какое-то время совсем забыл, что вокруг него расстилается совершенно незнакомый город.

Как много звезд! Как будто эти небесные тела были сахарным песком и кто-то рассыпал в небесах целый мешок. Их мерцание создавало впечатление сумерек. Луны не было, но ее отсутствие освещения не портило; скорее казалось, что полдюжины лун рассыпались на квадриллионы крохотных белых точек.

В этом скопище было невозможно выделить какое-то отдельное созвездие. Вместо этого следовало бы говорить, подумал Мэншип, о третьей ярчайшей полосе или пятом большом секторе. Поистине, в центре Галактики не просто видели звезды — здесь среди них жили!

Мэншип заметил, что у него намокли ноги. Посмотрев вниз, он увидел, что стоит в очень мелком ручейке какой-то красноватой жидкости, который течет между округлыми флефнобскими зданиями. Сточная канава? Водопровод? Вероятно, ни то ни другое. Наверно, нечто такое, что человеку совершенно не нужно. Теперь Мэншип увидел, что параллельно текут и другие цветные потоки — зеленые, розовато-лиловые, ярко-розовые. На

перекрестке в нескольких ярдах от него красноватый поток делал ответвление в какую-то аллею, а к основному ручейку присоединялись новые разноцветные ленточки.

Ладно, он здесь не для того, чтобы заниматься проблемами внеземной социологии. У него уже начался насморк, как при сильной простуде. Он не только вымочил ноги; в сырой, как губка, атмосфере пижама стала влажной и прилипла к телу, а глаза постоянно затягивало пеленой, которую все время приходилось стирать тыльной стороной ладони. Кроме того, хотя Мэншип и не был голоден, но с самого прибытия сюда он не видел ничего, напоминающего человеческую еду, и никаких признаков того, что у флефнобов есть желудки, не говоря уже о ртах.

Может быть, они принимали пищу через кожу; скажем, всасывали ее из тех разноцветных ручейков, что текли по их городу. Красные могли быть мясом, зеленые — овощами, а на десерт...

Он сжал кулаки и встряхнулся. «У меня нет времени для этого философского бадминтона,— зло одернул он себя.— Всего через несколько часов я начну испытывать ужасный голод и жажду. А также на меня объявят охоту. Пора приниматься за дело — нужно найти какие-то решения!»

Вот только какие?

К счастью, улица, где находилась лаборатория Лирлда, казалась пустынной. Может, флефнобы боялись темноты? Может, они поголовно были добрыми, респектабельными домоседами и все без исключения ночью забирались в кроватки и спали до рассвета? Может...

Рабд. Ему необходимо найти Рабда. Вот начало и конец единственного решения всех его проблем.

Рабд.

Мэншип попытался «прислушаться». В голове жужжали бесчисленные обрывочные, бессвязные мысли ближайших обитателей города.

— Хорошо, дорогая, хорошо. Если тебе не хочется гадлить, то давай не гадлить. Займемся чем-нибудь еще...

— Этот негодяй Бохрг! Ну я ему завтра устрою...

— У тебя есть три замшкинса? Я хочу сделать междугородный посыл...

— Бохрг заявится завтра утром, думая, что все идет как обычно. То-то он удивится...

— Ты мне нравишься, Нернт, ты мне очень нравишься. И поэтому я считаю своим долгом сказать тебе, чисто по-дружески, ты понимаешь...

— Нет, дорогой, дело не в том, что я не хочу гадлить; мне показалось, что тебе не хочется. Просто из деликатности я про-

явила внимание... Ты же сам меня всегда попрекал. Конечно же, я хочу гадлить! Пожалуйста, не смотри на меня так...

— Слушай сюда. Я могу уложить любого флефноба...

— По правде говоря, Нернт, мне кажется, ты единственный, кто еще не знает. Все остальные...

— Ну что, испугался, а? Ну давай, давай...

Но никакого намека на Рабда.

Мэншип осторожно пошел по мощеной улице, перепрыгивая через ручейки. Он слишком приблизился к стене темного здания. Тут же угодливо распахнулась зигзагообразная дверь, приглашая войти. Мэншип с секунду поколебался и шагнул внутрь.

Здесь тоже никого не оказалось. Уж не спят ли флефнобы в каком-нибудь центральном здании, наподобие дортуара? А вообще-то они спят? Не забыть бы настроиться на какой-нибудь мозг и выяснить. Информация может оказаться полезной.

Здание, в которое он попал, походило на склад; повсюду высились стеллажи. Стены между тем оставались голыми. Видно, у флефнобов было некое предубеждение против того, чтобы ставить вещи около стен. Стеллажи поднимались высокими ярусами — причем опять-таки имели самую разнообразную форму. Мэншип подошел к полкам, расположенным на высоте его груди. Десятки жирных зеленых мячиков лежали в фаянсовых чашках. Пища? Возможно. Выглядели они явно съедобно, как дыни.

Мэншип протянул руку и взял один мячик. Тот тут же захлопал крыльями и взлетел к потолку. Все остальные зеленые мячики на всех полках тоже расправили многочисленные тонкие крылышки и вспорхнули вверх, как будто стая сферических птиц, потревоженных в своих гнездах. Долетев до сводчатого потолка, они словно испарились.

Мэншип, пятясь назад, торопливо покинул это место через открывшуюся перегородку. Похоже, где бы он ни появился, он включал сигнал тревоги!

Оказавшись на улице, Мэншип уловил какое-то новое чувство. Создавалось впечатление бурлящего кругом возбуждения, напряженного ожидания. Индивидуальные мысли почти отсутствовали.

Внезапно это беспокойство разразилось жутким душевным криком, почти что оглушившим Мэншипа.

— Добрый вечер! — услышал он.— Пожалуйста, прослушайте чрезвычайный выпуск новостей. Пукр, сын Кимпа, обращается к вам по всепланетной мысленной связи. Вот последние сведения о плоскоглазом чудовище.

Сегодня вечером, в сорок три скимса после бебблеворта это существо было материализовано профессором Лирлдом с астрономического объекта 649-301-3 в ходе эксперимента по односторонней телепортации. Советник Гломг, по долгу службы присутствовавший при проведении эксперимента, видя агрессивность, с которой чудовище вело себя, немедленно предупредил Лирлда о том, насколько опасно оставлять его в живых.

Лирлд проигнорировал это предупреждение, и позже, когда советник Гломг отбыл вместе со своим сыном Рабдом, известным межпланетным исследователем и светским флефнобом, чудовище пришло в неистовство. Разрушив клетку из толстой бумаги, оно вырвалось на свободу и атаковало профессора с помощью неизвестных лучей высокой частоты, которые, очевидно, испускают его невероятно плоские глаза. Лучи, видимо, по своему действию аналогичны тем, которые выбрасывает грепсас второго порядка при отказе всех предохранителей. В настоящий момент ведущие ученые-психофизики в спешном порядке работают над этим аспектом проблемы.

Однако профессору Лирлду пришлось собственной жизнью заплатить за свое научное любопытство и пренебрежение мнением советника Гломга. Несмотря на все усилия Срина, ассистента Лирлда, предпринявшего упорные и храбрые попытки спасти жизнь старого ученого, Лирлд погиб ужасной смертью в результате свирепого нападения чудовища. Убедившись, что его руководитель мертв, Срин начал отступать щупальце за щупальцем, все время сражаясь и едва успев скрыться.

Это инопланетное чудовище в настоящее время находится на свободе где-то в нашем городе! Всех жителей просим сохранять спокойствие и не поддаваться панике. Как только власти будут знать, что следует предпринять, они сделают все от них зависящее. И — самое главное — помните: сохраняйте спокойствие!

А пока Рабд, сын Гломга, отложил свой свадебный полет, который должен был начаться сегодня вечером. Как вы знаете, он вступает в брак с Текст, дочерью Хилпа. Текст — звезда фнеша и блелга южного континента. Рабд ведет группу флефнобов-добровольцев в научные кварталы города, где в последний раз видели чудовище, с целью уничтожить его при помощи уже существующего конвенционального оружия, пока тварь не начала размножаться. Мы будем держать вас в курсе событий. Пока все.

Этого более чем достаточно, решил Мэншип. Сейчас уже не оставалось никакой надежды, что он сумеет найти способ вступить в контакт с этими существами, сесть и спокойно с ними

договориться о том, как ему можно добраться до дома,— что стало бы решением, которого искренно желали все. Но теперь команда прозвучала: ату Мэншипа!

Ему это совсем не нравилось.

С другой стороны, не надо больше беспокоиться о Рабде. Если Мэншип не может добраться до флефноба, флефноб сам придет к Мэншипу. Только вот тяжеловооруженный и с намерением убить...

Пожалуй, лучше спрятаться.

Мэншип приблизился к зданию и походил вдоль стены, пока не открылась дверь. Зашел внутрь, подождал, когда она за ним закроется, и осмотрелся.

К его великому облегчению, это, по всей видимости, было отличное укрытие. Центр помещения занимало огромное количество громоздких тяжелых предметов; ни один из них, насколько мог судить Мэншип, не был живым, и все они были успокаивающе непрозрачными. Он протиснулся между двумя предметами, похожими на столешницы, поставленные стоймя, с тоской уповая на то, что сенсорный аппарат флефнобов не включал в себя таких механизмов обнаружения, с какими он еще не сталкивался.

Чего бы он только не отдал, чтобы снова оказаться доцентом университета Келли, а не быть плоскоглазым чудовищем, в ярости рыщущим, причем против своей воли, по инопланетной столице!

Мэншип поймал себя на том, что думает о неведомой силе, которой он якобы обладает. Что это за чушь насчет высокочастотного психического луча, испускаемого его глазами? Ничего вроде от него не исходило... И тем не менее Лирлд что-то говорил об этом, перед тем как растаять.

Может, существовал какой-то побочный продукт деятельности человеческого мозга, который был виден только флефнобам и наносил им страшный вред?

В конце концов, ведь способен же он настраиваться на мозг флефнобов, а они на его мозг настраиваться не могли. Не исключено, что единственный путь, каким он мог дать им почувствовать свое душевное присутствие, был некий чудовищный удар мысли, буквально разрывавший их на части.

Но, видимо, он не мог включать и выключать его по своему желанию — Мэншип никак не воздействовал на Лирлда, когда тот выстрелил в первый раз.

Вдруг до него донеслись всплески каких-то новых, возбужденных мыслей, проникавших откуда-то с улицы.

Прибыл Рабд со своим ополчением.

— Трое пойдут туда,— приказал юный флефноб.— Все переулки перекрыть. Не тратьте слишком много времени, обыскивая здания. Я уверен, что чудовище затаилось где-нибудь на темной улице, поджидая новые жертвы. Тандж, Зогт и Льюв, идите за мной. И — это ко всем относится — передвигайтесь на кончиках щупальцев: неведомая тварь безумно опасна. Не забывайте: мы должны уничтожить ее до того, как она начнет размножаться. Вообразите, во что превратится наша планета, когда по ней будут бегать несколько сотен плоскоглазых чудовищ!

Мэншип глубоко, облегченно вздохнул. Если они собираются искать его на улицах, то у него еще есть немного времени.

Он дал своему мозгу настроиться на Рабда. Это было не очень сложно — следовало только сосредоточиться, и мысли всех других индивидов в значительной степени блокировались. Следи за мозгом Рабда. За мыслями Рабда. Теперь блокируй сознательные мысли Рабда. Вот так. Подсознательный уровень, клише памяти. Нет, не этот вздор про женщину-флефноба, состоящую из глаз и нежных щупальцев, черт побери! Клише памяти, более старые... «Когда садишься на планету типа С-12...» Нет, не это. Немного дальше. Вот!

«Воспламенив передний двигатель, чтобы прочистить его, мягко надавить на...»

Мэншип прочесывал инструкции по управлению кораблем в мозгу Рабда, время от времени задерживаясь на тех местах, где надо было выяснить значение какого-то специфически флефнобского термина, и то и дело останавливаясь, когда вдруг вторгалась и все собой заслоняла какая-нибудь игривая мысль о Тект.

Мэншип заметил: какую бы информацию он ни получал таким путем, он усваивал ее навсегда; возвращаться к предыдущим данным не было надобности. Вероятно, заключил он, в его мозгу оставался неизгладимый отпечаток.

Теперь в его распоряжении есть все необходимое. По крайней мере, об управлении кораблем он знал столько, сколько вообще можно было понять. В последние несколько секунд он управлял кораблем — и делал это уже многие годы — хотя бы через память Рабда. Впервые Мэншип почувствовал себя немного увереннее.

Вот только как найти этот маленький корабль на улицах совершенно незнакомого города? Он сжал кулаки в полном замешательстве. После всего этого...

И тут он нашел ответ. Надо извлечь направление поиска из мозга Рабда. Ну конечно! Отличная энциклопедия, этот Рабд! Уж он-то наверняка помнит, где припарковал свой корабль.

Рабд помнил. С растущим мастерством Клайд Мэншип пролистал мысли флефноба, выудив именно эту и впитав ее: «...пять кварталов темно-синего ручья. Затем первое ответвление красного и...»

Теперь у него была такая подробная и запечатлевшаяся в памяти карта маршрута к трехмоторному катеру Рабда, словно он изучал этот предмет в школе в течение целого семестра.

Очень даже неплохо для скучного доцента кафедры сравнительного литературоведения, который до сегодняшней ночи знал о телепатии примерно столько же, сколько об охоте на львов! Но возможно... возможно, это касалось сознательного владения телепатией; возможно, мозг человека с младенчества привыкал к глубинной, подсознательной телепатии, и когда столкнулся с существами вроде флефнобов, чьи мысли принимать было так просто, то проявились его ранее скрытые возможности.

Это могло бы объяснить быстро приобретенные навыки, что было очень похоже на внезапную удивительную способность печатать целые слова и предложения после месяцев тренировки на бессмысленных комбинациях букв и слогов, расположенных в алфавитном порядке.

Что же, все это весьма интересно, однако не относилось к области его научной работы и не являлось его проблемой. Во всяком случае, не сегодня ночью.

В данный момент ему требовалось как-то выскользнуть из здания, не привлекая внимания толпы бдительных флефнобов, и быстро бежать своей дорогой. Ведь очень скоро могут прибыть войска, чтобы заняться столь смертельно опасным субъектом, как он...

Мэншип осторожно выполз из своего убежища и подошел к стене. Зигзагообразная дверь открылась. Он шагнул на улицу — и наткнулся на черный чемодан со щупальцами, который, вероятно, хотел войти в здание.

Флефноб оправился быстро. Он направил на Мэншипа свое спиральное оружие и начал заводить его. Землянина снова охватил парализующий страх; он уже видел, что может сделать эта штука. Погибнуть сейчас, после всех успешно выдержанных испытаний...

И опять Мэншип ощутил трепет и отчаянный крик флефноба:

— Плоскоглазое чудовище... Я нашел его... его глаза... его глаза... Зогт, Рабд, помогите! Его глаза...

От бедняги ничего не осталось, кроме одного или двух вздрагивающих щупальцев да лужицы жидкости в углублении у стены дома. Не оглядываясь, Мэншип бросился бежать.

Поток красных точек пронесся над его плечом и уничтожил купол крыши. Мэншип свернул за угол и побежал еще быстрее. Из телепатических криков за спиной он с облегчением понял, что ноги несут тело быстрее, чем щупальца.

Он отыскал ручейки нужного цвета и стал двигаться в направлении космического корабля Рабда. Лишь раз или два он наткнулся на флефноба. И ни один из них не был вооружен.

При виде человека несчастные прохожие водили щупальцами по телу, прижимались к стене и, пробормотав что-то вроде «Крм, спаси и сохрани, Крм, спаси и сохрани», похоже, падали в обморок.

Мэншипа радовала пустынность улиц, но он не мог понять этого, тем более что, судя по мысленной карте, извлеченной из памяти Рабда, он двигался сейчас по жилой части города.

Ответ пришел, когда у него в голове опять раздался мощный рев:

— Пукр, сын Кимпа, сообщает вам последние новости о плоскоглазом чудовище. Во-первых, Совет повелел мне уведомить всех тех, кто еще не был оповещен через службу блелг, что в городе объявлено военное положение.

Повторяю: в городе объявлено военное положение! Всем гражданам запрещено выходить на улицу до особого распоряжения. Подразделения армии и космического флота, а также тяжелые маизелтуверсы спешно подтягиваются к городу. Просим не мешать их передвижению! Оставайтесь дома!

Плоскоглазое чудовище снова совершило нападение. Всего каких-нибудь десять скимсов назад оно убило Льюва, сына Йифга, в короткой схватке возле колледжа Высшего Туркаслерга и чуть не затоптало Рабда, сына Гломга, который бесстрашно бросился ему наперерез, героически пытаясь остановить чудовище. Впрочем, Рабд считает, что ему удалось серьезно ранить чудовище метким выстрелом из бластера. Оружием чудовища являлось высокочастотное излучение из глаз.

Незадолго до этого боя плоскоглазый монстр с внешнегалактической окраины, очевидно, ворвался в музей, где полностью уничтожил ценнейшую коллекцию зеленых фермфнаксов. Они были найдены в бесполезном окрыленном состоянии. Почему оно это сделало? Бессмысленный вандализм? Некоторые ученые считают, что подобный акт указывает на очень и очень высокую степень разумности, и эта разумность, вкупе с фантастической мощью, которую чудовище уже продемонстрировало, делает задачу уничтожения врага куда более трудной, нежели полагают местные власти.

Профессор Вувб — один из таких ученых. Он уверен, что только через правильную психосоциологическую оценку чудовища и понимание особенностей культурной среды, которая его породила, мы сумеем выработать адекватные контрмеры и спасти планету. Поэтому, в интересах выживания флефнобов, мы сегодня пригласили профессора поделиться с нами его взглядами. Далее вы услышите мозг профессора Вувба.

Едва профессор успел с важностью сказать: «Для понимания любой конкретной культурной среды мы должны сначала задаться вопросом, что следует понимать под культурой? Считаем ли мы, к примеру...» — как Мэншип добрался до посадочного поля.

Он вышел на него около того угла, где был припаркован трехмоторный катер Рабда, зажатый между огромным грузовым кораблем и тем, что Мэншип обязательно принял бы за склад, если бы уже не знал, как он мог заблуждаться относительно флефнобских эквивалентов человеческой деятельности.

Посадочное поле было не очень хорошо освещено, охрана вроде бы отсутствовала, а большая часть индивидов суетилась вокруг грузового судна.

Мэншип сделал глубокий вдох и кинулся к сравнительно небольшому сферическому кораблю с глубокими впадинами наверху и внизу, чем-то похожему на гигантское металлическое яблоко. Поравнявшись с ним, побежал вокруг, пока не увидел зигзаг, обозначающий дверь, и вошел внутрь.

Насколько Мэншип мог судить, его никто не видел. Кроме обрывков погрузочно-разгрузочных восклицаний, доносившихся с огромного корабля, были слышны только мысли профессора Вувба, ткавшего замысловатую социофилософскую паутину:

— ...Итак, мы вправе сделать заключение, что, по крайней мере в данном смысле, плоскоглазое чудовище не обнаруживает типичных базовых личностных стереотипов существа неграмотного. Но далее, если мы попытаемся соотнести характеристики дописьменного городского культурного ареала...

Мэншип подождал, когда дверь закроется, и на ощупь пробрался по узкой извилистой то ли лестнице, то ли трапу в приборное отделение корабля. Он уселся в неудобной позе перед главной панелью и приступил к делу.

Работать пальцами с приборами, сконструированными для щупальцев, оказалось очень трудно, однако выбора у Мэншипа не было. «Прогреть двигатели Трассы Булвонна...» Осторожно, очень осторожно он повернул три верхних цилиндра на полный

оборот каждый. Затем, когда на поверхности прямоугольной пластинки слева от него появились равномерно чередующиеся красные и белые полосы, потянул большую черную рукоятку, выступающую из пола. Снаружи послышался вой реактивных двигателей. Мэншип работал, почти не делая никаких сознательных усилий, полностью положившись на память. Все шло так, словно Рабд сам поднимал космический корабль.

Через несколько секунд судно, оторвавшись от поверхности планеты, унеслось в глубокий космос.

Мэншип переключился на межзвездный режим, установил индикатор направления на астрономический объект 649-301-3 и выпрямился. Теперь до самой посадки ему предстояло бездельничать. У него были некоторые сомнения относительно этой фазы полета, но до сих пор все шло так гладко, что Мэншип чувствовал себя эдаким межзвездным сорвиголовой.

Если верить подсознательным вычислениям Рабда, он должен был прибыть на Землю — выжимая максимум из Трассы Булвонна — через десять—двенадцать часов. Ему, надо думать, к тому времени захочется есть и пить, но... Какую сенсацию он произведет! Даже еще большую сенсацию, чем он оставил позади. Чудовище с глазами, испускающими высокочастотный психический луч...

Что же это было? Каждый раз, когда флефноб таял под взглядом человека, единственное, что испытывал Мэншип,— это сильнейший страх. Он ужасно боялся, что его разнесет на мелкие кусочки, и в процессе испуга, видимо, мог источать нечто потрясающее — судя по результатам.

Возможно, ненормально высокий уровень адреналина в крови во время стресса чрезвычайно опасен для структуры тела флефноба. А может быть, в такие моменты в мозгу человека протекает некая сугубо психическая реакция, заставляющая флефнобов буквально разваливаться на части.

Мэншип заложил руки за голову и поднял глаза, чтобы проверить показания приборов. Все работало вполне удовлетворительно. Коричневые кольца на экране секкеля расширялись и сливались друг с другом, как им и было положено, подсказывал мозг Рабда; маленькие зубцы на краю приборной панели перемещались с одинаковой скоростью, визиэкран показывал... Визиэкран!

Мэншип вскочил на ноги. Визиэкран показывал, что, наверное, все суда флефнобской армии и космического флота,— не говоря уже о тяжелых маизелтуверсах,— преследовали его. И неуклонно приближались.

Один большой космический корабль почти догнал беглеца и начал выпускать яркие лучи, которые, по воспоминаниям Рабда, были абордажными захватами.

Почему такой переполох? Неужели из-за похищения одного реактивного катера? Боязнь, что он украдет флефнобские научные секреты? Им бы радоваться, что избавились от твари, тем более до того, как она начала воспроизводить сотни себе подобных по всей их планете!..

И вдруг настойчивая мысленная ниточка, протянувшаяся к нему изнутри его собственного корабля,— мысленная ниточка, на которую Мэншип все это время не обращал внимания, сосредоточившись на незнакомых проблемах космической навигации,— дала ему ответ.

Он взлетел вместе с кем-то — или чем-то — еще на борту!

Клайд Мэншип выдвинул кривую лестницу и двинулся в главную каюту. По мере приближения мысли становились все отчетливее, и еще до того как открылась дверь каюты, чтобы впустить его, он уже точно знал, кого там увидит.

Текст.

Популярнейшая звезда фнеша и блелга южного континента и без пяти минут жена Рабда испуганно забилась в дальний угол. Все ее щупальца, покрытые слизью и увенчанные прозрачными глазами, переплелись на крохотном теле самыми замысловатыми узлами, какие только Мэншипу доводилось видеть.

— Оо-ооох! — стонал ее мозг.— Крм! Крм! Сейчас это случится! Эта страшная, ужасная вещь! Это случится со мной! Оно приближается... приближается...

— Послушайте, леди, вы меня нисколько не интересуете,— начал было Мэншип, забыв, что никогда раньше не мог общаться ни с одним флефнобом, а тем более с истеричной женщиной.

Он почувствовал, как дернулся катер, когда захваты коснулись его. «Ну вот, опять начинается»,— подумал Мэншип. Через секунду здесь будет десант, и ему опять придется превращать их в голубоватый бульон.

Вероятно, Текст спала на катере, когда Мэншип взлетел. Она ждала возвращения Рабда и начала их брачного полета. И она была достаточно важной персоной, чтобы на ее освобождение бросили все резервы.

Мэншип почувствовал, что кто-то вошел в корабль. Рабд. Похоже, он был один, со своим верным бластером,— и собирался погибнуть в бою.

Ну, это именно то, что его ждет. Клайд Мэншип был очень покладистым индивидом, и ему сильно претила мысль о дезинтеграции молодожена во время медового месяца. Однако, поскольку он не видел способа сообщить о своих миролюбивых намерениях, выбора у него не оставалось.

— Тект! — нежно протелепатировал Рабд.— С тобой все в порядке?

— Убивают! — закричала Тект.— Помогите-помогите-помогите-помогите...— Ее мысли вдруг затухли; она упала в обморок.

Зигзагообразная перегородка раздвинулась, и в каюту протиснулся Рабд, похожий в своем скафандре на связку длинных воздушных шаров. Он посмотрел на бесчувственную Тект и резко повернулся, направляя на Мэншипа изогнутый бластер.

«Бедный парень,— думал Мэншип.— Бедный, тупой, ограниченный бахвал. Через секунду от тебя только мокрое место останется».

Он ждал, преисполненный уверенности в себе.

Он был настолько в себе уверен, что, в сущности, нисколько не боялся.

Поэтому глаза его ничего не испускали, кроме разве что несколько снисходительной симпатии.

И Рабд пристрелил омерзительное, непотребное, ужасное, плоскоглазое чудовище прямо на месте. И обвил свою жену любящими щупальцами. И отправился домой, где праздновали возвращение героя.

Открытие Морниела Метауэя

Всех удивляет, как переменился Морниел Метауэй с тех пор, как его открыли,— всех, но не меня. Его помнят на Гринвич-Виллидж — художник-дилетант, немытый, бездарный; едва ли не каждую свою вторую фразу он начинал с «я» и едва ли не каждую третью кончал местоимением «меня» либо «мне». Из него ключом била наглая и в то же время трусливая самонадеянность, свойственная тем, кто в глубине души подозревает, что он второсортен, если не что-нибудь похуже. Получасового разговора с ним было довольно, чтоб у вас в голове гудело от его хвастливых выкриков.

Я-то превосходно понимаю, откуда взялось все это — и тихое, очень спокойное признание своей бездарности, и внезапный всесокрушающий успех. Да что там говорить — при мне его и открыли, хотя вряд ли это можно назвать открытием. Не знаю даже, как это можно назвать, принимая во внимание полную невероятность — да, вот именно невероятность, а не просто невозможность того, что произошло. Одно только мне ясно: всякая попытка найти какую-то логику в случившемся вызывает у меня колики в животе, а череп пополам раскалывается от головной боли.

В тот день мы как раз толковали о том, как Морниел будет открыт. Я сидел в его маленькой нетопленой студии на Бликер-стрит, осторожно балансируя на единственном деревянном стуле, ибо был слишком искушен, чтобы садиться в кресло.

Собственно, Морниел и оплачивал студию с помощью этого кресла. Оно представляло собой грязную мешанину из клочьев обивки, впереди было высоким, а в глубине — очень низким. Когда вы садились, содержимое ваших карманов — мелочь, ключи, кошелек — начинало выскальзывать, проваливаясь в чащу ржавых пружин и на прогнившие половицы.

Как только в студии появлялся новичок, Морниел поднимал страшный шум насчет того, что усадит его в потрясающе удобное кресло. И пока бедняга болезненно корчился, норовя устроиться среди торчащих пружин, глаза хозяина разгорались и его охватывало неподдельное веселье. Ибо чем энергичнее ерзал посетитель, тем больше вываливалось из его карманов. Когда прием заканчивался, Морниел отодвигал кресло и принимался считать доходы, подобно тому как владелец магазина вечером после распродажи проверяет наличность в кассах.

Деревянный стул был неудобен своей неустойчивостью, и, сидя на нем, приходилось быть начеку. Морниелу же ничто не угрожало — он всегда сидел на кровати.

— Не могу дождаться,— говорил он в тот раз,— когда наконец мои работы увидит какой-нибудь торговец картинами или критик хоть с каплей мозга в голове. Я свое возьму. Я слишком талантлив, Дэйв. Порой меня даже пугает, до чего я талантлив — чересчур много таланта для одного человека.

— Гм,— начал я.— Но ведь часто бывает...

— Я ведь не хочу сказать, что для меня слишком много таланта.— Он испугался, как бы я не понял его превратно.— Слава богу, сам я достаточно велик, у меня большая душа. Но любого другого человека меньшего масштаба сломило бы такое всеохватывающее восприятие, такое проникновение в духовное начало вещей, в самый их, я бы сказал, Gestalt*. У другого разум был бы просто раздавлен таким бременем. Но не у меня, Дэйв, не у меня.

— Рад это слышать,— сказал я.— Но если ты не возра...

— Знаешь, о чем я думал сегодня утром?

— Нет. Но по правде говоря...

— Я думал о Пикассо, Дэйв. О Пикассо и Руо. Я вышел прогуляться по рынку, позаимствовать что-нибудь на лотках для завтрака — ты ведь знаешь принцип старины Морниела: ловкость рук и никакого мошенства — и начал размышлять о положении современной живописи. Я о нем частенько размышляю, Дэйв. Оно меня тревожит.

— Вот как,— сказал я.— Видишь ли, мне кажется...

— Я спустился по Бликер-стрит, потом свернул на Вашингтон-сквер-парк и все раздумывал на ходу. Кто, собственно, сделал сейчас что-нибудь значительное в живописи, кто по-настоящему и бесспорно велик?.. Понимаешь, я могу назвать только три имени: Пикассо, Руо и я. Больше ничего оригинального, ничего такого, о чем стоило бы говорить. Только трое при том

* Образ, форма *(нем.)*.

несметном количестве народа, что сегодня во всем мире занимается живописью. Три имени! От этого чувствуешь себя таким одиноким!

— Да, пожалуй,— согласился я.— Но все же...

— А потом я задался вопросом: почему это так? В том ли дело, что абсолютный гений вообще очень редко встречается и для каждого периода есть определенный статистический лимит на гениальность, или тут другая причина, что-то характерное именно для нашего времени? И отчего открытие моего таланта, уже назревшее, так задерживается? Я ломал над этим голову, Дэйв. Я обдумывал это со всей скромностью, тщательно, потому что это немаловажная проблема. И вот к какому выводу я пришел.

Тут я сдался. Откинулся на спинку стула — не забываясь, конечно,— и позволил Морниелу излить на меня свою эстетическую теорию. Теорию, которую я по крайней мере двадцать раз слышал раньше от двадцати других художников из Гринвич-Виллидж. Единственно, в чем расходились все авторы, был вопрос, кого надо считать вершиной и наиболее совершенным живым воплощением данных эстетических принципов. Морниел (чему вы, пожалуй, не удивитесь) ощущал, что как раз его.

Он приехал в Нью-Йорк из Питтсбурга (штат Пенсильвания), рослый, неуклюжий юнец, который не любил бриться и полагал, будто может писать картины. В те дни Морниел восхищался Гогеном и старался ему подражать. Он был способен часами разглагольствовать о мистической простоте народного искусства. Его произношение звучало как подделка под бруклинское, которое так любят киношники, но на самом деле было чисто питтсбургским.

Морниел быстро распрощался с Гогеном, как только взял несколько уроков в Лиге любителей искусства и впервые отрастил спутанную белокурую бороду. Недавно он выработал собственную технику письма, которую назвал «грязное на грязном».

Морниел был бездарен — в этом можно не сомневаться. Тут я высказываю не только свое мнение — ведь я делил комнату с двумя художниками-модернистами и целый год был женат на художнице,— но и мнение понимающих людей, которые, не имея ровным счетом никаких причин относиться к Морниелу с предубеждением, внимательно смотрели его работы.

Один из этих людей, критик и отличный знаток современной живописи, несколько минут с отвисшей челюстью созерцал произведение Морниела (автор навязал мне его в подарок и, несмотря на мои протесты, собственноручно повесил над камином), а потом сказал: «Дело не в том, что ему абсолютно нечего

сказать графически. Он даже не ставит перед собой того, что можно было бы назвать живописной задачей. Белое на белом, "грязное на грязном", антиобъективизм, неоабстракционизм — называйте как угодно, но здесь нет ничего. Просто один из тех крикливых, озлобленных дилетантов, которыми кишит Виллидж».

Спрашивается, зачем же я тогда вообще знался с Морниелом?

Ну, прежде всего, он жил под боком, и потом, был в нем какой-то своеобразный худосочный колорит. И когда я просиживал ночи напролет, стараясь выдавить из себя стихотворение, а оно никак не выдавливалось, на душе становилось легче при мысли, что можно заглянуть к нему в студию и отвлечься разговором о предметах, не имеющих отношения к литературе.

Тут, правда, был один минус, о котором я постоянно забывал,— у нас всегда получался не разговор, а лишь монолог, куда я едва умудрялся время от времени вставлять краткие реплики. Видите ли, разница между нами состояла в том, что меня все же печатали — пусть хоть в жалких экспериментальных журнальчиках с плохим шрифтом, где гонораром была годовая подписка. Он же нигде никогда не выставлялся, ни разу.

Была и еще одна причина, из-за которой я поддерживал с ним отношения. Одним талантом Морниел действительно обладал.

Если говорить о средствах к существованию, то я едва свожу концы с концами. О хорошей бумаге и дорогих книгах могу только мечтать, ибо они для меня недоступны. Но когда уж очень захочется чего-нибудь — например, нового собрания сочинений Уоллеса Стивенса*,— я двигаю к Морниелу и сообщаю об этом ему. Мы отправляемся в книжный магазин, входим поодиночке. Я завожу разговор о каком-нибудь роскошном издании, которого сейчас нет в продаже и которое я будто бы собираюсь заказать, и, как только мне удастся полностью завладеть вниманием хозяина, Морниел слизывает Стивенса,— само собой разумеется, я клянусь себе, что заплачу сразу, как только поправятся мои обстоятельства.

В таких делах Морниел бесподобен. Ни разу не случилось, чтобы его заподозрили, не говоря уж о том, чтоб поймали с поличным. Естественно, я должен рассчитываться за эти услуги, проделывая то же самое в магазине художественных принадлежностей, чтобы Морниел мог пополнять запасы холста, красок и кистей, но в конечном счете игра стоит свеч. Чего она,

* Уоллес Стивенс — американский поэт-лирик первой половины XX века. *(Примеч. пер.)*

правда, не стоит, так это гнетущей скуки, которую я терплю при его рассуждениях, и моих угрызений совести по поводу того, что он-то вовсе и не собирается платить за приобретенные товары. Утешаю себя тем, что сам расплачусь при первой же возможности.

— Вряд ли я настолько уникален, каким себе кажусь,— говорил он в тот день.— Конечно, рождаются и другие с не меньшим потенциальным талантом, чем у меня, но этот талант губят, прежде чем он успеет достигнуть творческой зрелости. Почему? Каким образом?.. Тут следует проанализировать роль, которую общество...

В тот миг когда он дошел до слова «общество», я и увидел впервые эту штуку. Какое-то пурпурное колыхание возникло передо мной на стене, странные мерцающие очертания ящика со странными мерцающими очертаниями человеческой фигуры внутри. Все это было в пяти футах над полом и напоминало разноцветные тепловые волны. Видение тотчас же исчезло.

Но погода была слишком холодной для тепловых волн, а что до оптических иллюзий — я им не подвержен. Возможно, решил я, при мне зарождается новая трещина в стене. По-настоящему помещение не предназначалось для студии, это была обычная квартира без горячей воды и со сквозняками, но кто-то из прежних жильцов разрушил все перегородки и сделал одну длинную комнату. Квартира находилась на верхнем этаже, крыша протекала, и стены были украшены толстыми волнистыми линиями в память о тех потоках, что струились по ним во время дождя.

Но отчего пурпурный цвет? И почему очертания человека внутри ящика? Пожалуй, довольно-таки замысловато для простой трещины. И куда все это делось?

— ...в вечном конфликте с индивидуумом, который стремится выразить свою индивидуальность,— закончил мысль Морниел.— Не говоря уж о том...

Послышалась музыкальная фраза — высокие звуки один за другим, почти без перерывов. И затем посреди комнаты — на сей раз футах в двух над полом — опять появились пурпурные линии, такие же трепещущие, светящиеся, а внутри — снова очертания человека.

Морниел скинул ноги с кровати и уставился на это чудо:

— Что за...

Видение опять исчезло.

— Что т-тут происходит? — запинаясь, выдавил он из себя.— Что т-такое?

— Не знаю,— отозвался я.— Но, что бы это ни было, оно постепенно влезает к нам.

Еще раз высокие звуки. Посреди комнаты на полу появился пурпурный ящик. Он делался все темнее, темнее и материальное. Звуки становились все более высокими, они слабели и наконец, когда ящик стал непрозрачным, умолкли совсем.

Дверца ящика открылась. Оттуда шагнул в комнату человек; одежда у него вся была как бы в завитушках.

Он посмотрел сначала на меня, затем на Морниела.

— Морниел Метауэй? — осведомился он.

— Д-да,— сказал Морниел, пятясь к холодильнику.

— Мистер Метауэй,— сказал человек из ящика.— Меня зовут Глеску. Я принес вам привет из 2487 года нашей эры.

Никто из нас не нашелся, что на это ответить. Я поднялся со стула и стал рядом с Морниелом, смутно ощущая необходимость быть поближе к чему-нибудь хорошо знакомому.

Некоторое время все сохраняли исходную позицию. Немая сцена.

«2487-й,— подумал я.— Нашей эры». Ни разу не приходилось мне видеть никого в такой одежде. Более того, я никогда и не воображал никого в такой одежде. Хотя, разыгравшись, моя фантазия способна на самые дикие взлеты. Одеяние не было прозрачным, но и не то чтоб вовсе светонепроницаемым. Переливчатое — вот подходящий термин. Различные цвета и оттенки неутомимо гонялись друг за другом вокруг завитушек. Здесь, видимо, предполагалась некая гармония, но не такого сорта, чтоб мой глаз мог уловить ее и опознать.

Сам прибывший, мистер Глеску, был примерно одного роста со мною и Морниелом и выглядел только чуть постарше нас. Но что-то в нем ощущалось такое — даже не знаю. Назовите это породой, если угодно, подлинным внутренним величием и благородством, которые посрамили бы даже герцога Веллингтонского. Цивилизованность, может быть. То был самый цивилизованный человек из всех, с кем мне до сих пор доводилось встречаться.

Он шагнул вперед.

— Думаю,— произнес он удивительно звучным, богатым обертонами голосом,— что нам следует прибегнуть к свойственной двадцатому столетию церемонии пожатия рук.

Так мы и сделали — осуществили свойственную двадцатому столетию церемонию пожатия рук. Сначала Морниел, потом я, и оба очень робко. Мистер Глеску проделал это с неуклюжестью фермера из Айовы, который впервые в жизни ест китайскими палочками.

Церемония окончилась, гость стоял и широко улыбался нам. Или, вернее, Морниелу.

— Какая минута, не правда ли? — сказал он.— Какая историческая минута!

Морниел испустил глубокий вздох, и я почувствовал, что долгие годы, в течение которых ему то и дело приходилось неожиданно сталкиваться на лестнице с судебными исполнителями, требующими уплаты долгов, не пропали даром. Он быстро приходил в себя, его мозг включался в работу.

— Как вас понимать, когда вы говорите «историческая минута»? — спросил он.— Что в ней такого особенного? Вы что — изобретатель машины времени?

— Я? Изобретатель? — мистер Глеску усмехнулся.— О нет, ни в коем случае. Путешествие по времени было изобретено Антуанеттой Ингеборг в... после вашей эпохи. Вряд ли стоит сейчас говорить об этом, поскольку в моем распоряжении всего полчаса.

— А почему полчаса? — спросил я. Не оттого, что меня это так уж интересовало, а просто вопрос показался уместным.

— Скиндром рассчитан только на этот срок. Скиндром — это... в общем, это устройство, позволяющее мне появляться в вашем периоде. Расход энергии так велик, что путешествия в прошлое осуществляются лишь раз в пятьдесят лет. Правом на проезд награждают, как Гобелем... Надеюсь, я правильно выразился? Гобель, да? Премия, которую присуждали в ваше время.

Меня вдруг осенило.

— Нобель? Может быть, вы говорите о Нобеле? Нобелевская премия?

Он просиял:

— Вот-вот. Таким путешествием награждают выдающихся исследователей-гуманитариев — что-то вроде Нобелевской премии. Единожды в пятьдесят лет человек, которого Совет хранителей избирает как наиболее достойного... В таком духе. До сих пор, конечно, эту возможность всегда предоставляли историкам, и они разменивали ее на осаду Трои, первый атомный взрыв в Лос-Аламосе, открытие Америки и тому подобное. Но на сей раз...

— Понятно,— прервал его Морниел дрогнувшим голосом. (Мы оба вдруг сообразили, что мистер Глеску знает имя Морниела.) — А что же исследуете вы?

Мистер Глеску слегка поклонился:

— Искусство. Моя профессия — история искусства, а узкая специальность...

— Какая? — голос Морниела уже не дрожал, а, наоборот, стал пронзительно громким.— Какая же у вас узкая специальность?

Мистер Глеску опять слегка наклонил голову:

— Вы, мистер Метауэй. Без страха услышать опровержение смею сказать, что в наше время из всех здравствующих специалистов я считаюсь наиболее крупным авторитетом по творчеству Морниела Метауэя. Моя узкая специальность — это вы.

Морниел побелел. Он медленно добрел до кровати и рухнул на нее, ноги у него стали будто ватные. Несколько раз он открывал и закрывал рот, не в силах выдавить из себя ни единого звука. Затем глотнул, сжал кулаки и обрел контроль над собой.

— Хотите сказать,— прохрипел он,— что я знаменит? Насколько знаменит?

— Знамениты?.. Вы, дорогой сэр, выше славы. Вы один из бессмертных, гордость человечества. Как я выразился — смею думать, исчерпывающе — в своей последней книге «Морниел Метауэй — человек, сформировавший будущее»: «...сколь редко выпадает на долю отдельной личности...»

— До такой степени знаменит? — Борода Морниела дрожала, словно губы ребенка, который вот-вот заплачет.— До такой?

— Именно,— заверил его мистер Глеску.— А кто же, собственно, тот гений, с которого во всей славе только и начинается современная живопись? Чьи композиции и цветовая гамма доминируют в архитектуре последних пяти столетий, кому мы обязаны обликом наших городов, убранством наших жилищ и даже одеждой, которую носим?

— Мне? — осведомился Морниел слабым голосом.

— Кому же еще? История не знала творца, чье влияние распространилось бы на столь широкую область и действовало бы в течение столь долгого времени. С кем же я могу сравнить вас, сэр, в таком случае? Кого из художников поставить рядом?

— Может быть, Рембрандта,— намекнул Морниел. Чувствовалось, что он старается помочь.— Леонардо да Винчи?

Мистер Глеску презрительно усмехнулся:

— Рембрандт и да Винчи в одном ряду с вами? Нелепо! Разве могут они похвастать вашей универсальностью, вашим космическим размахом, чувством всеобъемлемости? Уж если искать равного, то надо выйти за пределы живописи и обратиться, пожалуй, к литературе. Возможно, Шекспир с его широтой, с органными нотами лирической поэзии, с огромным влиянием на позднейший английский язык мог бы... Впрочем, что Шекспир? — Он грустно покачал головой.— Боюсь, даже и Шекспир...

— О-о-о! — простонал Морниел Метауэй.

— Кстати, о Шекспире,— сказал я, воспользовавшись случаем.— Не приходилось ли вам слышать о поэте Давиде Данцигере? Многие ли из его трудов дошли до вашего времени?

— Это вы?

— Да,— с энтузиазмом подтвердил я.— Давид Данцигер — это я.

Мистер Глеску наморщил лоб, раздумывая:

— Что-то не припоминаю... Какая школа?

— Тут несколько названий. Самое употребительное — антиимажинисты. Антиимажинисты, или постимажинисты.

— Нет,— сказал он после недолгого размышления.— Единственный известный мне поэт вашего времени и вашей части света — Питер Тедд.

— Питер Тедд? Слыхом не слыхал о таком.

— Значит, его пока еще не открыли. Но прошу вас не забывать, что моя область — история живописи. Не литература. Вполне вероятно, назови вы свое имя специалисту по второстепенным поэтам двадцатого века, он вспомнил бы вас без особого напряжения. Вполне вероятно.

Я глянул в сторону кровати, и Морниел осклабился. Теперь он полностью пришел в себя и наслаждался ситуацией. Каждой порой тела впитывал разницу между своим положением и моим. Я чувствовал, что ненавижу в нем все, от головы до пят. Отчего, действительно, фортуна решила улыбнуться именно такому типу, как Морниел? На свете столько художников, которые к тому же вполне порядочные люди, и надо же, чтобы это хвастливое ничтожество...

И вместе с тем какой-то участок моего мозга лихорадочно работал. Случившееся как раз доказывало, что лишь в исторической перспективе можно точно оценить роль того или иного явления искусства. Вспомните хотя бы тех, кто были шишками в свое время, а теперь совершенно забыты,— какие-нибудь современники Бетховена, например, при жизни считались куда более крупными фигурами, чем он, а сейчас их имена известны только музыковедам. Но тем не менее...

Мистер Глеску бросил взгляд на указательный палец своей правой руки, где беспрестанно сжималось и расширялось черное пятнышко.

— Мое время истекает,— сказал он.— И хотя для меня это огромное, невыразимое счастье, мистер Морниел, стоять вот так и просто смотреть на вас, я осмелюсь обратиться с маленькой просьбой.

— Конечно,— сказал Морниел, поднимаясь с постели.— Скажите только, что вам нужно. Чего бы вы хотели?

Мистер Глеску вздохнул, как если б он достиг наконец врат рая и намеревался теперь постучаться.

— Я подумал — если вы не возражаете,— нельзя ли мне посмотреть ту вещь, над которой вы сейчас работаете? Понимаете, увидеть картину Метауэя, еще незаконченную, с непросохшими красками...— Он закрыл глаза, как бы не веря, что такое желание может осуществиться.

Морниел сделал изысканный жест и гоголем зашагал к своему мольберту. Он приподнял материю.

— Я намерен назвать это,— голос его был маслянист, как нефтеносные слои в Техасе,— «Бесформенные формы 1-29».

Медленно предвкушая наслаждение, мистер Глеску открыл глаза и весь подался вперед.

— Но,— произнес он после долгого молчания,— это ведь не ваша работа, мистер Метауэй.

Морниел обернулся к нему, несколько удивленный, затем воззрился на полотно.

— Почему? Это именно моя работа. «Бесформенные формы 1-29». Разве вы ее не узнаете?

— Нет,— отрезал мистер Глеску.— Не узнаю и очень благодарен за это судьбе. Нельзя ли что-нибудь более позднее?

— Это самая поздняя,— сказал Морниел несколько неуверенно.— Все остальное написано раньше.— Он вытащил из стеллажа подрамник.— Ну хорошо, а вот такая? Как она вам покажется? Называется «Бесформенные формы 1-22». Бесспорно, лучшая вещь из раннего меня.

Мистер Глеску содрогнулся:

— Впечатление такое, будто счистки с палитры положили поверх таких же счисток.

— Точно. Это моя техника — «грязное на грязном». Но вы, пожалуй, все это знаете, раз уж вы такой специалист по мне. А вот «Бесформенные формы 1...»

— Давайте оставим эту бесформенность, мистер Метауэй,— взмолился Глеску.— Хотелось бы посмотреть вас в цвете. В цвете и форме.

Морниел почесал в затылке:

— Довольно давно не делал ничего в полном колорите... Хотя... постойте...— Его физиономия просияла, он полез за стеллаж и вынул оттуда холст со старым подрамником.— Одна из немногих вещей, сохранившихся от розово-крапчатого периода.

— Не могу представить себе тот путь...— начал было мистер Глеску, обращаясь скорее к себе самому, чем к нам.— Конечно, это не...— Он умолк и недоуменно пожал плечами, подняв их чуть ли не до ушей,— жест, знакомый всякому, кто видел худо-

жественного критика за работой. После такого жеста слова не нужны. Если вы живописец, чью работу сейчас смотрят, вам все сразу становится ясно.

К этому времени Морниел уже лихорадочно вытаскивал из-за стеллажа картину за картиной. Он показывал каждую мистеру Глеску — у того в горле булькало, как у человека, старающегося подавить рвоту,— и хватался за другую.

— Ничего не понимаю,— сказал Глеску, глядя на пол, заваленный полотнами.— Бесспорно, все это написано до того, как вы открыли себя и нашли собственную оригинальную технику. Но я ищу следа, хотя бы намека на гений, который готовится войти в мир. И...— он ошеломленно покачал головой.

— А что вы скажете насчет вот этой? — Морниел уже тяжело дышал.

— Уберите,— мистер Глеску оттолкнул картину обеими руками. Он снова взглянул на свой указательный палец, и я заметил, что черное пятно стало сжиматься и расширяться медленнее.— Остается мало времени, и я в полном недоумении. Джентльмены, разрешите вам кое-что показать.

Он вошел в пурпурный ящик, вышел оттуда с книгой в руках и поманил нас. Мы с Морниелом встали за его спиной, глядя ему через плечо. Странички книги чуть слышно звякали, когда он их переворачивал, и они были сделаны не из бумаги, уж это точно.

А на титульном листе...

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ КАРТИН
МОРНИЕЛА МЕТАУЭЯ
1928–1996

— Ты родился в двадцать восьмом? — спросил я.

Морниел кивнул:

— Двадцать третьего мая двадцать восьмого года.

И погрузился в молчание. Понятно было, о чем он думает, и я сделал быстрый расчет. Шестьдесят восемь лет. Не каждому дано точно знать, сколько еще осталось у него впереди. Но шестьдесят восемь — не так уж плохо.

Мистер Глеску открыл книгу там, где начинались репродукции.

Даже и сейчас, когда я вспоминаю свое впечатление от той первой вещи, коленки у меня слабеют и подгибаются. Это была абстракция в буйных красках, но такая, какой я никогда раньше себе и не представлял. Весь наш современный абстракционизм в сравнении с ней выглядел ученичеством на уровне детского сада.

Всякий человек, который не был лишен зрения, восхитился бы таким шедевром, даже если до сих пор он воспринимал одну лишь предметную живопись. Вещь восхищала даже в том случае, если вам вообще было плевать на живопись любого направления.

Не хочется показаться плаксой, но у меня действительно слезы навернулись на глаза. Каждый, у кого есть хоть малейшая тяга к прекрасному, реагировал бы точно так же.

Но не Морниел.

— Ах, в этом духе,— сказал он с облегчением, как человек, который понял в конце концов, чего от него требуют.— Но почему же вы сразу не сказали, что вам нужно именно в этом духе?

Мистер Глеску схватился за рукав его грязной рубашки:

— Вы хотите сказать, у вас есть и такие полотна?

— Не полотна, а полотно. Единственное. Написал на прошлой неделе в порядке эксперимента, но меня это не удовлетворило, и я отдал вещь одной девице внизу. Желаете взглянуть?

— О да! Очень.

— Прекрасно,— сказал Морниел.— Он потянулся за книгой, взял ее из рук Глеску и самым непринужденным жестом бросил на кровать.— Пошли, это у нас займет всего минуту или две.

Непривычная растерянность обуяла меня, пока мы спускались по лестнице. В одном только я был убежден так же твердо, как в том, что Джеффри Чосер жил раньше Алджернона Суинберна,— ни одна вещь, которую написал или способен написать в будущем Морниел, не приблизится к репродукциям книги даже на миллион эстетических миль. И я знал, что он, несмотря на свое всегдашнее хвастовство и неисчерпаемую самонадеянность, тоже это понимает.

Двумя этажами ниже Морниел остановился перед дверью и постучал. Никакого ответа. Подождал две секунды и постучался еще раз. Опять ничего.

— Черт побери! Нет дома. А мне так хотелось показать вам эту вещь!

— Мне нужно ее увидеть,— очень серьезно сказал мистер Глеску.— Мне нужно увидеть хоть что-нибудь похожее на вашу зрелую работу. Но мое время подходит к концу, и...

— Знаете что? — Морниел щелкнул пальцами.— У Аниты там кошки, она просила подкармливать их в свое отсутствие и оставила мне ключ от квартиры... Если я сбегаю наверх и принесу?

— Превосходно,— радостно отозвался Глеску, глянув на свой палец.— Только, будьте добры, поскорее.

— Молниеносно.— Но затем, поворачиваясь к лестнице, Морниел перехватил мой взгляд и подал знак — тот, которым

мы пользовались, совершая наши «покупки». Это означало: «Заговори ему зубы. Постарайся его заинтересовать».

Тут-то я и сообразил — книга! Слишком много раз я видел, как действует Морниел, и не мог не догадаться, что небрежный жест, каким он бросил книгу на кровать, таил в себе все что угодно, кроме небрежности. Морниел просто положил книгу так, чтоб при желании можно было сразу ее взять. Теперь он кинулся наверх прятать книгу, а когда время мистера Глеску истечет, ее просто не удастся найти.

Ловко! Чертовски ловко, я бы сказал. А потом Морниел Метауэй возьмется создавать произведения Морниела Метауэя. Только он не будет их создавать.

Он их скопирует.

Между тем поданный знак заставил меня открыть рот и автоматически начать болтовню.

— А сами вы рисуете, мистер Глеску? — Это было хорошее начало.

— О нет! Конечно, мальчишкой я собирался стать художником — по-моему, с этого начинает каждый искусствовед — и даже собственноручно испачкал несколько холстов. Но они были очень плохи, просто ужасны. Потом я понял, что писать о картинах много легче, чем создавать их. А когда взялся за чтение книг о жизни Морниела Метауэя, мне стало ясно, в чем мое призвание. Понимаете, я не только очень хорошо чувствовал суть его творчества, но и сам он всегда казался мне человеком, которого я мог бы понять и полюбить... Вот это меня тоже озадачивает сейчас. Он совсем... ну совсем не таков, каким мне представлялся.

— Уж это точно,— кивнул я.

— Естественно, историческая перспектива обладает способностью как-то возвеличивать, окружать ореолом романтики каждую выдающуюся личность. Признаться, в характере мистера Морниела я уже вижу черты, над которыми облагораживающему влиянию столетий придется как следует пора... Впрочем, не стану продолжать, мистер Данцигер. Вы его друг.

— Почти единственный в целом мире,— сказал я.— У него их не так уж много.

При всем том мысль моя работала, стараясь охватить происходящее. Однако чем глубже я вникал в ситуацию, тем больше в ней запутывался. Сплошные парадоксы. Каким образом Морниел Метауэй через пять веков прославится благодаря картинам, если сам впервые в жизни увидел их в книге, изданной через пять веков? Кто написал эти картины — Морниел Метауэй?.. Так говорится в книге, и, поскольку томик теперь у него, он

действительно это сделает. Но он будет просто копировать. А кому же тогда принадлежат оригиналы?

Мистер Глеску озабоченно посмотрел на свой палец:

— Времени практически уже нет.

Он бросился вверх по лестнице, и я за ним. Мы ворвались в студию, и я приготовился скандалить насчет книги — без особого удовольствия, потому что Глеску мне нравился.

Книга исчезла, кровать была пуста. И еще кое-чего не хватало в комнате — машины времени и Морниела Метауэя.

— Он уехал! — задохнувшись, воскликнул мистер Глеску.— И оставил меня здесь! Видимо, прикинул, что, если войти в ящик и захлопнуть за собой дверь, машина сама вернется в нашу эпоху!

— Прикидывать-то он мастер,— сказал я с горечью. Насчет такого я не уговаривался и в таком предприятии не стал бы участвовать.— Пожалуй, он уже прикинул и насчет правдоподобной истории, чтоб объяснить людям вашего времени, как это все получилось. Да и в самом деле, зачем ему из кожи вон лезть в двадцатом веке, когда он может быть признанной, боготворимой знаменитостью в двадцать пятом?

— Но что будет, если они попросят его написать хотя бы одну картину?

— Он скажет, что труд его жизни окончен и он не чувствует себя в силах добавить к этому что-нибудь значительное. Не сомневаюсь, кончится тем, что он еще будет читать лекции о самом себе. Можете за него не беспокоиться, он не пропадет. Меня вот тревожит, что вы здесь увязли. Можно ли надеяться на спасательный отряд?

Мистер Глеску с убитым видом покачал головой:

— Каждый лауреат дает подписку, что он сам несет ответственность в том случае, если возвращение невозможно. Машину запускают раз в пятьдесят лет, а к тому времени какой-нибудь другой ученый будет требовать права посмотреть разрушение Бастилии, присутствовать при рождении Гаутамы Будды и чего-нибудь в таком роде. Я тут действительно увяз, как вы выразились. Скажите, это очень худо — жить в вашем времени?

Чувствуя себя виноватым, я хлопнул его по плечу:

— Ну не так уж и худо! Конечно, надо иметь удостоверение личности,— не представляю, как вы будете его получать в таком возрасте. И возможно — конечно, нельзя сказать наверняка,— ФБР либо Иммигрантское управление вызовут вас на допрос, поскольку вы все-таки что-то вроде иностранца, проникшего сюда нелегально.

Лицо его перекосилось.

— Боже мой! Ведь это ужасно.

Но в этот миг меня озарила идея.

— Не обязательно... Слушайте, у Морниела есть удостоверение личности — года два назад он поступал на работу. А свидетельство о рождении он держит в ящике стола вместе с другими документами. Почему бы вам не стать Морниелом? Он-то никогда не уличит вас в самозванстве.

— Ну а его друзья, родственники...

— Родители умерли. Ни одного родственника, о котором бы я слышал. И, кроме меня, как я вам уже говорил, никого, близкого к понятию «друг».— Я вдумчиво оглядел мистера Глеску с головы до ног.— По-моему, вы могли бы за него сойти. Может быть, отрастите бороду и покраситесь под блондина. То да се... Правда, серьезная проблема — чем зарабатывать на жизнь. В качестве специалиста по Метауэю и направлениям в искусстве, берущим от него начало, много вам не заработать.

Он вцепился в меня:

— Я мог бы писать картины. Всегда мечтал стать художником. Таланта у меня мало, но я знаю множество технических приемов живописи, всевозможные графические нововведения, которые неизвестны вашему времени. Думаю, что даже без способностей этого будет достаточно, чтобы перебиться на третьем-четвертом уровне.

И этого оказалось достаточно. Совершенно достаточно. Причем не на третьем-четвертом уровне, а на первом. Мистер Глеску, он же Морниел Метауэй,— лучший из живущих художников. И самый несчастный среди всех них.

— Послушайте, что происходит с публикой? — разозлился он после очередной выставки.— С ума они, что ли, посходили — так меня расхваливать? Во мне ведь ни унции таланта. Все мои работы не самостоятельны, все полотна до единого — подражания. Я пытался сделать хоть что-нибудь, что было бы полностью моим, но так погряз в Метауэе, что утратил собственную индивидуальность. Эти идиоты-критики продолжают неистовствовать, а вещи-то написаны не мною.

— Кем же они тогда написаны? — поинтересовался я.

— Метауэем, конечно,— ответил он с горечью.— У нас думали, что парадокса времени не существует,— хотелось бы мне, чтоб вы почитали ученые труды, которыми забиты библиотеки. Специалисты утверждали, что невозможно, например, скопировать картину с будущей репродукции, обойдясь, таким образом, без оригинала. А я-то что делаю — как раз и копирую по памяти!

Неплохо было бы сказать ему правду, он такой милый человек, особенно по сравнению с этим проходимцем Метауэем, и так мучается. Но нельзя.

Видите ли, он сознательно старается не копировать те картины. Он так упорствует в этом, что отказывается думать о книге и даже разговаривать о ней. Но мне все же удалось недавно выудить из него две-три фразы. И знаете что? Он ее не помнит — только в самых общих чертах.

Удивляться тут нечему — он и есть настоящий Морниел Метауэй, без всяких парадоксов. Но если я ему когда-нибудь открою, что он просто пишет эти картины, создает их сам, а не восстанавливает по памяти, его покинет даже та ничтожная доля уверенности в своих силах, которая в нем есть, и он совсем растеряется. Так что пусть уж считает себя обманщиком, хотя на самом деле все обстоит не так.

— Забудьте об этом,— твержу я ему.— Доллары все равно остаются долларами.

Семейный человек

Стюарт Рейли отыскал свое место в специальном стратоплане для пассажиров с сезонными билетами. Этим рейсом он каждый день возвращался из Центральной нью-йоркской торгово-промышленной зоны к себе в загородный дом в Северном Нью-Гемпшире. Ноги его буквально одеревенели, а глаза ничего не видели. Только по привычке — ведь Рейли многие годы проделывал одни и те же действия — он сел у окна, рядом с Эдом Грином. Опять-таки по привычке он тотчас же нажал кнопку в спинке переднего кресла и вперил взгляд в крошечный экран: шла вечерняя программа теленовостей, хотя ни одно из выпаливаемых скороговоркой сообщений не доходило до него.

Как сквозь сон, он услышал характерный для взлета свист, по привычке твердо уперся ногами в пол и привалился животом к предохранительному ремню. Однако он понял, что приближается ситуация, когда привычка не поможет, как не поможет ничто: с ним стряслась беда, самая страшная из всех бед, которые могут случиться с человеком в 2080 году нашей эры.

— Что, Стив, горячий денек выдался? — громко спросил его подвыпивший Эд Грин.— Ну и видик у тебя!

Рейли почувствовал, что его губы шевелятся, но лишь через некоторое время услышал звук собственного голоса.

— Да,— еле выговорил он,— у меня был горячий денек.

— А кто тебя просил лезть в «Минералы Солнечной системы»? — сразу завелся Эд.— Эти межпланетные корпорации все одинаковы: давай, давай и еще раз давай. Немедленно, сию минуту, сию секунду подготовь накладные: сейчас стартует товарный ракетоплан на Нептун, а другого не будет целых полгода, непременно продиктуй все письма на Меркурий... Что я, не знаю? Я пятнадцать лет назад работал на «Инопланетную формацию» и сыт по горло! Нет уж, лучше я буду торговать

недвижимостью в Центральной нью-йоркской торгово-промышленной зоне. Спокойно. Надежно!

Рейли печально кивнул и потер лоб. Голова не болела, но пусть бы уж лучше болела. Все что угодно, только бы не думать.

— Конечно, здесь много не заработаешь,— громко продолжал Эд, переходя к другой стороне вопроса.— Состояния не наживешь, но и язвы тоже. Пусть я всю жизнь проторчу во второй группе, зато это будет долгая жизнь. В моей конторе работают не спеша и *не* слишком себя утруждают. Мы знаем, что старина Нью-Йорк стоит на своем месте много лет и еще будет стоять.

— Да, это верно,— согласился Рейли, по-прежнему глядя на экран застывшим взором.— Нью-Йорк еще долго будет стоять.

— Слушай, старик, чего ты ноешь? Ганимед пока не распался на атомы. Ничего с ним не случится!

К ним наклонился сидевший сзади Фрэнк Тайлер:

— Перекинемся в картишки, парни? Убьем полчасика.

Рейли никогда не любил карт, но признательность не позволила ему отказаться. Фрэнк, его сослуживец по «Минералам», все время прислушивался к словам Грина, как и остальные в стратоплане, но он один понимал, какие мучения неумышленно причинял Стюарту этот агент по продаже недвижимости! Он чувствовал себя все более и более неловко и решил отвлечься от грустных мыслей во что бы то ни стало.

Фрэнк поступает благородно, подумал Рейли, когда они с Эдом повернулись на креслах лицом друг к другу. В конце концов, Рейли сделали управляющим Ганимедского отделения через голову Фрэнка; другой бы с удовольствием слушал, как Эд бьет по больному месту, но Фрэнк был не таков.

Началась обычная игра, как всегда, четыре партнера. Сидевший слева от Фрэнка Тайлера Брус Робертсон, художник, иллюстрировавший книги, поднял с пола свой огромный портфель и положил на колени вместо стола. Фрэнк распечатал новую колоду, и каждый вытащил карту. Начинать выпало Эду Грину.

— Ставки как всегда? — спросил он, тасуя карты.— Десять, двадцать, тридцать?

Они кивнули, и Эд стал раздавать. Он буквально не закрывал рта.

— Я и говорю Стиву,— он объяснял так громко, что, наверное, и пилоту в его герметической кабине было слышно,— что торговля недвижимостью очень благотворно влияет на кровяное давление, да и на все остальное тоже. Моя жена без конца пристает, чтобы я занялся чем-нибудь поприбыльнее. «Какой позор,— твердит она,— в мои годы — и только двое детей! Стюарт

Рейли на десять лет моложе тебя, а Мэриан родила уже четвертого. И тебе не стыдно? Мужчина! Да если б ты хоть чуточку был мужчиной, ты бы сделал что-нибудь». Знаете, что я ей отвечаю? «Шейла,— говорю я,— скажи, пожалуйста, а у тебя все в порядке с 36-А?»

Брус Робертсон недоуменно взглянул на него:

— 36-А?

Эд Грин загоготал:

— Эх ты, беспечный холостяк! Погоди, вот женишься, тогда узнаешь, что такое 36-А. Будешь есть, пить и спать по 36-А.

— Форму 36-А заполняют,— спокойно объяснил Брусу Фрэнк Тайлер, собирая ставки,— когда обращаются в БПС за разрешением иметь еще одного ребенка.

— Ах да, конечно. Я просто не знал названия. Но ведь благосостояние — только одно из условий. Бюро планирования семьи принимает во внимание также здоровье родителей, наследственность, домашнюю обстановку...

— Ну, что я говорю?! Бездетный холостяк, сопляк, молокосос! — завопил Эд.

Брус Робертсон побледнел.

— Ты прав, благосостояние — только одно из условий,— поспешно вмешался миротворец Фрэнк Тайлер.— Но зато самое важное. Если в семье уже есть двое детей и с ними все в порядке, то, принимая решение, БПС рассматривает главным образом ваш достаток.

— Верно! — Эд хлопнул по портфелю, и карты на нем заплясали.— Взять хоть моего шурина, Пола. С утра до ночи слышу: Пол то, Пол се,— неудивительно, что я знаю о нем больше, чем о себе самом. Полу принадлежит половина Грузового синдиката «Марс — Земля», конечно, он в восемнадцатой группе. Его жена лентяйка, ее не интересует, что о них подумают, поэтому у них только десять детей, но...

— Они живут в Нью-Гемпшире? — спросил Фрэнк. Стюарт Рейли заметил, что перед этим Фрэнк бросил на него сочувственный взгляд: ясно было, что он пытается изменить тему разговора, понимая, как она угнетает Рейли. Наверное, это было написано у него на лице.

С лицом нужно что-то сделать: через несколько минут он встретит Мэриан. Если он не будет все время начеку, она тотчас же догадается.

— В Нью-Гемпшире? — презрительно переспросил Эд.— Мой шурин Пол, с его деньгами? Нет, сэр, эта дыра не для него! Уж он живет действительно в фешенебельном месте; в Канаде, западнее Гудзонова залива. Но я уже говорил, что Пол

и его жена не очень ладят друг с другом и домашняя обстановка у его ребятишек не самая лучшая в мире — ну, вы понимаете, что я хочу сказать. И что ж вы думаете, у них когда-нибудь возникают затруднения с формой 36-А? Ничего подобного! Она возвращается на другое утро после того, как они ее заполнили, и наверху красуется большой синий штамп «одобрено». Там, в БПС, небось, считают: какого черта тут раздумывать, с их деньгами они наймут первоклассных воспитательниц и психологов! А если все-таки возникнут какие-нибудь неприятности, когда ребятишки подрастут, они пройдут самый лучший курс психотерапии, какой только можно получить за деньги.

Брус Робертсон покачал головой:

— Сомневаюсь... Ведь каждый день очень многие весьма перспективные родители получают отказы из-за плохой наследственности.

— Наследственность — одно,— заметил Эд,— а условия — другое. Наследственность нельзя изменить, а условия можно. И скажи-ка мне, милый друг, что может лучше всего изменить условия, как не деньги? Есть деньги — и БПС считает, что вашему ребенку обеспечен хороший старт, особенно когда он с детства у них под наблюдением. Тебе сдавать, Стив! Эй, Стив? Ты что, оплакиваешь свой проигрыш? Молчишь, словно воды в рот набрал! Что-нибудь случилось? Слушай, может, тебя уволили?

Рейли попытался взять себя в руки.

— Да нет,— хрипло выдавил он, собирая карты.— Не уволили.

Мэриан ждала его в семейном ракетоплане на аэродроме. К счастью, ее настолько переполняли последние сплетни, что ей было не до него. Лишь когда он поцеловал ее, она подозрительно вскинула глаза:

— Ты прямо бесчувственное бревно! Раньше это получалось у тебя гораздо лучше.

Он до боли сжал руки и попытался сострить:

— Это было еще до того, как я превратился в бесчувственное бревно. Сегодня у меня был горячий денек. Будь со мной поласковей, детка, и не требуй от меня слишком многого.

Она понимающе кивнула, и они забрались в небольшую машину. Лиза, их старшая дочь, которой было двенадцать лет, сидела на заднем сиденье с младшеньким Майком. Она громко чмокнула отца и поднесла к нему малыша для такой же церемонии.

Он почувствовал, что поцеловать ребенка стоило ему немалых усилий.

Они поднялись в воздух. С аэродрома во все стороны разлетались ракетопланы. Стюарт Рейли не сводил глаз с мелькавших внизу крыш и все думал, думал, когда же лучше сказать жене. Пожалуй, после ужина. Нет, лучше подождать, пока лягут дети. Вот они с Мэриан останутся вдвоем... Он почувствовал в желудке холодный ком, точь-в-точь как днем после завтрака. Интересно, соберется ли он с духом и расскажет ей обо всем? Придется. Никуда не денешься. И надо это сделать не позднее сегодняшнего вечера.

— ...если бы я когда-нибудь верила хоть одному слову Шейлы,— говорила Мэриан.— Я ей так и сказала: Конни Тайлер не из таких, и хватит об этом. Ты помнишь, милый, в прошлом месяце Конни пришла в больницу навестить меня? Конечно, я знала, что она думает, глядя на Майка: если бы не ты, а Фрэнк стал управляющим Ганимедского отделения и получал бы на две тысячи территов больше, это она бы сейчас родила четвертого, а я бы пришла ее навестить. Я знала, о чем она думает, потому что на ее месте думала бы точно так же. Но она искренне заявила, что Майк — самый крепкий и развитый малыш из всех, что ей приходилось видеть. И когда она пожелала мне в следующем году родить пятого ребенка, это было сказано от всей души.

«Пятый ребенок! — с горечью подумал Стюарт Рейли.— Пятый!»

— ...смотри сам: что мне делать с Шейлой, если она придет завтра и начнет все сначала?

— Шейла? — тупо повторил он.— Какая Шейла?

Склонившись над панелью управления, Мэриан нетерпеливо тряхнула головой:

— Ты что, не помнишь Шейлу Грин, жену Эда? Стюарт, да ты слышал хоть слово из того, что я говорила?

— Разумеется, милая. О... больнице и о Конни. И о Майке. Я слышал все, что ты говорила. Но куда должна прийти Шейла?

Она обернулась и впилась в него взглядом. Большие зеленые кошачьи глаза (однажды на танцах его так и потянуло через весь зал к ним, к незнакомой девушке) были очень серьезны. Щелкнув переключателем, она включила автопилот, который повел ракетоплан по заданному курсу.

— Стюарт, что-то случилось. У тебя не просто горячий денек на работе, а что-то серьезное, я ведь вижу. В чем дело?

— Потом,— сказал он.— Я тебе все расскажу потом.

— Нет, сейчас. Расскажи немедленно. Я не вынесу ни единой секунды, если ты будешь сидеть с таким видом.

Не отрывая глаз от домов, которые бесконечной вереницей проносились под ними, он глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду.

— Химическая корпорация Юпитера сегодня купила шахту Кеохула...

— Ну и что из этого?

— Кеохула — единственная шахта на Ганимеде, которая работает на полную мощность,— с трудом выдавил он.

— Я все равно... боюсь, что я все равно не понимаю. Стюарт, объясни мне в двух словах, что это значит?

Подняв голову, он заметил, что она испугалась. Она не понимала, о чем он говорит, но у нее всегда была изумительная интуиция. Почти телепатическая.

— Кеохула продана, и за хорошую цену. Теперь «Минералам» невыгодно иметь отделение на Ганимеде. Вот оно и закрывается, сразу же.

Мэриан в ужасе поднесла руки ко рту:

— И это значит... значит...

— Это значит, что им больше не нужны ни Ганимедское отделение, ни его управляющий.

— Но тебя не переведут на старую работу! — воскликнула она.— Это было бы слишком жестоко! Тебя не могут понизить в должности, Стюарт, после того как на твою прибавку мы завели еще одного ребенка! Должно найтись другое отделение, должно быть...

— Ничего нет,— еле выговорил он — язык его не слушался.— Они сворачивают работу на всех спутниках Юпитера. Не я один... Картрайт с Европы, Мак-Кензи с Иа — они повыше меня. «Минералы» делают ставку на Уран, Нептун и Плутон и плюют на всех остальных.

— А те планеты? Для них нужны управляющие отделениями?

Рейли беспомощно вздохнул:

— Там они уже есть. И заместители управляющих тоже. Опытные люди, которые работают много лет и хорошо знают свою работу. Я знаю, детка, что ты хочешь спросить: я говорил насчет перехода в Химическую корпорацию Юпитера. Ничего не выходит, у них уже есть Ганимедское отделение и человек, который вполне справляется с работой. Я весь день мотался с одного места на другое и договорился, что завтра возвращаюсь на свою старую службу в «Перевозку руды».

— На старый оклад? — прошептала она.— На семь тысяч территов?

— Да. На две тысячи меньше, чем сейчас. На две тысячи меньше минимума для четырех детей.

Глаза Мэриан тотчас наполнились слезами.

— Я этого не допущу! — всхлипнула она.— Нет! Ни за что!

— Детка...— проговорил он,— детка, милая, таков закон. Что мы можем поделать...

— Я совершенно... Я совершенно не могу решить, с кем из моих детей я должна расстаться! Это уже свыше моих сил!

— Меня снова повысят. Очень скоро я опять буду получать девять тысяч территов. Даже больше. Вот увидишь.

Она перестала плакать и остолбенело уставилась на него:

— Но если ребенка отдали на воспитание, его нельзя взять обратно. Даже если доходы возрастут. Ты это знаешь не хуже моего, Стюарт. Могут родиться другие дети, но нельзя вернуть того ребенка, который оказался лишним.

Конечно, он знал. БПС установило такое правило для защиты приемных родителей, чтобы поощрять усыновление семьями высокооплачиваемых групп.

— Нам нужно было подождать,— сказал он.— Черт возьми, нужно было подождать!

— А разве мы не ждали? — возразила она.— Мы целых полгода ждали, хотели убедиться, что у тебя надежная работа. Разве ты не помнишь тот вечер, когда у нас обедал мистер Холен? Он и сказал, что ты работаешь очень хорошо и обязательно сделаешь карьеру. «У вас еще будет десяток ребятишек, и мой вам совет — не откладывайте это в долгий ящик»,— это его собственные слова!

— Бедняга Хелси! Он сегодня не смел на меня глаза поднять! После совещания он подошел ко мне и сказал, что очень огорчен и обязательно при первой возможности позаботится о моем повышении. Но он говорит, что сейчас почти все вынуждены себя урезать: последний год был очень неудачным для фирм, связанных с другими планетами. Я вот возвращаюсь назад в «Перевозку руды» и спихиваю человека, который занял мое место. Он спускается вниз и тоже кого-то сталкивает. Все чертовски скверно.

Мэриан вытерла глаза.

— У меня и своих забот полон рот, Стюарт. Сейчас меня не интересует никто другой. Что мы можем сделать?

Он откинулся назад и наморщил лоб:

— Я решил обратиться к нашему адвокату — больше мне ничего не пришло в голову. Клив обещал зайти сегодня вечером, после обеда, вот мы с ним все и обсудим. Если есть какой-нибудь выход, Клив нам подскажет. Ему часто приходится иметь дело с БПС.

— Что ж, начнем с этого,— кивнула она, соглашаясь с ним.— Сколько у нас времени?

— Завтра утром я должен послать извещение о лишнем ребенке. У нас две недели, чтобы решить, кто... кто из наших ребят...

Мэриан снова кивнула. Они сидели не шевелясь, целиком положившись на автопилот. Немного спустя Стюарт Рейли придвинулся к жене и взял ее за руку. Их пальцы судорожно переплелись.

— Я знаю кто,— раздался голос сзади.

Оба резко обернулись.

— Лиза! — У Мэриан перехватило дыхание.— Я и забыла про тебя. А ты сидишь и слушаешь!

На круглых щеках Лизы блестели слезинки.

— Да, я слушаю,— согласилась она.— И я знаю, кого вы отдадите. Меня. Я же старшая. На воспитание можно отдать только меня. Не Пенни, не Сьюзи, не Майка, а меня.

— Замолчи сейчас же, Лиза Рейли. Мы с твоим отцом решим, что делать. Скорей всего вообще ничего не произойдет. Совсем ничего.

— На воспитание отдают старшего ребенка. Так говорит моя учительница. Она говорит, что маленькие дети травм... травмируются больше, чем старшие. Еще она говорит, это очень хорошо, потому что, если тебя отдадут на воспитание, ты обязательно попадешь в очень богатую семью, у тебя будет много игрушек, замечательная школа и все такое. Моя учительница говорит, что, может, поначалу и взгру... взгрустнется, но потом случится столько хорошего, что ты будешь очень сча... счастлива. И еще моя учительница говорит, что так и должно быть, потому что таков закон.

Стюарт Рейли хлопнул кулаком по сиденью:

— Твоя мать сказала, что решать будем мы с ней!

— И потом,— упрямо продолжала Лиза, вытирая одной рукой лицо,— и потом, я не хочу жить в семье с тремя детьми. Все мои подруги из семей с четырьмя. А мне снова придется дружить с этими серыми девчонками, с которыми я раньше...

— Лиза! — заревел Рейли.— Я пока еще твой отец! Хочешь в этом убедиться?

Наступило молчание. Мэриан включила ручное управление и посадила ракетоплан. Она забрала малыша у старшей дочери, и, не глядя друг на друга, они вышли из машины.

В палисаднике Рейли улучил минутку, чтобы перевести домашнего робота с «ухода за садом» на «прислуживание за столом», и вслед за жужжащей металлической фигурой вошел в дом.

Беда в том, что Лиза права. Если нет никаких осложнений, на воспитание обычно отдают старшего ребенка. Для нее это будет менее болезненно, а Бюро планирования семьи очень тщательно отберет новых родителей из большого числа претенден-

тов и позаботится о том, чтобы передача произошла как можно спокойнее и естественнее. В первые годы специалисты по детской психологии будут навещать ее дважды в неделю, чтобы добиться максимального приспособления к новой обстановке.

Кто ее заберет? Кто-нибудь вроде Пола, шурина Эда Грина, доход которого позволял завести гораздо больше детей, чем он имел. В семье могло быть мало детей по разным причинам, но так или иначе это мешало добиться высокого положения в обществе.

Можно было стать обладателем блестящего ракетоплана — купить его в кредит, влезть в долги на десять лет вперед. Можно было купить огромный дом в Манитобе, где жили все владельцы земельных участков, высшие чиновники Нью-йоркской торгово-промышленной зоны, бок о бок со своими коллегами из Чикагской и Лос-Анджелесской зон, дом, стены которого будут украшены панелями из редких пород марсианских деревьев, дом, полный всевозможных специализированных роботов,— и, несмотря на это, закладная могла медленно, но упорно подтачивать ваше благополучие.

А вот с детьми все было ясно. Ребенка нельзя было завести в кредит, в надежде на то, что ваши дела улучшатся,— вам бы этого не позволили. Ребенок появлялся только тогда, когда БПС, изучив вас и вашу жену с точки зрения наследственности и домашней обстановки, приходило к выводу, что ваш доход позволяет создать будущему ребенку все необходимые условия. На каждого ребенка семья должна была представить лицензию, которую БПС выдавало после тщательного обследования. Таково было положение дел.

Вот почему, если вы покупали что-нибудь в кредит и могли предъявить лицензию на шестерых детей, от вас не требовалось никаких справок с работы. Служащий записывал ваше имя, адрес, номер лицензии — и все. Вы выходили из магазина с покупками.

В течение всего ужина Рейли раздумывал над этим. Он припомнил то утро, когда пришла лицензия на Майка, и почувствовал, что виноват вдвойне. В тот момент он прежде всего подумал: «Теперь-то нас обязательно пригласят вступить в загородный клуб!» Конечно, он был рад получить разрешение еще на одного ребенка — они с Мэриан оба любили детишек, но у них уже было трое, и четвертый ребенок означал большой шаг вперед.

«Ну хорошо, а кто на моем месте думал бы иначе?» — спросил он себя. Даже Мэриан на другой день после рождения Майка стала называть его «наш сыночек для загородного клуба».

Счастливые, наполненные гордостью дни! Они с Мэриан ступали по земле, как молодые монархи, которые шествуют на коронацию!

А теперь...

Кливленд Беттигер, адвокат Рейли, явился как раз в тот момент, когда Мэриан бранила Лизу, укладывая ее спать. Мужчины пошли в столовую и велели домашнему роботу приготовить им по коктейлю.

— Я не хочу приукрашивать положение, Стив,— сказал адвокат, раскладывая содержимое своего портфеля на старинном кофейном столике (армейский ящик для обуви начала двадцатого века, который Мэриан искусно приспособила под столик).— Дело довольно скверное. Я изучил все последние решения БПС в аналогичных ситуациях и не нашел ничего утешительного.

— Но есть какая-нибудь надежда? Можно хоть за что-то зацепиться?

— Сейчас мы попытаемся это выяснить.

Вошла Мэриан и устроилась на софе рядом с мужем.

— С ума сойдешь с этой Лизой! — воскликнула она.— Чуть было не отшлепала ее. Она уже начинает разговаривать со мной, как с чужой женщиной, у которой нет над ней никакой власти!

— Лиза заявила, что на воспитание можно отдать только ее,— объяснил Рейли.— Она слышала наш разговор.

Беттигер развернул испещренный записями лист.

— Лиза права. Она старшая. Давайте-ка обсудим положение. Когда вы поженились, у Стюарта был оклад три тысячи территов в год — это минимум для одного ребенка. Появилась Лиза. Через три года со всеми прибавками твой доход возрос на две тысячи территов. Появилась Пенелопа. Еще полтора года — еще две тысячи. Сюзанна. В феврале прошлого года ты перешел в Ганимедское отделение на девять тысяч в год. Майк. Сейчас тебя снова понизили — семь тысяч. Это максимум для трех детей. Все?

— Все,— подтвердил хозяин. «Вот вкратце история моей супружеской жизни,— подумал он.— Здесь, правда, не было сказано о том, как у Мэриан чуть не случился выкидыш, когда она носила Пенни, ни о том, как у домашнего робота возле площадки для игр произошло короткое замыкание и Сьюзи пришлось наложить на голову шесть швов. Здесь не было сказано, как...»

— Хорошо, Стив, давай теперь выясним ваши финансовые возможности. Нет ли у одного из вас надежды в ближайшем будущем получить необходимую сумму, допустим наследство? Не владеете ли вы какой-нибудь собственностью, которая может значительно подняться в цене?

Они переглянулись.

— Семьи наших родителей относятся к третьей и четвертой группам,— медленно произнесла Мэриан.— Состояние у них небольшое. А у нас со Стивом, кроме дома, мебели и ракетоплана, есть только немного государственных облигаций и акций «Минералов Солнечной системы». Они долго, очень долго не повысятся в цене.

— Ладно, с доходами покончили. А теперь, мои милые, позвольте мне спросить...

— Подожди-ка,— не выдержал Рейли — Почему это «покончили»? А если я буду подрабатывать по субботам-воскресеньям или вечерами здесь, в Нью-Гемпшире?

— Потому что лицензия на ребенка учитывает доход от нормальной тридцатичасовой рабочей недели,— терпеливо разъяснил адвокат.— Если отец семейства для обеспечения необходимого заработка должен работать сверх этой нормы, дети меньше видят его, или, выражаясь юридическим языком, «лишены нормальных привилегий нормального детства». Запомни, что действующее законодательство превыше всего ставит права детей. Их никак нельзя ущемлять.

Стюарт Рейли смотрел на противоположную стенку невидящими глазами.

— Мы могли бы эмигрировать,— глухо произнес он.— На Венере, например, нет ограничений рождаемости.

— Тебе тридцать восемь, Мэриан тридцать два. На Марсе и на Венере нужны молодые, совсем молодые люди, не говоря уж о том, что ты конторский служащий, а не инженер, не механик и не фермер. Я очень сомневаюсь, что тебе удастся получить постоянную межпланетную визу. Нет, с вашими доходами все ясно. Вот разве что особые случаи. Есть у вас что-нибудь по этой части?

Мэриан уцепилась за соломинку:

— Может быть... При рождении Майка мне делали кесарево сечение.

— Так...— Кливленд Беттигер потянулся за другим документом и прочитал его.— В твоей истории болезни говорится, что это произошло из-за неправильного положения ребенка в матке. Совсем не обязательно, что в следующий раз опять понадобится хирургическое вмешательство. Еще что-то есть? Какие-нибудь психические отклонения у Лизы, из-за чего ее сейчас никак нельзя передать приемным родителям? Подумайте.

Они подумали и вздохнули. Ничего такого не было.

— Этого-то я и ожидал, Стив. Дело дрянь. Ну что ж, подпишите вот это и пошлите завтра вместе с извещением о лишнем ребенке. Я все заполнил.

— Что это? — тревожно спросила Мэриан, заглядывая в бумагу, которую он им дал.

— Просьба об отсрочке. Я ссылаюсь на твою исключительно хорошую служебную характеристику и пишу, что понижение — лишь временное явление. Из этого ничего не выйдет, потому что для выяснения дела БПС пошлет сотрудника в твое управление, но все-таки мы протянем время. У вас будет лишний месяц, чтобы решить, с каким ребенком расстаться, и, кто знает, может быть, за это время что-нибудь случится? Найдешь место получше или тебя повысят.

— За месяц я не найду лучшего места,— вымолвил удрученный Рейли.— Дело скверное: нужно радоваться и тому, что получил. А о повышении нечего думать по крайней мере год.

С лужайки перед домом донесся звук приземлившегося ракетоплана.

— Неужели гости? — удивилась Мэриан.— Мы никого не ждем.

— Да, только гостей нам сейчас не хватает,— покачал головой ее муж.— Взгляни, кто там, Мэриан, и постарайся выпроводить.

Она вышла из столовой, на ходу сделав роботу знак наполнить пустой стакан Беттигера. Ее лицо свело от боли.

— Я не понимаю,— пожаловался Стюарт Рейли,— почему БПС проявляет такую жестокость во всем, что связано с контролем над рождаемостью Неужели нельзя дать человеку небольшую отсрочку?

— Оно так и делает,— напомнил ему адвокат, аккуратно складывая бумаги в портфель.— Разумеется. Если должен родиться ребенок, на которого получено разрешение, ваш доход может без всяких последствий понизиться на девятьсот территов — это уступка непредвиденным обстоятельствам. Но две тысячи, целых две тысячи...

— Нет, это несправедливо! Чертовски несправедливо! После того как вы родили и вырастили ребенка, какое-то паршивое Бюро забирает его у вас...

— Довольно, Рейли, не будь ослом! — резко оборвал его Беттигер.— Я твой адвокат и собираюсь помогать тебе, насколько хватит моих знаний и опыта, но я не желаю слушать, как ты несешь чепуху, в которую сам не веришь. Имеет смысл планировать семью или нет? Или мы будем уверены, что каждый ребенок рождается с прочными шансами на достойную и счастли-

вую жизнь, что он нужен и дорог, или возвратимся к безответственным методам рождения детей прошлых столетий?! Форма 36-А — символ планирования семьи, а извещение о лишнем ребенке — только оборотная сторона медали. Все имеет свои издержки.

Рейли опустил голову:

— Я не спорю с этим, Клив. Я только... только...

— Сейчас тебя, что называется, припекло. Мне очень жаль тебя, искренне жаль. Но, видишь ли, когда ко мне приходит клиент и говорит, что по рассеянности пролетел над запретной зоной, я использую все свои юридические знания и каждую свою жалкую извилину, чтобы помочь ему и чтобы он отделался наименьшим штрафом. Но если он не ограничивается этим и начинает доказывать, что правила уличного движения никуда не годятся, я теряю терпение и велю ему заткнуться. Так же и с контролем над рождаемостью: понадобился целый ряд правил, чтобы воспроизводство человеческого рода происходило более разумно.

Голоса, доносившиеся из прихожей, вдруг оборвались. Они услышали характерный для Мэриан звук: что-то среднее между вскриком и визгом. Мужчины вскочили и выбежали к ней.

В прихожей рядом с Мэриан стоял Брус Робертсон. Закрыв глаза, она держалась рукой за стену, как бы боясь упасть.

— Мне очень жаль, что я ее так расстроил, Стив,— быстро произнес художник. Его лицо было очень бледным — Видишь ли, я хочу удочерить Лизу. Фрэнк Тайлер рассказал мне, что произошло.

— Ты? Ты хочешь... Но ты же холостяк!

— Да, но я принадлежу к пятой группе. Мне разрешат удочерить Лизу, если я сумею доказать, что создам ей обстановку такую же благоприятную, как женатая пара. Так я и сделаю. Я хочу только одного — чтобы она официально носила мое имя. Мне все равно, как ее будут называть в школе или подруги. Она останется здесь, у вас, а я буду давать деньги на ее содержание. БПС согласится, что это самый лучший дом для Лизы.

Рейли замер, выжидательно глядя на Беттигера. Адвокат кивнул:

— Пойдет. Ведь если настоящие родители выражают какие-нибудь пожелания относительно условий передачи ребенка, Бюро, как правило, считается с их доводами. Но вы, молодой человек, вы-то что выиграете от этого?

— Официально будет считаться, что у меня ребенок,— ответил Робертсон.— Ребенок, о котором я смогу говорить и хвастаться, как другие хвастаются своими детьми. Мне до смерти надоело быть бездетным холостяком — я хочу иметь кого-то.

— Но в один прекрасный день ты захочешь жениться,— сказал Рейли, обнимая жену, которая с глубоким вздохом прижалась к нему.— Ты захочешь жениться и иметь собственных детей.

— Этого не будет,— тихо произнес Брус Робертсон.— Пожалуйста, не говорите никому: в моей семье был случай амавротической идиотии. Женщина, на которой я женюсь, не должна иметь детей. Сомневаюсь, что я когда-либо женюсь, но уж детей у меня, конечно, никогда не будет. Это... это моя единственная возможность...

— Ох, милый,— радостно вздохнула Мэриан в объятиях Рейли.— Вот увидишь, все обойдется.

— Я прошу только одного,— неуверенно продолжал художник,— я буду изредка приходить сюда, чтобы повидать Лизу и узнавать, как ее дела.

— Изредка! — завопил Рейли.— Да приходи хоть каждый вечер! В конце концов, ты ведь будешь вроде как член семьи. Да что я говорю «вроде»! Ты будешь настоящим членом нашей семьи, ты будешь семейным человеком!

Болезнь

Согласно отчетам, разносчиком болезни был русский, Николай Белов; именно он принес заразу на корабль, подцепив ее во время обычного геологического поиска на следующий день после посадки. Если это имеет какое-то значение, поиск Белов осуществлял на гусеничном вездеходе, произведенном в Детройте, США.

Почти немедленно он радировал на корабль. В это время в рубке, как обычно, находился Престон О'Брайен, штурман,— проверял электронное оборудование и прокладывал воображаемый обратный курс. Он-то и ответил на вызов.

Белов, конечно, говорил по-английски; О'Брайен — по-русски.

— О'Брайен! — воскликнул Белов взволнованно, как только связь была установлена.— Догадайтесь, что я нашел! Марсиан! Целый город!

О'Брайен щелкнул крышкой компьютера, откинулся в противоперегрузочном кресле и запустил пальцы в свою стриженную под «ежик» рыжую шевелюру. Конечно, ничто не давало людям такого права, но почему-то космонавты принимали как само собой разумеющееся, что кроме них на этой холодной, пыльной, безводной планете никого нет. И, узнав, что это не так, штурман испытал острый приступ клаустрофобии. Как будто только что он сидел в просторной тихой библиотеке колледжа, работая над диссертацией,— и вдруг, подняв голову, обнаружил, что ее заполнила толпа возбужденно болтающих первокурсников, едва закончивших писать сочинение. Или как в тот неприятный момент в самом начале их экспедиции, когда он очнулся от кошмарного сна, в котором беспомощно дрейфовал в беззвездном черном вакууме... очнулся и увидел крепкую правую руку Колевича, свисающую с верхней койки, и услышал густой славянский храп, заполнивший всю комнату.

Да нет, я вовсе не нервничаю, постарался заверить сам себя О'Брайен; в конце концов, все они несколько... нервничали в последние дни.

Ему никогда не нравилось быть в толпе. И он не любил, когда его заставали врасплох.

Штурман раздраженно потер руки над уравнениями, которые он писал минуту назад, потом откашлялся и спросил:

— Живые марсиане?

— Нет, конечно, нет! Откуда могут взяться живые марсиане в несчастной пригоршне молекул, которая здесь называется атмосферой? Единственные живые создания в этом месте — обычные лишайники да, может быть, пара плоских червей, таких же, как те, которых мы нашли рядом с кораблем. Последний из марсиан умер по меньшей мере миллион лет назад. Однако город цел, О'Брайен, цел и почти нетронут.

Штурман совершенно ничего не смыслил в геологии, но даже он не поверил.

— Цел? Вы хотите сказать, что за миллион лет он не рассыпался в прах?

— Ни капельки! — фыркнул Белов.— Понимаете, город подземный. Я заметил большой провал с покатыми стенками и никак не мог определить, что это такое: он никак не соответствовал рельефу. И изнутри шел поток воздуха, не дававший песку осыпаться. Я съехал туда на вездеходе — пятьдесят, ну шестьдесят ярдов по откосу — и попал в него, в этот огромный, пустой марсианский город... Так будет выглядеть Москва через тысячу, десять тысяч лет! Он прекрасен, О'Брайен, просто прекрасен!

— Ничего не трогайте,— предостерег его О'Брайен. Москва!.. Вот уж в самом деле!

— Вы думаете, я спятил? Сейчас я здесь как раз фотографирую. Автоматика, которая регулирует систему вентиляции и поддува, управляет и освещением — в городе почти так же светло, как днем наверху. Что за чудесное место! Бульвары — как цветная паутина. Здания — как... как... Вспомните Долину Царей*, вспомните Хараппу!** Вы знаете, О'Брайен, я ведь любитель-археолог. Да, да. Так вот, должен вам сказать, что Шлиман*** отдал бы свои глаза — да, свои глаза! — за это открытие! Город просто великолепен!

---

* Долина Царей (или Долина Фараонов) — название местности под Каиром (Египет), где находятся самые величественные пирамиды, в частности пирамида Хеопса. *(Примеч. пер.)*

** Величественные руины одного из центров хараппской цивилизации (3–2-е тысячелетие до н э) в Пенджабе (Пакистан)

*** Генрих Шлиман (1822–1890) — немецкий археолог, открыл и раскопал остатки Трои

Энтузиазм Белова вызвал у О'Брайена улыбку. В такие минуты нельзя было удержаться от мысли, что русские в общем-то нормальные ребята, что все в конце концов утрясется... так или иначе.

— Поздравляю,— сказал он.— Делайте свои снимки и быстро возвращайтесь. Я сообщу капитану Гоусу.

— Слушайте, О'Брайен, это еще не все. Эта раса — эти марсиане — они были похожи на нас! Они были гуманоидами!

— Гуманоиды? Вы говорите, гуманоиды? Как мы?

Наушники взорвались восторженным смехом Белова.

— Вот именно! Изумительно, не правда ли? Они были гуманоидами, совсем как мы. Может, даже больше, чем мы. В центре площади, где заканчивается входной туннель, стоит пара обнаженных скульптур. Должен сказать, что Фидию, или Праксителю, или Микеланджело* не было бы стыдно за такую работу. Их изваяли в плейстоцене или плиоцене, когда по Земле еще бродили саблезубые тигры.

О'Брайен хмыкнул и отключился. Штурман подошел к иллюминатору рубки, одному из двух корабельных иллюминаторов, и взглянул на красную пустыню и бесконечные песчаные дюны, убегавшие за горизонт, где они сливались в колеблющуюся песчаную дымку.

Марс. Мертвая планета. Безжизненная — если не считать бактерий и самые примитивные формы растительности, которые смогли выжить на тех минимальных количествах воды и воздуха, которые предоставлял им бесконечно враждебный мир. Но некогда здесь жили люди, люди, подобные ему самому и Николаю Белову. У них было искусство, была наука, а также, несомненно, были различные философские системы. Да, некогда они жили здесь, эти марсиане... а теперь их нет. Неужели перед ними тоже встала проблема сосуществования — и они не смогли разрешить ее?

Из-под корабля неуклюже выбрались две одетые в космические скафандры фигуры. Сквозь прозрачные шлемы О'Брайен разглядел лица: более низкий — Федор Гуранин, главный инженер, второй — Том Сматерс, его первый помощник. Они, очевидно, совершали обход кормовых двигателей в поисках возможных повреждений, полученных во время космического полета. Через восемь дней Первой земной экспедиции на Марс предстояло стартовать обратно; все оборудование вплоть до последнего винтика должно было быть в полном порядке задолго до этого.

Сматерс увидел О'Брайена в иллюминаторе и махнул ему рукой; штурман помахал в ответ. Гуранин с любопытством взглянул вверх, чуть помедлил, затем тоже помахал рукой. Теперь замешкался О'Брайен. Черт, это же глупо! Почему бы и нет? И он помахал Гуранину длинным дружеским круговым взмахом.

И тут же усмехнулся сам над собой. Не хватало, чтобы их сейчас увидал Гоус! На аристократическом, кофейного цвета лице высокого капитана заиграла бы улыбка безумца. Бедный парень! Подобные крупицы эмоций были смыслом его жизни.

И тут О'Брайен вспомнил. Он вышел из рубки и взглянул в сторону камбуза, где Семен Колевич, помощник штурмана и главный кок, открывал консервы, готовясь к обеду.

— Не знаете, где капитан? — спросил О'Брайен по-русски.

Колевич холодно взглянул на него, закончил открывать жестянку, бросил круглую крышку в отверстие стенного мусоросборника и только тогда коротко ответил по-английски:

— Нет.

Выйдя в коридор, штурман встретил доктора Элвина Шнейдера, который направлялся на камбуз, в наряд.

— Док, не видели капитана Гоуса?

— Он внизу, в машинном отделении, ждет Гуранина, чтобы что-то обсудить,— ответил ему низенький круглолицый корабельный врач. Оба они говорили по-русски.

О'Брайен кивнул и пошел дальше. Спустя несколько минут штурман толчком распахнул дверь в машинное отделение и наткнулся на капитана Субодха Гоуса, выпускника Бенаресского политехнического института, Бенарес, Индия. Капитан рассматривал большую настенную схему корабельных двигателей. Несмотря на его молодость — как и каждому члену экипажа, Гоусу не было еще двадцати пяти лет,— огромная ответственность, лежащая на его плечах, прорезала под глазами капитана две черные ямы. Они придавали ему предельно напряженный и усталый вид.

О'Брайен передал капитану сообщение Белова.

— Гм-м,— произнес Гоус, нахмурившись.— Надеюсь, у него хватит ума не...— Внезапно он оборвал себя, поняв, что говорит по-английски.— Простите, О'Брайен! — сказал он по-русски, и глаза его еще больше потемнели.— Я стоял здесь и думал о Гуранине; должно быть, я вообразил, что говорю с ним. Простите.

* Фидий (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор, автор скульптурного убранства Парфенона (храм Афины в Афинах, Греция). Праксителъ (390–330 до н. э.) — древнегреческий скульптор, автор великолепных скульптур. Микеланджело Буонарроти (1475–1564) — итальянский скульптор, архитектор и художник. Автор скульптур «Оплакивание Христа», «Давид», «Моисей», росписи свода Сикстинской капеллы в Ватикане, руководитель строительства собора Св. Петра и ансамбля дворцов Капитолия в Риме.

— Ерунда,— пробормотал О'Брайен.— Мне это было даже приятно.

Гоус улыбнулся, затем улыбка резко исчезла с его лица.

— Я постараюсь, чтобы такое больше не повторилось. Как я говорил, надо надеяться, что у Белова хватит ума обуздать свое любопытство.

— Он обещал ничего не трогать. Капитан, не волнуйтесь, Белов — умница. Он — как все остальные; мы все — умницы.

— Функционирующий город...— размышлял вслух высокий индус.— Там могла сохраниться жизнь; вдруг Белов включит тревогу и приведет в действие что-нибудь невообразимое. Почем знать, там может оказаться автоматически действующее оружие, бомбы — все, что угодно! Белов подорвется сам и взорвет всех нас. В этом единственном городе может быть столько всего, что весь Марс разнесет вдребезги!

— Ну уж вряд ли,— заметил О'Брайен.— Я думаю, вы переборщили. Я думаю, бомбы сидят у вас в голове.

Гоус посмотрел на него долгим отрезвляющим взглядом:

— Да, мистер О'Брайен, сидят. Это точно.

О'Брайен почувствовал, что краснеет. Чтобы сменить тему, он сказал:

— Хотелось бы на несколько часов получить Сматерса. Компьютеры, похоже, работают отлично, но лучше произвести выборочную проверку пары схем — так, на всякий случай.

— Я спрошу Гуранина, сможет ли он отпустить его. А ваш помощник?

На лице штурмана появилась гримаса.

— Колевич не разбирается в электронике и вполовину так хорошо, как Сматерс. Он чертовски хороший математик, не больше.

Капитан пристально посмотрел на штурмана, как бы пытаясь определить, нет ли иной причины в нежелании работать с Колевичем.

— Возможно. Но это напомнило мне кое о чем. Я буду вынужден просить вас не покидать корабль до старта на Землю.

— О, капитан, нет! Ужасно тянет размять ноги. И у меня столько же прав, сколько у остальных, чтобы... ступить на поверхность другой планеты.

Собственная фразеология заставила О'Брайена слегка смутиться, но, черт возьми, он преодолел сорок миллионов миль вовсе не для того, чтобы таращиться на Марс сквозь иллюминаторы!

— Можете размять ноги и внутри корабля. Мы оба знаем, что хождение в космическом скафандре — не слишком приятное

занятие. Что же касается пребывания на поверхности другой планеты, то вы, О'Брайен, уже сделали это — вчера, во время церемонии установки маркера.

О'Брайен взглянул мимо капитана в иллюминатор машинного отделения. Через него была видна маленькая белая пирамида, которую они установили снаружи. На каждой из трех ее граней красовалась одинаковая надпись на трех разных языках: английском, русском и хинди. «Первая земная экспедиция на Марс. Во имя жизни человечества».

Миленькая надпись. Типично индийская. Но трогательная. И, как и все остальное в этой экспедиции, чистая патетика.

— Вы — слишком большая ценность, О'Брайен, чтобы рисковать вами,— пояснил Гоус.— Мы уже столкнулись с этим на пути сюда. Человеческий мозг не в состоянии рассчитать внезапное необходимое изменение курса с той скоростью и точностью, с какой делают это ваши компьютеры. А так как именно вы участвовали в их разработке, никто не может работать с ними так же успешно. Поэтому я приказываю вам оставаться на корабле.

— Но послушайте, все не так страшно: под рукой остается Колевич.

— Как вы сами только что заметили, Семен Колевич недостаточно хорошо разбирается в электронике. И если с этими компьютерами что-нибудь случится, мы будем вынуждены призвать Сматерса и использовать их в тандеме — далеко не самая эффективная рабочая схема. Да и, кроме того, я полагаю, что Сматерс плюс Колевич не вполне равняются Престону О'Брайену. Простите меня, но боюсь, мы не можем так рисковать — вы почти незаменимы.

— Ладно,— мягко сказал О'Брайен.— Приказано оставаться. Только позвольте мне чуточку возразить вам, капитан. Мы оба знаем, что на борту нашего корабля есть только один незаменимый человек — и это не я.

Гоус хмыкнул и отвернулся.

Вошли Гуранин и Сматерс, оставившие свои скафандры в воздушном шлюзе. Капитан и главный инженер быстро обсудили ситуацию (разумеется, по-английски), и в конце разговора Гуранин, почти без возражений, согласился одолжить Сматерса О'Брайену.

— Но он потребуется мне, самое позднее, к трем.

— Управимся,— пообещал О'Брайен по-русски и увел Сматерса. Гуранин пустился обсуждать с капитаном вопросы ремонта двигателей.

— Я удивляюсь, как он не заставил тебя заполнить на меня требование,— заметил Сматерс.— Черт возьми, он думает, что я — сибирский каторжник?

— Том, у него полно хлопот со своим хозяйством. И ради бога, говори по-русски. Представь себе, что капитан или один из Иванов услыхали бы тебя. Ты хочешь, чтобы сейчас же начались неприятности?

— Прес, я не нарочно. Я просто забылся.

О'Брайен по себе знал, что забыться очень легко. Какого черта индийское правительство не захотело, чтобы все семеро американцев и семеро русских выучили хинди? Тогда экспедиция могла бы пользоваться общим языком, языком их капитана Хотя, если подумать, родным языком Гоуса был бенгальский..

В общем-то понятно, почему индусы настояли на включении этих двух языков в и без того напряженную программу тренировок участников экспедиции. Их замысел заключался в том, что, если русские будут говорить между собой и с американцами по-английски, а американцы будут разговаривать и отвечать по-русски, вся эта затея сможет принести определенную пользу в моральном микроклимате корабля, даже если экспедиция и не достигнет глобальных политических целей. А потом, вернувшись на Землю, каждый из космонавтов будет распространять в своей родной стране идеи и принципы согласия и сотрудничества, накопленные и выработанные во время экспедиции.

Или что-то в этом роде.

Идея красивая — и жалкая. Но разве положение в мире в этот момент не было еще более жалким? Требовалось что-то делать, и делать быстро. Индусы, во всяком случае, пытались. Они не просто просиживали ночи напролет, глядя на ужасающие картины, вырисовываемые пляшущей перед глазами магической цифрой шесть: шесть, шесть бомб, шесть новейших кобальтовых бомб — и на Земле не останется никакой жизни.

Ни для кого не было тайной, что Америка обладает по меньшей мере девятью такими бомбами, Россия — семью, Британия — четырьмя, Китай — двумя, и еще пять бомб, если не больше, находятся в арсеналах пяти гордых и суверенных государств. Что способны сделать эти бомбы, было убедительно продемонстрировано на новых полигонах, созданных Америкой и Россией на обратной стороне Луны.

Шесть. Всего шесть бомб могут покончить со всей планетой. Все знали это, и все знали, что, если вспыхнет война, эти бомбы будут пущены в ход, раньше или позже, проигрывающей стороной, стоящей перед мрачной перспективой вражеской

оккупации и суда над ее руководителями, как над военными преступниками.

И все знали, что война будет.

Десятилетие за десятилетием ее удавалось предотвратить, но десятилетие за десятилетием мир неотвратимо сползал к войне. Это напоминало хроническую, затяжную болезнь, когда силы больного непрерывно убывают, а бедняга безнадежно смотрит на термометр и с растущим ужасом вслушивается в свое затрудненное дыхание — и так до тех пор, пока болезнь не одолеет и не убьет его. Каждый очередной кризис удавалось каким-то образом разрешить, и каждый раз положение хоть чуточку, но ухудшалось. За международными конференциями следовали новые союзы, за ними — новые конференции, а война все приближалась и приближалась.

Она уже почти началась. Даже чуть было не началась — три года назад, из-за Мадагаскара, черт бы его побрал, но каким-то чудом ее удалось предотвратить. Война чуть было не разразилась в прошлом году — из-за территориальных прав на обратную сторону Луны, но в последнюю минуту сверхчудо в форме арбитража индийского правительства снова предотвратило ее.

Однако сейчас мир определенно стоял на краю пропасти. Два месяца, полгода, еще год — и она начнется. И все знали это. Все ждали смерти, временами судорожно удивляясь, почему они ничего не предпринимают, а просто ждут. Но знали: война неминуема.

И вот в разгар всего этого, когда и Советский Союз, и Соединенные Штаты Америки полным ходом совершенствовали ракетно-космические технологии — для того чтобы, когда настанет время пустить эти бомбы в ход, их можно было бы использовать с максимальной убойной эффективностью,— в разгар всего этого Индия публично сделала свое предложение.

Пусть противостоящие сверхдержавы сотрудничают в предприятии, которое обе они так или иначе планируют и в котором каждая из держав смогла бы использовать достижения другой стороны. Одна из них вырвалась чуть вперед в осуществлении пилотируемых космических полетов, а другая, как известно, разработала чуть лучший атомный ракетный двигатель. Пусть они объединят свои ресурсы для полета на Марс, под командой индийского капитана и под эгидой Индии, во имя всего человечества. И пусть мир раз и навсегда узнает, какая из сторон откажется сотрудничать.

Учитывая природу этого предложения и удивительно точно выбранное время, отказаться было невозможно. Самое оно, решил про себя О'Брайен; они добрались-таки до Марса и, воз-

можно, вернутся обратно. Но, хотя экспедиция могла бы многое прояснить, она ничего не предотвратит. Политическую ситуацию как лихорадило, так и будет лихорадить; не пройдет и года, как мир, несмотря ни на что, будет охвачен войной. И команда этого корабля знала это так же хорошо, как и все остальные, если не лучше.

По пути в рубку они миновали воздушный шлюз, где Белов выкарабкивался из своего скафандра. Русский неловко суетился, прыгая на одной ноге и стаскивая нижнюю часть костюма.

— Вот это открытие, да? — радостно крикнул он.— На второй день и посреди пустыни!.. Подождите, вы еще увидите мои снимки!

— С нетерпением жду,— ответил ему О'Брайен.— А пока вы бы лучше пошли в машинное отделение и доложили капитану. Он боится, что вы могли нажать кнопку, включающую механизм, который разнесет весь Марс прямо под нашими ногами.

Русский подарил ему широкую улыбку, обнажив чуть редковатые зубы.

— Ох уж этот Гоус со своими планетарными взрывами!

Геолог потер макушку и тяжело покачал головой из стороны в сторону.

— Что-нибудь случилось? — спросил О'Брайен.

— Голова заболела. Началось пару секунд назад. Должно быть, провел слишком много времени в скафандре.

— Я только что пробыл в скафандре вдвое дольше,— сказал Сматерс, отвлеченно тыча в брошенную Беловым экипировку,— и у меня голова не болит. Возможно, у нас в Америке делают лучшие головы.

— Том! — рявкнул О'Брайен.— Ради бога!

Губы Белова сжались и побелели. Затем он пожал плечами:

— Как насчет партии в шахматы, О'Брайен? После обеда?

— С удовольствием. Только учтите: я собираюсь сожрать вас с потрохами. Я по-прежнему утверждаю, что черные могут устоять и выиграть.

— Это будет ваша погибель,— усмехнулся Белов и пошел в машинное отделение, осторожно потирая голову.

Когда они оказались вдвоем в рубке и Сматерс начал разбирать компьютерный блок, О'Брайен закрыл дверь и сердито сказал:

— Том, ты отмочил самую дурацкую, опасную и неуместную шутку! И это было так же смешно, как объявление войны!

— Понимаю. Но Белов просто достал меня!

— Белов? Он самый приличный из всех русских на борту.

Помощник главного инженера отвинтил боковую панель и присел на корточки рядом.

— Может быть, для тебя. Надо мной же он всегда издевается.

— Как?

— О, по-всякому. Возьмем шахматы. Всякий раз, когда я прошу его сыграть, он говорит, что будет играть со мной, только пожертвовав ферзя. А потом смеется — этим своим мерзким смехом, ну, ты знаешь.

— Проверь соединение наверху...— предупредил штурман.— Ну, Том, Белов — очень хороший шахматист. На прошлом московском турнире он был седьмым, играя против кучи мастеров и гроссмейстеров. В стране, где к шахматам относятся так, как у нас — к бейсболу и футболу, вместе взятым, это очень хороший результат.

— Да я знаю, что он хороший игрок. Но ведь и я не так плох. Не на ферзя. Целого ферзя!

— И это все? Тебе не кажется, что при подобной мотивировке ты слишком сильно не любишь его?

Сматерс помолчал с минуту, осматривая плату.

— А ты,— произнес он, не поднимая головы.— Тебе не кажется, что ты слишком сильно любишь его?

Готовый взорваться, О'Брайен внезапно кое-что вспомнил и заткнулся.

В конце концов, это мог быть кто угодно. Это мог быть Сматерс.

Непосредственно перед отъездом из Соединенных Штатов в Бенарес, чтобы соединиться с русскими, сотрудники военной разведки провели с американскими участниками экспедиции последнюю, сверхсекретную беседу. Им еще раз разъяснили деликатность ситуации, в которую они попадают, и ее возможную опасность. С одной стороны, требовалось, чтобы Соединенные Штаты не мешкали с принятием индийского предложения, чтобы перед лицом всего мира они отнеслись к этому совместному научному предприятию по меньшей мере с таким же энтузиазмом и готовностью к сотрудничеству, как и русские. С другой стороны, так же важно, а может быть, даже более важно — не дать будущему противнику использовать это объединение знаний и технологий для получения преимущества, которое могло бы оказаться решающим, например, захватить этот корабль во время обратного полета и посадить его в Баку, а не в Бенаресе.

Поэтому, сообщили им, один член экипажа прошел специальную подготовку и на время экспедиции является офицером корпуса военной разведки армии Дядюшки Сэма. Его личность будет оставаться в тайне до того момента, когда он решит, что русские что-то затевают. Тогда он произнесет специальную

кодовую фразу, и начиная с этого времени все американцы на борту должны выполнять его распоряжения, а не распоряжения капитана Гоуса. Отказ подчиняться приравнен к измене.

А кодовая фраза? Вспомнив ее, О'Брайен не смог сдержать ухмылки: «Обстрелян форт Самтер»*.

Но когда один из них встанет и произнесет эту фразу, будет совсем не смешно...

Штурман не сомневался, что среди русских тоже есть такой человек. Наверняка Гоус подозревает о мерах обеих сторон, что заметно ухудшало и без того тяжелый сон капитана.

Интересно, а какую кодовую фразу придумали русские? «Обстрелян форт Кронштадт»? Нет, скорее: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Да уж, если кто-нибудь совершит действительно неверный поступок, наступят веселые времена.

Сматерс вполне мог быть офицером американской разведки. Особенно после этой его последней шуточки. И О'Брайен решил, что лучше ему не отвечать. Сейчас каждому следует проявлять осторожность, а людям на этом корабле — в особенности.

Хотя он знал, что гложет Сматерса — то же самое, в общем смысле, что побуждало Белова играть в шахматы со штурманом, которого там, на Земле, просто не допустили бы к участию в одном турнире с ним.

Из всех членов экипажа О'Брайен обладал наивысшим КИ — коэффициентом интеллектуального развития. Ничего особенного, немногим выше, чем у любого другого. Просто на этом корабле, с его командой из талантливых молодых людей, отобранных из сливок научной элиты двух стран, кто-то должен был иметь КИ выше, чем у остальных. И этим человеком оказался О'Брайен.

Но О'Брайен был американцем. А все, что относилось к подготовке марсианской экспедиции, решалось на самом высоком уровне, с такими дипломатическими тонкостями и закулисными маневрами, которые обычно связаны с демаркацией границ в стратегически важных регионах. Поэтому человек с самым низким КИ на борту тоже должен был быть американцем.

И им был Том Сматерс, помощник главного инженера.

Опять же, ничего страшного, всего на балл или два ниже, чем у следующего перед ним. И сам по себе этот КИ был чертовски высок.

Но перед тем как корабль стартовал из Бенареса, члены экипажа провели вместе достаточно много времени. Они узнали

* Обстрел южанами форта Самтер 12 апреля 1861 г. явился фактическим началом и первым сражением Гражданской войны в США 1861–1865 гг.

друг о друге много всего — как из личных контактов, так и из официальных досье, ибо никто не ведает, какие сведения о товарище по полету смогут предотвратить несчастье в случае невероятных, непредвиденных кризисов.

Поэтому-то Николай Белов, обладавший таким же огромным природным талантом к шахматам, как Сара Бернар* — к сцене, получал особое и постоянное удовольствие, громя человека, которого вряд ли взяли бы играть за студенческую любительскую команду. А в Томе Сматерсе нарастало чувство неполноценности, и раздражение его по любому поводу могло перерасти в настоящую ярость.

О'Брайен чувствовал, что это нелепо.

Нелепо? Не более нелепо, чем шесть кобальтовых бомб. Раз, два, три, четыре, пять, шесть — и бух!

Возможно, подумал он, ответ состоит в том, что люди — нелепые существа.

Прекрасно. Скоро они исчезнут, вымрут, как динозавры.

А тут эти марсиане.

— Мне не терпится взглянуть на снимки Белова,— сказал он Сматерсу, пытаясь перевести разговор в нейтральную, не вызывающую споров плоскость.— Ты только представь себе: по этому пустынному шарику ходили гуманоиды, строили города, влюблялись, занимались наукой — и все это миллион лет назад!

Помощник главного инженера, запустив руки в путаницу проводов, просто хмыкнул, давая тем самым знать, что он не позволит своему воображению попасть в дурную компанию, а таковой он, несомненно, считал все, относящееся к Белову.

— Куда они подевались — я имею в виду марсиан? Если они достигли такого уровня развития, причем много лет назад, то должны были разработать космическую технику и найти себе более приличное жилище. Том, как ты думаешь, они посещали Землю? — настаивал О'Брайен.

— Да-а. И все погребены на Красной площади.

Нет, с таким скверным характером решительно ничего не поделаешь, решил О'Брайен; надо оставить это. Сматерса все еще заедала готовность Белова играть со штурманом на равных.

Как бы то ни было, ему действительно хотелось взглянуть на фотографии. И когда они пошли есть в большой отсек в середине корабля, который служил одновременно спальней, столовой, гостиной и складом, штурман прежде всего поискал взглядом Белова.

Белова не было.

* Сара Бернар (1844–1923) — знаменитая французская актриса.

— Он в изоляторе с доктором,— тяжело и печально сказал Лятинский, сосед по столу.— Плохо себя чувствует. Шнейдер осматривает его.

— Что, головная боль усилилась?

Лятинский кивнул:

— Очень — и быстро. А потом появилась боль в суставах И его лихорадит. Гуранин говорит, что это похоже на менингит

— О-ох!

Они теснятся в столь ограниченном пространстве, что болезнь вроде менингита распространится среди них, как чернила по промокашке. Хотя Гуранин инженер, а не врач. Что он в этом понимает, с чего он взял такой диагноз?

И тут О'Брайен заметил, что в столовой необычно тихо Люди ели, не поднимая глаз от тарелок, а Колевич мрачно подавал и убирал; впрочем, последнее было вызвано тем, что после стряпни ему пришлось еще играть и роль подавальщицы, так как наряженного на кухню доктора Элвина Шнейдера внезапно вызвали для более важного дела.

Но если американцы просто молчали, то у русских был похоронный вид. Лица у всех напряглись и застыли, словно люди ждали расстрела. Все они тяжело дышали — тем медленным пыхтящим дыханием, которое обычно сопровождает размышления над чрезвычайно трудной задачей.

Понятно. Если Белов действительно серьезно болен, если он вышел из строя, американцы получают серьезное преимущество. Силы русских уменьшаются почти на пятнадцать процентов. И в случае серьезной стычки между двумя группами...

Значит, любительский диагноз Гуранина следует определенно рассматривать как попытку поднять дух. Да, поднять дух! Если это менингит, а менингит весьма заразен, другие, вероятно, тоже заболеют, и этими «другими» будут не только русские, но и американцы. Таким образом равновесие будет восстановлено.

О'Брайен вздрогнул. Что за бред...

Но потом он понял: если бы сейчас в изоляторе лежал серьезно заболевший американец, а не русский, он думал бы так же, как Гуранин. Менингит в этом случае мог оказаться той соломинкой, за которую хватается утопающий.

В столовую спустился капитан Гоус. Его глаза казались еще темнее и меньше.

— Друзья, внимание. Когда вы закончите есть, все должны явиться в рубку; до дальнейших распоряжений та будет служить филиалом изолятора.

— Зачем, капитан? — спросил кто-то.— Зачем это надо?

— Профилактическая прививка.

Наступила тишина. Гоус упорно смотрел в сторону. Потом главный инженер кашлянул.

— Как Белов?

Капитан с минуту помолчал, затем, не оборачиваясь, сказал:

— Пока не ясно. И если вы собираетесь спросить меня, что с ним, это тоже пока не ясно.

Молчаливо и задумчиво стояли они в длинной очереди у двери рубки, входя и выходя по одному. Наконец подошла очередь О'Брайена.

Он вошел, засучивая, как ему было велено, правый рукав. В дальнем конце помещения Гоус пристально смотрел в иллюминатор, как будто ожидал прибытия спасательной экспедиции. Стол штурмана был занят ватными тампонами, мензурками со спиртом и пузырьками с мутной жидкостью.

— Док, что это за средство? — спросил О'Брайен после укола, когда ему разрешили опустить рукав.

— Дуоплексин. Новый антибиотик, разработанный австралийцами в прошлом году. Его терапевтическое действие еще не полностью изучено, но из всего, чего достигла медицина, эта штука ближе всего к панацее. Не хотелось бы прибегать к такому непроверенному средству, однако перед стартом из Бенареса мне приказали накачать вас им в случае появления любых необычных симптомов.

— Гуранин говорит, что это менингит,— заметил О'Брайен.

— Это не менингит.

О'Брайен подождал с минуту, но доктор занялся подготовкой нового шприца для подкожных инъекций и, очевидно, не был склонен к продолжению разговора. Тогда О'Брайен обратился к спине Гоуса:

— А что с теми снимками, которые сделал Белов? Пленку уже проявили? Взглянуть бы.

Капитан отвернулся от иллюминатора и прошелся по рубке, сцепив руки за спиной.

— Все снаряжение Белова,— произнес он тихо,— находится в изоляторе, в карантине, вместе с Беловым. Так распорядился доктор.

— А-а... Скверно.— О'Брайен понимал, что ему следует уйти, но любопытство заставило его продолжать говорить. Этих двоих что-то беспокоило, что-то гораздо большее, чем страх, одолевавший русских.— Он сказал мне по радио, что марсиане определенно были гуманоидами. Изумительно, не правда ли? Выходит, эволюция шла параллельным путем.

Шнейдер осторожно положил шприц.

— Параллельная эволюция...— пробурчал врач.— Параллельная эволюция и параллельная патология. Хотя и не совсем похоже на действие земного возбудителя... Параллельная восприимчивость тем не менее. Вот это можно сказать определенно.

— То есть вы думаете, что Белов подцепил марсианскую болезнь? — О'Брайен на секунду задумался.— Но город чудовищно стар! Никакой микроб не мог сохраниться так долго!

Низенький доктор решительно хлопнул себя по брюшку.

— У нас нет никаких оснований так считать. Некоторые земные микроорганизмы способны сохраняться очень долго. В виде спор — и многими другими способами.

— Но если Белов...

— Хватит,— прервал его Гоус.— Доктор, не надо рассуждать вслух. А вы, О'Брайен, помалкивайте об этом, пока мы не решим сообщить всем. Следующий! — пригласил он.

Вошел Том Сматерс.

— Эй, док! Не знаю, важно ли это, но у меня началась такая ужасная головная боль, какой в жизни не было.

Трое остальных уставились друг на друга. Затем Шнейдер выхватил из нагрудного кармана термометр и сунул его в рот Сматерсу, невнятно выругавшись. О'Брайен сделал глубокий вдох и вышел.

Вечером экипаж попросили собраться в столовой-спальне. Шнейдер, выглядящий очень устало, сел на стол, вытер руки о свой джемпер и сказал:

— Такие вот дела, друзья. Николай Белов и Том Сматерс заболели, Белов — серьезно. Болезнь, похоже, начинается с умеренной головной боли, которая быстро усиливается, затем подскакивает температура; все это сопровождается сильными болями в спине и суставах. Такова первая стадия болезни. У Сматерса сейчас как раз первая стадия. Белов...

Никто ничего не сказал. Люди сидели в расслабленных позах, глядя на доктора. Гуранин и Лятинский подняли головы от шахматной доски с таким видом, словно было сделано какое-то маловажное замечание и они вынуждены оторваться от своей королевской игры просто из вежливости. Но когда Гуранин, сдвинув локоть, случайно столкнул короля, никто из них не кинулся поднимать фигуру.

— Белов...— продолжал Шнейдер, чуть помолчав.— Болезнь Белова вступила во вторую стадию. Она характеризуется непонятными скачками температуры, бредом и значительной потерей координации — что, безусловно, указывает на поражение нервной системы. Потеря координации является настолько острой,

что затрагивает даже перистальтику, делая необходимым внутривенное питание. Поэтому сегодня я покажу вам, как делать внутривенные вливания, чтобы каждый из вас мог ухаживать за больными. Так, на всякий случай.

Через комнату О'Брайен увидел, как губы Гопкинса, корабельного связиста, округлились в молчаливом «Ой!».

— Теперь о том, что это за болезнь. Признаться честно, понятия не имею. Но я стопроцентно уверен, что это не земная болезнь, хотя бы лишь потому, что у нее один из самых коротких инкубационных периодов, о которых я когда-либо слышал, и она прогрессирует фантастически быстро. Полагаю, Белов подцепил ее в этом марсианском городе и занес на корабль. Я не имею ни малейшего представления, насколько она опасна, хотя в подобных случаях разумно ожидать самого худшего. В настоящее время я надеюсь только на то, что у обоих заболевших симптомы проявились до того, как я смог накачать их дуоплексином. Все остальные на корабле — включая меня — получили профилактический укол. Больше сказать мне нечего. Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Хорошо,— кивнул доктор Шнейдер.— Хотелось бы еще раз предупредить вас, хотя в данной ситуации это кажется мне лишним, что любой человек, который почувствует какую-либо головную боль — любую головную боль,— должен немедленно обратиться ко мне для госпитализации в изоляторе. А теперь попрошу всех подойти поближе, и я продемонстрирую на капитане Гоусе, как делать внутривенные вливания. Капитан, прошу.

Когда демонстрация была закончена и члены экспедиции подтвердили, к удовлетворению врача, свое умение друг на друге, он собрал все принадлежности, которые едко воняли антисептиком, и сказал:

— Прекрасно, об этом мы позаботились. Подстраховались на всякий случай. Желаю приятного сна.

Потом Шнейдер пошел к выходу. На пороге, остановившись, обернулся и внимательно поглядел на каждого.

— О'Брайен,— сказал он наконец.— Составьте мне компанию.

«Ну что ж,— думал штурман, направляясь за врачом,— по крайней мере, счет сравнялся. Один русский и один американец. Если б только дело на этом и кончилось!»

Шнейдер заглянул в изолятор и кивнул сам себе:

— Болезнь Сматерса достигла второй стадии. Возбудитель действует дьявольски быстро. Возможно, нашел в нас отличных реципиентов.

— И все-таки что это может быть? — спросил О'Брайен, к своему удивлению обнаруживая, что он с трудом поспевает за низеньким доктором.

— Понятия не имею. Днем я просидел за микроскопом два часа — впустую. Я приготовил кучу предметных стекол, кровь, спинномозговую жидкость, слюну; целая полка заставлена бюксами с образцами — они ждут земных врачей, если, конечно, нам... А, ладно. Видите ли, это может быть фильтрующийся вирус, или бактерия, требующая специального окрашивания, чтобы сделаться видимой, или вообще что угодно. Самое большее, на что я надеялся,— это обнаружить возбудитель; у нас все равно не будет времени на получение лекарства.

Он вошел в рубку, далеко опережая высокого штурмана, остановился у стены и, как только тот вошел, запер дверь. О'Брайен нашел его действия загадочными.

— Док, я не понимаю, почему вы смотрите на все так пессимистично. У нас, в конце концов, есть белые мыши, которых мы собирались использовать для опытов, если бы оказалось, что на Марсе есть атмосфера. Нельзя ли использовать их в качестве экспериментальных животных для получения вакцины?

Доктор усмехнулся, не разжимая губ.

— Ага, за двадцать четыре часа. Как в кино. Нет, даже если бы я и собирался спешно заняться этим — а я, будьте уверены, не бездельничаю,— сейчас об этом не может быть и речи.

— Что значит — сейчас?

Шнейдер осторожно сел и положил чемоданчик с медицинскими принадлежностями на стол рядом. Потом усмехнулся:

— Прес, нет ли аспиринчику?

Рука О'Брайена автоматически нырнула в карман джемпера.

— Нет, но я думаю, что...

И тут до него дошло. Как будто к животу приложили мокрое полотенце.

— Когда это началось? — спросил он тихо.

— Должно быть, в самом конце лекции, но я был слишком занят и не обратил внимания. Я почувствовал головную боль, когда выходил из столовой. А сейчас голова просто раскалывается. Нет, не подходите! — крикнул Шнейдер, когда штурман сочувственно дернулся вперед.— Скорее всего, это не поможет, но все-таки держитесь подальше.

— Позвать капитана?

— Через несколько минут я сам себя госпитализирую и тогда уже позову капитана. А пока я просто хотел передать вам свои полномочия.

— Ваши полномочия? Так это вы... вы...

Доктор Элвин Шнейдер кивнул. Он продолжал — по-английски:

— Да, я — сотрудник военной разведки. Вернее, следует сказать — был им. А теперь это ты. Слушай, Прес, у меня мало

времени. Допустим, что мы все не умрем за неделю, и допустим, что будет решено вернуться на Землю — тем самым рискуя заразить всю планету (как врач, возвращаться не советовал бы). Ты должен сохранять свой статус в тайне. Если возникнет необходимость разделаться с русскими, подашь сигнал кодовой фразой, которую вы все знаете.

— Обстрелян форт Самтер,— произнес О'Брайен тихо. Он все еще переваривал тот факт, что Шнейдер был сотрудником разведки. Да, разумеется, агентом мог оказаться любой из семерых американцев. Но чтобы Шнейдер!..

— Правильно. Если вы сумеете захватить управление кораблем, постарайтесь произвести посадку в Уайт-Сэндс, в Калифорнии, где мы начинали подготовку. Объяснишь властям, при каких условиях принял мои полномочия. Вот, пожалуй, и все. Ах да!.. Если заболеешь и ты, сам решай, кому передать скипетр. И последнее: я, конечно, могу ошибаться, однако считаю, что у русских такие же функции возложены на Федора Гуранина.

— Принято.— И тут внезапно до О'Брайена дошло все.— Но, док, ты сказал, что сделал себе укол дуоплексина. Это означает...

Шнейдер встал и потер лоб кулаком.

— Боюсь, именно означает. Вся эта церемония более чем бессмысленна. Тем не менее на мне лежала ответственность, которую я должен был передать. И я ее передал. Прости, сейчас мне лучше лечь. Желаю удачи.

По дороге к каюте капитана О'Брайен понял, что ощущали русские днем. Теперь их было пять американцев против шести русских. Это могло плохо кончиться. А ответственность лежала на нем.

Но когда его рука опустилась на ручку двери, он вздрогнул. Какая, к чертям, разница! Как только что выразился Шнейдер: «Допустим, что мы все не умрем за неделю...»

Дело было в том, что политическая ситуация на Земле, со всеми ее последствиями для двух миллиардов людей, больше не имела для членов марсианской экспедиции никакого значения. Риск занести болезнь на Землю слишком велик, а если они не вернутся туда, то практически нет и шансов найти лекарство. Люди прикованы к чужой планете, обречены ждать, пока болезнь, поразившая свою последнюю жертву тысячу тысяч лет назад, не свалит их одного за другим.

И все-таки... Неприятно быть в меньшинстве.

Быть в меньшинстве долго не пришлось. За ночь еще двое русских слегли с тем, что они теперь называли болезнью Белова. Оставалось пятеро американцев против четверки русских. Впро-

чем, к этому времени члены экспедиции перестали считать головы по национальному признаку.

Гоус решил, что нужно превратить отсек, служивший столовой и спальней, в изолятор и что все здоровые должны разместиться в машинном отделении. Он также распорядился, чтобы Гуранин смонтировал перед входом в машинное отделение дезинфекционную камеру.

— Все члены экипажа, ухаживающие за больными в изоляторе, должны носить скафандры,— приказал капитан.— Перед входом в машинное отделение необходимо подвергать скафандры облучению максимальной интенсивности. Этого вряд ли достаточно, и я думаю, что такой вирулентный возбудитель не удастся остановить подобными мерами, но по крайней мере мы должны сделать все возможное.

— Капитан,— спросил О'Брайен.— Почему бы нам не попытаться тем или иным способом установить контакт с Землей? Хотя бы сообщить, что с нами случилось,— для сведения будущих экспедиций. Я знаю: мощности передатчика не хватит, но ведь можно соорудить ракету: в нее поместим сообщение, а потом ее подберут.

— Я уже думал об этом. Начнем с того, что подобный проект чрезвычайно сложен. И все же, допустим, нам удалось сделать это... Как гарантировать, что вместе с сообщением мы не пошлем заразу? А принимая во внимание нынешнюю ситуацию на Земле, я не думаю, что нам следует особенно волноваться по поводу следующей экспедиции, если мы не вернемся назад. Вы так же хорошо, как и я, знаете, что через восемь, самое большее через девять, месяцев...— Капитан замолчал.— Кажется, у меня слегка болит голова,— произнес он тихо.

При этих словах даже те, кто отработали тяжелую вахту в изоляторе и сейчас лежали, вскочили на ноги.

— Вы уверены? — спросил Гуранин с ноткой безнадежности в голосе.— Может, просто...

— Я уверен. Ну, рано или поздно это должно было случиться. Полагаю, все вы знаете свои обязанности в данной ситуации. Итак. В случае необходимости, в случае любого вопроса, который потребует командирского решения, капитаном будет тот из вас, чья фамилия стоит последней по алфавиту. Постарайтесь жить в мире — по крайней мере то время, которое вам осталось. Прощайте.

Гоус повернулся, вышел из машинного отделения и направился в изолятор — тонкокостный темнокожий человек, плечи которого сгибала усталость.

Вечером, к ужину, в изоляторе не было только двух человек: Престона О'Брайена и Семена Колевича. Они тупо и апатично

продолжали делать внутривенные вливания, обтирали больных и содержали их в чистоте.

Когда слягут последние, ухаживать за больными будет некому.

И тем не менее они старательно делали свое дело, не забывая тщательно облучать скафандры перед возвращением в машинное отделение. Когда у Белова и Сматерса наступила третья стадия — полная кома,— штурман внес соответствующие записи в медицинский журнал доктора Шнейдера, под столбиком записей температуры, напоминавших котировки фондовой биржи на Уолл-стрит в очень неопределенный биржевой день.

Поужинали вместе, в молчании. Они никогда не нравились друг другу; сейчас неприязнь, казалось, лишь стала сильнее. После ужина О'Брайен через иллюминатор машинного отделения наблюдал, как в черном небе восходили марсианские луны: Деймос и Фобос. Позади него Колевич читал Пушкина, пока не заснул.

На следующее утро О'Брайен обнаружил Колевича на койке в изоляторе. Помощник штурмана уже бредил.

— И вот он остался один...— произнес Престон О'Брайен.— До чего мы так дойдем, ребята, до чего мы дойдем?

Выполняя обычные дела, он начал разговаривать сам с собой. Какого черта, все равно это лучше, чем ничего. По крайней мере позволяло ему забыть, что он был единственным разумным существом на просторах красной, овеваемой песчаными бурями планеты. Позволяло ему забыть, что вскоре он умрет. Позволяло ему, хотя бы и таким безумным способом, сохранять рассудок.

Потому что дела обстояли именно так. Именно. Корабль был рассчитан на экипаж из пятнадцати человек. В чрезвычайной ситуации им могли управлять пятеро. Возможно, двое или трое, разрываясь на части и будучи невероятно изобретательными, смогли бы довести его до Земли и чудом совершить аварийную посадку. Но один человек...

Даже если ему повезет и болезнь Белова пройдет стороной, он привязан к Марсу навсегда. Ему суждено остаться на Марсе до тех пор, пока не кончатся пища и воздух, и космический корабль будет его ржавеющим гробом. А если у него возникнет головная боль... Что ж, неизбежный конец наступит гораздо раньше.

Так обстояли дела. И он был не в силах что-либо изменить.

Штурман бродил по кораблю, внезапно ставшему огромным и пустым. О'Брайен вырос на ранчо в Северной Монтане, и ему никогда не нравилось находиться в толпе. Стесненность,

вызванная условиями космического полета, раздражала его, как пешехода раздражает попавший в ботинок камешек, но сейчас он обнаружил, что безграничное, предельное одиночество подавляет. И когда он задремал, ему приснились переполненные трибуны на бейсбольном матче и потная толпа в нью-йоркской подземке в час пик. А когда он проснулся, снова навалилось одиночество.

Просто чтобы не дать себе свихнуться, О'Брайен придумывал якобы неотложные маленькие задания. Так, он написал краткую историю их экспедиции для вымышленного популярного журнала; на компьютерах в рубке просчитал с дюжину обратных курсов; порылся в личных вещах русских, чтобы узнать — так, любопытства ради, поскольку это больше совершенно ничего не значило,— кто из них был сотрудником советской разведки.

Выяснилось, что Белов. Это О'Брайена удивило. Белов очень ему нравился. Хотя, припомнил он, Шнейдер тоже очень нравился ему. В конце концов, те, кто планировал все это наверху, не были дураками.

Он нашел, к своему большому удивлению, что ему жалко Колевича. Черт возьми, следовало предпринять более решительные попытки сблизиться с этим человеком!

Они с самого начала питали друг к другу сильную антипатию. Со стороны Колевича неприязнь наверняка вызывала профессиональная ревность, ведь главным штурманом назначили О'Брайена. О'Брайен же считал своего помощника человеком, абсолютно лишенным чувства юмора, да еще и грубияном, которому, однако, удавалось сдерживать свою грубость, не давая ей перейти в откровенное неподчинение.

Однажды, когда Гоус выговаривал ему за неприкрытое отрицательное отношение к коллеге, О'Брайен воскликнул:

— Да, вы правы, и я должен был бы испытывать чувство вины. Но к любому из остальных русских я отношусь иначе. Я прекрасно лажу со всеми остальными. И только Колевича мне хочется прихлопнуть.

Капитан вздохнул:

— Ну как вы не понимаете, к чему сводится эта неприязнь? Вы считаете, что русские члены экипажа — славные парни, с которыми легко поладить, однако в глубине души уверены, что русские — это звери и их следует уничтожить до последнего человека. Поэтому все страхи, вся ненависть и все стремление уничтожить, которые, по вашему мнению, вы должны испытывать по отношению к ним, сосредоточились в одном направлении. Вы сделали из одного человека психологического козла

отпущения для всей нации и изливаете на Семена Колевича всю ту ненависть, которую хотели бы направить против остальных русских, но не можете, поскольку, будучи человеком умным и рассудительным, вы нашли их слишком приятными.

— На этом корабле каждый кого-нибудь ненавидит. И все считают, что на то у них есть основания. Гопкинс ненавидит Лятинского — тот заявляет, будто Гопкинс постоянно крутится возле радиорубки. Гуранин ненавидит доктора Шнейдера — почему, не могу понять.

— Не согласен. Колевич лезет из кожи вон, чтобы досадить мне. Я это точно знаю. А возьмите Сматерса. Он ненавидит всех русских. Всех до единого.

— Сматерс — особый случай. Боюсь, ему недостает эмоциональной уверенности, а его особое положение в этой экспедиции — на нижнем полюсе КИ — тем более не идет ему на пользу. Вы могли бы помочь Сматерсу, если бы подружились с ним ближе.

— Ах,— О'Брайен даже вздрогнул от неловкости положения.— Я не психолог-общественник. Я неплохо с ним лажу, но могу переносить Тома Сматерса только в очень маленьких дозах.

И еще об одном он сожалел. Он никогда не хвастался ни своей абсолютной незаменимостью как штурмана, ни тем, что он самый умный на борту; более того, он даже был уверен, что почти не думал об этом. Но сейчас, на сверкающем фоне своей предстоящей кончины, О'Брайен понял, что почти ежедневно он, в глубине своего сознания, самодовольно лелеял этот факт.

Нет, определенно это болезнь. Как болезнь Гопкинса-Лятинского, Гуранина-Шнейдера, Сматерса — любого другого. Та болезнь, которой сейчас больна вся Земля, когда два из крупнейших народов планеты — а им вполне хватает своей земли и вовсе нет потребности жаждать чужих земель — собираются, упираясь и скорбя, вступить в войну друг с другом, в войну, которая уничтожит их обоих, а также и все остальные народы, в войну, которой так легко можно было бы избежать и которая, однако, совершенно неизбежна.

«Может быть,— подумал О'Брайен,— мы ничем не заразились на Марсе; может быть, это мы занесли болезнь — назовем ее Болезнью Человечества — на прекрасную, чистенькую, песчаную планету, и она убивает нас, поскольку здесь ей больше нечем питаться».

О'Брайен одернул себя. Так недалеко и до безумия.

«Лучше я буду снова разговаривать сам с собой. Как поживаешь, парень? Чувствуешь себя нормально? Голова не болит? Ничего не болит, нигде не колет, никакой усталости? Тогда, парень, ты, должно быть, уже умер».

Днем, проходя по изолятору, он заметил, что болезнь вступила в четвертую стадию. Рядом со Сматерсом и Гоусом, которые все еще находились в коме, Белов словно бы пришел в сознание. Он беспокойно крутил головой из стороны в сторону, а глаза его смотрели страшным, просто пугающим взглядом.

— Николай, как ты себя чувствуешь? — на всякий случай спросил О'Брайен.

Вместо ответа голова геолога медленно повернулась и Белов уставился прямо на него. О'Брайена прошибла дрожь. От такого взгляда стынет кровь в жилах, решил он, вернувшись в машинное отделение и сняв скафандр.

Возможно, это и есть последняя стадия. Возможно, болезнь Белова не смертельна. Шнейдер говорил, что она поражает нервную систему; быть может, все кончится только сумасшествием.

— Хорошенькое дело,— пробормотал О'Брайен.— Хорошенькое, хорошенькое дело.

После обеда он подошел к иллюминатору машинного отделения. Глаза его остановились на пирамидальном знаке, который они установили в первый день,— это был единственный предмет, привлекающий взгляд на фоне крутящихся вихрей, срывающихся с песчаных холмов. «Первая земная экспедиция на Марс. Во имя жизни человечества».

Зря Гоус поспешил установить этот знак. Надпись следовало бы переделать. «Последняя земная экспедиция на Марс. В память о существовании человеческой жизни — здесь и на Земле». Это было бы более подходящим.

О'Брайен знал, что произойдет, если экспедиция не вернется и от нее не поступит никаких сообщений. Русские будут уверены, что американцы захватили корабль и используют информацию, полученную во время экспедиции, для совершенствования своего ракетного оружия. Точно так же американцы будут уверены, что русские...

Экспедиция послужит поводом.

— Гоусу не мешало бы подумать об этом,— кривя лицо, сказал О'Брайен сам себе.

И тут у него за спиной раздался звон посуды.

Штурман обернулся.

Чашка и тарелка, оставленные им на столе, плавали в воздухе!

О'Брайен закрыл глаза, затем медленно открыл их. Да, несомненно, посуда плыла в воздухе! Казалось, чашка и тарелка медленно и лениво танцевали друг вокруг друга. Время от времени они мягко соприкасались, как бы целуясь, затем разлетались. Затем вдруг резко опустились на стол и, чуть подскочив пару раз, подобно воздушным шарикам, застыли.

Он что, ничего не заметив, заболел болезнью Белова? Можно ли перейти прямо в последнюю стадию — галлюцинации — без головной боли и жара?

Из изолятора донеслись какие-то странные звуки, и О'Брайен выскочил из машинного отделения, даже не натянув скафандра.

В воздухе, подобно чашке с блюдцем, танцевали несколько одеял: кружили, как бы подхваченные сильным порывом ветра. Пока штурман наблюдал за ними, чуть не падая от изумления, к ним присоединились и другие предметы — термометр, футляр и пара подштанников.

Члены экипажа, однако, молча лежали в своих койках. Сматерс, очевидно, достиг четвертой стадии. Те же беспокойные движения головой, тот же ужасный взгляд, когда его глаза останавливались на О'Брайене...

Но, повернувшись к койке Белова, штурман увидел, что она пуста! Неужели бедняга в бреду вскочил? Или ему стало лучше? Куда он пошел?

О'Брайен начал методично обходить корабль, окликая русского по имени. Отсек за отсеком, помещение за помещением... Наконец он дошел до рубки. В ней тоже было пусто. Тогда где же Белов?

Рассеянно слоняясь по маленькому помещению, О'Брайен случайно взглянул в иллюминатор. И там, снаружи, увидел Белова. Без скафандра!

Это было невозможно — ни один человек не мог без скафандра выжить и минуты на голой поверхности почти лишенного воздуха Марса,— и тем не менее там разгуливал Николай Белов, ступающий так беззаботно, словно песок под его ногами был тротуаром Невского проспекта! Затем контур его фигуры чуть блеснул, как будто он частично стал стеклянным — и исчез.

— Белов! — Голос О'Брайена сорвался в визг.— Ради бога! Белов! Белов!

— Он отправился осматривать марсианский город,— произнес голос у него за спиной.— Скоро вернется.

Штурман резко повернулся. В рубке никого не было. Он, должно быть, окончательно спятил.

— Нет,— произнес тот же голос. И сквозь прочный пол в рубку медленно вплыл Том Сматерс.

— Что с вами случилось, парни? — разинул рот О'Брайен.— Что это?

— Пятая стадия болезни. Последняя стадия. Пока ее достигли только мы с Беловым.

О'Брайен ощупью нашел кресло и буквально упал с него. Он несколько раз попытался открыть рот, но не мог заставить себя говорить.

— Ты думаешь, что болезнь Белова сделала из нас кудесников,— сказал Сматерс.— Нет. Во-первых, это вовсе не болезнь.

В первый раз Сматерс взглянул прямо на него, и О'Брайен вынужден был отвести глаза. Это был не тот пугающий взгляд, который штурман видел в изоляторе. Это было... как будто Сматерс перестал быть Сматерсом, а превратился в какое-то другое существо.

— Да, она вызывается бактерией, но не паразитической Эта бактерия — симбионт.

— Симби...

— Подобно нашей кишечной флоре, она выполняет полезные функции. В высшей степени полезные.

У О'Брайена создалось впечатление, что Сматерс с трудом находит подходящие слова, что он очень тщательно подбирает их, словно... словно... Словно говорит с маленьким ребенком!

— Правильно,— кивнул Сматерс.— Хотя я думаю, что смогу тебе объяснить. Бациллы болезни Белова обитали в нервной системе древних марсиан, подобно тому как наши желудочные бактерии живут в пищеварительной системе человека. И та и другая — симбионты, и та и другая позволяют системе, в которой они живут, функционировать гораздо более эффективно. Бацилла Белова трансформирует нашу нервную систему, умножая умственные способности почти в тысячу раз.

— Ты имеешь в виду, что стал в тысячу раз умнее, чем раньше?

Сматерс нахмурился:

— Все не так просто. Да, грубо говоря, в тысячу раз умнее, если так тебе легче представить. Фактически происходит тысячекратное увеличение умственных сил. А интеллект — просто одна из этих сил. Существует много других сил, например телепатия и телекинез, которые раньше существовали в таком зачаточном состоянии, что почти не проявлялись. Я, к примеру, могу поддерживать постоянную связь с Беловым, где бы он ни находился. Белов практически полностью способен управлять окружающей его физической средой и ее воздействием на организм. Те движущиеся предметы, которые так напугали тебя, были результатом первых неуклюжих опытов с нашими новыми возможностями. Нам предстоит еще многое познать и научиться использовать.

— Но... Но...— О'Брайен порылся в своем возбужденном мозгу и наконец нашел связную мысль: — Но вы были так больны!

— Симбиоз устанавливается достаточно тяжело,— заметил Сматерс.— Да и мы не идентичны марсианам физиологически. Однако теперь все это позади. Мы вернемся на Землю, распространим болезнь Белова — если хочешь, можешь продолжать называть это так — и приступим к исследованию пространства и времени. Впоследствии мы собираемся вступить в контакт с марсианами в том... в том месте, куда они переселились.

— И у нас начнутся такие страшные войны, которые нам и не снились!

Существо, которое некогда было Томом Сматерсом, помощником главного инженера, покачало головой:

— Войн больше не будет. Среди умственных сил, усилившихся в тысячу раз, имеется одна, относящаяся к тому, что ты мог бы назвать моральными принципами. Все мы на борту этого корабля в состоянии остановить любую угрозу войны — и сделаем это. А когда бацилла Белова распространится среди населения Земли, опасность окажется в прошлом. Нет, войн больше не будет.

Наступило молчание. О'Брайен пытался собраться с мыслями.

— Прекрасно,— сказал он.— Мы действительно нашли на Марсе нечто стоящее, верно? И если мы собираемся стартовать в обратный путь, на Землю, я, пожалуй, займусь расчетом курса для текущего положения планет.

И опять это непонятное выражение в глазах Сматерса, еще более сильное, чем раньше.

— О'Брайен, это излишне. Мы не будем возвращаться тем же способом, каким мы прилетели сюда. Наш способ будет... скажем, быстрее.

— Отлично,— сказал О'Брайен потрясенно и поднялся.— Пока вы будете прорабатывать детали, я заберусь в скафандр и поспешу в марсианский город. Мне надо подхватить приличную дозу бактерий болезни Белова.

Существо, которое было Томом Сматерсом, хмыкнуло.

О'Брайен остановился. Внезапно штурман понял значение этого пугающего взгляда, который он наблюдал сначала у Белова, а теперь у Сматерса.

Это было выражение огромной жалости.

— Увы,— проговорил Сматерс с бесконечной нежностью.— Ты не можешь заболеть болезнью Белова. У тебя природный иммунитет.

Она гуляет только по ночам

В наших краях люди думают, что док Джадд носит в своем черном саквояже колдовские книги — такой он мастер.

Я прислуживаю у Джадда с той поры, как потерял ногу на лесопилке. Зачастую, когда у дока выдается тяжелый денек, а его вызывают ночью к больному, он слишком устает, чтобы вести машину, и поднимает с постели меня, и я становлюсь еще и шофером. Той блестящей пластмассовой ногой, которую док мне достал со скидкой, я могу жать на газ не хуже прочих.

Мы подлетаем к дому, и, пока док внутри принимает роды или прочищает глотку старой бабушке, я сижу в машине и слушаю, как местные наперебой расхваливают старину дока. В округе Гроппа вам про дока чего только не нарасскажут! А я слушаю и киваю, слушаю и киваю.

И все раздумываю, что бы они сказали, узнав, что сделал док, когда его единственный сын влюбился в вампира...

Когда Стив первый раз вернулся домой на каникулы, лето было невероятно жаркое — земля до волдырей обжигала. Стив вызвался водить машину и вообще помогать по хозяйству, но док сказал, что после первого, самого трудного года в медицинской школе всякий заслуживает каникул.

— Лето у нас — мертвый сезон,— объяснял он мальчишке.— Один ядовитый плющ, пока в августе не наступит сезон полиомиелита. Кроме того, не собираешься же ты оставить старого Тома без работы, верно? Так что, Стиви, помотайся лучше по окрестностям в своем тарантасе, поразвлекайся.

Стив кивнул и последовал совету. Всерьез последовал. Где-то через неделю он начал возвращаться домой в шестом часу утра. Спал он до трех, потом пару часов бездельничал и в полдевятого, как часы, укатывал на своей старой тарахтелке. «Кабаки,— думали мы,— или девочки...»

Доку это не нравилось, но мальчишку он воспитывал без строгостей и не хотел задавать лишние вопросы до времени. А вот я, старый поганец Том,— дело другое. Я воспитывал парня с тех пор, как умерла его мать, и драл каждый раз, когда заставал при налете на ледник.

Так что я начал подкидывать намеки и даже вопросы задавать, но не слишком настойчиво. С тем же успехом я мог разговаривать с каменной стеной. Не то чтобы Стив мне грубил. Просто он так глубоко втюхался, что на меня уже не обращал внимания.

А потом начались другие неприятности, и мы с доком про Стива позабыли.

Ребятишек в округе Гроппа начала косить какая-то странная эпидемия — два не то три десятка малышей.

— Ничего не понимаю, Том,— жаловался мне док, пока мы тряслись неезжеными проселками.— Похоже на злокачественную лихорадку, но температура не поднимается. А ребятишки слабеют, и падает число эритроцитов в крови, а я ничем его не могу поднять. Одно хорошо — для жизни эта зараза не опасна... пока.

Каждый раз, как он говорил о болезни, у меня начинало колоть культю — там, где к ней крепилась пластмассовая нога. Так было противно, что я пытался сменить тему, но с доком этот номер не проходит. Он привык обдумывать любую проблему, обсуждая ее со мной, а эта эпидемия его очень беспокоила.

Он написал в несколько крупных клиник, прося совета, но ничего существенного ему не сказали. И все это время родители малышей, стоя у кроваток, ждали, что док вытащит из черного саквояжика завернутое в целлофан чудо, потому что, как говорят в округе Гроппа, с человеком не может случиться ничего такого, чему док Джадд не сумел бы помочь. А дети все слабели.

От ночных бдений над новейшими книгами и журналами, которые он выписывал из города, у дока появились под глазами большие синие мешки. Сколько я мог судить, он не нашел ничего, хотя ложился порой не раньше Стива.

А потом он притащил домой платочек. При первом же взгляде мне так культю прострелило, что я едва не вышел. Маленький, хорошенький платочек, одни вышивки и кружева.

— Что скажешь, Том? Я это нашел на полу спальни детишек Стопсов. Ни Бетти, ни Вилли понятия не имеют, откуда он взялся. Мне было показалось, что я смогу установить источник инфекции, но эти ребятишки врать не станут. Раз сказали, что не видели его раньше, значит, так и есть.— Он швырнул платочек на кухонный стол, где я прибирался, и вздохнул: —

Анемия у Бетти все серьезнее... Если бы я знал... если бы... а, ладно.— Он побрел к себе в кабинет, согнувшись, точно тащил мешок с цементом.

Я все еще пялился на платочек и грыз ногти, когда на кухню влетел Стив. Он налил себе чашку кофе, поставил ее на стол и увидел платок.

— Эй! — воскликнул он.— Да он Татьянин! Откуда он тут?

Я сглотнул остаток ногтя и очень осторожно присел напротив него.

— Стив,— начал я и прервался оттого, что пришлось растирать ноющую культю.— Стив, ты знаешь хозяйку этого платка? Ее зовут Татьяна?

— Конечно. Татьяна Латиану. Видишь, тут ее инициалы вышиты в уголке — Т. Л. Она из древнего — почти пятьсот лет — румынского дворянского рода. Я на ней женюсь.

— Та девушка, с которой ты встречался каждую ночь весь месяц?

Он кивнул:

— Она гуляет только ночью. Ненавидит солнечный свет. Знаешь, поэтическая натура. И, Том, она так прекрасна...

Я целый час сидел и слушал его излияния. И чем дальше, тем хуже мне становилось. Я ведь и сам румын, со стороны матери. И я понял, почему у меня так кололо культю.

Жила она в городке Браскет, милях в двенадцати от нас. Стив наткнулся на нее поздно вечером, на дороге, когда у нее сломалась машина. Он подвез ее до дома — она только что сняла старое поместье Медов — и втюрился, втюхался и влюбился в нее по уши и самое темя.

Довольно часто, когда Стив являлся на свидание, Татьяны не оказывалось дома — она выезжала подышать ночным воздухом,— и ему приходилось до ее возвращения играть в криббедж со служанкой, старой клювоносой румынской каргой. Пару раз он попытался было последовать за ней в своей таратайке, но ни к чему хорошему это не привело. Татьяна заявила, что, если она хочет быть одна, это значит одна. Так и вышло, что он ждал ее ночи напролет. Но когда Татьяна возвращалась, это, по словам Стивена, искупало ожидание. Они слушали музыку, болтали, танцевали, ели странные румынские блюда, которые готовила служанка. До зари. Потом Стивен возвращался домой.

— Том, ты помнишь то стихотворение, «Сова и котенок»? — Стивен положил руку мне на плечо.— Меня всегда завораживала последняя строчка: «Танцевали они при луне, при луне, танцевали они при луне». Вот так мы и будем жить с Татьяной. Если она согласится. Я ее все еще уговариваю.

Я облегченно вздохнул и ляпнул:

— Первая хорошая новость. Жениться на такой девушке...

Я глянул Стиву в глаза и тут же заткнулся. Но было уже поздно.

— Какого черта ты несешь, Том,— «такой девушке»? Ты ее даже не видел.

Я попытался выкрутиться, но Стив не позволил. Я наступил ему на больную мозоль. Так что я решил, что лучше будет сказать ему правду.

— Стиви, послушай. Только не смейся. Твоя подружка — упырь.

Челюсть его медленно отвисла.

— Том, ты сошел с...

— Еще нет.— И я рассказал ему о вампирах.

То, что рассказывала мне мать, переехавшая из Старого Света, из Трансильвании, когда ей исполнилось двадцать. То, что они живут и пользуются своей странной властью, пока хоть иногда питаются человеческой кровью. То, что проклятие вампира наследует обычно один ребенок в роду. И что выходят они только ночью, потому что солнечный свет — одна из тех немногих вещей, которые способны уничтожить их.

Стив начал бледнеть. А я продолжал. Я рассказал о странной эпидемии, поразившей детишек в округе Гроппа,— эпидемии малокровия. Я рассказал, что его отец нашел этот платок в доме Стопсов, у постелей больных малышей. Я рассказал... уже самому себе, потому что Стив вылетел из кухни как ошпаренный. Через пару секунд он умчался на своей таратайке.

Вернулся он в половине двенадцатого и казался ровесником своего отца. Я оказался прав — до последней мелочи. Когда он разбудил Татьяну и спросил ее прямо, она сломалась и залилась слезами. Да, она была вампиром, но тяга к крови пробудилась в ней лишь пару месяцев назад. Она боролась с этим влечением, пока не почувствовала, что сходит с ума от голода. Она питалась только детьми, потому что боялась взрослых — те могли проснуться и схватить ее. И она обрабатывала многих детишек, чтобы ни один не терял слишком много крови. Но голод становился все сильнее...

И все же Стив умолял ее выйти за него замуж! «Должен быть способ вылечить тебя,— говорил он.— Это болезнь не страшнее любой другой». Но она — благослови ее бог, подумал я тогда,— отказала. Она вытолкала его из дверей и закрылась в доме.

— Где отец? — спросил Стив.— Может, он знает.

Я ответил, что док уехал почти одновременно с ним и еще не вернулся. Так что мы сидели и думали. И думали.

Когда забренчал телефон, мы оба едва не взмыли под потолок. Трубку поднял Стив; долго орал что-то неразборчивое, потом влетел в кухню, схватил меня за рукав и потащил в свой драндулет.

— Звонила Татьянина служанка, Магда,— сообщил он, нажимая на газ.— Сказала, что с Татьяной после моего ухода случилась истерика. А пару минут назад она уехала. Куда — не сказала. Магда думает, что Татьяна решила покончить с собой.

— Покончить с собой? Да она же вампир, как...— И тут я понял как.

Я глянул на часы.

— Стиви,— прошептал я,— лети в Криспин. И гони изо всех сил!

Он выжал из своего тарантаса все, что мог. Мотор, казалось, собирался оторваться от рамы. Помню, повороты мы срезали, едва касаясь дороги одним колесом. Машину Татьяны мы увидели, едва въехав в Криспин, у обочины одной из трех дорог, сходившихся в центре городка. Посреди пустой улицы стояла хрупкая фигурка в тоненькой сорочке. По моей культе точно кувалдой ударили. Мы подкатили к ней, когда церковные часы начали отбивать полночь. Стив выскочил из машины и выбил из Татьяниных рук заостренную деревяшку. Он прижал девушку к себе, и она разрыдалась.

А мне было паршиво. Я все время думал, каково же это Стиву влюбиться в вампира, и даже не пытался посмотреть на ситуацию с ее стороны. А она любила его достаточно сильно, чтобы попытаться покончить с собой единственным способом, каким можно убить вампира — вонзив осиновый кол в сердце в полночь на перекрестке.

И она была хорошенькая. Я-то представлял себе этакую сирену, ну, вы понимаете — высокую, стройную, в облегающем платье. Ведьму, в общем. А передо мной была очень испуганная нервная девчонка, цеплявшаяся за плечо Стива так, точно взяла его в аренду. Она была еще моложе Стива.

Так что пока мы ехали домой, в голове у меня вертелась только одна мысль: «Ох и худо же будет детишкам...» Влюбиться в вампира и то плохо, но быть вампиром и влюбиться в человека...

— Ну как я могу выйти за тебя замуж? — всхлипывала Татьяна.— Что это будет за жизнь? И, Стив, я ведь могу так проголодаться, что наброшусь на тебя!..

Не учитывали мы только вмешательства дока Джадда. Или недостаточно учитывали.

Когда ему представили Татьяну и рассказали всю историю, плечи его расправились, а в глазах вновь вспыхнул огонь. Больным детям уже ничто не угрожало — это самое главное. А Татьяна...

— Чушь,— заявил он.— В пятнадцатом веке вампиризм, может, и был неизлечимой болезнью, но в двадцатом с ним легко справиться. Ночной образ жизни указывает на аллергию к солнечному свету и, возможно, фотофобию. Придется носить черные очки, девочка, и попробуем инъекции кортикостероидов. А вот потребность в поглощении крови — это проблема посерьезнее.

Но он и ее решил.

Нынешняя медицина использует сухую, обезвоженную кровь. Так что каждый вечер перед отходом ко сну миссис Стивен Джадд вытряхивает немного порошка в стакан с водой, добавляет кубик льда и принимает свою ежедневную «кровавую мэри». Насколько мне известно, они с мужем до сих пор живут счастливо.

Срок авансом

Через двадцать минут после того, как тюремный космолет приземлился на нью-йоркском космодроме, на борт допустили репортеров. Они бурлящим потоком хлынули в главный коридор, напирая на вооруженных до зубов надзирателей, за которыми им полагалось следовать,— впереди мчались обозреватели и хроникеры, а замыкали лавину телеоператоры, бормоча проклятья по адресу своей портативной, но все-таки тяжелой аппаратуры.

Репортеры, не замедляя бега, огибали космонавтов в черно-красной форме Галактической тюремной службы, которые быстро шагали навстречу, торопясь не упустить ни минуты из положенного им планетарного отпуска — ведь через пять дней космолет уйдет в очередной рейс с новым грузом каторжников.

Репортеры не удостаивали взглядом этих бесцветных субъектов, чье существование исчерпывается монотонными рейсами из конца в конец Галактики. К тому же жизнь и приключения гетеэсовцев описывались уже столько раз, что тема эта давно была выжата досуха. Нет, сенсационный материал ждал их впереди!

Глубоко в брюхе корабля надзиратели раздвинули створки огромной двери и отскочили в сторону, опасаясь, что их собьют с ног и растопчут. Репортеры буквально повисли на прутьях железной решетки, которая отгораживала огромную камеру. Их жадные взгляды метались по камере, наталкиваясь на холодное равнодушие и лишь редко на любопытство в глазах людей в серых комбинезонах — люди эти лежали и сидели на нарах, которые ряд за рядом, ярус за ярусом безотрадно тянулись по всей длине трюма. И каждый человек в сером сжимал в руках пакет, склеенный из простой оберточной бумаги, а некоторые нежно его поглаживали. Старший надзиратель, выковыривая из зубов

остатки завтрака, неторопливо приблизился к решетке с внутренней стороны.

— Здорово, ребята,— сказал он.— Кого это вы высматриваете? Я вам не могу помочь?

Кто-то из менее молодых и наиболее известных хроникеров предостерегающе поднял палец.

— Бросьте эти штучки, Андерсон! Космолет сел с опозданием на полчаса, и нас еще двадцать минут проманежили у трапа. Где они, черт подери?

Андерсон несколько секунд смотрел, как телеоператоры локтями отвоевывают место у самой решетки для себя и своей аппаратуры. Потом он извлек из зуба последний кусочек мяса.

— Стервятники! — бормотал он.— Охотники за мертвечиной! Упыри!

Затем, ловко перехватив дубинку, старший надзиратель стал выбивать частую дробь по прутьям решетки.

— Крэндол! — рявкнул он.— Хенк! Вперед и на середину!

Надзиратели, которые, поигрывая дубинками, мерным шагом расхаживали между многоярусными нарами, подхватили команду:

— Крэндол! Хенк! Вперед и на середину!

Их крики метались по камере, отлетая рикошетом от гигантских сводов.

— Крэндол! Хенк! Вперед и на середину!

Никлас Крэндол сел, поджав ноги, на своих нарах в пятом ярусе и сердито поморщился. Он было задремал и теперь протирал слипающиеся глаза. На тыльной стороне его кисти багровели три параллельных рубца — три прямые борозды, какие может оставить когтистая лапа хищного зверя. Над самыми бровями кожу рассекал темный зигзаг еще одного шрама. А в мочке левого уха чернела круглая дырочка. Кончив протирать глаза, он раздраженно почесал это ухо.

— Торжественная встреча! — проворчал он.— Можно было догадаться заранее! Все та же распроклятая Земля со всеми ее прелестями!

Крэндол перекатился на живот и похлопал по щеке щуплого человечка, который храпел под ним на нарах.

— Отто! — позвал он.— Отто-Блотто, давай шевелись!

Хенк, еще не открыв глаза, сразу подскочил и сел, подобрав под себя ноги. Его правая рука потянулась к шее, покрытой сеткой зигзагообразных рубцов такого же цвета и величины, как шрам на лбу Крэндола. На руке не хватало двух пальцев — указательного и среднего.

— Хенк здесь, сэр! — хрипло сказал он, потряс головой и, открыв глаза, посмотрел на Крэндола.— А, это ты, Ник... Что случилось?

— Мы прибыли, Отто-Блотто. Мы на Земле, и наши свидетельства скоро будут готовы. Еще полчаса, и ты сможешь упиться коньяком, пивом, водкой и поганым виски на всю свою наличность. Тебе уже больше не придется пить тюремную самогонку из консервной банки под нижней койкой, Отто-Блотто

Хенк крякнул и опрокинулся на спину.

— Через полчаса! Так чего же ты разбудил меня сейчас? Что я тебе — карманник, который сначала украл, потом отсидел и теперь визжит от нетерпения, ах, где его свидетельство? Ник, а мне приснился еще один способ, как покончить с Эльзой,— такой, что закачаешься...

— Лягаши разорались,— ответил Крэндол по-прежнему спокойно.— Слышишь? Им требуемся мы — ты и я.

Хенк снова сел, прислушался и кивнул.

— Почему такие голоса бывают только у галактических лягашей, а?

— Согласно инструкции,— заверил его Крэндол.— Чтобы стать галактическим лягашом, требуется максимальный рост, минимальное образование и максимально противный голос в сочетании со способностью оглушительно орать. А без этого, какой бы ты ни был мерзопакостной сволочью, придется тебе, брат, сидеть на Земле и отводить душу, штрафуя почтенных старушек на допотопных вертолетах за превышение скорости.

Надзиратель, остановившись под ними, сердито стукнул по металлической стойке.

— Крэндол! Хенк! Вы еще каторжники, не забывайте! Даю вам две секунды, или я влезу к вам и обработаю напоследок по старой памяти.

— Есть, сэр! Иду, сэр! — отозвались они хором и начали спускаться по нарам, не выпуская из рук пакетов с одеждой, которую когда-то носили на свободе и теперь вскоре должны были надеть снова.

— Слушай, Отто! — зачастил Крэндол беззвучным тюремным шепотом, наклоняясь к самому уху Хенка, пока они спускались.— Нас вызывают для интервью с телевизионщиками и газетчиками. Нам будут задавать сотни вопросов. Так смотри, не проговорись про...

— Телевизионщики и газетчики? А почему нас? На что мы им сдались?

— Потому что мы знаменитости, олух! Мы отсидели за мокрое дело весь срок. А много таких, как по-твоему? Заткнись и

слушай. Если тебя спросят, кого ты наметил, молчи и улыбайся. На этот вопрос не отвечай. Понял? Не проговорись им, за чье убийство ты отбывал срок. Как бы они к тебе ни приставали, заставить тебя отвечать они не могут. Таков закон.

Хенк на мгновение замер в полутора ярусах над полом.

— Ник! Ведь Эльза знает! Я ей сказал в тот самый день — перед тем, как пошел в полицию. Она прекрасно знает, что сидеть за убийство я согласился бы только ради нее!

— Она знает, она знает! Ну, конечно, она знает! — Крэндол быстро и беззвучно выругался.— Но доказать-то она этого не может, тупица! А стоит тебе объявить об этом при свидетелях, и она получает право приобрести оружие и застрелить тебя без предупреждения — в порядке самообороны. А если ты промолчишь, права на это у нее не будет. Ведь она все еще твоя бедная женушка, которую ты у алтаря клялся любить, почитать и лелеять. С точки зрения всего мира...

Надзиратель привстал на цыпочки и полоснул дубинкой по их спинам. Они свалились на пол и съежились, а он рычал:

— Я вам разрешил точить лясы? Разрешил? Если у нас останется время до того, как вам выдадут свидетельства, я сведу вас, умников, в надзирательскую для последней выволочки. А теперь — живо!

Они покорно побежали, точно цыплята от разъяренной собаки. У решетки, отгораживавшей камеру, надзиратель отдал честь и доложил:

— Допреступники Никлас Крэндол и Отто Хенк, сэр!

Старший надзиратель Андерсон в ответ небрежно поднял руку к козырьку и повернулся к заключенным.

— Эти господа хотят задать вам, ребята, пару вопросов. Отвечайте — это вам не повредит. Можете идти, О'Брайен.

Голос старшего надзирателя был исполнен величайшего благодушия. На его лице широким полумесяцем играла улыбка. Надзиратель О'Брайен снова отдал честь и отошел, а Крэндол перебрал в памяти все, что он успел узнать об Андерсоне за месяц перелета от Проксимы Центавра. Андерсон задумчиво покачивает головой, когда этого беднягу Минелли... его ведь звали Стив Минелли... прогнали сквозь строй вооруженных дубинками надзирателей за то, что он пошел в уборную без разрешения. Андерсон хихикает и бьет ногой в пах седого каторжника, заговорившего с соседом во время обеда... Андерсон...

И все-таки в храбрости ему отказать нельзя — ведь он знал, что на его корабле находятся два допреступника, отбывшие срок за убийство. Впрочем, он, наверное, знал и то, что они не станут тратить свои убийства на него, как бы он ни зверствовал.

Человек не отправляется добровольно на долгие годы в ад только ради удовольствия пришить одного из местных дьяволов.

— А мы обязаны отвечать на эти вопросы, сэр? — осторожно спросил Крэндол.

Улыбка старшего надзирателя стала чуть-чуть пауже.

— Я же сказал, что это вам не повредит, верно? А что-нибудь другое может и повредить. Так-то, Крэндол, все еще может. Мне бы хотелось оказать услугу представителям прессы, и вы уж, пожалуйста, будьте полюбезнее и поразговорчивее, ладно? — Он слегка повел подбородком в сторону надзирательской и перехватил дубинку.

— Есть, сэр,— ответил Крэндол, а Хенк энергично кивнул.— Мы будем любезны и разговорчивы.

«Черт! — мысленно выругался Крэндол.— Если бы только это убийство не было мне так нужно для другого! Помни про Стефансона, приятель, только про Стефансона! Не Андерсон, не О'Брайен и никто другой. Только Фредерик Стоддард Стефансон!»

Пока телеоператоры по ту сторону решетки устанавливали камеры, Крэндол и Хенк отвечали на обычные предварительные вопросы репортеров.

— Ну, как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Что вы намерены сделать сразу же, как получите ваши свидетельства?

— Поесть как следует. *(Крэндол.)*

— Напиться до чертиков. *(Хенк.)*

— Смотрите, как бы вам опять не угодить за решетку, уже в качестве послепреступников! *(Один из хроникеров.)*

Общий добродушный смех, в который вносят свою лепту старший надзиратель Андерсон и Крэндол с Хенком.

— Как с вами обращались, пока вы находились в заключении?

— Очень хорошо. *(Крэндол и Хенк в один голос, задумчиво косясь на дубинку Андерсона.)*

— А вы не хотите сообщить нам, кого вы намерены убить? Или хотя бы один из вас?

(Молчание.)

— Кто-нибудь из вас передумал и решил не совершать убийства?

(Крэндол задумчиво смотрит в потолок. Хенк задумчиво смотрит на пол. Снова общий смех, в котором на этот раз слышится некоторая натянутость. Крэндол и Хенк не смеются.)

— Ну, мы готовы. Повернитесь сюда, пожалуйста,— вмешался диктор телевидения.— И улыбайтесь — нам нужна настоящая сияющая улыбка.

Крэндол и Хенк покорно расплылись до ушей, и диктор получил даже три требуемых улыбки — Андерсон не преминул присоединиться к сияющей паре.

Две камеры выпорхнули из рук операторов: одна повисла над заключенными, другая быстро задвигалась перед их лицами — операторы управляли ими с помощью маленьких пультов, умещавшихся на ладони. Над объективом одной из камер вспыхнула красная лампочка.

— Итак, уважаемые телезрители и телезрительницы,— бархатно зарокотал диктор,— мы с вами находимся на борту тюремного космолета «Жан Вальжан», который только что приземлился на нью-йоркском космодроме. Мы явились сюда, чтобы познакомиться с двумя людьми — с двумя из той редкой категории людей, которые, добровольно отбывая срок за убийство, сумели отбыть его полностью и по закону получили право совершить по одному убийству каждый. Через несколько минут они будут освобождены, полностью отбыв семь лет заключения на каторжных планетах,— будут освобождены с правом убить любого мужчину или женщину в пределах Солнечной системы. Всмотритесь в их лица, дорогие телезрители и телезрительницы,— ведь, быть может, они изберут именно вас!

После этого оптимистического замечания диктор сделал небольшую паузу, и объективы впились в лица двух мужчин в серых тюремных комбинезонах. Затем диктор вошел в поле зрения камер и обратился к тому из заключенных, который был ниже ростом.

— Ваше имя, сэр?

— Допреступник Отто Хенк, номер пятьсот двадцать пять пятьсот четырнадцать,— привычно отбарабанил Отто-Блотто, хотя слово «сэр» его немного сбило.

— Как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Что вы намерены сделать сразу, как получите свидетельство?

Хенк помолчал в нерешительности, потом робко покосился на Крэндола и ответил:

— Поесть как следует.

— Как с вами обращались, пока вы находились в заключении?

— Очень хорошо. Так хорошо, как можно было ожидать.

— Как мог бы ожидать преступник, э? Но ведь вы пока еще не преступник, верно? Вы же допреступник.

Хенк улыбнулся так, словно впервые услышал это определение.

— Верно, сэр, я допреступник.

— Не хотите ли вы сообщить телезрителям, кто то лицо, из-за которого вы готовы стать преступником?

Хенк укоризненно взглянул на диктора, который испустил сочный смешок — на этот раз в полном одиночестве.

— Или, быть может, вы оставили свое намерение относительно его или ее?

Наступила пауза, и диктор сказал несколько нервно:

— Вы отбыли семь лет на полных опасностей неосвоенных планетах, готовя их для заселения человеком. Это максимальный срок, предусмотренный законом, не так ли?

— Да, сэр. С зачетом, положенным допреступникам, отбывающим срок авансом, за убийство больше семи лет не дают.

— Бьюсь об заклад, вы рады, что в наши дни смертная казнь отменена, а? Впрочем, в этом случае отбытие наказания авансом утратило бы смысл, не так ли? А теперь, мистер Хенк — или я все еще должен называть вас «допреступник Хенк»? — может быть, вы расскажете нашим телезрителям, какое происшествие из случившихся с вами за время отбытия срока вы считаете самым жутким?

— Ну-у...— Хенк задумался.— Хуже всего, пожалуй, было на Антаресе VIII, в моем втором лагере, когда большие осы начали откладывать яйца... Видите ли, на Антаресе VIII водится оса, которая в сто раз больше...

— Там вы и потеряли эти два пальца?

Хенк поднял искалеченную руку и внимательно ее оглядел.

— Нет. Указательный палец я потерял на Ригеле XII. Мы строили первый лагерь на этой планете, и я выкопал такой странный красный камень, весь в шишечках. Ну, я и ткнул в него пальцем — посмотреть, очень ли он твердый,— и кончика пальца как не бывало! Фьють — и нет его. А потом весь палец загноился, и врачи его оттяпали напрочь. Ну, да мне еще очень повезло. Кое-кто из ребят, из каторжников то есть, наткнулся на камушки побольше моего, так они потеряли кто ногу, кто руку, а один и вовсе был проглочен целиком. На самом деле ведь это были не камни, а живые твари — живые и голодные! Ригель XII так ими и кишит. Ну а средний палец... средний палец я потерял по глупости на космолете, когда нас перевозили в...

Диктор понимающе кивнул, кашлянул и сказал:

— Но осы, гигантские осы на Антаресе VIII были хуже всего?

Отто-Блотто не сразу сообразил, о чем идет речь, и растерянно замигал.

— А-а... Это точно. Они кладут яйца под кожу обезьян, которые водятся на Антаресе VIII, понимаете? Обезьянам, конечно, приходится туго, зато у осиных личинок есть пища, пока они не вырастут. Ну, мы там обосновались, и тут оказалось, что осы не видят никакой разницы между этими обезьянами и людьми. Все шло гладко, а потом вдруг то один хлопнется без чувств, то другой. Забрали их в больницу, сделали рентген, и оказалось, что они прямо нашпигованы...

— Благодарю вас, мистер Хенк, но наши телезрители уже не меньше трех раз видели осу Херкмира и слушали рассказ о ней во время «Межзвездного полета». Программа эта, как вы, без сомнения, помните, дорогие телезрители, передается по средам от девятнадцати до девятнадцати тридцати по среднеземному времени. А теперь, мистер Крэндол, разрешите спросить вас, сэр, как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

Крэндол выступил вперед и подвергся примерно такому же допросу, как и его товарищ.

Впрочем, произошло одно значительное отступление от шаблона. Диктор спросил, думает ли он, что Земля за это время сильно изменилась. Крэндол приготовился пожать плечами, потом вдруг усмехнулся.

— Одну заметную перемену я вижу уже сейчас,— сказал он.— Вот эти парящие в воздухе камеры, которыми управляют с помощью маленьких коробочек. В тот день, когда я расстался с Землей, этого еще не существовало. Изобретатель, наверное, неглупый человек.

— А? — диктор оглянулся.— Вы говорите о дистанционном переключателе Стефансона? Его изобрел Фредерик Стоддард Стефансон лет пять назад. Верно, Дон?

— Шесть лет,— поправил телеоператор.— Пять лет назад переключатель поступил в продажу.

— Переключатель был изобретен шесть лет назад,— пояснил диктор.— А в продажу он поступил пять лет назад.

Крэндол кивнул.

— Ну, так этот Фредерик Стоддард Стефансон, должно быть, очень неглупый человек, очень-очень неглупый,— и он снова усмехнулся в объектив камеры.

«Гляди на меня! — подумал он.— Я ведь знаю, что ты смотришь эту передачу, Фредди! Гляди на меня и трепещи!»

Диктор как будто немного опешил.

— Да...— сказал он.— Вот именно. А теперь, мистер Крэндол, не расскажете ли вы нам о самом жутком происшествии...

После того как телеоператоры собрали свое оборудование и удалились, репортеры обрушили на обоих допреступников последний шквал вопросов, надеясь выведать что-нибудь пикантное.

«Роль женщин в вашей жизни?», «Ваши любимые книги, ваше хобби, ваши развлечения?», «Встречались ли вам на каторжных планетах атеисты?», «Если бы вам пришлось повторить все сначала...»

Никлас Крэндол отвечал вежливо и скучно, а сам думал о Фредерике Стоддарде Стефансоне, который сидит сейчас перед своим роскошным телевизором с экраном во всю стену.

Или Стефансон уже выключил телевизор? Может быть, он сейчас сидит, уставившись на погасший экран, и старается разгадать замыслы человека, который выжил, хотя, согласно статистическим данным, у него был на это лишь один шанс из десяти тысяч, и вернулся на Землю, отбыв все семь невероятных лет в лагерях на четырех каторжных планетах...

А может быть, Стефансон, посасывая губы, вертит в руках свой бластер — бластер, которым ему не придется воспользоваться. Ведь если не будет неопровержимо доказано, что он убил, не превысив пределов необходимой обороны, ему придется отбыть за убийство полный срок без зачета семи лет, положенного тем, кто добровольно отбывает наказание авансом. И он обречет себя на четырнадцать лет в кошмарном аду, из которого только что вернулся Крэндол.

Но может быть, Стефансон сидит, скорчившись в дорогом пневматическом кресле, и угрюмо смотрит на экран невыключенного телевизора — оледенев от ужаса и все-таки не в силах оторваться от увлекательной передачи, которую подготовила телевизионная компания в связи с возвращением двух (нет, вы только подумайте — двух!) допреступников, авансом отбывших срок за убийство.

Сейчас, наверное, передается интервью с каким-нибудь земным представителем Галактической тюремной службы, энергичным начальником отдела по связи с прессой, понаторевшим в социологических терминах.

«Скажите, мистер Имярек,— начнет диктор *(другой диктор — более солидный и интеллигентный)*,— часто ли допреступники полностью отбывают срок за убийство и возвращаются на Землю?»

«Статистические данные,— эти слова сопровождаются шелестом бумаги и сосредоточенным взглядом вниз, за кадр,— статистические данные показывают, что человек, полностью отбывший срок за убийство с зачетом, положенным допреступникам, возвращается на Землю в среднем лишь раз в одиннадцать и семь десятых года».

«Таким образом, мистер Имярек, можно сказать, что возвращение двух таких людей в один и тот же день — событие довольно необычное?»

«Весьма необычное, иначе вы, телевизионщики, не подняли бы вокруг него такую шумиху». *(Жирный смешок, которому вежливо вторит диктор.)*

«А что происходит с теми, кто не возвращается, мистер Имярек?» *(Изящный взмах широкой пухлой руки.)*

«Они гибнут. Или отказываются от своего намерения. Семь лет на каторжных планетах — это не шутка. Работа там не для неженок — не говоря уж о местных живых организмах, как крупных, человекоядных, так и крохотных вирусоподобных. Вот почему тюремные служащие получают такую высокую плату и такие длительные отпуска. В некотором смысле мы вовсе не отменяли смертной казни, а только заменили ее общественно полезным подобием рулетки. Любой человек, совершивший или намеренный совершить одно из особо опасных преступлений, высылается на планету, где его труд принесет пользу всему человечеству и где у него нет стопроцентной гарантии, что он вернется на Землю — хотя бы даже калекой. Чем серьезнее преступление, тем длиннее срок и, следовательно, тем меньше шансов на возвращение».

«Ах, вот как! Но, мистер Имярек, вы сказали, что они либо гибнут, либо отказываются от своего намерения. Не будете ли вы так добры объяснить нашим телезрителям, в чем выражается их отказ и что тогда происходит?»

Мистер Имярек откидывается в кресле и сплетает пухлые пальцы на округлом брюшке.

«Видите ли, всякий допреступник имеет право обратиться к начальнику лагеря с просьбой о немедленном освобождении, для чего достаточно заполнить соответствующий бланк. Этого человека немедленно снимают с работ и с первым же кораблем отправляют на Землю. Соль тут вот в чем: та часть срока, которую он уже отбыл, полностью аннулируется, и он не получает никакой компенсации. Если, выйдя на свободу, он совершает настоящее преступление, он должен отбыть положенный срок полностью. Если он вновь выражает желание отбыть срок авансом, то опять отбывает его с самого начала, хотя, разумеется, с положенным зачетом. Трое из каждых четырех допреступников подают просьбу об освобождении в первый же год. Эти планеты быстро приедаются».

«Да, я думаю! — соглашается диктор.— Но мы хотели бы узнать ваше мнение о зачете, положенном допреступникам. Ведь многие, как вам известно, считают, что такое сокращение срока вдвое слишком соблазнительно и порождает преступников».

По холеному благообразному лицу пробегает еле уловимая гримаса злости, которая тотчас сменяется снисходительно-презрительной усмешкой.

«Боюсь, что эти люди, хотя и движимые самыми лучшими побуждениями, не слишком осведомлены в вопросах современной криминалистики и пенологии. Мы вовсе не стремимся уменьшать число допреступников, мы стремимся его увеличивать.

Вы помните, я сказал, что трое из четырех подают просьбу об освобождении в первый же год? Эти индивиды были достаточно благоразумны и попытались отбыть лишь половину срока, положенного за их преступление. Так неужели же они будут настолько глупы и все-таки совершат преступление с риском получить полный срок без зачета, когда уже убедились, что не могут выдержать и двенадцати месяцев каторги? Не говоря уж о том, что на этих планетах, где выживают лишь отдельные счастливчики, вытянувшие выигрышный билет в лотерее борьбы за существование, они на практике постигают ценность человеческой жизни, необходимость социального сотрудничества и преимущества цивилизованных методов.

А тот, кто не просит об освобождении? Ну, у него есть достаточно времени, чтобы желание совершить задуманное преступление совсем остыло, не говоря уж и о гораздо большей вероятности того, что он погибнет и останется ни с чем. Таким образом, число допреступников, которые возвращаются и совершают задуманное преступление, настолько мало, что общество оказывается в колоссальном выигрыше! Разрешите, я приведу несколько цифр.

Оценка по шкале Лазареса показывает, что уменьшение числа одних только умышленных убийств со времени введения зачета для допреступников составляет 41% для Земли, $33^1/_3$% для Венеры, 27% для...»

«Плохим, очень плохим утешением послужат Стефансону эти 41% и $33^1/_3$%»,— с удовольствием подумал Никлас Крэндол. Сам он учитывался в другой графе этих статистических выкладок — человек, который по достаточно веской причине хочет убить некоего Фредерика Стоддарда Стефансона. Он был остатком на странице вычитаний и погашений — вопреки вероятности он вернулся после семи лет каторги, чтобы получить товар, оплаченный авансом.

Он и Хенк. Два воплощения до нелепости крохотного шанса. Жена Хенка, Эльза... может быть, и она сидит перед своим телевизором, точно птица, завороженная взглядом змеи, в тупом отчаянии надеясь, что объяснения представителя Галактической тюремной службы подскажут ей, как избежать неизбежного, как спастись от столь редкой судьбы, которая ей уготована.

Впрочем, об Эльзе пусть думает Отто-Блотто. Пусть радуется: он дорого заплатил за это право. Но Стефансон принадлежит ему, Крэндолу.

«Я хочу, чтобы этот долговязый бандит как следует попотел от страха, я буду выжидать своего часа, и пусть он трясется!»

Репортеры продолжали допрос, но тут громкоговоритель над их головами откашлялся и объявил:

«Заключенные, на выход! Первый десяток собирается и идет в канцелярию начальника корабля. Все правила распорядка строго соблюдаются до самого конца. Вызываются: Артур, Ауглюк, Гарфинкель, Гомес, Грэхем, Крэндол, Феррара, Фу-Йен, Хенк...»

Через полчаса они уже шли по центральному коридору к трапу в своей старой гражданской одежде. У выхода они предъявили свидетельства часовому, механически-угодливо улыбнулись Андерсону, когда он крикнул в иллюминатор: «Эй, ребята, возвращайтесь поскорее!», и сбежали по наклонным сходням на поверхность планеты, которую не видели семь долгих мучительных лет.

У выхода их опять поджидали репортеры и фотографы, а также один телеоператор, которому было поручено показать их миру в первые минуты свободы.

Вопросы, вопросы — но теперь они могли позволить себе резкие ответы, хотя им было еще трудно отвечать грубо кому бы то ни было, кроме товарищей по заключению.

К счастью, внимание репортеров отвлек третий допреступник, который шел с ними. Фу-Йен отбыл два года с зачетом за избиение с нанесением увечий. А к тому же он лишился обеих рук и одной ноги в едких мхах Проциона III всего за месяц до освобождения и теперь медленно ковылял по сходням на здоровой ноге и протезе — держаться за перила ему было нечем.

Когда репортеры с неподдельным интересом принялись расспрашивать его, каким образом он намерен осуществить избиение, не говоря уж о нанесении увечий, при столь ограниченных возможностях, Крэндол толкнул Хенка локтем, они быстро сели в ближайшее гиротакси и попросили водителя отвезти их в какой-нибудь бар — поскромнее и потише.

Полная свобода выбора совершенно ошеломила Отто-Блотто.

— Ник, я не могу! — прошептал он.— Слишком уж тут много всякой выпивки!

Крэндол вывел его из затруднения, заказав для них обоих.

— Два двойных виски,— сказал он официантке.— И больше ничего.

Когда виски было принесено, Отто-Блотто уставился на рюмку с грустной недоуменной нежностью — так смотрит отец на сына-подростка, которого в последний раз видел еще грудным младенцем. Он осторожно протянул к ней трясущуюся руку.

— За смерть наших врагов! — сказал Крэндол и, залпом выпив свое виски, стал смотреть, как Отто-Блотто медленно прихлебывает, смакуя каждую каплю.

— Не увлекайся! — сказал он предостерегающе.— Не то Эльза и не заметит твоего возвращения — разве что будет возить цветы по приемным дням в клинику для алкоголиков.

— Можешь не опасаться,— проворчал Отто-Блотто в пустую рюмку.— Я вскормлен на этом зелье. Да и в любом случае я больше не пью, пока с ней не разделаюсь. Я так все и задумал, Ник: одна рюмка, чтобы отпраздновать свободу, потом Эльза. Я выдержал эти семь лет не для того, чтобы теперь по собственной промашке остаться в дураках.

Хенк поставил рюмку на стол.

— Семь лет то в одном кромешном аду, то в другом. А до того — двенадцать лет с Эльзой. Двенадцать лет она измывалась надо мной, как хотела, смеялась мне в глаза и говорила, что по закону она моя жена, что я обязан ее содержать и буду ее содержать, а не то мне же будет хуже. А чуть только я переставал ползать перед ней на брюхе, она тут же находила способ упечь меня за решетку. Потом через месяц-другой говорила судье, что я, наверное, образумился и она готова меня простить! Я на коленях просил ее дать мне развод, в ногах у нее валялся — детей у нас нет, она здоровая, молодая, а она только смеялась мне в лицо. Когда ей надо было засадить меня, так перед судьей она плакала и рыдала, но когда мы оставались с ней вдвоем, она только хохотала, глядя, как меня корчит. Я содержал ее, Ник. Отдавал ей все, что зарабатывал, до последнего цента, но этого ей было мало. Ей нравилось смотреть, как я корчусь, она сама мне так и сказала. Ну а сейчас пришел ее черед корчиться.— И, крякнув, он добавил: — Женятся только дураки.

Крэндол поглядел в открытое окно, рядом с которым он сидел. Там на множестве уходящих вниз уровней бурлила обычная жизнь Нью-Йорка.

— Может быть,— произнес он задумчиво.— Не берусь судить. Мой брак был счастливым, пока он длился,— все пять лет. А потом вдруг счастье исчезло — словно прогоркло.

— Во всяком случае, она дала тебе развод,— заметил Хенк.— А не вцепилась в глотку.

— О, Полли была не из тех женщин, которые вцепляются кому-нибудь в глотку. Я звал ее Прелесть Полли, а она меня — Большой Ник. А потом звездный блеск потускнел, да и я тоже, наверное. Тогда я еще лез из кожи вон, пытаясь добиться, чтобы наша с Ирвом фирма приносила прибыль. Оптовая торговля электронным оборудованием. Ну и конечно, нетрудно было понять, что миллионера из меня не выйдет. Возможно, дело было именно в этом. Но так или иначе, Полли решила уйти, и я не стал ей мешать. Мы расстались друзьями. Я часто думаю, что она теперь...

Раздался хлопок, похожий на всплеск — словно тюлень ударил ластом по воде. Крэндол взглянул на стол, где между рюмками теперь лежал чуть приплюснутый шар. В тот же миг рука Хенка подхватила шар и швырнула его в окно. В воздух взвились длинные зеленые нити, но шар уже падал вдоль стены гигантского здания, и рядом не было живой плоти, в которую они могли бы впиться.

Уголком глаза Крэндол успел заметить, что какой-то человек стремглав выбежал из бара. Несомненно, это он бросил шар; остальные посетители испуганно смотрели ему вслед и оглядывались на их столик. Стефансон, очевидно, решил, что за Крэндолом стоит установить слежку и обезвредить его.

Отто-Блотто не стал хвалиться быстротой своей реакции. Они оба уже научились действовать мгновенно — чужие смерти преподали им немало полезных уроков. И Хенк сказал только:

— Одуванчик-бомба с Венеры. Ну, во всяком случае, Ник, этот типчик не хочет тебя убить. Просто искалечить.

— Да, это в духе Стефансона,— согласился Крэндол, когда, заплатив по счету, они направились к выходу, а лица вокруг только еще начали бледнеть.— Сам он этого не сделал бы. Нанял бы исполнителя. И нанял бы его через посредника, на случай, если исполнитель попадет в руки полиции и расколется. Но и это был бы риск: обвинение в уже совершенном убийстве его никак не устроило бы. Вот он и прикинул: небольшая доза одуванчика-бомбы — и я для него уже не опасен. Возможно, он даже навещал бы меня в приюте для неизлечимо больных. Ведь присылал же он мне на каждое Рождество открытки все эти семь лет. И всегда одно и то же: «Еще злишься? Привет! Фредди».

— Этот твой Стефансон — парень ничего себе! — сказал Отто-Блотто, внимательно огляделся по сторонам и только тогда вышел из бара на тротуар пятнадцатого уровня.

— Очень даже. Он держит мир в кулаке и время от времени сжимает кулак покрепче — так просто, для забавы. Я познакомился с его методами, еще когда мы делили комнату в студенческом общежитии, но думаешь, это мне хоть чуточку помогло? Я случайно встретился с ним, когда наша с Ирвом фирма была уже при последнем издыхании, года через два после того, как мы с Полли разошлись. Мне было очень скверно и хотелось излить кому-нибудь душу — вот я и рассказал ему, что мой компаньон дрожит над каждым грошом, а я строю воздушные замки, и вдвоем мы доведем до верного банкротства фирму, которая могла бы стать золотым дном. А потом я добрался и до моего дистанционного переключателя — как мне, дескать, хотелось бы заняться им всерьез, да все нет времени.

Отто-Блотто то и дело тревожно оглядывался — не потому, что опасался нового нападения, а потому, что его как-то смущала возможность ходить свободно. Встречные останавливались, глядя на их старомодные туники до колен.

— Вот так-то! — продолжал Крэндол.— Конечно, я свалял дурака, но поверь, Отто, ты и представления не имеешь, как ловко и убедительно субъекты вроде Фредди Стефансона умеют разыгрывать дружеское участие. Он сказал мне, что у него есть загородный дом, но он в нем сейчас не живет, а в подвале оборудовал электронную лабораторию с новейшей аппаратурой И если я захочу, то со следующей недели он отдаст и дом, и лабораторию в полное мое распоряжение. Вот только о своем пропитании я должен буду заботиться сам. Никакой платы ему не нужно: делает он это по старой дружбе и потому, что хочет, чтобы я не разменивался на мелочи, а создал что-то по-настоящему большое. Ну, как я мог не попасться на такую удочку?! И только через два года я сообразил, что лабораторное оборудование он установил в этом подвале уже после нашего разговора — когда я предложил Ирву за две сотни выкупить мою долю в нашей фирме. Зачем, собственно, могла понадобиться электронная лаборатория Стефансону, владельцу маклерской конторы? Но подобные вещи как-то не приходят в голову, когда старый товарищ проявляет к тебе такое теплое, дружеское участие.

Отто вздохнул и продолжал:

— Ну, и он навещал тебя чуть ли не каждую неделю, а когда твоя новая штучка заработала как миленькая, он захлопнул дверь перед твоим носом, а все твои чертежи и готовую штучку увез неизвестно куда. А тебе сказал, что запатентует ее прежде, чем ты успеешь восстановить хотя бы один чертеж. Да и вообще работал-то ты в его доме. И он сумеет доказать, что он тебя субсидировал. И тут он расхохотался тебе в лицо, прямо как Эльза. Верно, Ник?

Крэндол закусил губу, вдруг осознав, что Отто Хенк знает его историю наизусть. Сколько раз они делились планами мести и рассказывали друг другу, что привело их на каторгу! Сколько раз каждый повторял все ту же горькую повесть, а товарищ говорил те же слова сочувствия, одинаково соглашался и даже одинаково возражал!

Внезапно Крэндолу захотелось избавиться от Отто-Блотто и насладиться блаженством одиночества. Двумя уровнями ниже он увидел сверкающую крышу отеля.

— Пожалуй, я пойду туда. Давно пора подумать о ночлеге.

Отто кивнул, догадываясь, чем вызвано это внезапное решение.

— Валяй! Я тебя понимаю. Но не жирно ли это будет, Ник? «Козерог-Ритц»! Не меньше двенадцати кредитов в день.

— Ну и что? Неделю я могу пошиковать. А когда сяду на мель, мне с моей биографией нетрудно будет найти выгодную работу. Сегодня я хочу пошиковать, Отто-Блотто.

— Ну ладно, ладно. Адрес мой у тебя есть, Ник? Я буду у моего двоюродного брата.

— Да, есть. Ну, желаю удачи с Эльзой, Отто!

— Спасибо! Удачи с Фредди! Ну, и... пока!

Отто-Блотто резко повернулся и вошел в лифт. Когда двери за ним закрылись, Крэндолу вдруг стало грустно. Хенк был теперь для него ближе родного брата. Ведь они с Хенком не расставались последние годы ни днем, ни ночью. А Дэна он не видел... сколько же это... да, почти девять лет.

И Крэндол вдруг почувствовал, как мало, в сущности, осталось у него связей с миром людей, если не считать негативного желания убрать из этого мира Фредди Стефансона. Сейчас ему, пожалуй, была бы нужна женщина — и сойдет почти любая.

Нет, ему гораздо нужнее нечто совсем другое — и времени терять нельзя.

Он быстро зашагал к ближайшей аптеке — очень большой и очень роскошной. В самом центре витрины он сразу увидел то, что ему было нужно.

Подойдя к прилавку, Крэндол спросил продавца:

— Что-то очень уж дешево — может быть, бракованная партия?

Продавец ответил с видом оскорбленного достоинства:

— Прежде, чем мы пускаем товар в продажу, сэр, он подвергается тщательнейшей проверке. А цена такая низкая потому, что мы — самая крупная оптовая фирма во всей Солнечной системе.

— Ну ладно, дайте мне один среднего калибра. И две коробки патронов.

С бластером в кармане Крэндол почувствовал себя немного спокойнее. Он был вполне уверен, что в нужный момент успеет отпрянуть, увернуться, отпрыгнуть — эту уверенность воспитали долгие годы, когда ему приходилось каждую минуту опасаться нападения хищных тварей с молниеносными реакциями. Однако всегда приятно иметь возможность ответить ударом на удар. Да и Стефансон, конечно, не станет долго тянуть со следующей попыткой.

В отеле Крэндол назвался вымышленной фамилией — эта хитрость пришла ему в голову в самый последний момент. «И могла бы вовсе не приходить»,— подумал он, когда лифтер, получив чаевые, сказал:

— Спасибо, мистер Крэндол. Желаю вам благополучно прикончить вашу жертву, сэр.

Итак, он — знаменитость. Возможно, его лицо знает весь мир. Пожалуй, из-за этого будет труднее добраться до Стефансона.

Перед тем как пройти в ванную, Крэндол запросил у телесправочного бюро сведения о Стефансоне. Семь лет назад Стефансон уже был достаточно богат и известен в деловых кругах. А теперь благодаря стефансоновскому переключателю (стефансоновскому, черт побери!) он, вероятно, стал еще богаче и гораздо известнее.

Так и оказалось. Телевизор сообщил, что за последний календарный месяц в бюро поступило шестнадцать записей, касающихся Фредерика Стоддарда Стефансона. Крэндол подумал и попросил, чтобы ему проиграли последнюю. Она была датирована этим днем. «Фредерик Стефансон, президент Стефансоновского сберегательного банка и Стефансоновской электронной корпорации, отбыл сегодня рано утром в свой гималайский охотничий домик. Он намерен пробыть там не менее...»

— Достаточно! — крикнул Крэндол из ванны.

Значит, Стефансон струсил. Долговязый бандит ополоумел от страха! Это уже кое-что. Неплохой процент с семи лет каторги. Пусть попотеет хорошенько — так, чтобы смерть, когда они наконец полностью сведут счеты, показалась ему облегчением.

Крэндол заказал последние известия и имел удовольствие выслушать последнюю сводку новостей о себе самом — о том, что он поселился в отеле «Козерог-Ритц» под именем Александра Смейзерса. «Но оба эти имени — и Крэндол, и Смейзерс — неверны,— ораторствовала равнодушная запись.— У этого человека есть только одно истинное имя, и это имя — Смерть! Да, сегодня в отеле "Козерог-Ритц" поселился Жнец жизней, и только он один знает, кому из нас не суждено увидеть новый восход

солнца. Этот человек, этот Жнец человеческих жизней, этот посланец Смерти — единственный среди нас, кому известно...»

— Заткнись! — в бешенстве завопил Крэндол. За эти семь лет он совсем забыл, какие муки вынужден безропотно переносить свободный человек.

На телевизионном экране вспыхнул сигнал частного телевизионного вызова. Крэндол поспешно вытерся, оделся и спросил:

— Кто это?

— Миссис Никлас Крэндол,— ответил голос телевизионистки.

Крэндол потрясенно уставился на экран.

Полли! Откуда она вдруг взялась?

И как она узнала, где его найти? Впрочем, на последний вопрос ответить было нетрудно — он же знаменитость!

Экран заполнило лицо Полли. Крэндол внимательно рассматривал его, слегка улыбаясь. Она немного постарела, но, пожалуй, заметить морщинки можно только при таком увеличении...

И Полли как будто тоже это сообразила: во всяком случае, она повернула ручку настройки, и ее лицо уменьшилось до нормальных размеров — теперь были видны вся ее фигура и окружающая обстановка. Полли, по-видимому, звонила ему из дому. Комната выглядела, как все гостиные меблированных квартир для небогатых людей, зато сама Полли выглядела прекрасно и смотреть на нее было очень приятно. У Крэндола потеплело на сердце от воспоминаний...

— Полли! Здравствуй! Что случилось? Вот уж не ожидал увидеть тебя!

— Здравствуй, Ник,— она прижала руку ко рту и несколько секунд молча смотрела на него, а потом сказала: — Ник... Ну, пожалуйста! Пожалуйста, не мучь меня!

Крэндол сел на первый попавшийся стул.

— Что?

Полли заплакала.

— Ах, Ник! Не надо! Не будь таким жестоким. Я знаю, почему ты отбыл этот срок, эти семь лет. Едва я сегодня услышала твою фамилию, как сразу все поняла. Но, Ник, ведь, кроме него, никого не было. Только он, он один!

— Один он... что он?

— Я была тебе неверна только с ним. И я думала, что он любит меня, Ник. Я не стала бы разводиться с тобой, если бы знала, какой он на самом деле. Но ведь ты это знаешь, Ник!

Знаешь, как он заставил меня страдать. Я уже достаточно наказана, Ник, не убивай меня, пожалуйста, не убивай!

— Полли, послушай,— сказал он ошеломленно.— Полли, деточка, ради бога...

— Ник! — истерически всхлипнула она.— Ник, ведь с тех пор прошло одиннадцать лет. Во всяком случае, десять. Не убивай меня за это, Ник, пожалуйста, не убивай. Ник, честное слово, я была тебе неверна только год. Ну, от силы два. Честное слово, Ник. И ведь только с ним одним. Остальные не в счет. Это были так... мимолетные увлечения. Они ничего не меняли, Ник. Только не убивай меня! Не убивай! — И, закрыв лицо руками, она затряслась в неудержимых рыданиях.

Крэндол несколько секунд смотрел на нее, потом облизнул пересохшие губы. Потом присвистнул и выключил телевизор. Потом откинулся на спинку стула и снова присвистнул — но на этот раз сквозь стиснутые зубы, так что получился не свист, а шипение.

Полли! Полли ему изменяла! Год... нет, два года! И... как это она выразилась? — остальные! Остальные были лишь мимолетными увлечениями!

Единственная женщина, которую он любил и, кажется, никогда не переставал любить, женщина, с которой он расстался с бесконечным сожалением, виня во всем только себя, когда она сказала ему, что дела фирмы отняли его у нее, но так как было бы нечестно просить его отказаться от того, что, очевидно, столь для него важно...

Прелесть Полли! Полли-деточка! Пока они были вместе, он ни разу даже не посмотрел на другую женщину. А если бы кто-нибудь посмел сказать... или даже намекнуть... Он раскроил бы наглецу физиономию гаечным ключом! Он развелся с ней только потому, что она его об этом попросила, но продолжал надеяться, что, когда фирма окрепнет и основная часть работы ляжет на плечи Ирва, заведовавшего бухгалтерией, они с Полли вновь найдут друг друга. Но дела пошли еще хуже, жена Ирва серьезно заболела, Ирв стал все реже и реже показываться в конторе, и...

— У меня такое ощущение,— пробормотал он вслух,— будто я сейчас узнал, что добрых волшебников не бывает. Чтобы Полли... И все эти светлые годы... Один человек! А остальные — только мимолетные увлечения!

Снова вспыхнул телевизионный сигнал.

— Кто это? — раздраженно буркнул Крэндол.

— Мистер Эдвард Болласк.

— Что ему нужно? (Чтобы Полли, Прелесть Полли...)

На экране появилось изображение чрезвычайно толстого человека. Он настороженно осмотрел номер.

— Я должен спросить вас, мистер Крэндол, уверены ли вы, что ваш телевизор не подключен к линии подслушивания.

— Какого черта вам нужно?

Крэндол почти жалел, что толстяк не явился к нему лично. С каким бы удовольствием он сейчас кого-нибудь хорошенько отделал!

Мистер Эдвард Болласк укоризненно покачал головой, и его щеки заколыхались где-то под подбородком.

— Ну что же, сэр, если вы не можете дать мне такой гарантии, я буду вынужден рискнуть. Я обращаюсь к вам, мистер Крэндол, с призывом простить вашим врагам, подставить под оскорбившую длань другую щеку. Я взываю к вам: откройте душу вере, надежде и милосердию — и главное, милосердию, которое превыше всех остальных добродетелей. Другими словами, сэр, забудьте о ненависти к тому или к той, кого вы намеревались убить, поймите душевную слабость, толкнувшую их сделать то, что они сделали, и простите им.

— Почему я должен им прощать? — в бешенстве спросил Крэндол.

— Потому что так вы изберете благую участь, сэр: я имею в виду не только нравственные блага, хотя не должно забывать и о духовных ценностях, но и материальные блага. Материальные, мистер Крэндол.

— Будьте любезны, объясните мне, о чем вы, собственно, говорите.

Толстяк наклонился вперед и вкрадчиво улыбнулся.

— Если вы простите того, кто заставил вас принять семь долгих лет страданий, семь лет лишений и мук, мистер Крэндол, я готов предложить вам чрезвычайно выгодную сделку. У вас есть право на одно убийство. Мне требуется одно убийство. Я очень богат. Вы же, насколько я могу судить, сэр,— не поймите это превратно — очень бедны. Я могу обеспечить вас до конца ваших дней — и не просто обеспечить, мистер Крэндол,— если только вы откажетесь от своего замысла, от своего недостойного замысла, поборете злобу, отринете личную месть. Видите ли, у меня есть конкурент, который...

Крэндол выключил телевизор.

— Сам отсиди свои семь лет,— ядовито посоветовал он померкшему экрану. И вдруг ему стало смешно. Он откинулся на спинку стула и захохотал.

У, жирная свинья! Вздумал пичкать его евангельскими текстами!

Однако этот звонок принес свою пользу. Теперь он увидел смешную сторону их разговора с Полли. Только подумать: она сидит в своей убогой комнатке и трясется из-за грязных интрижек десятилетней давности! Только подумать: она вообразила, что он прошел через семилетний ад из-за такой...

Крэндол представил себе все это и пожал плечами.

— И пусть. Ей это только полезно.

Тут он почувствовал, что очень голоден.

Он хотел было распорядиться, чтобы обед принесли ему в номер, опасаясь еще одной встречи со стефансоновским метателем шаров, но потом передумал. Если Стефансон всерьез охотится за ним, то нет ничего легче, чем подсыпать чего-нибудь в предназначенный ему обед. Куда безопаснее поесть в ресторане, выбранном наугад.

Кроме того, будет приятно посидеть в ярко освещенном зале, послушать музыку, развлечься немного. Ведь это его первый вечер на свободе — и надо как-то избавиться от скверного привкуса во рту, который остался от разговора с Полли.

Прежде чем выйти за дверь, он внимательно осмотрел коридор. Ничего подозрительного. Но ему вспомнилась крохотная планетка вблизи Веги, где они вот так же оглядывались по сторонам каждый раз, когда выбирались из туннелей, образованных параллельными рядами высоких хвощей. А если не оглядеться... неосторожных иногда подстерегал огромный пиявкообразный моллюск, который умел метать куски своей раковины с большой силой и на порядочное расстояние. Обломок только оглушал жертву, но за это время пиявка успевала подобраться к ней А эта пиявка могла высосать человека досуха за десять минут.

Один раз такой обломок попал в него, но пока он валялся без сознания, Хенк... старина Отто-Блотто! Крэндол улыбнулся. Неужели настанет день, когда они будут вспоминать пережитые ужасы с ностальгической тоской? Так старым солдатам бывает приятно за кружкой пива вспомнить даже самые тяжелые испытания войны. Ну что ж — во всяком случае, они пережили эти ужасы не ради жирных святош вроде мистера Эдварда Болласка, мечтающих безнаказанно убивать чужими руками.

И уж если на то пошло, не ради подленьких трусливых потаскушек вроде Полли.

«Фредерик Стоддард Стефансон. Фредерик Стоддард Стефансон...»

Кто-то положил руку ему на плечо, и, очнувшись, он увидел, что уже прошел половину вестибюля.

— Ник!

Крэндол обернулся. Подстриженная бородка клинышком — у него не было знакомых с такими бородками, но глаза были ему удивительно знакомы...

— Ник,— сказал человек с бородой,— я не смог.

Эти глаза... ну конечно же, это его младший брат!

— Дэн! — крикнул он.

— Да, это я. Вот!

Что-то со стуком упало на пол. Крэндол посмотрел вниз и увидел на ковре бластер — большего калибра и значительно более дорогой, чем его собственный. «Почему Дэн ходит со шпалером? Кто за ним охотится?»

Эта мысль принесла с собой смутную догадку. И страх — страх перед тем, что может сказать брат, которого он не видел столько лет.

— Я мог бы убить тебя, как только ты вошел в вестибюль,— говорил Дэн.— Я все время держал тебя под прицелом. Но я хочу, чтобы ты знал, что я не нажал на спусковую кнопку не из-за срока, который дают за совершенное убийство.

— Да? — сказал Крэндол на медленном выдохе протяжением во все вновь пережитое прошлое.

— Я просто не мог вынести мысли, что буду еще больше виноват перед тобой. Со времени этой истории с Полли я постоянно...

— С Полли? Да, конечно, с Полли,— казалось, к его подбородку подвесили гирю, она оттягивала его голову вниз, мешала закрыть рот.— Этой истории с Полли.

Дэн дважды ударил себя кулаком по ладони.

— Я знаю, что рано или поздно ты придешь рассчитаться со мной. Я чуть с ума не сошел от ожидания — и от угрызений совести. Но я не думал, что ты выберешь такой путь, Ник. Семь лет ожидания!

— Поэтому ты и не писал мне, Дэн?

— А что я мог написать? И сейчас — что я могу сказать? Мне казалось, что я люблю ее, но все кончилось, как только вы развелись. Наверное, меня всегда тянуло к тому, что было твоим, Ник, потому что ты мой старший брат. Другого оправдания у меня нет, и я прекрасно понимаю, чего оно стоит. Ведь я знаю, как было у вас с Полли, и я разрушил все это просто из желания сделать гадость. Но вот что, Ник: я не убью тебя, и я не буду защищаться. Я слишком устал. И слишком виноват. Ты знаешь, где меня найти, Ник. Приходи, когда захочешь.

Дэн повернулся и быстро зашагал к выходу. Металлические блестки на его икрах — последний крик моды — сверкали и пе-

реливались. Он не оглянулся, даже когда проходил за прозрачной стеной вестибюля.

Крэндол долго смотрел ему вслед, затем тоскливо пробормотал «Гм!», нагнулся, поднял второй бластер и отправился искать ресторан.

Он сидел, рассеянно ковыряя пряные деликатесы с Венеры, которые оказались далеко не такими вкусными, какими представлялись ему в воспоминаниях, и думал о Полли и Дэне. Всякие мелочи теперь, когда они встали на свое место, всплывали в его памяти одна за другой. А он-то и не подозревал... Но кто мог заподозрить Полли? Кто мог заподозрить Дэна?

Крэндол достал из кармана свое свидетельство об освобождении и начал внимательно его изучать: «Полностью отбыв максимальный семилетний срок тюремного заключения с предварительным зачетом, Никлас Крэндол освобождается со всеми правами допреступника...»

...чтобы убить свою бывшую жену Полли Крэндол?

...чтобы убить своего младшего брата Дэниела Крэндола?

Какая нелепость!

Но им-то это не показалось нелепостью! Оба они были так блаженно уверены в своей вине, так самодовольно считали себя и только себя единственным объектом ненависти, столь свирепой, что жажда мести не отступила даже перед самым страшным из всего, чем располагает Галактика,— оба они были так в этом уверены, что их проверенная на деле хитрость изменила им и они неправильно истолковали радость в его глазах! И Полли и Дэн легко могли бы оборвать уже начатую исповедь — и он ни о чем не догадался бы! Если бы они только не были так заняты собой и вовремя заметили его удивление, они могли бы и дальше обманывать его. Если не обоим, то уж кому-нибудь одному-то из них это наверняка удалось бы!

Уголком глаза Крэндол заметил, что возле его столика стоит женщина. Слегка наклонившись, она читала свидетельство через его плечо. Он откинулся и оглядел ее с головы до ног, а она улыбнулась ему.

Незнакомка была сказочно красива. Она обладала не только тем, что делает женщину красивой — идеальными фигурой, лицом, осанкой, волосами, кожей и глазами,— но ко всему этому добавлялись и те завершающие штрихи, которые, как и в любом виде искусства, отличают шедевр от просто прекрасного произведения. Одним из этих штрихов было, конечно, богатство, которое воплощалось в прическе и платье, достойно обрамлявших подобную красоту, и в единственном пеаэа, бесценном камне с Сатурна, черным пламенем горевшем на ее груди. Но к этим

же штрихам можно было отнести и светившийся в ее глазах ум, и породистость, пикантно дополнявшую это великолепное творение, созданное из живой плоти.

— Вы позволите мне сесть с вами, мистер Крэндол? — спросила она голосом, о котором достаточно будет сказать, что он вполне гармонировал с ее обликом.

Эта просьба позабавила Крэндола, но и преисполнила его бодрящим волнением. Он подвинулся, и незнакомка села рядом с ним на диванчике, точно императрица, опускающаяся на трон под взглядами царей-данников.

Крэндол примерно догадывался, кто она такая и чего ищет. Это могла быть либо одна из юных львиц высшего света, либо кинозвезда, совсем недавно вспыхнувшая и еще сохраняющая статус новой.

А он, только что освобожденный каторжник, владеющий правом жизни и смерти, был редкостной новинкой, которую ей во что бы то ни стало захотелось попробовать.

Конечно, такой интерес к нему был не слишком лестен, но, с другой стороны, при обычных обстоятельствах простому смертному нечего и мечтать о встрече с подобной женщиной, так почему бы ему и не извлечь пользы из своего положения? Он удовлетворит ее каприз, а она в первый его вечер на свободе...

— Это ваше свидетельство об освобождении, не так ли? — спросила она и перечитала документ еще раз. Кожа на ее верхней губе слегка увлажнилась, и Крэндол удивился, заметив подобный признак усталой пресыщенности у этого живого воплощения победоносной юности и красоты.

— Скажите, мистер Крэндол,— заговорила наконец незнакомка и повернулась и нему. Капельки пота на ее верхней губе заблестели еще ярче.— Скажите, вы же отбыли срок за убийство как допреступник? Но ведь правда, что наказание за убийство и наказание за самое зверское изнасилование одинаковы?

После долгого молчания Крэндол потребовал у официанта счет и вышел из ресторана.

Когда он подошел к своему отелю, он уже успокоился настолько, что не забыл внимательно оглядеть вестибюль за прозрачной стеной. Никого похожего на стефансоновского наемника. Впрочем, Стефансон — осторожный игрок и, потерпев неудачу, пожалуй, не станет торопиться со следующей попыткой.

Но эта девица! И мистер Эдвард Болласк!

В его почтовом ящике лежала записка. Кто-то звонил ему и оставил свой номер, но больше ничего передать не просил.

Поднимаясь к себе, Крэндол раздумывал, кому еще он мог понадобиться. Может быть, Стефансон решил нащупать почву

для примирения? Или какая-нибудь глубоко несчастная мать попросит, чтобы он убил ее неизлечимо больное дитя?

Он назвал номер и с любопытством уставился на экран.

Экран замерцал, и на нем появилось лицо. Крэндол еле удержался от радостного возгласа. Нет, один друг в Нью-Йорке у него все-таки есть. Старина Ирв, всегда благоразумный и надежный. Его бывший компаньон.

Но в тот самый миг, когда Крэндол уже был готов выразить свою радость вслух, он вдруг прикусил язык. Слишком много неожиданностей принес ему этот день. А в выражении лица Ирва было что-то такое...

— Послушай, Ник,— сумрачно начал Ирв после неловкой паузы.— Я хотел бы задать тебе сейчас только один вопрос.

— А именно, Ирв?

— Ты давно знаешь? Когда ты догадался?

Крэндол перебрал в уме несколько возможных ответов и выбрал наиболее подходящий.

— Очень давно, Ирв. Но ведь тогда я ничего не мог сделать.

Ирв кивнул.

— Я так и думал. Ну, так послушай. Я не стану просить и оправдываться. За эти семь лет ты столько перенес, что никакие мои оправдания, конечно, ничего изменить не могут. Но поверь одному: много брать из кассы я начал, только когда заболела жена. Мои личные средства были истощены. Занимать я больше не мог, а у тебя хватало и собственных семейных неприятностей. Ну а когда дела фирмы пошли лучше, я боялся, что слишком большое несоответствие между прежними цифрами и новыми откроет тебе глаза. Поэтому я продолжал прикарманивать прибыль уже не для того, чтобы платить по больничным счетам, *и не для того, чтобы обманывать тебя, Ник, поверь,* а просто чтобы ты не узнал, сколько я уже присвоил. Когда ты пришел ко мне и сказал, что совсем пал духом и хотел бы уйти из фирмы... ну, тогда, не спорю, я поступил подло. Мне следовало бы сказать тебе правду. Но, с другой стороны, как компаньоны мы не очень подходили друг другу, а тут мне представился случай одному стать хозяином фирмы, когда ее положение уже упрочилось, ну и... и...

— И ты выкупил мою долю за триста двадцать кредитов,— договорил за него Крэндол.— А сколько теперь стоит фирма, Ирв?

Ирв отвел глаза в сторону.

— Около миллиона. Но послушай, Ник! В прошлом году оптовая торговля переживала небывалый расцвет. Так что твоего тут уже не было. Послушай, Ник...

Ирв достал чистую бумажную салфеточку и вытер вспотевший лоб.

— Ник,— сказал он, наклоняясь вперед и изо всех сил стараясь дружески улыбнуться.— Послушай меня, Ник. Забудь про это, не преследуй меня, и я тебе кое-что предложу. Мне нужен управляющий с твоими техническими знаниями. Я дам тебе двадцать процентов в деле, Ник... нет, двадцать пять. Я готов дать даже тридцать... тридцать пять...

— И ты думаешь, что это компенсирует семь лет каторги?

Ирв умоляюще поднял трясущиеся руки.

— Нет, Ник, конечно, нет. Их ничто не компенсирует. Но послушай, Ник. Я готов дать сорок пять про...

Крэндол выключил телевизор. Некоторое время он продолжал сидеть, потом вскочил и начал расхаживать по комнате. Он остановился и осмотрел свои бластеры — купленный утром и брошенный Дэном. Достал свидетельство об освобождении и внимательно прочел его. Потом снова сунул в карман туники.

Позвонив дежурной, он заказал межконтинентальный разговор.

— Хорошо, сэр. Но вас хочет видеть один джентльмен. Мистер Отто Хенк, сэр.

— Пошлите его сюда. И включите мой экран, как только нас соединят, мисс.

Через несколько минут к нему в номер вошел Отто-Блотто. Он был пьян, но, как обычно в таких случаях, внешне это у него не проявлялось.

— Как ты думаешь, Ник, как ты думаешь, что, черт возьми...

— Ш-ш-ш! — перебил его Крэндол.— Меня соединили.

Телевизионистка где-то в Гималаях сказала:

— Говорите, Нью-Йорк.

И на экране появился Фредерик Стоддард Стефансон. Он постарел гораздо больше всех тех, кого Крэндол успел увидеть в этот день. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: когда Стефансон разрабатывал сложную операцию, он всегда казался постаревшим.

Стефансон ничего не сказал. Он только смотрел на Крэндола, крепко сжав губы. Позади него виднелся зал охотничьего домика — точь-в-точь такой, каким подобные залы подчас рисуются воображению телевизионных режиссеров.

— Ну ладно, Фредди,— заговорил Крэндол.— Я долго тебя не задержу. Можешь отозвать своих псов и не стараться больше убить меня или искалечить. Я на тебя теперь даже не зол.

— Даже не зол...— Стефансон с трудом обрел привычное железное самообладание.— А почему?

— Потому что... ну, тут много причин. Потому что теперь, когда мне осталось только убить тебя, твоя смерть не подарит мне семи лет адской радости. И потому, что ты не сделал мне ничего такого, чего не делали все остальные — кто что мог и, вероятно, со дня моего появления на свет. Очевидно, я простофиля от рождения. Так уж я создан. И ты просто этим воспользовался.

Стефансон наклонился, вперил в его лицо внимательный взгляд, потом перевел дух и облегченно скрестил руки на груди.

— Пожалуй, ты говоришь искренне.

— Конечно, я говорю искренне. Видишь? — он показал на два бластера.— Сегодня я их выброшу. С этих пор я не буду носить никакого оружия. Я не хочу, чтобы от меня хоть как-то зависела чья-то жизнь.

Стефансон задумчиво поковырял под ногтем большого пальца.

— Вот что,— сказал он.— Если ты говоришь серьезно — а по-моему, это так и есть,— то, может быть, мы что-нибудь придумаем. Например, будем выплачивать тебе какую-то долю прибыли. Там поглядим.

— Хотя это не принесет тебе никакой выгоды? — с удивлением спросил Крэндол.— Почему же ты раньше мне ничего не предлагал?

— Потому что я не люблю, чтобы меня принуждали. До сих пор я противопоставлял силу силе.

Крэндол взвесил этот ответ.

— Не понимаю. Но, наверное, ты так создан. Что ж, как ты сказал — там поглядим.

Когда он наконец повернулся к Хенку, Отто-Блотто все еще растерянно покачивал головой, занятый только собственной неудачей.

— Представляешь, Ник? Эльза месяц назад отправилась в увеселительную поездку на Луну. Кислородный шланг в ее костюме засорился, и она умерла от удушья, прежде чем ей успели помочь. Черт-те что, Ник, верно? За месяц до моего срока! Не могла подождать какой-то паршивый месяц! Она хохотала надо мной, когда помирала. Это уж как пить дать!

Крэндол обнял его за плечи.

— Пойдем погуляем, Отто-Блотто. Нам обоим будет полезно проветриться.

«Странно, как право на убийство действует на людей,— думал он.— Полли поступила на свой манер, а Дэн — на свой. Старина Ирв отчаянно вымаливал себе жизнь — и старался не переплатить. Мистер Эдвард Болласк и девица в ресторане... И только Фредди Стефансон, единственная намеченная жертва, только он не пожелал просить».

Просить он не пожелал, но на милостыню расщедрился. Способен ли он принять от Стефансона то, что, в сущности, будет подачкой? Крэндол пожал плечами. Кто знает, на что способен он сам или любой другой человек?

— Что же нам теперь делать, Ник? — обиженно спросил Отто-Блотто, когда они вышли из отеля.— Нет, ты мне ответь: что нам теперь делать?

— Я, во всяком случае, сделаю вот что,— ответил Крэндол, беря в каждую руку по бластеру.— Только это, и ничего больше.

Он по очереди швырнул сверкающие бластеры в стеклянную дверь роскошного вестибюля «Козерог-Ритца». Раздался звон, затем снова звон. Стена рухнула, расколовшись на длинные кривые кинжалы. Люди в вестибюле оборачивались, выпучив глаза.

К Крэндолу подскочил полицейский. Бляха на его металлической форме отчаянно дребезжала.

— Я видел! Я видел, как ты это сделал! — кричал он, хватая Крэндола.— Ты получишь за это тридцать суток!

— Да неужто? — сказал Крэндол.— Тридцать суток? — Он вытащил из кармана свое свидетельство об освобождении и протянул его полицейскому.— Вот что, уважаемый блюститель порядка. Сделайте-ка в этой бумажке надлежащее число проколов или оторвите купон соответствующих размеров. Либо так, либо эдак. А можете и так и эдак. Как вам больше нравится.

Он умрет со щелчком

Работа была просто чудо, и Макс Альбен знал, кому он этой работой обязан. Своему прадеду, вот кому.

— Добрый старый Джиованни Альбени,— в четверть голоса приговаривал он, торопливо шагая в лабораторию чуть впереди эскортирующих его ученых.

Все они, несмотря на напряженность момента, не забыли почтительно кивнуть группе полноватых мужчин с жесткими лицами, сидящих в креслах вокруг машины времени.

Он быстро скинул свое тряпье, как его проинструктировали заранее, и шагнул внутрь огромного механизма. Впервые он видел саму машину, а не ее копию — тренировки проходили на учебной модели,— и теперь испуганно и в то же время почтительно разглядывал огромные прозрачные спирали и потрескивающий энергетический пузырь.

Принцип, благодаря которому действовала машина, гордость и надежда 2089 года, был почти за пределами его понимания. Но Макс Альбен знал, как запустить ее, и знал, пусть в общих чертах, что после этого произойдет. Знал он также и то, что это первое столь продолжительное путешествие в прошлое имело равную вероятность успеха и неуспеха и для него могло закончиться смертью.

— Добрый старый Джиованни Альбени,— снова с нежностью повторил он.

Если бы на ранних стадиях экспериментов со временем его прадед не вызвался отправиться добровольцем в семидесятые годы прошлого века, во времена еще до Погибели, никогда бы, вероятно, не выяснилось, что он и его потомки обладают иммунитетом к темпоральной потере памяти.

А если бы этого не выяснилось, то сейчас, больше чем через сто лет после случая с его прадедом, нынешние земные

правители не выдернули бы Макса Альбена с места отбывания им унылой государственной службы в качестве сменного охранника куриного заповедника в Северной Америке. И сегодняшнего положения героя (положения прилично оплачиваемого) не видать бы ему тогда, как своих ушей. Он по-прежнему ходил бы вдоль ограды из колючей проволоки, охраняя двух петухов и трех белых курочек леггорнской породы — что составляло примерно одну шестую куриного поголовья всего западного полушария,— довольствуясь в качестве награды половиной ведра сушеных абрикосов, которое ему давали за трудодень.

Нет, если бы его прадед много лет назад не продемонстрировал свою уникальную способность оставаться в сознании на протяжении всего путешествия во времени, Макс Альбен не переминался бы сейчас с ноги на ногу в лаборатории, не стоял бы с неуверенной и покорной улыбкой перед королями мирового черного рынка в ожидании последних инструкций.

Люди типа О'Хары, заправляющего грибным бизнесом, Левни, ягодного магната, Соргассо, монополиста по червям,— разве все эти воротилы черного рынка в противном случае удостоили бы хоть единого взгляда человека вроде Альбена, стали бы предлагать пожизненное пособие жене и пятерым его детям — каждому по полной ложке натурального сахара ежедневно?

Даже если он не вернется, его семья будет обеспечена так, как почти никакая другая на Земле. Это чертовски выгодная работа, и ему здорово повезло.

Альбен заметил, что Абд Садха поднялся с кресла в дальнем конце помещения и подошел к нему с запечатанным металлическим цилиндром в руке.

— В последний момент было решено предпринять дополнительные меры предосторожности,— сказал старик.— Ученые посоветовали сделать это, и я... в общем, я дал свое одобрение.

Последние слова были произнесены с вопросительной интонацией, и Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций быстро оглянулся на королей черного рынка, сидящих у него за спиной. Они ответили ему ничего не выражающими взглядами, но возражений не высказали. Он облегченно откашлялся и повернулся к Альбену.

— Уверен, молодой человек, что мне нет смысла еще раз вдаваться в подробности полученных вами инструкций. Вы входите в машину и возвращаетесь в прошлое в тот период времени, на который она настроена,— на сто тринадцать лет назад, к моменту взлета управляемой ракеты в 1976 году. В 1976-м, я правильно говорю? — В его голосе послышались нотки неуверенности.

— Да, сэр,— почтительно ответил один из ученых.— Эксперимент с управляемой ракетой, оснащенной атомной боеголовкой, результатом которого стала Погибель, произошел на этом самом месте 18 апреля 1976 года.

Ученый с гордым видом оглянулся на мужчин в креслах — словно ученик, удачно ответивший в присутствии посетивших школу высокопоставленных чиновников из министерства образования.

— Да-да, именно так,— кивнул Абд Садха.— Восемнадцатого апреля тысяча девятьсот семьдесят шестого года. Итак, молодой человек, вы материализуетесь в тот самый момент и на том самом месте, где находился пульт дистанционного управления ракетой... да, управления ракетой. Вы окажетесь в... в выгодном положении, открывающем перед вами возможность изменить траекторию ракеты и изменить тем самым историю человечества в лучшую сторону. Да.

Он замолчал — видимо, потерял нить рассуждений.

— И он переведет в свою сторону красный рычажок,— резко, нетерпеливо подсказал ему Гомес, сделавший себе состояние на корнях одуванчика.

— Да-да, красный рычажок. Он переведет в свою сторону маленький красный рычажок. Благодарю вас, мистер Гомес, вы очень любезны, сэр. Он переведет маленький красный рычажок, установленный на зеленом диспетчерском щите, тем самым предотвратив ошибку, в результате которой ракета взорвалась не в центре Тихого океана, как планировалось, а в бразильских джунглях.— Генеральный секретарь ООН лучезарно улыбнулся.— И это, казалось бы, незначительное действие начисто вымарает Погибель со страниц истории, и современный мир сделается таким, как будто ее никогда не было. Я правильно излагаю, джентльмены? — спросил он, снова беспокойно обернувшись.

Никто из сидящих в креслах не удостоил его ответом. Альбен тоже не отрывал от них подобострастного взгляда.

Он знал, кто в мире хозяева,— эти вот сытые, бесстрастные люди в чистой одежде, на которой практически нет заплат (а если и есть, то, по крайней мере, они совпадали по цвету с тканью).

И хотя Садха занимал пост Генерального секретаря ООН, это была все та же государственная служба, лишь на несколько общественных ступеней выше должности охранника куриного заповедника. Одежда на нем была ветхая, пестрая — почти такая же, какая грудой лежала у ног Альбена. И, без сомнения, живот у него сводило от голода точно так же.

— Надеюсь, вы понимаете, молодой человек, что, если что-то пойдет не так,— спросил Абд Садха, кивком подергивающейся головы предвосхищая ответ,— если случится что-то непредусмотренное, следует прервать эксперимент и немедленно вернуться?

— Он понимает все, что ему следует понимать,— ответил вместо Альбена Гомес.— Переходите к делу.

Старик снова улыбнулся.

— Да-да. Конечно, мистер Гомес.— Он подошел к Альбену, стоящему внутри механизма рядом с входным порталом машины времени, и вручил ему запечатанный металлический цилиндр.— Вот это и есть та дополнительная мера предосторожности, которую предложили ученые. Прибыв на место назначения, перед тем как материализоваться, вы бросите этот предмет в окружающую вас темпоральную среду. Наша цель, как вы, без сомнения...

Левни выпрямился в кресле и начальственно щелкнул пальцами.

— Кажется, Гомес только что вам сказал, чтобы вы переходили к делу, Садха. А оно стоит на месте. Мы — люди занятые и потратили впустую уже уйму времени.

— Я просто пытаюсь объяснить смысл этого решающе важного заключительного действия,— извиняющимся тоном объяснил Генеральный секретарь.— Действия, которое, возможно, окажет...

— Хватит с нас объяснений! — Левни повернулся к человеку, находящемуся внутри машины: — Давай, парень! Двигай!

Макс Альбен проглотил ком в горле, истово закивал, метнулся в глубину машины и повернул верньер.

Щелк!

Работа была просто чудо, и Мак Альбин знал, кому он этой работой обязан. Своему прадеду, вот кому.

— Добрый старый Джиованни Альбени,— он засмеялся, глядя на мрачные физиономии обоих своих коллег.

Боб Скит и Хьюго Хонек приложили не меньше него усилий, чтобы построить эту маленькую машину времени в тайной лаборатории под вертолетным гаражом. Они тоже страстно желали совершить это путешествие, но, к несчастью, им не повезло с предками.

Альбин не спеша снял с себя богато расшитую одежду — привилегия носить ее была дарована ему как отцу двоих детей — и втиснулся в тесное пространство. Он уже много раз видел машину прежде, поскольку помогал строить ее с того самого момен-

та, как Хонек поднялся из-за чертежной доски, и теперь едва бросил взгляд на прозрачные спирали толщиной с большой палец, вырастающие из едва видимых энергетических пузырей.

Машина была последней надеждой 2089 года, даже несмотря на то, что мир 2089 года не знал ни о ее существовании, ни о попытке с ее помощью изменить существующую реальность. Однако лично для Мака Альбина она значила много больше, чем просто спасение мира,— это было рискованное предприятие, которое могло окончиться его смертью.

— Добрый старый Джиованни Альбени.— Он снова счастливо рассмеялся.

Если бы на ранних стадиях экспериментов по путешествию во времени его прадед не вызвался отправиться добровольцем в семидесятые годы прошлого века, во времена еще до Эпидемии, никогда бы не выяснилось, что он и его потомки обладают иммунитетом к темпоральной потере памяти.

И если бы это не выяснилось, Альбины не стали бы физиками, во исполнение резолюции ООН, в соответствии с которой все на Земле — абсолютно все без исключения — должны были заниматься научными исследованиями того или иного рода. В мягкотелом, осторожном, зацикленном на защите жизни мире, в который превратилась Земля, двое коллег Мака Альбина никогда не избрали бы его на роль того, кто понесет знамя опасного запретного эксперимента.

Нет, если бы его прадед когда-то не продемонстрировал свою уникальную способность оставаться в сознании на протяжении всего путешествия во времени, Мак Альбин, скорее всего, стал бы биологом. Как большинство жителей сегодняшней Земли, он старательно трудился бы над разрешением скучных генетических проблем, вместо того чтобы стоять на пороге величайшего приключения, которое когда-либо выпадало на долю человека.

Если даже ему не суждено вернуться, он, по крайней мере, нашел общественно полезный способ избежать генетической ответственности перед человечеством вообще и своей семьей в частности. Это чертовски хорошая работа, и ему здорово повезло.

— Подожди минутку, Мак,— сказал Скит и зашагал в дальний конец лаборатории.

Альбин и Хонек наблюдали за тем, как он положил в маленькую металлическую коробку несколько листов бумаги и закрыл ее, но не запер.

— Ты будешь осторожен, обещаешь, Мак? — просительно сказал Хьюго Хонек.— В любой момент, как только у тебя воз-

никнет мысль, что риск неоправдан, вспомни, что нам с Бобом угрожает суд, если ты не вернешься. Нас могут лишить профессионального статуса, и остаток своих дней мы будем присматривать за роботами где-нибудь на заводе.

— Ничего страшного не случится,— явно думая о чем-то своем, заверил его Альбин, который лежал, скрючившись, внутри машины времени.

Он не сводил взгляда со Скита, идущего к нему с коробкой.

Хонек пожал плечами.

— Ты прекрасно знаешь, что наша с Бобом судьба — еще не самое страшное из того, что может случиться. Исчезновение отца двух детей никак не пройдет незамеченным. Те, у кого по одному ребенку, вроде нас с Бобом, есть повсюду; если кто-то из нас пропадет из поля зрения, это мало кого взволнует.

— Вы с Бобом пытались управлять машиной,— напомнил ему Альбин.— И потеряли сознание спустя пятнадцать секунд после начала темпорального перемещения. Так что я — единственный, кто может попытаться реализовать этот шанс. Иначе человеческая раса будет сокращаться и сокращаться, пока вовсе не превратится в ничто, к чему, похоже, стремится дряхлый наш Совет Безопасности.

— Успокойся, Мак,— сказал Боб Скит, вручая ему металлическую коробку.— Совет Безопасности просто пытается решить эту проблему своим, дедовским способом: сосредоточить усилия всего мира на генетических исследованиях и одновременно в максимальной степени сохранить людей, в особенности тех, чей репродуктивный потенциал достаточно высок. У нас троих на этот счет другое мнение; вот почему мы украдкой торчали тут все ночи напролет. Наш подход радикален и требует большого риска. Вот зачем нужна эта металлическая коробка. Она предназначена для того, чтобы попытаться предотвратить еще одну очень нежелательную возможность

Альбин с любопытством повертел ее в руках.

— О чем ты?

— Всю ночь я составлял письменное послание, и теперь оно здесь, в этой коробке. Послушай, Мак, после того, как ты вернешься в девятьсот семьдесят шестой, в момент проведения эксперимента с управляемой ракетой, и отведешь от себя красный маленький рычажок на пульте, произойдет множество событий. Дело не ограничится лишь отклонением ракеты, в результате которого она взорвется в бразильских джунглях, а не в Тихом океане.

— Конечно. Я знаю. Раз она взорвется в джунглях, эпидемии не будет. Никакой свинки Шапиро.

Скит покачал головой.

— Я не то имел в виду. Эпидемии не будет, да, но произойдет кое-что еще. Это будет новый мир, другой две тысячи восемьдесят девятый год, другая временная последовательность, ты понимаешь? Это будет мир, в котором человечество получит больше шансов выжить, но у него наверняка будут свои собственные проблемы. Может быть, очень серьезные. Может быть, настолько серьезные, что у них зародится аналогичная идея и они попытаются вернуться к той же самой точке во времени, чтобы избавиться от них.

Альбин засмеялся.

— Такое впечатление, что ты просто выискиваешь лишний повод для беспокойства.

— Может, и так, но это моя работа. В нашей команде Хьюго — конструктор машины времени, ты — ее оператор, а я — теоретик. Моя работа в том и состоит, чтобы выискивать поводы для беспокойства. Итак, просто на всякий случай, я кратко описал историю нашего мира с того момента, как ракета взорвалась в Тихом океане. Это даст им возможность понять, почему наш вариант будущего — наихудший. Все в этой коробке.

— Что я должен с ней сделать? Вручить парню из альтернативного две тысячи восемьдесят девятого?

Низкорослый толстяк сердито стукнул пухлой ладонью по борту машины времени.

— Не делай вид, что не понимаешь. Никакого альтернативного две тысячи восемьдесят девятого года не будет — до тех пор, пока ты не отведешь от себя на зеленом щите рычажок. Как только ты это сделаешь, наш мир с его медленным угасанием перестанет существовать и возникнет альтернативный — ну, как две электрические лампочки в релейной цепи. Мы сами и все созданное нами исчезнет, включая и эту машину времени. Проблема вот в чем — как сделать так, чтобы не исчезла и рукопись?

Если я все рассчитал правильно, от тебя требуется одно — бросить эту металлическую коробку с рукописью в окружающую темпоральную среду за миг до того, как ты материализуешься, чтобы сделать свое дело. Темпоральная среда, в которой будет проходить твое путешествие, есть нечто, существующее независимо, автономно от всех возможных вариантов будущего. То, что погружено в нее, не изменится под воздействием новой временной последовательности. Так, по крайней мере, мне кажется.

— Напомни ему об осторожности, Боб,— проворчал Хонек.— Он воображает себя этаким капитаном Бладом, а это путешествие — как свой шанс сбежать в море и податься в пираты.

Альбин с досадой скорчил гримасу.

— Меня *действительно* очень привлекает мысль впервые в жизни сделать что-то отличное от сидения в безопасном месте, где только и занятий, что ломать голову над маленькими безопасными абстракциями. Но я понимаю, что это первый эксперимент. Не сомневайся, Хьюго, у меня хватает ума, чтобы осознавать этот факт. Я знаю, что, если произойдет что-то непредвиденное, нужно немедленно вернуться и посоветоваться с вами.

— Надеюсь, ты так и сделаешь.— Боб Скит вздохнул.— Надеюсь, ты и вправду все понимаешь правильно. Один из поэтов двадцатого века писал примерно в том смысле, что наш мир закончит свое существование не взрывом, но всхлипом. По-моему, наш мир и приближается к концу с таким вот жалобным всхлипом. Постарайся сделать так, чтобы его конец не сопровождался взрывом.

— Обещаю,— сказал Альбин с наигранной серьезностью.— Его конец не будет сопровождаться ни взрывом, ни всхлипом. Пока, Хьюго. Пока, Боб.

Извернувшись, он потянулся к верньеру над головой.

Щелк!

А все-таки странно, думал Макс Альбен, что все, кто пытался совершить путешествие во времени, теряли сознание, а у него оно вызывает лишь легкое головокружение. Все дело в том, что он потомок Джиованни Альбени, так ему было сказано. Наверно, для этого существует какое-то сложное научное объяснение — но ему-то что за дело? Лучше выкинуть это из головы.

Машину времени окутывал тяжелый бесцветный сумрак, в котором все предметы были едва намечены и разглядеть их как следует не удавалось. Все равно что в густой туман нести службу вокруг куриного заповедника.

Судя по показанию приборов, сейчас шел 1976 год. Он снизил скорость, добрался до последнего дня апреля и снизил ее еще, медленно скользя к 18-му числу, дню знаменитого эксперимента с управляемой ракетой. Осторожно, очень осторожно, словно имея дело с бомбой неизвестного типа, созданной на неизвестной планете, он не отводил взгляда от шкалы, дожидаясь, пока стрелка замрет у тонкой травленой линии, обозначающей нужный момент. Потом привел в действие тормоз и остановил машину.

Все, что теперь оставалось сделать, это материализоваться где надо, выбраться наружу и потянуть на себя красный рычажок. И на этом его высокооплачиваемая работа будет выполнена.

Вот только...

Он замер и почесал голову под грязными, спутанными волосами. Вроде было что-то еще. Что-то ему надо сделать за мгновенье до того, как материализоваться... Да, последнее указание этого никчемного старого пустозвона Садхи.

Он взял запечатанный металлический цилиндр и отправил его в серый сумрак. И тут заметил какой-то предмет, медленно плывущий неподалеку от входного портала. Альбен протянул руку — до чего же там было холодно! — и затащил предмет внутрь.

Маленькая металлическая коробка. Забавно. Как она тут оказалась? Может быть, там что-нибудь ценное, с любопытством подумал он? И открыл ее. Ничего, кроме исписанных листов бумаги, разочарованно вздохнул Альбен. Он начал читать — медленно, очень медленно, поскольку в рукописи было полно длинных, сложных слов. Она оказалась чем-то вроде послания одного книжного червя другому.

Все проблемы начались после эксперимента с управляемой ракетой в 1976 году, читал он. Таких экспериментов было немало, но именно этот стал последней каплей, о чем уже давно предостерегали биологи. Как и предполагалось, ракета со смертоносной боеголовкой взорвалась в Тихом океане, физики и военные разошлись по домам изучать свои записи, а мир в очередной раз содрогнулся в ожидании надвигающейся войны и попытался забыть о ней.

Однако не тут-то было. В нескольких сотнях миль к северу выпал радиоактивный дождь, и небольшой рыболовецкий флот попал под него. По счастью, уровень радиации в дожде был слишком низок, чтобы причинить людям заметный физический вред. Однако ее воздействие стало причиной мутации вируса свинки, которой были заражены несколько рыбаков; у них протекал инкубационный период, а свинку они подцепили у детей в своей деревушке, где как раз бушевала эпидемия этой болезни.

Суда вернулись домой, и вскоре вся деревня слегла, зараженная уже новой разновидностью свинки. Доктор Левеллин Шапиро, единственный врач в деревне, первый заметил, что, хотя симптомы этого заболевания существенно слабее, чем в случае обычной свинки, практически никто не обладал иммунитетом к мутировавшему вирусу, а его воздействие на репродуктивную функцию человека оказалось поистине ужасающим. Большинство людей были полностью стерилизованы. Способность же остальных становиться отцами или вынашивать детей заметно снизилась.

В течение нескольких десятилетий свинка Шапиро распространилась по всей планете. Она проникала сквозь любые карантины; на протяжении долгого времени одерживала победу

над всеми вакцинами и сыворотками, пытавшимися одолеть ее. Потом, когда в конце концов нужная вакцина была разработана, человечество обнаружило к своему ужасу, что его репродуктивные возможности фундаментально ослаблены.

Что-то произошло с зародышевой плазмой. Очень многие рождались стерильными, а если и нет, то, как правило, они могли произвести на свет лишь одного ребенка; родители, имеющие двоих детей, встречались крайне редко, а о родителях с тремя детьми никто никогда не слышал.

Совет Безопасности ООН установил строгий евгенический контроль над тем, чтобы в брак вступали только те мужчины и женщины, у которых могли родиться дети. Эта способность стала самым важным средством достижения высокого общественного положения, а сразу вслед за этими людьми шли те, кто добился успеха в генетических исследованиях.

Лучшие умы человечества занимались теперь генетикой; остальным наукам уделялось гораздо меньше внимания. Все на Земле в той или иной форме занимались наукой. Поскольку население резко сократилось, в его распоряжении оказались огромные природные ресурсы, и всю физическую работу выполняли роботы. Правительство заботилось о том, чтобы у всех все было, и в ответ просило лишь, чтобы люди ни в коем случае не рисковали собственной жизнью — каждое человеческое существо превратилось в ценность, которую следовало всячески защищать и охранять.

Людей осталось меньше ста тысяч — человечество оказалось у критической черты, за которой, по всем оценкам, достаточно было одного-единственного нового бедствия, чтобы стереть этот вид с лица Земли. По правде говоря, особой нужды в этом новом бедствии не было. С тех пор как было покончено с эпидемией, уровень рождаемости все больше и больше отставал от уровня смертности. Еще одно столетие и...

Все это и стало причиной отчаянной и тайной попытки изменить прошлое. Не вызывало сомнений, что дальнейшее существование такого мира невозможно.

Макс Альбен закончил чтение рукописи и вздохнул. Какой удивительный мир! И как в нем хорошо жить!

Он повернулся к приборам и, когда настал нужный момент — 18 апреля 1976 года,— начал процесс материализации.

Щелк!

А все-таки странно, думал Мак Альбин, что все, кто пытался совершить путешествие во времени, теряли сознание, а у него оно вызывает лишь легкое головокружение. Он знал — все

дело в том, что он потомок Джиованни Альбени. Может, существовала какая-то генетическая связь с тем, что плодовитость у него выше среднего; может, стоит подкинуть эту идею парочке биологов, когда он вернется. *Если* вернется.

Машину времени окутывал тяжелый бесцветный сумрак, в котором все предметы казались едва намечены и разглядеть их как следует никак не удавалось. Все равно что в густой туман совершать посадку на вертолете, забыв приказать роботу-слуге зажечь посадочные огни.

Судя по показанию прибора, сейчас шел 1976 год. Он снизил скорость, добрался до последнего дня апреля и снизил ее еще, медленно двигаясь сквозь время к 18-му числу, дню знаменитого эксперимента с управляемой ракетой. Осторожно, очень осторожно, точно робот-акушер, принимающий особо трудные роды, он не сводил взгляда со шкалы, дожидаясь, пока стрелка замрет у тонкой травленой линии, обозначающей необходимый момент. Потом нажал на кнопку и остановил машину.

Все, что ему теперь оставалось сделать, это материализоваться в нужном месте, выбраться наружу и отвести красный рычажок от себя. На этом его волнующее приключение закончится.

Вот только...

Он замер, постукивая пальцами по гладкому подбородку. Было что-то еще, что следовало сделать перед материализацией. Да, последнее указание этого психованного теоретика, Боба Скита.

Он взял маленькую металлическую коробку, извернулся, открыл дверцу машины времени и швырнул коробку в серый сумрак. И тут заметил какой-то предмет, медленно плывущий неподалеку от выхода. Альбин протянул руку — там было ужасно холодно, как они и предполагали,— и затащил предмет внутрь.

Запечатанный металлический цилиндр. Странно. Как он тут оказался? Встревоженный, он открыл его, не смея надеяться, что внутри окажутся бумаги. Да, так оно и есть, взволнованно подумал Альбин. Он начал их читать быстро, очень быстро — как если бы это была только что опубликованная статья о нейтрино. Кроме того, рукопись была написана с почти тягостной простотой, словно составленное занудой-учителем руководство для слабоумных.

Все проблемы начались после эксперимента с управляемой ракетой в 1976 году, читал он. Таких экспериментов было немало, но именно этот стал последней каплей, о чем уже давно

предостерегали биологи. Как и предполагалось, ракета со смертоносной боеголовкой взорвалась в бразильских джунглях в результате непростительной ошибки персонала, обслуживающего пункт дистанционного управления. Итог был таков: старший офицер на пункте получил дисциплинарное взыскание, его подчиненных отдали под военный трибунал, а бразильскому правительству выплатили компенсацию за причиненный ущерб.

Однако мало кому в то время было известно, что пострадали не только бразильские джунгли. Под воздействием радиоактивности мутировал растительный вирус, имеющий сходство с табачной мозаикой. Пять лет спустя он вырвался из джунглей и уничтожил все рисовые плантации на Земле. Япония и большая часть Азии превратились в полупустыни, где обитали лишь немногочисленные уцелевшие кочевники.

Потом вирус добрался до пшеницы и кукурузы — и на планете поднялся голодный вой. Все попытки ботаников справиться с Погибелью окончились неудачей из-за бешеной скорости ее распространения. «Насытившись» одним видом растений, она перекидывалась на другой, потом на следующий и так далее, без конца.

Большинство млекопитающих в мире погибли задолго до того, как им начала грозить смерть от голода; их забили на еду. И многие насекомые тоже, прежде чем вымереть от отсутствия съедобных растений, пали жертвой повального голода.

Запас питательных веществ на Земле уменьшался безостановочно и в ужасающей геометрической прогрессии. Недавно было замечено, что начал исчезать планктон — крошечные организмы, основа морской экологии; и с его уменьшением на берегах появились груды мертвых рыб.

Человечество отчаянно металось в поисках выхода, но долгое время не находило его. Даже на других планетах Солнечной системы, которых удалось достигнуть и исследовать ценой невероятных затрат уцелевших ресурсов, не оказалось съедобных растений. Синтетическая пища не могла заполнить эту зияющую брешь.

Голод нарастал, и управлять обществом становилось все труднее. Жалкие попытки ограничить рацион питания продолжаются и поныне, но черные рынки стали единственными рынками на планете, а воротилы черных рынков — подлинными хозяевами жизни. Голодали практически все, и только самые изворотливые жили относительно комфортно. Закон и порядок существовали лишь для тех, кто мог позволить себе платить за них, и детей из обнищавших семей в открытую продавали за еду.

Погибель все еще продолжала свое победоносное шествие по планете, гибли все новые и новые виды растений, и запасы еды неуклонно сокращались. Еще одно столетие и...

Вот почему самые могущественные люди Земли создали объединенный фонд и вложили в него свои деньги в отчаянной попытке изменить прошлое. Не вызывало сомнений, что дальнейшее существование такого мира невозможно.

Мак Альбин закончил чтение документа и вздохнул. Какой удивительный мир! И как в нем хорошо жить!

Он положил руку на рычаг и, когда настал нужный момент — 18 апреля 1976 года,— начал процесс материализации.

Щелк!

Едва вокруг начали проступать контуры пункта дистанционного управления, Максу Альбену сделалось по-настоящему страшно. Все — и ученые, и Генеральный секретарь, и даже короли черного рынка — предостерегали его, что необходимо немедленно прервать эксперимент, если произойдет что-то непредвиденное. Он понимал, что должен вернуться с новой информацией и предоставить возможность лучшим умам планеты разобраться в ней. Но как ему не хотелось подчиняться!

Что эти баловни судьбы знали о жизни людей вроде него? Голод, все время голод, бесконечная борьба, унижения — и опять голод. Всякий раз, когда становилось хуже, они с женой искоса поглядывали на детей, задаваясь вопросом, за кого из них дадут больше. Вот и сейчас он покупал им уверенность в завтрашнем дне, рискуя собственной жизнью.

Но в том другом мире, в том другом 2089-м, государство заботилось о людях и оберегало их детей. Мужчина вроде него, имеющий *пятерых* детей,— да он станет там важным человеком! Возможно, самым важным на Земле! На него будут работать роботы, и еды хватит на всех.

Он даже может стать ученым — *все* там ученые, разве не так? — и получит в свое распоряжение большую лабораторию. И хотя в этом другом мире существуют свои проблемы, все равно там несравненно лучше, чем в том, откуда он прибыл. Нет, он не станет возвращаться. Он доведет начатое до конца.

Страх покинул его, и впервые за всю его жизнь Макса Альбена охватило ощущение собственного могущества.

Машина времени материализовалась рядом с зеленым диспетчерским щитом, и Альбен мгновенно покрылся испариной при виде всех этих военных вокруг, хотя ученые уверяли его, что все произойдет так быстро, что никто ничего не успеет заметить. Он увидел на диспетчерском щите единственный красный рычажок. Рычажок, который регулировал курс ракеты. Пора! Всего один шаг, и он окажется в очень приличном мире!

Макс Альбен потянул маленький красный рычажок на себя.

Щелк!

Когда вокруг начали проступать контуры пункта дистанционного управления, на Мака Альбина нахлынуло чувство стыда. Он обещал Бобу и Хьюго немедленно прервать эксперимент на любой стадии, если появится какой-то неожиданный фактор. Он понимал, что должен вернуться с новой информацией, чтобы они смогли втроем проанализировать ее.

Но что они могут сказать ему — они, так счастливо устроившиеся в своей заранее распланированной жизни? Им, по крайней мере, выделили жен, с которыми можно жить; ему же досталась такая, с которой у них была полная несовместимость во всем, кроме генетики. Генетика! Он устал от генетики, от бесконечных разговоров о святости человеческой жизни; устал до кончиков изнеженных пальцев, устал до каждой клеточки не привыкших к нагрузке мышц. Чтобы пережить простое приключение, он вынужден был действовать, словно вор в ночи.

Но в том другом мире, в том другом 2089-м, человек вроде него может стать владыкой черного рынка, властелином хаоса. Он получит возможность устанавливать собственные правила и выбирать тех женщин, которых пожелает. Что ж, теперь, раз эти слабаки уперлись в стену, оказавшись не в состоянии продолжить род человеческий, все кончено? Нет, он из другого теста.

Мак понял, кто на самом деле правит этим другим миром, прочтя документ, запечатанный в металлическом цилиндре. Наверняка заправилы черного рынка даже не читали его. По всей видимости, добиваясь разрешения на проведение эксперимента, ученые попросту одурачили их; до этих глупцов даже не дошло, что изменение течения времени перечеркнет само их существование.

В этом другом мире существуют свои проблемы, но, конечно, жизнь там бьет ключом по сравнению с тем, откуда он прибыл. Да, именно так: его мир вяло умирает; альтернативный мир голодает, но упорно борется с судьбой. Он заслуживает того, чтобы получить свой шанс.

Придя к выводу, что он способен на поступок, Альбин почувствовал гордость.

Машина времени материализовалась рядом с зеленым пультом. Альбина не волновало присутствие всех этих военных вокруг, поскольку он знал, что они не успеют заметить его. Он увидел на пульте единственный красный рычажок. Рычажок, который регулировал курс ракеты. Пора! Всего один шаг, и он окажется в чрезвычайно интересном мире!

Мак Альбин отвел маленький красный рычажок от себя.

Щелк!

Пора! Всего один шаг, и он окажется в очень приличном мире!

Макс Альбен потянул маленький красный рычажок на себя.

Щелк!

Пора! Всего один шаг, и он окажется в чрезвычайно интересном мире!

Мак Альбин отвел маленький красный рычажок от себя.

Щелк!

...потянул маленький красный рычажок на себя.

Щелк!

...отвел маленький красный рычажок от себя.

Щелк!

...на себя.

Щелк!

...от себя.

Щелк!

Лиссабон в кубе

Зазвонил телефон.

Альфред Смит, который в этот момент перекладывал вещи из чемодана в ящики типичного гостиничного комода, недоуменно поднял голову.

— Кому это...— начал было он, но не стал продолжать.

Очевидно, кто-то ошибся номером. Никто не знал, что он в Нью-Йорке, и уж тем более — в какой именно гостинице. Хотя, если подумать, кто-нибудь мог догадаться. А может быть, это портье звонит, чтобы предупредить о какой-нибудь мелочи — типа перегоревшей настольной лампы.

Телефон зазвонил снова.

Смит поставил чемодан и обошел вокруг кровати. Поднял трубку.

— Алло?

— Мистер Смит? — спросил сочный голос на другом конце линии.

— Говорите.

— Это мистер Джонс. Мистер Коун и мистер Келли со мной, в вестибюле. Здесь же Джейн Доу. Что вы предпочитаете — чтобы мы поднялись к вам или подождали внизу?

— Прошу прощения...

— Что ж, тогда мы поднимемся. Номер 504, не так ли?

— Да... А кто это говорит?

Но трубку уже положили.

Смит провел пальцами по волосам.

Это был среднего роста, неплохо сложенный, весьма приятной наружности молодой человек. Намечающееся брюшко свидетельствовало о том, что он преуспевает. Мистер Джонс? Коун? Келли? И кто такая Джейн Доу? Наверное, розыгрыш. Всякий, носящий фамилию Смит, привыкает к шуткам в свой адрес.

Тем более, звонивший спрашивал просто мистера Смита, а это очень распространенная фамилия. Не исключена ошибка.

Он снова поднял трубку.

— Справочное бюро,— попросил Альфред у дежурной.

— Да, справочное,— раздался через несколько секунд нежный голос.

— Это мистер Смит из 504-го номера. Жил ли здесь до меня какой-нибудь другой Смит?

Продолжительная пауза.

— У вас какие-либо затруднения, сэр?

Смит скривился.

— Я только хочу знать, жил ли в этом номере до меня Смит?

— Сэр, если бы вы могли сказать, что это доставляет вам какие-то неудобства...

Терпенье его начало лопаться.

— Я прошу вас ответить на простой вопрос. Проживал ли какой-нибудь мистер Смит в этом номере до меня? В чем дело? Он что, покончил с собой?

— У нас нет достаточных оснований полагать, что он совершил самоубийство, сэр. Существует много, очень много обстоятельств, при которых постоялец может исчезнуть после того, как забронировал номер!

В дверь настойчиво постучали.

— О'кей. Это все, что я хотел узнать,— прорычал Альфред Смит и бросил трубку.

Открыв дверь, он впустил в номер троих мужчин и весьма миловидную женщину.

— Послушайте...

— Привет, Гар-Пита! — перебил его один из мужчин.— Джонс — это я. Это — Келли, это — Коун, а это, разумеется — Джейн Доу.

— Произошла ошибка...

— Какая тут может быть ошибка! — сказал Коун, тщательно прикрывая за собой дверь.— Джонс, вы назвали Смита его настоящим именем, да еще при открытой двери! Это непростительная глупость!

Джейн Доу кивнула в знак согласия.

— Открыта дверь или закрыта, мы не должны забывать, что находимся на Земле. И обязаны употреблять только земные имена. Статьи 14-22 Полевого Устава.

Альфред окинул ее пристальным взглядом.

— На Земле?

Женщина стыдливо улыбнулась.

— Ну вот. И я совершила практически ту же ошибку. Надо было сказать «в Америке». Или, чтобы не вызывать особых подозрений, «в Нью-Йорке».

Мистер Келли внимательно рассматривал Альфреда.

— Вы — само совершенство,— наконец сказал он.— Лучше, чем у любого из нас. Такая маскировка наверняка потребовала огромного терпеливого труда. Не говорите ничего, я знаю! Вы — само совершенство, Смит!

Смит недоуменно переводил взгляд с одного странного посетителя на другого. Лунатики, что ли? Нет, шпионы! Что же делать? Объяснить им все или, высунув голову в окно, завопить «Караул!»? А может быть, они не шпионы, а просто сыщики, напавшие на след шпионов? Ведь это, как-никак, Нью-Йорк, а не какой-нибудь Гройсери-Корнерз, штат Иллинойс. С другой стороны, Нью-Йорк — обиталище самых ловких и остроумных пройдох. Может, это всего лишь розыгрыш городскими хлыщами только что прибывшей деревенщины?

Пока хозяин размышлял, гости расселись, не дожидаясь приглашения. Мистер Келли открыл портфель и начал что-то крутить внутри. Номер заполнило слабое жужжание.

— Не хватает мощности,— произнес он извиняющимся тоном.— Здешнее Солнце слабовато. Подождем еще пару минут. Все наладится.

Мистер Джонс наклонился вперед.

— Послушайте, друзья, вы не будете возражать, если я сброшу свою маскировку? Здесь невыносимо жарко.

— Не положено,— напомнила ему Джейн Доу.— При исполнении обязанностей форму снимать запрещается.

— Знаю. Но ведь Стэн-Дюрок... Я хотел сказать, Коун закрыл дверь на замок. В таком месте, как это, никто не войдет в окно, а о материализации можно не беспокоиться. Так как насчет того, чтобы мне расслабиться на парочку минут?

Альфред Смит рассматривал мистера Джонса, не скрывая веселого удивления. Толстый коротышка был одет в дешевый серый костюм из блестящего кримплена. Растительность на голове отсутствовала напрочь, если не считать реденьких бровей. Вот это маскировка! Смех, да и только!

— Пусть позволит себе,— понимающе усмехнувшись, предложил Альфред.— Здесь, кроме нас, никого нет. Смелее, Джонс. Снимайте свою маскировку.

— Спасибо,— прочувственно произнес Джонс.— Я просто задыхаюсь в этом облачении.

Альфред хихикнул. Уж он покажет этим ньюйоркцам!

Джонс расстегнул сначала пиджак, потом — белую рубашку. Приложил указательный палец к груди, надавил... из образовавшегося темного отверстия диаметром в 25-30 сантиметров, извиваясь, выполз черный паук. Его небольшое округлое тело было величиной с мужской кулак, лапы имели длину и толщину черенка курительной трубки. Паук припал к груди Джонса, тело осталось в той же позе: пальцы продолжали держать грудь открытой, спина удобно откинута на спинку кресла.

— Хорошо-о-о...— произнес паук.

Альфред залился истерическим смехом. Кое-как ему вскоре удалось приостановить поток звуков, извергавшихся изо рта, но смех продолжался где-то глубоко внутри. Он смотрел на паука, на застывшее тело, откуда тот выбрался. Остальные отнеслись к происходящему совершенно равнодушно.

Гудение из портфеля на коленях Келли внезапно сменилось разборчивой речью. Выражение скуки тотчас же улетучилось с лиц гостей, они заинтересованно подались вперед.

— Приветствую агентов по особым поручениям,— неслось из портфеля.— Это Центр Управления. Говорит Робинсон. Имеются какие-либо важные сообщения?

— Нет,— ответила Джейн Доу.

— И у меня нет,— произнес Келли.

— Пока что ничего нового,— вставил Коун.

Паук с наслаждением потянулся.

— Все то же. Сообщать не о чем.

— Джонс! — почти взвизгнул голос из портфеля.— Немедленно вернитесь в свою форму!

— Жарко, шеф. И мы здесь одни сидим, как тут говорят, за запертой дверью. Помните, какое суеверие выработалось на Земле в отношении запертых дверей? Нам совершенно не о чем беспокоиться.

— Сейчас забеспокоитесь! Вам, вероятно, в тягость роль агента по особым поручениям? Хочется вновь обрести статус обычного агента?

Паук вытянул ноги и совершил телодвижение, эквивалентом которого могло быть только пожимание плечами. Затем он осторожно попятился к отверстию в груди. Как только оно закрылось, тело Джонса ожило и застегнуло рубашку и пиджак.

— Вот так-то лучше,— наставительно произнес голос.— Больше никогда так не поступайте.

— Ну, будет, шеф, будет. Вот только нельзя ли нам немного остудить эту планету? Вызвать зиму или начать новый ледниковый период? Работать станет куда легче.

— И намного легче влипнуть, глупец. Вы там занимаетесь большими делами, вроде съездов или конкурсов красоты. А мы

в Центре — такими мелочами, как произвольные изменения климата и установление новых ледниковых периодов! — Голос на минуту замолчал, потом продолжил: — А как ваши дела, Смит? О чем вы можете сообщить?

Альфред тряхнул шевелюрой и нерешительно обвел взглядом номер.

— Со... сообщить? — нерешительно протянул он, но тут же собрался с духом.— Ничего. Сообщать нечего.

— Мне не нравится ваш тон. Вы там ничего не утаиваете, а? Не забывайте, оценка информации — наше дело, а не ваше!

— Н... нет,— выдавил из себя Смит.— Я абсолютно ничего не утаиваю.

— И не советую. Попробуйте только забыть сообщить нам хоть об одном конкурсе красоты — и вам крышка. Мы все еще не забыли о том промахе, который вы допустили в Загребе.

— О, шеф! — вмешалась Джейн Доу.— Нужно непременно быть местным жителем, чтобы определить, кто является самой главной коммунисткой с партбилетом в Хорватии. Нельзя упрекать Смита за это.

— А я убежден, что можно! Этот, как вы считаете, съезд активисток подпадал под определение конкурса красоты, которое было вам дано. Если бы Коун не наткнулся на упоминание о нем в «Киевской правде», на нас бы обрушились все силы ада. Не забывайте об этом, Смит. И перестаньте называть меня шефом! Моя фамилия Робинсон. Запомните это! Ясно?

Все кивнули. Альфред бросил в сторону Джейн Доу взгляд, в котором были и сомнение, и благодарность.

— Ладно,— продолжал голос из портфеля, несколько умиротворившись.— Чтобы доказать вам, что я столь же щедр на похвалу, как и на упреки, хвалю Смита за его маскировку. Она несколько необычна, но выглядит подлинной, а это — самое главное. Если бы все остальные не пожалели времени на то, чтобы привести в такой же порядок свою форму, вы бы, в конце концов,— тут голос сделал паузу и стал вкрадчивым и весьма игривым,— могли даже назвать меня Джеком Робинсоном.

Все покорно засмеялись, даже Альфред.

— Вы полагаете, что Смит хорошо поработал над своей маскировкой, не так ли, шеф... то есть мистер Робинсон? — с энтузиазмом спросила Джейн Доу, как бы подчеркивая этот факт для всех остальных.

— Безусловно. Взгляните на его костюм. Это не просто какой-то там старый костюм, нет! Он состоит из твидового пиджака и фланелевых брюк. Это свидетельствует об использо-

вании собственного воображения. Подбородок его — не просто подбородок, а с ямочкой. Очень неплохо. И цвет волос первосортный. Единственное, против чего я, возможно, стал бы возражать, так это его манера завязывать галстук. По-моему, солидный репсовый галстук стандартной длины меньше бы привлекал внимание. Но и этот тем не менее смотрится хорошо. А это — самое главное! Ощущать цельность своей маскировки! В нашем деле необходим инстинкт слияния с населением данной планеты, иначе ничего не выйдет. Я думаю, что у Смита этот инстинкт выработался.

— Спасибо,— пробормотал Альфред.

— Хорошо, хорошо, э... мистер Робинсон,— нетерпеливо произнес мистер Джонс.— Но не это самое главное. Работа наша гораздо важнее того, как мы выглядим.

— Ваша работа заключается как раз в том, как вы выглядите! Смотритесь соответственно — и работа будет спориться. Возьмем к примеру, вас, Джонс. Мне, кажется, никогда не приходилось встречаться с подобным, совершенно небрежно сработанным человеческим существом. Кем вам положено быть, а? Мистером Американцем, Человеком из Толпы.

У мистера Джонса был глубоко обиженный вид.

— Предполагается, что я — аптекарь из Бруклина. И, поверьте мне, моя форма вполне соответствует этой роли. Я знаю это точно. Вам бы следовало самому взглянуть на некоторых из этих аптекарей.

— Некоторые, Джонс,— это далеко не большинство. А я именно это имею в виду.

— Не хотел бы вас перебивать, Робинсон, но наш визит к Смиту не будет длительным. Мы просто как бы заглянули на минутку.

— Верно, Коун, верно. Главное — пунктуальность. Все готовы к инструктажу?

— Готовы! — хором ответили все.

Альфред старался больше всех.

— Коун, вы продолжаете выполнять свое прежнее задание, внимательно следя за всеми новыми конкурсами красоты, которые должны состояться в этой стране, обращая особое внимание, разумеется, на Нью-Йорк. Келли, вы продолжаете то же самое в отношении различных съездов. Джейн Доу и Джон Смит следят за всем, что может быть замаскированной попыткой подобных событий.

— У вас что-нибудь особенное на уме? — спросила Джейн Доу.

— Пока что нет. Вы просто продолжаете обход косметических салонов в надежде наткнуться на что-либо. А вы, Смит, получите особое задание. Вскоре должен состояться костюмированный бал сантехников Нью-Йорка и его пригородов. Вам нужно попасть на него и разнюхать все. Если на что-нибудь наткнетесь, немедленно дайте нам знать.

— Что вас особенно интересует? — как можно более небрежным тоном поинтересовался Альфред.

— Ну, раз вы сами не догадываетесь,— в голосе из портфеля зазвучали нетерпеливые нотки,— то это — входная плата, призы за лучшие костюмы, даже конкурс на звание «Мисс Водопроводная труба 1921 года», или какой-то другой, который сейчас на Земле. Честно говоря, я не думаю, что нам стоит обращать на этот бал особое внимание.

— А я? — не вытерпел Джонс.

— Вам мы довольно скоро передадим специальные инструкции. Возможно, придется кое в чем изменить подход,— последнее сообщение, казалось, заинтересовало всех, однако голос из портфеля явно не намерен был пускаться в дальнейшие объяснения.

— На этом все,— заявил он недвусмысленно.— А теперь расходитесь.— Мистер Келли застегнул портфель, раскланялся со всеми и вышел из номера. Несколькими мгновениями позже за ним последовал мистер Коун.

Затем Джонс зевнул и сказал:

— Прощайте, друзья.

Когда он закрыл за собой дверь, Джейн Доу поднялась тоже, но направилась не к двери, а туда, где с глупым выражением лица стоял Альфред Смит.

— Вот так, Джон,— нежно произнесла она.

Альфреду ничего не оставалось, как повторить за ней:

— Вот так, Джейн.

— Да, мы снова вместе. В одном и том же здании. Разве не замечательно?

Он осторожно, не сразу, кивнул:

— Да, замечательно.

— Если бы только на этот раз нам удалось покончить навсегда с этим грязным делом! Мы могли бы вернуться вместе...

— И что тогда?

— Какой же ты несмышленый, дорогой! — Ее глаза заблестели.— Тихая уютная паутинка где-нибудь, только для нас двоих... Ты и я — и больше никого! И множество, множество яиц.

У Альфреда перехватило дыхание, и он, не в силах больше терпеть, отвернулся.

— О, прости меня, дорогой,— всхлипнула она, хватая его за руку.— Прости! Я разволновала тебя! Заговорила об этом, оставаясь в униформе. Тогда пусть будет вот так: маленький домик у водопада и трое детишек. Ты и я, рука в руке, вплоть до золотой свадьбы. Пока не посеребрятся твои волосы. Так, пожалуй, лучше?

— Немного,— ему удалось взять себя в руки и взглянуть на нее.— Вернее — намного лучше.

Джейн обняла его. Он отпрянул.

— О, мне все равно...— зашептала она ему на ухо.— Плевать на все это. На дисциплину и все остальное, когда я рядом с тобой. И я повторю это, даже если нас подслушивают из Центра Управления. Ты знаешь, милый, чего бы я хотела сейчас больше всего?

Альфред тяжело вздохнул. Он очень опасался того, что может произойти.

— Нет.

— Я бы хотела,— жарко зашептала она,— чтобы мы оба были сейчас без формы и отправились в какое-нибудь темное сырое местечко... Мне бы хотелось ощущать на себе твои лапы, чувствовать, как твои передние усики ласкают меня... Меня, а не эту грубую бесчувственную маскировку.

Он задумался.

— Это все впереди. Терпение, моя дорогая.

Она выпрямилась и приняла деловой вид.

— Да, ты прав. Пора уходить. Вот наши номера телефонов, на тот случай, если захочешь связаться с кем-либо из нас. И не забывай, что эта операция должна быть проведена в строгом соответствии с наставлениями. Следовательно, нельзя допускать никакого пфмпвания, ни малейшего пфмпвания вообще, за исключением случаев крайней необходимости. Во всех остальных случаях пользуемся телефонами.

— Телефонами? — непроизвольно повторил он.

— Да, вот такими штуковинами,— показала она на черный аппарат, стоящий на тумбочке возле кровати.

— О, этими штуковинами,— пробормотал Смит, пытаясь встряхнуть слипшиеся в черепной коробке мозги.— Да, именно этими... И никакого... э... пв... пф.... как ты сказала?

— Никакого пфмпвания.

— Совершенно?

Он был уверен, что, задавая вопросы, сможет как-нибудь прояснить картину, уловить хоть какой-нибудь смысл.

Лицо ее стало в высшей степени сосредоточенным.

— Разумеется, никакого! Ведь это чрезвычайное задание!

— Да,— согласился он.— Чрезвычайное. Я как-то не подумал об этом.

— Ни при каких обстоятельствах нельзя об этом забывать! — настойчиво потребовала Джейн.— А то снова попадешь в беду, как тогда, в Загребе. Еще один такой промах — и тебе крышка, дорогой. Выгонят из разведки. Что же тогда будет с нашими совместными планами?

— Они рухнут, да?

Альфред изучающе глядел на собеседницу. Нельзя забывать... Действительно, нельзя. Под этой очаровательной девичьей плотью сидит огромный черный паук, управляя телом, как крановщик — рычагами управления грузового крана.

— Вот именно. Я не выйду замуж за кого-либо, не имеющего отношения к разведке. Наша жизнь была бы искалечена. Поэтому побереги себя, дорогой, постарайся, как только можешь. Не зевай. Будь всегда начеку. Старайся выходить сухим из воды. Будь честен и точен. Действуй энергично. Никому не доверяй. Не позволяй садиться себе на голову. Трудись упорно и копи деньгу. Кто рано встает, тому бог дает. И не плюй против ветра.

— Постараюсь,— упавшим голосом пообещал Смит.

— Мой маленький волосатик,— игриво прошептала она и поцеловала его в ухо. Затем вышла и закрыла за собой дверь.

Альфред, шатаясь, добрел до кровати и обессиленно рухнул на нее.

На кого это, интересно, он набрел? Или, вернее, кто это набрел на него? Шпионы? Без сомнения. Шпионы с другой планеты! Что же им у нас нужно? Конкурсы красоты, различные съезды, маскарады сантехников... За чем это они гоняются по Вселенной? Очевидно было только одно. Ничего хорошего от них ждать не приходится. Чего стоит одно только постоянное презрение в разговорах о Земле! Передовая волна захватчиков? Разведчики, прокладывающие путь главным силам? Вполне возможно. Только для чего же им нужны все эти конкурсы красоты, эти маскарады? Что в них есть ценного, привлекающего особый интерес к подобным мероприятиям? Захватчиков следовало бы ожидать в лабораториях ядерных исследований, на ракетных полигонах, в окрестностях Пентагона... Голова трещала. Альфред решил, что нет смысла угадывать ход их мыслей. Чуждые существа... Кто может знать, какого рода информация представляется им ценной?

— Грязные, подлые пауки,— прошептал Альфред в приступе ксенофобии.

И один из них еще влюблен в него! Собирается за него замуж! О чем это она там говорила? О великом множестве яиц? Хорошенькая перспектива! По всему телу, от шеи до пяток, пробежала дрожь. Они уверены в том, что он — Джон Смит. Значит, у Земли еще есть шанс. Слепая удача предоставила в распоряжение землян контрразведчика. В его лице! Альфреду стало страшно, но одновременно он испытал гордость. Контрразведчик! Мозг лихорадочно заработал.

Первое, что необходимо сделать — это навести справки о Джоне Смите.

Он поднял трубку.

— Справочная!

Дежурная знала немного. Джон Смит зарегистрировался в этой гостинице две недели назад. Однажды в полдень он ушел и больше не вернулся. После того как прошло положенное время, администрация решила, что он просто скрылся, так как уже порядочно задолжал. Вещи его перенесли в камеру хранения.

— Нет, сэр,— ответила девушка на закономерный вопрос.— Мне очень жаль, но наши правила не позволяют вам ознакомиться с его вещами. Если только вы не пожелаете официально заявить, что состоите с ним в родстве.

— А если я это сделаю?

— Вам нужно будет представить доказательства, сэр.

— Понятно. Большое спасибо.

Он повесил трубку.

Итак, Джон Смит зарегистрировался здесь, по всей видимости, по предварительной договоренности с сообщниками. Номер должен был служить явкой, местом встречи группы. Затем в один прекрасный день Джон Смит ушел и не вернулся. Поскольку маскировка подлежала частой смене, а шпионы ничего не знали об исчезновении прежнего Смита, они посчитали Альфреда своим. Но что же произошло с его предшественником? Попал в руки правительства США? Или ООН? Вряд ли. В этом случае шпионов поджидали бы здесь агенты ФБР или небольшое армейское подразделение. Нет, он попросту исчез. Погиб? Или временно скрылся, избрав новый способ выполнения задания своей межпланетной организации? И что будет с Альфредом, когда вернется Джон?

По телу молодого человека пробежала дрожь. В шпионских романах, которые ему доводилось читать, у разведчиков сложилась хорошая традиция — убирать всех, кто вольно или невольно попал в их среду. Следовательно, ему нужна помощь.

Но чья?

Полиции? ФБР?

Альфред снова вздрогнул, представив себе, как он, смущенный, заикающийся, путаясь в подробностях, пытается поведать о своих необыкновенных приключениях твердолобому дежурному сержанту. Инопланетное вторжение, мистер Смит? С Марса? Ах, не с Марса! Так откуда же? А, вы точно не знаете, мистер? Понимаю... В первый же день вашего пребывания в Нью-Йорке в ваш гостиничный номер вошли четверо и рассказали вам обо всем этом... Очень интересно. Очень, очень интересно... И как же их звали? О, они даже вам представились? Мистер Коун, мистер Келли, мистер Джонс и Джейн Доу? А ваша фамилия — Смит, не так ли? И все, что нам нужно сделать, чтобы удостовериться в истинности ваших слов, это по телефонному номеру разыскать адрес одного из этих типов, разрезать грудь того, на имя которого зарегистрирован этот телефонный номер, извлечь на свет большого черного паука и...

— Нет! — застонал Альфред.— Таким путем у меня нет ни малейшего шанса чего-либо добиться! Нужны доказательства. Осязаемые доказательства. И факты. Самое главное — факты. Кем являются эти пауки, с какой они планеты, когда намечается вторжение, какого рода оружие будет использовано... И побольше сведений об их организации здесь, на Земле.

Каким же образом раздобыть эти сведения? Не спрашивать же об этом в лоб. Это приведет к его разоблачению. Единственная пока ниточка — поручение, связанное с костюмированным балом сантехников. Несомненно, оно является составной частью плана пауков. Несомненно.

Он поднял трубку.

— Справочная? Это опять мистер Смит из 504-го. Посоветуйте, каким образом разузнать, где в Нью-Йорке размещаются сантехники?

— Если в вашем номере протекает кран, сэр,— спокойно пояснил терпеливый голос,— администрация пришлет к вам...

— Нет! Мне не нужен в данный момент водопроводчик. Нужны все сантехники Нью-Йорка и пригородов. Как их можно разыскать?

Он отчетливо услышал, несмотря на то что микрофон на другом конце линии был прикрыт ладонью, шепчущий кому-то в сторону голос: «Опять этот из 504-го. Ух, какой там на этот раз красавчик! Не завидую дежурной из вечерней смены, ей-ей!» Потом дежурная отчетливо сказала в микрофон:

— Алфавитный телефонный справочник находится на столике возле вашей кровати. Сантехников нужно искать на букву

«С». Там есть большинство сантехнических контор Манхэттена. Что касается сантехников Бруклина, Бронкса, Куинса и Стэйтен-Айленда, то я бы посоветовала вам...

— Мне не нужны сантехники из Бруклина или Бронкса! — взорвался Альфред. Сорвался! А ведь обязан держать себя в руках. Судьба всей планеты, всего рода человеческого зависит от того, насколько ясным будет его мышление. Он выждал некоторое время, чтобы успокоиться, затем снова заговорил, на этот раз спокойно, не торопясь:

— Проблема заключается в том, что сегодня вечером должен состояться костюмированный бал сантехников Нью-Йорка и окрестностей. Я обязан на него попасть. Но, к несчастью, потерял пригласительный билет с адресом. Как мне выяснить, где он будет проводиться?

Изложив таким образом суть дела, Альфред поздравил себя с необыкновенной быстротой мышления, какая и положена настоящему контрразведчику. Наступила пауза. Подумав, девушка сказала:

— Я могла бы навести соответствующие справки, сэр, а потом позвонить вам. Вас это удовлетворит, сэр?

— Вполне! — с энтузиазмом ответил он.— Это было бы просто замечательно.

Что ж, пора начинать постигать науку шпионского ремесла. Приобретать практику в быстром мышлении, быстром ведении разговора. В конторе его ждут только завтра. Так что в активе — еще полдня и весь сегодняшний вечер, которые можно посвятить спасению человечества. Рекламой фирмы «Блэксим», которая переманила его из «Мозаичного нейлона», был лозунг: «Мужчины примечают тех, кто носит изделия фирмы "Блэксим". На них такие потрясающие чулки!» Посылая его в эту командировку, начальство и предположить не могло, в какой чудовищной игре ему придется принять участие с первого же дня своего пребывания в Нью-Йорке. Разумеется, в фирме хорошо знали, что он за человек. Без ложной скромности можно сказать, что Альфред Смит создал себе в Иллинойсе неплохую репутацию. Еще бы: обеспечил максимальный сбыт в течение последних трех лет и постоянные заказы еще на пять следующих. В «Мозаичном нейлоне» он так и продолжал бы оставаться всего лишь удачливым продавцом, в то время как «Блэксим» с его ориентацией на Мэдисон-Авеню и другие самые респектабельные торговые дома увидела в нем возможного претендента на пост окружного торгового менеджера. Да, только «Блэксим» сумела разобраться в том, что Альфред Смит достоин выступать в высшей лиге чулочного бизнеса, но не

могла предугадать, какую огромную роль предстоит сыграть ее агенту в судьбе человечества. Зазвонил телефон.

— Я все разузнала, сэр. Костюмированный бал боссов сантехнических контор и котельных центрального отопления Нью-Йоркского муниципалитета начнется сегодня в восемь вечера в Меньшевик-Холле на 10-й авеню. Темой маскарада является эпоха дореволюционной Франции, приглашенные должны быть в соответствующих костюмах. Вам угодно записать адрес ближайшего магазина, где такой костюм можно взять напрокат?

— Да,— промямлил Альфред,— пожалуйста.

Все как будто налаживается.

Новоявленный контрразведчик отправился по полученному адресу и, не мешкая, приобрел наряд герцога де Ришелье. Пока костюм подгоняли по его фигуре, основательно пообедал — впереди была Большая Ночь. За обедом проштудировал буклет, посвященный характерным для Франции нарядам XVI—XVII веков. Любой факт мог оказаться существенной зацепкой. Вернувшись в свой номер, Альфред облачился в костюм и подошел к зеркалу. Результат несколько разочаровал его. В этом одеянии он скорее выглядел молодым протестантом, ни в коей мере не похожим на «Серое Преосвященство». Однако в коробке нашлась седая борода, поставившая все на свои места.

Неожиданная мысль внезапно пришла ему в голову. Маскировка маскировки! Молодой человек улыбнулся своему отражению.

— Дабы,— патетически произнес он,— господство людей, осуществляемое ради людей самими людьми, не исчезло с лица Земли!

Раздался телефонный звонок. Это был Джонс.

— Только что со мной говорил Робинсон. Относительно моего спецзадания. Это будет ночь из ночей!

— Сегодняшняя ночь?

Альфреду показалось, что кружевной воротничок сжимается вокруг его горла.

— Да, они намерены попытаться войти в контакт сегодня вечером. Мы пока еще не знаем, где именно, но это произойдет в Нью-Йорке. Меня оставляют в резерве. Я должен поспешить на помощь любому, кто этот контакт обнаружит. В качестве подкрепления, руки братской помощи, рука к руке, дружба превыше всего, на миру и смерть красна, с милым и в аду — рай. А вы будете на маскараде сантехников, не так ли? Где он должен состояться?

— В Меньшевик-Холле, на 10-й авеню. А что делать, если я обнаружу контакт?

— Пфмпвать, пфмпвать, как сумасшедший. Я тотчас же примчусь к вам. Забыть обо всех этих телефонах, спецканалах, нарочных, почтовых голубях, конных эстафетах, беспроволочном телеграфе и о курьерах Его Величества. Это выше любой «крайней необходимости», согласно статьям 23 и 49 Полевого Устава. Так что пфмпвуйте, не стесняясь, сколько душе угодно!

— Отлично! — восторженно заорал Альфред.— Только вот что...

На другом конце раздался щелчок повешенной трубки.

Сегодня вечером.

Ночь из ночей.

И ради чего?

Меньшевик-Холл представлял собой двухэтажное здание в самой захудалой части Десятой авеню. На первом этаже располагалась закусочная, над грязными окнами которой неоновая надпись провозглашала:

«Февральская революция была
единственной настоящей революцией.
Гриль-бар. Пиво. Вина. Изысканные ликеры.
Алексей Иванович Антипов, владелец».

Второй этаж был ярко освещен. Из его окон доносилась музыка. На двери сбоку от бара была приколота карандашная записка:

«Полугодовой костюмированный бал
управляющих водоканализационных контор
и отопительных котельных
Нью-Йорка и его пригородов.
Допускаются только в соответствующих нарядах.
Если не уплачены членские взносы
за последнее полугодие,
прежде чем подняться наверх,
разыщите в баре Бушке Хоровица.
Он будет в наряде "Железной Маски"
пить там ром до семи».

Альфред Смит взбирался по шаткой, скрипучей деревянной лестнице, не сводя глаз с загорелого генерала Монкальма, охраняющего вход на второй этаж. Никакого пригласительного билета, слава богу, не потребовалось — достаточным основанием для входа оказался наряд. Краснолицый генерал едва удостоил взглядом герцога де Ришелье и взмахом руки пригласил пройти

внутрь. Народу было полно. Десятки Людовиков XIII, XIV, XV и XVI степенно танцевали с Аннами Австрийскими и Мариями-Антуанеттами под звуки румбы и ча-ча-ча. Над их головами медленно вращались две цветные люстры, отбрасывая разноцветные блики на сверкающий паркет.

С чего начать?

Альфред взглянул на помост, на котором сидели музыканты. Они были без маскарадных костюмов. Надпись на большом барабане гласила, что ритмами снабжает вечер «Оле Олсен и его пятерка». Никто из них не был похож на межпланетных шпионов. Но, с другой стороны, шпионы как раз имеют заурядный вид, и искать их надо в самых неподходящих местах. Поэтому Альфред направился в мужской туалет.

Туалет был полон. Возле раковины для мытья рук толпилось не менее двух десятков мушкетеров, жующих огромные сигары и тихо переговаривающихся между собой. Смит затесался в их компанию и прислушался. Говорили о чем угодно, начиная с цен на цветные унитазы и кончая проблемами, возникшими при прокладке канализации в новых кварталах Лонг-Айленда.

— Я подрядчику так прямо и сказал,— говорил болезненного вида мушкетер-недомерок, отряхивая пепел сигары об эфес шпаги.— Джо, сказал я ему, как вы можете рассчитывать на то, что я проложу трубу, если вам не известна потребность, не говоря уже о типе... Послушайте, а ведь мы еще ничего не говорили о типе канализационной системы, которую они там намерены проводить! Джо, сказал я ему, вы ведь человек умный, так вот, я спрашиваю у вас, Джо, разве так делают? Какой во всем этом смысл? Вы требуете, чтобы я провел канализационный коллектор, пропускная способность которого будет гораздо меньше, чем канализационных труб отдельных улиц? Ведь стоит тогда новым жильцам начать сливать воду в своих туалетах, как она поднимется и затопит ванные комнаты. Вы этого хотите, Джо? Нет, отвечает он, я этого не хочу. Ладно, говорю, тогда вы, видимо, хотите, чтобы я провел коллектор намного более мощный, чем требуется, пропускная способность которого будет гораздо выше? Но ведь тогда придется поднять цену домов, что уже поздно делать. Вы этого хотите, Джо? Нет, говорит он, я этого не хочу. Так вот, Джо, говорю я, признайтесь, что такое предложение — глупость с самого начала и до конца. Представьте себе, Джо, что кто-то просит вас выстроить дом и не в состоянии сказать, какой ему нужен фундамент — каменный, бетонный, стальной, шлакоблочный. Так вот, именно это вы и упрашиваете меня сейчас сделать, Джо, именно это.

Раздалось одобрительное посапывание. Высокий худосочный мушкетер с печальным лицом высморкался и, аккуратно сложив платок, заметил:

— Общая беда всех подрядчиков. Все они думают, что сантехники могут творить чудеса. Им надо, в конце концов, понять, что сантехники — такие же люди, как и все остальные.

— Я придерживаюсь другого мнения,— произнес только что подошедший гугенот.— По-моему, сантехники на самом деле являются кудесниками. Что нам нужно принять на вооружение — так это всю нашу американскую сообразительность, наше американское умение, нашу чисто американскую способность все учесть и рассчитать до мелочей. Вы заказываете мне канализационную систему в новом микрорайоне такого типа, какого еще никто никогда не применял, и никто толком не знает, какая от нее потребуется пропускная способность. И я рассчитываю всю систему трубопроводов даже с учетом дальнейшего расширения микрорайона, которая будет всегда прекрасно функционировать. И сделаю это к тому же с наименьшими затратами.

— Каким это образом? — поинтересовался мушкетер-недомерок.

— А таким,— отпарировал гугенот.— Приложив свою американскую творческую фантазию, свою американскую мастеровитость и свою американскую способность учесть все мелочи. Вот каким образом.

— Простите,— поспешил вмешаться Альфред Смит, опасаясь, что мушкетер-недомерок наберется духу и полезет в дальнейшую словесную перепалку.— Господа, не знает ли кто-нибудь, какие призы будут вручаться сегодня за лучший наряд, какие — на прощание, и все такое?

Наступила тишина. Затем гугенот (Колиньи? Конде? Де Роган?) наклонился и похлопал его по груди.

— Когда у тебя возникает вопрос, сынок, самое главное — найти человека, который может на него ответить. Поэтому обратись лучше к человеку у входа — он наверняка знает, что будут давать на прощанье. Скажи ему, что тебя послал Ларри, что Ларри просил, чтобы он рассказал тебе все о сегодняшних призах. И он, сынок, удовлетворит твое любопытство.— Он снова повернулся к своему негодующему собеседнику.— Вы еще не начали говорить, а я уже наперед знаю, что за слова у вас на языке. И поэтому уже сейчас говорю, что вы неправы.

Альфред начал протискиваться подальше от разгорячившихся боссов водопровода и канализации. На его пути подошедший

только что гвардеец кардинала глубокомысленно заметил палачу в черном капюшоне:

— Этот Ларри — большая шишка. Я бы многое отдал за то, чтобы увидеть, как он сядет задницей в лужу.

Палач кивнул и легонько толкнул его топором в плечо.

— Когда-нибудь прозвучит анонимный звонок в Санитарную Инспекцию насчет него, и пришлют такого инспектора, которому нельзя будет сунуть в лапу. Вот и все! Как должно быть со всяким, кто покупает выброшенные в утиль трубы, хромирует их и продает своим товарищам как новые...

Резиновое лезвие топора затрепетало над плечом палача, как знамя на ветру. Через несколько минут Альфред добрался до входа, где, раскачиваясь на складном стульчике, сидел дежурный. Альфред задал ему вопрос относительно призов.

— Разве меня посвящают во что-нибудь важное?

Он надвинул шляпу на глаза и уставился в пустоту, размышляя.

— А почему бы вам не расспросить в баре? Все заправилы находятся сейчас там.

Заправил оказалось что-то слишком много. Кринолины, экстравагантные прически и напудренные парики настолько заполнили помещение бара, что полдесятка его завсегдатаев в потрепанных костюмах и поношенных куртках, казалось, были единственными, облаченными в настоящие маскарадные наряды — наряды бедствующих, обиженных судьбой анахронизмов из будущего, каким-то образом затесавшихся в императорский Версаль. Бушке Хоровиц, высоко подняв Железную Маску, несмотря на строжайшие указы короля и кардинала, принимал членские взносы, высказывая свое мнение о перспективах использования стояков и стоячих душевых толпе, разодетой в парчу и шелка. Периодически он щедрым жестом бросал монеты бармену — неуклюжему, сердитому на вид мужчине с окладистой бородой. Продираясь сквозь толпу и едва успевая извиняться, Альфред скоро понял, что протолкнуться к нему нет никакой возможности. Поэтому он пытался выяснить что-либо в отношении призов у окружающих, но на него никто не обращал внимания. Видимо, нужно поискать кого-либо пониже рангом.

Кто-то потянул его за рукав кардинальской мантии. Герцог посмотрел вниз и увидел весьма худую мадам Дюбарри, сидящую в пустой кабинке. Она улыбалась.

— Вздрогнем? Ты да я. Вдвоем,— пояснила женщина.

Альфред покачал головой.

— Нет, спасибо. Я... э... занят. Может быть, попозже.

Он хотел отойти, но мадам удержала его за рукав. Хватка была совершенно недвусмысленной.

— Поглядите-ка на этого сильно занятого бизнесмена,— обиженно надула она губки.— У него нет на меня времени. Он такой занятой!

Стараясь унять растущее раздражение, Альфред пожал плечами и сел в кабинке за столик напротив нее. Все равно пока не получается ничего путного. Изящные пальчики отпустили его рукав. Появился сердитый бармен.

— Хочу виски со льдом,— капризно заявила мадам.— Виски со льдом — единственный подходящий для меня напиток.

— Два виски со льдом,— заказал Альфред.

— Я слышала, вы интересуетесь конкурсами. Я как-то раз была победительницей конкурса. Надеюсь, после этого признания я вам понравлюсь чуточку больше?

— И в каком же конкурсе вы победили? — рассеянно спросил Альфред, разглядывая ее.

Без этого нелепого костюма она, видимо, была бы довольно привлекательной, хотя и слишком костлявой. Ничего для него интересного.

— За меня голосовали как за Девушку, вместе с которой Молодые Водопроводчики Кливленда хотели бы починять трубы. Поначалу предполагалось, что титул победительницы будет звучать иначе: «Девушка, с которой Молодые Водопроводчики Кливленда согласны были бы полезть в трубу». Но какие-то злюки расшипелись, и судьи изменили титул. Это было три года назад. У меня до сих пор хранится почетная грамота. А теперь... не знаю, поможет ли мне это?

— Боюсь, что не поможет. Но в любом случае поздравляю. Не каждая может... как бы это сказать... похвастаться таким титулом.

Сердитый бармен поставил на столик два стакана в подстаканниках, промычав что-то неразборчивое, по-видимому означающее, что нужно расплатиться. Получив деньги, он сердито заковылял к окруженной клиентами стойке бара.

— А какого рода конкурсы вас интересуют? Может быть, я смогу вам помочь? Я знаю очень много всяких мелочей о превеликом множестве других мелочей.

— Да ничего особенного, просто всякие там конкурсы и призы на них.

Альфред смотрел на заднюю стенку кабинки. На ней висела в рамке фотография Плеханова, обменивающегося рукопожатием с Керенским, позади которых тянулся на цыпочках весьма молодой, сердитый на вид мужчина с окладистой бородкой, изо всех сил старающийся попасть в кадр.

Поняв, что он зря теряет время, Альфред допил виски и бесцеремонно сказал:

— Мне пора уходить.

— Так скоро? — неодобрительно проворковала мадам.— Ведь мы только-только познакомились. Вы так сильно понравились мне...

— Что вы имеете в виду? — раздраженно спросил Альфред.— Мы ведь действительно только-только познакомились.

— Но вы на самом деле нравитесь мне! Вы — сливки в моем кофе. Предел моих мечтаний. Вы что-то со мной сделали. Вы — как раз то, что заставляет вращаться весь мир. Я от вас без ума. Я пойду за вами, мой большой малыш, хоть в огонь, хоть в воду. Я совершенно обезумела, просто обезумела. Я заберусь на самую высокую гору, переплыву самую глубокую реку. Я — ваша душой и телом. Вы — красная роза, лиловая фиалка моих сновидений. Пейте меня до дна своими глазами. О, Джонни! Вы в моем сердце, я дарю его вам.

Она умолкла, чтобы перевести дух.

Глаза Альфреда едва не вылезли из орбит. Он привстал.

— Спасибо, леди, за приятную беседу, но...

Затем он снова сел. Его ошеломило то, как она выражала свои чувства и стремления, чтобы ее поняли со всей определенностью! Как Джейн Доу, как Джонс...

— Он вышел на связь!!!

— Так, все-таки, насколько сильно я вам нравлюсь? — спросил он, стараясь потянуть время, чтобы продумать следующий ход.

— О, это невозможно передать словами. Вы — мой светоч. Я боготворю вас. Я ничего не соображаю. Я согласна, дорогой, на все...

— Хватит! — почти что завопил он, отчаянно стараясь перекрыть этот фонтан любовных словоизлияний.— Ладно! Мне бы хотелось податься куда-нибудь в такое местечко, где мы могли бы остаться наедине и более подробно обсудить наши чувства.

В течение нескольких секунд он изо всех сил пытался изобразить на своем лице непреодолимое вожделение.

Мадам Дюбарри с готовностью кивнула.

— Ко мне на квартиру. Она совсем рядом.

Идя рядом с ней к выходу, Альфред непрестанно напоминал себе, что это вовсе не веселая деваха, несмотря на все эти трепетные пожатия рук и упругие прикосновения бедра, а разумный паук, управляющий ни более ни менее, как механизмом. Но это также было и первым ключом к решению загадки, состоящей в том, чего же все-таки добиваются все эти инопланетяне

на Земле. Только бы удалось продержаться! Немного везения — и эта мадам станет средством спасения человечества. Они сели в подъехавшее такси, она назвала адрес водителю и повернулась к Альфреду.

— А теперь, дорогой, давай страстно поцелуемся.

Они страстно поцеловались.

— А теперь прижмемся друг к другу.

Они прижались.

— Давай прижмемся еще сильнее!

Он стиснул ее в объятиях изо всех сил.

— Ладно, хватит пока что,— отстранилась она.

Такси остановилось перед большим старым многоквартирным домом, который, казалось, судорожно мигал огнями окон, не переставая дремать, погруженный в воспоминания о прошлом.

Альфред расплатился с водителем и повел мадам Дюбарри к парадному. В кабине лифта она начала взволнованно ему подмигивать и нажала на кнопку «0».

— В подвал? — изумился Альфред.— Разве ты живешь в подвале?

Вместо ответа она направила ему в живот крохотный красный цилиндрик. На его крышке он заметил кнопку, на которую лег ее большой палец.

— Тебе не нравится подвал, паршивый вакклитианин? Стой спокойно и делай в точности то, что я скажу. К твоему сведению, мне известно, где находишься ты и где расположена твоя камера управления. Так что не думай, что тебе удастся удрать, заплатив всего лишь повреждениями формы.

Альфред опустил глаза на тот участок тела, к которому было приставлено ее оружие. Она явно заблуждалась относительно расположения его камеры управления, однако без желудка тоже вряд ли можно жить.

— Не беспокойся,— взмолился он.— Я не собираюсь совершать никаких глупостей.

— И правильно делаешь. Предупреждаю, не вздумай сдуру пфмпвать. Изрешечу так, что через дырки в твоем теле будет просвечивать солнце, распылю на молекулы твое...

— Понял,— перебил ее Альфред.— Никакого пфмпвания. Абсолютно никакого. Обещаю. Даю честное слово!

— Твое честное слово! — презрительно фыркнула она.

Лифт остановился. Она вышла спиной вперед, жестом приказав ему следовать за ней. Он смотрел на лицо в маске, на сверкающую блестками одежду и неожиданно вспомнил, что Дюбарри, когда ее волокли на гильотину в 1793 году, кричала

толпе: «Милосердия! Милосердия за раскаяние!». Но ни толпа, ни революционный трибунал, с удовлетворением подумал он, не приняли во внимание эти крики. В холодном выбеленном подвале их ждал мужчина. Гугенот. Тот самый, который обладал американской способностью все учитывать.

— Было трудно?

— Нисколько,— ответила она.— Он сразу клюнул на шаблонное упоминание о конкурсе трехлетней давности. Внешне, правда, и виду не подал, что это его интересует, но должно быть, сильно испугался. Я обнаружила через несколько секунд, когда объяснилась ему в любви, а он прямо в лоб предложил уединиться.— Мадам хихикнула.— Бедолага, такой неумелый и трогательный! Разве так отреагировал бы любой американец-самец? Ничего не сказал о моих красивых глазах, о том, какая я милашка, как не похожа ни на одну другую, и не предложил трахнуть еще по одной, называя меня крошкой.

Гугенот тем не менее весьма подозрительно рассматривал Смита.

— Его форма и маскировка на удивление превосходны,— заметил он.— Это указывает на высокую профессиональную подготовку.

— Ну и что из этого? — пожала плечами она.— Можно соорудить распрекрасную форму, но какая от этого польза, если крайне неряшливо играть свою роль? Он почти ничего не знает о том, как ведут себя люди, какие у них манеры. Посмотрел бы ты, как неловок он был в любви, пока мы ехали в такси!

— Настолько плох?

— Плох? — Она закатила глаза, стремясь придать своему лицу максимум выразительности.— Мне было его от души жаль, настолько он неуклюже делал вид, что ласкает настоящую женщину. Плох — это не то слово. Дешевая подделка. Второсортное проявление своего либидо. Ни малейшего вожделения. Симуляция похоти. Неубедительно!

Альфред глядел на нее взглядом, преломленным сквозь широко разверзшиеся раны уязвленного мужского достоинства. Это в ее исполнении были грубые проколы, которые сорвали бы любой спектакль с ее участием! Но решил воздержаться от высказывания вслух своего неодобрения. В руках мадам Дюбарри по-прежнему сжимала оружие, и он не имел ни малейшего представления о том, в какое кровавое месиво может превратить его этот красный цилиндрик.

— Ладно,— кивнул гугенот.— Давай поместим его вместе с тем, другим.

Ощущая прикосновение цилиндра к своему позвоночнику, Альфред пошел по подземному коридору, свернул направо, еще раз направо и остановился перед голой стеной. Гугенот провел несколько раз рукой по кирпичной кладке. Часть стены откинулась в сторону, и они прошли внутрь.

Потайная дверь, вот как!

Мрачные мысли овладели Альфредом.

Потайная дверь, женщина-сирена в качестве приманки и гугенот — руководитель операции — вот и весь необходимый реквизит. Единственно, чего недоставало,— это причины всей этой чертовой заварухи. Похитители, очевидно, не разгадали в нем контрразведчика-человека. Иначе уничтожили бы сразу же. Для них он — вакклитианин. Подлый вакклитианин, не меньше. Значит, существуют две шпионские сети? И враждуют между собой с целью установить контроль над Землей еще до вторжения? Это значительно осложняло его миссию. Теперь даже и думать нечего о том, чтобы обратиться в полицию, если, разумеется, удастся когда-нибудь до этой полиции добраться, с заявлением о существовании угрозы двух инопланетных вторжений! Да и кто бы признал в нем контрразведчика?

Помещение было просторным, без окон. В одном из углов находился прозрачный куб со сторонами примерно в два с половиной метра. На полу внутри куба сидел средних лет мужчина в однобортном коричневом деловом костюме. Во взгляде его мелькнуло любопытство, сменившееся горькой безнадежностью.

Подойдя к кубу, гугенот остановился.

— Ты его, разумеется, обыскала?

Мадам Дюбарри засуетилась.

— Нет... не полностью. Я собиралась это сделать, но ты уже ждал у двери лифта. Я не думала, что ты придешь так скоро, а затем... мы начали разговор, и я просто...

Начальник сердито покачал головой.

— Ты еще говоришь о компетентности! Ну что ж, раз мне приходится самому делать все подряд, то деваться некуда!

Ощупав Альфреда, он извлек из его карманов авторучку и зажигалку, внимательно осмотрел их и положил на место. Вид у него был несколько растерянный.

— При нем нет оружия...

— Он явно недостаточно опытен, чтобы ему можно было доверять что-либо опасное.

Гугенот задумался.

— Нет. В таком случае ему бы не позволили действовать одному. Он бы обязательно находился под наблюдением.

— Может быть, так оно и было, но тогда мы...

— В таком случае, мы под наблюдением! Да, весьма вероятно. Что ж, мы все равно оставим их в дураках. Независимо от того, состоялся контакт или нет, сегодня вечером мы заканчиваем операцию на этой планете. Не станем больше выходить наружу. Примерно через час покинем Землю, забрав пленников с собой в штаб-квартиру.

Гугенот несколько раз провел руками по кубу, так же как и по наружной стене. В прозрачной преграде появился пробел, который стал быстро расширяться. К спине Альфреда красноречиво прижался цилиндр, и он был вынужден шагнуть внутрь куба.

— Дай ему небольшую дозу,— услышал он шепот гугенота.— Не столько, чтобы он умер до допроса, но так, чтобы оглушить его и лишить их возможности переговариваться.

Позади раздался чуть слышный щелчок. Розовое свечение озарило стены. Он почувствовал, как в желудке образуется газовый пузырь и медленно поднимается вверх. Через секунду последовала сильная отрыжка.

Когда Альфред обернулся, проем в прозрачной стенке уже затянулся, а гугенот сердито глядел на мадам Дюбарри. Лицо мадам было весьма озабоченным, она недоуменно смотрела на свое оружие.

— Я ведь велел тебе оглушить его, а не пощекотать! Неужели на тебя ни в чем нельзя положиться?

— Я сделала все правильно. Прицелилась точно в управляющий отсек и применила среднюю по величине дозу по индексу вакклитиан. Не понимаю...

Гугенот возмущенно замахал руками.

— Пошли отсюда! Начнем паковать вещи. Вернемся сюда поздно ночью, и я запрошу штаб о выделении мне другой помощницы для следующей операции на Земле. Такой, у которой познания в сфере сексуальной практики людей будут не столь обширны, но которая будет знать, как нужно обезоружить только что пойманного пленника, и будет в состоянии прочесть на циферблате индекс!

Мадам Дюбарри опустила голову и последовала за начальником. Потайная дверь закрылась. Альфред осторожно пощупал прозрачную стенку. Вещество было прозрачным, как стекло, на ощупь напоминало резину и слегка липло к пальцам, как только что отлитая пластмасса. Оно было на удивление прочным. Ко всему прочему стенка испускала слабое молочное свечение, благодаря которому сквозь нее можно было видеть, хоть и не четко, гладкие стены потайной комнаты. Потом он повернулся и принялся рассматривать своего сотоварища по плену.

Человек этот, в свою очередь, смотрел на него подозрительно и в то же время нерешительно, явно не понимая, как следует себя вести в сложившейся ситуации. Во всем его облике была какая-то безликость и совершеннейшая посредственность, что делало его чем-то замечательно знакомым.

Конечно же! Он выглядел точь-в-точь, как Джонс, Келли и Коун. И только теперь до Альфреда дошло, что же это за человек

— Джон Смит? — спросил он.— Или,— добавил еще одно имя, произнесенное Джонсом,— Гар-Пита?

Мужчина выпрямился, улыбнувшись с облегчением.

— Мне трудно определить, кто вы, главное — вы наш. Если только не провокатор... Хотя нет, им не может быть известно мое настоящее имя. А как, между прочим, вас зовут?

Альфред застенчиво улыбнулся.

— Робинсон поручил мне выполнение особого задания. Я не имею права открывать свое имя.

Джон Смит тяжело вздохнул.

— Тогда не надо. Робинсон знает, что делает. Значит, вы говорите, специальное задание? Что ж, теперь вам уже не выполнить его. Она изловила меня точно таким же образом. Мы оба чертовски влипли.

— Это точно?

— А как же! Вы слышали, о чем они говорили? Как только эти гнусные лидсгаллианцы доставят нас на свою родную планету, то поработают в свое удовольствие! Из меня-то они ничего не вытянут... Надеюсь, что вы тоже не посрамите честь Академии, к каким бы изощренным пыткам они ни прибегали. Но достанется нам крепко, прежде чем мы выйдем в расход. Должен вам сказать, лидсгаллианцы знают толк в пытках! Чего только стоят камеры в их тюрьмах ..

— Какие камеры? Какие пытки?

Альфреду едва не стало дурно, собеседник заметил это и положил руку ему на плечо.

— Крепись, парень,— произнес он.— Держи хвост пистолетом. Не подавай виду, что боишься. Умирают один раз Тебе нечего терять, кроме цепей Не опускай флаг. Смелого пуля боится.

Альфред молчал. Джон Смит расценил это как знак согласия и продолжал:

— Из этой камеры нельзя выбраться. Сетчатая паутина из чистейшего чрока, практически неразрушаемого. Но хуже всего, разумеется, ее изолирующие свойства. Стой хоть на голове, но сквозь чрок никак не пропфмпвуешь. Я пытался это сделать и едва не порвал антенны Именно поэтому я отказался выйти

из своей формы, чтобы поболтать с тобой — здесь лучше пользоваться речевым аппаратом формы.

Альфред молча рассматривал стены из этого самого чрока.

— А что, если воспользоваться речевым аппаратом, чтобы позвать на помощь? — предложил он.— Такие звуки, похоже, проходят через него. Мы могли бы покричать.

— А кто нас услышит? Только люди. Что они смогут сделать?

Альфред развел руками.

— Не знаю. Иногда... даже люди, может быть...

— Забудь об этом. Плохи наши дела. Но еще не настолько плохи, чтобы... Кроме того, эти стены особенно толстые и в них нет ни трещинки. Если бы лидсгаллианцы не проветривали помещение два раза в день, я бы давно уже задохнулся. Все равно мне несколько раз становилось так плохо, что приходилось прибегать к неприкосновенному запасу, хранящемуся в грудной клетке. Ты знаешь: в отделении справа, под отсеком управления. Должен сказать тебе вот что. Если мне когда-нибудь удастся все же вернуться целым и невредимым на Вакклит, то я попробую уговорить спецов из Центра Управления произвести некоторую модернизацию нашей формы. Эта мысль пришла мне в голову, когда я наблюдал, как они тебя обыскивали. К чему этот запас воздуха в груди? Я уже не раз говорил об этом Робинсону. Разве доводилось кому-нибудь из наших агентов тонуть или попадать на фронт, где применяются ядовитые газы? Не лучше ли такому агенту иметь при себе оружие — настоящее, надежное оружие, управляемое непосредственно когтями, и думаю, было бы неплохо иметь что-либо вроде орудийной турели, выходящей из нашей формы, чтобы уж стрелять, так стрелять. Но стоит только лидсгаллианцам пронюхать об этом, как они...— Речь его стала бессвязной. Альфред понял, что он истосковался по общению с соплеменниками. И что этой словоохотливостью можно и нужно воспользоваться! Вдруг им все же удастся избежать плена? И он сможет продолжить борьбу за спасение человечества? К тому же знание фактов всегда может пригодиться. Опираясь на них, можно строить планы дальнейших действий. Ему представлялась великолепная возможность определить, кто из двух враждующих группировок представляет наибольшую угрозу для Земли и кто с большей готовностью примет предложение дружбы со стороны перепуганного человечества. Но вопросы нужно формулировать очень осторожно, быть начеку, чтобы быстро исправлять промахи.

— Почему это вы считаете,— спросил он как бы невзначай,— что лидсгаллианцы так сильно нас ненавидят? Да, мне известен

стандартный ответ, но интересно было бы послушать мнение человека бывалого. У нас, как мне кажется, должна быть на это своя точка зрения.

Джон Смит одобрительно хмыкнул, на мгновение задумался, затем пожал плечами.

— В данном случае стандартный ответ подходит. Война есть война. Как же иначе?

— Только война? Больше, вы полагаете, ничего?

— Только война? Ну и ну! Разве может быть «только войной» межзвездная бойня, в которую ввергнуты две трети Галактики и которая длится почти три столетия? Триллионы и триллионы погибших, десятки стертых в порошок планет! И это вы называете «только войной»?

— Я... я вовсе не это имел в виду,— быстро поправился Альфред.— Разумеется, война — вещь ужасная, невообразимо жуткая! И наши враги, эти гнусные лидсгаллианцы...

Джон Смит подпрыгнул от негодования.

— Лидсгаллианцы никакие не наши враги! Они — наши союзники!

Теперь настала очередь подпрыгнуть Альфреда.

— Наши союзники? — переспросил он, лихорадочно размышляя, как бы выпутаться из этого нелепого положения.— Наши союзники? — повторил он, пытаясь, изменив интонацию, придать хоть какой-нибудь смысл своим словам.

— Подумать только, насколько низко могла пасть Академия,— проворчал Джон Смит.— В мое время там можно было получить неплохое общее образование плюс достаточный курс лабораторных работ по шпионажу, что в совокупности гарантировало назначение в разведслужбу, если удовлетворяешь прочим требованиям. Академия выпускала прекрасно подготовленных, высококультурных галактических граждан с приличным знанием истории, экономики, искусства, науки и ведения широкомасштабных террористических акций. Вершиной всего этого было почетное ремесло шпиона. Разумеется, если возникало желание специализироваться в каких-либо более узких сферах приложения, можно было всегда вернуться в Академию, чтобы пройти интенсивный курс обучения элементарной и специальной шифровке, искусству маскироваться, лгать, не опасаясь детекторов лжи, проведению пыток как физических, так и психологических, способам самому выдерживать аналогичные пытки... Словом, научиться многим другим полезным навыкам, которые могут пригодиться в нашем ремесле. Теперь же всюду во главе угла ставится эта самая специализация. Раньше все, о чем я упоминал, можно было изучать только после получения общего образования. Теперь же желторотые молокососы могут расшифровать любой код, но не знают самых элементарных способов спасения своей шкуры. Академия выпускает юнцов, которые могут создавать шедевры формы и маскировки, но не знают, какая разница между лидсгаллианцем и фарседдом! Помни мои слова, парень, это еще приведет Академию на край гибели!

— Я с вами согласен,— с напускной искренностью поддержал его Альфред, решив подчеркнуть свою солидарность с ветераном.— Всему свое время. Пожалеешь розог — испортишь ребенка. Тяжело в учении — легко в бою. Скупой платит дважды. Трудись, как муравей...— Тут он спохватился, что уклоняется от темы, и прекратил словоблудие.— Видите ли, руководство Академии сейчас придерживается того мнения, что ее выпускники, вступая в жизнь и становясь агентами разведслужбы, в процессе выполнения заданий встречаются со старшими, более опытными товарищами вроде вас, от которых они непосредственно на месте черпают сведения об общей политической обстановке. Вот теперь я до конца понял, что настоящим противником в самом точном значении этого слова являются фарседды, однако...

— Фарседды — наши враги? Да они являются нейтралами, единственными на свете нейтралами! Послушай, малец, и заруби себе на носу раз и навсегда. Абсолютно исключена возможность осуществления первоклассной шпионской деятельности на Земле без знаний общих принципов и тех основополагающих фактов, на которых они строятся. Начну сначала. На лидсгаллианцев напали гаруниши, верно?

Альфред кивнул.

— Верно! Это известно каждому школьнику.

— Вот и прекрасно. Нам пришлось вступить в войну с гарунишами не потому, что мы что-то имели против них или питали очень дружеские чувства к лидсгаллианцам, а потому, что в случае победы гарунишей у них появится возможность покорить майрунианцев, которые считались нашими единственными предполагаемыми союзниками в борьбе против растущей мощи ишполийцев.

— Естественно,— потрясенно промямлил Альфред.— У нас не было иного выбора.

— Разумеется! Но именно это вынудило гарунишей действовать заодно с оссфолианами. Оссфолиане возобновили действие договора о взаимопомощи с кензийцами из сектора Ригеля, а

из страха перед кензийцами ишполийцы объединили свои силы с нашими, толкнув тем самым майрунианцев в лагерь гарунишей. Затем произошла битва в Девятом Секторе, в ходе которой оссфолиане четырежды переходили из одного лагеря в другой, из-за чего в конфликт оказались втянуты менимейцы, казкафьяне, доусады и даже кензийцы из секторов Проциона и Канопуса. После этого, разумеется, военно-политическая обстановка значительно усложнилась.

— Да, разумеется,— Альфред провел языком по пересохшим губам.— Стала еще более сложной.

— И весьма запутанной! — поднял указательный палец Джон Смит.

У Альфреда Смита сил осталось только на то, чтобы кивнуть ему в ответ, после чего, чтобы совсем не сойти с ума, он решил перейти к более насущным проблемам по времени и местоположению.

— А тем временем здесь, на Земле, обосновались шпионы из... обосновались шпионы... Простите меня за неосведомленность, но сколько, по вашему мнению, действует в данное время на Земле разведок воюющих сторон?

— Разведки всех сторон! Каждой! Включая и фарседдов, которым постоянно нужно быть в курсе всех дел для того, чтобы иметь возможность поддерживать свой нейтралитет. Земля, как вы помните из курса Элементарной Секретности, который вы проходили на первом же году обучения, идеально расположена, ибо она находится вне зоны обычных боевых действий, но легко доступна почти для всех воюющих сторон. Это единственное оставшееся безопасным место, где можно передать через линию фронта информацию, заключать различные договора и вести переговоры. Поэтому она пользуется заслуженным уважением всех втянутых в конфликт сторон. Ведь, в конце-то концов, именно на Земле мы предали доусадов, здесь же была достигнута договоренность о полном уничтожении менимейцев между их союзниками — майрунианцами и казкафьянами. Точно так же нам сейчас приходится следить за нашими самыми старыми союзниками — лидсгаллианцами, которые делают попытки установить контакт с гарунишами с целью заключения сепаратного мира. Я раздобыл доказательство. Даже узнал, когда именно и где должен был произойти контакт и каковы были его предварительные условия. А затем меня провела эта бабенка со своей болтовней о Кливлендском конкурсе, где она якобы победила три года назад.

— Контакт должен был состояться на чем-то вроде конкурса красоты, не так ли?

— Конечно! — Собеседник потерял всякое терпение.— А где же еще можно установить контакт с такими существами, как гаруниши?

— Даже представить себе не мог,— едва выдавил из себя Альфред.— Значит, все-таки гаруниши!

Он надолго замолчал, ошеломленный грандиозностью нарисованной Джоном Смитом картины. На ум пришло что-то прочитанное о Лиссабоне Второй мировой войны. Но это был Лиссабон в квадрате, Лиссабон в кубе, Лиссабон, возведенный в какую-то невероятную экспоненциально растущую степень. Вся Земля представлялась ему необъятным лабиринтом, нашпигованным шпионами, контрразведчиками... Внезапно ему захотелось узнать, а каково же истинно человеческое население планеты? Кого больше — людей или замаскированных агентов? В «Мозаичном нейлоне» жизнь представлялась намного проще, и это был единственный вывод, который Альфред сумел сделать.

— Они идут,— перебил ход его мыслей Джон Смит.— Они хотят забрать нас с собой на Лидсгалл.

Стена раскрылась. Вошли двое мужчин и женщина. Они были в верхней одежде, несли в одной руке казавшийся тяжелым чемодан, в другой — цилиндрическое оружие. При взгляде на цилиндры Альфреда озарила неожиданная мысль. Оружие не принесло ему особого вреда. Видимо, метаболизм людей и вакклитиан был настолько различен, что заряд, который должен был оглушить инопланетянина, у человека вызвал лишь небольшое скопление газов в желудке. А если Земля остается в полном неведении относительно того, что на ней происходит, это оружие не должно причинить вред землянам. Более того, в таком случае агенты, руководствуясь только необходимостью нейтрализации друг друга, постепенно неизбежно должны были прийти к всеобщему соглашению не иметь при себе оружия, которое могло бы причинить вред людям. А если до них дойдет истинная причина внезапного отказа оружия?

Необходимо действовать, и действовать без промедления! Альтернативой этому может быть только камера пыток, расположенная на неприятно большом от Земли удалении. Даже узнав, что он — человек, лидсгаллианцам не останется ничего иного, кроме как любым способом избавиться от ненужного свидетеля.

Один из мужчин что-то покрутил в своем чемодане, и прозрачный куб как бы растворился. Повинуясь недвусмысленным жестам рук, сжимающих оружие, они пересекли помещение и подошли к потайной двери. Сейчас Альфреду уже трудно было

узнать мадам Дюбарри и гугенота без масок и маскарадных костюмов. Они стали заурядными во всех отношениях людьми из толпы. Что, разумеется, было главной целью, которую они преследовали. Когда все пятеро начали проходить сквозь дверной проем, он принял окончательное решение. В какое-то мгновение они все оказались очень близко друг к другу, фактически прижались телами. Он схватил женщину за руку и с силой толкнул ее на гугенота, который от неожиданности замешкался. Затем, увидев, что Джон Смит находится между ним и еще одним мужчиной позади, рванулся вперед, подобрав свою кардинальскую мантию, и пустился бежать. Повернул налево, затем еще раз налево и очутился в главном коридоре подвала. Впереди, в дальнем его конце, виднелась каменная лестница, ведущая на улицу. За спиной он слышал шум борьбы и отдаленный сдавленный крик Джона Смита.

— Так, малыш, так! Нам нет преград! Четвертую скорость! Еще одно, последнее усилие! Дорогу осилит идущий! Смелого пуля...— Голос его прервался, послышался глухой звук падения тела.

Рядом сверкнуло розоватое свечение, дернулось несколько раз и остановилось на его туловище. Он зычно рыгнул. Свечение стало алым, затем потемнело до кроваво-красного, зловещего цвета. Отрыжка усилилась, но он уже успел добраться до лестницы и начал быстро подниматься.

Минут через десять Альфред уже садился в такси на Шестой авеню. Живот слегка побаливал. К счастью, боль прошла довольно быстро. Когда машина подъезжала к гостинице, он оглянулся. Погони видно не было. Это успокоило его. Лидсгаллианцы не узнают, где он живет. Интересно, а каковы они на самом деле? Пауки? Едва ли. Различные названия рас и вся эта титаническая межзвездная схватка указывали на то, что в космосе существует множество различных форм разумных существ. Правда, все они должны быть достаточно небольшими, чтобы помещаться в теле обычного человека. Возможно, это змеевидные существа или же червеобразные. Похожие на крабов или каракатиц. Может быть, даже на крыс. По коже Альфреда побежали мурашки. Он чувствовал, что неплохо бы было хорошенько отоспаться. Ведь завтра — первый рабочий день в «Блэксиме». А затем, как только предоставится возможность все обдумать и взвесить, он примет окончательное решение, что предпринять. Обратиться в полицию, ФБР, еще куда-нибудь. Может быть, даже в редакцию одной из нью-йоркских газет. Еще лучше — к кому-нибудь из популярных телекомментаторов, чтобы эта история стала достоянием более широких

аудиторий. История должна выглядеть убедительной. Неплохо бы было иметь какие-нибудь доказательства. Жаль, что лидсгаллианцы в данный момент, скорее всего, уже находятся в пути на свою родную планету. Ну да ничего. Существует еще его собственная шайка — вакклитиане. Еще пару деньков поводить их за нос, а потом воспользоваться ими в качестве доказательства. «Собственная шайка» ожидала его в номере гостиницы. Все четверо — Коун, Келли, Джонс, Джейн Доу. Похоже было, что ждут они уже долго. Джейн Доу, видимо, даже плакала. Мистер Келли сидел на кровати, держа на коленях открытый портфель.

— А вот и вы, Смит,— раздался оттуда голос Робинсона.— Надеюсь, вы сумеете все объяснить. Очень надеюсь, что у вас найдется объяснение.

— Что объяснить? — раздраженно спросил Альфред. Он так мечтал о том, что сбросит с себя костюм, примет горячий душ и завалится в постель. Неожиданное продолжение боевика «Шпион» вызвало у него чувство досады. И пожалуй, навевало скуку.

— Что объяснить? — взревел Робинсон.— Келли, скажите ему, что именно!

— Послушайте-ка, Смит,— требовательно произнес Келли.— Интересовались ли вы у дежурной справочного бюро костюмированным балом сантехников?

— Разумеется. Она сообщила всю необходимую мне информацию.

Из портфеля донесся протяжный вой.

— Он получил необходимую информацию! Шесть лет общей подготовки в области шпионажа в Академии, годичная стажировка, шесть месяцев в школе спецразведки, изучение в ней таких спецпредметов, как сбор и просеивание информации, обнаружение и слежка! И после всего этого у вас еще хватает совести стоять здесь, держа в когтях свою оболочку и заявлять мне, что единственным способом отыскания этого маскарада были звонки в справочное бюро, где самая что ни на есть заурядная дежурная-человек будет выполнять вашу просьбу!

Альфред заметил, что у присутствующих выражение лиц было довольно напряженным.

— А что тут такого? Если это обыкновенный, заурядный человек, то я не вижу никакого вреда...

— По данным, которыми мы располагаем, это вполне мог быть Помощник Военного министра гарунишей! — взорвался портфель.— Но не это главное! Пока дежурная искала ответ на ваш вопрос, запрашивая различные службы, излагая суть во-

проса своим друзьям, знакомым и коллегам, были поставлены на ноги все разведывательные службы галактики. Они узнали, что нас более всего беспокоит, что мы ищем, где и когда надеемся найти. Вы совершили непревзойденный подвиг налаживания межзвездного взаимообщения, которого еще не знала история. Насмарку пошли шестьдесят пять лет кропотливого труда по установлению разведывательной сети. Что вы можете ответить на это?

Альфред выпрямился, мужественно расправив плечи.

— То, что уже сказал. Очень сожалею о том, что так получилось.

Потом подумал немного и добавил:

— Глубоко и искренне сожалею.

Из портфеля понеслись громовые раскаты, он едва не скатился с коленей Келли.

— Я просто не в состоянии более выдерживать такое,— неожиданно заявила Джейн Доу.— Подожду за дверью.

Она прошла мимо Альфреда, скользнув по нему мокрыми глазами, полными укора.

— Милый, как же ты мог...— расслышал он тихий шепот.

Портфелю все-таки удалось в некоторой степени взять себя в руки.

— Предоставляю вам, Смит, последний шанс. Очень сомневаюсь, что вы сумеете оправдаться, но мне претит сама мысль о необходимости разжалования спецагента, изгнания его из разведки без права объяснения своего проступка. Вот так. У вас есть какое-нибудь оправдание?

Альфред призадумался. В их глазах это, по-видимому, было очень серьезным делом. Но он чувствовал себя уже по горло сытым всеми этими сложностями. И страшно устал. В конце концов, его зовут не Джон, а Альфред!

Наверное, он мог бы поведать им о событиях этого вечера, информация могла оказаться очень ценной. Но заковыка заключается в том, что в этом случае неизбежно возникнет вопрос об истинной личности Джона Смита, а это может привести черт знает к чему. Кроме того, он уже не испытывал прежнего страха перед этими существами. Их сверхоружие можно было не принимать в расчет, по крайней мере на Земле. Подумав об этом, он вообще потерял уверенность в необходимости предоставления полезной для инопланетян информации и покачал головой, ощущая усталость в каждом мускуле шеи.

— У меня нет оправданий.

Из портфеля раздался тяжелый вздох.

— Смит, поверьте, мне это доставляет не меньшие муки, чем вам. Поймите, это дело принципа. Наказание должно соответствовать преступлению. Я не столько разгневан, сколько опечален. Ну да ладно. Келли, приговор!

Келли поставил портфель на кровать и встал. Все остальные тоже вскочили, вытянув руки по швам. Должен был, очевидно, совершиться определенный ритуал.

— В силу полномочий, которыми я наделен как руководитель этой спецгруппы,— нараспев начал Келли,— и на основании параграфов 97, 98 и 99 Полевого Устава я лишаю вас, Гарпита с планеты Вакклит, звания Спецагента Второго класса и понижаю в звании вплоть до просто Агента и ниже, о чем вынесет решение Центр Управления, исходя из высших интересов Разведывательной Службы. Я испрашиваю разрешение на обнародование вашего позора во всех звеньях и на всех уровнях, включая и Академию. И наконец, от имени этой спецгруппы в целом и каждого из ее членов в отдельности отрекаюсь отныне и навечно от вас как от коллеги и равного товарища.

«Лечение с помощью сильнодействующих средств»,— подумал Альфред.

Затем Коун и Джонс быстро подошли к нему с обеих сторон, чтобы завершить ритуал. Вид у них был торжественный и очень сосредоточенный. Секунду спустя они содрали с осужденного его форму.

Убежища!

Голос был низкий, задыхающийся, испуганный. Охрипший, настойчивый, он перекрывал рев толпы, шум дорожного движения и проникал в просторный офис на третьем этаже посольства, требуя немедленного внимания.

Его превосходительство посол из 2219 года — единственный, кто находился в офисе,— вид имел совершенно невозмутимый. Его взгляд выражал твердое убеждение в том, что на свете не существует сложностей и любая проблема, какой бы сложной она ни казалась, решается элементарно просто. Но доносившийся снизу крик, похоже, выбил из колеи и его.

С несвойственной ему торопливостью посол встал и приблизился к окну. Как раз в этот момент высокий бородатый мужчина в рваной одежде, сквозь прорехи в которой проглядывало покрытое синяками тело, спрыгнул с высокой ограды на лужайку перед посольством. Воздев руки к трехэтажному зданию посольства из 2219 года, он пронзительно закричал:

— Убежища!

Преследующая его толпа разразилась ответными криками. Бородатый человек оглянулся через плечо, бросился по лужайке к дому и взбежал по ступеням. За его спиной с грохотом захлопнулась тяжелая дверь.

Посол из 2219-го прикусил губу. Этот человек уже здесь. Теперь начинаются проблемы посольства.

Он повернул диск набора наручного коммуникатора.

— Всему персоналу посольства. Внимание! Говорит посол. Немедленно запереть и забаррикадировать все двери на улицу! Забаррикадировать также незащищенные решетками окна на первом этаже. Всех женщин-служащих и беженца перевести на второй этаж. Хэвмейер, вы отвечаете за первый этаж. Вы, Брюс, за

второй. И обеспечить беженцу надежную охрану. Додсон, с докладом ко мне.

Он повернул диск набора до другой отметки.

— Полицейское отделение? Это посол из 2219-го. В наше здание только что вошел человек, требующий убежища. Судя по преследующей его толпе, есть основания опасаться, что команды, которая нас охраняет, окажется недостаточно. Пришлите подкрепление.

Полицейский фыркнул от злости и удивления:

— Вы предоставляете убежище Генри Гроппусу и хотите, чтобы мы вас защищали? Послушайте, я живу в *этом* времени! И дорожу своей жизнью...

— Ну, если вы дорожите заодно и своей работой, то подразделение по борьбе с нарушителями общественного порядка должно быть здесь ровно через две минуты. Две минуты, я сказал. Сейчас ровно шесть часов двадцать семь минут.

— Но послушайте! — В голосе полицейского зазвучали почти истерические нотки.— Это же *Генри Гроппус!* Вы знаете, что он натворил?

— В данный момент это к делу не относится. Если его требование убежища необоснованно, он будет передан в руки властей. Я прошу защиты для имущества и персонала посольства, поскольку, как и все прочие посольства, мы обладаем экстерриториальным статусом и иммунитетом. Ваша обязанность предоставить нам такую защиту.

Посол отключился и сделал глубокий вдох. Спокойствие вернулось, а глаза снова выражали убежденность в том, что все сложные проблемы можно свести к простым.

Он перевел взгляд за окно. Вошел Додсон, его секретарь, и почтительно замер возле плеча шефа.

Вместе они разглядывали толпу: один — спокойный, подмечающий каждую мелочь пожилой уже человек; другой — стройный, настороженный, молодой, со взглядом, мечущимся между сценой за окном и лицом начальника.

Во всех направлениях улицу заполонила орущая, волнующаяся толпа. Люди стояли вплотную у железной ограды и вполне могли бы ее одолеть, если бы сзади их с силой не прижимали к решетке — так, что многие кричали от боли.

— Полицейские сделали все, что в их силах, сэр,— негромко доложил Додсон.— Они сдерживали толпу в течение всего нескольких секунд, но большего нам и не требовалось. Весь нижний этаж надежно защищен, сэр.

Посол проворчал что-то нечленораздельное.

Ограда поддавалась нажиму. Медленно, но неуклонно она все больше клонилась внутрь — будто складывал свои лепестки черный цветок. А потом она не выдержала, упала, и толпа хлынула поверх нее на лужайку, растеклась повсюду, бросилась к зданию и в безумии заметалась вокруг него, угрожающе колотя в стены.

— Две тысячи сто девятнадцатый! — На лице Додсона появилось презрительное выражение.

Посол опять заворчал; ворчание у него получилось не менее выразительным, чем слова.

Внезапно неистовый, но хаотический шум внизу сменился ровным, ритмическим, заканчивающимся глухими ударами.

— Сэр! — послышался из коммуникатора голос Хэвмейера.— Передняя дверь начинает поддаваться. Вы не против, если мы перейдем на второй этаж?

— Конечно. И как только окажетесь там, проследите, чтобы обе двери, и передняя и задняя, были забаррикадированы. Не забудьте установить взрыватель в помещении, где хранится наша документация. Если толпа прорвется на второй этаж, проследите, чтобы документация была уничтожена.

— Хорошо, сэр.

— Как вам кажется, сэр, есть ли шанс...— начал Додсон, но замолчал и выглянул в окно, услышав вой сирен.

На летающих платформах с неба опускалось полицейское подразделение, по два человека на платформе. Каждый держал в руках по баллону, из сопел которых вырывались густые желтые струи и рассеивались над толпой.

Посол взглянул на часы.

— Минута и пятьдесят секунд,— спокойно констатировал он и вернулся за свой стол.

Додсон остался у окна, наблюдая, как столпившиеся внизу люди отступают по лужайке, задыхаясь и хватая ртом воздух. Как зачарованный, он провожал взглядом тех, кто, несмотря на удушье, останавливался, поворачивался в сторону посольства и яростно тряс кулаками.

Сумев наконец оторваться от этого зрелища, Додсон описал его шефу.

— На этот раз они что-то уж очень возбуждены, сэр,— сказал он.— Это не обычная толпа.

— Нет, это не обычная толпа. И Гроппус не обычный преступник. Приведите его сюда. Скажите Хэвмейеру и Брюсу, что можно начинать приводить все в порядок. Я хочу, чтобы детальный перечень всех повреждений был направлен государственному секретарю еще до шести часов.

— Да, сэр.— Додсон остановился у двери.— Знаете, сэр, персонал воспринимает его как, в некотором роде, героя.

Посол поднял на него взгляд:

— Ну, это понятно. А как вы сами воспринимаете его, Додсон? Как преступника или как героя?

Физиономия секретаря мгновенно утратила всякое выражение — его еще не оперившийся до конца дипломатический ум изо всех сил пытался отыскать способ избежать прямого ответа.

— Ну, конечно, сэр, он и герой, и преступник...

— Да, но что преобладает? Выскажите свою личную точку зрения, Додсон. Кем его считаете *вы?* Неофициально, разумеется.

— Ну, сэр...— молодой человек заколебался.— Думаю, в этом случае уместна формула: «Если живешь в Риме...». Здесь, по сути, тот же самый Рим. А раз так, Генри Гроппуса, без сомнения, следует рассматривать как преступника.

— Да,— задумчиво сказал посол.— Рим. Хорошо. Приведите его сюда.

Додсон вышел. Спокойным взглядом посол оглядел потолок. Спокойно встал и зашагал от стены к стене. Вернулся к столу, открыл тяжелую книгу в сером переплете, полистал и склонился над ней, барабаня пальцами по полированной крышке стола,— и все это спокойно, совершенно спокойно.

Зажужжал коммуникатор. Он включил его.

— Ваше превосходительство, это государственный секретарь,— произнес официальный, сухой голос.

— Добрый день, мистер секретарь,— в той же официальной манере ответил посол.— Чем могу служить?

— Ваше превосходительство, к нам поступила информация, что некто Генри Хэнкок Гроппус сбежал из тюремной камеры, где ожидал казни, и нашел убежище в вашем посольстве. Я хотел бы уточнить, так ли это.

— Все верно, мистер секретарь, за исключением одной маленькой детали. Когда он оказался у дверей посольства, его преследовали не представители законной власти, а необузданная толпа.

Из коммуникатора послышалось сухое покашливание.

— Не считаю возможным рассматривать эту деталь как относящуюся к делу, ваше превосходительство. От имени правительства Соединенных Штатов Америки 2119 года — а именно при этом правительстве вы аккредитованы и именно его законы обязаны уважать — должен просить вас отказать в убежище Генри Хэнкоку Гроппусу, осужденному уголовному преступнику, и

передать означенного человека в руки правосудия его страны и его времени.

— А я, мистер секретарь,— с той же степенью сухой любезности ответил посол,— как представитель и служащий Объединенной Земли 2219 года должен со всем уважением отклонить вашу просьбу до полного изучения ситуации.

— В таком случае, ваше превосходительство, я должен с сожалением выразить вам недовольство моего правительства. Мы полны решимости предпринять все необходимые шаги для того, чтобы добиться выдачи человека по имени Генри Хэнкок Гроппус.

— Принимаю к сведению, мистер секретарь,— сказал посол.

Последовала пауза.

— Не могли бы мы продолжить разговор по личному каналу, ваше превосходительство?

— Да, мистер секретарь. Один момент, пожалуйста.

Посол из 2219-го нажал кнопку на письменном столе, которая замкнула дверь и высветила на ней надпись «Не беспокоить». Затем он развернулся в кресле и включил экран позади письменного стола.

На нем появилось изображение мужчины с лысиной на полголовы.

— Привет, Дон,— сказал он.— Это дело ужасно дурно пахнет.

— Понимаю, Клив.— Посол вздохнул.— Двоеженство. Одно из самых серьезных преступлений.

— Если бы двоеженство, черт бы его побрал! Полигамия, Дон! Этого парня уличили в полигамии. Мало того — он еще пропагандировал полигамию и подстрекал других. Хуже некуда.

— В твоем времени, ты имеешь в виду. В две тысячи сто девятнадцатом.

— В нашем времени, да. В том времени, в котором мы живем здесь и сейчас. Во времени, столкнувшемся с проблемой того, что на каждых десятерых мужчин приходится одна женщина вследствие генетических отклонений, ставших в свою очередь результатом последней мировой войны. Все правильно, мы расхлебываем последствия утробной чумы. Согласно вашим сведениям, нам еще пятьдесят лет их расхлебывать, хотя вы отказываетесь открывать нашим медикам, как мы в результате эту проблему решим.

Посол устало взмахнул рукой.

— Клив, тебе не хуже моего известно, что есть вещи, которые Темпоральным посольствам дозволено делать, и есть вещи, которые им делать не дозволено.

— Ладно. Хорошо. Не спорю. Вы, парни, исполняете свои приказы и решаете свои проблемы. Но у нас тоже есть проблемы, и немалые. У нас все еще действует положение, разработанное в дни, когда мужчин и женщин было поровну. Если мы хотим удержать цивилизацию от того, что ее захлестнут кулачные бои, то должны постоянно внушать сотням миллионов нормальных мужчин, что для них самое правильное и подходящее провести свою жизнь в одиночестве, от которого можно сойти с ума. И нам это удается — примерно с тем же успехом, как если бы мы имели дело со стадом охваченных половым возбуждением слонов. И тут появляется этот Генри Гроппус со своими чокнутыми менделистами, начинает издавать в самой гуще этого стада какие-то странные звуки и...

— Успокойся, Клив. Сделай глубокий вдох, это помогает. Проблемы, с которыми сталкивается ваше время, мне известны, может быть, даже лучше, чем тебе. Я изучал историю в школе, а теперь, оказавшись в две тысячи сто девятнадцатом в качестве посла из следующего столетия, вижу все собственными глазами. Я прекрасно понимаю, насколько взрывоопасна философия менделистов. И, поверь, сочувствую вам всем сердцем. И тем не менее, Клив, ты важный правительственный чиновник, а не человек с улицы. Две тысячи сто девятнадцатый преодолевает социальные последствия утробной чумы, и для две тысячи сто девятнадцатого это выглядит так, как будто ничего на свете важнее нет. Но две тысячи сто девятнадцатый — всего лишь капля в ведре истории. И то же самое, если уж на то пошло,— добавил он со всей прямотой,— относится к две тысячи двести девятнадцатому, моему собственному времени. Придерживайся своей позиции, доверяй своему уму и старайся глядеть на вещи в перспективе.

Государственный секретарь погладил лысину.

— В какой такой перспективе?

— Вот тебе пример. Возьмем англичанина среднего класса, скажем, богатого торговца. Во времена Тюдоров он поддерживал усиление власти короля, абсолютной монархии, мощного центрального правительства — то есть его позиция шла вразрез с интересами того, кто стоял непосредственно над ним, феодального барона, допустим. Спустя столетие, когда дворянство выродилось во всего лишь придворную декорацию, праправнук этого торговца сражался с абсолютизмом Стюартов зубами и когтями, настойчиво повторяя, что люди имеют право выбирать себе королей и что любое диктаторское правительство заслуживает лишь того, чтобы его свергнуть.

А еще сто лет спустя, при Георге III из Ганноверской династии, праправнук этого второго, глядя через Ла-Манш на Францию и видя, как простолюдины, круто обойдясь со своим королем, полностью загубили индустрию, банковское дело и коммерцию, выражал ханжеский ужас перед убийцами и настаивал на принятии законов, усиливающих центральную власть и сдерживающих революционные настроения.

— Суть, как я понимаю, в том,— сказал государственный секретарь,— что общественные ценности, по большей части, обусловлены временем, местом и текущей политической обстановкой. Это ты называешь перспективой?

— Совершенно верно,— ответил посол.

Лысый собеседник посла вперил в него сердитый взгляд:

— Хотелось бы мне не принимать всего этого близко к сердцу. К сожалению, в памяти всплывают все известные грязные слова, стоит мне выйти из себя. И приходится... Послушай, Дон, мне очень мало что известно о две тысячи двести девятнадцатом — что для вас важно, что священно, чего нельзя касаться. Правила вашей организации запрещают давать нам ясную картину твоего времени — и ты из тех людей, которые умеют держать язык за зубами. Но, черт меня побери, я отдал бы лобную долю своего мозга за то, чтобы посмотреть, как ты повел бы себя, если бы на твою дубовую шею свалился какой-нибудь Генри Гроппус из двадцать третьего столетия, со своим будущим эквивалентом полигамии.

Надо полагать, ты стал бы с *ним* разглагольствовать о перспективе. Я же не собираюсь больше ходить вокруг да около. Хватит истории, хватит философии. Наше правительство не продержится и недели, если мы позволим менделистам обманывать людей, проповедуя свой порочный вздор, позволим хотя бы одному из них действовать в открытую. Мне очень неприятно, что дело оборачивается таким образом, Дон, но этот человек самый что ни на есть подлый преступник. Ты должен выдать его нам.

Спокойно улыбнувшись, посол из 2219-го сказал:

— Повторяю: он преступник в *вашем* понимании. И еще раз повторяю: я должен изучить ситуацию Он сбежал из тюрьмы; за ним гналась толпа линчевателей; он укрылся в нашем посольстве, то есть на территории Соединенных Штатов две тысячи двести девятнадцатого года, на которую распространяются законы нашего времени. Не разговаривай со мной таким тоном, словно я мальчик посыльный из твоего офиса, Клив.

— Преступник он и есть преступник,— раздраженно ответил его лысый собеседник.— *Этот* преступник должен быть отдан

в руки правосудия. Я прошу тебя об этом и официально, и неофициально. Следующий шаг — мы присылаем вам формальное требование о выдаче. А вслед за тем... ну, мне не хотелось бы делать этого, но я сделаю.

— Мне тоже не хотелось бы, чтобы ты сделал это,— спокойно и мягко сказал посол.

Их взгляды встретились. Государственный секретарь развел руками.

— Ну, нет так нет,— пробормотал он и отключился.

Додсон и Гроппус терпеливо дожидались за дверью. Посол впустил их, внимательно разглядывая бородатого гостя.

Великаньего роста, с густо заросшим лицом и лохматыми бровями, с хорошо развитой мускулатурой, он стоял перед послом, одеревенело вытянувшись, словно кадет, только-только прибывший в военную академию. На вид ему было лет сорок

Глаза у него были кроткие, извиняющиеся, без малейшего намека на фанатизм. Если слишком пристально смотреть гостю в лицо, веки его начинали подрагивать. Самой беспокойной частью тела пришельца были руки. Даже в моменты относительного спокойствия, когда он слушал или о чем-нибудь размышлял, они безостановочно двигались, делая плавные подчеркивающие жесты и тем самым выдавая в нем человека, привыкшего убеждать других.

— Полагаю, вам известно, мистер Гроппус, что вы уже стали предметом язвительной полемики между вашим правительством и моим посольством? — спросил посол.

— Правительство не *мое.* Я не воспринимаю его как свое и не признаю его юрисдикции по отношению ко мне.

— К несчастью, оно имеет на этот счет другое мнение. И потом — оно представляет часть населения, которая несравненно сильнее, могущественнее и попросту многочисленнее, чем вы. Прошу вас, присядьте.

Генри Гроппус наклонил голову и медленно покачал ею из стороны в сторону — отрицательный жест, к которому он постоянно прибегал на протяжении всей встречи.

— Спасибо, но я предпочитаю стоять. Я всегда стою. Сила, могущество, количество — с начала времен эти три фактора пытались диктовать, что правильно, а что нет. И все же пока они не добились успеха.

Посол кивнул:

— Так оно и есть. Но, с другой стороны, вопросы человеческой жизни и смерти решаются тоже ими. Что, опять же, возвращает нас к настоящему моменту и вашим проблемам. Как осужденный преступник...

— Я *не* преступник.

— Нет? Выходит, мистер Гроппус, мы были введены в заблуждение и мне следует попросить у вас прощения. Надеюсь услышать от вас — как, в таком случае, *вы* представляете себе свою роль?

— Я политический беженец! Преследуемый и гонимый, я пришел сюда. Здесь мой дом, здесь мой народ. Я провозглашаю себя духовным гражданином две тысячи двести девятнадцатого года.

— Духовное гражданство? Не лучший вариант. Однако на время отложим в сторону эту непростую проблему. Позвольте, мистер Гроппус, задать вам вот какой вопрос: что заставляет вас думать, будто в моем веке разделяют ваши убеждения? Первое правило всех Темпоральных посольств таково: не распространять информацию относительно уровня развития технологии и общественных позиций своего времени среди обитателей того временного отрезка, при котором оно аккредитовано. Просто не представляю себе, на каком основании вы решили...

— Я всегда предполагал, что будущее за менделизмом, но реальных оснований для уверенности у меня не было. Когда толпа ворвалась в тюрьму, чтобы линчевать меня, и мне удалось сбежать от них, ваше посольство казалось единственным местом, где я мог надеяться укрыться. Теперь, когда я оказался здесь и видел ваших людей,— теперь я *знаю*! Следующее столетие принадлежит нам!

У посла сделался такой вид, одновременно недоверчивый и расстроенный, как будто он с размаху налетел на скалу — в эмоциональном смысле, конечно. Он бросил быстрый, вопросительный взгляд на секретаря.

— Прошу прощения, сэр,— негромко заговорил Додсон.— Брюс. Это его вина. Он так увлекся сооружением баррикад на втором этаже, что пренебрег соответствующими мерами предосторожности. Во время суматохи трое служащих поднялись к пленнику и вступили с ним в беседу. Когда я туда пришел, дело уже было сделано.

— Трое служащих...— Борьба его превосходительства с самим собой закончилась, как обычно, тем, что он сумел снова окутать себя защитным облаком спокойствия.— До сих пор я пребывал в заблуждении, что мой персонал состоит из вышколенных работников, регулярно инструктируемых относительно своих обязанностей. Хорошо вышколенных. Вплоть до самых нижних эшелонов.

— Да, сэр, но это их первое экстемпоральное назначение. Я не оправдываю их, однако в последние несколько месяцев в

посольстве была очень спокойная атмосфера, в особенности для романтически настроенных личностей, горящих желанием воочию увидеть живую историю. И потом — вдруг эта толпа линчевателей и осада посольства. В двух шагах от них оказался самый настоящий мученик-менделист двадцать первого столетия. Так сказать, во плоти. Ну, вы знаете, как это бывает. Взволнованные и восхищенные, они хотели всего лишь задать ему несколько вопросов — и не заметили, как сами начали говорить лишнее.

Посол кивнул с мрачным видом.

— Сейчас прежде всего нужно разобраться с Гроппусом. Однако после того, как в это дело будет внесена ясность, вице-консул Брюс и три упомянутых клерка непременно станут предметом служебного расследования.

Гроппус внезапно встрепенулся и забегал по комнате.

— Так я и думал! Так я и думал! — восклицал он, большими шагами меряя офис. Руки неистово жестикулировали, рваная одежда развевалась на ходу.— Это мы и говорим людям! Если утробная чума означает, что девяносто процентов девочек рождаются мертвыми, разве из этого вытекает, что оставшиеся драгоценные десять процентов должны выходить замуж случайным образом? Нет, говорим мы. Такой подход противен всей эволюции!

Недостаточно требования, чтобы каждый потенциальный муж предъявлял сертификат о способности к оплодотворению. Мы должны пойти дальше! Наш лозунг — максимальный генетический потенциал в каждом браке. Как-никак, мы живем не во тьме двадцатого или двадцать первого столетия! Современные методы евгеники позволяют совершенно точно определить, что именно несет в себе каждый утробный плод. Но даже этого недостаточно. Мы должны...

— Хорошо, хорошо.— Посол из 2219-го устало откинулся в кресле, хмуро глядя на крышку стола.— Эти рассуждения для меня не новость. Все детство их вколачивали в меня под барабанный бой, а во времена юности я вынужден был заучивать их наизусть и без конца повторять.

— *Даже этого недостаточно!* — как ни в чем не бывало снова выкрикнул бородатый.— Нужно идти дальше, говорим мы. Превратить проклятие в благословение, а утробную чуму — в генетическое возрождение! Почему бы не позволить воспроизводиться только лучшим или даже *лучшим* из лучших? И если бы лишь немногочисленным, не побоюсь этого слова, самородкам рода человеческого была дарована привилегия иметь наследников,— на этом месте его голос понизился до драматического шепота, но тут же воспарил вновь,— то с какой стати нам пришло бы в

голову навязывать древние, устарелые ограничения — иметь одну женщину, одну жену, одну подругу?

Разве наша раса, барахтающаяся в смертоносной биологической трясине, не заслуживает большего? Разве следующее, пусть даже значительно сократившееся поколение не заслуживает лучшего, чем предыдущее, вопреки завываниям обычаев и визгу морали? Мы не проповедуем сексуальную монополию: мы проповедуем сексуальное спасение! И я говорю вам...

— Ох, Додсон, пожалуйста, уведите его отсюда! — умоляюще произнес посол.— Я должен подумать, а эти прописные истины вызывают у меня головную боль!

У двери Гроппус внезапно спустился со своих головокружительных высот и, так сказать, весьма пружинисто приземлился на ноги.

— Вы не выдадите меня, ваше превосходительство? Не бросите меня на растерзание этим дикарям?

— Я еще ничего не решил. На кону нечто гораздо большее, чем ваша судьба. Я должен тщательно изучить проблему.

— *Изучить*? Вы за свет или за тьму? Вы за будущее или за прошлое? Что тут изучать? Я духовный гражданин, философский праотец две тысячи двести девятнадцатого года. И, как таковой, *имею право* на убежище здесь. Я *требую* предоставить мне убежище!

Посол спокойно посмотрел на него.

— Ни духовное гражданство, ни философское прародительство не входят в сферу моей компетенции. И позвольте указать вам, мистер Гроппус, что, согласно нормам международного права, в полном соответствии с которыми действует экстемпоральный закон,— право беженца на убежище отнюдь не безоговорочно, но полностью зависит от решения посольства *в каждом конкретном случае.*

Когда Додсон закрывал дверь, на лице бородатого начало проступать выражение ужаса.

Передав Гроппуса охранникам, которые по своему статусу не могли вступать с ним ни в какие разговоры, Додсон вернулся, и посол рассказал ему об угрозе, содержащейся в последнем замечании генерального секретаря.

Молодой человек с трудом проглотил ком в горле.

— Но это же означает, что... что вскоре после вручения нам требования о выдаче, сэр, произойдет насильственное вторжение в посольство с целью захвата пленника. Неслыханно!

— О таких вещах много не распространяются, но нельзя сказать, что этот случай неслыханный. Бесспорно одно — Темпоральное посольство на долгое время будет отозвано из Соединенных Штатов этого века.

— Неужели они пойдут на *такой* риск, сэр? Как-никак, это их связь с будущим! Пусть мы не даем им всю информацию, как они того желают, но все же многое, что в нашем собственном времени считается безопасным, через нас становится им известно. И мы не берем ничего взамен. Это просто идиотизм с их стороны — разрушить такие взаимоотношения.

Посол перевел взгляд на лежащую перед ним книгу в сером переплете, раскрытую на нужной странице.

— Вынужденные действия под давлением обстоятельств никак нельзя назвать идиотизмом,— сказал он, больше для себя самого.— Таких прецедентов сколько угодно. Это всего лишь проблема нахождения правильного типа мнимой законности, в обертке из которой следует подавать такие действия. И кто возьмется сказать, что ложно, а что нет, если речь идет о причинах, подталкивающих государство к принятию крутых мер, которые, по его убеждению, необходимы для выживания? В нашем случае неудовлетворенность масс и базисные проблемы мужского эго столь тесно переплетены...

Додсон не сводил с него пристального взгляда.

— Значит, мы выдадим этого беженца? Я с самого начала думал, что нам следует поступить именно так, если мне позволено высказать свое мнение, сэр. Он преступник, вне всякого сомнения. И все же это скверное дело. Как будто и впрямь выдаешь своего праотца. Его образ мыслей очень близок к нашему.— Молодой человек задумчиво потер чисто выбритый подбородок.— Даже внешне он похож на нас — я имею в виду то, как мы выглядим у себя дома, в две тысячи двести девятнадцатом. Просто удивительно, в каком множестве мелких деталей, так же, как и в больших и важных, Гроппус предвосхищает наш век.

Его превосходительство поднялся во весь свой огромный рост.

— Чепуха, Додсон, чепуха! Не путайте причину со следствием и реальную историю с эффектными личностями. Генри Гроппус ходит заросший вовсе не потому, что благодаря своим гениальным способностям сумел предвидеть, что все мужчины в нашем времени будут выглядеть именно так... Дело обстоит в точности до наоборот. Мы носим бороды, потому что вся наша цивилизация базируется на генетическом архиве, а концепция генетического архива уходит корнями в идеи менделистов двадцать второго столетия — не сумевшей приспособиться к окружающей обстановке антиобщественной группы, члены которой не брились исключительно в знак протеста.

Сопоставьте утопическую болтовню Генри Гроппуса с неопровержимыми, будничными фактами реальности, основанной на данных генетического архива в нашем веке,— неужели вы в самом деле видите между ними какую-то связь? Сходство лишь в том, грубо говоря, что, как в отстаиваемой Гроппусом идее принудительной полигамии или генетической аристократии, так и в нашем обществе отдельным, одаренным людям, при особых обстоятельствах, позволяется иметь более одной жены. Что касается политических святых прошлого, то, печально, но факт — никто, кроме ученых, не трудится читать их сложные работы и не пытается вникнуть в них. Но все сказанное подводит нас к одному: менделисты — политические святые нашего времени, и мы не можем выдать одного из них.

— Боюсь, я не совсем понимаю вас, сэр,— возразил Додсон.— Всего минуту назад вы сказали, что нынешнее правительство Соединенных Штатов принимает эту проблему так близко к сердцу, что готово забрать у нас беженца силой, даже ценой разрыва дипломатических отношений с нашим временем. Правильно, сэр? И потом существует параграф 16а Постановления о Темпоральных посольствах: «...и превыше всего уважение законов, обычаев и прочих особенностей времени, в котором посольство аккредитовано, исключающее нанесение кому бы то ни было оскорблений или обид».

Посол из 2219-го начал вынимать все из ящиков своего стола, мягко объясняя через плечо:

— Постановление — это одно, Додсон. Законы природы — совсем другое. А первый и едва ли не самый фундаментальный закон природы, которым должен руководствоваться любой государственный служащий, таков: не кусай руку, кормящую тебя. Не задевай чувствительности правительственных чиновников, которые тебя наняли. И, превыше всего, не задевай чувствительности общественности, которая наняла их. Если я выдам Гроппуса, то получу искреннее одобрение этого времени — и никогда не получу никакого другого дипломатического назначения из 2219 года. На основании этого я в конце концов и принял свое решение.

Мы упростим ситуацию. Закроем посольство еще до того, как поступит ордер на выдачу, и отбудем со всем нашим персоналом, документацией и бесценным беженцем через аварийный хромодром в подвале. Вернувшись в свое время, мы объясним ситуацию, государственным службам этого периода времени будут даны необходимые извинения, и, когда пройдет нужное время и воспоминания поблекнут, сюда назначат новое Темпоральное посольство из 2219 года — и по прибытии посол поклянется, что даже в мыслях держать не станет чинить препятствия отправлению правосудия. И таким образом никто не пострадает.

Он довольно рассмеялся и ткнул изумленного секретаря в бок книгой в сером переплете — сводом экстемпоральных законов.

— Бегом, мой мальчик, бегом! Посольство должно быть готово к эвакуации через час. За это время от Хэвмейера требуется уладить все проблемы, связанные с доставкой Генри Гроппуса в будущее! Нам ведь еще нужно оформить ему визу.

Три недели спустя — или, точнее, сто лет и три недели спустя — Додсон связался с послом, который деловито укладывал вещи в связи с новым назначением на Ганимед. Оба время от времени почесывали физиономии, начинающие обрастать растительностью.

— Вы слышали, сэр? Насчет Гроппуса? Он в конце концов сделал это!

— Сделал что, мой мальчик? Последнее, что я слышал, это то, что он шагает от победы к победе. Повсюду толпы поклонников. Речь у монумента мученикам менделизма. Еще одна речь на ступеньках североамериканского генетического архива — душераздирающий гимн воплощенной мечте, освященной кровью, или что-то в этом роде.

Молодой человек взволнованно покачал головой.

— Об этом и разговор. После выступления на ступеньках североамериканского генетического архива — это произошло на прошлой неделе — он под фанфары вошел внутрь и подал прошение на получение сертификата на право отцовства — на тот случай, объяснил он, если встретит женщину, на которой захочет жениться. Ну, сегодня утром генетический архив завершил исследование его хромосом — и *Гроппусу было отказано!* Слишком неустойчивая структура, так сказано в документе. Но это еще не все, сэр, далеко не все! Как вы думаете, что он сделал пятнадцать минут спустя?

— Понятия не имею,— посол пожал плечами.— Взорвал генетический архив?

— Именно! Именно! Сказал, что собственноручно сделал бомбу. Заявил, что должен освободить человечество от тирании евгенической бюрократии. Архив полностью уничтожен, сэр!

Додсон обмяк в кресле.

Посол побледнел как мел.

— Но,— прошептал он,— но... Генетический архив! Полное собрание генетических сведений о каждом жителе Северной Америки! Основа нашей цивилизации!

— Это не... Это не...— Додсон замолчал, оставив попытки сформулировать словами размеры катастрофы.— Он под стражей. Но скажу вам, сэр, и уверен, что не я один так думаю,— он не доживет до приговора. Ни в коем случае, или я плохо знаю две тысячи двести девятнадцатый год!

Голос был низкий, задыхающийся, испуганный. Охрипший, настойчивый, он перекрывал рев толпы, шум дорожного движения и проникал в просторный офис на третьем этаже посольства, требуя немедленного внимания.

Его превосходительство посол из 2319 года — единственный, кто находился в офисе,— вид имел напряженный и очень нервный. Его взгляд выражал твердое убеждение в том, что на свете не существует ничего, кроме сложностей, и любая проблема, какой бы простой она ни казалась, по сути неразрешима. Вот почему было практически незаметно, что доносившийся снизу крик выбил его из колеи.

Со свойственной ему торопливостью посол встал и подошел к окну. Как раз в этот момент высокий бородатый человек в рваной одежде, сквозь прорехи в которой проглядывало покрытое синяками тело, спрыгнул с высокой ограды на лужайку перед посольством. Воздев руки к трехэтажному зданию посольства из 2319 года, он пронзительно закричал:

— Убежища!

Уинтроп был упрям

Миссис Бракс исполненным отчаяния взглядом обвела своих попутчиков из двадцатого столетия.

— Как он смеет! — воскликнула она.— Неужели же он бросит навсегда нас в этом безумном мире!

Дэйв Поллок пожал плечами. На нем был скромный серый костюм, откровенно диссонирующий с ярким убранством квартиры двадцать пятого столетия, в которой они находились.

— Он сказал, что мы должны быть благодарны ему. И что ему безразлично, будем мы благодарить или нет. Он остается.

— Но это же означает, что мы тоже будем вынуждены остаться!

— А какая ему разница? Он бесповоротно вознамерился не возвращаться. Ему, видите ли, понравился двадцать пятый век. Я спорил с ним два часа. Никогда раньше не встречал такого упрямца.

— А почему бы вам не поговорить с ним, миссис Бракс? — вступила в разговор Мэри-Энн Картингтон.— Он к вам неплохо относится. Может быть, вам бы удалось склонить его к благоразумию.

Миссис Бракс провела рукой по волосам, немного растрепавшимся за две недели пребывания в будущем.

— Мистер Мид,— задумчиво спросила она.— Как вы думаете, это неплохая мысль?

Четвертый присутствующий, полноватый мужчина средних лет, кивнул:

— Вреда от этого не будет. А может быть, и получится. Все равно нужно хоть что-то предпринимать.

— Ладно, попробую.

Миссис Бракс тяжело вздохнула. Будучи бабушкой, она прекрасно все понимала. Для спутников Уинтроп и она были «ста-

риками» и, следовательно, могли найти общий язык. Правда, Уинтроп все же был на десять лет старше ее. Но это не имело особого значения для мистера Мида, которому было всего сорок шесть, тем более для тридцатичетырехлетнего Поллока, не говоря уже о двадцатилетней Мэри-Энн. Все было предельно ясно: один из «старичков» должен вразумить другого. Никакого значения не имело для них и то, что Уинтроп — убежденный холостяк, лишенный каких бы то ни было привязанностей, в то время как она — мать шестерых детей и бабушка двух внуков. Вообще-то с тех пор, как группа прибыла в будущее, она и Уинтроп вряд ли сказали друг другу десяток фраз. Сильная неприязнь возникла между ними еще с первой встречи в Вашингтоне на финальном отборе путешественников во времени. Предыдущие маневры успеха не принесли. Мистер Мидд безрезультатно обрушивал на старого упрямца всю мощь своего гнева. Мэри-Энн напрасно старалась расшевелить его гибкостью своей роскошной фигуры и дрожью в голосе. Даже Дэйв Поллок, преподаватель физики в старших классах, имеющий степень магистра каких-то там наук, и тот оказался не в состоянии встряхнуть Уинтропа. И вот настал черед миссис Бракс.

Она поднялась, расправив морщинки на дорогом черном платье, которое подарил ей муж за день до отправления. Подарок был приобретен у «Лорда и Тэйлора», являясь показателем законной гордости мужа за жену. Попробовала бы она только заикнуться Сэму о том, что это было чистой воды везением, что выбрали ее только по соответствию физическим данным, изложенным в послании из будущего! Он же, наверное, бахвалился перед всей мастерской, хвастал каждому закройщику и каждой портнихе о своей жене — одной из пятерки, которую собирали со всей территории США. Что же будет с ним, когда пройдет предельный срок и она не вернется сегодня в шесть часов вечера?

— Вызвать по телефону джампер? — предложила Мэри-Энн.

— Я что, рехнулась? — сердито огрызнулась миссис Бракс.— Или вы думаете, что меня пугает небольшая прогулка по коридору? Я в состоянии пройтись пешком.

И она двинулась в направлении двери прежде, чем девушке удалось вызвать это выводящее из душевного равновесия устройство, мгновенно перебрасывающее из одного места в другое. У порога обернулась и окинула комнату последним тоскливым взглядом. Поскольку, что ни говори, эта квартира в Бронксе была весьма уютным местом, где она провела почти две недели. Во всяком случае, здесь ничего не выскакивало из пола и не высовывалось из стен. Потом она быстро прошла по коридору, стараясь держаться только посередине, на как можно большем расстоянии от стен, таящих непредвиденные опасности, корчащихся, как живые. В том месте, где пурпурная стена, не замедляя бега, обтекала неподвижный желтый прямоугольник, миссис Бракс остановилась. Скривив неприязненно губы, обратилась в сторону прямоугольника:

— Мистер Уинтроп?

— Да. Миссис Бракс? Неужели? — раздался из-за прямоугольника громкий голос.— Проходите смело внутрь, миссис Бракс.

На желтом фоне появилось крохотное пятно, быстро разросшееся до размеров двери. Она осторожно прошла в нее, подсознательно опасаясь, что может провалиться на несколько этажей по другую сторону. Комната имела форму вытянутого узкого равнобедренного треугольника. Мебели в ней не было. Цветные полосы пробегали одна за другой по стенам, полу и потолку, причем доминирующим цветом была поочередно любая составляющая спектра, начиная от бледно-розоватого цвета до сочного темно-фиолетового. Каждому новому цвету соответствовал источающийся из стен новый аромат, и эта совокупность цвета и запаха придавала комнате особое очарование, интригующее и несколько смущающее своей необычностью. Откуда-то из-за стен лилась тихая музыка, еще более усиливающая воздействие красок и ароматов. В дальнем конце комнаты, на возвышении в вершине треугольника, возлегал щуплый старичок. Время от времени это возвышение поднималось, опускалось, медленно наклонялось из стороны в сторону, подобно корове, пытающейся принять более удобную позу в траве на лугу.

Одеяние, в которое был облачен Уинтроп, точно так же непрерывно приспосабливалось ко всем его движениям и меняло свою окраску и форму. То это была красно-белая туника, прикрывающая все туловище от шеи до бедер и временами удлиняющаяся до пальцев ног, то она внезапно сокращалась в размерах, превращаясь в светло-коричневые шорты, украшенные вычурным орнаментом из переливающихся перламутровых морских раковин. Миссис Бракс наблюдала за этими трансформациями с почти что религиозным неодобрением. Ей смутно казалось, что мужчине положено быть одетым в один и тот же костюм достаточно длительное время. Против шортов она не очень возражала, хотя благопристойная душа ее расценивала их как несколько нескромную одежду. В это время Уинтроп, как бы отвечая на ее мысли, облачился в зеленый хитон, очень напоминающий ночную рубашку, не соответствующую, пожалуй, полу старика. Но она и это смогла перенести, лишь жалея, что одежда постоянно меняется, свидетельствуя как бы об отсутствии силы воли и сосредоточенности у этого человека.

Уинтроп поставил на пол огромное яйцо, которое перед этим держал в руках.

— Присаживайтесь, миссис Бракс,— весело предложил он.

Неуклюже покачиваясь на буграх пола, появившихся по жесту хозяина, миссис Бракс подогнула колени и села.

— Как... как ваши дела, мистер Уинтроп?

— Отлично, миссис Бракс, просто великолепно! Лучше не может быть. Ну, скажем, вы видели мои новые зубы? Взгляните!

Миссис Бракс наклонилась и с искренним интересом осмотрела его наполненный белой сверкающей эмалью рот.

— Неплохая работа,— объявила она наконец.— Здешние дантисты быстро все сделали.

— Они вырастили для меня эти зубы, миссис Бракс!

— Как вырастили?

— Откуда мне знать? Просто они это умеют, вот и все. Недавно я прослышал о регенерационной лечебнице. Это такое место, куда надо обращаться, если потерял, к примеру, руку. Там отращивают точно такую же новую, задаром. Я пошел туда и сказал стоящей там машине: «Мне нужны новые зубы». Машина предложила мне сесть. Раз, два, три — готово! И я уже выбрасываю свои вставные челюсти. Не хотите ли попробовать сами?

Она неуклюже заерзала на своем податливом сиденье.

Уинтроп рассмеялся.

— Вы напуганы,— заметил он.— Ничем не отличаетесь от остальных. Новое пугает вас. А у меня, самого старого из вас, хватает смелости.

Миссис Бракс робко улыбнулась.

— Но вы, мистер Уинтроп,— единственный, кого никто не ждет в двадцатом веке. А у меня семья, у мистера Мида семья, мистер Поллок только-только женился, мисс Картингтон обручена...

— Мэри-Энн обручена? Ни за что не догадался бы. Она так строила глазки парню из Темпоральной службы!

— Обручена. С бухгалтером из ее конторы, Эдгаром Раппом. Прекрасный, работящий юноша. И она хочет к нему вернуться.

— Ну и пусть себе возвращается. Мне-то какое дело?

— Но, мистер Уинтроп,— умоляюще сложила она ладони.— Она не сможет вернуться, никто из нас не вернется, если только мы не отправимся домой все вместе. Вы разве не помните, о чем предупреждали темпоральные инспекторы? Мы должны сидеть по своим местам, когда будет производиться то, что они называют трансфером. Но если к шести часам мы все не собе-

ремся там, они не смогут выполнить этот трансфер! Поэтому, если один из нас, вот вы, например, не явитесь...

— Не рассказывайте мне о своих бедах! — резко оборвал ее Уинтроп.

Лицо его вспыхнуло. В комнате распространился резкий кисловатый запах, на стенах появились багровые пятна, музыка превратилась в сплошную какофонию. Видимо, так помещение отреагировало на смену настроения постояльца.

— Все хотят, чтобы Уинтроп оказал им любезность. А что они сами сделали когда-нибудь для Уинтропа? — едко поинтересовался он.

— Не понимаю вас, мистер...

Миссис Бракс смутилась.

— Когда я был ребенком, мой родитель каждый вечер возвращался домой пьяным. Когда я подрос, меня ожидала паршивая работа и такая же паршивая жизнь. Помните очереди за хлебом? Кто, по-вашему, стоял в этих очередях? Такие, как я. А потом, когда депрессия сменилась лучшими временами, я был уже слишком стар, чтобы получить приличную работу. Таких, как я, брали разве что ночными сторожами, мойщиками посуды или сборщиками ягод. Дешевые ночлежки, дешевые меблированные комнаты...

Он снова взял в руки крупный яйцевидный предмет и начал пристально вглядываться в него. Из-за багрового освещения комнаты лицо его казалось почти черным. На тощей шее вздрагивала крупная вздутая вена.

— М-да... Говорите, у каждого есть к кому возвращаться? У каждого, кроме меня. У меня никогда не было настоящего друга, жены, даже девушки, которая бы оставалась со мной дольше, чем ей требовалось для того, чтобы вытряхнуть из моих карманов завалявшуюся в них мелочь. Так почему же мне нужно возвращаться? Я счастлив здесь. А вам неуютно, вы ощущаете себя чужаками в этом мире... Я остаюсь. Это решение — окончательное.

— Послушайте, мистер Уинтроп,— встревоженно подалась вперед миссис Бракс.— У каждого в жизни случаются неприятности. Вы думаете, у меня их нет? Моя дочь Анни, мой Джулиус! То, что мы пережили, я не пожелала бы худшему врагу. Но отыгрываться на других? Вы правы. Нам не нравится здесь. Все эти джамперы, пищевые аппараты...

— Кстати, о пищевых аппаратах,— оживился Уинтроп.— Вы видели мой новый пищевой рекордер? Последняя модель. Я прослышал о ней только вчера вечером, сказал, что мне нужен такой, и что бы вы думали? Первое, что я увидел утром,— только

что доставленный, новенький, с иголочки, автомат. И без всяких хлопот и денег! Удивительный мир!

Он открыл огромное яйцо и заглянул внутрь, где располагалось множество циферблатов, выключателей и кранов.

— Хотите попробовать? Я настроил его на самый модный номер этого нового композитора с Альдебарана: «Воспоминания о марсианском суфле».

Она выразительно покачала головой.

— Нет. По мне, еду следует подавать в тарелках. Я не хочу пробовать. Спасибо.

Старик пожал плечами.

— Ладно. Другие хотя бы попробовали. Но вы все эти две недели питаетесь кормежкой двадцатого столетия, не переступая порога своей комнаты. А чем вы просили ее убрать? Да вы же находитесь в двадцать пятом столетии, госпожа! Проснитесь!

— Мистер Уинтроп! — твердо произнесла миссис Бракс.— Да или нет? Вы будете столь любезны или нет?

— Вам за пятьдесят,— подчеркнуто откровенно заявил Уинтроп.— Далеко за пятьдесят, миссис. И сколько вы еще собираетесь прожить у себя дома? Лет десять? Пятнадцать? Здесь бы вам перепало еще минимум сорок. Даже я в состоянии протянуть не менее двадцати. Не надо беспокоиться о войнах, эпидемиях, депрессиях, все даром, и сколько же вокруг интересного! Зачем же возвращаться?

Миссис Бракс, и без того уже изрядно расстроенная, совсем потеряла самообладание.

— Потому что у меня там дом,— зарыдала она.— Потому что я не представляю себе иначе. Потому что я хочу быть со своим мужем, детьми, внуками... И потому что мне здесь не нравится!

— Какие же вы трусы! — вскричал Уинтроп.— Все, даже этот молодой балбес Поллок. Первую неделю он еще бродил со мной и хотя бы по разу все пробовал. А под конец испугался. Вот и забирайте его с собой, возвращайтесь!

— Но мы не можем возвратиться без вас! Вспомните, что нам сказали. Трансфер осуществляется одновременно с двух сторон. Мы не сможем вернуться без вас!

Уинтроп улыбнулся и почесал затылок.

— И все же я останусь. Это единственная эпоха, которая по душе старику Уинтропу.

— Пожалуйста, мистер Уинтроп, не упрямьтесь! Не вынуждайте нас прибегнуть к силе...

— Вы не имеете права принуждать меня,— объявил он с видом торжествующего хищника.— Согласно законам Америки XXV века, ни одно человеческое существо нельзя к чему-либо

принудить. Это факт, только попробуйте напасть на меня. Я подниму скандал, появится целая рота правительственных машин и освободит меня. Так-то, дорогие мои!

— Послушайте,— сказала она уже перед дверью.— В шесть часов мы все будем в здании машины времени. И будем ждать вас.

— Ни за что! — крикнул он вслед.— Ни за что не вернусь!

И миссис Бракс пошла к себе и рассказала всем, что Уинтроп так же упрям, как и раньше.

Оливер Мид, вице-президент компании по производству емкостей для свежей воды из Гэри, штат Индиана, заведующий внешними связями фирмы, нетерпеливо барабанил по ручке удобного кресла, обтянутого красной кожей, которое комната миссис Бракс создала специально для него.

— Нелепо! — воскликнул он.— Нелепо и совершенно бессмысленно! Этот отщепенец, этот бродяга! Да как он смеет мешать другим заниматься своими делами! Известно ли вам, что через несколько дней должно состояться общенациональное совещание по вопросам розничной торговли? И мне необходимо на нем присутствовать. Ведь произойдет ужасная неразбериха, скажу я вам, если ответственные лица из этой эпохи не поймут всей важности...

— Могу поспорить, что так оно и будет,— перебила его Мэри-Энн, прищурив густо накрашенные веки.— Такая крупная фирма, как ваша, могла бы потребовать от них возмещения убытков.

Дэйв Поллок устало скривился.

— Фирма, которой не существует уже 500 лет? Кому будет жаловаться ваша корпорация? Разве что составителям учебников истории!

Увидев, что толстяк сердито заерзал в кресле, миссис Бракс успокаивающе подняла руки.

— Не расстраивайтесь. Давайте обсудим все спокойно, без драки. Как вы считаете, мы действительно не имеем права заставить его вернуться?

— Безответственные, преступные губошлепы! — угрюмо произнес мистер Мид.— Пригласили нас в свою эпоху, а теперь сидят сложа руки. А что же случится с их людьми, с теми пятерыми, которых мы заменили на трансфере? Если мы застрянем здесь, они застрянут в 1958 году. Навсегда. Любое правительство, достойное называться правительством, обязано защищать своих граждан, выезжающих за границу.

— Только вот похоже на то, что здешнее правительство состоит из одних машин. А разве мы в состоянии спорить с машинами? — заметила мисс Картингтон.— Единственный официальный представитель, с которым мы встречались, это мистер Сторку, который приветствовал нас от имени Соединенных

Штатов Америки 2458 года. И, похоже, мы не слишком уж его интересовали.

— Так вот, сделать нам необходимо следующее,— заговорил мистер Мид, загибая по очереди пальцы правой руки.— Первое. Нужно действовать, исходя из того, что единственным человеком из руководства, с которым мы встречались, является этот мистер Сторку. Второе. Выбрать среди нас компетентного представителя. Третье. Представитель должен встретиться с мистером Сторку и обрисовать ему ситуацию. Как его правительству удалось связаться с нашим правительством и сообщить о возможности путешествия во времени, но при выполнении определенных условий: в частности, соблюдая это... как оно там называется, Поллок?

— Закон сохранения энергии и массы. Материя или ее эквивалент в виде энергии не могут быть ни созданы, ни уничтожены Если вы хотите перенести пять человек из Вселенной 2458 года во Вселенную 1958 года, вам нужно заменить их одновременно в их собственном времени пятью лицами точно такого же физического строения из времени, куда они отправляются. В противном случае образуется недостаток массы в одном пространственно-временном континууме и соответствующий избыток в другом. Как в химическом уравнении...

— Это все, что я хотел знать, Поллок. Я не ученик в одном из ваших классов, вам незачем поражать своими знаниями меня,— сделав ударение на последнем слове, произнес мистер Мид

— Вас никто не пытался поразить,— воинственно огрызнулся молодой физик.— Я просто пытался прояснить для вас наши трудности. Поскольку машина настроена на нас пятерых и на пятерых из этой эпохи, нельзя осуществить перемещение, если на обоих концах темпоральной линии не будем присутствовать все мы и все они.

Мистер Мид сделал медленный театральный поклон.

— Премного вам благодарен. С вашего позволения, я хотел бы продолжить. Не все из нас находятся на государственной службе, и поэтому не у всех время столь драгоценно.

— Послушайте только этого воротилу! — весело заметил Поллок.— У него драгоценное время. Если вам угодно знать, для здешних обитателей мы являемся не кем иным, как дикарями из первобытного прошлого.

— Тихо! — скомандовала миссис Бракс.— Будьте любезны, продолжайте, мистер Мид. Это все очень интересно. Не правда ли, мисс Картингтон?

Блондинка кивнула.

— Администраторами просто так не назначают. Вы все излагаете... э... правильно, мистер Мид.

Оливер Мид смягчился и одарил девушку благодарной улыбкой.

— Итак, третье. Мы излагаем факты этому мистеру Сторку, говорим, что пришли сюда с самыми благими намерениями после того, как были отобраны в результате общенационального конкурса по подысканию точных эквивалентов пятерых представителей их эпохи. О том, что пошли на это частично из вполне понятного любопытства и, что самое главное, выполняя патриотический долг. Разве эта Америка 2458 года не является и нашей Америкой? Разве она не является нашей Родиной? Как патриоты, мы не могли поступить иначе, мы...

— Оливер Мид произносит присягу перед флагом! — взорвался Поллок — Вот это мысль!

Лицо бизнесмена отразило мучительную борьбу с самим собой. Стараясь не выйти из себя, он предложил:

— Поллок, если вам неинтересны мои мысли, то почему вы не выйдете в коридор подышать кислородом из автомата? Да... На чем я остановился.. Как я уже говорил, объяснив подноготную фактов мистеру Сторку, мы подходим к пункту четвертому. Факту отказа. Отказа Уинтропа вернуться вместе с нами домой. И требуем от правительства этой эпохи, чтобы оно приняло соответствующие меры, которые гарантировали бы наше возвращение даже в том случае, если это повлечет за собой, ну... как это... принуждение силой в отношении Уинтропа.

— Вы так думаете? — иронически спросил Дэйв Поллок.— А что, если Сторку скажет «нет»?

— Он не сможет отказать, если его прижать как следует!

— И сделать это можете только вы, мистер Мид! — одобрительно кивнула миссис Бракс

Толстяк сразу скис.

— Я?

— Разумеется,— горячо поддержала Мэри-Энн.— Вы — единственный, кто может это сделать, изложить все... как бы это... так правильно.

— Я... мы... не очень-то... У меня сложились не очень хорошие отношения с мистером Сторку. Поэтому лучше возложить решение этой задачи на кого-то другого.

Дэйв Поллок расхохотался.

— Олли, не скромничайте. У вас со Сторку такие же отношения, как и у любого из нас. И разве вы не специалист по внешним связям? Вы ведь большая шишка в своей компании, не так ли?

Мистер Мид попытался вложить в свой жесткий продолжительный взгляд всю ненависть, накопившуюся во Вселенной.

— Очень хорошо. Раз никто из вас не берется за это, придется мне. Я скоро вернусь.

— Почему бы вам не воспользоваться джампером? Это ведь гораздо быстрее,— спросил ядовито Поллок, когда Мид выходил из комнаты.

— Нет, благодарю,— вежливо ответил мистер Мид.— Мне нужно размяться. Я пройдусь пешком.

Он начал спускаться по лестнице быстрым пружинистым шагом, но лестнице, однако, показалось, что он движется недостаточно быстро. Включился эскалатор, набирая скорость до тех пор, пока Мид не споткнулся.

— Остановись, черт тебя побери! — завопил он.— Я могу это сам!

Лестница повиновалась. Он вытер лицо большим белым носовым платком и снова пошел вниз по ступенькам. Через несколько секунд эскалатор включился снова.

Раз за разом Мид приказывал ему остановиться, и раз за разом он останавливался, а затем снова исподтишка делал попытки ему помочь. В конце концов ему пришлось сдаться, и к тому времени, когда он достиг нижнего этажа, эскалатор двигался так быстро, что мистер Мид по инерции пролетел через весь пустой вестибюль здания и очутился на тротуаре, рискуя сломать шею. К счастью, тротуар под ним начал двигаться. У толстяка после путешествия по лестнице изрядно кружилась голова, но стоило ему покачнуться, как тротуар тут же следовал за ним, осторожно, но умело предотвращая его падение. В конце концов Мид остановился, чтобы перевести дух.

Тротуар под ним слегка затрепетал, выжидая. Мистер Мид начал озираться по сторонам.

— Что за мир! — вырвалось у него.— Хоть бы полицейский появился. Хоть бы кто-нибудь!

И тут же перед ним возник этот «кто-нибудь». С характерным попыхиванием чуть выше его головы появился джампер. Из него прямо в воздух вышел человек. Позади человека была какая-то похожая на плетень, решетчатая штуковина, утыканная глазами. Участок тротуара взметнулся вверх, образовав горб прямо под двумя появившимися существами, а затем аккуратно опустился вниз.

— Я очень рад нашей встрече! — закричал мистер Мид.— Я пытаюсь добраться до Государственного Департамента и испытываю определенные затруднения. Был бы очень признателен вам за помощь.

— Извините, но мы с Клап-Лилтом должны через полчаса вернуться на Ганимед. Мы и так уже опаздываем на встречу.

Почему бы вам не вызвать государственную машину? — спросил человек.

— Кто это? — поинтересовался плетень, когда они начали плавное движение ко входу в здание.

Тротуар под ними струился счастливой рекой.

— Путешественник во времени,— пояснил его спутник.— Из прошлого. Один из тех туристов, которые прибыли к нам в порядке обмена две недели назад.

— О! — протянул плетень.— Из прошлого? Вы знаете, мы на Ганимеде не верим в путешествия во времени. Это противоречит нашей религии.

Землянин рассмеялся.

— Ох уж эта ваша религия, Клап-Лилт!

— Все вы, люди, не можете никак уразуметь, что наша религия...

Голос плетня растаял, как только они скрылись внутри здания. Мид едва не плюнул им вслед. Затем взял себя в руки. Нравы этого странного времени чудовищно отличаются от нравов двадцатого века. Кто знает, какое наказание положено здесь за плевок?

— Государственную машину,— уныло произнес он в пустоту.— Мне нужна государственная машина.

Мистер Мид чувствовал себя несколько глуповато, но именно это, как им говорили, нужно делать в случае необходимости.

Как по заказу, рядом с ним прямо из ничего возникла сверкающая разноцветными пластинами штуковина, вся из проводов и катушек.

— Да? — спросила штуковина бесстрастным голосом.— Чем могу служить?

— Мне нужно встретиться с мистером Сторку из вашего Государственного Департамента.

— Можно предложить вам джампер? Я сейчас же вызову.

— Не нужно. Я хочу пройти пешком. Все, что от вас требуется, велеть этому дурацкому тротуару не вмешиваться и стоять неподвижно.

— Простите, сэр,— ответила машина,— но тротуар просто выполняет свои обязанности. К тому же мистера Сторку сейчас нет. Он выполняет духовную зарядку либо на Поле для Визга, либо на Стадионе Ужаса.

— О, увольте,— взмолился Мид.

Оправдывались его самые худшие опасения. Ему не хотелось побывать в этих местах еще раз.

— Простите, сэр. Один момент. Я проверю.— Между обмотками проскочило несколько ярко-голубых искр.— Мистер Стор-

ку сейчас занят визгом. Он чувствует, что стал чрезмерно агрессивен. Приглашает вас присоединиться к нему.

Толстяк задумался. У него не было ни малейшего желания отправляться туда, где нормальные люди на несколько часов становятся сумасшедшими. Но, с другой стороны, времени было в обрез.

— Ладно,— удрученно согласился он.— Я присоединяюсь.

— Вызвать джампер, сэр?

— Нет! — отпрянул Мид.— Я пойду пешком.

— К сожалению, сэр, пока вы будете туда добираться, визг уже закончится.

Вице-президент по внешним связям приложил к лицу потные ладони и, чтобы успокоиться, сделал легкий массаж. Он должен не забывать о том, что это не тупой полисмен, на которого можно пожаловаться в газету, и не секретарь-растяпа, которого можно уволить. Это всего лишь машина, в электронной цепи которой встроен определенный набор речевых реакций. Если он покажет, что непомерно раздражен, она просто вызовет другую машину. Медицинскую.

— М-н-е н-е н-р-а-в-я-т-с-я д-ж-а-м-п-е-р-ы,— процедил он сквозь зубы.

— Извините, сэр. Если вы не возражаете против того, чтобы подождать, пока закончится визг, то нет проблем, но тогда вам придется отправиться на Венеру на Праздник Ароматов, который сразу же после визга намерен посетить мистер Сторку. Поэтому, если вы хотите повидаться с ним незамедлительно, вам, увы, придется воспользоваться джампером. Другой возможности нет, сэр.

— Ладно, сдаюсь,— поник мистер Мид.— Вызывайте джампер.

— Есть, сэр. Вот он, сэр.

Тотчас над головой Мида материализовался полый цилиндр и замкнулся вокруг него, не дав даже рта раскрыть. Вокруг стало темно. У бедняги возникло ощущение, будто его желудок постепенно, но неумолимо вытаскивают через рот. За желудком последовали печень, селезенка и легкие. Затем все его кости выпали в середину уже пустой брюшной полости и стали уменьшаться в размерах, пока не исчезли. Он как бы сколлапсировал внутрь самого себя. Через некоторое время мистер Мид снова ощутил себя целым и невредимым, стоящим на просторной зеленой лужайке. Его окружало несколько десятков людей. Желудок вернулся на положенное место и там закрепился, тело слегка подбросило вверх. Когда спазмы успокоились, Мид увидел перед собой мистера Сторку — высокого светловолосого молодого человека очень приятной наружности.

— Ведь это так просто, мистер Мид. Нужно только во время прыжка оставаться совершенно спокойным.

— Легко... легко говорить,— отдуваясь, произнес толстяк, вытирая лицо платком.— Почему вы... Почему бы вам не придумать другой способ передвижения? В нашу эпоху удобство в средствах передвижения является краеугольным камнем промышленности.

— Какой он забавный! — воскликнула находящаяся рядом девушка, обращаясь к своему спутнику.— Он разговаривает, как в старых любовных романах.

Мистер Мид бросил в ее сторону угрюмый взгляд и в замешательстве разинул рот. Она была совершенно голая. И такими же голыми были все окружающие, включая мистера Сторку. Мид разнервничался. Кто знает, что происходит на этих Полях для Визга! Ведь раньше они наблюдали за этим с большого расстояния, с трибуны.

— А ведь житель эпохи Елизаветы I или человек из Древней Греции при необходимости поехать в одном из ваших безлошадных экипажей или внутри железного коня испытал бы еще большее беспокойство,— заметил мистер Сторку.— Это всего лишь привычка, некоторые приспосабливаются, как ваш современник Уинтроп. А некоторые, как вы, например, нет.

— Если уж говорить об Уинтропе,— поспешно начал мистер Мид,— то...

— Все собрались? — раздался голос атлетически сложенного молодого человека.— Сегодня я — ваш вожатый.— С этими словами незнакомец подпрыгнул вверх.— А ну, ножками, все, все, ножками, пусть разомнутся ваши мускулы. У нас будет по-настоящему отличный визг. Сбросьте одежду,— обратился он к мистеру Миду.— Нельзя визжать одетым.

Мид опешил.

— Я пришел, чтобы переговорить с мистером Сторку. И лучше посмотрю на все это со стороны.

Вокруг раздался дружный громкий хохот.

— Нельзя смотреть, находясь посередине Поля для Визга! И, помимо всего прочего, вы автоматически занесены в число участников визга. Сбрасывайте одежду, дружище, и присоединяйтесь!

Мистер Мид задумался на мгновение и начал раздеваться. Он был смущен, подавлен, напуган, но уж слишком неотложным было дело, с которым он пришел. Девизом людей, занимающихся внешними сношениями, всегда было: «Не лезь со своими уставами в чужой монастырь». Ему позарез хотелось домой, в тот мир, где справедливая система, базирующаяся на спросе и предложении, где с важным деловым человеком соот-

ветственно обращаются, где неодушевленные предметы остаются неодушевленными. А единственным каналом, через который можно в этот мир вернуться, является сейчас мистер Сторку. И поэтому его надо ублажить и дать почувствовать, что Оливер Мид — свойский парень. Кроме того, он заметил, что многие из собравшихся здесь девушек были очень недурны собой. Это напомнило ему ужин после окончания ревизии отделения компании в Де-Мойне. Вот если бы они еще не брили головы!

— Теперь все вместе,— пропел вожатый.— Давайте в кучу. Все вместе, одной тесной группой, теснее друг к другу, теснее, по кругу, по кругу!

Мистера Мида впихнули в толпу. Энергично подгоняемая вожатым группа сплачивалась все теснее и теснее. Неожиданно загремела музыка, затем ее стал заглушать шум, нарастая все громче и громче. Кто-то, пытаясь сохранить равновесие в кучемала голых тел, саданул мистера Мида в живот, кто-то сзади сделал подножку.

— Осторожней! — взвыла рядом девушка, которой он наступил на ногу.

— Простите, я просто не успел...

Но тут кто-то ударил его локтем. Толпа продолжала кружиться под аккомпанемент такой душераздирающей какофонии, что казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. И все же голос вожатого перекрывал шум:

— Еще, еще! Вот так! Быстрее! Нет, сюда, вокруг дерева! Снова все в кучу! Держитесь вместе! А теперь — назад! Быстрее, быстрее!

Они попятились назад, огромная масса людей навалилась на мистера Мида, прижав его к другой, такой же огромной, толпе, которая была у него за спиной. В этом беспорядочном броуновском движении были свои небольшие подводные течения, и поэтому, когда его несло вперед, какие-то силы одновременно отшвыривали на метр-два сначала влево, потом — вправо. Раз или два его отбрасывало на периферию, однако, к величайшему своему удивлению, когда он вспоминал об этом впоследствии, единственным, что он делал, было прокладывание локтями и коленями пути в самую гущу толкающихся людей. Неистовствовал, нанося пинки во все стороны, ни о чем не думая, кроме того, как остаться на ногах. Внезапно, откуда-то извне водоворота голых человеческих тел, раздался душераздирающий вопль, протяжный вопль могучего мужчины. Крик бесконечно долго отдавался эхом на лужайке, почти заглушив шумную какофонию. Женщина впереди Мида подхватила его на такой высокой ноте, что ему показалось, что череп сейчас лопнет. Через несколько

мгновений вопили уже все собравшиеся, и Мид не удивлялся, что к общему шуму присоединился и его собственный голос. Он вложил в этот крик все неприятности, испытанные за прошедшие две недели, все разочарование и ненависть, накопившиеся за всю прошлую жизнь. Крики слились в непрерывный обезличенный визг, где-то в глубине своего разума мистер Мид испытывал почти что детское наслаждение от того, что вошел в общий ритм и стал во всем ничуть не хуже других.

О, как хорошо!

Впоследствии Мид так и не мог определить, как долго они бегали и вопили... Очнувшись, он заметил, что больше уже не находится внутри тесной группы. Участники визга каким-то образом рассеялись по лужайке, выстроившись в длинные раскачивающиеся, вопящие цепи. Ему стало немного не по себе. Стараясь не сбиться с ритма визга, он сделал попытку подобраться поближе к мужчине и женщине справа от себя. Вопли внезапно прекратились, так же неожиданно затихло шумовое сопровождение. Он взглянул прямо перед собой, туда, куда смотрели остальные. И увидел... Бурое, покрытое шерстью животное, величиной с овцу. Оно вертело головой, испуганно озираясь, потом со всех ног бросилось бежать.

— Хватайте его! — пронзительно взвизгнул вожатый.— Хватайте его!

Мистер Мид побежал через луг за животным, вопя что есть мочи.

— Хватайте его! — колоколом гудело в голове.— Хватайте!

Животное почувствовало, что его вот-вот поймают, резко развернулось и, непрерывно увертываясь, метнулось прямо сквозь людские цепи. Мистер Мид попробовал схватить его, но в ладони осталось только несколько клочков шерсти. Падая, он больно стукнулся коленями о землю. Не испортив ни одной ноты в общем хоре невообразимого визга, Мид сразу же вскочил и снова бросился вдогонку за животным. Все остальные также развернулись и побежали вместе с ним.

— Хватайте его! Хватайте!

Животное ловко увертывалось, мистер Мид так увлекся погоней, что бежал все время в первых рядах. Люди все больше сужали пространство, в котором металось животное. И наконец поймали его.

Толпа образовала огромный, неправильной формы круг и замкнула его вокруг жертвы. Мистер Мид одним ударом кулака сбил животное с ног. На распростертое тело прыгнула девушка с перекошенным лицом, но он успел схватить шерстистую бурую лапу и, рванув с чудовищной силой, оторвать ее от тела.

Из раны торчали порванные провода и сыпались какие-то мелкие детали.

— Мы поймали его,— бормотал он, глядя на ногу.— Мы его поймали!

Внезапно на него навалилась такая усталость, что он, шатаясь, отошел подальше от толпы и тяжело бухнулся в траву. К нему подошел мистер Сторку.

— Ну как? — спросил он, тяжело дыша.— Хорошо повизжали?

Мистер Мид поднял руку со все еще зажатой в ней бурой ногой.

— Мы поймали его,— сказал он.

Светловолосый рассмеялся.

— Вам необходим хороший душ и легкое успокаивающее. Пойдемте.

Он помог мистеру Миду подняться и, держа его за локоть, направился через луг к трибуне. Другие участники визга оживленно болтали, стряхивая с себя пыль и восстанавливая дыхание. Побывав в душевой кабине, специалист по внешним сношениям снова почувствовал себя самим собой. Правда, чего-то в нем недоставало с того мгновения, когда в руке его оказалась нога механической жертвы. Он старался убедить себя, что остался тем же Оливером Мидом, хорошим мужем и отцом, преуспевающим бизнесменом, одним из столпов общества. Но это не помогало. Отныне и до конца своих дней он стал также и... Ему стало страшно употребить это слово. Надо было во что-то одеться. Быстро.

— Вероятно, это вам очень помогло,— произнес мистер Сторку, выслушав объяснения мистера Мида о тех побуждениях, которые им двигали.— Я бы не беспокоился. Вы такой же, как и все остальные из вашей эпохи. А вот одежду вашу вымели с поля с прочим мусором, оставшимся после визга.

— Что же мне делать? — застонал мистер Мид.— Не могу же я идти домой в таком виде!

— Почему? — весьма удивился представитель правительства.— В самом деле не можете? Очаровательно! Ну что ж, станьте под этот автомат. Как я полагаю, вам больше по вкусу одежда двадцатого века?

Мистер Мид кивнул и недоверчиво поместил свое тело под указанный механизм.

— Пожалуйста, что-нибудь пристойное, такое, чтобы я мог носить.

Мистер Сторку быстро произвел настройку на пульте. Из машины послышалось легкое гудение, и прямо сверху на ошеломленного толстяка свалился комплект парадной черно-белой вечерней одежды. Еще через мгновенье эта одежда трансформировалась в совершенно иной наряд: туфли стали сапогами до бедер, смокинг вытянулся и превратился в зюйдвестку. В таком наряде в самую пору занимать место на мостике китобойного судна.

— Хватит! — взмолился мистер Мид, когда дождевик начал уменьшаться до размеров футболки.— Остановитесь на чем-нибудь одном!

— Вы это сумеете сделать сами, если попытаетесь укротить свое подсознание,— пояснил мистер Сторку.

Тем не менее он добродушно трахнул по боковой поверхности машины, после чего одежда мистера Мида приняла вид твидового пиджака и панталон для гольфа, модных в середине 20-х годов.

— Так лучше?

— Да.

Он хмурился, но все-таки это было нечто удобоваримое, а как только удастся вернуться домой...

— Послушайте, Сторку,— начал мистер Мид, стараясь забыть о своем непристойном поведении на Поле для Визга.— У нас неприятности с этим Уинтропом. Он не хочет возвращаться назад.

Они стояли на краю лужайки. На противоположном ее конце начинался новый визг.

— Ну и что? — равнодушно спросил мистер Сторку. Он протянул руку в сторону обнаженной толпы.— Поймите, еще два-три таких сеанса, и ваша психика будет в прекрасной форме. Хотя, судя по вашему виду, больше бы подошел Стадион Ужаса. А почему бы, в самом деле, не попробовать? Почему бы прямо сейчас не отправиться туда? Одна первоклассная серия приступов панического страха, и вы будете абсолютно...

— Спасибо, нет! С меня и этого достаточно. Состояние моей психики — это сугубо мое личное дело.

Светловолосый мужчина понимающе кивнул.

— Разумеется. «Состояние психики индивидуума является его личным делом и не может находиться в юрисдикции какого-либо другого лица»,— процитировал он.— Я просто хотел дать вам дружеский совет.

Мистер Мид заставил себя выдавить улыбку. При этом лацканы его пиджака поднялись и нежно погладили подбородок.

— Я нисколько не обижаюсь. Однако что вы думаете предпринять в отношении Уинтропа?

— Предпринять? Ничего. А что мы в состоянии сделать?

— Вы в состоянии принудить его вернуться назад! Вы здесь представляете правительство, не так ли? Правительство, которое пригласило нас сюда и отвечает за нашу безопасность.

На лице мистера Сторку отразилось недоумение.

— А разве вам что-либо угрожает?

— Вы понимаете, что я имею в виду, Сторку! Наше благополучное возвращение. Правительство несет ответственность за это.

— Но только не в том случае, когда ущемляются желания и свобода действий другого совершеннолетнего лица. Я просто процитировал вам, друг мой, одну из статей Положения 2314 года. Принуждение не может применяться к взрослому мужчине. Даже к официальным уговорам можно прибегать только в определенных, весьма ограниченных случаях. Здесь, определенно, такой случай не имеет места. Должен вам сказать, что к тому времени, когда ребенок завершает прохождение нашей системы воспитания, он является гармоничным членом общества, заслуживающим доверия.

— Ну чем не настоящая, залитая неоном утопия,— насмешливо ухмыльнулся мистер Мид.— Не нужна полиция, чтобы охранять жизнь и собственность, не нужно никого никуда направлять... Ну что ж, это ваш мир, он вам нравится. Суть вовсе не в этом. Неужели вы не понимаете, Сторку, что Уинтроп не является гражданином вашего мира?

— Но он прибыл сюда по приглашению, в качестве гостя. И имеет полное право на защиту со стороны наших законов.

— А мы, как я полагаю, такого права не имеем? — воскликнул, негодуя, мистер Мид.— Он может делать с нами все, что заблагорассудится, и ему все сходит с рук? И это вы называете законом? Это вы называете справедливостью?

Светловолосый молодой человек успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Послушайте, друг мой, попытайтесь понять. Если бы Уинтроп попытался что-либо сделать с вами, это было бы предотвращено. Но не прямым вмешательством в поступки Уинтропа, а тем, что вы были бы ограждены от него. Но для того, чтобы мы прибегли даже к таким мерам, он должен что-либо совершить. Тогда возникнет прецедент деяния, направленного на ущемление ваших прав как личности. Вы же, напротив, обвиняете Уинтропа в несовершении определенного действия. Он отказывается вернуться с вами? Так вот. Он имеет право на отказ. И может отказываться делать что угодно, касающееся его тела и разума. Уложение 2314 года предусматривает и такое. Хотите, я процитирую соответствующий параграф?

— Нет, не хочу. Итак, вы хотите сказать, что никто и ничего не сможет сделать?

— Единственное, что можете сделать вы сами,— сказал мистер Сторку,— это попытаться переубедить Уинтропа. Вплоть до последней минуты, на которую назначено осуществление трансфера.

— А если нам не удастся? — спросил мистер Мид, нетерпеливым жестом урезонивая не в меру расчувствовавшиеся лацканы своего пиджака.— Тогда выходит, нам не повезло? И мы не сможем взять его за шиворот и...

— Боюсь, что не сможете. Тотчас же появится государственная машина и освободит его. Не причинив, как вы понимаете, при этом вам самим ни малейшего вреда.

— И просто оставив нас на произвол судьбы в этом бедламе на всю оставшуюся жизнь,— с горечью добавил мистер Мид.

На лице мистера Сторку появилось выражение обиды.

— А разве у нас так уж плохо? Здесь столько нового и волнующего! Ваш Уинтроп неплохо освоился в нашем мире — почти каждый день он бывает на Стадионе Ужаса или Поле для Визга. За последние десять дней я не меньше трех раз сталкивался с ним на различных семинарах и выставках. В Департаменте Национальной Экономики я прослышал о том, что он — восторженный и искренне преданный потребитель. Что он может заставить себя...

— Да уж, Уинтроп понабирал там всяких штуковин,— фыркнул мистер Мид.— Ему ведь не нужно было платить за них. А что еще нужно такому лодырю?

— Единственное, что я еще хотел бы отметить,— спокойно продолжал Сторку,— что перспектива застрять в этом, как вы выражаетесь, «бедламе» имеет свои положительные стороны.

— Значит, никто не поможет нам с Уинтропом?

Мистер Сторку вызвал джампер и поднял руку, придерживая его в воздухе.

— Сказано, пожалуй, слишком сильно. Вполне возможно, что кто-нибудь, где-нибудь во Вселенной и мог бы помочь вам, если бы перед ним была поставлена такая задача и имелась достаточная заинтересованность в ее разрешении. Но Государственный Департамент здесь бессилен, это я могу сказать со всей определенностью.

Мистер Мид заскрежетал зубами.

— Не могли бы вы, если это возможно, быть настолько любезны, чтобы подсказать нам, куда еще можно обратиться за помощью? У нас, если вы помните, осталось менее двух часов, и за это время мы просто не в состоянии обыскать всю Вселенную.

— Да уж,— одобрительно кивнул мистер Сторку.— Я рад видеть, что вы успокоились, надо подумать. Так. Прежде всего — Темпоральное Посольство, которое ведает обменом посетителей. Затруднением, с моей точки зрения, является то, что у них слишком широкий взгляд на подобные вещи. Есть еще Машины-Оракулы, которые дадут вам ответ на любой вопрос, если на него есть возможность ответить. Здесь главная трудность состоит в том, чтобы правильно истолковать ответ. Кроме того, на этой неделе на Плутоне должен состояться съезд хроно-психологов. Затем, на одной из планет системы Ригеля обитает раса разумных грибов, наделенная потрясающим даром предвидения. Могу, основываясь на своем личном опыте, порекомендовать обратиться именно к ним. У них совершенно невероятная способность...

Мистер Мид замахал руками.

— Хватит! Я вижу, у вас еще многое в запасе, но у нас осталось только два часа, вы не забыли об этом?

— Разумеется, не забыл. И поскольку весьма вероятно, что вам ничего не удастся сделать за такое короткое время, я позволю себе предложить вам бросить всю эту затею и отправиться вместе со мной на Венеру.

Мистер Мид отпрянул назад, уступая место джамперу, которому мистер Сторку подал знак опуститься.

— Нет, благодарю покорно! Почему вы все здесь постоянно спешите куда-то отдыхать или развлекаться? — пожаловался он, отойдя на почтительное расстояние.— А как же делается работа в этом мире?

— Делается, делается,— рассмеялся светловолосый, заключая себя в объятия джампера.— Наши интересы очень отличны от ваших. Просто наша работа больше походит на игру, а не на тупое занятие.

И исчез.

Мистеру Миду ничего не оставалось, кроме как вернуться в комнату миссис Бракс и рассказать остальным, что Государственный Департамент в лице мистера Сторку ничем не может помочь.

— Вы сказали ему все, что говорили нам, и он ничего не предпринял? — спросила Мэри-Энн.— А вы уверены в том, что ему известно, кто вы?

Мистер Мид не удосужился ответить.

— Разумеется, известно,— ответил за него Поллок.— Как и то, что его компания прогорела на бирже 481 год тому назад и поэтому сейчас, здесь он никем не является.

— Я не думаю, что это так смешно, Дэйв Поллок,— сказала мисс Картингтон и укоризненно покачала головой. Ей казалось, что этот тощий учителишка просто завидует мистеру Миду.—

Только вот одно плохо. Если уж такая важная шишка, как мистер Мид, не в состоянии выручить их, то кто же тогда сможет это сделать?

— Мистер Мид,— проворковала она.— Я все же убеждена, что он все-таки сказал что-нибудь обнадеживающее.

— Конечно, он сказал мне, что мы кое-что можем сделать,— с едва скрываемой злостью ответил толстяк.— Что нам могло бы помочь Темпоральное Посольство, если бы мы нашли там кого-нибудь влиятельного. Оказывается, нам необходим хороший заступник в Темпоральном Посольстве.

Мэри-Энн едва не откусила кончик помады, которой в этот момент подкрашивала губы. Не поднимая глаз, она чувствовала, что присутствующие обернулись в ее сторону. И знала всем своим напуганным нутром, о чем они думают.

— Ну я точно не...

— Не нужно сейчас скромничать, Мэри-Энн,— перебил ее Поллок.— Это наш единственный шанс. Вызывайте джампер, отправляйтесь туда и пускайте в ход все свое очарование!

Миссис Бракс подсела к девушке, по-матерински положив руку ей на плечо.

— Послушайте, мисс Картингтон. Иногда нам приходится делать вещи, идущие вразрез с нашими желаниями. Но что еще остается? Разве лучше застрять здесь? Вам это нравится? И в то же время немножко пудры сюда, помады туда... Поверьте мне, у него глаза разбегутся. Он и так уже от вас без ума. И неужели же сможет отказать, если вы попросите его о небольшой любезности?

Мэри-Энн пожала плечами.

— Вы в самом деле так считаете? Что ж... может быть.

Постепенно откуда-то из глубины красивого молодого тела стала подниматься волна самодовольства и выплеснулась наружу пикантным подъемом груди.

— Никаких «может быть»! — напирала миссис Бракс.— Для такой хорошенькой девушки, как вы, и для такого мужчины, как он, не должно быть никаких «может быть». Оно всегда так, мисс Картингтон, поверьте мне. То, чего не могут добиться такие, как мистер Мид, во все времена возлагается на женские плечи.

Мэри-Энн кивнула, соглашаясь с подобным подходом к роли женщины в истории, и поднялась. Дэйв Поллок тотчас же вызвал джампер. Как только огромный цилиндр материализовался в комнате, она нерешительно отступила на шаг.

— Это обязательно? — спросила она, закусив губу.— В ней меня вывернет наизнанку!

Поллок взял ее под руку и начал потихоньку подталкивать к джамперу.

— У нас нет времени разгуливать пешком. Поверьте, Мэри-Энн. Это ваш звездный день и звездный час. Поэтому будьте паинькой и станьте сюда... Напирайте на тот факт, что его современники застрянут в нашей эпохе, что лично для него может обернуться неприятностями по службе.

— Не учите меня! — высокомерно воскликнула девушка, решительно становясь под джампер.— Ведь это все-таки мой друг, мой очень хороший друг!

— Я только предлагаю...— начал было Поллок, но в этот момент цилиндр коснулся пола и исчез вместе с мисс Картингтон. Он повернулся к оставшимся в комнате.— Это наш последний шанс.

Материализовавшись в Темпоральном Посольстве, Мэри-Энн встряхнула пару раз головой, чтобы подавить подступающую тошноту. Потолок над ее головой тотчас же взволновался, из него появился розоватый комок и опустился вровень с ее прической.

— Да? — вежливо спросил он.— Вы что-то хотели?

Мэри-Энн провела помадой по губам и расправила плечи. Ей уже приходилось встречаться с такими штуковинами. Перед ними нужно не терять самообладания и не показывать своего волнения.

— Я пришла встретиться с Гайджио... С мистером Гайджио Раблином. Он здесь?

— Мистер Раблин в данный момент не в размере. Он вернется через 15 минут. Не угодно ли подождать в его кабинете? Там уже есть один посетитель.

Девушка задумалась. Ей совершенно не по душе была сама мысль еще об одном посетителе, но, может быть, это даже к лучшему. Присутствие третьего лица предотвратит тот неизбежный разрыв, который бы ожидал ее в качестве просительницы... после того, что уже произошло между ними. Но что значит «не в размере»?

— Да, я подожду в кабинете,— ответила она потолку.— О, не беспокойтесь.— Это относилось уже к полу, который покрылся мелкой рябью под ее ногами.— Я знаю дорогу.

— Меня это вовсе не беспокоит,— добродушно ответил пол, унося ее в кабинет Раблина.— Для меня это — просто удовольствие.

Мэри-Энн тяжело вздохнула и покачала головой. Некоторые из этих удобств такие своевольные! Она расслабилась. Лицо ее зарделось от воспоминаний, ей даже захотелось вызвать джампер и вернуться назад. Но нет, нельзя было себе этого позволить.

Как там сказал Поллок? «Последний шанс»? В одной из стен расширился желтый прямоугольник, пол внес ее в кабинет Раблина и снова стал ровным. Девушка огляделась. Все здесь было для нее непривычным.

Вот письменный стол Гайджио, если только можно назвать столом эту странную мурлыкающую штуковину. А вот та самая извивающаяся под тяжестью тела кушетка, на которой... У нее перехватило дыхание. На кушетке возлежала молодая женщина, одна из тех ужасных женщин с бритой головой, столь обычных в этом мире.

— Простите меня,— на едином дыхании выпалила Мэри-Энн.— Я представления не имела... я не хотела...

— Все в полном порядке,— безмятежно улыбнулась женщина, не отрывая взгляда от потолка.— Вы ничуть не помешали. Я сама только что заскочила к Гайджио. Присаживайтесь.

В ответ на ее слова пол взметнул вверх одну из своих секций. Когда Мэри-Энн устроилась поудобней, он плавно опустился на подходящую высоту.

— Вы, должно быть, та, из двадцатого столетия...— Женщина запнулась, но тут же быстро поправилась: — Та посетительница, которая в последнее время встречалась с Гайджио. Меня зовут Флурит. Я просто одна из старых подруг его детства. Еще с тех времен, когда мы проходили курс воспитания Ответственности в Третьей Группе.

Мэри-Энн натянуто кивнула.

— Очень приятно. Меня зовут Мэри-Энн Картингтон. И я никоим образом, в самом деле...

— Я же вам сказала, чтобы вы не беспокоились. Между мной и Гайджио ничего, совершенно ничего нет. Служба в Темпоральном Посольстве в некоторой степени притупила его влечение к обычным женщинам, ему подавай старомодных или еще не ставших модными. Словом, что-то вроде анахронизмов. А я ожидаю трансформацию. Очень важную трансформацию, потому от меня сейчас нельзя ожидать сильных чувств. Вы удовлетворены? Надеюсь, что да.

— Потолок сказал,— робко начала Мэри-Энн,— что Гайджио, то есть Раблин... мистер Раблин, в данное время «не в размере». Это что-то вроде того, что мы называем «нет дома»?

Лысая девушка кивнула.

— В некотором смысле, он в этой комнате, но не настолько большой, чтобы с ним можно было разговаривать. Дайте-ка мне вспомнить, о чем это он говорил при настройке... Есть, вспомнила. Его размер — 35 микрон, и он находится в водяной капле в поле зрения вон того микроскопа, слева от вас.

Мэри-Энн недоуменно уставилась на черный сферический предмет, расположенный на столе у стены. За исключением двух окуляров, он не имел ничего общего с изображениями микроскопов, которые ей приходилось встречать в журналах.

— Он там... внутри? Что же он там делает?

— Занимается микроохотой. Вам следовало бы хорошо знать своего Гайджио. Совершенно неизлечимый романтик. Его неугомонная душа жить не может, не убивая вручную кишечных паразитов. Я много раз пыталась убедить его, что это — просто детские игры. Это задело его самолюбие, и он заявил, что замкнется на 15 минут. Установит пятнадцатиминутную блокировку! Услышав об этом, я решила прийти сюда и понаблюдать за битвой. Просто так, на всякий случай.

— Эта пятнадцатиминутная блокировка... это опасно? — спросила Мэри-Энн дрогнувшим голосом.

У нее из головы все еще не шли слова девушки о том, что «вам следовало бы уже хорошо знать своего Гайджио». Эта черта будущей эпохи мисс Картингтон не нравилась. При всей здешней трепотне о тайне личной жизни и священных правах личности мужчины вроде Гайджио, не задумываясь, выбалтывают все.

— Судите сами. Гайджио установил себе размер 35 микрон. Это почти вдвое больше размера большинства кишечных паразитов, с которыми он намерен сразиться,— различных видов амеб. Но, предположим, ему попадется скопление эндоамеб, не говоря уже о нашей хорошей подруге, возбудителе тропической дизентерии. Что тогда?

— Что тогда?

У Мэри-Энн не было ни малейшего представления, что тогда. С такими проблемами не приходилось сталкиваться в Сан-Франциско.

— Беда тогда, вот что. Серьезнейшая беда. У них размеры бывают даже 36 и 37 микрон, а иногда попадаются еще большие экземпляры. А размер, как вам должно быть известно, является самым важным фактором в микроохоте. Особенно в том случае, если вы настолько глупы, что ограничили свой арсенал мечом, не прихватив автомат. Так вот, замкнуться в таком размере, не имея возможности прекратить охоту, заблокироваться так, что никто не сможет вас выудить оттуда в течение полных 15 минут,— значит самому накликать беду. Вот такая-то беда и постигла нашего мальчика.

— В самом деле? И случилось самое худшее?

Флурит кивнула в сторону микроскопа.

— Взгляните. Я настроила свое зрение на большое увеличение, но вы этого делать не умеете. Вам для всего нужны механические приспособления. Иногда мне кажется это невероятным... Взгляните-ка, взгляните! Он сражается с амебой обыкновенной. Тварь мелкая, но резвая. И очень, очень злобная.

Мэри-Энн поспешила к шарообразному микроскопу и прильнула к окулярам.

Гайджио находился в самом центре поля зрения. Голову его прикрывал прозрачный шлем наподобие пузыря. Плотная эластичная одежда, состоящая из цельного куска ткани без швов, облегала его тело. Поблизости копошилось около дюжины амеб величиной с собаку, протягивающих к нему округлые стекловидные ложноножки. Охотник сдерживал натиск взмахами огромного двуручного меча, разрубая пополам наиболее упрямых и смелых тварей. Дыхание его было учащенным. Мэри-Энн поняла, что он уже очень устал.

— Откуда он берет воздух? — спросила она.

— Охотничий костюм содержит достаточно кислорода на весь промежуток блокировки,— пояснила Флурит, несколько удивившись вопросу.— Осталось еще пять минут. Я думаю, он их выдержит. Хотя переживет несколько очень неприятных мгновений. Вы видели вот это?

Мэри-Энн в изумлении открыла рот. Прямо над головой Гайджио появилась продолговатая веретенообразная тварь. Она была почти в полтора раза больше охотника. Ему пришлось низко пригнуться, амебы рассыпались в разные стороны. Однако, как только опасность миновала, они снова окружили его.

— Что это было?

— Трипаносома. Какая точно, я не успела разобрать. Она проскочила так быстро. Может быть, даже та разновидность, которая вызывает в Африке сонную болезнь. Или это могла быть... О, какой глупец!

Мэри-Энн испуганно повернулась к ней.

— Почему? Что он такое сделал?

— Пренебрег возможностью достать чистую культуру, вот что! Если там у него есть трипаносомы, то вполне могут быть и еще кое-кто! А его размер — всего 35 микрон!

Мэри-Энн снова прильнула к микроскопу. Он продолжал отчаянную борьбу, но удары меча стали теперь реже. Внезапно в поле зрения медленно вплыла еще одна амеба, почти прозрачная, размером не менее половины охотника.

— Это опасно? — спросила девушка у Флурит, не отрываясь от окуляров.

— Нет. Всего лишь безвредный комок протоплазмы. Но почему Гайджио все время оглядывается влево? Чего он...

Флурит отчаянно вскрикнула. Мэри-Энн увидела овальное чудовище, длиной почти в три роста Гайджио и шириной не

менее двух. Оно было покрыто узкими, похожими на реснички, жгутиками, которые, казалось, придавали ему фантастическую быстроту. Охотник замахнулся мечом, но чудовище свернуло в сторону и вышло из поля зрения. Но всего через мгновение оно появилось снова, упав сверху, как пикирующий бомбардировщик. Гайджио успел отпрыгнуть, но одна из атаковавших его амеб замешкалась и тотчас же исчезла, отчаянно сопротивляясь, в похожей на дымовую трубу пасти, которой оканчивался передний конец яйцевидного великана.

— Блантидий,— пояснила Флурит, прежде чем Мэри-Энн удалось заставить повиноваться дрожащие губы и задать вопрос.— 100 микрон в длину, 65 — в ширину. Быстрый, смертельно опасный, ужасно голодный. Я всегда боялась, что рано или поздно он столкнется с чем-либо подобным. Это — конец. Он не в состоянии убить тварь такой величины.

Мэри-Энн протянула к ней дрожащие руки.

— Неужели же вы ничего не можете сделать?

Во взгляде лысой девушки сверкнуло нескрываемое удивление.

— Конечно. Он заблокирован внутри этой культуры по крайней мере еще на четыре минуты. Неужели вы ждете, что я отправлюсь ему на помощь?

— Если можете...

— Но ведь это будет вторжением в его суверенные права как личности! Дорогая моя! Даже если его желание погубить себя является невольным, это все еще его желание, и оно должно всеми уважаться! Положение о дополнительных правах от...

— С чего вы взяли, что он хочет погубить себя? — всхлипнула Мэри-Энн.— Я ни о чем таком не слышала! Ведь он считается вашим другом! И просто попал в переделку более опасную, чем рассчитывал. А теперь не может выпутаться. Бедняга Гайджио! Пока мы стоим здесь и разговариваем, он там погибает!

Флурит задумалась.

— Возможно, вы в чем-то правы. Он — неисправимый романтик, и близость с вами побудила его искать новые приключения. Но неужели же вы всерьез считаете, что стоит нарушать чьи-либо неотъемлемые права только для того, чтобы спасти старого хорошего друга?

— Разумеется! Сделайте все, что нужно, отправьте меня туда! Пожалуйста!

Флурит поднялась и покачала головой.

— Нет! У меня это получится лучше. Эта романтика так захватывает! И,— усмехнулась она,— немного интригует. У вас, людей из двадцатого века, такие странные нравы!

Прямо на глазах Мэри-Энн она стала быстро уменьшаться. За мгновение до того, как Флурит исчезла, послышалось какое-

то шуршание, похожее на угасание пламени свечи, и тело ее крохотной искоркой проскочило под микроскоп. Мэри-Энн жадно приникла к окулярам.

Припав на одно колено, Гайджио старался оттеснить от себя овальное чудовище. Амебы, окружавшие его ранее, либо разбежались, либо были проглочены тварью. Губы его были сжаты, в глазах мелькало отчаяние. В какой-то момент реакция подвела охотника, блантидий ударил... Гайджио упал. Меч отлетел в сторону. Вздыбив волосатые придатки, чудовище развернулось, приблизив к жертве страшную пасть... Мэри-Энн похолодела, но тут в поле зрения возникла огромная рука, почти таких же размеров, как и все тело Гайджио. Мощным ударом она отбросила хищника в сторону. Гайджио, шатаясь, поднялся и снова схватил меч. Мэри-Энн поняла, что была права. На лице его появилась благодарная улыбка. Девушка облегченно вздохнула и тоже неожиданно улыбнулась. Флурит, очевидно, ограничила размеры своего тела не так сильно, как незадачливый охотник. Его не было видно в поле зрения микроскопа, но достаточно хорошо просматривалось блантидием, который поспешил убраться восвояси. В оставшиеся несколько минут блокировки Мэри-Энн не удалось увидеть ни одного создания, которое хотя бы смутно имело намерения оказаться поблизости от Гайджио. К великому удивлению Мэри-Энн, первыми словами Флурит, когда они оба появились рядом с нею во весь свой рост, были слова извинения, с которыми она обратилась к Гайджио.

— Я искренне извиняюсь, но твоя подруга слишком уж разволновала меня в отношении твоей безопасности. Если ты хочешь возбудить против меня обвинение во вмешательстве в осуществление своих тщательно разработанных планов самоуничтожения...

Гайджио взмахом руки заставил ее замолчать.

— Забудь об этом. Ты спасла мне жизнь. И, насколько я понимаю, мне этого хотелось.

Флурит кивнула.

— Я, знаешь ли, вовсе не собиралась отправляться спасать твою жизнь. Сама не пойму, что это на меня нашло.

— Могу объяснить,— сказал Гайджио и указал на Мэри-Энн.— Столетие строгой регламентации жизни, тотальных войн, массового подслушивания.

Мэри-Энн прорвало.

— Ну и ну! Я... я не верю своим ушам! Сначала она не желает спасать вашу жизнь, считая, что это будет вмешательством в ваши, пусть даже неосознанные, намерения. Неосознанные!

После того же, как она все же спасает вас, вы вместо благодарности прощаете ее за совершенное насилие и оскорбление действием! И она извиняется! А потом вы начинаете оскорблять меня, и... и...

— Простите,— произнес Гайджио.— У меня не было намерений вас оскорбить. Ни вас, ни ваше столетие. Именно оно и было первым столетием современной эпохи, критическим временем, с которого началось возрождение. И оно было во многих отношениях по-настоящему великим и безрассудно смелым периодом, в котором человечество в последний раз отважилось на многое из того, чего уже больше никогда не пыталось предпринимать.

Мэри-Энн почувствовала себя несколько лучше, но тут же заметила, как Гайджио и Флурит обменялись взглядами, в которых было что-то вроде намека на улыбку. Ну что за люди! Что это они из себя воображают?

Флурит направилась к желтому прямоугольнику двери.

— Мне пора. Я просто заглянула сюда попрощаться перед трансформацией. Пожелай мне удачи, Гайджио.

— Трансформация? Так скоро? Что ж, разумеется, всего наилучшего. Было так хорошо быть твоим другом, Флурит.

Когда лысая девушка стремительно вышла, Мэри-Энн посмотрела на озабоченное лицо Гайджио и несмело спросила:

— А что такое трансформация? Большая трансформация,— сказала она.— Я до сих пор ни о чем таком не слышала.

Молодой человек некоторое время молча глядел перед собой.

— Об этом лучше бы ничего не говорить,— произнес он наконец, обращаясь скорее к себе, чем к Мэри-Энн.— Это одно из тех понятий, которые кажутся для вас столь же неприятным и неприемлемым, как наша живая еда. Кстати, о еде. Я голоден. Слышите? Голоден!

Одна из секций стены яростно затряслась, из нее сформировалась рука и протянула на ладони поднос. Не присаживаясь, Гайджио принялся за еду. Он не предложил Мэри-Энн разделить с ним трапезу и правильно сделал. Может быть, эта фиолетовая, напоминающая спагетти пища и была вкусной, но девушка точно знала, что никогда не заставит себя съесть что-либо, что, извиваясь, поднимается прямо ко рту и уютно сворачивается, оказавшись внутри.

Гайджио поднял глаза и увидел выражение ее лица.

— Мне бы так хотелось, чтобы вы хоть раз попробовали. Я бы добавил ради вас целое новое измерение! В дополнение ко вкусу, запаху и структуре вы еще испытали бы подвижность.

Вообразите себе! Пища, которая не лежит вяло и безжизненно у вас во рту, а красноречиво выражает желание, чтобы ее съели.

— Благодарю вас! Я могу упасть в обморок только при одной мысли об этом.

— Ладно,— с сожалением произнес молодой человек.

Он разделался с едой и кивнул в сторону стены, та тотчас же отвела руку и втянула в себя поднос.

— Мне просто очень хотелось, чтобы вы попробовали перед отъездом мое любимое блюдо.

— Кстати, об отъезде. Как раз из-за этого я и пришла к вам. У нас неприятности.

— О, Мэри-Энн! А я-то надеялся, что вы хотели просто повидаться со мной.— Гайджио безутешно понурил голову.

Ей трудно было разобраться, говорит ли он всерьез или шутит. И, в качестве наиболее легкого овладения ситуацией, девушка рассердилась.

— Послушайте, Гайджио Раблин! Из всех людей на Земле — в прошлом, настоящем и будущем — вы последний, кого бы я хотела увидеть еще раз! И вы знаете почему! Любой мужчина, который... который такое говорит такой девушке, как я, и в такой момент...

К крайней досаде, ей на самом деле изменил дар речи, из глаз брызнули слезы и заструились по щекам. У нее появилось непреодолимое желание бежать куда глаза глядят, однако она решительно сжала губки и попыталась смахнуть слезы.

Теперь стало весьма неуютно Гайджио.

— Прошу прощения, Мэри-Энн. Мне на самом деле жаль, что так получилось. Мне не следовало с самого начала крутить с вами любовь. Вы же понимаете, что мы не имеем почти ничего общего. Но вы показались мне такой привлекательной! Такой возбуждающей женщины я не встречал ни в одной эпохе, включая мою. Единственное, к чему я никак не мог привыкнуть,— это то удручающее воздействие, которое оказывают ваши специфические косметические средства. Но реальные осязательные ощущения были в высшей степени ошеломляющими.

— Но вы раньше ничего не говорили об этом! Только водили пальцем по моим губам и говорили: «Скользко!».

Гайджио пожал плечами.

— Я только сказал, что мне очень жаль, и ничего другого не имел в виду,— произнес он после некоторой паузы.— Если бы вы знали, Мэри-Энн, как эти жировые вещества действуют на сильно развитое осязание! Эта вязкая красная помада на губах! А эта искусно растертая нелепица на щеках! Я принимал это, как долж-

ное, а теперь стараюсь, чтобы вы поняли, почему меня прорвало так глупо!

— Насколько я вас поняла,— едко вставила Мэри-Энн,— вы считаете, что я стала бы много привлекательней, если бы выбрила голову вроде этой ужасной Флурит?

Он усмехнулся и покачал головой.

— Нет. Вы не смогли бы стать такой, как она, а она — такой, как вы. Это связано с разными представлениями о женственности и красоте. В вашу эпоху особо подчеркивается определенного рода физическое подобие, для чего используются различные искусственные средства, с помощью которых женщина как бы приближается к общепринятому идеалу. Мы же делаем ударение на несхожесть и эмоциональные различия. Например, при бритье головы одной из целей является показ морщинок, неожиданно возникающих на коже черепа, которые можно было бы не заметить, если бы эта часть была покрыта волосами.

Плечи Мэри-Энн поникли.

— Не понимаю я этого. И наверное, никогда не пойму. Одно знаю точно — я не смогу остаться в одном с вами мире, Гайджио. Одна мысль об этом вызывает ощущение, будто меня выворачивает наизнанку.

— Мне понятны ваши чувства,— произнес серьезно молодой человек.— И, если это может служить вам хоть каким-то утешением, знайте, что вы производите на меня точно такое же действие. Никогда раньше я не совершал ничего настолько идиотского, как микроохота в загрязненной культуре, пока не повстречался с вами. Мне так запали в душу ваши волнующие рассказы о смелом искателе приключений Эдгаре Раппе, что я обнаружил непреодолимое желание доказать самому себе, что и я являюсь мужчиной в вашем понимании этого слова, Мэри-Энн! В вашем понимании этого слова...

— Эдгар Рапп? — Она подняла брови и, не веря своим ушам, уставилась на Гайджио.— Искатель приключений? Волнующий душу? Эдгар? Разве что назвать приключением покер, в который он режется по ночам с ребятами из бухгалтерии.

Гайджио вскочил и принялся мерить комнату шагами.

— Как вы можете говорить об этом таким тоном! Небрежно, полупрезрительно! Ведь эта игра связана с постоянным риском для психики, с многократными возникающими по ходу игры столкновениями характеров, явными или подсознательными. И это на протяжении часов, когда вовлечены в соперничество не двое-трое, а целых пятеро, шестеро или даже семеро совершенно разных, агрессивно настроенных людей! Эти блефы, завышение ставок, утонченные хитрости! И для вас это ничего не

значит? Во всем нашем мире не найдется ни одного человека, который смог бы выдержать пятнадцать минут столь сложной психологической пытки!

Взгляд девушки стал нежным и кротким.

— Так вот почему вы отправились под этот ужасный микроскоп, Гайджио! Чтобы доказать самому себе, что вы ничуть не хуже Эдгара, когда он играет в покер?

Гайджио остановился.

— Да разве только в покере дело, Мэри-Энн? А этот подержанный автомобиль, на котором он ездит? По сравнению с управлением любым из этих неповоротливых, непредсказуемых самоходных экипажей в гуще движения, сопряженного, как хвастается в том ваш мир, с таким огромным количеством несчастных случаев, микроохота выглядит всего лишь жалким, надуманным занятием. Но это — единственное доступное для меня дело, хоть чем-то напоминающее полную риска жизнь ваших современников!

— Вам вовсе не надо было ничего мне доказывать, Гайджио.

— Может быть, может быть...— произнес он понуро.— Но я должен был доказать это себе. И кое-что мне удалось. Теперь я знаю, что два человека с совершенно различными стандартами, касающимися мужчины и женщины, внушенными ей в раннем детстве, не имеют ни одного шанса на счастье независимо от того, насколько привлекательными они кажутся друг другу. Я не могу жить в согласии с вашими нормами, а вы... У вас, разумеется, вызывают душевное расстройство мои. Действительно, нам не следует жить в одном мире. И это правильно вдвойне после того... Ну, после того, как мы выяснили, насколько сильно нас влечет друг к другу.

Девушка кивнула.

— Я понимаю. Поэтому-то вы перестали ухаживать за мной, произнесли то... то противное слово... Поэтому вздрагивали при виде меня, вытирая губы... Гайджио, вы же смотрели так, будто от меня дурно пахнет! И это терзало мою душу, именно тогда я поняла, что мне нужно покинуть ваш мир навсегда... Но, поскольку Уинтроп совсем задурил, я не представляю себе, как это можно сделать.

— Расскажите мне об этом.

Он, казалось, пытался восстановить душевное равновесие, присев рядом с ней на секцию приподнявшегося пола. К тому времени, когда она закончила свой рассказ, Гайджио полностью пришел в себя. Мэри-Энн с тревогой следила, как он снова становится изысканно вежливым, чрезвычайно смышленым и слегка высокомерным молодым человеком XXV века. И до мозга

костей ощутила, как ее кричащая и не очень-то умная примитивность отчетливо проступает сквозь толстый слой косметики.

— Я не могу сделать этого для вас,— вынес Гайджио свой приговор.

— Даже несмотря на то,— спросила она, уже отчаявшись,— что всех нас ожидают здесь только неприятности? На весь тот ужас, который внушает мне ваше время?

— Вряд ли вы поймете меня, Мэри-Энн... Здесь затронут вопрос социальной основы нашего мира, что гораздо значимее, чем наши личные небольшие неприятности. В нашем мире, как уже подчеркнул Сторку, просто невозможно принудить человека к чему-либо. И с этим, дорогая моя, ничего нельзя поделать.

Мэри-Энн выпрямилась. Не нужно было обладать большой проницательностью, чтобы по насмешливому высокомерию последних слов Гайджио не понять, что он уже полностью овладел собой. Что теперь она для него — интригующий, но чрезвычайно далекий в культурном отношении экземпляр. Вскипев от гнева и отчаяния, девушка всем своим нутром почувствовала, что наступила пора сбить с него спесь.

— Если Уинтроп не вернется, не только мы застрянем здесь. Люди вашей эпохи останутся в нашем времени! И вы, как сотрудник Темпоральной Службы, можете потерять свою работу!

— Дорогая моя малышка Мэри-Энн! Я не могу потерять свою работу. Она моя до тех пор, пока сама мне не надоест. Что у вас за представления! Перед следующей встречей предупредите меня, чтобы я мог заранее обрезать уши!

Плечи его затряслись от смеха. Что ж, по крайней мере, она вызвала у него хорошее настроение. Но это «дорогая моя малышка»... Какая едкая ирония!

— Неужели у вас настолько отсутствует чувство ответственности? И неужели вы такой бесчувственный?

— Те пятеро из нашего столетия, которые добровольно вызвались проделать путешествие в вашу эпоху, являются высокообразованными, чрезвычайно осторожными и в высшей степени ответственными людьми. Они понимали, что это связано с определенным и неизбежным риском.

Мэри-Энн живо вскочила на ноги.

— Но откуда им было знать, что Уинтроп окажется таким упрямым? И откуда мы могли знать об этом?

— Каждый должен допускать, что перемещение на 500 лет непременно связано с определенными опасностями. Невозможность вернуться — одна из них. К тому же каждый должен допускать, что кто-либо из путешествующих осознает эту опасность,

по крайней мере подсознательно, и не пожелает подвергнуть себя такому риску. А возникновение подобной ситуации ведет к тому, что вмешательство являлось бы серьезным преступлением не только против осознаваемых действий Уинтропа, но и против подсознательных побуждений таких людей. Оба этих преступления практически равнозначны с точки зрения морали нашей эпохи. Я стараюсь объяснить как можно проще, Мэри-Энн. Теперь вы понимаете?

— То есть вы хотите сказать, что примерно по такой же причине вас не хотела спасать Флурит? Потому что вы, может быть, подсознательно хотели подвергнуться опасности гибели?

— Да. И, поверьте мне, она бы даже пальцем не пошевелила, несмотря на всю вашу романтическую взволнованность, не будь на пороге важнейшей трансформации, чему часто сопутствует психологическое отстранение от общепринятых норм.

— А что представляет из себя эта столь важная трансформация?

Гайджио покачал головой.

— Не спрашивайте. Все равно не поймете, к тому же вам это не понравится. Это одна из характерных черт нашей эпохи, подобно тому, как характерными чертами вашей эпохи являются бульварная литература или предвыборная лихорадка. Мы защищаем и оберегаем самые эксцентричные побуждения личности, даже если они самоубийственны. Позвольте провести аналогию. Французская революция пыталась кратко выразить себя в лозунге «Свобода, равенство и братство». Американская революция провозглашала «Жизнь, свободу и стремление к счастью». Целостная концентрация нашей цивилизации содержится в таких словах «Абсолютная неприкосновенность личности и ее самых странных прихотей». Наиболее важной является вторая часть, ибо без этого у человека не будет даже элементарной свободы делать с собой все, что вздумается. Лицо, которое возжелало бы...

— Меня нисколько не интересует эта бессмысленная галиматья! — решительно перебила его Мэри-Энн.— Вы не поможете нам, не так ли? Мне остается только уйти!

— А вы ждали, что я скажу что-либо другое, дорогая моя? Я ведь не Машина-Оракул. Я всего лишь человек!

— Человек? — презрительно вскричала Мэри-Энн.— Человек? Вы смеете называть себя человеком? О, позвольте мне уйти отсюда!

Он только пожал плечами, потом встал и вызвал джампер. Когда тот материализовался, Гайджио вежливо указал девушке на него. Она было повернулась, но тут же спохватилась и протянула руку.

— Гайджио,— произнесла она.— Независимо от того, удастся ли нам вернуться в свой мир, я не намерена больше когда-либо встречаться с вами. Но знайте...

Она сделала паузу. Он опустил глаза и склонил голову, сжав ее руку в своей.

— Это... это всего лишь то... О, Гайджио, вы — единственный мужчина, в которого я когда-либо влюблялась. И любила искренне и всецело. Я хочу, чтобы вы об этом знали...

Всхлипывая, она вырвала руку и метнулась к джамперу. Вернувшись в комнату миссис Бракс, Мэри-Энн объяснила присутствующим, что Гайджио Раблин, сотрудник Темпоральной Службы, не может и не хочет помочь им преодолеть упрямство Уинтропа.

Дэйв Поллок обвел взглядом собравшихся.

— Значит, мы сдаемся? Неужели ничего нельзя сделать? Никто в этом сверкающем автоматизированном будущем и пальцем не шевельнет, чтобы помочь нам вернуться, а сами мы не в состоянии помочь себе. Ладно, прекрасный новый мир. Вершина цивилизации. Подлинный прогресс.

— Не понимаю, с чего это вы позволяете себе распускать язык, молодой человек,— недовольно пробурчал мистер Мид.— Мы-то хоть пытались что-нибудь предпринять. Чего нельзя сказать о вас.

— Скажите, что я должен сделать. И я сделаю. Может быть, я и не плачу большущие налоги, но хочу выяснить, каким образом можно решить стоящую перед нами задачу. А всей этой истерией, эмоциональной шумихой, размахиванием руками и напусканием на себя важности, будто мы — крупные шишки, мы пока что ничего не смогли добиться.

Миссис Бракс вытянула руку и произнесла, показывая на свои крохотные позолоченные часики:

— Осталось всего сорок пять минут. Что мы сможем сделать за это время? Произнести какое-нибудь магическое заклинание? Я чувствую, что никогда больше не увижу своего Барни.

Поллок смерил ее свирепым взглядом.

— Я не говорю о чудесах или волшебстве. Я рассуждаю, призвав на помощь логику. У этих людей есть не только фиксация исторических фактов. Они имеют также регулярные контакты с будущим — их будущим. Это означает, что им доступна также регистрация фактов, которые имели место в их будущем.

Миссис Бракс издала возглас одобрения. Ей нравилось слушать людей образованных.

— И что? — спросила она.

— А разве это не очевидно? Пяти нашим партнерам из этого мира доподлинно известно наперед о том, что Уинтроп заупрямится. Этот факт зарегистрирован. И они бы не отправились в прошлое, если бы не знали о существовании выхода из этого положения. Теперь очередь за нами найти этот выход.

— Может быть,— предположила мисс Картингтон,— следующее будущее сохраняет это в тайне от них. Или, может быть, эти пятеро страдают тем, что у них здесь называется запущенным случаем индивидуального эксцентричного порыва.

— Понятие индивидуального эксцентричного побуждения здесь вовсе ни при чем,— презрительно скривившись, произнес Дэйв Поллок.— Нет. Решение за нами, здесь. И мы обязаны его найти.

Пока они пререкались, на лице Оливера Мида появилось выражение сосредоточенности. Он как будто старался откопать что-то в конце длинного туннеля затуманенной горем памяти. Неожиданно он выпрямился и произнес:

— Сторку! Он упоминал еще о чем-то... Что же он такое сказал?

Все встревоженно посмотрели на него.

— Вспомнил! Машина-Оракул! Мы можем спросить у Машины-Оракула! При этом у нас могут возникнуть затруднения с правильным истолкованием ее ответа, но нельзя забывать, что положение у нас отчаянное. Если бы только получить ответ, хоть какой-нибудь ответ...

— О чем-то подобном говорил и мистер Раблин,— встряла Мэри-Энн.

— Он тоже? Прекрасно! Может быть, еще не все потеряно!

Взоры всех устремились на Дэйва Поллока.

— Вы — единственный среди нас представитель длинноволосых, эксперт в области науки,— твердо заявил мистер Мид.— Вы — профессор физики и химии, вам и разбираться в этой машинерии.

— Я — преподаватель! Преподаватель в старших классах средней школы! Учитель! Подумать только — Машина-Оракул! Да при одной мысли о том, что необходимо к ней приблизиться, у меня мурашки бегут по телу. Это один из наиболее ужасных аспектов этой цивилизации, который больше всего свидетельствует об упадке этого общества. Я лучше...

— А у меня не переворачивалось все внутри, когда мне пришлось идти уговаривать этого полоумного Уинтропа? — вмешалась миссис Бракс.— Думаете, мне было приятно смотреть, как ползунки на нем превращаются в ночную сорочку? А эти его безумные бредни? То нюхает что-то с Марса, то попробует что-

то с Венеры... Вы думаете, мистер Поллок, я получала от этого удовольствие?

— А я заверяю вас,— перехватила у нее эстафету Мэри-Энн,— что этот Гайджио Раблин — самый последний на Земле человек, к которому я обратилась бы с просьбой об одолжении. Это — дело личное, и мне не хотелось бы, если вы не возражаете, сейчас его обсуждать, но я лучше бы умерла, чем попыталась бы еще раз вытерпеть все это. И тем не менее пришлось.

Мистер Мид кивнул.

— Я согласен с вами, юная леди. Мне тоже есть что вспомнить...— Его на мгновение всего перекосило.— Это Поле для Визга... Так вот, Дэйв Поллок, самое время перестать трепать языком и постараться энергично действовать!

— Ладно, ладно. Я сделаю это.

— И непременно воспользуйтесь джампером,— продолжил мистер Мид.— Сами говорили, что у нас нет времени разгуливать пешком, а теперь это замечание вдвойне справедливо. Я и слышать не хочу никакой ваш лепет о том, что это вызывает тошноту. Если я и мисс Картингтон могли им воспользоваться, то вы сможете ничуть не хуже.

— Да я все время, что мы здесь находились, пользовался джампером! — со злостью отпарировал Поллок и, вызвав механизм, ступил под него с высоко поднятой головой. В этот момент ему больше всего хотелось, чтобы с такой же смелостью он мог предстать перед Машиной-Оракулом. Материализовался молодой человек в здании, где помещалась машина. Пройти бы совсем немного пешком, чтобы привести в порядок нервы... Пол здания был другого мнения. Бесшумно и незаметно, но непреклонно он начал двигаться у него под ногами и понес с огромной скоростью. Поллок отрешенно усмехнулся. Разумные, страстно желающие служить элементы здания не вызывали у него особого беспокойства. Нечто подобное он и ожидал увидеть в будущем. Движущиеся тротуары, одежду, меняющую цвет и покрой по прихоти владельца... Даже изменения в еде: корчащиеся телепатические блюда, изощренные кулинарные симфонии — все было логично. Каким удивительным показался бы американскому первопоселенцу супермаркет XX столетия, собравший на своих стеллажах продукты со всей планеты в самых разнообразных упаковках!

Когда в Хьюстон, штат Техас, пришла телеграмма с уведомлением, что он один из всех жителей Соединенных Штатов наиболее подобен по внешнему облику и физическим характеристикам одному из предполагаемых посетителей из XXV века, Дэйв едва не обезумел от радости.

Прежде всего, это было передышкой. Передышкой и еще одной возможностью. Возможностью добиться получения более высоких ученых степеней, необходимых для преподавания в университете и исследовательской работы, не говоря уже просто о престиже, чему прежде препятствовали различные семейные обязанности — умирающий отец, больная младшая сестра. Слишком поспешная женитьба тоже не очень-то благоприятствовала продвижению по служебной лестнице, посадив его в западню между приятным для жизни пригородом и сверхсовременной средней школой, куда ежедневно приходилось мотаться вплоть до того самого мгновения, когда пришла телеграмма. Однако всю полноту везения Поллок осознал только при встрече с остальными четырьмя. Он, разумеется, слышал о том, как бились, расталкивая друг друга локтями, лучшие в стране умы, чтобы очутиться среди посетителей будущего и получить возможность разнюхать о том, что должно произойти в сфере их деятельности в течение следующей половины тысячелетия. Только переговорив со своими попутчиками — рабочим-поденщиком, домохозяйкой из Бронкса, напыщенным дельцом со Среднего Запада и миловидной, но совершенно заурядной стенографисткой из Сан-Франциско, Дэйв осознал, что он — единственный среди них, кто имеет научную подготовку. Он, столь страстно желавший посвятить свою жизнь поиску знаний, получит возможность просуществовать в течение двух недель в качестве единственного интеллектуала группы, который сможет осознать будущие перемены науки! Поначалу все было именно так. Все дышало здесь величием, открытиями, все приводило в трепет. Затем, как первые признаки надвигающихся холодов, стали подкрадываться различные мелкие, не очень приятные недоразумения. А затем — Поле для Визга, Стадион Ужаса...

Впервые очутившись в будущем, Поллок испытывал гордость за него, воспринимая широту интересов и высокую образованность его обитателей как упрек лично в свой адрес. Однако первое знакомство с Полем для Визга едва не вызвало приступ тошноты. Прекраснейшие умы, с которыми ему приходилось сталкиваться, должны были через определенные интервалы времени по собственной воле превращаться в брызжущую пеной, истерически вопящую свору животных... Правда, они пытались ему втолковать, что никогда не смогли бы быть такими прекраснейшими умами, если бы не высвобождали себя периодически таким манером. И все же один взгляд на это приводил его в неописуемый ужас. А уж перед Машиной-Оракулом человеческая логика вообще пасовала. Для человека мыслящего это было пределом отвращения. Глянув на часы, Поллок отметил,

что осталось всего двадцать пять минут, не мешало бы поторопиться. И он смело вверил себя услужливой лестнице.

— Меня зовут Стиллия,— представилась встретившая его наголо обритая девушка с приятным лицом.— Сегодня у Машины дежурю я. Вам нужна моя помощь?

— Кажется, нужна.

Он с тревогой посмотрел на пульсирующую в отдалении стену. За желтым прямоугольником на этой стене, как ему было известно, находился мозг Машины-Оракула. Как же хотелось проткнуть дырку в этом мозгу! Но вместо этого он сел на поднявшийся из пола бугор и начал рассказывать девушке свою невеселую историю.

— О, этот ваш Уинтроп! — улыбнулась дежурная.— Это же просто замечательный старик. Я повстречалась с ним на прошлой неделе в аптеке, где заказывают сны. У него просто достойная восхищения способность воспринимать все новое! Он вызывает у нас искреннее уважение. Мы хотели бы, насколько это только возможно, помочь ему во всем, что он хотел бы сделать.

— Простите, леди,— холодно заметил Поллок.— Но в помощи нуждаемся мы, а не он.

Стиллия рассмеялась.

— Разумеется! Мы хотели бы помочь всем и каждому. Только Уинтроп — особый случай. Он изо всех сил старался вжиться в нашу эпоху, в этом никто из вас не может с ним сравниться. А теперь подождите меня здесь. Я изложу ваши затруднения Машине. Постараюсь активизировать соответствующие блоки памяти как можно скорее.

Она прошла сквозь расширившийся прямоугольник и вернулась через несколько минут.

— Машина работает над вашей задачей. Я дам знать, когда вам можно будет пройти внутрь.

— Спасибо,— поблагодарил Поллок.— Скажите мне вот что, мисс. Разве не обедняет ваше мышление и вашу жизнь знание, что Машина-Оракул решила намного лучше любую личную, научную или техническую проблему?

На лице Стиллии отразилось недоумение.

— Вовсе нет. Собственно решение проблем занимает совсем малую часть нашей творческой жизни. Следуя вашей логике, можно договориться до того, будто из жизни исчезает нечто существенное, если отверстия сверлить не ручной дрелью, а электрической. Машина-Оракул является главнейшим орудием нашей культуры. Она была создана для решения только одной задачи — задачи учета всех факторов, относящихся к данной

проблеме, и соотнесения их с общей суммой соответствующих данных, которыми располагает человечество. Советуясь с Машиной-Оракулом, можно неправильно истолковать и применить ее ответ. А можно предпочесть не полагаться на него.

— И действовать, не полагаясь на него? Разве это не бессмысленно, если ответы содержат наилучшее из того, что можно сделать?

— А разве человеческие поступки всегда должны иметь какой-то смысл? Это весьма модная современная точка зрения. Всегда существует личное эксцентричное побуждение.

— Да,— тяжело вздохнул Поллок.— Отказывайтесь от своей личности, присоединяйтесь к визжащей толпе, но не забывайте о своих особых эксцентричных побуждениях... Никогда, никогда не забывайте о своих личных несуразных побуждениях!

— Именно так,— спокойно произнесла девушка.— Даже несмотря на ваш, весьма очевидный, сарказм. Почему вам так трудно это воспринять? Человек является одновременно и стадным животным, и животным очень индивидуальным. Стадные инстинкты должны удовлетворяться любой ценой. В прошлом это выливалось в войнах, религии, национализме, различных формах группового шовинизма. Необходимость отказа от всего личного и растворения в чем-то большем была признана в незапамятные времена. Поля для Визга и Стадионы Ужаса направлены именно на это, удовлетворяют такую необходимость в абсолютно безвредной форме.

— Я бы не сказал, что это безвредно с точки зрения механического кролика...

— Я понимаю. Человеческие существа, которые прежде использовались вместо кроликов... Им было много хуже,— согласилась Стиллия.— Думаю, вы понимаете, о чем я говорю. Но, с другой стороны, осознанные личностью инстинкты также подлежат удовлетворению. Мы требуем при этом только одного — чтобы это не касалось в значительной степени никакого другого человека

— И пока это действительно не касается, дозволено все!

— Совершенно верно. Все дозволено. Абсолютно все, чего только может возжелать любое лицо, исходя из индивидуальных эксцентричных побуждений, не только позволяется, но и поощряется. Мы считаем, что многие величайшие свершения человечества имеют своим источником индивидуальные эксцентричные побуждения, и остро ощущаем, что величайшим триумфом нашей цивилизации является то почетное отношение, которое мы питаем к подобному внутреннему самовыражению.

Дэйв Поллок не мог не смотреть на нее без уважения. Стиллия казалась очень смышленой. Именно на такой девушке он мог бы жениться, а не на Сюзи, если бы продолжал работу над своей докторской диссертацией. Хотя и Сюзи... Дэйв задумался. Увидит ли он ее когда-нибудь? И удивился тому, какая горькая тоска по дому охватила его.

— Это неплохо звучит,— согласился он.— А вот жить так — совсем другое дело.

За стеной послышалось какое-то жужжание. Стиллия поднялась.

— Машина-Оракул готова. Заходите внутрь, сядьте и повторите в наиболее простой форме свой вопрос. Желаю вам удачи.

Дэйв прошел в крохотную комнатушку сквозь раздвинувшийся желтый прямоугольник. Несмотря на все пояснения Стиллии, он чувствовал себя очень неуютно в этом мире легко удовлетворяемых стадных инстинктов и личных эксцентричных побуждений. И очень хотел вернуться туда, где все было привычным.

И, что было превыше всего, ему совсем не хотелось оставаться в мире, где на любой вопрос можно было получить ответ от окружающих его сейчас голубоватых пульсирующих стен. Молодой человек сел и, ощущая себя круглым идиотом, дикарем, вопрошающим у горстки священных костей, произнес:

— Что нам делать с упрямством Уинтропа?

Со всех четырех стен, пола, потолка зазвучал глубокий голос, в котором не было ничего ни женского, ни мужского:

— Точно в назначенное время отправляйтесь в Бюро путешествий во времени в Темпоральном Посольстве.

Дэйв немного помолчал. Больше ничего. Стены были неподвижны.

Наверное, Машина ничего не поняла.

— Это не сулит нам ничего хорошего,— заговорил он снова.— Уинтроп не намерен возвращаться вместе с нами. Поэтому мы не сможем попасть назад, в свое время. Так уж устроен механизм трансфера. Поэтому суть в том, как нам убедить Уинтропа, не прибегая...

— Точно в назначенное время отправляйтесь в Бюро путешествий во времени в Темпоральном Посольстве.

По-видимому, это и было окончательным ответом.

Он уныло потащился к выходу и рассказал Стиллии о происшедшем.

— Мне кажется,— заявил Поллок не без ехидства,— эта машина нашла мою задачу настолько трудной, что попыталась уклониться от ее решения.

— Я бы посоветовала вам послушаться Машину-Оракула. Если только у вас нет иной, более тонкой интерпретации ее ответа.

Дэйв Поллок вернулся в комнату миссис Бракс и рассказал всем остальным о нелепом ответе, который дала ему Машина-Оракул на вопрос об упрямстве Уинтропа.

Тем не менее за несколько минут до шести все четверо уже были в Бюро путешествий во времени в здании Темпорального Посольства, прибыв туда при помощи джампера и испытав при этом душевное расстройство, степень которого у каждого была своя. У них не было никакой надежды. Просто ничего другого не оставалось.

Невесело посматривая на часы, они расселись по своим местам в машине времени. Ровно без одной минуты шесть в помещение вошла группа граждан XXV века. Среди них были: сотрудник Темпоральной Службы Гайджио Раблин, оператор Машины-Оракула Стиллия, отрешенная Флурит и мистер Сторку. Они торжественно пронесли на руках к положенному сиденью Уинтропа и застыли с выражением почтения на лицах, словно выполняя определенную религиозную церемонию. Собственно, так оно и было на самом деле.

Уинтроп был человеком пожилым, прожив уже 64 года. За последние две недели ему пришлось испытать множество волнующих мгновений. Он участвовал в микроохоте, многочисленных фантастических путешествиях вплоть до телепортационных бросков на невероятно удаленные планеты. Много чудесных превращений претерпело его тело, много удивительного произошло с его рассудком. Он рьяно гонялся за кроликом на Поле для Визга и в страхе спасался бегством со Стадиона Ужаса. И, самое главное, ел в изобилии пищу, выращенную на далеких звездах, приготовленную совершенно чуждыми существами, состав которой оказался совершенно неожиданным для его метаболизма. Для обмена веществ организма путешественника из двадцатого века эти блюда оказались чудовищными. Уинтроп больше не был упрям.

Уинтроп был мертв.

Темная звезда

Итак, он снова настает. Год уже другой, а он снова тут как тут. Этот День. Только на этот раз пятидесятилетний юбилей. Репортеров и редакторов уже понаехало полным-полно. Празднества и торжества во всех крупных городах Земли, на каждой планете Солнечной системы, даже на Луне — нет, правда-правда! То-то радость детворе — гуляния в парках, фейерверки, кутежи, танцульки, парады. Вам, парни, везде и не поспеть. Этот День...

Проходите, пожалуйста, вперед и усаживайтесь поудобнее. Я уже жду вас. Хочу сразу признаться, что вы вряд ли услышите от меня много нового. Я поведаю вам все ту же старинную историю, которую каждый из вас наверняка слышал, и не раз, на протяжении последних сорока девяти лет, но ведь никому она еще не надоела, не правда ли?

История, незримо стоящая за всеми сообщениями и новостями, своеобразный колорит, окрашивающий исторические события,— вот, что я собираюсь вынести на ваш суд.

Тем из вас, кто хотел бы отдохнуть и освежиться, чрезвычайно рекомендую Марсианский бренди — этот чудный коньяк производят сегодня в Новом Квебеке. Нет, благодарю вас, мои юные друзья, боюсь, что здесь я не составлю вам компанию, годы, знаете ли,— употребление горячительных напитков делает меня вялым и слезливым. Но я с удовольствием понаблюдаю за вами. Так что пейте на здоровье, пейте до дна и от души.

Пятидесятая годовщина. Эх, годы, годы! А ведь и я был когда-то юным и цветущим, и у меня, как и у вас, кровь кипела в жилах... Но все прошло, и ныне перед вами немощный трясущийся старикашка, способный лишь к бесцельной болтовне. И все же я расскажу вам такую историю, какой, пожалуй, не

знало человечество с тех незапамятных времен, когда первые люди спустились с деревьев на землю.

И я сам, собственной персоной, присутствовал на самой первой странице этого повествования!

Вообще-то кроме меня там были еще Калдикот, Бреш, Макгир и Стефано, всего пятеро, из сотни таких же стойких и блестящих юношей, выпущенных в свет лучшими университетами страны,— решительные и отчаянные соперники. Всех нас тестировали на сообразительность, на физическую выносливость, на математическую подкованность, на крепость нервной системы. Отбор был жесточайший и непримиримый. В расчет принималась совокупность показателей. Отсеивали слишком высоких, слишком медлительных, слишком тяжелых, слишком болтливых и так далее — до тех пор пока не остались счастливейшие из смертных, то есть наша пятерка.

И вот финальный экзамен.

Вообразите себе картину: пять глядящих друг на друга молодых людей на борту самолета Исследовательской базы в Аризоне, задающих себе один и тот же вопрос: что их ждет впереди, кто из них станет победителем, пилотом первого космического корабля, отправляющегося на Луну. Каждый из нас, безусловно, хотел стать этим избранным, новоиспеченным Колумбом, собирающимся не просто убедиться в том, что Земля круглая, но открыть для себя невероятную, таинственную, безграничную Вселенную. Каждый из нас исступленно желал этого всеми фибрами своей души, до горячечного бреда, до сумасшествия.

Представьте себе теперь то далекое время: появление первой радиоуправляемой ракеты, способной вырваться за пределы земной атмосферы, первый пилотируемый корабль, преодолевший половину расстояния до Луны и успешно возвратившийся на Землю, первый корабль-робот, облетевший вокруг Луны. Перспектива настоящих межпланетных, космических путешествий становилась все ближе, все реальнее. Газеты только об этом и трещали, телевидение по всем каналам демонстрировало достигнутые успехи, даже страницы школьных учебников пестрели будоражащими воображение заголовками.

И вот главный вопрос, занимавший нас, стал наконец предельно конкретным. Счастье пряталось уже совсем рядом, словно сосед за стенкой. Кто же станет им, этим единственным и неповторимым? Каким будет имя первого исследователя, героя всех времен и народов?

Всего пять вариантов: Калдикот, Бреш, Макгир, Стефано и ваш покорный слуга. Готовый корабль уже рвался к Луне.

Недоставало лишь пилота. Кто-то из нас должен был стать Колумбом своего времени.

Помню, как я всматривался тогда в лица своих конкурентов и думал, что мы могли бы быть братьями или, по крайней мере, родственниками.

Строительство корабля осуществлялось в строгом соответствии со всеми спецификациями, среди которых не последнюю роль играли общая масса ракеты и подъемная сила. Необходимость неуклонного соблюдения конкретных требований, естественно, распространялись на пилота и на занимаемое им жизненное пространство внутри корабля. Предполагалось, что и сам космонавт, подобно точно выверенной детали сложнейшего механизма, обязан вписаться в определенные габариты — его рост и вес не должны превышать соответствующие максимальные значения. Что же касается природных данных будущего пилота, на них, естественно, никаких ограничений не накладывалось: сила, быстрота реакции и смекалка только приветствовались.

Итак, нас было пятеро — невысоких, крепко сбитых молодых людей, решительных, практически одинаково тренированных, очень близких друг другу в психологическом плане. Манера двигаться, реагировать на окружающую обстановку, даже разговаривать совпадала у нас с поразительной, можно сказать сверхъестественной, точностью. А ведь мы прибыли с совершенно разных концов страны.

Казалось, мы были полностью взаимозаменяемы, адекватны. Но Лунный корабль стоил миллионы долларов, и на его создание ушло девять лет напряженного, кропотливого труда. Так что ни о какой адекватности не могло быть и речи — необходимо было выявить лучшего из лучших.

Задолго до приземления на территории Аризонской исследовательской базы мы начали осторожно присматриваться друг к другу. Речь не о стремлении сблизиться, стать друзьями,— что вы, упаси бог! — нами руководило лишь желание получше узнать соперников, определить их слабости и достоинства. Поверьте мне, отличия были почти микроскопические.

Возьмем, к примеру, Стефано. Он прослушал на один математический курс больше, чем я. «Теория уравнений» — так он вроде бы назывался. Теперь я, естественно, кусал локти, ругая себя за легкомысленность, ибо предпочел посещать по вторникам Увеселительный клуб. В то же время про Стефано было известно, что он еще в колледже растянул связки спины, играя в футбол. Разумеется, казус произошел с ним бог знает как давно и спина давно зажила, но факт остался фактом. А как бы вы это расценили?

В общем, как только мы прилетели на эту знойную пыльную базу, нас сразу же повели в испытательный комплекс. По ходу дела выяснилось, что не последнюю роль играют наши сексуальные пристрастия. Оказалось, что Макгир успел жениться, Калдикот и я были помолвлены, только Стефано с Брешем оставались по-прежнему свободными от каких-либо матримониальных обязательств и стремились получать то, что они хотели, везде, где это представлялось возможным.

С одной стороны, помолвка и брак свидетельствовали об упорядоченности эмоциональной жизни, что котировалось достаточно высоко.

С другой стороны, наличие жены у Макгира, Ирен у меня и Эдны у Калдикота сильные мира сего вполне могли поставить нам в минус — как пагубный психологический фактор, поскольку бремя ответственности и излишнее беспокойство не позволят нам полностью сконцентрироваться на выполнении поставленных задач, в то время как Стефано и Бреш могут сосредоточиться исключительно на себе и на проблемах, связанных с полетом.

Да, что греха таить, я отчаянно грустил и скучал по моей Ирен. Прекрасно, повторял я себе, я люблю ее. Но на кой ляд, скажите, мне нужна была эта помолвка?

В общем, оставалось только гадать, что начальники положат на чаши весов.

Впрочем, стоило нам окунуться в ежедневную рутину базовой жизни, времени на размышления практически не осталось. Каждое утро мы, едва продрав глаза, вскакивали с кроватей, чтобы в течение целого дня подвергнуться множеству проверок и испытаний. День за днем нас пичкали подробнейшими инструкциями по управлению и обеспечению Лунного корабля; день за днем мы неустанно отрабатывали на макете всевозможные операции и порядок действий в различных ситуациях. Каждый вечер после легкого ужина мы получали на десерт груду очередных тестов, проверяющих наши способности к управлению, наблюдению, к умению правильно оценить создавшиеся условия, сделать верные заключения и принять соответствующее решение.

Снова и снова нас неустанно тиранили — ментально, физически, психологически, выискивая хоть какое-нибудь отличие — пусть хоть на ширину волоса, хоть в третьем знаке после запятой.

И вот мы наконец достигли такого уровня, когда наши рефлексы предельно заострились, когда, тренируясь по восемь часов в день, мы научились с закрытыми глазами совершать все необходимые операции по запуску, пилотированию и посадке

корабля, когда, жуя в столовой хлеб, мы всей кожей ощущали, что стрелка запущенного кем-то секундомера подходит к последней черте...

Настал момент оглашения результатов.

Я стал первым, отвоевав у ближайшего конкурента милимикрон! Бреш оказался вторым, с таким же опережением. Затем шли Макгир, Калдикот и Стефано.

Я первый!

Я должен стать пилотом первого корабля на Луну! Новым Колумбом! Моим именем откроется эра космических путешествий.

Мы не знаем, кто изобрел первое, самое примитивное орудие труда, кто впервые оседлал лошадь, но, пока существует человечество, имя первого человека, покинувшего пределы Земли и оказавшегося на другой планете, будет прославляться во веки веков, и этим именем должно стать мое — Эммануил Менгилд!

Восторг переполнял меня. Представьте себе радость десятилетнего пацана, которому вдруг сообщили, что завтра он может ехать на Запад, чтобы сделаться ковбоем; вообразите состояние бедняка, коротающего ночь в ночлежке и неожиданно получающего известие о наследстве в миллион долларов; или представьте, что почувствует измученная бесконечной работой швея с исколотыми пальцами и воспаленными глазами, приглашенная в Голливуд, чтобы стать кинозвездой. И все-таки даже все это вместе взятое не шло ни в какое сравнение с тем, что я тогда испытывал. Ни один из моих современников, никто из живших до меня никогда не мог бы ощутить ничего подобного! Я собирался стать пилотом первого корабля на Луну!

Справедливости ради были объявлены и утешительные призы. Например, если бы я вдруг скоропостижно скончался на следующей неделе, или сошел бы с ума, или — что казалось совсем уж невероятным — отказался бы лететь, мое место занял бы Бреш. После него, соответственно, шли Макгир, Калдикот и Стефано. Видели бы вы, как они на меня смотрели!

Когда я получил приказ явиться к полковнику Грейвесу, командующему Базой, я нарядился с иголочки и вышагивал к нему такой важный и самодовольный, словно павлин. Боже, но как они на меня смотрели! Никогда не забуду!

Как командующий, Грейвес являлся членом испытательной комиссии, но самое главное, о чем нам, естественно, было известно, что именно ему принадлежало решающее слово. Помню, как каждый день, вплоть до финального разговора, я стремился произвести на него неотразимое впечатление. Достаточно

было мимолетного взгляда, брошенного им в мою сторону, как я шире расправлял плечи, звонче и четче чеканил шаг. В его присутствии я неусыпно контролировал себя. Зевни я, скажем, после завтрака чуть дольше остальных, и вот уже есть вероятность, думал я, что напротив моего имени появится маленькая галочка, которая при случае сыграет свою пагубную роль.

Но теперь! Теперь он был для меня просто отставной пилот Джордж Джонстаун Грейвес, знаменитый в те далекие дни, когда пределом мечтаний считалась возможность достичь высоты, с которой можно увидеть кривизну Земли. К его чести, правда, надо сказать, что он до сих пор не утратил мужественности, живости ума и выглядел довольно крепким. Жаль только, что родился он несколько раньше, чем следовало. Впрочем, несмотря на все свои регалии, он по-прежнему оставался простым норвежским рыбаком, а я... Я собирался стать Колумбом.

Грейвес был среднего роста, чуть выше меня. В ожидании моего прихода он сидел, откинувшись на спинку кресла; воротник рубашки расстегнут, рукава закатаны выше локтей. Увидев его отсутствующее выражение лица, я даже подумал, не завидует ли он молодому коллеге.

В волнении я уселся на предложенный стул.

— Угу,— произнес полковник, словно в чем-то соглашаясь со мной, но глядя при этом в противоположную сторону. И только затем обернулся ко мне.

— Менгилд,— начал он,— вы ведь помолвлены, не так ли? Мисс Расс, если не ошибаюсь?

— Да, сэр,— моментально ответил я. Хоть на Базе от нашей пятерки не требовали уставных отношений, мы взяли за правило с каждым обращаться уважительно — «сэр», вплоть до персонала, поправлявшего наши постели. Как вы понимаете, на окончательное решение могла повлиять любая мелочь.

Взгляд Грейвеса скользнул по поверхности стола. Там лежала всего одна папка с бумагами, и я подумал, что командующий, наверное, давно уже выучил наизусть ее содержимое.

— Вы просили разрешения встретиться с ней и погулять по территории Базы сегодня вечером?

Я смутился.

— Все верно, сэр. После объявления результатов нам сообщили, что в течение тридцати шести часов мы свободны от занятий, и позволили каждому пригласить кого-нибудь на этот вечер. Я связался с Ирен... с мисс Расс — и сейчас она уже летит из Де-Мойна. Я надеюсь, что ничего плохого с...

Полковник Грейвес резко качнул головой.

— Не беспокойтесь. Конечно, ничего плохого, Менгилд. Вы ведь не планировали жениться на девушке до полета?

— Нет-нет, сэр. Мы решили совершенно иначе. Договорились, что оформим брак сразу же после моего возвращения, если, конечно, со мной ничего не случится. Вначале она действительно предлагала сыграть свадьбу до полета, но я ее отговорил.

— А ей известно, что ваши шансы на возвращение в полном здравии лишь немногим больше пятидесяти процентов?

Я облегченно вздохнул, вообразив, что догадался, к чему он клонит.

— Да, сэр. Но Ирен все равно хочет, чтобы я полетел. Она прекрасно знает, как много значит для меня этот полет. Ведь я мечтал о нем, можно сказать, с раннего детства. Вот почему она полностью меня поддерживает.

Полковник оперся подбородком на скрещенные пальцы и посмотрел мне в глаза.

— Мисс Расс, наверное, относится к домашнему типу женщин? Любит дом, уют, детей и так далее?

— Думаю, да — как любая нормальная девушка.

— Вы тоже все это любите?

Я посмотрел в сторону и задумался.

— Знаете, сэр, еще будучи совсем маленьким, я грезил только об одном — о космических полетах. Но после того как три года назад появилась Ирен, я уже не мыслю своей жизни без нее. Уверен, что после выполнения задачи и моего благополучного возвращения с радостью исполню все пожелания моей невесты касательно нашего общего дома, ибо во многом разделяю ее точку зрения на семейное будущее.

Командующий снова уставился на противоположную стену, потом опять перевел взгляд на меня и продолжал уже более мягким и доверительным тоном:

— Вы все правильно говорите, Менгилд. Постараюсь объяснить все как можно короче. Как вы знаете, в ракете используются атомные двигатели, которые должны быть надежно экранированы. На данный момент так оно и есть, если не случится каких-нибудь непредвиденных катаклизмов. Экранирование, которое мы разработали, весьма эффективно. Но не забывайте, что столь длительного путешествия в подобных условиях человек еще никогда не предпринимал, и едва ли возможно гарантировать стопроцентную защиту в течение всего полета — об этом, кстати, свидетельствуют последние лабораторные исследования.

Я обомлел.

— Это значит, что...

— Это значит, что пилот по возвращении на Землю может полностью потерять способность производить потомство. Мы, разумеется, могли бы улучшить экранирование и в будущем, несомненно, так и поступим. Заниматься этим сейчас... В лучшем случае это привело бы к продолжительной отсрочке. А в худшем речь может пойти о кардинальном реконструировании и перестройке всего корабля, который, как вы знаете, моделировался с учетом жестких допусков на вес бортового оборудования и запасов топлива. Поэтому мы решили полет не откладывать, но честно предупредить пилота, чтобы он сам принимал решение.

Я задумался, еле справляясь с потоком нахлынувших эмоций.

— Я могу ответить вам прямо сейчас, сэр. Слишком большой отрезок своей жизни я потратил, мечтая о...

Он еще раз хмыкнул, отвернувшись к стене.

— Советую вам все же не торопиться с ответом. У вас есть двадцать четыре часа, мы можем подождать. Поговорите с вашей девушкой. Попытайтесь все обдумать в спокойной обстановке.

— Но я уверен в своем решении, сэр. Для меня нет ничего важнее этого полета. И Ирен со мной согласна. Если же она будет против... Ну что ж, как я уже сказал, полет для меня важнее всего. Неужели вы полагаете, сэр, что, пройдя столь длинный и трудный путь, я найду в себе силы отказаться от чести стать первым человеком, полетевшим на Луну.

Можете представить себе мое возбуждение в тот момент. Однако полковник Грейвес, неторопливо завязал галстук, расправил рукава и, по-прежнему не глядя мне в глаза, решительно повторил:

— У вас есть двадцать четыре часа, Менгилд.

Только выйдя из кабинета, я понял, что имел в виду полковник. Вечером я увижусь с Ирен. Полет намечался не раньше чем через три недели. Вполне достаточно времени, чтобы жениться, то есть осуществить ее главное желание, и зачать ребенка.

Ну конечно же. Именно на это он и намекал.

Стоявшие неподалеку Бреш и Макгир так и впились в меня взглядами, с трудом сдерживая нетерпение.

— Нет,— поспешил я их разочаровать.— Ничего кардинального не произошло. Никто из моих родственников не умер. Так что пока еще лечу я.

— Неужели? — ухмыльнулся Бреш, наматывая на палец прядь жестких рыжих волос.— А с сердцем у тебя все в порядке? Перебоев нет? И голова не кружится?

Еле отделавшись от назойливой парочки, ощущая спиной их убийственные взоры, я прошествовал наконец в свою комнату, чтобы принять душ и побриться. То же самое испытание устроили мне и Калдикот со Стефано, но, поскольку они завершали претендентский список, их домогательства были не столь агрессивными.

Едва из подкатившего прямо к воротам такси вышла Ирен, я уже бежал к ней с распростертыми объятиями, чувствуя себя счастливейшим из смертных. Крепко обнимая и целуя ее, ощущая прелестный запах ее духов, я все не мог на нее наглядеться — до чего же она очаровательна и как искренне радуется встрече!

Мы отправились в комнату отдыха — перекусить. За столом Ирен сообщила мне все последние новости: рассказала про мать, мучавшуюся ишиасом, про успехи маленького братика Ленни, оказавшегося чрезвычайно эрудированным для своего возраста. Затем она крепко пожала мне руку и поздравила с предстоящим полетом.

— Пойдем, покажу тебе комплекс,— предложил я.— Позже, как только начнется полет, ты увидишь все это в выпусках новостей.

Ирен крутила головой, с любопытством глядя по сторонам. Я провел ее мимо высоких бетонных квадратов лабораторных зданий, обратил внимание на цепь охранников, прохаживавшихся вдоль проволочных заграждений.

— Это какое-то...— она подбирала слова,— чисто мужское место.

Я рассмеялся.

— А как ты себе его представляла?

— Покажи еще что-нибудь,— попросила она, дождавшись, пока я успокоился.

Подходя к кораблю, я почувствовал, что мной стала овладевать безотчетная печаль. Ракета, безусловно, впечатляла. Опираясь на мощный хвост, она, подобно нетерпеливому хищнику, жадно пялилась в бездонные небеса. Свет, исходивший от множества прожекторов, создавал причудливую игру бликов и теней — пробегающие по блестящей поверхности корабля тонкие длинные всполохи словно подстрекали его к немедленному взлету.

— Первый! — потрясенно воскликнула Ирен.— И на нем полетишь ты!

Я почувствовал, что настал подходящий момент. Мы присели на ступеньку лестницы, ведущей в кабину пилота. Протянув ей сигарету, я чиркнул зажигалкой и приступил к самому главному.

Признание заняло на удивление мало времени, хотя я успел даже сделать предложение. Когда я закончил, две трети сигареты еще оставались целыми. Делая глубокие затяжки, Ирен молча докуривала, пока не обожгла себе пальцы, и только после этого отбросила окурок в сторону.

— Ну? — многозначительно спросил я.

— Что — ну?

Такая реакция крайне удивила меня.

— Ведь мы поженимся, не так ли? Прямо сейчас?

— Нет,— отрезала она.

— Но, Ирен! Когда я вернусь, я, возможно, уже не смогу стать отцом. Ты же хотела ребенка?!

Я не ожидал, что разговор окажется таким тягостным и избегал глядеть ей в глаза.

— Да, я хочу иметь детей,— после довольно продолжительной паузы заговорила Ирен.— Именно поэтому мы не поженимся. Ни до полета, ни после твоего возвращения.

О нет! Только не это! Мне хотелось кричать. Я почувствовал непреодолимое желание обнять ее, крепко прижать к груди, вновь убедиться, что рядом со мной любимое и любящее существо, родней которого нет на всем белом свете. Но вместо этого я отошел в сторону и застыл в молчаливой задумчивости.

— Но, Ирен, послушай,— повернулся я к ней наконец.— Поправь меня, если я скажу что-то не так. Тебе было известно о существовании риска и о том, что я, соглашаясь на полет, иду на него вполне сознательно. И ты меня полностью в этом поддерживала. Ты прекрасно знала и знаешь, что значит для меня это задание. Ты не могла не допускать возможности того, что я не вернусь...

— Нет, не так! — Я почувствовал, что она плачет.— Конечно, меня огорчало, что ты подвергаешь себя такой опасности, но я понимала, что ты должен сделать это. Ведь ты мечтал об этом еще маленьким мальчиком. Но ведь... это совсем разные вещи, Менни...

— Как это разные? Как тебя понять?

Она смахнула слезинки с кончика носа.

— Совершенно разные, вот и все. Наверное, мужчины не способны это понять. Но женщины многое воспринимают по-другому.

— Девочка, милая моя,— сказал я, пытаясь приласкать ее, но она сделала движение в сторону, и я не решился.— Я хочу иметь ребенка. Я хочу иметь ребенка от тебя. Ну, объясни мне, пожалуйста, почему мы не можем пожениться сегодня вечером, ну, или завтра и потом зачать ребенка?

— Ну а представь, я не забеременею, а ты уже улетишь! Или, допустим, случится выкидыш?

— Послушай, Ирен,— мне захотелось завыть от отчаяния.— При моем положении тебе дадут самых лучших в мире врачей. Но даже если ничего не получится, мы сможем кого-нибудь усыновить. Согласен, что это, конечно, не совсем то, что хотелось бы. Но ведь могло же с самого начала так выйти, что один из нас оказался бы бесплодным! Многие пары усыновляют детей и счастливы.

— Но, Менни, у нас все же иная ситуация, и дело, в конце концов, не в выкидыше.

Напрягшись, я подошел к ней вплотную и посмотрел прямо в глаза.

— Хорошо, тогда сделай милость — поведай мне истинную причину.

Она попросила еще сигарету.

— Менни, не знаю, поймешь ли ты, но я попробую. Понимаешь, мне не хотелось бы ограничить себя в возможности иметь в будущем столько детей, сколько я захочу. Меня также не прельщает перспектива выйти замуж за мужчину, который совершенно осознанно идет на риск стать бесплодным. Такой мужчина никогда не сможет быть для меня полноценным мужем.

Это заставило меня призадуматься.

— А разве не достоин звания мужчины тот,— вкрадчиво произнес я,— кто жертвует собой ради такого важного и грандиозного дела? Разве при этом он перестает быть полноценным?

— Я не знаю,— Ирен опять заплакала,— но мне кажется, что это все-таки разные вещи... Больше мне сказать нечего.

— Ты хоть понимаешь, к чему склоняешь меня, Ирен? Вынуждаешь отказаться от мечты, которую я...

— Неправда! Я не отговариваю тебя от полета, Эммануил Менгилд, а просто честно признаюсь в том, что я могу делать и что — нет. Я, а не ты. А ты... Ракета тебя ждет!

Больше мы к этому не возвращались. Когда подошло время, я проводил ее до ворот. Мы даже не обнялись и не поцеловались. Я долго стоял, тупо глядя вслед удалявшемуся такси, пока, окутанное облаком пыли, оно не скрылось за поворотом.

Можете себе представить мое смятение! Противоречивые чувства разрывали на куски душу. Если я лечу на Луну, то теряю любимую женщину. Приобретаю славу и всемирную известность, но лишаюсь семьи. Итак, сплошное расстройство.

Плюс ко всему я буду безумно зол на Ирен за то, что она отвергла меня в самый ответственный момент, то есть именно

тогда, когда я больше всего нуждался в ее понимании и поддержке.

И все же я заставил себя успокоиться и хладнокровно обдумать создавшееся положение.

Прежде всего, я попытался понять позицию Ирен. Да, она права. Мужчины действительно на многое смотрят иначе, чем женщины. В частности, для мужчины, как правило, главное — его работа, успехи, в то время как женщина видит смысл своей жизни в детях. Она мечтает о них с не меньшей страстью, чем он о полетах в космос. У мужчины другие устремления.

Но так ли это? Я не на шутку задумался. Получалось, что я как бы подсознательно рассчитывал на Ирен, ни минуты не сомневаясь в том, что ради меня она готова пойти на жертвы и найдет выход из любого неприятного положения. А ведь я искренне хотел детей, правда, никогда не уточнял для себя, сколько именно — двоих, троих, пятерых? Возможно, одного.

Но чтобы вообще без детей? Чтобы никогда?

В тот момент, когда полковник Грейвес поставил меня перед фактом, я ни на секунду не сомневался в том, что Ирен меня любит, а значит, готова немедленно выйти замуж. Именно эта абсолютная уверенность, постоянно гнездившаяся где-то в подсознании, застила мне глаза.

Стоило подумать и еще кое о чем.

Миллиарды лет прошли на Земле, прежде чем я родился на свет. Миллионы миллионов моих предков сменяли друг друга. Кого среди них только не было: и амебообразные, и студенистые; и с жабрами и с легкими; плавающие, ползающие, бегающие, летающие и, наконец, прямоходящие о двух ногах. И все эти прародители, без единого исключения, несмотря на свое невероятное многообразие, выполняли одну и ту же главную задачу.

Все они существовали и выживали для того, чтобы производить потомство. Некоторые виды вымерли — ученые находят их костные останки в скальных и ледниковых наслоениях. Их исчезновению способствовали различные причины: недостаток пищи, встреча с более сильным врагом, многочисленные природные катаклизмы, к которым приходилось волей-неволей адаптироваться,— однако гораздо важнее здесь то, что эти особи яростно стремились выжить и, чтобы продолжить род, боролись за жизнь изо всех сил. Всем им я обязан своим появлением на Земле.

Следовательно, если я не оставлю после себя потомства, грандиозные усилия многих поколений моих предков окажутся тщетными, поскольку завершатся тупиком.

Впрочем, это лишь одна сторона проблемы, размышлял я, в десятый раз подходя к воротам Базы и поворачивая обратно.

Для чего вообще существует все, что я вижу вокруг себя? В чем состоит лично мое предназначение? Что считать хорошим или плохим, правильным или неправильным? Ужели для мира так ценны, в конечном счете, моя учеба, мои стремления и взгляды, мое положение в обществе? Да чушь собачья!

Но пока жизнь продолжается, всегда остается возможность докопаться до истины и досконально разобраться во всем. Что касается меня, то я должен четко понять, ради чего пришел в этот мир и что оставлю в нем после себя.

И я вспомнил, как все начиналось, почему я вступил в состязание за право быть космическим Колумбом. Первая причина — мое страстное желание. Вторая, пожалуй, заключается в том, что я всегда считал себя настоящим мужчиной, ощущал непреодолимую внутреннюю потребность и потенциальные способности к осуществлению столь трудного, но важного прорыва, знаменующего начало эры межпланетных путешествий. В личной жизни, как мне казалось, все обстоит просто замечательно. Наверное, столь безоговорочная уверенность — результат юношеского самомнения, но она во многом способствовала формированию моей личности и являлась ее неотъемлемой, коренной составляющей. Не мог же я, искренне ощущая, что все идет прекрасно и достойно, начать разубеждать себя в этом.

Так или иначе, я добился своего — мне доверили осуществить первый полет на Луну. Не может смысл человеческой жизни сводиться только к воспроизведению. Жизнь — это прежде всего цепь достижений и свершений. Человечество неудержимо рвется к прогрессу, преодолевая преграду за преградой. И во все времена находились те, кто готов был совершить невозможное, и не важно, оставили они потомство или нет. Вот и мне довелось жить в переломный момент, и мне выпал жребий преодолеть барьер. Разве это не важнее детей?

С другой стороны — зачем себя обманывать? — любой из оставшейся четверки молодых людей выполнил бы миссию ничуть не хуже меня. Случись что с этим кораблем, построили бы следующий.

Важно не то, что в данной ситуации остро нуждались именно во мне. Главное, что я этого очень хотел.

Помахав рукой охранникам, я наконец вошел в ворота, уверенный, что выбрал свой путь...

К полковнику Грейвесу на следующее утро я шел словно на казнь. Язык еле ворочался, и весь мой вид выражал такое отчаяние, что на меня было жалко смотреть. С неподдельным интересом поглядев на мое измученное лицо, командующий предложил сесть.

— Все оказалось не так просто, Менгилд?

— Да, сэр,— печально ответил я.— Тем не менее я принял тщательно взвешенное и обдуманное решение.

Грейвес ждал.

— Я решил... Возможно, я не раз пожалею об этом потом, но я решил... отказаться от полета.

— Хм-м. Причина в угрозе бесплодия?

— Да, сэр.

— Надо понимать, юная леди сказала «нет»?

Я вытер платком вспотевшее лицо и пожал плечами.

— Вы угадали. Но дело не в ней. Я размышлял всю ночь, и это лично мое решение: чести полететь на Луну я предпочел счастье отцовства.

Грейвес медленно покачался в кресле.

— Я думаю, Менгилд, вы знаете, что такое искусственное осеменение? Вы могли бы стать отцом, предварительно сделавшись донором, еще до полета.

— Представляю себе,— пробормотал я.— Буду бегать потом с этой пробиркой, предлагая себя в мужья.

— Согласен, такая перспектива выглядит не слишком романтично. Но ведь есть женщины, которые согласны на такой вариант. Не забывайте, Менгилд, что станете героем, величайшим героем всех времен.

— Хорошо, допустим, это сработает,— с сомнением в голосе произнес я.— Допустим, я встречу такую женщину, женюсь на ней, ее искусственно оплодотворят, и я стану отцом. А если будет выкидыш? Или роды пройдут неудачно? Замороженные сперматозоиды жизнеспособны год, ну максимум два. Может получиться так, что в результате я навсегда лишусь возможности стать отцом. В общем, я решил отказаться от полета.

Полковник поднялся.

— Ну что ж; дело ваше, дело ваше... Я пытался вас переубедить, потому что, откровенно говоря, мы на вас очень рассчитывали. Пусть незначительно, но вы все-таки превосходите остальных. А для нас очень важно, чтобы корабль долетел до Луны и благополучно вернулся.

Собственно, на этом разговор и окончился. Миссию поручили следующему по списку, то есть Брешу, и он, естественно, не возражал. Когда ему сообщили о проблеме, он лишь посмеялся. После предложенного двадцатичетырехчасового раздумья он подтвердил свое согласие.

Старт был назначен через три недели. Бреш без проблем слетал на Луну и благополучно вернулся. Его встретили как величайшего героя и устроили сногсшибательный прием.

С тех пор День Паула Бреша ежегодно отмечается во всех уголках Солнечной системы. Вот почему сегодня сюда со всех сторон слетелись репортеры, жаждущие собственными глазами во всех подробностях увидеть грядущий грандиозный праздник.

Вот, собственно, и все. Больше, пожалуй, нечего и добавить

Хотя... Вам ведь наверняка интересно, как впоследствии сложилась моя судьба.

Как вам известно, с Ирен мы так и не поженились, а год спустя я оформил брак с Френси. Примерно в то же время мне предложили возглавить группу по техническому обслуживанию космических кораблей. Так что, как видите, и я вносил свой вклад в освоение космоса. В общем, я считаю, что неплохо прожил свою жизнь, и мое имя, кстати, тоже вошло в историю — как командира наземной команды. Теперь, естественно, я уже на пенсии.

Конечно, жаль, что в молодости мне так и не удалось совершить полет. А теперь я уже слишком стар и из-за проблем с сердцем не рискну подняться на борт даже самого фешенебельного пассажирского лайнера.

Не то что Паул Бреш. Мало того что он совершил первый в истории полет на Луну, ему также посчастливилось в составе второй исследовательской группы побывать на Марсе. Дальнейшая его судьба мне, к сожалению, неизвестна.

Ну а я... У меня есть сын Давид. Он живет с женой в Новом Квебеке на Марсе. Моя дочь Анна поселилась со своей семьей на Ганимеде, а вторая дочь, Милдред, и ее семья живут на Титане.

О да, чуть не забыл. На прошлой неделе я получил известие, что мой родной внук Аарон с женой Филис отправились на звездолете с Плутона к созвездию Центавра. Полет, как говорят, продлится около тридцати лет, так что за это время меня, вероятно, осчастливят правнуком.

Вот и вся моя история. Я так и не стал новым Колумбом, но роль отца семейства выполнил с честью. У Паула Бреша завтра знаменательный день. Я же праздную свой миллениум.

Курс на восток!

Для лошадей нью-джерсийское шоссе оказалось плохо приспособленным. К югу от Нью-Брансуика рытвины стали столь глубоки, а валуны, валявшиеся в беспорядке, столь многочисленны, что обоим всадникам пришлось перейти на мелкую рысь, чтобы не покалечить драгоценных животных. Кроме того, они уже так далеко продвинулись на юг, что фермы исчезли, и путешественникам не оставалось ничего иного, как питаться всухомятку, довольствуясь тем, что они захватили с собой в седельных сумах. Прошлой ночью они заночевали в развалинах заправочной станции, растянув гамаки меж покосившихся ржавых колонок.

И все же это была самая короткая и лучшая дорога из известных Джерри Франклину. Шоссе находилось в федеральном ведении, и его расчищали примерно раз в полгода. В пути они показали прекрасное время, и даже их вьючная лошадь ни разу не захромала. Достигнув последнего поворота, там, где стоял расколотый древесный пень с надписью «На Трентон», Джерри позволил себе немного расслабиться. И его отец, и коллеги отца могли им гордиться. Да и сам он был доволен собой. Однако уже в следующую минуту Джерри был вновь подтянут как всегда. Он пришпорил коня и поравнялся со своим спутником, молодым человеком примерно одного возраста с Джерри.

— Помни о правилах Протокола,— сказал он.— Я начальник, и мы уже так близко от Трентона, что тебе не подобает ехать впереди меня.

Напоминать о разнице в рангах было неприятно. Но дело есть дело, и если подчиненный забылся, его надо одернуть. В конце концов, ведь Джерри сын, да при этом еще и старший сын сенатора от Айдахо, тогда как родитель Сэма Резерфорда

всего лишь заместитель Государственного секретаря, а мать вообще происходит из семьи мелкого почтового чиновника.

Сэм смущенно поклонился и придержал лошадь, пропустив Джерри на несколько шагов вперед.

— Мне показалось, что впереди что-то движется,— пояснил он.— Похоже на отряд, пробирающийся по обочине. Готов поклясться, что на них были плащи из бизоньих шкур.

— Семинолы не носят бизоньих шкур, Сэмми. Забыл, чему тебя учили на лекциях по политической истории?

— Я не проходил этого курса, мистер Франклин. Я ведь всего-навсего майор инженерных войск. Мое дело — вечно рыться в развалинах. Но и моих жалких познаний достаточно, чтобы не приписывать бизоньих плащей семинолам. Вот почему я...

— Лучше бы ты приглядывал за вьючной лошадью,— посоветовал Джерри.— Переговоры — это моя забота.

Говоря это, он инстинктивно коснулся чуть дрогнувшими пальцами спрятанной на груди сумки. В ней хранились его верительные грамоты, написанные на одном из последних правительственных бланков (бумага не стала менее важной от того, что на ее обороте кто-то еще несколько лет назад сделал какие-то заметки для памяти). Документ был подписан самим президентом. Да еще *настоящими* чернилами!

Этот документ мог сыграть огромную роль в его будущей карьере. Конечно, вернее всего ему придется вручить бумагу во время переговоров, но копия назначения бесспорно должна храниться в архивах Конгресса там, на далеком Севере. И когда отец умрет, а он унаследует одно из двух высокочтимых мест от штата Айдахо в сенате, его нынешнее назначение даст ему основание претендовать на членство в Комиссии по ассигнованиям. А может, черт побери, и даже на право заседать в Комиссии законодательных предположений! До сих пор никто из членов семьи сенаторов Франклинов в ней не заседал!

Путешественники поняли, что находятся уже в предместьях Трентона, только когда увидели первые команды джерситов, расчищавших дорогу. Испуганные лица бросали на них робкие взгляды и снова склонялись к земле. Команды работали без надсмотрщиков. Очевидно, семинолы считали, что для такой простой работы хватит и устных распоряжений.

Однако, по мере того как они ехали мимо кварталов аккуратно разобранных развалин, из которых, собственно, и состоял город, не встречая на своем пути никого поважнее белых, в мозгу Джерри возникло другое объяснение. Похоже, что город на военном положении. Но если так, то где же войска? Почти

наверняка — на другом конце Трентона, где они обороняют берег Делавэра; именно отсюда новые властители Трентона — семинолы — могли ожидать нападения. Не с севера же, где, кроме Соединенных Штатов Америки, ровным счетом никого нет. Ну а если так, то против кого же они обороняются? Ведь к югу от реки Делавэр никто, кроме самих семинолов, не живет. Возможно ли... Возможно ли, что среди них наконец разгорелась междоусобная война?!

А может быть, прав Сэм Резерфорд? Нет, это фантастика! Бизоньи плащи в Трентоне! Да не могут они быть ближе, чем в нескольких сотнях миль к западу, где-нибудь в районе Гаррисберга!

Но когда всадники свернули на Стейтс-стрит, Джерри прикусил губу. Сэм был прав — очко в его пользу.

На широкой лужайке, окружавшей развалины Капитолия, стояли десятки вигвамов. А высокие темнолицые люди, которые неподвижно сидели на газоне или с гордым видом бродили меж вигвамов, были одеты в бизоньи плащи. Увидев их раскрашенные лица, не было даже нужды вспоминать лекции по политической истории: это были сиу.

Итак, информация, полученная правительством по поводу племенной принадлежности оккупантов, оказалась совершенно ложной. Впрочем, ничего необычного в этом не было: при современном состоянии средств связи от них вряд ли можно ждать особых чудес. Однако ошибочность информации создавала трудности личного порядка. Во-первых, назначение Джерри могло оказаться недействительным: грамоты были адресованы непосредственно Оцеоле VII — верховному вождю всех семинолов. Но если Сэм Резерфорд считает, что это даст ему право...

Джерри с угрозой обернулся. Нет, с Сэмом неприятностей не будет. Он не из тех, кто способен твердить: «я ж вам говорил...» Глаза сына заместителя Государственного секретаря опустились долу под суровым взглядом начальника.

Успокоившись на этот счет, Джерри стал лихорадочно вспоминать самое важное из того, что ему было известно о последних политических взаимоотношениях с сиу. Вспомнить удалось немногое — так, общие положения двух-трех последних договоров. Ладно, пока хватит и этого.

Он натянул поводья перед особенно внушительным воином и медленно слез с седла. Если еще с семинолом можно было рискнуть разговаривать сидя верхом, то с сиу такой номер не прошел бы. Сиу, когда им приходилось иметь дело с белыми, требовали очень строгого соблюдения всех правил Протокола.

— Мы пришли с миром,— обратился Джерри к воину, который стоял так же неподвижно, как неподвижно было копье в его руке, и так гордо-воинственно, как выглядела висевшая у него за спиной винтовка.— Мы прибыли с важными вестями и богатыми дарами для вашего вождя. Мы прибыли из Нью-Йорка, где находится столица нашего повелителя.— Он подумал и добавил: — Великого Белого Отца, о котором вы, конечно, слыхали.

О последних словах Джерри тут же пожалел. Воин тихонько хихикнул, в его глазах мелькнула насмешка. Затем черты его лица вновь застыли в гордой окаменелости, как то приличествует человеку, многократно бывавшему в битвах.

— Да,— сказал он,— я слышал о нем. Кто же не знает о богатстве, силе и обширных владениях Великого Белого Отца. Идем, я отведу тебя к нашему вождю. Следуй за мной, бледнолицый.

Джерри знаком приказал Сэму Резерфорду дожидаться его возвращения. У входа в большой, богато украшенный вигвам индеец сделал шаг в сторону и небрежным жестом предложил Джерри войти.

Внутри было темновато, но при виде тамошних светильников Джерри чуть рот не разинул от удивления. Керосиновые лампы! Целых три! Да эти люди просто купаются в роскоши!

Сотню лет назад, еще до того как мир разлетелся вдребезги во время последней большой войны, у его народа тоже было вдоволь керосиновых ламп. Возможно даже, что были лампы и получше керосиновых, если верить тому, о чем болтают инженеры, сидя вечерами у своих костров. Такие россказни, конечно, интересно слушать, хотя это всего лишь отголоски далекого славного прошлого. Подобно преданиям о переполненных житницах или сказочных супермаркетах, эти разговоры в какой-то степени будили чувство гордости за прошлое своего народа, но реальной пользы от них было мало. Только слюнки текли, но голод не проходил...

Индейцы же, чья племенная организация позволила быстрее приспособиться к новым условиям, уже теперь обладали и житницами, и керосиновыми лампами. И индейцы...

Двое робких бледнолицых слуг подносили еду группе индейцев, сидевших на полу. В ней был старый вождь, с крепким, испещренным шрамами телом. И еще три воина, один из которых, пожалуй, был слишком молод для участия в Совете. И еще пожилой негр, одетый почти в такие же домотканые лохмотья, как и Франклин, разве чуточку поновее и чуточку почище.

Джерри низко склонился перед вождем, широко разведя руки ладонями вниз.

— Я прибыл от нашего вождя в Нью-Йорке,— промямлил он. Джерри робел. Надо было знать имена индейцев, чтобы в случае нужды обращаться лично к каждому из них. Правда, он примерно представлял, как будут звучать эти имена. И сиу, и семинолы, и вообще все индейские племена, накопившие силу и теперь очень многолюдные, любили имена, звучавшие несколько архаично. Это была странная смесь различных пластов прошлого, всегда перекрываемая смелым и гордым настоящим. Совсем как винтовки и копья: одни для реального боя, другие — как символ чего-то более важного, чем сама реальность. Или как употребление в походе вигвамов, хотя по слухам, будто ветром разносившимся по стране, рабы-ремесленники индейцев уже даже для самых незначительных вождей строили такие недоступные для жары и сырости жилища, о которых президент Соединенных Штатов, лежа на своей персональной рогожке, не мог и мечтать. Или как раскрашенные лица, склоненные над грубыми, недавно вновь изобретенными микроскопами. Интересно, что это за штука — микроскоп? Джерри попытался припомнить то, что ему читали на лекциях по инженерному делу на первом курсе, но так ничего и не вспомнил. Да, эти индейцы странный народ, народ, вызывающий почтительный страх. Иногда казалось, что сама судьба предназначила им роль победителей, с присущей победителям непредсказуемостью поступков. А иногда...

Джерри вдруг понял, что все ждут продолжения его речи.

— От нашего вождя,— повторил он торопливо,— я прибыл с важной вестью и многими дарами.

— Поешь с нами,— сказал старик,— а потом передашь нам дары и послание.

Джерри с радостью принял приглашение и уселся на пол на некотором удалении от индейцев. Он был голоден, а среди фруктов, которые лежали в вазах, было что-то похожее на апельсины. Сколько споров он слышал о предполагаемом вкусе этих плодов!

Спустя несколько минут старик сказал:

— Я — вождь Три Водородные Бомбы. Это,— и он указал на молодого воина,— мой сын Сильная Радиация. А тот,— он кивнул на пожилого негра,— вроде как твой соотечественник.

В ответ на недоумевающий взгляд Джерри и повинуясь разрешающему мановению пальца вождя, негр пояснил:

— Сильвестр Томас. Посол при сиу от Американской Конфедерации Штатов.

— Конфедерации? Разве она еще существует? Мы слышали десять лет назад, что...

— Еще как существует, уважаемый сэр! Я, разумеется, говорю о Западной Конфедерации со столицей в Джексоне, штат Миссисипи. Восточная Конфедерация со столицей в Ричмонде, штат Виргиния, пала под натиском семинолов. Нам же посчастливилось. Арапахи, шайенны и,— тут он поклонился вождю,— особенно сиу были, если мне будет позволено так выразиться, очень добры к нам. Они разрешают нам жить в мире, пока мы пашем землю и платим им дань.

— Тогда, мистер Томас,— с волнением сказал Джерри,— может быть, вам известна судьба Республики Одинокой Звезды... Техаса... Возможно, и Техас...

Мистер Томас отвел печальный взгляд ко входу в вигвам.

— Увы, дорогой сэр! Республика Одинокой Звезды пала под ударами племен команчей и киова уже много лет назад, когда я был еще ребенком. Точного года не помню, но знаю, что это случилось еще до аннексии остатков Калифорнии апачами и навахами и задолго до того, как государство мормонов под славным предводительством...

Сильная Радиация распрямил плечи и поиграл могучими бицепсами.

— Дурацкая болтовня,— буркнул он,— дурацкая болтовня бледнолицых. Она меня утомляет.

— Мистер Томас не бледнолицый,— резко оборвал его отец.— Ему следует оказывать почет. Он наш гость и аккредитованный посол. И ты не смеешь в его присутствии употреблять такое слово, как «бледнолицый».

Тут в разговор вступил один из пожилых воинов, сидевший *рядом с вождем:*

— В давние дни, в дни героев, мальчишка в возрасте Сильной Радиации не осмелился бы возвысить свой голос в Совете раньше отца своего. А уж тем более не посмел бы произнести то, что было здесь сказано. В подтверждение своих слов я позволю себе сослаться на классический труд Роберта Лови «Индейцы кроу» или на блестящее этнографическое исследование Лессера «Три уровня родственных связей у сиу». И хотя нам еще не удалось в полном объеме восстановить характер родственных отношений древних сиу согласно классической модели Лессера, но мы все же разработали рабочий вариант...

— Твое несчастье, Яркая Суперобложка,— прервал его пожилой воин, сидевший слева,— что ты уж слишком преклоняешься перед классикой. Ты забываешь, что живешь не в Золотом Веке, а в нашем, и что Золотой Век не имеет никакого

отношения к сиу. О, я готов согласиться, что мы, как и кроу, принадлежим к дакотской группе, во всяком случае с лингвистической точки зрения, и что на первый взгляд все, что относится к кроу, относится и к нам. Но какой смысл в многословном цитировании Лови и в переносе его выводов на повседневную жизнь?

— Довольно! — приказал старый вождь.— Помолчи, Внемлите Вести! И ты, Яркая Суперобложка, тоже помолчи! Хватит, хватит! Все это наши внутренние племенные проблемы. Впрочем, в данном случае они полезны тем, что напоминают нам о временах, когда, прежде чем впасть в пучину слабости, страха и коррупции, бледнолицый был поистине велик. Разве все эти люди, чьи священные книги помогают нам воссоздать утраченный образ жизни сиу, люди подобные Лессеру и Роберту Х. Лови, разве они не были бледнолицыми? И разве в память о них не должны мы проявлять терпимость?

— А! — нетерпеливо воскликнул Сильная Радиация.— По мне, хороший бледнолицый — это мертвый бледнолицый! И дело с концом.— Он немного помолчал.— Конечно, это не относится к бледнолицым бабам. Бледнолицая баба — отличная забава, коль ты далеко от дома и есть желание развлечься как следует.

Вождь Три Водородные Бомбы молча сердито взглянул на сына. Потом круто повернулся к Джерри Франклину:

— Давай свое послание и дары. Начнем с послания.

— Нет, вождь! — возразил ему почтительно, но твердо Яркая Суперобложка.— Сначала дары, а уж потом послание. Таков порядок былых времен.

— Мне надо их принести. Я быстро вернусь,— Джерри пятясь вышел из вигвама и опрометью бросился туда, где Сэм Резерфорд выгуливал коней.— Подарки! — нервничая, кричал Джерри.— Скорее подарки для вождя! — Оба нетерпеливо рвали завязки седельной сумы. Держа ношу обеими руками, Джерри прошел сквозь толпу воинов, которые наблюдали за суматохой с плохо скрытой издевкой. Он вошел в вигвам, положил дары на пол и вновь низко поклонился.

— Ожерелье для вождя,— произнес он, вручая две сапфировые звезды и крупный сверкающий алмаз — самые лучшие из обнаруженных инженерами в развалинах Нью-Йорка за последние десять лет.

— Материя для вождя,— продолжал он, протягивая рулон льняной ткани и рулон шерсти, спряденные и сотканные в Нью-Гемпшире специально для этого случая и с большим трудом доставленные в Нью-Йорк.

— Чудесные игрушки для вождя,— провозгласил он, передавая большой, лишь слегка тронутый ржавчиной будильник и бесценную пишущую машинку, отремонтированные группой инженеров и ремесленников, работавших в тесном контакте (инженерам пришлось по обрывкам восстанавливать для мастеров старинную техническую документацию) два с половиной месяца.

— Оружие для вождя,— торжественно сказал он, вручая богато украшенный кавалерийский палаш — ценнейшее наследственное достояние начальника Штаба ВВС США, резко протестовавшего против реквизиции этой реликвии («Черт побери, мистер президент, вы что же, хотите, чтобы я дрался с этими проклятыми индейцами голыми руками?» — «Разумеется, нет, Джонни, но я уверен, что ты позаимствуешь что-нибудь получше у кого-либо из твоих младших офицеров»).

Три Водородные Бомбы осмотрел дары, особенно пишущую машинку, с большим вниманием. Затем он торжественно распределил их между членами Совета, оставив себе лишь машинку и один из сапфиров. Палаш он отдал сыну.

Сильная Радиация постучал ногтем по стали.

— Так себе,— сказал он.— Очень даже так себе. Мистер Томас привез куда лучшие подарки от Конфедерации Штатов на празднование совершеннолетия моей сестры.— Он с презрением швырнул палаш на землю.— Впрочем, чего же ждать от скопища ленивых, никуда не годных бледнолицых вахлаков!

Услышав последнее слово, Джерри окаменел. Оно означало одно — ему придется драться с Сильной Радиацией, а эта перспектива отправила его душу прямиком в самые пятки. Альтернативой дуэли была полная потеря лица в глазах сиу.

«Вахлак» был термин, заимствованный из понятий феодальной системы Натчеза, применявшийся теперь ко всем бледнолицым, работавшим на полях и фабриках своих аристократических индейских господ. «Вахлак» по своему положению стоял еще ниже крепостного, его единственное жизненное назначение заключалось в том, чтобы своим трудом обеспечивать хозяевам досуг для занятий, достойных настоящих мужчин — охоты, войны и размышлений.

Если кто-либо называл вас вахлаком и после этого оставался в живых, что же — значит, вы и вправду были вахлаком, тут уж спорить не приходилось.

— Я — аккредитованный представитель Соединенных Штатов Америки,— медленно и отчетливо выговорил Джерри,— и старший сын сенатора от Айдахо. После смерти отца я займу его место в сенате. Я свободнорожденный человек, занимающий высокое положение в правительственных кругах моей родины, и всякий, кто назовет меня вахлаком, есть жалкий, никчемный и низкий лжец.

Ну вот — дело сделано! Он молча смотрел, как Сильная Радиация поднимается на ноги. С отчаянием измерял он взглядом ловкость и силу мускулистого, хорошо упитанного тела молодого воина. У Джерри не было ни единого шанса на победу. Во всяком случае при схватке врукопашную, а речь могла идти только о ней.

Сильная Радиация поднял с пола палаш и направил его острие в грудь Джерри Франклина.

— Я мог бы тут же распластать тебя надвое, как луковицу,— сказал он.— Мог бы вызвать на круг с ножами в руках и распороть тебе брюхо. Я бился с команчами и побеждал их. Я сражался с семинолами и убивал их. Я воевал с апачами и одолевал их. Но я никогда не поганил рук кровью бледнолицых и не собираюсь делать этого и теперь. Подобные забавы я оставляю на долю надсмотрщиков в наших поместьях. Отец, я побуду снаружи, пока воздух тут не проветрится! — Затем он бросил зазвеневший палаш к ногам Джерри и вышел.

Однако, прежде чем уйти окончательно, он остановился в дверях и бросил через плечо:

— Старший сын сенатора из Айдахо! Вот уже сорок пять лет как Айдахо — часть владений моей матери. И когда же эти романтические ребятишки перестанут валять дурака и увидят этот мир таким, каков он есть на самом деле!

— Сын, сын...— пробормотал старый вождь.— Молодо-зелено! Диковат немножко. И слишком нетерпим. Но намерения у него хорошие. Это уж так. Намерения у него хорошие.

Он подал знак белым рабам, которые тут же внесли большой сундук, расписанный яркими узорами. Пока вождь рылся в сундуке, Джерри Франклин постепенно приходил в себя. Свершилось почти невероятное: ему не придется драться с Сильной Радиацией и он не потерял лица. Учитывая сложность ситуации, дело обернулось совсем не так уж плохо. Ну а что касается последней шпильки Сильной Радиации, то нельзя же ожидать от индейца понимания таких вещей, как традиции и слава, запечатленные в символе. Когда его отец, стоя под покрытым трещинами куполом Мэдисон-Сквер-Гарден, бросает в лицо вице-президенту США слова:

— Народ суверенного штата Айдахо никогда не захочет и никогда не сможет смириться с налогом на картофель! С незапамятных времен картофель неразрывно ассоциируется со штатом Айдахо, картофель является гордостью айдахской земли!

Люди Бойзе говорят «НЕТ!» налогу на картофель, люди Покателло говорят «НЕТ!» налогу на картофель, холмистые просторы каждой фермы «Жемчужины Скалистых Гор» возглашают «НЕТ, НИКОГДА, ТЫСЯЧУ РАЗ НЕТ» закону о налоге на картофель! — Когда его отец выкрикивает эти слова, он и в самом деле говорит от имени жителей Бойзе и Покателло. Конечно, не от имени сметенного с лица земли Бойзе и безлюдного Покателло наших дней, а от имени тех блистательных городов, какими они были в далеком-далеком прошлом, от лица богатейших ферм, раскинувшихся на обоих берегах Снейк-ривер... И от лица Сан-Велли, Москвы, Айдахо-Фоллз, Амэрикен-Фоллз, Уизера, Гренджвилла, Туин-Фоллз.

— Мы не ожидали твоего прибытия и мало у нас добра, чтобы достойно отблагодарить за привезенные тобой дары,— говорил Три Водородные Бомбы.— Впрочем, есть тут одна безделка. Лично для тебя.

Джерри чуть не задохнулся от неожиданности, принимая подарок. Это был пистолет, настоящий, новехонький пистолет! И небольшая коробка патронов к нему! Пистолет, сработанный на одной из использующих труд белых рабов фабрик сиу где-то на Среднем Западе, о котором ему столько приходилось слышать! Но держать его в руках, но знать, что он принадлежит ему...

— Не знаю, смею ли я... ведь это... я... я...

— Пустяки, пустяки,— добродушно прервал его вождь.— Все в порядке. Мой сын, конечно, был бы против передачи оружия в руки бледнолицего, но я считаю, что бледнолицые такие же люди, как и все,— все дело в том, каков человек, каковы его индивидуальные качества. Хоть ты и бледнолицый, но кажешься мне человеком, сознающим свою ответственность, и я уверен, что оружием ты будешь пользоваться с умом. Ну а теперь перейдем к твоему поручению.

Джерри собрался с мыслями и развязал сумочку, висевшую у него на шее. Точно священнодействуя, он вынул драгоценный документ и вручил его вождю.

Три Водородные Бомбы быстро пробежал его глазами и передал своим советникам. Прочитавший его последним Яркая Суперобложка смял документ в комок и швырнул его бледнолицему.

— Безграмотно! — сказал он.— Слово «получать» трижды написано по-разному, хотя всем известно, что оно пишется через «о». А самое главное — какое отношение имеет эта писанина к нам? Она адресована вождю семинолов Оцеоле VII и требует, чтобы он отвел своих воинов обратно на южный берег реки

Делавэр или вернул бы заложников, взятых у правительства США в знак доброй воли и миролюбивых намерений. Мы — не семинолы, зачем же показывать эту бумагу нам?

Пока Джерри Франклин с предельной тщательностью разглаживал смятый документ и прятал его в сумочку, заговорил посол Конфедерации Сильвестр Томас.

— Думаю, что смогу это объяснить,— сказал он, переводя вопрошающий взгляд с одного лица на другое.— Если джентльмены не возражают... По-видимому, правительство Соединенных Штатов узнало, что какое-то индейское племя перешло Делавэр в том месте, где мы сейчас находимся, и решило, что это семинолы. Последний по времени маневр семинолов был, как вы знаете, нацелен на Филадельфию, что привело к эвакуации оттуда столицы и переносу ее в Нью-Йорк. Ошибка вполне простительна — коммуникации в американских государствах, что в Союзных Штатах, что в Конфедерации (тут последовал негромкий, похожий на кашель дипломатический смешок), не столь хороши, как можно было бы ожидать в наши времена. Совершенно очевидно, что ни этот молодой человек, ни правительство, которое он столь добросовестно и умело представляет, не имели ни малейших оснований предположить, что сиу решат опередить его величество Оцеолу VII и перейдут Делавэр у Ламбертвилла.

— Совершенно верно,— поторопился вмешаться Джерри.— Именно так все и было. И теперь, как аккредитованный посол правительства Соединенных Штатов, я считаю своим долгом формально потребовать от народа сиу соблюдения договора, заключенного одиннадцать лет назад, а также договора, подписанного пятнадцать... да, мне кажется, именно пятнадцать лет назад, и вновь отойти за реку Саскуэханну. Я принужден напомнить, что, когда мы ушли из Питтсбурга, Алтуны и Джонстауна, вы поклялись, что сиу больше не станут покушаться на наши земли и будут уважать наши права на то немногое, чем мы еще владеем. Я уверен, что сиу хотят, чтобы об их народе говорили как о людях, уважающих собственные обещания.

Три Водородные Бомбы вопросительно посмотрел на лица Яркой Суперобложки и Внемлите Вести. Потом наклонился вперед и оперся локтями о колени.

— Ты хорошо говорил, юноша. Ты делаешь честь своему вождю... Но понимаешь ли... Разумеется, сиу хотят, чтобы их считали народом, уважающим договоры и свято блюдущим свои обещания. Ну и так далее и тому подобное. Но наша численность неуклонно растет. У вас же она не увеличивается. Нам нужно все больше и больше земли. Вы же не используете и большую

часть той, которая у вас есть. Так что же — мы должны молча сидеть и смотреть, как эта земля приходит в запустение, больше того, наблюдать, как эту землю захватывают семинолы, и без того владеющие огромной территорией, которая простирается от Филадельфии до Ки-Уэста? Будьте же благоразумны! Вы можете отступить в другие места. У вас еще осталась почти вся Новая Англия и большой кусок штата Нью-Йорк. Конечно же, вы без труда можете расстаться с Нью-Джерси.

Против собственной воли, невзирая на свое официальное положение посла, Джерри чуть не закричал. Возложенная на его плечи ноша внезапно стала непереносимо тяжелой. Одно дело — с горечью пожимать плечами, находясь там, дома, среди колоссальных руин Нью-Йорка, и совсем другое — быть тут, в самом фокусе событий. Нет, тут бремя, казалось, могло переломить хребет.

— Так с чем же еще нам следует расстаться?! Куда еще мы должны отступить? И без того от Соединенных Штатов не осталось ничего, кроме нескольких жалких тысяч квадратных миль, а от нас снова требуют отступления! Во времена моих прадедов мы были великим народом, наша страна, как гласят легенды, простиралась от океана до океана, а теперь мы ютимся в захолустном уголке былой территории — голодные, грязные, больные, вымирающие и опозоренные. С севера на нас давят оджибуэи и кри, нас неуклонно оттесняют на юг ирокезы; на юге нашу землю ярд за ярдом захватывают семинолы, а с запада сиу проглатывают кусок Нью-Джерси, тогда как шайенны подходят и отрезают кусок от Элмайры и Буффало. Когда же придет этому конец и доколе мы будем отступать?

Старому вождю было явно не по себе от страдания, звучавшего в голосе Джерри.

— Да, это тяжело, не стану отрицать, это очень тяжело. Но факты — упрямая вещь, и они говорят, что слабых всегда припирают к стене... Ну а теперь вернемся к твоей миссии. Если мы не отступим, как того требуете вы, то тебе надлежит попросить вернуть заложников. Мне это представляется справедливым. Впрочем, хоть убей, не помню, есть ли они у нас. Брали мы у вас заложников?

С опущенной головой, ощущая каждой клеточкой тела невероятную усталость, Джерри горько пробормотал:

— Да. Все индейские племена, граничащие с нами, берут заложников. Как знак нашей доброй воли и мирных намерений.

Яркая Суперобложка щелкнул пальцами:

— Девка! Сара Камерон... Кантон... что-то в этом роде.

Джерри поднял глаза:

— Кэлвин? — спросил он.— Неужели Кэлвин, Сара Кэлвин, дочь председателя Верховного Суда Соединенных Штатов?

— Сара Кэлвин. Точно, она. Живет у нас лет пять-шесть. Помнишь, вождь? Та самая девка, с которой путается твой сын.

Три Водородные Бомбы удивился:

— Неужели она заложница? Я-то полагал, что это просто бледнолицая девка, которую он вывез с собственных плантаций в Южном Огайо. Так-так-так... У Сильной Радиации губа не дура, это уж точно.— Внезапно он посерьезнел: — Но ведь эта девушка ни за что не захочет уехать. Уж очень ей по нраву пришлась любовь индейцев. Прямо с ума по ним сходит. К тому же она вбила себе в голову, что мой сын обязан жениться на ней или что-то в этом духе...

Он внимательно поглядел на Джерри:

— Вот что, юноша... Не подождешь ли ты снаружи, пока мы тут обговорим кое-что? И забери палаш. Возьмешь его с собой. Моему сыну он, видно, не пришелся по вкусу.

Джерри устало поднял палаш и волоча ноги вышел из вигвама. Тупо, без всякого интереса глядел он на толпу воинов сиу, окруживших Сэма Резерфорда и его лошадей. Когда толпа на мгновение раздвинулась, он увидел Сэма с бутылкой в руке. Текила! Проклятый идиот позволил себе взять у индейцев текилу и теперь пьян как свинья. Разве он не знает, что белые не могут, не смеют пить? Каждый квадратный дюйм еще не отобранной у них пашни засеивается продовольственным зерном, и все же они вечно балансируют на грани голода. В их экономике нет мест для такой роскоши, как алкоголь. Ни один белый за всю свою жизнь в обычных обстоятельствах не выпивал и стакана виски. А бутылка текилы буквально валила его с ног.

Именно это и произошло с Сэмом. Заплетающимися ногами он описывал кривые полукружия, держа бутылку за горлышко и размахивая ею с идиотским выражением лица. Сиу посмеивались, подталкивали друг друга локтями и показывали на Сэма пальцами. Его рваная одежда на груди и животе была измазана блевотиной, он попытался сделать еще один глоток и рухнул на спину. Текила текла по его лицу, пока бутылка не опустела. Сэм громко захрапел. Сиу, покачивая головами, с выражением брезгливости на лицах, разошлись.

Джерри смотрел, и в его сердце ширилась боль. Куда идти? Что делать? И что может измениться? Может быть, лучше уж напиться, как напился Сэмми? По крайней мере забудешь обо всем.

Он взглянул на палаш в одной руке и на блестящий пистолет в другой. По логике вещей ему надлежало бы выбросить их.

Разве не чудовищна, если посмотреть правде в глаза, разве не жалка эта картина — вооруженный белый человек?

Из вигвама вышел Сильвестр Томас.

— Готовьте лошадей, уважаемый сэр,— шепнул он.— Будьте готовы ехать, как только я вернусь. Торопитесь!

Юноша, сутулясь, побрел к лошадям и нехотя принялся за работу — надо же в конце концов чем-то занять себя... Куда ехать? Зачем ехать?

Он поднял Сэма Резерфорда и привязал к спине лошади. Возвращаться домой? Обратно в великую, могучую и достославную столицу того, что когда-то звалось Соединенными Штатами Америки?

Томас вернулся, неся в объятиях связанную девушку с заткнутым кляпом ртом. Она извивалась как безумная. Ее глаза горели гневом и непокорством. Она все время силилась побольнее ударить ногой посла Конфедерации.

На девушке была богатая одежда принцессы-индианки. Ее волосы были заплетены в косы, как это считалось сейчас модным у женщин народа сиу. Лицо было тщательно выкрашено какой-то стойкой темной краской.

Сара Кэлвин, дочь верховного судьи. Они привязали ее к седлу вьючной лошади.

— Вождь Три Водородные Бомбы,— объяснил негр,— считает, что его сын слишком много возится с бледнолицыми женщинами. И поэтому хочет отделаться хотя бы от этой. Мальчишке пора остепениться и учиться искусству руководить. Отъезд этой девицы может оказаться полезным. И, знаете, вы понравились вождю. Он велел мне передать вам кое-что.

— Благодарю. Благодарю за любое одолжение, каким бы незначительным и унизительным оно ни было.

Сильвестр Томас осуждающе покачал головой:

— Ни к чему эта горечь, молодой сэр. Чтобы жить дальше, необходимо мужество, а быть одновременно мужественным и разочарованным невозможно. Вождь хочет, чтобы вы знали, что возвращаться назад нет смысла. Он не мог сказать это открыто на Совете, но причина, заставившая сиу захватить Трентон, ничего общего не имеет с семинолами, которые стоят на южном берегу реки. Эта причина связана исключительно с коалицией оджибуэев, кри и ирокезов на севере. Эта коалиция решила захватить восточное побережье, на котором лежат остатки вашей страны. Сейчас воины коалиции, вероятно, уже вступили в Ионкерс или Бронкс, то есть в пределы собственно Нью-Йорк-Сити. В ближайшие часы ваше правительство перестанет существовать. Вождь был предварительно осведомлен об этом и

почел необходимым в интересах сиу захватить до того, как положение стабилизируется, нечто вроде плацдарма на побережье. Оккупировав Нью-Джерси, он предотвратил соединение оджибуэев и семинолов. Однако вы ему понравились, как я уже говорил, и он хочет отговорить вас от возвращения домой.

— Прекрасно. Но куда же мне деваться? На небо? Под землю?

— Нет,— ответил без улыбки мистер Томас. Он подсадил Джерри в седло.— Вы могли бы вместе со мной уехать в Конфедерацию...— Он помолчал и, поскольку горечь не исчезла с лица Джерри, продолжил: — Что же, тогда я посоветовал бы (но имейте в виду, что это мой совет, а не совет вождя) отправиться отсюда прямо в Асбери-Парк. Это недалеко, и вы успеете добраться до него, если поедете быстро. Согласно сведениям, которые мне удалось подслушать, там стоят корабли военного флота США, точнее, их 10-го флота.

Джерри наклонился с седла и пожал руку Томаса.

— Спасибо,— сказал он.— Вы для меня сделали так много. Я глубоко вам признателен.

— Не стоит говорить об этом,— ответил Томас.— Счастливого пути, счастливой плазмы, как говорили когда-то! В конце концов, мы ведь раньше были единым народом.

Джерри тронулся, ведя в поводу двух других лошадей. Он ехал быстро, насколько позволяло дурное состояние дороги. К тому времени как они достигли шоссе № 33, Сэм Резерфорд, хотя еще и не вполне протрезвился и не очень хорошо себя чувствовал, но уже мог сам держаться в седле. Они развязали Сару Кэлвин и скакали по обеим сторонам ее лошади.

Она кляла их и рыдала:

— Грязные бледнолицые! Мерзкие, подлые, вонючие белокожие! Я индианка, разве вы не видите, что я индианка! Моя кожа не бела, она красная, красная!

Они ехали, не обращая внимания на ее вопли.

Асбери-Парк являл угнетающее зрелище смешения лохмотьев, безалаберщины и беженцев. Тут были беженцы с севера из Перт-Амбоя и даже из Ньюарка. Здесь были беженцы из Принстона на западе, гонимые наступающими сиу. И с юга — из Атлантик-Сити и, даже трудно поверить, из Кемдена — тоже были беглецы, рассказывавшие о внезапном вторжении семинолов, которые пытались зайти во фланг армиям Трех Водородных Бомб.

На трех лошадей смотрели с завистью, невзирая на их истомленный и истощенный вид. Для голодных это была еда, для трусов — средство для бегства. Джерри быстро усвоил пользу

от палаша. Впрочем, пистолет был еще лучше — им стоило только пригрозить. Мало кто из этих людей видел пистолеты в действии: у всех был неодолимый сверхъестественный ужас перед огнестрельным оружием.

Установив это обстоятельство, Джерри смело вошел в помещение штаба военно-морского флота на набережной Асбери-Парка, держа в правой руке обнаженный пистолет. Сэм Резерфорд шел рядом. Сзади тащилась, все еще рыдая, Сара Кэлвин.

Адмиралу Мильтону Честеру Джерри объявил о своем звании и звании своих спутников. Сын заместителя Государственного секретаря... Дочь председателя Верховного Суда... Старший сын сенатора от Айдахо...

— И еще вот это. Признаете ли вы значение этого документа?

Адмирал Честер медленно прочел измятый документ, повторяя про себя наиболее трудные слова. Закончив читать, он почтительно склонил голову, внимательно рассмотрел сперва государственную печать на бумаге, а затем блестящий пистолет в руке Джерри.

— Да,— сказал он.— Его значение я признаю. А пистолет настоящий?

Джерри кивнул:

— «Крейзи Хорс» сорок пятого калибра. Самая последняя модель. И в чем же вы видите его значение?

Адмирал всплеснул руками:

— Обстановка крайне запутанная! Согласно последним донесениям, воины оджибуэев уже вступили в Манхэттен и, значит, правительства Соединенных Штатов больше не существует. Но вот этот документ...— тут он снова склонился над бумагой,— говорит о вашем назначении на пост чрезвычайного посла, и он подписан самим президентом. О назначении послом к семинолам, разумеется, но все же чрезвычайным. Это, как я понимаю, последнее по времени официальное назначение, сделанное президентом Соединенных Штатов Америки.

Он протянул руку и дотронулся до пистолета в руке Джерри — с любопытством и опаской. Потом кивнул, как будто только что пришел к твердому решению. Встал и с шиком отдал честь.

— Отныне признаю вас единственным и высшим представителем власти правительства Соединенных Штатов. Отдаю свой флот в ваше распоряжение.

— Отлично! — Джерри сунул пистолет за ремень. Потом взмахнул палашом.— Хватит ли у вас продовольствия и воды для дальнего плавания?

— Нет, сэр,— ответил адмирал Честер.— Но все будет готово через несколько часов от силы. Разрешите проводить вас на борт, сэр?

И он с гордостью показал на берег, где за полосой прибоя на якорях стояли три тридцатипятитонные парусные шхуны.

Несколькими часами позже, когда все три судна покачивались носом в сторону открытого моря, адмирал вошел в переполненную главную каюту, где отдыхал Джерри Франклин. Сэм Резерфорд и Сара Кэлвин спали на верхних койках.

— Каковы будут приказания, сэр?..

Джерри Франклин вышел на узкую палубу, взглянул на туго надутые, залатанные паруса.

— Курс на восток!

— На восток, сэр? Прямо на восток?

— Прямо на восток и только на восток! К сказочным берегам Европы! К тем местам, где белый человек еще, возможно, стоит на собственных ногах! Где он не должен бояться преследований! Где нет опасности стать рабом! Курс на восток, адмирал, пока мы не откроем нового, исполненного надежды мира — мира свободы!

Шоколадно-Молочное Чудище

Едва открыв глаза и увидев цвет неба, форму облаков и невероятный ландшафт вокруг, Картер Браун уже точно знал, где находится. Для этого ему не понадобилось внюхиваться в сладковато-приторный запах, буквально ударяющий в ноздри, или детально исследовать темно-коричневую, мягко журчащую реку, текущую между двумя невысокими конусообразными холмами, совершенно одинаковыми по форме и покрывающей их растительности.

Никаких сомнений — после того как в течение полутора десятков наполненных ужасом секунд Картер созерцал абсолютной голубизны небо («Голубее не бывает»,— мрачно пошутил он) и плывущие по нему овальные розово-белые облака. Ни малейших — если сюда прибавить еще и хлопающих крыльями птиц, каждая из которых выглядела как буква V с чуть загнутыми наружу и вниз концами.

Только одно место во Вселенной могло похвастаться таким вот ландшафтом, такой атмосферой, такими птицами. Это был Мир Шоколадно-Молочного Чудища.

«Господи, помоги мне,— подумал Картер.— Неужели теперь это станет и моим миром тоже?»

Он вспомнил странную, необычайно яркую вспышку, пронзившую его перед этим,— словно молния ударила в него изнутри. С Лией он распрощался на лужайке около ее дома и по небольшой аккуратной улочке направился туда, где оставил свой MG. Играя ключами от автомобиля, он еще, помнится, представлял себе, как проведет с Лией вечер пятницы («Если во второе свидание вам не удается заманить девушку к себе домой,— полагал он,— считайте, вы потерпели фиаско»), когда заметил, что из-за живой изгороди немигающим взглядом за ним наблюдает Шоколадно-Молочное Чудище. Наверное, она тащилась за ними от самого кафе

А затем — эта вспышка и совершенно противоестественное ощущение, будто его вырвали из привычной обстановки и зашвырнули в другое место. И теперь он открыл глаза.

Чувство горечи переполняло его. Начать с того, что свидание происходило в кафе-мороженом вместо настоящего бара. Впрочем, бар — не очень подходящее место, чтобы водить туда девушку в воскресенье в полдень. Да и не идти же со школьной учительницей в бар неподалеку от дома, где она живет? Гораздо дальновиднее накачать ее безобидной содовой, по осенним улицам проводить до дома, всю дорогу ведя себя исключительно по-джентльменски; отклонить приглашение зайти познакомиться со «стариками», сославшись на необходимость закончить важный отчет, который должен быть готов к завтрашней конференции, ведь для мужчины дело прежде всего, и потом вернуться в Манхэттен с приятным сознанием того, как умно проведено обольщение.

К несчастью, в этом плане оказались не учтенными некоторые побочные факторы — невидимые силы, например.

Особого смысла в проверке Картер не видел, но все же окончательно убедиться стоило. Хотя бы для того, чтобы начать по-настоящему беспокоиться. И разрабатывать план бегства.

По аккуратно постриженной траве мимо больших блестящих цветов Картер подошел к коричневой реке. Опустился на колени, сунул палец в густую жидкость и лизнул ее. Шоколад. Ну, конечно.

На всякий случай он себя ущипнул. Больно. Нет, с самого начала было ясно, что это не сон. Потому, во-первых, что во сне редко осознаешь, что спишь.

Все было совершенно реально.

Шоколад вместо питья. А вместо еды...

Два невысоких холма заросли карликовыми деревьями, с которых свешивались завернутые в целлофан леденцы на палочке, на каждом дереве — своего цвета. Здесь и там из земли торчали конфетные кусты и конусы рождественских елок с маленькими пирожками на ветках, пирожными и прочими угощениями — по большей части из шоколада.

Ярко светило солнце, но шоколадные подарки не таяли. И шоколадная река с тихим плеском неустанно бежала вдоль берегов Наверное, ей было откуда и куда течь.

Внезапно Картеру сделалось совсем уж не по себе. Раз тут есть река, значит, может пойти шоколадный *дождь?* Наверняка Шоколадно-Молочное Чудище предусмотрело и такую возможность.

Лии не понравилось это прозвище.

— Она всего лишь маленький толстый ребенок. Немного необычный, немного нервный. И она сгорает от любопытства — что это за незнакомый молодой человек поит ее учительницу содовой?

— Все это хорошо, но я ведь считаю,— стоял на своем Картер.— Пять шоколадно-молочных коктейлей с тех пор, как мы здесь сидим. *Пять*! И заметь, она ни на мгновенье не сводит с нас взгляда, даже когда вынимает новую трубочку.

— У нас многие дети тратят денег гораздо больше, чем следовало бы с точки зрения пользы. Родители Дороти в разводе. У матери полжизни уходит на магазины, отец — вице-президент банка. И оба используют свои деньги как рычаг в борьбе за ее привязанность. Она проводит в этом кафе почти все свое время. Знаешь, Картер, происходит психологическое замещение своего рода: когда я была маленькой, родители в знак любви давали мне еду; следовательно, еда эквивалентна любви. Понимаешь?

Картер кивнул. Он прекрасно знал о подобном психологическом замещении. Как человек, не склонный пасовать перед трудностями, и удачливый в любовных делах молодой холостяк, он изучал Фрейда так старательно, как какой-нибудь лейтенант времен Первой мировой войны — Клаузевица.

— Ты чертовски женственна,— нежно польстил он девушке, используя любую возможность подчеркнуть, что его больше всего интересует эта ее особенность.— Только настоящая женщина способна разглядеть в этом шаре свиного сала, в этом пухлом Шоколадно-Молочном Чудище...

— Она не такая, Картер! Нельзя называть запутавшуюся в своих желаниях маленькую девочку этим ужасным прозвищем! Хотя...— Длинной трубочкой Лия подняла вихрь пузырьков в мутном осадке содовой у себя в стакане.— Хотя забавно, что именно это тебе пришло в голову. Так, или чем-то в этом роде, дразнят ее ребята в классе. Они рассказывают о ней всякие нелепые вещи... Будто она взглядом заставляет исчезать камни и цветочные горшки. Дети подражают взрослым, вот и все. Делают ведьму из той, кто не пользуется у них популярностью.

Он предпринял новый заход.

— Уверен, из тебя они ничего такого не делают. Стоит посмотреть на тебя, и становится ясно, что любовь и нежность...

— Некоторые вещи просто берут за душу,— остановила она его, сама этого не заметив.— Как-то я попросила их написать сочинение о самом счастливом дне, который им запомнился больше всего. Знаешь, о чем написала Дороти? О дне, проведенном в мире своей мечты, дне, которого никогда не было на

самом деле. Это было замечательно сделано — для ребенка ее возраста. Множество дорогих ее сердцу символов типа пирожных и леденцов. В этом мире пахнет, как в кафе-мороженом. Только представь себе! Там был прекрасно написанный отрывок — ты ведь способен оценить хороший стиль, Картер, я знаю — о двух симпатичных невысоких холмах, поросших деревьями с леденцами, причем на каждом дереве леденцы разные. А между холмами течет река из чистого шоколада...

Картер сдался, закурил и посмотрел поверх серьезного, но из-за этого не менее очаровательного лица девушки. На безобразно толстую девочку, чей жирный зад не умещался на стуле, рот безостановочно поглощал шоколадно-молочный коктейль, а глаза неотрывно смотрели на него. И как-то так получилось, что именно он был вынужден первым отвести взгляд.

— ...даже на уроке рисования,— продолжала Лия.— Она никогда не рисует ничего другого. Этот выдуманный мир абсолютно реален для бедной девочки — такой одинокой, такой истосковавшейся по друзьям! Ничего иного от ее рисунков я уже и не жду — только плоское голубое небо с овальными розовыми облаками, только странные птицы с изогнутыми крыльями, только шоколадная река и кусты, на которых висят всякие сладости. Правда, для ребенка с ее интеллектом графика чуть-чуть слабовата. Она рисует примерно так, как дети возрастом младше ее года на два. Но этого следовало ожидать: у нее чисто буквальный, концептуальный, можно сказать, склад ума...

Можно также сказать, что избранная для разговора тема раздражала Картера тем, что без всякой пользы уводила разговор в сторону. Зажав в зубах сигарету, Картер снова осторожно перевел взгляд на Шоколадно-Молочное Чудище; ее глаза по-прежнему были прикованы к нему. Что она в нем такого притягательного нашла? А-а, понятно. Наверняка ее отец типичный бизнесмен с Мэдисон-авеню: одежда, вот что, скорее всего, ее привлекало. Картер имел все основания гордиться своим гардеробом. Его одежда была выдержана в нарочито хорошем вкусе — сочетание бросающейся в глаза строгости и едва заметного налета вульгарности.

Да, так оно и есть. Он напоминает ей отца. Ее богатого папочку.

Почувствовав, что начинает собой гордиться, Картер в резком приступе отвращения загасил окурок. Вот уж эта чертова музыка Мэдисон-авеню, до чего же она прилипчива! Вы смеетесь над ней, высмеиваете перед другими, читаете книги, где ее высмеивают,— а потом сами вдруг замечаете, что мотивчик-то у вас на губах. Картер ей напомнил отца, вице-президента

банка, скорее всего — человека преуспевающего. Ну и что здесь такого? Разве это свидетельствует о том, что Картер Браун погряз в буржуазности? Вовсе нет, вовсе нет. Он всего лишь хорошо образованный, умный и удачливый молодой человек, сумевший пробиться в хорошо оплачиваемый, интеллектуальный бизнес, изюминкой которого как раз и является удача.

И при всем при том, добавил он справедливости ради, такой циничный и недалекий, что при виде девочки, столь вопиюще, столь ужасающе несчастной, ему в голову не пришло ничего иного, кроме этого остроумного и — увы! — достаточно меткого прозвища.

Теперь Лия. Лиина корневая система чересчур тесно сплетена с корнями других людей. Она любит свою работу, но явно вкладывает в нее слишком много души. Да, так оно и есть. Достаточно послушать ее разговоры! Посмотреть в ее сияющие глаза!

— ...Остальные дети были просто ошеломлены. Или вот еще, когда я попросила их загадывать загадки. Знаешь, что загадала Дороти, когда подошла ее очередь? Только вдумайся, Картер. Она задала классу такой вопрос: «Кто съест вас скорее — огромная гусеница или миллион крошечных львов?» Вот я и говорю, что девочка с таким богатым воображением...

— С таким неумением приспосабливаться к окружающей обстановке,— поправил он.— Знаешь, по-моему, она серьезно больна. Интересно было бы проверить ее на тест Роршаха. Огромная гусеница или миллион маленьких львов... надо же такое придумать! Не знаешь, ее когда-либо водили к психотерапевту?

Лия мрачно улыбнулась.

— Ее родители люди состоятельные, я тебе уже говорила. Подозреваю, что она использует все преимущества своего положения. Включая и бесконечные стычки из-за того, к какому ей доктору ходить, папиному или маминому. В чем девочка действительно нуждается, того ей никто дать не может: других родителей или, по крайней мере, одного из них, но чтобы он на самом деле заботился о ней.

С этим Картер никак не мог согласиться.

— Гораздо больше толку было бы, если бы нашлась пара ребят, которые относились бы к ней с симпатией и приняли бы ее в свой круг. Если и существует что-то, что можно вывести из анализа нашего поведения, так это то, какие мы, без всяких исключений, общественные животные. Без цементирующей среды товарищества, без интереса и одобрения хотя бы немногих наших сверстников, мы не просто перестаем понимать, что

к чему,— мы вообще не можем считаться людьми. Отшельники никакие не люди; не знаю в точности, кто они такие, но не люди наверняка. А поскольку этот ребенок психологический отшельник, на самом деле она тоже не человек. Она что-то другое.

Минут через пятнадцать стало ясно, что успех у Лии ему обеспечен. Однако к этому моменту он слишком прочно увяз в проблеме, каким образом можно помочь ребенку вроде Дороти обрести друзей. Это стало чем-то вроде idee fixe, хотя его специальностью была психология групп, а не личностей; и, как всякая idee fixe, она настолько завладела им, что все остальное отступило на второй план.

В конце концов именно Лия сменила тему их разговора; именно Лия намекнула на возможность следующей встречи. Он сумел взять себя в руки и заговорил о том, что они будут делать, когда вечером в следующую пятницу она приедет в город на свидание с ним. В итоге все обернулось как нельзя лучше.

Но когда они покидали кафе, Картер бросил через стекло витрины последний взгляд на Шоколадно-Молочное Чудище. Повернувшись на своем стуле, она, все еще с соломинкой во рту, следила за ним глазами, которые наводили на мысль о паре изголодавшихся акул.

А дальше, ясное дело, она шла за ними до самого дома Лии. *Что* она с ним все-таки сделала? И как она *это* сделала? И... *зачем?*

Он сердито пнул ногой камень, наблюдая за тем, как тот запрыгал по траве и с всплеском плюхнулся в густую коричневую реку. Интересно, Дороти извлекла этот камень из реального мира? Как? Зачем? Впрочем, «зачем» — понятно. Наверное, проверяла таким способом свое могущество.

Могущество? Может, нужно другое слово? Талант, или дар, или необычные способности — так, пожалуй, будет вернее.

Теперь, если учесть достаточно развитое мышление, если учесть, что в детском сознании обитает сильная личность, чувствующая себя несчастной, если учесть непопулярность у товарищей и общий невроз, обострivший это мышление и добавивший сил этой личности, то... что? *Что* из всего этого получится?

Внезапно он вспомнил, о чем думал непосредственно перед тем, как очутился в этом леденцовом мире. Он только что расстался с Лией, с удовольствием представлял себе вечер пятницы, как вдруг заметил девочку и снова подумал, что у нее точно проблемы. Это надо же! Она шла за ними от самого кафе, по-прежнему одна. В своем ли она уме?

Выстраивалась определенная последовательность. Первое: она изголодалась по людям, это несомненно! Второе: не по людям в принципе, а по детям своего возраста. Кстати, что вообще делать детям вроде нее? Третье: какие у нее мотивы; что творится у нее в голове? Давай поломай голову, специалист по решению серьезных проблем.

И потом эта ужасная вспышка, и он открывает глаза здесь.

Короче, у него было нечто, что могло способствовать решению ее проблемы. Причина крылась не только в ней. Он попытался отчетливо представить себе, что у девочки на уме, как она делала... то, что делала.

Нет, требовалось, однако, что-то и от нее, чтобы все это произошло. И независимо от того, как *это* называть — талант, могущество, особые способности,— она *это* имела. И применила на нем.

Картер внезапно вздрогнул, вспомнив ее загадку.

Озабоченный тем, чтобы направить беседу с Лией в более выгодное для себя русло, он пропустил мимо ушей половину рассказанного ею о фантазиях девочки и теперь ужасно жалел об этом. Чтобы выбраться отсюда целым и невредимым, чтобы выжить, ему необходимо использовать каждый клочок информации о Дороти.

Как-никак, именно ее убогие желания превратились теперь в непреложные законы природы, которым он должен подчиняться.

Тут Картер заметил, что он больше не один. Его окружали дети. Они словно материализовались неизвестно откуда — вопя, играя, подпрыгивая, карабкаясь. И там, где кричали громче всего, где в играх участвовало больше детей, там была Дороти, Шоколадно-Молочное Чудище. Дети скакали вокруг нее, словно струи вокруг статуи, возвышающейся в центре фонтана.

Она стояла среди них, но глядела только на Картера. И ее взгляд вызывал еще большее чувство неловкости, чем прежде. Несравненно большее, если уж на то пошло. На ней были все те же голубые джинсы и желтый кашемировый свитер с грязными пятнами. Она казалась выше, чем на самом деле, и чуть возвышалась над всеми остальными детьми. И она казалась стройнее. Теперь, положа руку на сердце, ее можно было назвать разве что пухленькой.

И у нее не было прыщей.

Картера разозлило, как быстро ему пришлось опустить взгляд. Но смотреть на нее было все равно, что на слепящий прожектор.

— Посмотри на меня, Дороти! — кричали дети.— Видишь? Я прыгаю! Видишь, как высоко я прыгаю?

— Давай поиграем в пятнашки, Дороти! — вопили они.— В пятнашки! Выбери, кому водить!

— Придумай новую игру, Дороти! Ты так здорово их придумываешь!

— Давай устроим пикник, эй, Дороти?

— Дороти, давай бегать наперегонки!

— Дороти, поиграем в дом!

— Дороти, давай прыгать через веревку!

— Дороти...

— Дороти...

— Дороти...

Как только она заговорила, все дети сразу же смолкли. Они перестали бегать, они перестали кричать, они перестали делать то, что делали до этого, и уставились на нее.

— Это славный человек,— сказала она.— Он поиграет с нами. Ведь поиграете, мистер?

— Нет,— сказал Картер.— Я бы не против, но боюсь, что...

— Он поиграет с нами в мяч,— невозмутимо продолжала она.— Смотрите, мистер. Вот мяч. Такой славный человек не откажется поиграть с нами.

Она зашагала к нему, держа в руках неизвестно откуда взявшийся мяч, и дети всей гурьбой бросились за ней.

Картер все еще подыскивал слова, с помощью которых мог бы объяснить, что в данный момент ему хочется не играть в мяч, а побеседовать с Дороти с глазу на глаз, разобраться, так сказать... Однако мяч вдруг полетел в его сторону, и он с удивлением обнаружил, что играет.

— Видишь ли, я обычно не...— бормотал он, ловя и бросая мяч, ловя и бросая его.— Сейчас мне не до того, но как-нибудь в другой раз...

В каком бы направлении он ни бросал мяч, сколько бы детских рук ни тянулось к нему, мяч всегда оказывался у Дороти, которая тут же швыряла его обратно Картеру.

— Эй, Дороти! — вопили дети.— Вот здорово!

— С удовольствием поиграю с вами, как только закончу свои...— Картеру приходилось нелегко, и он уже начал задыхаться.

— Эй, Дороти! Замечательная игра!

— Такой славный человек!

— Вот здорово!

Наконец Дороти забросила мяч вверх, и он исчез.

— Давайте поиграем в чехарду,— сказала она.— Вы ведь сыграете с нами в чехарду, мистер?

— Прошу прощения.— Тяжело дыша, Картер все же согнулся и уперся руками в колени, давая ей возможность перепрыгнуть через себя.— Я уже сто лет не играл в чехарду и не собираюсь...— Он побежал вперед, уперся руками в спину Дороти, перепрыгнул через нее и тут же снова наклонился в ожидании ее прыжка.— Мне чехарда никогда не нра...

Они играли в чехарду, пока у него не закружилась голова и при каждом вдохе не начало возникать ощущение, словно грудь рвут когтями.

Дороти грациозно уселась на землю; дети столпились вокруг, с обожанием глядя на нее.

— Теперь нам хочется послушать сказку. Пожалуйста, мистер, расскажите что-нибудь.

Картер яростно запротестовал, но его возражения странным образом перешли в сказку о Златовласке и трех медведях. Излагая ее, он то и дело останавливался и открытым ртом хватал воздух. Потом он рассказал сказку о Красной Шапочке, а потом еще одну, про Синюю Бороду.

Где-то к концу последнего повествования Дороти исчезла. Однако дети остались, и Картер волей-неволей продолжил свой рассказ. Дети выглядели испуганными. Некоторые вздрагивали, другие вскрикивали и плакали.

За последние несколько минут заметно стемнело. Как только Картер закончил с Синей Бородой и без остановки протараторил: «Жил-поживал бедный, но честный дровосек, и было у него двое детей, которых звали Ганс и Гретель», по небу заскользило огромное черное облако и внезапно устремилось вниз, к ним.

Высунувшаяся оттуда ужасная ярко-красная рожа с огромным носом и блестящими белыми зубами взревела так громко, что земля задрожала. Потом рожа заскрежетала зубами — словно на складе с глиняной посудой загрохотал взрыв.

Дети вытаращили глаза, завопили и пустились бежать.

— Дороти! — кричали они.— Дороти, спаси нас! Это Злыдень! Спаси нас, Дороти, спаси нас! Дороти, где ты?

Картер рухнул на траву, наконец-то свободный от повинности сказочника, но полностью вымотавшийся. Он слишком устал, чтобы бежать; был слишком выбит из колеи, чтобы волноваться из-за того, что еще может с ним приключиться. Впервые за несколько последних часов тело, казалось, снова стало подчиняться его командам; однако в данный момент от этого было мало проку.

— Эй, Мак! — с нотками сочувствия произнес голос у него над головой.— Они тебя «достали», да?

Это была красная рожа из облака. Сейчас она выглядела вовсе не страшной, а просто озабоченной и даже пожалуй что дружелюбной. Затем она начала резко мельчать, пока не достигла обычных человеческих размеров. Теперь это было просто загорелое морщинистое лицо, с седой неопрятной отросшей за несколько дней щетиной, с носом в красных прожилках. Человек встал на корточки на краю облака и спрыгнул на землю с высоты около шести футов.

Он был далеко не молод, средней комплекции, в серых штанах из грубой ткани, коричневой рубашке навыпуск и поношенных, грязных брезентовых тапках на босу ногу, на одном из которых была дыра на подошве. В нем проглядывало что-то неуловимо знакомое; Картер подумал, что все бездельники похожи один на другого. Типичный тупой опустившийся отщепенец, из тех, кого принято называть «отбросами общества», но...

Это был взрослый человек.

Картер вскочил и с горячностью протянул ему руку. Рукопожатие было вялым, несмелым, с оттенком униженности; так, наверное, освободившийся из тюрьмы заключенный прощается со своим охранником.

— Мак, ты не против выпить?

— Очень даже не против,— ответил Картер от всей души.— А как я рад тебя видеть!

«Отброс» кивнул, вскинул руку и подтянул черное облако поближе к себе. Зашарил внутри и вытащил бутылку, наполовину пустую. Оставшаяся в ней янтарная жидкость выглядела как положено, хотя этикетки на бутылке не оказалось.

— Я Эдди, хотя они меня кличут Злыдень,— сказал он, протягивая Картеру бутылку.— Без стакана-то сможешь? Стаканов нет.

Картер пожал плечами, обтер горлышко бутылки ладонью, поднес ее ко рту и сделал хороший глоток.

— Ух ты!

Он так сильно закашлялся, что чуть не выронил бутылку из рук. Злыдень заботливо перехватил ее.

— Забористая штука, правда? — спросил он и высосал примерно треть того, что оставалось в бутылке.

Не то слово, подумал Картер. По первому ощущению похоже на виски, но, когда жидкость достигла желудка, все перекрыл смешанный вкус йода, нашатырного спирта, камфары и разбавленной соляной кислоты. Язык извивался во рту, словно змея в ловушке.

Злыдень оторвал бутылку от губ, и его всего передернуло. Он скорчил гримасу и облизал губы.

— Это *она* думает, что у виски такой вкус.

— Кто? Дороти?

— Точно. Здесь все устроено так, как, ей кажется, должно быть. Но это лучше чем ничего, лучше, чем вообще без спиртного. Полезем наверх? Можно посидеть там немного.

Злыдень мотнул головой на облако, теперь висящее низко над ними, словно темный, бесформенный дирижабль. Не слишком уверенно Картер ухватился за нижний край облака и подтянулся наверх. Впечатление было такое, словно плывешь сквозь туман, ощущающийся как твердый только в тех местах, где его касалась рука.

Парящая в воздухе темная пещера комнаты. В углу или, скорее, в нише, потому что углов как таковых не было, стояла армейская койка, покрытая рваным клетчатым пледом, а рядом с ней стол с треснувшими чашками, блюдцами и три разномастных кухонных кресла. Над койкой на тонкой проволоке висела лампа без абажура, практически не дающая света. Трудно сказать, можно ли было то, что находилось позади койки, назвать стеной, но все это пространство покрывали картинки с изображением обнаженных женщин.

— Это не я придумал — она,— объяснил Злыдень, пролезая сквозь пол.— Все, что здесь есть, она придумала. Наверно, увидела когда-то в будке ночного сторожа. Ну, я для нее и есть что-то вроде ночного сторожа, вот и получил, что имею. Но главное — бутылка, слава тебе господи. Картинки — это хорошо, конечно, но бутылка... бутылка...

Он снова протянул ее Картеру, но тот покачал головой. Они уселись в кресла, которые тут же перекосились под ними в разные стороны. Черт возьми, подумал Картер, я ведь определенно *видел* его прежде. Но где?

— Давай, Мак, глотни. Из всего того, что девчушка здесь устроила, только это и хорошо — пьешь, а бутылка не пустеет. Так что у меня не убавится, а тебе полегчает. Если тут не пить, то начнешь разговаривать сам с собой. А какой в этом толк, сам понимаешь.

Картер подумал-подумал, счел этот довод веским и хлебнул еще. Пойло обжигало, как и в первый раз, но эффект алкоголя сейчас оказался сильнее, и мерзкий вкус как-то притупился. Он вздохнул и сделал новый глоток. Ничего не скажешь, теперь мир вокруг — даже несмотря на то, что это был мир Дороти,— смотрелся лучше.

Он вернул бутылку своему новому знакомому, внимательно разглядывая его. Если подумать, такому типу здесь самое место. Почему они называют его Злыднем?

— Давно ты здесь? — спросил Картер.

Злыдень пожал плечами и устремил поверх бутылки рассеянный взгляд.

— Может, год. Может, два. Как тут посчитаешь? Иногда один день зима, а назавтра уже лето. Даже щетина у меня не растет с тех пор, как я здесь. Мне кажется, что прошло много-много лет. Хуже двигаюсь, все хуже. Ты не представляешь, Мак, как мне бывает плохо!

— Совсем плохо? — с сочувствием спросил Картер.

— *Совсем*? — Злыдень выразительно выкатил глаза из красных, опухших век.— Не то слово. Я вылезаю отсюда и пугаю этих детей всякий раз, когда она пожелает. Может, я хочу спать или у меня что другое на уме, не важно. Дороти посылает мне мысль: «Поднимайся и начинай пугать». Я все бросаю и начинаю пугать. Раздуваюсь — ну, ты меня видел,— кричу, стучу ножами, а потом снижаюсь. Дети вопят: «Дороти, спаси нас!» — и она начинает разносить меня. Что значит «разносить»? Кричит: «Пиф! Паф! Бим! Бом!» — и шлепает меня... так, понарошку, сюда, сюда... куда ей вздумается. За то, что я пугаю детей! Не важно, что это не я придумал. Я ведь просто делаю то, что она заставляет.

— А сопротивляться не пробовал? Отказаться? — спросил Картер.— Что бывает, если ты говоришь «нет»?

— Мак, сказать «нет» просто не получается. Все здесь происходит так, как она хочет. Если у нее зуд, ты чешешься. Если у нее сопли, ты вытираешь нос. Как только я ее ни обзывал, но вот прошло время, и — веришь ли, Мак? — я не помню ни одного прозвища. Пытаюсь вспомнить что-нибудь похлеще и не могу. Она просто Дороти, так и зову ее. Понимаешь, что я хочу сказать? Все здесь, как она хочет, даже у тебя в голове. Если будешь слушаться, получишь хоть какую-то свободу действий. Но если нет — все будет только по ее, и чем дольше ты здесь торчишь, тем больше.

Картер со страхом припомнил, до какой степени ему не хотелось играть в мяч и как послушно он это делал. Хуже того, он начал рассказывать эти дурацкие сказки вместо того, чтобы запротестовать, как он хотел. И что еще хуже — уже какое-то время он ни разу, даже мысленно, не называл ее Шоколадно-Молочным Чудищем! Он думал о ней и обращался к ней только как к Дороти.

«И чем дольше ты здесь торчишь...»

Он должен выбраться отсюда, должен найти способ уничтожить этот мир, причем — быстро.

Злыдень снова протянул ему бутылку, но Картер нетерпеливо отмахнулся. Бежать, выбраться отсюда — вот что прежде всего, а для этого ему нужна ясная голова. А иначе мир мечтаний Дороти медленно засосет его и психологически, и физически, и даже его мысли станут лишь странной версией того, каким он кажется ей, и он угодит в ловушку, завязнет тут, словно муха в янтаре, и станет воплощением ее представлений о Приличном Человеке.

Приличный Человек! Его передернуло. Ничего себе способ провести весь остаток жизни! Нет, сейчас, пока он еще более-менее остается самим собой, Картером Брауном, пока не угасло его сознание удачливого молодого руководителя, в реальном мире занимающегося мотивационным анализом,— *именно* сейчас самое время бежать отсюда.

Реальный мир. Определение не хуже любого другого. Картер никогда не был мистиком, а фрейдистом делался только тогда, когда этого требовала ситуация. Его кредо выглядело предельно просто: все, что *существует*, реально. Значит...

Постулируя космос как нечто безграничное по протяженности и возможностям, можно найти во всем этом бесконечном разнообразии место для любого мира, который человек способен вообразить.

Или о котором ребенок может мечтать.

Пойдем дальше. Представим себе ребенка, терзаемого одиночеством и одержимого страстным желанием вырваться из этого одиночества, да к тому же обладающего совершенно невероятным врожденным даром. Такой ребенок вполне способен отыскать в слоистой материи космоса одну-единственную щелочку и прорваться сквозь нее туда, где мир его мечты существует как осязаемая реальность. А отсюда недалеко уже до того, чтобы переносить в эту вселенную других людей, детей и взрослых, о камнях и цветочных горшках и говорить нечего. Трудно было сделать только первый шаг, решил Картер, остальные дались ей гораздо легче.

Среди бесчисленного множества параллельных миров можно найти то, что тебе по сердцу...

Так Дороти и сделала? И если да, кто возьмется с уверенностью сказать, какой мир реальный, а какой нет? Наверняка и в том, и в другом можно умереть с одинаковой легкостью... Нет, *это* не критерий.

Да и какая, в сущности, разница? Для Картера реален тот мир, из которого его выдернули, мир, где он имел положение,

индивидуальность и личную цель. Мир, который он любил и куда был твердо намерен вернуться. А этот другой мир, совершенно независимо от того, насколько он реален внутри своей собственной пространственно-временной среды, не более чем мир мечты — мир, откуда ему следует как можно скорее сбежать. Вопреки логике своих ощущений, он должен признать его несуществующим — покинув или каким-то образом уничтожив.

Уничтожив...

Он внимательно пригляделся к Злыдню. Неудивительно, что этот тип показался ему таким знакомым!

В сознании мелькнул отблеск воспоминания о том, как несколько недель или, может быть, даже месяцев назад он видел фотографию этой самой физиономии, а под ней нравоучительную подпись.

Да. Бульварная газетенка. Он заметил ее, проходя мимо газетного стенда на 53-й улице, сразу за Мэдисон. Что-то заставило его остановиться и бросить пристальный взгляд на фотографию, занимающую большую часть первой страницы. «ЭТОТ ЧЕЛОВЕК САМ ПОГУБИЛ СЕБЯ» — вот что было под ней написано.

Далее следовало объяснение, изобилующее газетными штампами; вот, дескать, что может случиться с тем, кто не работает, спит в подворотнях, не питается как положено и беспробудно пьянствует. «Даже самые стойкие врачи и медицинские сестры отводят взгляд от этого ужасного существа, когда-то бывшего человеком».

И тем не менее фотография предоставляла всем желающим возможность *увидеть* именно это ужасное существо, когда-то бывшее человеком. Он лежал на носилках в переулке, где его нашли; зрелище относилось к разряду тех, которые не скоро забудешь.

Самое ужасное, что этот человек был еще жив. Пустой, ничего не выражающий взгляд, устремленный в объектив камеры. На лице и теле ни ран, ни крови — вообще ничего, кроме грязи, и все же возникало ощущение, что этот человек упал с десятого этажа или был сбит автомобилем, мчавшимся со скоростью девяносто миль в час,— однако почему-то не умер. Точнее, умер, но не совсем, только отчасти.

Тело цело, глаза открыты, человек жив — вот все, что о нем можно было сказать. При взгляде на фотографию возникала мысль о сложной органической смеси, которая должна была стать живым существом, но почему-то не стала. По сравнению с абсолютной бессознательностью этого, с позволения сказать,

«человека», кататония казалась в высшей степени активным состоянием.

Согласно заметке, именно в таком виде его нашли в переулке, доставили в городскую больницу и десять часов доктора бились над ним, пытаясь вывести из этого состояния. Тщетно. Никакой реакции.

Картер хорошо запомнил фотографию. На ней был изображен Злыдень.

Возможно, в этот самый момент в одной из больниц Гренвилла испуганная, борющаяся с дурнотой Лия смотрит на другое тело, имеющее отдаленное сходство с неким Картером Брауном, но в одном важном отношении в точности напоминающее ту давнишнюю фотографию. Тело едва живое, не реагирующее ни на какие раздражители, способное лишь просто существовать — поскольку его сознание находится в другом месте.

Здесь, в этом личном шоколадно-конфетном мире Дороти.

Он должен выбраться отсюда. Несмотря ни на что, он непременно *выберется* отсюда.

Только для этого ему нужно что-то вроде динамита. Психологического динамита.

— ...Даже перерезать себе глотку,— продолжал между тем свой тягостный рассказ Злыдень.— Ох, может, вначале я и смог бы перерезать себе глотку, если бы додумался до этого. А теперь слишком поздно: стоит попытаться, и мне делается както все равно. Я и голодом себя морил, но все без толку. Тут и есть-то нечего, кроме сладостей. Ну, можно перестать их есть, и что с того? Здесь можно вообще ничего не есть, можно даже не дышать. Перестань дышать, и все равно не умрешь. Точно говорю, Мак, точно. Можно не дышать часами, и ничего не случится. Здесь случается только то, что она хочет, чтобы случилось. Вот и весь сказ.

Картера охватило отчаяние, но сдаваться он не собирался.

— А как же, в таком случае, мы сейчас сидим здесь с тобой и разговариваем обо всем этом? Мы даже можем придумать какой-нибудь осуществимый план, а ведь она вряд ли хочет, чтобы это случилось. И все же мы сидим и разговариваем. Значит, на самом деле случается не только то, что она хочет.

— Мак, ты все еще не въехал. Если мы сидим тут с тобой и болтаем, значит, она этого хочет. Раз она посчитала, что мы должны быть вместе и разговаривать, значит, мы будем вместе и будем разговаривать. А она покуда тоже не дремлет, придумывает, что делать дальше. Что бы мы тут ни планировали, ее это не заботит. Все равно без толку.

Картер нахмурился, но не из-за разъяснения Злыдня, а из-за неожиданного и очень неприятного подтверждения его слов. Что-то с силой потянуло его, принуждая покинуть облако и опуститься на конфетную поверхность.

Дороти вернулась и хотела, чтобы он снова был рядом и выполнял ее желания. Картер так сильно сопротивлялся этой тяге, что даже вспотел.

Тяга стала сильнее, еще сильнее.

Он до боли стиснул кулаки.

— Шоколадно-Молочное Чудище,— сквозь стиснутые зубы заставил он выдавить из себя.— Помни — *Шоколадно-Молочное Чудище*.

Злыдень заинтригованно посмотрел на него.

— Эй! — сказал он.— Сделай доброе дело, Мак,— обругай ее еще раз. Так приятно слышать ругань, честно тебе говорю. Даже если я тут же забываю проклятия, мне нравится их слышать, хотя бы ради прежних времен.

Картер, погруженный в свою собственную борьбу (его колотило в кресле, локти он плотно прижал к бокам) покачал головой.

— Нет,— тяжело дыша, сказал он.— Не могу. Не сейчас.

— Понимаю. Это трудно. В смысле, я и сам прошел через это. Когда я тут только появился, то поначалу тоже сопротивлялся ей каждый раз, когда чувствовал, что она посылает мысль. Сопротивлялся, сопротивлялся, но — ничего не выходило. Знаешь, как со мной все случилось? Я слонялся по Восточным Пятидесятым, по Саттон-плейс и так далее. Ради глотка спиртного, в поисках места, где на ночь голову приклонить. Все впустую. Замерз, как собака, но проклятый мир держал карманы застегнутыми. Приходит ночь, прилечь негде. Я не сплю, хожу, чтобы не замерзнуть. Часов в пять-шесть утра я уже готов — мешок с отбросами, больше ничего...

Вопреки своей решимости сопротивляться, Картер обнаружил, что уже стоит на ногах. Он чувствовал, что лицо его налилось кровью от усилий. Нужно остановить ее прямо сейчас. Это единственный способ лишить ее мир силы.

Но Молочн... *Дороти* звала его.

Дрожащим грязным пальцем Злыдень поглаживал горлышко бутылки.

— ...И потом я вижу этот тупичок между домами, почему-то открытый, хотя обычно их запирают на ночь. Я иду туда, в темноту, там решетка, горячий воздух поднимается из подвала, но ветер туда не задувает. Можно прилечь. Я думаю — до чего же я везучий старый бездельник, но это было последнее мое

везение. Я просыпаюсь, вокруг светло, и эта девочка, эта Дороти смотрит на меня. Смотрит, смотрит. В руках у нее большой мяч, она стоит и смотрит на меня. А потом протягивает мне бутылку. «Это бутылка моего папочки,— говорит она.— Он выбросил ее прошлой ночью, после вечеринки. Но это его бутылка». К чему мне неприятности с детьми в этом районе? К тому же мне не нравилось, как она на меня смотрит. «Брысь, девочка»,— говорю я, заваливаюсь снова и просыпаюсь уже здесь. Со мной бутылка и все такое. Мак, сразу после этого разговора мне стало совсем хреново. Тяжело, я имею в виду У нее здесь такие штуки, огромные, с ногами и с разными...

Как будто испытывая жгучее желание сделать это, Картер повернулся спиной к Злыдню и начал опускаться сквозь черный туман. Невнятная речь продолжала выплескиваться за его спиной, словно вода из стакана, зажатого в трясущейся руке. Ноги Картера отказывались подчиняться посылаемым головой нервным импульсам.

Он был не в состоянии воспротивиться, это совершенно очевидно. Могло ли воспротивиться солнце, когда Иисус приказал ему остановиться, или потоп, который *должен был* продолжаться сорок дней и сорок ночей? Нет, надо действовать как-то иначе. Искать другой способ борьбы. А пока подчиняться ее требованиям.

Дороти ждала его на участке аккуратно скошенной травы около куста с розовыми и зелеными конфетами. Когда Картер оказался рядом с ней, она на мгновенье подняла взгляд на темное облако.

Оно исчезло.

Что случилось со Злыднем, спросил себя Картер? Она уничтожила его или временно отослала куда-то вроде тюрьмы, как она себе ее представляла?

И только потом он как следует разглядел Дороти — и происшедшие с ней перемены.

Все те же голубые джинсы и кашемировый свитер, но сейчас он был чист, абсолютно чист. Ярко-желтый, можно сказать — с иголочки. И она стала еще выше и стройнее, чем в прошлый раз.

Но этот желтый кашемировый свитер!

Он прикрывал невероятно, просто чудовищно торчащие груди, явно позаимствованные с афиши в дешевой киношке,— победоносные атрибуты какой-нибудь голливудской секс-бомбы.

Остальное тело по-прежнему выглядело детским, сейчас даже больше, чем когда Картер впервые увидел ее, но в сочетании с этой фантастической грудью возникал карикатурный эффект.

Вот только...

Что означают эти мазки красного на губах, комки туши на ресницах и режущая глаз краска на ногтях? Неужели...

Он сердито тряхнул головой. Только этого ему не хватало!

— Ну вот,— с жеманной улыбкой заговорила наконец Дороти,— мы и встретились снова.

— Это было неизбежно,— ответил Картер, не веря своим ушам.— Судьба связала нас. Мы живем под одной и той же странной звездой.

А еще говорят, что дети нынче развиваются рано! Ничего удивительного. Интересно, откуда она взяла этот диалог, спрашивал себя Картер? Из кино? Из телевизионной драмы? Из книг? Или из своей собственной, явно свихнувшейся головы? И какая роль предназначалась ему? *Ее* роль была очевидна: она самым вульгарным образом соперничала с Лией.

Мелькнула мысль: с Лией и с кем еще? Но все затмевало пугающее понимание — он говорит то, чего в жизни не сказал бы по доброй воле. Разве когда-нибудь его *мысли* обретали форму таких клише?

Мелькнуло воспоминание — он придумал для нее прозвище... очень трудно вспомнить, но непременно нужно... что-то вроде... или нет... Да, *Дороти!* Другого имени у нее нет.

Но это не так. Нет.

Он напряженно думал — словно страус, пытающийся взлететь и мучительно, отчаянно хлопающий крыльями. *Ужасно, ужасно.* Нужно каким-то образом дотянуться до собственной личности. Он должен вырваться.

Разбить вдребезги...

— Ты по-прежнему любишь меня со всем пылом страсти, несмотря на долгую разлуку? — спросила она.— Погляди мне в глаза и ответь. Скажи, что твое сердце принадлежит мне одной.

«Не буду,— мысленно застонал он. И поглядел ей в глаза.— Нет, не могу! Не могу молоть такой совершеннейший вздор. И ведь она ребенок... маленькая девочка».

— Неужели ты сомневаешься во мне, дорогая? — Слова маленькими толчками вырывались у него изо рта вместе с дыханием.— Никогда, никогда не сомневайся во мне. Ты для меня единственная, так было и будет всегда, до тех пор, пока существуют небо над головой и земля под ногами. Ты и я, мы всегда будем вместе.

Он должен *прекратить* это. Еще немного, и она полностью возьмет его под контроль. Он уже говорит то, что она хочет услышать, а скоро будет и думать так же. Однако мысленные призывы не помогали. Как только она замолкала в ожидании

и наступала его очередь, Картер не мог сдержать рвущихся изо рта слов...

Дороти перевела взгляд на совершенно одинаковые холмы в отдалении. Глаза у нее затуманились от слез, и, вопреки собственному желанию, Картер почувствовал, что в горле у него перехватило. «Нелепо! И тем не менее, как грустно...»

— Я почти боялась твоей любви,— сказала она.— Я чувствовала себя такой одинокой и убедила себя...

«Сейчас. Пока она говорит. Пока вся сила ее разума не обращена на него — потом она будет непреодолима. Сделай то, что должен. Вот он — способ взорвать мир ее мечты. Сделай это».

Он потянулся к ней.

— ...что ты забыл меня и нашел другую. Откуда мне знать...

Он внезапно схватил ее.

Он сделал то, что был должен.

Земля дрогнула под ногами, и от края до края небес прокатился оглушительный рев. Однако Картер не оглох, иначе как бы он мог расслышать все, каждый звук, каждую ноту этого немыслимого раската, от которого завибрировали сами кости черепа? Как бы мог почувствовать сопровождающий эти звуки страх?

Кричала не только Дороти. Кричали леденцовые деревья. Кричали кусты с пирожками. Кричали оба холма. Шоколадная рука вздыбилась между кричащими берегами и кричала тоже. Кричали камни и даже воздух.

А потом земля раздалась, и Картер Браун провалился в тартарары. Его падение длилось целые столетия, его падение длилось бесконечные эпохи, его падение длилось вечность. Потом оно прекратилось, крики смолкли, он отнял руки от ушей и оглянулся по сторонам.

Он находился внутри тускло-серого, совершенно круглого, лишенного каких бы то ни было выступов склепа. Ровная, изогнутая поверхность со всех сторон — ни дверей и окон, ни швов, ни трещин. Место, абсолютно непроницаемое для света и звука.

Так и должно быть, начало доходить до него, пока он, как безумный, описывал круг за кругом. Самое дно этого мира мечты, откуда ни свет, ни звук никогда не дойдут до сознания Дороти.

Потайная камера в ее уме, созданная специально для того, чтобы спрятать там смертельно опасное воспоминание о нем,— навсегда или, по крайней мере, на тот срок, пока будет продолжаться жизнь самой Дороти.

Берни по прозвищу Фауст

Фаустом прозвал меня Рикардо, а что это значит, я и сам толком не знаю.

Так вот, сижу я, значит, в своей крохотной конторе шесть футов на девять. Читаю объявления о распродаже списанного государственного имущества. Пытаюсь смекнуть, на чем можно заработать доллары, а на чем — головную боль.

Тут дверь конторы отворяется. И этот тощий тип с неумытой рожей, одетый в замызганный светлый костюм, заходит в мою контору и, откашлявшись, предлагает:

— Двадцать долларов за пять не купите?

— Что-о? — спросил я, вытаращив глаза.

Он переступил с ноги на ногу и опять откашлялся.

— Двадцать,— пробормотал он.— Двадцать за пять.

Под моим взглядом он потупился и уставился на свои ботинки. Паршивые, грязные ботинки — такие же паршивые и грязные, как и все, что было на нем.

— Я плачу вам двадцать долларов,— объяснял он носкам своих ботинок.— И покупаю за них пять. У вас остается двадцатка, у меня — пятерка.

— Как вы сюда попали?

— Взял да и вошел,— ответил он, немного смешавшись.

— Ах, так вы просто взяли да и вошли,— злобно передразнил я его.— А теперь возьмите да и спуститесь вниз и выметайтесь отсюда к чертовой матери. В вестибюле ясно написано, что нищим вход воспрещен.

— Я не прошу подаяния,— он одернул пиджак. Таким движением разглаживают складки смятой ночной пижамы.— Я предлагаю сделку. Двадцатку за пятерку. Я вам...

— Вызвать полицию?

Он явно сдрейфил.

— Нет. Зачем вызывать полицию? Я вам ничего не сделал!

— Через секунду я вызываю полицию. Я вас честно предупреждаю. Стоит мне только позвонить вниз, в вестибюль, и сюда тотчас пришлют полицейского. Здесь не попрошайничают. Здесь занимаются бизнесом.

Он провел ладонью по лицу, и ладонь стала грязной; он вытер ее о лацкан.

— Значит, не хотите? — сказал он.— Двадцать за пять. Ведь вы занимаетесь куплей-продажей! Что же вам не подходит?

Я поднял телефонную трубку.

— Ладно,— остановил он меня, вытянув вперед грязную пятерню.— Я ухожу.

— Так-то оно лучше. И дверь за собой закройте.

— Если вы передумаете,— он запустил руку в карман своих грязных, мятых брюк и достал визитную карточку.— Вы можете найти меня здесь. Почти в любое время.

— Убирайтесь,— сказал я ему.

Он протянул руку, бросил карточку на стол, на кучу объявлений о распродаже, раза два кашлянул, взглянул на меня — не клюнул ли я на этот раз. Нет? Нет. И он поплелся к выходу.

Кончиками указательного и большого пальцев я брезгливо взял визитную карточку и собрался было бросить ее в корзину.

Но потом передумал. Визитная карточка. Все-таки чертовски необычно — такая рвань и с карточкой. Но карточка — вот она.

Да, если разобраться, и вся сцена была необычна. Я даже начал жалеть, что выгнал его, не дав высказаться до конца. Он ведь и правда ничего не сделал — выдумал новый рекламный трюк, и только. Я и сам постоянно заимствую новые рекламные трюки. Я расширяю свою маленькую контору, я покупаю и продаю, но половина моих товаров — хорошие идеи. Идеи я готов заимствовать даже у нищего.

Карточка была чистая, белая — только от пальцев остались темные пятна. Через всю карточку каллиграфическим почерком было выведено: Мистер Ого Эксар. Ниже стояли название и номер телефона гостиницы на Таймс-сквер, расположенной неподалеку от моей конторы. Я знал эту гостиницу — не слишком дорогая, но и не ночлежка, так, что-то среднее.

В углу карточки стоял номер комнаты. Это меня вдруг развеселило. Совершенно непонятно!

Но, с другой стороны, почему бы попрошайке не зарегистрироваться в гостинице? Не будь снобом, Берни, сказал я себе.

Двадцать за пять. В чем тут фокус? Я не мог отвязаться от этой мысли.

Оставались только одно. Посоветоваться с кем-нибудь. Рикардо? Как-никак видный профессор колледжа. Одно из лучших моих знакомств.

Он немало помогал мне — намекнул о решении строить новое здание колледжа, на что отпустили полторы тысячи долларов, сообщил о распродаже конторского оборудования в ООН и т. д. Как только у меня возникал вопрос, требовавший университетской эрудиции, он всегда выручал меня. И все это за какие-нибудь две-три сотни комиссионных.

Я взглянул на часы. Рикардо должен быть сейчас у себя в колледже — проверяет контрольные или чем он там еще занимается. Я набрал его номер.

— Ого Эксар? — переспросил он.— Наверное, финн. А может быть, эстонец. Скорее всего откуда-нибудь из Прибалтики.

— Не важно,— сказал я.— Меня вот что интересует.— И я рассказал ему насчет пяти и двадцати долларов.

Он рассмеялся:

— Опять то же самое!

— Какой-нибудь древний трюк из тех, что греки выкидывали с египтянами?

— Нет. Из тех, что выкидывали американцы. И это не совсем трюк. Во время кризиса одна нью-йоркская газета послала своего корреспондента по городу с двадцатидолларовым банкнотом, который он продавал за один доллар. Охотников купить не нашлось. Их не нашлось даже среди безработных, полуголодных — из страха оказаться в дураках они отказались от барыша в 1900%.

— Двадцать за один? Тут было двадцать за пять.

— Ну, сам знаешь, Берни,— инфляция,— сказал он, снова рассмеявшись.— А в наши дни это скорее напоминает какое-то телевизионное представление.

— Телевизионное? Поглядели бы вы, как этот парень одет!

— Просто добавочный и вполне логичный штрих — больше шансов, что люди не примут это предложение всерьез. Университеты то и дело проводят такие исследования. Несколько лет назад группа социологов исследовала отношение публики к уличным сборщикам благотворительных средств. Ты знаешь этих людей, стоят на перекрестках и гремят копилками: «Помогите двуглавым детям! Пожертвуйте пострадавшим от наводнения в Атлантиде!» Вот они и нарядили нескольких студентов...

— Думаете, это тот самый случай?

— Полагаю, что так. Вот только зачем он оставил свою визитную карточку?

И вдруг меня осенило:

— Знаете, я понял. Если это телевизионная затея, то тут есть чем поживиться. Телевикторина с призами — машины, холодильники, замок в Шотландии и прочее.

— Телевизионная викторина? Что ж, возможно.

Я повесил трубку, тяжело вздохнул и набрал номер гостиницы, где жил Эксар. Он действительно числился в списке проживающих. И только что вернулся в номер.

Я быстро спустился вниз и сел в такси. Кто знает, с кем он еще успел связаться?

Поднимаясь в лифте, я все еще размышлял, как от двадцати долларов перейти к действительно крупной игре, затеянной телевидением, и не дать Эксару понять, что я раскусил их трюк. И тогда — ведь может же и мне подфартить. Вдруг и мне выпадет выигрыш?

Я постучал в дверь. Когда он сказал «войдите», я вошел, но какое-то мгновение не мог разглядеть никого.

Номер был маленький, как и все номера в этой гостинице, маленький и душный. Он не включил света, ни одной лампочки. Окна были зашторены донизу.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я наконец смог рассмотреть этого молодчика. Он сидел на кровати лицом ко мне. На нем все еще был этот идиотский костюм.

И знаете, чем он занимался? Он смотрел забавный маленький переносной телевизор, стоявший на письменном столе. Цветной телевизор. Но работал телевизор плохо. На экране не было ни лиц, ни картинок, а только разноцветные сполохи по всему экрану. Громадная красная вспышка, громадная оранжевая вспышка, дрожащие переходы между голубым, зеленым, черным. Из телевизора доносился голос, разобрать слова было невозможно: «Вах-вах, девах».

Как только я вошел, он сразу выключил телевизор.

— Таймс-сквер — плохое соседство для телевизора,— сказал я.— Слишком много помех.

— Да,— сказал он.— Слишком много помех.

Он закрыл телевизор крышкой и убрал его. Хотелось бы посмотреть этот телевизор, когда он работает как следует.

Странно, правда? В комнате, как ни удивительно, не было запаха дрянного ликера, и в задвинутой под письменный стол мусорной корзине не валялись пустые бутылки, как это бывает обычно в таких номерах. Ничего такого.

Единственный запах, который я почувствовал, был мне совершенно незнаком. Я думаю, это был запах самого Эксара.

— Хм,— промычал я, чувствуя себя неловко из-за давешнего разговора с ним в конторе. Я себя вел тогда слишком грубо.

Он спокойно сидел на кровати.

— У меня двадцать долларов,— сказал он.— Вы принесли пять?

— Я думаю, найдутся,— сказал я, роясь в бумажнике и стараясь обернуть дело в шутку. Он не проронил ни слова, даже не пригласил меня сесть. Я вытащил банкнот.

— Идет?

Он наклонился вперед и уставился на него, будто в такой темноте можно было увидеть, что это за банкнот.

— Идет,— сказал он.— Но мне нужна расписка. Заверенная расписка.

«Заверенная расписка? Вот это да!» — подумал я и сказал:

— Пойдемте. Аптека на Сорок пятой улице.

— Пойдемте,— сказал он, поднимаясь и коротко откашливаясь — раз, два, три, четыре, пять, шесть,— почти беспрерывно.

По дороге в аптеку я остановился возле киоска с канцелярскими товарами, купил книжку с бланками расписок и тут же заполнил одну из них. Получена от мистера Ого Эксара сумма в двадцать долларов за пятидолларовый банкнот под номером... Нью-Йорк, дата».

— Идет? — спросил я его.— Я поставил здесь номер и серию банкнота, чтобы казалось, будто вам нужен именно он.

Он повернулся ко мне и прочел расписку. Затем сверил номер с банкнотом, который я держал в руках, и кивнул.

Мы подождали аптекаря, который в это время отпускал товар. Когда я подписал расписку, аптекарь прочел ее про себя, пожал плечами и поставил свою печать.

Я заплатил ему два доллара: все равно я был в барыше.

Эксар бросил на прилавок новенькую, хрустящую двадцатку. Он наблюдал, как я рассматриваю ее на свет то с одной, то с другой стороны.

— Не фальшивая? — спросил он.

— Нет... Но поймите, я вас не знаю и не знаю, какие у вас деньги.

— Конечно. Я бы и сам так поступил.

Сунув расписку и пять долларов в карман, он направился к выходу.

— Эй! — крикнул я.— Вы спешите?

— Нет,— он остановился и удивленно посмотрел на меня.— Не спешу. Но вы получили двадцать за пять. Дело сделано. И конец.

— Все в порядке, дело сделано. Не выпить ли нам по чашке кофе?

Он заколебался.

— Плачу я,— сказал я ему.— Давайте выпьем кофе.

— А вы не захотите расторгнуть сделку? — забеспокоился он.— У меня расписка. Все заверено. Я дал вам двадцать долларов, а вы мне — пять. Дело сделано.

— Сделано, сделано,— говорил я, подталкивая его к свободному столику.— Все заметано, подписано, заверено и проверено. Никто и не собирается идти на попятную. Просто я хочу угостить вас кофе.

Несмотря на слой грязи, покрывающий его лицо, я увидел, что оно прояснилось.

— Не надо кофе. Я бы съел грибной суп.

— Прекрасно, прекрасно. Суп, кофе — все равно. Я выпью кофе.

Я сел напротив и изучал его. Он сгорбился над тарелкой и торопливо отправлял в рот ложку за ложкой — живой пример негодяя, у которого с утра маковой росинки во рту не было.

Такой тип должен валяться пьяный в дверях, пытаясь защитить себя от полицейской дубинки. И место ему в кабаке, а не в приличной гостинице, и не подобает ему продавать мне двадцать долларов за пять и есть, как порядочному, грибной суп.

Но так и должно быть. Для телепередачи, которую они затеяли, это чертовски подходящий актер, лучшего ни за какие деньги не найдешь, только зря доллары выбросишь. Парень так здорово играет попрошайку, что люди смеются ему в лицо, когда он пытается навязать им прибыльное дельце.

— Может быть, купите что-нибудь еще? — спросил я его.

Он не донес ложку до рта и подозрительно посмотрел на меня:

— Например?

— Ну, не знаю. Может быть, приобретете десять долларов за пятьдесят? Или двадцать за сто?

Он задумался, этот парень. Потом снова набросился на суп.

— Это не дело! — презрительно бросил он.— Разве это дело?

— Уж вы меня, пожалуйста, простите! Я только так спросил, на всякий случай. Я вовсе не хочу на вас заработать.— Я закурил сигарету. И замолчал.

Мой собеседник покончил с едой и, оторвав свою грязную физиономию от тарелки, вытер губы бумажной салфеткой.

— Хотите купить что-нибудь еще? Пока я здесь и располагаю временем. Если у вас имеются какие-нибудь интересные предложения, мы можем тотчас, как говорится, не отходя от кассы, все оформить.

Он скомкал бумажную салфетку и бросил ее в тарелку. Салфетка намокла: он выловил только грибы, а суп оставил.

— Мост через пролив Золотые Ворота,— внезапно предложил он.

Я выронил сигарету:

— Что?

— Мост через пролив Золотые Ворота. В Сан-Франциско. Я плачу за него...— он задумчиво уставился в потолок.— Скажем, сто двадцать пять долларов. Сто двадцать пять долларов. Деньги на бочку.

— А почему именно этот мост? — как идиот, переспросил я.

— Потому что он мне нужен. Вы спросили меня, что я хочу купить еще,— я отвечаю: «Мост через пролив Золотые Ворота».

— А почему бы не мост Джорджа Вашингтона? Он здесь, в Нью-Йорке, на реке Гудзон. Зачем покупать мост на Западе?

Он усмехнулся, словно отдавая дань моей хитрости.

— Нет,— сказал он, дергая левым плечом.— Я знаю, что хочу. Мост через пролив Золотые Ворота в Сан-Франциско. Хотите продавайте, хотите нет.

— Я согласен. Пусть будет по-вашему — уступаю. Но учтите, я могу вам продать только свою часть моста — только то, что принадлежит мне.

Он кивнул:

— Мне нужна расписка. Напишите.

Я написал расписку. Все снова здорово. Аптекарь заверил расписку, сунул печать в ящик и отвернулся. Эксар отсчитал шесть двадцаток и одну пятерку из здоровенной пачки банкнотов, которые хрустели, как накрахмаленные. Сунув пачку в карман брюк, он вновь направился к выходу.

— Может быть, еще кофе? — спросил я его.— Или хотите супу?

Он озадаченно поглядел на меня и даже вроде бы передернулся.

— С какой стати? Вы что-нибудь еще хотите продать?

Я пожал плечами:

— А вы покупаете? Скажите, что именно, и мы обстряпаем это дельце.

Время шло, но я не жалел. Я сделал сто сорок долларов за пятнадцать минут. Точнее, немного меньше — ведь я уплатил аптекарю и еще за кофе и суп. Впрочем, это необходимые издержки, так положено. Я не жалел.

Может, теперь подождать, что у них дальше по сценарию. Они спросят, что я держал в уме, продавая Эксару все это. Я объясню, и на меня посыпятся призы: и холодильники, и ювелирные изделия лучшей фирмы, и...

Пока я витал в облаках, Эксар сказал что-то. Что-то совсем непонятное. Я попросил повторить.

— Пролив Эресунн,— повторил он.— Между Данией и Швецией. Я плачу за него триста восемьдесят долларов.

Я ничего не слыхал о таком проливе. Я поджал губы и на секунду задумался: кругленькая сумма — триста восемьдесят долларов. За какой-то идиотский пролив. Я попытался схитрить.

— Четыре сотни — и по рукам.

Он сильно закашлялся и в этот момент выглядел совсем больным.

— В чем дело? — выдавил он из себя между приступами кашля.— Разве триста восемьдесят долларов — плохая цена? Это маленький пролив, один из самых маленьких. Всего-то две с половиной мили. А знаете его максимальную глубину?

— Уж никак не мельче других,— с умным видом сказал я.

— Двенадцать футов,— закричал Эксар.— Всего двенадцать футов! Где вы получите больше за такой пролив?

— Спокойней,— сказал я, похлопывая его по грязному плечу.— Давайте ни вашим, ни нашим. Вы говорите — триста восемьдесят, я прошу четыре сотни. Как насчет трехсот девяноста?

На самом деле мне было все равно: десять долларов больше или меньше. Но мне было интересно, что будет дальше.

Он успокоился.

— Триста девяносто долларов за пролив Эресунн,— пробормотал он, боясь, что я натягиваю ему нос.— Но мне нужно только море, я не прошу в придачу чего-нибудь еще.

— Вот что я вам скажу,— я поднял руки.— Дайте мне триста девяносто, и я отдаю вам побережье бесплатно. Идет?

Он задумался. Он засопел. Он вытер нос рукой.

— Хорошо,— сказал он наконец.— Идет. Пролив Эресунн за триста девяносто долларов.

Бац! Шлепнулась печать аптекаря. Дело пошло на лад. Эксар дал мне шесть пятидесятидолларовых купюр, четыре двадцатки и десятку — все из той же пачки новеньких банкнотов, которую он держал в кармане брюк.

Я подумал о пятидесятидолларовых банкнотах, которые остались в пачке, и почувствовал, что у меня текут слюнки.

— О'кей,— сказал я.— Что дальше?

— Вы все еще продаете?

— По сходной цене, разумеется. Что вы хотите?

— Очень многое,— вздохнул он.— Но стоит ли сейчас этим заниматься? Вот я о чем думаю.

— Конечно, стоит, раз есть такая возможность. Позже — кто знает? — меня может не быть рядом, найдутся другие люди, которые взвинтят цены, что угодно может случиться.— Я сделал паузу, но он продолжал хмуриться и кашлять.— Как насчет Австралии? — предложил я.— Может быть, вы купите Австралию долларов, скажем, за пятьсот? Или Антарктиду? Антарктиду я уступаю по дешевке.

Он явно заинтересовался:

— Антарктиду? Сколько вы за нее просите? Нет, больше покупать в розницу я не буду. Здесь кусочек, там кусочек. Получается слишком дорого.

— Вы, милый, покупаете по бросовым ценам. Оптом обычно дороже.

— А если я куплю оптом? Сколько за все?

— Простите, не совсем понял,— я покачал головой.— Что оптом?

Он сгорал от нетерпения.

— Все. Весь мир. Землю.

— Ого,— сказал я.— Это много.

— Я устал покупать по частям. Назначайте оптовую цену — я покупаю все сразу.

Я мотнул головой — ни утвердительно, ни отрицательно, ни да ни нет. В руки шли деньги, и большие. Но пожалуй, вот тут-то я должен был рассмеяться ему в лицо и уйти. Однако я даже не улыбнулся.

— Конечно, вы можете узнать эту цену. Но что это значит? Я хочу спросить, что вы, собственно, собираетесь покупать?

— Землю,— сказал он, придвинувшись так близко, что я ощутил его дыхание.— Я хочу купить Землю. Целиком и полностью.

— Только хорошо заплатите. Продам все на корню.

— Я за ценой не постою. Ведь это настоящая сделка. Плачу две тысячи долларов. Я получаю Землю — всю планету — с правами на полезные ископаемые и клады. Идет?

— Вы получаете чертовски много.

— Я знаю, что много,— согласился он.— Но я и плачу много.

— За то, что просите,— не много. Дайте мне подумать.

Это была большая сделка, большой приз. Я не знал, сколько денег ему дали на телевидении, но был уверен, что две тысячи долларов — только начало. Но как назначить разумную цену за мир и не промахнуться?

Я не должен выглядеть на телевидении мелкой сошкой. Надо угадать высшую цену, названную Эксару режиссером.

— Вам действительно нужно все? — спросил я, поворачиваясь к нему.— Земля и Луна?

Он выставил вперед свою грязную пятерню:

— Только права на Луну. Остальное можете оставить себе.

— Все равно это слишком много. За такую кучу недвижимости вам придется выложить больше двух тысяч.

Эксар поморщился и дернулся всем телом.

— Насколько... насколько больше?

— Ладно, давайте без дураков. Дело крупное! Мы ведь не толкуем больше о мостах, или реках, или морях. Вы покупаете целый мир и часть другого в придачу. Придется раскошелиться. Готовьте деньги.

— Сколько? — Казалось, его тело так и ходит ходуном под грязным костюмом. Люди оборачивались на нас.— Сколько? — прошептал он.

— Пятьдесят тысяч. И это еще чертовски дешево. Сами понимаете.

Эксар весь обмяк. Его страшные глаза, казалось, запали еще глубже.

— Вы сумасшедший,— пробормотал он упавшим голосом.— Вы не в своем уме.

Он повернулся к двери с таким измученным видом, что мне стало ясно — я хватил через край. Он даже не обернулся.

Я сильно потянул за полу его пиджака.

— Эксар, послушайте,— быстро проговорил я, а он тем временем вырывался.— Я понимаю, что заломил слишком много. Но вы можете дать больше двух тысяч. Я хочу знать самую высокую вашу цену. Иначе какого черта я трачу на вас время? И кто еще станет возиться с вами?

Он остановился. Потом поднял голову и закивал. А когда мы пошли бок о бок, я отпустил пиджак. Все началось сначала!

— Ладно. Вы уступаете мне, а я — вам. Поднимем немного цену. Ваше последнее слово? Сколько вы можете дать?

Он поглядел в окно и задумчиво облизал языком грязные губы. Его язык тоже был грязный. Правда! Какая-то грязь, похожая то ли на жир, то ли на сажу, покрывала весь его язык.

— Как насчет двух с половиной тысяч? — спросил он чуть спустя.— Больше не могу. У меня не остается ни цента.

Он был из того же теста, что и я: торгаш до мозга костей.

— Столкуемся на трех тысячах,— не уступал я.— Ну разве это много — три тысячи? Еще каких-то пятьсот долларов! Подумайте, что вы получаете за это! Земля — целая планета — и рыболовство, и полезные ископаемые, и клады, да и к тому же все богатства Луны. Ну как?

— Не могу. Просто не могу. Хотел бы, но не могу.— Он покачал головой, словно стараясь избавиться от своих тиков и подергиваний.— Договоримся так. Я даю вам две тысячи шестьсот. За это вы уступаете мне одну Землю, а на Луне только клады. Полезные ископаемые остаются вам. Я и без них обойдусь.

— Пусть будут две тысячи восемьсот, и берите полезные ископаемые. Они вам наверняка пригодятся. Берите и владейте. Еще двести долларов — и все ваше.

— Не могу я обладать всем. Есть вещи, которые мне не по карману. Как насчет двух тысяч шестисот пятидесяти без прав на полезные ископаемые и клады?

Дело закрутилось. Я это чувствовал.

— Вот мое последнее слово,— сказал я.— Я не могу тратить на это целый день. Предлагаю две тысячи семьсот пятьдесят и ни центом меньше. За это я отдаю вам Землю и право отыскивать клады на Луне. Выбирайте, что хотите.

— Ладно,— сказал он.— Черт с вами — согласен.

— Две тысячи семьсот пятьдесят за Землю и клады?

— Нет, ровно две тысячи семьсот и никаких прав на Луну. Забудем о ней. Ровно две тысячи семьсот, и я получаю Землю.

— Идет! — воскликнул я, и мы ударили по рукам. На том и столковались.

Потом я обнял его за плечи — стоит ли обращать внимание на грязь, если парень принес мне две тысячи семьсот долларов? — и мы снова направились в аптеку.

— Мне нужна расписка,— напомнил он.

— Отлично,— ответил я.— Я напишу вам то же самое: я продаю все, чем владею или имею право продавать. Вы сделали удачную покупку.

— А вы неплохо заработали на своем товаре,— ответил он. Теперь он мне нравился. Дергающийся, грязный, какой угодно,— он был свой человек.

Мы подошли к аптекарю заверить расписку, и, честное слово, я никого противнее не видел.

— Сделали хороший бизнес, а? — сказал он.— Не слишком ли погорячились?

— Слушайте, вы,— ответил я.— Ваше дело — заверить.— Я показал расписку Эксару.— Годится?

Он кашлял и изучал расписку.

— Все, чем вы владеете или имеете право продавать. Прекрасно. И знаете что, напишите о вашей правомочности как торгового агента, о вашей профессиональной правомочности.

Я внес изменения и расписался. Аптекарь заверил расписку.

Эксар вытащил из кармана брюк пачку денег. Он отсчитал пятьдесят четыре хрустящие, новенькие пятидесятидолларовые купюры и положил их на стеклянный прилавок. Затем осторожно взял расписку, спрятал ее и направился к двери.

Я схватил деньги и бросился за ним.

— Может, что-нибудь еще?

— Ничего,— ответил он.— Все. Дело сделано.

— Я понимаю, но мы можем найти еще что-нибудь, какой-то другой товар.

— Больше искать нечего. Дело сделано.

По его голосу я понял, что так оно и есть.

Я остановился и поглядел, как он толкает вращающуюся дверь. Он выкатился на улицу, свернул налево и пошел так быстро, будто чертовски спешил.

Дело сделано. О'кей. В моем бумажнике лежали три тысячи двести тридцать долларов, которые я сделал за это утро.

Но верно ли я действовал? Была ли это действительно высшая сумма, предназначенная мне по сценарию? И как близко я к ней подобрался?

Один из моих знакомых, Морис Барлап, пожалуй, поможет мне разобраться в этом деле.

Морис, как и я, занимался бизнесом, но бизнесом своего рода — он был театральным агентом и дело знал как свои пять пальцев. Вместо того чтобы сбывать медную проволоку или, скажем, устраивать кому-то участок земли в Бруклине, он торговал талантами. Он продавал группу актеров в горный отель, пианиста в бар, ведущего для театрального обозрения, комика в ночную радиопрограмму.

Я позвонил ему из телефонной будки и спросил о телевикторине.

— Так я хочу узнать...

— Нечего узнавать,— отрезал он.— Никакой викторины нет, Берни.

— Да есть она, черт возьми, Морис. Ты просто не слыхал.

— Такого представления нет. Не готовится и не репетируется, нет ничего такого. Подумай сам — до начала передачи тратится уйма денег: нужен сценарий, нужно время на телевидении. А прежде чем купить время, режиссер готовит рекламу. И когда мне звонят насчет исполнителей, я уже наслышан о представлении, мне о нем все уши прожужжали. Я знаю, что говорю, Берни, и раз я сказал, что такого представления нет, значит, его нет.

Он был чертовски уверен в себе. Безумная мысль неожиданно промелькнула в моем мозгу. Нет. Не может быть. Нет.

— Значит, это, как и говорил Рикардо, газета или университетское исследование?

Он задумался. А я стоял в душной телефонной будке и ждал — у Мориса Барлапа была голова на плечах.

— Эти чертовы документы, все эти расписки — газеты и университеты так не работают. И на чудачество это непохоже. Я думаю, тебя облапошили, Берни, не знаю на чем и как, но облапошили.

Этих слов для меня было достаточно. Морис Барлап чует обман сквозь шестнадцатифутовую изоляцию из силикатной шерсти. Он не ошибается. Никогда.

Я повесил трубку и задумался. Безумная мысль вновь вернулась ко мне и бомбой разорвалась в моем мозгу.

Шайка космических пришельцев решила захватить Землю. Может быть, они собираются устроить здесь колонию, а может, курорт, черт их знает. У них свои соображения на этот счет. Они достаточно сильны и высокоразвиты, чтобы захватить Землю силой. Но они не хотят делать это беззаконно, им нужно юридическое обоснование.

Так вот. Может быть, этим бандитам только и надо, что получить от одного полноправного представителя рода человеческого клочок бумаги на передачу им Земли. Неужели правда? Любой клочок бумаги? Подписанный кем угодно?

Я опустил монету в автомат и набрал номер Рикардо. Его не было в колледже. Я объяснил телефонистке, что у меня очень важное дело, и она ответила: «Хорошо, я постараюсь его отыскать».

Все эти турусы на колесах, думал я, мост через пролив Золотые Ворота, пролив Эресунн — все это такие же уловки, как продажа двадцатки за пятерку. В действиях бизнесмена есть одна верная примета — раз он прекращает все переговоры, закрывает лавочку и уходит, значит, он получил, что хотел.

Эксар хотел получить Землю. А все эти дополнительные права на Луну — чистейший вздор! Они выдумали этот трюк, чтобы сбить меня с панталыку и побольше выторговать.

Да, Эксар меня облапошил. Он словно специально изучил, как я работаю. Словно ему надо было купить именно у меня.

Но почему у меня?

И что означал этот бред на расписках о моей правомочности, что, черт возьми, это означало? Я не владею Землей, я не занимаюсь куплей-продажей планет. Вы должны владеть планетой, прежде чем продавать ее. Таков закон.

Но что я продал Эксару? У меня нет никакой недвижимости. Может быть, они собираются забрать мою контору, заявить права на часть тротуара, по которому я хожу, или наложить арест на стул в кафе, где я пью кофе?

Это вернуло меня к исходному вопросу: кто «они»? Кто, черт возьми, «они»?

Телефонистка дозвонилась наконец до Рикардо. Он был недоволен.

— У меня факультетское собрание, Берни. Я позвоню тебе позже.

— Подождите секунду,— умолял я.— Я влип и не знаю, удастся мне выпутаться или нет. Мне очень нужен совет.

Я говорил без передышки — в трубке слышались голоса каких-то крупных боссов, а я без умолку рассказывал о происшедшем со мной после нашего утреннего разговора. Как выглядел

Эксар, какой от него шел запах, какой странный цветной телевизор он смотрел, как он отказался от прав на Луну и ушел, удостоверившись, что купил Землю. Что сказал по этому поводу Морис Барлап и какие у меня самого подозрения, все сказал.

— Только вот одно,— я усмехнулся, сделав вид, будто не принимаю эту историю всерьез.— Кто я такой, чтобы заключать подобные сделки, а?

Какое-то время он размышлял.

— Не знаю, Берни, возможно ли это. Надо рассмотреть все «за» и «против». Пожалуй, это связано с ООН.

— С ООН? Не понимаю. Какое отношение имеет к этому ООН?

— Самое прямое. Вспомни исследование, которое мы вместе с тобой проводили в ООН два года назад.

Он говорил намеками, чтобы стоявшие рядом коллеги не могли его понять. Но я-то понял. Понял.

Эксар, должно быть, разнюхал, что Рикардо дал мне подработать на сбыте списанного оборудования и конторской мебели из нью-йоркского здания ООН. Мне даже выдали официальный документ. И в какой-нибудь картотеке до сих пор хранится бланк ООН, где написано, что я — их официальный представитель по сбыту неликвидов, списанного оборудования и конторской мебели.

Вот вам и юридическое обоснование!

— Вы думаете, эта бумага действительна? — спросил я Рикардо.— Допустим, что Земля — списанное оборудование. Но при чем тут неликвиды?

— Международные законы — штука запутанная, Берни. А здесь все может оказаться куда сложнее. Надо собраться с мыслями и что-то придумать.

— Но что? Что я должен делать, Рикардо?

— Берни,— сердито закричал он,— я же сказал тебе, что у меня факультетское собрание, черт подери! Факультетское собрание!

И он повесил трубку. Я выскочил как сумасшедший из аптеки, схватил такси и понесся к гостинице, где жил Эксар.

Чего я так испугался? Не знаю, но меня чуть удар не хватил. Все это было слишком значительно для маленького человека, как я, и в этой значительности было что-то опасное. В результате я мог стать величайшим идиотом за всю историю человечества. Никто не заключит со мной ни одной сделки. Я чувствовал себя так, будто кто-то попросил меня продать фотографию и я ответил: «Пожалуйста», а оказалось, что это фотография одной из сверхсекретных атомных ракет. Будто я случайно продал свою страну. Только на самом деле все еще хуже: я продал весь этот мир! Я должен выкупить его, должен!

Когда я вбежал в комнату Эксара, он уже собирался уходить. Он укладывал свой забавный транзисторный телевизор в дешевый кожаный саквояж. Я не закрыл за собой двери, чтобы в комнате было посветлее.

— Дело сделано,— сказал он.— Все кончено. Больше дел не будет.

Я загородил ему дорогу.

— Эксар,— сказал я.— Послушайте, что я вам скажу. Вы не человек. Как я, например.

— Я, любезный, человечнее вас!

— Возможно, но вы не землянин — вот в чем дело. Зачем вам Земля?..

— Мне она ни к чему. Я представляю некое лицо.

Так вот оно, напрямик! Ты прав, Морис Барлап! Я уставился в его рыбьи глаза, которые придвинулись ко мне вплотную. Но я не уступал.

— Вы чей-то агент,— медленно произнес я.— Чей? И зачем кому-то понадобилась Земля?

— Это не мое дело. Я агент. Я только покупаю для них.

— Вы получаете комиссионные?

— Ну уж конечно, я работаю не за здорово живешь.

«Да, ты работаешь не за здорово живешь»,— подумал я. Все эти кашли, да тики, да подергивания. Я понял, отчего они. Он не привык к нашему климату. Так, окажись я в Канаде, я бы непременно слег от приступов какой-нибудь болезни из-за другой воды или еще чего-нибудь.

А грязь на его лице была чем-то вроде мази от загара! От нашего солнца! Все одно к одному — окна зашторены, лицо запачкано, грязь на одежде та же, что и на лице.

Эксар не был попрошайкой. Что угодно, только не это. «Пошевели мозгами, Берни,— сказал я себе.— Этот парень здорово тебя охмурил!»

— Сколько вы зарабатываете — десять процентов? — Он мне не ответил, а наклонился ко мне, часто задышал и задергался.— Я заплачу больше, Эксар. Знаете, сколько я дам? Пятнадцать процентов! Мне больно смотреть, как человек носится взад и вперед из-за паршивых десяти процентов.

— А как же этика? — грубо прервал он меня.— Ведь у меня клиент.

— Вы только подумайте, он заговорил об этике! А купить всю эту проклятую Землю за две тысячи семьсот долларов? И это вы называете этикой?

Теперь он озлобился. Он поставил саквояж на пол и ударил кулаком по ладони.

— Нет, это я называю бизнесом, сделкой — я предлагаю, вы соглашаетесь. Вы уходите счастливый, вы преуспели. И вдруг ни с того ни с сего вы прибегаете назад, распускаете нюни и заявляете, что не хотели продавать так много за такие гроши. Что за дела! У меня своя этика: я не подведу клиента из-за какого-то слюнтяя.

— Я не слюнтяй! Я просто мелкая сошка и еле свожу концы с концами. Что я против воротилы из другого мира, который знает, как обвести меня вокруг пальца!

— Если бы вы могли обвести вокруг пальца, вы что, не воспользовались бы этим?

— Но не так. Не смейтесь, Эксар, это правда. Я бы не стал обманывать калеку. Я бы не стал обводить простака из жалкой конторы, чтобы он продал мне планету.

— Но вы-то продали,— сказал он.— Эта расписка действительна где угодно. А техники, чтобы подкрепить ее силу, у нас хватит. Как только мой клиент вступит во владение документом, человеческой расе конец, «капут» ей наступит, забудьте о ней. А козлом отпущения будете вы.

В номере стояла жара, и я вспотел как мышь. Но у меня отлегло от сердца. Эксар все-таки пошел на переговоры. Я усмехнулся.

Его лицо слегка порозовело под грязью.

— Что вы предлагаете? — спросил он.— Назовите цифру.

— Называйте вы. Вы продаете, я покупаю.

— Хм,— нетерпеливо хмыкнул он и оттолкнул меня. Он оказался крепким парнем! Я побежал за ним к лифту.

— Сколько вы хотите, Эксар? — спросил я, когда мы спускались.

Он пожал плечами:

— У меня есть планета и покупатель на нее. Вы влипли. Сами влипли, сами и выпутывайтесь.

Вот сволочь! На все у него готов ответ.

Он сдал ключи, и мы вновь оказались на улице. Мы шли по Бродвею, и я предложил ему три тысячи двести тридцать долларов, которые получил с него, а он ответил, что не прокормится, если будет получать и отдавать одну и ту же сумму.

— Три тысячи четыреста,— предложил я.— То есть хочу сказать, три тысячи четыреста пятьдесят.— Он даже головы не повернул.

Если бы я не называл какие-то цифры — какие угодно, тут бы мне и конец.

Я забежал вперед.

— Эксар, хватит натягивать друг другу нос, он у меня и так большой. Называйте сумму. Сколько бы ни было, я заплачу.

Это подействовало.

— Точно? И не обманете?

— Как я могу обмануть?! У меня нет выхода.

— Идет. Я помогу вам вывернуться и силы сберегу — не придется тащиться к своему клиенту. Но как сделать, чтобы всем было хорошо — и вас не обидеть, и самому не остаться внакладе? Пусть будет ровно восемь тысяч.

Восемь тысяч — это почти все, что лежало у меня в банке. Он точно знал, сколько у меня денег на счете — до последнего вклада!

И мысли мои он тоже знал.

— Если решил иметь с кем-нибудь дело,— говорил он между приступами кашля,— то о таком человеке стоит навести справки. У вас есть восемь тысяч с мелочью. Это не так уж много для спасения собственной шеи.

Я вскипел:

— Не так много? Ну, я поговорю с тобой по-другому, филантроп несчастный, благодетель проклятый. Черта лысого я уступлю! Разве что чуть-чуть! Но ни единого цента из банка ни за вас, ни за Землю, ни за кого другого я не отдам!

Полисмен подошел поближе посмотреть, чего это я разорался, и мне пришлось поутихнуть немного, пока он не отошел.

— Помогите! Полиция! Пришельцы посягают на нас! — едва не завопил я. Во что бы превратилась улица, где мы стояли, не уговори я тогда Эксара отказаться от расписки?

— Предположим, что ваш клиент захватит Землю, размахивая моей распиской,— меня вздернут на первом суку. Но у меня одна жизнь, и эта жизнь — купля-продажа. Я не могу покупать и продавать без капитала. Отними мой капитал, и мне будет все равно, кто владеет Землей, а кто нет.

— Кого вы, черт побери, надуваете? — спросил он.

— Я никого не надуваю. Честное слово, это правда. Отнимите мой капитал, и мне все равно, жив я или мертв.

Эта последняя капля вранья, кажется, переполнила чашу. Поверьте, когда я выводил эти трели, на мои глаза навернулись самые натуральные слезы. Сколько мне надо, хотел бы он знать,— пятьсот долларов? Я ответил, что и дня не проработаю без суммы в семь раз большей. Он поинтересовался, действительно ли я собираюсь выкупать эту проклятую планету или у меня сегодня день рождения и я жду от него подарка?

— Не нужны мне ваши подарки,— сказал я.— Подарите их толстякам. Им стоит посидеть на диете.

Так мы и шли. Оба спорили до хрипоты, клялись чем угодно, препирались и торговались, расходились и возвращались. Было совершенно непонятно, кто же все-таки уступит первым.

Но никто не уступал. Мы оба стойко держались, пока не пришли к сумме, на которую я и рассчитывал, пожалуй чуть большей, но на ней и порешили.

Шесть тысяч сто пятьдесят долларов.

Эта сумма с лихвой перекрывала данную мне Эксаром. Но больше выторговать я не сумел. Знаете ли, могло быть и хуже. И все-таки мы чуть не разошлись, когда речь зашла о расчете.

— Ваш банк неподалеку. Мы успеем до закрытия.

— Хотите довести меня до инфаркта? Мой чек — то же золото.

В конце концов я уговорил его взять чек. Я дал ему чек, а он протянул мне расписки, все до единой. Все подписанные мной расписки. Затем он взял свой маленький саквояж и зашагал прочь.

Он пошел вниз по Бродвею, даже не попрощавшись со мной. Для Эксара существовал только бизнес и ничего больше. Он даже не обернулся.

Только бизнес. На следующее утро я узнал, что он успел зайти в банк до закрытия и удостоверился в моей платежеспособности. Как вам это понравится? У меня все валилось из рук: я лишился шести тысяч ста пятидесяти долларов. Из-за какого-то разговора с незнакомцем!

Рикардо прозвал меня Фаустом. Я вышел из банка, колотя себя кулаком по голове, и позвонил ему и Морису Барлапу, чтобы пригласить их на ленч. Мы зашли в дорогой ресторан, выбранный Рикардо, и там я рассказал им все.

— Ты Фауст,— сказал он.

— Что Фауст? — спросил я.— Кто Фауст? Какой Фауст?

Само собой, ему пришлось рассказать мне про Фауста. Только я-де новый тип Фауста — американский Фауст двадцатого века. До меня Фаусты хотели все знать, а я хотел всем владеть.

— Но я ничем не овладел,— вставил я.— Меня надули. Меня надули на шесть тысяч сто пятьдесят долларов.

Рикардо рассмеялся и откинулся на спинку кресла.

— Люди гибнут за металл,— пробормотал он.— Люди гибнут за металл.

— Что?

— Цитата, Берни. Из оперы Гуно «Фауст». И, по-моему, цитата подходящая. Люди гибнут за металл.

Я перевел взгляд на Мориса Барлапа, но никто никогда не скажет, что у него на уме. Одетый в дорогой твидовый костюм, он смотрел на меня таким глубоким и задумчивым взглядом, что в этот момент походил на профессора куда больше, чем Рикардо. Рикардо, знаете, слишком уж щеголеватый.

А их уму и находчивости мог позавидовать любой. Потому-то я чуть душу не заложил, но все же повел их в этот ресторан. Хотя Эксар почти разорил меня.

— Морис, скажи правду! Ты понял его?

— А что тут понимать, Берни? Цитату о гибели за золото? Может, это и есть ответ, а?

Теперь я посмотрел на Рикардо. Он приканчивал итальянский пудинг со сливками. Этот пудинг стоил здесь ровно два доллара.

— Допустим, он пришелец,— сказал Морис Барлап.— Допустим, он явился откуда-то из космоса. Прекрасно. Спрашивается, на что пришельцу американские доллары? Интересно, кстати, какой у них курс?

— Ты хочешь сказать, что ему надо было сделать покупки здесь, на Земле?

— Совершенно верно. Но какие покупки? Вот в чем вопрос. Что ему могло понадобиться на Земле?

Рикардо прикончил пудинг и вытер губы салфеткой.

— Я думаю, вы на верном пути, Морис,— сказал он и опять завладел моим вниманием.— Мы можем предположить, что их цивилизация намного превосходит нашу. Они считают, что нам еще рано знать о них. И хотят превратить примитивную маленькую Землю в своеобразную резервацию, куда вход воспрещен, и нарушить это запрещение осмеливаются только преступники.

— Откуда же в таком высокоорганизованном обществе берутся преступники, Рикардо?

— Законы порождают преступников, Берни, как курица — яйца. Цивилизация бессильна против них. Теперь я начинаю понимать, кто такой этот Эксар. Беспринципный авантюрист, космический бродяга, подобно головорезам, бороздившим южные моря сотню, а то и больше лет назад. Представим себе, что пассажирский пароход врезается в коралловые рифы и какой-нибудь вонючий гад из Бостона выбирается на берег и начинает жить среди примитивных, неразвитых дикарей. Надеюсь, вы понимаете, что произойдет дальше.

Морис Барлап заявил, что не прочь выпить еще бренди. Я заказал. И он, как обычно, едва улыбаясь, доверительно наклонился ко мне:

— Рикардо прав, Берни. Поставь себя на место твоего покупателя. Он терпит аварию и врезается в грязную маленькую планету, к которой по закону ему и близко подходить нельзя. Он может подлатать свой корабль с помощью местного хлама, но за все надо рассчитываться. Малейший шум, малейшее недоразумение, и его застукает Космическая полиция. Что бы ты делал на его месте?

Теперь я понял.

— Я бы менял и выторговывал. Медные браслеты, бусы, доллары — все, что попалось бы под руку и на что можно получить их товары. Я бы менял и выторговывал, проворачивая сделку за сделкой. Даже какое-нибудь ненужное оборудование с корабля бы снял, а потом нашел бы новый товар, представляющий для них ценность. Но все это земные представления о бизнесе, человеческие представления.

— Берни,— сказал мне Рикардо,— было время, когда как раз на том месте, где сейчас находится фондовая биржа, индейцы меняли бобровый мех на блестящие гильзы. Какой-то бизнес есть и в мире Эксара, я уверен в этом, и по сравнению с ним объединение наших крупнейших концернов выглядит ребячьей забавой.

— Да, вот оно как. Выходит, я был обречен с самого начала. Охмурил меня этот проходимец-супермен. Увидал, что шляпа, вот и взял на арапа.

Рикардо кивнул:

— Мефистофель бизнесменов, спасающийся от грома небесного. Ему нужно было вдвое больше денег, чтобы залатать свой рыдван. Вот он и проделал самую фантастическую махинацию за всю историю коммерции.

— Из слов Рикардо следует,— донесся до меня голос Мориса Барлапа,— что этот парень, который так круто обошелся с тобой, на пять голов выше тебя.

У меня прямо руки опустились.

— Какая разница? — сказал я.— Тебе может наступить на ногу лошадь, а может и слон. Но кто-то все равно отдавит тебе ногу.

Я оплатил счет, собрался с духом и вышел.

И тут я задумался, так ли все это на самом деле. Они оба с наслаждением зачисляли Эксара в межпланетные подонки. Конечно, Рикардо — голова, а Барлап хитер, как черт, но что из этого? Идеи есть. А фактов-то нет.

Но вот и факт.

В конце месяца в мою контору пришел чек, который я выписал Эксару. Он был индоссирован крупным магазином в районе Кортленд-стрит. У меня были дела с этим магазином. Я отправился туда порасспросить насчет своего клиента.

Они торгуют электронной некондицией. У них-то Эксар и сделал покупки. Большую партию транзисторов и трансформаторов, сопротивлений и печатных схем, электронных трубок, проволоки, инструментов и т. д. Все вперемешку, сказали они, миллион деталей, которые невозможно соединить. Они решили, что у Эксара какая-то очень срочная работа и он берет все, что хоть как-то могло ему подойти. Он выложил кучу денег за доставку — товар отправлялся в какую-то глухомань в Северной Канаде.

Вот он, факт. Я должен его признать. А вот еще один.

Как я уже говорил, я был связан с этим магазином. Цены у них самые низкие в округе. А почему, вы думаете, они продают по дешевке? Ответ один: потому что они дешево покупают. Они покупают по бросовым ценам, на качество им плевать: единственное, что их интересует,— это прибыль. Я сам сбыл им груды электронного лома, который мне бы в жизни нигде не сплавить; бракованные отбросы, это даже опасно, если хотите. Вы туда можете снести хлам, когда, затоварившись еще большим хламом, потеряете всякую надежду заработать.

Представляете себе? Я краснею, вспоминая об этом.

Я вижу, как где-то в космосе летит Эксар. Он залатал свою посудину. Все в порядке, Эксар на пути к новым великим свершениям. Моторы жужжат, корабль несется вперед, а он сидит с радостной улыбкой на грязной роже, вспоминает, как ловко обвел меня вокруг пальца.

Он смеется до колик в животе.

И вдруг раздается пронзительный скрип и тянет гарью. В цепи управления главного двигателя изоляция протерлась, провода замкнулись, корабль теряет управление, и тут начинается настоящий ад. Эксар сдрейфил. Он включает вспомогательные двигатели. Вспомогательные двигатели не работают — знаете почему? В вакуумные трубки не поступает электрический ток. Бац! Короткое замыкание в хвостовом двигателе. Крах! В середине корабля расплавляется некондиционный трансформатор.

И вот на тебе, до жилья миллионы миль, кругом беспредельный космос, запасных частей нет, инструменты ломаются прямо в руках, и кругом ни души — надуть некого.

А я здесь, в своей конторе, думаю о нем и чуть не надорвал живот со смеху. Так как возможно и очень даже вероятно, что все неполадки с кораблем происходят из-за десятка бракованных деталей и списанного электронного оборудования, которое я сам, Берни по прозвищу Фауст, время от времени сплавлял магазину уцененных товаров.

Больше я ни о чем не прошу. Только бы все так и вышло.

Фауст. Получит он у меня Фауста! Прямо в рожу! Фауст! Расшибешь себе за Фауста башку! Я тебе дам Фауста!

Да вот беда — обо всем этом я ведь так и не узнаю. Но одно я знаю точно — я единственный человек за всю историю Земли, кто продал эту проклятую планету.

И снова ее выкупил!

Маскулинистский переворот

I

ЯВЛЕНИЕ ГУЛЬФИКА

С 1990 по 2015 год историки категорически расходились во мнениях относительно причин Маскулинистского переворота. Одни рассматривали его как сексуальную революцию в масштабах нации, другие утверждали, что престарелый холостяк основал движение с единственной целью — спастись от банкротства, а впоследствии движение погребло его под собой.

Этот самый холостяк, П. Эдвард Поллиглов — которого последователи любовно называли Старой Перечницей — был последним представителем семейства, которое в течение многих поколений занималось производством мужской одежды. Фабрика Поллиглова выпускала лишь одно изделие — мужские свитера — и работала на полную мощность до момента появления Взаимозаменяемого стиля. И тогда резко, чуть ли не за один день, рынок чисто мужской одежды исчез.

Однако Поллиглов отказался смириться с тем, что он и все его оборудование оказались ненужными в результате обычного каприза моды. Но ведь Взаимозаменяемый стиль стирал все половые различия! «Не надейтесь, что мы покоримся! Не надейтесь!» — похихикивал он сначала.

Но выведенные красными чернилами цифры в его бухгалтерских книгах свидетельствовали о том, что соотечественники, несмотря ни на что, покорились.

И вместо того чтобы нервничать в своем унылом офисе, Поллиглов стал проводить за размышлениями долгие часы дома. Главным образом, он размышлял над тем, как на протяжении двадцатого столетия женщины помыкали мужчинами. Когда-то мужчины были гордыми созданиями, отстаивавшими свои права

и наслаждавшимися высоким положением в человеческом обществе. Что же случилось?

Все беды начались сразу после Первой мировой войны, решил он, и очевидными виновниками являлись мужские портные.

Все началось с того, что пошив женских твидовых юбок и пальто потребовал профессиональных навыков мужских портных. Затем последовала мода, имитирующая мужской костюм,— женские брюки; блузки постепенно заменялись рубашками; и изначально мужские предметы одежды, где перекроенные, где собранные в сборки, получали новые женские названия. Далее последовала «всеобщая» мода, которая сделала одежду универсальной к 1991 году.

А тем временем женщины продолжали завоевывать престиж и политическую власть. Комитет по справедливой политике в сфере занятости населения ввел дискриминационную практику, основанную на половых различиях. Решение Верховного Суда (Общество женской атлетики против Комитета по боксу штата Нью-Йорк) оформило закон, выраженный в исторических словах Эммелин Крэггли: «Пол — частное, индивидуальное дело каждого человека и исчерпывается его внешностью. Что же касается семейных обязанностей, права на труд и даже одежды, представители обоих полов являются взаимозаменяемыми во всех отношениях, кроме одного. А именно: традиционной обязанности мужчины обеспечивать свою семью, исчерпывая до предела свои физические силы, что является краеугольным камнем цивилизованного бытия».

Два месяца спустя на Парижской выставке был продемонстрирован Взаимозаменяемый стиль.

Выражался он в своеобразной разновидности каждодневного свитера — что-то вроде туники с короткими рукавами, которую носили в то время повсеместно. Новшество заключалось лишь в том, что женская и мужская модели теперь ничем не отличались друг от друга.

Это соединение стилей подорвало дело Поллиглова. После исчезновения мужских признаков в одежде, фабрику, которая передавалась по наследству от поколения к поколению, можно было только выставить на торги.

Поллиглов все больше впадал в отчаяние.

Как-то вечером он рассматривал костюмы прошедших эпох, которые подчеркивали мужские достоинства с такими подробностями, что ни одна женщина не рискнула бы их носить.

Например, стили мужской одежды конца XIX века. В них явно просматривалась принадлежность к мужскому полу, но обладали ли они чем-то особенным, что не позволило бы их

надеть современным женщинам? К тому же такая одежда была слишком тяжелой и неудобной для мягкого искусственного климата современного мира.

Все дальше уходил Поллиглов в глубину веков, покачивая головой и напряженно всматриваясь в древние потускневшие гравюры. Это не годится и то не годится. С мрачным видом он изучал рыцарские доспехи, пытаясь представить себе кольчугу с молнией на спине, когда вдруг его взгляд упал на портрет XV века, который лежал у его ног в куче уже просмотренного и забракованного материала.

С этого мгновения и зародился Маскулинизм.

Большую часть портрета закрывали сваленные на него сверху рисунки. Были видны только туго обтягивающие ноги рейтузы, глядя на которые Поллиглов лишь старчески пожевывал губами. Но там, между ног, отчетливо просматривалась выпуклость, там был...

Гульфик!

Этот маленький мешочек, который когда-то носили на рейтузах и бриджах,— как просто добавить его к мужскому свитеру! Он безусловно и определенно свидетельствовал о мужском поле своего обладателя. Конечно, подобную одежду могла надеть и женщина, но тогда гульфик выглядел бы бессмысленным придатком, нет, даже хуже, дурацкой издевкой.

Он проработал всю ночь, готовя чертежи для своих дизайнеров. Наконец, обессилев, он улегся в постель, но и там не мог заснуть от переполнявшего его восторга. Лежа в темноте с открытыми глазами, он видел перед собой миллионы гульфиков, свисавших с мужских свитеров Поллиглова — они кружились, мелькали и покачивались перед ним.

Впрочем, оптовики забраковали новое изделие. Старые свитера — пожалуйста: среди покупателей еще оставались некоторые консерваторы, предпочитавшие привычку и удобство моде. Но кому может потребоваться это антиэстетичное новшество? Это же откровенный плевок в лицо современной доктрине о взаимозаменяемости полов!

Однако его коммивояжеров это не останавливало. «Неповторимость! Различия! — повторяли они с голоса своего шефа.— Вот наша единственная надежда — надежда всего мира!»

Поллиглов и думать забыл о плачевном состоянии своего дела, он задыхался, не имея сбыта. Он хотел спасти мир. Он был потрясен силой откровения: он принес гульфик, и его никто не хотел брать. Но они должны! Должны ради собственного же блага.

Погрязнув в долгах, он заключил соглашение со скромной рекламной компанией. Пренебрегнув дорогими, хоть и имеющими доступ к широкой аудитории средствами массовой информации, он сосредоточил все свои вложения на сфере развлечений, предназначенных исключительно для мужчин. Его реклама появлялась в популярнейших телевизионных шоу того времени, мыльных операх типа «Муж Сенаторши» и популярных мужских журналах — «Исповеди Ковбоя» и «Сплетни асов Первой мировой войны».

Реклама была повсюду одинаковой — будь то цветная вклейка или минутное объявление. На зрителя смотрел дюжий крепкий молодец с презрительной ухмылкой. Он курил длинную черную сигару. Котелок на голове небрежно съехал на бок, и облачен он был в мужской свитер Поллиглова с огромным гульфиком зеленого, желтого или ярко-красного цвета.

Сначала текст состоял из пяти ударных фраз:

МУЖЧИНЫ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЖЕНЩИН!
Одевайтесь отлично!
Одевайтесь по-мужски!
Носите мужские свитера Поллиглова
со специальным гульфиком!

Однако уже в самом начале кампании специалист по рынку сбыта, нанятый рекламным агентством Поллиглова, указал, что слово «мужской» приобрело нежелательный смысл в последние годы. Были опубликованы тонны социологической и психологической литературы, посвященной проблеме компенсации или бравады мужскими качествами, что повлекло за собой смещение в сознании масс понятий «мужской» и «гомосексуальный».

«Нынче,— заметил специалист,— понятие “мужской” ассоциируется с чем-то сказочным. Как насчет того, чтобы сказать “одевайтесь маскулинистски”? — предложил специалист.— Чтобы в определенной мере смягчить впечатление».

Несмотря на свои сомнения, Поллиглов заменил слова в одном из рекламных объявлений. Новое выражение показалось ему пресным и невыразительным. Поэтому он добавил еще одну строчку, чтобы придать слову «маскулинистский» некоторую пикантность. Так что окончательный вариант выглядел следующим образом:

МУЖЧИНЫ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЖЕНЩИН!
Одевайтесь отлично!
Одевайтесь маскулинистски!
Носите мужские свитера Поллиглова
со специальным гульфиком!
(Вступайте в Маскулинистский клуб!)

И это подействовало. Подействовало так, как и присниться не могло Поллиглову. Тысячи и тысячи заявок начали поступать отовсюду, даже из-за границы — из Советского Союза и Красного Китая. «Где можно достать мужской свитер Поллиглова со специальным гульфиком? Как вступить в Маскулинистский клуб? Каковы уставные положения маскулинизма? Каков первый взнос?»

Оптовики, осаждаемые покупателями, жаждавшими свитер с гульфиком яркого цвета, набрасывались на изумленных коммивояжеров Поллиглова и заказывали огромные партии товара. Десять тысяч, пятьдесят тысяч, сто тысяч! И все требовали немедленной доставки!

П. Эдвард Поллиглов снова окунулся в бизнес. Он изготавливал, изготавливал и изготавливал, он продавал, продавал и продавал. Все вопросы о Маскулинистском клубе он игнорировал, ссылаясь на то, что это был лишь рекламный трюк, примененный для привлечения внимания, который намекал на существование некой группы обладателей гульфиков.

Однако два обстоятельства очень скоро заставили его отнестись к этой проблеме с большей серьезностью, а именно — конкуренция и Шеппард Л. Мибс.

После того как прошел первый шок от нового изделия Поллиглова, все производители начали изготовлять свитера с гульфиками. Они соглашались, что Поллиглов в одиночку перевернул всю отрасль, и в полной мере признавали победоносное возвращение гульфика — но почему лишь гульфики Поллиглова? Почему не гульфик Расботтома, Геркулеса или Бангкланга?

И так как большинство из этих лиц обладало большими производственными мощностями и более значительными ассигнованиями на рекламу, Поллиглову пришлось с грустью задуматься о плачевной планиде Колумба. Единственное, что ему оставалось, это подчеркивать уникальные свойства именно гульфика Поллиглова.

Именно в этот критический момент он познакомился с Шеппардом Леонидасом Мибсом.

Мибс, или «старина Шеп», как его называли его философские последователи, стал вторым из великих триумвиров маскулинизма. Он был странным беспокойным человеком, который путешествовал по стране, постоянно меняя места работы в поисках своего места в обществе. То тюремный тренер по многоборью, то борец-неудачник, то голодный бродяга, то охотник на крупную дичь, то ресторанный поэт-импровизатор, то повар, то жиголо — он перепробовал все, разве что еще не был фотомоделью. Но именно последнее имело в виду рекламное агентство Поллиглова, когда обратило внимание на его свирепо перекошенное лицо со шрамом, оставленным ему на память полицейской дубинкой в Питтсбурге.

Его изображение использовали в одной из реклам. Она мало чем отличалась от других, и его уволили по просьбе фотографа, которому надоело то, что Мибс требовал к котелку, гульфику и сигаре добавить шпагу.

Но Мибса это не остановило. Он продолжал являться в агентство каждый день, пытаясь убедить всех и каждого, что в рекламу Поллиглова должна быть добавлена шпага, длинная-длинная шпага, и чем больше и увесистей, тем лучше. «Помешанный на шпагах явился,— вздрагивал при виде него секретарь,— ради бога, скажите ему, что я еще не пришел после ленча».

Не стесненный во времени Мибс просиживал долгие часы на диване в приемной, рассматривая рекламу Поллиглова и записывая свои замечания в черной записной книжечке. Наконец с его присутствием все настолько свыклись, что перестали обращать на него какое-либо внимание.

Однако Поллиглов остановил на нем свой взгляд. Прибыв однажды для обсуждения новой кампании, призванной подчеркнуть особые свойства гульфиков Поллиглова, которые ни при каких условиях не могли быть заменены другими, он разговорился со странным молодым человеком. «Передайте директору по финансам, чтобы убирался к черту,— заметил Поллиглов секретарю, направляясь с Мибсом в ресторан,— я нашел то, что искал».

Шпага показалась ему замечательной идеей, чертовски замечательной. Ее надо было обязательно вставить в рекламу. Но в гораздо большей степени Поллиглова заинтересовали соображения, записанные Мибсом в черной записной книжечке.

«Если одна добавленная в рекламе фраза о Маскулинистском клубе оказалась столь эффективной,— спрашивал себя Мибс,— почему бы ее не использовать? Совершенно очевидно, что удалось нащупать болевую точку. Мужчины нуждаются в самовыражении».

— Когда исчезли старые салуны, мужчинам стало некуда уходить от женщин, разве что в парикмахерскую. А теперь, с этой чертовой универсальной стрижкой, они лишились и этого места. Все, что осталось парням,— мужские уборные, но боюсь, уже и на них посягают, могу поспорить, нам и этого не оставят!

Поллиглов потягивал горячее молоко и кивал головой.

— Вы считаете, что Маскулинистский клуб сможет восполнить недостающее? Создать у мужчин ощущение собственной исключительности, скажем, что-то вроде английского частного клуба для джентльменов?

— Да нет же, черт побери! Конечно, мужчины нуждаются в чувстве собственной исключительности, в чем-то, что не предполагает участия женщин, но вовсе не в частном клубе, черт возьми. В наши дни везде им талдычат о том, что они не представляют из себя ничего особенного, что они обычные люди. Мужчины — люди, женщины — люди, какая разница? Им нужно что-то вроде гульфика, что-то, что говорило бы им, что они — мужчины, а не просто люди! В полном смысле слова обладающие двумя кулаками, мужчины, призванные подняться и постоять за себя! Им нужно место, где они были бы свободны от всех тех глупостей, которыми им забивают мозги: о том, что женщины совершеннее мужчин; что они дольше живут; что настоящий мужчина не должен быть мужественным... Ну, и прочей болтовни.

Подобное красноречие произвело на Поллиглова такое сильное впечатление, что молоко у него остыло. Он попросил принести другой стакан и еще одну чашку кофе для Мибса.

— Клуб, в котором единственным требованием будет принадлежность к мужскому полу,— задумчиво произнес он.

— Нет, вы все еще не понимаете,— одним глотком опустошив чашку, Мибс с горящими глазами наклонился поближе к Поллиглову.— Не просто клуб, а целое движение. Движение, борющееся за права мужчин, ведущее пропаганду против нынешних бракоразводных законов, издающее книги о преимуществах мужского пола. Движение со своими газетами, песнями, лозунгами. Типа: «Маскулинизм — единственное отечество для мужчины» или «Мужчины всего мира, объединяйтесь — вам нечего терять, кроме своих яиц!» Понимаете? Настоящее движение.

— Да, движение! — лепетал Поллиглов, постепенно догадываясь, о чем идет речь.— Движение с официальной униформой — гульфиками Поллиглова! А может, даже разными гульфиками для разных, для разных... ну ладно...

— Для разных подразделений,— договорил за него Мибс.— Отличная мысль! Скажем, зеленые — для новичков. Красные — для зрелых мужчин. Голубые — для первоклассных мужчин. И белые — белые у нас будут для самого высшего звания — для суперменов. И послушайте, вот еще одна идея.

Но Поллиглов уже не слышал. Он сидел, откинувшись в своем кресле, и его серое морщинистое лицо озарял чистый благоговейный свет.

Анналы маскулинистского движения назвали позднее этот ленч Антантой. В тот же исторический день адвокат Поллиглова подготовил контракт, по которому Шеппард Л. Мибс становился директором по общественным связям фирмы Поллиглова.

Во всех новых рекламных объявлениях появились следующие строки:

Хотите узнать больше о маскулинизме?
Хотите вступить в Маскулинистский клуб?
Заполните этот купон и вышлите
по указанному ниже адресу.
Никаких обязательств, бесплатная литература и сведения
об этом увлекательном новом движении!
ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН!

Купоны хлынули лавиной, и дело завертелось. Мибс возглавил обширный штат служащих. Двухлистный бюллетень, который получали подписчики, превратился в двадцатичетырехстраничную еженедельную газету «Маскулинистские новости», которая, в свою очередь, разрослась в ежемесячный журнал с цветными вклейками «Волосатая Грудь» и страшно популярную телевизионную программу «Бой Быков».

В каждом выпуске «Маскулинистских новостей» в верхней части первой страницы лозунг Поллиглова «Мужчины отличаются от женщин» соседствовал с высказыванием Мибса «Мужчины не хуже женщин». В верхнем левом углу располагалась фотография Поллиглова с подписью «Наш Отец-основатель — Старая Перечница», под которой публиковался редакционный материал «Разговор по душам со стариной Шепом».

Иногда редакционную статью сопровождали карикатуры. Красавец мужчина с петушиным гребнем, направляющийся к толпе грудастых и задастых женщин, с подписью «Петух — Затаи Дух». Или более назидательные: сотни малышей окружали полностью обнаженного, если не считать гульфика, мужчину. Поперек гульфика шла надпись по-латыни «Ex Unus Pluribum» и перевод для нуждающихся «Из одного — многие».

Частенько добавлялся какой-нибудь злободневный штрих. Изображался мужчина, казненный за убийство своей возлюбленной, с окровавленным топором в руках. (Например, между портретами Натана Хейла* и Линкольна, разрывающего цепи рабства.) Внимания подробностям дела вовсе не уделялось, приговор комментировался с негодованием, характерным для бульварных газет. «Мужчина всегда прав»,— гласил их девиз.

«Разговор по душам со стариной Шепом» призывал к действиям, а его стиль напоминал накачку футболистов в раздевалке в перерыве между таймами. «Мужчины являются второсорт-

* Натан Хейл (1755–1776) — американский солдат, повешенный англичанами по обвинению в шпионаже.

ным полом в Америке,— заявлялось там,— второсортным и обманутым. В современном мире все предназначено для подрыва их уверенности в себе и для принижения их роли. Кому нравится быть слабым и робким, вместо того чтобы стать сильным и крутым? Боритесь за себя, мужчины Америки, выше головы!»

Такие воззвания были по душе широкой аудитории, о чем свидетельствовал постоянно увеличивавшийся тираж «Маскулинистских новостей». Распространялись слухи о том, что наконец, мужские проблемы вышли на первый план, и в термин «мужественность» снова вкладывается положительный смысл. Ложи Маскулинистского общества были основаны во всех штатах, а более крупные города гордились тем, что у них ежемесячно проходит по пятнадцать и более собраний.

С самого начала организацию отличали военный энтузиазм и страсть к бюрократизму. В Кливлендской ложе, например, придумали специальное тайное рукопожатие; в Хьюстоне последователи движения пользовались паролем из нецензурных слов. А Декларация ложи Монтаны стала преамбулой к Международной маскулинистской конституции: «...все мужчины имеют те же права, что и женщины... они в равной мере обладают правом на жизнь, свободу и активные действия по отношению к противоположному полу... от каждого по его сперме, каждой по ее яйцеклетке...»

Первая группа Лиги Шеппарда Мибса появилась в Олбани. Принявшие ее присягу клялись жениться только на тех женщинах, которые заявят во время церемонии: «Обещаю любить, почитать и подчиняться». Таких маскулинистских подгрупп становилось все больше и больше: клуб «Сигара и Плевательница», братство «Соблазняй и бросай», общество «Я ничем не обязан бабам».

Оба основоположника поровну делили доходы от движения, и оба богатели. Мибс сделал целое состояние на своей книге «Мужчина был создан первым», которая считалась библией маскулинизма. Что же касается Поллиглова, то его преуспеяние превзошло все границы его жадности, а она была недюжинной.

Он уже не занимался мужской одеждой, полностью посвятив себя производству этикеток и ярлыков. Он изготавливал наклейки для мужских свитеров, внутренней стороны коричневых котелков, сигарных оберток и металлические именные таблички для шпаг. Лишь один предмет производился на его фабрике. Он испытывал непреходящее теплое чувство к легендарному маленькому тряпичному мешочку «Натуральный Гульфик Поллиглова»: казалось, эта вещица объединяла его с соотечественниками и давала ему возможность сразделять их победы и неудачи.

Впрочем, все права по-прежнему принадлежали Поллиглову.

Огромный ассортимент изделий выпускался только с его санкции, которая давалась отнюдь не бесплатно. Ни один производитель в трезвом уме не мог и помыслить, чтобы новая модель спортивной машины, вращающегося стула для офиса или, скажем, грыжевого бандажа вышла без наклейки «Маскулинистское движение Америки». Мода требовала своего: мужчины, даже не являвшиеся маскулинистами, отказывались что-либо покупать, если на изделии не было магической фразы, заключенной в знакомый голубой равнобедренный треугольник. Несмотря на географические различия, повсюду в мире — на Цейлоне, в Эквадоре, Сиднее и Нигерии — мужчины требовали эту наклейку и платили за нее немалые деньги.

Наступил век столь долго отсутствовавшего и столь долгожданного мужского рынка. И П. Эдвард Поллиглов стал всемирным сборщиком налогов с его доходов.

Он вел дело и увеличивал свое состояние. Мибс руководил организацией и укреплял свою власть. Прошло три года, прежде чем между ними разразился конфликт.

Большую часть жизни Мибс был неудачником — он научился глотать обиды, заливая их клокочущей внутри яростью. И шпаги, которые он пристегнул к мужским телам, преследовали не только декоративную цель.

«Шпаги,— писал он в "Волосатой Груди",— столь же противоестественны для женщин, как усы или борода». Таким образом, неостриженная борода и свисающие усы стали отличительным знаком приверженцев маскулинизма. Но если мужчина зарастал шерстью, как леопард, и разгуливал со шпагой, мог ли он продолжать разговаривать на пониженных тонах, как евнух? Мог ли он по-прежнему передвигаться неуверенной походкой кормильца семьи? Нет, ему это уже не пристало! Вооруженный мужчина должен был вести себя как вооруженный мужчина, он должен был гордо ходить, он должен был рычать, он должен был драться, он должен был уметь бросить вызов.

Но он должен был уметь и принять вызов.

Встречи по боксу сначала вызвали разногласия. Затем в каждой маскулинистской ложе стали преподавать фехтование и стрельбу из пистолетов. В результате чего постепенно был реанимирован и взят на вооружение Дуэльный кодекс в полном своем объеме.

Первые дуэли проводились в стиле студенческих корпораций немецких университетов. Глубоко в подвалах своих лож дуэлянты в хорошо защищенных костюмах и масках обрушивались со шпагами друг на друга. На вечеринках и в супермаркетах непринужденно обсуждались полученные противниками царапины,

которые с гордостью демонстрировались окружающим, и системы подсчета баллов, не поощрявшие оборонительную тактику.

Но мальчики есть мальчики. А мужчины должны быть мужчинами. Посещение спортивных состязаний начало резко сокращаться: не указывало ли это на то, что заработали какие-то другие здоровые механизмы? Не естественнее ли самим принимать участие в схватках, чем заниматься имитацией борьбы?

И дуэли начали приобретать серьезный характер. Когда действительно затрагивались вопросы чести, маски и защитные костюмы снимались, и выбеленный подвал ложи заменялся лесной опушкой на рассвете. Там отсекалось ухо, здесь располосовывалось лицо и протыкалась грудь. Победитель шумно праздновал свою победу; умиравший или получивший серьезную рану упрямо настаивал, что упал на антенну собственной машины.

Дуэльный комплекс требовал от всех участников — дуэлянтов, секундантов и присутствующих хирургов — соблюдения тайны. Поэтому, несмотря на мощный общественный протест и поспешно изданные новые законы, мало кого удавалось наказать. Мужчины из самых разных социальных слоев стали рассматривать дуэль как единственный приемлемый способ разрешения конфликтов.

Интересно отметить, что шпагами на рассвете в основном пользовались на востоке страны. К западу от Миссисипи дуэлянты появлялись на главной улице в полдень и сходились с противоположных концов с пистолетами в кобурах. Улицы пустели после предварительного оповещения, представителям полиции в это время рекомендовалось обратить свое внимание на другие участки. По сигналу дуэлянты начинали сходиться на негнущихся ногах; по второму сигналу они выхватывали пистолеты и стреляли. Живых или мертвых их закидывали в пикап, который с заведенным мотором стоял поблизости, а местная маскулинистская ложа приступала к обсуждению достоинств и недостатков дуэли, а также обеспечивала медицинское обслуживание и подготовку к похоронам.

Впрочем, в каждом отдельном месте вырабатывались свои традиции. В больших городах практиковалась Чикагская дуэль, заключавшаяся в том, что дуэлянты съезжались на машинах, которыми управляли близкие друзья. Как только машины оказывались друг против друга, противники, высунувшись из окон, начинали палить из автоматов до полного удовлетворения, с тем лишь ограничением, что стрельба должна была прекращаться, как только машины разъезжались в разные стороны. К несчастью, в пылу стрельбы мало кто вспоминал об этом, и уровень смертности водителей и ротозеев, не говоря уже о секундантах, резко подскочил.

Пожалуй, страшнее Чикагской дуэли были только орды бородатых вооруженных мужчин с сигарами и гульфиками, которые, напившись допьяна, шатались по ночным улицам, распевая похабные песни и выкрикивая невнятные ругательства перед темными окнами учреждений, в которых они работали. Или толпа, обрушившаяся на Лигу избирательниц и вышвырнувшая не только документы, но и самих дам на улицу, как кучу мусора. Маскулинизм начинал демонстрировать свою не самую привлекательную сторону.

Встревоженный Поллиглов потребовал положить конец безобразиям.

— Ваши последователи становятся неуправляемыми,— заявил он Мибсу.— Надо вернуться к теоретическим основам маскулинизма. Давайте ограничимся гульфиком, бородой и сигарой. Нельзя восстанавливать против нас всю страну.

— А в чем, собственно, дело? — изумился Мибс.— Пара мальчиков подралась, а феминистская пропаганда раздула это в невесть что. А вот я, например, получаю письма от женщин, которые счастливы, что мужчины вновь обретают гордость и галантность, что они готовы защищать их, не жалея собственной крови.

А когда Поллиглов попытался настаивать, аргументируя это тем, что он — основоположник, Мибс заявил, что именно он непререкаемый духовный вождь маскулинизма и как он скажет, так и будет. К тому же в любой момент он может выбрать другую наклейку для официальных изделий движения.

Старик с трудом покорился этому, похлопал Мибса по мощному плечу и, произнеся пару примирительных фраз, вернулся в свой офис. С этого дня он стал бессловесной марионеткой. Время от времени Поллиглов появлялся на публике как Отец-основатель, но в основном тихо жил в своем шикарном небоскребе под названием «Башня Гульфика».

Но ох уж эта ирония истории! В тот же самый день в движении появилась новая робкая фигура, которую Мибс в своем величии презрительно не заметил. Как Троцкий не заметил Сталина.

II

ДОРСБЛАД

Восставшие в калифорнийском городке маскулинисты разгромили местную тюрьму. Были освобождены карманники, грабители и пропойцы, а вместе с ними и человек по имени Генри Дорсблад, проведший восемнадцать лет за решеткой за неуплату алиментов.

Именно Дорсблад придал маскулинизму политическую направленность и неповторимое своеобразие. Кому хоть раз довелось слышать рев десятитысячной толпы мужчин, тот навеки запоминал:

С запада пришел Хэнк Дорсблад!
Этот парень для нас друг и брат!
Лучший гульфик у него — это факт!
Где найдешь такого парня, как Дорсблад?!

Генри Неистовый, Генри-Вездеход, Задай-Им-Жару-Генри, Пошли-Их-к-черту-Дорсблад — таков был герой, захвативший воображение американцев как никто другой со времен Билли-Кида*. И как Билли-Кид, Генри Дорсблад с физической точки зрения был абсолютно невзрачным человеком.

Низенький, рано облысевший, со слабовольным подбородком и уже наметившимся брюшком, молодой Дорсблад не представлял никакого интереса для большинства женщин. Однако его квартирная хозяйка принудила его к браку, когда Дорсбладу было всего лишь двадцать два года, тут же приобретя на двенадцать тысяч долларов всяких бытовых приборов для экономии собственного труда и, естественно, ожидая, что ее юный муж окажется добросовестным и покладистым кормильцем.

Дорсблад оправдывал ее ожидания в течение нескольких изнурительных лет, работая на двух ставках и еще подрабатывая по выходным. Он был квалифицированным программистом по компьютерному составлению платежных ведомостей: в его время такие специалисты заменяли по два полных штата бухгалтеров и получали довольно высокие оклады. Однако изобретение самопрограммирующегося компьютера разрушило эту идиллию.

И в возрасте двадцати пяти лет Генри Дорсблад оказался безработным. Он стал одним из нищих полуголодных программистов, которые бродили по улицам в поисках работы на день в какой-нибудь старомодной, технически не оснащенной конторе.

Он предпринимал отчаянные попытки найти место монтера по обслуживанию компьютеров, но двадцать пять лет — возраст уже немалый, и в отделах кадров его относили к разряду «старший служащий первого разряда». В течение некоторого времени он зарабатывал на жизнь как уборщик компьютерного зала, выметая круглые и продолговатые кусочки бумаги, выбитые из перфокарт и перфолент. Но и здесь его потеснили наука и производство. Была изобретена машина по сбору мусора, и Дорсблад снова оказался на улице.

* Билли-Кид — легендарный ковбой.

Когда счет в банке похудел до опасного предела, миссис Дорсблад подала на своего мужа в суд за то, что тот не обеспечивает семью, и он отправился за решетку. Она получила развод и вполне разумные алименты — три четверти от максимальной зарплаты. Но так как Дорсблад не мог уплатить даже первого взноса в качестве жеста доброй воли, его продолжали держать в тюрьме.

Раз в год его посещала коллегия женщин-судей, интересовавшаяся тем, какие им были приложены усилия за последние двенадцать месяцев, чтобы реабилитироваться. Когда же Дорсблад хитро обходил вопрос, разражаясь речью о том, как трудно найти работу сидя в тюрьме, его сурово отчитывали и требовали от тюремной администрации примерно наказать виновного. Дорсблад стал угрюмым и замкнутым, он превратился в типичного злостного алиментщика.

Прошло восемнадцать лет. Его жена трижды выходила замуж, двух мужей отправила в могилу, а третьего тоже засадила за решетку. Однако на судьбу Генри Дорсблада прискорбная участь его преемников никак не повлияла, и он продолжал пребывать за решеткой. Он научился гнать самогон в банке под своей койкой и, что еще важнее, получать удовольствие от его употребления. Он научился скатывать сигареты из туалетной бумаги и собирать табак из окурков, брошенных охранниками. И еще он научился думать.

Восемнадцать лет он размышлял над своими ошибками, реальными и инкриминированными ему обществом, изучал породившие их социальные проблемы, читал признанных классиков в области взаимоотношений между полами: Ницше, Гитлера, маркиза де Сада, Магомета. Именно на этот период интенсивных размышлений и глубинного самоанализа мы должны обратить внимание, если хотим понять, каким образом из скромной, невыразительной личности вырос красноречивый бунтарь и один из наиболее проницательных политических лидеров своего времени.

Толпа маскулинистов освободила Генри Дорсблада, который возглавил шествие подвыпивших спасителей вместе с ликующими узниками. Отбивая такт на каске охранника, он обучал их бунтарской песне, сложенной им тут же на месте.

С его мнением начинало считаться все больше и больше людей. Будучи вторично арестованным в другом штате и ожидая вынесения приговора, Дорсблад отказался беседовать с губернатором штата, так как этот пост занимала женщина. «Свободнорожденный мужчина,— утверждал он,— не может допустить политического или правового господства над собой какой-то женщины».

Губернаторша улыбнулась, глядя на толстенького коротышку, который распевал, закрыв глаза и подпрыгивая на месте: «Кухни и юбки! Мечты и чадры! Гаремы и бордели!» Но неделю спустя ей было уже не до улыбок, когда последователи Дорсблада разгромили и эту тюрьму, вынеся его на своих плечах. И уж совсем она заскучала через год, когда потерпела поражение на выборах,— тем более что и то и другое происходило под аккомпанемент все той же песни.

Перестал улыбаться и Шеппард Л. Мибс после появления Генри Дорсблада на «Бое Быков». Тот заявил о себе как о мощной политической силе, с которой не осмеливались соперничать ни один штат и ни один губернатор. И почти все телезрители Соединенных Штатов и Канады наблюдали, как Национального президента маскулинизма Шеппарда Мибса заслонила фигура Неистового Генри.

На следующий день вся страна цитировала вынесенный Дорсбладом приговор современному обществу: «Женщины нуждались в правовой защите, когда они занимали более низкое положение на социальной лестнице по сравнению с мужчинами. Теперь они обладают и равноправием, и правовой защитой. Нужно выбрать что-нибудь одно!»

Репортеры и журналисты обсуждали его пифийское пророчество: «За каждой удачливой женщиной стоит неудачник мужчина!»

Все обсуждали выдвинутые им биопсихологические законы: «Мужчина, не наслаждающийся властью в течение дня, не может быть сильным ночью. Импотент в политике становится импотентом в постели. Если женщины хотят иметь любвеобильных мужей, они прежде должны дать им возможность стать героическими личностями».

На самом деле Дорсблад всего лишь пересказывал статьи Мибса, которыми он зачитывался в своей тюремной камере. Но пересказывал он их с убежденностью Савонаролы, с пылом и фанатизмом истинного пророка. И, как многие обратили на это внимание, он оказывал одинаковое воздействие как на мужчин, так и на женщин.

Женщины стекались толпами, чтобы послушать, как Дорсблад клеймит их пол. Они теряли сознание, когда он насмехался над их недостатками, рыдали, когда он осуждал их бесстыдство, и кричали «да!», когда он призывал их отказаться от своих прав и вернуться к подобающей им роли «дам».

Толпились мужчины, роились женщины. С появлением Дорсблада количество членов движения возросло втрое. Его слово стало законом.

Он добавил еще одну деталь к маскулинистскому костюму — длинное орлиное перо, воткнутое в тулью котелка. По всему миру началась безжалостная охота на орлов, перья с которых обдирались и поставлялись на американский рынок. Дорсблад добавил третий воинствующий принцип к двум первым, заявленным Мибсом и Поллигловом: «Никакой правовой дискриминации без соответствующих правовых привилегий». Мужчины отказывались быть кормильцами и солдатами, пока их не признавали главами в их семьях. Суды были завалены исками против жен, в то время как Маскулинистское общество обещало поддержку каждому, кто вступал в великую битву за «Привилегии Пениса».

Дорсблад одерживал победы повсюду. Когда он потребовал себе как лидеру маскулинизма отдельный офис, своими размерами превосходящий конторы всяких там Основателей и Президентов, Мибс спорил и сопротивлялся, но в конце концов ему пришлось уступить. Когда Дорсблад изобрел для себя специальный гульфик в горошек, Мибс поухмылялся и снова был вынужден согласиться. Но когда он попробовал наложить лапу на высшую цель маскулинизма — Девятнадцатую поправку, Мибс тут же разразился передовицами, в которых выступил против безответственных нововведений и требовал, чтобы выборы снова проводились в салунах, а решения принимались в прокуренных залах.

На первом национальном съезде маскулинистов в Мэдисоне, штат Висконсин, старина Шеп уже безропотно восседал вместе со Старой Перечницей с краю от трибуны, вместе со всеми криками и топаньем приветствуя громоподобные заявления Неистового Генри: «Наша цивилизация принадлежит мужчинам! Мужчины ее создали, и мужчины ее разрушат, если не отвоюют свои права!» Он покатывался со смеху над уже затасканными шуточками Дорсблада типа: «Я растил своего мальчика не для того, чтобы он становился домохозяйкой» или «Назовите мне хоть одну женщину, которая когда-либо...» И когда толпа принялась маршировать по залу, распевая гимн Отзыва Поправки, Мибс уже шел сразу вслед за Неистовым Генри:

Бей! Бей! Бей! избирательные урны!
Круши! Круши! Круши! кабинки для голосований!..

Зрелище было захватывающим: две тысячи делегатов от всех штатов — ритмично подпрыгивающие котелки на головах, величественно покачивающиеся орлиные перья, болтающиеся гульфики и все это в густом облаке сигарного дыма, вздымавшегося вверх как символ наступления мужского тысячелетия. Уса-

тые, бородатые мужчины приветствовали один другого хриплыми голосами, ударяя друг друга по плечам; они топали по полу с таким энтузиазмом, что, когда дело дошло до голосования, выяснилось, что делегация от Айовы в полном составе провалилась в подвал.

Но ничто не могло испортить настроение этой толпе. Тех, кто получил серьезные травмы, госпитализировали, а тех, кто всего лишь переломал ноги и ключицы, с гоготом подняли наверх для проведения голосования. Делегаты с ревом единогласно приняли целый ряд резолюций.

РЕШЕНО: что Девятнадцатая поправка к Конституции Соединенных Штатов, гарантирующая женщинам всеобщее избирательное право, противоестественна с биологической, политической и моральной точек зрения и является основной причиной наших национальных бед...

РЕШЕНО: оказывать все необходимое давление на политических деятелей, как находящихся у власти, так и претендующих на нее...

РЕШЕНО: что данный съезд является решающим...

РЕШЕНО: что мы, нижеподписавшиеся...

Это происходило в год выборов в Конгресс.

Для каждого штата был разработан свой план борьбы. Были созданы специальные координационные комитеты по работе с молодежью, меньшинствами и религиозными группами. Каждый член Маскулинистского общества имел свое поручение: добровольцы с Мэдисон-авеню проводили вечера за выпуском пропагандистских бюллетеней; горняки Пенсильвании и фермеры из Небраски посвящали свои субботы беседам с обитателями домов престарелых.

И всеми ими неустанно руководил Генри Дорсблад, требуя от каждого еще больших усилий, заключая сделки и с республиканцами, и с демократами, и с реформаторами, и с боссами крупных городов, и с ветеранами войн, и с пацифистами.

— Мы должны победить, пока оппозиция не опомнилась! — подбадривал он своих приверженцев.

Политики, обезумевшие от напряжения, боялись твердо заявить о своем выборе. «Женщины представляют собой более многочисленную и лояльную часть избирателей по сравнению с мужчинами,— указывали они,— и если дело дойдет до открытой борьбы, то женщины победят». Мускулинисты давили, но и не только давили.

Тут-то и раздался голос Неистового Генри, призывавшего всех женщин во имя их же собственного счастья положить конец долгой зиме феминизма. Польщенные одним тем, что Генри

Дорсблад обращался к ним с просьбой, многие дамы попросту потеряли головы. В Маскулинистском обществе организовалась женская подгруппа — «Подруги Гульфика», которая начала быстро увеличиваться. На кандидаток в Конгресс столь яростно обрушивались представительницы их собственного пола, что те вынуждены были потребовать от полиции специальной защиты на каждом общественном митинге.

— Иди погладь рубашки своему мужу! — орали маскулинистки.— Отправляйся домой — у тебя ужин подгорает!

За неделю до выборов Дорсблад выпустил бригады «Прямого действия». Группы мужчин в гульфиках и котелках захватывали общественные здания по всей стране и приковывали себя цепями у входа. Пока представители закона при помощи пил и ацетиленовых горелок пытались освободить их от оков, они громко распевали новую литургию: «Женщины! Отдайте нам свои голоса, и мы вернем вам ваших мужчин! Мы нуждаемся в ваших голосах для победы — вы нуждаетесь в нашей победе! Женщины! Отдайте нам свои голоса в день выборов!»

«Куда делась гордость и надменность маскулинизма? — с иезуитским сарказмом вопрошали оппоненты.— Неужели Венцы творения молят слабый пол о помощи?! Как не стыдно!»

Но последователи Дорсблада не обращали внимания на эти насмешки. Женщины должны были добровольно вернуть неправедно полученное ими избирательное право. Тогда они сами обретут счастье, их мужчины обретут счастье, и все вернется на свои места. А если они не сделают этого по доброй воле, ну что ж, мужчины — сильный пол. Возможны варианты...

На этой зловещей ноте и наступил день выборов.

Одну четверть нового Конгресса составили сторонники маскулинизма. Другая, большая часть сочувствующих все еще недоумевала, откуда дует ветер.

Однако маскулинистам удалось добиться контроля над тремя четвертями законодательных органов. Таким образом, они получили право ратифицировать конституционную поправку, которая уничтожала избирательное право женщин в Америке, если билль об отмене поправки будет принят Конгрессом и одобрен штатами.

Взоры нации были обращены на Капитолий. Все руководители движения, имевшие хоть какой-нибудь мало-мальский вес, спешили туда для усиления маскулинистского лобби. Оппоненты, вооруженные машинками и ксероксами, тоже текли рекой.

Антимаскулинисты представляли из себя странную смесь. Ассоциация выпускниц женских колледжей боролась за пальму первенства с Дочерями 1776 года; издатели либеральных еже-

недельников пренебрежительно посматривали на консервативно настроенных лейбористских лидеров, которые, в свою очередь, посмеивались над аскетичного вида молодыми людьми в клерикальных воротничках. Грузные журналистки с горящими глазами смешивали с грязью худощавую, модно одетую миллионершу, поспешно вернувшуюся из Европы в связи с разразившимся кризисом. Респектабельные матроны из Ричмонда негодовали по поводу научных эскапад сторонников контроля за рождаемостью из Сан-Франциско. Все они яростно спорили друг с другом, предлагая совершенно различные планы действия, чем только забавляли своих противников, щеголявших в гульфиках, котелках и с сигарами в зубах. Но сама их разношерстность должна была заставить задуматься не одного законодателя: уж слишком это напоминало разнородность самой Америки.

Билль об отзыве Девятнадцатой поправки бродил по бесконечным лабиринтам Конгресса, то исчезая в редакционной комиссии, то снова появляясь. Повсюду проходили демонстрации «за» и «против». Газеты стойко придерживались той или иной позиции в зависимости от взглядов владельцев и иногда — читателей. Лишь «Нью-Йорк Таймс» продолжала высоко держать голову, указывая, что проблема чрезвычайно сложна, и призывала к обдуманному решению, каким бы оно ни было.

Получив минимальную поддержку в Сенате, билль отправился в палату представителей. В этот день маскулинисты и антимаскулинисты боролись за места на галерее. Неистового Генри и его последователей пропустили лишь после того, как они сдали свои шпаги. У их оппонентов силой изъяли огромный плакат, тайно пронесенный на галерею, который гласил: «Конгрессмен! Твоя бабушка была суфражисткой!»

Несмотря на протесты многих законодателей, предпочитавших остаться неизвестными, было принято решение о поименном голосовании. Каждый голос вызывал такой взрыв негодования и приветствий, что в конце концов спикеру пришлось отложить свой сломанный молоток. Оба списка «за» и «против» шли бок о бок, маскулинисты лишь ненамного опережали противников, правда, это опережение было стабильным. И наконец стало очевидно, что тупик неизбежен. Для принятия законопроекта не хватало одного голоса, чтобы получить необходимое большинство в две трети.

Именно тогда Элвис Боракс — представитель от Флориды, пропустивший свою очередь, поднялся и заявил, что он принял решение, кому отдать свой голос.

Напряжение достигло своего предела — все замерли в ожидании, кому конгрессмен Боракс отдаст свой решающий голос.

Женщины зажимали себе рты носовыми платками; сильные мужчины слабо всхлипывали. Даже охрана покинула свои посты и глазела на человека, в руках которого оказалась судьба нации.

Трое стояли на балконе бок о бок — Неистовый Генри, Старина Шеп и седовласая Старая Перечница. Кулаки их сжимались, словно стискивая эфесы невидимых шпаг. Смертельно побледнев, юный конгрессмен взирал на их замершие силуэты.

— Я голосую против,— наконец выдохнул он.— Я голосую против законопроекта.

И тут все взорвалось. Крики, вопли. С большим трудом охране, несмотря даже на вызванное подкрепление, удалось очистить галерею. Десятки людей были затоптаны, среди них престарелый вождь индейцев чиппевайя, приехавший в Вашингтон, чтобы подать иск против правительства, и оказавшийся на галерее лишь потому, что на улице шел дождь.

Конгрессмен Боракс поведал о своих чувствах в телевизионном интервью.

— У меня было такое чувство, что я заглядываю в свою собственную могилу. И все же я не мог не проголосовать именно так. Меня об этом просила мама.

— Неужели вам не было страшно? — интересовался журналист.

— Очень страшно,— признавался Боракс.— Но в то же время я ощущал в себе невероятную отвагу.

Рассчитанный политический риск оправдал себя. С этого дня Боракс возглавил контрреволюцию.

III

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Антимаскулинисты одновременно приобрели идеолога и военачальника.

Пока тридцать семь штатов либерализировали бракоразводные законы в пользу мужей, разрозненные группы оппозиции примыкали к лозунгу, выдвинутому юным конгрессменом из Флориды. Только так они могли игнорировать обвинения в «извращенном феминизме» и не обращать внимания на ярлыки «подъюбочники» и «маменькины сынки».

Два года спустя они настолько окрепли, что смогли выдвинуть своего кандидата в президентскую администрацию. Впервые за много десятилетий в исполнительный совет избрали мужчину — Элвиса Боракса.

После проведения консультаций с избирателями и партийными руководителями, а также ориентируясь на свою интуицию и склонности, Боракс решил выбрать для себя «материнскую» платформу.

Он объяснял, что не женился потому, что в нем нуждалась его мать. Ей было восемьдесят три года, и она была вдовой; что могло быть важнее ее счастья? Пусть страна живет по никогда еще не подводившему закону: «Мать знает лучше всех».

По всей стране начали расходиться фотографии хрупкой пожилой дамы в окружении звезд. Когда же Дорсблад отпустил какое-то едкое замечание по ее адресу, Боракс ответил песней собственного сочинения, тут же занявшей первое место в хит-параде. Пластинка с ее записью является одним из замечательных политических документов, свидетельствующих о жизнеспособности наших славных традиций. С легким завыванием Боракс пел своим чистым тенором:

Слава материнству! Моим сердцем правит мать!
Нет, никто ее назвать не сможет словом «блядь»!

Затем последовала знаменитая речь «Крест из шпаг», которую Боракс произносил снова и снова на встречах с избирателями, церковных празднествах, окружных ярмарках и собраниях.

«Перестаньте приклеивать к лону человечества этот злосчастный гульфик! — грохотал он.— Не смейте распинать женщин на кресте из шпаг!»

«И знаете, почему этого нельзя делать? — вопрошал он, потрясая над головой правой рукой.— Знаете ли вы?»

Аудитория замирала в ожидании с открытыми ртами и горящими глазами.

«Потому что,— наконец тихим шепотом отвечал оратор,— это огорчает вашу маму».

Это была действительно отчаянная кампания, призванная решить все раз и навсегда. Дорсбладиты требовали окончательно разобраться с избирательным правом, Боракс призывал к тому, чтобы маскулинизм признали преступным родом деятельности.

Партия маскулинистов выдвинула своего кандидата. Им оказалась главный делегат от Америки на мирной конференции по разоружению в Париже незабвенная миссис Страндт.

На всех выступлениях Клариссиму Страндт сопровождали трое ее рослых сыновей с бейсбольными битами наперевес. У нее также имелся таинственный муж, занятый «мужской работой». На изредка появлявшихся в газетах фотографиях он стоял с охотничьим ружьем, на фоне доброй гончей, выгонявшей из кустов дичь. Его лицо не было запоминающимся, но что-то в посадке

его головы свидетельствовало, что он не потерпит глупостей ни от кого, а особенно от женщин.

Неистовый Генри и Домохозяйка Клариссима вместе составляли замечательный тандем. Сначала на эстраде прыгал Дорсблад с воинственно раскачивающимся гульфиком — он обличал, требовал и предавал анафеме. Затем наверх поднималась Клариссима Страндт. Ответив на его галантный поклон низким реверансом и расправив белый в красную горошину передник, который она всегда носила, Клариссима приступала к неторопливому рассказу о том, как приятно быть женщиной в истинно мужском мире.

Когда она опускала свою материнскую руку на бейсбольную кепочку младшего сына и нежно шептала: «О нет, я не воспитывала своего мальчика маменькиным сынком!»; когда она, откинув назад голову, гордо заявляла: «Один день стирки и мытья посуды доставляет мне больше удовольствия, чем десять лет законодательной и политической деятельности!»; когда, протянув свои пухленькие ручки к слушателям, она молила: «Пожалуйста, отдайте мне свой голос! Я буду последней женщиной-президентом!» — какой избиратель из плоти и крови мог остаться равнодушным?

С каждым днем на улицах становилось все больше и больше маскулинистских гульфиков и вспомогательных дамских отрядов в турнюрах и передниках.

Несмотря на дурные предчувствия, вся интеллектуальная элита страны собралась под материнское знамя Боракса, воспринимавшееся как единственная альтернатива тому, что они называли сексуальным фашизмом. В народе их называли Яйцеголовыми Суфражистами. К этому времени они с грустью начали замечать, что предвыборная кампания подтверждала древний американский миф, который явно побеждал, будучи воплощенным в жизнь.

Ибо Боракс выступал в роли Верного Сына, размахивающего фотографией своей матери по всем Соединенным Штатам. В то время как Клариссима Страндт была истинным воплощением Материнства и она убеждала избирателей голосовать за маскулинизм.

Что за президент получится из нее? Станет ли эта сладкоголосая волевая женщина делиться властью с Дорсбладом, если они победят? Находились и такие, кто предполагал, что она попросту совершала хитрый политический маневр, поставив на верную лошадку; другие, основываясь на неоспоримом сходстве миссис Страндт с пресловутой Нетти-Энн Дорсблад, утверждали, что между крапчатым передником и гульфиком в горошек

существовала любовная связь. Сегодня все это представляется досужими домыслами.

Безусловно известно только одно: что в каждой букмекерской конторе и в каждом брокерском офисе маскулинисты преобладали с соотношением три к двум. Что ведущий журнал вышел с обложкой, на которой был изображен огромный гульфик с подписью «Мужчина Года». Что Генри Дорсбладу начали наносить полуофициальные визиты представители Объединенных Наций и члены дипломатического корпуса. Что распродажи сигар, котелков и шпаг проходили при огромном стечении народа, а П. Эдвард Поллиглов купил небольшое европейское государство, которое после эвакуации обитателей превратил в площадку для гольфа.

Конгрессмен Боракс в предчувствии поражения впал в истерику. Искристая улыбка исчезла с его нежного, гладко выбритого лица. Он начал выдвигать безрассудные обвинения. Он инкриминировал своим политическим противникам коррупцию и должностные преступления. Он взваливал на них ответственность за убийства, шантаж, грабеж, симонию, подлог, кражу детей, сутяжничество, изнасилование, интеллектуальную жестокость, бесчестие и клятвопреступление.

И как-то вечером в телевизионных дебатах он перегнул палку.

В это время Шеппард Леонидас Мибс, слишком долго смирявшийся со своим положением на вторых ролях, дал наконец волю темпераменту и восстал, попробовав создать новую отдельную группу «Анонимные Маскулинисты». Ее члены присягали соблюдать жесткий целибат и не иметь ничего общего с женщинами, за исключением опосредованного участия в воспроизводстве с помощью искусственного осеменения. Под авторитарным руководством Мибса в звании Великого Магистра они сосредоточили свою деятельность на тайной подготовке общенационального саботажа Дня Матери, на установке бомб замедленного действия в бюро по выдаче брачных соглашений и на проведении внезапных ночных рейдов на такие не разделенные по половому признаку организации, как Ассоциация Учителей и Родителей.

Все это могло бы радикально изменить судьбу маскулинизма, если бы, увы, один из доверенных людей Мибса не продал всю информацию Дорсбладу за портсигар. Старина Шеп вышел с бледным видом после беседы с Неистовым Генри, и по одному мановению его руки «Анонимные Маскулинисты» были распущены.

Но Мибс продолжал роптать и ждать своего часа. И вот во время телевизионных дебатов, когда конгрессмен Боракс при-

нялся отчаянно опровергать Клариссиму Страит, Шеппард Мибс наконец, выступил от своего собственного имени.

Видеозапись этих исторических дебатов была уничтожена во время диких бунтов, разразившихся в день выборов двумя неделями позже. Поэтому сейчас невозможно реконструировать точный ответ Боракса на обвинение миссис Страит, что он является «орудием женщин с Уолл-стрит и феминисток с Парк-авеню».

Все, однако, сходятся во мнении, что начал он с вопля: «А твоими друзьями, Клариссима Страит, твоими друзьями руководят...»

Но что он сказал дальше?

Было ли это «обанкротившиеся экс-гомосексуалисты», как утверждал Мибс?

Или «обанкротившиеся экс-гетеросексуалы», как сообщали некоторые газеты?

Или «обанкротившиеся, озверевшие экс-гомо сапиенсы», на чем настаивал сам Боракс до своего смертного часа?

Как бы там ни было, первая часть явно относилась к П. Эдварду Поллиглову, а вторую Мибс отнес на свой счет.

Уже на следующий день газеты от побережья до побережья вышли с заголовками:

«Мибс считает себя смертельно оскорбленным и вызывает Боракса на дуэль».

Три или четыре последующих выпуска хранили гробовое молчание. Америка ждала, затаив дыхание. Затем последовало:

«Дорсблад недоволен и требует, чтобы Мибс отказался от своих намерений».

И:

«Старая Перечница молит Старину Шепа: "Не пачкай об него свои руки"».

Но:

«Непоколебимый Мибс требует смерти».

А также:

«Клариссима Страит говорит: "Это мужское дело"».

Тем временем противоположная сторона подходила к проблеме неуверенно и робко:

«Боракс обещал маме не участвовать в дуэли».

Однако это не слишком согласовывалось с новыми вкусами публики. Поэтому был испробован другой подход:

«"Кандидат на пост главы исполнительной власти не может нарушать закон!" — заявляют священнослужители».

Поскольку это тоже произвело мало впечатления:

«Конгрессмен готов извиниться: "Беру назад слова, которых я не говорил"».

Но, к несчастью:

«Шеп заявляет: "Позор! Или Боракс будет драться со мной, или распишется в своей трусости"».

Кандидат и его советники, осознав, что обратного пути нет, смирились:

«Дуэль между Мибсом и Бораксом назначена на понедельник. В качестве секунданта приглашен чемпион по поднятию тяжестей».

«Молись за меня,— просит Боракс мамочку,— за своего дорогого мальчика, живого или мертвого».

«Нобелевский лауреат приглашен в качестве наблюдающего хирурга».

Боракс с десятком советников заперся в гостиничном номере, чтобы обдумать вопрос со всех сторон. Все курили сигары — впрочем, делали они это только в условиях величайшей конспирации. На людях они лишь жевали мятные таблетки.

Выбор оружия предоставили им, и сделать этот выбор было нелегко. Чикагскую дуэль тут же отвергли как слишком недостойную форму, способную лишь опорочить образ будущего президента. Помощник менеджера по проведению кампании Боракса — видный негр еврейского происхождения из испаноязычного района Лос-Анджелеса — предложил способ, основанный на подготовке, приобретенной кандидатом еще в колледже. Он посоветовал выкопать два окопа на расстоянии двадцати пяти ярдов друг от друга и кидаться ручными гранатами до тех пор, пока один из участников благополучно не взорвется.

Однако все присутствовавшие понимали, что за ними строго и взыскательно следит сама История, а она требовала традиционного подхода — шпаги или пистолеты. И надо признать, что Боракс в отличие от своего противника не владел ни тем, ни другим. В результате выбор был остановлен на пистолетах,— дальность расположения дуэлянтов, а также сопутствующие атмосферные условия могли оказаться на руку.

Стало быть, пистолеты. И только один выстрел, чтобы обеспечить дуэлянтам возможность выжить. Но где?

Мибс настаивал на высотах Уихокен в Нью-Джерси, ссылаясь на их историческую значимость. «Вдоль базальтовых столбов вполне можно расположить трибуны,— указывал он,— и взимать соответствующую плату за вход». Сборы могли быть использованы обеими партиями для покрытия расходов на агитационную кампанию.

Советники Боракса поддерживали эту идею. Но их смущали исторические ассоциации, связанные с этим местом: именно в Уихокене оборвалась многообещающая политическая карьера

юного Александра Гамильтона. С этой точки зрения, выгоднее было бы выбрать какое-нибудь уединенное местечко, овеянное победой неопытной и неумелой армии Джорджа Вашингтона. К решению вопроса подключили партийного казначея, занимавшегося в частной жизни торговлей недвижимостью в Новой Англии.

Но открытым оставался вопрос стратегии.

Целая ночь была посвящена дебатам относительно разных уловок и хитростей: от подкупа и запугивания секундантов до предложения, чтобы Боракс выстрелил, не дожидаясь сигнала: этическая сторона, как утверждали сторонники этого предложения, будет замята последующими обвинениями и контробвинениями в прессе. Они разошлись, так ни о чем и не договорившись, за исключением того, что вменили Бораксу в обязанность интенсивно заниматься под руководством чемпиона Соединенных Штатов по стрельбе в течение оставшихся двух суток и улучшать свой глазомер для достижения каких-либо положительных результатов.

Утром в день дуэли кандидат пребывал в мрачном расположении духа. Последние сорок восемь часов он безвылазно провел на стрельбище. Он жаловался на страшную боль в ухе и горестно утверждал, что меткость его улучшилась не намного. Всю дорогу до места дуэли он сидел молча, печально свесив голову на грудь, пока его спутники в официальных костюмах спорили и препирались, предлагая то один, то другой способ.

Вероятно, он пребывал в состоянии полной паники. Только этим можно объяснить его решение воспользоваться планом, который не был одобрен никем из его окружения,— беспрецедентное и крайне серьезное нарушение политических норм.

Боракс не блистал ученостью, но он довольно хорошо знал американскую историю. Он даже написал серию статей во флоридскую газету под общим заголовком «Когда кричал орел», посвященных таким великим событиям в истории нации, как отказ Роберта Ли возглавить Союзные войска и отмена низких тарифов на серебро Уильямом Маккинли. И пока черный лимузин мчался к полю чести, он перебирал этот компендиум мудрости и патриотичности в поисках ответа на свой вопрос. И наконец он нашел то, что искал, в биографии Эндрю Джексона.

За много лет до своего возвышения седьмой президент Соединенных Штатов оказался в ситуации, очень сходной с той, в которой теперь пребывал Элвис Боракс. Вынужденный драться на дуэли с подобным же противником и ощущая, что нервы у него напряжены до предела, Джексон решил позволить выстрелить своему врагу первым. Когда же тот, ко всеобщему удивле-

нию, промахнулся и наступила очередь стрелять Джексону, тут уж он развлекался на славу. Он навел пистолет на своего бледного, покрывшегося потом противника и тщательно целился чуть ли не минуту. После чего выстрелил и убил того.

«Вот оно!» — решил Боракс. Как и Джексон, он даст Мибсу выстрелить первым. А потом, как Джексон, он медленно и безошибочно...

К несчастью и для истории, и для Боракса, в тот день был произведен всего лишь один выстрел. Мибс не промахнулся, хотя и жаловался позднее, что дефект в прицеле старинного дуэльного пистолета повлек за собой попадание на добрых пять дюймов ниже цели.

Пуля прошила правую щеку перекошенного лица конгрессмена и вышла через левую, после чего застряла в стволе клена, росшего в пятнадцати футах от места действия. Позднее она была изъята оттуда и подарена Институту Смитсона. Дерево, названное Дуэльным Кленом, стало достопримечательностью и центром обширного комплекса мотелей и площадок для пикников. Однако уже в первом десятилетии нового тысячелетия его выкопали в связи со строительством скоростной автострады, соединяющей Скенектади с международным аэропортом в Бангоре. Пересаженное с помпой в Вашингтон, оно засохло несколько месяцев спустя, не выдержав нового климата.

Боракса поспешно препроводили в полевой госпиталь, специально для такого случая организованный поблизости. Пока над Бораксом трудились врачи, руководитель его избирательной кампании — политик, широко известный своим спокойствием и выдержкой,— вышел из палатки и распорядился поставить у входа вооруженную охрану.

Поскольку публиковавшиеся в течение последующих дней бюллетени о состоянии здоровья Боракса были обнадеживающими, но крайне туманными, люди не знали, что и думать. Сомневаться не приходилось только в одном: его жизни ничто не угрожает.

Ходило множество слухов, каждый из которых тщательно анализировался известными вашингтонскими, голливудскими и бродвейскими журналистами. Действительно ли Мибс воспользовался пулей «дум-дум»? Действительно ли она была отравлена редким южноамериканским ядом? Действительно ли мать кандидата проделала дальний путь до Нью-Йорка из своего прелестного домика во Флориде и, набросившись на старину Шепа в редакции «Волосатой Груди», покусала его своими вставными челюстями и расцарапала ему физиономию? Действительно ли была проведена тайная полночная церемония, на которой

десять региональных лидеров маскулинизма наблюдали за тем, как Генри Дорсблад сломал о колено шпагу и сигару Мибса, растоптал его котелок и торжественно сорвал гульфик с его бедер?

Облик юного конгрессмена был хорошо знаком публике по многочисленным фотографиям, сделанным еще до дуэли. Впрочем, заменить протезом три или четыре выбитых пулей зуба оказалось несложно. Другой вопрос — можно ли сделать протез языка? И сможет ли пластическая операция восстановить его пухлые розовые щечки и сердечную детскую улыбку?

Согласно теперь уже утвердившейся традиции последние телевизионные дебаты проводились вечером перед выборами. Миссис Странт любезно предложила отменить их. Но штаб кампании Боракса не принял ее предложения: нельзя нарушать традицию — все должно идти своим чередом.

В тот вечер в Соединенных Штатах работали все телевизоры, включая древние черно-белые модели, хранившиеся у коллекционеров. Дети не спали, сиделки покидали больных, военные караулы уходили со своих пограничных постов.

Первой слово было предоставлено Клариссиме Странт. В дружеской доверительной манере она подвела итоги кампании и призвала избирателей голосовать за маскулинизм.

Затем камеры перешли на конгрессмена Боракса. Он не проронил ни слова и лишь печально смотрел на аудиторию своими выразительными затуманившимися глазами, а затем указал пальцем на полудюймовое круглое отверстие в своей правой щеке. Затем он медленно повернул голову — с другой стороны было такое же отверстие. Боракс покачал головой, взял в руки большую фотографию матери, оправленную в роскошную серебряную рамку, и выкатившаяся из его глаз огромная слеза упала на снимок.

Это решило все.

Не надо было быть профессиональным политиком, чтобы предсказать результат. Уже к полудню миссис Странт признала поражение. Во всех штатах маскулинизм провалился. Улицы были усеяны смятыми котелками и брошенными турнюрами. Закурить в этот день сигару мог только самоубийца.

Подобно Аарону Бэрру, Шеппард Л. Мибс бежал в Англию, где опубликовал свои мемуары, женился на графине и родил от нее пятерых детей. Его старший сын — биолог — приобрел себе некоторое имя, разработав способ лечения мениска у лягушек — болезни, которая в то время грозила уничтожить всю французскую промышленность по выпуску замороженных лягушачьих лапок.

Поллиглов тщательно скрывался от общественности до самого дня своей смерти. Из уважения к воле покойного, он был похоронен в гигантском гульфике. Его похороны стали поводом для появления многочисленных статей, посвященных ретроспективному обзору возникновения и упадка основанного им движения.

А Генри Дорсблад исчез еще до того, как на маскулинистский штаб нахлынула лавина разъяренных женщин. Его тела так и не нашли, что дало основание для появления многочисленных легенд. Одни говорили, что он был распят на зонтиках возмущенных матерей Америки. Другие утверждали, что он бежал, переодевшись уборщицей, и рано или поздно вернется, чтобы возглавить возродившихся поклонников котелка и сигары. Впрочем, пока о нем не слышали.

Элвис П. Боракс, как всем известно, пробыл два срока, войдя в историю как самый молчаливый президент со времен Калвина Кулиджа, после чего отошел от дел и занялся цветочным бизнесом в Майами.

Маскулинизм исчез, словно его и не существовало. Если не считать подвыпивших компаний, которые в завершение вечеринки ностальгически поют старые песни и выкрикивают героические лозунги, мало что напоминает нам сегодня об этом великом потрясении.

Одно из таких напоминаний — гульфик.

Гульфик пережил все, став частью современного мужского костюма. При движении его ритмичное покачивание напоминает женщинам грозящий жест указательного пальца, предупреждающий их о том, что существует предел попрания мужских прав. Для мужчин же он остается знаменем, возможно сейчас и сменившимся на флаг перемирия, но постоянно напоминающим о том, что война продолжается.

А моя мама — ведьма!

Все безмятежное детство свое провел я целиком и полностью убежденный, что моя мать — самая настоящая колдунья. Это отнюдь не ущемляло, не ранило неокрепшего детского самосознания — более того, придавало на первых порах уверенности, порождало чувство полной своей защищенности.

Самые первые воспоминания мои связаны с трущобами бруклинского Браунсвилля, известного еще под названием нью-йоркского Ист-Энда, где мы жили в сплошном окружении одних только ведьм. Встречались они здесь на каждом шагу, роились на лавочках у любого парадного, сопровождая шумные наши детские забавы угрюмым бурчанием и мутными взглядами исподлобья. Когда кто-нибудь из нас, мальчишек, в пылу игры подлетал вплотную к крылечку, оккупированному шипящими ведьмами, воздух вокруг бедолаги сгущался мороком и от черной магии аж потрескивал — результат витиеватых проклятий жутких старух.

«Чтоб ты больше не вырос и навеки остался карлой! — так звучало одно из самых распространенных и невинных заклинаний, чуть ли не приветственное.— А если даже и подрастешь, чтоб вечно торчал редиской из грядки — скрюченными ножками кверху!»

«Чтоб ты с головы до ног покрылся струпьями от чесотки,— гласило следующее, уже несколько менее безобидное.— Но сперва ногти твои пусть отсохнут да отвалятся, чтобы даже почесаться как следует было нечем!»

Подобные миленькие пожелания никак не могли адресоваться лично мне — слишком хорошо известны были округе устрашающие способности моей матери. Да и сам я к тому времени был уже кое-чему обучен — наипростейшим детским пассам — и незатейливые уличные проклятия отводил вполне умело. К то-

му же, укладывая меня в постель, мать на всякий случай подстраховывалась — неизменно сплевывала трижды через левое плечо, дабы обуздать и обратить вспять темные силы, накликанные за день недоброжелателями, обрушить бумерангом на их же поганые головы, да еще с утроенной количеством плевков силой.

И вообще, иметь в семье собственную ведьму считалось во времена моего детства дополнительным бытовым удобством, своего рода даром судьбы. Мать же моя была не просто колдуньей — аидише (то бишь еврейской) ведьмой и чары свои уснащала невероятным компотом из немецкого, идиша и словечек из никому неведомых славянских говоров. Но это отнюдь ее не смущало — отпрыск семейства лондонских евреев, она к моменту встречи с моим будущим отцом владела едва ли десятком-другим выражений на идише. Отца моего, отставного ешиботника* из Литвы и пламенного социалиста по убеждениям, матушка заарканила в лондонском Ист-Энде на полпути в Америку. Молодая мигом воспользовалась новыми для себя обстоятельствами, чтобы начисто стереть из памяти свой бесполезный кокни — к чему он ей, спрашивается, в Новом Свете?

Пока отец обучал мать беглой речи на идише и ставил произношение, он мало чем мог помочь как ей, так и своему первенцу в противостоянии суеверному окружению бруклинских трущоб. Убежденный утопист, он лелеял свои научно обоснованные грезы о грядущем мироустройстве и приходил в совершенный ужас от повседневной материнской волшбы. Как человек эрудированный, отец знал уйму цветистых идиом, изящных оборотов речи, по любому поводу и без оного часами мог декламировать поэзию Бялика, цитировать других титанов еврейской мысли — от Иешуа до Маркса,— но в мире чар и заклинаний был беспомощен, аки дитя малое и неразумное.

А мать моя отчаянно нуждалась именно в магической поддержке. Наше возлюбленное чадо, наш бесценный малыш, твердила она постоянно и неизменно, самая вожделенная цель и такая удобная мишень для всех этих злопыхателей и завистников, живущих по соседству, и к их услугам здесь целые полки оккультных книг, целые библиотеки заговоров и заклинаний. Мама же не знала ни единого; ее высокий ранг среди ведьм нашего квартала зиждился исключительно на таланте вызывать духов и искусно отводить их в сторону, совершенно нейтрализуя при этом. Но ей катастрофически недоставало традиционных заклинаний — тех, что копятся в семье из поколения в поколение и, постоянно обогащаясь, передаются от матери к дочке. Похоже, она единственная сподобилась добраться до Соединенных Штатов без багажа подобной местечковой премудрости, закутанной в наследственные перины да зашитой в маменькины пуховые подушки. Единственным оружием моей матери поначалу оказались неистощимое воображение и фантастическая изобретательность.

К общему нашему счастью, они никогда не изменяли ей — с тех самых пор, как мать впервые вкусила сполна прелестей бруклинской жизни. К тому же все новое мама схватывала на лету — стоило ей лишь раз увидеть или услышать оккультную новинку, как она тут же включалась в оборонительный арсенал.

«Мах афайг!»* — успевала незаметно шепнуть мне мама в бакалейной лавке под восторженное кудахтанье хозяйки заведения о моем цветущем и воистину ангельском облике. И неокрепшие детские пальчики тут же сами собою складывались в небезызвестную фигуру — древний знак против женского сглаза. Фига вообще оставалась последним резервом моей мальчишеской обороны, особенно когда я оказывался один на один со злокозненным окружением Браунсвилля; я мог ответить фигой, точно прививкой от бешенства, на любую недоброжелательную реплику и как ни в чем не бывало продолжать свои безмятежные детские игры. Если же, выполняя поручение, приходилось пробегать мимо череды мрачных старушечьих кагалов на крылечках многоквартирных домов, я всю дорогу тыкал фигами направо и налево, рассыпая их без всякого сожаления и ущерба и не ощущая благодаря этому никакой боязни.

И все же таланту моей матери в начертании пентаграмм и прочей ворожбе ни за что бы не развернуться во всю его ширь и мощь, не доведись ей однажды схлестнуться лоб в лоб с самой миссис Мокких. Уже одно зловещее имечко старой карги — «мокких» в переводе с идиша означало мор и глад и прочие напасти — грозило несусветными бедствиями и остужало самые горячие головы.

Почтенная дама с первой же встречи произвела на меня столь неизгладимое впечатление, что я, читая самые страшные волшебные сказки, неизменно представлял себе именно ее. В сопровождении четырех дочерей-коротышек — все в мамашу, одна другой страхолюдней — приземистая старуха по мостовой не шагала, а печатала шаг, как бы утверждая свое безусловное, нераздельное и вечное право на отвоеванную у незримого противника территорию и оставляя за собой почти осязаемое опусто-

* Студент ешивы — религиозного учебного заведения *(Примеч. пер.)*

* Сделай фигу! *(идиш)*

шение. Волосатая бородавка над правой ее ноздрей была так велика, что за спиной, и только за спиной — не дай Бог, услышит! — люди перешептывались, нервически хихикая: «У носа миссис Мокких вырос свой собственный носик!»

На этом шутки обычно и заканчивались — добавить что-либо еще смельчаков не находилось. Старуха Мокких могла только покоситься на такого героя, прищурив сперва один глаз, затем другой, а непрерывное подрагивание при этом бородавки свидетельствовало о напряженном поиске в мрачных потемках души проклятия, наиболее уместного и действенного для данного случая, и если жертва оказывалась натурой впечатлительной, то очертя голову пускалась наутек, не дожидаясь произнесения роковых слов, способных омрачить самое безоблачное будущее. Старуху Мокких в квартале боялись по-настоящему, и не одни только малые дети — под ее горящим взором отводили глаза даже самые смелые и искусные в своем ремесле ведуньи.

Миссис Мокких была в некотором роде ведьмой-старостой нашего квартала. Заговоры и заклинания, которыми она оперировала с необычайной легкостью, восходили к седой дохристианской древности, ко временам процветания вавилонского гетто и эпохе Второго Храма, а использовала она их творчески — в обновленных и оттого еще более устрашающих формах.

Когда нам пришлось перебраться в квартиру прямо над ней, мама поначалу всячески пыталась избегать прямых столкновений. Никаких ударов мячом об пол в кухне, никакого хлопанья дверьми. Боже упаси прыгать и бегать по квартире! Даже по лестнице и то приходилось взбираться почти что украдкой. Мать же моя тем временем вполне успешно осваивалась в новом для себя ремесле, набирала силу, смелея с каждым днем, прямо на глазах. Но лишь до определенных пределов, на уровне заурядного уличного ведьмовства. Беспокоить соседку снизу она опасалась по-прежнему. Стоило кому-нибудь случайно обронить на пол вилку, как мама тревожно покусывала губы: «Не приведи Господь, еще эта чума внизу услышит!»

Но вот настал наконец тот знаменательный день, когда мы вдвоем с мамой собрались чуть ли не в полярную экспедицию — предстояло навестить родню в самом отдаленном уголке Бронкса. После тщательного мытья, при котором вместе с грязью с меня едва не содрали всю кожу, я был торжественно облачен в недавно приобретенный с пасхальной скидкой голубой саржевый костюмчик, весьма и весьма нарядный. Гардероб мой дополняли ослепительно сияющие кожаные башмаки и безукоризненно накрахмаленный тугой воротничок. Завершающий штрих — полыхающий на груди алый галстучек. Такой цвет мама

выбрала для меня отнюдь не случайно — каждый несмышленыш в нашем квартале знал, что именно ярко-красный непереносим для ока Сатаны, обжигает гаду сетчатку.

Едва только мы с мамой ступили на крыльцо, как к подъезду подгребла старуха Мокких со своей старшей дочкой Пирл, настоящей страшилой из сказки, обе нагруженные тяжелыми магазинными авоськами. Мы прошмыгнули мимо них без разговоров, но задержались возле стайки маминых приятельниц на тротуаре. Пока мать справлялась о переменах в расписании движения пригородных поездов, я, точно заправский щенок, успел вынюхать содержимое продуктовых пакетов — в нос шибануло луком, чесноком, прочей суповой зеленью и, кажется, еще курятиной.

Случайно брошенные взгляды ничуть меня не задевали — лишь более пристальное внимание к вертящемуся под ногами дитяти могло привести к немедленному и убийственному возмездию. Вообще, уличное разглядывание считалось сродни лести — если только не слишком привлекало к избранному для подобных экспериментов субъекту внимание ангела смерти.

Я заскучал; зевнув во весь рот, до хруста за ушами, подергал маму за рукав. Обернувшись затем, поймал изучающе прищуренный взгляд ведьмы-старосты, устремленный с самой верхней ступеньки парадного. Старуха Мокких скалилась щербатой и оттого ужасающе нежной улыбкой.

— Что за чудный малыш, глянь-ка, Пирли! — загнусавила она, обращаясь к дочери.— Такой весь сладенький, цимес*, а не ребенок! А уж какой принаряженный!

Мама определенно это услыхала — покрепче сжав мою ладошку, она вся подобралась. Но оборачиваться, чтобы нанести ответный удар, не спешила — к очевидному разочарованию приятельниц, оцепеневших в сладостном предвкушении свары. Задираться со старухой Мокких без крайней нужды вряд ли стоило. И теперь вся компания в томительной тревоге ожидала, закончится ли еще ее комплимент установленной для мирных сношений формулой: «а лебн ойф эм» — чтоб он так жил!

Видно, мне первому стало ясно, что нет, не закончится. Или же просто самому захотелось блеснуть перед публикой. И я поспешил продемонстрировать всем, с каким образованным ребенком имеют они дело,— пальчики свободной ладошки сами собой сложились в известный отводящий порчу знак, который я ничтоже сумняшеся и адресовал своей словоохотливой поклоннице.

---

* Сладкое блюдо еврейской кухни

Несколько долгих мгновений старуха Мокких сузившимися глазками молча обозревала выставленную фигу.

— Чтоб эта шкодливая ручонка отсохла напрочь,— продолжила она тем же скрипучим елейным голоском.— Чтоб один за другим сгнили все гадкие пальчики и отсохла ладошка. Когда же поганая ладошка отвалится, пусть гниение да не остановится. Пусть перейдет сперва на локоток, затем дойдет до плечика. Чтоб вся ручонка, которой ты показал мне фигу, отвалилась и лежала под ногами, разлагаясь и смердя, и чтоб на весь остаток своей безрадостной жизни ты запомнил, каково это — показывать фиги мне!

Мы с матерью внезапно остались в абсолютном одиночестве — приятельниц как ветром сдуло с тротуара. Не то чтобы они улизнули совсем, но отступили под старухины причитания на почтительное расстояние и ахали теперь в отдалении.

Но мать — мать медленно повернула побелевшее лицо к разбушевавшейся Мокких и — в последней надежде уйти с миром — попыталась погасить пламя разгорающегося сражения.

— Постыдилась бы, старая! — воскликнула она.— Ребенку нет еще и пяти. Немедленно забери свои слова обратно!

Ведьма цинично сплюнула на ступеньку:

— Чтоб мое проклятие стало вдесятеро сильнее! В десять и в двадцать и в сто раз сильнее! Чтоб он иссох, чтоб он заживо сгнил! Ручки, ножки, легкие, животик... Чтоб харкал одной лишь желчью и кровью, чтоб рвало его непрерывно и ни один в мире доктор был не в силах помочь...

Это было уже безоговорочное объявление баталии, и отступать моя мама не собиралась — на войне как на войне. Она потупила взор, погрузилась на мгновение в себя, оценивая собственный скудный арсенал — для подобного противника требовалось подыскать что-то совсем уж особенное!

Когда мама снова подняла глаза, отшатнувшиеся было болельщицы стали подтягиваться в ожидании неслыханного и невиданного зрелища. Своим живым и ясным умом, приветливостью и острым язычком мать давно снискала расположение обитателей квартала, ее любили, большинство свидетелей схватки болели именно за нее, но разница в весовых категориях была чудовищной и отнюдь не в нашу пользу. Миссис Мокких слыла профи, прошедшей полный курс магических наук под руководством самых известных чемпионов Старого Света. И если бы кто-то из зрителей решился вдруг затеять тотализатор, то ставки установились бы где-то на уровне пяти к трем против матери и максимум на два раунда.

— Твоя дочь Пирли...— начала она наконец.

— Ой нет, мамочки, только не я! — взвизгнула помянутая девица, перейдя неожиданно для себя из категории болельщиков в субъект сражения.

— Ша, Пирли! Не дергайся! — немедленно скомандовала мамаша Мокких.

Лишь зеленые новички могли ожидать от моей матери примитивной лобовой атаки. Задетая за самое свое уязвимое место — то есть за меня! — мама должна была отвечать теперь с подчеркнутой любезностью. Пирл распустила нюни, захныкала, затопала кривыми ножками, но старшим уже было не до нее — их внимание намертво приковали к себе высокие профессиональные фортели.

— Обожаемой твоей Пирли,— нараспев повторила мама,— стукнуло недавно четырнадцать — пусть себе живет до ста четырнадцати! Пусть уже к девятнадцати найдет себе жениха — замечательного жениха, просто бриллиант, а не жениха! Доктора, адвоката или преуспевающего дантиста, который будет носить ее на руках и целовать ей ноги. Пусть он исполнит все ее самые сокровенные мечты!

Публика тотчас же оживилась — все разом признали разновидность избранного моей мамой оружия. Она импровизировала в самом трудном жанре еврейского мистического репертуара — возведении ажурной конструкции наподобие карточного домика, дабы обрушить ее затем, точно дуновением, одним заключительным словом. Пример обычного продолжения такого пространного заклинания: «Пусть у тебя будет счет в каждом банке и по десять тысяч на каждой чековой книжке, и пусть каждое пенни твоих доходов уйдет на эскулапов, и чтоб ни один из них не смог даже диагноз тебе поставить». Или же: «Чтоб была у тебя сотня особняков и в каждом по сотне шикарно обставленных спален, и чтоб ты всю свою жизнь прослонялся от кровати к кровати, не в силах сомкнуть веки ни на миг единый».

Осторожно достичь самого пика и обрушить лавину — вот что такое пространное еврейское заклинание. Оно требует как виртуозного владения идишем, так и безукоризненно точной раскладки по времени.

А мать моя между тем продолжала:

— Чтоб ты отгрохала своей обожаемой Пирли с этим замечательным женихом такую свадьбу, о которой весь Бруклин будет гудеть и вспоминать долгие годы.— Головка Пирл вдруг с тихим писком втянулась в сутулые плечи, почти утонув в воротнике. Ее мать хрюкнула, точно боксер, прозевавший свинг и приплясывающий теперь после нокдауна в дальнем углу ринга.— Пусть об этой потрясающей, грандиозной, сказочной свадьбе

напишут в каждой нью-йоркской газете, да что там в газете — о ней сочинят роман и снимут фильму, и пусть это доставит тебе несказанное удовольствие и принесет неслыханную славу. И пусть ровно год спустя твоя Пирли и ее замечательный, ее богатенький, ее деликатнейший супруг осчастливят тебя первенцем. И мазл тов*, пусть твой первый внучонок всенепременно будет мальчиком.

Старуха Мокких, ошеломленно тряхнув жидкими седыми космами, спустилась на одну ступеньку; бородавка на ее носу зашевелилась, точно комариное жало.

— И этот малютка,— мать на секунду прервала декламацию, чтобы чмокнуть кончики пальцев,— что за славный это будет малыш! Славный? Нет! Восхитительный, потрясающий, чудо, какого свет отродясь не видывал! Величайшие раввины съедутся со всех концов планеты, чтобы только поприсутствовать на его обрезании на восьмой день от рождения, и будут хвастать этим потом до конца дней своих. Пусть подрастает он таким умницей и красавчиком, что все наперебой станут зазывать его читать Тору на собственные брисы**. А в один прекрасный день этот твой расчудесный внук, когда ты будешь со всех сторон упиваться счастьем, пусть он внезапно, прямо посреди ночи...

— Уймись! — заорала миссис Мокких, воздев руки жестом капитуляции.— Остановись же! Замолчи!

Мама перевела дыхание:

— Почему это я должна замолчать?

— Потому что я все забираю обратно! Все, что я пожелала мальчонке, пусть вернется и обрушится на мою же старую дурную голову,— все, что только я ему ни пожелала. Ты этим довольна?

— Довольна,— сухо бросила мама, схватила меня за руку и поволокла вперед по улице. Выступала она теперь величаво, не как новобранец среди седых ветеранов — как всеми признанная и официально аккредитованная чародейка из Старого Света.

* Пожелание счастья *(идиш)*.

** Брис *(идиш)* — союз, завет; название обряда обрезания.

Лимонно-зеленый громкий как спагетти моросящий динамитом день

Показания перед Особой Президентской комиссией свидетеля 15671 Леонарда Дракера, тридцати одного года, неженатого, проживающего по адресу: Нью-Йорк-Сити, округ Манхэттен, Западная 10-я улица, 238, служащего компании Харберна, зарегистрированной по адресу: Нью-Йорк-Сити, округ Манхэттен, Восточная 42-я улица, 25. Свидетель, после приведения к присяге, показал следующее:

Ну, не знаю точно — около восьми утра в среду это было. Меня разбудил телефон. Я схватил трубку, чуть не свалившись с кровати, и прижал к уху. Женский голос тараторил: «Алло, это Ленни? Это ты, Ленни? Алло!»

Через пару секунд я сообразил, чей это голос, и сказал:

— Дорис? Ну да, это я. Что случилось?

— Это ты скажи мне, что случилось! — истерически вопила она.— Ты что, радио не слушаешь? Я позвонила уже троим, да только они бормочут такую же чепуху, что и приемник. Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Со мной все о'кей. Послушай, сейчас только восемь — мне полагается еще минут пятнадцать поспать. Да и кофе еще не сварился... Дай-ка я включу...

— Ты тоже! — взвизгнула она.— Тебя тоже прихватило! Что со всеми творится? Что случилось? — И она бросила трубку.

Я тоже положил трубку и пожал плечами. Дорис — та девушка, с которой я встречался последнее время, и всегда она казалась совершенно нормальной. Теперь же стало ясно, что и она — еще одна свихнувшаяся пташка из Виллидж. Может, я и сам живу в Виллидж, да только у меня приличная работа и

одеваюсь я солидно. Обычно я стараюсь держаться подальше от этих свихнувшихся пташек из Виллидж.

Снова ложиться уже смысла не было, так что я щелкнул выключателем электрической кофеварки, чтобы сварить кофе. Тут, похоже, и начинается самая важная часть моих показаний. Понимаете, я всегда с вечера кладу кофе и наливаю воду в кофеварку, потому что утром бываю слишком сонным, чтобы еще что-то готовить.

Из-за того, что наболтала Дорис, в тот день я по пути в ванную включил радио. Я плеснул себе в лицо холодной водой, сполоснул зубную щетку и выдавил на нее пасту. Я уже поднес ее ко рту, когда до меня дошло, что там передают по радио. Так что я положил щетку на раковину, вышел из ванной и уселся перед приемником — уж очень меня заинтересовали слова диктора. Зубы я так и не почистил — такой уж я везучий сукин сын.

У диктора был расслабленный, сонный голос, и он старательно отсчитывал: «Сорок восемь, сорок девять, сорок! Сорок один, сорок два, сорок три, сорок четыре, сорок пять, сорок шесть, сорок семь, сорок восемь, сорок девять, сорок! Сорок один...»

Я слушал этот голос уж не знаю сколько времени. До пятидесяти он так и не добрался. Кофе тем временем закипел, и я налил себе чашку, а сам тем временем вертел ручку настройки. На некоторых волнах — как я потом узнал, в основном это были станции из Джерси — все было вроде как обычно, но большинство передач оказались какими-то сумасшедшими. Там было одно сообщение о дорожном движении, оно меня просто поразило:

«...На шоссе Мэра Дигана движение от умеренного до средней громкости спагетти. По сообщениям транспортной полиции, динамитная морось продолжается. "Кадиллаки" удлинились, "континенталов" стало меньше, а "крайслеры империал" по большей части раздвоились. Пять тысяч "шевроле" с открытым верхом строят площадку для игры в баскетбол на проходящей через окраины части авеню Франклина Д. Рузвельта...»

Когда я налил себе вторую чашку кофе и взялся за булочку, я случайно глянул на часы и обнаружил, что из-за этого проклятого радио уже почти час сижу как приклеенный! Тут я в темпе побрился электрической бритвой и лихорадочно стал одеваться.

Я подумал было, что надо бы позвонить Дорис и сказать, что она была совершенно права, да решил сначала добраться до работы. И знаете что? С тех пор о Дорис ни слуху ни духу.

Теперь можно только гадать, что с ней приключилось в тот день. Верно?

На улице почти никого не было, только несколько человек со странными лицами сидели на бортике тротуара. Но тут я дошел до большого гаража между моим домом и станцией подземки, и меня как громом ошарашило: там всегда бывали выставлены самые дорогие в Виллидж машины, а теперь это выглядело... ну, не знаю — как свалка, пропущенная через мясорубку.

В полутьме только и можно было разглядеть, что машины, размазанные по другим машинам и стенам, и все это засыпанное мешаниной из осколков стекла и хрома, и оторванные подножки, и задранные и перекрученные капоты.

Чарли, управляющий гаражом, волоча ноги, вышел из своего застекленного закутка и вроде как улыбнулся мне. Выглядел он, словно прошлой ночью основательно перебрал.

— Ну подожди, пока твой босс все это увидит,— сказал я ему.— Он же тебя укокошит, парень!

Он ткнул пальцем в две воткнувшиеся друг в друга машины у ворот.

— Мистер Карбонаро тут уже был. Он все уговаривал их продолжать заниматься любовью, а когда те заартачились, послал их куда подальше и сказал, что идет домой. Рыдал он как незаткнутая бутылка.

Да, утречко выдалось ничего себе. Я даже уже почти и не удивился, когда в подземке не оказалось никого в кассе. Ну да у меня-то жетон был. Я сунул его в автомат, и он с дребезжанием пропустил меня.

Вот тут-то мне впервые и стало страшно — на платформе в подземке. Что бы в мире ни творилось, для жителя Нью-Йорка подземка — вроде рукотворного явления природы, такого же обычного и неизменного, как восход и заход солнца. И уж если тут порядок нарушается, не заметить этого никак невозможно.

Вот и я заметил кое-что: какой-то парень, стоя на четвереньках, заглядывал дамочке под юбку, а она, раскачиваясь на высоких каблуках, задрала голову и распевала во всю глотку. Рядом смазливенькая негритяночка, сидя на скамейке, рыдала в три ручья и вытирала глаза свежим номером «Таймс». Солидный господин — то ли врач, то ли юрист — носился зигзагами между железными опорами платформы и орал «Чаг-чаг-чагазум, чаг-чаг-чагазум!» И никто ничему не удивлялся и вроде даже не беспокоился.

Три поезда подряд проскочили мимо станции не останавливаясь, даже не замедляя хода. Машинист третьего был здоровенным светловолосым парнем, и он у себя в кабине хохотал как

сумасшедший, когда поезд пролетел мимо станции. Наконец подошел четвертый, и этот остановился.

Только два человека и рванули к дверям — я и еще парень в защитного цвета штанах и коричневом свитере. Двери открылись и тут же закрылись — жик-жик — без перерыва. Так что поезд ушел без нас.

— Что творится? — заскулил парень.— Я и так уже на работу опаздываю — даже позавтракать не успел. А в поезд не сядешь! Я же заплатил — так почему я не могу сесть в поезд?

Я сказал ему, что не знаю, и отправился наверх. Напугался я ужасно. Мне попалась телефонная будка, и я попытался дозвониться до своего офиса. Только без толку — сколько телефон ни звонил, так никто и не подошел.

Так что я пооколачивался на углу около станции подземки — все голову ломал, что же теперь делать, что вообще происходит; еще несколько раз позвонил в офис, и снова ничего. Странно это было — ведь время давно перевалило за девять. Может быть, сегодня вообще никто на работу не явился? Такого я себе представить не мог.

Я начал замечать, что люди по улице идут вытаращив глаза, вроде как в трансе. У Чарли, управляющего из гаража, тоже глаза вылезли на лоб. А вот у того парня в коричневом свитере на платформе ничего такого не было. Я увидел свое отражение в витрине — и у меня не было.

Это оказалось ателье по ремонту всякой электроники. У них в витрине был выставлен включенный телевизор, и я так и прилип к нему. Не знаю уж, что это была за программа — двое мужчин и женщина о чем-то разговаривали между собой, да только женщина при этом еще медленно раздевалась. Она и говорила, и снимала с себя одежду одновременно. Тут у нее приключилась заминка с поясом с резинками, и мужчины стали ей помогать.

Рядом народ так и валил в винный магазин; все выходили нагруженные бутылками. Только я заметил, что нельзя сказать, будто там шла торговля: каждый, бросив на хозяина подозрительный взгляд, хватал пару пузырьков и выметался, а хозяин смотрел на все это с радостной улыбкой.

Тут из лавки вывалился тип с парой бутылок виски, вонючий такой, грязный бродяга — типичный житель Бауэри*. Сиял он как медный грош — сами понимаете.

Мы оба тут же заметили, что ни у одного из нас глаза не лезут на лоб (это был первый такой случай, потом-то весь день

* Улица на Манхэттене, нью-йоркское «дно». *(Примеч. пер.)*

мне случалось вот так неожиданно обмениваться с людьми понимающими взглядами: очень уж были заметны на улицах те, кто не ополоумел).

— Здорово, а? — осклабился бродяга.— И ведь по всему городу так. Не теряйся, браток, запасайся горючим. А знаешь, что с ними со всеми приключилось?

Я вытаращился на его не то три, не то пять уцелевших зубов.

— Нет. А что?

— Они все, дураки, пили воду. Вот наконец оно и сказалось. Это же отрава, чистая отрава, я всегда говорил. Знаешь, когда я в последний раз выпил стакан воды? Знаешь, а? Двенадцать лет назад!

Ну, я просто повернулся к нему спиной и ушел, оставив его радоваться удаче.

Я двинулся от центра, в сторону Шестой улицы, хоть и спрашивал себя: куда это меня черт несет? Потом решил, что дойду до офиса своей фирмы на Сорок второй. Так уже было однажды, когда подземка бастовала, а все-таки мое место — на службе.

Я стал высматривать такси, да только знаете что? На улице машин было — раз, два и обчелся, да и те тащились как черепахи. Иногда вдруг, правда, вылетала какая-нибудь — словно на скоростном шоссе, так что аварий хватало.

Когда я увидел первое столкновение, я подбежал посмотреть — не могу ли чем помочь. Но водитель уже выполз из машины сам. Он уставился на пожарный кран, который своротил, посмотрел, как из него вода хлещет, потом встряхнулся и побрел прочь. После этого я уже не обращал внимания на аварии, только посматривал, не вынесет ли какую машину на тротуар, по которому я шел.

Но фонтан из пожарного крана напомнил мне, что сказал тот бродяга. Может, правда в воде что-то было? Я пил кофе, но ведь кофеварку я наполнил накануне. А зубы почистить я не успел. И Дорис, и тот парень в коричневом свитере — они оба не завтракали, воды не пили. А уж о бродяге и говорить нечего. Похоже, дело действительно в воде.

Я тогда ничего не знал о той компании ребят, увлекавшихся ЛСД,— ну, понимаете, о той, где тусовалась дочка инженера с водопроводной станции,— это уже потом выяснилось, что она добралась до схем своего папаши. Вот ведь бедняга! Но я сообразил, что лучше держаться подальше от всего, куда могла попасть водопроводная вода. Так что на всякий случай я заглянул в магазин самообслуживания и запасся упаковкой банок содовой — знаете, таких, с открывалкой на крышке.

Продавец в трансе вылупил глаза на стену. У него был такой ужас на лице, что я почувствовал, как у меня волосы зашеве-

лились. Я так и ждал, что сейчас он начнет визжать, но ничего не случилось. Я положил доллар на прилавок и ушел.

Пройдя квартал, я остановился посмотреть на пожар.

Горела одна из тех халуп, что тянутся вдоль начала Шестой улицы. Огня видно не было, просто из окна третьего этажа вырывалось облако дыма. Перед домом собралась толпа сонных, словно чем-то опоенных людей; там же околачивалось несколько таких же малахольных пожарных. Большущая красная пожарная машина стояла на тротуаре, врезавшись носом в витрину цветочного магазина, а рядом валялась кишка — кто-то догадался насадить ее на кран, и она изредка выкашливала полгаллона воды, словно туберкулезная змея.

Мне не понравилась мысль о том, что внутри могут быть люди — безропотно сгорающие живьем. Так что я протолкался сквозь толпу и вошел в дом — на лестничную площадку на первом этаже. Дым там был такой густой, что подняться выше оказалось невозможно. Но я обнаружил пожарного, который удобно расположился у стены, надвинув шлем на лицо.

— Никакого пива,— бормотал он себе под нос.— Ни пива, ни парилки.— Я взял его за руку и вывел оттуда.

К этому времени пошел дождь, и мне захотелось встать посреди улицы на колени и сказать спасибо Господу Богу. Дело было даже не в том, что дождь погасил тот горевший дом,— просто, знаете ли, если бы в тот день все время не начинало моросить, от Нью-Йорка мало что осталось бы.

Тогда я, понятно, не знал, что все происшествия сосредоточены только в Нью-Йорк-Сити. Помню, я еще гадал, спрятавшись от дождя в подъезде напротив, не было ли все случившееся хитрой военной операцией. И не только я так думал, как выяснилось потом. Я имею в виду объявленную по всей стране тревогу и отчаянные попытки Москвы связаться со своим представителем в ООН. Я недавно прочел о соглашении, которое русский ооновец в тот день подписал с Парагваем и Верхней Вольтой. Неудивительно, что Совету Безопасности пришлось объявить все, что произошло в здании ООН в те двадцать четыре часа, не имеющим силы.

Когда дождь прекратился, я снова пошел на север. Перед витриной магазина Мэси — который на углу Тридцать четвертой и Шестой авеню — собралась огромная толпа. Полуодетый парень и вовсе голенькая девица должны были заниматься любовью на кушетке — в тот день в витрине рекламировалась мебель,— так они на самом деле этим занимались.

Я стоял, окруженный всеми этими лицами с выпученными глазами, и не мог с места двинуться. Рядом какой-то тип с хорошим кожаным кейсом в руках все бормотал: «Ах, как красиво! Просто пара лимонно-зеленых снежинок!» Потом куранты на Геральд-сквер — знаете, те, на которых две статуи с молотами в руках отбивают часы, колотя по колоколу,— начали вызванивать двенадцать раз: полдень. Тут я встряхнулся и протолкался через толпу наружу. Те двое в витрине все продолжали.

Там, где толпа была не такая густая, какая-то женщина — очень приличная седая женщина в черном платье — переходила от человека к человеку, забирая у всех деньги. Она вытаскивала бумажники у мужчин и кошельки из сумочек у женщин и складывала их в большую хозяйственную сумку. Стоило кому-нибудь хоть чем-то проявить неудовольствие, когда она принималась за свое, она тут же оставляла этого человека в покое и бралась за следующего. Свою сумку она уже еле тащила.

Тут она вдруг поняла, что я за ней наблюдаю, и так и вытаращилась на меня. Как я говорил, мы — которые не зомби — в тот день узнавали друг друга немедленно. Она жутко покраснела — от шеи до своих седых волос, потом повернулась и бросилась бежать во все лопатки. Ее каблуки громко стучали, из-под черного платья выбилась розовая комбинация, а сумку она крепко прижимала к себе.

Какие только номера люди в тот день не откалывали! Вроде тех двух парней из Хобокена*. Они услышали по радио, что в Манхэттене все посходили с ума, напялили на себя противогазы и рванули по туннелю — примерно за час до того, как по нему перекрыли движение,— и явились на Уолл-стрит, чтобы ограбить банк. У них даже оружия не было: они решили, что просто заявятся в банк и покидают деньги в свои пустые чемоданы. Да только вместо этого голубчики угодили между молотом и наковальней: двое полицейских на патрульных машинах устроили на улице перестрелку — они уже давно терпеть друг друга не могли. Я много подобного тогда повидал — всего теперь и не упомнишь.

А вот что я хорошо помню — это что все шло по нарастающей. Я выбрался на Бродвей — к тому времени я уже махнул рукой на то, чтобы добраться до офиса,— так там было гораздо больше разбившихся машин и сидящих на тротуаре и по-идиотски улыбающихся людей. Пока я добрался до южной части Тридцатых улиц, по крайней мере трое выпрыгнули из окон. Они летели по длинной кривой, потом раздавался бумм-хлюп, а никто кругом и ухом не вел.

---

* Хобокен — город в штате Нью-Джерси, на правом берегу Гудзона, соединенный с Южным Манхэттеном туннелем

Чуть ли не в каждом квартале мне приходилось отбиваться от какого-нибудь умника, который жаждал рассказать мне о Боге или о Вселенной, а то и просто поделиться восторгами по поводу восхода. Я решил... ну вроде как уйти за кулисы на время, так что зашел в кафе поблизости от Сорок второй перекусить.

Двое официантов сидели на полу, держались за руки и рыдали как крокодилы. Пятеро девиц — с виду секретарши — таращились на них, как болельщики на стадионе, и хором скандировали: «Не покупай в "Орбахе", в "Орбахе" дорого! Не покупай в "Орбахе", в "Орбахе" дорого!»

Я был голоден, и к тому времени все эти штучки меня уже не смущали. Я зашел за прилавок, нашел хлеб и сыр и сделал себе пару бутербродов, не обращая внимания на валявшийся рядом с разделочной доской окровавленный нож. Потом сел за стол у окна и открыл одну из своих банок с содовой.

Я правильно выбрал место у окошка — там было на что посмотреть, события набирали ход. По улице трусила школьная учительница, размахивала указкой и тонким голосом пела «Маленькое красное крылышко». За ней бежало десятка два пухленьких восьмилеток — они тащили указатели автобусных остановок, по два-три человека каждый. Какая-то старушенция в новенькой зеленой тачке катала полдюжины дохлых кошек. Потом прошла целая толпа, распевая рождественские колядки, а им навстречу другая, поменьше,— те пели что-то еще, похожее на какой-то национальный гимн. Но вы знаете, что интересно: и пели многие, и что-то вдруг начинали делать вместе.

Когда я уже собрался уходить, снова пошел дождь, так что мне пришлось просидеть там еще около часа. Только дождь не остановил тех девчонок-секретарш: они бросили плачущих официантов и, выделывая что-то вроде танца живота, высыпали на улицу с воплями: «Все на Пятую авеню!»

Наконец небо посветлело, и я двинулся дальше. Всюду на улицах люди, держась друг за дружку, вопили, распевали, танцевали. Мне это все не понравилось: похоже было, вот-вот начнется потасовка. Перед кафе-автоматом на Даффи-сквер на тротуаре разлеглась целая компания и устроила что-то вроде оргии. Но когда я подошел поближе, оказалось, что они просто лежат себе и гладят друг друга по щекам.

Вот там-то я и встретил тех молодоженов — доктора Патрика Сканнела и его миссис, из Косаки в Индиане, которые будут давать показания после меня. Они стояли у входа в кафе-автомат и шептались друг с другом. Когда они увидели, что я не как все эти зомби, они кинулись ко мне как к родному.

Они приехали в Нью-Йорк поздно вечером накануне, остановились в отеле и, понимаете ли, как и положено новобрачным, не выбирались из койки сегодня где-то часов до двух. Это их и спасло. За несколько месяцев до того, еще только планируя свадебное путешествие, они заказали билеты на дневной спектакль в театре на Бродвее — на «Макбета» Шекспира, так что теперь пулей вылетели из отеля, чтобы не опоздать к началу. Им, понятно, было не до завтрака или еще чего, только у миссис Сканнел в сумочке оказалась шоколадка.

И, как они описывали, такой постановки «Макбета» никто никогда ни на земле, ни на море не видывал. По сцене бродили четыре актера — только один из них в костюме — и все бормотали, кто во что горазд,— куски из «Макбета», «Гамлета», «Трамвая "Желание"», «Царя Эдипа», «Кто боится Вирджинии Вульф».

— Это было похоже на драматургическую антологию,— сказала миссис Сканнел.— И не так уж плохо поставленную. Каким-то образом все удивительно сочеталось одно с другим.

Да, это напомнило мне вот о чем. Как я понимаю, какое-то издательство выпускает сборник прозы и поэзии, написанной в Нью-Йорк-Сити в тот безумный элэсдэшный день. Я, черт возьми, уж эту книжицу не пропущу.

Но как ни удивительно и интересно это было, от такого представления в театре на Бродвее они чуть из штанов не выскочили от страха. А уж публика, хоть ее и немного было, напугала их еще больше. Они смылись оттуда и стали бродить по улицам, гадая, кто это сбросил на Нью-Йорк такую бомбу.

Я поделился с ними содовой; мы вместе добили мою упаковку. И я рассказал им, каким образом понял, что все дело в воде. Тут же доктор Сканнел — он был дантист, не терапевт,— но все равно он тут же щелкнул пальцами и сказал:

— Черт возьми, это же ЛСД!

Держу пари, он был первым человеком, который догадался.

— ЛСД, ЛСД,— повторял он.— Без цвета, запаха, вкуса, в одной унции 300 000 полных доз. Фунт или около того в водопровод, и... О Господи! Доигрались со всеми этими статьями в журналах — подали кому-то идею!

Мы втроем стояли на углу, пили содовую и смотрели, как люди вокруг вопят, хохочут, делают самые безумные вещи. Теперь все больше толп устремлялось на восток с криками: «Все на Пятую авеню! Все на Пятую авеню на парад!» Это было похоже на колдовство — как будто всему населению Манхэттена одновременно пришла одна и та же мысль.

Я не собирался, понятно, спорить с профессионалом, да только, знаете ли, и я тоже много чего читал в журналах про ЛСД. Вот я и сказал ему: мне не приходилось читать, чтобы от

ЛСД люди делали многое из того, чего я сегодня нагляделся. Вы только посмотрите, сказал я, на эти распевающие толпы.

Доктор Сканнел сказал, что это проявляется кумулятивный эффект обратной связи. «Чего?» — переспросил я. Тут он мне объяснил, что, наглотавшись этой дряни, люди становятся очень восприимчивы психологически, а кругом полно других психов, которые друг на друга воздействуют. Это и есть кумулятивный эффект обратной связи.

Потом он стал рассуждать о том, очищенное ли было зелье, о дозировке — о том, что в этой ситуации неизвестно, кто сколько принял. «Хуже всего,— говорил он,— что никто не был подготовлен психологически. При таких обстоятельствах может произойти что угодно». Он оглядел улицу, по которой маршировали поющие люди, и поежился.

Они решили запастись герметично запакованными продуктами и питьем, вернуться в отель и отсиживаться у себя в номере, пока все не кончится. Они приглашали и меня, да только к тому времени мне стало слишком интересно, чтобы сидеть в своей норе: мне хотелось досмотреть спектакль до конца. А еще я слишком боялся возможного пожара, чтобы запереться в комнате на четырнадцатом этаже.

Когда мы расстались, я отправился следом за толпой на восток — люди валили туда, словно у всех там было назначено свидание. На Пятой было не протолкнуться, а с запада подходили еще и еще участники. И все вопили о параде.

Что самое смешное — это что парад таки начался. Уж не знаю, как и кому удалось организовать людей, только парад оказался вершиной, завершающей нотой, последним штрихом того проклятого дня. И что за парад!

Шеренги маршировали по Пятой авеню против указателей одностороннего движения — да к тому времени никакого движения транспорта и не было. Шли группы по пятьдесят—сто человек, а между ними вышагивали цепочки распорядителей, иногда залезавшие на тротуары и смешивавшиеся со зрителями. С эмблем, которые они несли, еще капала свежая краска; другие казались ужасно старыми и пыльными, словно их вытащили из гаражей или со складов. Большинство участников парада выкрикивали лозунги или пели песни.

Кто, черт возьми, мог бы упомнить все организации, участвовавшие в параде? Вроде, знаете, Древнего Ордена Замороженных, Ассоциации ветеранов Корпуса Мира, Неприкасаемых с авеню Б, Анонимных Алкоголиков, НАСПЦН*, Лиги антививисекционистов, Клуба демократов Вашингтон-хайтс, Бнай брит интернэшнл*, Фонда взаимной юридической поддержки сутенеров и проституток Сорок девятой улицы, Борцов за свободу Венгрии, комитета «Спасем Виллидж», Полицейского общества Спасителя, Дочерей Билитис, баскетбольной команды Пресвятой Богородицы Помпейской. Все-все вылезли на свет.

И все перемешалось — прокастровские кубинцы и антикастровские кубинцы шагали в обнимку и пели одну и ту же траурную испанскую песню. Трое полицейских, один из них босиком, вместе с группой студентов тащили транспарант: «Глуши пиво, а не радиостанции». Девчонка, прикрытая только плакатом, на котором черным фломастером было выведено: «Немедленно узаконить изнасилования!» — шла в окружении стариков и старушек, распевавших «Наша сила — в чистоте. Не позволим блудницам...» Оркестр графства Керри наяривал «Дойчланд юбер аллес», а следом за ними кучка солидных мужчин в деловых костюмах обучала двух итальянских монахинь петь «С днем рожденья, Танненбаум, с днем рожденья тебя!»; монахини хихикали и закрывали лица руками. А позади них двое негров лет по восемьдесят несли огромное белое полотнище, протянувшееся поперек всей Пятой авеню; на нем было написано: «Переизберем Вудро Вильсона — он не позволил втянуть нас в войну».

И по всей улице сновали какие-то люди с банками краски и кистями, рисовавшие закорючки на мостовой — зеленые, фиолетовые, белые. Один хорошо одетый господин проводил красную линию, разделяя ею марширующих. Я думал, что это коммунист, пока не услышал, как он напевает «Боже, спаси королеву». Когда у него кончилась краска, он присоединился к компании из Союза музыкантов, которые потрясали плакатами и кричали: «Свободу народной музыке! Спасем улицу дребезжащих жестянок!»**

Лучшего парада я никогда не видел. Я смотрел до тех пор, пока армейский десант, высадившийся в Центральном парке, не начал загонять демонстрантов в развернутые военными специальные лечебные центры.

На том, черт возьми, все и кончилось.

---

* Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

* Религиозная иудаистская организация со штаб-квартирой в Вашингтоне.

** В конце XX в.— квартал Манхэттена, где были сосредоточены музыкальные магазины, нотные издательства, фирмы грамзаписи.

Таки у нас на Венере есть рабби!

Вот вы смотрите на меня, мистер Великий Журналист, как будто и не ожидали увидеть маленького седобородого человечка. Он встречает вас в космопорту на такой развалине, какую на Земле давно бы уже зарыли. И этот человек, говорите вы себе, это ничтожество, пустое место — должен рассказать о величайшем событии в истории иудаизма?!

Что? Не ошибка ли это? Пятьдесят, шестьдесят, я не знаю сколько, может, семьдесят миллионов миль — ради несчастного шлимазла с подержанным кислородным ранцем за спиной?

И ответ: нет, не ошибка. Бедный, таки да, невзрачный, таки да, но вы разговариваете с человеком, который может рассказать все, что желаете, о тех скандалистах с четвертой планеты звезды Ригель. Вы разговариваете с Мильчиком, мастером по ремонту телевизоров. С ним самым. Собственной персоной.

Вещи ваши положим назад, а сами сядем впереди. Теперь захлопните дверь — посильнее, пожалуйста,— и если это еще работает, и то еще работает, и несчастный старенький модуль еще способен шевелиться, тогда, пожалуй, полетим. Сказать, что роскошно, таки нет, но — модуль-шмодуль — на место он доставит.

Вам нравятся песчаные бури? Это песчаная буря. Если вам не нравятся песчаные бури, не надо было прилетать на Венеру. Это все, что есть у нас из красот. Тель-авивского пляжа у нас нет. Песчаные бури у нас есть.

Но вы говорите себе: я прилетел не ради песчаных бурь, я прилетел не ради разговоров. Я прилетел, чтобы выяснить, что же случилось у евреев, когда они со всей Галактики собрались на Венере. С чего этот шмендрик, этот Мильчик-телемастер вздумал рассказывать о таком важном событии? Он что, самый умный? Самый ученый? Пророк среди своего народа?

Так я вам скажу. Нет, я не самый умный, я не самый ученый, уж точно не пророк. Я еле свожу концы с концами, ремонтируя дешевые телевизоры... Ученый? — нет, но человек — да. И это первое, что вам надо усвоить. Слушай, говорю я Сильвии, моей жене, или в наших Книгах не сказано: убивающий единого человека убивает всю человеческую расу? Разве не следует отсюда, что слушающий одного слушает всех? И что слушающий одного еврея на Венере слушает всех евреев на Венере, всех евреев во Вселенной до единого?

Но Сильвия — поди, поговори с женщиной! — заявляет:

— С меня достаточно твоих Книг! У нас три сына в женихах. А кто будет платить за переезд их невест на Венеру? Ты думаешь, хорошая еврейская девушка придет сюда за так? Она придет жить в этой геенне огненной, жить в норе, будет растить детей, которые не увидят солнца, не увидят звезд, одни только стены и пьяные шахтеры из кадмиевых шахт? Разве узнаешь из Книг, где взять денег? Или Книги помогут сыновьям Мильчика найти невест, раз их отец занят философией?

Мне не надо напоминать вам — вы журналист, вы образованный человек — мнение Соломона о женщинах. Хорошая женщина, говорит он, в конце концов обходится вам дороже жемчуга. И все же кто-то должен думать о деньгах и о невестах для мальчиков. Это второе. Первое то, что я человек, и я еврей, может быть, это две разные вещи, но у меня есть право говорить от имени всех людей и всех евреев.

Но этого мало, так я еще и отец. У меня три взрослых сына здесь, на Венере. И если хотите нажить себе врага, скажите: «Слушай, ты еврей? У тебя три сына? Ступай на Венеру!»

И это третье. Почему я, Мильчик-телемастер, вам это рассказываю, и почему вы прилетели с Земли меня слушать? Потому что я не только еврей, и не только отец, но и...

Подождите. Дайте я задам вам вопрос. Вы не обидитесь? Вы точно не обидитесь?

...Вы случайно не еврей? Я имею в виду, может быть, дедушка? Прапрапрадедушка? Вы уверены? Может быть, кто-нибудь из них просто изменил фамилию в 2553 году? Не то чтобы вы выглядели евреем, нет, Боже упаси, но вы такой интеллигентный человек и задаете такие умные вопросы... Вот я и подумал...

Вам нравится еврейская еда? Через двадцать минут мой старенький усталый модуль выйдет из этой оранжевой пыли и доставит нас в шлюзовую камеру Дарджилинга. Вы попробуете еврейскую еду и, поверьте мне, после нее расцелуете каждый пальчик.

Почти всю нашу еду привозят с Земли в особой упаковке и по особому договору. И разумеется, по особой цене. Моя жена Сильвия готовит поесть, так приходят со всего нашего уровня просто попробовать: рубленая селедка для возбуждения аппетита... И то, что я вам говорю, тоже для возбуждения аппетита, чтобы подготовить вас к главному блюду, большой истории, за которой вы прилетели.

Сильвия готовит все, что мы едим в шуле — нашей синагоге. Она готовит даже формальный субботний завтрак, который должны съесть мужчины после субботней молитвы. Мы все здесь ортодоксы и практикуем обряды Левиттауна. Наш рабби Джозеф Смолмэн — сверхортодокс и без ермолки, передававшейся от отца к сыну в его семье уж и не знаю сколько веков, не появляется.

О, вы улыбаетесь! Вы знаете, что я перешел к главному блюду!.. Рабби Джозеф Смолмэн. Хотя это всего лишь Венера, но рабби у нас таки есть! Для нас он Акиба, Рамбам.

Знаете, как мы его зовем между собой? Великий Рабби Венеры.

Теперь вы смеетесь. Нет-нет, я слышал. Как, простите, отрыжка после сытного обеда.

Этот Мильчик, говорите вы себе, он и его соседи по норе, семьдесят, ну, может быть, восемьдесят еврейских семей, с божьей помощью сводят концы с концами, и их рабби — Великий Рабби Венеры?

А что? Разве есть невозможное для Всевышнего, благословенно будет Имя Его? В конце концов, как говорят наши Книги: «Последний станет первым». Только, пожалуйста, не спрашивайте меня, какие Книги.

Почему он Великий Рабби? Что ж, во-первых, почему бы рабби Смолмэну не быть Великим Рабби? Или ему требуется сертификат от Лицензионного бюро Великих Рабби? Или надо кончить Специальную Иешиву Великих Рабби?.. Так вот: вы — Великий Рабби, потому что вы ведете себя, как Великий Рабби, вы принимаете решения, как Великий Рабби, вы признаны Великим Рабби... Должно быть, слышали, как он вел себя и как принимал решения, когда у нас на Венере проходил вселенский еврейский съезд.

У вас есть время выслушать один пример? Лет пять назад, накануне Пасхи, случился настоящий кошмар. Прямо у Венеры взорвался грузовой корабль. Никто не пострадал, но груз был поврежден, и корабль опоздал, пришел чуть ли не за час до начала первого седера. Так на том корабле находилась вся пасхальная еда, заказанная двадцатью четырьмя еврейскими семьями

из Алтуна-Барроу. Она хранилась в банках и в герметических пакетах. Когда им доставили заказ, они заметили: многие банки погнуты и покорежены. И, что гораздо хуже, большинство из них испещрено крошечными дырками! В соответствии с решениями Раввината 2135 года по Космическим путешествиям еда в испорченной посуде считается автоматически нечистой — нечистой для каждодневного пользования, нечистой для Пасхи. Вот вам почти седер, и что прикажете делать?

Они небогатые люди. У них нет запасов, у них нет выхода, у них нет даже своего рабби. Было бы это делом жизни или смерти — хорошо, все годится. Но это не дело жизни или смерти. Они всего лишь не могут отпраздновать седер. А еврей, который не может отпраздновать Исход из Египта мацой, травками и пейсаховкой,— такой еврей, что невеста без хупы, что синагога без Торы.

Алтуна-Барроу соединен с Дарджилинг-Барроу, это наша окраина. Да, окраина! Слушайте, где это сказано, что в маленьком местечке не может быть пригорода? И вот идут они со своими проблемами к нашему рабби Джозефу Смолмэну. Из банок, правда, не течет, но сделанная ими проверка дала плохой результат. Как рекомендовано Раввинатом 2135 года, взяли волос с чьей-то головы и засунули его в дырку, и волос не завернулся назад... Что же, значит, пропала дорогая еда? Не будет седера в Алтуна-Барроу?

Таки да — для обычного рабби. Наш же рабби Смолмэн все смотрел на них и смотрел, а потом почесал прыщ с правой стороны носа. Он красивый человек, рабби Смолмэн, сильный и полный, вылитый Бен-Гурион в расцвете сил, но у него всегда большой красный прыщ с правой стороны носа... Затем поднялся, и подошел к книжной полке, и снял полдюжины томов Талмуда и последние три тома заседания Раввината по космическим путешествиям. И заглянул в каждую книгу по меньшей мере раз и подолгу думал. Наконец он спросил:

— Какой волос вы выбрали и с чьей головы?

Ему показали волос — хороший белый волос с головы древнего старца, тонкий и нежный, как первый вздох младенца.

— Теперь сделаем проверку с волосом по моему выбору.

И он позвал моего старшего, Аарона Давида, и велел ему выдернуть волос.

Вы не слепой, вы видите мой волос — в таком возрасте! — какой он жесткий и грубый. А поверьте мне, это уже не тот волос... Мой мальчик, мой Аарон Давид, у него наш семейный волос, каждый вдвое, втрое толще обычного. И когда рабби Смолмэн берет продырявленную банку и сует волос Аарона

Давида, тот, разумеется, вылезает назад, как кусок гнутой проволоки. И когда рабби пробует на другой банке, волос снова не идет внутрь.

И вот рабби Смолмэн указывает на первую банку, которую ему принесли, ту, которую проверяли волосом старика, и говорит:

— Я объявляю пищу в этой банке нечистой и негодной, а все остальное хорошего качества. Идите домой и делайте седер.

Вы понимаете, надеюсь, в чем величие этого решения? Евреи со всей Венеры обсуждали, и каждый приходил в восхищение.

Нет. Простите, вы не правы. Величие — не просто в решении, позволившем нескольким бедным евреям насладиться седером в своих домах. Это старая истина — лучше еврей без бороды, чем борода без еврея. Попробуйте еще. Снова неверно. Любой хороший рабби взял бы толстый волос в подобных обстоятельствах. Для этого не обязательно быть Гилелем. Вы все еще не догадались? Гойше коп!

Извините. Я не хотел говорить на непонятном вам языке. Что я сказал? О, совершенные пустяки! Просто замечание по поводу того, как некоторые люди намерены стать учениками Талмуда, а другие не намерены стать учениками Талмуда. Что-то вроде старой поговорки среди нас.

Конечно, я объясню. Почему великий? Во-первых. Всякий приличный рабби обязательно признает пищу чистой и годной. И во-вторых. Хороший рабби, первоклассный рабби найдет способ, как это сделать: возьмет волос моего сына, то, се, все, что угодно. Но, в-третьих, лишь воистину великий рабби изучит столько книг и будет думать напряженно и долго, прежде чем объявит свое решение. Как евреи могут действительно насладиться седером, если не уверены в правильности решения? А как им быть уверенными, если они не увидят, что для этого приходится изучить девять разных томов?

Ну, теперь-то вам ясно, почему мы звали его Великим Рабби Венеры еще за пять лет до Неосионистской конференции и грандиозного скандала с бульбами?

Поймите, я не выдающийся муж Талмуда — у человека есть семья, а дешевые телевизоры на такой планете, как Венера, не помогают вам решать проблемы Гемара. Но всякий раз, когда я думаю, что наша конгрегация имеет в лице рабби Смолмэна, мне вспоминается, как Книги начинают спор: «Человек находит сокровище...»

Только не сочтите, что наше сокровище — для всех сокровище. Почти все евреи на Венере ашкенази — люди, чьи предки

эмигрировали из Западной Европы в Америку до холокоста и не вернулись в Израиль после Сбора. Но у нас по крайней мере три вида ашкенази, и только мы, левиттаунские ашкенази, зовем рабби Смолмэна Великим Рабби Венеры. Вильямсбургские ашкенази, а их гораздо больше, черно-габардиновые ашкенази, которые дрожат и молятся, дрожат и молятся, зовут рабби Смолмэна пасхальным рабби. А для ашкенази Майами, богатых счастливчиков, живущих в большом Ай-Би-Эм-Барроу, рабби — что незамужняя девчонка, напустившая на себя умный вид. Говорят, вильямсбургские ашкенази верят во все чудеса, для левиттаунских ашкенази чудо — найти работу, а ашкенази Майами не верят ни в чудеса, ни в работу, они верят только в экспорт-импорт.

Я вижу, вам не терпится. Вы закусили, сейчас попробовали супа и ждете главного блюда. Послушайте, успокойтесь немножко. Я только расскажу вам одну вещь. Назовем это салатом. Вы думаете что? — это не салат, а так, пустяк. Хотите историю, как бутерброд? Так идите куда-нибудь еще. Мильчик подает только полные обеды.

В тот вечер после седера сижу я на скамейке возле нашей квартиры в Дарджилинг-Барроу. По мне это лучшее время: спокойно, тихо, большинство уже в постели, в коридоре есть чем дышать.

Сижу думаю, и выходит Аарон Давид и садится рядом со мной.

— Папа,— начинает он, помолчав.— Я собираюсь стать рабби.

— Поздравляю,— говорю я.— Что касается меня, то я собираюсь стать вице-королем Венеры.

— Я серьезно, папа.

— А я шучу? Почему бы меня не назначить в Совет Одиннадцати Земных Наций или президентом Титана и Ганимеда? Я буду еще хуже, чем этот нынешний хулиган, так что — у него разобьется сердце в груди?.. Ну хорошо,— говорю я сыну, я ему говорю «хорошо», потому что он поворачивается ко мне и смотрит на меня глазами Сильвии, а такие глаза, я вам скажу, могут смотреть.— Итак, ты хочешь стать рабби. Чего же зря хотеть. Я тебе дам все, что смогу дать. Ты знаешь, у меня есть маленькая синяя отвертка. Ее сделали в Израиле пятьсот лет назад, когда Израиль еще считался еврейским государством. Эта драгоценная маленькая отвертка — все равно что кость моей правой руки, и все же я отдам ее тебе, если ты попросишь. Но я не могу достать денег на обучение в иешиве. И, что еще важнее, у меня нет денег даже на перевозку твоей невесты. Традиция, ей много сотен лет, с тех пор как евреи начали эмигрировать в

космос: невеста в Левиттаун должна прилететь с другой планеты... А ведь у тебя еще два брата.

Аарон Давид чуть не плачет.

— Если бы только... если...

— Если,— повторяю я.— Если... Ты знаешь, что мы говорим о «если». Если бы у твоей бабушки была мошонка, она была бы твоим дедушкой! Посуди сам, до начала обучения нужно знать три древних языка: арамейский, иврит и идиш. Так я тебе скажу. Если ты многому научишься заранее, может быть, если произойдет чудо и мы сумеем отправить тебя в иешиву, ты сможешь кончить ее раньше, чем наша семья разорится. Если рабби Смолмэн, например, согласится давать тебе уроки.

— Согласится! — перебивает меня мой мальчик.— Он уже занимается со мной!

— Нет, я говорю об уроках, за которые надо платить. Один день после ужина ты учишься у него, а на следующий день после ужина мы с тобой все повторяем. И я немного обучусь, не буду таким невеждой. Ты знаешь, что сказано в Книгах об изучении Талмуда: «Найди себе товарища...» Ты будешь моим товарищем, я буду твоим товарищем, и рабби Смолмэн будет нашим товарищем. Мы объясним твоей матери, когда она станет кричать, и нас будет двое против одного.

Так мы и сделали. Чтобы заработать лишних денег, я стал возить на своем модуле грузы из космопорта. Вы заметили, он едет сейчас, будто у него грыжа? И я пристроил Аарона Давида в бойлерную на восемнадцатом уровне. Я рассудил так: если Гилель чуть не замерз до смерти на той крыше, чтобы стать ученым, не беда, если мой сын немного попарится ради той же цели.

Мой сын учится и учится, он ходит и говорит все больше как грамотей и все меньше ходит и говорит как телемастер. Я тоже учусь — не так, конечно, но достаточно, чтобы украсить свою речь строками из Ибн Эзры и Менделе Мойхер-Сфорима. Я не стал от этого хоть на грош богаче, я все такой же касрилик, шлемиль, но по крайней мере я образованный шлемиль. Я счастлив. Правда, я не вижу, где взять денег на иешиву. Но послушайте, учение всегда учение. Как говорит Фрейд, просто увидеть Минск из Варшавы, даже если ты не так смотришь и не понимаешь, что видишь,— уже стоит того.

Но кто, спрошу я вас, может увидеть отсюда Ригель?

Конечно, о неосионистском движении мы слышали давно. Евреи всегда знают, когда другие евреи собираются устроить неприятности на свою голову. Мы слышали о книге доктора Гликмана, слышали, что его убили вегианские даянисты, что

по всей Галактике у него появляются последователи. Послушайте, в нашей синагоге даже устроили денежный сбор «Героической памяти доктора Гликмана и на откупление Святой Земли у иноверцев с Веги».

С этим я не спорю. Я сам раз-другой бросил пару монет в кружку. В конце концов, почему бы Мильчику-телемастеру из своих личных средств не помочь откупить Святую Землю?

Но неосионистское движение — другое дело. Я не трус и в случае крайней необходимости готов умереть ради своего народа. Но если нет крайней необходимости...

Послушайте, мы, евреи на Венере, научились не высовывать носа из своих нор. Не то чтобы на Венере был антисемитизм — нет, кому такое в голову придет?! Когда вице-король пять раз на неделе заявляет: у Венеры, мол, отрицательный торговый баланс, потому что евреи ввозят слишком много кошерной еды,— это не антисемитизм, это глубокий экономический анализ. И когда министр внутренних дел устанавливает квоту на число евреев в каждой норе и позволяет переезжать лишь по особому разрешению — это тоже не антисемитизм, ясно, это эффективный контроль над миграцией. Что я хочу сказать: зачем злить такое евреелюбивое правительство?

Еще одно мне не нравится у неосионизма. И об этом трудно говорить вслух, особенно перед посторонним человеком. Насчет возвращения в Израиль. Где же еще быть еврею? Мы начинали там с Авраамом, Исааком и Иаковом. Ничего хорошего. Первый раз мы вернулись с Моисеем и немного-таки там пожили — пока нас не вышвырнули вавилоняне. Потом нас привел Зоровавель, но Тит сжег Храм, и римляне заставили нас снова уйти. Две тысячи лет странствий по миру дали нам всего-навсего Спинозу, Маркса и Эйнштейна, Фрейда и Шагала, и мы сказали: достаточно так достаточно, обратно в Израиль. И вот мы вернулись с Бен-Гурионом, Хаимом Вейцманом и остальными. Пару веков все шло нормально. Приходилось беспокоиться только из-за сорока миллионов арабов, мечтавших нас убить. Но этого же мало для тех, кого сам Господь, благословенно Имя Его, назвал на горе Синай «упрямым народом»! Нам нужно было ввязаться в спор — в разгар Межпланетного Кризиса — с Бразилией и Аргентиной!

Что касается меня — не знаю насчет других евреев,— так я устал. Если нет, так нет. Если прочь, так прочь. Если прощай, так прощай.

Но у неосионистов иной взгляд на дело. Они чувствуют, что мы уже отдохнули, пора начинать новый круг. «Пусть Третье

Изгнание кончится в наши дни! Восстановить кнессет! Израиль для евреев!»

Кто спорит? Кроме одной малости, которую они проглядели: Израиль и Иерусалим в наши дни — даже не для людей. Совету Одиннадцати Земных Наций не нужны неприятности с вегианцами теперь, когда такое творится в Галактике. Если обе стороны в Вегианской гражданской войне жаждут объявить этот шмоток суши Святой Землей, потому что основатели их религии когда-то по нему ступали, пускай они воюют из-за него между собой.

И я, Мильчик-телемастер, не вижу ничего особенного в том, что вегианские моллюски основывают свою религию на жизни одного еврея по имени Моше Даян и хотят смолотить в капусту всех других евреев, собирающихся вернуться на землю своих предков. Во-первых, с нами это уже случалось. Для еврея такое отношение должно бы уже войти в привычку. Где это записано, будто даянист обязан любить родственников Даяна? Во-вторых, много евреев протестовало пятьдесят лет назад, когда другая сторона, вегианские Омейяды, обвинила магометан-людей в святотатстве и изгнала их из Иерусалима?

И вот организуется Первая Межзвездная Неосионистская конференция. Ее намечено провести в Базеле — чтобы, полагаю, история имела шанс повториться. Как только об этом узнают вегианские даянисты, они заявляют протест Совету Одиннадцати Земных Наций. Вегианцы — почетные гости Земли или нет? Их религию осмеивают! — утверждают они. И даже убивают парочку евреев, чтобы показать, как они удручены. Разумеется, евреев обвиняют в подстрекательстве к погрому, и, в интересах закона и порядка, не говоря уже о мире и спокойствии, всем евреям отказывают во въездных визах.

А делегаты на конференцию с разных концов Галактики уже в пути. Если их не пускают на Землю, куда им податься?

Куда же еще, как не на Венеру? Идеальное место для такой конференции! Пейзаж просто великолепен для бывших пустынников, и есть вице-король, чья администрация буквально обожает еврейский народ. Кроме того, на Венере отчаянная нехватка жилья, а евреев хлебом не корми, дай решать всякие проблемы.

Послушайте, могло быть хуже. Как Эсфирь сказала Мордехаю, когда тот поведал ей о планах Амана зарезать всех евреев Персии: могло быть хуже, только в настоящую минуту я не вижу, каким образом.

Делегаты прилетают в Солнечную систему, их отправляют на Венеру — и без вопросов. Наша жизнь наполняется любовью. Во-первых, выходит декрет: делегаты не могут пользоваться гостиницами, даже если у них достаточно денег. Их слишком много, они перегрузят систему коммунального обслуживания или что-то в этом роде. Потом. Раз евреи братья друг другу, пусть принимают своих сородичей.

Вы остановитесь и рассудите, сколько всего на нас навалилось. На каждой планете в Галактике, где есть человеческое население, живет по крайней мере горстка, дуновение, капля евреев. И вот с одной планеты летят два делегата, с другой — пятнадцать делегатов, с третьей, где много евреев — пусть они живут на здоровье, так они ссорятся,— шестьдесят три делегата, разбитые на восемь группировок. Может быть, нехорошо считать евреев, даже если они делегаты, но когда на Венере высадился последний, у нас их было предостаточно.

Вильямсбургские ашкенази возражают. Для них некоторые из этих евреев — вовсе и не евреи; они не пустят их в свои норы, что тут говорить о квартирах. В конце концов, шомрим в штанах цвета хаки, реконструкционисты, молящиеся по переписываемому дважды в неделю сиддуру, японские хасиды, раз в год на восходе солнца надевающие тфилим в память Великого Обращения 2112 года,— разве евреи? — спрашивают вильямсбургские ашкенази.

Совершенно верно, отвечает правительство. Это тоже евреи. И будьте любезны распахнуть перед ними двери своих жилищ.

Правительство посылает полицию, правительство посылает войска. Летят бороды, летят головы, жизнь, как я говорил, полна любовью.

Если вы возражаете, вы думаете, вам это поможет?

Конечно, поможет — как мертвому припарки. Левиттаунские ашкенази заявляют: мы выполним волю нашего правительства, мы предоставим жилье. И что? Моего брата и всю его семью, и всех их соседей выселяют из Квантум-Барроу.

Межзвездный Неосионистский съезд у нас есть или нет?

Смотрю я на это и вспоминаю обещание, данное Аврааму, Исааку и Израилю: «И я умножу ваше семя свыше числа звезд на небе». Обещание обещанием, думаю я, но это может зайти слишком далеко. Одних звезд уже достаточно, но если у каждой звезды десять, может быть, двенадцать планет...

К тому времени я и вся моя семья, мы живем на кухне. Мой брат и его семья, а у него она большая, надо вам сказать, дай им бог здоровья, ютятся в столовой. То, что моя жена Сильвия зовет приемной, занимают рабби с Проциона-12 и его свита; плюс, в отгороженном углу, корреспондент мельбурнской газеты «Еврейский страж», и его жена, и его собака. В спальнях... Послушайте, к чему продолжать?

Достаточно? Нет, вы меня простите, недостаточно.

Иду я однажды в ванную. Человек имеет право зайти в свою ванную? И вижу там три создания, каждое длиной с руку и толщиной с голову. Они выглядят как коричневые подушки, мятые и морщинистые, с какими-то пятнами там и пятнами тут, и из каждого пятна растет короткое серое щупальце.

На мой крик прибежал Аарон Давид.

— В чем дело, папа?

Я указал на коричневые подушки.

— А, это бульбы.

— Бульбы?

— Три делегата с четвертой планеты звезды Ригель. Другие три делегата в ванной Гуттенплана.

— Делегаты? Ты имеешь в виду, что они евреи?! Они не похожи на евреев!

Аарон закатил глаза к потолку:

— Папа, ты такой старомодный! Сам же мне говорил: голубые евреи с Альдебарана — доказательство исключительной приспосабливаемости нашего народа.

— Ты меня извини,— сказал я.— Еврей может быть голубым — я не говорю, что мне это нравится, но кто я такой, чтобы возражать? — еврей может быть высоким или маленьким. Он может даже быть глухим от рождения, как эти евреи с Канопуса. Но еврей обязан иметь ноги и руки, лицо с глазами, нос и рот. По-моему, это не так уж много...

— Ну и что? — возмутился Аарон Давид.— Если они отличаются от нас, разве это преступление?

Я оставил его и пошел в ванную в синагоге. Называйте меня старомодным, но все же есть предел, есть черта, у которой я должен остановиться. Здесь, надо сказать, Мильчик не может заставить себя быть современным.

Вы знаете, я оказался не один такой.

Я взял день за свой счет и пошел на первое заседание.

— Богатый человек,— сказала мне моя Сильвия.— Добытчик. Кормилец. Пустая болтовня принесет тебе невест для наших мальчиков?

— Сильвия,— ответил я ей.— Один раз в жизни мои клиенты, пусть, может быть, не очень чисто, примут телевизионные новости. Один раз в жизни я могу посмотреть на представителей всех евреев, улаживающих свои дела?

И я пошел. Только нельзя сказать, что они ладили. Как обычно, поднялся шум вокруг бронштейнистско-троцкистской резолюции, направленной против Союза Советской Уганды и

Родезии. Затем нам пришлось выслушать часовую дискуссию о том, что само существование шестиэтажной статуи Хуана Кревея в Буэнос-Айресе есть тягчайшее оскорбление для каждого еврея и, следовательно, все мы должны бойкотировать аргентинские товары, пока статую не уберут. Я был согласен с тем, что сказал председатель, когда сумел перекричать шум. «Мы не можем позволить себе отвлекаться на столь старые преступления, на столь постоянные оскорбления. Иначе с чего нам начать и где остановиться?»

Наконец после традиционных еврейских прелиминарий добрались до конкретной проблемы первой сессии: аккредитации делегатов. И застряли. Застряли и смешались, как кусочки лапши в омлете с лапшой.

Бульбы. Три из моей ванной, три из ванной Макса Гуттенплана — вся делегация с Ригеля-4.

— Относительно документов вопросов нет,— сообщает Мандатная комиссия.— Их документы в порядке, и бульбы считаются делегатами. Другое дело, что они не могут быть евреями.

— А почему это мы не можем быть евреями? — желают знать бульбы.

И здесь мне пришлось встать и посмотреть хорошенько. Я не мог поверить своим глазам. Потому что представьте, кто был их переводчиком? Не кто иной, как мой сын, мой кадиш, мой Аарон Давид. Собственной персоной.

— Почему вы не можете быть евреями? Потому,— объясняет председатель Мандатной комиссии, причмокивая мокрыми губами,— что евреи могут быть такими и могут быть сякими. Но прежде всего они должны быть людьми.

— Будьте любезны указать нам,— просят бульбы через моего сына-переводчика,— где это сказано и в какой книге, что евреи обязаны быть людьми. Назовите авторитетный источник, приведите цитату.

На этом месте подходит заместитель председателя и извиняется перед председателем комиссии. Заместитель председателя принадлежит к типу ученых мужей, которые получают высокие степени и награды.

— Вы меня простите,— вступает он,— но вы выражаетесь не совсем ясно. На самом деле все просто.— Он поворачивается к бульбам: — Тот не может быть евреем, кто не рожден еврейской матерью. Это самое древнее, самое фундаментальное определение еврея.

— А с чего это вы взяли,— интересуются бульбы,— будто мы рождены не еврейскими матерями? Мы привезли с собой свидетельства о рождении.

Тут начинается бардак. Компания делегатов в хаки орет и топает ногами. Другая компания, пейсатых и в меховых шапках, плюется и визжит, что все это мерзость. Везде кипят споры. Спорят здесь, спорят там, спорят по двое, по трое, по двадцать пять, спорят о биологии и об истории.

Мой сосед, с которым я не перебросился и словом, поворачивается ко мне и тычет мне пальцем в грудь:

— Если вы займете такую позицию, то каким образом согласуете вы ее с известным решением, взять хотя бы для примера...

А бронштейнисты-троцкисты завладели микрофоном и пытаются провести свою резолюцию по Уганде и Родезии.

Наконец восстанавливается подобие порядка, и кто-то предлагает аккредитацию бульб решить всеобщим голосованием.

— Аккредитацию в качестве кого? — интересуются из зала.— В качестве делегатов или в качестве евреев? Их приняли в качестве делегатов, а кто мы такие, чтобы судить о евреях?

— Я принимаю их как евреев в религиозном отношении,— раздается голос,— но не в биологическом.

— Это что еще за биологическое отношение,— кричит делегат с другого конца зала,— вы имеете в виду не биологию, вы имеете в виду расу, вы расист!

Ясно: сколько делегатов, столько и мнений. А председатель, там, наверху, стоит и не знает, как поступить.

Вдруг один из бульб забирается на платформу, берет маленьким щупальцем микрофон и шепчет в него:

— Модэ ани л'фонэха.

Сам по себе перевод этой строки ничего особенного не означает: «Вот стою я перед Тобой». Но какой еврей не будет ею тронут? «Модэ ани л'фонэха» — в молитве обращается еврей к Богу, благословенно Имя Его. И это мы слышим сейчас в зале.

Не надо разговоров о расе, говорит бульба, не надо разговоров о религии, не надо разговоров о философии. Я утверждаю: я еврей по существу и по духу. Как евреи, принимаете вы меня или отвергаете?

Никто не может ответить.

Конечно, все это нисколько не приближает съезд к Израилю и к возвращению из Третьего Изгнания. Но, с одной стороны, ясно, что от вопроса не отмахнуться, а с другой — что пора его решить. Надо только выяснить: что же такое в нашу космическую эпоху представляет собой еврей?

И так, как Моисей выжимал из камня воду, так и нам предстоит выдаивать капли мудрости.

Высокий раввинат подбирают таким образом, чтобы его состав хоть немного устраивал каждого. Правда, это значит, что ученые мужи не хотят разговаривать друг с другом. Тут и рабби с Тау Кита, и президент унитарианской еврейской теологической семинарии, и мистический рабби Борнео. И так далее, и так далее. Две женщины: одна для удовлетворения большинства Реконструкционистов, другая — специально для богатых ашкенази Майами. И наконец, рабби с Венеры Джозеф Смолмэн.

Хотите кое-что узнать? Рабби Смолмэна поддерживали бульбы, а это мой Аарон Давид убедил их.

— Мы добились! — воскликнул он тем вечером, и глаза его танцевали, как метеориты.

Я пытался успокоить его.

— Ты думаешь, это все равно что перейти Красное море? Зачем рабби Смолмэну заставлять евреев считать шесть коричневых подушек своими собратьями?

— Как зачем, папа! Ради справедливости!

Когда сын такой, отец может гордиться. Но надо вам сказать, мне все-таки было грустно. Ведь стоит раздаться слову «справедливость», рано или поздно кто-то поплатится головой.

Но то, что день ото дня происходило на съезде, было как воплощенная легенда. Это было все равно что найти реку Саббатион, увидеть ее бурлящей и кипящей и швырять камни каждый день, кроме субботы. Такую историю рассказали бульбы!

Они прилетели на четвертую планету звезды Ригель, может быть, восемь сотен лет назад. Первоначально они жили в Парамусе, штат Нью-Джерси; всю их коммуну выселили для улучшения проезда к мосту Джорджа Вашингтона. Но должны же они где-нибудь жить, верно? Так почему не на Ригеле?

Беда заключалась в том, что единственную пригодную для жизни планету в системе Ригеля уже занимала разумная раса коричневых существ с короткими щупальцами, которые звали себя бульбами. Это был малоразвитый народ, кормившийся с земли, ну и, может быть, мельница здесь, маленький заводик там... Евреи из Парамуса хотели жить самостоятельно, никому не мешая, но бульбы отнеслись к ним так гостеприимно, так приглашали поселиться с ними, что те посмотрели друг на друга и сказали: почему бы нет?

Евреи построили маленький коммерческий космопорт, дома, дворец культуры...

Здесь один из членов раввината наклоняется вперед и перебивает рассказчика:

— Пока это происходило, вы выглядели как евреи? Я имею в виду, вы были похожи на привычных нам евреев?

— Более или менее. Полагаем, мы особенно походили на евреев из Нью-Джерси.

— Этого достаточно. Продолжайте.

Первые сто — сто пятьдесят лет царили счастье и благополучие. Евреи процветали, бульбы процветали, и между ними — мир да любовь. С помощью евреев бульбы многому научились и многого достигли. У них появились фабрики, у них появились заводы, у них появились банки, вычислительные центры и автомобильные свалки. У них появились большие войны, большие депрессии, большие диктаторы. И они начали задумываться: кто виноват?

Есть ли какой-нибудь другой ответ на этот вопрос? Ответ только один. Евреи, разумеется. Философы и чернь вспомнили: до евреев все было тихо-спокойно. Так на Ригеле-4 произошел первый погром.

А лет через двадцать после того, как правительство принесло извинения и даже помогло похоронить мертвых, произошел второй погром. Потом третий, четвертый... К тому времени правительство перестало приносить извинения.

Появились трудности с работой, появились гетто, иногда появлялись даже концентрационные лагеря. Не то чтобы все это было ужасно, нет. Были и светлые моменты. Правительство убийц могло смениться правительством почти порядочным, скажем, просто насильников. Евреи Ригеля оказались в положении евреев Йемена и Марокко восемнадцатого века. Они выполняли самые грязные, самые низкооплачиваемые работы. Все плевали в них, и они плевали сами на себя.

Но евреи сохранились, хоть не сохранилось ни одного целого Талмуда, ни одной Торы в синагоге.

Летели века. И вот недавно к власти пришло новое, просвещенное правительство. Оно вернуло евреям гражданство и разрешило им послать делегацию на Неосионистский съезд.

Беда заключалась лишь в том, что к тому времени евреи выглядели как самые обыкновенные бульбы, причем как самые слабые, самые бедные бульбы, бульбы самого низкого сорта.

Но то же происходило с евреями в других местах! Евреи всегда приспосабливались! Разве не было светловолосых евреев в Германии, рыжих евреев в России, черных евреев — фалашей — в Эфиопии, высоких горских евреев на Кавказе? Разве не было евреев, поселившихся в Китае еще при династии Хань и известных в этой земле как «Тай Чин Чао»? А голубые евреи, сидящие на этом самом съезде?

Тут их снова перебивают:

— Другими словами, несмотря на вашу наружность, вы просите нас поверить, будто вы евреи, а не бульбы?

— Нет. Мы просим вас поверить, что мы бульбы. Еврейские бульбы.

Споры разгорались все жарче. Как это возможно, чтобы имели место такие колоссальные изменения? Не проще ли предположить, что в то или иное время всех евреев на Ригеле уничтожили, а потом произошло массовое обращение, как, например, у хазаров в восьмом веке или позже у японцев? Нет, возразили бульбы, если бы вы знали, какие у евреев были условия, вы бы не говорили о массовом обращении в иудаизм. Это было бы массовым безумием.

— Но ваш рассказ опровергают факты экспериментальной биологии!

— Кому вы верите,— упрекнули бульбы,— фактам экспериментальной биологии или своим же евреям?

И это был первый день. Я вернулся домой, рассказал обо всем брату, и мы стали обсуждать события. Он взял одну сторону, я — другую. Через несколько минут я махал кулаком у его лица, а он кричал, что я «идиот, животное». В соседней комнате рабби с Проциона-12 пытался притушить такой же спор среди своей свиты.

— Если они хотят быть евреями,— орал на меня брат,— пускай принимают иудаизм! Тогда они будут евреями, и не раньше!

— Убийца! — растолковывал я ему.— Как могут они принять иудаизм, когда они уже евреи! Такое обращение было бы мерзким и позорным посмешищем!

— Без обращения я наотрез отказываюсь принимать их за евреев. Без обращения, даже если бы я праздновал обрезание сына...— Он замолчал и вдруг изменил тон: — Как, по-твоему, они проводят обрезание, Мильчик? Что они там обрезают?

— Они обрезают кончик самого короткого щупальца, дядя Флейчик,— пояснил мой Аарон Давид, входя в комнату.— По Завету требуется лишь капля крови. Кровь у них есть.

Говорю вам, день за днем, это было, как мечта жизни!

Раввинат добирается до образования еврейского государства в XX веке и всех спорных вопросов, возникших с началом Сбора. Например, бен-израильские евреи Бомбея, попавшие в Индию в результате вторжения в Палестину Антиоха Эпифана. От всего иудаизма они помнили один шем. Причем у них существовало две касты: черная и белая. Они евреи или нет? Как это доказать?

В общем, все сводилось к одному: что такое еврей? Почему этот народ отличается от других?

И вы знаете, нашим мудрецам тут есть о чем подумать. Они могут взвесить определение человека, выработанное Советом Одиннадцати Земных Наций. Они могут углубиться в решения парижского Синедриона 1807 года. Наконец, они могут обратиться к «Каббале» и рассмотреть проблему рождения чудовищ от сожительства с детьми Лилит. Но в конце концов они должны решить, что же такое еврей, раз и навсегда — или найти новый выход.

И рабби Смолмэн нашел. Я говорю вам, таки у нас на Венере есть рабби!.. Привести сборище евреев — ученых евреев! — к единому мнению, это, уважаемый, уже достижение.

На протяжении всего разбирательства, когда бы ни разгорался спор, грозивший затянуться на неделю, к примеру, была ли то белая нить или черная нить, рабби Смолмэн почесывал красный прыщ на носу и говорил, что мы, пожалуй, все можем согласиться, что по крайней мере это действительно была нить.

Конечно, все понимали: вопрос нужно как-то решить. Дни летели, собравшиеся так и не знали, сколько делегатов и сколько евреев. Уже были козни из-за бульб, уже были драки из-за бульб, уже находились люди, которые говорили, что они сыты по горло этими бульбами.

Так вот. Решение учитывало все данные, все сведения, все толкования, всю историю от Эзры и Неемии. Оно начиналось утверждением, принятым для группы консерваторов: только тот еврей, кто рожден еврейкой. А кончалось утверждением, принятым для либерально-радикального крыла: евреем является любой, добровольно приемлющий бремя, ярмо еврейства. Решение включало и несколько промежуточных положений и указывало, что нет никакой возможности их совместить.

А надо ли их совмещать? И что будет, когда мы пойдем еще дальше в космос и всякие самые странные создания, в другой галактике, захотят стать евреями?

Давайте взглянем на это с другой стороны. Среди людей есть евреи и есть гои. Среди евреев есть реформированные, голубые, левиттаунские, вильямсбургские и не все они между собой хорошо ладят. Но по сравнению с гоем все они евреи. Между евреем и гоем — чудовищная разница, но по сравнению с каким-нибудь инопланетянином все они люди. Слово «гой» неприменимо к инопланетянину. Так казалось до недавних пор.

Мы все наблюдали, как за последние два года пришельцы с Веги приняли земную религию, точнее, две земные религии. Они не пускают евреев в землю Израиль. Они нас ненавидят. Они нас преследуют. Стало быть, простые ли это инопланетяне? Конечно, нет! Пусть они не похожи на людей, пусть выглядят как гигантские устрицы, тем не менее они определенно принадлежат к категории инопланетян-гоев.

Хорошо. Но если есть инопланетяне-гои, то почему не может быть инопланетян-евреев? Если они живут, как мы, сталкиваются с теми же проблемами, что и мы, знают, чем пахнет погром, знакомы со сладостью наших суббот?.. Давайте скажем так: есть евреи, и есть евреи. Бульбы принадлежат ко второй группе.

Это не точные слова решения, вы понимаете. Это свободный перевод Мильчика-телемастера, за который он не требует дополнительной платы.

Не все остались довольны. И все же большинство делегатов были счастливы, что дело наконец улажено, и проголосовали «за».

Одна беда: как только съезд перешел к основному вопросу, вице-король Венеры закрыл его. Ясно — съезд чересчур затянулся и будит дурные чувства. Делегатов отправили паковать вещи.

Неплохое развлечение, а? Рабби Смолмэн все еще наш рабби, хоть он безмерно известен. Он разъезжает с лекциями с одного края Галактики на другой. Но всегда возвращается к нам, каждый год на Святые дни. Ну хорошо, хорошо, не всегда, сами понимаете, иногда не получается. Знаменитость, в конце концов. Великий Рабби Венеры.

А мой сын Аарон Давид... Знаете, он в иешиве. За него платят бульбы. Вот его письмо. Мальчик собирается улететь на Ригель-4 и стать их рабби.

О невесте он не пишет ничего. Послушайте, может, я окажусь дедушкой маленькой коричневой подушки с короткими щупальцами? Что ж, внук есть внук.

Не знаю. Давайте поговорим о чем-нибудь веселом. Вы слышали, сколько народу угробилось во время землетрясения на Каллисто?

Жили люди на Бикини, жили люди на Атту

В один прекрасный день оказалось, что Земля окружена космическими кораблями.

Они были огромными, совершенно немыслимых по земному разумению форм; в основе их перемещения в пространстве лежали такие могучие силы, что ни один астроном даже не заподозрил их приближения. Корабли просто материализовались вокруг планеты в каком-то сверхъестественном множестве; и так и оставались висеть на орбите на протяжении примерно двух десятков часов, никак не проявляя себя.

Зато на Земле, естественно, все кипело; отчасти это напоминало безумие. Слухи распространялись почти мгновенно, союзник протягивал союзнику потную от страха руку, враг пытался выведать о враге все, что только возможно.

Газеты выходили со скоростью работы печатных станков, а на экранах телевизоров взъерошенные, заикающиеся ученые — физики-атомщики, ботаники, археологи, анатомы и проч.— мелькали, как в сумасшедшем калейдоскопе. То и дело на улицах завязывались стихийные драки; в церкви и приемные психоаналитиков ломились толпы обалдевших людей; резко возросло число самоубийств.

Экспедиция, работающая на озере Лох-Несс, под присягой показала, что к ним приблизилась сорокавосьмифутовая морская змея, которая на безупречном английском объявила себя жительницей звезды Арктур, прибывшей на Землю два часа назад ровно. Она ратовала за права рабочих и выступала против вивисекции.

По всему миру мужчины, женщины, дети, щурясь и прикрывая глаза от солнца, всматривались в небеса. Иногда им удавалось различить очертания какого-нибудь из кораблей, по-

хожего на виноградную гроздь невероятных размеров. Ночью чужеземные корабли неярко мерцали, окрашивая фиолетовое небо вокруг себя желтоватой фосфоресцирующей сеткой.

Люди испуганно суетились, без конца спрашивая и у начальства, и друг у друга, и даже у прохожих на улице:

— Что это значит? Чего они хотят?

Никто понятия не имел ни «что», ни «чего».

Радиоуправляемый космический зонд, предназначенный для исследования марсианских лун, перепрограммировали таким образом, чтобы он прошел вблизи чужих кораблей. Едва выйдя за пределы атмосферы, он бесследно исчез. Следом спустя минуту-другую исчезли все искусственные спутники Земли. Никаких взрывов, никаких таинственных смертоносных лучей — только что спутники были, и вот их нету.

Уже не вызывало сомнений, что, если космические пришельцы задумают напасть на планету, чтобы расправиться с ее населением, ничто их не остановит. Все, что человечество могло выставить против них, выглядело не эффективнее мухобойки против тротилового заряда.

Тем не менее нация за нацией были поставлены под ружье. Пилоты напряженно застыли в своих машинах, ожидая приказа к вылету, хотя все они понимали, что не смогут покрыть даже сотую часть расстояния до космических кораблей; зенитные расчеты, полностью укомплектованные боезарядами, тоже ожидали сигнала к началу действий. Все системы противоракетной обороны и нападения были приведены в состояние полной боевой готовности. В Гренландии, на мысе Горн и на Андаманских островах было объявлено военное положение.

В то же время люди доброй воли на всей Земле пытались обратить внимание общественности на то, что обитатели космических кораблей, скорее всего, не имеют никаких враждебных намерений. Уровень их технологии несравненно выше земного — почему в таком случае не может быть выше их социальный уровень? Если машины пришельцев лучше, почему не могут быть лучше и нормы их этики? Рассуждайте здраво, страстно призывали ратующие за дело мира: если чужеземцы смогли приблизиться к Земле столь неожиданно, им ничего не стоило уничтожить ее во мгновенье ока. Нет, считали они, человечеству нечего бояться.

Человечество, однако, упрямо продолжало бояться.

— Эти космические корабли, зачем они здесь?

В продолжение всего этого злосчастного дня и последовавшей за ним столь же злосчастной ночи в военных штабах и кабинетах правительств кипела бурная деятельность. Военные со-

брали специалистов различных профилей, так или иначе имеющих отношение к сфере коммуникаций, и поставили перед ними задачу найти способ передавать и получать сообщения с чужеземных космических кораблей. Радио, световые сигналы, даже телепатия — все было испробовано. И ничего не сработало. Паника росла.

Через двадцать часов после появления кораблей на орбите от каждого из них одновременно отделились по пять кораблей поменьше. Они устремились к поверхности планеты и, приземлившись, начали громко вещать через установленные на них громкоговорители:

— Всем покинуть Землю!

В Тибете эти слова прозвучали по-тибетски; в Норвегии — по-норвежски; на озере Чад — на диалектах многочисленных окрестных племен; в центральной же части Соединенных Штатов Америки их услышали именно в таком виде: «Всем покинуть Землю! Немедленно!»

Примерно в течение получаса эти слова обрушивались на ошеломленных людей, собравшихся вокруг странных кораблей. Затем внезапно и одновременно по всей Земле в кораблях открылись проемы и оттуда вышли металлические создания с металлическими щупальцами вместо рук. Люди, способные еще хоть что-то соображать, пришли к выводу, что создания эти — роботы, механические слуги разумных существ из больших космических кораблей, по-прежнему парящих в пустоте над Землей.

И тут роботы стали хватать людей: подходили к какой-нибудь группе — причем двигались поразительно быстро,— вытягивали вперед свои щупальца и мягко, но очень цепко обхватывали человека за талию. Когда в каждом щупальце оказывался брыкающийся, вопящий, извивающийся человек, роботы возвращались на корабль, все время настойчиво, хотя и несколько монотонно повторяя: «Все должны покинуть Землю — *все!*»

Людей осторожно размещали в чем-то вроде корабельного трюма, и затем роботы уходили опять, закрыв за собой дверь. Далее они захватывали новые порции или впавших в истерику, или потерявших сознание, или застывших от ужаса людей и тоже переправляли их в трюмы. Как только пленников скапливалось столько, что им становилось тесно, судно взмывало вверх и возвращалось на большой корабль. Там роботы осторожно, с некоторым даже изяществом переносили людей одного за другим в гораздо более вместительные трюмы корабля-матки. В этих трюмах были установлены длинные ярусы коек наподобие тех, что имеются на военных кораблях. На каждой койке лежали одеяло и подушка из незнакомого мягкого белого материала.

Когда размещение людей завершалось, меньший корабль с роботами отбывал на Землю за новым грузом.

Погрузка продолжалась весь день и всю ночь. Сбившись в трюмах кораблей-маток, люди устремляли вверх безумные взоры. Каждые пять минут в центре металлического потолка высоко над их головами открывалось отверстие, и оттуда вплывала новая группа извивающихся, орущих пленников. Потом потолок снова обретал целостность, а вновь прибывшие мягко приземлялись на пружинистый пол и тут же осыпали захваченных раньше градом вопросов.

Что с ними собираются делать? С какой целью? Кто стоит за всем этим? Куда их собираются везти? Может, их просто съедят, а этот сводчатый, гигантских размеров трюм всего-навсего склад провизии?

Ответа не знал никто. Большинство пленников дрожали от страха, ожидая худшего; лишь немногие не утратили способность рассуждать здраво; но никто ничего не знал.

Весь день и всю ночь людей грузили на корабли. Без малейших исключений. Границы государств не учитывались. Португальских рыбаков размещали среди китайских крестьян из Квантуна. Римские католики опускались на колени и молились вместе с раздражительным методистом из Альбукерке, Нью-Мексико; симпатичный молодой председатель колхоза суетился, сбивая группу изучения марксизма из числа повизгивающих от страха празднично одетых матрон из Йоханнесбурга, Южная Африка, захваченных во время собрания женского благотворительного общества.

Когда в трюм загружали столько народу, что свободных коек не оставалось, потолок больше не открывали, и деятельность чужаков перемещалась к другому трюму или другому кораблю. Таким образом, половина конгресса Соединенных Штатов Америки оказалась вместе с учениками средней школы из Бухареста, а другая половина тщетно пыталась собрать информацию и навести порядок среди крестьян из Мадраса и совершенно сбитых с толку заключенных дамасской тюрьмы.

Погрузочные работы продолжались пятеро суток. Ничто не могло их ни задержать, ни остановить. Ракеты с ядерными боеголовками не просто исчезали, не долетев до цели, но заодно привлекали внимание пришельцев к тем местам, откуда их запускали. Была ли это аризонская пустыня или сибирская тундра, в течение считанных минут там появлялись роботы и делали свое дело. Кое-где воинские подразделения доблестно вели оборону до последнего. Их командиры в оцепенении смотрели, как снаряды отскакивают от роботов, не причиняя им ни капли вреда,

и как роботы, не обращая внимания на убийственный огонь, продолжают хватать сражающихся.

Наконец работа была закончена. Подводные лодки подняли на поверхность и освободили от экипажей; горняки в глубочайших шахтах отчаянно цеплялись за деревянный крепеж, однако роботы мягко, но непреклонно отрывали их щупальцами от подпорок и переносили в трюм корабля.

Таким образом, всех, кто жил на Земле, доставили на чужеземные корабли. Всех, кроме животных. Животных оставили там, где они обитали,— а вместе с ними обезлюдевшие поля, бескрайние леса и моря, омывающие пустынные берега материков.

Когда погрузка была закончена, космический флот дружно тронулся с места. Ускорение было практически не ощутимо, поэтому немногие из людей догадались, что путешествие началось. Корабли двинулись прочь от Земли, прочь от земного Солнца и погрузились в черную бездну Вселенной.

Если не считать шока, вызванного тем, что их резко вырвали из привычного окружения, люди на борту кораблей вынуждены были признать, что ничего страшного с ними не происходит. В каждом трюме имелись фонтанчики с питьевой водой и прочие необходимые удобства; койки были мягкие, поддерживалась нормальная температура.

Дважды в день, с перерывом в двенадцать часов, били корабельные склянки, и на полу неизвестно откуда появлялись огромные чаны с супом. В них плавало в зеленоватом бульоне что-то белое, похожее на клецки. И бульон, и то, что в нем плавало, были, видимо, продуктами очень питательными и на вкус терпимыми, несмотря на всю пестроту привычек множества едоков, которым если что в полете и досаждало, так это однообразная диета. После того как пища съедалась, снова звенели склянки, и чаны исчезали, словно огромные пузыри. Насытившимся пленникам оставалось только бродить по трюму, пытаться выучить язык соседа-сотрюмника, спать, беспокоиться о будущем — и дожидаться следующей еды.

Если начинались какие-нибудь разборки — к примеру, между австралийскими литейщиками и зулусскими воинами за расположение медсестер ленинградской больницы,— даже если возникала крупная потасовка, или массовая драка, или, например, даже бунт, конфликты эти тут же гасились. Как до этого чаны с супом, из пола являлись роботы, каждый из них хватал столько противников, сколько мог удержать в щупальцах, и так держал их друг от друга на расстоянии, пока явная нелепость подобной сцены не гасила их боевой пыл и они худо-

бедно не успокаивались. Затем без каких-либо замечаний или хотя бы жеста, который что-либо кому-либо разъяснял, роботы исчезали.

Без сомнения, о людях заботились. На этом сходились все. Но почему? С какой целью?

И, несомненно, это радушие всем было приятно, хотя в нем чудился и некий зловещий оттенок. О них заботились, но кое-кто мрачно напоминал, что фермеры на скотном дворе тоже заботятся о своей скотине, которая чем тучнее, тем большая с нее будет прибыль.

А может, возражали им оптимисты, эти высокоразвитые чужеземцы смешали различных представителей человечества в одних и тех же «плавильных печах» умышленно? Разве не могли они, с тревогой наблюдая наши вечные непримиримые споры, войны, жестокие предрассудки, испытать нечто вроде праведного гнева и попытаться раз и навсегда превратить нас в одну сплоченную расу?

Трудно сказать. Вживую ни один чужеземец так и не объявился. Ни один робот после того, как трюмы закрылись, не произнес ни слова. На протяжении всего долгого путешествия, несмотря на все усилия обитателей трюмов, несмотря на неутомимую изобретательность, проявленную представителями человеческой расы буквально на всех кораблях, между людьми и их чужеземными хозяевами не завязалось никаких отношений.

Все, что пленникам оставалось делать, это гадать — точнее говоря, есть, спать, разговаривать и гадать,— пока корабли летели себе все дальше и дальше, оставляя позади одну звездную систему за другой — только зарождающиеся, пребывающие в газообразном состоянии миры-эмбрионы и старые, превратившиеся в обломки, мертвые, безжизненные планеты.

И по мере того, как тянулись дни — различаемые лишь благодаря периодам сна и регулярно подводимым часам на руках у пленников,— большинство людей начали склоняться к тому, что полное отсутствие связи с пришельцами и пренебрежение, которое они этим выказывают, служат очень тревожным признаком.

В самих трюмах между тем происходило множество больших и малых событий. Молодая домохозяйка из Дании, оказавшись в разлуке с мужем и детьми и устав отбиваться от домогательств мужчин с Тробриандских островов, не мудрствуя лукаво выбрала самого рослого и настойчивого из своих поклонников; члены Совета Безопасности ООН оставили попытки наладить дружественные отношения с чудаковатыми раввинами в длинно-

полых сюртуках из вильямсбургского квартала Бруклина и сидели в тягостной изоляции в своем углу трюма, время от времени возвещая, что только они представляют собой мировое правительство, имеющее законное право вести переговоры с чужеземцами от имени всего человечества. Тогда, конечно, когда чужеземцы пожелают вступить с землянами в переговоры...

Вот что было главным камнем преткновения, и все ощущали это в той или иной степени, ощущали все острее и острее, по мере того как дни складывались в недели, а недели в месяцы. Внутри каждого — дипломата и набожного еврея-хасида, белой женщины с побережья Северного моря и чернокожего мужчины с широких просторов Тихого океана — нарастали нервная напряженность и беспокойство за свое будущее. Что будет с ними дальше? Зачем могла понадобиться чужеземцам вся человеческая раса?

Большинство пленников не почувствовали, когда корабли прибыли к месту назначения и остановились. Понимание того, что путешествие закончилось, пришло лишь в тот момент, когда над их головами открылись трюмы и внутрь хлынул солнечный свет. Когда первые радостные возгласы смолкли, все заметили, что этот свет имел не желтый, а красноватый оттенок.

А потом началась высадка.

На этот раз, в отличие от посадки, никто не кричал, не сопротивлялся и даже не испытывал страха. Все были едва ли не счастливы при появлении роботов, повторивших то, что они проделали несколько месяцев назад, но в обратном порядке. Мужчины и женщины, за исключением чересчур нервных и подозрительных, чуть ли не дрались за возможность оказаться первыми среди тех, кого захватывали твердые, блестящие, состоящие из сегментов щупальца. Людей пересаживали на корабли меньших размеров, которые, словно крошечные паучки, лепились к бокам огромных транспортников.

Когда малые корабли приземлились, человеческий контингент с энтузиазмом помогал роботам сам себя выгружать. Корабль за кораблем, теперь опустевшие, возвращались к основному флоту за новыми людьми, а те земляне, что уже высадились, стояли на твердой почве и с любопытством озирались по сторонам.

Это была не Земля — вот единственное, что не вызывало сомнений.

Твердая серая поверхность планеты выглядела слегка холмистой, но без единого признака наличия гор. Пахнущая сухостью серая планета, бедная океанами, с разбросанными тут и

там крошечными, похожими на озера морями. Серая, обдуваемая ветрами планета, без деревьев, способных противостоять этим ветрам и их усмирить. Из песка вылезали растения с широкими листьями, низкие, не выше лодыжки,— и больше никакой флоры.

Все краски тут были «не такие». Растения напоминали бледно-голубой шпинат. Старое, в оспинах пятен солнце отсвечивало болезненной медью. По небу, казалось, разлили желчь; даже облаков и тех не было — просто густая желчь с зеленоватым отливом.

И луна не плыла среди абсолютно незнакомых созвездий. Ночью здесь царил мрак, и к тому же с заходом солнца жмущиеся к земле растения начинали испускать вонь, которую разносили повсюду издающие стоны ветры.

Нет, это была не Земля. Это совсем не походило на Землю... Землю, оставшуюся в немыслимом далеке.

Финский крестьянин не сводил взгляда с маленького мальчика из Дакара. Тот сорвал вялый голубой лист, попробовал разжевать его, но тут же выплюнул и принялся яростно тереть ладошкой язык. Крестьянин носком сапога ковырнул почву, чувствуя, как нарастает тревога:

«Серая пыль, больше ничего. Что съедобного может вырасти на ней? У меня нет никаких семян, но даже если бы и были, еще неизвестно, вырастет ли что-нибудь в этой проклятой пыли».

Хозяин овечьего ранчо из Новой Зеландии в недоумении покусывал ноготь:

«С нами нет никаких животных, но даже если бы и были, чем, черт возьми, они питались бы здесь? Ни одна овца, будучи в здравом уме, даже близко не подойдет к этим голубым сорнякам».

Инженер-горняк из Боливии внимательно изучил почву и сказал жене:

— Складывается впечатление, и весьма сильное, что планета богата медью — а больше почти ничем. Медь, конечно, штука хорошая, но существует много всего, чего из нее не сделаешь. Пишущую машинку, например. Автомобиль, самолет...

Люди напрасно шарили взглядом по сторонам в поисках деревьев для строительства дома или камней, чтобы построить храм с алтарем. Вокруг не было ничего, кроме зеленоватого неба, голубых растений и серой, серой, ужасающе серой почвы. Рыбаки вглядывались в толщу воды, но там ничего не плавало, не ползало, не извивалось; только тонкие пряди водорослей, пурпурно-голубых водорослей.

Маленький мальчик из Чаттануги, Теннесси, подошел к матери, обменивающейся впечатлениями с соседями, и потянул за рубашку, добиваясь ее внимания.

— Здесь очень плохо, мамочка,— решительно заявил он.— Здесь плохо, гадко, и мне здесь не нравится. Я хочу домой.

Она подхватила его на руки, прижала к себе, но не успела раскрыть рта — надо же было еще придумать, что сказать сыну! — как роботы приступили к строительству.

Они спускались с неподвижно зависших в пустоте больших кораблей, неся части сборных строений, и быстро сооружали невероятно длинные бараки со знакомыми койками внутри. Каждый барак предназначался для людей с одного корабля; в каждом были туалеты и фонтанчики с питьевой водой; и в каждом по стенам и потолку были установлены громкоговорители.

Собрав из частей бараки, роботы загнали в них людей. Широко раскинув щупальца, они терпеливо и настойчиво подталкивали людей к дверям. Всех, независимо от возраста, пола, национальности и семейных связей. Они действовали, как всегда, эффективно; к тому же большинство людей уже усвоили, что сопротивляться им бесполезно. Роботы хорошо делали свое дело — с целеустремленностью механизмов, но достаточно мягко и вежливо для неразумных созданий.

Люди уселись на койки и стали ждать, пока всех их разместят по баракам. Затем роботы исчезли, а на их месте появились знакомые чаны с бульоном и клецками. Люди ели, искоса поглядывая друг на друга и пожимая плечами. Как только с едой было покончено, чаны исчезли тоже.

И тут впервые зазвучал голос одного из чужеземцев, хозяев роботов, владельцев похожих на виноградные гроздья кораблей.

Это было объяснение — *наконец-то!* Оно доносилось из маленьких громкоговорителей и звучало одновременно на всех человеческих языках — нужно было быстро рассредоточиться по бараку и отыскать, где говорят на твоем, чтобы понять его содержание. Все слушали с напряженным вниманием.

Прежде всего, объяснили чужеземцы, земляне должны проникнуться мыслью о том, что они, те, кто их доставил сюда, высокоцивилизованная раса. Это самое важное, основа основ, главная движущая сила всего, что они делают. Они — цивилизованная раса, в высшей степени цивилизованная, издревле цивилизованная, цивилизованная за пределами любых земных представлений о цивилизованности.

Земляне же как раса совершают лишь первые неуклюжие шаги на пути к цивилизованности. Мы, земляне, примитивны,

жалки и — просим прощения за подобные выражения — в чем-то даже смешны. Наша технология находится на элементарном уровне, а этика и духовные знания практически отсутствуют.

Но мы разумные создания и все же несем в себе крошечные задатки цивилизованности, обещание ее. Следовательно, у них, сюда нас доставивших, отсутствовал выбор: они должны были спасти нас во что бы то ни стало, невзирая на все сложности и расходы. Что они и сделали. Цивилизованным созданиям ничего другого просто не оставалось.

Мы должны знать, что отнюдь не все создания во Вселенной столь же цивилизованны, как они. Происходят войны, используется оружие. Совсем недавно они и сами разработали новое оружие, исключительно для целей самообороны...

Это ужасное оружие, смертоносное оружие, полностью разрушающее пространственно-временную структуру в том месте, где оно применяется. Они от всей души надеются, что им никогда не придется этим оружием воспользоваться. Но ведь никто не знает, как далеко способен зайти нецивилизованный враг.

Оружие требовалось испытать.

Учитывая разрушительную природу оружия и непредсказуемые последствия его применения, испытывать его в той или иной густонаселенной области галактики было совершенно невозможно. Кроме того, чтобы получить ясную и научно обоснованную картину потенциальной военной ценности этого оружия, требовалось уничтожить целую планету.

Чужеземцы очень тщательно выбирали место испытания и остановились на малонаселенной звездной системе с единственной, не представляющей особой ценности обитаемой планетой, на которой жила крайне отсталая раса — настолько отсталая, что фактически она только сейчас начинает свое развитие. Среди множества миров они отобрали такой, в котором ни один их консультант не усмотрел ничего ценного, о котором не прольет и слезинки ни одна другая раса в галактике, не мир, а пустое место... Короче, они выбрали Землю.

На ней они и решили испытать свое оружие — в мире, чье полное уничтожение не будет замечено практически никем.

Однако на Земле обитает раса *разумных* существ, пусть даже в самом широком понимании *этого* слова. А чужеземцы — помните? — цивилизованны, высокоцивилизованны. Они не могут просто взять и одним махом уничтожить расу разумных существ, какими бы примитивными те ни были. Они понимают свою ответственность перед самой жизнью, перед будущим, перед историей.

Итак, они проявили альтруизм, совершив нечто невероятное по своим масштабам, баснословно дорогое и вообще неслыханное. Они эвакуировали всю нашу планету, а во сколько им это обошлось, вообще невозможно выразить в масштабах слаборазвитой человеческой экономики.

Они доставили всех нас на другой конец галактики («Плевать на расходы! Расходы не имеют значения! Главное, поступать как должно!»), на планету, пока еще необитаемую и больше всех прочих во Вселенной похожую на Землю.

Размеры и масса у нее почти в точности такие же, как у Земли,— о разнице в гравитации можно не беспокоиться. Расстояние от солнца, периоды оборота вокруг собственной оси и вокруг солнца тоже близки к земным — так что наши система исчисления времени и календарь не претерпят больших изменений.

В общем и целом, прекрасный новый дом.

Конечно, имелись и некоторые отличия: не существует двух абсолютно одинаковых планет. Чуть-чуть другой количественный состав атмосферы; вода не ядовита, но не слишком пригодна для питья; на этой почве нескоро вырастут съедобные растения. И, как мы, без сомнения, заметили, здесь нет животных и отсутствуют те минералы, которые мы использовали для развития своей технологии. Однако, плюс на минус, горькое со сладким, так или иначе, раньше или позже, мы выкарабкаемся — в этом они не сомневаются. В нашем полном распоряжении новенькая, с иголочки, нетронутая, девственная планета.

Единственное, что от нас требуется, это научиться пользоваться своим новым владением.

И пока этого не случится, они не покинут нас. Мы ведь уже поняли, как высока степень их цивилизованности? Сколько времени ни уйдет у нас на то, чтобы встать на ноги и обрести способность существовать самостоятельно, их роботы будут оставаться здесь и заботиться о нас. Мы можем жить в бараках (они сделаны из практически неразрушимого материала) до тех пор, пока не придумаем, как и из чего в этом мире можно строить дома. И суп с разработанными специально для нас питательными белыми клецками мы будем получать день за днем, пока не создадим или не найдем другие, местные источники питания.

Но все это в будущем. Позади у нас долгое, утомительное путешествие, и вряд ли мы горим желанием заняться решением практических проблем прямо сейчас. Как мы отнесемся к тому, чтобы немного развлечься? Они могут предложить нам нечто из ряда вон — нечто такое, что мы и представить себе не в состоянии.

На потолке бараков появились телевизионные экраны, и люди подняли к ним огорченные, растерянные лица. За стенами упорно, безостановочно выл ветер.

Это будет редчайшее удовольствие, продолжали свои объяснения чужеземцы; такое случается раз в тысячи и тысячи лет. Нам будет о чем рассказывать своим детям и детям наших детей. К тому же мы сможем наблюдать это невиданное зрелище одновременно со всеми другими, несравненно более развитыми галактическими расами.

— Итак, сейчас вы станете непосредственными свидетелями полного уничтожения целого мира — планеты Земля — в процессе чрезвычайно важного научного эксперимента*.

---

* *Для тех читателей, которым это не известно:*

В 1946 году Соединенным Штатам потребовалось провести испытание атомной бомбы, разработанной за год до этого. Был избран атолл Бикини в Тихом океане. Он состоял из тридцати шести островков на рифе общей протяженностью двадцать пять миль.

Все население было эвакуировано сначала на Ронгерик, затем на Уджеланг, потом на Кили. Между 1948 и 1958 годами на атолле было произведено двадцать три испытания атомных и водородных бомб. В 1969 году Бикини вновь был объявлен безопасным для проживания людей, а в 1974-м на атолл позволили вернуться примерно сотне прежних его обитателей. Однако в 1978 году всех их вывезли оттуда снова.

Но кому-то где-то и этих испытаний оказалось недостаточно. Тогда они перебрались на остров Атту из числа Алеутских островов в северной части Тихого океана и там занялись тем же самым.

Девушка с сомнительным прошлым. И Джордж

Ну, вы же знаете Джорджа.

Только что в комнате не было ничего, утверждает он, кроме него самого, его ТВ, его видеомагнитофона и венецианского окна, из которого видно полгорода, а уже через мгновенье появилась красивая рыжеволосая девушка в чем-то вроде блестящего красного комбинезона. Она парила в воздухе у него над головой. Не на самом деле парила, не плавала, а типа лежала, раскинув ноги, и глядела на него вниз. Ну, вы же знаете Джорджа.

Она издавала мелодичные звуки, говорит Джордж, или, может, что-то еще издавало эти звуки, словно маленький синтезатор, которого одолела икота. А потом девушка исчезла.

Джордж говорит, около трех секунд все было спокойно — только он сам, его ТВ, его видеомагнитофон,— потом снова икота, икота, и вот уже она сидит на кушетке рядом с ним, в красном переливчатом комбинезоне и с умопомрачительно длинными ногами.

Думаете, он растерялся? Считаете поди, что, если девушка таким вот образом возникнет в вашей комнате, у вас язык должен присохнуть к гортани?

Но вы же знаете Джорджа.

— Может, немного джина и самую малость вермута?

Девушка удивленно вытаращила на него глаза, открыла рот и кивнула.

— Оливок у меня нет,— продолжал Джордж, вставая.— Зато есть такой классный зеленый лук... Тебе понравится.

Девушка снова кивнула и потерла что-то у себя на груди. Между прочим, очень симпатичной груди, говорит Джордж.

— Ты очень добр,— сказала она.— По правде говоря, я этого не ожидала. Ты очень, очень добр.

— Почему бы и нет? — сказал Джордж.

Смешивая у бара выпивку, он внимательно разглядел гостью. Она все еще таращилась на него — большие карие глаза и очень симпатичная грудь. Красный комбинезон на самом деле вовсе не был комбинезоном, заметил он. Да и цвета он был не красного, говорит Джордж, а что-то наподобие красного, если вы понимаете, что он имел в виду. Я — нет. Джордж говорит, все это напоминало розоватый туман, который подрагивал над выступающими частями ее соблазнительного тела. И в этом тумане через каждую пару дюймов неожиданно то возникали, то исчезали крошечные розовые шишечки. Никаких застежек он не заметил.

— Джордж Райс? — спросила девушка неуверенно. Голос у нее тоже приятный, глубокий, с придыханием — тот, что называют грудным.— Ты Джордж Райс?

— Точно. Ты нажала на правильную кнопку,— ответил Джордж.— Тебе нужен Джордж Райс, малышка, и вот он перед тобой, Джордж Райс, собственной персоной.

Он поставил поднос со стаканами на свой навороченный столик, или как там у него эта штука называется, рядом с кушеткой. Видеомагнитофон все это время прокручивал через ТВ «Касабланку», ну, он его выключил.

Девушка взяла свой стакан, сделала глоток, скорчила гримасу и кивнула. Хлебнула еще раз и снова кивнула.

— Я — Антуанетта Доннелли. Это... какой год? Тысяча девятьсот девяносто четвертый? Тысяча девятьсот девяносто пятый?

— Пока еще девяносто четвертый,— ответил Джордж. Теперь он разглядел ее как следует; бесспорно, девушка была хороша чертовски.— Ты путешествуешь во времени, я правильно понимаю?

— Первый раз. Самый первый.

— Ты, что ли, изобретатель путешествий во времени?

— Одна из них,— ответила девушка.

Она опустила стакан и некоторое время пристально разглядывала стекло, поворачивая то так, то эдак. Потом слегка вздрогнула, сделала долгий выдох и повернулась к Джорджу. Она сидела, твердо упираясь ногами в пол, не так, как обычная девушка сидела бы на кушетке, вся изогнувшись, ну, вы понимаете, о чем я.

— Нас пятеро,— объяснила она.— Я — самая молодая, самая здоровая, самая уравновешенная. И у меня есть очень веская

причина, чтобы отправиться в первую логически обоснованную область, которую мы себе наметили,— в это время и это место.

— Веская причина? — Джордж поболтал в стакане его содержимое, ну, вы знаете, как он это делает — с задумчивым, даже немного сердитым видом. Но, как бы он при этом ни выглядел, ощущение было такое, говорит он, словно в груди у него дыра и он дышит через нее.— Я, что ли?

Девушка подошла к венецианскому окну и поглядела вниз с высоты что-то около двадцати этажей. Похлопала по стеклу и даже царапнула его ногтем.

— Стекло?

— Оно самое,— ответил Джордж.— Стекло.— Он хотел отпить немного джина, но почувствовал, что не может глотать.— Эта причина — я? В смысле, я — эта причина?

Она вернулась к кушетке и уселась на нее. Обхватила руками колени, подтянула их к животу и принялась покачиваться туда и обратно — как самая обыкновенная девушка.

— Да, меня всегда разбирало любопытство — каким ты был в молодости? Что ты сейчас смотрел по телевизору? Выпуск новостей? Разве цветной телевизор еще не изобрели?

— Конечно, изобрели. Он и есть цветной. Никаких выпусков по ТВ я не смотрю. Это было кино... «Касабланка». Оно черно-белое, фильм тридцатых-сороковых годов. Мне не нравится новый, цветной вариант... Но почему я? Что я такого сделал... в смысле, сделаю в... ох, черт, как сказать-то — где там это твое время? Что такого особенного обо мне известно? Почему я? Да! Почему я?

Она укоризненно покачала головой.

— Не надо столько вопросов. Пожалуйста, будь хорошим. У меня мало времени до того, как спирилликс упадет. И кожедром пока еще очень слабый. Мне нужно многое увидеть и о многом расспросить, и я должна все время измерять хронаты в этой комнате. Так что будь хорошим. Пожалуйста, постарайся не быть эгоистом, сдержи свое любопытство.

Джордж поглядел на Антуанетту — на эту Антуанетту Доннелли. Что, черт возьми, она о себе воображает?

Однако, подумал он, однако... У нее такое восхитительное тело. И, по всей видимости, она располагает интересной информацией о нем. Лучше быть послушным. Потом, может быть...

— Постараюсь,— сказал Джордж, раскидывая руки в широком жесте, как бы подчеркивающем его искренность,— не быть эгоистом и сдерживать свое любопытство. Это будет трудно, но я постараюсь. А вообще-то вопросы мне позволено задавать? Типа — откуда ты? Из *далекого* будущего?

Она кивнула.

— Столетие. Почти. Нам казалось, столетия достаточно, чтобы избежать всяких сложностей... ну, ты понимаешь... и в то же время это выглядит как самое настоящее путешествие в прошлое.

— Выглядит в глазах кого?

— Ох, института, ясное дело. И других людей в этом роде. Но конечно, еще одной причиной был ты. Для меня, по крайней мере.

— Конечно.

Итак, они снова вернулись к Джорджу. Но разве он не обещал сдерживать свое любопытство? Вот дерьмо! Он с трудом сдержал желание послать ее куда подальше... измерять свои хронаты хотя бы.

И потом его словно ударило. Дерьмовое дерьмо! Она разыскивала именно его, никого другого. С ее точки зрения, в Джордже было что-то очень, очень особенное.

Быть таким знаменитым и не знать, по какой причине! Быть настолько знаменитым, что первая же путешественница во времени отправилась прямиком к нему, как только у нее возникла такая возможность! Значит, это что-то из ряда вон — уровня Моисея, Шекспира, Эйнштейна. А может, и еще более выдающееся.

Его автограф — что может быть ценнее? Открытка, которую он только что накорябал Лонни Сантанджело, отдыхающему в Швеции,— на каком-нибудь будущем Сотби за нее могли дать бешеные деньги. А сведения о том, где он собирался этим вечером пообедать, могли стать информацией, за которую через столетие его биограф снимет с себя последние штаны.

Если уж на то пошло, он и сам отдал бы последние штаны, чтобы понять. Оказывается, он способен сделать что-то такое, что и спустя столетие, уже после его смерти, будет вызывать интерес всего мира. Что это? Что?!! Он должен выяснить!

И Антуанетта Доннелли — ключ к этой загадке. Ему чертовски повезло.

Она, в конце концов, всего-навсего девушка, говорит Джордж. Ну, вы понимаете — заведи разговор о том, о другом, и, когда коснешься правильной темы, она не сможет не среагировать.

Так, с чего начать?

Он подошел к книжному шкафу и взял с верхней полки свою флейту, говоря как бы между прочим:

— Значит, ты из конца двадцать первого столетия. Должно быть, там очень здорово жить.

— Вовсе нет.— Она засмеялась.— Для нас наше время все равно что для вас — ваше. За исключением, разве что... Ну, лучше мне не вдаваться в подробности. Как бы то ни было, большая часть того, что важно для нас, зародилось еще в вашем периоде. Ну, знаешь... компьютерная сеть, выкуп контрольного пакета акций за счет кредита, перестройка генов и прочее в том же духе.

— О, конечно, конечно.— Он сдул пыль с флейты, поднес ее к губам и сыграл пару тактов из «Зеленых рукавов».— Ну, а как тебе это? — и стал наигрывать что-то ро́ковое.

Помните, ту, которую они с Лестером Питтштейном написали и пытались продать года четыре назад?

Играя, он время от времени поглядывал на нее. Собственно говоря, сейчас это было проще простого. Она встала с кушетки, подошла к книжному шкафу и стояла теперь рядом с Джорджем. Складывалось впечатление, что ее гораздо больше заинтересовали книги, чем его игра.

— Это недавняя? — спросила она, наугад вытянув с полки триллер и открыв его на странице с именем автора.— Он по-прежнему пишет только крутые детективы?

Джордж отложил флейту и налил себе снова. Ему уже стало ясно, что она не слишком привыкла к спиртному. Выпила всего-то ничего и вот уже разрумянилась. Поверьте, в таких делах Джордж разбирается.

— Я как-то тоже начинал писать триллер,— сказал он, все еще надеясь выгрести на правильную тему.— Хочешь посмотреть первую главу?

— Ну-у-у... А где у тебя... туалет?

Она закрыла за собой дверь. Джордж сел и всерьез задумался. Очевидно, это не музыка и не литература. Он знаменит в какой-то другой сфере. Но какой? Ну, возможностей хватало.

Деньги? Может, он стал одним из величайших мультимиллионеров всех времен? Может, стоит завести разговор об акциях и бонах?

Конечно! Только спокойно, спокойно.

«Эй, разве не странно, что акции предприятий общественного пользования сегодня пользуются таким спросом?»

Или:

«Как ты относишься к четырехлетним облигациям, детка?»

Чушь.

Нет, рассуждая логически, нужно искать то, с чем он действительно экспериментировал, в чем на самом деле был хорош.

Тем временем он подлил ей еще, побольше: Взял зеленый лук и достал из холодильника что подвернулось, ну, вы знаете,— тарелку острой салями, немного жгучих перчиков, в этом роде. И все расставил рядом с ее стаканом.

Снова включил «Касабланку» — а вдруг? чем черт не шутит? — и тут же выключил видео: это была сцена в аэропорту с Конрадом Фейдтом и Клодом Рейнсом, не говоря уже о Бергман и Боги. В этой сцене все построено на самоотречении, говорит Джордж. Настроение самоотречения — это тупик, так ему кажется.

Вернувшись, она увидела салями и сморщила губки.

— Я думала, вы против таких вещей. Здесь же полным-полно этого... как его... флогистона, да? — Она откусила кусочек.— Однако вкусно.

Джордж обрадовался, когда она запила колбасу хорошим глотком джина с вермутом.

— Флогистон? О чем это ты?

— Кларикол, флогистерол... что-то в этом роде. Ну, у вас еще распространен такой предрассудок, что если эта штука есть в еде, то рано умрешь.

— А, холестерин. Нет, меня это не волнует. По крайней мере, в моем возрасте. Попробуй перчики. Они тоже вкусные.

И пока она пробовала перцы, он продолжал зондаж на предмет того, какой из интересов сделал его знаменитым. Их было немало. Единственное, что, казалось бы, заинтересовало ее, это пара шуточных стихотворений, которые он написал для юмористического журнала еще в колледже. Однако очень быстро выяснилось, что дело вовсе не в стихах.

Ее внимание привлекла выполненная карандашом и чернилами карикатура на Джорджа, на странице со стихами. Антуанетта разглядывала ее, поворачивая то так, то эдак. И выглядела очарованной.

— Это не я рисовал,— пояснил Джордж.— Кто-то — не помню имени — случайно забрел в офис... По-твоему, хорошо сделано?

— Не особенно. Просто сходство очень заметно.

— Сходство? Ты имеешь в виду — между мной тогда и мной сейчас?

— Нет. Между тобой тогда и им потом. Им в твоем возрасте.

— Им? О ком ты?

— О твоем отце. В возрасте двадцати лет вы очень похожи.

— Ты видела фотографию моего отца?

— Конечно. А фотографии матери у тебя нет? Не может быть, чтобы ты не хранил фотографию матери.

Ее глаза засверкали; и это только отчасти объяснялось действием джина. Она как будто нормально отнеслась к джину,

но у Джорджа возникло отчетливое ощущение, что этот напиток для нее непривычен. Слишком быстро она пила, будто не зная, к каким последствиям это может привести. Ну, все к лучшему.

Он достал фотографию матери. Антуанетта Доннелли чуть ни вырвала ее у него из рук.

— Никогда не видела такой! — взвизгнула она.— Ох, как чудесно, как неожиданно!

Вот тогда-то, говорит Джордж, перед ним что-то забрезжило. При чем тут его родители? Ну, если человек очень знаменит, не может быть не написано множества его биографий; там есть и главы о родителях, их портреты. Ну, вы понимаете, всякий интересный материал о его, так сказать, истоках.

Она все еще мурлыкала над фотографией его матери. А ведь это было, говорит Джордж, самое обычное студийное фото. Он слушал ее охи и ахи, ну, как это обычно делают девушки, когда их что-то приводит в восторг. И потом, внезапно, она кое-что сказала. Он даже ушам своим не поверил.

— Подумать только, мой предок,— пролепетала она.— Мой собственный предок!

— Твой... что?

— Мой предок. Моя прапрабабушка.

Джордж говорит, что услышанное подействовало на него сильнее, чем джин — на нее. Говорит, он весь стал как ватный.

— Твой предок,— выдавил он из себя спустя какое-то время.— Значит, я...

— Мой прапрадед. Точно. Как поживаешь, прапрадедушка?

С торжественно-комичным выражением лица они обменялись рукопожатием. Джордж говорит, рука у него была как тряпочная.

— Именно поэтому тебе захотелось на меня посмотреть? — спросил он.

Этот вопрос, казалось, слегка вывел ее из душевного равновесия.

— Главным образом,— ответила она. Подумала секунду-другую и состроила гримасу.— Отчасти.

Естественно, Джордж принялся еще внимательнее разглядывать ее. Вроде бы присутствовало некоторое фамильное сходство, но, кто знает, может, ему это только кажется? С другой стороны, в семье не было рыжеволосых; по крайней мере, он никого не мог припомнить. А у Антуанетты Доннелли волосы были ярко-рыжие, пламенеющие, почти оранжевые. Ну, может, ему предстоит жениться на какой-нибудь рыженькой? Или его сыну. Или внуку.

А он ведь уже почти решил ее... ну, это самое. Свою собственную праправнучку! С ума сойти!

И потом у него мелькнула мысль — а почему, собственно, с ума сойти? Во-первых, кто узнает? Во-вторых, можно ли это считать кровосмешением? Она ему гораздо более дальняя родственница, чем, скажем, троюродная сестра. А никому не запрещается заниматься любовью с троюродной сестрой. Какая редчайшая возможность! Шанс заняться любовью не с ней — со следующим столетием; кому, скажите, когда-нибудь выпадала такая удача?

Он снова подлил ей и сам хлебнул немного — просто чтобы и дальше продолжать видеть все в правильном свете.

Опять же, ему необходимо выудить у нее кое-какую информацию. И он знал, что сможет. Если ему удастся раскрепостить ее настолько, чтобы затащить в постель, девять шансов из десяти, что она выложит ему все, что его интересует. Нигде язык не развязывается так хорошо, как в койке,— *после* того.

Ну, вы знаете Джорджа. Он в этом деле мастак.

— Хочешь взглянуть на фото, где оба они вместе?

— Ох, да!

— Это в спальне. Возьми с собой стакан.

И она послушалась, говорит Джордж!

Он достал свадебную фотографию родителей из ящика трюмо и, пока она кудахтала над ней, обхватил ее за талию, и потом она быстро допила остатки своего питья, а он быстро чмокнул ее в шею и заскользил губами вниз. Он говорит, ему даже не пришлось подталкивать ее к постели. Она в нее просто упала.

Большую проблему представлял собой этот комбинезон, который на ней был надет. Джордж говорит, когда он бился, чтобы снять его, ему вспомнилось, как еще подростком он впервые пытался стянуть с девочки лифчик, страстно целуя ее, но в то же время действуя обходительно, как настоящий светский человек. Красная ткань никак не желала слезать с Антуанетты, за что бы он ни тянул и куда бы ни засовывал пальцы. Не за что ухватиться, нечего подцепить!

Ей пришлось сделать это самой — как той первой девочке с тем первым лифчиком. Она просто приложила палец к одной из крошечных шишек или кнопочек, и — фьють! — вся одежда съежилась до маленького красного шарика у нее на правом плече.

Теперь ничто не мешало им заняться делом.

Хороша ли она была? Не очень, говорит Джордж. Но и не совсем плоха; просто не очень хороша. Он говорит, в двадцать первом столетии секс претерпел мало изменений по сравнению с нашими временами. Если вы преуспели в нем в одном столе-

тии, то преуспеете и во всех прочих, так он считает. Может, два самых больших отличия в том, сколько одежды нужно с себя снять и каким образом сделать так, чтобы не «залететь». Она выглядела девочкой разумной, и он решил, что может довериться ей в последнем вопросе.

А как все же насчет кровосмешения, спросил я его? Ну, он говорит, заниматься любовью со своей праправнучкой из двадцать первого столетия почти то же самое, что заниматься любовью с модельершей из соседнего подъезда.

Если он что говорит, так оно и есть. Ну, вы же его знаете.

Они трахнулись два-три раза, и после каждого она как будто становилась чуть-чуть пьянее. Когда все закончилось и они отлепились друг от друга, Джордж принялся разглядывать ее. В самом деле, прекрасное тело. И знаете что? Она все еще стискивала в руке фотографию его родителей. Собственно говоря, еще несколько секунд назад она вместе с ней каталась по простыне.

Он встал, забрал фотографию и убрал ее обратно в ящик.

Такая вот Антуанетта Доннелли.

Она все еще тяжело дышала.

— Просто фантастика,— сказала она.— Ты необыкновенный, мистер Джордж Райс.

— Спасибо,— ответил он с самодовольной ухмылкой.— Мой отец благодарит тебя. Моя мать благодарит тебя. И я благодарю тебя.— Он взял стакан с ночного столика и протянул ей.

Пусть и дальше раскрепощается.

Она отпила немного — знаете, секс и у меня всегда вызывает жажду,— подняла руку и взглянула на пульсирующее черное пятнышко на внутренней стороне запястья.

— Ох, уже поздно,— сказала она.

Джордж решил, что теперь самое время сделать ход; сейчас или никогда.

— Ты ведь не уйдешь, хотя бы не намекнув мне? — прошептал он... ну, вы знаете, как Джордж это умеет.— Всего лишь намек, а?

Она пробормотала что-то в шарик на своем правом плече. И снова — фьють! — красный комбинезон вскипел и обхватил ее тело, ну, типа того.

Чувствовалось, что соображает она с трудом.

— Ты очень, очень хорош,— усмехнулась она.— Даже знаешь, как спросить о том, о чем не имеешь права спрашивать.

— Не имею права? Да ладно тебе.— Он наклонился и поцеловал ее.— Я заслужил это право. Право прапрадеда.

Она засмеялась.

— Замечательный у меня прапрадед!

Они вместе вернулись в гостиную. Чувства переполняли его. Было совершенно очевидно, что она не может отказать ему, не может скрыть правду. Наверно, у него был чуть-чуть самодовольный вид. Ну, вы же знаете Джорджа.

— Давай выкладывай! Почему ты так стремилась увидеть меня? Что во мне такого особенного?

— Ну, начать с того, кто такие — в смысле, кем были — твои родители. С их достижений.

— Мои родители? О чем ты? С ними, конечно, все было в порядке, жизнь свою они прожили как надо, но ничего выдающегося не сделали. Какие такие достижения?

— Ну, взять хотя бы критическую монографию твоей матери о традиционном романе. Прекрасная вещь.

— Ты имеешь в виду мамину книгу? Ох, нет! Она и опубликовать-то решила ее лишь под давлением прессы. Заплатила четыре тысячи долларов, но книга вышла только через год после ее смерти.

Антуанетта пожала плечами.

— Да? А у нас она по-прежнему в дефиците. Самое конструктивное исследование традиционного романа двадцатого столетия. Все остальные лишь подражают ей.

— Господи! А па? Бедный, старый, придурковатый па? Только не надо о его коллекциях спичечных коробков или банок из-под пива... Эй, только не это!

Девушка прикоснулась к паре шишек на своем костюме. Послышалось что-то вроде звона колокольчиков.

— Ну,— сказала она,— если ты имеешь в виду семь его знаменитых коллекций — те, которые он оставил филиалу местной публичной библиотеки,— если ты их имеешь в виду, то это как раз то, о чем я и хотела тебе сказать.

— Знаменитых. Ты сказала — знаменитых! Эти паршивые коллекции? К нам и в подвал-то не зайдешь, потому что все там завалено этим хламом.

— Да, я сказала «знаменитых». Конечно, это в той же степени относится к сопроводительной монографии, что и к самой коллекции. Почти во всех университетах читают двухгодичный курс, основанный на этой монографии: «Популярная культура и ее индустриальная основа». Точнее, только половина курса основана на монографии твоего отца, вторая половина касается теории музыки, которую впоследствии разработает один из твоих детей.

— Что еще за один из моих детей? Сколько у меня будет детей? Кем они...

— Нет. Я не могу входить в такого рода детали будущих событий. Ты ведь понимаешь почему? — Она с силой потерла красноватую шишку, и позвякивание приобрело отчетливо различимый ритм. Очень похожий на икоту.— Мне и самой хотелось бы рассказать тебе побольше. В особенности о моей бабушке, одной из твоих внучек. Именно ее исследования скорости света, прежде считавшейся постоянной, легли в основу всей моей работы в области путешествий во времени. Хотя теория ее кузена, я бы сказала, тоже очень...

— Кузен! Еще один из моих потомков? Только послушай, что ты говоришь! Получается, что, начиная с моих родителей, у нас просто черт знает какая семейка!

— О да, вот такая семья. Генетический восторг, евгеническая фантазия. Семья, которую изучали с той же тщательностью, что и семью Баха в Германии.

Теперь она играла пальчиками по всем своим розовым шишкам. Туда и обратно, вверх и вниз. Мелодия звучала все громче.

Но Джордж не обращал на это никакого внимания. Он весь трепетал, почувствовав, что вот-вот доберется до истины.

— И изо всей этой знаменитой семьи ты выбрала только меня. Меня ты захотела увидеть. Одного меня!

Полностью сосредоточившись на своих шишках-кнопочках, при этих словах она подняла взгляд, немного раздраженно.

— Конечно, именно тебя я хотела увидеть. Ты самый интересный среди всех остальных.

Джордж схватил ее за плечи и хорошенько встряхнул.

— *Почему?* Ты должна сказать мне *почему*. Что такого я сделал? Что *сделаю?*

— Пожалуйста.— Она с силой оттолкнула его. Джордж говорит, она оказалась совсем не слабой для женщины своих габаритов.— Пожалуйста! Ты расплавишь спирилликс. Он и так быстро снижается.

Джордж, однако, был непреклонен.

— Давай. Не увиливай. Скажи мне почему. В чем моя особенность?

Он говорит, голос у него внезапно охрип. Практически он кричал шепотом.

Она оторвалась от своих кнопок и поглядела на него.

— Не понимаешь? Нет, не может быть! Уверена, ты знаешь!

— Что знаю? Что особенного во мне? *Что?*

— Из всей семьи, если взять несколько поколений, ты единственный, кто не добился ничего, абсолютно ничего. И, как только мне представилась такая возможность, я просто должна была выяснить почему.

— Ничего? Совсем ничего? — Джордж говорит, во рту у него возник привкус перца.

— Совершенно ничего. Я всю жизнь ломала голову над этим вопросом. И не я одна. Сколько статей! Гипотез! А я знала ответ уже через две минуты после того, как появилась здесь. Это же очевидно.

— Очевидно? — Джордж говорит, что он уже каркал.

— Да. Ты просто слишком хорошо умеешь добиваться своего.— Она махнула рукой в сторону спальни.— То, как тебе удалось заманить меня туда. И то... Ни для чего другого не остается места, понимаешь?

Теперь музыка звучала очень громко и быстро. И вдруг девушка исчезла. Джордж говорит — точно пузырь лопнул, хотя на самом деле никакого пузыря не было.

Вот и все. Я имею в виду, это все, парни.

Согласитесь, очень странная история. Не каждый может рассказать о себе такое.

Но Джордж говорит, Антуанетта Доннелли кое в чем не права. Он говорит, запись чертовски хорошо показывает, что *кое в чем* он все же на высоте. Говоря это, он усмехается, точно кот.

Ну, вы же знаете Джорджа.

Балдежный критерий

Помните девиз древней английской юриспруденции: «Пусть падут небеса, но да свершится правосудие»? А теперь пораскиньте мозгами — свершилось ли правосудие в данном случае.

Огласим список действующих лиц (*исполнителем* оказался лишь один из них, но об этом позже). Во-первых, разумный антропоид с планеты Сол III, то есть человек. Во-вторых, столь же разумное ракообразное существо с Проциона VII, иначе говоря — мыслящий омар. И наконец, компьютер «Малкольм Мовис» серии омикрон бета, достаточно разумный, чтобы прокладывать курс от звезды к звезде, и ничуть не уступающий существам биологическим во всех известных интеллектуальных играх, от бриджа и шахмат до двойного зоньяка.

Добавим для полноты картины кораблекрушение. Латаный-перелатаный каскассианский грузовик разваливается на куски, разваливается в самом буквальном смысле, и не где-нибудь рядом с портом, а прямо в глубоком космосе. Один из двигателей взрывается, корпус трещит по швам, те немногие, кто уцелел при взрыве, едва успевают пересесть на спасательные шлюпки.

В одной из таких шлюпок и оказываются наши герои Хуан Кидд со своим другом омаром Тьюзузимом. Ну и, конечно же, компьютер «Малкольм Мовис», штатный пилот, штурман и смотритель этой самой шлюпки.

Кидд и Тьюзузим знали друг друга года уже два с лишним. Программисты примерно одного уровня, они вместе работали — и вместе попали под сокращение. Прослышав, что в секторе IV-42B5 есть много подходящих вакансий, они решили добраться туда самым дешевым из доступных им способов: на ветхой каскассианской посудине.

Роковое несчастье застало их в кают-компании, за очередной партией двойного зоньяка. Помогая по возможности друг другу,

они добрались до ближайшей шлюпки, торопливо отчалили, включили компьютерного пилота и приказали ему перейти в режим дальней связи. Прочесав все ближайшие — и не только ближайшие — окрестности, компьютер сообщил им, что на скорую помощь надеяться не стоит. Ну а «нескорая», это когда? Недели через две, это в самом удачном случае, а скорее — через три.

Ну и что бы, казалось, такого? На шлюпке было достаточно топлива, воздуха и воды. Но вот что касаемо еды...

Этот грузовик был каскассианским, помните? Ну а каскассианцы, как вам известно, народец кремнийорганический. Можете не сомневаться, они запасли для углеродных пассажиров более чем достаточно углеродной пищи, но — только на корабельном камбузе, до спасательных шлюпок у них как-то руки не дошли. А теперь двоим вышеупомянутым углеродным пассажирам предстояло провести на такой шлюпке две, а то и три недели. И им было нечего есть — кроме чего-то такого вроде песка или гальки.

Или друг друга, о чем они подумали почти сразу и почти одновременно.

Люди, на своей планете, почитают меньших по размеру и не столь разумных ракообразных — омаров, раков и крабов — за изысканные деликатесы. Ну а на Проционе VII, дословно цитируя Тьюзузима, «мы считаем появление на столе (какие, интересно, у них столы?) сочного миниатюрного антропоида, известного как пятнистый дуррик, знаком сердечнейшего гостеприимства».

Короче говоря, каждый из этих двоих мог без особых содроганий съесть другого. И остаться в живых. Хотя на шлюпке и не было нормальной пищи, кухонные принадлежности там имелись, холодильник — тоже. При разумном рационировании, мяса любого из наших программистов хватило бы второму, чтобы продержаться до прихода спасателей.

Вот только кто кого будет есть? Вернее, как *решить*, кто кого будет есть?

Физическим единоборством? Такая идея даже не обсуждалась. Скорее всего потому, что при всех интеллектуальных достоинствах наших героев ни один из них не мог похвастаться особо крепким телосложением.

Кидд был сутулый, анемичный, да к тому же еще и кошмарно близорукий. Мелковатый по меркам своего племени Тьюзузим плохо слышал и почти не владел своей левой, иссохшей и нелепо вывернутой клешней (родовая травма). Мало удивительного, что оба они в жизни не занимались никаким спортом, а спортом воинственным — и тем более.

Что ощутили наши путешественники, выяснив, что еды нет и не предвидится в ближайшее время? Правильно, зверский голод. Зловещая тень голодной смерти заставила их тут же забыть о всяких глупостях вроде дружбы и человечности (для омаров это, наверное, «омарность», но точно я не знаю).

Отметим, ради объективности, что предложение разрешить ситуацию посредством какой-нибудь игры, поручив судейство и безболезненное умерщвление проигравшего компьютеру, исходило от омара, Тьюзузима. Той же объективности для, отметим, что именно человек, Хуан Кидд, предложил сыграть в «балду».

И не потому, что это давало ему какие-то там преимущества, просто оба они любили «балду» и играли в нее всякий раз, когда не было под рукой набора для *самой* любимой их игры — двойного зоньяка. Торопясь к аварийному шлюзу, Кидд и Тьюзузим не имели времени собрать со стола кости и фишки, так что теперь словесная игра казалась им самым логичным вариантом (подкидывание монетки высоколобые программисты дружно отвергли, как глупое и примитивное).

А раз уж компьютер будет и третейским судьей, и эталонным словарем, почему бы не сделать его заодно и третьим участником игры? Ведь так будет даже интереснее, появится некий неконтролируемый фактор типа случайного перетасовывания карт. А его возможный (хоть и маловероятный) проигрыш просто не будет учитываться — кто же станет есть эту железяку?

Правила были самые обычные: десять минут на обдумывание хода, трехбуквенные слова не учитываются, имена собственные не используются, начинают все по очереди, раунды разыгрываются попеременно то по часовой стрелке, то против (что должно было поставить двоих главных игроков в совершенно равное положение).

Послав еще раз сигнал SOS, Кидд и Тьюзузим принялись программировать компьютер на игру (и мгновенное умерщвление проигравшего). По счастью, в его необъятных базах данных обнаружилась масса старых словарей. Оба наши программиста отличались некоторым консерватизмом и, как правило, ограничивали массив используемых слов теми, которые появились не позднее XX века, так было сделано и на этот раз.

Организовать надежный, удобный и безболезненный способ умерщвления было чуть посложнее. В конце концов сошлись на электрических стульях. Необходимую для умерщвления мощность подвели от Хаметцевского двигателя шлюпки. Управляемые компьютером захваты намертво прикрепляли соревнующихся к сиденьям на все время игры. В критический момент, когда один из них должен будет поставить в слове «ба́лда» последнее, роковое «а», компьютер пошлет в его мозг мощный электрический разряд, а победителя — освободит.

— Ну как, ничего не забыли? — спросил Тьюзузим, когда с приготовлениями было покончено.— Все путем?

— Да вроде порядок,— откликнулся Кидд.— Все по-честному, можно и начать.

Они разошлись по местам: Кидд — к нормальному креслу, Тьюзузим — к привычному для его племени вогнутому лотку. Компьютер активировал электронные захваты. Друзья посмотрели друг на друга и тихо, грустно так попрощались.

Все дальнейшее известно нам в мельчайших подробностях от самого компьютера. Дело в том, что каждый «Малкольм Мовис» омикрон бета комплектуется при поставке на свободный рынок весьма продвинутой этической программой Аль-Труикс 4.0. Теперь эта программа приступила к регистрации разворачивающихся событий — для нужд грядущего судебного разбирательства.

Первое «б» записал себе омар. Он не смог продолжить, когда Хуан Кидд приписал к *т-у-п* букву «е» и потребовал назвать слово.

— *Тупей*,— сказал Кидд,— разновидность прически, от французского *toupet* — пучок волос, чуб.

Обиженные вопли Тьюзузима, что «тупей» — это какая-то дикая архаика, не возымели никакого действия — компьютер напомнил ему, что в уговоренных правилах не было ограничений на использование архаичной лексики*.

А минут через десять Кидд и вправду попался, да так, что глупее некуда. Когда было уже составлено *н-а-с-т-р-о-й*, у него была возможность написать «к», но слово «настройка» кончалось на «Малкольме мовисе», а распаленный первой победой Кидд жаждал крови (вернее сказать — мяса) Тьюзузима, а потому написал «щ», забыв при этом тривиальнейший из приемов «балды» — перевод слова в женский род. Компьютер высветил на экране ожидаемое «и», Тьюзузим мгновенно написал «ц», и дело было кончено.

Они шли к финишу с попеременным успехом, никогда не обгоняя друг друга больше, чем на одну букву, и в тот момент, когда у Кидда было уже «балд» против «бал» у Тьюзузима, ситуация предельно обострилась, особенно после того, как Кидд

* Следует знать, что английский аналог русской «балды», имеющий название «ghost» (дух, призрак), играется обычно проще, новые буквы приписываются только справа.

от волнения обсчитался и сам загнал себя в безнадежное положение, поставив после *д-и-р-и-ж* букву «а»...

— *Дирижаблоид*? — возмутился Тьюзузим.— Да ты это просто выдумал. Нет такого слова, не было и нет. Ты просто увиливаешь, не хочешь кончать на мягком знаке.

— Как это нет? — не сдавался Кидд.— Конечно же есть, это значит объект, «похожий на дирижабль, той же формы, что и дирижабль». Это слово может законно использоваться, а возможно, и действительно использовалось в каких-нибудь технических текстах.

— Но в словарях-то его нет, и это — главное. Компьютер, есть в твоих базах такое слово?

— В явном виде его нет,— отрапортовал «Малкольм Мовис»,— однако слово «дирижаблоид» происходит от латинского *dirigere*, направлять. Оно обозначает управляемый воздухоплавательный аппарат. Суффикс *-oid* может употребляться со множеством слов классического происхождения. Ну, например, коллоид, антропоид, астероид...

— Да ты сам-то понимаешь, чего говоришь? — взорвался Тьюзузим.— Во всех этих случаях суффикс *-oid*, происходящий от греческого *-oeides*, «имеющий форму», прибавляется к греческим словам, а никак не к латинским. *«Астер»* по-гречески «звезда», вот и получается «астероид», «похожий на звезду». Точно так же «колла» — греческое «клей», а «антропос» — человек. Нельзя употреблять греческий суффикс с негреческими словами, это полная безграмотность.

— Все это так,— Кидд был готов поклясться, что на этом месте компьютер улыбнулся,— но можно привести и контрпример. Слово «овоид», яйцевидное тело, происходит от латинского «овум», яйцо, не имеющего созвучных аналогов в греческом языке. Поэтому мы должны заключить, что суффикс *-oid* может употребляться с корнями обоих классических языков. Слово «дирижаблоид» признано законным.

— Я протестую против твоего решения! — Тьюзузим яростно взмахнул здоровой клешней.— Все это какой-то мухлёж! Я начинаю даже подозревать тебя в проантропоидных и антиомарных предубеждениях.

— Для полноты вашей информации я должен заметить,— (и снова эта тень электронной улыбки),— что группу конструкторов, разрабатывавшую компьютеры «Малкольм Мовис», возглавлял доктор Ходгодя Ходгодя, весьма известный омар-электроник. Так что судите сами, стал бы он закладывать в свое детище проантропоидные либо антиомарные предубеждения? Протест выслушан и отклонен, слово «дирижаблоид» признано законным. Следующий раунд начинает Хуан Кидд.

Так как у обоих друзей (нет, вернее будет — *противников*) было теперь по «балд», следующий раунд превращался по сути в дуэль. Малейшая ошибка — и все.

Уидд и Тьюзузим посмотрели друг на друга. Через несколько минут один из них умрет. Затем Кидд опустил глаза и вывел на листе бумаги букву «б» — самую, как показывала практика, эффективную для заходящего при игре втроем.

Компьютер высветил «у», а Тьюзузим приписал — с излишней, пожалуй, поспешностью — «г». Он явно клонил к слову «бугор», кончавшемуся на «Малкольме Мовисе», то есть не видел надежного пути к победе и хотел сделать этот раунд нулевым, не в счет.

Однако у Кидда были другие, более агрессивные намерения. Он написал «е», компьютер не стал, естественно, высвечивать «н» (с однозначной «бугенвиллией», которая на нем же, компьютере, и кончалась), а выбрал единственную возможную букву — «л».

Тьюзузим не умел ни потеть, ни краснеть, так что единственным признаком его волнения было легкое поскрипывание суставчатой шеи. Он думал долго — почти до конца десятой, предельной минуты. А затем написал букву. Но не «ь».

Он написал «о».

— *Б-у-г-е-л-о?*— поразился Кидд, смутно догадываясь, к чему клонит его омарообразный коллега.— Хорошо. Называй слово.

Тьюзузим молчал несколько нестерпимо долгих минут, а затем взмахнул перед лицом Кидда увечной клешней и сказал:

— Мое слово — *бугелоид.*

— Нет такого слова! Да и вообще — что бы оно могло значить?

— Что оно значит? Оно значит объект, «похожий на бугель, той же формы, что и бугель». Это слово может использоваться, а возможно, и действительно использовалось в технических текстах.

— Судья! — заорал Кидд.— Давайте разберемся. У тебя в словарях есть такое слово? Это же чушь соба...

— Послушай, компьютер,— прервал его Тьюзузим.— Это слово должно быть признано законным вне зависимости, есть оно в словарях или нет. Если есть «дирижаблоид», значит, есть и «бугелоид». Если слово «бугелоид» законно и Кидд не смог его продолжить, он проиграл этот раунд, а вместе с ним и всю игру. Если «бугелоид» незаконен, значит, незаконен и «дирижаблоид», а тогда Кидд проиграл предыдущий раунд, и игра давно уже закончена — в мою пользу.

Теперь надолго — на целые пять минут — задумался «Малкольм Мовис». Согласно его позднейшему свидетельству, в

этом не было никакой необходимости, на принятие решения ушло не более микросекунды.

— Эта задержка,— объяснил он суду,— потребовалась исключительно для выполнения любопытного принципа, согласно которому правосудие должно свершиться не только по существу, но и *по всей видимости*. Чтобы создать в данном случае видимость справедливо принятого решения, требовалась видимость долгого всестороннего обдумывания.

Пять минут — а затем «Малкольм Мовис» вынес свой вердикт.

— Аналогию между словами «дирижаблоид» и «бугелоид» никак нельзя признать законной. Слово «дирижабль» происходит от одного из так называемых классических языков, а потому вполне может присоединять к себе греческий суффикс *-oid*. С другой стороны, слово «бугель», то есть «дуга», «скоба», принадлежит одному из языков германской языковой группы — немецкому. Поэтому элементарная грамотность не позволяет использовать с ним суффикс *-oid* — нельзя смешивать варварский язык древних германцев с классическим греческим,— сказал «Малкольм Мовис» и смолк.

На этот раз пауза продолжалась не так долго — не больше десяти ударов пульса (человеческого). Игроки не спускали с компьютера глаз, губы Кидда беззвучно шевелились, усики ракообразного протестующе вибрировали.

— Тьюзузим набрал последнее «а» в слове «балда»,— подытожил «Малкольм Мовис».— То есть — проиграл.

— Я протестую,— заорал омар.— Это несправедливо! Если нет «бугелоида», нет и «дирижаб...»

— Протест выслушан и отклонен.

Тело Тьюзузима вздрогнуло и застыло.

— Мистер Кидд,— учтиво поинтересовался компьютер,— вам сварить или поджарить?

Следствие, проведенное на планете Карпис VIII сектора IV-42B5, не заняло много времени. Собственно говоря, оно свелось к изучению сделанных «Малкольмом Мовисом» записей, а у Кидда только спросили, не желает ли он что-нибудь добавить (он не желал).

Однако выводы следствия поразили буквально всех, и в первую голову — Кидда. Ему было предъявлено обвинение. Какое? Каннибализм в глубоком космосе при отягчающих обстоятельствах.

Как вы понимаете, наше, современное определение межвидового каннибализма основывается именно на этом прецеденте.

Понятие «каннибализм» отнюдь не должно истолковываться как поедание особей одного с поедающим биологического вида. В условиях широкого распространения дальних космических путешествий в сферу его применения следует включить все инциденты, когда один высокоразумный индивид убивает и употребляет в пищу любого другого высокоразумного индивида. Разумность с трудом поддается точному определению, однако в данном случае и впредь она будет однозначно связываться со способностью играть в террестиальную игру «балда». Само собой, разумность не сводится исключительно к этой способности, однако, если некий индивид, вне зависимости от его биологической природы, обладает вышеуказанной способностью, умерщвление, употребление в пищу и усвоение подобного индивида всегда должно расцениваться как акт каннибализма и, как таковое, должно повлечь за собой наказание в соответствии с законами о каннибализме, действующими на момент совершения преступления в месте проведения суда.

Галактика против Кидда. Карпис VIII, C17603.

Следует отметить, что на тот момент Карпис-восьмой только-только начинал осваиваться, а потому отличался первобытной простотой нравов. Грубые, ко всему привычные первопроходцы относились к насилию и даже убийству с куда большей снисходительностью, чем их высокоцивилизованные собратья. В результате Хуан Кидд отделался не слишком разорительным штрафом, каковой он смог уплатить уже после двух месяцев работы программистом в одной из местных фирм.

Судьба «Малкольма Мовиса» сложилась куда печальнее.

Во-первых, его признали пособником преступления и ключевым соучастником. С компьютером обошлись как со вполне разумным, вменяемым индивидом, поскольку он продемонстрировал неоспоримую способность играть в «балду». Возражения «Малкольма Мовиса», что электронный прибор, каковым он, собственно, и является, не может быть участником судебного разбирательства — процедуры, предназначенной исключительно для живых существ, было отвергнуто на том основании, что кремнийорганические каскассианцы, построившие злополучный грузовик со всеми его спасательными шлюпками, подпадают под свежепринятое определение каннибализма. Суд решил, что раз уж кремнийорганический разум признан биологическим, нет никаких оснований отказывать в биологичности разуму кремнийэлектронному.

Хуже того, суд решил, что компьютер солгал в критически важной ситуации — или, во всяком случае, утаил жизненно

важную информацию, сказал не всю правду. Что сделал он, когда Тьюзузим обвинил его в проантропоидных, антиомарных предубеждениях? Указал на то, что компьютеры «Малкольм Мовис» омикрон бета сконструированы омаром, исподволь намекая, что это полностью снимает возможность антиомарных предубеждений. Однако *полная* правда заключалась в том, что упомянутый конструктор, доктор Ходгодя, давно уже покинул родную планету из-за того, что люто ненавидел свой биологический вид, и даже выразил эту ненависть в серии едких памфлетов и одной довольно длинной сатирической поэме. Иначе говоря, упомянутая антиомарная предубежденность *была* заложена в компьютер, и тот прекрасно это знал.

На что компьютер заявил, что он же, в конце концов, всего лишь компьютер. И, как таковой, обязан отвечать на вопросы прямо и по сути, безо всяких обиняков. Он не обязан рассказывать то, о чем его не спросили.

— Только не в данном случае,— возразил суд.— «Малкольм Мовис» участвовал в расследуемых событиях не как простая отвечающая машина, но как эксперт и третейский судья. Он был обязан относиться к своим доверителям с абсолютной честностью и предоставлять им всю имевшуюся у него информацию. Возможность антиомарных предубеждений должна была быть признана и подвергнута откровенному обсуждению.

— Так ведь и Кидд, и Тьюзузим — первоклассные программисты,— не сдавался Малкольм Мовис.— Само собой разумелось, что им прекрасно известна история создания одного из самых распространенных компьютеров. При общении со столь осведомленными людьми нет никакой необходимости ставить все точки над «i».

— Программисты? — фыркнул один из судей.— Да что они понимают в модерновом «железе»?

Отчаявшийся компьютер напомнил суду, что Тьюзузим по сути полтора раза проиграл второй раунд, закончив сперва слово «наст», а затем и несколько спорный «настрой», и что он, компьютер, мог сразу же указать на это и присудить зазевавшемуся Кидду вторую кряду победу — мог, но не стал, что лишний раз доказывает его беспристрастие. Этот довод не был принят во внимание.

В конечном итоге компьютера признали соучастником преступного каннибализма и наложили на него штраф — куда меньший, чем на главного обвиняемого, Кидда. Все бы и ничего, но у «Малкольма Мовиса» не было ни денег, ни способа их заработать.

Это поставило его в крайне неприятное положение. На расхлюстанной планетке типа Карписа-восьмого судьи могут простить бандита, убийцу, даже каннибала, но никак не неисправного должника. Суд постановил, что, если даже компьютер не может уплатить штраф, он не должен избежать заслуженного наказания. «Да свершится правосудие!»

Было принято решение навечно подключить «Малкольма Мовиса» омикрон бета к кассовой стойке одного из местных супермаркетов. Компьютер подал прошение заменить это наказание (фактически — пожизненную каторгу) на смертную казнь посредством разборки с последующей передачей деталей в металлолом. Прошение было отклонено.

Ну так как, свершилось в данном случае правосудие?

Содержание

Я, снова я и еще раз я *(Перевод А. Нефедова)* 5
Александр-наживка *(Перевод А. Нефедова)* 19
Игра для детей *(Перевод В. Кана)* 35
Посыльный *(Перевод А. Корженевского)* 64
Хозяйка Сэри *(Перевод Г. Палагуты)* 79
Флирглефлип *(Перевод А. Нефедова)* 90
Консульство *(Перевод А. Нефедова)* 114
Поколение Ноя *(Перевод А. Смирнова)* 139
Нулевой потенциал *(Перевод А. Иорданского)* 151
Бруклинский проект *(Перевод Р. Облонской)* 163
Венера и семь полов *(Перевод А. Смирнова)* 173
Дом, исполненный сознания своего долга *(Перевод Б. Жужунавы)* 220
Снаряд-неудачник *(Перевод П. Ехилевской)* 239
Неприятности с грузом *(Перевод С. Трофимова)* 260
Чисто человеческая точка зрения *(Перевод С. Анисимова)* 279
Шутник *(Перевод Ю. Эстрина)* 284
Ионийский цикл *(Перевод П. Ехилевской)* 301
Вопрос частоты *(Перевод П. Ехилевской)* 329
Загадка Приипири *(Перевод П. Ехилевской)* 338
Безумие Хэллока *(Перевод П. Ехилевской)* 352
Вирус Рикардо *(Перевод П. Ехилевской)* 377
Последний полет *(Перевод Л. Шабада)* 393
Ирвинга Боммера любят все *(Перевод А. Нефедова)* 426
Освобождение Земли *(Перевод В. Ковалевского)* 443
«Не могли бы вы чуточку поторопиться?» *(Перевод Б. Жужунавы)* . . 462
Мост Бетельгейзе *(Перевод В. Ватика)* 474
Венера, мужская обитель *(Перевод В. Ватика)* 495
Хранитель *(Перевод И. Зивьевой)* 518
Огненная вода *(Перевод С. Анисимова)* 538
Дезертир *(Перевод М. Ланиной)* 595
Дитя Среды *(Перевод С. Анисимова)* 609
Проект «Тсс» *(Перевод С. Анисимова)* 629
Арендаторы *(Перевод В. Серебрякова)* 636
Две половинки одного целого *(Перевод Р. Рыбаковой)* 650
Разгневанные мертвецы *(Перевод А. Нефедова)* 670
Проблема слуг *(Перевод С. Анисимова)* 694
Плоскоглазое чудовище *(Перевод С. Анисимова)* 722
Открытие Морниела Метауэя *(Перевод С. Гансовского)* 752
Семейный человек *(Перевод Г. Малиновой)* 768
Болезнь *(Перевод Норы Галь)* 782
Она гуляет только по ночам *(Перевод В. Серебрякова)* 808
Срок авансом *(Перевод И. Гуровой)* 814
Он умрет со щелчком *(Перевод Б. Жужунавы)* 842
Лиссабон в кубе *(Перевод А. Кона)* 857
Убежища! *(Перевод Б. Жужунавы)* 890
Уинтроп был упрям *(Перевод А. Кона)* 905
Темная звезда *(Перевод А. Смирнова)* 946
Курс на восток! *(Перевод В. Ковалевского)* 961
Шоколадно-Молочное Чудище *(Перевод Б. Жужунавы)* 978
Берни по прозвищу Фауст *(Перевод А. Чапковского, С. Левицкого)* 997
Маскулинистский переворот *(Перевод М. Ланиной)* 1018
А моя мама — ведьма! *(Перевод В. Ватика)* 1047
Лимонно-зеленый громкий как спагетти моросящий динамитом день *(Перевод А. Александровой)* 1055
Таки у нас на Венере есть рабби! *(Перевод В. Баканова)* 1066
Жили люди на Бикини, жили люди на Атту *(Перевод Б. Жужунавы)* 1084
Девушка с сомнительным прошлым. И Джордж *(Перевод Б. Жужунавы)* 1096
Балдежный критерий *(Перевод М. Пчелинцева)* 1108

Уильям

ТЕНН

W. Tenn

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ